

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HL 1PUZ H

A7
Maksimov, S. V.
Sibir i Katonga. Ch 1-3 Ijd 3

HARVARD LAW LIBRARY

Received **JUN 1** 1928

СИБИРЬ
И
КАТОРГА.

С. В. Максимова.

Sergei Vasil'evich Maksimov

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

PRINTED IN RUSSIA

О. Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1900.

JUN 1 1928

Паровая типографія (Барона Криденера). Лиговская, 57.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НЕСЧАСТНЫЕ.

Въ дорогѣ, на каторгѣ, въ бѣгахъ, на пропитаніи и на поселеніи. Тюремныя пѣсни. Тюремный языкъ.

ГЛАВА I. ВЪ ДОРОГѢ.

Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до каторги: дорожныя и тюремныя злоключенія.—Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старыя неурядицы.—Окровавленные колодники.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе полубубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренныя и сердитыя.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапныя кабаки.—Этапныя зданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Приваль.—Майданчики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крѣпы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритье головъ и случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенства этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу.

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте насъ невольниковъ,
Заключенныхъ,—Христа-ради!
Прочитайте-ка, наши батюшки,
Прочитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!
Сожалѣйтесь, наши батюшки,
Сожалѣйтесь, наши матушки,
Заключенныхъ, Христа-ради!
Мы сидимъ во неволюшкѣ—
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками за желѣзными,
За дверями за дубовыми,
За замками за висячими.
Распростались мы съ отцомъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—племennemъ.

Пѣсня «Милосердная».

Вотъ въ какую простую форму сложились и какую нехитрою пѣсней сказалась просьба проходящихъ по сибирскимъ этапамъ арестантовъ,— просьба, обращаема обыкновенно къ сердоболію обитателей спонутнаго селенія. Немного въ этой пѣснѣ словъ, не особенно богата она содержаніемъ, но слова ея не мимо идутъ, а содержаніе и складъ ея, а особенно напѣвъ, трогаютъ не одни только мягкія, настроенныя на благотвореніе сердца.

Я слышалъ эту пѣсню одинъ разъ въ жизни, но никогда не забуду того впечатлѣнія, какое оставила эта пѣсня въ моей, на тотъ разъ сильно утомленной памяти, въ моемъ усталомъ воображеніи, притупленномъ разнообразіемъ картинъ и пораженномъ неприметностью и несовершенствомъ картинъ этихъ.

Не помню дня, числа и часа; помню свѣтлый апрѣльскій день, весенняя теплота котораго обязала меня открыть окно и смотрѣть на дешевыя, не богатая содержаніемъ подробности дѣловой и однообразной жизни сибирской деревни. Созерцаніе такихъ картинъ далеко не ведетъ: отъ нихъ скоро отрываешься и скоро забываешь о нихъ, ради воспоминаній прошлаго, всегда готовыхъ къ услугамъ, всегда живыхъ и свѣжихъ, и чаще всего о родинѣ, которая тогда была для меня и далекою и удаленною.

Такъ было со мною и на этотъ разъ въ одной изъ самыхъ дальнихъ деревень Забайкальскаго края, у окна одного изъ ея утихъ и старыхъ домовъ, одного въ которомъ засадила меня весенняя распутица и бездорожница.

Я сидѣлъ и слушалъ; и слышалъ на тотъ разъ отдаленные звуки какого-то неопредѣленно-тоскливаго напѣва и строя. Звуки эти унесли воображеніе мое на Волгу, гдѣ, ломая путину и разламывая натруженную и набогѣвшую грудь жесткою лямкою, бурлакъ тянетъ свою унылую пѣсню, подлаживая къ ней свой шагъ, приурочивая свои разбитыя ноги. Сходство напѣва сибирской пѣсни съ волжскою бурлацкою на первыхъ порахъ казалось мнѣ паразитическимъ. Но пѣсенные звуки становятся яснѣе и опредѣленнѣе и досужее воображеніе мое спѣшитъ рисовать уже инныя картины. Вотъ, думалось мнѣ, безжалостныя подруги расплели у невѣсты дѣвичью косу, чтобы накрыть ея голову повоемъ;

и вотъ она, невѣста эта, вспомнивъ скорую утрату всей своей дѣвичьей воли,

Что во нѣтъ у матушки,
Въ прохладѣ у братьевъ,—

лиливать все свое горе въ пѣсенный плачь, у котораго гитова только виѣшняя форма, но наружное проявленіе въ напѣвѣ всегда такое самобытное и сильное. Невѣста какъ будто собрала въ груди все накипѣвшее горе и всѣ слезы и какъ будто въ послѣдній разъ въ жизни рѣшилась вылить ихъ всѣ вдругъ и вслухъ всѣмъ. Напѣвъ въ нашей пѣснѣ въ такихъ случаяхъ обыкновенно бываетъ не менѣе тоскливый и не менѣе щемитъ онъ сердце. На этотъ разъ онъ показался мнѣ схожимъ съ тѣмъ, который доносился до моего слуха съ улицы сибирской деревни. Но вогу пѣсня послышалась еще ближе. Воображеніе попыталось подладить къ ея напѣву другія, новыя, но знакомыя и похожія картины— и въ воспоминавіяхъ всталъ, какъ живой, сельскій погостъ: бѣдные и покривившіеся кресты, погнившая и обвалившаяся ограда, много могилъ на погостѣ. На одной могилѣ распластался, упавши на грудь, живой человѣкъ. Изъ груди его несется стонъ, слышатся тѣ тоскливые тоны, какими богаты всѣ могильные плачи. Однообразны плачи эти въ содержаніи, одинаковы и въ напѣвѣ. Тоскливѣ напѣва этихъ плачей я не зналъ прежде и не чаялъ встрѣтить потомъ другихъ, которые были бы равнобѣрно закончены, одинаково вѣрны своей цѣли и своему смыслу. Но когда изъ-за угла сибирской деревни показалась толпа арестантовъ съ верховыми казаками впереди, съ солдатами по бокамъ, и когда послышалась и пѣсня, вся цѣликомъ, я забывалъ о всяческихъ сравненіяхъ. Я бросилъ ихъ какъ невѣрныя, далекія отъ образовъ, навѣянныхъ настоящею пѣснею. Тоны арестантской пѣсни сливались въ одинъ; переливы такъ были мелки, что ихъ почти нельзя было отличать и выдѣлать изъ цѣлаго. А въ этомъ цѣломъ слышался одинъ стонъ и самая пѣсня эта показалась тогда сплошнымъ стономъ: но стоналъ на этотъ разъ не одинъ человѣкъ—стонала цѣлая толпа. Словъ не было слышно (при всѣхъ моихъ напряженныхъ усиліяхъ я не могъ поймать ни одного), слова и тоны слились въ одинъ гулъ; и гулъ этотъ и стонъ этотъ щемили сердце до того, что становилось положительно жутко и неловко. Такъ и вѣяло отъ пѣсни сыростью рудниковыхъ подземельевъ, мракомъ тюремныхъ стѣнъ, свинцовою тяжестью всяческой каторги, гдѣ человѣку хуже и безвозвратнѣе, чѣмъ въ другихъ какихъ либо отчужденныхъ мѣстахъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, на всемъ земномъ шарѣ.

Цѣлые дни потомъ преслѣдовали меня мучительные звуки арестантской пѣсни и, возвратившись теперь къ ней воспоминаніями, я не могу указать иной, которая отличалась бы болѣе тоскливымъ напѣвомъ. Смѣю увѣрить, что ни

одна русская пѣсня не приурочена такъ къ выраженію внутренняго смысла въ напѣвѣ, ни одна изъ нихъ не бьетъ прямо въ цѣль и въ самое сердце, какъ эта пѣсня, выстрадавшая арестантами въ тюрьмахъ и на этапѣхъ. На этотъ разъ кандалная партія осиливала послѣднюю сотню верстъ изъ долгаго и тяжелаго, семитысячнаго и годового пути своего. Ей оставалось идти уже немного верстъ, чтобы попасть домой, т. е. прямо на каторгу.

Пока колодники у насъ передъ глазами, мы отъ нихъ не отстанемъ. Не отстанемъ мы отъ толпы этой, хотя она и движется вдоль улицы мучительно-медленнымъ шагомъ, едва волочить ноги. Самый звукъ кандаловъ сталъ какой-то тупой, и слышный и громкій потому только, что идущая партія ссыльно-каторжная, въ которой—какъ давно и всякому извѣстно—на каждой нога надѣваются тяжелыя пятифунтовые цѣпи. На этотъ разъ медленная поступь—предназначенная, ради сбора подаваній, и вышла она торжественно потому, что всякій арестантъ увлеченъ пѣніемъ и вводитъ въ артельную пѣсню свой разбитый голосъ, чтобы, такимъ образомъ, мольба была общаю и конечнѣе была въ сердобольныя сердца слушателей.

Стоитъ на улицѣ сплошной стонъ отъ пѣсни и бережно несетъ свою пѣсенную мольбу эта густая арестантская толпа, точно боится выронить изъ нее слово, сфальшивить тономъ, и поетъ усиленно громко, словно обрадовалась случаю торжественно и окончательно высказать вслухъ всѣмъ свое неключимое горе.

Задумались, цѣликомъ погруженные въ слухъ и вниманіе, и конные и пѣшіе: казаки и солдаты. Задумались даже эти привычные люди до того, что какъ будто не видятъ и не хотятъ видѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ отдѣляются изъ толпы арестанты, чтобы принять подаваніе. Пѣсня возымѣла успѣхъ, достигла цѣли: подаванія до того щедры и часты, что принимающіе ихъ даже и шапку поднимать не успѣваютъ—и не поднимаютъ.

А между тѣмъ, несетъ къ нимъ посылное подаваніе всякій. Несетъ и знакомая мнѣ старушка, у которой единственный сынъ погибъ на Амурѣ, которая отъ многихъ лѣтъ и многихъ несчастій ушла вся въ сердце и живетъ уже однимъ только сердобольемъ и говоритъ одними только вздохами. У нее нѣтъ (я это вѣрно знаю), нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, нѣтъ и силъ, но откуда взялись послѣднія, когда она заслышала на улицѣ эту „милосердную“, откуда взялись и деньги, когда бабушка моя очутилась на глазахъ проходящихъ. Даетъ бабушка деньги изъ скопленныхъ ею на саванъ и ладонь, даетъ она эти деньги, стыдится—и прячется, чтобы не видали всѣ.

За бабушкою Анисею (хотя и не костлявою. а жирною рукою) даетъ свою обрядовую дачу

и условную милостыню торговый крестьянин, купецъ, вчера только успѣвшій оплестъ доверчиваго казака на овсѣ и хлѣбѣ и давно уже отдавшій всѣ свои помыслы черствому и мертвящему дѣлу „наживанія“ капитала. Несетъ онъ свое подаеніе — и оглядывается, даетъ — и не хоронится.

Слѣдомъ за нимъ тащить свой грошъ или пятакъ бѣдный шилкинскій казакъ, у котораго на то время своего горя было много: и казенные наряды безъ отдыха и срока, и домашнія невзгоды, которыя скопилъ на казачьи головы пресловутый, тяжелый Амуръ. Даетъ арестантамъ милостыню и малютка, посланная матерью, и сама мать изъ скопленныхъ Богу на свѣчку, изъ спрятанныхъ на черный день и недобрый часъ.

Всѣмъ имъ въ отвѣтъ пропоютъ уже арестанты за деревнею такую коротенькую, но сердечную благодарность:

Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываетъ вы насъ,
Бѣдныхъ, несчастныхъ невольниковъ!

Этотъ конечный припѣвокъ и начальная пѣсня въ общемъ видѣ слывятся подъ названіемъ „Милосердной“. Слышится эта пѣсня въ одной только Сибири, но и тамъ она извѣстна была еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ зачаточномъ состояніи — именно въ видѣ коротенькаго речитатива, на образецъ распѣва нищихъ и сборщиковъ подаяній на церкви: „Умилитесь, наши батюшки, до насъ бѣдныхъ невольниковъ, заключенныхъ, Христа-ради“. Словами этими просили милостыни въ голосъ, т. е. кричали на распѣвъ, пока искусство досужихъ не слило словъ въ пѣсню и не обязало извѣстнымъ своеобразнымъ напѣвомъ. Въ Россіи этой пѣсни не поютъ (да гдѣсь она и не извѣстна) не потому, чтобы въ Россіи у арестантовъ отнято было право, обусловленное закономъ и освещенное обычаемъ, право просить къ недостающему казенному содержанію послѣднаго прибавка отъ добродѣтельныхъ дателей, — но по Россіи „Милосердную“ замѣнялъ бой въ барабанъ. Этотъ бой велъ къ той же цѣли и обезпеченъ былъ тѣмъ же результатомъ, хотя, по сознанию арестантовъ, и съ меньшимъ успѣхомъ.

— Дай-ка намъ (говорилъ мнѣ одинъ изъ бѣгло-каторжныхъ), дай-ка намъ эту „Милосердную“ вдолѣ Россіи протянуть, дай-ка! мы бы сюда съ большими капиталами приходили. Барабанъ не то...

— Хуже? — спрашивалъ я.

— Барабанъ дѣло казенное, въ барабанъ солдатъ бьютъ. Не всякому это понятно, а у всякаго отъ бою этого тоска на сердцѣ. Всякому страшно. Телячья шкура того не скажетъ, что языкъ человѣчій можетъ.

Вотъ что извѣстно о путешествіи арестантовъ съ мѣста родины до мѣстъ заточенія или изгнанія.

Арестанты, сбитые въ Москвѣ въ одну партію и доверенные конвойному офицеру съ командою, выходятъ еженедѣльно, въ урочный день, изъ пересылнаго тюремнаго замка.

Очутившись за тюремными воротами на улицѣ, арестантская партія на долгое время затѣмъ остается на виду народа, въ уличной толпѣ. Толпа эта знаетъ про ихъ горькую участь, знаетъ, что арестанты идутъ въ дальнюю и трудную дорогу, которая протянется на нѣсколько тысячъ верстъ, продолжится не одинъ годъ. Немного радостей сулитъ эта дальняя дорога, много горя общаетъ она арестантамъ тѣмъ болѣе, что пойдутъ они пѣшкомъ, въ кандалахъ, пойдутъ круглый годъ: и на лѣтней жарѣ, и на весеннихъ дождяхъ, и по грязи осенью, и на палящихъ зимнихъ морозахъ. Путь великъ, велико и злоключеніе! тѣмъ пуще и горче оно, что арестантская дорога идетъ прямо на каторгу, значеніе которой въ понятіяхъ народной толпы равносильно значенію ада.

„Тамъ, — думаетъ народъ: — тамъ, гдѣ-то далеко, за Сибирью, взрыты крутыя, поднебесныя горы. Въ горахъ этихъ вырыты ямы, глубиною въ самые глубокіе рѣчные и озерные омуты. Посадятъ въ эти ямы весь этотъ повинный народъ, посадятъ на всю жизнь, одинъ разъ, и никогда ужъ потомъ не выпустятъ и не выпустятъ. И будутъ сидѣть они тамъ, Божьихъ дней не распознавая, Господнихъ праздниковъ не вѣдая; будутъ сидѣть въ темнотѣ и духотѣ подлѣ печей, жарко натопленныхъ, среди грудъ каменныхъ, на такихъ работахъ, у которыхъ нѣтъ ни конца, ни срока, ни платы, ни отдыха. Изноетъ весь этотъ народъ въ скорбяхъ и печалихъ, затѣмъ, что ужъ имъ всякій выходъ заказанъ, и родина отрѣзана, и милые сердцу отняты, да и яма на каторгѣ глубока — глубока да и запечатана. Съ цѣпи не сорвешься, казна вездѣ найдется. Изъ песку веревочки не сошьешь, а на чужой дальней сторонѣ помрешь и кости по родинѣ заплачутъ. И помогъ бы такому неключимому горю, да силы мало. Вотъ вамъ, несчастные горе-горькіе заключенники, моя слеза сиротская, да воздыханье тяжелое, да грошъ трудовой, кровный: авось и онъ вамъ пригодится. Пригодится хлѣбца прикупить, Богу свѣчку за свои мірскіе грѣхи поставить; онъ вамъ и путь управить, и въ каторжной темной и глубокой ямѣ свѣту подастъ, силы пошлетъ и духъ вознесетъ. Прощайте, миленькіе! Вотъ вамъ и моя копейка не щербатая! тѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!“

Собираетъ арестантская партія, идучи по Москвѣ, мірскія подаянія въ примѣтномъ обиліи и отъ тѣхъ меньшихъ братій, у которыхъ сердечные порывы непосредственны и потому искренни и у которыхъ заработная копейка только насущная, безъ заличка, самому крѣпко нужная. Порывы къ благотворенію въ этой

толпѣ еще не приняли обыденной рутинной формы и еще не успѣли снизить до обычая, который всегда предполагает срокъ и мѣру. Порывъ толпы этой не ищетъ случайныхъ возбужденій, онъ ждетъ только напоминанія. Достаточно одного появленія арестантовъ на улицѣ, одного звука кандаловъ, чтобы вызвать порывъ этотъ на дѣло и обратить его на безотлагательное примѣненіе. Съ толпы народной сходять на арестантскую партію не роскошная дача, тутъ рубль копейки не подшибаетъ. Но, тѣмъ не менѣе, пожертвованія идутъ справа и слѣва въ Москвѣ: на бѣдныхъ Бутыркахъ, въ богатомъ купеческомъ Замоскворѣчѣ, на торговой Таганкѣ и въ извозничьей Рогожской. Чѣмъ больше народу на улицахъ, чѣмъ больше благоприятствуетъ погода и время года скопленію народа на площадяхъ и рынкахъ, тѣмъ и подаванія обильнѣе и ощутительнѣе для арестантской артели. Но разобрать трудно, кто подаетъ больше: случайно ли попавшійся на улицѣ прохожій покупатель, или прикованный къ улицѣ, ради торговли и промысла, постоянный обитатель ея, изъ торговцевъ и барышниковъ, извозчикъ, лавочникъ и проч. Едва ли въ этомъ отношеніи не всѣ благотворители равноправны и равносильны, едва ли существуетъ тутъ какая нибудь примѣтная разница.

Разницы этой должно искать въ другомъ разрядѣ благотворителей, и именно тѣхъ, которые кончили уже свое дѣло на улицѣ, которымъ улица посчастливила барышомъ и капиталомъ. Благотворители эти засѣли теперь въ большіе дома и ведутъ оттуда большія дѣла. Они тоже не лишены сочувствія къ арестантамъ, но за дѣломъ и недосугомъ ждутъ сильныхъ возбужденій. Жизнь людей этихъ, припущенныхъ искать системы и порядка, продолжаетъ разитреннымъ шагомъ, разбитая на дни и недѣли, гдѣ каждому „дневи довлѣетъ злоба его“. Есть въ средѣ дней этихъ и такіе, которые по старому обычаю, по отцовскому завѣту, по житейскимъ случайностямъ, но опять таки по предварительному и преднамѣренному назначенію, посвящены дѣламъ благотворенія. Источникъ послѣдняго лежитъ въ томъ же чувствѣ и сердечномъ убѣжденіи, которое въ давнія времена застроило все широкое раздолье русской земли монастырями и церквами и снабдило тѣ и другія громкими звонами, драгоценными вкладами, богатыми дачами. Родительскія субботы и радунцы, страстная недѣля, многіе господскіе и богородичные праздники издавна обусловлены обязательно хлѣбною жертвою и денежнымъ подаваніемъ въ пользу страждущихъ, гонимыхъ и заключенныхъ Христа-ради. Обычай этотъ, равно присущій и одинаково исповѣдуемый всѣмъ русскимъ купечествомъ ближнихъ и дальнихъ, большихъ и малыхъ городовъ, особенно святъ и любезенъ тому большинству его, кото-

рое, вмѣстѣ со старымъ обычаемъ, придерживается и старой вѣры. Если, съ одной стороны, сочувствіе къ несчастнымъ сильнѣе въ угнетенномъ, и вѣра въ ученіе, по смыслу котораго „рука дающаго не оскудѣваетъ“, цѣлостнѣе и опредѣленнѣе въ старообрядцахъ, то съ другой стороны—зажиточная жизнь и матеріальное довольство, сосредоточенныя въ раскольничьихъ общинахъ и семействахъ, достаточно объясняютъ намъ большія жертвованія въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ улицахъ города Москвы, которыя, по преимуществу, обстроены домами купцовъ—старовѣровъ. „Одѣнемъ нагихъ,—говорятъ они въ своей пословицѣ:—обуемъ босыхъ, накормимъ алчныхъ, напоимъ жадныхъ, проводимъ мертвыхъ: заслужимъ небесное царствіе“; „денежка-молитва, что острая бритва: всѣ грѣхи сбрѣетъ“, „а потому одной рукой собирай, а другой раздавай“, ибо „кто сырыхъ питаетъ, того Богъ знаетъ“, а „голаго выскать, Богъ и въ окошко подаетъ“. Эти правила-пословицы дошли до насъ отъ давнихъ временъ нашей исторіи, когда народъ нашъ понятіе о ссыльныхъ и тюремныхъ сидѣльцахъ безразлично смѣшалъ съ понятіемъ о людяхъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія. Въ одномъ изъ старинныхъ документовъ, характернѣе другихъ рисуящемъ положеніе ссыльныхъ (относящемся къ концу XVII вѣка) мы находимъ очевидное свидѣтельство тому, что нашъ народъ издавна обнаруживалъ готовность посильнымъ приношеніемъ и помощью уладить тяжелые дни жизни всякаго ссыльнаго.

Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ первыхъ и сильныхъ противниковъ Никона, находилъ и въ Сибири помощь, и отъ воеводской семьи, жены и снохи („пришлютъ кусокъ мяса, иногда колбоекъ, иногда мучки и овсеца“), и отъ воеводскаго приказчика („мучки гривенокъ съ 30 дакъ, да коровку да овечекъ съ 5—6, мясо“). На Байкалѣ незнакомые встрѣчные русскіе люди надѣляли пищею, сколько было надобно, „осетровъ съ 40 свѣжихъ привезли, говоря: вотъ, батюшко, на твою часть Богъ, въ запорѣ, намъ дакъ, возьми себѣ всю“. Починили ему лодку, зашили парусъ и на дорогу снабдили всякимъ запасомъ. Въ Москвѣ благодѣлялъ самъ царь съ царицею и боярами („пожаловалъ царь 10 рублей денегъ, царица 10 рублей денегъ, Лука духовникъ 10 рублей же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а Федоръ Ртищевъ, тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть“).

Это участіе и эта помощь ссыльнымъ—совершенно неизвѣстная въ Западной Европѣ—у насъ чувства исконныя и родовыя. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что чувство благотворенія выросло и укрѣпилось въ народѣ именно въ то время, когда для ссылки назначали такую страшную даль, какова Сибирь, а для ссыль-

ныхъ людей, такимъ образомъ, усложнили страданія, потребовавъ отъ нихъ большаго запаса силъ и терпѣнія. Только при помощи этого благотворнаго участія, облеченнаго въ форму матеріальной помощи, могли наши ссыльные (и первые и позднѣйшіе) отчасти противостоять всѣмъ вражьиимъ силамъ, исходящимъ въ одно время и изъ суровой природы и отъ жестокихъ людей. Въ примиреніи этихъ двухъ враждебныхъ и прямо-противорѣчивыхъ началъ (каковы общественное участіе, съ одной стороны, и слишкомъ ревностное и черезчуръ суровое исполненіе службы приставами—съ другой), въ стараніи восполнить избыткомъ участія однихъ крайній недостатокъ того же у другихъ, во всемъ этомъ провели большую часть своей изгнанической жизни наши первые ссыльные. Свой опытъ и свои приемы они успѣли завѣщать и позднѣйшимъ несчастнымъ. Обѣ силы, и враждебная и благотворная, успѣли прожить долгіе годы и уцѣлѣть до нашихъ дней въ томъ цѣльномъ, хотя отчасти, можетъ быть, и въ измѣненномъ видѣ, что насъ уже особенно и не дивятъ денежныя пожертвованія, высылаемые въ послѣднее время изъ-за тюремныхъ стѣнъ на помощь страдающихъ, внѣ ихъ, отъ безлѣбья и голода.

Во всѣ времена нашей исторіи и, въ особенности, въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій правительству представлялась возможность крѣпко опираться на добровольныя приношенія жертвователей и даже подчинять раздачу ихъ различнымъ узаконеніямъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать того, что родившееся въ народѣ чувство благотворенія преступникамъ взлѣгало и воспитано правительствомъ въ такой сильной степени, что когда ему же понадобилось ослабленіе его, то всѣ мѣры оказывались слабыми и не дѣйствительными. Вотъ коротенькая исторія этой неурладицы.

Царь Теодоръ узаконилъ выпускать изъ тюремъ сидѣльцевъ по два человѣка на день для сбора подаяній. На этомъ правѣ колодники основывали свои челобитыя на имена послѣдующихъ царей, когда встрѣчали прижимки со стороны приставниковъ. Прижимокъ было много и всѣ челобитыя тюремныхъ сидѣльцевъ до времени Петра переполнены подобными жалобами. Петръ, не любившій справокъ съ народными свойствами, недовѣрчивый къ непосредственнымъ народнымъ заявленіямъ, и на этотъ разъ призналъ за дѣйствительныя мѣры — крутыя и рѣшительныя: въ 1711 году онъ постановилъ за отпускъ колодниковъ за милостынею—виновныхъ ссылатъ на каторгу. Жалобы на то, что заключенные „съ голоду и цынги погибаютъ“, не прекратились; законъ продолжали обходить. Въ Москвѣ водили колодниковъ на связкахъ по городу для прошенія милостыни и сенатъ (указомъ 20 сент. 1722 г.) принужденъ былъ

повторить запрещеніе. Тѣхъ, которые, за карауломъ сидя, прокормить себя не могли, стали отправлять въ разныя мѣста: мужики для казенныхъ работъ въ Московскую губернію съ заработанными 4-мя деньгами на день для каждаго, а бабъ и дѣвокъ на мануфактурные прядильные дворы, отъ которыхъ шли имъ кормовыя также по 4 деньги на день. Затѣмъ, если „связки“ будутъ въ употребленіи, судьи обязывались штрафомъ. Но уже черезъ мѣсяцъ практика вызвала уступку. Тамъ, гдѣ нѣтъ казенныхъ работъ (говорить указъ 1722 года отъ 17 октября), отпущать для прошенія милостыни по одной, а гдѣ много человѣкъ, по 2 и по 3 связки. Для связокъ употреблять длинныя цѣпи „съ примѣра того, какія на каторгахъ учинены“. Собранное подаеніе узаконено дѣлать только между тѣмъ, которые сидятъ въ государственныхъ дѣлахъ, а не въ дѣлахъ челобитныхъ (содержавшіеся за долги прокармливались на счетъ кредиторовъ). Екатерина I, слѣпо слѣдовавшая всѣмъ предначертаніямъ мужа, узнавъ, что колодники все-таки сумѣли отвоевать святочное право ходить съ 1-го января по 6-ое по дворамъ и по улицамъ,—указомъ 1726 г. (23 дек.) предупредила это дозволеніе, запретивъ его и подтвердивъ прежніе указы Петра. Подтвержденія затѣмъ слѣдовали одно за другимъ, обременяя суды излишними бумагами, стѣсняя колодниковъ и мирволя приставникамъ къ излишней поживѣ отъ поборовъ и взымокъ. Въ концѣ концовъ, при Аннѣ разныя приказы въ Москвѣ продолжали отпускать преступниковъ на связкахъ, безъ одежды, въ однихъ ветхихъ рубахахъ, „а другіе пытанные, прикрывая однѣ спины кровавыми рубахами, а у иныхъ отъ ветхости рубахъ и раны битыя знаютъ“. Велѣно отпускать съ добрыми караульными, безодежныхъ кормить тою милостынею, которую соберутъ одѣтые. Въ 1738 г. (8-го февраля) принуждены были снова формально запретить колодникамъ ходить по міру, потому что просить ее не только по разнымъ мѣстамъ, но и въ одномъ мѣстѣ собираются по многу (особенно содержащіеся отъ военной конторы въ подложныхъ отдачахъ рекрутъ). Въ 1744 г. Елизавета (въ указѣ 16 ноября) признавалась, что колодники продолжаютъ собирать подаенія вмѣстѣ съ бродягами-нищими, а потому приказала въ этомъ случаѣ поступать по указамъ. Въ 1753 г. указъ подтвержденъ. По указу 1754 г. (30 марта) опять видно, что колодники нищенствуютъ по старому, ходя на связкахъ и во многомъ числѣ, а по указу 3 ноября 1756 года—что колодники ходятъ въ Москвѣ по церквамъ, „во время совершенія службы“, по домамъ, по кабакамъ, по улицамъ и по торговымъ мѣстамъ съ ящиками, на связкахъ, и притомъ пьянствуютъ и чинятъ ссоры. Указами не унялись. Прокуроръ сыскаго приказа Толстой свидѣтельствовалъ,

что колодники „дѣйствительно ходятъ пьяными въ разодранныхъ и кровавыхъ рубашкахъ, объявляя яко бы изъ сыскаго приказа пытаные и опредѣленные въ ссылку, и просятъ милостыню съ великимъ невѣжествомъ и необычайнымъ крикомъ“. Шатуновъ велѣно ловить и поступать по указу, а съ караульных брать штрафы. По указу 1761 года видно, что колодники все-таки просятъ милостыню „съ невѣжествомъ“. Съ учрежденіемъ попечительнаго общества, уже при Александрѣ (въ 1819 г.), шатаніе колодниковъ остановлено не насильственными мѣрами, а регулированною благотворительностью. Къ тюремнымъ воротамъ привинчены были кружки для денегъ. Такія же кружки стали прибавать потомъ въ кордегардіяхъ губернскихъ правленій и къ церковнымъ стѣнамъ. Высыпанные деньги пошли на улучшеніе пищи въ добавокъ къ кормовымъ казеннымъ. Остатокъ шелъ арестантамъ при освобожденіи изъ заключенія и при отправленіи въ Сибирь. Въ тюрьмахъ заведены были артельные столы: отошла охота шататься со специальною цѣлью за подаваніемъ. При отправкѣ въ Сибирь арестанты увидѣли, что пожертвованные деньги употреблялись на покупку для нихъ нужнаго на дорогу. Увлеченный успѣхами такихъ мѣръ, президентъ комиссіи князь Голицынъ ходатайствовалъ уже о новой мѣрѣ, желалъ отъ генераль-губернаторовъ предписанія, чтобы подаватели не давали денегъ арестантамъ на руки, а опускали бы ихъ въ кружки. Предписаніе дано, разумѣется, съ полною охотою и готовностью, но и ему судьба судила начало новой борьбы съ регулированьемъ добродѣтельныхъ подаваній, на каковую потрачено столько же напрасныхъ силъ, какъ свидѣтельствуется рассказанная нами исторія. Выдачу милостыни въ руки сверхъ той, которая уже опущена во внутреннія и наружныя тюремныя кружки, мы видимъ въ наши дни въ той же неприкосновенной цѣлости, не ослабленною, не побужденною, во всеоружіи несокрушимаго народнаго закона, однимъ изъ тѣхъ обычаевъ, которые безсильны не только искоренять, но и ослаблять всяческими законами, распоряженіями и предписаніями. Такъ, между прочимъ, еще въ 1767 г. замѣчено было, что подаваніе колодникамъ не выдается, а зачисляется въ кормовую дачу,—велѣно наблюдать, чтобы изъ подаванія въ руки каждого колодника доходило не болѣе 3 коп. на день. Если затѣмъ явится остатокъ, то на него снабжать нужною одеждою. Не смотря, однако же, на это и на то, что по закону арестантъ не имѣетъ права имѣть при себѣ деньги (и для этого установлены обыски), не смотря на то, что давній опытъ указалъ на ненадежнаго посредника съ завистливымъ и алчнымъ окомъ, — жажда благотворительности не устаетъ и не прекращается. Даже какъ будто возростаетъ она по мѣрѣ того, какъ услож-

няются противодѣйствующія силы и неблагопріятныя причины.

Обусловливая свое религіозное чувство всякими подкрѣпляющими правилами, взятыми отъ св. писанія и изъ вѣковыхъ вѣрованій, жертвователи изъ торгующаго сословія Россіи, помимо урочныхъ, обязательныхъ дачъ, идутъ на благотвореніе и въ другія времена, но не иначе, какъ возбужденные и вызванные какимъ нибудь внѣшнимъ признакомъ, напомниманіемъ. Арестантская партія въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ, по волѣ и дозволенію начальства, къ единственному доступному имъ средству. Въ Россіи—это барабанный бой, производимый конвойнымъ барабанщикомъ; въ пути по Сибири—пѣніе пѣсни „Милосердной“, производимое всею путешествующею артелью арестантовъ. Въ Москвѣ, гдѣ, по сознанію всѣхъ ссыльныхъ, идутъ особенно обильныя и богатая подаванія, вызовы эти тѣмъ болѣе были необходимы, что маршрутъ шелъ стороною отъ тѣхъ улицъ, гдѣ, по преимуществу, сгруппировались домами тароватые богачи. Имена, отчества и фамиліи богачей-благотворителей помнятъ ссыльные и на каторгѣ. Вотъ, что я слышалъ тамъ.

— Въ нашей партіи на каждого человѣка по тридцати рублей привелось, и все съ Москвы одной. Мы на первомъ этапѣ дуванъ дували (дѣлежъ дѣляли). Пр—въ да С—въ такія жертвы кладутъ, что вся партія дивится. Пр—въ въ Преображенскомъ далъ всѣмъ ситцу на рубахи, да по три рубля на брата, да въ Богородскомъ наказалъ дать серпанки на штаны и по рублю денегъ.

— Москва подавать любитъ: меньше десяти-рублевой рѣдко кто подаетъ. Именинникъ, который выпадаетъ на этотъ день, тотъ больше жертвуетъ. И не было еще такого случая, чтобы партія какая не везла за собою изъ Москвы цѣлаго воза калачей; мы наклали два воза. Съ офицеромъ былъ такой уговоръ: на улицахъ останавливаться дольше, за пять часовъ остановки сто рублей самому Ивану Филатьичу (офицеру) и 10 рублей Семену Мироничу (унтеръ былъ).

— Владимиръ-городъ (сказывали мнѣ другіе каторжные) всѣхъ городовъ хуже: подаваніе сходило малое. Вязники Владимира лучше, но тоже не изъ педрыхъ. Нижній Вязники перехвасталъ, на Нижнемъ Базарѣ жертва большая. И нѣту городовъ богаче и къ нашему брату арестанту сердобольнѣ, какъ Лысково село, Казань-городъ, Кунгуръ, Екатеринбургъ, Тюмень, а все отъ того, что въ городахъ этихъ старовѣровъ много живетъ. На подаванія они не скупятся...

— Я, вотъ (грѣшный человѣкъ!), хмѣлемъ еще зашибаюсь, а и то въ дорогѣ накопилъ ста два рублей и сюда принесъ; съ тѣмъ и жизнь свою каторжную началъ, а накопилъ съ

и триста, кабы не пьяное хамло. Поселенцы каторжных бережливы, такъ тѣ и по пятисотъ рублей накопляютъ.

Помимо этихъ добродетельныхъ подаяній и казенныхъ кормовыхъ копейекъ, выдаваемыхъ арестантамъ на руки, партіи иныхъ стороннихъ доходовъ имѣютъ уже немного. Собственныя арестантскія деньги передъ отправленіемъ отбираютъ въ губернскомъ правленіи и отправляютъ впередъ ихъ въ Тобольскій приказъ съ почтою; у ссыльныхъ, вмѣсто своихъ скопленныхъ денегъ, только квитанціи. Во время остановокъ по торгамъ, арестанты получаютъ иногда подаянія натурою, съѣстными припасами, но отъ этого все-таки артельному капиталу не прибавокъ, при всемъ желаніи и стараніи арестантовъ. Существуетъ для партій еще одинъ доходъ денежный, но доходъ этотъ, при крайней оригинальности и неожиданности своей, случайный и не всегда вѣрный и благонадежный.

Извѣстно, напр., что за нѣсколько верстъ до большихъ губернскихъ городовъ на встрѣчу партіи выѣзжалъ бойкій на языкъ, ловкій и юркій въ движеніяхъ молодецъ, въ сибирскѣ и личныхъ сапогахъ, который обыкновенно оказывался приказчикомъ или повѣреннымъ того купца, который снимаетъ казенный подрядъ на поставку арестантамъ зимней одежды. Молодецъ этотъ обыкновенно находился въ короткихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ партійнымъ офицеромъ и съ вѣдома его велъ такое дѣло, которое ему привычно и для арестантовъ выгодно. Онъ предлагалъ арестантамъ продать ему имѣющееся на нихъ теплое платье, обыкновенно полушубки, полученные немного времени тому назадъ и въ недалекомъ губернскомъ городѣ, при поступленіи въ пересыльную партію. Давалъ онъ немного, но давалъ наличными деньгами и при этомъ бралъ даже и крѣпко подержанные полушубки, замѣняя ихъ тою рванью, которую привозилъ съ собою, и изумлялъ только однимъ: именно, необыкновенною ловкостью въ покупкѣ, умѣншемъ сойтись и убѣдить арестанта на сдѣлку, для него и для нихъ выгодную. Весь процессъ перекупки совершался въ какихъ нибудь три или четыре часа и притомъ не смотря на количество пересыльных, обстоятельство, приводившее всѣхъ въ изумленіе. Выѣзжая на бойкомъ рысачкѣ, молодецъ этотъ успѣвалъ привезти и сдать купленные вещи хозяину, а хозяинъ отвезти и сдать податливому начальству прежде, чѣмъ оно успѣетъ осмотрѣть партію, прежде, чѣмъ партія эта придетъ въ городъ. Дальше дѣло неумудрое. Полушубки, подсунутые въ казну ловкимъ перекупнемъ, поступали опять на тѣ же плечи, съ которыхъ третьяго дня собраны, даже рѣдко исправленные, рѣдко измѣненные къ лучшему.

— По крайности обнашивать не приходится, меньше полушубокъ отнябаешь той дрянью и

запахомъ, безъ которыхъ ни романовскимъ, ни казанскимъ овчинамъ не жить, — думаютъ арестанты и остаются довольными.

— Хотя и рискованное дѣло приказчикъ обдѣлать, а все же я рубль на рубль нажилъ и слава Богу! Въ коммерціи нашей безъ этого нельзя! — думалъ въ свою очередь плутоватый подрядчикъ, самодовольно разглаживая бороду и отпаривая животъ дешевымъ и привычнымъ чаемъ и всякими трактирными благодатями.

— Къ казенному жалованію не лишнее придастокъ получить дѣтишкамъ на молочишко, — смекали про себя третьи и, довольные другъ другомъ, вели подобныя операціи не одинъ годъ и не въ одномъ мѣстѣ.

Вели подобныя операціи съ полушубками и безъ огульнаго участія всѣхъ ссыльныхъ, предлагая принять артельному старостѣ въ большой кучѣ даже и такіе коротенькіе и узенькіе, что и на подростковъ-ребятъ не годятся. Вся суть дѣла на этотъ разъ заключалась въ томъ, чтобы соблюсти форму и записать вещи въ расходъ. У ссыльныхъ большею частью полушубки хорошіе, ибо обношены и не смердятъ; съ таковыми-то, пожалуй, ему разставаться жалко, а полученные вновь арестанты имѣютъ право продать тутъ же. Тотъ же подрядчикъ охотно ихъ покупалъ, чтобы опять всучить ихъ въ тюремный цейгаузъ *).

Словомъ, довольны всѣ дважды, но, разумеется, довольствѣ всѣхъ оставались арестанты и потому, что видѣли заботливость начальства (какова она ни на есть), и потому, главное, что имѣли капиталъ въ размѣнной ходячей монетѣ. Она имъ нужна, нужна до зарѣзу и крайней безвыходной необходимости. Для арестантовъ по дорогѣ много соблазновъ: и предугаданныхъ и неожиданныхъ. Одинъ этапный командиръ нѣкогда держалъ, напр., кабакъ (и поэтому этапъ его, помимо казеннаго, носилъ другое названіе — пьянаго) и рассчиталъ правильно: давая изъ личныхъ выгодъ возможную свободу партіи, онъ заставлялъ ее уживаться и пропиваться до нитки, до послѣдняго алтына. Арестанты тѣмъ охотнѣе дѣлали это, что вскорѣ за этапомъ пьянымъ выходить на дорогу новый богатый городъ Кунгуръ, щедрый на милостыню и подаянія. Тѣ и другіе пополняли истощенные капиталы, которые вскорѣ и опять усиливались денежными дачами отъ старообрядцевъ въ Екатеринбургъ и Тюмени. Въ Тюмени, напримѣръ, пожертвованія въ праздники Рождества и Пасхи были столь велики, сытны и обильны, что этапные арестанты платили смотрителю деньги, что-

*) Подъ Тобольскомъ въ подпорье мошнѣ ссыльныхъ существовалъ такой обычай: на послѣдней станціи кандалы у поселщиковъ покупали заранѣе, потому что, по приходѣ въ городъ, здѣшнія желѣза обыкновенно велики снималь и бросать въ кучу, которая, разумеется, никогда не провѣрялась.

бы на эти дни не выпускали дальше, а дасть бы возможность поѣсть шанегъ, яицъ, кислаго молока и всего того, за что въ другихъ мѣстахъ и дальше приводится платить собственныя и довольно большія деньги.

Деньги, всецѣльныя, могущественныя, творящія чудеса, деньги освѣщали этапный путь, богатый мракомъ, спасали арестантовъ отъ множества непредвидѣнныхъ бѣдствій. Безъ денегъ и на этапахъ началась бы каторга, безъ нихъ тяжела бы стала путевая жизнь, подневольная и зависимая. Знали это начальники—и брали, знали это арестанты—и давали деньги за все, за что требовать уже установившійся обычай и безпредѣльный, безграничный, безсознательный произволъ. Произволъ и обычай сдѣлали то, что этапная жизнь арестанта сцѣплена была изъ разнаго рода притѣсненій и вымогательства. Тутъ мы видимъ цѣлую систему, которая за долгое время успѣла установиться и опредѣленно выясниться. Выяснилась она, по нашему крайнему разумѣнію, въ такой формулѣ: всякій человѣкъ по всяческому праву ищетъ свободы, но лишенный ее—еще сильнѣе и настойчивѣе. „Отъ тебя зависитъ моя свобода. Полной свободы ты мнѣ дать не можешь, не въ твоихъ это силахъ, не въ твоимъ это правѣ, ты самъ мало свободенъ. Но ты человѣкъ терпимый, бывалый, а потому смѣлый. Дашь себѣ немножко труда и можешь уделить намъ частицу, кусочекъ этой свободы. Смѣлости и рѣшимости тебя не учить, а намъ все равно: мы съумѣемъ обмануть себя, не разъ обманутые въ жизни, и частицу твоего права и твоей свободы примемъ за цѣлое. Но ты не хочешь, отчасти не можешь, дать намъ этого даромъ. Ты просишь вознагражденія за ту рѣшимость, за ту жертву, которыми рискуешь ради меня. Возьми! Возьми, сколько потребуешь, сколько это въ силахъ нашихъ! Но дай намъ подышать этой волей хоть на тотъ же пятакъ или грошъ, какими оцѣнилъ ты эту волю. Знаемъ, что мы обманываемъ себя, знаемъ, что завтра же придется намъ горько и слезно посмѣяться надъ собой, болѣзненно пожалѣть о затраченныхъ деньгахъ, попенять на себя за малодушіе: птичьего-де молока захотѣли! Но сегодня мы хотимъ забыть о кандалахъ и о заднихъ и переднихъ этапахъ. Сегодня мы только люди, ищущіе деньги, а завтра, пожалуй, варнаки, чалдоны, храпы. Но сегодня мы пьемъ и пляшемъ во всю ивановскую, потому что добыли на этотъ разъ за деньги непокупное завѣтное наше право“.

Покупаютъ арестанты все. Даже право на подаваніе не всегда достается имъ даромъ и оно иногда требуетъ со стороны партіи денежной жертвы. Денежныя жертвы со стороны арестантовъ пойдутъ потомъ въ безконечность, но начало имъ все-таки въ самомъ началѣ пути.

Еще въ Москвѣ, тотчасъ по выходѣ партіи ссылныхъ изъ пересыльного тюремнаго замка, бывалые этапные начальники спѣшили заявлять и объяснять тѣ начала, которыми будутъ руководствоваться они сами, а потомъ всѣ остальные товарищи ихъ, ближніе и дальніе, этапные командиры.

— Какими васъ, ребята, улицами вести?—спрашивалъ бывало свою партію опытный этапный

— Хорошими, ваше благородіе!—отвѣчали, бывалые изъ арестантовъ.

— Сблаговолите въ барабанъ бить и прохладу дайте,—прибавляли опытные изъ нихъ.

— Прохлада 50 рублей стоитъ, барабанъ столько же. Стало, ровно сто на меня, да десять на ундеровъ, по рублю на рядовыхъ, согласны ли?—говорилъ офицеръ.

— Идѣть!—отвѣчали бывалые изъ арестантовъ съ полною готовностью, когда на дворѣ праздникъ и не стояла глухая лѣтняя пора. Они начинали торговаться, если на ихъ сторонѣ не было такихъ сильныхъ и благопріятныхъ условій.

Свѣжіе, мало опытные арестанты задумаются, удивятся такому риску, такой рѣшимости, зная, „что изъ казенной семитки такихъ денегъ не выкроишь, хотя всѣ иди въ складчину“; но не доходили еще до заставы Рогожской, сомнѣнія ихъ разбивались. Партія пойдетъ медленнымъ, примѣчательно медленнымъ шагомъ, и пойдетъ притомъ не тѣми улицами, которыя ведутъ прямо въ Рогожскую заставу и по маршруту, но тѣми, которыя по преимуществу наполняются торгующимъ народомъ или обставлены домами купцовъ-благотворителей (имена этихъ благотворителей, какъ уже сказано, помнятъ ссылные, а дома ихъ хорошо знаютъ командиры и арестанты). Идетъ партія въ неизмѣнномъ, разъ нарисованномъ и на всегда установленномъ порядкѣ: впереди ссылно-каторжные въ кандалахъ, въ серединѣ ссылно-поселенцы, безъ оковъ ножныхъ, но прикованные по рукамъ къ цѣпи по четверо; сзади ихъ, также прикованные по рукамъ къ цѣпи, идутъ ссылаемыя на каторгу женщины, а въ хвостѣ неизбѣжный обозъ съ больными и багажемъ, съ женами и дѣтьми, слѣдующими за мужьями и отцами на поселеніе. По бокамъ, и впереди и сзади идутъ неизбѣжные конвойные солдаты и ѣдутъ отрядные конвойные казаки. Смотрите на картину эту въ любую среду (часа въ 4 по полудни) въ Петербургѣ, у Владимирской (хотя, наприм., въ Кузнечномъ) или въ Демидовомъ переулкѣ; прослѣдите ее за Томскомъ, за Красноярскомъ, посмотрите на нее въ Иркутскѣ: все одна и та же, разъ заказанная и нарисованная картина, только, можетъ быть, кое-когда окажется пробѣлъ на мѣстѣ казаковъ. Въ этихъ картинахъ, со временъ Сперанскаго, замѣчательное постоянство и однообразіе.

Привычный, не раз присмотрѣвшийся, замѣтить, пожалуй, во всей этой форменности нѣкоторую фальшь и натянутость, которая стягивалась и вытягивалась во время прохода партіи городами и распускалась, развѣртывалась свободнѣе за городомъ въ полѣ. Такъ, конечно, это и должно быть. Разглядѣть не трудно, что эта подтянутая форма и поддѣльный порядокъ существуютъ только для Россіи и въ Россіи *); по Сибири арестанты ходили вольнѣе, свободнѣе и распущеннѣе. Тамъ за параднымъ порядкомъ не гонялись, чѣмъ пренебрежительно обзывали арестантовъ, которые были довольнѣе дорогами сибирскими, чѣмъ русскими, и прибавляли:

— До Тюмени идемъ, несемъ кандалы на помочахъ, а помочи надѣваемъ прямо на шею, по російски. И давятъ кандалы шею, давятъ плечи, а имъ и безъ того на ходу тяжело, всѣ онѣ ноютъ. По Сибири несемъ кандалы на ремешкѣ, на поясу. По сибирски легче!

— По Сибири вольнѣе идемъ, легче и думаемъ. А думаемъ такъ: если, молъ, начальники къ тебѣ милостивѣй стали, значить, въ свою сторону пришелъ, а если, молъ, не совсѣмъ она тутъ, то теперь уже близко.

— Сибирь тѣмъ хороша, что вратъ не велить. Въ Россіи смиреніе напускай, а за угломъ дѣлай что хочешь; въ Сибири иди какъ хочешь и каковъ ты есть, не притворяйся, не застаиваешь.

— Въ Россіи думаютъ, что ты самый худой человекъ, коли „часы потерялъ, а цѣпочкой обзавелся“, а въ Сибири знаютъ, что мы не хуже другихъ и не лучше другихъ! Живутъ и на волѣ люди хуже тебя, а идешь ты на канатъ затѣмъ только, что проще другихъ, глупѣе говорить надо. Значить—попался, хоронить концовъ не умѣть...

До Тобольска партіи шли въ полномъ составѣ, т. е. такъ же, какъ снимаются съ мѣстъ: женщины отъ мужчинъ не отдѣлялись, давая, такимъ образомъ, возможность видѣть по-часту на подводахъ, слѣдующихъ за партією, мужчинъ и женщинъ, сидящихъ вмѣстѣ. Понимающіе дѣло знали, что это счастливыя четы любовниковъ, успѣвшихъ за долгую дорогу перемолвиться и войти въ сношенія между собою и съ этапными; съ послѣдними для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти право принимать за собственные деньги лишнюю подводу. Любовнымъ изъясненіямъ не препятствуетъ

при этомъ то, что по-часту подвода принимается въ складчину и стало быть на одѣ сани садятся по двѣ и по три любящихся пары. По сознанію знатоковъ, женщины преступницы вырабатываютъ на этапахъ особое душевное свойство, которое мѣшаетъ имъ любить одного и служить на такой долгій срокъ, какой полагался для перехода партіи до мѣста. Этапная любовница особенной любви къ супружескимъ узамъ не показывала, она рѣдко остается вѣрною тому, кто первый подвелъ подъ ея преступное сердце мину и немного побольше любить развѣ только того, кто съ ловкостью соединяетъ важную и существенную доблесть. Дobleсть эта для ссыльной женщины заключается въ бережливости, а послѣдняя обеспечивается всегда тѣмъ набитымъ денежнымъ карманомъ. Большинство женщинъ идетъ въ Сибирь за поджоги или за убійства дѣтей, а оба эти преступленія вызываются ревностью и обуславливаются въ ссыльной женщинѣ присутствіемъ пылкихъ страстей. Страсти эти, съ одной стороны, послужили къ гибели и ведутъ на каторгу, съ другой—изъ пересыльной женщины дѣлаютъ легкую добычу для аматоровъ. Любители эти—по большей части этапные солдаты (на полуэтапахъ, напр., бабы—по уставу—ночуютъ въ солдатской караулнѣ), меньшая половина—товарищи-арестанты. Впрочемъ, нерѣдки случаи и постоянства въ любви, въ формѣ даже какъ будто гражданского брака, въ тѣхъ случаяхъ, когда защемило женское сердце тотъ молодецъ, который сосланъ безъ срока на каторгу, а стало быть не имѣетъ права вступать въ бракъ раньше 11 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, эти связи нельзя не считать въ числѣ главныхъ причинъ, что съ этаповъ не бѣгутъ и крѣпко держатся народъ обоего пола за невеселый канатъ.

Наблюдающіе за томскимъ острогомъ согласно свидѣтельству о томъ, что пересыльные арестанты, пользуясь удобствомъ размѣщенія оконъ, выходящихъ на дворъ противъ бани, цѣлые часы простаиваютъ на одномъ мѣстѣ, любясь издали на моющихся въ банѣ арестантокъ. Для достиженія желаемой цѣли подкупъ всегда дѣйствителенъ; иногда употребляется и насиліе. Въ тюремномъ острогѣ арестанты ловко прячутся за двери, чтобы выждать выхода женщинъ; женщины настойчиво лѣзутъ къ мужчинамъ и артелями (человѣкъ въ 20) дѣлаютъ правильныя вылазки, особенно въ больницу. Одинъ фельдшеръ попробовалъ помѣшать: ему накинута на голову платокъ и щекотали до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему не удалось вырваться изъ весьма опаснаго для жизни положенія, словомъ—пока онъ постыдно не бѣжалъ. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ сами смотрители способствовали свиданіямъ мужчинъ и женщинъ и брали за это рубль серебромъ.

Этапы, во всякомъ случаѣ, представляли боль-

*) Художнику Якоби, желавшему уловить характерный беспорядокъ путешествующихъ арестантовъ, такъ и не удалось положить основы для будущей картины. Выѣзжалъ онъ и въ погоню, радѣлъ ему и конвойный офицеръ, но арестанты все-таки вытягивали мертвый солдатскій фронтъ, выстраивали шеренги. Художникъ принужденъ былъ ограничиться личною фантазією и далъ картину, мало напоминающую этапный растахъ въ его настоящемъ правдивомъ видѣ.

ше удобства для сближений на случай любовных интриг. Такъ объясняютъ и сами арестанты.

— А не выгорить дѣло, не удадутся хлопоты?

— Тогда мы въ разбивку идемъ.

— Что же это значитъ?

— Въ большомъ городу или на хорошемъ этапѣ къ лазарету пристраиваемся. Господа дохтура къ нашему брату жалостливы, отдыхать позволяютъ. А то, какъ и фелшаровъ покупаемъ, эти люди дешевые, на деньги слабые.

— Ну, а дальше что?

— Въ лазаретѣ ждешь, навѣдываешься, когда больше бабъ набралось, женская партія изъ Томска приходитъ. У зрителя тюремнаго выпросишься, три рубля серебромъ подаришь ему успѣха ради, онъ тебя къ женской партіи и припишетъ, на то законъ есть. И пойдешь съ бабами. Дорого это, да что дѣлать?! Фелшаръ, однако, дешевле зрителя. Этотъ за четвертакъ на койку положить, за двугривенный выпустить *).

— Кто до женскаго полу охотникъ (разсказывали намъ многіе другіе арестанты), тому траты большія, тому денегъ надо много: деньги ему надо на подводы, надо всякому солдату дать, офицеру—статья особенная. Опять же на водку изведетъ онъ денегъ двойное, а не то и тройное количество. Смотрите-ка, во сколько ему дорога-то обойдется! А дорога дальняя, трудная. По Сибири денежныя подаванія меньше, все больше харчомъ да вздохами. Коли не скопилъ денегъ въ Россіи, въ Сибири не наживешь. Такъ и знай!

— Въ Сибири наживаютъ деньги одни только майданщики (т. е. откупщики **). Майданщику и баба другой стороной кажется, въ ней онъ пользу видитъ и по портяжному дѣлу. Во всякой рухляди каторжному большая нужда настоитъ.

— Кто же шьетъ, когда въ партію не попадутъ бабы?

— Пьянаго народу въ партіи всегда больше бываетъ, чѣмъ трезвыхъ. Такихъ совѣтъ почти

*) Замѣчено, что женщины родили, до прихода въ Тобольскъ, дорогою. Придя въ приказъ, просили вступить въ бракъ или назначить въ одну губернію съ влюбленнымъ. «Были даже неоднократные примѣры, что оставшіе на родинѣ жену или мужа съ дѣтьми и не лишённые всѣхъ правъ состояніи, а слѣдовательно, не расторгнуты въ бракъ, просили при жизни еще кого либо изъ супруговъ о вступлении въ новый бракъ съ лицомъ, въ одной партіи идущимъ»—свидѣтельствуетъ одна официальная бумага. По закону до Тобольска женщинамъ не позволялось выходить замужъ и ни въ какомъ случаѣ не дозволялся бракъ каторжной женщины съ идущимъ на поселеніе.

**) Это—денежныя и ловкіе изъ арестантовъ, снимающіе подрады на содержаніе и продажу водки, картъ, съѣстного и пр. Но объ нихъ подробно скажемъ въ слѣдующей главѣ.

нѣтъ. А пьеть народъ, такъ и пропивается, а загнѣтъ и забираетъ въ долгъ у майданщика и табакъ и водку. А забралъ, такъ и плати чѣмъ сможешь, кто какое ремесло съ собой унесъ: портной ты—иглой ковырай; сапожникъ—дратву въ зубы, и все такое. Въ каждой партіи рѣдкій кто ремесла не знаетъ и ужъ и во всякой партіи по каждой части найдется доточникъ. Такъ это всѣ майданщики и разумѣютъ и припасъ покупаютъ мастерамъ сами въ деревняхъ у крестьянъ. Оттого у майданщиковъ навсегда деньгамъ водъ большой; майданщикъ первый богачъ въ свѣтѣ. Копейка у него сильная, да и та алтыннымъ гвоздемъ прибавляется. Такіе ужъ и люди на это дѣло идутъ, особенные.

Въ Тюмени ожидаетъ этапная партія тюрьма и въ ней отдыхъ. Тамошняя тюрьма самая большая, самая просторная изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи по пути арестантовъ. Отдыхъ или пребываніе въ этой тюрьмѣ самое продолжительное изъ всего времени, назначаемого для растаховъ (отдыховъ отъ 2 до 5-ти недѣль). Въ Тобольскѣ, какъ извѣстно, со времени учрежденія сибирскихъ губерній, по проэктамъ гр. Сперанскаго, существовалъ приказъ о ссыльныхъ, учрежденный вмѣсто „общаго по колодничьей части присутствія“, бывшаго до 1823 года въ городѣ Тюмени *). Приказъ занимается сортировку всѣхъ ссыльныхъ по разрядамъ, назначаетъ опредѣлительно мѣста ссылки, провѣряетъ частные статейные списки и составляетъ новые. Истрачивая на все это примѣтное количество времени, приказъ, такимъ образомъ, даетъ арестантамъ нѣкоторую возможность перевести духъ, придти въ сознаніе, сообразить прошедшія и отчасти будущія обстоятельства жизни. Тобольская тюрьма, однимъ словомъ, играла весьма важную роль во всей этапной жизни арестантовъ. Знающіе люди примѣчали, что арестанты выходили оттуда опытнѣе, артели ихъ устроивались плотнѣе и прочнѣе. Тюрьма эта, богатая событиями разнаго рода и вида, дающая обильный и разнообразный дневникъ происшествій, являлась чѣмъ-то центральнымъ, какимъ-то высшимъ и важнымъ мѣстомъ, гдѣ арестанту преподается всякая наука, дается всякое поученіе, столь необходимое для исключительнаго его положенія, для его новой жизни въ новой странѣ и при новыхъ условіяхъ быта. Рядомъ съ разбивкою по отдѣламъ, по разрядамъ, за тюремкою идетъ все тотъ же порядокъ, какой былъ установленъ на прежнихъ этапахъ, но съ тою только разницею, что теперь порядокъ этотъ имѣетъ уже опредѣленные, законченныя формы и правила. Рядомъ съ правомъ приказа назначать пересыльных арестантовъ на разныя городскія работы, существовалъ побѣгъ и изъ тюрьмы и съ

*) Сюда же обратно переведенъ приказъ изъ Тобольска на настоящее свое мѣсто, по справедливости.

этих работ. Въѣстъ со строгостью тюремного заключенія и надзора шло объ руку дѣланье фальшивой серебряной монеты, составленіе фальшивыхъ видовъ, паспортовъ и печатей. Тюрьма тобольская, не смотря на то, что играла какъ будто неопредѣленную роль, какъ мѣсто временнаго помѣщенія, какъ бы роль проходнаго только постоялаго двора, — важна была для проходящихъ партій главною стороною: коренною и самостоятельною наукою — наукою жизни въ ссылкѣ, на каторгѣ, на поселеніи и на тѣхъ же этапѣхъ. У тюрьмы тобольской своя исторія, оригинальная и поучительная, исторія, могущая служить прототипомъ для всѣхъ російскихъ тюремъ. Это — резервуаръ, куда стекались всѣ нечистоты, скопившіяся во всѣхъ другихъ русскихъ тюрьмахъ. Ее и на каторгѣ разумѣли въ томъ же смыслѣ, какъ разумѣютъ Москву другіе города, торгующіе тѣмъ же товаромъ, по тѣмъ же самымъ приѣмамъ и законамъ. Тобольская тюрьма сама даже нѣкогда исполняла роль каторжнаго мѣста и соблюдала въ своихъ стѣнахъ прикованныхъ на цѣпь, къ тачкѣ и проч.

Въ тобольской тюрьмѣ арестантскія партіи дѣлились на десятки, для каждаго десятка назначался особый начальникъ — десятскій, надъ нѣсколькими десятками — главнокомандующій староста, выбираемый всею партіею. Приказъ о ссыльных утверждалъ выборъ и затѣмъ уже ни одинъ этапный офицеръ не имѣлъ права смѣнить старосту, развѣ только пожелаетъ этого вся путешествующая община арестантовъ. Староста этотъ, обыкновенно, собираетъ подаванія, когда дають таковыя по пути. Онъ же ходитъ съ конвойнымъ по дворамъ тѣхъ селеній, гдѣ стоитъ этапъ и когда назначена въ немъ дневка.

Изъ тобольской тюрьмы арестантъ выходилъ богачомъ, съ запасомъ новыхъ свѣденій на счетъ своего общественнаго значенія и съ запасомъ новыхъ вещей на счетъ казеннаго интереса. Въ мѣшкѣ у него появлялись двѣ рубахи, двое портовъ, на плечахъ новый армякъ — зипунъ изъ толстаго сѣраго сукна, съ желтымъ либо краснымъ тузомъ или двойкою на спинѣ, и съ шершавымъ родичемъ — штанами, а на ногахъ бродни — не сапоги и не калоши — обувъ сибирскаго изобрѣтенія и вкуса, простая, но недолговѣчная, либо коты, т. е. мелкіе башмаки, начиненные бумагою *). На зимнее время движимое имущество его еще больше возрастаетъ въ силу требованій суровой страны: на плечи — душистый тулупъ, на руки варежки и голицы, на ноги суконныя портянки, на голову треухъ — ту уродливую шапку на манеръ башлыка, которую любятъ въ дорогѣ, по глухимъ

мѣстамъ Россіи, старики-попы и торгующіе крестьяне. Лѣтняя казенная шапка изъ сѣрагоі сукна безъ козырька, открывающая затылокъ и уши, дѣлаетъ изъ арестанта чучелу. Имущество это арестантъ можетъ уберечь, можетъ и продать кому угодно, охотниковъ много: тотъ же конвойный солдатъ, свой братъ торговецъ-майданщикъ, крестьянинъ спутной деревни и проч. Тулупъ идетъ не выше двухъ рублей, но бываетъ и дешевле полтинника; цѣна бродней колеблется между трехгривеннымъ и двумя двугривенными, рукавицы (т. е. шерстяныя варежки и кожанныя голицы вмѣстѣ) не выше двугривеннаго. Продають больше по частямъ, но можно и все разомъ, особенно, если подойдетъ дорога подъ большой губернской городъ. Тамъ разговоръ извѣстный: скажешь, что потерялъ, проѣлъ, товарищи украли. Выпорютъ за это непременно или, для ускоренія взысканія, побьютъ по зубамъ, но накажутъ непременно, потому что арестанту безъ этого прожить невозможно. Новыми вещами снабдятъ также непременно, потому что казнѣ безъ этого нѣтъ иного выхода, было бы нечего дѣлать. Одевка, такимъ образомъ, производилась въ каждомъ губернскомъ городѣ, а проматыванье вещей существуетъ во всей силѣ, не смотря на указы, изъ которыхъ первый издавъ былъ еще въ 1808 году; продавались даже кандалы, т. е. сибирскіе, фунтовъ 10 — 12 вѣсомъ, и обмѣнивались у мѣстныхъ барышниковъ на 5 и 4-хъ фунтовыхъ. Варышники, за недостающее количество желѣза до вѣсу казенныхъ, доплачивали арестантамъ по взаимному договору.

Тобольская тюрьма на этапный путь производила то вліяніе, что составу партій давала иное направленіе. До сихъ поръ шли по Россіи всѣ вмѣстѣ, отсюда уже отдѣльно: каторжные — своею партіею, поселская партія особо, женщины, по указу 1826 года, также въ своей отдѣльной партіи. Потомъ, на дальнѣйшемъ пути, арестанты умѣли эти партіи спутать и и намѣченный законнымъ уставомъ видъ измѣняли по своему уставу, но въ приказѣ объ сортировкѣ усердно хлопотали. Разъ въ недѣлю выходили оттуда либо кандалы, либо женская и потомъ поселская, либо такъ: первая кандалы, первая, вторая, третья поселскія, потомъ женскія, опять поселскія четвертая, пятая, вторая кандалы и потомъ опять четыре-пять поселскихъ, одна за другою по недѣлю. Идущіе въ кандалахъ шли вольно, отдѣльно. Посельщиковъ по три, по четыре пары приковывали къ цѣпи въ наручникахъ по двое. Наручникъ этотъ изобрѣтенъ командиромъ отд. корп. внутр. стражи, генераломъ Капцевичемъ, и былъ утвержденъ 1 марта 1832 года. Для него потребовалась цѣпь, а прежде ходили прикованными къ пруту. Прутъ оказался неудобнымъ: при ходьбѣ рука каждаго терлась объ

*) Въ этомъ случаѣ гражданскіе арестанты не могли надѣяться и наплатиться тому предпочтенію, которое оказывается военнымъ арестантамъ. Эти вмѣсто котовъ, какъ извѣстно, получаютъ сапоги.

его собственный наручникъ, который не всегда приходился по рукѣ. Высокіе люди тащили вверхъ малорослыхъ, а эти тянули руки высокихъ внизъ; слабые за сильными не поспѣвали. Отъ безпрестаннаго тренія на рукахъ появлялись опухоли и раны, на прикрѣпленные къ пруту руки нельзя было надѣвать рукавицъ. Холодъ отъ желѣза причинялъ ужасныя мученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было дѣлать руками этими никакихъ движеній, чтобы согрѣться. Унтеръ-офицеръ, сопровождавшій партію, не имѣлъ права, во время пути, отворять замка, укрѣпленнаго на концѣ прута; ключъ отъ замка хранился въ особомъ ящикѣ, за казенною печатью, изъ-подъ которой могъ быть вынуть только по прибытіи въ этапъ, гдѣ находился офицеръ. Слѣдовательно, если заболѣвалъ одинъ изъ арестантовъ въ дорогѣ, то должно было всѣхъ вмѣстѣ сажать на повозку. На ночлегахъ арестанты не имѣли нужнаго покоя, ибо движеніе одного чувствовали всѣ прочіе, прикрѣпленные къ пруту. Каждый разъ, когда нужно было одному изъ нихъ выходить ночью на дворъ, всѣ товарищи должны были его сопровождать. „Ужасъ и уныніе, — свидѣтельствуеетъ officialный актъ: — замѣчаемые въ арестантахъ въ то время, когда дѣлались приготовления прикрѣплять ихъ къ пруту, всеобщая радость и благодарность, возсылаемая къ благодѣтельному начальству, когда отправляютъ ихъ порознь въ кандалахъ, явно убѣдили въ томъ, что прутъ для нихъ, безъ всякаго сравненія, отяготительнѣе кандаловъ“. Прутъ, просуществовавшіе восемь лѣтъ (съ 1824 года), были замѣнены цѣпью различной длины (отъ 11 вершковъ до 1½ аршина). На цѣпи теперь другое горе: бойкіе на ногу тянутъ заднихъ тихоходовъ; остановится одинъ за нуждою — всѣ должны стоять и дожидаться, а сковываютъ иногда человекъ по восьми, по десяти. Но арестанты и этотъ способъ снуѣли медленнымъ хожденіемъ (при чемъ нельзя распознавать перваго виноватаго) до того обезобразить, что сами конвойные охотно перестаютъ примѣнять его. Они хорошо знаютъ, что надо пройти въ день до стоянки верстъ 30 и больше. Утромъ вышли — надо ночевать на полутапѣ; опять день идти, чтобы попасть на этапъ. Здѣсь дневка — дается отдыхъ (растахъ, по тамошному). На третій день опять путь-дорога до ночевки на полутапѣ и дневки на этапѣ. А тамъ и пошла писать эта медленная путнина, долговременная ночевка до мѣста назначенія. Пойдемъ вслѣдъ за арестантами.

Выйдемъ изъ тобольской (а теперь изъ томской) тюрьмы, чтобы слѣдовать за арестантами снова вдоль этапнаго пути, у котораго конецъ еще не ближній и во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ для самаго дальняго преступника находится теперь мѣсто его родины. Вотъ что мы слышимъ.

На первомъ привалѣ и отдыхѣ арестанты устраиваютъ въ средѣ своей отдѣльную и самостоятельную артель, которая имѣетъ такой же смыслъ, значеніе и важность, какія имѣютъ всяческія артели, успѣвшія поглотить въ себя все работающее населеніе, во всѣхъ углахъ и странахъ нашего отечества. Устраиваемая на первомъ привалѣ арестантская артель существуетъ затѣмъ во все время этапнаго пути и существуетъ самостоятельно и отдѣльно отъ той, которая установлена и поощряется закономъ. Не уничтожая, даже не ослабляя смысла и значенія той, которая сочиняется въ Тюмени по приказу чиновниковъ, эта новая артель, въ то же время, имѣетъ особенный, самобытный характеръ, съ которымъ плотнѣе и сильнѣе дружится путешествующій преступникъ. Она тоже не требуетъ особыхъ нововведеній, измѣненій и улучшеній, она тоже является въ готовой формѣ, Богъ вѣсть когда придуманной, но до сихъ поръ свято соблюдаемой. Арестанты такую артель любятъ и безъ нее не только не ходятъ по этапамъ, но и не живутъ въ тюрьмахъ. Эта артель — жизнь и радость арестантской семьи, ея отрада и покой. Въ казенной артели полагается староста, въ арестантской — откупщики, май данщики; вотъ въ чемъ вся разница этихъ двухъ артелей, повидимому, ничтожная, но, въ сущности, огромная.

Образованію арестантской артели предшествуютъ торги, со всѣми признаками этого обычнаго вида коммерческихъ операций. Торги производятся на отдѣльныя статьи: 1) содержаніе водки, 2) содержаніе картъ, съѣстныхъ припасовъ, 3) одежныхъ вещей и проч. (иногда въ примѣчательной подробности). Къ торгамъ допускается всякій, безъ различія, но выигрываетъ только тотъ конечно, у котораго потоще другихъ мошна, который самъ бывалъ въ передѣлкахъ, а дѣло торговли ему и знакомое и привычное. Это большею частью люди бережливые, скопидомы, у которыхъ замерало въ сердцѣ всякое поползновеніе на соблазнъ, для которыхъ и въ тюрьмѣ жизнь не безпорядочна, не разбита отчаяніемъ, а несетъ тѣ же живыя струи и рисуется съ тѣми же оттѣнками, какъ и жизнь на свободѣ. Вѣдникъ и разочарованный на такое дѣло не пойдутъ, но не выпустятъ его изъ своихъ рукъ тѣ, которые и на свободѣ маклачили торговлею и по этапамъ снуѣли уберечь и припрятать кое какую конейку.

Откупныя статьи поступаютъ, по большой части, въ однѣ двое руки, но если идетъ большая партія (напр., свыше ста человекъ), торги становятся дробными. Въ однѣ руки сдаютъ право на содержаніе картъ, костей, юлки и другихъ игорныхъ принадлежностей; въ другія руки поступаетъ торговля табакомъ, водкою и всѣми возбуждающими сластями и удовольствіями наслажденіями; въ третью руки

идеть торговля харчомъ и доставка съѣстныхъ припасовъ. Дробность эта иногда бываетъ еще мельче, но во всякомъ случаѣ, торги устанавливались обыкновенно не на всю дорогу отъ Тобольска до каторги. Одни торги существовали до Томска, гдѣ впервые разбивалась партія и на первомъ же этапѣ за Томскомъ устраивались новые торги до Красноярска, въ Красноярскѣ—до Иркутска, въ Иркутскѣ уже вплоть до Нерчинска. По Сибири ходятъ партіи чело-вѣкъ въ 200 и болѣе *). Заплативъ артели нѣсколько рублей, а иногда и десятковъ рублей за право торговли, откупщики-майданщики обя-заны уже имѣть все, по первому затребованію арестантской общины. Часть денегъ, получен-ныхъ съ откупщиковъ этихъ, дѣлится поровну между всѣми остальными, другая, меньшая, сдается на руки казеннаго старосты, который обязанъ, на правахъ казначея, блюсти эту сумму какъ зѣнцу ока. На эти деньги староста, съ согласія цѣлой артели и съ ея разрѣшенія, покупаетъ всякія льготы у этапныхъ началь-никовъ (офицера или унтеръ-офицера): право пропѣть „Милосердную“ и собрать въ сполучной деревнѣ на артель деньги и съѣстные при-пасы; право сходить въ баню на этапѣ, иногда выкупаться въ рѣкѣ, сбѣгать въ ка-бакъ откупщику или его подставному помощ-нику; снять кандалы на честное варнацкое слово и признаніе, сверхъ казенной, на артель-ныя деньги, лишнюю подводу, куда садятся сла-бые и больные и складываются, снятыя для облегченія въ дорогѣ со всей партіи, кандалы **).

*) Законъ ограничиваетъ число людей въ партіяхъ во внутреннихъ губерніяхъ отъ 20 до 60 и въ сибирскихъ отъ 50 до 60, 100 и болѣе. Между тѣмъ, среднее число людей въ партіяхъ при еженедѣльной (60 разъ въ году) отправкѣ по этапамъ бывало:

Отъ Полтавы до Харькова	30
» Харькова до Воронежа	34
» Воронежа до Тамбова	40
» Тамбова до Пензы	43
» Пензы до Симбирска	47
» Симбирска до Казани	69

Въ Казани же присоединялась и московская партія (изъ ссыльныхъ окрестныхъ губ.), попол-ненная петербургскою (изъ арестантовъ фин-ляндскихъ, остзейскихъ, литовскихъ, псковскихъ и олонекскихъ). Московская (соединенная) партія росла такъ:

Отъ Москвы до Владимира	72
» Владимира до Нижняго	80
» Нижняго до Казани	85

Въ Казани, такимъ образомъ, собиралось уже 154 арестанта; въ Дебесахъ (куда сходились изъ Вятск., Волог., Костр., Оренб. и друг. губ.) число ссыльныхъ среднимъ счетомъ бывало 171.

Отъ Дебесъ до Перми	178
» Перми до Кунгура	182
» Кунгура до Камышлова	189
» Камышлова до Тюмени	194
» Тюмени до Тобольска	220.

**) На тѣ времена, когда по малолюдству партіи не сладится откупъ, и не будетъ майданщика, обязаннаго оберегать арестантскія удовольствія,

— Гдѣ же нанимають подводы?

— Сами этапные лошадей держать. Солдаты тѣмъ и живутъ, живутъ тѣмъ же и господа офицеры.

— Да справедливы ли этотъ послѣдній сказъ?

— На правду-то дѣло пойдетъ, такъ мы (арестанты) и отвѣтить не знаемъ какъ, кго изъ насъ лучше: тѣ ли, кто водятъ, или тѣ, что ходятъ. Подъ Казанью былъ этапъ и про-зывался пьянымъ; пьяный и былъ: тамъ спав-вали всѣ партіи. Въ Енисейской губерніи другой такой этапъ стоялъ и офицеръ жилъ. У него было пять дочерей, а при нихъ онъ кабакъ содержалъ. Мы люди гиблые, а душа въ насъ все та же: на всякую сласть соблазновъ не отняли и силушки не хватаетъ сладить съ духомъ.

Прислушайтесь!

„Вышли мы изъ Тобольскаго городу и не отошли верстъ десяти, слышимъ, кричить этап-ный, который шелъ съ нами:

„— Староста!

„Подбѣжалъ къ нему староста.

„— Спроси партію, по сколько дастъ за ста-тейные списки?

„Спросилъ староста партію. Отвѣчаютъ:

„— Давай по пяткаку съ рыла.

„— Мало,—отвѣчаетъ,—пускай-де дають по гривнѣ!—и отослалъ старосту.

„Тотъ къ артели.

„— Давай по восьми копеекъ!

„— Не беретъ, безъ запросу-де.

„— Ну, чертъ съ нимъ, отсчитывай ему по гривнѣ.

„Развязали мошны, отсчитали деньги, переда-ли старостѣ. Развернули намъ бумагу и вычи-тали каждому—куда и какъ. А знаетъ, даромъ долженъ сдѣлать; даромъ доведетъ до тѣхъ мѣстъ, кому какое уготовано. Надо бы было намъ слышать это самое въ приказѣ. Тамъ не сказали, а тутъ зудъ беретъ: всякому впередъ знать о себѣ хочется. Всякому это лестно. Вотъ тутъ первый соблазнъ. Приказъ сказывать дол-женъ, да захотѣлъ онъ, видно, помирволить офицеру; инъ быть дѣлу такъ! А бывало дѣло и не одинъ разъ бывало такое дѣло. Этапный начальникъ тоже чело-вѣкъ бѣдный“.

— То ли бываетъ!—говорили другіе ссыль-ные:—И кто знаетъ, съ чего это: отъ того ли, что такъ подобаешь, или по какому по другому закону, мы не domeкались. А слышали не разъ, какъ звалъ офицеръ старосту и наказывалъ:

запроданныя на откупъ,—на тѣ времена кар-точные игроки на этапѣхъ защищались полтин-никомъ противъ унтеръ-офицера. За 10—15 коп. съ майдана охотно берутся защищать игру ча-совые и тогда ведутъ подходы за себя противъ унтера. Впрочемъ, подробности тюремной жизни дадутъ намъ дальше возможность объяснить этотъ вопросъ въ болѣе полномъ оконченномъ и опредѣленномъ видѣ.

„Староста! а что бы партін-то этапнаго начальника яничками попотчивать“. Приходит староста въ партію, объявляя:

„— Можно!—сказывали и отбирали человекъ съ десять, самыхъ голосистыхъ. Пѣвуну эти шли по деревнѣ, пѣли заунывную „Милосердную“, на пѣсню выносили яйца, а изъ яицъ господинъ начальникъ яничку себѣ стряпалъ и кушалъ въ полное свое удовольствіе“.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и разспросовъ мы узнаемъ, что съ офицерами и другими провожатыми партія старается жить ладно и во всемъ имъ угождаетъ. Въ свою очередь и офицеры, глазъ на глазъ поставленный съ преступниками, обязанъ мирволить и подлаживаться къ общему тону арестантской артели, чтобы не лопнуло звено въ казенной цѣпи и она не распалась бы. Этапному офицеру сдѣлать это не трудно, потому что ему самому трудиться не надобно: до него все придумано, испробовано и подогнано въ самую мѣру. Онъ самъ искалъ этого мѣста и получилъ его въ награду за долгое терпѣніе, какъ древній русскій воевода, и съ тою же самою прямою цѣлью. Обманывать и обманываться тутъ не для чего, дѣло всему міру извѣстное. Малаго ребенка объ этомъ спросите и тотъ съумѣетъ отвѣтить. Тутъ чѣмъ ни замазывай, подгрунтовка сейчасъ окажется не тѣмъ, такъ другимъ краемъ. Инвалидные мѣста въ недавнюю старину тѣмъ и славились, что лучше крѣпостной деревни были. Хороши были инвалидные команды вообще, да и этапныя такъ же въ частности. Между тѣмъ, не трудно было распознать человекъ, что вотъ и еще житейская задача—владѣть и ладить уютное житейское судно свое между ножемъ и артельнымъ полутофомъ, между крупными ругательствами и десяткомъ яицъ за кротость нрава и уживчивость. Законъ уступокъ не знаетъ, на него надѣяться нечего; если по закону: когда убѣжить поселенецъ—накажетъ солдата командиръ, но за то, если убѣжить каторжный—военный судъ, какъ снѣгъ на голову. Опять же законъ больше себя очищаетъ, съ силами твоими не всегда справляется; велитъ прилагать стараніе къ поимкѣ бѣглыхъ и воровъ, которые укрываются въблизи дороги, или, по крайней мѣрѣ, быть для нихъ страшными своею дѣятельностью и поисками. Законъ въ то не входитъ, какъ приспособить желаніе его и гдѣ взять для исполненія его возможность, досугъ и силы. Хорошенько поглядишь на дѣло и видишь, что жизнь даритъ только двѣ крайности: либо въ стремя ногу, либо въ пень голову; сегодня—деньги на приварокъ отъ артели изъ добродѣтельныхъ подаяній, если дано ей посылное послабленіе, завтра—всѣ въ лѣсъ убѣгутъ, если нажилъ человекъ крутой нравъ и натрудилъ сердце, а за то ему: лишеніе годового оклада жалованья, судъ, клейменная отставка.

Вотъ тѣ искусственные крѣпы, какими спутываются набалованные бродяжничествомъ и тюрьмою люди съ тѣми людьми, у которыхъ сердито сердце отъ житейскихъ неудачъ, а пожалуй и отъ той же забалованности. Арестанты забываютъ на время пути по этапамъ свою бродячую повадку; приставники, въ свою очередь, должны поступиться кое-какими изъ своихъ личныхъ правъ. Въ итогъ у тѣхъ и другихъ выходила круговая порука, взаимное обязательство жить между собою мирно и ладно. Отсюда замѣчательная случайность: арестанты съ этаповъ и съ этапной дороги почти никогда не бѣгутъ. Бываютъ примѣры, но очень рѣдко, и тѣ выпадаютъ большею частью на Забайкалье, на мѣста, соединяя каторгамъ или на пустынные, вродѣ странъ зеленскихъ *); а, кажется, чего бы легче и удобнѣе: у самой дороги такая лѣсная трещина, что стоитъ вскопнуть въ нее—съ собаками не сыщешь, особенно если не зимнее время, не лежитъ снѣгъ глубокими сугробами, а стоитъ весна-красна или лѣто жаркое, трава мурава шелковая, а промежъ ней всякое коренье сладкое и ягоды рдяныя. Стоитъ, сговорившись всѣмъ, крикнуть „уру“, чтобы вся партія разомъ схватилась съ мѣста и брызнула, что вода изъ чана, въ разныя стороны. Что тутъ какихъ нибудь 20—30 конвойныхъ противу ста или попредстали принять могутъ? И на плечахъ-то у нихъ старыя кремневыя ружья съ освѣкою. Да не въ томъ дѣло.

— Вѣжать съ этапа невыгодно, — увѣряли бывалые арестанты:—да и артель наша такого дѣла не терпитъ. Умѣлые начальники такъ сказываютъ: „Дѣлайте, братцы, что хотите, а мнѣ чтобы ни одного бѣлаго въ партію не было. Урвется который, всю партію къ цѣпи прикую“. А наложить цѣпь—для нашего брата ни въ которое время хорошо не бываетъ. Лѣтомъ эта цѣпь суставы ломаетъ, зимою отъ цѣпи всѣ кости ноютъ. На нашей партіи одинъ разъ стряслось такое дѣло: наложили! На морозѣ цѣпь настыла, холодило самого мороза стала, и чего-чего мы на переходѣ-отъ этого не на-принимались! Мозгъ въ костяхъ, кажись, замерзаетъ сталь, таково было мастно и больно, и не въ людскую силу и не въ лошадиную!.. **).

*) Пустыни по тракту въ Якутскъ и дальнѣе до Охотскаго края и Камчатки съ двумя вѣпокуранными и однимъ солевареннымъ Охотскимъ заводомъ издавна служили исключеніемъ для этого правила. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія ссыльные организовались очень часто въ большія разбойничьи шайки. Въ 1832 г. высшее правительство знало, что при вниманіи конвойныхъ въ небольшомъ числѣ, ссыльные дѣлали побѣги и производили грабежи, а потому указомъ 26 февраля установило на этомъ пространствѣ въ 400 верстъ три этапа.

**) Освобождали отъ каната, т. е. цѣпи желѣзной, за 2 коп. съ человекъ, а ковыя деньги удерживались изъ кормовыхъ.

— У насъ (говорили другіе ссыльные), изъ нашей партіи единожды бѣжалъ молодой да небывалый, горячѣный. Юкнуло сердце и суставы затрещали прежде времени. Думали: цѣпи не минуютъ, а зима во всей силѣ. Собрались мы въ кучу, потолковали, померекали, пришли къ начальнику:

«— Такъ молъ и такъ, ваше благородіе. А вы намъ сдѣлайте эту милость: пустите на поиски! Мы вамъ этого бѣлаго сыщемъ, чтобы вамъ со счету не сбиваться и передъ начальствомъ своимъ не отвѣтствовать.

«— Ладно!—говорить.

«Офицеръ былъ старый, свое дѣло зналъ, да зналъ онъ и нашего брата; чутокъ былъ на варнацкое слово *).

«— Ступайте!—говорить и конвойныхъ намъ не дасть. Пошли мы отъ своей артели, пошли на ея стражъ, сами изъ себя и сыщиковъ выбрали. Въ лѣсу сдѣлали облаву. Проходили ночь, много утра, на другой день взяли. Въ полудень черезъ сутки сошлись, гдѣ сказано, и къ начальнику привели прибылого да новенького: бѣжалъ отъ насъ молодой парень лѣтъ восемнадцати, а наши ребята старика сгребли, лѣтъ пятидесяти. Старикъ бродяга былъ, на бѣгахъ, а бродягъ въ сибирскихъ лѣсахъ, что лия, не искать стать.

«— Не того привели!—сказываетъ офицеръ.

«— А вамъ, молъ, ваше благородіе, не все равно?!

«Подумалъ начальникъ, согласился принять этого. Былъ бы, значить, счетъ вѣренъ, а тамъ наводи справки, на чьемъ этапѣ смѣна сталась».

— Ну, а старикъ?—спрашивалъ я.

— Ломался, упирался на первыхъ порахъ, дѣло извѣстное. Мнѣ-де, слышь, и погулять хочется, и кого-де вы еще мнѣ подставите: можетъ каторжнаго, можетъ безсрочнаго... и въ лѣсу-де мнѣ не въ примѣръ лучше, чѣмъ съ вами... Сказывать много, всѣмъ намъ слова его смѣшны даже сдѣлались.

«— Ты, молъ, старъ человѣкъ, а глупъ очень. Чертъ тебѣ мѣшаетъ въ Иркутскѣ сказаться: я-де не я, по ошибкѣ за другого въ списокъ включенъ. Тамъ начнутъ казенныя справки дѣлать, а ты сиди въ теплѣ. На морозѣ-то, молъ, дуракъ, хуже, да и не на всякій день харча промыслишь, а въ острогѣ казенный.

*) Варнацкое слово, варнацкая честь—условныя названія хорошо извѣстнаго сибирякамъ новаго элемента въ народномъ духѣ. Основаніе его лежитъ на тѣхъ же самыхъ данныхъ, какими руководствуются купцы, вѣряя на честное слово, по одной накладной, товары возчикамъ, а смыслъ самыхъ словъ сдѣлается окончательно понятнымъ, когда обнажатся въ послѣдующихъ нашихъ разсказахъ тюремныя тайны. Слово варнакъ, чалдонъ—бранныя прозвища, адресуемыя сибирскими старожилами всѣмъ бѣглымъ изъ тюремъ, съ заводовъ и съ мѣстъ поселенія и водворенія.

«Подумалъ старикъ, сдаваться стать. Обскачивается:

«— Не осерчало бы начальство которое...

«— А тебѣ, молъ, съ нимъ дѣтей крестить! Пушай сердаетъ, пушай справляется, не что ему дѣлать, начальству-то твоему! вишь, пожалѣлъ!.. Ты думаешь, на спину-то тебѣ оно крестъ повѣсить за то, что ты волкомъ-то по лѣсамъ бродилъ? Этого, братъ, баловства и въ Россіи не любятъ.

«Старикъ опять подумалъ, а мы ему ото всей артели рубль серебромъ положили: согласился. И пошелъ этотъ старикъ съ нами. Послѣ будетъ сказываться непомнящимъ. Такъ его начальство и писать вездѣ и всегда станеть».

Обычай мѣняться именами, любовь къ псевдонимамъ, на этапахъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Иногда за самое ничтожное вознагражденіе соглашается бобыль-поселенецъ сказаться каторжнымъ для этаповъ, чтобы объявиться потомъ поселенцомъ вблизи самой каторги, когда облагодѣтельствованный имъ, прикрытый его званіемъ каторжникъ остался далеко назадъ и гдѣ либо въ волости воспользовался болѣе легкими и льготными правами сельщика. Обычай этого не остановило и строгое рѣшеніе закона, повелѣвающаго поселенца съ псевдонимомъ оставлять на каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами розъ, къ двадцатилѣтнему сроку прибавлять еще пять лѣтъ. Обмѣнъ именами не прекратился и между поселенцами, не смотря на то, что обоимъ предстояло пробывать за то на заводской работѣ по два года.

Другой случай, переданный намъ очевидцемъ, поразительно доказываетъ отсутствіе въ арестантской партіи стремленій къ побѣгу и возможность существованія такихъ стремленій при томъ плотномъ устройствѣ артели, въ какомъ неизбѣжно шествуетъ каждая партія.

Дѣло было около Тюмени. Партія состояла изъ трехъ сотъ человѣкъ. Пришла она въ полуптапъ, всегда тѣсный и непомѣстительный. Цѣлью сдѣлки было желаніе партіи идти слѣдующія лишнія версты, чтобы отдохнуть въ этапѣ и отдохнуть подольше, съ зачетомъ выиграннаго времени. Офицеръ согласился. Партія пошла впередъ послѣ коротенькаго отдыха. Съ дороги, вопреки ожиданіямъ, бѣжали трое. Офицеръ собралъ партію въ кругъ, выбрали всѣхъ, раскаялся въ своемъ довѣріи и крѣпко пригрозилъ. Партія почувствовала неловкость своего положенія и всю отвѣтственность приняла на себя. Тѣмъ же путемъ облавы, черезъ выбранныхъ доточниковъ-скороходовъ и бывалыхъ бродягъ, но также безъ конвойныхъ, добыли арестанты къ слѣдующему утру всѣхъ троихъ бѣглецовъ своихъ. Привели ихъ къ начальнику. Офицеръ возымѣлъ желаніе наказать и, не встрѣтивъ со стороны товарищей противодѣйствія, далъ каждому по сто розогъ.

— Теперь позвольте нам самим еще раздѣлаться съ ними,—просила вся артель.

Получивъ согласіе, прибавила отъ себя каждому еще пятьсотъ розогъ, да такихъ горячихъ, что жестокость ихъ изумила самого привычнаго къ телеснымъ наказаніямъ этапнаго офицера.

Третья партія въ жаркій июльскій день соблазнилась на озеро холодное, искупаться захотѣла. Получивъ дозволеніе, сняла кандалы, разбрелась по берегу (партія была довольно большая), насладилась запретнымъ удовольствіемъ, но на сборномъ пунктѣ явилась вся до постыбнаго челоѣка. На Воршавскомъ хребтѣ (въ Забайкальѣ) отъ строгаго офицера изъ слѣдующей четвертой партіи бѣжало сразу 6 челоѣвъ и товарищи искать не ходили.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Взаимныя отношенія арестантовъ и конвойныхъ при этомъ усложняются и каждая партія разскажетъ непременно не одинъ случай вымогательствъ съ одной стороны, сильной и надзирающей, и не одинъ случай уступокъ со стороны слабой и подчиненной. Конвойные не упускаютъ ни малѣйшаго повода, чтобы сдѣлать съ арестантовъ поборы, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ отношеніи изумительна.

Въ большей части случаевъ придирки солдаты носятъ какой-то отчаянный, злобный характеръ. Этапный солдатъ, получающій отъ казны около 3 руб. въ годъ, какъ будто хочетъ наградить себя за многотрудную службу свою и немудреный уходъ за арестантами крохами тѣхъ, за кѣмъ надзираетъ. Слово дѣловую жизнь онъ не ѣлъ и вотъ теперь, въ болязни умереть голодною смертію, хватается зря, что попадется, не гнушается никакою скверною, не боится грѣха, что вотъ и нищаго стрѣбъ въ оскѣщеніи и изступленіи ума своего и деретъ съ его голыхъ плечъ послѣдній кошель. На практикѣ выходитъ такъ, что гдѣ солдаты линейные, тамъ и каторга, но гдѣ сибирскіе казаки (какъ, напр., въ Восточной Сибири), тамъ и пѣсня другая. Казакъ не ѣлъ крупы, не жилъ въ казармѣ, не получалъ въ приварокъ палки, а потому, умягчившись на мирныхъ деревенскихъ работахъ, на мягкомъ воздухѣ—правомъ кротче и къ арестантамъ жалостливѣе, на желанія ихъ податливѣе и уступчивѣе. За казаками арестантамъ лучше. Послушайте—и судите!

Одна этапная партія кончается въ Сибири днѣвку. Рано по утру она слышать обычную команду: „Вставай!“ На дворѣ четыре часа ночи, морозъ во всей силѣ утренника, а дѣло зимнее. Въ казармѣ этапной холодно до того, что у арестантовъ зубъ не попадается на зубъ.

Началась суматоха: „Въ дорогу собирайся!“ Грохочетъ барабанъ обычный сказъ: „по возажь!“ Выходи на дворъ. Тамъ въ суматохѣ согрѣваются, по командѣ собрались. Выведены на дворъ. Надо бы сплутаться барабана, укладывать мѣшки на

подводы и садиться больнымъ на воза, а тамъ барабанъ замолчалъ. Раздается команда словесная: „Полы мыть!“

— Устали мы, изныли всѣ. Да и не наше дѣло.

— Кто дрянилъ, тотъ и чистить, вездѣ это такъ. Мой полы—таково положеніе.

— Положенія такого не слышали и не видали. Смотри на стѣнѣ, начальство притѣснять не велитъ.

— Это въ прошломъ году было сказано. Нынче другой годъ идетъ и потому положенія новыя.

— Гдѣ онѣ?

— Приколотить не успѣли.

— Покажи ихъ.

— Въ другой разъ приходи! посмотришь.

И затѣмъ унтеръ-офицеръ отбираетъ изъ партіи, вмѣсто обычной переклички, троихъ или четверыхъ самыхъ говорливыхъ. При этомъ этапные ворота запираются, ружья беретъ конвой подъ прикладъ и дѣлаетъ цѣпь. Выбранные выводятся впередъ и получаютъ въ руки шайки съ холодною водою. Вода дается холодною затѣмъ, чтобы мыть приводилось больше, чтобы партія стояла на холоду и неподвижно на одномъ мѣстѣ дольше. А комнату въ казармѣ пятьдесятъ, а грязи налипло за цѣлый годъ, если не больше; и не видать конца полойной работѣ. Партіи придется ждать долго, иззябнетъ она вся, изхерзнетъ: думаетъ и надумается. Ворота хотя заперли, подъ прикладъ взяли, но осталась лазейка,—зовутъ арестанты старосту.

— Поди, староста, спроси: сколько положенія по новому закону. Чертъ съ ними!..

— По грошу съ брата!

И конецъ дѣлу. И обычная по положенію стройка во фрунтъ въ двѣ шеренги, конвойные въ авангардѣ, арріергардѣ и съ боковъ. Барабанъ бьетъ генераль-маршъ: выходи рядами, а тамъ уже иди какъ хочешь. На новомъ этапѣ опять порядокъ послѣ того, какъ разобрали котомки, опять фронтъ въ двѣ шеренги. На правомъ флангѣ—каторжные, въ центрѣ—поселенцы, на лѣвомъ флангѣ—бабы. На новомъ этапѣ опять поборы. Маршъ къ нимъ на встрѣчу!

Новый видъ поборовъ столько обыкновененъ и общепотребителенъ, что безъ него и не идти, кажется, арестантской партіи, пока существуютъ эти этапы и живутъ на этихъ этапахъ солдаты, и жестокие и сребролюбивые, отъ самаго Томска до Сахалина.

Партія желаетъ получить баню по положенію и по закону.

— Бани въ починкѣ!—отвѣчаютъ имъ.

— Въ починкѣ была, братцы, прежняя, тамъ указали на вашу.

— Указъ не приказъ, да и мы на ту статью указать вамъ умѣемъ; итъ у насъ бани, ступайте дальше, тамъ бани новыя.

— Да можетъ и она въ починкѣ. Законъ велитъ топить баню каждую субботу.

— А по копейкѣ съ брата положите, такъ и наша поспѣетъ, какъ нибудь законопатимъ...

Почешутся арестанты, подумаютъ да и велѣтъ старостѣ развязать кошку съ артельными деньгами, ибо знаютъ, что—по закону—„могутъ ходить въ баню и мыть бѣлье, но не иначе, какъ съ позволенія этапнаго начальника (!?)“.

Недозволеніе огня—новая статья солдатскихъ доходовъ, въ особенности около ссыльныхъ дворянъ *) а виѣстъ съ этимъ запрещеніемъ и невозможность самитъ, для ускоренія, ставить самовары,—предполагаютъ новый, непредвидѣнный расходъ для ссыльныхъ путешественниковъ.

Но до сихъ поръ солдаты, а вотъ и настоящіе этапные начальники, по тѣмъ несомнѣннымъ даннымъ, которые попадаются въ слѣдственныхъ дѣлахъ и официальныхъ бумагахъ разнаго рода **).

Первый примѣръ.

Арестантъ на спросъ въ Томскѣ показалъ, что у него одинъ этапный начальникъ взялъ въ займы 15 руб. сер.—и не отдалъ. Навели справки, написали батальонному командиру и получили отвѣтъ, что деньги съ офицера взысканы и отправлены по принадлежности къ мѣсту нахождения кредитора.

Другой примѣръ оправданъ не однимъ десяткомъ случаевъ.

Во многихъ этапныхъ зданіяхъ пропадали казенныя вещи, большею частью желѣзныя, имѣющія передъ прочими большую цѣнность: дверныя петли и скобы, печныя заслонки и душники, а на одномъ этапѣ исчезли даже цѣликомъ новыя сосновыя двери. Наведены были справки; оказалось, что всѣ эти вещи проданы торговцамъ и продавали ихъ сами этапные командиры.

— И нѣтъ никакихъ средствъ искоренить это зло!—говорили намъ люди знающіе, заинтересованные этимъ дѣломъ, какъ люди, ремонтирующіе этапныя зданія.

— А подумать, прискаты!—было у насъ на умѣ, но знающіе люди предупредили отвѣтомъ:

— Придумать могли одно только: душники закладываютъ кирпичемъ, вмѣсто заслонокъ рокожу моченую вѣшать, а двери и безъ скобокъ живутъ...

Третій случай.

*) Тюремныя предписанія, между прочимъ, превратно поняли свойства огня, не дозволить его въ порочномъ видѣ, но разрѣшивъ пользование имъ въ видѣ угольевъ; ссыльнымъ изъ дворянъ не позволяютъ ставить самовары, но подаютъ ихъ съ угольями и уже не боятся опасности поджоговъ. Арестанты изъ дворянъ, какъ извѣстно, пользуются передъ другими еще тѣмъ преимуществомъ, что освобождаются отъ оковъ и могутъ прождать въ сутки 15 коп., тогда какъ другіе должны быть сыты только на 10 коп., хотя бы эти другіе и жила въ ненасытныхъ извозчигахъ.

**) Этапные начальники обязаны провожать партіи, если въ ней больше 80 человѣкъ.

Въ Пермской губерніи, почтовымъ трактомъ отъ Екатеринбурга къ Москвѣ, тянется небольшой обозъ съ чаемъ, съ пятью-шестью возчиками. Сзади партіи ѣдетъ на подводѣ въ одну лошадку офицеръ. По обыкновенію господинъ этотъ кричитъ арестантамъ: „Давайте по два рубля съ человѣка и дѣлайте, что хотите“!

Состоялось согласіе, учинилась сдѣлка, отсчитаны деньги. Арестанты бросились на возы всюю партією, сорвали нѣсколько цибиковъ (т. е. мѣстъ). Возчики сбѣжались въ кучу, бросились отбивать пограбленное, но конвой сдѣлалъ цѣпь—не пустилъ. Награбленный чай въ сосѣднемъ городѣ сбытъ былъ темными путями черезъ надежныхъ людей, деньги получены натурою, раздѣлены поровну на каждого человѣка. Затѣялось слѣдствіе, тянулось долго и много.

Таковы бывали начальники смиренныя, а бывали и сердитые.

— Иной придется будить партію да увидить, что нашъ братъ-нѣженка распустился на ночь, чтобы слаще спать: кандалы съ ногъ спустилъ для легкости; подавай штрафныя деньги по положенію. А положеніе это онъ въ трубѣ углемъ пишетъ...

— Бывало и вотъ что: у меня отъ морозу лицо опухло. Увидаль это этапный офицеръ, въ рыло съѣздить.

„— Ты (говоритъ) клейма вытраваляешь.

„— И не думалъ, ваше благородіе, морозъ со мной попутить.

„Затопалъ ногами, закричалъ зычнымъ голосомъ:

„— Плетей подавай!

„Дать мнѣ ему было нечего, вздуть меня. Другой, денежный, откупился отъ такой же напасти. Саломъ бы гусинымъ смазать надо и сало подъ рукой, всякій этапный солдатъ сало это на тотъ случай держитъ, а сунься—четвертакомъ за махонькій кусочекъ не отдѣлаешься. Не дашь, начальству подѣ страхъ подведетъ, а дать не изъ чего. По Сибири нашъ братъ ѣдетъ совсѣмъ безъ денегъ. Тамъ деньгами помогаютъ мало, больше живьемъ да харчами“.

Четвертый случай.

Послѣ извѣстнаго омскаго дѣла, когда тамошніе ссыльные поляки затѣяли крупный побѣгъ черезъ Киргизскую степь, началось передвиженіе ихъ по Сибири. Между прочими составлена была партія изъ 30 поляковъ, находившихся въ Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (близъ Канска), и, закованною въ кандалы, отправлена была въ Нерчинскъ. Въ Иркутскѣ увеличенная новоприбывшими, она выведена была изъ острога для дальнѣйшаго путешествія. Окруженные конвоемъ со всѣхъ сторонъ, поляки очутились въ одной партіи съ прочими преступниками. Этимъ выбрали полъ-головы тутъ же, на тюремномъ дворѣ; тоже самое хотѣли сдѣлать и съ поляками. Впрочемъ, конвойный офицеръ согласенъ былъ взять по 60 коп. съ

каждой головы, чтобы избавить их от операций, от которых освобождал политических преступников давний обычай. Поляки, не имѣя денег и желанія подчиняться капризамъ конвойнаго, сдѣлали нѣсколько рѣшительныхъ и крупныхъ замѣчаній, въ отвѣтъ на которыя офицеръ выслалъ впередъ цирюльника съ тупою бритвою и грязною бритвенницею. Первый, къ которому подошелъ солдатъ-брадобрѣй (полякъ Венярскій), ударилъ цирюльника въ ухо, а когда послѣдній сорвалъ съ него шапку, взялъ его за шиворотъ и бросилъ отъ себя съ замѣчательною силою. Всѣ солдаты, при видѣ такого поступка, съ крикомъ „поляки бунтуютъ!“ кинулись на остальныхъ. Началась общая свалка, которую прекратилъ самъ губернаторъ, явившійся въ острогъ по призыву. Офицера посадилъ онъ на гауптвахту, а поляковъ отправилъ дальше небритыми. Когда партія пришла въ Верхнеудинскъ, тамошній полиціимейстеръ распорядился прогнать изъ тюремнаго двора всѣхъ продавцовъ и продавщицъ съѣстного подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы поляки, идущіе партіею, не имѣли свиданія съ живущими въ городѣ. Для большаго обезпеченія себя, онъ даже заперъ ихъ въ казематахъ на замки, а между тѣмъ о пищѣ не распорядился. Одинъ повстанецъ изъ жмудяковъ выломалъ двери въ своемъ номерѣ и высвободилъ товарищей изъ другихъ номеровъ, чтобы общими усиліями докричаться и доискаться пищи. Начался шумъ и прежній крикъ: „поляки бунтуютъ!“ Прибѣжалъ полиціимейстеръ и далъ разрѣшеніе на очередной выходъ съ конвойнымъ въ городъ за припасами. А за бунтъ въ острогѣ отомстили — говорятъ — тѣмъ, что дальше отправили польскую партію окруженною крестьянами съ колями и собаками. Подъ такою обороною, какъ говоритъ преданіе, прошли они всю Братскую степь и только въ г. Нерчинскѣ конвой былъ уменьшенъ и принялъ обычный форменный видъ.

Пятый случай.

Идетъ по этапамъ арестантъ бывалый и тертый, изъ бродягъ. Дорогою онъ, по обыкновенію, крѣпко промотался, надо добыть денегъ покрупнѣе и побольше. Нехитрая штука въ займы взять у старосты или въ артелѣ, мудреная штука взять деньги у офицера и взять безъ возврата. Попробовать надо, такого случая на этапѣхъ не слыхивали. Задумалъ арестантъ про себя и товарищамъ объ этомъ передать. Выслушали тѣ, посмѣялись: выдумка понаправилась. Рѣшили всѣ стоять за одно, помогать ему, а на несчастный случай выручить. И пошло дѣло въ ходъ такимъ образомъ: пускаетъ арестантъ между спутниками слухъ, что добылъ онъ контрабандное золото въ порошокъ по случаю. Штука дорогая, да онъ бѣдный заключенникъ, не стоитъ за цѣною и продать бы съ радостью, да не кому; хочае-де серебро

для него лучше. Въ лавку снести — конвой не велитъ, а начальству своему онъ не прочь передать за все, за что ему будетъ угодно взять. Пошелъ этотъ слухъ отъ арестанта къ другому, дошелъ до конвойныхъ солдатъ, а изъ устъ солдатскихъ попалъ и въ офицерскія уши. Разгорѣлся офицеръ на легкую добычу, присталъ къ арестанту:

— Продай!

— Извольте!

Взялъ офицеръ золото, отнесъ къ серебрянику (дѣло было въ Томскѣ), показалъ мастеру:

— Гдѣ взяли?

— У арестанта.

Подумалъ серебряникъ, смекнулъ и отвѣтилъ:

— Золото. Покупайте его, давайте что ны спросить.

— А купишь его у меня?

— Отчего не купить! Зайдите на обратномъ пути, когда проводите партію; теперь денегъ нѣтъ да и свидѣтели близко, а тогда куплю.

Проводилъ офицеръ партію, пришелъ къ серебрянику.

— Ступайте, ваше благородіе, въ котельный рядъ, тамъ не возьмутъ ли? Порошокъ вашъ — тертая сущая мѣдь, безъ обмана. Золото бываетъ не такое.

Приводя всѣ эти частные случаи, объясняющіе взаимныя отношенія арестантовъ и провожатыхъ, мы брали ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они попадались намъ, и не составляемъ связанной и общей картины, потому что не имѣемъ на то права. Право наше безсилно и потому еще, что приведенные примѣры частные: сегодня одинъ случай, завтра другой; одинъ за другой не отвѣчаетъ, одного за другимъ ни предвидѣть, ни ожидать невозможно. Каждый имѣетъ свой характеристическій оттѣнокъ, одинъ на другой не похожъ и если нѣтъ крупныхъ противорѣчій и отрицаній, то потому, что мастера-художники одни и тѣ же, одной и той же школы. Для картины кладется все-таки одинъ только грунтъ прочный, все другое для насъ мало опредѣлилось. Краски накладываются такою грубою кистью, что въ рисунокѣ не ожидаешь ни изящества, ни полноты, ни законченности. Мастера, правда, умѣлые и досужіе, но, какъ владимирскіе богомазы, они на работѣ не сбѣлись, въ приѣмахъ не условились, идутъ особнякомъ, на двѣ стѣны и смѣны: одинъ пишетъ лица, другой только одежду, „долишнее“. Работа раздвоилась. Одинъ пишетъ, что можетъ, другой — что хочетъ: нѣтъ, стало быть, ни лица, ни образа. Иногда вмѣшивается третій и тогда совсѣмъ уже нельзя разпознать не только деталей, но и общаго въ картинѣ...

Записокъ пересылаемые арестанты не ведутъ, да и вести не могутъ: бумага, перо и чернила для преступника вещи запрещенныя. Оты-вочные рассказы ведутъ къ одному — къ вѣрѣ

на слухъ и къ такому заключенію, что только на взаимныхъ договорахъ и условіяхъ и можетъ существовать вся эта гниль и путаница отношеній. Пока существуетъ этапная система препровожденія ссыльных въ томъ видѣ, въ какомъ она была — характеръ этихъ отношеній измѣниться не можетъ. Язва слишкомъ застарѣла для того, чтобы прочить ей благопріятный исходъ. Такія язвы медицина лечитъ только хирургическимъ ножомъ. Накладывать пластыри, дѣлать мѣстныя и поверхностныя перевязки — значитъ, обманывать себя и больныхъ. Больные сами хорошо это знаютъ и въ выводахъ не затрудняются.

— Какъ вы водку въ тюрьмѣ достаете? — спрашивалъ я одного изъ арестантовъ.

— Штофъ водки стоитъ на волѣ 80 коп., дамъ солдату 1 р. 60 к. и принесетъ.

Т. е. таково законъ, таково положеніе; иначе и быть не можетъ, иначе никогда и нигдѣ не бывало и не будетъ.

— Арестантское дѣло такое (объясняли мнѣ другіе преступники): не согласенъ одинъ — другого попроси, этотъ заупрямился — третьяго попробуй. На четвертомъ не оборвешься, пощастливить, соблазнится четвертый. Такого и примѣра не запомнишь, чтобы четыре солдата вибѣстѣ всѣ каменные были.

Только крѣпкая и давняя практика даетъ такіе смѣлые и рѣшительные выводы и заключенія. Язва продолжаетъ гнить, а между тѣмъ болѣзнь далеко еще до кривиса и до благопріятнаго исхода. Арестанты все-таки продолжаютъ говорить и думать свое.

— Этапы старые, холодные; ихъ не починаютъ; солдаты на нихъ народъ перемытой, перетертой, ихъ не смѣняютъ. Хорошихъ — говорить — въ Сибири найти никакъ не возможно. Напему брату оттого не легче. Тутъ нашъ братъ поневолѣ черезъ лѣбъ калачъ достаетъ и много на это денегъ изводитъ. Этапные себя соблюдаютъ да и мы глядимъ въ оба, чтобы и наша кроха нигдѣ не пропадала. Рука руку моетъ, обѣ чисты бываютъ.

— Ребята! — говоритъ одинъ офицеръ своей партіи: — Мнѣ надо поспѣвать къ сроку по важному дѣлу. Пойдемте дальше на этапъ, безъ остановокъ, сразу. Дѣло небольшое, всего 12 верстъ.

Арестанты прошли уже пятнадцать верстъ; офицеръ не изобидѣлъ, смирный былъ человекъ. Пора стояла лѣтняя, время теплое. Посулилъ офицеръ накормить за это горячими щами на собственной счетъ, обѣщалъ достать мяса на этапъ.

— Ладно, братцы! Пойдемъ дальше. Ведите, ваше благородіе...

Зимнее время судить другое и судить иначе. Между городами Нижнеудинскомъ и Красноярскомъ гдѣ-то сгорѣлъ этапъ (кажется, Камы-

шедской *). Сгорѣлъ онъ осенью, на зимніе холода. Починить и поправить его не успѣли, а между тѣмъ на вольныя квартиры становить арестантовъ запрещено, подѣ строжайшею отвѣтственностью. Вести ихъ дальше силы не позволяютъ: вибѣсто 25 верстъ придется сдѣлать 60 — пространство не въ силахъ человѣческихъ плечъ и ногъ. Что тутъ дѣлать? Одинъ командиръ надумалъ наскоро опростать уцѣлѣвшія отъ пожара этапныя конюшни. Арестанты помѣщеніемъ остались какъ будто довольны и безропотны, не смотря на то, что на дворѣ стояла глухая морозная осень, которую въ Россіи свободно называютъ зимою. На покушеніе вести дальше слѣдующая партія отвѣчала крикомъ, обѣщаніемъ употребить съ своей стороны насиліе, хотѣла разбѣжаться.

— Человѣколюбіе и справедливость арестанта ободраютъ, — наивно замѣчалъ мнѣ одинъ изъ этапныхъ.

— Да кто ихъ не любитъ? — хотѣлъ я замѣтить ему, но зная, что не всѣ знаютъ объ этихъ доблестяхъ и довѣряютъ имъ, вписалъ въ дневникъ свой слѣдующія строки:

„Деревянные этапы и полуэтапы, за долгое стояніе со времени постройки своей, производившейся въ Сибири между 1824 и 1830 годами, пришли въ такую вѣтхость, что современный ремонтъ даетъ возможность исполняющимъ строителскія обязанности класть большія деньги въ карманъ и большія, но дешевыя заплаты на старыя и гнилыя прорѣхи. Дѣло, естественнымъ образомъ, отъ этого не выиграетъ. Не тесомъ обшивать и потомъ проходиться по этой обшивкѣ казенною желтою или сѣрою краскою, а выстроить вновь и совсѣмъ уничтожить эти утлые, гнилыя и холодные сараны. Вотъ прошла только одна недѣля послѣ того, какъ поправленные этапы сданы были ремонтеромъ пріемной комиссіи, я вижу 10 этапныхъ такихъ (вижу зимою) и во всѣхъ углахъ намело снѣгу, намерзали такъ называемые зайчики. Въ одномъ углу даже цѣлая груда снѣгу, сбитая вѣтромъ по всей длинѣ этапной казармы, подѣ нарами. Не помѣшали вѣтру и досчатые заплаты, не помѣшали злу и надзоръ комиссіи и ревизія ея. Предатель-вѣтеръ выдаетъ дѣло въ наготѣ.

„И другое горе: этапы противъ прежнихъ плановъ и соображеній сдѣлались тѣсны, не способны вмѣщать всего количества проходящихъ арестантовъ. Въ пяти-шести комнатахъ на этапахъ, въ трехъ на полуэтапахъ, приводится иногда помѣстить до 500 человѣкъ. Арестанты ложатся на полъ, чуть не другъ на друга, валятся подѣ нары, гдѣ ихъ встрѣчаетъ сквозной, сырой и холодный вѣтеръ.

*) На случай подобныхъ этому затрудненій этапный солдатъ обязанъ — по закону — носить въ ранцѣ провіантъ на два дня.

„Во всякомъ случаѣ, лежащимъ на нарахъ всегда такъ тѣсно, что они едва поворачиваются и полагаютъ обыкновеннымъ явленіемъ, если многіе, прицѣпившись на краю наръ, лежать поперекъ другихъ товарищей, прямо и непосредственно у нихъ на ногахъ. И вотъ отсюда новое злоупотребленіе въ ущербъ общаго арестантскаго интереса: бывалые и опытные изъ нихъ платили солдатамъ нѣсколько денегъ, чтобы вѣхать впередъ товарищей. Отъ 8 до 15 коп. съ человѣка платятъ за то, чтобы сѣсть на подводу, и прибавляли четыре коп. съ человѣка, чтобы подлибить шаткую совѣсть инвалиднаго солдата и уѣхать денежнымъ и желающимъ на этапъ впереди другихъ *). Здѣсь счастливые и занимали мѣста лучшія, мѣста на печи, на нарахъ. Продѣлки подобнаго рода такъ часты и денежные вымогательства со стороны солдатъ столь обыкновенны, что арестанты, не придавая имъ особеннаго значенія, смотрѣли на нихъ, какъ на дѣло законное, неизбежное, роковое. Усаждая себя потомъ въ разсказахъ объ этомъ всѣмъ желающимъ вѣдать, арестанты и тогда относятся къ прошлому со всѣмъ равнодушіемъ и безъ всякой озлобленности. Вообще, требовательные на равноправность общую по идеѣ артельного устройства и нетерпѣливые, не уступчивые при попятываніяхъ на привилегію, арестанты въ этихъ случаяхъ отчасти измѣняютъ своимъ обычнымъ правиламъ. Только одни кандалные, т. е. ссылаемые на каторгу, остаются имъ неизмѣнно вѣрны. У этихъ право удобно помѣститься въ казармѣ представляется тому, кто ловчѣе, кто шибче бѣгаетъ. Принято за правило бросаться въ кандалную казарму опрометью тотчасъ послѣ того, какъ перекликали ихъ по списку и произвели осмотръ (если не успѣли и не догадались откупиться): нѣтъ ли денегъ, трубокъ, ножей.

„Я въ крѣпко морозный день зашелъ въ одинъ спопутный этапъ за Томскомъ, часть спустя послѣ того, какъ въ него вошла партія, и увидѣлъ безобразную картину безпорядочнаго размѣщенія арестантовъ, какъ овечьяго гурта, какъ стада: большая часть путешественниковъ толпилась около топившейся печи. Одинъ взгромоздился на уродливое громадное чудовищепечь и свѣсилъ свои ноги въ кандалахъ.

„— Пошелъ прочь!—ожесточенно и грозно кричалъ на него вошедшій вмѣстѣ со мною офицеръ, не этапный, но имѣвшій на такое приказаніе нѣкоторое право.

„Я изумился его смѣлости, пораженъ былъ его крикливостью и рѣшился робко замѣтить ему свое простое:

*) Иногда право обижать товарищей покупалось желающимъ за меньшую плату, но въ такомъ случаѣ не иначе, какъ передъ самымъ этапомъ и тѣми, которые пѣшестествуютъ. Солдатъ отбиралъ охотниковъ и везъ ихъ впередъ другихъ, конечно, пѣшкомъ.

„— Пусть погрѣется!

„— Помилуйте!—продолжалъ кричать офицеръ:—Кандалами замазку околачиваетъ, кирпичи обламываетъ, печь портитъ. Не успѣешь выбѣлѣть, опять замазывать.

„— Но здѣсь холодно, даже морозно.

„— Казармы старыя, обвѣшталыя!—замѣтилъ со своей стороны этапный командиръ.

„— Не вѣрьте, вашеблагородье!—послышался иной голосъ изъ толпы, сзади:—Печь-то они затопляютъ передъ тѣмъ, какъ партія придетъ, вонъ и дрова не прогорѣли. Всю недѣлю этапъ холоднымъ стоитъ, его въ два дня не протопишь.

„Крикливый офицеръ опять закричалъ, силится оправдать товарища по оружію, но рѣчь арестанта была выговорена. Его искали, но, за многолюдствомъ и тѣсною толпою и любовью говоруна, не нашли“.

Зло этапнаго холода остается все-таки зломъ и живою струною, которая звучитъ при самомъ ничтожномъ уколѣ, при малѣйшемъ прикосновеніи къ ней. Звучитъ она одно, хотя и въ разныхъ тонахъ:

— Стынешь, стынешь дорогой-то, а придешь, и согрѣться негдѣ!—замѣчали кроткіе, а умѣренные прибавляли къ тому слѣдующее:

— Трубу закроемъ, угаръ такой, что головы на плечахъ не держишь. Случалось, другіе опивались этимъ угаромъ до смерти. Не закрыть трубы, зубъ не попадаетъ на зубъ, цыганскій потъ обезсилитъ.

— Куда ни кинь—вездѣ клинъ (заклучали озлобленные). Въ маленькихъ полу-этапахъ называть народу въ казармѣ—не протолкнешься. Окна двойныя, съ рѣшетками—не продохнешь. Есть въ дверяхъ окошечко, открыть бы! такъ солдатъ снаружи защелкнулъ. „Отвори, молъ, служивый, сдѣлай милость!“—Давай, слышь, грошъ!—„Возьми, чертъ съ тобой!“ Вотъ наше дѣло какое!

Заѣзжалъ я на этапы и теплою порою, въ весеннее время, и писалъ въ дневникъ на ту пору такіа строки:

„Сазановскій этапъ (между Тобольскомъ и Тюменью).

„Въ этапныхъ казармахъ, по случаю весенней бездорожицы и задержки на Иртышѣ, скопилось 230 человѣкъ арестантовъ. На небольшомъ и тѣсномъ этапномъ дворѣ, образуемомъ обыкновенно, съ одной стороны, арестантскою казармою, съ другой—офицерскимъ флигелемъ, выходящимъ на улицу, и съ двухъ остальныхъ—острожными палями (бревенчатымъ тыномъ), на дворѣ этомъ происходилъ рѣшительный базаръ. Кругомъ двора сидѣли бабы, дѣвки, дѣвченки, солдаты. Передъ каждымъ и каждою лежали разные продукты и товары: творогъ, молоко, квасъ, щи, каша, пироги. Какой-то солдатъ продаетъ всякую мелочь: мыло, пуговки, нитки, и сладкое: конфекты, изюмъ, пряники.

— Кто это покупает?—спросил я солдата.

— Поселенцы своими ребятамъ, да мало.

„Важу: несетъ одинъ бритый арестантикъ съ тузомъ на спинѣ и въ кандалахъ, несетъ ковшикъ съ квасомъ и шаньгу (колобокъ).

— Сколько заплатилъ?

— По три копейки серебромъ.

„На крылечкѣ поселенецъ, съ семьей, впятеромъ хлебаетъ молоко (на дворѣ стояли послѣдніе дни Святой недѣли). Я спросилъ и его о цѣнѣ припасовъ.

— Привенникъ далъ, вишь, великіе дни идутъ, захотѣлось“...

А получаетъ отъ казны только $3\frac{1}{2}$ —6 коп., а иногда и меньше, потому что количество кормовыхъ зависитъ отъ справочныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ данной губерніи. Хотя цѣны мѣняются въ теченіи года, но положеніе казенное на круглый годъ остается одно и то же. Продавцы этого не принимаютъ въ расчетъ и соображеніе: берутъ все, что вадумаютъ и что захотятъ. Контроля нѣтъ, наблюденій и не бывало. Продавцы эти (преимущественно женщины, жены тѣхъ же этапныхъ солдатъ, рѣдко деревенскія бабы, иногда сами солдаты, въ особенности оставшіе изъ этапныхъ), дѣйствуютъ огуломъ, шайкою, предварительно сговорившись, между собою условившись *): 50 коп. сер. (по ихъ таксѣ, стоитъ 1½ фута варенаго мяса неопредѣленнаго вида и сомнительной доброты; 25—35 коп. берутъ онѣ, эти бабы-торговки, за чашку щей, которые и названіе носятъ щей арестантскихъ, купоросныхъ, и слывуть вездѣ съ такимъ приговоромъ: „Наши щи хоть кнутомъ млеши, пузыря не вскочитъ и брюха не окормятъ“ **). При покупкахъ подобнаго рода арестанты обыкновенно дѣлаютъ складчину, человека по два, по четыре вѣстѣ и „хоть немножко да похлебаешь горяченькаго, а безъ того на сухоматкѣ просто бѣда“! замѣчаютъ они и жалуются всегда на постоянную рѣзъ въ желудкѣ, на продолжительную и сильную одышку и прочее.

— По Сибири, однако, все-таки харчъ по-

*) Изъ прежней исторіи этаповъ видно, что сперва вольныхъ торговцевъ не пускали, торговали сами офицеры, но по многимъ жалобамъ, что офицеры берутъ вдвое противъ вольной цѣны, торговать офицерамъ запретили. Однако, злоупотребленіе не уничтожилось и только прикрылось маскою, особенно тамъ, гдѣ этапы стоятъ далеко отъ селеній.

**) Высокія цѣны объясняютъ тѣмъ, что торговцы сами покупаютъ право на торговлю у этапныхъ начальниковъ и не всегда безъ прижимокъ. Приходившія партіи нерѣдко заставляли еще крикливый финалъ переторжки, а бывали и такіе случаи, что торговцы долгое время оставались на улицѣ передъ офицерскимъ флигелемъ. Унтерамъ, обыкновенно, платилъ не больше 1 коп. сер. каждый торговецъ, а иногда просто за все раемъ, бывало, отплатитъ водкою или пивомъ на деревенскомъ праздникѣ.

дешевле, — толкуютъ другіе:—по Пермской губерніи тоже сходныя цѣны живутъ, ѣдимъ слаще: покупаемъ дичь, варимъ и жаримъ ее, а вотъ по Казанской—просто приступу нѣтъ ни къ чему.

— Отъ казны на этапъ, — говорилъ мнѣ этапный офицеръ:—ничего не полагается, кромѣ тепла и свѣтъ; но и свѣчи прежде клали на цѣльную ночь, а теперь только до зари, до зари только...

И послѣднія слова офицеръ старается громче выкричать, можетъ быть для пущаго внушенія арестантамъ, что вотъ-де я и стороннимъ людямъ то же, что и вамъ сказываю. Можетъ быть и отъ того громко говоритъ этапный, что на дворѣ творится рѣшительный базаръ, со всѣми признаками сходокъ подобнаго рода: крикомъ, шумомъ, гамомъ. Все это слилось, по обыкновенію, въ одинъ гулъ. Въ этапномъ базарѣ было только то особенное, что эвенгій цѣны да покупатели были безъ шапокъ, съ бритыми на половину головами и съ желтыми тузами на спинахъ.

Мы пошли по казармамъ. Ихъ было шесть, какъ и прежде, какъ несомнѣнно увидимъ и впереди, потому что ни въ чемъ нѣтъ такого однообразія и постоянства, какъ въ устройствѣ этаповъ: изобразить одинъ, значитъ, все описать.

Два дома: одинъ окнами на улицу для офицера и команды, другой внутри на дворѣ, окруженный частоколомъ, для арестантовъ. Посмотрѣть съ фаса: стоитъ желтый домикъ, въ серединѣ крылечко, съ боковъ примыкаетъ частоколь. Въ немъ также по серединѣ широкія ворота: правыя на арестантскій дворъ, лѣвыя—на конюшенный дворъ, отдѣленный отъ перваго частоколомъ. Войдешь крылечкомъ черезъ пролетъ стѣной въ сквозной корридоръ наружной казармы и знаешь: въ правой половинѣ двѣ комнаты, изъ которыхъ ближнюю прокуриваютъ тютюномъ этапные солдаты, дальнюю—конвойные казаки. Въ лѣвой половинѣ двѣ комнаты для этапнаго офицера, завѣдующаго двумя ближними полуэтапами; тамъ же его прихожая и кухня. На этапѣ, кромѣ офицера, живетъ еще каморникъ-сторожъ и уже больше никого.

Войдешь корридоромъ на дворъ, вотъ и арестантская казарма, чуть не на самомъ носу, и совершенно противъ первой, той же длины и того же плана, т. е. также она раздѣлена на двѣ половины и каждая половина на двѣ казармы: правая и лѣвая для идущихъ на поселеніе. Двѣ заднія казармы (правая и лѣвая) раздѣлены поперечною стѣною на двѣ помѣщенія. Изъ нихъ стало четыре маленькихъ: въ одной направо—женщины, налѣво—запоздавшіе на этапъ поселенцы. Въ двухъ заднихъ помѣщаются кандалные, т. е. сильно-каторжные. Чтобы попасть къ нимъ, надо обойти кругомъ всей казармы и пошатать дверями съ внутрен-

няго фаса ея. Тамъ узнаешь, что правѣ арестантской казармы дворъ называется женскимъ, а домишко на немъ—банею.

Оглядимся въ казармѣ.

Въ одной и той же помѣщенны были и холостые и женатые поселенцы на общій соблазнъ. Ссылно-каторжные отдѣлены, но отсюда въ Томскъ пойдутъ и тѣ и другіе и женщины, въ общей кучѣ, не дѣлясь и не дробясь, какъ шли они изъ Россіи.

Въ казармахъ поразили насъ возмутительно-дурной запахъ, хотя на то время открыты были окна. Болѣе тяжелымъ и съ трудомъ выносимымъ запахомъ отшибали тѣ казармы, въ которыхъ помѣщались женщины. Съ женщинами въ одной казармѣ жили дѣти.

— Вѣдныя дѣти!—говорилъ мнѣ со вздохомъ ко всему привыкшій и ко многому въ жизни равнодушный этапный офицеръ:—Зимою,—продолжалъ онъ:—на дѣтей смотрѣтъ страшно: коченѣлыя, испитыя, больныя, кашляютъ, многія кругомъ въ язвахъ, сыпь на всѣхъ...

Но еще не столько опасны язвы физическія, сколько тѣ, которыя упадаютъ на мягкое дѣтское сердце отъ сосѣдства съ такими взрослыми. Впрочемъ, не лучше участи дѣтской участь и взрослыхъ арестантовъ, которымъ путь до Иркутска тянется иногда около года. Лишенія и болѣзни неизбѣжны и встрѣчаютъ ихъ вездѣ, во всякое время года. Тобольская тюремная больница наполнялась каждою зимою больными отморозженіемъ членовъ (регіо) до антонова огня; тюменскую и екатеринбургскую тюремныя больницы нашелъ я (въ апрѣлѣ 1862 года) наполненными до тѣсноты больными тифозною горячкою *). Арестанты обязаны идти 500 верстъ въ мѣсяцъ, не разбирая никакой погоды. Только двѣ распутицы, и то по поводу вскрытія и остановки рѣкъ (весенняя и осенняя), задерживали проходящія партіи въ тюрьмахъ и на этапахъ. На мой проѣздъ по тюменскому тракту на одномъ накопилось 250, на другомъ 230, на третьемъ 290 человекъ. Въ тобольской тюрьмѣ собралось до двухъ тысячъ, въ тюменскомъ острогѣ до полуторы тысячи *).

Удивительно ли, что при такомъ накопленіи

*) Вотъ средній выводъ изъ цифръ въ трехлѣтней сложности. Изъ 9.500 человекъ (среднее годовое количество ссыльных, проходящихъ черезъ Сибирь) задерживаются по болѣзни въ дорогѣ до Нерчинска 1.260. Изъ нихъ 260 умираютъ, что составитъ 0,027 съ долями всего числа ссыльных. По прибытіи въ Томскъ, во время содержанія въ тюремномъ замкѣ, въ теченіи года умираютъ изъ пересыльных арестантовъ до ста человекъ. Въ числѣ главнѣйшихъ арестантскихъ болѣзней на этапахъ самая обычная—венерическая, чаще приносимая изъ Россіи и нерѣдко приобретаемая въ дорогѣ.

*) Эти остановки проважали вслѣдствіе полодья рѣкъ Тоболъ и Иртышъ. Въ 1860 году разливъ Иртыша собралъ на одномъ изъ тюменскихъ этаповъ 512 человекъ.

арестантовъ, такая духота въ казармахъ и такое зловоніе, когда стѣны успѣли прогнить цѣликомъ, когда большая часть зданій построена на мѣстахъ болотистыхъ, когда многіе этапы, въ половодье, очутятся стоящими на острову, залитыми со всѣхъ сторонъ водою, когда вода эта на полъ-аршина въ глубину застываетъ и промозгнетъ на самыхъ этапныхъ дворахъ, въ самыхъ этапныхъ зданіяхъ.

Въ особенности нестерпима казарменная духота и сильно зловоніе, когда арестанты, въ ненастную погоду, приходятъ всѣ мокрые. Ночью, когда ставить парашу, т. е. ночную кадку, казарменная атмосфера перестаетъ имѣть себѣ подобіе. По словамъ очевидца: „Смрадъ отъ этой парашы нестерпимый! И эти несчастные какъ будто стараются какъ можно болѣе выказать отвратительную сторону своего чело-вѣчества. Они, такъ сказать, закалываются здѣсь во всѣхъ порокахъ. Между ними всегда шумъ, крикъ, карты, кости, ссоры или пѣсни, пляска (Боже, какая пляска!). Однимъ словомъ, тутъ истинное подобіе ада“!

Понятно, почему тобольская тюрьма тяготилась множествомъ больныхъ острыми болѣзнями; понятно, что въ такихъ случаяхъ и самая смертность увеличивалась за недостаткомъ фельдшеро-въ и лекарствъ **). Къ чистотѣ и опрятности зданій приставники изъ солдатъ не приучены. Большая часть изъ нихъ не живетъ при мѣстахъ. Солдаты присылаются женатыми, а потому на новомъ мѣстѣ спѣшать поскорѣе обзавестись собственнымъ домомъ и хозяйствомъ. Заплативъ 15, 18, 30 рублей за цѣлую избу, солдатъ отдаетъ ей все свободное время и потомъ маклachtet около арестантовъ торговлю и продаетъ имъ за 3 к. кринку молока, за три жареныхъ рыбки беретъ 6 коп., за фунтъ хлѣба —1½ и копейку за небольшую чашку промозглаго, съ плесенью, квасу. Въ этомъ—всѣ отношенія приставниковъ къ проходящему люду, а затѣмъ все для себя и для собственнаго хозяйства. Семейнымъ солдатамъ положено отводить земли подъ поля и сѣнокосы, но военный человекъ на мирныя и кропотливыя занятія не идетъ, предпочитая имъ крохоборливья, но настойчивыя вымогательства и поборы съ проходящихъ арестантовъ. Полей солдаты не пахутъ, хлѣба не сѣютъ, сѣнокосные дуга отдаютъ въ кортому. Припомнимъ при этомъ, что каждый этапный солдатъ, исправля ка-

**) Кромѣ больницы при большихъ тюрьмахъ въ городахъ, больницы устроены еще черезъ каждые три этапа при четвертомъ. Вмѣсто докторей въ этапныхъ больницахъ фельдшера, которые, такъ же какъ и больницы, носятъ только званіе, не отличаясь надлежащими качествами. Благодаря этимъ заводеніямъ и трудностямъ путешествія, бывають случаи, что вмѣсто года нѣкоторые арестанты попадали на мѣсто назначенія года черезъ четыре.

зенную службу, долженъ пройти пѣшкомъ 100 верстъ въ недѣлю, въ годъ (50 недѣль) больше 5 тысячъ и во весь срокъ службъ (отъ 15—20 лѣтъ обязанъ обработать 75—100 тысячъ верстъ! О правильномъ и прочномъ хозяйствѣ тутъ нечего думать: много-много, если хозяйка солдата съумѣетъ обзавестись огородами, капусту съ котораго во щахъ продаетъ она потомъ дорогою цѣною тѣмъ же арестантамъ *).

На одномъ полу-этапѣ встрѣтилъ я двухъ солдатъ сторожей. Полу-этапъ былъ пустъ, хотя сосѣдніе этапы были биткомъ набиты **). Одинъ изъ солдатъ былъ семейный, а такъ какъ вблизи не было селенія, то онъ помѣщался съ семейю на полу-этапѣ. Въ комнатѣ его уютно и опрятно, на стѣнѣ виситъ конская сбруя.

— Лошадку, — говоритъ: — держу. Двоихъ дѣтей кормить надо, въ работу лошадку пускаю, отдаю мужикамъ.

— А что же арестантовъ на ней не возишь?

— Никакъ нѣтъ! Я около арестантовъ не поживляюсь, — отвѣчалъ солдатъ на вопросъ мой и лгалъ, лгалъ сколько потому, что селеніе было далеко, столько и потому, что тѣмъ же дѣтей кормить, тѣмъ же самому заниматься? Усталыя партіи нуждаются въ конныхъ подводахъ и особенно на вторую половину пути, и именно отъ полу-этапа. Да и кто же отъ денегъ прочь?..

Не совралъ солдатъ на этотъ разъ въ одномъ только, что и на этомъ полу-этапѣ бываетъ огромное стеченіе арестантовъ и что всю громадную массу ихъ поведутъ тѣ же 20 конвойныхъ (немного больше, немного меньше), наряжаемыхъ обыкновенно отъ этапа. Къ этому числу прибавятъ четырехъ казаковъ конвойныхъ и на взаимномъ довѣріи, на взаимныхъ уступкахъ и одолженіяхъ, пойдетъ огромная толпа преступниковъ съ такимъ ничтожнымъ числомъ конвойныхъ. Три дня слаживаются съ одними конвойными; на четвертый, поступая въ распоряженіе новой команды, смотритъ партія, какъ бы не потерять чего нибудь своего и у этой.

*) Насколько выгодна торговля около арестантовъ, можно судить изъ того, что, напр., на Вилюйскій этапъ торгующія бабы приносятъ съѣстные припасы изъ деревень верстъ за 6 и за 8.

**) Устройство полу-этаповъ проще, но за то они и не удобнѣе. Здѣсь съ фаса видишь только стойкомъ торчащія заостренныя наверху бревна и среди ихъ огромныя ворота съ низенькою, пробитою въ нихъ и непомѣрно захватанною калиткою. Изъ-за острія палей торчатъ трубы и крыши. Войдя туда, узнаемъ, что по правую руку отъ воротъ караулка, по лѣвую, также въ углу, конюшня. Среди двора стоитъ казарма меньше этапной, но съ поперечнымъ корридормомъ, на который глядятъ четыре двери: изъ нихъ трое ведутъ въ большія комнаты для поселенцевъ; четвертая выходитъ изъ заднихъ узенькихъ сѣнецъ. Тамъ дверь № 4, куда запираютъ кандалныхъ и, такимъ образомъ, держатъ ихъ ночью подъ двумя замками.

Дальше мы знаемъ, что дневки или растахи (черезъ два дня въ третій) мало помогаютъ дѣлу, мало подкрѣпляютъ силы путешественника. Самый законъ на крайніе случаи, въ губернскихъ городахъ напр., дольше 6—7 дней держать не велитъ, за остановки же сильныхъ на пути велитъ наказывать какъ за укрывательство бѣглыхъ. Арестанты, пришедшіе въ Тобольскъ (почти всѣ до единого), обыкновенно жаловались на общую слабость во всемъ организмѣ, на ломоту въ ногахъ, на сильное удущье. Ревматизмъ, такой частый и неизбежный гость, что получилъ названіе этапной болѣзни. Сверхъ того, у мужчинъ открываются грыжи, у женщинъ маточныя болѣзни *). Понятно, отчего Приказъ о ссыльныхъ вынуждаетъ бывать большее число приходящихъ преступниковъ назначать въ разрядъ такъ называемыхъ неспособныхъ. Неспособные эти, составляя въ составѣ сибирскаго населенія, особый классъ людей, не платящій податей, обременительны для общества, на большую половину бродятъ и весь классъ людей этихъ, дѣйствительно, не способный.

Самое направленіе этапнаго пути, Богъ вѣсть когда и кѣмъ намѣченнаго, въ настоящее время, при современныхъ требованіяхъ, не выдерживаетъ никакой критики. Намъ выставляютъ множество неудобствъ, высказываютъ примѣчательное количество справедливыхъ сѣтованій. Тратилось лишнее число государственныхъ суммъ, лишнее количество человѣческихъ силъ, излишнее число верстъ и пространствъ. Въ древнія времена, когда ближайшій сибирскій путь шелъ въ Тобольскъ на Вологду и черезъ Верхотурье, крѣкъ для ссыльныхъ былъ, конечно, значительнѣе; но и теперь, когда повернули его на Пермь черезъ Екатеринбургъ, путь для ссыльныхъ не сдѣлался настоящимъ. Арестанты идутъ далеко въ сторону отъ тѣхъ сибирскихъ трактовъ, которые проложила себѣ коммерція, всегда соблюдающая пространство и время, всегда намѣчающая короткіе и прямые пути вездѣ, гдѣ бы то ни было даже и въ нашей безпредѣльной и дикой Сибири. Арестанты не идутъ тамъ и почтовыми трактами, которые обыкновенно длиннѣе купеческихъ, но короче казеннаго этапнаго. Такъ, напр., съ Тюмени партіи преступниковъ, вмѣсто того, чтобы черезъ Барабинскую степь идти прямо на Томскъ, сворачивали на Тобольскъ по старому преданію и шли прямо на сѣверъ, подвергаясь по зимамъ неблагоприятному, зловредному вліянію сѣверныхъ вѣтровъ и непогодъ.

*) Ежегодное среднее число больныхъ въ тобольскомъ тюремномъ лазаретѣ составляло $\frac{1}{4}$ часть слишкомъ всего пересылаемаго количества (изъ 11 тысячъ 2.070 больныхъ). Изъ этой $\frac{1}{4}$ части умирало въ годъ 163 человѣка. Весною каждая партія оставляла больныхъ на пути между Тюменью и Тобольскомъ человѣкъ въ 10 среднимъ счетомъ.

Если эти послѣдніе упорно стояли долгое время (что случается замѣчательно часто), арестанты приносили въ Тобольскъ всѣ поголовно одышку, колотье въ груди, отмороженные носы и щеки, отвалившіеся пальцы. Изъ Тобольска партіи шли на Тару, совершая огромный новый излишекъ пространства, и шли, въ то же время, по мѣстамъ мало населеннымъ, климатически и экономически неблагоприятнымъ. Однѣ Иртышъ партіи переходили нѣсколько разъ, безъ всякой нужды и какъ будто для того только, чтобы своими посѣщеніями поддержать быстро упадающую славу древняго и нѣкогда очень большого города Тобольска. Теперь, съ перенесеніемъ Приказа въ Тюмень, все это—слава Богу—уничтожилось *). Не говоримъ также о томъ излишкѣ переходовъ, которые, напр., принуждены дѣлать поселенцы, назначенные въ округа Тюменскій, Ялуторовскій, Курганскій и Туринскій, и обязанные, такимъ образомъ, идти старымъ пройденнымъ путемъ назадъ изъ Тобольска, куда они ходили только ради одного приказа о ссылныхъ и отъ того сдѣлали отъ 435 до 517 верстъ лишннихъ. Не говоримъ уже о неудобствахъ этапныхъ помѣщеній, о той мучительной труд-

*) Нѣкогда черезъ Байкаль перевозили ссылныхъ на судахъ сибирскаго флота, выстроенныхъ на Иркутской верфи—единственное облегченіе въ старыя времена и единственно полезное примѣненіе флота. Иркутское адмиралтейство, какъ извѣстно, существовало только 30 лѣтъ. Дѣйствія его выразились тѣмъ, по словамъ одного анонимнаго автора, оставившаго рукопись, что брѣгъ, вылетѣвшій изъ Ангара на просторъ Байкала, по непостижимому невѣжеству штурмана, который былъ назначенъ командиромъ этого судна, съ пустымъ трюмомъ, безъ баласта, тотчасъ же перевернуло порывомъ вѣтра. Сибиряки, видя такую неудачу европейскихъ приѣмовъ мореплаванія, убѣдились еще плотнѣе въ томъ, что ихъ Байкаль, зная, не чета другимъ разнымъ морямъ и океанамъ и что единственные мореходы, какіе умѣютъ вандандаться въ этомъ морѣ, остаются все-таки, до скончанія вѣка, ихъ любимые доморожденные аргонавты съ сопками. Адмиралтейство снабжалось не только бракомъ вещей, но и чиновъ. Оно двигалось, суетилось, 30 лѣтъ вело обширную переписку, мѣняло своихъ владыкъ и, наконецъ, пришелъ часъ—оно скончалось. Ссылныхъ продолжали водить пѣшкомъ по непролазной Кругоомерской дорогѣ или перевозить на обыкновенныхъ байкальскихъ судахъ, у которыхъ кузовъ вродѣ боченка, представляющій, между тѣмъ, всѣ неудобства неповоротливой рѣчной барки. Единственная мачта позади судна, парусъ глупъ до нелзя, вмѣсто руля—ужасной величины весло, величаемое сопкомъ, которое ворочать могъ бы равнѣ одинъ только Голяевъ. Этотъ сопекъ въ трудномъ ворочаетъ своего левіафана, у котораго передняя часть тѣла въ два раза длиннѣ задней. Наконецъ, въ довершеніе всего, румпель этого уютливо-громаднаго руля самый короткій, такъ что придуманъ какъ бы нарочно для того, чтобы и два Голяева не могли управиться. Эти суда движутся только по вѣтру. Теперь къ услугамъ ссылныхъ кое-какіе пароходы, которые съ трудомъ оправдываютъ здѣсь свою всесвѣтную славу.

ности, съ какою сопряженъ неблагоприятный во всѣхъ случаяхъ образъ пѣшаго хожденія, и проч. и проч. Не говоримъ мы обо всемъ этомъ потому, что, во первыхъ, много объ этомъ говорено въ недавнее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, а во вторыхъ и потому, что мы видимъ теперь облегченіе арестантамъ тяжести этапнаго пути. Когда выяснилось дѣло въ дальнѣйшихъ подробностяхъ, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что значеніе Тобольска померкло передъ значеніемъ другого города, Тюмени, того самаго, изъ котораго, по прозекту графа Сперанскаго, перевели „по колодничьей части присутствіе“ въ Тобольскъ и переименовали его тамъ въ „приказъ о ссылныхъ“. Вѣруемъ въ одно, что способъ препровожденія ссылныхъ безполезенъ и далеко не оправдывалъ тѣхъ ожиданій, которыя клали на него въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда совершалось, по прозектамъ графа Сперанскаго, преобразование сибирскихъ губерній.

Возвратимся опять назадъ къ тѣмъ же этапамъ, каковыхъ по одной Сибири считалось 60, да сверхъ того еще 64 полустапа.

Этапную жизнь собственно арестанты любятъ, хотя она и представляетъ цѣпь стѣсненій и вымогательствъ, и любятъ они ее потому, можетъ быть, что она какъ будто ближе къ свободной жизни, дорогой для всякаго человѣка. Съ этапами арестанты расстаются неохотно. Я видѣлъ ихъ наканунѣ каторги и могу свидѣтельствовать, что въ лицахъ, въ поступи, въ тонѣ „Милосердной“ и видится и чувствуется гнетущая тоска и отчаяніе. То и другое объясняется близостью мѣста, при одномъ воспоминаніи о которомъ у всякаго сжимается сердце; не всякій сумѣетъ собрать силы и показаться наблюдателю сохранившимъ твердость духа, а тѣмъ болѣе храбрымъ въ поступкахъ и поступи. Арестанты приходятъ на каторгу безъ денегъ, рваные, голые, безъ надежды и безъ родины...

Медленно подвигается партія къ заводу, молчаливая, окруженная всяческою форменностью. Еще за нѣсколько верстъ надъ арестантскими головами уже прогремѣла команда: „Приформиться!“—по которой всѣ должны быть по мѣстамъ, всѣ въ кандалахъ и при котомкахъ. Всѣ должны приготовиться какъ бы къ какому великому таинству.

Вотъ партія на мѣстѣ. Мѣстное начальство принимаетъ арестантовъ по списку.

— Надо кандалы расковать!—говорить оно на томъ основаніи, что дорожныя кандалы возвращаются конвойнымъ, а на каторгѣ надѣваютъ новыя.

— Да ужъ завтра сдѣлаемъ это! Сегодня не успѣемъ всѣхъ очистить и опять запаять,—замѣчаетъ пріемщикъ въ простотѣ сердца.

— Расковать недолго!—объявляетъ этапный офицеръ, бывалый и много смекающій, и проситъ:

— Мнѣ очень нужно спѣшить назадъ, позвольте сейчасъ!

И въ радости сердца, что и еще одну партію сбрызгъ съ рукъ благополучно и не лишился, за отсутствіемъ бѣглыхъ, годового жалованья въ награду (по положенію), этапный офицеръ велѣлъ партіи снимать кандалы и въ два-три часа очищаетъ всѣ ноги.

Мало опытный горный офицеръ удивлялся, вида, что арестанты снимаютъ кандалы, какъ сапоги, но бывалый и догадливый зналъ, что на всякіе замки существуютъ отмычки, и что чѣмъ больше стѣсненія и строгости, тѣмъ больше исканій противоборства, а рѣдкое исканіе у настойчивыхъ и сильныхъ людей не вѣнчается успѣхомъ. Къ тому же, арестантская партія дѣйствуетъ огуломъ, артелью, въ ней сто головъ, сто умовъ.

Пришли рабочіе люди слабыми, болѣзненными, отвыкшими отъ труда, а нѣкоторые даже и вовсе къ нему неспособными, но, что всего важнѣе, большая часть изъ нихъ глубоко испочена нравственно. Иные пришли сюда за болѣзнями и остановками, на четвертый годъ по выходѣ изъ Россіи, но пришли во всеоружіи долгаго опыта. Приспособляйте ихъ къ работѣ и доглядывайте: все это мастера, но на особую стать, все это такіе рабочіе, какихъ уже въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается.

Въ тюрьмѣ и на каторгѣ преступники скажутся въ иныхъ находкахъ и изобрѣтеніяхъ. И тамъ съужьютъ они перехитрить природнымъ умомъ то, что прилагивается искусственно, поддерживается вѣншею, грубою силою. На чьей сторонѣ окажется побѣда, просимъ выслушать.

Г Л А В А II. Н А К А Т О Р Г Ъ.

Моя поѣздка на строгую перворазрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушка-дурачекъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойникъ въ водовозахъ.—Поѣздъ на каторгѣ.—Каторжное жилье.—Цынга.—Каторжные.—Каторжные работы.—Смотрители.—Раскомандировки.—Казенные порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчики.—Товарищество.—Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартныя игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едно.—Бѣгунцы.—Тюремный языкъ (argot).—Откупные тюремные законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Влазное.—Тюремный капиталъ.—Парашники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица.—Тумаювъ и живая пирамида.—Искусственно-развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжные забавы.

Въ началѣ декабря, темною ночью, подѣжжалъ я къ Нижнему Карійскому промыслу, одному изъ центральныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для работъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые, по судебнымъ приговорамъ, назначаются въ такъ называемые Перчинскіе рудники.

Дорога шла въ сторону отъ рѣки Шилки густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Совсе не разчищенная, мало приспособленная къ проѣзду, но, въ то же время (сколько можно судить по вырвамъ, т. е. ухабамъ), крѣпко подержанная, дорога эта казалась торною. Вѣтви деревьевъ хлестали по лошадямъ, совались къ намъ въ сани; надо было изловчаться, чтобы не потерять глазъ, не испарпать лица. Къ тому же, дорога до того была узка, что мы принуждены были снять у саней отводы, хотя, въ то же время, сани наши были приспособлены именно для такихъ окольныхъ, мало-наѣзженныхъ дорогъ и сани эти уже успѣли съ достоинствомъ выдержать испытаніе слишкомъ на тысячѣ верстъ.

Темнота и густота лѣса усиливали наши несчастія: мы наѣзали на пни и съ трудомъ съ нихъ снимались. Сани безъ отводовъ валились

въ первую глубокую и покатуя выбоину. Провожатые мои ворчали и сердились.

— Ужъ во истину дорога каторжная, — замѣчалъ одинъ.

— Оттого и каторжная, что ведетъ на каторгу! — острѣлъ другой.

— Такъ-то, парень, поглядишь, — толковалъ первый: — дорога на каторгу ка-быть узенькая, а думаешь, такъ она выходитъ больно широкая.

— Туда-то широкая, — мудрствовалъ второй: — а оттуда-то опять узенькая. Попасть легко, а не вырвешься.

— Сказано, милый человѣкъ, не отпирайся ни отъ сумы, ни отъ тюрьмы.

Разговоръ кончился обоюднымъ вздохомъ.

Тишина и темнота давали широкій просторъ воображенію: рисуй, что хочешь, но не дальше заданной темы. Вотъ впереди то самое мѣсто, гдѣ соединяются вмѣстѣ всѣ тяжкіе преступники, высланные изъ Россіи, всѣ убійцы, разбойники и грабители. Работа на этихъ казенныхъ золотыхъ промыслахъ полагается самою высшею мѣрою наказанія для всѣхъ подобаго рода злодѣевъ. Съ ослабленіемъ въ послѣдніе десятки лѣтъ серебрянаго промысла въ пер-

чинскихъ горныхъ заводахъ и за уничтоженіемъ разработки рудниковъ руками ссыльныхъ преступниковъ, Карійскіе промыслы (Верхній, Средній, Нижній и Лунжанкинскій) представляли единственный матеріалъ для изученія истиннаго значенія такъ называемой каторги. Я поѣхалъ туда съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что во всемъ Нерчинскомъ краѣ только при этихъ четырехъ промыслахъ (да еще при Петровскомъ желѣзномъ заводѣ) остались тюрьмы собственно каторжныя.

Ночь была до того темна, что мы съ великимъ трудомъ могли распознать, гдѣ кончился лѣсъ и начался перелѣсокъ. Запахъ жилого мѣста, не смотря на жгучій морозъ, вскорѣ далъ намъ знать, что селеніе у насъ уже на носу, а вотъ и самая каторга гдѣ-то тутъ же и очень близко. Откуда-то вырвался звонкій выкрикъ и раскатился въ морозномъ воздухѣ длинною трелью, которой, казалось, и конца не было. Во всякомъ случаѣ, вела эту ноту здоровая грудь съ ненатруженными легкими. На оклики послѣдовалъ отвѣтъ, который также со звономъ разсыпался въ разрѣженномъ воздухѣ по горахъ и заглохъ только въ перелѣскѣ. У третьяго оборвалась нота безъ трелей: голосъ отскыснулъ отъ морозной струи, судорожно захватившей крикливое горло. Оклики посыпались одинъ за другимъ. Кричащіе, что плѣтухи, играли въ перегонку, кто кого лучше и чище споетъ, и такихъ очень много! Значитъ, мы на каторгѣ, но распознать за темнотою ничего не можемъ.

Успѣваемъ припомнить прошлогоднее событіе, рассказъ о томъ, какъ на этихъ самыхъ промыслахъ, изъ какой-то тюрьмы вырвался одинъ звѣръ и въ одну ночь, въ разныхъ домахъ, зарѣзалъ пятерыхъ и въ томъ числѣ погубилъ мать съ двумя младенцами, такъ, изъ любви къ чужой крови, безъ всякаго повода и причины. На душѣ становится не совсѣмъ покойно: воображеніе говоритъ, что впереди насъ звѣринецъ, наполненный кровожадными и голодными звѣрами. Къ тому же, звѣринецъ этотъ плохо сколоченъ, дурно и не крѣпко запертъ, но разсудокъ старается увѣрить въ томъ, что, вѣроятно, и здѣсь полагается недремлющій сторожъ, имѣется укротитель. Теперь, въ неопредѣленной темнотѣ, всего этого распознать мы не можемъ, но завтра навѣрное увидимъ.

Тяжелыя, гнетущія сердце мысли не покидаютъ насъ и въ уютной, теплой квартирѣ, до самаго утра, до разсвѣта. Пойдемъ же смотрѣть, что день укажетъ. Вотъ мы и на улицѣ.

На право и на лѣво сильно-подержанныя, поквившіяся утлыя хаты; онѣ идутъ въ рядъ, изъ рядковъ образуется улица одна, другая, пятая. Передъ нами цѣлое селеніе, которое только тѣмъ и отличается отъ шилкинскихъ и другихъ, что оно бѣдное, совсѣмъ не подновляе-

мое. Нѣкоторые дома, какъ мазанки, грязноваты снаружи, заборы полуобрушенные. Видно, что голы и бѣдность строились тутъ; видно, она же и теперь тутъ живетъ. Но селеніе это, какъ извѣстно, казенное: вотъ неизмѣнный хлѣбный и соляной амбаръ, съ неизбѣжнымъ часовымъ, товарищи котораго, а можетъ быть и самъ онъ кричалъ такъ усиленно и настойчиво-громко цѣлую прошлую ночь. Но гдѣ же тюрьма, частоколь, острогъ—жилище главныхъ хозяевъ селенія? Смотрю кругомъ—и не вижу. Вижу опрятнѣе другихъ чистенькій домикъ—вѣроятно, начальника промысла, пристава; вижу другой, почти такой же, можетъ быть, смотрителя тюремнаго. Но гдѣ же тюрьма, когда кругомъ обыкновенные обывательскіе дома, свободные отъ часовыхъ и караула?

— Вонъ и тюрьма!—говорятъ мнѣ, указывая на одинъ изъ домовъ, наружною постройкою похожій на обыкновенныя деревянныя сибирскія казармы. Домъ и я принялъ за казарму, не разглядѣвъ только въ окнахъ ея желѣзныхъ рѣшетокъ, отсутствіе которыхъ въ другомъ сосѣднемъ домѣ характеризировало настоящую, дѣйствительную казарму. Близость тюрьмы объяснилась отчасти сосѣдствомъ гауптвахты, нѣсколькими фizioноміями въ папахахъ, принадлежащихъ сибирскимъ казакамъ.

Но кто же эти люди, которые идутъ мнѣ на встрѣчу? Люди эти безъ кандаловъ, стало быть, не тюремные сидѣльцы, а, по всему вѣроятію, выслужившіе свой срокъ сильно-каторжныя. Вѣжливо предупреждаютъ они поклонъ нашъ, снимая шапки и кланяясь. А вотъ и сами преступники, побрякивая кандалами, творятъ свое домашнее дѣло: сопровождаемые часовымъ, несутъ они вдвоемъ на палкѣ ушатъ, накрытый тряпками. Изъ ушата этого валитъ паръ и щекочетъ обоняніе знакомымъ запахомъ національнаго „горячаго“, извѣстнаго въ казармахъ подъ названіемъ купоросныхъ щей. И эти преступники вѣжливо снимаютъ намъ шапку: смѣшно намъ за вчерашнія грезы и страхи, и готовы мы оправдаться только тѣмъ, что свѣтъ дневной всякіе страхи гонитъ.

— Хотите вы видѣть каторжнаго, вотъ вамъ первый изъ нихъ!—говоритъ мнѣ приставъ промысла, обязательно вызвавшійся познакомиться меня со всею подробностью своей службы.

— Иванушка, поди-ко сюда!—кричалъ онъ встрѣчному.

Изъ воротъ сосѣдняго дома вышелъ человѣкъ въ рваной пальтонкѣ, съ включенною рѣденькою бороденкою. Шея его была голая, армячишко совсѣмъ слѣзъ съ плечъ и даже рубаха у него была рваная. На ноги этого человѣка я уже и рѣшимости не имѣлъ посмотреть. Иванушку всего подергивало: голова не твердо держалась на плечахъ, онъ то приклонять ее къ правому плечу, то быстро отдернуть къ лѣвому.

Лѣвое плечо ходуномъ ходить и самого Иванушку какъ будто всего ведутъ судороги, какъ будто чувствуетъ онъ, что всѣ его конечности не на своихъ мѣстахъ, и онъ употребляетъ теперь всѣ усилія, чтобы выправить ихъ кости въ чашки, въ надлежащія и пристойныя мѣста. Видно, тяжело Иванушкѣ носить свою головушку, да и съ остальнымъ тѣломъ мудрено ему ладить. По видимому, онъ не тяготится этою работою; на дворѣ слишкомъ тридцать градусовъ мороза, а у него оба плеча буквально голыя.

— Работа каторжная такъ его изуродовала? Въ серебряныхъ фабрикахъ наглотался онъ ртутныхъ паровъ и качаетъ теперь головою? Принялъ что нибудь такого внутрь, по совѣту добродѣтели-алодѣя, чтобы умягчить для себя ядовитую болѣзнь или тяжесть каторги, и тѣмъ записать себя въ разрядъ неспособныхъ?

— Ни то, ни другое, ни третье, — отвѣчаютъ намъ: — Иванушку сюда именно такимъ и прислали, готовымъ.

Иванушка былъ передъ нами.

— Гдѣ ты былъ? — ласково спрашивалъ его приставъ.

— Снѣжку отребалъ, покормили за то! — отвѣчалъ Иванушка и брызгалъ; голова какъ будто еще сильнѣе заходила на плечахъ, лѣвое плечо такъ и приподняло онъ до самыхъ ушей.

— А кто ты такой? — продолжалъ разспрашивать приставъ.

— Я... Божій человѣкъ! — гнусливо растянулъ старичокъ.

— Какъ прозываешься-то?

— Поселенцомъ велѣтъ зваться.

— Откуда ты родомъ?

— Съ Вятки родомъ.

— За что присланъ-то сюда?

— Я и самъ не знаю. Мнѣ бы ужъ домой идти надо. На родину пора... Тамъ у меня тѣтка съ маткой остались.

— Да вѣдь уже нельзя тебѣ возвращаться-то...

— Можно, говорятъ вонъ тамъ.

Иванушка указалъ рукою на тюрьму.

— Надо, слышь, только бумагу этукую достать. Безъ бумаги-де не пропустить и назадъ вернуть. Дай ты мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Рассею уйти, сколько прошу! (и въ послѣднихъ словахъ послышался упрекъ).

— Всякій разъ обрадуются онъ ко мнѣ съ этою просьбою! — объяснилъ мнѣ приставъ потомъ, когда мы оставили Иванушку.

Вотъ что мы слышали потомъ объ Иванушкѣ. Въ статейныхъ спискахъ (которые сопровождаютъ всякаго ссыльнаго, какъ паспортъ и аттестатъ), онъ показанъ приговореннымъ въ ссылку за скотоложство. Самъ онъ рассказываетъ, что присланъ сюда за расколъ; знающіе люди увѣряли, что расколъ усугубилъ только степень наказанія. Но дѣло станетъ понятнымъ и яснымъ, если представить себѣ, что Иванушка родился

боженикомъ (и не только къ какой нибудь умственной, догматической работѣ, но и ни къ какой валовой домашней бытѣ неспособенъ) и попалъ за то въ пастухи. Обездоленный идиотизмомъ (не помѣшавшимъ, однако, развиты въ немъ грубымъ, извращеннымъ животнымъ инстинктамъ), онъ въ скотскомъ стадѣ впалъ въ тотъ грѣхъ, который увелъ его въ самое дальнее мѣсто поселенія. Ближніе судьи судили въ немъ отвлеченную идею, дальніе вершители не видали въ глаза подсудимаго. Приговоръ былъ подписанъ и, вотъ, приведетъ въ исполненіе. Надъ Иванушкою въ тюрьмѣ смѣются, посмѣшищемъ онъ былъ и во всю дорогу по этапамъ. Всѣ его любятъ, всѣ его учатъ, кто чему можетъ, и хорошему и худому. Ходить онъ по чужимъ дворамъ просить милостыню. Объ одеждѣ онъ не заботится; одѣнуть другіе, онъ полагаетъ, что это такъ и слѣдуетъ, и спасибо не скажетъ. На Карѣ Иванушка человѣкъ неспособный и совсѣмъ лишній.

— Дай мнѣ такую бумагу, чтобы мнѣ въ Рассею можно уйти! — просилъ онъ меня, придя ко мнѣ на квартиру.

— Даль бы я тебѣ такую бумагу, да дать не могу.

— А мнѣ въ тюрьмѣ сказали, что можешь.

— Далъ бы я тебѣ, Иванушка, такую бумагу, которая бы тебя въ богадѣльню увела и тамъ оставила, да не въ силахъ я.

— Въ богадѣльню бы мнѣ хорошо.

— Хорошо, Иванушка, такъ хорошо, что тамъ тебѣ только и мѣсто! Лечить бы тебя — вылечили. Здоровый бы вышелъ, дѣвку бы полюбилъ, полюбилъ бы ты дѣвку, женился бы на ней.

— Нѣту! Я дѣвочку смерть не люблю, въ дѣвкахъ-то черти-дьяволы сидятъ.

Иванушка мой заплевался, разворчался, сердить сталъ не въ мѣру. Самыя судороги его пошли примѣтно-учащеннѣе и озлобленнѣе. Иванушка былъ просто идиотъ и притомъ, по свойству многихъ больныхъ болѣзнями нервными, имѣлъ одно больное мѣсто (антипатію), прикосновеніе къ которому вызывало ожесточенныя припадки. Иванушка, по общимъ словамъ, не любилъ два-три слова и, смирный вообще, при напоминаніи словъ этихъ выходилъ изъ себя, бросалъ чѣмъ ни попало въ равныхъ себѣ и знакомыхъ и бѣгалъ отъ неровней и отъ незнакомыхъ, какъ это онъ сдѣлалъ и со мною. Сдѣлались ли слова эти ненавистными больному съ самаго того времени, когда онъ уразумѣлъ практическій смыслъ ихъ, или напротивъ! ни онъ до омерзѣнія отъ частаго напоминанія въ насмѣшкахъ досужихъ и праздныхъ товарищей — рѣшить теперь трудно. Иванушка, во всякомъ случаѣ, былъ вѣренъ антипатіи къ словамъ ненавистнымъ и во все время на каторгѣ не измѣнилъ себѣ ни одного раза. Безконечно жалко Иванушку, который, вмѣсто богадѣльни,

попалъ на каторгу, и страшно за него, когда знаешь, что въ сосѣдствѣ съ нимъ живутъ люди настоящіе каторжные. Не прилипнетъ къ нему злодѣйская грязь по причинѣ крайней неподатливости его почвы, но и не вылетать его здѣсь отъ болѣзни, для которой въ медицинѣ нашлись бы кое-какія облегчающія снадобыа*).

— А вотъ и другой экземпляръ ссыльно-каторжнаго! — говорилъ мнѣ карійскій приставъ, указывая на высокаго старика, сѣдого какъ лунь, тщательно выбритаго и чистенько одѣтаго. Старикъ приковалъ мое вниманіе необыкновенно правильными чертами лица; въ глазахъ его еще было много жизни, а во всѣхъ чертахъ лица много мягкости и ничего злодѣйскаго ни во взглядѣ, ни въ улыбкѣ; даже и верхняя челюсть не была развита въ ущербъ остальнымъ частямъ лица. Глядѣлъ онъ бодро, честно и открыто, шелъ смѣло и увѣренно. Сложенъ онъ былъ превосходно и даже той сутулости, которая характеризуетъ всякаго ссыльнаго, битаго кнутомъ, и даже той запуганности, которая заставляетъ прятать взоръ куда нибудь въ сторону и въ уголъ, мы въ немъ не замѣтили.

*) Петръ I подобныхъ безумцевъ велѣлъ отправлять въ монастыри. Екатерина I этотъ указъ подтвердила, велѣвъ отправлять по надлежащемъ въ тайной канцеляріи наказаніи въ 1727 г. Анна Ивановна, въ 1735 г., преступниковъ, лишившихся разсудка, велѣла также отсылать, въ монастыри «къ неисходному ихъ тамо содержанію и крѣпкому за ними смотрѣнію». Въ 1860 году, кромѣ моего знакомаго, извѣстны были еще два дурачка, изъ которыхъ одинъ помѣшанный, нѣмецъ изъ Риги, присланъ былъ за пожаромъ архива, жилъ въ Горной (въ 4 верстахъ отъ Благодатскаго рудника), все время былъ убѣжденъ въ томъ, что живетъ въ 4 миляхъ отъ Риги. Очень часто тайкомъ скрывался, принимая Норчинскій заводъ за Ригу, рвался и кричалъ, когда его брали для возвращенія на мѣсто водворенія. Здѣсь либо шатался по улицамъ, либо, погруженный въ молчаніе, вперялъ свой неподвижный взоръ въ даль, останавливая его на какой либо точкѣ. Изъ прошлаго осталось одно воспоминаніе объ отцѣ во фракѣ, причемъ онъ всегда простодушно смѣялся. Говорили, что онъ сошелъ съ ума еще въ Ригѣ, вскорѣ послѣ того, какъ его суженая вышла замужъ за другого. Другой сумасшедшій, также признанный неспособнымъ къ работамъ, шатался тамъ же въ рубашкѣ, спитой изъ лоскутьевъ, которые бился отъ вѣтру. Цѣлые дни носился онъ съ корзинкою, наполненною куклами, тряпками и другою ненужною дрянью, принимая все это за имущество, которое тщательно берегъ изъ боязни, чтобы не украли. Присланъ былъ изъ Костромской губ. неизвѣстно за что. Ходилъ по окрестностямъ и искалъ работы и, не находя таковой, занимался покупкою тряпокъ, не покидая надежды найти работу; надъ нѣмцемъ любилъ подсмѣиваться и не удостоивалъ его разговоромъ, называя его дуракомъ. Нѣмецъ почиталъ блаженствомъ получить трубку табаку; костромичъ былъ доволенъ, когда накурить его. Костромичъ любилъ ходить безъ шапки, нѣмецъ носилъ громадную шляпу, но сквозь одежду его также сквозило голое тѣло.

Наконецъ, той робости, которая велитъ скидывать шапку всякому встрѣчному (что такъ любятъ и привыкли дѣлать всѣ, просидѣвшіе долгое время въ каторжной тюрьмѣ), въ старикѣ нашемъ также замѣтно не было. Внѣшній видъ расположилъ меня въ его пользу и я готовъ былъ усомниться въ подлинности и вѣроятіи рекомендаціи пристава, но послѣдній настаивалъ на своемъ:

— Три года въ Акатуѣ на цѣпи сидѣлъ.

Самъ старикъ рассказывалъ потомъ:

— Въ Калугѣ, на родинѣ, почту мы ограбили и почтальона съ ящикомъ убили.

И откуда онъ взялъ столько хладнокровія, чтобы совершенно спокойно выговорить эти послѣднія слова изъ разсказа своего.

— А за что тебя на цѣпь посадили? — спрашивалъ за меня приставъ.

— Сами знаете, ваше благородіе! — отвѣчалъ старикъ и мягкая, кроткая улыбка пробѣжала по лицу его. Улыбка эта, можетъ быть, въ то же время меня обманула, но я и теперь за нее. Далеко ходить въ оправданіе ея, но лицо старика, при дальнѣйшихъ разспросахъ, оставалось невозмутимо спокойнымъ. Думалъ ли онъ на этотъ разъ, что передъ прямымъ, непосредственнымъ своимъ начальникомъ скрываться нечего, тотъ все знаетъ, или сообразилъ онъ, что нѣтъ грѣха сознаться въ томъ преступленіи, которому минула законная давность и тяжесть котораго давно уже искуплена цѣпью и одиночнымъ заключеніемъ, сосредоточивающимъ всѣ помыслы въ самомъ себѣ, — старикъ обо всемъ этомъ вслухъ не сознался. Онъ повѣдалъ другое:

— На цѣпи я сидѣлъ за то, что изъ тюрьмы бѣжалъ, на дорогѣ бурятскую юрту ограбилъ и одного братскаго задушилъ.

Опять хладнокровный тонъ въ показаніи, какъ будто во свидѣтельство того, что старикъ теперь не боится за себя. Знать „умыкали бурку крутыя горки“.

— Взялъ я его къ себѣ въ водовозы и не нахвалюся стараніемъ и усердіемъ; запиваетъ иногда, но очень рѣдко! — говорилъ мнѣ приставъ: — У нашего начальника жила въ кормилцахъ женщина, сосланная сюда за убійство собственнаго ребенка, и исполняла свою обязанность съ такою любовью, что иная мать не прилагаетъ столько нѣжности и ласки къ собственному дѣтищу. Мы объяснили это порывами раскаявшейся натуры, жаждавшей искусственной, подогрѣтой любовью замѣть кровавый грѣхъ ужаснаго преступленія, но баба эта насъ обманула. Теперь она осталась нянькою при многихъ дѣтихъ и вотъ уже четвертый годъ такая же неустанная, бессонная, честная и нѣжная работница.

Третій, Мокѣевъ, и также случайно попавшійся намъ на глаза, былъ именно изъ тѣхъ

боязливых и робких, которые привыкли прятать свой взгляд, привыкли быть замкнутыми и не откровенными на любой из вызовов вашихъ. Ссылный этотъ писалъ, напр., стихи, и одно время исполнял даже обязанность полкового пѣтца: написал по заказу начальства пѣсню на отправленіе первой экспедиціи, снаряженной для завоеванія Амура. Онъ же сочинилъ цѣлую тетрадку виршей, посвященныхъ описанію всяческаго быта ссылки въ тюрьмѣ и за тюремкою. Я долго упрашивалъ его подѣлиться плодами его досуговъ, въ расчетѣ встрѣтить въ немъ одного изъ тѣхъ сочинителей пѣсень, которые готовятъ на тюремный обиходъ казарменные новыя пѣсни въ замѣнъ старыхъ народныхъ, но получилъ отвѣтъ, что стихи онъ забылъ, а тетрадку зачитали товарищи. При дальнѣйшихъ просьбахъ, я добился только обѣщанія принести на-дняхъ; ждалъ я недѣлю и тетрадки все-таки не получилъ. Мокѣвъ пришелъ въ Нерчинскіе заводы по дѣлу объ ограбленіи и умерщвленіи какого-то купца, гдѣ-то въ степныхъ губерніяхъ, и привезъ съ собою рекозидательныя письма. Но письмамъ этимъ онъ обвинялся только въ томъ, что былъ при убійствѣ свидѣтелемъ, но не участникомъ. Письма говорили, между прочимъ, и то, что онъ, нося веселое званіе купеческаго сына или брата, велъ, въ то же время, и жизнь, приличную этому званію, т. е. ничего не дѣлалъ, кромѣ кутежей, ничего не видѣлъ, кромѣ трактировъ и погребковъ. Онъ жилъ такимъ образомъ долго и весело, пока не истощатся отцовскія деньги. Недостатокъ денегъ вывелъ его изъ трактира въ кабакъ, въ кабацкѣ онъ попалъ на развѣсѣлыхъ товарищей, которые образовали шайку, имѣвшую намѣреніемъ поправить свои обстоятельства и подсластить пропойную жизнь на чужія средства. Средствомъ для этого друзья придумали грабежъ на большой дорогѣ. Желая ограничиться грабежомъ, они сгоряча и въ противоборствѣ совершили убійство, но безъ участія Мокѣва, хотя и въ его присутствіи. Какъ соучастникъ и другъ убійцы, не давшій во время знатъ начальству о преступленіи, онъ отъ товарищества судомъ выдѣленъ не былъ и вмѣстѣ съ ними попалъ на каторгу. Сюда, когда онъ освободился изъ тюрьмы, богатые родные присылали ему деньги. На деньги, при посредствѣ промысловаго начальства, вознаградившаго его тѣмъ снисхожденіемъ и участіемъ, которыхъ не получилъ онъ отъ судьи. Мокѣвъ успѣлъ затѣять кое-какую торговлю. Торговалъ онъ удачно и деньги наживать началъ, да вдругъ вспомнилъ о своемъ бездольѣ и роднѣ—и запылъ. Запой сокрушилъ всѣ его средства; новыя присылки денежной помощи шли въ кабакъ. Сколько ни валили потомъ щедрая въ божото, гати не сдѣлали; разъ прососавшаяся вода по знакомому ложу смывала всѣ

преграды. На время (и только на время) приостановилась было вода на мельницѣ, не рвала гати и общала по ней прямое и надежное русло туда, куда надо: Мокѣвъ полюбилъ вольную казачку, полюблился и ей, и женился. Торговля опять пошла на ладъ, колеса на мельницѣ завертѣлись, мука была и покупателей было довольно, да вдругъ загулъ и опять прорвало плотину. Суеутилась жена, хлопотали сосѣди, суеутились и хлопотали много и долго, а добились одного только, что больной сталъ пить не загулами, а запоемъ, что, какъ извѣстно, и безнадежно и неизлечимо. Сталъ Мокѣвъ человѣкомъ убитымъ и потераннымъ; и скрежещетъ теперь зубами на свою шаль и дурь, и жену любить и всѣми сосѣдями быть бы любить за кроткій податливый нравъ, да слабость свалила и не позволяетъ встать на ноги. Мокѣвъ теперь на все рукою махнулъ.

— Нечего съ нимъ не подѣлаешь, — говорила жена его: — самый безпутный человѣкъ! Пѣсни писать пуще прежняго началъ, станеть тебѣ читать какую, слезой прошибеть. Лучше бы ужъ въ гробъ скорѣе ложился да гробовой доской накрывался. Вотъ и вчера пьянехонекъ домой пришелъ и завтра такой же будетъ.

Отдѣльно взятая случайная личности мало значить. Живя на свободѣ, онъ могли утратить много того, чѣмъ отличается настоящій каторжный, да и жизнь на свободѣ, хотя и подлѣ самыхъ воротъ каторги, далеко не каторга. Про людей, выпедшихъ изъ тюрьмы, и самые сосѣди многого не скажутъ: многое забыли они, многое стараются забыть, зла не помня. И сами мы намѣрены не біографіи писать, мы хотимъ видѣть каторгу.

Каторги, однако, мы видѣть не могли. Постоянные холода, стоявшіе все время ниже 30°, и человѣколюбіе горныхъ офицеровъ задержали работы на разрѣзѣ до благоприятнаго времени. Каторжныхъ изъ тюрьмы не выпускали, кромѣ нарядовъ на легкія и недолговременныя работы. Тѣмъ лучше, стало быть, мы увидимъ тюрьму въ полномъ составѣ и сборѣ. Идемъ туда.

Вотъ эта тюрьма Нижняго Карійскаго промысла у насъ передъ глазами. На тюрьму, въ томъ смыслѣ, какъ бы хотѣло представлять наше воображеніе, она не похожа. Нѣтъ даже и того казеннаго вида, какимъ поражаетъ всякій старый этапъ по сибирскимъ дорогамъ. Нѣтъ этихъ заостренныхъ сверху бревень, плотно приставленныхъ одинъ къ другому, черныхъ, погнившихъ, нѣтъ и этихъ огромныхъ воротъ по срединѣ, съ низенькою захватанною калиткою и двумя полуразвалившимися будками по обѣимъ сторонамъ скраучихъ, громадныхъ, тяжелыхъ воротъ, которые отворяются только два раза въ недѣлю, что-бы проглотить и потомъ выбросить прохляющую партію. Карійская тюрьма глядитъ рѣшительною казармою и много-много

если она похожа на такую, гдѣ существуетъ такъ называемая сибирка, кутузка—мѣста для временнаго полицейскаго ареста. Снаружи казарма эта очень ветхая и даже не видать, чтобы она была недавно починена. Рѣшетки ржавыя, крыльцо погнившее, крыша полинялая, но за то все остальное, обрядовое, въ совершенномъ порядкѣ и надлежащей форменности.

—Ефрейтора!—закричалъ надъ нашимъ ухомъ часовой солдатъ, стоявшій у наружной двери.

Явился требуемое лицо. Наряжены были еще двое конвойныхъ съ ружьями и пущены впередъ.

—Старосту!—закричалъ сзади насъ въ свою очередь ефрейторъ.

Явился и староста, съ бритою на половину головою, съ угодливостью въ лицѣ, съ судорожными движеніями во всемъ тѣлѣ, какъ будто готовый летѣть, растянута въ воздухѣ по первому призыву и приказу начальника.

Передъ нами отворилась дверь и, словно изъ погреба, въ которомъ застоялась нѣсколько лѣтъ вода и не было сдѣлано отдушинъ, насъ облила струя промозглаго, спершагося, гнилого воздуха, теплаго, правда, но едва выносимаго для дыханія. Мы съ трудомъ переводили послѣднее, съ трудомъ могли опомниться и придти въ себя, чтобы видѣть, какъ суетливо и торопливо соскочили съ наръ всѣ закованныя ноги и тотчасъ же, тутъ подлѣ, вытянулись въ струнку, руки по швамъ, по солдатски. Многие были въ заплатахъ полушубкахъ въ накидку, на сколько успѣли; большая часть просто въ рубашкахъ, которыя когда-то были бѣлыя, но теперь были грязны до невозможности. Мы все это видѣли, видѣли на этотъ разъ большую казарму, въ серединѣ которой въ два ряда положены были деревянные нары; тѣ же нары обходили кругомъ, около стѣнъ казармы. Видъ извѣстный, неизбывный во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ держать людей для казенной надобности въ артелѣ, въ ротахъ, въ батальонахъ. На нарахъ валялись кое-какія доскутыя, рваны, тоненькіе какъ блинъ матрацы, измызганные за долгій срокъ полушубки, и вся эта ничтожная, не имѣющая никакой цѣны и достоинства собственности людей, лишенныхъ добраго имени, лишенныхъ той же собственности. Вопиющая, кричащая бѣдность и нагота кругомъ насъ, бѣдность и несчастье, которыя, въ добавокъ, еще замкнуты въ гнилое жилище, окружены гнилымъ воздухомъ, дышать отравою его до цынги, ступаютъ босыми ногами съ жесткихъ наръ на грязный, холодный и мокрый полъ. Нечистота пола превзошла всякое вѣроятіе: на немъ палецъ на два (буквально) накупало какой-то зловонной слизи, по которой скользили наши ноги, не разъ ходило сильное властью и средствами начальство и не замѣчало, а если и замѣчало—то навѣрное забыло. Половина смрада въ казармѣ копилась на полу и наполнила потомъ

всю ее до самого потолка, который также оказался неспособнымъ отпавлять свою трудную службу. Отворялись и форточки, но не помогали дѣлу ни мало; топятся и уродливыя огромныя печи и оказываются безсильными. Вся сила спасенія не въ планочкахъ, которыя мы, набалованные повадкою, охотно прибавляемъ ко всякому мѣсту, которое сквозить, свиститъ и просвѣчивается, не въ загрузовкѣ мѣстѣ, которыя проболѣли до того, что заразились гноемъ и сочатся гнилою, порченною кровью, вся сила—въ коренной перетрусѣ стараго и въ рѣшительномъ созданіи новаго. На прежнемъ мѣстѣ, пожалуй, но свѣжая казарма должна быть, во что бы то ни стало, и притомъ не по старому образцу и не старыми балованными руками сдѣланная, а по образцамъ новымъ, руками не запачканными, но чистыми, не выверченными изъ вертлюговъ на бесполезныхъ работахъ, но здоровыми и сильными, которыя зла не творили, а за добромъ давно тянутся и всякому живому гуманному движенію давно уже распростерли горячія объятія *). Еще долго прожить каторжные въ своихъ вонючихъ и сырыхъ норахъ, пока и до нихъ добѣжить лучъ свѣта по казеннымъ инстанціямъ, послѣ множества бумажныхъ справокъ и выправокъ.

—А дай-то Богъ, чтобы поскорѣе время шло!—говоритъ каторжный, въ ожиданіи тюрем-

*) Лѣтомъ 1857 года въ тюрьмахъ карійскихъ гнѣздилась повальная и смертная цынга. Люди заболѣвали отъ великихъ усиленныхъ работъ ради историческихъ ста пудовъ золота, когда всѣ сильные каторжные сгруппированы были адѣсь и разбѣшены въ тѣсныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Въ результатъ было то, что свыше тысячи человекъ умерло да въ архивахъ есть свѣдѣтельство мѣстнаго лекаря. Онъ писалъ, что причина тому «больше всего обветшалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри оныхъ». Мѣрою къ исправленію лекарь позагалъ просушку зданій, а для того совѣтовалъ на два лѣтнихъ мѣсяца открывать окна или, лучше всего, вовсе выставить рамы до 20 числа августа. «Для осушенія болотистаго грунта полезно было бы провести по близости около оныхъ тюремъ канавы. Для будущаго лѣта запасти нынѣшнимъ соленій черемши (дикаго чесноку)». Прошло десять лѣтъ и на Карійскихъ промыслахъ тѣ же порядки, тѣ же тюрьмы, а съ ними та же цынга съ раннихъ весеннихъ мѣсяцевъ до глубокихъ осеннихъ. Вотъ сравнительная таблица больныхъ цынгою по мѣсяцамъ: къ апрѣлю цынготныхъ 37, заболѣваетъ вновь 2; къ маю 39, вновь 4; къ іюню заболѣваетъ вновь 11, выздоравливаютъ 7; къ іюлю заболѣваетъ вновь 26, выздоравливаетъ 3, умираетъ 1; въ августѣ выздоравливаетъ 8. Въ октябрѣ, изъ всего числа остается больныхъ только 7 человекъ. Замѣчательно, что рѣдкій изъ пріѣзжихъ, хотя бы велъ и регулярную жизнь, не заболѣваетъ цынгою, много черезъ годъ. За цынгою и отъ нее нерѣдки случаи гнилости во рту (водяного рака). Кислое молоко (простокваша), вино, настоянное березовыми почками, табакъ, дикій хрѣвъ—обыкновенныя домашнія средства.

наго срока содержанія; старательно клеить онъ и терпѣливо ладить себѣ балаалайку или скрипку, ради утѣхи и возможнаго сокращенія досаднаго, бесполезнаго времени тяжелой, скучной каторжной жизни.

Снявъ онъ намъ съ гвоздочка скрипку свою, далъ осмотрѣть, дернулъ смычкомъ по струнамъ—ничего!

— Пѣсни къ этой скрипкѣ голосомъ не подладишь, а плясать можно.

— За что ты попалъ сюда?—спросилъ я перваго попавшагося мнѣ на глаза арестанта.

— Лошадь своровалъ, много чужой лошадь своровалъ!—отвѣчалъ татаринъ.

— А ты за что?

— Заграничной матеріи насъ евреи возили...—началъ было выясняться передъ нами обитатель западной русской границы, да перебилъ его другой досужій и знающій:

— А кто контрабанду черезъ границу возилъ и въ таможенную стражу изъ ружей стрѣлялъ, двухъ солдатъ положилъ на мѣстѣ?

Смолчалъ еврей.

— А ты за что?

— А я, ваше сіятельство, совсѣмъ понапрасну. Спрашивалъ я у начальства, ничего не сказали. Наказаніе получилъ, сюда привели. Ей Богу, лопни глаза мои! занапрасно попалъ.

Арестантъ забожился, а въ рѣзкомъ акцентѣ его выяснились для насъ цыганъ, пришедшій сюда, по всему вѣроятію, за что нибудь по крупнѣ конокрадства; можетъ быть, за грабежъ на большой дорогѣ, подлѣ которой стояли родичи его таборомъ.

— Не хотите ли, — предлагаютъ намъ:—затѣяться задачей пройти по губерніямъ. Спросите изъ любой представителя, изъ всякой можемъ представить. Выбирайте наугадъ!

Подвернулась первую на память Киевская—нашлось цѣлыхъ трое. Прошлись по Волгѣ отъ вершины до устья, отозвались отъ каждой изъ десяти губерній по одному; на Симбирскую выкрикнули опять трое.

— Такъ и должно быть,—поясняютъ намъ:—изъ густо населенныхъ губерній захлопнеть наша западня всегда не меньше одной пары, и при этомъ всегда больше другихъ отличаются юго-западные, а изъ приволжскихъ — Симбирская. Впрочемъ, больше идутъ и погуще даютъ преступленія губерніи ближнія къ Сибири: Оренбургская и особенно Пермская, изъ Вятской поменьше. Изъ Финляндіи и инородцы чаще попадаютъ на поселеніе и если являются къ намъ, то не прямо съ родины, а уже съ мѣстъ поселенія. Замѣчаемъ, что Тобольская губернія преступнѣе всѣхъ и сердитѣе.

— Можемъ утѣшить васъ вотъ чѣмъ: изъ губерній глухихъ и лѣсныхъ, каковы Архангельская, Вологодская и Олонецкая, мы на столько рѣдко получаемъ къ себѣ пациентовъ,

что я вотъ въ 12 лѣтъ ни одного не принялъ оттуда. Людей этихъ мѣстностей не знаю и родовъ болѣзней ихъ объяснить себѣ не могу. Изъ инородцевъ не видимъ вовсе лопарей, самоѣдовъ, остяковъ и тунгусовъ; въ Березовѣ даже и тюрьмы не существуетъ. Татаринъ идетъ къ намъ заурядъ со всѣми, обвиненный по роду тѣхъ преступленій, которыя водятъ на каторгу. Кавказскіе горцы идутъ за грабежи, а киргизы, кромѣ этого, ни въ какомъ уже inomъ преступленіи и не зачинаются; баранта у нихъ—племенная добродѣтель, какъ у голодныхъ горцевъ набѣгъ. Еврей рекомендуется больше контрабандистомъ, цыганъ мы привыкли понимать за конокрада и ужъ давно цыганъ проговорился, что краденая лошадь не въ примѣръ дешевле купленной обходится. Другіе инородцы для насъ безразличны.

— Женщины приходятъ къ намъ за убійство дѣтей, но чаще за поджоги. Поджоги также преступленіе дѣтей. Стариковъ мы знаемъ, какъ кровосмѣсителей и растлителей, получали ихъ также за ересь и расколъ.

— Разбирая преступниковъ по возрастамъ, мы имѣемъ таблицу, которая говоритъ намъ, что сосланные до 40 лѣтъ составляютъ 0,65% всего количества, отъ 40 до 50 лѣтъ 0,2; отъ 50 до 60 лѣтъ 0,8 и выше 60 лѣтъ 0,025.

— Соображая по состояніямъ и по отношенію ссыльныхъ къ общей численности того и другого сословія, мы можемъ увѣренно сказать и доказать, что преступленія тяжкія, ведущія прямо къ намъ, всего чаще совершаются мѣщанами и солдатами — сословіями искусственно созданными. Они, вмѣстѣ съ другими, значительно облегчаютъ тяжесть упрека, который привыкли валить на крестьянъ, и въ сильной степени ослабляютъ въ общей цифрѣ обвиненіе ихъ въ черныхъ и тяжкихъ преступленіяхъ. Вотъ, не угодно ли вамъ будетъ провѣрить слова наши хоть на промыслахъ нашихъ, хоть, пожалуй, и здѣсь въ тюрьмѣ.

Узнавать въ короткихъ и скоростѣлыхъ вопросахъ мы не рѣшились, да къ тому же и не имѣли этого въ виду, а задавали вопросы по вызову со стороны пристава и для того, чтобы сдѣлать что нибудь въ отвѣтъ на любезную предупредительность и имѣть больше времени осмотрѣться и познакомиться съ наружнымъ видомъ каторжной тюрьмы. Спрашивать самихъ арестантовъ объ ихъ преступленіяхъ намъ казалось не ловкимъ и не деликатнымъ (мы въ этомъ и каемся теперь). Да притомъ же, давно и хорошо извѣстно, что они никому и никогда не говорятъ истинной причины ссылки, стараются затенить ее окольными показаніемъ или новымъ сочиненіемъ. Къ правдѣ не приучили ихъ прежнія слѣдствія наши и отбили всякую охоту тюремные обычаи и тюремная наука.

Разспросы свои мы прекратили, въ расчетѣ

и съ надеждою серьезнымъ изученіемъ провѣрять наблюденія нашихъ проводниковъ (чего мы и достигли впоследствии). На этотъ же разъ рѣшились прекратить и самое пребываніе въ тюремной казармѣ, гдѣ уже оставаться становилось не въ мочь головѣ и легкимъ (голова разболѣлась, грудь защемило), до того съ непривычки удупливо-тяжела была тюремная атмосфера! Какимъ же образомъ живутъ въ ней люди, что они успѣваютъ тамъ дѣлать и чѣмъ вознаграждаютъ себя за эти лишенія и мученія? Вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ мы принуждены были искать на сторонѣ, узнавать отъ людей, близко стоящихъ къ этому дѣлу, и если не слишкомъ заинтересованныхъ имъ, то и не совсемъ чуждыхъ. Отъ нихъ мы узнали многое. Все это многое мы провѣрили отчасти собственнымъ наблюденіемъ (насколько это позволяли обстоятельства), отчасти выяснили себѣ по архивнымъ бумагамъ, по разсказамъ самихъ ссыльныхъ, по свидѣтельствамъ ихъ приставниковъ. Все, что досталось намъ въ добычу, несемъ на общій судъ и вниманіе.

Всѣхъ ссыльно-каторжныхъ, находившихся въ то время на Карійскихъ промыслахъ, насчитывалось около 1200 человекъ (во всемъ же нерчинскомъ округѣ до 4 тысячъ). Всѣ карійскіе содержались въ четырехъ тюрьмахъ и размѣщены были почти въ одинаковомъ числѣ въ двухъ тюрьмахъ при Среднемъ и Нижнемъ промыслахъ, въ меньшемъ числѣ въ тюрьмѣ Лунжанкинскаго промысла, а самое меньшее, сравнительно, число помѣщено было въ тюрьмѣ Верхняго промысла. Эта послѣдняя тюрьма находилась прежде въ самомъ селеніи, но, по удаленіи промысловыхъ работъ (въ 1850 году), она перенесена на новое мѣсто, вверхъ по теченію золотопроносной рѣки Кары, на одну версту отъ центра промысла, къ подножію горы. Въ тюрьмѣ этой 8 комнатъ, изъ которыхъ каждая способна вмѣщать не болѣе 50 человекъ. Средняя тюрьма, построенная въ 1851 году, находится въ самомъ селеніи (Средне-Карійскомъ) и походитъ на первую: лицевая сторона ея также не забрана палиями. Лунжанкинская тюрьма, по удаленіи промысловыхъ работъ, перенесена въ 1856 году вверхъ по рѣчкѣ, давшей свое названіе промыслу, за три версты и поставлена на мѣстѣ, называемомъ Ковряжка. Это—самая маленькая изъ всѣхъ тюремъ (только съ двумя комнатами), но за то прочтѣе прочихъ; при ней службы еще весьма удовлетворительны*).

Вотъ официальное топографическое описаніе тюремъ, которое потребуетъ отъ насъ дополненій.

Каждая тюрьма имѣетъ при себѣ непосред-

ственного начальника, должностное лицо государственной службы, смотрителя. Каждому смотрителю дается помощникъ, известный подъ именемъ тюремнаго надзирателя. Кромѣ того, каждая тюремная артель выбираетъ изъ среды себя старосту (на 40 человекъ арестантовъ полагается одинъ такой выборный). Староста получаетъ отдѣльный номеръ отъ прочихъ и онъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, и артельный эконокъ, обязанный заботиться о пищѣ, и помощникъ надзирателя (субъ-инспекторъ), обязанный быть комнатнымъ согладателемъ и фискаломъ. Старость этихъ, такимъ образомъ, въ каждой тюрьмѣ, судя по числу заключенныхъ, находится 3, 4 и 5 человекъ. Надъ ними полагается еще одинъ наибольшій, старшій староста, который на тюремномъ языкѣ называется общимъ.

Такова должностная іерархія и тюремная бюрократія. А вотъ какова и вся процедура ихъ обязанности, въ краткихъ и общихъ чертахъ, набросанныхъ однимъ изъ смотрителей карійскихъ тюремъ. „Смотритель, — говорить онъ:—завѣдуетъ, какъ хозяйственною, такъ и письменною частью. Надзиратель заботится о пищѣ и объ одеждѣ арестантовъ и, кромѣ всего этого, ведетъ отчетность. Поутру, въ назначенные часы для работъ, онъ идетъ на раскомандировку въ тюрьму. По приходѣ съ караульнымъ урядникомъ строятъ всѣхъ арестантовъ въ строй, дѣлаетъ перекличку по имѣющейся у него табели, чтобы узнать, всѣ ли арестанты налицо (точь въ точь, какъ дѣлалось это на этапахъ). Кончивъ таковую, сдаетъ партіи военному караулу, наряженному въ конвой. По уходѣ арестантовъ на работу, онъ выдаетъ старостамъ провизію на день, слѣдующую по желанію, которая принимается заблаговременно имъ отъ комиссара промысловъ*).

*) Каждому арестанту полагается по фунту мяса лѣтомъ и по $\frac{3}{4}$ ф. въ прочее время, $\frac{1}{4}$ ф. крупы и 10 золотн. соли. Правда, что они ѣдятъ и щи, и картофель и лукъ, но за то все это покупается на собственные арестантскіе деньги, зарабатываемыя въ праздничные дни. На это же идутъ и тѣ деньги, которыя получаютъ артелями за перевозку тяжестей на артельномъ рогатомъ скотѣ, и тѣ проценты, которые накапливаются съ разныхъ ссудъ, выдаваемыхъ частнымъ лицамъ изъ артельной экономической суммы (въ 1860 г. остатокъ ея простирался до 2781 р. 26 $\frac{3}{4}$ к.). Весь доходъ тюрьмы состоитъ изъ платы, зарабатываемой арестантами въ праздничные дни. Каждый изъ нихъ получаетъ въ мѣсяцъ изъ окладовъ: рабочіе по 75 к. и мастеровые третьей статьи—1 р., второй—1 р. 50 к., первой—2 р. Казна даетъ отъ себя только кормовыя деньги 5 к. въ сутки и 4 ф. печенаго хлѣба. Лѣтомъ, во время промысловъ, идетъ 5 ф. хлѣба и по 1 ф. мяса. Больнымъ выдается половинный окладъ платы безъ кормовыхъ и провіанта; остальная часть удерживается въ уплату лазаретной пищи. По выпускѣ изъ тюрьмы, слѣдующая изъ артельныхъ сумма выдается каждому на руки. Точно также и тѣмъ, которые хорошимъ поведеніемъ заслужили довѣріе, по-

*) Нижний промыселъ отъ рѣки Шилки и устья рѣки Кары находится въ разстояніи 15 верстъ, Нижний отъ Средняго въ 5 верстахъ, Средній отъ Верхняго въ 3-хъ.

Окончивъ все это, онъ идетъ въ канцелярію тюремнаго смотрителя разводить арестантовъ по работамъ по вмѣщающему у него журналу (о выводѣ арестантовъ на работу), и въ этомъ отбрасывается росписка съ военного караула относительно принятія арестантовъ на работы, а потомъ уже составляется кормчая табель, въ коей показывается число людей, ушедшихъ на работу, и пища, употребленная для нихъ. Съ нею идутъ на рапортъ къ смотрителю. Вечеромъ, когда арестанты сойдутъ съ работы, надзиратель дѣлаетъ счетъ, все ли приведены съ работу, и по закрѣпѣ кладетъ о принятіи свою росписку въ вышеупомянутомъ журналѣ.

Приводя эти строки, мы съ намѣреніемъ остановились на тѣхъ подробностяхъ, какія даютъ онѣ намъ. По видимому, не можетъ быть ничего однообразіе жизни арестантовъ, и не даромъ у нихъ существуетъ поговорка: „каторжный—хлѣбъ кончалъ, сухарь кончалъ, казенной службѣ не могъ кончать“. Но, тѣмъ не менѣе, заключенные всегда находятъ средства разнообразить свою жизнь и первое утѣшеніе представляетъ имъ пѣсня. Дѣйствительно, тюремный сидѣлецъ поетъ на каторгѣ съ великаго горя кручинныя пѣсни и любить онъ въ досужій часъ эти пѣсни. Съ любовью бросается онъ и на дѣланныя, сочиненныя. Поетъ онъ и тѣ, которые искренно вышли у какого нибудь горемыки въ крайнюю минуту искренняго, неподкупнаго вдохновенія *).

Въ какой бы формѣ не привелось выливать свое тюремное горе, которое, главнымъ образомъ, сказывается въ лишеніи свободы, испытывается въ недостаткѣ участія со стороны милыхъ сердцу, какъ бы строго ни преслѣдовалась пѣсня, арестанты часто поютъ пѣсни хоромъ, а въ одиночку всегда и каждый вечеръ:

Вывало у соколика времячко:
Летать-то соколу высокохонько,
Высокохонько летать по поднебесью.
Ужъ-то онъ билъ-побивалъ гусей-лебедей,

купаются одежныя вещи и припасы смотрителемъ. Одежда готовится при промысловомъ цехѣ и выдается на сроки. На два съ половиною мѣсяца: холщевая рубаха, суконные порты, три пары юфтевыхъ чирковъ (вм. сапоговъ) и пара рукавицъ. На годъ поступаютъ арестанту: шинель оермязнаго сукна и поддевка сукненная. Разсчитано примѣрно, что содержаніе всякаго арестанта на артельныя деньги обходится въ годъ въ 33 р. 22 к. «Но рѣдко случается (особенно въ хѣтнее время при разрывныхъ работахъ), чтобы арестанты вынашивали одежду въ срокъ, особенно чирки и рукавицы, которыя отъ гальки и мокроты глины не служатъ и двухъ недѣль».

Свѣденія эти мы взяли изъ описанія тюремъ Шлиссбургскаго округа, сдѣланнаго однимъ изъ смотрителей этихъ тюремъ.

*) По возможности полный сборникъ тюремныхъ пѣсень (на большую часть сибирскихъ, на меньшую русскихъ) читатель найдетъ въ приложеніи къ этому тому.

Гусей-себедей, утокъ стѣрныхъ.
А нонѣ соколу время нѣту:
Сидитъ-то соколъ во поимани,
Во той во золотой кѣточкѣ,
На серебряной сидитъ на шесточкѣ,
Рѣзвы его ноженьки во опуточкахъ.

Или:

Перекрытъ-то, перезабы я, добрый молодецъ,
Стоючи подъ стѣнной бѣлокаменной,
Глядячи на городъ на Катаевской.
У города воротны крѣпко заперты,
Они крѣпко заперты воротцы—запечатаны.
Караульные солдатшки больно крѣпко спятъ.
Крѣпко больно спятъ солдатшки—не пробудятся.

Одна лишь не спитъ красна-дѣвица,
Красна дѣвица—королевская дочь.
Брала она со престолу короночку,
Надѣвала ее на свою буйну головушку,
Еще брала со престола златыя ключи,
Отмыкала-отпирала камениу тюрьму.
Отпускала невольниковъ-подтюремщиковъ.

Пока „красная дѣвица—королевская дочь“ въ воображеніи только, а „златыя ключи на престолѣ“ въ пѣснѣ хороши отвлеченнымъ смысломъ своимъ и безъ всякаго практическаго примѣненія: ворота тюрьмы, дѣйствительно, крѣпко заперты и караульные солдаты всю ночь не спятъ. Бдительность дозора ихъ, приправленнаго крѣпкими и строгими наказаніями, до того сильна и закончена въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, что для арестантовъ нѣтъ другого исхода, кромѣ покорности, подчиненія и надежды не на настоящее, а на будущее. Конечно, покорность эта только временная и подчиненіе условное, но арестанты все-таки видятъ строгость надзора, немолчаливость наказанія за проступки и ищутъ утѣшенія, по свойству человѣческой природы, въ другихъ путяхъ и средствахъ. Средства эти они находятъ въ собственной натурѣ, въ натурѣ русскаго человѣка, и гнету и преслѣдованіямъ сверху сопоставляютъ сильный оплотъ и противодѣйствіе снизу, въ средѣ своей. Противоборство это заключается въ такъ называемой артель тюремной, въ арестантской общинѣ. Община эта ладится плотно, очень скоро и просто. Правила для нее Богъ вѣсть когда и кѣмъ придуманы, но уже приняли опредѣленную и законченную форму. Форма эта, по долгому опыту, состоятельная при практическомъ примѣненіи, а существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Арестанты этого не скрываютъ и, можетъ быть, утаивая мелкія подробности, объявляютъ общія черты, по которымъ можно составить приблизительное описаніе. Описаніе это мы основываемъ на разсказахъ самихъ преступниковъ и провѣряемъ свѣденіями, сообщенными намъ тюремными приставами на словахъ и въ официальныхъ бумагахъ.

Одна и та же участь, равная степень наказанія, поразительное до мельчайшихъ подробностей сходство житейской обстановки—все это, естественнымъ образомъ, помогаетъ сближенію, дѣлаетъ это сближеніе не только возможнымъ,

но даже и совершенно необходимымъ, по силѣ закона: „дружно — не грузно, а врозь — хоть брось“. Сближеніе это, при одинаковой степени нравственнаго развитія и душевнаго настроенія, совершается тѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣроятнѣе усталость и уступка со стороны противодѣйствія. Сближеніе становится прочнымъ и дѣйствительнымъ по мѣрѣ того, какъ преслѣдованіе дѣлается озлобленіемъ, а стало быть и бездаріемъ и недальновидіемъ. Пользуясь всякимъ благоприятнымъ моментомъ, тюремная община, не вѣдающая усталости, не желающая отдыха, накопляетъ внутри себя силы и притомъ въ такомъ количествѣ, что, при напорѣ ихъ, по неволѣ должны уступить всякія внѣшнія противоборства, хотя бы они и велись систематически. Кажется, сколько глазъ слѣдятъ за преступниками, сколько законовъ, правилъ и постановленій обрушилось на нихъ въ теченіи недолгаго времени, и все-таки тюремная община живетъ своею самостоятельною особенною жизнью. Она цѣла и самобытна, не смотря даже на то, что тюрьма не вѣчная неизбывная квартира, что она скорѣе постоянный дворъ, гдѣ однѣ лица смѣняются другими новыми. Правила для тюремной общины какъ будто застываютъ въ самомъ воздухѣ, какъ будто самыя тюремныя стѣны пересказываютъ ихъ. Преемственная передача убѣжденій, жизнь старыми преданіями, на вѣру, едва ли сильнѣе въ другой какой общинѣ.

Закономъ для всякой арестантской артели полагается выборный изъ среды преступниковъ — староста. Онъ, прежде всего, заботится о приготовленіи пищи товарищамъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть названъ экономомъ. Въ его рукахъ скопляется вся сумма денегъ, образуемая изъ добродѣльныхъ подаяній; вотъ и казначей. Староста — отвѣтственное лицо за проступки всей артели передъ начальствомъ, которое обязываетъ себя глядѣть на него, какъ бы на лицо официальное и должностное, а по уставу — даже и утверждаетъ его въ этомъ званіи. Въ случаѣ, если бы онъ рѣшился скрыть какое нибудь преступленіе, затѣянное недовольными и обиженными арестантами, задумалъ бы не сказать о проступкѣ одного изъ нихъ, за все про все отвѣчаетъ онъ, староста. Отвѣчаетъ онъ своею спиною, но не лишеніемъ мѣста. Лишить его званія, отрѣшить отъ должности начальство безъ согласія всей артели не можетъ, точно такъ же, какъ выборный въ старосты, изъ уваженія къ общинѣ, дѣлающей ему такую честь и довѣріе, отказаться отъ должности не имѣетъ права. Условія взаимнаго уваженія, основаннаго съ одной стороны на довѣріи и съ другой на благодарности, одинаковую имѣютъ силу и въ обществѣ преступниковъ, какъ и во всякомъ другомъ.

Такимъ образомъ, староста стоитъ между двухъ огней. Та и другая сторона заявляетъ на него свои права, та и другая требуетъ исполненія

обязанностей. Обязанности эти или, скорѣе, угожденія, въ сущности своей, діаметрально противоположны другъ другу. Какъ быть? Какъ выпутаться?

А на что же существуетъ община? отвѣтимъ мы на эти два вопроса также воспросомъ. Тюремная община держитъ своего старосту въ границахъ, положенныхъ его обязанностями: позволяетъ ему принимать съѣстные припасы и подаянія, хранить артельные деньги — и только. Этимъ власть его и ограничивается; и тѣни нѣтъ вліянія на нравственную сторону заключенныхъ. Арестанты опасаются навязать себѣ агента своихъ благодѣтелей, а потому отъ старосты требуется чрезвычайная осторожность и глубокая осмотрительность. Всякій изъ нихъ долженъ знать, что множество глазъ заботливо слѣдятъ за всѣми его дѣйствіями и съ особеннымъ вниманіемъ за сношеніями его съ тюремными властями. Малѣйшая ошибка (простая, преднамѣренная), и староста смѣняется.

— Я бывалъ свидѣтелемъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ заключенныхъ), какъ смѣняемыхъ старостъ прогоняли сквозь строй жгутовъ (наказаніе, по сказанію самихъ виновныхъ, могущее поспорить съ таковымъ же официальнымъ наказаніемъ, послужившимъ первому образцомъ и примѣромъ). Смѣщенный староста подвергается затѣмъ общему презрѣнію, самому тяжкому изъ всѣхъ нравственныхъ наказаній, какія только могутъ быть придуманы въ мѣстахъ заключенія. Въ старостахъ, по избранію арестантовъ, чаще всего является тотъ изъ нихъ, который и у свободныхъ людей носитъ прозваніе сквоного плута и который прошелъ въ тюрьму сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, а въ тюрьмѣ скупѣтъ не остается между двухъ наголъ, напоить и вытрезвить, обуть и разуть.

Такимъ образомъ, ябеда, доносъ — самое нетерпимое изъ всѣхъ тюремныхъ преступленій. Хотя ябедникъ и доносчикъ тамъ явленіе очень рѣдкое, но, тѣмъ не менѣе, бывалое и если больного этою трудно-излечимою болѣзнію не вылечать два испытанныхъ средства (каковы жгуты и презрѣніе), то его отравляютъ растительными ядами (обыкновенно дурманомъ). Къ исключительному средству этому прибѣгаютъ примѣчательно рѣдко и въ такомъ только случаѣ, когда начальство не имѣетъ средствъ или не сдается на просьбы товарищей и не переимѣститъ виновнаго въ отдѣльный покой или (если есть) въ другую тюрьму.

Товарищество соблюдается свято и строго и въ тюрьмѣ, какъ соблюдается оно, напр., во всѣхъ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ также часто мелкій проступокъ возводится на степень преступленія, гдѣ также излишняя строгость вызываетъ неизбежную скрытность, какъ единственное подручное орудіе протеста. Въ этомъ отношеніи у корпусовъ, пансіоновъ и институтовъ сходство

въ приѣмахъ съ приѣмами тюремными поразительно. Грани сходятся и только въ результатахъ они, естественнымъ образомъ, должны расходиться и расходятся. Преступники идутъ дальше по пути преслѣдованія виновныхъ, идутъ смѣлье и рѣзче, какъ то и подобаетъ людямъ крѣпкаго житейскаго закала, сильныхъ и крупныхъ характеровъ и страстей.

Арестанты виноватаго (но не уличеннаго) товарища ни за что и никогда не выдадутъ. Уличенный, но не пойманный съ поличнымъ, въ преступленіи своемъ никогда не сознается и не было примѣра, чтобы пойманный въ извѣстномъ проступкѣ выдалъ своихъ соучастниковъ; онъ принимаетъ всѣ удары и всю тяжесть наказанія на себя одного. Равнымъ образомъ, если арестантъ и попался съ поличнымъ, оказался совершенно виновнымъ и смотритель его наказываетъ, арестанты довольны и не препятствуютъ исполненію приговора, слѣпо вѣруя, что наказаніе научитъ ихъ товарищей другой разъ быть осторожнѣе, заставитъ его потомъ концы хоронить подалѣе и повѣрнѣе.

Стремясь къ согласію и возможной дружбѣ, заботясь объ единодушіи, какъ главныхъ основаній всякаго товарищества, тюремная артель не терпитъ строптивыхъ, резчуръ озлобленныхъ, сутягъ и всякаго рода людей беспокойныхъ. Бывали примѣры, что арестанты огуломъ жаловались начальству на такихъ озорниковъ, прося объ удаленіи ихъ изъ своей среды. Не рѣшаясь прибѣгнуть къ средствамъ, приложимымъ къ ябедникамъ (на томъ предположеніи, что наушничество—неисправимое зло), они оставались довольны, если беспокойнаго товарища заперли въ отдѣльную камеру на одиночное заключеніе. Озлобленнаго и беспокойнаго человѣка арестанты, по долгому опыту, считают исправимымъ и—говорятъ—не ошибаются; удаленные на время „злыдни“ очень часто возвращались потомъ въ тюремную семью тихими, кроткими и примиренными. Одиночное заключеніе арестанты ненавидятъ и боятся его пуще всѣхъ другихъ. Разъ извѣдавъ его, всѣми мѣрами они стараются избѣжать въ другой разъ. Для всякаго арестанта дорога тюремная артель, мила жизнь въ этой общинѣ, оттого-то всѣ они съ такимъ стараніемъ и такъ любовно слѣдятъ за ея внутреннимъ благосостояніемъ: удаляютъ беспокойныхъ и злыхъ, исключаютъ наушниковъ, составляютъ непререкаемые правила, сурово наказываютъ своимъ судомъ виновныхъ, а судъ тюремный, какъ мы сказали, самый неумолимый и жестокий.

На сколько сильно и крѣпко товарищество—вотъ примѣръ (первый, подвернувшийся на память изъ сотни другихъ). Дѣло было на одномъ изъ заводовъ Восточной Сибири (на какомъ именно, не упомяну).

Тюремный смотритель сердитъ былъ на аре-

станта за его дерзкія грубости, за непочтеніе къ особѣ начальника, за что-то, однимъ словомъ, такое, чего никакъ не могъ забыть и умягчить въ своемъ сердцѣ смотритель. Арестантъ былъ ловокъ, увертливъ; смотритель, при всѣхъ стараніяхъ, поймать его не могъ, а между тѣмъ хотѣлось удалить непріятеля изъ завода и удалить такъ, чтобы онъ его помнилъ.

Смотритель призываетъ къ себѣ другого арестанта и начинаетъ уговаривать его допытаться: кто такой преслѣдуемый и ненавистный ему преступникъ, и если перемѣнилъ онъ свое имя и живетъ подъ чужимъ, то уйдетъ прямо на золотые Карійскіе промыслы, т. е. въ самую каторгу.

— Я бы допытался, ваше благородіе, да мнѣ жизнь еще не надоѣла, сами знаете наши порядки. Тяжелы такіа дѣла!

— Я тебѣ въ нихъ защитникъ и покровитель.

— Если такъ, то было бы изъ-чего начать дѣло.

— Вотъ тебѣ три рубля.

— Такъ неужели я товарища-то своего продамъ такъ дешево. Да и на три рубля что я могу сдѣлать?! ни обуви купить, ни одежды завести.

Стали толковать, торговаться—на десять рублейхъ сер. порѣшили дѣло. Беретъ арестантъ деньги, идетъ въ тюрьму и прямо къ товарищу:

— А я, братъ, тебя смотрителю продалъ, сказалъ, что ты чужое имя носишь; вотъ и денегъ десять рублей получилъ. Раздѣлимъ пополамъ, а ты меня выручи: нѣтъ ли здѣсь въ селеніи на тебя кого похожаго? Не осрами передъ смотрителемъ!

— Шелъ одинъ въ пересыльной партіи похожій на меня, да и живетъ-то онъ здѣсь на заводѣ, фамилія Клыгинъ.

— Клыгинъ!—рапортовалъ подговоренный смотрителю. Справился тотъ въ статейныхъ спискахъ: примѣты подходятъ (да и много ли такихъ примѣтъ въ казенныхъ паспортахъ, какихъ нельзя было бы примѣнить ко всякому въ особенности и ко всѣмъ остальнымъ разомъ).

Наскочилъ смотритель на врага своего, рада-радехонекъ. Тотъ откерекается, идти на дальнюю каторгу не хочетъ, слѣдствія проситъ: „Мало ли-де чего на свѣтѣ не бываетъ! я самъ своего двойника въ пересыльной партіи видѣлъ, да онъ и теперь живетъ на заводѣ, здѣсь“. Даютъ очную ставку; смотритель дѣйствуетъ смѣло, въ расчетъ на купленнаго доносчика. Очная ставка съ мнимымъ двойникомъ не удалась, смотритель остался въ дуракахъ; наскочилъ на своего довѣреннаго:

— Затѣмъ ты обогалъ?

— Пошутить захотѣлось надъ вашимъ благородіемъ, что я стану таить теперь по пустому?!

Долго и громко смѣялась тюрьма надъ этою выходкою. Многіе о ней и теперь не забыли и мнѣ рассказали.

На сколько арестанты блюдутъ тайны своей артели и стерегутъ ея интересы, узнаемъ также изъ множества примѣровъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, болѣе характерный и смѣлый.

— Былъ у насъ (разсказывалъ мнѣ одинъ изъ смыльных, жившій въ послѣднее время въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ), былъ у насъ при тюрьмѣ унтеръ-офицеръ сердитый, тяжелый и неподкупный. Такіе люди несносны. Арестанты рѣшились его удалить во что бы то ни стало, но какъ это сдѣлать? Надо было найти смышленого человѣка. Ходили за нимъ недалеко. Содержался вмѣстѣ съ нами изъ бродягъ Сеңька, ловкій на всѣ руки и казачь тертый съ солью, ни надъ чѣмъ онъ не задумывался и на жизнь легко смотрѣлъ. Въ Россіи ходилъ по ярмаркамъ съ Петрушкою—фокусы показывалъ; не поспѣстивалось тамъ—въ Москвѣ жуликомъ долго былъ, ловко таскалъ платки изъ кармана, часы обрѣзывалъ. Ограбилъ тамъ церковь—въ Сибирь попалъ. Къ этому Сеңькѣ и обратились арестанты:

— Помоги—говорятъ:—смѣни ундера!

— Ладно!—говоритъ:—Сѣчь меня будутъ, такъ положите ли по двѣ копейки за розгу съ артели?

— Идетъ!—говорятъ. Сами смотреть, что будетъ.

„Ходитъ Сеңька по казармѣ, ходитъ, бурлитъ, ко всѣмъ привязывается, притворяется пьянымъ. Увидать это ундеръ, донесъ смотрителю. Приниелъ смотритель и спрашиваетъ:

— Гдѣ взялъ водку, кто принесъ?

— Вотъ онъ!—говоритъ Сеңька и показываетъ на ундера.

— Врешь,—говоритъ смотритель:—не вѣрю, не таковскій человѣкъ этотъ ундеръ.

„Божится Сеңька.

— Дохни!

„Дохнулъ Сеңька такъ, что какъ будто и въ самомъ дѣлѣ въ сосѣдней кабацкѣ двери отворили.

— Розогъ!—закричалъ смотритель.

„Сеңька мигнулъ товарищамъ: „Считайте-де, братцы, а я васъ самъ повѣрять буду, чтобы потомъ не отжилили.

„Стали считать: пятьдесятъ розогъ насчитали.

„Смотритель опять спросилъ: „Врешь-де, собачій сытъ“! Побожился Сеңька и снова драть его стали. Еще пятьдесятъ розогъ сосчитали: по счету на серебро два рубля приводилось съ артели. Артельному кошельку тяжело стало, закричали арестанты Сеңькѣ:

— Будетъ, Сеңька! Проси, шельмецъ, прощенья!

„Не просить.

— Кто принесъ вина?

— Этотъ самый ундеръ.

„Опять положили. Арестанты громче шумъ подняли:

— Сказывай, Сеңька, ну, тебя, къ черту!

(много-де артельскихъ денегъ изводишь и самъ-де того не стоишь).

„Лежить себѣ Сеңька подъ вторую сотню. Арестанты еще громче зашумѣли: „Тебѣ-де, дьяволу, ничего, шкура-то у тебя барабанная, стало привычная, да артельныхъ-то деньгамъ изъять большой“.

„Сеңька стоитъ на своемъ: ундеръ принесъ. Получилъ двѣсти и всталъ. Всталъ и говорить.

— „Сказывалъ я вамъ, что сказывалъ; не повѣрили вы мнѣ, ваше благородье! Осмотрите-ко ундера, можетъ, онъ и четушку-то (косушку) еще не успѣлъ спрятать.

„Послушался смотритель совѣта его, осмотрѣлъ ундера и въ ранцѣ у него нашелъ ту посудину (успѣлъ-таки ловко подложить свою вещь Сеңька, умѣвшій таскать изъ тѣхъ же кармановъ и всякихъ ручныхъ мѣшковъ чужія вещи).

„Артель достигла цѣли: ундера убрали, Сеңька получилъ свои четыре рубля серебромъ. Смѣялись всѣ долго и еще пуще полюбили всѣ Сеңьку“.

Вообще, не скупясь ни на какія средства, не задумываясь ни передъ какими препонами, тюремная артель строго блюдетъ свою тайну, старательно прячется за завѣсою ея, у которой, если приподнять одинъ только уголокъ, мы увидимъ вотъ что.

Во всякой тюрьмѣ (русской и сибирской) существуетъ такъ называемый майданъ. Это, въ тѣсномъ смыслѣ, подостланная на нарахъ тряпка, полунубокъ или просто очищенное отъ этой вѣтоши мѣсто на нарахъ, на которомъ производится игра въ карты, кости, въ юлку и около котораго группируются всѣ игроки изъ арестантовъ. По тюремной примѣтѣ-пословицѣ: на всякаго майданщика по семи олуховъ.

Игра, какъ извѣстно, есть одна изъ самыхъ прилипчивыхъ и упорныхъ страстей между преступниками. Безпрестанная боязнь быть открытыми (не смотря на существованіе сторожей у дверей) заставляетъ преступниковъ торопливо играть и въ волненіяхъ душевныхъ, разжигаемыхъ игрою, находить самыя любезныя имъ наслажденія, самыя пріятныя и дорогія имъ утѣхи. Существованіе азартныхъ игръ присуще тюрьмамъ всего земного шара. Вотъ что говорить Фрежъ въ своемъ сочиненіи „Des classes dangereuses“ о французскихъ тюрьмахъ: „Арестанты, привыкшіе въ одинъ моментъ терять плоды недѣльной работы, доводятъ свою страсть къ игрѣ до того, что ставятъ на конъ хлѣбъ, которымъ должны кормиться мѣсяцъ, два, три мѣсяца. Но что всего удивительнаго: между арестантами встрѣчаются такіе, которые, во время раздачи порцій, оказываются нетерпѣливыми, даже жадными, тѣ, которые рвутъ хлѣбъ изъ рукъ и потомъ легко примираются съ лишеніемъ пищи, проигранной въ карты. Прибавлю послѣднюю черту, показывающую до какой степени помѣшательство можетъ доводить

разумное существо страсть къ игрѣ. Врачи центрального дома Mont-Saint-Michel наблюдали за однимъ преступникомъ, который игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что, лежа въ больницѣ, ставилъ на конъ порцію бульона и вина, когда тотъ и другое были крайне необходимы для восстановления его растроченныхъ силъ. Этого несчастнаго умеръ отъ истощенія силъ“.

Право содержать майданъ въ нашихъ тюрьмахъ отдается съ торговъ, независимо отъ содержанія другихъ оброчныхъ статей (о чемъ мы будемъ говорить ниже). Откупщикъ майдана бываетъ, большею частью, самый бережливый изъ арестантовъ, скопидомъ и, во всякомъ случаѣ, обладающій извѣстнымъ капиталомъ. Онъ называется майданщикъ и если не пользуется уваженіемъ и любовью арестантовъ, то, во всякомъ случаѣ, находится подъ покровительствомъ артели. Въ средѣ ея онъ всегда найдетъ такихъ голышей, которые за нѣсколько копеекъ становятся на стражу и оповѣщаютъ играющихъ о приближеніи опасности (играютъ обыкновенно по ночамъ). Для этого существуютъ въ тюрьмахъ условныя выраженія, особенныя слова.

— Стрема! — кричить сторожъ въ нерчинскихъ тюрьмахъ.

— Вода идетъ! — оповѣщаетъ сторожъ въ тобольскомъ и другихъ спопутныхъ острогахъ.

Майданъ исчезъ: свѣча погашена, карты спрятаны, такъ что самый опытный смотритель не найдетъ ихъ. А уйдетъ дозорщикъ (стрема, вода), и опять пошли переходить съ рукъ на руки и курынча (мѣдныя деньги, по тюремному названію) и сары (т. е. бумажки и серебро, которое водится во всѣхъ видахъ, даже иностранныя талеры, пятифранковики, старинныя цѣлковые и проч.).

— „Таланъ на майданъ!“ — желаетъ арестантъ играющему въ карты товарищу. „Шайтанъ на гайтанъ!“ — шутливо отвѣчаетъ этотъ.

— „Давай въ святцы смотрѣть“, — говоритъ другой арестантъ третьему, желая натравить его на игру. „Выковъ гонять“ на условномъ тюремномъ языкѣ значитъ въ кости играть, бросать пару обыкновенныхъ игральныхъ квадратныхъ костей (со значками въ точкахъ до 6-ти). „Свѣтомъ вертѣть“, „головой крутить“ — въ юлку*) играть.

„Хамло пить“ зоветъ арестантъ товарища, когда онъ досталъ водки и желаетъ угостить сю. Дымъ желаетъ купить арестантъ, когда табакъ захочетъ курить — и курить его те-

перь въ папирсахъ или, лучше сказать, въ тюрникахъ, свернутыхъ изъ самой толстой бумаги, ибо чѣмъ толще бумага, тѣмъ мягче махорка. Бумага краденая, табакъ купленный (у майданщика); иногда и бумагою торгуютъ, но чаще добываютъ ее изъ тѣхъ книгъ, которыя раздаютъ для чтенія члены попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ (всякій другой сортъ бумаги — плодъ, закономъ воспрещенный въ тюрьмахъ). Папиросы еще тѣмъ хороши, что прячутся ловко, да и налетѣшь съ нею на дозорщика, не жаль разставаться, а трубокъ — ненапазная пропасть переводится. Трубки держатъ только тамъ, гдѣ дозоръ посподоби и пристава попроще.

Арестантъ мастерить самъ или у другихъ покупаетъ амѣйку, когда намѣренъ перепилить тюремную рѣшетку въ окнѣ или дужку замка на кандалахъ, ради побѣга. Кандалы называются ножныя брушлеты (браслеты); кнутъ — лыко, или съ добавленіемъ адамово лыко. Заводская собака лаетъ — острить ссылный рабочий, когда звонилъ колоколъ, призывавшій на работу.

Бѣглый идетъ на тюремномъ языкѣ подъ названіемъ горбача (за носу, которая всегда имѣется у него сзади, на спинѣ). „Гляди въ маршрутъ: долго ли намъ идти?“ — говоритъ горбачъ своему товарищу, когда не желаетъ заходить въ спопутную деревню за милостынею и надѣется найти въ этомъ маршрутѣ (т. е. буракѣ или, по сибирски, тузѣ) достаточное количество запаса для прокормленія себя.

Бѣжить арестантъ изъ тюрьмы „къ генералу Кукушкину на вѣсти“ или просто „кукушку слушать“; но нерѣдко сходитъ только „простокышки (т. е. простокваши) поѣсть“, т. е. дойдетъ до Верхнеудинскъ и, возвращенный оттуда опять на Кару, осмѣивается въ этомъ послѣднемъ выраженіи товарищами. Бѣжить арестантъ, не думая о послѣдствіяхъ, и самъ острить и смѣяться, что „лиха бѣда нагнута (подъ плети), а не лиха бѣда отдуться“.

Въ тюрьмѣ арестантъ умоляетъ строгихъ по виду, на самомъ дѣлѣ податливыхъ сторожей, „привести мазиху“ (т. е. женщину) и не щадитъ никакихъ денегъ, а на волѣ старается „краснаго пѣтуха пустить“ въ отмщеніе той деревнѣ, въ которой покусились схватить его, бѣлаго, и представить по началству, т. е. снѣшить „пожаръ въ ней сдѣлать“. „Верись за жуликъ“ (т. е. за ножъ), кричали арестанты, когда поднимали бунтъ противъ приставниковъ.

Вотъ почти всѣ тѣ слова, которыя находятся въ тюрьмахъ въ оборотѣ; едва ли есть большіе, потому что нѣкоторые изъ приведенныхъ нами крайне случайныя, мало употребительныя; другія отзываются легкою насмѣшкою, третью легко и просто замѣняются самими сторожами, какъ было принято, напр., въ тобольскомъ острогѣ,

*) Юлку дѣлаютъ изъ говяжьихъ костей, которыя распиливаютъ крученою сурою ниткою, постоянно смачивая ее въ растворѣ золы и березового угля. Одинъ пилитъ, другой подливаетъ пелокъ. Счетъ у юлки особенный: 9 — лебедь, 11 — лебедь съ пудомъ, 5 — пѣтушки, 4 — чеква и пр., — какъ у клубныхъ игроковъ въ лото и у бостонистовъ (6 — филадельфія, 8 — индепантансъ и проч.).

гдѣ сторожа, по увѣренію ссыльных, особенно дешевы. Тамъ, если кричали со двора „уитеръ-офцеръ“! значило „вода“, начальникъ идетъ, берегись! Кричать „ефрейтора“, продолжай майданъ, идутъ люди не опасные, свои купленные. Часть условныхъ тюремныхъ словъ, судя по видѣннымъ знакомымъ признакамъ, введена московскими жуликами или петербургскими мазуриками; другая часть, по всему вѣроятію, оставлена арестантамъ въ завѣщаніе волжскими и другими разбойниками, не такъ давно наполнявшими тюрьмы Сибири и Забайкалья*).

Майданъ въ сибирскихъ тюрьмахъ принимаетъ болѣе обширные размѣры, а потому и откупная цѣна на него, по торгамъ, значительно выше, чѣмъ та же во время путешествія арестантовъ по этапамъ. Во время этапнаго пути майданъ, какъ мы уже выше сказали, снимался за Тобольскомъ на время, необходимое арестантской партіи для того, чтобы дойти до Томска. Въ Томскѣ опять торги до Красноярска, въ Красноярскѣ до Иркутска (самая меньшая цѣна майдана) и въ Иркутскѣ до Нерчинскихъ заводовъ (самая большая цѣна майдана). Принимая въ расчетъ большее или меньшее количество верстъ (а стало быть и время), необходимое для путешествія, арестантская община, при сдачѣ майдана, имѣетъ также въ виду и большее или меньшее число желающихъ и могущихъ вести игру. Поэтому за продажу картъ полагается откупная плата отъ 15 до 30 руб. Майданщикъ обязуется при этомъ поставитъ игрокамъ и освѣщеніе въ видѣ салныхъ свѣчей. Деньги эти вносятся въ общую артельную кассу и сдаются на руки выборному старостѣ (онъ иногда бываетъ и майданщикомъ, но рѣдко, хотя въ старосты арестанты иногда стараются выбрать денежнаго, слѣдовательно, и вліятельнаго до нѣкоторой степени). Чаще всего сдаютъ карточный откупъ въ тѣ же руки, въ которыхъ находится откупъ съѣстныхъ припасовъ, какъ тому лицу, которое въ тюремной общинѣ носитъ названіе харчевника. Условія откупа и выгоды, гарантирующія майданщика картъ, полагаются слѣдующія:

1) За карты, требуемыя въ круговую игру, платится играющими въ первый разъ 30 коп., во второй — 20 коп., въ третій — 10 коп.; затѣмъ обогранные карты отдаются для игры даромъ, безплатно, грошовымъ игрокамъ, для которыхъ на тюремномъ саркастическомъ языкѣ имѣется прозваніе *жигановъ*.

2) Съ тѣхъ игоръ, которыя идутъ рука на руку, взыскивается всякій разъ 10 коп. съ выиграннаго рубля, за вычетомъ возвращенныхъ проигравшему.

Въ тюрьмахъ городскихъ карты, черезъ сторожей, покупаются у торговцевъ, иногда новыя, иногда играныя. Наружныхъ достоинствъ не тре-

буется, были бы только очки примѣтны, а самыя карты до невозможности засалены и обжочалены. Но въ тюрьмахъ, помѣщенныхъ не въ городахъ (каковы, напр., всѣ каторжныя и заводскія тюрьмы), карты дѣлаются самими арестантами. При этой операціи самую серьезную трудность — приготовленіе фигуръ — обходятъ условнымъ приемомъ въ размѣщеніи очковъ и достигаютъ цѣли тѣмъ, что валета дѣлаютъ изъ двойки, даму изъ четверки, короля изъ тройки — словомъ, изъ всѣхъ тѣхъ картъ, которыя выкидываются при игрѣ въ три листика. Къ двойкѣ придѣлываютъ два очка, по одному наверху слѣва и внизу справа, рядомъ съ существующими; въ четверкахъ прибавляютъ по одному очку наверху и внизу, въ серединѣ готоваго ряда. Своеобразная четверка служитъ, такимъ образомъ, за валета, а оригинальная, условная шестерка — за даму. Короля рисуютъ вновь изъ тройки: стараются старыя очки и намѣчаютъ новыя, располагая значки ромбомъ по четыре наверху и по четыре внизу. Я приобрѣлъ одинъ экземпляръ этихъ чалдонокъ (такъ называются самодѣльные карты), но онѣ сдѣланы всѣ до одной заново изъ простой сѣрой писчей бумаги, проклеенной простымъ столярнымъ клеємъ. Исподки выкрашены подъ одинъ цвѣтъ (красный); черныя очки наведены краскою изъ сажи съ клеємъ (иногда чернильными орѣхами съ купоросомъ); красныя изъ мелкаго кирпичу съ тѣмъ же клеємъ. Форматъ картъ для удобства почти вдвое мельче обыкновенныхъ. Но мой экземпляръ великолѣпный: очки наведены какъ бы какою-то печатною формою. Я видѣлъ другія несравненно грубѣйшей работы. По видимому, карты дѣланы на спѣхъ, подъ множествомъ зоркихъ глазъ и притомъ въ самой строгой тюрьмѣ, можетъ быть именно въ военной омской (крѣпостной) тюрьмѣ. Красныя очки выведены кровью и даже сажа для черныхъ очковъ растворена на той же крови. Такими жертвами покупается право игры!

И сколько еще у арестантовъ выходовъ, если конфискуются, по несчастью, всѣ карты. Удобоскрываемыя кости, на случай конфискаціи, замѣняются юлкою. Отнимутъ юлку — въ тюрьмахъ есть дешевая и простая игра въ шашки, доска для которыхъ всегда готова на нарахъ; но въ особенности подручна игра въ такъ называемые бѣгунцы, игра извѣстная во всей Россіи. Бѣгунцы родятся въ волосахъ, выпускаются на стекло, смазанное саломъ, въ кругъ или на бумагу съ двумя концентрическими кругами. Разомъ всѣхъ бѣгунцовъ выпускаютъ въ меньшій кругъ. Чья осилитъ кругъ прежде другой, тотъ и выигрываетъ. Побѣжденную казнить тутъ же на мѣстѣ преступленія, побѣдительницу сажаютъ опять въ старое убожище, въ перушко. Двѣ переползутъ въ одно время — конъ или ставка поползаетъ.

Игроки нарочно составляютъ такіе звѣринцы,

*) О тюремномъ словарѣ см. статью въ приложеніи къ этому тому (Приложеніе II).

тщательно сберегают и держат при себѣ всегда на головахъ. Также всегда на-готовѣ и во всякое время къ услугамъ простѣйшій способъ игры въ петлю: заложившій банкъ беретъ въ руки веревку или нитку и дѣлаетъ изъ нихъ нѣсколько петель. Желавшіе сорвать ставку стараются попасть въ петли пальцемъ такъ, чтобы одна изъ нихъ защемила палецъ (или палочку) и сдѣлался узелъ. Но и здѣсь бываетъ подтасовка: въ ловкихъ рукахъ фокусника всѣ петли срынаются и никогда узла не слестываютъ.

Изъ игръ карточныхъ самая употребительная въ Россіи подкаретная или въ три листика съ фальзами и бардадымами, но самая любимая—одно, въ Сибири составляетъ нѣкоторый родъ видоизмѣненія первой, съ разницею въ счетѣ очковъ по уговору: тузъ считается либо за 14, либо за одинъ очокъ, король всегда 13, дама 12 и валетъ 11. Существовать еще игра юрдовка, иначе зернь, основанная на игрѣ въ оставшіяся отъ выброски карты: двойки, тройки, четверки и пятерки. Именемъ этой игры называлась отдѣльная слобода на Нижнемъ Кайскомъ промыслѣ по дорогѣ въ Средній. Называлась она такъ потому, что при началѣ промысла на Карѣ на этомъ мѣстѣ собирались записные картежники изъ каторжныхъ и вели сильнѣйшую зерню (игру). Господствуетъ она въ нерчинскихъ тюрьмахъ, гдѣ, какъ извѣстно, арестанты проигрываютъ все: одежду казенную, отъ полушубка до онучки, паекъ до послѣдней крошки и зерна, хлѣбъ, соль, по пословицѣ: „рубль и тулупъ и шапка въ гору“.

Тобольскій острогъ, по поводу преслѣдованія картъ, сохранилъ разсказъ о слѣдующемъ весьма характерномъ случаѣ (передаемъ его по возможности такъ, какъ онъ записанъ въ тюремной хроникѣ): „27 іюня (1849 г.), по окончаніи вечерней повѣрки и запора во всѣхъ казармахъ и секретныхъ камерахъ арестантовъ, смотритель, чувствуя себя, послѣ дневныхъ трудовъ ослабѣвшимъ въ силахъ, намѣренъ былъ успокоиться сномъ и потому, въ 11 часовъ ночи, пригласивъ къ себѣ на ужинъ караульнаго офицера прапорщика Спб. лин. бат. № 1 Тидемана и, по окончаніи онаго, пожелавъ доброй ночи, осторожнаго и благополучнаго наблюденія за постовыми караулами, разстался съ нимъ въ началѣ 12 часовъ и послѣ того, раздѣвшись, легъ въ постель и въ ту же минуту уснулъ. Въ продолженіи какового сна смотрителя, самаго кратчайшаго (т. е. сна), упомянутый офицеръ, подойдя къ окну кухни смотрительской, въ коей тогда послѣ ужина случилось еще быть его женѣ, требовалъ сказать смотрителю о замѣченной часовымъ картежной игрѣ въ казармѣ кандалныхъ арестантовъ. Жена смотрителя, пожелавъ разбудить мужа, распорядилась отдать ключъ отъ упомянутой казармы г. Тидеману съ покорнѣйшею просьбою

потрудиться въ сказанную казарму безъ надзирателей или приставниковъ комнатныхъ не ходить да и замѣченныхъ имъ арестантовъ, играющихъ въ карты, не брать или шуму съ ними въ ночное время не заводить, сказавъ притомъ, что съ виновными утромъ поступить, какъ должно, самъ смотритель. Г. Тидеманъ, уважая, хотя и неумѣстный женскій, но предупредительный для него же совѣтъ, приказавъ своимъ караульнымъ позвать дежурныхъ надзирателей. Самъ рѣшился стремглавъ броситься въ казарму, чтобы врасплохъ захватить игравшихъ. Случилось, однако же, не такъ. Это распоряженіе заставило въ ту же минуту встревожить всѣхъ въ казармѣ арестантовъ, въ коей находилось ихъ 126 человекъ, крикомъ и ужаснымъ стономъ лежавшихъ у самыхъ дверей отъ причины непомѣрной духоты голыми, которыхъ бросившіеся караульные должны были, по необходимости крайней тѣсноты, топтать по чѣмъ приходилось сапогами и, безъ сомнѣнія, падая черезъ нихъ, причинять имъ съ досадою побои и кулаками, отчего еще болѣе увеличился крикъ, сколько отъ лежавшихъ передъ дверьми на полу, по причинѣ чувствуемой ими боли, столько и отъ находившихся подъ нарами и на нарахъ (изъ жалости своихъ товарищей), безвинно переносимыхъ отъ солдатъ побой. При увеличившемся же крикѣ, г. Тидеманъ принужденъ былъ изъ казармы бѣжать, а за нимъ и солдаты, которыми былъ выпихнутъ одинъ каторжный (Мухановъ), котораго стоявшіе на дворѣ солдаты съ ружьями, избили при г. Тидеманѣ прикладами до такой степени, что онъ былъ брошенъ въ казарму почти безъ памяти, что еще прежде взволновало каторжныхъ до такой степени, что караульные, боясь дальнѣйшихъ происшествій, поспѣшили припереть дверь. Разбудили смотрителя, прибѣжалъ: солдаты жердями приперли дверь и идти не совѣтуютъ, убьютъ-де. Смотритель не послушался: избитаго отправилъ въ больницу, гдѣ ему пустили кровь, каторжныхъ уговорилъ быть покойными и не шумѣть. Потомъ дѣлалъ осмотръ: въ двухъ секретныхъ камерахъ, замѣтивъ потушенный огонь, велѣлъ зажечь свѣчи. Затѣмъ началъ ссору съ офицеромъ, когда послѣдній потребовалъ его къ себѣ и обозвалъ бабою при тѣхъ же нижнихъ чинахъ, на что смотритель, хотя и съ вѣжливостію, но рекомендовалъ ему себя не бабою, а старшимъ ему службою“.

3) Съ майдана никто безъ проигрыша не уходитъ. Такъ, напр., одинъ пускаетъ въ игру на конѣ три рубля и всѣ проигралъ; выигравшій обязанъ возратить ему третью часть (т. е. рубль), по правилу, Богъ вѣсть когда и кѣмъ постановленному и свято соблюдаемому во всѣ времена и всѣми арестантами. Точно также выигравшій казенныя вещи (платье, рубашку, сапоги и проч.) обязанъ ихъ возратить про-

игравшему бесплатно по истечении некоторого времени, достаточного, по соображениям арестантов, для того, чтобы охладить горяченького и удержать его от опасного азарта. Не исполнивший этого правила во многих тюрьмах лишался права на всякий выигрыш, т. е. принужден был сам запретить себя двери к игре. Правила эти столько же предупредительны на случай могущих быть ссор, споров, драки и, может быть, убийства, сколько придуманы он в видах круговой поруки на случай, если бы все игрокские деньги перешли в одни руки к счастливому и, таким образом, остановили бы игру. На другой день вчера проигравшийся и получивший на руки свою третью часть, пускает ее опять на кон и если проигрывает, то снова получает свою третью часть из рубля (83 коп.) и играть в тот же день больше не имеет права (да с ним уже и не стануть). На третий день он опять при деньгах и при правде на игру, т. е. на четвертый день обезпечен 11-ю коп. и т. д. Перестанет он играть, разорившись в пух, если он не почетное лицо в среде арестантов и играет в беззастенчивость, если он аристократ острога, т. е. бродяга—человек бывалый и тертый, а потому находящийся у всех на почету.

4) Бродягам майданщик обязан в три раза всегда на 1½ руб. сер., хотя бы они ничего за душу свою не имели. Эта фантастическая сумма, никогда не облакаемая в существенный материал денежной, имеет все-таки наглядное значение в виде порции вина для пьяниц и в виде возможности участвовать в игре на кредит. Достаточно бродяге поставить на майдан кирпич или просто собственный кулак, чтобы под видом этих вещественных знаков шел в круг и в круговой игре и его отвлеченный, кредитованный майданщиком капитал в 1½ руб. сер. Играющий должен в три раза бродяге, хотя бы он и проиграл свои полтора целковых; в отвлеченном понятии они не пропадают и все-таки остаются в кредит. Не захочет в три раза банкомет—все проигранные деньги отдавая, таково уже тюремное правило; станет упираться, его повалят огулом и все деньги отнимут. На это арестанты просты и к тому же смело в три раза бродяге на его честное варнацкое слово, а за словом этим (но не за делом) ни один бродяга не постоит. Кончается срок откупа обыкновенно раз в месяц. Остаются за бродягами долги, долги эти пропадают, прощаются должникам по закону, хотя бы их было и 50 человек. Весело шуметь бродяги в казарме и самые порывистые и малодушные из них прыгают на одной ноге и приговаривают на своем тюремном условном языке: „Лазмань долгам, долгам

лазмань“! При новом откушнике для бродяг опять идет кредит в 1½ руб., и, таким образом, идет он в беззастенчивость, а потому майданщики, снимая подряд и сходясь в откупной плат, при установлении цены принимают в соображение и эти безпроигрышные бродяжьи права. Не бывает лазману, исключаются эти статьи права и закона, только в таком случае, когда садится на майдан бродяга—человек такой же почетный и также уважаемый всею тюремною общиною.

5) Если играет бродяга с бродягой, то проигравшийся получает не треть проигранного, а уже целую половину. Из этой половины, по окончании игры, бродяга спешит заплатить все свои долги по крайнему своему разумению и без всяких обязательств; может, однако, и не заплатить (что, впрочем, редко бывает), ибо все-таки имеет право играть в другой раз на свои в три раза полтора целковых. Бродяга может и украсть у майданщика деньги, хотя это и почитается несколько предосудительным; иной товарищ обзовет при случае, выкорить. Но смело может бродяга воровать вино у майданщика. В этом у сих пор ни один преступник ничего не находит позорного, столько же и потому, что откупщик питейного майдана не пользуется ничьим расположением и даже презирается, как митарь и стяжатель неправильно приобретаемых каторжных варнацких грошей. Впрочем, воровство—не тюремный, не арестантский пороки, напротив даже, тюрьма против этого неприятеля объявлена в вечном осажденном положении. Оба стана всегда наготове: когда одна половина смотреть, где у другой слабое место и у каждого из нападающих чешутся руки на все без разбора (на деньги, на рулядь, на съестное, на всякую безделушку от осколка стекла до клочка бумаги, пригодного на папироску), в то же время другая сторона высматривает каждую щель и, пользуясь оплошностью нападающего, заручается всякою замысловатою и секретною хитростью, чтобы отвести чужие глаза от соблазна и уберечь от них свою наживную, несчастную собственность. В особенности тщательно берегут деньги, подвывая их под мышки, закладывая в выдолбленные каблучки сапогов (причем последние и не снимают на ночь), зашивая деньги в канты, в белье и проч., и проч. Впрочем и тут не всегда достигается цель и вор у вора дубинку крадет, вор вору терпит. Украденные вещи сначала спрячут так, как у жидов, т. е. не найдется тех человеческих сил, которые могли бы их отыскать, а потом тем же жидовским способом пускаются по этапной дороге и, напр., киевские вещи надо уже искать не ближе Иркутска. Воровство в тюрьмах не делается

повальнымъ, потому что арестанты умѣютъ наблюдать другъ за другомъ; лишенные по суду права на недвижимую и стѣсненные въ правахъ на движимую собственность, они поколебались только въ разумѣніи истиннаго значенія ихъ и спутались, но понятія о собственности не совсѣмъ утратили.

6) Содержаніе питьянаго майдава существуетъ, обыкновенно, какъ отдѣльное тюремное откупное учрежденіе; питьяный майданщикъ рѣдко принимаетъ на себя содержаніе картъ, но старается иногда захватить въ свои руки содержаніе стѣсныхъ припасовъ. За право продажи вина беретъ община въ артельный капиталъ обыкновенно отъ 30 до 60 руб., имѣя въ виду то, что майданщикъ будетъ продавать водку чайными чашками (120 штукъ въ ведрѣ), за каждую чашку будетъ брать или 30 или 50 к. с., а средній расходъ вина—по давнимъ соображеніямъ и расчету—простирается въ большомъ острогѣ до одного ведра въ сутки. Всякій болѣе или менѣе значительный выигрышъ сопровождается попойкою, ни одинъ праздничный день безъ нее не обходится. Существуютъ во множествѣ такіе аматеры, которые, кромѣ водки, уже ни въ чемъ не находятъ для себя утѣхи. Сколько, въ то же время, ни существуетъ постановленій, чтобы арестанты не имѣли при себѣ денегъ и инструментовъ, не употребляли водки, не играли въ карты и не имѣли сношеній съ женщинами—всѣ эти постановленія остаются безъ дѣйствія, всѣ мѣры ничтожны противъ униженій арестантской общины и откупа продолжая существовать и процвѣтать. Появленіе въ тюрьмахъ водки и другихъ запретныхъ вещей обезпечивается подкупностью сторожей-приставниковъ. Сплошь и рядомъ тюремные смотрители, въ своихъ рапортахъ по начальству, со всею откровенностью рассказываютъ о подобныхъ событіяхъ. „У часового, стояшаго у воротъ замка, нашли завернутый въ „постовой“ тулупъ или въ броню сермяжку, по выраженію одного юмористическаго стихотворенія (тутъ, т. е. буракъ) съ виномъ, котораго было болѣе $\frac{1}{4}$ ведра“. „Принесла вино арестантка, бывшая въ прачкахъ, выпущенная изъ острога ефрейторомъ за рубль серебромъ“. Въ другомъ случаѣ арестантъ изъ чиновниковъ, вѣчно пьяный и во хмѣлю безпокойный, выявилъ унтеръ-офицера, который закупалъ вино заранѣе, хранилъ на вышкѣ кордегардіи и вечерами передавалъ покупку во второй этажъ и секретный корридоръ, приставляя къ окну лѣстницу. Въ третьемъ случаѣ былъ купленъ сторожъ, ходившій съ ящикомъ за лекарствами для больныхъ арестантовъ въ аптеку. Разъ онъ споткнулся, упалъ, уронилъ ящикъ, разбилъ склянки и распустилъ такой винный запахъ, какъ будто спиртную бочку откупорилъ. Слѣдствіе обнаружило, что сигнатурки были под-

дѣльныя, прилаживалъ это дѣло на сторонѣ (на волѣ) одинъ подкупленный доточникъ и что сторожъ носить въ лазаретъ, вмѣсто лекарствъ, водку уже не первый мѣсяцъ, и проч. и проч. Туевами пользуются какъ постою объемистою и общеупотребительною, а гдѣ уже, какъ въ аду строго, прибѣгаютъ солдаты къ ружейнымъ стволамъ для сокрытія водки.

7) За продажу припасовъ (куда входятъ также и табакъ *) и сласти) платится отъ 5 до 10 руб. въ мѣсяцъ, смотря по числу потребителей. При продажѣ этой статьи назначается обязательная такса для всѣхъ жизненныхъ припасовъ, употребляемыхъ въ острогѣ. Дивиденду назначается не болѣе 20%. Майданщикъ и этой статьи, какъ и двухъ остальныхъ (игорной и водочной), обязанъ вѣрить бродягамъ на завѣтные и неизмѣнные $1\frac{1}{2}$ рубля. И у этого майданщика бываетъ долгамъ лахманъ, когда откупъ переходитъ въ руки другого. Но существуютъ и исключенія: если майданщикъ понесетъ какіе нибудь случайные, не предвидѣнные артелью убытки, тогда долги становятся для всѣхъ обязательными. Они считаются потомъ при общемъ дѣлѣжъ какихъ либо случайныхъ доходовъ (каковыми бываютъ обыкновенно подаянія) или долги эти переходятъ къ слѣдующему майданщику, а этотъ выплачивается уже ихъ своему предшественнику.

Всякій новичекъ, поступающій въ острогъ и въ тюремную общину, обязанъ внести извѣстное количество денегъ такъ называемаго влзанаго. Крестьянинъ и всякаго свободнаго состоянія человекъ вноситъ одновременно 3 руб. сер.; поселенецъ (т. е. идущій на поселеніе)—50 коп.; бродяга—3 коп. **). Вообще же, всякій неопытный и не искусившійся новичекъ, поступающій въ тюрьму, дѣлается предметомъ насмѣшекъ и притѣсненій. Если у него замѣтятъ деньги, то стараются ихъ возможно больше вы-

*) Табакъ, впрочемъ, идетъ иногда, при большой массѣ арестантовъ, отдѣльнымъ майданомъ на откупъ. За право продажи нюхательнаго и курительнаго табаку откупщикъ платитъ въ артель отъ 2 до 3 руб. Обязательная такса очень умѣренная; покупка изъ осторожности и въ виду конфискаціи производится по мелочамъ: берутъ на одну трубку (или, что то же, папиросу), много на три разомъ. Вся торговля майданщиковъ самая дробная.

**) Ваносъ влзанаго—остатокъ весьма древняго обычая, перешедшій изъ рукъ властей къ арестантамъ и уничтоженный еще въ концѣ XVIII-го вѣка, когда воспрещенъ былъ этотъ поборъ съ колодниковъ, приводимыхъ на тюремный дворъ и за рѣшотку, чтобы въ томъ бѣднымъ людямъ тяготѣла и мучительства не было. Въ тобольскомъ острогѣ и эта статья сбора влзанаго со вновь поступающихъ отдавалась иногда на откупъ. Взявшій ее вносилъ отъ 2 до 3 рублей въ мѣсяцъ и обязывался на свой счетъ нанимать профосовъ, но пользовался за себя и за своихъ помощниковъ двойною противъ другихъ дѣшежкой.

манить; если онъ доверчивъ и простосердеченъ, его спѣшатъ запугать всякими страхами, уничтожить въ немъ личное самолюбіе и самосознаніе. Доведа его до желаемой грани, помѣщаютъ обыкновенно въ разрядъ чернорабочихъ, т. е. стануть употреблять на побѣгушки, въ сторожа майдановъ карточного и виннаго, заставляя выносить ночное ведро, такъ называемую парашу, или чистить отхожія мѣста (что, какъ извѣстно, лежитъ на обязанностяхъ арестантовъ *). Слабые сдаются, твердые начинаютъ вдумываться и задумываться, а кончаютъ тѣмъ, что обращаются за совѣтомъ къ бывальцамъ. У этихъ за деньги и водку нѣтъ ничего заветнаго и запретнаго: милости просятъ! Правильно немного, но всѣ приперты крѣпко, стоятъ твердо, неизбежно и нерушимо. Вотъ они: „за товарищей горою; свято хранить тайны, и если нѣтъ выхода, подопрутъ рогатиною въ уголь, старайся впутывать въ вину свою и свое дѣло побольше такихъ арестантовъ, у которыхъ денегъ много, которые богаты; и путай ихъ больше, сколько возможно больше: начальники деньги любятъ; начальниковъ за деньги всегда можно купить. Твоихъ, голышъ, денегъ не хватить, а богатые начальника покупать непременно и примѣровъ такихъ не было, чтобы арестанты начальниковъ своихъ не подкупали. А покупать, такъ тебя и на цѣпь не посадятъ и въ кучумку не запрутъ; самое большое, что на розгахъ дѣло сойдется; а любятъ тебя богатые товарищи, такъ и того не будетъ“.

Второе дѣло для новичка: заставъ себя полюбить! Полюбить, не выдать, да еще умудривать научать. Научать, какъ врать на показаніяхъ, если живешь въ тюрьмѣ подсудимыхъ; научать, какъ оговаривать и куда, въ какія дальнія мѣста отправлять за справками, чтобы, такимъ образомъ, отдалить время наказанія или ослабить мѣру его, и проч. На этотъ предметъ, какъ извѣстно, существуетъ въ тюрьмахъ особая самостоятельная наука, имѣются профессоры-законники, которымъ позавидовали бы московскіе стряпчіе, имѣвшіе притоны свои около Иверской часовни. Около законниковъ своихъ новичокъ-арестантъ, въ весьма непродолжительное время, становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. арестантомъ. Его трудно было ловить на слѣдствіяхъ, его мудрено было спутать на очныхъ ставкахъ, его не утратить тюрь-

*) Эта часть также иногда отдавалась на отдѣльный откупъ, какъ и право собирать власяное. Новичекъ, чтобы откупиться отъ параша, платилъ въ артель, обыкновенно, отъ 3 до 5 руб. сер.; опытные и тутъ попадали на 50 коп.; но бродяги вносили только 3 коп. Право топить баню артель также продавала одному лицу, называемому банщикомъ. Стоило право 2—3 р., а гарантія этихъ денегъ заключалась въ устройствѣ за условную (и довольно высокую) плату любовныхъ свиданій.

мою и въ самой каторгѣ онъ уже не видитъ того страха, какимъ преисполнялось его тревожное воображеніе съ самаго ранняго возраста.

Потомъ вновь поступившій, безъ руководства и объясненій, понимаетъ уже весь внутренній смыслъ тюремнаго быта на практикѣ, въ самомъ теченіи дѣла, и черезъ недѣлю онъ — полноправный членъ этой общины, у которой существуютъ свои тенденціи, свои правила, какъ многомогущій рычагъ и двигатель.

Артельный капиталъ, образуемый, такимъ образомъ, изъ оброчныхъ статей, простирается отъ 50 до 100 руб., которые обыкновенно и дѣлятся поровну между всѣми арестантами.

При этомъ выдается двойная дѣлежка старостѣ и парашникамъ. Новички при этомъ обдѣляются: сидящимъ недѣли двѣ — ничего не даютъ. Утроенная часть (за троихъ) полагается палачу. Ему, сверхъ того, выдается на рогожку изъ общей кассы (образуемой добровольными подаяніями и неприкосновенной до конца тюремныхъ сроковъ); выдается на рогожку всегда, когда отправляютъ къ наказанію бродягу. Кромѣ того, палачъ считаетъ „рогожкою“ и всѣ тѣ подаянія, которыя сходятся къ преступнику за то время, когда ведутъ постѣдняго изъ тюрьмы на эшафотъ, къ мѣсту торговой казни.

Деньги, уходящія изъ острога вонъ, на покупку вина, картъ и съѣстныхъ припасовъ, пополняются преимущественно вновь поступающими арестантами. Мы не говоримъ уже о тѣхъ деньгахъ, которыя попадаютъ съ воли въ острогъ и въ руки искусниковъ, владеющихъ какимъ либо мастерствомъ или досужествомъ, на издѣлія, нужныя или ненужныя тамъ за острожными стѣнами. Водятся въ тюрьмахъ такіе искусники, которые отлично готовятъ игрушки, бездѣлушки: изъ лучинокъ или тоненькихъ планочекъ мастерятъ такихъ голубковъ, которыхъ ни одинъ купецъ средней руки не задумается для украшенія подвѣсить въ серединѣ потолка гостиной или залы. Дѣтскія игрушки, въ особенности, отличаются замысловатостью и тщательною отдѣлкою изъ хлѣба, изъ вываренной говяжьей кости. Мудрено вообразить себѣ какое либо мѣстечко или городокъ, сосѣдній съ каторжною тюрьмою, гдѣ бы не показывали какихъ либо мастерскихъ издѣлій арестантовъ, преимущественно столярныхъ и токарныхъ. Въ Сибири пользовался сильною извѣстностью повсюду Цезикъ, успѣвшій побывать и пожить во многихъ тюрьмахъ. Въ этомъ человѣкѣ тюремное досужество дошло до своего апогея и выразилось уже въ замѣчательномъ искусствѣ лѣпныхъ работъ. Работа Цезика для сибиряка предметъ серьезнаго значенія и высокой цѣны въ нравственномъ и матеріальномъ значеніи слова: въ особенности рѣдки и цѣнны стали его работы со смертью мастера, самого старика, со-

сланного сюда въ 1880 году изъ Литвы во время польскаго мятежа. За недостаткомъ его работъ, которыми кичились и хвастались самые богатые и изысканные кабинеты золотопромышленниковъ и сибирскихъ начальниковъ, стали охотливо удовлетворяться работами его сына, но уже почти ничего не имѣющими общаго съ художественными работами отца. И за эти работы продолжали платить хорошія деньги. Старикъ передалъ сыну секретъ составлять различныхъ сортовъ и цвѣтовъ глину, завѣщалъ нѣсколько образчиковъ лѣпныхъ фигуръ, силуэтовъ и проч., но унесъ съ собою въ могилу тотъ секретъ, который оживлялъ всѣ его работы, прыскалъ на нихъ живую водою смысла и значенія. Въ истинномъ широкомъ значеніи слова отецъ Цезикъ художникомъ не былъ, но искусство дѣлать миниатюрныя работы, дѣйствительно, достойно всякаго изумленія, особенно если вѣрить преданію, увѣряющему въ томъ, что нѣкоторые работы производилъ онъ въ тюрьмѣ, не имѣя ничего остраго (по общему тюремному положенію) — осколкомъ стакана, обломкомъ гвоздя и проч. Принявъ мѣры противъ возможно-кругового и постоянного перелива денегъ изъ рукъ въ руки въ тюремныхъ стѣнахъ, арестанты безсильны противъ неизбежнаго выхода ихъ за тюремныя стѣны или въ руки приставниковъ. Въ сибирскихъ же тюрьмахъ прибылыхъ денегъ отъ подателей бываетъ очень мало по той причинѣ, что сибирскіе купцы даютъ больше натурою: молокомъ кислымъ, булками, калачами, солониною и прочими припасами, большею частью порченными, каковыя арестанты либо бросаютъ, когда подарокъ обзавелся червями, либо съѣдятъ, когда приношеніе только духъ даетъ.

Арестанты, въ видахъ усиленія денежнаго обращенія въ общинѣ своей, принуждены бываютъ искать побочныхъ средствъ и путей. Путей этихъ очень много и за ними слѣдить трудно, но извѣстно, напр., что тобольскій острогъ искони славился мастерствомъ готовить фальшивую монету серебряную (изъ олова) *). Рубль продавался обыкновенно за 30 копеекъ и караульные солдаты охотно брали эти деньги за такую плату для сбыта темнымъ киргизамъ, остякамъ и татарамъ. Вторую статью дохода и въ томъ же тобольскомъ острогѣ составляла продажа фальшивыхъ печатей и видовъ; печать стояла въ цѣнѣ между полтинникомъ и рублемъ, а видъ продавался отъ одного до трехъ рублей серебромъ. Продается между собою все, что продать можно, и въ этихъ случаяхъ расходуются больше другихъ прихотливые; такъ, напр., продаются на нарахъ мѣста съ краю, какъ самыя

удобныя, а потому и соблазнительныя среди общей и всегдашней тюремной тѣсноты. Цѣна за мѣсто стоитъ между 2 коп. и 1 рублемъ. Продавшій мѣсто спать уже на полу. Иркутскій острогъ придумалъ новую статью откупа, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что за водою для арестантовъ надо было ходить чуть не за версту — на рѣку Ушаковку. Воду эту арестанты сдали на откупъ водоносамъ, а въ доносы записались тѣ два компаньона, которые исключительно стали заниматься этою работою и затѣмъ неустанно таскали воду цѣлый день съ утра до вечера (воды на большой острогъ требуется много). Во время этихъ прогулокъ оба возмѣщали съ большимъ избыткомъ тѣ два-три рубля, которые внесены ими въ артель за право, — подавнѣями, полученными на переходахъ до рѣки и тюрьмы, отъ всякихъ благотворителей, клавшихъ въ руки гроши и копейки добровольно или по вызову, по просьбѣ самихъ арестантовъ *). Для мастеровыхъ и ремесленниковъ въ сибирскихъ тюрьмахъ, за примѣтнымъ недостаткомъ въ Сибири такихъ людей, всегда находится работа и лишнія деньги въ тюремные капиталы, про домашній обиходъ. Арестанты работаютъ дурно, на спѣхъ, казенными испорченными инструментами, но хорошо и то, когда нѣтъ ничего, а тѣмъ болѣе, что и плата арестанту на волѣ властей и начальства: ближайшему даромъ, дальнѣйшему за полцѣны. Все-таки это игры не останавливаетъ; приобрѣтенію вина и иныхъ сластей благопріятно даже и въ томъ случаѣ, если мастеровыхъ мало, но подрядчикамъ настоятъ нужда въ поденныхъ работникахъ. Если арестанту и гривенникъ одинъ дадутъ за день — онъ поворчитъ и на другой день охотливо лѣзетъ въ казенную шинель или полушубокъ, чтобы и этотъ гривенникъ изъ рукъ не выскользнулъ и можно было подышать вольнымъ воздухомъ, въ кабакъ забѣжать, а пожалуй на рискъ и совсѣмъ убѣжать въ лѣса темныя, дебри дремучія.

Всѣхъ этихъ удобствъ почти не вѣдаютъ и измыслить что нибудь подходящее собственно каторжныя тюрьмы не могутъ. Эти тюрьмы, напр., карійскія, самыя бѣдныя своими домашними внутренними средствами и здѣсь проигрывается и пропивается все казенное: и одежда и даже пища. Тюремныя деньги свободно выплываютъ на волю. На карійскихъ промыслахъ деньги на вино и вещи на чужой обиходъ сбываются тѣмъ бывалымъ тюремщикамъ, которые вышли изъ тюрьмы на такъ называемое пропитаніе и на краѣ селенія, въ особой свободкѣ, обзавелись домкомъ-лачужкою, а въ ней и юрдовкою, т. е. заведеніемъ, удовлетворяющимъ всѣмъ арестантскимъ нуждамъ и аппетиту на вино и харчи, на игру и мазихъ. Вещи, сбываемыя сюда всегда

*) Чтобы долѣе и прочтѣ держалась ртуть на оловѣ, приготовленный для монеты оловяный кружокъ арестанты кладутъ въ ротъ на цѣлую ночь, чтобы, такимъ образомъ, отдѣлать съ него окисъ.

*) Во время Святой недѣли откупъ воды сдавался рублемъ за семь.

въ наличности, уходили, хотя и на наличныя деньги или на обмѣнъ, ухо на ухо, уходили, разумѣлся, далеко ниже своей стоимости; напр., шинель, стоившая казнѣ 2 руб. 17 коп., отдавалась въ юрдовкахъ за 75 коп. и, самое, большее, за полтора рубля. Передача вещей вольнымъ людямъ производится тамъ во время работъ на разрѣзѣ, но часто и непосредственно и въ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ.

Въ каторжныхъ тюрьмахъ сходство пріемовъ и правилъ съ тюрьмами русскими и сибирскими пересыльными поразительно: и въ нихъ бродяга—почетный человѣкъ, любимое и нѣжное дѣтище всей тюремной общины, хотя въ каторжной онъ уже и носить названіе оборотня—не въ смыслѣ звѣря мнѣческаго, но по тому обстоятельству, что бродяга, пошавшій на нерчинскую каторгу, былъ уже когда-то здѣсь, жилъ въ одной изъ здѣшнихъ тюремъ и теперь оборотень (образецъ), возвращенъ назадъ послѣ полученнаго имъ наказанія гдѣ нибудь въ Россіи или въ той же Сибири.

Въ бродягѣ товарищи видятъ человѣка много испытавшаго на своемъ вѣку, много выдавшаго и потому опытнаго; за многочисленныя страданія ему уваженіе отъ сердца, за его опытность почтеніе изъ практическаго расчета самими поучиться. Возводя бродягу въ идеалъ тюремнаго быта, тюремные сидѣльцы любятъ въ немъ образомъ мученика, страдальца (и притомъ многострадальнаго). Арестанты убѣждены, что одна часть совершенныхъ имъ преступленій невольная, сдѣланная отъ простоты, другая часть ему приписана судьями, о чемъ онъ узналъ только тогда, когда уже очутился въ тюрьмѣ. Знаютъ арестанты, что для товарища ихъ и въ будущемъ нѣтъ ничего отраднаго и живого. Въ силу этихъ положеній идеалъ бродяги для всѣхъ любезенъ и всѣ относятся къ нему съ любовью и простосердечіемъ, сколько по преданію и предразсудкамъ тюремнымъ, столько же и потому, что въ участіи бродяги провидятъ свою будущую. Типъ этотъ, въ свою очередь, вырабатывается такъ круто и опредѣленно, что, съ какой стороны ни подходи къ нему, арестантъ вездѣ встрѣтитъ черты, ему любезныя и понятныя. Бездольная жизнь по тюрьмамъ, тасканье по этапамъ—породили въ бродягѣ непониманіе, отчужденіе, даже отвращеніе ко всякаго рода собственности. Онъ не цѣнитъ и воруетъ чужую, не питаетъ никакой привязанности, не понимаетъ и своей личной собственности (арестанты давно уже говорили про себя: „ѣдимъ прошенное, носимъ брошенное, живемъ краденнымъ“). Бродяга сдѣлался простосердеченъ и добръ до того, что если у него завелись деньги, ступай къ нему смѣло всякій—отказа не получить. Бродягѣ ничего не нужно, бродяга потерялъ къ себѣ всякое уваженіе и себя не цѣнитъ ни въ грошъ, ни въ

денежку. Вотъ за это-то и цѣнятъ его другіе, такіе же, какъ онъ, бездольные и скорбные люди, которые сами черезъ годъ, много черезъ два, бѣгутъ съ каторги, сдѣлаются такими же бездомными бобылями, бродягами. У бродягъ нѣтъ никогда денегъ (и это новый поводъ къ сочувствію къ нимъ), но за то они богаты сердцемъ и, въ сущности, люди не злые, хотя иногда и озлобленные. Тюремные сидѣльцы, впрочемъ, и не требуютъ этой мягкости и, по особому складу ума своего и понятій, готовы полюбить въ бродягѣ и противоположный образъ—злодѣя, лишь бы только злодѣй этотъ удовлетворялъ главнымъ требованіямъ: былъ человѣкомъ твердаго нрава и несокрушимаго характера, былъ преданъ товариществу, общинѣ, былъ ловокъ на проступки и умѣлъ концы хоронить, никого не задѣвая и не путая; не дѣлалъ бы никакихъ уступокъ начальству, преслѣдовалъ бы его на каждомъ шагѣ, насколько это въ его тюремныхъ средствахъ, и вымогалъ отъ него всякими средствами льготы (не себѣ, а товарищамъ), а главное, умѣлъ бы смотрѣть легко на жизнь и на себя самого. Во имя этихъ доблестей, объ его старыхъ грѣхахъ никто не помнитъ, никто не знаетъ да и знать не хочетъ; довольно, если онъ теперь добрый молодецъ удалой, хотя бы вродѣ Коренева (который обязываетъ насъ отдѣльнымъ разсказомъ).

Арестанты, по свидѣтельству всѣхъ стоявшихъ къ нимъ близко, неохотно и очень рѣдко разсказываютъ о своихъ похожденияхъ, объ злоствахъ же никогда. Когда бывали попытки, то вся община строго приказывала смѣльчаку молчать. Бывали случаи, что арестанты разсказывали о своихъ похожденияхъ легковѣрнымъ, всегда съ крайностями и циническимъ преувеличеніемъ мнимыхъ подвиговъ, но дѣлали это въ надеждѣ большого вознагражденія за разказы. Возвратясь къ своимъ, разсказчики эти вслухъ глумились надъ легковѣріемъ любопытныхъ.

Арестанты, окруженные и вещественною и нравственною грязью, сами дѣлаются циниками и затѣмъ уже озлобленно питаютъ отвращеніе къ тѣмъ людямъ и тѣмъ постановленіямъ, которые, доведя ихъ до преступленія, лишили свободы. Выработывая свои правила, часто смѣшныя, рѣдко несправедливыя, они въ правилахъ этихъ бывають жестоки и всегда оригинальны. Такъ, напримѣръ: не привыкая хвастаться своими преступленіями и видѣть въ нихъ какое нибудь удалство, арестанты все-таки съ большимъ уваженіемъ относятся къ тому изъ бродягъ, который испробовалъ уже кутъ и плетъ, стало быть, повиненъ въ сильномъ уголовномъ преступленіи. Такіе бродяги почетнѣе кроткихъ. Имена ихъ дѣлаются именами историческими, какъ бы имена героевъ, на манеръ Суворова, Кутузова, Паскевича. Такимъ образомъ, тобольская тюрьма помнитъ имена бродягъ: Жуковского, Туманова,

Островскаго (просидѣвшаго на стѣнной цѣпи въ Тобольскѣ десять лѣтъ), Коренева; нерчинскіи тюрьмы: Горкина, Апруѣкова, Смолкина, Дубровина, Невзорова и др. Память о нихъ переходитъ изъ артели въ артель съ приличными рассказами и легендами, а такъ какъ легенды эти имѣютъ много жизненнаго смысла и силы, то онѣ, въ то же время, служатъ поучительнымъ образцомъ и руководствомъ.

Чтобы судить о степени вліянія на артель тюремную этихъ бродягъ изъ злодѣевъ, мы приводимъ одну изъ множества легендъ, сказываемую въ то же время, до какой степени плотно и прочно тюремное товарищество. Дѣло—говорятъ—происходило въ тобольскомъ острогѣ, въ старомъ, стоявшемъ на обрывѣ надъ оврагомъ (нынѣшній новый замокъ построенъ на берегу Иртыша).

Живетъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи судебного приговора, одинъ изъ бродягъ—Тумановъ. Много преступленій скопилось на его головѣ, отъ многихъ онъ отвертывался, впутывалъ разныхъ лицъ, затягивалъ слѣдствія на цѣлый годъ и подъ шумокъ судопроизводства жилъ себѣ въ тюрьмѣ припѣваючи, пользуясь всякими ея благодатями. Къ концу года Тумановъ сообразилъ, что время его близко, раскинулъ умомъ и вышло, что быть рѣшенію скоро и рѣшеніе выйдетъ немилостивое, отъ военного суда. Ему ли, старому бродягѣ-законнику, не знать того, что шпицрутеновъ изломанной спинѣ его не миновать. Онъ и число палокъ сосчиталъ впередъ; не хуже любого законника. Разказалъ онъ объ этомъ союзникамъ и попечалился имъ. Не шутя и чуть не черезъ слезы, высказалъ онъ имъ, что все это надоѣло ему крѣпко. Онъ говорилъ имъ: „Вратцы, для меня кнутъ бы еще ничего, не люблю я солдатскихъ палокъ, да и нерчинская каторга дѣло бывалое. Вся бѣда въ томъ, что каторга эта стоитъ далеко, скоро ли съ каторги этой выберешься? А ужъ мнѣ это надоѣло, два раза уходилъ оттуда. Не надоѣла мнѣ мать-Россія: въ ней дураковъ больно много, а народъ въ ней простъ и нашему брату лучше тамъ жить, способнѣе. Какъ ни какъ, а мнѣ уходить отъ каторги надо дальше, ближе къ Россіи. Пособите вратцы! Вся моя просьба: больше молчите теперь, а смѣлкайте дѣло послѣ. Такъ или этакъ, а бѣжать мнѣ надо! Такъ это дѣло я порѣшилъ въ себѣ и средства придумалъ: вы только не мѣшайте, объ одномъ прошу“.

Было за этимъ Тумановымъ художество: умѣлъ онъ фокусы показывать; дѣло, собственно, вниманія не стоящее и въ тюрьмѣ пригодное въ досуговой частъ, какъ праздничная забава. Поиграй оловянными рублевиками—товарищи посмотрятъ, глотай горячую смолу—они подивятся, привѣсь смѣшливому товарищу замокъ къ щецѣ—посмѣются. Да и не учадай этого дѣла, не налегай на него: дуракомъ почтутъ, уваженіе вся-

кое потеряешь; въ тюрьмѣ живетъ народъ угрюмый, серьезный, формалистъ и большой рутинеръ.

Тумановъ такъ и поступалъ до сихъ поръ. Но съ нѣкотораго времени арестанты стали замѣчать, что Тумановъ началъ старія шутки припоминать, новыя выдумывать и даромъ ихъ не показываетъ. Кто смотрѣть желаетъ—давай деньги! Сметнули это арестанты и, памятуя наказъ и просьбу, помогать ему стали. Отгородили ему мѣсто на нарахъ, занавѣску придѣлали изъ всякой рвани, солдаты повѣстили, что у нихъ теперь „кіатры“ будетъ Тумановъ показывать. Театръ въ Тобольскѣ дѣло рѣдкое, любопытное, охотниковъ много нашлось. Со своихъ товарищей Тумановъ бралъ грошъ, съ солдатъ пятакъ. Копились у него деньги, но росла и слава, лучи которой сначала достигали до караулки, а потомъ хватили и до квартиры смотрителя. Приходилъ и онъ, старичекъ, съ семействомъ, похвалилъ Туманова и заплатилъ ему четвертакъ за посмѣрѣнье. Не великое дѣло четвертакъ, больше чегушки водки его не вытянешь, но велика сила, что смотритель его далъ. Теперь можно вести себя посмѣлѣе, бить на вѣрняка. Тумановъ и началъ бить.

Ни съ того, ни съ сего началась въ казармахъ возня и ломка; Тумановъ командуетъ всѣми, ставитъ одного къ стѣнѣ, другого къ нему на плечи, поставитъ двухъ рядомъ и опять къ нимъ одного на плечи. Цѣлое утро возится Тумановъ съ арестанскими ногами: и на одной оставляетъ многихъ и чуть у другихъ изъ ертыгоговъ не выворачиваетъ. Въ казармѣ пыль столбомъ, смѣхъ и шумъ. Сторожа смотреть на все это, ничего не подозрѣваютъ, думая: „Казеннаго добра арестанты не портятъ, стеколь не бьютъ, шуткашку не обламываютъ, пусть себѣ ломаются Тумановъ съ арестантами, стало быть, потѣшное что нибудь надумали. Дѣло же подходитъ къ празднику, намъ же арестанты забаву готовить, насъ хотятъ тѣшить. Придетъ къ нимъ и начальство смотрѣть, благо разъ уже удостоило“. Молчали солдаты.

Подожли, тѣмъ временемъ, праздники. Пошелъ по казармамъ слухъ, что Тумановъ нагѣреть дастъ „чрезвычайное и небывалое представленіе“: пройдетъ онъ съ шестомъ и изобразитъ живую пирамиду, но такъ какъ дѣло это въ казармахъ сдѣлать неспособно—потолокъ помѣшаетъ, то и не худо бы представить все это на тюремномъ дворѣ, на просторѣ, позволить ли только начальство, т. е. смотритель?

—Пусть,—говорить:—представляютъ! Я самъ приду посмѣрѣть.

—А нельзя ли (просить) на томъ дворѣ, который къ задамъ идетъ, земля тамъ глаже и дѣлать способнѣе?

—Можно (велить передать), можно и на задахъ сдѣлать.

Назначенъ день представленія. На выбра-

номъ мѣстѣ арестанты скамеечку для начальства приладили, общалось начальство прибыть не одно, а съ гостями. Сбѣжался на представление чуть ли не весь острогъ: прибѣжали солдаты изъ караулки, хотя однимъ глазкомъ посмотрѣть, дежурный офицеръ явился въ киверѣ и чешуйки разстегнувъ, ждали гостей начальника и его самого—дождались!

Шли сначала мелкіе фокусы, изъ такихъ, которые уже видѣли; были такіе, которыхъ не видывали. Дошло дѣло до пирамиды. Стали ее ладить: стала пирамида, что одинъ человекъ, словно изъ мѣди вылитая. Взгромоздился на самый верхъ Тумановъ, шесть въ руки взялъ. Пошла пирамида неразрывною стѣною... Тумановъ шестомъ заигралъ. Шла пирамида тихо, торжественно. Туманову снизу полушубокъ бросили, подхватилъ и не оборвался, новую штучку показалъ: на ногахъ устоялъ. Арестанты закричали, гулъ подняли. Дежурный офицеръ, изъ выгнанныхъ кадетъ, захопалъ въ ладоши, чтобы показать свое столичное происхождение передъ дурами изъ смотрительскихъ гостей. Всѣ, однимъ словомъ, остались довольны.

А пирамида шла себѣ дальше, не шелохнувшись, а Тумановъ стоитъ себѣ выше всѣхъ, выше стѣны тюремной. Держится пирамида ближе къ стѣнѣ, подошла къ углу, остановилась. Глянули зрители на верхъ: нѣтъ Туманова, только пятки сверкнули. Пока опомнились (а опомнились первымъ смотритель), пока побѣжали черезъ дворъ (а дворъ очень длинный), сбили команду, побѣжала команда кругомъ острога, а острожная стѣна еще длиннѣе,—прошло времени битыхъ полчаса. Стали искать—и слѣдовъ не нашли! Шла битая тропинка круто подъ гору, ускоряя шагъ и поталкивая, и видѣлись цѣпкіе, густые кусты, которымъ не было конца. А тамъ овраги, глубокіе овраги пошли въ пустыя мѣста, чуть ли не до самой Тюмени. Чертъ въ этихъ оврагахъ заблудится, дьяволъ въ этихъ кустахъ увидитъ! И зачѣмъ тропя и зачѣмъ овраги, когда, можетъ быть, лежить Тумановъ подъ стѣною съ изломанною ногою, съ отшибленнымъ легкимъ? Оглядели то мѣсто по примѣтамъ: и трава отошла и ничьего и никакого слѣду не видно. Полѣзли на стѣну и увидѣли, что стѣну арестанты ловко и предусмотрительно обдумали: стѣна была ordinaria въ этомъ углу, тогда какъ во всѣхъ другихъ и на всемъ дальнемъ пространствѣ она была двойная. И на стѣнѣ нѣтъ Туманова. Нашли только на гвоздѣ его большую кудельную бороду. Для смѣху ее Тумановъ привязывалъ. Взяли это отребье, принесли къ смотрителю. Смотритель рапортъ написалъ по формѣ, бороду къ рапорту приложилъ и припечаталъ, а самъ побѣжалъ съ докладомъ къ губернатору.

Генералъ разсердился, раскричался на смотрителя. Вырвалъ у него изъ рукъ не рапортъ,

а куделю, приложилъ кудельную бороду къ бритому подбородку зрителя, да и вымолвилъ:

— Вотъ велю привязать тебѣ, дураку, эту бороду и станешь ты ходить съ нею до гробовой доски. Ну, зачѣмъ ты мнѣ принесъ ее, а не привелъ бѣлаго? Зачѣмъ? Отчего? Почему?...

Кричалъ начальникъ долго, а Тумановъ тѣмъ временемъ былъ уже далеко.

— Пошехонцы въ трехъ соснахъ заблудились, какъ сказываютъ, а нашему брату, бродягѣ, два дерева, только два дерева дай: мы такъ спрячемся, что десять человекъ не найдутъ. Дѣло это для насъ плевое, потому, какъ мы на томъ стоимъ, все въ лѣсахъ живемъ, все около деревьевъ этихъ водимся, одно слово—лѣсные бродяги.

Вотъ что рассказываютъ сами бродяги, которые знали Туманова лично, но что съ нимъ стало дальше—рассказать не могли, не знали. Знали только то, что генералъ простилъ зрителя и далъ арестантамъ возможность еще не одинъ разъ надъ нимъ посмѣяться.

— Смѣшной былъ человекъ, смотритель этотъ!—рассказывали мнѣ:—Дуракъ не дуракъ, а съ роду такъ. Бѣжалъ у насъ одинъ арестантъ черезъ трубу изъ нужнаго мѣста, бѣжалъ и тоже слѣдъ простылъ. Сказали смотрителю. Пришелъ онъ въ тюрьму, зашелъ къ намъ въ казарму подсудимыхъ, зашелъ и головкою съдѣнкой помахииваетъ.

— Этакая (говорить) скотина, въ какое мѣсто полѣзъ!... И какъ ему въ голову это пришло? И какъ, ребята, лѣзъ онъ туда, окаянный?!

— Головой, думаемъ, ногами не способно.

— Перепачкался, поди, весь!

— И что за охота, что за охота собачьему сыну лѣзть?! Чертъ, дьяволъ толкалъ его, распроклятого. Что за охота!!

„Головушка трясетъ старичекъ и все одно слово повторяетъ. Мы глядели, глядели на него да такъ и фыркнули всей казармой. Самъ, молъ, ты дуракъ, сѣдой чертъ! Не знаешь, что и крѣпка твоя тюрьма, да чертъ ли ей радъ? Воля, молъ, лучше боли; коли отвaga кандалы третъ, такъ она вѣдъ и медъ пьетъ“.

Но какъ ни сильна эта отвaga, побѣги собственно изъ казематовъ совершаются рѣже и притомъ, какъ замѣчено, на побѣгъ рѣшается удалый и бывалый и притомъ изъ тюремъ такъ называемыхъ пересыльных. Правда, что арестантъ не упуститъ ни одного случая малѣйшей оплошности конвойныхъ, особенно за стѣнами острога на работахъ, и бѣжить, но все-таки побѣгъ не единственный выходъ изъ бездолья каторжнаго. Существуютъ и другіе пути, которыми идутъ арестанты къ призрачной свободѣ, и подкопомъ подъ тюрьму завоевываютъ временное облегченіе участи. Случаями этими особенно богаты собственно каторжныя тюрьмы.

Казенная работа изо дня въ день одна и та же, до возмущительно однообразныхъ и мелкихъ подробностей, помимо физическаго истощенія, истощаетъ всѣ нравственныя силы и, какъ вампиръ, высасываетъ запасъ терпѣнія даже и у тѣхъ, у которыхъ мягкость нрава, нерѣшительность характера и слабодушіе—прирожденные черты характера. Такимъ людямъ до побѣга далеко. Малодушные выбираютъ другія средства и, не богатые вымысломъ и смѣлостью, кидаются на ближайшее.

Лѣтомъ арестантъ надѣрзываетъ (во время работы) чѣмънибудь острымъ (осколкомъ стекла, кусочкомъ желѣза, кремнемъ) кожу какойнибудь части своего тѣла (больше на половыхъ органахъ) и въ свѣжую рану пропускаютъ свой или конскій волосъ. Добившись мѣстнаго воспаления, нагноенія, онъ идетъ къ лекарю, фельдшеру и попадаетъ въ госпиталь за сифилитика. Туда же идутъ арестанты съ распухшими щеками по зимамъ, когда, по ихъ опыту, стоитъ только наколоть внутри щеки булавкою и выставить эту щеку на морозъ. На Карійскихъ промыслахъ очень часто, во время утреннихъ раскомандировокъ по работамъ, попадаютъ арестанты съ ознобленными пальцами на рукахъ. Наблюденія и розысканія убѣждаютъ въ томъ, что арестанты, обыкновенно ночью, смачиваютъ какойнибудь палецъ подручною жидкостью и достаточно нагрѣтый и теплый палецъ мгновенно слѣпнать высунуть въ форточку окна на морозъ. Опыты подобнаго рода арестанты любятъ учазать на томъ основаніи, что во время не захваченный ознобъ скоро ведетъ за собою поврежденіе отмороженнаго члена антоновымъ огнемъ, а отрѣзанный лекаремъ палецъ спасаетъ несчастнаго отъ исполненія полного числа уроковъ. Вотъ почему въ числѣ запретныхъ вещей арестанты любятъ добывать всякія жидкія, разжижающія жидкости. Сюда докторъ Капинъ („Московская медицинская газета“ 1860 года) относитъ известъ и колчеданъ, а также и шерсть. „Другіе арестанты,—говоритъ онъ:—производятъ изъвы приложеніемъ къ тѣлу листьевъ прострѣла (*Anemone pulsatilla*)“. Для распознаванія изъвы такого рода докторъ совѣтуетъ перевязывать ихъ самому врачу, подъ бинтъ подкладывать вощенную бумагу и всю повязку припечатывать. Употребленіе вощенной бумаги необходимо для того, чтобы арестантъ не раздражалъ изъвы иглою, которую онъ пропускаетъ въ такомъ случаѣ черезъ наложенную повязку. Сдѣланныя иглою отверстія сейчасъ можно видѣть на бумагѣ. „Къ притворнымъ болѣзнямъ арестантовъ и ссыльных,—говоритъ далѣе г. Капинъ:—относятся также слѣпота, сведеніе конечностей и падучая болѣзнь; но во всемъ этомъ весьма легко удостовѣриться при нѣкоторомъ вниманіи и ловкости. При слѣпотѣ я подносилъ къ глазу свѣчу или иглу, сказавъ, что хочу дѣлать операцію, и обманъ

открывался скоро. Въ притворныхъ сведеніяхъ стоитъ только сдѣлать значительный ударъ ладонью по верхнему плечу или по ляшкѣ—и больной отъ боли выпрямляетъ конечности. Отсутствіе пѣны и сведеніе большого пальца внутрь ладони служатъ вѣрнымъ распознавателемъ притворной падучей болѣзни; также внезапныя выпрыскиванія холодною водою и чувствительность при уколѣ иглою какойнибудь части тѣла. Но за то чесотка (*scabies*)—непрѣмѣнная принадлежность тюрьмъ; изъвы отъ скорбутаго худосочія и ревматической боли отъ тренія кандалами, также сифилисъ въ страшныхъ формахъ и часто первичныя изъвы не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ показано, а *circa anum* или же *in geco*, какъ слѣдствія педерастіи. Называютъ эту болѣзнь хомутомъ (насадили хомутъ—заболѣлъ). Скорбутъ, диссентерія и тифъ—болѣзни очень обыкновенныя. Ознобленія и отмороженія отъ недостатка обуви и вслѣдствіе побѣговъ и бродяжества—явленія столь частыя, что ихъ можно считать обыкновенными не только на этапѣ, но и въ тюрьмахъ. Замѣчено неоднократно воспаленіе глазъ (*ophthalmia carceralis*), зависящее отъ сѣроводороднаго газа, какъ домашняго продукта собственнаго арестантскаго издѣлія“.

Вытяжкою сонной одури они дѣлаютъ искусственную слѣпоту: пуская жидкость въ глаза, увеличиваютъ (расширяютъ) зрачки и, выставя глазъ кверху при осмотрѣ, кажутся какъ бы дѣйствительно слѣпыми. При помощи сжеванной извести съ мушкою или купоросной кислоты вытравляли клейма, но не совсѣмъ удачно: оставалась бѣлизна и большіе шрамы. Это—старый способъ. Также старъ и нерчинскій способъ вызывать на мѣстѣ клейма мѣстное воспаление, а потомъ нагноеніе посредствомъ травы пострѣла (на щекахъ) и прижиганія трутомъ (на лбу). Трутъ, обычное народное средство при заволокахъ, въ особаго вида фонтанеляхъ (едно) и проч. замѣненъ былъ новымъ средствомъ—ляписомъ (*lapis infernalis*), на покупку котораго не щадили большихъ денегъ. Новѣйшій, самый послѣдній способъ уничтожать клейма, теперь уже отмѣненный, вѣрнѣе достигалъ цѣли: помогала высокая трава съ желтыми цвѣточками (*Ranunculus acris*), растущая тутъ же передъ глазами, на острожныхъ дворахъ. Обваривъ клеймены мѣста кипяткомъ, бьющимъ ключомъ, немедленно прикладывали эту траву и, вынеся жестокою пытку отъ боли, достигали цѣли тѣмъ, что траву эту держали на обваренномъ мѣстѣ недолго (не болѣе получаса). Рука краснѣла, а если припухала при этомъ, то творилъ прекраснѣе страданія и воспаленіе: выходило ровно и гладко, словно во младенчествѣ мать ошпарила *).

Принимая натошакъ столовую ложку прошки и (нюхательнаго табаку), арестанты достигали того,

*) См. доктора Кривошапкина «Описаніе Енисейской губерніи».

что их клали въ больницу, принимая за начальные припадки серьезной болѣзни происшедшее отъ того отравленіе, сопровождаемое тошнотою, блѣдностью кожи, біеніемъ жилъ и общою слабостію. Принимавшіе цѣлую деревянную ложку толченого стручкового перцу съ сахаромъ добивались грыжи и пили потомъ натошакъ по таковой же ложкѣ соку изъ рѣпчатого лука, когда грыжа надѣдала и дѣлалась ненужною. Той же грыжи добивались тѣ, у которыхъ достаточно было смѣлости на то, чтобы проглотить серебро, и столько терпѣнія въ насаждѣ и прыганьяхъ, чтобы, долго натуживаясь, добиться таки желаемой гостыи. Въ расчетѣ на глухоту, клали въ ухо смѣсь, вродѣ кашицы, изъ травяного соку, меду и гнилого сыра; послѣдній, разлагаясь, вытекалъ наружу жидкостью, но дурному запаху и бѣлому цвѣту весьма удовлетворительнаго характера. Порошкомъ, наточеннымъ въ древесныхъ дуллахъ червякомъ, дуя въ глаза желающему спекулировать бѣломъ, которое, однако, скоро проходитъ.

Хорошій флюидъ для арестантской практики также не мудреное дѣло: стоитъ надѣлать внутри щеки уколы иглою, пока не хрустнетъ (но не прокалывать насквозь), а затѣмъ, зажавъ носъ и ротъ, надувать щеку до флюса: щека раздуется, покраснѣетъ и на рожистое воспаленіе это очень похоже. Чтобы вылечить—стоитъ проколоть щеку снаружи насквозь и выпустить воздухъ.

Стягивая подъ колѣнномъ кожу въ складки (съ захватомъ жилъ) и продѣвая сквозъ морщины свиную щетину на иголкѣ, добивались искусственнаго сведенія ноги; щетина оставалась въ жилахъ. Распаривъ ногу въ банѣ и вынувъ щетину, можно и въ бѣга уйти*). Сушать ногу отъ колѣна до ступни тѣмъ, что подъ самымъ колѣномъ перетягиваютъ саржевымъ или шелковымъ платкомъ и помачиваютъ водою, и пр. и пр.

Впрочемъ, нѣкоторые арестанты наивны, какъ школьники, и идутъ на смотръ къ доктору, наколовъ булавкою десну и носъ и принявъ кровь на рубашку, увѣряютъ въ кровохарканіи; другіе (гемороидалисты) подвязываютъ животъ и жалуются на спазмы. Однако, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ легко достигаютъ цѣли, доктора уступаютъ ихъ настоятельнымъ заявленіямъ на отдыхъ и, обманутые и не обманутые, заставляютъ у сильныхъ рабочихъ нѣсколько времени, давая имъ перевести духъ и расправить натруженные члены на больничныхъ койкахъ. За то и арестанты считаютъ ихъ своими первыми благодѣтелями и на поселеніи всегда съ любовью вспоминаютъ объ нихъ.

Замѣчательно, что подобнаго рода притвор-

*) Вѣсто щетины, для этой же цѣли берутъ нитку изъ дерева, называемаго велче лыко. Кончикъ нитки оставляютъ наружѣ, чтобы послѣ вытянуть, ибо лыко не щетина, держать долго нельзя: дѣлается краснота и приключается болѣзнь жаръ.

щики (по личному призванію самихъ арестантовъ) въ тюремной іерархіи занимаютъ невидное мѣсто. Это плебсъ—черный народъ, который возбуждаетъ въ товарищахъ малое состраданіе въ такомъ только исключительномъ случаѣ, когда подложъ ихъ обличится, не достигнувъ цѣли. Сами они, по большей части, не заботятся о возвышеніи своего нравственнаго уровня, мало блюдутъ за своими паденіями и довольны бывають тѣмъ униженіемъ, въ какое съумѣютъ поставить ихъ товарищи-аристократы изъ бродягъ. Ихъ обыкновенно называютъ „жиганами“. Роль ихъ тогда бываетъ незавидна и была бы тяжела для нихъ, если бы они, въ то же время, не были (за недостаткомъ практической изобрѣтательности) крайними бѣдняками, голышами. Конечно, въ тюрьмѣ найдутся средства кое-какъ добыть кое-какія деньги, но для того требуется униженіе, а разъ униженному далеко до уваженія, даже и до такого, какимъ, напр., пользуются бродяги. Бродяга скорѣе вытерпитъ всякую невзгуду, вынесетъ на обтертыхъ и привычныхъ плечахъ всякую каторжную работу, разъ десять обманетъ сторожей и пристава и смотрителя, но до крайняго униженія своей личности не дойдетъ. Бродяга не унижится переѣзъ богатымъ, не пойдетъ онъ по заказу его уткою*), не согласится, когда заломается арестантъ-богачъ, чувствуя въ карманѣ деньги, и велитъ подать ему воды, принести какую нибудь вещь,

*) Въ числѣ игръ, выдуманныхъ арестантами въ тюрьмахъ для общаго и частнаго (по заказу богачей) развлеченія, чаще другихъ употребляется эта утка. Желающему быть общимъ посмѣшищемъ и получить за то, смотря по обшному договору, пятачекъ серебра или гривенникъ, арестанты связываютъ на спинѣ обѣ руки веревкою и, такимъ образомъ, чтобы между ладонями можно было укрѣпить салную свѣчку. Свѣчка эта зажигается. Нанятый путь обязанъ, не погасивъ огарка, ползти на брюхѣ съ одного края каземата до другого и по тому грязно-скользкому полу, каковъ, напр., въ тюрьмѣ Нижне-Карійскаго промысла, гдѣ эта игра въ большемъ употребленіи. Проползъ потѣшиникъ на брюхѣ, не погасивъ свѣчки, онъ получаетъ договоренную монету; погасивъ на дорогѣ—даромъ всѣ труды пропадаютъ.

— Да еще и попадаетъ сверхъ того!—прибавляли мнѣ рассказчики.

— Бьютъ?

— Бить не бьютъ, а поднимаютъ на голумъ, да такъ, что въ этотъ разъ битье-то, пожалуй, лучше бы...

Замѣчательно, что всѣ тюремныя забавы—какъ и бытъ, впрочемъ, слѣдуетъ—грубаго дѣла и болѣею частью основаны на испытаніи крѣпости зубовъ, волосъ, кожи и проч., на манеръ семинарскихъ бурсъ. Таковы, между прочимъ, и тѣ игры, которыя извѣстны, напр., въ петербургскомъ острогѣ: масло ковырять, покойника отпѣвать, пальто шить, колокола лить, на оленяхъ катать, присяга на вѣрноподаство по замку, Киршинъ портретъ, жгуты, голоса слушать и проч. Въ сибирскихъ тюрьмахъ любимая забава прилѣпить сплешу къ подошвѣ голы ноги смазанную саломъ бумагу и зажечь ее.

чтобы за такую услугу, за удовлетвореніе празднаго каприза, выдать прислужившемуся грошъ или пятакъ.

Настоящій бродяга настолько практикъ, чтобы не быть трусомъ и побѣжденнымъ, и настолько свободенъ онъ и не побѣжденъ, что готовъ понасть опять на старое каторжное пепелище, но предварительно побывавъ въ бѣгахъ. Въ бѣга, однимъ словомъ, идутъ только тѣ люди, кото-

рые одарены волею и характеромъ, точно такъ же какъ въ госпиталь ложится только живой мертвецъ, побѣжденный и безнадежный.

Изъ нерчинскихъ тюремъ (да и вообще изъ тюремъ Восточной Сибири) побѣги совершаются замѣчательно часто и въ огромномъ числѣ. Какія обстоятельства предшествуютъ и какими случайностями обставляются побѣги—этимъ всего болѣе обрисовывается каторжный бытъ.

Г Л А В А III. ВЪ БѢГАХЪ.

Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуйскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Лихтлоугъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Улучшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглы на балу.—Побѣгъ цѣпного.—Голый бѣглецъ.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣгъ на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронущи.—Приготовленія къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первые шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощь караульныхъ.—Часовые въ бѣгахъ.—Обиліе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Звѣрское мщеніе.—Сыщики.—Бурята.—Похожденія и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Занимки.—Старовѣръ Гурій Васильевичъ.—Преслѣдованія.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемъ разнообразіи.—Саранча.—Горбачи.—Избѣженіе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убіенныя горы.—Коурый.—Везопасные бродяги.—Левяцкій на Лентъ и въ нерчинской каторгѣ.—Бяхтинскій мѣшанинъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Ангартѣ, подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Вывальцы.—Бродяжья судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе приемы и обычаи.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженные черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани.

Отбѣжайте отъ такъ называемаго Вольного Нерчинскаго завода верстъ на десять (хотя, напр., по направленію къ Зерентую, на сѣверъ), выберите возвышенное мѣсто на попутной горѣ и оглянитесь назадъ! Полный, широкій кругозоръ неба, къ которому такъ привыкаетъ глазъ на безбрежныхъ степяхъ и пустыняхъ, на этотъ разъ уменьшился больше чѣмъ на половину и отливаетъ вверху неопредѣленнымъ, примѣчательно тусклымъ свѣтомъ. Живые и рѣзкіе вѣчныя краски его потускнѣли, истощивъ свою силу передъ тѣмъ, что уменьшаетъ округлость и широту небеснаго горизонта, что заслоняетъ отъ насъ больше чѣмъ половину его и что распласталось внизу. Непрерывною грядою и цѣпью тянется тамъ сплошная стѣна горъ, подтянувшихся одна къ другой и сплотившихся въѣсть. Форма этихъ горъ и этой цѣпи, на первый взглядъ, поражаетъ чѣмъ-то оригинальнымъ, своеобразнымъ и незнакомымъ, но, всмотрѣвшись, узнаешь, однако, кое-какія черты знакомыя, выясняешь кое-гдѣ опредѣленные образы.

Море, казалось намъ, свободное и безпредѣльное море всколебалось до самаго дна въ то время, когда внутри его скопилась громадная сила и поверхность его, не выдержавъ напора внутренней силы, широкимъ и порывистымъ взмахомъ разбилась на густыя и широкія волны. Волны эти разметались въ при-

хотливо-разнообразныхъ группахъ, гдѣ простому глазу и издали приметны даже и брызги, густыя и мелкія, сбившіяся на хребтахъ волнъ, и самая волна, во всю длину ея, вздувшаяся до того состоянія, когда ей предстоитъ одна возможность уничтожиться отъ собственной тяжести и исчезнуть во вновь набѣжавшей. И вотъ, въ это самое время, когда внутренняя сила, управляющая волнами, готова была на новый напоръ снизу и на ту же работу наверху,—взволнованное и разсерженное море вдругъ онѣмѣло и застыло. Черты и краски, которыя могли исчезнуть безъ слѣда, чтобы уступить мѣсто инымъ и свѣжымъ, стали теперь вѣчными и неизмѣнными. Мало такихъ картинъ на всемъ широкѣмъ просторѣ Россіи, хотя и много тамъ горъ, холмовъ и пригорковъ! Мало такихъ горъ и по внутреннему достоинству, по подземному богатству ихъ, какъ горы Нерчинскаго края, хотя и есть въ Россіи Уралъ, Колыванскія и Кузнецкія горы. Серебромъ наполнены ихъ горныя нѣдра; по золотому песку текутъ выходящія изъ горъ этихъ рѣки и увалами, своеобразнымъ видомъ, отливаютъ всѣ эти горы потому именно, что обладаютъ онѣ такимъ особеннымъ даромъ, что стоятъ за ними громадное, до сихъ поръ еще вполнѣ не оцѣненное преимущество. Некрасивы онѣ, когда подойдешь къ нимъ слишкомъ близко. Сумрачны издали эти каменные горы, голыя, скудныя растительностью,

силу которой какъ будто взобрали въ себя, обездоливъ поверхность, внутреннія богатства, подспудныя и подземныя сокровища этихъ горъ. Но видъ на группу, на всю сплошную массу Нерчинскихъ горъ издали, не теряетъ всего обаянія и всей своей прелести, подкупаемой, сверхъ того, тѣмъ представленіемъ, какое даютъ практическія наблюденія. Къ нимъ-то мы и подходимъ теперь, опираясь на тѣ данныя, которыми добыты горною наукою.

Нерчинскій горный округъ, на половину обследованный, но далеко еще не вполне разработанный, представляетъ одно изъ сильныхъ и богатыхъ мѣстъ въ свѣтѣ по разнообразію всякаго рода горныхъ породъ металловъ и минераловъ. Окрестности Петровскаго завода и Тункинскія горы, въ западной половинѣ Забайкалья, богаты магнитнымъ желѣзнякомъ. Тотъ же желѣзнякъ находится на восточной сторонѣ Яблоноваго хребта, раздѣляющаго Забайкальскую область на двѣ половины: по рѣкамъ Урову (впадающему въ рѣку Аргунь) и по Тайнѣ (притоку рѣки Газимура). Горы между Нижнею и Среднею Борзеею столь богаты тѣмъ же магнитнымъ желѣзнякомъ, что тамошніе жители называютъ ихъ не иначе, какъ „желѣзною цѣпью“. Системы рѣкъ Витима и Чикоя (въ западной половинѣ Забайкалья) и Карійская и Шахтаминская системы (въ восточной половинѣ) давно уже извѣстны разработками золота. Въ этой послѣдней части вездѣ, гдѣ господствуютъ гранито-сіениты, почти сплошная золотоносная система; таковы россыпи: Лунжанка, Казакова, Култума, Солкоконъ, Тайна, Быстрая и другія. Въ 1855 году поисковая казенная партія нашла золото и въ западной части Нерчинскаго округа, въ глухомъ, необитаемомъ югозападномъ углу, ограниченномъ китайскою границею и Яблоновымъ хребтомъ, раздѣляющимъ округъ на двѣ, почти равныя половины. По рѣкѣ Прямой-Балъджѣ, при шурфовкѣ, найдены благонадежныя признаки, а по рѣкамъ: Елатую, Каролу, Долгондѣ, Цагано, Юрухану и также Вираю, также богатые россыпи, послужившія къ быстрымъ и серьезнымъ обогащеніямъ, когда дозволена была добыча частнымъ людямъ въ началѣ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія и когда золото найдено на рѣкѣ Нерчѣ, почти подъ самымъ городомъ Нерчинскомъ. Золото—однимъ словомъ—оказалось вездѣ тамъ, гдѣ господствуютъ сланцы. Какъ только эти послѣдніе уступаютъ мѣсто гранитамъ, тамъ, вмѣстѣ съ этимъ, исчезаетъ и самая золотоносность. Шахтама и Култума, сверхъ содержанія золота, обѣщаютъ добычу ртути, обладаа большимъ количествомъ киновари; въ Нерчинскомъ горномъ округѣ—единственное въ Россіи мѣсто нахождения олова. Всѣ горныя покатоки къ югу отъ системы притоковъ рѣки Шилки, по системамъ притоковъ Аргуни, съ давнихъ временъ даютъ въ замѣ-

чательномъ избыткѣ серебро, которое прославилъ Нерчинскій округъ. Это—самый главный продуктъ земныхъ сокровищъ Нерчинскихъ горъ и нерчинскіе заводы обязаны главному добычею его съ той самой поры, когда край этотъ, одинъ изъ богатыхъ серебромъ въ цѣломъ свѣтѣ, сдѣлался собственностью Россіи. Серебряные рудники открыты здѣсь давно и въ примѣчательномъ обиліи.

Въ 1722 году императоръ Петръ I именнымъ указомъ своимъ велѣлъ всѣхъ, освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальніе города, посылать въ Дауры на серебряные заводы. Въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія разработка серебряныхъ рудъ приостановлена и на нынѣшнее время значительно противъ прежняго ослаблена. Нерчинскій же горный округъ съ его россыпями и промыслами золотыми и съ его заводами еще до сихъ поръ представляетъ для насъ интересъ ссыльнаго мѣста, а потому мы и останавливаемся на немъ, какъ на мѣстѣ работъ, предназначенныхъ для ссыльно-каторжныхъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ серебряныхъ рудниковъ (Зерентуйскій) у насъ передъ глазами. Онъ открытъ въ 1825 году, вмѣстѣ съ Владатскимъ. Толщина его не болѣе 2 сажень, мѣсторожденіе заключается въ известнякѣ, падаетъ почти вертикально и наполнено преимущественно талькомъ, въ которомъ желѣзисто-свинцовыя охры со свинцовымъ блескомъ и бѣлою свинцовою рудою попадаютъ небольшими гнѣздами. Въ пудѣ руды $\frac{1}{2}$ золотника серебра и 1 фунтъ свинцу, но, черезъ промывку, руды обогащаются серебромъ до $\frac{1}{4}$ золотника и свинцомъ до 4 фунтовъ. Работа начата шахтою и продолжалась гезенгами и дворами въ 34-саженной глубинѣ. Для движенія воздуха углублена шахта въ висячемъ боку мѣсторожденія *).

Мы у подопыи горы, которая отлого (тингусомъ—по сибирски) взбирается въ высь и тамъ, гдѣ-то не на виду у насъ, сливается съ другими горами, а можетъ быть и съ цѣлою грядою горъ. Гора наша, по наружному виду, ничѣмъ не отличается отъ окрестныхъ: тѣ же голыши и камни, обѣщающіе скудную растительность въ живое время, то же обиліе моху и по мѣстамъ примѣчательно—ничтожное количество снѣгу, когда все кругомъ завалено имъ. Раз-

*) Дюры — обыкновенныя горизонтальныя работы (орты и форшлагы), проводимыя непосредственно однѣ надъ другими. Они всегда идутъ по рудамъ и употребляются болѣе для выемки ихъ на очистку, также и для преслѣдованія ихъ по паденію. Сначала ведутъ по рудѣ обыкновенный горизонтальный ходъ, укрѣпленный временною планъ фальшивую крѣпью изъ двухъ стоекъ и перекала на 1—2 сажени; потомъ эту крѣпъ замѣняютъ настоящею.

нича одна: у нашей горы, позади нас и не въ дальнемъ разстояніи, раскинулось довольно большое селеніе со старыми, глиняными домами, разбросанными въ безпорядкѣ и доказывающими наружнымъ видомъ своимъ, что хозяева ихъ самыя бѣдные и несчастные люди во всемъ свѣтѣ: нѣтъ ни одного дома, который говорилъ бы даже о кое-какомъ достаткѣ. Селеніе это казенное и приписано къ руднику. Въ горѣ нашей находится самый рудникъ серебряный, давно уже существующій, какъ сказано выше.

Прямо передъ нами бревенчатый сарайчикъ, по мѣстамъ оббитый досками и однимъ краемъ своимъ вплотную прикинутый къ горѣ, у самой подошвы ея. Досчатая дверь вводитъ насъ въ этотъ теплый и натапливаемый домикъ. Здѣсь предлагаютъ намъ снять шубу на томъ основаніи, что безъ нее будетъ свободнѣе ходить по руднику, гдѣ, говорятъ, теплѣе, чѣмъ въ этомъ домикѣ, тепло, какъ въ банѣ. Но помня, что на дворѣ слишкомъ 30° мороза, мы не рѣшаемся разстаться съ шубою (въ чемъ, однако, пришлось намъ потомъ раскаяться). Намъ надѣваютъ на шею, на длинной веревкѣ, плоскій фонарь съ зажженною свѣчею и мы направляемся въ то чистилище, о которомъ съ самаго дѣтства слыхали такъ много страшнаго. Вотъ за этою-то новою дверью (и опять досчатою)—думалось намъ на тотъ разъ—тѣ каторжныя норы, гдѣ мучилось столько „несчастныхъ“ и погибло въ нихъ безъ слѣда и воспоминаній. За нею-то, за дверью этою, одинъ изъ тѣхъ рудниковъ, о которыхъ ходятъ по всей Россіи такіе мрачные и страшные рассказы. И теперь мы съ трудомъ отдѣлываемся отъ неприятнаго чувства боязни, безсознательнаго страха и тоски, до такой степени неодолимыхъ, что были моменты, когда мы готовы были оставить наше намѣреніе и вернуться назадъ изъ опасенія не подвергать себя крупнымъ и тяжелымъ впечатлѣніямъ. Потребовалось энергическое усиліе воли, чтобы направиться дальше за эту таинственную дверь, и, разъ рѣшившись идти впередъ, мы принудили себя безропотно подчиниться провожатымъ, но неприятное чувство душевной тяжести и безотчетнаго сердечнаго трепета насъ не покидаетъ. Отворилась дверь, словно въ адъ, и истинное подобіе его представилось намъ тотчасъ же, какъ только глаза наши встрѣтили за дверью непроглядный, мертвенный сумракъ. Къ тому же по нѣсколькимъ ступенямъ мы опустились внизъ, на нѣсколько аршинъ ниже подошвы горы. Высокая гора, всею массою, всею своею громадою стояла теперь надъ нами, усиливая тяжесть нашихъ впечатлѣній. Мы въ горѣ и подъ землею, словомъ—мы въ рудникѣ.

Слишкомъ рѣзкій, крайній переходъ отъ дневного свѣта прирудниковой свѣтлицы—передней во мракъ самого подземелья не позволяетъ глазамъ нашимъ что либо видѣть, что либо понять

изъ всего того, что творится передъ нами, сзади насъ и по бокамъ. Мы слышимъ голоса, но они кажутся намъ такими глухими и робкими, что какъ будто и они, какъ и нашъ голосъ, выходятъ изъ сдавленной и натруженной груди. Гдѣ-то впереди, какъ волчьи глаза, мелькаютъ огоньки, но свѣтъ ихъ, поглощаемый густотою окрестнаго мрака, до того слабъ, что кажется особеннымъ, рудниковымъ. Висящій на груди у насъ фонарь намъ дѣлаетъ не больше того: свѣтъ его чуть брезжитъ, ударяетъ въ спину проводниковъ, освѣщая двѣ-три заплаты на полушубкахъ. При поворотахъ въ сторону, свѣтъ салной свѣчки успѣваетъ обнаружить въ себѣ присутствіе силы настолько, что мы различаемъ досчатые стѣны, мокрая, сырая, и такіе же доски наверху, на потолокъ. Когда глазъ успѣлъ приноровиться, мы—что называется—оглядѣлись: передъ нами и позади насъ оказался несомнѣнный корридоръ, такой же точно, какъ и тѣ, до которыхъ такіе охотники петербургскіе домовладѣльцы и архитекторы, доказывающіе этимъ безсиліе своей изобрѣтательности и несостоятельность своей науки; этотъ корридоръ намъ тревался доказать противное. Онъ былъ такой же узкій и теплый и въ такомъ же прямомъ направленіи тянется куда-то вдаль. Мы идемъ ни ниже, ни выше, идемъ также свободно и теперь, какъ шли сначала, и идемъ какъ будто уже много сажень, не одинъ десятокъ сажень и — останавливаемся. Передъ нами третья дверь и, обитый досками корридоръ кончился.

— Что это значить?

— Корридоръ,—отвѣчаютъ намъ: — тунель этотъ называется штольнею. Та часть штольни, которую мы прошли и которая сверху, снизу и съ боковъ забрана досками, уже выработана и къ дѣлу не годится. Рабочіе въ ней только для того, чтобы положить досчатые заплаты тамъ, гдѣ старыя доски прогнили до слезъ. Разрабатывается вотъ эта...

Отворили дверь—и мы снова погрузились во мракъ, который кажется намъ еще гуще и непрогляднѣе. Мы съ трудомъ передвигаемъ ноги, которыя на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ какія-то рытвины, какіе-то камни, а между ними, по самой серединѣ дороги нашей, тянется цѣлый желобъ. По бокамъ, въ стѣнахъ—каменные глыбы; наверху, на потолокъ такіе же голые, неправильной формы обитые камни; и тѣ и другіе на ощупь холодны, сыры, слизисты. Фонарная свѣча на большей части изъ нихъ освѣщаетъ ржавчину, окиси. Ощущенія становятся еще тяжелѣе: каменные груды начинаютъ давить насъ правственно всею тягостою вѣшняго вида своего и мы снова съ трудомъ владемъ собою при объясненіяхъ.

— Это известнякъ и глинистый сланецъ—подпороды, а вотъ и самая порода—наше богатство. Изъ нее-то мы добываемъ достославное

серебро, которое и въ нашихъ рукахъ стало въ рѣдкость, какъ говорить, рѣдко оно и у васъ, въ Россіи.

Черезъ груды этихъ подпородъ и между глыбамъ породы пробираемся мы дальше. Начинаемъ примѣтно уставать: намъ становится не только жарко, но даже душно (напрасно мы не оставили шубы въ прихожей свѣтлицы). Духота, наполняющая на этотъ разъ штольню, напомнила намъ ту насыщенную влагою атмосферу бани, когда разрядился паръ, въ обильн сорвавшійся съ каменки. Въ духотѣ этой (думалось и выговорилося нами) одинъ изъ видовъ каторги и духота эта, между прочимъ, полагалась одною изъ мѣръ наказанія нѣкогда работавшимъ здѣсь преступникамъ; духота эта едва выносима.

— Отворите дверь! — закричалъ одинъ изъ проводниковъ въ отвѣтъ на замѣчаніе наше.

Крѣпкая струя морозаго воздуха мгновенно и съ неудержимую силою ворвалась въ штольню и выхватила и унесла впередъ въ широкое отверстіе шахты весь тотъ удушливый и гнилой воздухъ, который до этой поры тяготилъ насъ. Пока задняя входная дверь стояла открытою, мы съ трудомъ удерживали на головахъ шапки: до того была сильна тяга воздуха, которая, имѣя для насъ значеніе сквозного вѣтра, становилась уже излишнею и дѣлалась опасною для здоровья. Пока мы подвигались дальше, въ штольнѣ опять накопилось достаточно теплоты, чтобы снова жаловаться на шубу.

Въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ насъ, изъ штольни потянулся глухой и тупой, безъ пролета, корридоръ, нигуда не выводящій, и, въ отличіе отъ штольни, на горномъ языкѣ извѣстный подъ именемъ лихтлога. Свѣтъ фонаря освѣтилъ намъ его начало и изнылъ въ той густотѣ мрака, которую не разрѣжалъ ни разу лучъ солнечнаго свѣта и съ которою ведетъ по временамъ борьбу свѣтъ шестериковыхъ салыныхъ свѣчъ въ фонаряхъ рабочихъ.

Войти въ лихтлогъ мы не рѣшились и не пошли туда по той простой причинѣ, что лихтлогъ—тоже штольня, только поперечная, боковая, безъ выхода; боковая оттого, что увела ее туда серебряная жила, ударившаяся въ бокъ отъ основной, давшей направленіе штольнѣ. Безъ выхода лихтлогъ потому, что на тупомъ концѣ его оборвалась надежда на добычу: серебра стало меньше и дальнѣйшая работа не обѣщала возврата затраченныхъ силъ и капитала. Штольня повела насъ дальше и прямо, одинъ лихтлогъ остался въ сторонѣ на право, другой—на лѣво.

Каменные груды съ боковъ и надъ ними, не укрѣпленные искусствомъ и сдерживаемые только силою взаимнаго тяготѣнія и упора, — грозятъ опасностью. Вода, въ избыткѣ просачивающаяся между камнями, усиливаетъ представленіе этой опасности для насъ, непривычныхъ, безсильныхъ схватить всѣ подробности дѣла и на тотъ разъ

понять всю систему предосторожностей. Мы радуемся за каждый шагъ, который завоевываемъ при выходѣ изъ штольни и не безсознательно вздрагиваемъ въ боязни за себя, когда слышимъ предостереженіе провожатыхъ спрятаться на бокъ, гдѣ нибудь около стѣнки, въ первое попавшееся углубленіе въ ней. Пригвѣръ тому видимъ на всѣхъ нашихъ спутникахъ и, спрятавшись какъ ужьли и успѣли, мы вздрагиваемъ во второй разъ отъ сильнаго удара, который глухимъ и тупымъ раскатомъ потрясъ всю штольню и исчезъ безъ отголоска.

— Что это такое?

— Забой дѣлали, взрывъ произведенъ.

Ощущаемъ пороховой запахъ, видимъ впереди себя новую вспышку и тотчасъ новый глухой стукъ взрыва, причемъ снова ощущаемъ запахъ пороха. Идемъ къ тому мѣсту и видимъ или, лучше, слѣдно различаемъ на полу какія-то дыры, видимъ буравы въ рукахъ рабочихъ; намъ объясняютъ:

— Буравъ вертитъ на землѣ скважину и оттого скважинѣ этой даемъ названіе буровой. Она заряжается порохомъ, порохъ рветъ часть грунта, выхватываетъ тѣ камни, которые мѣшаютъ намъ прокладывать жолобъ. Жолобъ этотъ по серединѣ пола штольни надобно намъ для стока воды. Вода одолѣваетъ наши работы безгранично; оставить ее на собственный произволъ и не выводить вонъ, значить, поступиться всѣмъ рудникомъ: вода зальетъ его, какъ залила уже всѣ разработанные и покинутые или по волѣ начальства или по тому, что они уже сами по себѣ перестали служить свою полезную службу.

— Жолоба для стока воды мы закрываемъ досками, чтобы легче ходить и работать, жолобъ облегчить работы въ забояхъ. Полъ облегчить перевозку руды въ тачкахъ по штольнѣ до шахты.

— Но гдѣ же каторга, гдѣ тѣ работы, которые мы привыкли считать самыми тяжелыми, называть каторжными?

— Такихъ работъ нѣтъ въ рудникахъ. Здѣсь мы даемъ молотокъ и ломъ. Молоткомъ рабочий обиваетъ породу, освобождаетъ ее отъ спрессованныхъ ненужныхъ намъ подпородъ; ломомъ вынимаемъ ту глыбу, которую намъ нужно и которую указываетъ и объясняетъ знающій дѣло распорядитель работъ. Глыба эта подается на ломъ, когда молотъ счѣмѣлъ хорошо распорядиться около нее. Вынутая изъ своего мѣста, она кладется на носилки или въ тачку и рабочий везетъ одинъ или несутъ съ товарищемъ къ бадью, спущенной на дно широчайшей трубы, идущей отъ вершины горы до самой подошвы ея и называемой шахтою. Когда рабочий опростаетъ свою пошу, то кричитъ на верхъ. Бадью верхніе рабочіе поднимаютъ воротомъ на самый верхъ горы. Тамъ опоражниваютъ бадью, складывая руду на носилки. Тачекъ рабочіе не любятъ и предпочитаютъ имъ носилки, всегда пред-

нолагающие товарища, когда и трудъ раздѣленъ и есть съ кѣмъ перекинуться разговоромъ. Добытую породу сносятъ верхніе рабочіе въ указанное мѣсто въ кучу, изъ которой она уже поступаетъ для сортировки въ такъ называемую рудораздѣльную свѣтлицу. Выйдемъ черезъ шахту на верхъ, я вамъ и это все покажу.

Вотъ до насъ начинаютъ добираться лучи дневного свѣта, падающіе сверху. Свѣтъ нашего фонаря блекнетъ, мы стоимъ подъ крутою деревянною лѣстницею. Мы взбираемся по этой отвѣсно поставленной лѣстницѣ съ широко разставленными приступками, съ обязательно неизбѣжными перилами. Лѣстница плотно придѣлана желѣзными закрѣпами къ каменной стѣнѣ шахты. Съ трудомъ и насаживая грудь, при помощи перилъ, поднимаемся мы на верхъ и съ трудомъ переводимъ дыханіе, очутившись на первой площадкѣ. Площадка эта однимъ краемъ опять уходитъ въ сырой и непроглядно мрачный лихлогъ, идущій параллельно нижней штольнѣ и составляющій въ рудникѣ какъ бы второй этажъ его. Другой конецъ площадки обрывается въ ту огромную яму, которая прорыта до самой подошвы горы и до дна той штольни, къ которой мы были, и освѣщается такою же широкою, какъ нижняя яма трубою, составляющею ее продолженіе и выходящею на вершущу горы. Отдохнувъ, осиливаемъ вторую лѣстницу, такую же отвѣсную и крутую, такую же неподатливую, съ такими же крѣпко захватанными перилами, снова устаемъ до изнеможенія и съ радостью узнаемъ на второй площадкѣ, что конецъ мученій близокъ. Узнаемъ здѣсь, что зерентуйская шахта, которая кажется намъ теперь глубокою и широкимъ колодезѣмъ, имѣетъ глубины 24 сажени: первая лѣстница 11 сажень, вторая 13; что бревенчатый сарай надъ шахтою колодезѣмъ соорудить уже на крайней вершинѣ горы, что вся зерентуйская штольня длиною въ 160 сажень, но что дѣлаютъ новую—„Надежду“, которая будетъ еще больше, еще длиннѣе, но въ другомъ мѣстѣ.

Отрадно было, по выходѣ изъ шахты, взглянуть на свѣтъ Божій. Весело было вздохнуть свѣжимъ, хотя на этотъ разъ и крѣпко морознымъ воздухомъ, и еще краше и веселѣе глядѣли теперь на насъ со всѣхъ сторонъ окрестные валуны, эти застывшія морскія волны. Еще сумрачнѣе, тяжелѣе и каторжнѣе показалась намъ вся темная мгла подземельевъ—штолень, лихлогъ и тяжелый полумракъ шахты.

Цѣлыми десятками лѣтъ, не одною тысячею преступныхъ и непроступныхъ рукъ, рылись эти каторжныя подземелья и рудникъ, оцѣненный десятками тысячъ рублей, неизмѣримо высоко поднимается въ цѣнѣ отъ того множества слезъ и стоновъ, которые вызваны были среди сумрачныхъ каменныхъ стѣнъ на тяжелой опасной работѣ, и которые ввѣрены были тѣмъ же бездуш-

нымъ стѣнамъ и тѣмъ же безгласнымъ и холоднымъ камнямъ. Черезъ чистую и свѣжую ключевую воду проходитъ все то золото, которымъ покупается цѣлый свѣтъ, и только въ немногихъ мѣстахъ къ ключевой водѣ этой примѣшиваются и мутятъ и темнятъ эту воду горькія слезы несчастныхъ. Все серебро, накупившее въ нѣдрахъ земныхъ, добытое въ сибирскихъ рудникахъ, прошло черезъ горькія и также ключемъ бьющія слезы несчастныхъ. Сколько смертей, неожиданныхъ и негданныхъ, накидывалось тамъ, въ этихъ темныхъ и сырыхъ подземельяхъ, на терпѣливую, замѣчательно выносливую и крѣпкую натуру русскаго человѣка, хотя на этотъ разъ и обездоленную крутымъ житейскимъ переломомъ и крутымъ, болѣею частью непредвидѣннымъ несчастьемъ. Извѣстенъ, между прочимъ, слѣдующій трагическій случай въ рудникѣ „Тайгѣ“, около Газимурскаго завода, въ одномъ изъ наибольшихъ за Байкаломъ. Въ одной изъ штоленъ этого рудника работали трое: два поляка и русскій. Разложенный на днѣ шахты огонь, при закрытыхъ дверяхъ, наполнилъ весь корридоръ убійственнымъ сѣрнымъ газомъ. Дымъ, валившійся изъ этого отдѣленія, достигъ и того, гдѣ эти трое кирками обивали оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Будучи не въ состояніи дольше оставаться въ атмосферѣ, насыщенной газами, поляки по лѣстницѣ поднялись на свѣжій воздухъ. Одинъ изъ поляковъ, видя, что товарищъ (русскій) остался внизу и долго не выходитъ, крикнулъ ему сверху, чтобы поспѣшилъ выбираться, иначе непремѣнно погибнетъ. Не получивъ отвѣта, полякъ Рожанскій сошелъ по лѣстницѣ внизъ и едва успѣлъ ступить на дно штольни, какъ упалъ безъ чувствъ, отравленный сѣрными газами. Товарищъ его (Вржось) въ безпокойствѣ и съ боязнью выжидалъ земляка и, не дождавшись, поспѣшилъ спуститься въ рудникъ и нашелъ обоихъ товарищей въ безпамятствѣ лежащими на полу. Онъ схватилъ, прежде всего, земляка своего и повесъ по лѣстницѣ. Чувствуя приступы отравы, онъ собиралъ послѣднія силы, дошелъ уже до половины лѣстницы, но здѣсь силы его оставили, онъ опрокинулся съ крутизны навзничъ и разможилъ свою и товарища голову о камни. Черезъ нѣсколько дней потомъ лавившіе на дно штольни нашли три трупа. Одинъ изъ нихъ обхватилъ рукою другого; оставалось одно: похоронить обоихъ въ одномъ гробу.

Отпустить работника въ полусвѣтъ шахты, провести его въ непроглядный мракъ штольни, — вездѣ одно: та же сосредоточенная, кропотливая, тяжелая работа, съ которою и самая пѣсня, плохо прилаживаясь, недружно живетъ. Дружно живетъ одинъ вымыселъ, сильно работаетъ одно только воображеніе, досужее рисовать по готовымъ образцамъ все, что угодно. Ему ли оставлять свою работу и поступаться

свободою въ то время, когда все является на помощь и содѣйствіе: мракъ кругомъ и только тусклый мерцающій полусвѣтъ около, да неожиданнй блескъ, яркая вспышка гдѣ-то вдалекѣ и въ томъ подземельѣ, гдѣ всякій звукъ, всякій стукъ молотовъ возвращается назадъ усиленнымъ, но не разбросаннымъ тупымъ эхомъ, подчасъ извращеннымъ, смотря по тѣмъ условіямъ, въ какихъ находится въ то время слухъ и воображеніе. Паденіе водяныхъ струй и капель со стѣнъ и потолка, трескъ осколковъ породъ и шлепанье глиняныхъ глыбъ, шумъ забоевъ, грохотъ отъ взрывовъ, каждый легкій шорохъ—все это даетъ пищу одиноко поставленному и предоставленному самому себѣ воображенію. Раздражается оно неизбежно и при этомъ съ такою быстротою и силою, на которыя способно суетвѣрное воображеніе всякаго русскаго рабочаго, и будетъ преисполняться каждый изъ нихъ суетвѣрнымъ страхомъ и неестественными представленіями, потому что всякое движеніе, всякій шагъ въ подземельѣ представляется въ иномъ видѣ, отшибается неправильнымъ и извращеннымъ отголоскомъ. Работы въ забояхъ, мракъ лихтлоговъ, полусвѣтъ шахты, при слабомъ освѣщеніи фонаремъ, удлинняющимъ и укорачивающимъ тѣни людей и окружающихъ предметовъ по прихотливому произволу, существованіе большихъ и крупныхъ крысъ, которыя любятъ возиться, пищать, грызть, шумѣть и больше всего поживляться около салныхъ огарковъ въ фонаряхъ и называются хозьянкомъ. Все это намъ объясняетъ существованіе множества рассказовъ и о домовомъ—рудниковомъ хозяинѣ, и о лѣшемъ—врагѣ человѣка и здѣсь, въ этихъ каторжныхъ норахъ. Съ безчисленнымъ множествомъ рассказовъ о нежити—нечистой силѣ—выходятъ оттуда рудниковые рабочіе, суетвѣріе которыхъ, вообще, сильнѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Такъ, напр., на этомъ же Зерентуйскомъ рудникѣ, подлѣ самой шахты двѣ горы, изъ которыхъ одну прозвали Шумихою, а другую Звонухою (за какіе-то непонятные и хорошо не изслѣдованные шумъ и звонъ, происходящіе около нихъ и въ нихъ при извѣстныхъ вѣтрахъ), смыльные и вольные рабочіе считаютъ страшными. Они указываютъ на нихъ, какъ на несомнѣнное гнѣздилище вражьей нечистой силы. Ночные страхи здѣсь дѣйствительнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому что въ рудниковыхъ подземельяхъ вѣчная ночь, какъ питательное начало, и дѣйствительнѣе уже потому, что рабочіе на цѣлый день, со своею пищею, уходятъ сюда въ густой мракъ. Они кончаютъ работу и выходятъ на вольный воздухъ, когда уже точно такой же мракъ покрываетъ землю и облакаетъ собою все живущее на ней некаторжною жизнью.

Каторжна жизнь рудниковаго рабочаго и по-

тому, что она бесплатная, обязательная, казенная и потому еще, что подвергается случайно-стиямъ, недалеко отъ несчастій и граничитъ съ нечаянною, скоростыжною смертью.

„Дыркою бѣтъ“—кладеть на смерть и увѣчить рабочаго при быстромъ нечаянномъ взрывѣ буровой скважины, сопровождаемомъ неизбежными камнями, осколки которыхъ брызжутъ по сторонамъ съ быстротою и силою. Эта опасность для неопытныхъ рабочихъ на каждомъ шагу, потому что на каждомъ шагу буровыя скважины и потому, что при сибѣнныхъ работахъ на каждый шагъ не напасешь осторожности и оглядки, если и та и другая не обратились въ привычку.

„Горой давить“ рудниковаго рабочаго та же опасность, то же неуѣнье, а часто и невозможность спохватиться во время, — именно въ то время, когда онъ сдѣлалъ подработку своимъ молоткомъ подъ породу и отломится отъ нее плохо слипшіяся или хорошо отбитыя груды известняка или глинистаго сланца. „Горой“ этою и увѣчить и давить до смерти.

— Хорошъ первый конецъ, когда изувѣчить, потому что начальство уменьшитъ уроки или совсемъ избавитъ отъ нихъ, а лучше всего—последній конецъ. Съ нимъ все гладко и душа твоя уже потомъ не томится. А худая смерть лучше каторжной жизни,—говорили рудниковые рабочіе въ то время, когда они не были освобождены отъ заводскихъ работъ и работали рядомъ съ каторжными; разница была одна: у каторжныхъ за содѣянными преступленіями положены были сроки, у заводскихъ служителей работа была безсрочная и то только потому, что они родились отъ такихъ же заводскихъ служителей и подзаводскихъ крестьянъ. Бывали случаи, что послѣдніе нарочно дѣлали преступленія, чтобы сдѣлаться каторжными, а стало быть попасть въ срочные рабочіе.

Говорили намъ и другіе, но другое:

— Мы, когда за молотокъ да за лопату, то и молитва у насъ одна на умѣ: авось-могъ и надъ нашими воротами взойдетъ солнышко. Старики наши, помираючи, наказывали намъ: „Кривыхъ нѣтъ во святыхъ, дѣти милые; мы каторжные да и вы такіе же, потому что наше отродье. Не работать нельзя, работайте! Тяжела работа — не бѣгите! Извѣстна пословица: „не зовутъ вода пиво пить, зовутъ вода воду возить“. Возите воду, потому что и ваши дѣти возить ее также станутъ, съ тѣмъ и живите!“

Внуки дожились, однако, до того времени, когда сняли съ нихъ несправедливое обязательство, а самые рудники каторжными покинуты: работа послѣднихъ направлена была на казенные золотые промыслы и казенные винокуренные, солеваренные и желѣзодѣлательные заводы. Каторжные въ Восточной Сибири жили при заводахъ: Александровскомъ винокуренномъ

и Иркутскомъ солеваренномъ (въ Иркутск. губ.), и въ Забайкальѣ: при заводѣ желѣзномъ Петровскомъ, на приискахъ Верхнемъ, Среднемъ и Нижнемъ Карійскихъ, на Шахтинскомъ и Казановскомъ, на заводахъ Лужакинскомъ и Ака-туевскомъ. Всѣ остальные работы на рудникахъ находились въ рукахъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Еще весьма не такъ давно они работали на три сѣмьи: двѣ недѣли по 12-ти часовъ въ день, третью недѣлю получали на отдыхъ. За то, что имѣвшіе достатокъ горные служители брались на собственныхъ лошадяхъ возить руду съ рудниковъ въ Кутмарскій рудникъ, при которомъ плавильная печь, и въ Александровскій заводъ, гдѣ устроена лабораторія, они получали льготный часъ. Работавшіе на рудникахъ ходили на работу иногда верстъ за десять, прихвативъ съ собою хлѣба и овощей, и ѣли въ сухоматку; на ночь опять плелись домой къ горяченькому кирпичному карымскому чаю, ко шашу и печѣ. За работу вознаграждались одинаковымъ съ поселенцами содержаніемъ (по 50 к. въ мѣсяцъ, на золотыхъ промыслахъ по 2 р., на Кудеѣ—самомъ богатомъ и надежномъ, позднѣе открытомъ, плата въ мѣсяцъ доходила до 5 руб.). Къ этой платѣ, сверхъ того, казна прибавляла еще по два пуда муки. Разница у заводскаго служителя съ каторжникомъ состояла еще въ томъ, что первый могъ обрабатывать землю, имѣть кое-какое хозяйство. Но вернемся къ смыльнымъ и къ тѣмъ каторжникамъ, которые работаютъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ и на заводахъ, и посмотримъ, какъ выносить всякую каторгу русскій человѣкъ на своихъ могучихъ плечахъ и какъ примирается со всею тяжестью ея, со всѣми невзгодами и алкоголізмомъ.

Новичекъ—арестантъ, приходящій на крайнюю каторжную работу—на Карійскіе золотые промыслы—назначается обыкновенно „хвосты убрать“. Хвостами называются тѣ пустые, ненужные пески, которые остаются на разрывѣ послѣ промывки золота и отъ которыхъ золото уже отдѣлено: вода, унеся пески, какъ вещество легчайшее, и не славивъ съ крупинками золота—веществомъ тяжелѣйшимъ, оставила ихъ осѣвшими на днѣ промывного жалаба. Уборка хвостовъ ѣли пустыхъ песковъ—работа каторжная и потому, что требуетъ усиленныхъ уроковъ и нѣкоторой посѣпчивости, чтобы «принять съ дороги старую ненужную дрянъ и дать мѣсто новой драгоценности»,—и потому хвостовая работа тяжела, главнымъ образомъ, тѣмъ, что не заключается въ себѣ и не даетъ того, чѣмъ красна всякая работа. Она мало питаетъ сознание, что въ трудѣ этомъ заключаются тѣ же животворные, осязательные и наглядные результаты, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ рукъ существа разумнаго и мыслящаго. Этотъ трудъ на хвостахъ какъ будто даже бесполезно истрачиваетъ физическія силы, и безъ того зна-

чительно истощенныя и, во всякомъ случаѣ, нисколько не укрѣпляетъ духа, не поддерживаетъ жизни его. Носить цѣлые дни съ раннего утра до позднего вечера пустые пески, носить ихъ по заказу, на урокъ, въ виду наказанія за неисполненіе полной задачи и безъ всякаго существеннаго и нравственнаго вознагражденія на случай честнаго исполненія долга и обязанности—дѣло равносильное и равноправное древнему монастырскому наказанію толочь въ ступѣ воду. Сверхъ того, сознание, что вся эта работа направлена ни ближе, ни дальше, какъ къ безцѣльному сооруженію на крутыхъ рѣчныхъ берегахъ новыхъ береговъ, цѣлыхъ песчаныхъ горъ, такъ называемыхъ отваловъ, сознание это безпредѣльно мучитъ и терзаетъ несчастныхъ арестантовъ, твердо и сознательно убѣждаемыхъ въ томъ, что исполняютъ они тѣ самыя работы, которые по всѣмъ правамъ принадлежатъ воламъ, лошадямъ, животнымъ.

Во всякомъ случаѣ, въ уборкѣ хвостовъ промысловые рабочіе полагаютъ настоящую, волюю, тяжелую каторгу. Замѣчено тамъ, что новички, поступившіе на работу для уборки хвостовъ,—первый день выдерживаютъ ее, съ большимъ трудомъ исполняя полный урокъ; на второй день—за ними всегда остается недоника и право наказанія за неуспѣхъ дѣла. Но если непредусмотрительный, малоопытный или истинный и горячій приставъ, въ наказаніе за упущеніе, рѣшится назначить новичка на хвосты въ третій разъ, то на четвертый день онъ смѣло можетъ вычеркивать всѣхъ тѣхъ арестантовъ изъ промысловыхъ списковъ. Къ такимъ заключеніямъ пришли сами пристава послѣ долгихъ наблюденій и многочисленныхъ опытовъ. Наблюденія эти и опыты слагаютъ одно заключеніе, даютъ одинъ общій выводъ, что уборка хвостовъ на золотыхъ промыслахъ—самое сильное и дѣйствительное наказаніе для провинившихся и, повторенное одинъ разъ, оно уже имѣетъ характеръ истинной каторги.

Солеваренная каторга была вся тяжела. Тяжела была больше всего для организма, которому представлялись многотрудныя задачи, особенно въ сибирскихъ заводахъ, построенныхъ на старый образецъ: черно и грязно, старо и грубо. Прежде, когда гнали человѣческою силою разсолъ изъ соляныхъ источниковъ по желобамъ и поднимали бадами въ бунфы посредствомъ насосовъ—солеваренная каторга была настоящая, тяжелѣе и мрачнѣе всѣхъ. Сильные качали насосы на высокихъ каланчахъ иногда при 30° морозу, одѣтые въ газенную рвань. Насосы были первобытной формы, какъ на простыхъ баркахъ, однако, требовали, при каждомъ движеніи, силы и поклона всѣмъ тѣломъ почти до земли. Разсолъ долженъ былъ пробѣгать по желобамъ непрерывно; платѣ на рабочихъ сначала мокло отъ брызговъ, по-

тогда замерзало. Рабочий, отбывъ свою смѣну, все стоя на ногахъ, дѣйствительно побывалъ на каторгѣ. Тяжелая каталка такъ утомляла троихъ людей, обязанныхъ урокомъ выше ста раскочиваній, что они часто падали на мѣстѣ въ безпамятствѣ отъ крайняго истощенія силъ. Журавцы были замѣнены ручными насосами въ 1836 г. Къ насосамъ, для большаго облегченія работы, придѣланы маятники, — стало легче: балансиръ маятника стали потапливать отъ себя уже меньшее количество рукъ съ наименьшими усиліями; люди могли это дѣлать, сидя въ особо прилаженныхъ крытыхъ бесѣдахъ. Затѣмъ постарались (1838 г.) къ насосамъ приспособить лошадиную силу и дѣй лошади стали дѣлать то, что прежде производили дѣйнадцать человѣкъ. Но и послѣ такихъ приспособленій для каторжныхъ осталось довольно мѣста, чтобы видѣть ясно, что силъ ихъ не щадятъ и ихъ тѣло почитаютъ не выше лѣсной гнилушки. Жаръ, который скопляется въ томъ сараѣ, гдѣ варится соль въ громадномъ чренѣ или сковородѣ, становится, во время горячихъ и спѣшныхъ работъ, до того тяжелымъ и невыносимымъ, что арестанты принуждены скидывать съ себя все платье и работать голыми до обильнаго пота. Но и при этихъ условіяхъ духота и жаръ до того неодолимы, что каждый рабочий обязанъ выбѣгать изъ варницы въ бревенчатую холодную пристройку, много мшоную и безъ печки, гдѣ, такимъ образомъ, ожидается мокрое и потное тѣло рабочего свѣжій, морозный, уличной температуры воздухъ. Многія варницы отъ неправильнаго устройства пролетовъ, накопили такой дымъ, что рабочіе, для направленія огня, не могли и по землѣ ползать. Въ вѣтряное время они задыхались, на лучшій конецъ добивались безвременнаго страданія и боли глазъ, до потери аппетита. Малѣйшій порѣзъ какого нибудь члена, при развѣдающихъ соляныхъ паракъ варницы, производилъ опасныя жгучія раны. Присоединяя къ нимъ неизбежную простуду, при быстрой и крайней переменѣ температуръ, мы встречаемъ тотъ положительный фактъ, что рѣдкій рабочий выдерживалъ больше двухъ мѣсяцевъ: многіе уходили въ госпиталь, всегда наполненный больными ревматизмомъ, тифомъ, потерю аппетита. Но еще большее число рабочихъ, не успѣвшихъ заболѣть или поправившихся отъ болѣзни, уходило въ лѣсъ и въ бѣга при первомъ благоприятномъ случаѣ, на какіе особенно былъ щедръ и богатъ иркутскій солеваренный заводъ или такъ называемое иркутское Усолъе. На немъ и по другимъ статьямъ каторжной жизни—примѣчательная неустойка. Казенный срокъ, назначенный для арестантской одежды, былъ крайне несостоятеленъ: таская сырую соль въ важную на плечахъ, арестанты скоро изнашивали платье, такъ что за 80 к. сер., пола-

гаемыхъ въ мѣсяцъ, и признаковъ нѣтъ возможности обезопасить себя даже заплатами на прогнившія дыры. Безъ воровства въ такихъ случаяхъ не проживешь и безъ пособия чужой и преимущественно казенной собственности (какова на этотъ разъ продажная соль) никакъ уже не обойдешься. Въ концѣ концовъ, все-таки нѣтъ возможности видѣть пущей нищеты и рвани, какъ на каторжныхъ рабочихъ солеваренныхъ заводоу.

На винокуренныхъ заводахъ степень каторжной тяжести видоизмѣнилась, значеніе каторги своеобразіе. Тамъ круглый годъ тяжело было жиганамъ, обязаннымъ подкладывать дрова въ печь и, стало быть, дѣлы сутки стоятъ у огня въ тѣсномъ подвалѣ, среди нестерпимой духоты, около удушливаго печного жара. Здѣсь значеніе каторги сходствовало съ тѣмъ, которое давала соляная варница и получала разительное подобіе, когда припомнимъ то обстоятельство, что каторжный рабочий—не вольнонаемный. По отношенію къ нему нѣтъ уже никакихъ уступокъ ни вынужденныхъ, ни естественныхъ: вышешней платы онъ не требовалъ, отъ тяжелой работы не отказывался и не посмѣлъ заявлять открыто и гласно всѣ тѣ права, о которыхъ всегда готовъ напомнить свободный человѣкъ, вольный рабочий, старожилый сибирьскіе крестьянинъ. Зимомъ, во время холодовъ, заводская винокуренная каторга всю свою тяжесть налегала на заторщиковъ, обязанныхъ чистить квашни, промывать въ нихъ прилипшее къ стѣнкамъ этого огромнаго ящика тѣсто, когда намоченныя руки знобило ѣдкимъ, невыносимымъ ознобомъ, когда рабочий, отъ пребыванія въ пару, постепенно охлаждаемомъ, успѣвалъ даже закуржавѣть, т. е. покрыться инеемъ до подобія пушистой птицы. Послѣдствія известны врачамъ и даже дознаны на практикѣ: это постоянная дрожь во всемъ тѣлѣ, отсутствіе аппетита и лихорадка, которую сначала больные презираютъ, а оттого вгоняютъ ее въ тѣло глубоко и близятъ послѣднее къ гробовой доскѣ. Нерѣдко послѣдняя накрывала рабочихъ, опущенныхъ въ лари, гдѣ бродила брага, прежде чѣмъ выходилъ оттуда весь углеродный газъ, накопившійся во время броженія браги; рабочіе эти тамъ задыхались и ихъ на другой день выносили оттуда уже мертвыми и холодными трупами.

— Въ теплую погоду (говорятъ намъ) заторщикамъ лучше, но за то тяжело бываетъ ледоколамъ и ледорѣзамъ (первые мельчатъ льдины, для охлажденія чановъ съ дрожжами и сусломъ на рѣкѣ, вторые—на заводѣ). Постоянная сырость, всегдашняя мокрота гноятъ платье и, давая въ результатъ почти тѣ же болѣзненные припадки, портила и ослабляла самый крѣпкій организмъ. Въ историческомъ очеркѣ каторжныхъ заведеній читатель увидитъ

и другія тяжести каторжнаго сверла во всѣхъ подробностяхъ (см. томъ III).

Винокуренные заводы также были богаты побѣгами и не меньше всѣхъ другихъ родовъ и видовъ каторги. Вся же каторга, мрачная по тому значенію и смыслу, что она подневольная и трудная, потому что не сулитъ никакихъ вознагражденій, становится невыносимою, когда рабочій, придя не домой, а въ казенную казарму, видить только одну наготу и босоту, видить безпредѣльное количество такихъ же точно дней и ночей впереди, безъ просвѣта и радостей. Рваныя казенныя трипки отъ черныхъ и сырыхъ, трудныхъ и тяжелыхъ работъ вѣшаютъ еще скорѣе, тѣмъ отъ надлежащаго употребленія, вопреки назначеніямъ и срокамъ урочныхъ положеній. Починяя ихъ насколько хватить терпѣнія, умѣнья и силъ, каторжный рабочій знаетъ одно, что новое платье обяжетъ его новыми неоплатными казенными долгами, которые потянетъ заводское и промышленное начальство изъ ничтожныхъ заработанныхъ денегъ и, во всякомъ случаѣ, возьметъ свое изъ артельного капитала. Въ силу этого артельный капиталъ отъ такихъ вычетовъ всегда находится въ томъ положеніи, что представляетъ собою полное ничтожество. Между тѣмъ, ни это платье, не способное даже прикрывать наготу, ни ремесло или мастерство, приобретенныя на родинѣ и не приложимыя здѣсь за казенными работами, рабочаго не спасаютъ и ему не помогаютъ.

— Поцупаю ноги, посоветуюсь съ бывальными, улучу минуточку да и прощай каторга! можетъ быть на всегда, но, во всякомъ случаѣ, на долгое время.

Бѣгутъ арестанты съ каторги не десятками, а сотнями.

Прислушавшись къ разсказамъ арестантовъ, присмотрѣвшись въ заводскихъ архивахъ къ официальнымъ дѣламъ и бумагамъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ и частнымъ чертамъ всѣхъ вообще побѣговъ изъ тюремъ и съ каторги. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, разсказывая о своихъ похищеніяхъ, бродяги обыкновенно старались обойти молчаніемъ начальную и основную причину несчастія, приведшаго ихъ въ Сибирь, увѣряя обыкновенно, что они сосланы за бродяжество, хотя бы и числились въ ссыльно-каторжныхъ. Въ самомъ тонѣ насъ поражало всегда изумительное хладнокровіе, не допускавшее увлеченій; мученіямъ своимъ на походѣ не придають по видимому никакой цѣны и значенія.

Изъ тюремъ бѣгутъ очень рѣдко (сравнительно) и стараются убѣжать только такіе арестанты, которые посажены на много лѣтъ и притомъ въ одинокую, тѣсную и душную темницу. „До чего доходило ихъ отчаяніе, стремленіе добиться свободы, выйти на вольный воздухъ“! замѣчаетъ одинъ изъ наблюдавшихъ за

этимъ дѣломъ и продолжаетъ: „Нѣтъ конца разсказнымъ объ этомъ: кто перепилилъ толстую желѣзную рѣшетку перочиннымъ ножомъ и спустился на изорванной въ полосы простынѣ; кто подрылся подъ полъ, выбрасывая землю щепотками въ оконцо, чтобы скрыть свою работу; кто ушелъ передодрѣтымъ; кто въ неволѣ открылъ на досугъ назначеніе египетскихъ пирамидъ; кто составилъ себѣ чернила изъ ржавчины отъ желѣзныхъ запоровъ и изъ крѣпкаго чая и намятомъ лоскуткѣ бумажки, въ которой завернуть былъ этотъ чай, написалъ трагедію въ 5-ти дѣйствіяхъ. Опять иной, услышавъ отдаленный стукъ въ тюрьмѣ своей, заключилъ изъ этого, что у него есть сосѣди, отдѣленные отъ него толстыми каменными стѣнами. И, полагая, что одинъ изъ близкихъ ему товарищей, можетъ быть, содержится тутъ же, вздумалъ подать ему о себѣ вѣсть счетными ударами половой щетки въ каменный полъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вызвалъ отвѣтъ. Товарищи поняли другъ друга и разговаривали такимъ образомъ, означая каждую букву такимъ числомъ ударовъ, сколько ей принадлежитъ счетомъ по занимаемому ею мѣсту. Но вскорѣ и третій, незванный собесѣдникъ, вмѣшался въ этотъ разговоръ и испортилъ все дѣло... Словомъ — конца нѣтъ этимъ крайне занимательнымъ похищеніямъ“! — замѣчаетъ В. И. Даль (Казакъ Луганскій) въ одномъ изъ своихъ разсказовъ.

Чернила изъ ржавчины съ чаемъ дѣлали тѣ изъ государственныхъ преступниковъ, которые въ 1825 году содержались въ двухъ крѣпостяхъ: петропавловской и шлиссельбургской. Сидѣвшіе въ первой измыслили писать къ роднымъ исторію впечатлѣній недѣли, двухъ и даже мѣсяца и приловчились писать это въ такой сжатой формѣ и такимъ мелкобисернымъ почеркомъ, что на это потребовалось особое искусство и долгая подготовка. Всѣ впечатлѣнія надо было писать и можно было уписать единственно только на тѣхъ маленькихъ лоскуткахъ бумаги, въ которые завертывались содовые порошки, выписываемые докторомъ для освѣженія (иной бумаги въ казематы не допускали). Сидѣвшіе во второй крѣпости (шлиссельбургской) получали, съ дозволенія начальства, апельсины, а въ нихъ, вмѣсто сладкой мякоти, тщательно завернутыя кучки писемъ, свѣжей и чистой бумаги, бумажныя деньги, чернила, перья и проч. Въ Петропавловской стучомъ въ полъ щеткою одинъ заключенный узналъ, что въ сосѣдствѣ у него находится авторъ „Горе отъ ума“, самъ, въ свою очередь, живущій въ ближнемъ сосѣдствѣ (только за достатою перегорождкою) съ евреями, со держателемъ почты между сѣвернымъ и южнымъ тайными обществами. О трусливомъ поведеніи еврея онъ успѣвалъ передавать товарищу столь забавныя свѣденія, что слушателю приходилось нѣсколько разъ сбиваться со счета ударовъ.

чтобы кататься со смѣху и, въ концѣ концовъ, узнать, что авторъ „Горе отъ ума“ возымѣлъ твердое намѣреніе, если освободится, написать новую комедію подѣ названіемъ „Жидъ въ тюрьмѣ“ (обѣщаніе, впрочемъ, не исполненное).

Переодѣтымъ уходилъ изъ иркутскаго острога еврей во франтовскомъ костюмѣ для того, чтобы напутить въ благородномъ собраніи. Онъ побѣлъ тамъ, вынулъ изъ кармана прокурора сто рублей, столько же у председателя губернскаго правленія, у начальника края часы, но въ дверяхъ, уходя, столкнулся съ другимъ евреемъ, угрожавшимъ выдать его, если не подѣлится добычею. Подѣлившись тѣмъ успѣлъ, еврей-арестантъ направился на улицу, а тотъ, который остался въ собраніи, былъ обысканъ, когда спохватились обворованные, и указалъ на виновника. Полицейскіе бросились въ острогъ и въ тотъ секретный номеръ, изъ котораго ловкій воръ ушелъ въ собраніе и въ которомъ, вмѣсто себя, онъ положилъ охотника изъ арестантовъ. Видя номеръ занятымъ и повѣривъ обманному отвѣту допрошеннаго, полиція въ тюремныхъ воротахъ встрѣтила настоящаго жильца секретнаго каземата, подѣхавшаго на извозчикѣ. Еврей оттого не умѣлъ схоронить концовъ, что изъ собранія заѣхалъ въ кабакъ кутнуть, обмѣнявъ опасныя вещи на безопасныя деньги. Столкнувшись съ полиціею въ воротахъ, онъ поспѣшилъ выбрасывать вещи и деньги.

О примѣненіи египетскихъ пирамидъ мы рассказали (см. стр. 47), о всѣхъ же другихъ приѣмахъ, приспособляемыхъ къ побѣгамъ изъ тюрьмы, въ сибирскихъ лѣтописяхъ имѣются слѣдующія несомнѣныя данныя.

Какъ всѣмъ извѣстно и какъ мы сказали сейчасъ, въ сибирскихъ тюрьмахъ существуетъ одиночное заключеніе, которое понимается тамъ обыкновенно, какъ временная мѣра наказанія и только для закоренѣлыхъ и неисправимыхъ злодѣевъ. Заточеніе это, къ несчастью, до сихъ поръ сопровождалось приковываньемъ на цѣпь.

Одинъ изъ такихъ „цѣпныхъ“ лежалъ съ цѣпью въ госпиталѣ большого Нерчинскаго завода, когда еще содержались при этомъ заводѣ ссыльные. „При осмотрѣ утромъ одного дня“ на койкѣ больного нашли одну цѣпь и замокъ; „внутри замка, за пружину, зацѣплена была петля, ссученная изъ холщовыхъ нитокъ, надерганныхъ изъ простыни“. Бѣглый, какъ видно по дѣлу, не найденъ, но сторожа-солдаты получили каждый по 50 ударовъ палками.

Въ томскомъ острогѣ содержались два арестанта въ секретныхъ казематахъ. Подѣ окномъ, у наружной стѣны, по обыкновенію, находился часовой. Однажды одинъ изъ этихъ часовыхъ замѣтилъ, что надъ головою его пролетѣло что-то тяжелое и бѣлое. Едва онъ успѣлъ опомниться, какъ опять пролетѣло что-то другое, но также бѣлое и тяжелое. Это что-то

на этотъ разъ показалось ему человѣкомъ. Часовой смекнулъ и выстрѣлилъ, но сдѣлать это въ торопяхъ, на угадъ, однако, произвелъ шумъ, вызвалъ тревогу. Прибѣжали караулъ, сбѣжались люди, охотники до всякихъ скандаловъ, сдѣлали облаву, обыскали всѣ окрестныя мѣста. Подлѣ тюремной стѣны нашли голаго человѣка съ переломленною ногою. Голый человѣкъ оказался однимъ изъ секретныхъ арестантовъ: тѣло его было намазано саломъ, чтобы ловчѣ могло оно выскользнуть изъ рукъ преслѣдователей. То же сдѣлалъ, по его словамъ, и товарищъ его; и оба они вмѣстѣ изрѣзали казенное платье на ленты, изъ суконныхъ лентъ скрутили веревки, веревки приладили къ рѣшеткѣ, а рѣшетка была подпиlena. Спускаясь внизъ, арестанты въ это время предварительно рассказывались для того, чтобы усиленный размахъ далъ имъ возможность перелетѣть черезъ стѣну, которая приходилась вблизи каземата. Пойманному не посчастливилось прыжкомъ на землю по ту сторону стѣны, онъ получилъ опасный вывихъ; товарищъ его успѣлъ-таки бѣжать, но вскорѣ былъ пойманъ, узнавъ и приведенъ на допросъ. Спрашивали:

— Гдѣ ты былъ въ то время, когда сдѣлана облава и вся околность острога оцѣплена? дальше бѣжать было нельзя и некуда.

Отвѣчалъ:

— Я сидѣлъ все время въ колодезѣ. Идутъ солдаты около, я окунусь въ воду, голову спрячу; они отойдутъ, я голову высуну и надышусь. Одежду бросилъ мнѣ съ возу проѣзжій крестьянинъ.

Вопроса о томъ, какимъ образомъ была перепилена рѣшетка, и быть не могло: одинъ изъ бѣжавшихъ арестантовъ былъ портной и, по занятію своему и съ дозволенія начальства, имѣлъ приличные своему ремеслу инструменты. При осмотрѣ покинутаго имъ наперстка нашли тутъ пилу, сдѣланную изъ часовой пружины и тщательно мастерски сложенную и уложенную.

Въ омскомъ острогѣ одна арестантка рѣшилась бѣжать изъ секретнаго каземата, уличивъ ту минуту, когда подѣ тюремнымъ окномъ ея проходила корова. Баба рассчитала прыжокъ свой такъ ловко, что угодила животному прямо на спину. Испуганное животное понесло бѣглую отъ сторожей и преслѣдователей, но не унесло далеко.

Въ омскомъ же острогѣ мы видѣли арестанта—сухого какъ жимолость, цѣпкаго и ловкаго какъ обезьяна, который съумѣлъ пролѣзть изъ ретирднаго мѣста въ узкую щель, оставленную между сосѣдними стѣнами и не задѣланную въ томъ предположеніи, что щель эта не представляла опасности. Водосточная труба помогла ему изъ второго этажа спуститься на дворъ, со двора подняться на крышку стѣны, окружающей всѣ острожныя строенія, и водо-

браться на нее по водосточной трубѣ сарая. Всѣми своими маневрами арестантъ привелъ слѣдователей и свидѣтелей въ изумленіе и возбуждалъ въ первыхъ недовѣріе. Чтобы убѣдить ихъ въ истинѣ хитросплетенныхъ показаній, бродяга не затруднился повторить эту операцію во второй разъ и, на глазахъ чиновниковъ, продолжать свой фокусъ съ прежнимъ блескомъ, со всею ловкостью акробата, опытнаго и бывалаго. Между тѣмъ, этотъ бѣглый былъ не старше 15 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ по роду жизни и сословію къ мѣстнымъ мѣщанамъ.

Всѣ эти случаи указываютъ на смѣлость въ сочиненіи замысловъ, иногда доходящую даже до дерзости. Въ одиночку бѣгутъ весьма рѣдко. Побѣги изъ тюремъ задумываются обыкновенно нѣсколькими арестантами, приводятся въ исполненіе маленькою артелью, которая также, какъ и всякая другая артель, атаманомъ крѣпка, т. е. предполагаетъ зачинщика и руководителя. Въ большей части случаевъ, это—бывалый и опытный, т. е. бродяга. Успѣхъ побѣга, обыкновенно, обезпечиваютъ сторонніе пособники, участники замысла или по подкупу, или потворству, нерѣдко по глупости и тупости сторожей, между которыми особеннымъ ротожѣствомъ отличаются казаки изъ бурятъ.

Мудрено найти бѣжавшаго арестанта, знающаго всѣ ходы и выходы, но не мудрено различить во всей этой сумятицѣ тюремнаго дѣла главныхъ виновниковъ, подкупныхъ и привычныхъ, глуповатыхъ и тертыхъ, умѣлыхъ и напутанныхъ показанія, готовыхъ и на наказаніе розгами, тѣмъ болѣе, что рѣдкій изъ этихъ сторожей самъ не битъ уже шпицрутенами гдѣ нибудь въ Россіи. Тюремная исторія также обильно наполняется побѣгами и мы надѣемся въ Россіи такіе мѣстности и города, гдѣ правительство признало излишнимъ содержать тюрьмы (какъ, напр., въ Березовѣ Тобольской губерніи), но за то вездѣ, гдѣ постоянно содержатся въ тюрьмахъ арестанты—изъ тюремъ этихъ бѣгутъ. Скажемъ больше: можно смѣло биться объ закладъ, что нѣтъ въ Россіи ни одной тюрьмы, изъ которой не сдѣлано бы было побѣговъ.

Какъ ни крѣпка та или другая тюрьма, какъ ни слабо значеніе всѣхъ сибирскихъ трактовыхъ пересыльных тюремъ, какъ мѣстъ временнаго заключенія (на небольшое число подсудимыхъ и на большое пересыльныхъ арестантовъ), побѣги этихъ тюремъ относительно рѣже. Побѣги отсюда не представляютъ такого интереса и не встрѣчаютъ такой трудности, какими живуть и дышутъ настоящіе каторжные перчинскія тюрьмы.

Съ каторги бѣгутъ несравненно въ большемъ числѣ, хотя отчасти при тѣхъ же условіяхъ, т. е. не столько изъ самыхъ казематовъ, сколько

съ работъ, не столько въ одиночку, сколько въ товариществѣ. Здѣсь уже не выжиданіе перваго благоприятнаго, подвернувшагося подъ руку случая, а систематическое знаніе, направленное давнишнею подготовкою и умѣньемъ. На этотъ разъ уже и причины другія.

Изъ пересыльной тюрьмы бѣжить арестантъ, какъ малый ребенокъ, куда—и самъ не всегда хорошо знаетъ. Бѣжить оттого, что въ заточеніи жить не хорошо, не нравится ему, авось въ лѣсу будетъ лучше, авось оттуда и удастся куда нибудь выбраться. Онъ бы и не бѣжалъ, если бы не сманивали товарищи, не улыбались поощрительно на побѣгъ сторожа и приставники. Говорятъ, что за тюрьмою все лучше. За бѣглымъ не гоняются, а еще хлѣбомъ кормятъ, да и не Богъ вѣсть что сдѣлаютъ, когда изъ бѣговъ поймаютъ. Можно тогда сказаться непомнящимъ, поступить въ это хваленое и достопочтенное званіе, которое у насъ имѣетъ такое широкое приспособленіе. Бѣглаго изъ пересыльной тюрьмы скоро ловятъ, его слабѣе наказываютъ; самое большое преступленіе его въ бѣгахъ—мелкое воровство, пьянство. Онъ нерѣдко самъ является на судъ и кается. Одинъ такой и въ томъ же Тобольскѣ, весною 1863 года, не пришелъ въ острогъ съ работы съ двумя другими. Поздно вечеромъ онъ стучался въ острожные ворота и былъ впущенъ на общій смѣхъ арестантамъ и для показанія на допросѣ о томъ, что двое товарищей его бѣжали, что самъ онъ напился вмѣстѣ съ ними, но покрѣпче ихъ, пьянымъ высался въ кустахъ, утромъ опохмѣлился, денекъ погулялъ, а теперь вотъ и пришелъ домой, не зная, куда идти и чего искать ему въ бѣгахъ. Другихъ ловятъ и уличаютъ: въ 1851 г. въ тобольской тюремной книгѣ записано: „Расходчикъ по экономической части Петръ Андреевъ, 9 декабря, въ 11 часовъ по полуночи, идя въ острогъ, увидѣлъ впереди идущаго арестанта безъ конвоя, но что несъ, не примѣтно. Войдя во дворъ, спросилъ: куда онъ ходилъ? Тотъ сознался, что только сходилъ въ питейный домъ и выпилъ вина $\frac{1}{4}$ штофа съ позволенія часового, стоящаго у воротъ, который его, какъ впередъ, такъ и обратно, пропустилъ“. Арестантъ былъ татаринъ. Часовой показывалъ, что къ будкѣ его приступило много арестантовъ и онъ не могъ усмотрѣть, когда прошелъ одинъ изъ нихъ, но „почему онъ допустилъ большое скопище арестантовъ къ посту своему, объ этомъ доказать не могъ“. Арестанты такой категоріи даже не отвыкли еще путать другихъ, не учились скрывать своихъ пристаней; они еще оговариваютъ своихъ благодѣтелей, официально называемыхъ пристанодержателями. Они еще не умѣютъ прятаться такъ, чтобы удивлять находчивостью судебныхъ слѣдователей и тюремныхъ дозорщиковъ.

Не таковы бѣглыя съ каторги: тертый ка-
лачъ, мятые бока, варнакъ — по сибирски,
чалдофъ — по каторжному. У этого другая цѣль
и другая сноровка, иные пути, которые намѣ-
чены вѣрно и ладно и твердо изучены. Онъ на
нихъ не заблудится, его не смутаетъ никакой
законникъ, не запутаютъ никакія трудности, ни
географическія, ни юридическія. Варнакъ бе-
рется за дѣло побѣга, какъ за важное и по-
литическое; онъ, какъ артистъ, смѣло постоитъ
за свое искусство: и въ лѣсу онъ, какъ рыба
въ водѣ, а въ ремеслѣ своемъ, какъ виртуозъ
и мастеръ. Бѣглеца тюремнаго поищутъ два-три
человѣка только для вида, ради службы и на-
чальства, да и само начальство на такихъ не-
винныхъ гулякъ одною рукою машетъ, а другою
вычеркиваетъ ихъ имена изъ списковъ содер-
жавшихся и помѣщаетъ въ числѣ бѣжавшихъ.
Но бѣжить варнакъ, бѣглецъ съ каторги, за
нимъ для поимки сбивается и посылается цѣлая
облава конныхъ и пѣшихъ, отправляются впе-
редъ и назадъ, во всѣ стороны, кучи повѣстокъ
и извѣстій. Бѣжалъ изъ карійской тюрьмы
Иванъ Петровичъ Дубровинъ и черезъ часъ
объ этомъ знали всѣ обитатели всѣхъ четырехъ
промысловыхъ селеній; на всѣхъ, безъ изъятія,
наналъ паническій страхъ: тревогу били, по
ночамъ не спали, всѣ словно ждали какого-то
дива и чуда. На четвертый день Дубровинъ не
замедлилъ выказаться: онъ убилъ въ одной изъ
крайнихъ избъ одного изъ промысловыхъ селе-
ній женщину съ двумя малютками ни за что,
ни про что, изъ одного желанія потѣшить свою
злѣдѣйскую душу. Приходилъ онъ втроемъ и
далеко не ушелъ отъ каторги, а грабилъ по-
томъ съ шайкою своею всѣхъ живущихъ, про-
ѣзжающихъ и проходившихъ по рѣкѣ Шилкѣ.
Когда поймали Дубровина, то мало того, что
приковали на цѣпь, ему надѣли еще на руки
лѣсу *), чтобы и подниматься съ мѣста ему
было трудно. А такихъ, какъ Дубровинъ, на
истинной каторгѣ не мало. Но объ нихъ по-
томъ, о другихъ — теперь.

За Байкаломъ живетъ въ народѣ преданіе,
что Петровский заводъ преимущественно богатъ
побѣгами, что тамъ у тюремныхъ сидѣльцевъ
ведется особенный обычай бѣгать изъ тюрьмы
на уру, не въ одиночку, а цѣлымъ огуломъ. На
сколько справедливъ первый слухъ, доказыва-
ютъ намъ архивныя бумаги, которыя зачастую
говорятъ одно и то же, что „всѣхъ здѣшнихъ
мѣстъ гораздо болѣе чинятся побѣги въ лѣтнее
время изъ Петровскаго завода“. На сколько
справедливъ второй слухъ, архивныя дѣла не
даютъ для того опредѣленныхъ данныхъ, но
народные рассказы настойчиво увѣряютъ въ
томъ, что побѣги „на уру“ производились от-
туда довольно часто. Арестанты при этомъ,

*) Лѣса — желѣзная полоса въ полтора или
два пуда вѣсомъ.

чтобы устранить наблюденіе и привести въ
смятеніе конвойныхъ, кричать всею казармою
„ура“, какъ на сраженіи: надо цѣпь пробить,
а тамъ уже легко станеть, тамъ либо паять,
либо палъ. Рѣшившіеся бѣжать, по знаку того,
который поднималъ рѣшетку и мигнулъ соузи-
камъ, хватаются за собственные рубашки, рвутъ
ихъ на клочки, обматываютъ этими тряпками
кандалы (чтобы не стучали) и бѣгутъ черезъ
окно, предполагая, что товарищи ихъ, рѣшив-
шіеся остаться, криками „ура“ отвлекутъ на себя
вниманіе стражи. Сами бѣглецы, въ то же время,
производятъ тотъ же крикъ вслѣдъ за другими.
Подобныя попытки — прибавляютъ народные раз-
сказы — всегда вѣнчались полнымъ успѣхомъ и
конвойные не могли хватать бѣглецовъ также
по тому обстоятельству, что голые арестанты
успѣвали предварительно намазывать все тѣло
свое саломъ или масломъ. Архивъ Петровскаго
завода, при тщательномъ просмотрѣ, не под-
твердилъ народныхъ слуховъ, которые, обыкно-
венно, складываются въ преданіе и въ цѣльный
рассказъ изъ множества частныхъ случаевъ, но,
вѣроятно, слухи эти имѣютъ основаніе въ бы-
ломъ, не занесенномъ въ официальную бумагу
изъ личныхъ расчетовъ и соображеній началь-
ства (чего не бываетъ на каторгѣ!). Тѣмъ не
менѣе, архивныя дѣла Дучарскаго завода (те-
перь упраздненнаго) представляютъ одинъ по-
добный случай, доказывающій, что побѣги огу-
ломъ, во множествѣ бѣглецовъ — не мифъ,
который, во всякомъ случаѣ, могъ служить по-
водомъ и лечъ въ основаніе народной легенды.
Дѣло случилось 8 июня 1815 года. Изъ тюрьмы
сдѣланъ былъ капитальный и серьезный побѣгъ:
изъ двадцати заключенныхъ бѣжало четыр-
надцать человѣкъ. Событіе это обставлено
такими подробностями.

При дучарской тюрьмѣ, на всякія потребности
и нужды, находилось восемь человѣкъ карауль-
ныхъ солдатъ. Передъ тѣмъ, какъ посадить
всѣхъ этихъ арестантовъ на цѣпь, четверо сол-
датъ отворили рѣшетчатую дверь, а за нею и
тюремную, ведущую въ казематъ. Не успѣли
солдаты опомниться, какъ арестанты накину-
лись на нихъ всею массою. Сначала захватили
четырехъ переднихъ, а вслѣдъ затѣмъ и осталь-
ныхъ четырехъ, заднихъ. У тѣхъ и другихъ
цѣпные арестанты отняли тесаки, вырвали
штыки изъ ружей, связали всѣхъ крѣпкими ве-
ревями и заперли за рѣшетку. Четрехъ пе-
реднихъ, сверхъ того, избили полѣвнями; утеръ-
офицера связаннымъ бросили въ уголъ казармы.
Четырнадцать арестантовъ, выйдя изъ каземата,
вломали въ сѣняхъ чуланъ, взяли тамъ ружья,
патроны и порохъ. По мѣрѣ того, какъ про-
ходившіе обходомъ солдаты являлись въ тюрьму,
ихъ также вязали и сажали къ прочимъ за
рѣшетку. Сигналы подавалъ и приказанія кри-
чалъ одинъ изъ нихъ. Затѣмъ, когда всѣ ка-

раульные были перевязаны, всѣ четырнадцать скрылись. Пришли урочные часы смѣны. Къ дверямъ тюрьмы явился свѣжій часовой, ничего не смѣкавшій, ничего не подозрѣвавшій. Расположившись у дверей, часовой слышитъ разговоры, прислушивается: голоса выходить глухіе, изъ подполья. Часовой спрашиваетъ:

— Кто въ подпольѣ?

— Унтеръ-офицеръ Плотииковъ.

Съ трудомъ открываютъ на-глухо заколоченную западную подполью, выпускаютъ оттуда 13 человекъ солдатъ, а затѣмъ быть тревогу въ заводскій колоколь. На набатъ сбѣгаются народъ; сбиваютъ облаву, дѣлаютъ окольный обыскъ, но безуспѣшно. Въ Уровское правленіе скачетъ нарочный оповѣстить о принятіи должной осторожности и съ приказаніемъ „немедленно отправить людей, сколько можно для поисковъ“. Правленіе снаряжаетъ также облаву: 12 человекъ вооруженныхъ крестьянъ идутъ на охоту и, соединившись съ заводскою командою, преслѣдуютъ бѣглыхъ варнаковъ въ пади (горной долиной), называемой Широкою, устьемъ своимъ выходящей къ рѣкѣ Урову. Въ пади этой сдѣлались примѣтны слѣды: измятая трава, пепелъ отъ свѣжихъ тѣлинъ, на слѣдахъ видятъ и самихъ бѣглецовъ. Завязывается перестрѣлка: у одного крестьянина, на первыхъ выстрѣлахъ, подстрѣлена лошадь и убитъ на повалѣ одинъ бѣглый. Тѣмъ и кончилась вся эта встрѣча, не имѣвшая, по неудобству мѣстности, большого успѣха. Между тѣмъ, наступила ночь: ослынные разсыпались по непроходимымъ чащамъ. На другой день искали ихъ опять, но не нашли, а только черезъ три дня поручикъ Рикъ попалъ на слѣды. Шесть человекъ бѣглыхъ скрыты были въ сѣнѣ уровскаго зимовья крестьяниномъ, ваявшимъ съ бѣглымъ за печеный хлѣбъ 10 рублей. У деревни Подозерной, въ колѣхъ *), поручикъ Рикъ завязалъ съ бѣглецами перепалку; четырехъ изъ нихъ положилъ на мѣстѣ, троихъ захватилъ живыми. Остальныхъ на этотъ разъ найти не могли и уже черезъ пять дней поймали ихъ на воровствѣ, на мельницѣ. Когда бѣглецы вырвались и побѣжали, снарядили за ними погоню и въ пади Каменкѣ опять завязали съ ними перестрѣлку. Еще двое бѣглыхъ были убиты, третій скрылся въ густой трещѣ лѣса и его ни убить, ни схватить не могли...

Таковы подробности едва ли не самаго большого побѣга изъ всѣхъ нерчинскихъ тюремъ. На немъ какъ будто оборвались, запнувшись, всѣ другія попытки подобнаго рода. Отчаяніе каторги искало другихъ путей, заключенные производятъ другія вылазки, скромныя и подспудныя.

*) Колокъ—сырое мѣсто въ пади съ густою растительностью, среди слабой растительности въ окрестностяхъ.

Задумавъ побѣгъ, арестанты нерчинскихъ тюремъ, прежде всего, хлопчатъ о запасѣ, предварительно смотрятъ на конецъ, не забьется особенно о началѣ. Оно въ свое время объявится само и по большей части удачно обставленнымъ готовыми средствами, рѣдко неожиданными и случайными. Заручаясь новою, свѣжею, не рваною одеждою, арестанты, въ то же время, затыгиваются въ неоплатные казенные долги, которые въ круговомъ разчетѣ дѣлаютъ черезъ то побѣгъ неизбежнымъ и единственнымъ средствомъ очистить свою чадонскую вѣсть и покончить расчеты съ тяжелой каторгою. Обыкновенно, эта хлопотливая заботливость о запасѣ теплой и новой одежды принимается соузниками за сигналъ на молчокъ. Вторымъ яснымъ признакомъ твердо выясненнаго рѣшенія признается то, когда задумавшій побѣгъ начинаетъ заводить особенную пріязнь съ тѣми товарищами, которые завѣдуютъ съѣстными припасами, и съ тѣми каторжными бабами, которыя завѣдуютъ кухней: близкія интимныя отношенія, наскоро слагиваемыя и на время устанавливаемыя при помощи водки, считаются въ особомъ случаѣ достаточно обезпечивающими средствами. Сношенія эти въ тюрьмахъ, гдѣ рука руку моетъ и оттого обѣ бывають чисты, не трудны и передъ законами дружбы неизмѣнно святы и состоятельны. Дѣло слагивается очень скоро, безъ задержки даже и на такомъ тормазѣ, который, по смыслу казенныхъ учреждений, поставляется въ лицѣ арестанскаго старосты. Староста—свой братъ, самъ не разъ уже вкусившій сладость побѣга и не разъ уже отвѣдавшій бродяжяго брашна. Онъ это дѣло понимаетъ и дѣлу этому никогда не противникъ; такихъ уже людей и выбираютъ арестанты въ это званіе. Къ тому же опытный бѣглець съумѣетъ самъ ловко повести дѣло и никого не затянетъ въ тину допросовъ и слѣдствій, самъ все приметъ на себя и концы запрячетъ. Имѣющій намѣреніе бѣжать готовъ сократить свой паекъ, ѣсть очень мало, порціи свои копить, не беретъ изъ кухни ни хлѣба, ни мяса. Приспѣетъ часть, онъ выпроситъ то и другое гуртомъ: хлѣба ковригу фунтовъ въ 25, мяса полоть со свою голову; возьметъ все это и спрячетъ. Спрячетъ онъ добро свое въ хоронушку, безъ которой ни одна тюрьма ни живетъ, да и жить не можетъ. Хоронушка затѣмъ и потайное мѣсто, чтобы ни одинъ дозорщикъ не осквернилъ ее своимъ нелегкимъ чернымъ глазомъ. Хоронушекъ этихъ въ каторжныхъ (да и во всякихъ) тюрьмахъ больше, чѣмъ въ окольныхъ лѣсахъ лисьихъ и собольихъ норъ. Деревянная тюрьма, каковыми бывають всѣ собственно каторжныя тюрьмы, удобнѣе для такого рода тайниковъ тюрьмы каменной.

Хоронушки эти, обыкновенно, устраиваются въ подпольѣ, по большей части около печей

или за печками, подъ половицами, съ ловко прилаженными и замаскированными покрывками. Въ каменныхъ острогахъ (каковы губернскіе и уѣздные пересыльные) хоронушки дѣлаются въ самыхъ стѣнахъ. Въ томскомъ, напр., въ одномъ мѣстѣ, около наръ, стояло только вынуть кирпичъ, чтобы увидѣть огромную пустоту, нѣкогда (при постройкѣ), вмѣсто щепки и кирпичей, наполненную щепами. Щепы отъ времени и сырости сгнили и образовали огромную хоронушку, въ которую могла свободно помѣститься вся громадная острожная собственность. На этотъ разъ въ ней сохранились инструменты всякаго рода, посуда съ водкою въ стеклянныхъ сосудахъ всѣхъ общепринятыхъ величинъ, ножи, карты, табакъ и проч. Тайникъ этотъ закрывался лопкой-прилаженою доскою, покрашенною тою же краскою, какая желѣла на стѣнахъ. Въ тобольскомъ острогѣ у одного изъ прикованныхъ на цѣпь нашли такой же тайникъ въ стѣнѣ напротивъ печи и въ немъ три ножа, два подпиха, зубрину, шило, 5 оловянныхъ и мѣдныхъ печатей и кнѣпы всякаго рода бумаги. Въ тюменской тюрьмѣ, въ кухнѣ подъ квашнею, нашли нѣсколько вынутыхъ кирпичей для пустоты, въ которой пряталась водка, и такъ далѣе—въ бесконечность...

Заручаясь, такимъ образомъ, съѣстными на первые, самые трудные дни побѣга, арестанты скопляютъ въ неопредѣленные сроки и деньги. Для таковыхъ хоронушки устроиваются около себя и деньги зашиваются въ воротѣ рубашки, въ воротѣ казенной куртки, гдѣ нибудь въ полшубкѣ, подъ стельками, въ подошвѣ сапога и въ выдолбленныхъ каблукахъ его. Тогда весь секретъ состоитъ только въ томъ, чтобы уберечь накопленное отъ воровскаго глаза, ибо, какъ извѣстно, тюрьма собственности не признаетъ и воруетъ на обѣ руки и всякими способами. Чтобы вѣрнѣе увеличить копилку новымъ приращеніемъ, арестантъ ложится въ госпиталь, не беретъ денегъ на пищу, наполняетъ ее въ заработанныхъ грошахъ за предыдущіе мѣсяца на текущіе, и, во всякомъ случаѣ, на больницы койкѣ онъ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ былъ на казарменныхъ нарахъ, гдѣ, какъ извѣстно, раскладываютъ карточный майданъ, соблазняютъ виномъ и иными сластями.

Такъ или иначе, бывалый арестантъ безъ денегъ и провизіи съ каторжнаго мѣста не снимается. Самый опытный и не одинъ разъ бывалый уходитъ изъ тюрьмы одинъ: всѣ остальные, и въ большей части случаевъ, подговариваютъ товарищей - спутниковъ, а новичекъ нуждается въ вожака: „безъ запѣвалы-де и пѣсня не поется“. Для побѣга выбираютъ всегда теплую пору и бѣгутъ обыкновенно весною, когда закукуетъ кукушка (отсюда и

выраженіе: „идти на вѣсти къ Кукушкину генералу“ или „кукушку слушать, какъ поетъ“). Бѣгутъ во множествѣ лѣтомъ, рѣже къ осени и холодному времени, и только отчаяніе и дерзкая рѣшимость уводятъ арестантовъ холодами на зимніе палищіе морозы *). Во всякомъ случаѣ весеннее время и лѣтняя пора всего больше красны на каторгѣ побѣгами даже и изъ такихъ тюремъ, оттуда бѣгутъ всего меньше, каковы Карійскія.

Самый побѣгъ для каторжныхъ, когда готовы всѣ путевые запасы, не мудренъ.

— Выла бы охота (говорятъ сами бродяги), а на что—такъ надо спрашивать—человѣку и голова въ плечи ввинчивается?

— А на что и солдаты такіе къ намъ приставлены, что либо плутъ хуже нашего, либо такой, что только сван имъ вбивать. Слушайте!

Года два тому назадъ (т. е. въ 1859 году). на одномъ изъ карійскихъ промысловъ послано было нѣсколько человѣкъ арестантовъ на работу. При нихъ, по уставу и обычаю, находились конвойные: одинъ изъ штрафныхъ солдатъ, назначенныхъ на Амуръ, но перевернутыхъ въ забайкальскіе казаки, а другой—молодой парень изъ тѣхъ старожилыхъ заводскихъ крестьянъ, которыхъ въ 40-хъ годахъ переименовали въ казаки по имени только, но не на самомъ дѣлѣ.

Пришли арестанты съ конвойными на работу. Солдатъ изъ штрафныхъ говоритъ товарищу, конвойному изъ казаковъ:

— Поди-ко, землякъ, зачерпни водицы, что-то отъ шей нутро жжетъ, а я посмотрю за арестантами. Да шинель-то сними, а не то на офицера наткнешься: обругаетъ и изобьетъ; въ отвѣтъ будемъ оба.

Тотъ такъ и сдѣлалъ: сходилъ на Кару за водой, вернулся назадъ. Сидитъ на старомъ мѣстѣ одинъ арестантъ.

— А другіе гдѣ?

— Да гулять ушли, тебя не спросились.

— Какъ такъ?

*) Вотъ что, между прочимъ, рассказываетъ въ подтвержденіе нашего свѣденія хроника Петровскаго завода о числѣ бѣжавшихъ, среднимъ счетомъ, по мѣсяцамъ: въ январѣ изъ ссыльно-каторжныхъ 2, въ февралѣ 10, въ мартѣ 4, въ апрѣлѣ 65, въ маѣ 35, въ іюнѣ 32, въ іюлѣ 21, въ августѣ 10, въ сентябрѣ 28, въ октябрѣ 11, въ ноябрѣ 12, въ декабрѣ ни одного. Числовые данныя побѣговъ по другимъ тюрьмамъ идутъ почти въ той же прогрессіи, на измѣненіе которой, конечно, нѣмѣютъ вліяніе климатическія условія. До нѣкоторой степени эти цифры можно считать барометрическимъ указателемъ, что такой-то зимній мѣсяцъ въ такомъ-то году былъ крѣпко морозенъ и такой-то весенній былъ также холоденъ, какъ въ данномъ примѣрѣ мартъ и декабрь. Устоялъ декабрь съ оттепелями—цифра побѣговъ подвѣсилась; бѣжало много въ январѣ—значитъ, теплый стоялъ, и тому подобное.

— Да этакъ! И я бы съ ними ушелъ, крѣпко звали, да отдумалъ. Имъ-то было вдоль по каторгѣ (т. е. безъ сроку), а мнѣ вотъ года два до конца осталось, не стоитъ!

— А шинель моя гдѣ?

— Затѣмъ-то тебѣ ее и оставить велѣли, что шинель твоя на одного арестантика поступить должна, на рыжого-то. На него она и поступила, повѣрь мнѣ!

Вскорѣ прошли на промыслахъ слухи, что идетъ-де по почтовому торному тракту, днемъ и ночью, по направленію къ городу Читѣ, одинъ солдатъ съ сумою и съ ружьемъ и ведетъ съ собою трехъ арестантовъ.

— Куда-де, землякъ?—спрашивалъ купецъ, поставившій на арестантовъ муку.

— Вотъ въ Читѣ на допросъ арестантовъ веду.

Черезъ двѣ недѣли палъ новый слухъ отъ другого торговца, вернушагося съ верхнеудинской ярмарки: идетъ-де солдатъ подѣ Верхнеудинскомъ и ведетъ съ собою только одного арестанта. Водить онъ его также на допросъ, какъ самъ сказывалъ, въ Верхнеудинскъ, изъ бѣглыхъ-де поймавъ.

— Такъ и уведетъ (думали на Карѣ), уведетъ и самъ уйдетъ бѣглый солдатикъ съ бѣглымъ арестантомъ прямо въ Россію или куда имъ надо, гдѣ имъ лучше поправятся, если не попадутъ на какойнибудь рожонъ. Да едва ли-де: въ Сибири дороги тоже торные живутъ, да и глухи бываютъ, кромѣ купцовъ и проѣзду почти никому нѣтъ; кромѣ бродягъ да бѣглыхъ съ заводовъ и прохожихъ другихъ не видать, да разъ въ недѣлю арестантская партія кандалами прозвонитъ; обозы чайные тоже не во всякое время ходятъ. По дорогѣ простору много.

Случай въ Читѣ сдѣлался извѣстнымъ даже въ Петербургѣ.

Тамошніе гарнизонные солдаты не только выпускали на ночь арестантовъ, но и сами ходили съ ними на грабежъ въ городѣ и сосѣдніе селенія. Передъ свѣтомъ аккуратно возвращались: одинъ на часы, другой въ заточеніе. Виновныхъ велѣно было строго наказать, но наказаніе не остановило преступленія. Солдаты снова произвели нѣсколько кражъ и украденныя вещи спрятали на гауптвахтѣ; офицеры оказались по слѣдствію потворщиками. Еще въ 1836 году генералъ-губернаторъ Броневскій свидѣтельствовалъ, что вравственность тѣхъ казаковъ, которые обращались при полиціи и въ частомъ прикосновеніи со ссылными, была рѣшительно потрясена.

Бываютъ на каторгѣ другія дѣла и другого рода и вида побѣги, когда одинъ старается церехитрить другого, не разбирая (какъ въ данномъ случаѣ) того, что вадить этого другого себѣ подъ ноги, въ яму. Такъ какъ борьба эта ведется на взглядъ и на счастье, почти въ

темную, то и ходы ея разнообразны и мудрены до того, что понять ихъ и услѣдить за всѣми ставками нѣтъ почти никакой возможности. Сами бродяги таятся, слѣды свои тщательно прячутъ, рѣдкіе разсказываютъ кое-какія подробности, но всегда, конечно, оставляютъ про себя и для товарищей всю суть и всю подноготную. Самое вѣроятное и неоспоримое одно только, что каторга даетъ обильное количество побѣговъ.

Всѣхъ бѣглыхъ по всему Нерчинскому округу за 10 лѣтъ (съ 1847 по 1857 годъ) считалось 2.841 человекъ такихъ только, которые за побѣги наказаны были на заводахъ. Сверхъ того, бѣжало еще 22 женщины, которыя были пойманы и также наказаны на заводахъ. Къ 1 января 1859 года, т. е. за 11 лѣтъ, во всѣхъ нерчинскихъ заводахъ считалось въ бѣгахъ невозвращенными: 508 человекъ горныхъ служителей и 3.104 ссылныхъ и ссыльно-каторжныхъ, такъ что, по сравненію съ количествомъ всего сосланнаго населенія, въ бѣгахъ ровно 24%. Таковъ учетъ общаго горнаго управленія въ валовыхъ цифрахъ. Частныя исчисления также краснорѣчивы, хотя мы и придерживаемся цифры собственно ссыльно-каторжныхъ и не принимаемъ въ расчетъ поселенцевъ (объ этомъ дальше, въ своемъ мѣстѣ). Знаменитый Петровскій желѣзодѣлательный заводъ, единое изъ дѣтницъ того же Нерчинскаго горнаго округа, тоже считалъ свою усышку и утечку. Къ 1-му сентября 1851 года у него нашлось въ бѣгахъ, тоже въ десятилѣтней сложности, всѣхъ бѣглыхъ 740 мужчинъ и 5 женщинъ. Къ 1-му января 1852 года (т. е. въ два осеннихъ и одинъ зимній мѣсяцъ) успѣло бѣжать еще 26 человекъ, стало всего въ неустойкѣ 771 вольная душа. Изъ этого числа поймано только 19 человекъ, исключено за десятилѣтнюю давностью 31, осталось—стало быть—въ бѣгахъ 716 мужчинъ и 5 женщинъ. Нѣкоторое число таковыхъ заводъ имѣетъ получить назадъ подѣ названіемъ оборотней, возвращенными изъ Россіи въ той цифрѣ, которая выясняется въ тобольскомъ приказѣ о ссылныхъ. Тамъ, между прочимъ, навѣрное утверждаютъ и несомнѣнно доказываютъ, что число пригнанныхъ обратно въ Сибирь на каторгу и поселеніе, съ 1833 по 1845 годъ, двѣнадцать тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ два человека (въ томъ числѣ 345 женщинъ) и что однихъ каторжныхъ въ теченія десяти лѣтъ (съ 1838 по 1847) принято изъ Россіи съ возвращенными черезъ Тобольскъ 2.446 мужчинъ и 27 женщинъ. Конечно, между ними не всякій укажетъ на то, съ какой онъ бѣжалъ каторги. Бродягами давно уже приспособленъ способъ сочиненія псевдонимовъ, вѣнчающихся общимъ мѣстомъ „непомянутыхъ родства“ *).

*) Обязуясь подробнымъ изслѣдованіемъ вопроса о бродягахъ во всемъ его многостороннемъ

Чѣмъ и какъ обставляются побѣги съ каторги, мы объяснимъ нѣсколькими очерками, сообщенными частью интересовавшимися этимъ дѣломъ, частью самими заинтересованными въ немъ. Разрядъ послѣднихъ разбивается для насъ на двѣ категоріи. Къ первой и главной мы относимъ тѣхъ бывалыхъ бродягъ, которые снимаются съ мѣста для пути дальняго елико возможно и не спуста. Они отлично знаютъ дорогу и эта, издавна пробитая тропа называется варнацкою дорогою, имѣетъ определенное направленіе по лѣсамъ, жилимъ и нежилымъ мѣстамъ и опытнаго бродягу уводитъ далеко, уводитъ въ Россію. Истинный варнакъ снимается съ мѣста для того, чтобы, по возможности, подольше пожить на своей волѣ, стараются по мѣрѣ силъ не возвращаться на каторгу, искусно замѣтая слѣды или, если уже для него оборвется счастье, то запишется въ оборотни, но не скоро. Къ другой категоріи бродягъ мы относимъ тѣхъ ссыльно-каторжныхъ, которые бѣгутъ на авось, иногда просто прогу-

и широко развитіи, мы на этотъ разъ продолжимъ наблюденія наши надъ цифрами бѣглыхъ съ сибирскихъ заводовъ и беремъ намѣренно года на выдержку, не поднимая ихъ системъ и при этомъ указывая первые попавшіеся намъ на глаза. Такъ, напр., на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ съ 1 января 1846 года по 1 ноября 1859 бѣжало съ работъ 1.013 мужч. и 19 женщ. Изъ этого числа домашними средствами поймано (а въ томъ числѣ, конечно, и добровольно пришли въ зимнее холодное время) только 277 мужч. и 4 женщ. Въ 1833 году бѣжало изъ этого завода 633 чел., въ 1834—770, въ 1835—754, въ 1836—591, въ 1837—293, въ 1838—32, въ 1839—76, въ 1840—40, въ 1841—71, въ 1842—82, въ 1843—98. Уменьшилась въ послѣдніе года цифра побѣговъ оттого, что въ заводъ стали меньше присылать рабочихъ и замѣтно ослабѣлъ тюремный надзоръ съ уменьшеніемъ командъ, обращенныхъ на другіе заводы. Въ 1843 году изъ 98 человѣкъ возвращено было только 8. Изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобол. губ.) въ 1860 г. бѣжало каторжныхъ 160 человѣкъ, да весною слѣдующаго года успѣло удрать еще новыхъ 22. Бѣглецы по другимъ заводамъ Восточной Сибири стояли въ такомъ количествѣ:

Въ 1837 году изъ Иркутск. солевар.	363
• 1838 „ „ „	238
• 1839 „ „ „	248
• 1840 „ „ „	359
• 1841 „ „ „	136
Въ 1837 году изъ Троицк. винокур.	181
• 1838 „ „ „	164
• 1839 „ „ „	206
• 1840 „ „ „	171
• 1841 „ „ „	79
Въ 1837 году изъ Селенгин. солевар.	38
• 1838 „ „ „	74
• 1839 „ „ „	36
• 1840 „ „ „	28
• 1841 „ „ „	27

Все это, конечно, въ десятилѣтней сложности съ увеличеніемъ цифръ отъ новыхъ побѣговъ и съ уменьшеніемъ ея за вычетомъ по закону десятилѣтней давности.

Лѣзья, побродить въ лѣсу и на волѣ, „единственно для отбывательства отъ казенныхъ работъ“, какъ привыкли выражаться официальные бумаги. Такого рода бѣглецы — жиганы, мелкота — зачастую не уходятъ дальше Байкала. Наступающіе холода на измызанную за лѣто въ ходбѣ по лѣсамъ казенную одежду, незнаніе дороги, пріемовъ и правилъ бродяжьяго дѣла — все это такихъ мелкихъ бродягъ, безъ всякаго участія и усердія со стороны полицейскихъ начальствъ, сгоняетъ на каторгу. Такіе бродяги съ первыми осенними морозами являются въ ближайшій городъ и на судъ съ повинною головою и съ покорными руками и ногами. Похожденія таковыхъ немногосложны.

Бѣгутъ они, при первой открывшейся возможности, на угадъ, куда глаза глядятъ, бѣгутъ обыкновенно шайкою въ томъ предположеніи, что на людяхъ и смерть красна. Если бѣгутъ безъ вожака, то стало быть путаются, натачиваются на множество случайностей и, въ большей части случаевъ, не выдерживаютъ, т. е. попадаютъ. Вотъ что рассказывалъ одинъ изъ таковыхъ:

„Бѣжали мы втроемъ съ „хвостовъ“ на Среднемъ промыслѣ. Ходили цѣлую ночь и прошли ка-быть много.

— Верстъ, молъ, братцы, десятка два будетъ?

— Будетъ, слышь.

„Стало свѣтать, а мы въ нади какой-то.

— Идемъ, молъ, товарищи, куда насъ эта падь поведетъ.

— Валия! — говорятъ: — перекрестившись?

„Шли шли падью, селеніе какое-то передъ собой увидали, испужались.

— Не назадъ ли, товарищи?

— Чего назадъ? гляди впередъ, затѣмъ вѣдь и ушли. Разбирай, какое жилье!

„Поднялся я на гору, глядѣлъ, глядѣлъ...

— Лѣшій, молъ, насъ, ребята, водить да и лѣшій-то не нашъ, а казенный, промысловой.

— Чего-де такъ?

— Поглядите-тко, никакъ къ Верхнему промыслу пришли.

„Стали разглядывать, примѣты распознавать, такъ и есть: Верхній промыселъ, и тюрьма ихняя, и разрѣзъ тутошной, и пристава домъ увидали.

— Пойдемъ, молъ, ребята, туда, споемся, а тамъ поживемъ, повыспросимъ, дороги узнаемъ. А что-то, молъ, мы и бродяжить-то не умѣемъ: не рука знать!

„Стали мы толковать, стали промежъ себя спорить. И ночи-то жалъ терять за-напрасно, и тюрьму-то мы видимъ впереди подъ горой и разрѣзъ; жолоба по рѣчкѣ-то, по Карѣ-то этой, обозначались. Чортъ, молъ, съ вами, а теперь у насъ день, пойдемъ лѣсомъ. Бери лѣвѣя! вѣрочать не станемъ.

„Тамъ и рѣшили, а пошли опять наугадъ,

пошли лѣвѣй да и взяли прямо. И шли мы еще день. Ночью спали. На пятые сутки животъ тосковать началъ. Сказать я объ этомъ товарищамъ.

— И у насъ, слышь, тоскуеть.

— Да по комъ?

— Не по артельномъ же, слышь, хлѣбъ, а надо полагать, захотѣло брюхо получше чего, надо быть горячаго.

— Ягоды бы ему дать хорошо, не спѣсиво оно!—путникъ это.

— А гдѣ ее возьмешь, ягоду-то эту? Лѣса стоятъ все какіе-то не такіе. Кочки между деревьями-то да трясины и густымъ прегустымъ мохомъ затянуло все; идешь словно по перинѣ, а ягоды нѣту. А брюхо-то съ голодухи такъ и выворачиваетъ, словно рукавицу.

— Станемъ себя утѣшать, разговаривать, а оно, брюхо-то, нѣтъ-нѣтъ да и завоетъ, ровно въ немъ на колесахъ ѣздить. Тоншо ему стало, голосъ подаетъ.

— Идемъ впередъ. Заборъ увидали. Стали оглядываться, нѣтъ ли жилья какого? Слышимъ, одинъ товарищъ заревѣлъ заревѣлъ, словно съ него живого лыки драли. Мы кинулись, смотримъ: въ яму какую-то провалился и зѣваетъ по медвѣжьему. Вынули мы его.

— Другой товарищъ смѣкнулъ:

— Это-де, братцы, для козулъ настораживають. Вонъ, въ воротахъ-то, бревно на волоскахъ повѣсили. Чуть упадетъ, то и раздавить. Много, слышь, нашего брата, не вѣдая, этакъ свою жизнь кончали. Хорошо еще, что товарищъ въ яму попалъ, а не въ ворота прошелъ.

— Перелѣзли мы черезъ заплотъ (ограду) дальше, а въ ворота не пошли. Сталь намъ товарищъ рассказывать, какъ бревно такъ ловко прилажено, что козуля пролѣзаетъ въ ворота да дотронется только до бревнушка, тутъ и смерть ея. Вышли мы въ поле. Въ полѣ стадо барановъ ходитъ, а при нихъ пастухъ мальчишко. Увидать онъ насъ, бросился опрометью прочь отъ насъ. Мы его звать, не слушаетъ, мы божиться, сталь подходить. Кричить намъ:

— Не убьете?

— Нечѣмъ, молъ, дуракъ экой! смотри, пустье идемъ. Дашь намъ ѣсть, еще денегъ тебѣ дадимъ.

— Я не дамъ, боюся васъ! А подойдите-де, сами возьмите, вонъ подъ кустомъ хлѣбъ лежитъ.

— Я пошелъ. Нашелъ тряпичку, развернулъ, хлѣбъ увидалъ, схватилъ его въ обѣ руки. Хотѣлъ сожрать его въ три раза, такъ ужъ и глазами напѣтилъ, какъ надо и зубы наложить, да вспомнилъ товарищей. Такъ у меня словно хлѣбъ-отъ кто оторвалъ ото рта. А умомъ-то мекаю: не стану, молъ, ѣсть, дѣлиться велать; зачѣмъ и идемъ-то мы вѣстѣ и другой кто не сѣдуетъ такъ. Думаю это, а ѣсть еще пуще мнѣ тотъ хлѣбъ захотѣлось. Запахъ-отъ его

слышу, такъ животъ-отъ мой и заворчитъ и заворочается въ нутрѣ-то. Стало мнѣ на умъ всходить, что не донести мнѣ хлѣба, съѣмъ я его, а тамъ пущай они приколотятъ меня за то. Тутъ товарищи-то и закричали. А я стою на томъ же мѣстѣ, гдѣ хлѣбъ взялъ. Закричали товарищи-то, стало мнѣ на умъ другое придать: съѣмъ одинъ—сытъ буду, съ товарищами подѣлю—никто сытъ не будетъ, коврига-то малая. Сдумалъ я такъ-то, стиснулъ краюху зубами, зажалъ глаза, духъ забралъ въ себя, да ужъ и не помню, какъ приступилъ бѣжать. Вѣжалъ я что было силы, во всѣ лопатки. Прибѣжалъ къ товарищамъ, берите, молъ, да и мнѣ оставьте!

— Раздѣлили хлѣбъ поровну. Дальше пошли. Опять бредемъ цѣлый день. Къ вечеру деревенька помелелась.

— Пойдемъ, товарищи, въ крайнюю избу, будетъ маяться-то намъ.

— Стучись, товарищ!

— Постучались мы, впустили. Мужичекъ не старый сидитъ и таково ласково смотреть на насъ; спрашиваетъ:

— Съ Кары, ребята?

— Съ Кары, молъ, дядюшка.

— Которыя сутки не ѣли?

— Пятыя сутки крохи не видали.

— Садись,—говорить:—ребята, за столъ!

— Сѣли. Вынулъ онъ шей изъ печки. Налилъ ихъ въ чашку, хлѣба туда накрошилъ, далъ постоять, ложку взялъ: „Вы-де сами, ребята, не притрогивайтесь, меня слушайте“. Зачерпнулъ онъ шей съ хлѣбомъ, мнѣ далъ, опять зачерпнулъ ложку, товарищу поднесъ, и такъ всѣхъ одѣлилъ по одной и по другой. Мы еще попросили, не далъ. Отошелъ отъ стола и чашку со щами спряталъ. Спрашиваетъ:

— Вы, ребята, однако, впервые надо быть?

— Что, молъ, такое впервые?

— Бѣжите-то?

— Не случалось, молъ, ни разу о сю пору, впервые бѣжимъ.

— Усѣхнулся.

— Однако, ложитесь, говорить, спать теперь. Дамъ я вамъ еще этихъ шей, то разорветъ брюхо, помрете. Много-де ко мнѣ заходило вашего брата, я это дѣло знаю, какъ поступать.

— Уложилъ онъ насъ спать въ подъязбицѣ. Спали мы крѣпко; какъ легли, такъ и заснули, и на умъ не пришло поопаситься. Да и то думать надо: намъ на ту пору все равно было, что стариковы щи хлѣбать, что заводскую березовую кашу. Чертъ побори все! Однако, проснулись на волѣ. Старикъ опять шей вынесъ: по три ложки намъ далъ и тѣ не вдругъ, а въ очередь. Опять насъ спать уложилъ. Поднялись мы опять, онъ насъ накормилъ до сыта и на дорогу далъ намъ хлѣба и совѣтъ:

— Ступайте вогъ теперь прямо! На пути

вамъ будетъ распадокъ. Дорога пойдетъ прямо въ него—не ходите, тутъ казаки ловятъ. Верите лучше въ правую падь. Тамъ далеко есть займка, въ ней казакъ живетъ; хлѣба не съѣтъ, хлѣбъ не растетъ. Бѣлукетъ: ходить съ ружьемъ за бѣлкой, за козулей ходить, пасти кофѣдныя и огородныя ставить. Казакъ этотъ охотно нанимаетъ вашего брата варнака въ работу да платится за послугу свинцомъ. Такъ вы это помните и на носу зарубите!

„Послушались мы приказу, въ лѣвую падь не ходили, пошли въ правую и въ займку поступались, силушки нашей не хватало. Ъсть стало нечего, весь хлѣбъ вышелъ, а днемъ спали, по ночамъ шли. Да можетъ, молъ, старикъ по насѣрду на этого казака сказывалъ. Зашли. Казакъ ласковый такой, встрѣтилъ, угощаетъ, суетится:

„— Сейчасъ же, на ваше счастье, козулю убилъ, ѣшьте!

„Покорились онъ насъ. Сговаривать сталъ:

„— Оставайтесь, кормить васъ буду, вы только работайте, и работа-то легкая. А спрячуде васъ такъ, что никакой сыщикъ не доберется. Бывалое дѣло!

„Говорить, уещаетъ, все норовить, какъ бы за самое сердце наше ухватить, да мы помнимъ стариковъ наказъ — на соблазнъ сдаваться не хотѣли. Проспали мы ночь. Поутру рано ушли такъ, что онъ и не примѣтилъ, спалъ еще. Подъ вечеръ смотримъ, договяетъ онъ насъ верхомъ на лошади и винтовка у него за спиной торчитъ. Сталъ подѣзжать, винтовку на руку взялъ, стрѣлять захотѣлъ, прицѣливается. Бросились мы со всѣхъ ногъ на него всѣ трое. Одинъ сгрѣбъ его сзади, оборвалъ ремень и винтовку отнялъ. Поднялъ онъ коня на дыбы, ускакалъ. Въ сумерки опять нагоняетъ и винтовка въ рукахъ у него другая. Кричить намъ издали:

„— Отдайте винтовку мою!

„— Не подходи!—отвѣчаемъ:—Мы сами въ тебя палить станемъ, убьемъ.

„Толковалъ онъ съ нами долго, а винтовки мы ему все-таки не отдали. Онъ повернулъ коня назадъ, а намъ вслѣдъ пригрозилъ:

„— Такъ ли, не такъ ли, а вашу-де вину и свою обиду на другихъ варнакахъ вымещу.

„Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ. Въ одной пади мы на народъ наткнулись, опознались: бѣглыми съ Петровскаго завода сказались. Сговорились мы идти всѣ вмѣстѣ; стало насъ 12 человекъ, веселѣй ка-быть стало и страху не въ примѣръ меньше. Разложили мы огонь, теплинку сдѣлали. Товарищи ушли въ лѣсъ поискать ягоды либо кедровыхъ орѣховъ. А то есть курчаватая такая сарана, корень ея больно сладокъ, ѣдимъ мы ее и сыты бываемъ. На нее намъ въ тюрьмѣ бывальцы указывали: ищите-де ее и ѣшьте, не бойтесь! Я остался у огня, а на огонь медвѣдь вышелъ. И ружье есть, да пороку нема. Цѣ-

лился я въ него, не испужалъ, а на меня же полѣзъ. Началъ я бѣгать кругомъ огня, на огонь онъ не полѣзъ; тоже и самъ сталъ ходить за мной и все норовилъ лапой сгрести меня. Однако, усталъ медвѣдь, въ лѣсъ ушелъ. Товарищи вернулись пошли мы дальше. Опять огонь разложили. Смотришь, опять надо быть тотъ же медвѣдь къ намъ изъ лѣсу вышелъ въ цѣлое дерево въ охапкѣ несеть. Мы за большое дерево тутъ подлѣ спрятались, а кто и на самое дерево влѣзъ. Подошелъ онъ къ огню, хватилъ нво всей медвѣжьей силы: погасить хотѣлъ, да только искры по сторонамъ полетѣли, да головешка больно высоко подпрыгнула. Осердился онъ, сталъ огонь загребать лапами и такъ-то старался! Тутъ одинъ товарищъ догадался: подошелъ къ нему сзади, да такъ-то хватилъ его по заднимъ ногамъ толстой палкой, что онъ ажъ показалъ намъ, какъ салазки умѣетъ дѣлать, даромъ что былъ неученый и съ татарами въ Рассей на цѣпи не хаживалъ. Полежалъ это онъ, поревѣлъ да и надумалъ хорошее дѣло черезъ голову кувираться: ушелъ, значить. На третьи сутки опять онъ брелъ за нами слѣдомъ, на четвертыя — опять пужалъ, на пятны какъ отсталъ, такъ ужъ больше и не показывался *).

„На шестыя сутки попали мы на казаконъ..

*) На тему встрѣчъ съ медвѣдемъ вотъ еще одинъ разсказъ бѣлаго:

„Идемъ, отдавшись на волю Божию. Иной разъ, кромѣ зайцевъ, рѣдко кто изъ живыхъ встрѣчается, а иногда нашъ братъ и на медвѣдя напаривается. Мнѣ разъ встрѣтился; было ружье у меня, надо бы его поставить на сошку да стрѣлять ему въ сердце, такъ зарядъ-отъ у меня былъ бѣлѣй. Выстрѣлъ рассердилъ только. Да дерево мнѣ на боку подвернулось — спрятался. Сталъ онъ меня ловить, а я успѣлъ изъ-за пояса топоръ выхватить; хотѣлъ рубить по лапамъ, да онъ всякой разъ сдогадается и отобьетъ топоръ. Попытился разъ, сгрѣбъ въ лапы пень, положилъ его въ дерево, притащилъ другую корягу, третью, четвертую и опять полѣзъ на меня. Разсудило лѣсное чудовище, что пни помѣшаютъ мнѣ бѣгать, да и я не у него учился: черезъ пни прыгалъ, да успѣвалъ и отталкивать временемъ тѣмъ изъ-подъ ногъ своихъ. Свечерѣло; медвѣдь уходилъ, да и я весь въ мѣлѣ. Стали мы отдыхать оба. Онъ отомелъ и легъ на землю, голову положилъ на пень, глаза навелъ на меня. Онъ лежитъ, да и я стою, не шевелюся. Думаю: шевельнись я — и онъ вско-чить. Легонечко, приевожъ надо быть мѣ 20, такъ и этакъ крадучись отъ зѣвры, успѣлъ я зарядить ружье. Наступила ночь и темно стало. Зарядилъ я ружье. Востокъ закраснѣлъ, а тамъ и разсвѣло и медвѣжьимъ глаза не такъ стали страшны. Успѣлъ я поставить ружье на сошку и не снимался съ мѣста, чтобы не огорчить его. Тихимъ манеромъ, ему не въ примѣтъ, сталъ я наклоняться къ прикладу, а глазъ съ него не свожу. Такъ вотъ побѣдомъ и ѣдимъ другъ дружку буркалками-то своими. Обманулъ я его, встрѣлилъ; онъ, словно угорѣлый, метнулся на меня, хватился о дерево такъ, что то застонало даже. Растянулся. Я опять зарядилъ всѣмъ зарядомъ..

„— Это вы-де,— сказывают:— въ нашей деревни казака убили?!

„Схватили насъ казакъ—и представили“!

Въ разсказѣ этомъ, имѣющемъ поразительное сходство со всѣми другими, для насъ яснѣе другихъ, важнѣе прочихъ одна подробность: это именно готовность сибирскихъ крестьянъ принимать и обогрѣвать ссыльных. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ столько же и чувство состраданія къ голому и голодному искателю приключеній—чувство, завѣщанное отцами, закрѣпленное изъ примѣровъ и поваженное долгимъ опытомъ, сколько и экономическія причины и условія сибирскаго быта, передъ которыми безсильны и ничтожны всякія угрозы и страхи быть на судѣ и въ отвѣтъ за укрывательство бѣглыхъ, за пристанодержательство, передержательство. Сибирскій хозяинъ изъ крестьянъ и казаковъ всегда затрудненъ и всегда сильно нуждается въ работникахъ, которыхъ особенно мало въ Забайкальѣ, обездоленномъ тремя тягами: привлеченіемъ большого числа рабочихъ на Амуръ на казенныя работы, наймами ихъ на частныя (витимскіе и чикойскіе) золотые промыслы, а въ то же время и въ извозъ подѣ чаи, ходившіе въ огромномъ количествѣ изъ Кышты. Между тѣмъ бѣглый, съ самыхъ давнихъ временъ, очень дешевый рабочій; за однѣ харчи, изъ-за одного хлѣба, онъ готовъ работать все лѣто и на страдѣ въ дугахъ, и на пожняхъ въ поляхъ. Входя въ экономическія сдѣлки, становясь въ условія круговаго обязательства, оба (и наемщикъ и батракъ) остаются въ одинаковой отвѣтственности и передъ судомъ и закономъ и передъ личною собственностью. Обычай этотъ такъ простъ и долговѣченъ, что держится его съ самаго начала заселенія Сибири ссыльными и не только обызатели ближнихъ къ каторгамъ мѣсть, но и дальніе жители Западной Сибири, Урала и проч. Случаи мести, затѣваемой бродягами по временамъ и вынуждаемой отказомъ въ гостепріимствѣ, въ видѣ подпуска краснаго пѣтуха (т. е. пожара), держать этотъ обычай на сторожѣ и во всегдшной готовности облекаться въ фактъ. Факты же эти до такой степени общи и часты, что ими преисполнены разсказы самихъ бѣглыхъ и всѣ официальные бумаги архивовъ. Отработывая у наемщиковъ урочное время, бродяги идутъ себѣ дальше пытаться счастья, искать новыхъ приключеній. Большинство изъ нихъ съ голодухи скорѣе ограбятъ какойнибудь казенный транспортъ (почту напр.), чѣмъ вскинутся на чемаданъ проѣзжаго. Сибирскія дороги славились безопасностью въ сравненіи со всѣми

русскими дорогами, хотя могли бы и имѣть право отличаться противоположными свойствами. Отбиваются бродяги и совершаютъ убійства только въ такомъ крайнемъ случаѣ, когда встрѣчаютъ вооруженное нападеніе, озлобленность и жестокость со стороны нападающихъ. Предательство вызываетъ месть и месть эта является тѣмъ жесточе и немилостивѣе, чѣмъ преступнѣе и испорченнѣе сердца бродягъ. Случаи такого рода, повторяемъ, рѣдки. Голодь тутъ играетъ немаловажную роль и бродяга собственно въ сибирскихъ странахъ—мирный путникъ, не рѣшающійся никого обидѣть, изъ боязни самому быть обиженнымъ.

У нѣкоторыхъ страсть къ бродяжничеству принимаетъ форму какого-то особаго рода помѣшательства, со всѣми признаками настоящей серьезной болѣзни, которая требуетъ радикальныхъ средствъ, мучить и преслѣдуетъ больного, какъ какаянибудь перемежающаяся лихорадка, имѣя форму болѣзни періодической. Въ Петровскомъ заводѣ имѣлся одинъ изъ такихъ, извѣстный всѣмъ содержавшимся тамъ декабристамъ и, по исключительности своей, памятный многимъ изъ встрѣченныхъ мною. Привычка шататься развилась въ немъ въ такую болѣзнь, что съ каждою весною онъ начиналъ непременно испытывать ея тяжелые, упорные припадки. Онъ начиналъ всѣхъ бояться, дѣлался задумчивымъ, молчаливымъ, равнодушнымъ ко всему, его окружающему; старался уходить куданибудь въ уголь, прятался въ укромныя и темныя мѣста. На работахъ онъ испытывалъ тоску, которая доводила его до истерическихъ слезъ. Слезы эти и тоска разрѣшались обыкновенно тѣмъ, что онъ улучалъ-таки время и убѣгалъ. Больной пропадалъ обыкновенно все лѣто, къ осени же появлялся въ заводѣ обворваннымъ, исхудалымъ, но веселымъ. Лицо его было испаряпано, руки и ноги въ синякахъ и въ занозахъ; знакъ, что больной гулялъ не просто, не жилъ въ наймахъ по займамъ (иначе принесли бы мозоли), но, совершая свои экскурсіи, прятался отъ людского глаза въ лѣсныхъ чащахъ. Въ послѣднихъ онъ даже подсматривалъ быть товарищами, вѣрившими, что все его удовольствіе и самое главное наслажденіе состояло въ томъ, чтобы во все лѣто не видѣть никого, и вся забота хлопотливо направлена была къ тому, чтобы хоронить свои слѣды отъ всякаго. Отшельникъ этотъ на все лѣтнее время отвыкалъ отъ хлѣба и легко примирялся съ дикою пищею, употреблялъ ягоды (бруснику, малину и боярку) и разные корни и травы (черемшу, сарану, мангиръ и бѣлый корень, называемый козынь звѣробоемъ). Приходя отъ травъ въ крайнее безсиліе, онъ изрѣдка приближался къ селеніямъ или на страды и воровалъ хлѣбъ, но очень рѣдко выпрашивалъ его и довольствовался имъ только, какъ лакомствомъ. Возгра-

что было его у меня, смѣжаю то, что опять, хитрый человекъ, обманывать меня выдумалъ, жертвѣмъ прикинулся. Я рѣзнулъ по немъ полнымъ зарядомъ въ другой разъ, да онъ ужъ и не сказывался. А я дальше пошелъ».

ищась съ прогулокъ въ заводъ по доброй волѣ, принужденный лишь наступающими крѣпкими осенними холодами, противъ которыхъ не могли устоять его оборванная и измызганная одежда—отшельникъ все-таки по положенію получать наказаніе розгами. Наказаніе это онъ не вѣнчалъ ни во что и для болѣзни своей не считалъ его ни за хирургическое, ни за терапевтическое средство. Затѣмъ онъ всю осень и зиму весело жилъ на работахъ, работалъ за двоихъ послушливо и безпрекословно, такъ что всѣхъ приводилъ въ удивленіе, но трудился такимъ образомъ только до весны, до кукушки. А лишь только снова начинала она свою завѣтную, немудреную пѣсню, арестантъ начинать испытывать прежніе припадки, столько же мучительные и невыносимые. Шесть лѣтъ ходилъ онъ такимъ образомъ въ лѣсъ и пріучилъ тюремное начальство смотрѣть на его дѣла сквозь пальцы, снисходительно. На седьмую весну пришелъ отшельникъ къ смотрителю, упалъ ему въ ноги и просить:

— Ваше благородье! Кукушка кукуетъ—уйду, слышать не могу, соблазняетъ, уйду. Либо прикажите связать, либо на цѣпь къ стѣнѣ приковать и лису наложить, либо сдѣлайте что хотите. Не втерпѣжъ мнѣ это дѣло стало, я что нибудь самъ надъ собой сдѣлаю.

Сердобольный смотритель послушался, посадилъ его на цѣпь, предварительно, уже для личнаго удовольствія, задавъ ему впередъ все то количество розогъ, которое ежегодно слѣдовало ему осенью, по возвращеніи изъ отшельничества послѣ созерцательной жизни.

Просидѣвъ арестантъ время припадковъ на цѣпи; осень и зиму прожилъ на свободѣ и не бѣгалъ, а также вмѣстѣ со всѣми работалъ. На слѣдующую весну онъ опять пришелъ къ смотрителю съ тою же молбою, а на третій годъ ужъ не являлся къ нему и въ лѣсъ не бѣгалъ.

Но вотъ примѣръ особаго вида.

Въ 1808 году въ Удинскій округъ присланъ былъ на поселеніе, за бродяжничество, изъ Екатеринбургa старообрядецъ Гурій Васильевъ. Весною 1815 года онъ, съ двумя товарищами старообрядцами, бѣжалъ на Амуръ съ намѣреніемъ основать скитъ, и для этого поселился близъ Албазина въ пещерѣ около устья р. Урсы. Зимой съ 1815 на 1816 годъ они провели здѣсь, но весною ихъ схватили манчжуры и привели къ началству въ Айгунъ. Здѣсь манчжуры предлагали имъ обрѣчь бороду и принять подданство, какъ-де сдѣлали это многіе изъ бѣглыхъ русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ *). Старовѣры не согласились. Манчжуры,

во исполненіе трактата, черезъ Цицикаръ и Хайларъ представили ихъ на нашу границу въ Цурутухайтъ. Отсюда пригнали ихъ на старое мѣсто жительства въ Удинскій округъ. Гурій Васильевъ не выдержалъ и, по привычкѣ къ уединенной жизни, въ 1818 году бѣжалъ снова на Амуръ и, пойманный лѣтомъ слѣдующаго года, тѣми же путями и средствами, выданъ былъ тамъ же. Его на этотъ разъ наказали плетью и назначили на каторжные работы въ Нерчинскомъ Большомъ заводѣ. Въ 1822 году Гурій Васильевъ снова получилъ возможность бѣжать и пробрался опять на Амуръ и снова въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Здѣсь, питаясь кореньями, дичью и рыбою, жилъ до слѣдующей весны (1823 г.), но, боясь старой исторіи, на маленькой лодкѣ изъ бересть рѣшился спуститься внизъ по Амуру. Не пройдя онъ и ста верстъ по теченію, какъ снова былъ схваченъ манчжурами и увезенъ въ Айгунъ. На этотъ разъ манчжурскія власти въ Россію его не отправили, но, отдавъ подъ присмотръ,пустили жить въ городѣ на волѣ, вѣнчавъ ему въ обязанность обученіе манчжурскихъ мальчиковъ русскому языку. За это кормили его и одѣвали и, вообще, содержали въ довольствѣ. Въ 1826 году онъ, по распоряженію айгунскихъ властей, отправленъ былъ, вмѣстѣ съ другими, внизъ по теченію Амура на рыбную ловлю. Жестокое обращеніе съ нимъ приставниковъ заставило его бѣжать на маленькой лодкѣ (вѣткѣ) внизъ по Амуру. „Пройдя слияніе рѣки Сунгари съ Амуромъ (показывалъ Гурій), а былъ въѣвъ всякой опасности, ибо народъ янты (гольды), обитающій по Амуру, уже не зависитъ отъ манчжуръ и китайцевъ. Продолжая путь свой далѣе по Амуру, съ помощью туземцевъ, къ осени достигъ земли гиляковъ, гдѣ остановился на зимовку“. Отъ гиляковъ Гурій узналъ, что къ сѣверу отъ Амура живутъ тунгусы, а потому, весною 1827 года, вышелъ онъ изъ рѣки, на гиланской лодкѣ, въ Охотское море. Слѣдуя вдоль берега и неходя 30 верстъ до устья рѣки

ему лежалъ уже по настоящимъ строгимъ пустынямъ. Путь на Амуръ въ бродяжѣй практикѣ издавна былъ дѣломъ обычнымъ, и Гурій Васильевъ съ товарищами—но первый и не послѣдній странникъ на востокъ, совѣмъ въ противоположную сторону отъ обычной русской дороги бродягъ. Якобію, собиравшему свѣдѣнія объ Амурѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бѣгле могли дать самыя точныя свѣдѣнія: «Шли на Амуръ отъ Горбицы 15 лѣтнихъ ночей, а днемъ лежали въ закрытыхъ мѣстахъ. Пойманы китайцами въ виду отъ устья, по поимкѣ ведены были многими селеніями до городовъ Цицигара и Мергена, лежащихъ въ сторону отъ Амура; а отъ онаго поворотился къ востоку между полуденнымъ ночевьемъ мунгалъ до Калара ровными и гладкими мѣстами; изъ Калара же выданы на Цурутухайтъ. Въ дорогѣ были 10 дней, по ночамъ стояли», и проч.

*) Бродяжьи пути не имѣютъ конца. Дороги ихъ не пересѣкаютъ никакія препятствія: кяхтанскій мѣщанинъ Карпъ Патюковъ, наказанный кнутомъ и сосланный, пришелъ на родину изъ Охотскаго порта, не смотря на то, что путь

Тугура, остановился у тунгусовъ на зимовку и вѣсть съ ними, къ веснѣ 1828 года, прибылъ въ Удской острогъ. На этихъ показаніяхъ Гурія Васильева генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Лавинскій, какъ извѣстно, основалъ свои виды на пріобрѣтеніе рѣки Амура еще въ 1822 году, т. е. за 20 лѣтъ до гр. Муравьева. На проэктъ и представленіе его разрѣшенія изъ Петербурга не послѣдовало. Министръ финансовъ, въ 1833 году, отвѣчалъ: „Мнѣ кажется, что всякое предпріятіе плавать по р. Амуру бесполезно и въ отношеніи подозрительности китайцевъ опасно, поелику мы не имѣемъ ни силы, ни намѣренія обладать тѣмъ краемъ, а безъ обладанія имъ нельзя думать о судоходствѣ и о торговлѣ, а потому безъ этого и не слѣдуетъ что либо затѣвать“. Вообще, показанія бѣглыхъ, побывавшихъ за китайскою границею, во многомъ послужили къ объясненію Амура и другихъ странъ, сосѣднихъ Забайкалью. Такъ, въ 1805 г. д'Овре изъ посольства Головинна пользовался на Кличкинскомъ рудникѣ свѣденіями отъ бродягъ Дунаевского и Прусакова, бывшихъ за границею.

Таковы мирные пути и короткія дороги бродягъ. Такова краткая сторона ихъ замысловъ, направленныхъ къ освобожденію себя отъ работъ ради отдыха и въ виду мало выясненныхъ цѣлей *). Но не такова другая, къ которой мы, въ свою очередь, должны подойти, памятуя, что въ бродягахъ для насъ ясно видится особый видъ, первая и главная категория бывалыхъ: тѣхъ, которыхъ прозвать сибирскій народъ варнаками и чалдонами. За такими бродягами существуютъ поиски, имѣлись когда-то особыя команды. Противъ нихъ сильно озлобленъ народъ, живущій на Харинской степи и около, извѣстный у сибиряковъ подъ именемъ братскихъ, а вообще—подъ названіемъ бурятъ. Народъ этотъ еще не перешелъ отъ степной жизни къ мирнымъ осѣдымъ занятіямъ, еще не выработалъ въ себѣ кроткихъ нравовъ землепашцевъ.

Во имя этихъ и другихъ причинъ подробности побѣговъ съ категоріи принимаютъ иной характеръ, въ которомъ нѣтъ уже свѣтлыхъ сторонъ, а краски и картины становятся рѣзче и ярче. Роли измѣняются: съ одной стороны видимъ ожесточенныхъ преслѣдователей, съ другой—кровавыхъ мстителей за обиду и преслѣдованія. Бурятъ становится олицетворенною

карою, какъ бы орудіемъ невѣдомаго ему карающаго закона. Бродяга становится варнакомъ, чалдономъ.

Почти сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ буряты перешли изъ монгольскихъ степей на русскую сторону и переимѣнили имъ только названіе (изъ бурятъ въ братскихъ), но, въ сущности, они сами остались тѣми же, какими были. Дикая жизнь въ степи сумѣла задержать въ нихъ въ первобытномъ нетронutomъ видѣ все то, тѣмъ пахнула на ихъ отцовъ дичь Гоби или Шамо. Харинская и другія степи не выгнали этого вонъ, а еще, можетъ быть, подбавили имъ звѣринаго духа. Во всякомъ случаѣ, это вѣрно по отношенію къ предмету, насъ занимающему: бродяги шатаньемъ, воровствомъ и грабежами своими бурятъ раздражаютъ; къ тому же побѣги бродягъ обязали бурятъ новымъ родомъ службы, требующей труда и отвѣта.

Съ мѣсто своей родины буряты принесли, между многими характерными племенными чертами, два зоркихъ маленькихъ глаза, которые, хотя не глубоко помѣстились подъ узенькимъ бритымъ лбомъ и спрятались въ одутлово-толстыхъ и скуластыхъ щекахъ, но видятъ такъ далеко и хорошо, что ни одинъ зарядъ изъ винтовки не бьетъ мимо и не пропадаетъ даромъ. На винтовкѣ теперь, какъ на лукахъ нѣкогда (и не такъ еще давно), у бурятъ все мастерство и досужество; на выстрѣлахъ изъ нее вся надежда насущнаго пропитанія. Степнякъ голъ да и привыкъ брать добычу тамъ, гдѣ она подвергается, не разбирая средствъ и не загадывая о послѣдствіяхъ. Для замысловатыхъ измышлений и мудреныхъ отвлеченій въ кочевьяхъ плохая наука, да и степь—не городское поприще. Чтобы жить, надо ѣсть, чтобы кормить себя и своихъ, надо промышлять, и если нѣтъ ничего въ запасѣ, какъ и бываетъ у бурятъ нѣкоторыхъ родовъ, кромѣ зоркаго глаза, то винтовка и пуля—самые лучшіе и важные друзья и пособники. Чтобы ѣсть и кормить, надо бить козулю и птицу. Чтобы одѣться въ пестрый халатъ и прикрыть бритую голову китайскою шапкою съ красной кистью, надо стрѣлять соболей, бѣлокъ и лисицъ, а если доведется случай, глазъ на глазъ, въ глухомъ мѣстѣ, безъ свидѣтелей русскихъ, встрѣтить бѣглаго, то можно и его подстрѣлить. „Худенькій бѣглый лучше доброй козы“—давно уже говорилъ братскій человекъ. Эта поговорка его отшибаетъ въ переводѣ такимъ дико практическимъ смысломъ: „съ козули снимешь одну шкуру, а съ бѣглаго двѣ или три“ (т. е. полубубокъ, азамъ и рубаху).

Все это въ Сибири, въ Забайкальѣ, давно извѣстно, а самимъ бродягамъ еще и съ подробностями. Густыя бурятскія кочевья бродяги стараются обходить, а за Байкаломъ потому и спѣшатъ запастись провизіею, что общая вар-

*) Нѣкоторымъ охотникамъ покататься на волѣ безъ дальнихъ цѣлей удавалось сходить въ бѣга (судя по официальнымъ бумагамъ) разъ по восьми. Другимъ счастливо одиннадцатю разами, а за нѣкоторыми, но въ крайнихъ исключительныхъ случаяхъ, заводское начальство считало (самое, впрочемъ, большое) восемнадцать прогулокъ. Служителя больше шести разъ не бѣгали и дольше двухъ мѣсяцевъ въ бѣгахъ не отдыхали.

накая дорога идет сначала по необитаемым мѣстамъ. Такими-то мѣстами, близъ карійскихъ промысловъ, идетъ она гораздо сѣвернѣе почтового тракта прямо на село Торгинское (Торгу) и отъ него хребтами на Читу. Изъ окрестностей Читы бѣглецы идутъ на Витимъ и Баргузинъ, но чаще на югъ въ окрестности Петровскаго завода. Окрестности Петровскаго завода и даже самый заводъ считался у бродягъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія. Архивныя дѣла завода даютъ много доказательствъ тому, что въ кабакахъ и притонахъ его попадались бѣглецы съ нерчинскихъ заводовъ и изъ тюремъ карійскихъ. Въ окрестностяхъ его бѣглецы находили друзей въ бурятскихъ ламахъ, въ семейскихъ раскольникахъ. Около послѣднихъ селеній извѣстенъ былъ даже, на Мукмртѣ, кедровникъ (кедровый лѣсъ)—любимый притонъ всѣхъ бѣглыхъ изъ Петровскаго и другихъ нерчинскихъ заводовъ. Этотъ Мукмртъ въ показаніяхъ ссыльных играетъ частую роль.

Рѣка Хилокъ выводитъ бѣглыхъ къ устью своему, т. е. на рѣку Чикой, которая, въ свою очередь, направляетъ глухую бродяжью дорогу на собственное устье или на такъ называемую стрѣлку, т. е. на рѣку Селенгу *). Дѣлая такой крюкъ, ради бурять и собственной безопасности, бродяги попадаютъ, такимъ образомъ, къ тому же Байкалу и направляются на Тунку, чтобы обойти его. Иногда они рискуютъ переплыть на краденныхъ, забытыхъ рыбаками лодкахъ черезъ Байкалъ и входятъ въ истокъ Ангара. Къ Иркутску они подтягиваются довольно близко и дальше за нимъ, по тайговымъ лѣсамъ Иркутской губерніи, придерживаются въблизи почтового тракта. На немъ мы ихъ пока и оставимъ.

Опытный бывалецъ еще раньше освобождалъ свои ноги отъ „ножныхъ браслетъ“, предварительно разбивая кандалы камнемъ или желѣзнымъ заводскимъ ломомъ, а чтобы скрыть отъ надзирателей разбитыя мѣста, заливалъ ихъ на время свинцомъ. Особенно напаче поступали такъ варнаки на Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ, гдѣ все нужно подъ руками (и огонь и заливка). Кандалы бросались въ первомъ же лѣсу подъ кустомъ, въ первомъ же

*) Бѣглецы каторжные изъ Кутомарскаго завода обыкновенно ходили привычнымъ путемъ на р. Унду и брели по Онону на тотъ же Чикой, гдѣ отдыхали или направлялись дальше на семейскихъ, Таробогатайскую волость, скрываясь у раскольниковъ то поселенцами, то пропитанными. Вообще, у бѣглыхъ всегда имѣется одно безопасное мѣсто—притонъ для отдыха. Таковымъ, кромѣ Мукмрта съ кедровникомъ, считалась нѣкогда рѣка Хилокъ. При этомъ рассказывали, что, когда разъ бѣжало съ завода двое и для поимки ихъ отправили туда бурять,—бурята забрали тамъ 15 человекъ разныхъ варнаковъ и, приведя ихъ связанными, говорили: «Вотъ, бацька-начальникъ, пятнадцать голова за два голова».

сопутномъ селеніи бродяга являлся уже правымъ и чистымъ. Опытный приходитъ, по большей части, къ знакомымъ крестьянамъ, съ которыми раньше успѣлъ свести дружбу, или шелъ по рекомендаціи и указанію болѣе опытнаго бывальца. До Харинской степи онъ почти безопасенъ и не боялся за себя, если „маршрутъ“ его полонъ, т. е. въ буракъ (или, по сибирски, въ туезъ) имѣлась провизія, заготовленная его личною предусмотрительностью. На крайній случай и лѣсъ предлагаетъ свои благодати: кромѣ пастей съ козулями и силковъ съ птицами, каковыя могутъ быть только случайнымъ приобрѣтеніемъ, лѣсная растительность все лѣто къ ихъ бродяжьиимъ услугамъ; изъ грибовъ: рыжики, бѣлые грибы, боровики, масляники, которые такъ удобно печь и такъ приятно ѣсть съ солью. Сухіе грузди (по сибирски) или сыроѣжки (по русски) растутъ, болѣею частью, въ бережникахъ, ѣдятъ ихъ охотно сырыми, по сибирскому обыкновению. Въ низкихъ мѣстахъ умѣлый глазъ всегда различитъ въ другой травѣ малиноваго цвѣта перо, длиною около полуаршина, съ половины расширяющееся въ зеленый полосатый листъ, шириною въ вершокъ: это—достолавная по всей Азій черемша (дикій чеснокъ—*Allium ursinum*). Сибиряки ее солятъ и квасятъ и въ избыткѣ заготавливаютъ въ прокъ, какъ лекарство, излечивающее цынгу и предохраняющее отъ дальнѣйшаго зараженія. Бродяги ѣдятъ ее въ сыромъ видѣ съ тѣмъ же очень приятнымъ ощущеніемъ въ собственномъ вкусѣ, но съ отвратительнымъ впечатлѣніемъ на обоняніе тѣхъ, кто не вкусилъ ее *).

Кромѣ черемши, сибирскіе лѣса предлагаютъ бродягамъ и другія съдобныя благодати, для отысканія которыхъ выучиваются приѣмамъ еще въ тюрьмахъ, гдѣ таковыя свѣденія сообщаются охотливо и даромъ, и каторжные нужны имъ ботаническія свѣденія приобрѣли долгимъ путемъ опыта и послѣ многихъ злоключеній. Былъ такой случай: одинъ ссыльный, работавшій въ лѣсу, накопилъ кореньевъ и принесть въ тюрьму Большого Нерчинскаго завода полакомиться, подспорить лѣснымъ лакомъ тюремное варево. Товарищи стали ѣсть, но невѣдомый корень оказался праннымъ, возбудилъ сомнѣніе; задумались. Одинъ надумалъ:

— Не ѣшьте, братцы, не тотъ ли это корень, отъ котораго уже и на Благодатскомъ рудникѣ были худыя послѣдствія.

*) Ягоды черемши (*Prunus padus*) темныя съ большими косточками и терпкія—спеціальное средство для сибирскихъ приправъ. Черемша дозрѣваетъ въ августѣ, но вообще въ сентябрѣ выбирается сласть. Сласть эта утрачивается во время приготовления для пироговъ, когда ягоды толкутъ вмѣстѣ съ косточками; на зиму сушатъ. Сборъ черемши—одна изъ самыхъ оживленныхъ и любимыхъ прогулокъ сибирячекъ; ходятъ за нею всегда большими толпами.

Бросили. Въ видахъ предостереженія при-бѣгли къ обыкновену тюремному: стали пить воду съ табакомъ. Товарищи, вновь пришедшіе съ работы и не слыжавшіе предостереженія, наѣлись и двое изъ нихъ умерли. Общеупотребительная и любимая пища бродягъ въ дѣсахъ такъ называемая мунтала (монг. слово), т. е. монгольская жимолость (*Lonicera mongolica*), растущая обыкновенно кустарникомъ при рѣчкахъ, въ падахъ (долинахъ) и по берегамъ, съ черными длинными ягодами, у которыхъ мясистый бѣлокъ и стѣнка плодика скорлуповатая; листья имѣютъ неприятный запахъ, кора обладаетъ вяжущимъ свойствомъ. Изъ ягодъ оказываютъ услугу, чаще другихъ, брусника и боярка-ягода (*Crataegus oxyacantha* *) , теритъ, имѣющий красныя вкусныя и сладкія ягоды. Изъ сладкихъ кореньевъ ищутъ мангиръ—родъ дикаго чеснока (*Allium*) и бѣлый корень, называемый также козынь звѣробоемъ (нурегисм?), растущій на холмахъ и сухихъ мѣстахъ. Въ особенности же и по преимуществу ищутъ бѣглые растенія крупныхъ формъ курчавой пурпуроваго цвѣта сараны, предполагающаго всегда сладкую луковичу мучнистаго свойства, очень приятную на вкусъ и весьма питательную. Померанцево-красноватое растеніе это устилаетъ горы отъ подошвы до вершины. Шесть листочковъ ея вѣтчика выгибаются какъ бы поля китайской шляпы, а шесть прутиковъ, сидящихъ кругомъ красиваго стебелька, раскидавшись по землѣ, придаютъ ей красивый колеръ. Другіе сорта лиліи, какъ букеты по ковра, усыяшіе мураву, въ юнѣ и юлѣ украшаютъ онѣ всѣ, болѣе открытыя долины и горы, взбираясь даже на значительныя высоты и скалы. Таковы: стелющаяся стройная лилія обыкновенной породы *Lil. spetabile* (по туземному „погодайка“), съ нарядными чашевидными цвѣтами, *Lil. hemerocallis flava*—волчья сарана, лимоннаго цвѣта, которая во множествѣ растетъ на покатосяхъ. Всѣ эти лиліи здѣсь цвѣтистѣе и плодовитѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ (а на Алтаѣ онѣ еще пышнѣе). Сарана или собственно луковича

*) Боярка — кустовое ягодное дерево, горный кустарникъ изъ рода терновыхъ. Еще *Juniperus sabina*, или казачій можуха, казачій можевельникъ. Пользованію подобными растительными кореньями русскіе люди въ Сибири выучились у туземцевъ-инородцевъ, въ особенности у бурятъ. Отъ свободныхъ русскихъ людей знаніе перешло и въ тюрьмы. Бѣглые отъ бурятъ часто пользуются ихъ національными кушаньями, изъ которыхъ наиболѣе указываютъ поиманные бѣглые на арцу. Арца эта есть ни что иное, какъ національное кушанье бурятъ, всегда имѣющееся въ любой юртѣ въ котелкѣ надъ огнемъ: гуша, оставшаяся отъ того молока, изъ котораго выгнали водку; гуша эта въ видѣ арцы пражена съ мукою. Коровье молоко, разъ пропущенное сквозь кубъ, даетъ водку слабую и терпкую; пропущенная два раза похожа бываетъ вкусомъ на картофельную водку.

дикихъ лилій (*Lilium martagon*) составляетъ предметъ постоянныхъ исканій и заботливости полевой мыши-эконома—очень маленькаго животного, роющаго подъ лугами ходы съ большими камерами. Мышь-экономъ (*Auricola oeconomus*)—трехъ видовъ: красноватая или бурная и сѣрая. Однѣ побольше, другія маленькія, разбиваясь на зиму парами, вдвоемъ успѣваютъ насыть изъ твердой земли такое количество клубней сараны, что нерѣдко въ трехъ камерахъ гнѣзда находятъ юагирскія, якутскія и братскія женщины фунтовъ 24—30. Составляя приятную приправу къ ужину инородцевъ, поспѣваютъ эти клубни на обѣдъ и завтракъ къ варнакамъ, находящимся въ бѣгахъ съ запасомъ знаній ловко отыскивать подземныя постройки запасливой мыши, чтобы воспользоваться добромъ, собраннымъ ея трудами. У этого сорта сараны—желтоватая луковица. Инородцы ее сушатъ, истираютъ въ мучной порошокъ и либо пекутъ въ золѣ въ видѣ лепешекъ, либо варятъ съ просомъ; сибирскіе же сторожилы изъ русскихъ людей приготавливаютъ сарану въ формѣ киселей, каши и соуса. Есть еще два вида сараны: одинъ *Lil. auriculatum* съ бѣлою луковичею 3/4 вершка длины и 1/2 вершка въ діаметрѣ, сладкаго мучнистаго вкуса, растетъ на сухихъ полянахъ. Второй родъ *Lil. tenuifolium*, съ луковичею помельче первой, растетъ на скалахъ и у подошвы горъ; обѣ съѣдобны, но *L. hemerocallis flava*—волчья сарана—ядовитая. Узнаютъ, гдѣ мышиныя норы, стучая по землѣ ногами; часть найденнаго оставляютъ самимъ хозяевамъ, большую отбираютъ обыкновенно осенью. Въ норахъ горностаевъ также находятъ корни эти, но горностаи не сами ихъ запасаютъ, а отнимаютъ ихъ у мышей. У горностаевъ камчадалы вынимаютъ сараны также по нѣскольку десятковъ фунтовъ. Этотъ корень совершенно безопасенъ и если къ услугамъ бѣглыхъ предлагается дѣсь и корни *Carbunculus asculis* и кедровые орѣхи, то за то соблазняетъ и персиками (собственно дикимъ миндалемъ, *Amygdalus popa*, и полевымъ макомъ, *Ranunculus hircus*), излишнее употребленіе которыхъ производятъ либо головную боль со рвотою, либо тошноту съ поносомъ. Изъ ягодъ—голубица слегка пьянитъ, а моховка *) при неумѣренности влечетъ тѣ же

*) Моховка (*Rubus procerus*) растетъ посреди негодной травы на мѣстахъ высокихъ и мокрыхъ, въ колкахъ, низенькими кустиками, со сладкими ягодами, похожими на крыжовникъ. Около рѣчекъ и въ колкахъ, въ мокрыхъ же мѣстахъ, растетъ на небольшихъ кустикахъ смородина черная и красная; около ключей и рѣчекъ на высокихъ кустахъ жимолость, поспѣвающая къ Петрову дню, шипшика—крупная ягода, красноватая, длинная, съ большою косточкою внутри, приятная на вкусъ, сладкая и мучнистая; малина, клюква, брусника, костяника, рябина, черемуха, княженика, морощка—обыкновенныя сибирскія ягоды.

послѣдствія тошноты, поноса и рвоты. Бѣгле все-таки тнутся къ селеніямъ за привычнымъ лѣбѣмъ, каковой и находятъ — по завѣтному сибирскому обычаю, извѣстному цѣлой Россіи — на подоконникахъ избъ, молитвою выложеннымъ на ночь съ опасливою и запасливою хозяйкою.

Зная все это, а также и то, главнымъ образомъ, что у братскихъ ждетъ либо пуля, либо петля, опытные бродяги идутъ осторожно, только по ночамъ; днемъ они спятъ въ опасныхъ мѣстахъ и идутъ днями лишь по лѣснымъ тропамъ. Приготовляясь къ путешествію по послѣднимъ, опытные обыкновенно (и непременно) постараются стащить топоръ; топоръ — первый бродяжій другъ и покровитель. топоръ поможетъ и огонь развести, топоромъ можно положить и зарубку на деревьяхъ, по которымъ задне, какъ по пробитой тропѣ и по вѣхахъ, пройдутъ впередъ и не заблудятся. Грамотные остряки вырѣзываютъ даже имена, годъ, мѣсяцъ и число своего прохода. Бывалый бродяга, не обтесавъ дерева извѣстнымъ способомъ, не пройдетъ ни за что, а по затесамъ и этимъ зарубкамъ только и можно ходить и выходить изъ трудобъ сибирскихъ громадныхъ лѣсовъ. Въ степи бродягамъ ночью звѣзда Стожаръ свѣтитъ и путь указываетъ, а вечерняя заря съ утреннею ни на востокъ не направитъ, ни въ китайскую сторону не собьетъ; на востокъ можно съ голоду умереть отъ безлюдья (да и такой путь никуда не выводитъ), на югъ китайцы привыкли возвращать ссыльныхъ обратно, передавать ихъ въ руки начальства. Оттого-то опытные бродяги никогда со своей варнацкой дороги не сбиваются; оттого-то, по своимъ путямъ, бывалые изъ нихъ съ Кары въ Читу попадаютъ пѣшкомъ въ семь дней, тогда какъ и почта по всей дорогѣ раньше четырехъ сутокъ рѣдко когда поспѣваетъ. Только въ случаѣ крайняго голода и недостатка провизіи бывалый бродяга рѣшится въ Забайкальѣ зайти въ незнакомое селеніе. Жилыя мѣста онъ обходитъ, какъ волкъ, но пуще всего боится и съ особенною осторожностью крадется около Братской степи, боясь встрѣчи съ бурятами. Одинъ такой шелъ въ сторонѣ отъ улуса, прикрываясь кустами, но не укрылся отъ зоркаго степняка. Рысьи глаза бродягу замѣтили, бурять съ намыченнымъ ружьемъ приблизился на нѣсколько шаговъ. Бродяга упалъ на колѣни и, сложивъ на груди руки, молилъ о пощадѣ, обѣщая все, что имѣлъ на себѣ. Бурять склонился на просьбу, а когда условились они о дѣлѣ, бродяга поползъ къ врагу на колѣняхъ, не переставая ублажать его пласивымъ голосомъ, ласковыми словами, и вдругъ, схвативъ съ земли камень, угодилъ имъ въ голову всадника. Оглушенный бурять выпустилъ изъ рукъ ружье, бродяга схватилъ его, стащилъ врага съ коня, убилъ

и на лошади уже проѣхалъ впередъ остальную часть степи.

Другой разъ кандаальная партія, идучи трактомъ къ Нерчинску, разбила конвой, забрала ружья, порохъ и патроны и нѣсколько мѣсяцевъ держала почтовый трактъ въ осажденномъ положеніи. Сосѣднихъ бурятъ пригласили на помощь для поимки, сдѣлали облаву, но трусливый народъ этотъ не посмѣлъ прямо напасть на вооруженныхъ людей. Изъ цѣлой большой облавы нашлось только двое отважныхъ. Согнувшись на лошадяхъ степнымъ обычаемъ такъ, что справа заслонены были головами лошадей, два смѣлача, вооруженные одинъ ружьемъ и пистолетомъ, другой лукомъ и стрѣлами, маневрировали по степи, пригнувшись къ одному боку лошади и стрѣляли одинъ за другимъ въ ретировавшихся бродягъ. Первый выстрѣлъ попалъ въ атамана шайки, другими уложены были нѣкоторые изъ бѣглецовъ. Остальные отстрѣливались и бурять съ лукомъ былъ убитъ. Однако, смерть предводителя и нѣкоторыхъ товарищей ослабила смѣлость остальныхъ и охоту отбиваться. Облава, тѣмъ временемъ, сблизилась въ кругъ и забрала всѣхъ оставшихся бродягъ безъ боя.

Между бурятами ведутся такіе молодцы, которые иногда цѣлью своей жизни поставляютъ охоту за горбачами (а горбачъ — тотъ же бродяга съ неизмѣнною котомкою на спинѣ). Эти звѣри изъ монгольскаго племени отыскиваютъ жертву по огоньку, по костру, который разводятъ бродяги по сибирской привычкѣ, чаще для того, чтобы обогрѣться или сварить себѣ грибовъ, кашу или обогрѣть и дать отойти деревенѣющимъ отъ ходьбы членамъ.

Засвѣтился этотъ огонекъ въ сторонѣ, далеко отъ жилого мѣста, въ дикомъ лѣсу, и идетъ по этому мѣсту варнацкая дорога, — бурять налетаетъ, выстрѣломъ кладетъ одного, на всемъ лошадиномъ скаку заряжаетъ свою винтовку во второй разъ, кладетъ другого и затѣмъ третьяго, если этотъ не успѣлъ бѣжать. Лопатина (носальное платье бродяги) — награда буряту за выстрѣлы, а мертвыя тѣла уберетъ начальство земское (если натолкнется) или съѣдятъ волки (если наюхаютъ).

Въ то время, когда производилось заселеніе Забайкалья назначенными изъ Россіи переселенцами съ зачетомъ за рекрута (и производилось весьма неудачно), промыселъ на горбачей былъ дѣломъ привычнымъ и недиковиннымъ.

— Гдѣ мужчины? — спрашивалъ одинъ проѣзжій бабу, случайно остановившись въ одной избѣ по красноярскому тракту.

— На горбачей пошли, — отвѣчала хозяйка тѣмъ тономъ, какъ будто они пошли „губы ломать“ (т. е. грибы собирать), и объяснила затѣмъ:

— Вчера ходили, промыслили только одного да бѣднаго: поживились лопатинкой одной. Въ

прошломъ году у одного нашли подъ стельками въ сапогахъ 50 рублей.

Иркутскій губернаторъ Рупертъ велѣлъ, говорить, загонять 13 человекъ такихъ охотниковъ на смерть, и съ той поры грабежи и разбои, систематически веденные, прекратились надолго, но не совсѣмъ. Въ 1805 году бродяги ночью, за 50 верстъ до Иркутска, напали на одного изъ свиты посольства въ Китай гр. Головкина (на камеръ-юнкера Гурьева), ограбивъ котораго, оставили и его самого и людей его привязанными къ деревьямъ. По донесенію Головкина, сыльные бродили тогда по Сибири тысячами безъ приюта и средствъ къ существованію. Не такъ давно въ Ачинскъ судился крестьянинъ за 14 убійствъ, произведенныхъ надъ горбачами. По сознанию его, онъ изъ всѣхъ 14 только у одного нашелъ 25 рублей; съ остальныхъ поживился только носильнымъ платьемъ или лопатиною. Попался онъ въ убійствѣ родного дяди, убійствѣ, обставленномъ ужасными подробностями. Изъ спины убитаго убійца вырѣзывалъ ремни, а внутренности его, какъ веревки, вытаскивалъ и наматывалъ себѣ на руку.

Другой изъ такихъ ловцовъ проходившихъ по волѣ варнаковъ считалъ на своей совѣсти до ста человекъ, изъ которыхъ меньшая половина была имъ перевязана и представлена живыми (въ чаяніи получить за то назначенную награду въ 3 руб. сер.); остальная большая половина была перебита и ограблена. Сыщикъ, какой-то Грудинкинъ, по представленію начальства (говорить забайкальское преданіе) имѣлъ, за поимку ста бѣглыхъ, золотую медаль на шеѣ.

— И теперь бурятъ, увидѣвъ на бѣглому порядочную одежду, сократить его жизнь не задумается, — увѣряютъ старожилы.

— На рваную лопать теперь братскіе мало прозираются, — добавляют сами сыльные, но тѣ и другіе, старожилы и сыльные, держатъ въ памяти слѣдующее событіе изъ быта бродягъ, по разсказу одного изъ нихъ.

„Шли мы втроемъ. Верстъ тридцать отошли отъ завода (Петровскаго). Въ одномъ распадкѣ увидали сыщика изъ карымовъ *), по лицу признали его. Этотъ надо быть самый, про котораго товарищи въ тюрьмѣ сказывали и велѣли бояться. „А увидите-де его, прячьтесь скорѣй, человекъ этотъ сердца не имѣетъ и пощадъ не вѣдаетъ“. Да и сами мы знаемъ

*) Карымы — забайкальскіе крестообразные русскіе съ бурятами, монголами и тунгусами. Таковы почти всѣ жители Приаргунскаго края. На р. Чикой нѣкоторые карымы успѣли уже сдѣлаться осѣдлыми. На р. Аргуніи они почти исключительно занимаются контрабандою, отчего во всемъ Забайкальѣ мирничны чай носятъ еще придаточное названіе карымскаго.

повадку бурятъ, коли встрѣтитъ нашего брата безъ ружей, а самъ сидитъ на конѣ: либо захочетъ живыми взять и такихъ представить, тогда велитъ перевязать другъ дружкѣ, третьяго спутаетъ самъ; либо велитъ сѣсть на колоду рядомъ, отъѣдетъ въ сторону да пулей изъ винтовки пронижетъ всѣхъ тронхъ разомъ и трупы на волковъ покинетъ въ полѣ. Въ его это волѣ. Тамъ у насъ въ тюрьмѣ всѣ объ этомъ сказываютъ.

„Вспомнили про это про самое, какъ встрѣтились съ нимъ глазъ на глазъ; успѣли только другъ на дружкѣ взглянуть да перемигнуться. Всѣ одно разомъ надумали: удирать-де надо, нечего тутъ артель плотить. Всякъ самъ по себѣ нищи спасенья. И приснули мы въ разные стороны, сколько силы хватило. Бѣжимъ.

„Я бѣгу безъ оглядки, кажись пуше всѣхъ; золь я былъ бѣгать-то и на каторгѣ за то большія похвалы получалъ. Вижу я это и чувствую, бѣгу. Слышу: выстрѣлъ шелкнулъ, одного, молъ, товарища порѣшилъ окаянный, да котораго?... Сдумалъ я это, а самъ все бѣгу и не распозналъ съ горяча-то, что лѣсъ пошелъ. Опять выстрѣлъ слышу: послѣдняго, молъ, товарища съѣлъ проклятый бурятъ (даромъ этотъ народъ ни одного выстрѣла не теряетъ, къ тому напояженъ). За мной теперь, значить, чередъ состоятъ.

„Глянулъ я въ сторону, а тутъ буря, надо быть, дерево вырвала съ корнемъ и яма обозначилась. Шмыгнулъ я туда и сталъ прятаться, ноги подбирать, всего себя въ комокъ укладывать такъ, чтобы и на мѣстѣ меня не зная было. И все мнѣ кажется, что нога на свѣту; я тутъ и духъ притаилъ, молчу и не дышу, и думаю. Разное думаю, а уши держу на самой макушкѣ и, кажись, весь животъ-отъ свой въ себя забралъ, чуть не замеръ я тутъ на этомъ дѣлѣ. Опомнюсь — топоръ лошадиный слышу, словно вотъ въ самое-то ухо лошадь ѣдетъ. У меня и свѣтъ помутится и дрожь проберетъ, я опять приду въ себя и опять думаю: вотъ-вотъ ухватить онъ меня на арканѣ и въ торока вскинеть, а вскинеть онъ меня, надо быть, потому, что на товарищахъ-де кровяную пасть свою натѣшилъ. Вспомню я все это, опять у меня подопреетъ въ груди, опять не переведу духу. Глаза не видать, въ ушахъ зазвенитъ, такъ что тошнить даже стало. Приду въ себя, сгребусь за шею, нѣту веревки, стану опять прислушиваться, уши надирать — опять топотъ слышу. Ишь, думаю, разлакомился чертовъ сынъ! ищеть! Мало, молъ, тебѣ двухъ-то, и моя лопатина понадобилась. Глянулъ я на себя, смѣхъ подступать сталъ: лопатина-то рваная, заплатъ заплату ищеть, дыра на дырѣ. Смѣхъ меня взялъ — и чего смѣшно стало — самъ не знаю. Отъ смѣху-то этого, что ли, ка-быть легче стало и страхъ прошелъ. Сталъ озираться, въ

какое, молъ, такое мѣсто угодили: корешки висятъ и яма способная. Медвѣдъ, молъ, тутъ безпрѣменно жилъ всю зиму и лапу сосалъ. Судя маля это и опять смѣхъ меня пробралъ!.. Прислушался онять—замеръ топотъ. Вдохнулъ я тутъ отъ самаго донушка и крестъ на себя положилъ. Теперь, молъ, я полежу тутъ, пущай уѣдетъ, раздѣнусь.... Такъ я и сдѣлалъ.

„Дождался я въ ямѣ ночи, переспалъ. Проснулся на утрѣ, свѣтло ужъ было; ѣсть захотѣлъ, такъ ѣсть захотѣлъ, что въ ямѣ лежать кабыть стыдно стало, выльѣзъ. Пойду молъ, дальше—что будетъ! Поднялся на хребетъ, все лѣсомъ иду. Первая мнѣ на глаза метнулась березка молоденькая, стоитъ передо мной съ очей на очи. Дай-ко, попробую на ней свою силу, сколь отошаль? Вздумалъ—рванулъ, съ корнями вырвалъ, обрадовался. Значить, во мнѣ еще есть сила и идти могу и подрасться могу, коли доведется мнѣ такой случай.

„Иду я дальше, обламываю на ходу съ березки вѣтки, корни у ней оборвалъ—стала палка съ комлемъ, здоровая такая. Сталъ упираться на эту палку, идти легко и пріятно. Дорога вывела меня на самой хребетъ, на вершину. Озираюсь кругомъ: лѣсъ вижу, деревья рѣденько растутъ, а книзу все голый камень и березники тамъ совсѣмъ изныли, такъ все и видно черезъ него. Вижу, въ одной пади дымокъ закурился, винтомъ такимъ стоитъ далеко отъ меня. И какъ увидѣлъ я этотъ дымокъ, словно меня въ спину-то толкнулъ кто и по ногамъ урѣзалъ. Присѣлъ я на корточки, ползти началъ, за деревьями прятаться, выползъ изъ-за деревьевъ, камни пошли; межъ камнями на брюхо легъ и поползъ ближе къ дымочку, подъ гору. Поглядѣть мнѣ захотѣлось, кто тамъ. Долго ползъ, тихо ползъ. Сталъ подползать—различаю: огонь развелъ бурятъ, а не варнаки наши. На огнѣ бурятъ пищу себѣ варить, коня на арканъ привязалъ къ дереву, винтовку прислонилъ къ огню. Я припалъ за камень, думалъ завалиться тутъ и не ползти дальше, ну ихъ къ черту! Да глянулъ я изъ-за камня-то, а бурятъ-отъ повернулся на тотъ разъ рожею, я такъ и сѣлъ назадъ. Вадрогнуло сердце и застучало, въ ушахъ опять зазвенѣло, въ рукахъ и ногахъ дрожь забила: тотъ самый карымъ, котораго надо, и лошадь его! Радость такъ и разлилась по всему по мнѣ и въ косточкахъ мозгъ занялъ; я глаза какъ уперъ въ него, такъ и не сводилъ съ него. Онъ самый! Теперь ты въ моихъ рукахъ, только бы вотъ спрятаться-то мнѣ поладилъ, постой ужю! Знаю я вашу бурятскую повадку: теперь вотъ ты нажрешься падали-то своей, спать ляжешь безпрѣменно и сѣдло себѣ подъ голову подложишь. Всѣ вы таковы!

„Вздумалъ я такъ-то, прилегъ за камень, большой такой камень выбралъ; подожду, молъ,

когда ты спать ляжешь. Пустилъ я на него глазомъ: такъ точно, поѣлъ, свернулся; подъ голову, можетъ, и одежу-то моихъ товарищей подложилъ, мягко ему; зубъ даже у меня на тотъ разъ скрипнулъ. Легъ братской и винтовку положилъ себѣ къ боку, меня вспомнилъ. Помни!...

„Раза три порывался я къ нему, да все на умъ приходило: не крѣпко заснулъ, пробудится. Пусть заберетъ сна побольше, распластаетъ суставы-то, захрапится. Рванулъ я въ четвертые и лѣзъ на него недолго: тутъ онъ весь передо мной, какъ на блюдѣ, обозначился. Оторвалъ я винтовку къ себѣ, схватился самъ я на ноги. рѣзнулъ его, что было силы во мнѣ, палкой по головѣ, да за арканъ его. Попробовалъ арканъ, не крѣпко что-то показался мнѣ; снялъ свой кушакъ, закрутилъ назадъ руки, ноги связалъ, подтащилъ его къ дереву, привязалъ его поперекъ. Отошелъ отъ него—и люблюсь!

„Братской въ себя пришелъ, заговорилъ, просить, общается:

„— Отпусти, сдѣлай милость! Хлѣбъ возьми, винтовку возьми, лошадь!

„— Я, молъ, и безъ твоего спросу возьму все это.

„— Денегъ возьми съ меня!

„— И это возьму (думаю), если есть у тебя, а нѣтъ, такъ и денегъ твоихъ не надо.

„Онъ говорить, а я не слушаю.

„— Отпусти, слышь, меня, ловить васъ не стану и зарокъ такой на себя наложу.

„— Не шути, молъ, чертовъ сынъ, не обманешь. Гдѣ тутъ хлѣбъ у тебя? показывай, бурятская рожь.

„На торока показалъ.

„— Крупа гдѣ?

„И крупу показалъ.

„Сталъ я кашницу себѣ варить. Онъ меня молить, а я и слушать его не хочу, радуюсь. Сварилъ я кашу, ѣсть ее сталъ, а онъ все воетъ. Поѣлъ я, котелокъ выпросталъ до суха, взялъ да еще полый его вытеръ сухо на сухо. Наломалъ хворосту, огонь подживилъ, затрепало, дымъ такой пошелъ. Далъ я этому дыму прочиститься. Пустой котелокъ подвѣсилъ изъ огонь, сталъ его калить. А товарищи съ ума неидутъ, а братская противная рожь смотритъ тутъ.

„Раскалился мой котелокъ до краснаго цвѣта. Снялъ я его съ огня, какъ онъ былъ, красный-раскрасный, да и надѣлъ я его братскому за мѣсто шапки на голову, по самыя плечи пришлося“...

По другому варианту разсказа дѣло было такъ. Бѣглаго поймали трое бурятъ (онъ хотя и спрятался, но его примѣтили), привязали къ дереву. Сами стали ѣсть и разговаривать по своему. Изъ разговора ихъ бѣглый хорошо понималъ, что они хотѣтъ поживиться его лошадью, а его убить. Затѣмъ поѣли, напились араки (рисовой китайской водки), спать легли. При-

вязанный ссильный, замѣтивъ ножъ, забытый ими, сталъ измышлять какъ бы высвободиться, достать ножъ. Ловкими поворотами и напряженіями мышицъ ему удалось опуститься по дереву ниже, ближе къ корню, къ землѣ и ножу. Здѣсь ему удалось высвободить одну ногу и доткнуться ею до ножа и послѣ мучительныхъ усилій придвинуть ножъ къ себѣ, ногою поднять его съ земли и перерѣзать имъ веревки такъ, чтобы освободилась рука одна, а тамъ стало быть и весь онъ всталъ на ноги, развязался. Первымъ дѣломъ его было зарѣзать этимъ ножомъ одного спавшаго бурата, затѣмъ второго. Надъ третьимъ, рѣшившимъ его смерть, вознамѣрился потѣшиться: въ свою очередь привязалъ его къ дереву и продѣлать все то, что рассказано выше и съ тѣми же самыми подробностями въ основной легендѣ.

Таковы забайкальскія легенды, рассказываемыя вездѣ, съ нѣкоторыми мелкими добавленіями. Но вотъ и официальное дѣло, до сихъ поръ памятное всѣмъ старожиламъ и взятое нами цѣликомъ изъ архива Нерчинскаго завода.

„Крестьянинъ Бурцовъ жнетъ въ Козловской пади рожь.

„Въ десятомъ часу вечера къ нему скачутъ на лошадахъ трое ссильныхъ изъ Кутомарскаго завода и строго приказываютъ Бурцову варить имъ ѣсть.

„— При мѣ котла не имѣется, — отвѣчалъ Бурцовъ: — онъ въ юртѣ *), гдѣ ночую.

„— Вотъ тебѣ конь, скачи!

„Бурцовъ сѣлъ и ускакалъ. Не проѣхавъ десятины, онъ увидѣлъ сосѣда, боронившаго пашню, подовзвалъ его къ себѣ и успѣлъ вымолвить:

„— Ко мѣ пріѣхали три человѣка гостей изъ злодѣевъ. Какъ бы съ ними поправиться?

„Сосѣдъ совѣтовалъ:

„— Ты поѣзжай назадъ къ нимъ и какъ можно, мѣшкай, а поѣду повѣщу нашихъ.

„Бурцовъ возвратился „къ онымъ возжирамъ“ съ котломъ и началъ варить имъ картофель. Одинъ изъ ссильныхъ поспѣшилъ спросить его:

„— А кто къ тебѣ подходилъ?

„— Ко мѣ подходилъ крестьянинъ Чирковъ и спрашивалъ: „Кто къ тебѣ пріѣхали трое на коняхъ“? И я сказалъ, какъ вы приказали, что казенные люди у меня въ гостяхъ, просятъ ѣсть.

„Ссильные повѣрили.

„Потомъ Бурцовъ, прося у нихъ позволенія идти молотить, съ тѣми мыслями, когда его гости увидятъ себѣ облаву отъ повѣстителей, не прекратили бы его, Бурцова, жизнь.

„Черезъ часъ времени прискакалъ Чирковъ съ тремя крестьянами, которые и кричали бродягамъ:

*) Собственно не юрта, а обыкновенный балаганъ или шалашъ.

„— Вставайте и раздѣвайтесь до нага! Ножи бросайте!

„Но отъ такого внезапнаго нападенія оные ссильные, не оробѣвши, схватились за свое оружіе: за топоръ, косу и за жердь, кинулись стремглавъ на оныхъ, и при первомъ боѣ ссильный Никифоровъ замахнулся косою на крестьянина Чиркова. Чирковъ, игнѣвши въ рукахъ стягъ, отвелъ поразительный замахъ косою онымъ стягомъ и, отъ пересѣченія косы на двое оный стягъ переломился и въ горячности не помнитъ Чирковъ, кто ему проломилъ въ то время голову и чѣмъ, не знаетъ.

„Увидя упавшаго на землю Чиркова, двое крестьянъ усаkali въ деревню. Ссильные Никифоровъ и Коурый бросились на третьяго крестьянина Бурцова: одинъ съ топоромъ, а другой съ косою. Но въ это время пришедшій въ себя Чирковъ схватился съ земли, на которой лежалъ ошеломленъ, осколкомъ стяга ударилъ Коураго въ голову такъ сильно, что тотъ сунулся лицомъ въ землю и выронилъ изъ рукъ отнятое отъ крестьянъ оружіе. Ружье это подхватилъ третій крестьянинъ (Обуховъ).

„Пользуясь суматохой, третій ссильный (извѣстный Забайкалью разбойникъ и пѣсенникъ) Горкинъ скрылся, а Никифоровъ успѣлъ вскочить на лошадь въ то время, когда Коурый пришелъ въ себя, поднялся съ земли, ухватился за полушубокъ сидѣвшаго на лошади товарища и сажень пять тащился за нимъ. Стащивши такимъ способомъ Никифорова съ лошади, Коурый, вмѣстѣ съ нимъ, повалился на земь. Первымъ опомнился Никифоровъ, вскочилъ на ноги, выронилъ косу и мгновенно выхватилъ ножъ. То же, въ свою очередь, сдѣлалъ и крестьянинъ Обуховъ. Лошадь очутилась между ними. Тотъ и другой, стараясь черезъ нее достать другъ друга ножами, наносили взаимныя раны. Больнѣе другихъ пришлось Никифорову, который въ азартѣ закричалъ Коуруму: „Не выдавай! руби топоромъ!“ Въ это время Коурый успѣлъ уже схватиться съ Чирковымъ, который отбивалъ его удары. Тогда же Бурцовъ успѣлъ зарядить ружье, выхваченное у Чиркова, и пугей, погнавшей въ правый бокъ на вылетъ, положилъ на мѣстѣ Никифорова. Коурый, воспользовавшись минутой, „видя неустойку“, сѣлъ на лошадь и ускакалъ.

„Обуховъ остался при мертвомъ, а Чирковъ „палъ на коня“ и пустился въ погоню за Коурымъ хребтами до такъ называемой горы Убиенной *). Потерявши слѣдъ и истощивши свои

*) Убиенныя горы и хребты въ Сибиря немало. За тѣмъ же Байкаломъ, подлѣ Селенгинска, одна такая гора названа такъ потому, что у подошвы ея бураты напали на конвой, сопровождавшій посольство Головина, въ 1689 году, ѣхавшаго въ Китай. Произошла сильная стычка. Головинскихъ солдатъ бураты сильно тѣснили. На подкрѣпленіе ихъ вышелъ изъ Селенгинскаго гарнизона подъ начальствомъ ссильнаго мало-

и лошади силы, Чирковъ принужденъ былъ вернуться назадъ въ деревню, которая находилась верстахъ въ пяти отъ мѣста побоища. Туда же Обуховъ привезъ убитого и „положить въ яму въ дабинной ветхой рубашкѣ и порткахъ“. На полѣ битвы слѣдственная коммиссія нашла трофей и записала въ дѣло такъ: „Бѣлая даха, голубой конь, правое ухо провернуто трубкой; сѣдло — некрашенная деревяга безъ стремятъ, потникъ ветхій, сивая кобыла вдовы Дружихи, уведенная изъ Кутомарскаго завода въ ночное время, съ худымъ сѣдломъ и потникомъ, худой кушакъ съ маленькимъ ножомъ“. Всѣ эти вещи принадлежали сыльнымъ. У крестьянина Чиркова, при осмотрѣ, оказались три раны*.

Если прибавить къ этому еще три-четыре дѣла, сопровождавшихся также убійствами (не менѣе ожесточенными) и также грабежами (не менѣе смѣлыми), то на этомъ и завершатся всѣ рѣзкія злодѣяства бродягъ въ Забайкальскомъ краѣ*).

Въ остальной Сибири дѣянія бѣглыхъ становились опасными во всѣхъ тѣхъ безлюдныхъ и голодныхъ мѣстахъ, гдѣ имѣли неосторожность указывать каторжнымъ какія либо работы. Всѣмъ памятна разбойничья шайка, собравшаяся изъ тѣхъ каторжныхъ, которые посланы были на закладку соляной варницы (теперь уже не дѣйствующей) на пустынномъ пространствѣ за Леною. Жестокое обращеніе, при всевозможныхъ физическихъ и матеріальныхъ лишенияхъ, вызвали частые побѣги. Убійства и поджоги вскорѣ наполнили весь край тревогою и страхомъ. Въ лѣсахъ приленскихъ бѣглецы собрались въ грозную шайку разбойниковъ, хорошо вооруженную и потому имѣвшую возможность долгое время держаться на Ленѣ. На лодкахъ съ двумя пушками бродяги гуляли по широкому раздолью рѣки, богатой извилинами и заливами, защищенными древесными корнями и подручною непроходимою лѣсною трещею. Изъ этихъ притоновъ они нечаянно нападали на деревушки, не обезпеченныя и не приготовленныя къ отпору, и на жителей, давно уже обмѣнявшихъ военныя орудія на земледѣльскія. Приленскія деревни представляли для разбойниковъ вѣрную и безопасную добычу. Страхъ обуялъ весь приленскій край. Разбойники начали нападать уже на остроги и города. Въ одномъ острогѣ успѣли даже выдержать отчаянную свалку съ мѣщанами, но побѣдили:

россійскаго гетмана Многогрѣшнаго, который и разбилъ бураты. Съ тѣхъ поръ селенгинскіе братскіе — настоящіе братскіе, мирные осѣдлыя города.

*) Между прочими сильно-каторжными Егоръ Григорьевичъ разбойничалъ съ шайкою изъ 7-ми человѣкъ; братскихъ клали на огонь и жгли, допытываясь денегъ. Въ дѣлѣ его были сильно замѣшаны семейскіе раскольники.

дома сожгли, имущество разграбили. Начальство спохватилось, стало принимать возможные мѣры: выслали солдатъ, собрали облавы. Шайка была разбита и разсѣяна, разбойники переловлены, отданы подъ судъ и въ 1801 году наказаны кнутомъ и посажены на цѣпь въ тюрьмахъ нерчинскихъ рудниковъ. Между ними попался сыльный (не за политическое, а за уголовное преступленіе) полякъ Левицкій, дожившій до 50 годовъ нынѣшняго столѣтія. Человѣкъ этотъ въ послѣдующей жизни успѣлъ представить собою такой характерный типъ неутомимаго и непосѣдиваго бродяги, что мы рѣшаемся остановиться на немъ и рассказать со словъ знавшихъ его и бесѣдовавшихъ съ нимъ.

„Левицкій, посланный на работы въ нерчинскихъ рудникахъ, снова урвался въ бѣга; независимый характеръ его не долго могъ носить каторжное ярмо. Постѣ различныхъ заключеній, руководимый счастьемъ и удачами, то пресмыкаясь, какъ дикій звѣрь, въ лѣсу, то снова прокрадываясь, какъ разбойникъ на дорогу, Левицкій добрался до Каспія, здѣсь былъ схваченъ, снова битъ кнутомъ и присланъ въ рудники. Изъ рудниковъ онъ учинилъ третій побѣгъ, на этотъ разъ въ Китай, черезъ Монголію, гдѣ нѣсколько грабежей его вызвали облаву. Облава замкнула его въ подвижную колонну и, измученнаго и проголодавашагося, взяла безъ сопротивленія и представила въ пограничный караулъ. Такъ какъ побѣги за китайскую границу сильно отягощали нашихъ властей большими хлопотами и длинною перепискою, а еще больше платежами за покраденное всдѣсатеро (согласно мирному трактату), то и раздраженіе начальства на таковыхъ бѣглыхъ выражалось наибольшою строгостью наказанія. Левицкій не посмотрѣлъ и на это: въ четвертый разъ онъ убѣжалъ изъ рудниковъ и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока отъ кнута и палокъ не согнулась его маленькая фигурка, а изодранное тѣло не представлялось спитымъ изъ различныхъ лоскутковъ кожи. Въ 1832 г. польскіе изгнанники 1831 года узнали своего оригинальнаго земляка уже сѣдымъ старикомъ, уволеннымъ отъ работъ, но продолжавшимъ непосѣдиво таскаться по всему Забайкалью за кускомъ хлѣба, зарабатываемому различными способами. Вѣчный бродяга таскался по горамъ и лѣсамъ съ мѣшкомъ за плечами и вубномъ. Въ мѣшокъ онъ саладывалъ куски руды, либо шерсть, которые потомъ и продавалъ. Вубномъ подыгрывалъ пѣсни и пѣснями подспорять работу, пронзительно-тонкимъ голосомъ вызывая воспоминанія о родинѣ въ полузабытыхъ польскихъ пѣсняхъ. Мѣшекъ и вубенъ были съ нимъ неразлучны. Разъ натолкнувшись на земляковъ своихъ, на вопросъ ихъ о томъ, чѣмъ содержитъ себя, отвѣчалъ: милостынею людей, о которой не просить. На предложенную мило-

стыню согласился, получить хорошее обезпечение, но благодѣяніями не воспользовался. Черезъ нѣсколько недѣль пребыванія въ домѣ изгнанниковъ, Левицкій высочилъ, какъ обваренный кипяткомъ, собралъ рвань свою, взялъ мѣшокъ съ рудою и бубенъ, и сказавши: „*Badzie mi tu zgrowi, wege ojszujo!*“ пустился на старую дорогу бродяжества. Остановившись въ какой-нибудь деревнѣ, заводилъ школу и нѣсколько недѣль училъ крестьянскихъ ребятъ, но, разсердившись и поворчавши на ребятшекъ, бралъ мѣшокъ съ рудою, разгонялъ свою школу и, ударяя въ бубенъ маршъ на погребеніе, покидалъ деревню. Крестьяне, по звуку въ бубенъ, узнавали, что учитель опять почуялъ въ себѣ волка. Ходя, такимъ образомъ, отъ деревни до деревни, вездѣ училъ, но вездѣ жить недолго. Однажды въ Култуминскій заводъ пріѣхалъ горный начальникъ Татариновъ. Все селеніе торжественно настроилось къ приему его и когда онъ спалъ самымъ пріятнымъ образомъ, раздался стукъ въ бубенъ; Левицкій выбивалъ генеральный маршъ. Безпокойство, причиненное имъ, привело его къ отвѣту. Ему грозили разбить бубенъ. Левицкій отвѣчалъ: „Вы начальники людей, а не бубновъ. Меня накажете и расшибите, но бубна не трогайте. Ежели хватить совѣсти бить старика, бейте, но берегитесь моего бубна“. Левицкаго рекомендовали чудакомъ и гнѣвъ начальства смягчили: начальникъ далъ ему рубль и отпустилъ безъ наказанія. Получая деньги, бродяга спѣшилъ напиться пьянымъ. Разъ, не имѣя на себѣ ничего, кромѣ своихъ рваныхъ тряпокъ, свалился на морозъ въ 25°, но не замерзъ, а отморозилъ только пальцы, которые, придя домой, самъ же и поспѣшилъ отрубить топоромъ. Добравшись изъ Шилкинскаго завода до Акатуя, познакомился тамъ съ арестантомъ изъ Московской губерніи, богатыремъ по росту и силѣ и къ тому же хвастливымъ. Богатырь приглашалъ на поединокъ, обѣщая полштофа тому, кто поборетъ, но никто не являлся. Левицкій, оставаясь въ это время на площади, принялъ вызовъ и, какъ Давидъ, пошелъ на Голиаа. Молодой арестантъ сбросилъ съ себя армякъ и, засучивъ рукава рубахи, гордо ожидалъ противника. Левицкій, тѣмъ временемъ, сѣлся и подшучивая, неожиданно перевернулся и всталъ на рукахъ, поднявъ ноги вверхъ. Перевернувшись во второй разъ, онъ стрѣлой бросился на противника, ударилъ его каблукомъ въ переносье, потомъ схватился на ноги и быстро повалилъ подъ себя озадаченнаго и испуганнаго силача. Такова-то была старость этого челоуѣка, истаскавшаго свою жизнь въ бродяжествѣ! Къ прочимъ свойствамъ его должно отнести рѣзко бросающееся въ глаза безвѣріе, религіозный индифферентизмъ. Онъ любилъ спорить со священниками и показывалъ глубоко

испорченную душу. Прекословилъ всякому, священниковъ и церковниковъ хваталъ за рясы и говорилъ: „Нѣтъ Бога!“ Кто готовъ былъ войти съ нимъ въ споръ, тѣхъ охотно подчинялъ и ублажалъ тѣмъ мотъ этотъ Вольтеръ въ лохмотьяхъ. При такомъ паденіи онъ, однако, сумѣлъ уберечь съ давнихъ временъ неуступчивость, гордость и уваженіе къ собственному достоинству. На свои лохмотья онъ смотрѣлъ, какъ король на пурпуръ. Злодѣйствъ своихъ совѣмъ не стыдился. Въ началѣ 60-хъ годовъ объ немъ уже не было слышно, навѣрно онъ умеръ гдѣ-нибудь въ лѣсу, либо на пути къ какому-нибудь новому Ханаану, которые во всю жизнь казались ему не тѣми, все не по немъ, всѣ безъ соблазновъ на оскѣдность. Невольно не сломала и не переименила характера, но сдѣлала то, что въ зловонной ея атмосферѣ челоуѣкъ потерялъ внутреннія достоинства, достигъ до совершеннаго уничтоженія и только на лучшей конецъ сталъ чудакомъ и не разучился пѣть пѣсни отчизны“.

За Байкаломъ, большею частью, дѣянія бѣглыхъ оканчиваются мелкимъ воровствомъ, на которое идутъ они, по силѣ обстоятельствъ, вынуждаемые голодомъ первопутья и предусмотрительностью для успѣха и облегченія дальнѣйшихъ странствій. Впрочемъ, на этотъ случай въ тюрьмахъ сложилась и выговорила, такая притча:

— Что же, батька (спрашиваетъ сынъ у отца), ты меня посылаешь на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковичу нашель.

— Дуракъ! луковица, аякъ копейка. Сто дунгъ, сто луковицъ, воть-те и рубль!..

Кстати: въ Сибири бродяжество до того за обычай, что даже въ сказкахъ (разумѣется, заимствованныхъ изъ Россіи) походженія сказочныхъ героев переведены на бродягъ и въ этомъ отношеніи сибирскія сказки являются съ значительными вариантами. Воть почему архивныя дѣла съ притѣвительною подробностью повѣствуютъ о похищеніяхъ бѣглыми лошадей. Похищеніе крестьянскихъ лошадей—самое обыкновенное и частое преступленіе бродягъ, идущихъ мелкими партіями, свидѣтельствующихъ этимъ о томъ, что они не на шутку собрались въ дальнюю дорогу, а вовсе не для легкой потѣхи пошалить, покататься и развлечь скуку одиночнаго тоскливаго сидѣнья взаперти. Сибирь переполнена разсказами проѣзжихъ, которые сводятся почти всѣ на одно: на проселкахъ, въ угрюмой окрестности, натолкнулись на шайку бродягъ. Разбойничьи лица, осанки, наружность показывали смѣлость и отвагу. Здѣсь они у себя, въ лѣсу, на волѣ, оборванные, съ топорами и ножами за поясомъ, нападутъ, ограбятъ и убьютъ. Бродяги робкими голосами попросили подаянія; такъ дѣлаютъ зашедшіе далеко. Не такъ поступаютъ начинаю-

щие свой путь. Хорошо обдумавшая побѣгъ, бывшая партія съ того начинается первые шаги на пути, что подстерожетъ какого нибудь ротозѣя или просто одинокаго человѣка и ограбитъ. То и дѣло заводскіе слѣдователи записываютъ такіа показанія:

„Находились мы при шурфовкѣ въ Акатуевскомъ рудникѣ, въ зимовѣ бѣжали оттуда. Пошли лѣсами къ Алгачинскому руднику, ночью скрывались въ чащахъ. Не доходя рудника, увидѣли въ колѣхъ человѣка, собирающаго таловое лыко для приготовления въ казну ужищевъ; отняли у него ружье съ пороховъ и пулями. Зашли въ падь, называемую Талмакъ. Тутъ, при жженіи угля, находился отставной служитель; подождали мы, пріѣхалъ товарищъ на лошади, мы лошадь украли. Когда оба заснули, украли мы хлѣба 4 ковриги, картузь, шпатель, кушакъ и юфтовые чарки (родъ сапоговъ). Пошли на пашню, выпрягли двухъ лошадей изъ сохъ; на одной пади „Янки“ отняли у крестьянина сѣдло. Въ лѣсу встрѣтились съ 4 человѣками, бѣжавшими изъ Кутомарскаго завода. Отъ него пошли въ Донинской хребетъ и у деревни того же имени остановились. Я съ дружимъ товарищемъ отправленъ былъ въ деревню для воровства коровы, но, увидѣвъ ѣдущихъ съ рудой конвойщиковъ, мы ударились въ другую сторону хребта, гдѣ у встрѣтившагося крестьянина выпросили хлѣба. Онъ намъ далъ хлѣба и мы его не трогали“, и проч.

А то и такъ (по архиву Петровскаго завода): „Бѣглие съ Кары на р. Шилкѣ выстроили избу и зимовали въ ней. Весной согласились бѣжать дальше; въ ближней деревнѣ украли лошадей, одну лошадь отняли у встрѣтившагося имъ на дорогѣ братскаго. Въ одной пади жили съ недѣлю; товарищи по-знати сходили въ Петровский заводъ и привели оттуда, для пропитанія своего, корову“, и проч.

Съ другою партією встрѣтились конные бураты. Бѣглие бросились на нихъ и всѣхъ съ лошадей поснимали, а сами сѣли и ускакали. Спѣшныя братскіе пришли въ заводскую петровскую контору жаловаться и, между прочимъ, рассказывали о томъ, что бродяги, взмостившись на братскихъ ковей, кричали имъ вслѣдъ: „Можно васъ, братскихъ, легко намъ убить, такъ какъ мы-де уже каторжнаго званія люди“.

— Безъ воровства и не пройдешь,—толкуютъ сами бѣглие:—что украдешь, тѣмъ и проживешь; ѣшь прошенное, носишь брошенное, живешь краденнымъ. Какимъ бы способомъ напѣ братъ могъ такіа большія дороги дѣлать и такіе подвиги совершать? Отъ Нерчинска до Москвы дойти—не мутовку облизать.

Показанія эти находятъ себѣ оправданіе и въ архивныхъ кладовыхъ, въ формальныхъ дѣлахъ. Вотъ, между прочимъ, изъ множества другихъ случаевъ, одинъ образчикъ (найденный на-

ми въ Кяхтѣ), образчикъ признанія, сдѣланнаго бѣглымъ, задавшимся одною изъ труднѣйшихъ задачъ бродяжества: изъ Охотскаго порта въ Кяхту.

Являетъ признаніе мѣщанинъ кяхтинскаго общества, наказанный за преступленіе кнутомъ и сосланный въ ссылку въ Охотскій портъ, а въ чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„По конfirmaціи главной команды въ 1800 г. сосланъ я былъ въ ссылку и препровожденъ подъ караулomъ, черезъ земскія правительства, и по приводѣ въ городъ Якутскъ сданъ былъ дворянскому засѣдателю и со онымъ былъ отправленъ, въ числѣ прочихъ преступниковъ 850 человѣкъ, для чищенія дороги къ рѣкѣ Маѣ, за присмотромъ казаковъ безъ всякихъ крѣпей. Слѣдуя къ рѣкѣ Маѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ укравъ у якутовъ ружье и пять котиковъ, изъ партіи бѣжалъ одинъ и въ хребтахъ сошелся съ таковыми же ссыльными, всего шестью человѣками, и съ ними шелъ хребтами и лѣсами 45 дней, питаюсь украденнымъ въ разныхъ мѣстахъ у промышленныя тунгусовъ звѣриннымъ мясомъ. Вверхъ по р. Аддану нашли мы на бѣглыхъ тунгусовъ 4 человѣкъ. Здѣсь товарищи отъ меня отстали, а съ тунгусами согласясь, которые и вели меня на Амурь-рѣку къ устью, впадавшему въ море, называемому разливу, гдѣ живутъ ороченны, и сами остались въ томъ мѣстѣ, а я оттолъ пошелъ одинъ по жилью, а гдѣ есть ороченны, то, зайдя ко онымъ, вытребуя пищи, называлъ себя промышленнымъ и заблудшимъ человѣкомъ, которые мнѣ показывали путь, какимъ образомъ можно выдти къ р. Горбицѣ. По словамъ ихъ вышелъ къ оной, покралъ тутъ со степи лошадь; доѣхалъ на оной до г. Нерчинска ночью, переночевалъ у отставнаго солдата Семена (а чьихъ прозывается—не знаю). А оттолъ ѣхалъ братскими улусами и мелкими деревнями, и, отѣхавъ отъ Нерчинска верстъ съ 200, переѣхалъ за границу; промѣнялъ тамъ мунгаламъ имѣвшіеся при мнѣ 5 котиковъ и винтовку, покраденныя у якутовъ, за которые вымѣнялъ серебра съ 16 ланъ и чулчу (дешевую шелковую китайскую матерію). По вымѣнѣ оныхъ вещей слѣдовать до здѣшней крѣпости (Селенгинска) извѣстными мнѣ мѣстами, а укрывался въ домѣ матери. Сверхъ того воровства чинилъ: въ-1-хъ, толмача Анжикна быка шерстью бураго и безхвостаго; во-2-хъ, четырехъ лошадей; въ-3-хъ, двѣ лошади; въ-4-хъ, двѣ же лошади и всѣ оныя, также и прежнюю лошадь, на которой ѣхалъ, провезъ я за границу потаенными мѣстами и продалъ за наличныя деньги мунгаламъ (монголамъ) за сто руб., съ которыми прежде до ссылки имѣлъ дѣло. Вчерашняго числа примѣрно пополудни, часу въ 8-мъ, пришесть въ здѣшнюю крѣпость и въ стоящемъ за выѣзжемъ рогаткою кабакѣ подѣ

окомъ выпилъ вина за три раза по 10 коп., а узналъ ли сидѣлецъ, знать не могу. И оттоль, мимо рогатки и гобвахты, прошелъ къ дому тетки подь окно и просилъ у нее хлѣба. На вызовъ мой вышелъ изъ избы какой-то служивый и отъ онаго я бѣжалъ, а гдѣ служивый остался, я уже не знаю. Потомъ уже, въ другой или третій разъ пришедъ въ дому тетки, вызвалъ ее на дворъ и въ то время выбѣжали изъ двора, а сколько человекъ, не упомяну, втащили меня въ избу, а оттоль взять на гобвахтѣ. А имѣвшій на мнѣ лабашекъ (полушубокъ), камзолъ и котомку съ деньгами, кто съ меня снялъ или я самъ сбросилъ, того за пьянствомъ не упомяну. Признаніе это Карпъ Патюковъ учинилъ „чрезъ посаженіе въ деревянную колодку и устраивали посаженіемъ же въ большую колодку и желѣза“ (добавилъ къ дѣлу писарь).

Разсчитывающіе на дальнюю дорогу бывалые бродяги весьма нерѣдко запасаются фальшивыми паспортами. Мастерятъ ихъ сами въ тюрьмахъ, покупаютъ и на сторонѣ у знающихъ это мастерство людей, крадутъ по ночамъ и у тѣхъ счастливыхъ товарищей, которые успѣли заpastись ими. Попадаютъ иногда на томъ, что полуграмотный писарь выставить очень крупный номеръ, длинную цифру, но чаще пропускаютъ ихъ безъ паспорта вездѣ тамъ, гдѣ бродяжье дѣло за великій обычай. Съ паспортомъ бродяга, разумѣется, всѣми мѣрами уклоняется оттого, чтобы не встрѣтиться съ опасными и гибельными случайностями, которыя могли бы повернуть заработанный путь на обратную. Выгодище для бродяги пробраться безъ задержекъ на широкій просторъ матушки-Сибири и тамъ уже подвергнуться всѣмъ неожиданностямъ и случайностямъ бродячей жизни. Полезнее совершить мелкое воровство, вынужденное голодомъ и крайностью, чѣмъ прежде времени лишитъ себя тѣхъ удобствъ, которыя такъ легко достаются въ предѣлахъ Восточной и Западной Сибири. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что многіе бѣглецы, не доходя еще до Байкала, погибаютъ: кто заблудится въ глухихъ тайговыхъ мѣстахъ и умереть тамъ съ голода, кто, дерзко довѣрившись утлой лодкѣ, потонетъ на бурливомъ Байкаль-морѣ, „отправится на дно омулей ловить“.

Кромѣ извѣстной пѣсни, сочиненной какижъ-то опытнымъ стихотворцемъ, существуютъ цѣлые разсказы неподдѣльные, изъ которыхъ намъ кажется искреннѣе и характернѣе другихъ нижеслѣдующій, а потому мы и приводимъ его со всѣми подробностями.

Вѣдутъ трое и доходятъ до р. Селенги, на берегу которой видятъ готовый плотъ, приспособленный для кяхтинскаго хлѣбнаго транспорта. Плотъ этотъ бѣглецы спускаютъ въ воду и плывутъ на немъ рѣкою въ устье, т. е. въ

озеро Байкаль. На Байкалѣ ихъ встрѣтилъ попутный вѣтеръ, направлявшій ихъ прямо на Николаевское селеніе и Лиственичную станцію. На серединѣ озера вѣтеръ переѣхнулся и плотъ поволокло въ противоположную сторону къ Баргузину и грозило затащить въ мертвый и безлюдный уголъ Байкала, къ Душкчану. Для бродягъ наступили третьи сутки голода и холода: вѣтеръ знюбилъ ихъ тѣла, истощенныя постомъ, и съ успѣхомъ боролся съ ихъ оборванной и измызганною одеждою. Пловцы пришли въ крайнее изнеможеніе. Одинъ изнылъ совсѣмъ, мучился, крѣпился и, не выдержавъ напора бѣдствій, на глазахъ товарищей опустился въ воду и потонулъ.

„Мы перекрестились оба. Къ вечеру и другой мой товарищъ опустился слѣдомъ за нимъ. Я опять перекрестился. И мнѣ туда же лежала дорога, да знать здорвѣ и крѣпокъ быть, да на родинѣ, въ деревнѣ, можетъ старуха мать за меня Богу помолилась. Приблило мой плотъ къ берегу. Я вышелъ мокрымъ и пошелъ брести на удачу. Увидалъ дымокъ звѣровщика - русскаго; подошелъ къ нему, сподкался; накормилъ. „Живи-де у меня въ работникахъ“. Ладно! Жилъ я у него въ сторожахъ, въ его промысловой избѣ. Да скучно мнѣ стало: онъ уйдетъ въ лѣсъ бѣлковать, а мнѣ и говорить не съ кѣмъ, слова перекинуть не съ кѣмъ, хозяинъ и собакъ всѣхъ уводилъ съ собой. Ушелъ я отъ него: пойду-ка, молъ, къ своимъ старымъ товарищамъ на заводы. На дорогѣ мнѣ бурята попались, связали меня и привели на Кару. Тамъ мнѣ, дѣло извѣстное, розогъ надавали, сколько влѣзло, и указали жить не по своей, а по ихней волѣ“.

Иного бѣглаго изломаетъ мѣдвѣдъ въ лѣсу, отошавшаго и измученнаго, тѣмъ болѣе, что горы и отроги Яблоноваго хребта такъ многочисленны, перевиты и перепутаны, такъ много въ нихъ фальшивыхъ падей, обманчивыхъ колокъ, что и самый опытный бродяга имѣетъ полное право растеряться, придти въ отчаяніе, потерять рѣшимость и твердость духа и заблудиться или провалиться. Нѣкоторые бродяги, счастливо одолѣвшіе лабиринтъ лѣсовъ и горъ, сейчасъ же за ними попадаютъ въ новыя опасныя мѣста съ правомъ умереть съ голоду на обширной Братской степи, гдѣ самъ бурятъ ѣстъ илохо, живеть разбросанно и все стремится встать жильемъ по окраинамъ степи, поближе къ жильямъ русскимъ и къ лѣсамъ, а стало быть и къ водѣ. Не лучше и дальше, если попадетъ онъ на такъ называемую кругобайкальскую дорогу или „кругоморскій путь“, идущій безлюдными мѣстами, съ которыми вотъ уже сколько лѣтъ не можетъ сладить искусство сибирскихъ нижегородовъ и старанія подрядчиковъ. О многихъ бродягахъ высылаются только глухіе рапорты многихъ уѣздныхъ полицейскихъ

властей, что вотъ найдены въ такомъ-то „зимовъ неизвѣстный бродяга замершимъ“, на такой-то „заимѣ“, въ банѣ, столько-то умершихъ, вѣроятно отъ угара“. Великое множество бродягъ представляется въ заводы и на судъ въ саняхъ и телѣгахъ съ отмороженными руками и ногами, окоченѣвшими на морозѣ до смертельной агоніи. Серьезныхъ ушибовъ и разныхъ вывиховъ бродяги уже въ счетъ не ставятъ, дѣло обыкновенное, каждому набѣжать приводится. Рѣдкій изъ вернувшихся не вывихнулъ либо руки, либо ноги, не зашибъ спины, либо боковъ и груди.

Какъ ни значительно число погибшихъ въ Забайкальѣ, все-таки еще очень много ихъ является за Байкаломъ на безконечныя хлопоты земскихъ властей, на безпокойство мирныхъ и честныхъ обитателей изъ сибирскихъ старожиловъ по деревнямъ и селамъ, по городамъ уезднымъ и губерскимъ. Трудно одолѣвать бѣглымъ забайкальскимъ пустыни. Бродяги по сю сторону Байкала, въ мѣстахъ, по гуще населенныхъ, считаютъ себя почти внѣ всякой опасности: уже на югѣ Иркутской губерніи и даже въблизи губернскаго города они становятся смѣлѣе и развязнѣе. Въ окрестностяхъ города Иркутска у нихъ какъ бы первая станція съ продолжительнымъ отдыхомъ; здѣсь они набираются и новыми силами и новыми свѣдѣніями и паспортами, а смѣлы и развязны становятся на столько, что даже пошаливаютъ. У самаго города Иркутска, на такъ называемомъ „Островѣ Любви“ (противъ московскаго перевоза черезъ Ангару), найдены были дѣлатели фальшивыхъ видовъ, матеріалами для которыхъ служили аттестаты и прочіе документы, выкраденные изъ присутственныхъ мѣстъ. У пойманныхъ отобраны были паспортные бланки, указы объ оставкѣ нижнихъ чиновъ и печать конторы иркутскаго военнаго госпиталя. У подгородныхъ крестьянъ то и дѣло случается такого рода горе. Приходятъ къ нимъ наниматься въ работу неизвѣстные люди. Рабочій дорогъ, крѣпко нуженъ такъ, что уже и такой обычай установился, чтобы приручить его къ себѣ крупнымъ задаткомъ (безъ задатку въ Сибири никто шагу не дѣлаетъ). Даютъ задатки большіе, пойдутъ предъявлять виды въ полицію, а виды тамъ, сплошь и рядомъ, оказываются фальшивыми, но при этомъ зачастую только опытный полицейскій глазъ различаетъ поддѣлку отъ настоящаго. Получившіе задатки, само собою разумѣется, богаты. Мы помнимъ два случая, изъ которыхъ въ одномъ помянуты поселенецъ 26 руб. задатка, въ другомъ крестьянинъ 10 р., представившій въ полицію оставленные имъ въ обезпеченіе документы, написанные одною рукою и завѣренныя одинаковыми печатами. Бросились по горячимъ слѣдамъ и, на 19-ой верстѣ отъ Иркутска (на московскомъ трактѣ), настигли

виновныхъ, сознавшихся въ составленіи фальшивыхъ видовъ, въ поддѣлкѣ печатей, въ перемѣнѣ именъ, побѣгѣ съ золотыхъ промысловъ и въ совершеніи различныхъ кражъ въ Иркутскѣ. Кражи въ Иркутскѣ—явленіе обычное и притомъ совершаются съ поразительною ловкостью и изобрѣтательностью.

Прибрежные жители Ангары каждую весною, тотчасъ же по проходѣ льда въ рѣкѣ, видали плывущіе мимо маленькіе, на скоро сплоченные плоты, шириною бревна въ три-четыре, связанные ветлами и на нихъ груды ветоши (прошлогодной травы), какую нибудь носильную рвань и по два по три человѣка рабочихъ. Это—бродяги, пустившіеся искать себѣ счастья на бойкой водѣ этой замѣчательно быстрой и оригинальной рѣки; пороги они обходятъ пѣшкомъ и ниже ихъ дѣлаютъ новые плоты. Быстрога теченія, усиленная еще, сверхъ того, весеннею водою, позволяетъ бродягамъ доходить до такой смѣлости, чтобы плыть подъ самыми окнами каторги (каковъ былъ иркутскій солеваренный заводъ) и даже отдыхать на заимкахъ въ самой близкой околности ея. Начальство заводовъ, обремененное опекою и надзоромъ за собственными каторжными, равнодушно смотрѣло на проѣзжихъ съ чужой каторги и, страдая недостаткомъ людей въ собственныхъ заводскихъ командахъ, находилось даже въ невозможности преслѣдовать прибывшихъ и новыхъ. Въ тѣхъ только случаяхъ, когда губернское начальство, напр., казенная палата, задалъ большой заказъ на вино или соль, а рабочихъ рукъ не достаеетъ (своихъ заводскихъ рабочихъ много въ бѣгахъ), заводское начальство командировало солдатъ для осмотра сосѣднихъ заимокъ и отъ этого маневра было всегда въ барышахъ. Солдаты въ одинъ разъ приводили человѣкъ по 12—15 бѣглыхъ, изъ которыхъ обыкновенно цѣлая половина просила одной только милости: задержатъ ихъ на заводѣ и не пересылать на нерчинскую каторгу, откуда сбѣжали они и куда не хотѣли бы возвращаться. Немалая часть бѣглыхъ уходитъ дальше и, добравшись до золотыхъ приисковъ частныхъ людей, живутъ тамъ лѣтъ по 8—10, получая денежную плату, хотя и ничтожную.

Въ глухое время бродягъ обыкновенно ловятъ не часто, а потому рѣдкій проѣзжій по сибирскому тракту, въ любомъ мѣстѣ до Урала, не встрѣтитъ артелей бродягъ человѣкъ 5—6 (а иногда и до 30-ти вмѣстѣ), скромно пробирающихся по направленію къ Россіи, съ котомками за плечами, съ сапогами про запасъ. Таковыми рекомендовали намъ понимать тѣхъ нашихъ встрѣчныхъ, которые пять разъ перерѣзали намъ дорогу отъ Екатеринбурга до Иркутска и которые, по туземнымъ примѣтамъ, тѣмъ отличаются отъ невинныхъ путниковъ, что имѣютъ про всякій случай, на дневную пору,

робкій, запуганный видъ и рѣдко находчивы до того, чтобы снять проѣзжему шапку, какъ дѣлають это поголовно всѣ сибиряки не изъ бѣглыхъ. Туезъ (буракъ) у пояса, да топоръ за поясомъ, нищенское одѣяніе (старыя измызганные серяги), за плечами мѣшки, да блѣдныя, изнуренныя лица съ синими кругами подъ глазами—считаются также въ числѣ обычныхъ бродяжнихъ признаковъ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, если они попадаются вблизи Уральскаго хребта, эти прохожіе все-таки на большую половину бродяги, бѣглые съ заводовъ, которыми смиренство и кротость помогли одолѣть всѣ соблазны: и Красноярскъ и Томскъ. „Красноярскъ,—говорятъ бѣглые:—строгий городъ и не мастеръ ютить у себя вольныхъ охотниковъ, свободныхъ путешественниковъ; Томскъ—такой городъ, гдѣ нѣкогда былъ для вольнаго житія бродягъ широкій просторъ при помощи разныхъ случайно сложившихся обстоятельствъ“. Томскъ, и въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ такихъ городовъ, гдѣ дѣятельность полиціи больше всѣхъ сибирскихъ городовъ находится въ затрудненіяхъ и гдѣ меньше всего частная собственность находилась въ безопасности. Хроника полицейской практики, по поводу убійствъ, кражъ, грабежей и мошенничествъ всякаго рода въ городѣ Томскѣ обильно испещрена весьма крупными и яркими чертами. Судя по хроникѣ этой, Томскъ какъ будто центральное мѣсто для отдохновенія ссыльныхъ, вродѣ огромнаго постоялаго двора, а городскія задворья нѣчто даже вродѣ базара или даже ярмарки *). Зашалившись, нангравшись и отдохнувъ здѣсь, счастливые изъ бѣглыхъ идутъ дальше съ тѣмъ же смущеннымъ видомъ и кроткимъ сердцемъ, мало обращая вниманія на ѣдущихъ на встрѣчу, не поднимая даже глазъ на нихъ, какъ бы появленію ихъ отъ давней привычки не придають въ этихъ мѣстахъ никакого значенія. Въ крайнихъ случаяхъ они приближаются къ кошевѣ, просятъ милостыни и только въ самыхъ крайнихъ и очень рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются грабить и убивать. Да къ этому и большой нужды не предвидится: бродяга въ этихъ мѣстахъ уже сытъ, да и весьма близокъ къ цѣли странствій. Бараба живетъ домовито и по ней на каждыя 20 верстахъ вытанулись людныя деревни, которыя и сыто ѣдятъ и въ рабочемъ, при богатствѣ угодій, нуждаются. Къ тому же нынѣшніе жильцы этого коммерческаго тракта сами либо дѣти, либо внуки и правнуки такихъ же несчастныхъ и

ссылныхъ людей. Въ такихъ мѣстахъ бродяги не задумываются безбоязненно входить въ самыя деревни и подъ видомъ нищихъ и богомольцевъ выпрашивать подъ окнами плаксивымъ голосомъ, на напѣвъ „Милосердной“: „Милостивые наши отцы и матушки, не оставьте несчастныхъ прохожихъ! Христа ради, подайте милостынку“. Если прежніе крестьяне не ловили бродягъ изъ состраданія къ нимъ: „пушай-де идутъ себѣ съ Богомъ, затѣмъ мы станемъ обижать несчастныхъ, на что у нихъ свое начальство есть“, то барабинскіе жители и тѣ, которые живутъ благодушно и богато по Иртышу и дальше, умѣютъ издавна обращать слово въ дѣло. Въ этихъ деревняхъ и селахъ милостынею несчастному обязываетъ себя всякая домовитая и сдобная хозяйка, выставляя за окно на улицу на особой полочкѣ первый подвернувшийся подъ руку харчъ и хлѣбъ въ достаткѣ. Пропадетъ этотъ хлѣбъ и харчъ съ окна и полочки—хозяйка сотворитъ благодарственную молитву, крестъ на себя положить и опять поищетъ остатковъ и выставитъ за окно новую и свѣжую провизію. Такъ ведется дѣло искони и по всѣмъ сплутнымъ для бродягъ деревнямъ не только въ Сибири, но даже и кое-гдѣ въ Россіи. Прежде обычай этотъ былъ повсемѣстенъ, теперь онъ ослабѣлъ отъ преслѣдованій и внушеній, и полочку съ хлѣбомъ велѣтъ искать теперь прямо и безъ церемоній въ самой избѣ на красномъ столѣ, а ночлежное ложе въ подлѣзницѣ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что, поселившись въ лѣсныхъ землянкахъ, бродяги зачастую выходятъ въ деревни просить милостыню на правахъ нищихъ либо погорѣльцевъ. Сбившіеся въ большія артели бѣглые рѣшались даже затѣвать по деревнямъ пѣніе пѣсни „Милосердной“, по образцу этапныхъ партій. Давно практикуемый въ Россіи обычай сѣять горохъ и рѣпу около дороги на помощь и лакомство для прохожихъ, въ Сибири сталъ обязательнымъ въ такой степени, что продукты эти уже и не сѣютъ иначе, какъ у самаго полотно проѣзжей дороги, у самыхъ пѣшеходныхъ тропъ про нужду бродягъ и въ отвращеніе вѣроятныхъ бѣдъ отъ голодныхъ. Сибирская рѣпа вкусна и крупна, а потому у дороги всегда выщипана, во имя закона соединять пріятное съ полезнымъ.

Оправданіе этому явленію можно искать въ такой же живой симпатіи простолюдиновъ средней и южной Италіи къ бандитамъ—этимъ изгнанникамъ, поставленнымъ внѣ закона и ушедшимъ въ горы разбойничать, въ недовѣріи къ правосудію судебной власти, во многомъ не согласной съ юридическими понятіями и обычаями самого народа. Находите ее въ чувствѣ народнаго самосохраненія, желающаго предупредить дачею отвратитъ вѣроятный фактъ сердитаго и смѣлаго нападенія голодающаго и, въ

*) Но и для Томска бывали строгія времена и бродяги, говорятъ, подходя къ городу, стали ошѣдомляться, «кто правитъ полиціей, и если-де все еще Петъка Любимовъ—то ну, его къ черту!»—и ходитъ нечего, не рука!.. Однако, послѣ него въ 1863 году, въ первые три дня Святой недѣли полиція нашла семь труповъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть лежала подлѣ разграбленныхъ лавокъ.

случаѣ отпора, мести его за неудачу; находите причину таковой благотворительности въ христіанскомъ чувствѣ сердолобія къ несчастной братіи, которую незапамятный народъ нашъ перестаетъ считать преступною, коль скоро преступленіе выкушено карою и очищено возмездіемъ, хотя и заслуженнымъ, но все-таки обращающимъ вора и душегубца въ жертву, возбуждающую состраданіе. Можетъ быть, и вѣрнѣе всего, главная причина покровительства и защиты бродягъ въ путешествіи—во всѣхъ этихъ чувствахъ вѣсть взята, но не въ нынѣшней любви къ удалымъ добрымъ молодцамъ, а именно въ той тоскѣ о памяти временъ „штанья“, тоскѣ, которая до сихъ поръ громко сказывается и сильно заявляется въ безчисленномъ множествѣ видовъ бродяжества. Значительная часть ихъ обусловлена даже кореннымъ законнымъ дозволеніемъ и самая большая половина обезсилила законъ и живетъ помимо его прочно и крѣпко. Бродяжествомъ жила Русь далеко послѣ тѣхъ временъ, когда плотили ее въ государство; бродягами расширила она свои предѣлы и ими же отстояла свою независимость отъ дикихъ кочевыхъ ордъ, напиравшихъ на нее съ востока и юга. Бродяги колонизировали сѣверъ, завоевали Сибирь, населили Донъ и Уралъ, когда еще это слово не получило настоящаго своего значенія и нынѣшніе бродяги носили названіе „гулящихъ, пришлыхъ, вольныхъ людей“. Не умалило этого народнаго коренного свойства искать способныхъ и выгодныхъ мѣстъ на свободномъ и широкомъ раздолѣ земли своей и Московское государство, когда ослаблено было экономическое и государственное значеніе Финшова заговѣнья и уничтоженъ крестьянскій выходъ на Юрьевъ день. Бродяжество, какъ вольный переходъ съ однихъ земель на другія, и теперь живетъ въ народѣ, какъ одно изъ коренныхъ началъ его быта, и движетъ народомъ на всѣхъ путяхъ, хотя и подъ другими именами, съ иными отгѣнками. Проявилось въ немъ и святое религиозное чувство; почувствовали въ элементахъ его нужду для себя и торговля, и ремесла и промыслы, и самая общественная жизнь успѣла уже выродить настоящихъ бродягъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и на нихъ пока затворилась. Бродячеству еще долго придется жить на Руси и въ народѣ.

Замѣчено, что большая часть бѣглыхъ не заходитъ дальше предѣловъ Западной Сибири. Чаше другихъ посылаютъ иркутскій, нижеудинскій, канскій и каинскій земскіе суды, но всѣхъ чаще ялutorовскій (Тобольской губерніи), хотя сюда-то по преимуществу и направляются бродяги, желающіе попадать на Волгу и въ южную Россію. Бѣглые изъ Успенскаго винокуреннаго завода (Тобольской губерніи) наладили и завоевали себѣ путь въ Россію по направленію

на гор. Челябину, а оттуда уже на Уфу и дальше, куда кому вздумается. Этапной дороги по Россіи боятся, ходятъ дорогами малоторенными, но по Сибири зачастую, говорятъ, почувтъ на этапахъ, въ самыхъ полустаннхъ зданіяхъ, пользуясь прежнимъ знакомствомъ и побратимствомъ съ солдатами.

Весною 1866 г., по поводу одного убійства, сдѣлали тщательные розыски около Омска и въ недѣлю наловили 180 бродягъ. Замѣчено, что особеннымъ усердіемъ и настойчивостью на побѣги отличаются мусульмане (татары и горцы), съ тупымъ равнодушіемъ выживающіе каторжные сроки, но бѣгущіе тотчасъ на родину, лишь только выпустятъ ихъ на пропитаніе или на поселеніе. Такое явленіе подмѣчено было начальствами и вызвало сенатскій указъ, который установилъ: вслѣдствіе безпрестанныхъ побѣговъ изъ Сибири сосланныхъ на каторгу магометанъ, такихъ преступниковъ изъ губерній Казанской, Симбирской, Пермской и Оренбургской отправлять на будущее время въ финляндскія крѣпости. Впрочемъ, судя по цифрамъ сосланныхъ мусульманъ послѣ изданія этого указа, послѣдній не примѣнялся въ полной силѣ: мусульмане ближайшихъ къ Сибири губерній бѣжали назадъ, пользуясь близостью мѣста и удобствомъ прикрытій. Бѣжали и черкесы, безсильные совладать съ острыми припадками опасной болѣзни „тоски по родинѣ“. Извѣстный путешественникъ по Сибири Аткинсонъ въ непроходимыхъ окрестностяхъ Алтынь-Куля и долины Віи встрѣтилъ партію въ 40 человекъ такихъ бѣглыхъ черкесовъ.

„Занимался въ розсыпяхъ промывкою золота, черкесы сдумали тайно припрятать небольшое количество золота, на которое добыли себѣ необходимое оружіе и снаряды къ нему. То и другое было спрятано ими въ одной отдаленной пещерѣ, находящейся въ дикой недоступной мѣстности. Въ условленный день они бѣжали всѣ разомъ изъ разныхъ рудниковъ, гдѣ были распределены по работамъ, и довольно удачно соединились въ пещерѣ. Потомъ они успѣли захватить киргизскій табунъ, изъ котораго выбрали себѣ хорошихъ скакуновъ, принудивъ пастуховъ быть ихъ проводниками черезъ Саянскій хребетъ. Лѣсъ служилъ имъ палаткою, лѣсная дичь—пищею. Конечно, голодъ и нужду приходилось имъ терпѣть очень часто, но надежда поддерживала смѣлыхъ горцевъ. Наконецъ, все-таки они достигли такихъ мѣстъ, гдѣ проводники сказали имъ, что дальше не знаютъ, куда вести ихъ. Черкесы отпустили проводниковъ и пустились далѣе на угадъ. Ужасныя, крутыя пропасти Алтая и дикіе горные потоки принуждали ихъ къ безконечнымъ обходамъ и переходамъ и до того сбили съ толку, что они, наконецъ, попали въ трущобы Алтынь-Куля. Тутъ-то у нихъ и произошла стычка съ

обитавшими тамъ калмыками. Хотѣли ли послѣдніе захватить ихъ въ плѣнъ и потомъ выдать русскимъ, или черкесы, вынуждаемые крайностью, прибѣгли къ насилію, этого нельзя было узнать: результатъ былъ, однако, тотъ, что нѣсколько калмыковъ было убито, и аулъ ихъ былъ преданъ пламени. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ заключительному акту трагедіи. Выстро разнеслась вѣсть о появленіи вооруженныхъ людей и, переходя изъ аула въ аулъ, достигла, наконецъ, съ подобающимъ преувеличеніемъ до казачьяго поста Сандинскаго. Случилось, что командовавшій въ форпостѣ офицеръ былъ тогда немного болѣе обыкновеннаго веселъ, по случаю праздника. Долго не размышляя и не теряя времени на безполезныя думы, онъ тотчасъ же отправилъ въ Барнауль нарочнаго съ тревожнымъ извѣстіемъ. Извѣстіе пришло въ то время, когда развеселый Барнауль приготовлялся къ предстоящимъ баламъ и святочнымъ увеселеніямъ; сказали, что три тысячи азіатовъ идутъ мѣшать этимъ удовольствіямъ и, вмѣсто паркетнаго вальса, могутъ заставить кружиться въ пескѣ на арканѣ. Весь городъ пришелъ въ страшное смущеніе. Новые вѣстники изъ долины Вѣи говорили, что войска состоятъ изъ семи тысячъ человѣкъ, а другіе даже увѣряли, что всего десять тысячъ, снабженныхъ ружьями и проч. Между тѣмъ, дѣло кончилось, по словамъ Аткинсона, слѣдующимъ образомъ:

„Всѣ общества калмыковъ, населявшихъ долину рѣки Вѣи и окрестности Алтынъ-Куля, соединились и, зная отлично всѣ ущелія и тропинки, сначала преградили черкесамъ пути ко спасенію, а потомъ загнали ихъ въ такую тупую, откуда не было никакого выхода. Когда, наконецъ, черкесы приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, между ними и калмыками завязалась отчаянная перестрѣлка. Скрываясь въ засадѣ, калмыки были въ очевидныхъ выгодахъ передъ черкесами и могли стрѣлять въ нихъ почти въ упоръ. Черкесы такъ и падали одинъ за другимъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ своихъ озлобленныхъ враговъ. Къ вечеру того дня число черкесовъ съ 40 уменьшилось до 15, которые, побросавъ своихъ лошадей, пытались было по острымъ камнямъ и утесамъ выползти изъ ущелья. Не перекусивъ за цѣлый день ни крошки и совершенно выбившись изъ силъ, они принуждены были провести ночь на голыхъ камняхъ, подъ открытымъ небомъ. Когда разсвѣло, черкесы пустились карабкаться дальше и уже доползали до маленькаго лѣсочка, какъ вдругъ на встрѣчу имъ раздался ружейный залпъ засѣвшихъ въ лѣсу калмыковъ: трое черкесовъ пали мгновенно, а еще пятеро были подстрѣлены на бѣгахъ. Отчаянная погоня возобновилась опять. Черезъ нѣсколько времени осталось въ живыхъ только четверо черкесовъ, которые успѣли скрыться въ лѣсу. Наконецъ,

кажется, сами стихіи рѣшились принять участіе въ борьбѣ. Небывалая по страшной ярости буря разразилась громомъ, молніею, снѣжною вьюгою и всяческими невгодами. Калмыки принуждены были поспѣшно отступить, предоставивъ рѣшенію высшихъ силъ конецъ этого печальнаго акта. Четыре дня длилась буря съ бураномъ и ни единая живая душа не слыхала потомъ ничего объ остальныхъ четырехъ черкесахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они вскорѣ потомъ погибли отъ голода, холода и страшно мучившей ихъ жажды“.

Не лучше этой участи и всѣхъ другихъ горцевъ, имѣющихъ обыкновение, вопреки общимъ бродяжымъ порядкамъ, направляться въ киргизскія степи, а между прочимъ и тѣхъ, о которыхъ существуетъ въ Сибири такая легенда.

Нѣсколько бѣглыхъ горцевъ брели, томимые голодомъ и жаждою, по необитаемой степи киргизовъ. Но судьба была настолькоъ къ нимъ милостива, что указала имъ въ одномъ мѣстѣ верблюда. Приблизившись къ нему, они нашли его живымъ и привязаннымъ къ кургану. На курганѣ лежало все то, что имъ было надо: кусокъ жаренаго мяса, чашка варенаго риса, чашка кумысу и еще кое-что изъ съѣдобнаго, а между прочимъ кошма (войлокъ), халатъ, башмаки и еще что-то носильное. Все это свидѣтельствовало о томъ, что бѣгле пришли на могилу киргиза, здѣсь погребеннаго съ любимыми вещами и ѣдовымъ верблюдомъ. Бѣгле потребовали все съѣстное и, замѣтивъ во взглядѣ верблюда что-то умоляющее и печальное и почувствовавъ въ сердцѣ участіе къ нему, безъ сомнѣнія обреченному на голодную смерть, отвязали верблюда и пустили на волю, а сами, въ свою очередь, отправились дальше. Верблюдъ пошелъ за ними. Прибавляя шагъ и рассчитывая въ верблюдѣ найти предателя, бѣгле прятались за песчаные холмы, чтобы скрыться изъ глазъ его, но не достигали цѣли. Припадая къ рытвинамъ, они ложились и отдыхали—пресѣдовавшій ихъ верблюдъ также ложился и отдыхалъ. Но лишь только они поднимались, пускались въ путь дальше, рассчитывая, что верблюдъ спитъ и не видитъ, верблюдъ, вѣроятно, движимый чувствами признательности за спасеніе, также поднимался съ мѣста своего ночлега, вытягивалъ свою длинную шею и, пользуясь широкимъ кругозоромъ ровной степи, выглядывалъ своихъ спасителей и пускался слѣдомъ за ними въ догонку. Разъ даровавъ ему жизнь, бѣгле изъ личныхъ расчетовъ не рѣшались пресѣчь ее и, такимъ образомъ, сами попали на арканъ киргизовъ, нашедшихъ могилу соотчича святотатственно ограбленною и рокового верблюда отвязаннымъ. Бѣгле были связаны и представлены въ Омскъ для того, чтобы разсказать въ тамошней пересыльной тюрьмѣ эти свои приключенія. Въ Нерчинскихъ заводахъ начальники ихъ изъ опыта и многолѣтнихъ наблюде-

ній вывели то замѣчаніе въ добавокъ ко всему, что бѣгле мусульмане довольствуются тѣмъ, что сходятъ подышать воздухомъ родныхъ горъ и долинь и снова возвращаются на каторгу, какъ бы считая для себя постыднымъ и грѣховнымъ дѣломъ обходить судьбу и бороться съ нею собственными людскими средствами. Не даромъ же они покорялись ей во все время, назначенное для каторжныхъ работъ, и пустились въ бѣга только потому, что сняли съ ногъ путы и дали достаточно свободы, чтобы ею воспользоваться и полечиться отъ неизбежной тоски по родинѣ.

Конечно, не дѣлаютъ такъ бѣгле изъ русскихъ преступниковъ. У этихъ свободнаго, произвольнаго возвращенія не замѣчено. Напротивъ, бѣгле русскіе, въ большинствѣ своемъ стараются не только добраться до родного невеличка, но и забѣжать дальше и, если возможно, пожить повеселѣе и почуднѣе. По Сибири, въ пятидесятыхъ годахъ, двое ссыльныхъ, подъ видомъ ревизора-генерала, ѣздили по городамъ съ фальшивыми паспортами и наводили на всѣхъ чиновниковъ страхъ и ужасъ. Поссорившись между собою, пошли опять въ каторжную тенета. По Тобольску долгое время ходилъ юродивый, бывшій у тамошнихъ дамъ въ великомъ почетѣ: его кормили, ублажали, считали святымъ человѣкомъ. Мужья, справившись съ карманами, стали подозревать его и слѣдить за нимъ, особенно за длинными, грязными волосами, которые безобразно закрывали все лицо юродиваго. Навели справки, сдѣлали легонькій осмотръ: на лицѣ святоши оказались невытравленные каторжные клейма, а юродивый—бѣгло-каторжнымъ изъ тюменскихъ купеческихъ сыновей. Въ 1863 году бѣглый солдатъ пермскаго батальона Софроновъ, подъ видомъ и званіемъ капитана турецкаго флота и полковника де-Северина, палилъ по Сибири: въ Тобольскѣ не совѣсть удачно, въ Тарѣ съ пріобрѣтеніемъ значительныхъ суммъ займы, въ Томскѣ съ приглашеніемъ на балы и обѣды. Въ Красноярскѣ въ немъ усомнились, заковали въ кандалы, посадили въ секретную чижовку и пригрозили плетями. Съ одного изъ этаповъ за Красноярскомъ Софроновъ опять бѣжалъ, опять надѣлъ гусарскій мундиръ и снова мошенничалъ на право и на лѣво до Иркутска. Въ Иркутскѣ опять его заковали и сослали дальше, преградивъ ему путь къ дальѣйшимъ обманамъ и самозванству. Ни съ приглашеніемъ, ни безъ приглашенія онъ уже никогда и ни къ кому не ѣздитъ, не бралъ займы денегъ и не измышлялъ ловкихъ и неловкихъ надувательствъ. Словомъ, проказъ бродягъ по Сибири не оберешся.

На этомъ для опытныхъ и терпѣливыхъ бѣглыхъ не конецъ. Нѣкоторымъ удастся пошалить и проказничать и въ самой Россіи, которая въ этомъ отношеніи не строже Сибири. Въ Россіи пути каторжныхъ безпредѣльно широки и длинны.

Какъ нѣкогда въ нихъ находили для себя много питательныхъ и готовыхъ началъ всѣ тѣ систематическіе разбои (особенно волжскіе), которые еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія были сильны, такъ и теперь въ этомъ элементѣ заключено еще не мало опасности и онъ самъ въ себѣ представляетъ еще много живучей силы и дѣятельности.

Когда, во время разбоевъ Быкова подъ Казанью и послѣ ареста его въ тамошнемъ тюремномъ замкѣ, потребовалось поискать и найти бѣжавшаго его товарища и самаго главнаго злодѣя Чайкина, городская полиція сдѣлала повальный по городу обыскъ. Обыска этого не счумъли сдѣлать внезапнымъ; значительно огласило его само общество, принявшее живое участіе въ розыскахъ товарищей изъ шайки разбойниковъ, и сама полиція рылась по кабакамъ и тайникамъ долгое время, но все-таки успѣла въ самомъ городѣ Казани (съ 10 августа по 15 сентября) найти 17 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Одни оказались бродягами, не помнящими родства, другіе отлучившимися безъ дозволенія начальствъ и шатавшимися по городу безъ определенной цѣли. Между ними третья часть, девять человѣкъ, оказалась бѣжавшими изъ Сибири съ каторжныхъ работъ. Таковыми же были и сами Дмитрій Ивановичъ Быковъ и Севастьянъ Васильевъ Чайкинъ, бѣжавшіе въ 1845 году вмѣстѣ изъ Иркутскаго солевареннаго завода, а Федоровъ изъ Нерчинскаго.

Въ 1849 году, 23 іюня, дано имъ было по тысячѣ пятисотъ ударовъ шпицрутенами, съ намѣреніемъ отправить въ каторжную работу безъ срока, но, бывъ отправлены въ лазаретъ, оба 25 числа умерли отъ воспаленія легкихъ.

Извѣстный Гусевъ, нѣсколько разъ бѣгавшій изъ Сибири, разбойничалъ подъ Саратовымъ и въ самомъ городѣ святотатственно ограблялъ соборъ. Такой же веселый пѣсенникъ и несомнѣнный поэтъ Кармелюкъ разбойничалъ на Волынн и только измѣнѣ и подкупу обязанъ быть тѣмъ, что его убили въ хатѣ его возлюбленной.

Когда въ Астрахани, на волжскихъ рыбныхъ промыслахъ, велѣно было привести въ извѣстность количество рыбаковъ, не имѣющихъ паспортовъ, и земскими властями произведенъ былъ учетъ всѣмъ людямъ на всѣхъ ватагахъ, число бѣглыхъ выяснилось въ громадную цифру пятнадцати тысячъ. Близъ той же цифры полагаютъ число безпаспортныхъ на рыбныхъ ловляхъ Азовскаго и Чернаго морей. Полиція городовъ приморскихъ находится во всегдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ при стремленіяхъ охранять частную собственность гражданъ среди такого наплыва всякаго сброда людей, гдѣ почасту кто съ борка, кто съ сосенки, кто прямо-таки съ нерчинской каторги. Всегда подобный фактъ становится явнымъ, лишь только полиція, по какому либо возбужденію, усилитъ

свою дѣятельность, напрячь свое вниманіе и старательнѣе осмотрится кругомъ себя. Въ Астрахани до сихъ поръ памятенъ человекъ, нѣсколько недѣль свободно ходившій по тамошнимъ исдамъ (рынкамъ) съ подвязанными щеками, которые потомъ оказались клейменными штемпелевыми точеными знаками, и видимо мирный обыватель былъ бѣгло-каторжнымъ. И едва ли гдѣ частная собственность наименѣе находится внѣ опасности, какъ именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ безрыбье въ извѣстное время обуславливаетъ возрастаніе многолюдія въ извѣстныхъ мѣстахъ. Нѣкоторые города въ этомъ отношеніи получили даже крупную общественную извѣстность читателямъ нашихъ газетъ, обращающихъ вниманіе на болѣе характерныя иногороднія корреспонденціи. Не мудрено такіе города распознать и выдѣлать.

Вообще, путь сибирскихъ бѣглыхъ по Россіи замѣчательно великъ, безконечно разнообразенъ подробностями и обстановкою и въ разнообразіи своемъ и тягучести какъ будто даже и кон-

ца не имѣть. Обрываясь для однихъ, менѣе счастливыхъ и смѣлыхъ, онъ идетъ для другихъ, взысканнымъ слѣпымъ счастьемъ. Для ссыльно-каторжного Быкова онъ былъ черезъ кабакъ, два года тянулся по деревнямъ оренбургскаго тракта, оборвался на разбойхъ въ Спасскомъ и Ланшевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи и подъ городомъ Казанью, и повернулъ было снова туда же, назадъ, на каторгу, но вдругъ пересѣлся по причинамъ, отъ самого Быкова не зависящихъ. Для бѣгло-каторжного Попова путь этотъ вышелъ на ветлужскія помѣстья, вывелъ этого смѣлаго искателя приключеній въ Петербургъ въ честь и славу, гдѣ то же счастье дало ему во владѣніе чинъ большой, два дома большихъ и большія кучи денегъ; оборвался этотъ путь на сенатѣ и опять повернулъ съ нимъ же, неволевымъ и зарвавшимся на удачахъ счастливецомъ, на каторгу, снова туда же, откуда проходилъ онъ за этими предательскими подачками слѣпому счастью.

Г Л А В А IV. НА ПРОПИТАНІИ.

Испытующіеся.—Воздержные.—Нсвоздержные.—Казенные порядки и степени облегченія.—Прикованные къ тачкамъ.—Прикованные на стѣнную цѣпь.—Колоколь.—Сумаестествія.—Акатуй.—Тамошніе цѣпные.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрдовки.—Теребиловки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая пшеничка.—Кармы.—Фабрикантъ червонцевъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажныя фальшивыя деньги.—Каторжныя ботѣзны.—Пропитанные.—Исправившійся каторжный.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работъ.—Каторжныя дѣти.—Пѣсна.

Прежде, чѣмъ ссыльный пріобрѣтетъ себѣ право выйти на пропитаніе, поступить въ разрядъ такъ называемыхъ пропитанныхъ, ему предстоитъ еще много степеней и разрядовъ. Вотъ этотъ порядокъ по официальнымъ бумагамъ, правиламъ и предписаніямъ. Начинаемъ съ каторги на заводахъ.

Всѣ ссыльно-работіе, по прибытіи на заводъ, поступаютъ въ разрядъ испытующихся. Они живутъ въ казармахъ, свободные отъ оковъ, подъ ближайшимъ надзоромъ надзирателя и непосредственнымъ наблюденіемъ смотрителя, довольствуются нищею въ артели; лѣтомъ лучшіе увольняются для обработыванія огородовъ, правомъ отдыха пользуются только въ табельные дни. Поступившимъ изъ партій дозволяется жить въ квартирахъ воздержныхъ. Эти воздержные пользуются слѣдующими правами и преимуществами: могутъ строить для себя дома, могутъ пользоваться землею для хлѣбопашества, сѣнокосовъ, огородовъ, заниматься скотоводствомъ. Не имѣющіе собственныхъ домовъ могутъ пускать ихъ въ казенныя работы, за установленную плату. Для отдыха и поправленія своего быта

пользуются всѣми воскресными и табельными днями. „Но если бы кто изъ употребляемыхъ по мастерствамъ въ цехахъ принадлежащіе ему дни отдыха посвящалъ, по назначенію начальства казенной работѣ, таковой за эти дни имѣть право на двойной плакатъ и въ обоихъ случаяхъ пользуется отпускомъ провіанта сполна опредѣленнымъ пайкомъ“. Изъ этого разряда воздержныхъ назначаются надзиратели по разнымъ цехамъ. Ссыльно-работіе этого разряда, какъ пріобрѣвшіе право на снисходительное вниманіе начальства къ лучшему устройству ихъ быта, увольняются въ страдное (рабочее) время для полевыхъ работъ, смотря по мѣрѣ надобности, для заготовленія корма скоту и уборки лѣса. Сверхъ того, дабы болѣе исправить ихъ нравственность и укоренить благонравіе тѣхъ изъ этого разряда, которые отличаются своимъ поведеніемъ, будутъ подавать примѣры своимъ со товарищамъ, предоставляется управляющему право (на основаніи утвержденной для него инструкции и высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 10-й день октября 1821 г.) исключать изъ ссыльныхъ и помѣщать

въ мастерские, производя въ подмастерья и мастера, если искусствомъ своимъ сдѣлаются того достойными, съ распространеніемъ на нихъ и дѣтей ихъ всѣхъ правъ, мастерскимъ присвоенныхъ. И чтобы отличить этотъ разрядъ самымъ наружнымъ видомъ, то немолодымъ изъ нихъ дозволяютъ носить бороды. „За прожитіе на заводѣ совершенно безпорочно, съ должнымъ прилежаніемъ къ работѣ и покорностью къ начальству, сыльно-рабочимъ прибавляется, сверхъ положеннаго плаката, по роду работъ, ежемѣсячно: проводившимъ пять лѣтъ—по 50 коп., проводившимъ 10 лѣтъ—по 1 руб. и за 15 лѣтъ выпускать ихъ на собственное пропитаніе. Воздержные получаютъ плакатъ на руки, другая же половина поступаетъ въ сохранный артельный капиталъ, которому ведется отчетная книга“.

Тѣ рабочіе, которые въ разрядѣ испытующихся окажутся „нравственности неблагонадежной, поведенія недобропорядочнаго и сомнительнаго, склонны къ побѣгу и замѣчены въ нерадѣніи къ устройству своего быта“, образуютъ третій разрядъ, которому официальное предписаніе даетъ названіе невоздержныхъ. Невоздержными называются всѣ тѣ рабочіе, которые выпущены послѣ наказанія за побѣги, воровства, драки и прочія не уголовныя преступленія, оканчиваемыя наказаніемъ по полицейскому разбирательству. Въ разрядъ невоздержныхъ поступаютъ и тѣ, которые исключены изъ разряда воздержныхъ за проступки, „замѣченные неоднократно въ невоздержности отъ пьянства, ссоръ, дракъ и грабежей“, и тѣ сыльно-каторжные, которые присылаются въ заводы впредь до полученія справокъ, и тѣ, наконецъ, сыльные, которые сдѣлали въ Сибири преступленія, какъ изъ поселенцевъ, такъ и изъ рабочихъ, находящихся въ другихъ заводахъ. Невоздержные содержатся въ казармахъ скованными и также получаютъ содержаніе въ артели. Право отдыха имѣютъ они только въ высокаторжественные табельные дни. Тѣ изъ нихъ, которые „совершенно погасили послѣднюю искру совѣсти, истребили не только желаніе, но даже и намѣреніе къ исправленію, дѣлали вторичные изъ заводовъ побѣги, замѣчены неоднократно въ воровствахъ, мошенничествахъ, обманахъ, въ подговариваньи другихъ къ побѣгамъ и подобнымъ пакостямъ, — словомъ, по распуству своему не подающие никакой надежды къ обузданію“, образуютъ четвертый разрядъ заводскихъ сыльно-рабочихъ, разрядъ не исправимыхъ.

Неисправимые содержатся также въ казармѣ и въ особой артели и также, наравнѣ съ невоздержными, скованы, но съ тою разницею, что, для предупрежденія побѣговъ, ихъ обязали замыкать на ночь. Головы этихъ сыльныхъ на половину должны быть выбритыми; на работу выводятся они не иначе, какъ за военнымъ ка-

рауломъ. Мѣрою исправленія для нихъ полагаются кандалы, которыя они должны носить полгода (тогда какъ невоздержные носятъ ихъ только два мѣсяца).

Оба эти разряда, невоздержныхъ и не исправимыхъ, не получаютъ въ собственное распоряженіе изъ плаката ни копейки; заработки ихъ записываются въ особую шнуровую книгу и истрачиваются смотрителемъ на одежду для нихъ. Неисправимые только черезъ годъ, при хорошемъ поведеніи, имѣютъ право поступать въ разрядъ испытующихся; въ противномъ случаѣ, управляющіе заводами имѣютъ право (не испрашивая даже позволенія губернскаго начальства) отсылать не исправимыхъ въ нерчинскіе горные заводы.

Время содержанія въ нерчинскихъ рудникахъ (а стало быть и въ тамошнихъ заводахъ) постановлено сводомъ законовъ въ слѣдующей подробности. Безсрочные арестанты (перваго разряда) должны пребыть въ тюрьмѣ 8 лѣтъ; присужденные къ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ (1-го разряда) живутъ въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣтъ (2-го разряда)—въ тюрьмѣ два года; каторжные третьяго разряда (отъ 6 до 8 лѣтъ) живутъ въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ—въ тюрьмѣ живутъ годъ. Подающіе въ теченіи этого времени надежду на исправленіе поведеніемъ своимъ и трудолюбіемъ, переимѣняются въ разрядъ исправляющихся и находятся уже подъ полицейскимъ присмотромъ. Сыльно-каторжные перваго разряда черезъ три года, а третьяго разряда черезъ годъ послѣ поступленія въ разрядъ исправляющихся, могутъ, съ разрѣшенія горнаго начальства или казенной палаты, получать дозволеніе жить не въ острогѣ, а въ комнатѣ заводскихъ мастеровыхъ. Могутъ даже построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу и вступить въ бракъ (но оба эти дозволенія возможны только на бумагѣ, но не на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ впоследствии).

Тюремный надзоръ обусловленъ также особыми правилами и предписаніями, которыя, въ главныхъ своихъ чертахъ, сопровождаются слѣдующими подробностями на бумагѣ и отчасти на дѣлѣ:

„По прибытіи на заводъ, сыльные, должныствующіе поступить въ извѣстные разряды и содержаться въ острожныхъ казармахъ, принимаютъ во всякое время, какъ днемъ, такъ и ночью, не исключая воскресныхъ, праздничныхъ и торжественныхъ дней“. То же самое, разумѣется, и о тѣхъ сыльныхъ, которые, проживая на заводѣ, въ острогѣ, по распоряженію заводскаго начальства должны поступить въ острогъ. Пріемъ производится при караульномъ офицерѣ или утеръ-офицерѣ смотрителемъ острога, который записываетъ въ шнуровую книгу

число и время поступления, имя и прозвание ссыльного, разрядъ его, отъ кого присланъ и по какому преступленію или изъ партіи, примѣты его, собственныя вещи и деньги, отбирая ихъ отъ ссыльнаго, буде находятся. По приѣмѣ врачъ свидѣтельствуется тогда же или непремѣнно на другой день. Въ случаѣ болѣзни, ссыльный отсылается въ больницу. Свидѣтельства врача записываются въ книгу. „Число находящихся въ острогѣ людей, какъ закованныхъ, такъ и безъ оковъ, должно быть вполнѣ извѣстно караульному офицеру. Деньги, отобранныя у арестантовъ, записываются въ книгу; ссыльный, хозяинъ ихъ, если грамотный, подписывается. Принятые деньги запечатываются въ пакетъ, который, вмѣстѣ съ другими, хранится въ заводской кладовой, а прочія вещи — въ кладовой при острогѣ, въ общемъ ларѣ или сундукѣ“. Ключи отъ всего этого, а также припасы и прочее, приготавливаемое на счетъ артельной суммы (какъ обувь и одежда) и на счетъ сохраннаго капитала, хранятся у смотрителя острога. „Когда ссыльный долженъ выбыть во все изъ острога, по переводѣ въ высшій разрядъ или, по заслуженному довѣрію, для житія на квартирѣ, слѣдующія ему по расчету деньги выдаются на руки. Ссыльные въ острогѣ размѣщаются сколько возможно безъ тѣсноты, а подсудимые или присужденные по какому либо наказанію отсылаются изъ острога на заводскую гауптвахту. Часовые въ острогѣ не должны стоять внутри комнатъ, но въ дверяхъ, корридорахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ окажется удобнымъ, и чтобы они всегда имѣли въ виду ссыльных“.

Въ острогѣ „не дозволяется имѣть бумагу, чернила, карандаши и т. п. и писемъ отъ нихъ не принимать, не дозволяя и получать таковыя. Не дозволить игры въ карты, въ шашки, кости и никакія другія; также не дозволять играть ни на какихъ инструментахъ. Строго запрещается курить табакъ. Всегда запрещаются всякаго рода рѣзвости, произвошеніе проклятій, божбы, угрозы другъ другу, своеволевства, ссоры, разговоровъ, соблазнительныхъ пѣсенъ, хохота и т. п. Виновнаго смотритель отдѣляетъ отъ другихъ въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно, на хлѣбъ и воду“.

Рисую этими подробностями отчасти бытовую сторону тюремной жизни, предписанія и предначертанія начальства дальше идти въ сторону отъ предписаній, смыслъ которыхъ истекаетъ изъ закоположеній. Выходя на собственную дорогу, предполагающую практическую подготовку, предначертанія ихъ являются уже самостоятельными, заключаютъ въ себѣ интересъ практической. При внимательномъ изслѣдованіи мы видимъ совсѣмъ другое. Какъ бы отыскавъ въ своихъ воспоминаніяхъ, нахулавъ въ своихъ представлені-

яхъ знакомые образцы, начальство тюремное не задумалось, по милымъ образцамъ корпуснаго дѣтства, рисовать дальше наивныя картины тѣхъ же порядковъ, какіе введены во всѣхъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Насколько правила эти ушли отъ практическаго примѣненія, мы знаемъ изъ второй главы этого тома. Насколько они не замысловаты и красиво приглажены на бумагѣ, но безжизненны и недействительны, увидимъ сейчасъ.

Предписывая „ссылнымъ брить бороды черезъ инвалиднаго цирюльника, также волосъ длинныхъ не запускать, а стричь ихъ, по обыкновенію, пристойно, по солдатски, а подозрительнымъ и склоннымъ къ побѣгамъ брить половину головы“, мѣстное начальство въ дальнѣйшемъ теченіи предначертаній впадаетъ въ идиллію и пишетъ такіа картины: „Ссылные въ острогѣ встаютъ поутру, лѣтѣмъ и зимою, за часъ до пробитія звонка, призывающаго на работу. Караульный офицеръ, вмѣстѣ съ острожнымъ смотрителемъ и нарядчикомъ, идутъ по камерамъ и дѣлаютъ перекличку. Вставшій ссыльный, умывшійся и спрятавшій койку подъ нары, чешется; комнаты метутся. Когда послѣднія будутъ выметены и вычищены, читается внятно, во всеуслышаніе, утренняя молитва, и всѣ ссыльные должны стоять смирно, не разговаривать и ни подъ какимъ предлогомъ не лежать при этомъ. По совершеніи молитвы дается завтракъ, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, на первой и на Страстной недѣлѣ и, вообще, въ продолженіи Великаго поста по средамъ и пятницамъ. Какъ колоколъ возвѣститъ время работъ, нарядчикъ объявляетъ нарядъ по работамъ, кто чѣмъ долженъ заниматься во время дня, для чего ссыльные выводятся во дворъ острога, гдѣ вновь производится перекличка при военномъ караулѣ. Скованные отдаются конвойнымъ, нескованные сдаются на руки десятникамъ и потомъ отправляются на работы мѣрнымъ шагомъ, по три въ рядъ: караульные впереди, позадѣ и по сторонамъ, въ приличномъ разстояніи; военные съ заряженными ружьями, а десятники съ палками“.

Таково начало этой тюремной эпопеи во вкусѣ всяческихъ плацовъ и всякихъ корпусовъ и пансіоновъ. Отступленій почти нѣтъ. Нить повѣствованія порвалась два раза: въ первый для того только, чтобы сказать, что „на дворѣ нельзя терпѣть сору, а нужно выметать оный, выносить и сваливать на отведенное нарочно для сего мѣсто“. Во второй разъ оборвалась повѣствовательная нить ради слѣдующаго: „часто ссыльные, пользуясь ночнымъ временемъ, употребляютъ оное для злыхъ замысловъ. Дабы воспрепятствовать сему, острожный смотритель почасту обязанъ, въ ночное время, по нѣскольку разъ осматривать комнаты ссыльных“.

Затѣмъ снова идетъ потокъ порядковъ въ

такихъ выраженій: „Когда звонъ колокола мѣститъ обѣденное время, каждый долженъ сдать приставникамъ инструменты счетомъ и тѣмъ же порядкомъ (т. е. по три въ рядъ) отправляются въ острогъ, гдѣ строго дѣлается перекличка, и, послѣ молитвы, всѣ садятся за столъ обѣдать, благопріятно и не разговаривая между собою. Послѣ обѣда читается благодарственная молитва и допускается отдохновение. Когда пройдетъ часть отдохновения, тогда повѣщается о томъ колоколомъ“. Для вечера тотъ же порядокъ: „По окончаніи ужина, спустя полчаса и когда со столовъ уберется посуда и прочее, караульный офицеръ дѣлаетъ перекличку. Въ камерахъ огонь долженъ быть до тѣхъ поръ, пока не запрутъ всѣхъ по вечерней перекличкѣ, и послѣ зари и по выходѣ изъ комнатъ надзирающихъ за ссыльными ни подъ какимъ видомъ огня въ комнатахъ не оставлять“.

Послѣ всего, уже сказаннаго нами прежде, мы считаемъ излишнимъ для себя и читателей нашихъ говорить о томъ, насколько не похожа картина, нарисованная на бумагѣ, на ту, которая невозможна при существующихъ порядкахъ тюремныхъ на дѣлѣ. Сильно ошибется тотъ, кто найдетъ въ прописанныхъ порядкахъ какое нибудь сходство съ тѣми, которыми хвалятся и славятся тюрьмы улучшенныхъ системъ (пени-тенціарной—съ обѣтомъ молчанія, и пенсильванской—одиночнаго заключенія). Призрачное сходство въ началѣ можетъ привести на этотъ разъ развѣ только къ тому заключенію, что и мы не прочь похвастаться тамъ, гдѣ этого желаютъ и требуютъ. На самомъ же дѣлѣ, на всѣхъ затѣяхъ лежитъ печать худо скрытой непрактичности во всѣхъ дѣлахъ, явная безплодность начинаній, способная довести до отчаянія, но доводящая только до равнодушія. Отъ него-то и происходитъ цѣлый рядъ безплодныхъ мѣръ и цѣлая цѣпь недоразумѣній, крупныхъ ошибокъ и повсемѣстныхъ неудачъ. Послѣдствуемъ за рассказчикомъ далѣе.

„Конвойные обязаны наблюдать, чтобы ссыльные не учинили утечки, не просили по улицамъ милостыни, не останавливались для сего противъ домовъ, не заходили ни въ какія публичныя мѣста, не позволять имъ въ пути пить вино, не позволять принимать ни отъ кого изъ проходящихъ какія бы ни было вещи или оружіе. Въ праздничные дни и въ воскресные, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько человекъ, по очереди, должны собираться въ церковь, подъ присмотромъ караула. Ворота острога во всякое время бываютъ закрыты, но когда приходятъ въ острогъ чиновники и другіе имѣющіе на то дозволеніе или же когда приводятся ссыльные, то обо всякомъ приходящемъ дается знать караульному унтеръ-офицеру, который потомъ отпираетъ ворота и выпускаетъ пришедшаго; если посторонній, то осматриваетъ, не имѣетъ

ли при себѣ какихъ вредныхъ орудій. Впрочемъ, послѣ зари отнюдь ворота не отпираются ни для кого, кромѣ острожнаго надзирателя. Посѣщеніе посторонними ссыльныхъ въ казармахъ дозволяется не иначе, какъ при острожномъ смотрителѣ и воинскомъ караулѣ, которые должны наблюдать, чтобы, подъ видомъ свиданія, не было проноса вина, пиши, платья, писемъ, орудій и т. п.“.

Настоящая тюремная жизнь ведетъ свои порядки и выработала особые законы.

Счастливые и умѣлые ссыльные искали утѣшенія и воли въ бѣгахъ; несчастные и меньше опытные оставались въ рукахъ начальства, подчиняясь различнымъ опытамъ исправленія. Нерчинскія тюрьмы для неисправныхъ предлагали крутыя, рѣшительныя мѣры. Мѣры эти оставлены были тамъ во время нашего посѣщенія, а потому, пользуясь случаемъ, скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ. Приковка къ тачкѣ и къ стѣнной цѣпи—вотъ пока тѣ средства исправленія, которыя придуманы были въ самыхъ строгихъ и самыхъ крайнихъ мѣстахъ ссылки и заточенія. Второе наказаніе обусловлено, сверхъ того, необходимостью одиночнаго заключенія, столь ненавидимаго русскими преступниками, по замѣчаніямъ всѣхъ, близко стоящихъ къ этому дѣлу. Когда пронесся объ этой мѣрѣ слухъ по Сибири, всѣ ссыльные пришли въ ужасъ.

Приковываютъ на цѣпь обыкновенно на пять лѣтъ, но бывали случаи и десятилѣтняго заточенія.

Такъ, напр., по отчетамъ Петровскаго завода, видно, что въ 1851 году тамъ было четверо прикованныхъ на десять лѣтъ, хотя приковывали обыкновенно по положенію на пять лѣтъ. Всѣхъ прикованныхъ тамъ было: въ сентябрѣ 1851 года 15 человекъ такихъ, которые успѣли уже посидѣть на цѣпи въ Минусѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ. 30-го ноября 1851 года цѣпныхъ было 12-ть человекъ и между ними мужъ съ женою за смертоубійство. Женѣ, не имѣвшей одежды, выдали рубаху и юбку (холщевыя), чарки и платье, хотя забайкальское областное правленіе и рѣшило выдать имъ только нижнее платье, „ибо-де оно одно только и необходимо“. У нихъ въ Газимурскомъ селеніи жила дочь. Прикованные супруги просили милости перевести ихъ изъ Петровскаго завода ближе къ дочери, именно въ Акатуй; дозволили. На время пути (9 дней) положили выдать по 63 копейки (3½ копейки въ сутки) на каждого. Акатуй специально предназначался впоследствии для таковыхъ несчастныхъ. Въ утѣшеніе страдающимъ участи ихъ сохранялъ онъ преданіе о первомъ приставѣ этого рудника. Приставъ, говоря, спускалъ своихъ цѣпныхъ съ цѣпи погулять недѣли на три на четыре и они, возвратившись, аккуратно вносили половину добычи. Кто не исполнялъ заказа, того приставъ са-

жалъ въ подземелье собственной квартиры (и подземелье показывали).

Люди эти въ работу не употребляются. Какъ великой милости, просить они, во время заточенія, награды подышать свѣжимъ воздухомъ, хотя бы и съ приправою самой трудной и тяжелой работы. Освобожденные по истеченіи положеннаго срока отъ содержанія на цѣпи (приколачиваемой къ стѣнѣ) или отъ тачки на всю жизнь затѣмъ содержатся въ острогѣ въ вѣчныхъ ножныхъ кандалахъ. Заключенные въ ножны желѣза, они также не употребляются въ работы. Какъ милость позволяютъ имъ копаться въ огородахъ каземата или дѣлать что нибудь внѣ камеры, и притомъ въ то время, когда всѣ другіе уведены на работы. Иногда содержаніе на цѣпи пробовали замѣнять заключеніемъ въ темной комнатѣ, но арестованные просились на цѣпь. Статейные списки людей этихъ обыкновенно наполнены всякаго рода преступленіями, гдѣ убійства по нѣсколько разъ перемѣшаны съ побѣгами, разбоями, кражами, перемѣною имени и тому подобнымъ. Содержаніе таковыхъ казнѣ обходилось дешевле, чѣмъ содержаніе всѣхъ другихъ арестантовъ, сколько и потому, что имъ выдавали только нижнее платье, столько же и потому, что пища полагалась имъ скуднѣе, въ уменьшенной пропорціи. Такъ, напр., въ Акатуй положено было выдавать въ сутки каждому по 2½ фунта печенаго хлѣба, раздѣляя его на части: къ завтраку, обѣду и ужину. Цѣлой порціи давать вдругъ не велѣно. Въмѣсто приварка и для питья выдавали только одну воду. По расчету, сдѣланному въ 1847 г., каждый такой арестантъ обходился казнѣ въ годъ 43 руб. 68 коп. сер. *), считая въ томъ числѣ цѣпь, освѣщеніе, мыло, мытье бѣлья, дрова, кромѣ расходовъ на военную команду. Содержаніе это производилось, большею частью, на счетъ губернской, а не заводской казны, а заводы принимали ихъ къ себѣ только въ такомъ случаѣ, когда имѣлся свободный казематъ. Часто, впрочемъ, отказывали, а потому рѣдкая изъ сибирскихъ тюремъ (и въ особенности тобольская) не имѣла при стѣнахъ своихъ подобнаго рода несчастныхъ. Акатуйская тюрьма (изъ нерчинскихъ), при рудникѣ этого имени, долго имѣла своею исключительною спеціальностью помѣщеніе арестантовъ подобнаго рода. Тамъ замѣченныхъ въ дурныхъ поступкахъ сажали въ отдѣльную комнату. Для исполненія церковнаго обряда исповѣди и св. причастія иногда ихъ отковывали, иногда нѣтъ; а иногда, и весьма нерѣдко, арестантамъ въ этомъ отказывали. Цѣпь обыкновенно дѣлалась въ три аршина длиною, изъ звеньевъ одина-

ковой величины съ ножными кандалами, вѣсомъ вся въ 5½ фунтовъ. Въ Петровскомъ заводѣ арестанты обыкновенно отходили на всю длину цѣпи, которая давала имъ возможность класть шею на порогъ двери и выставлять голову въ корридоръ. А такъ какъ цѣпные помѣщены были въ то время въ опустѣлыхъ казематахъ, выстроенныхъ для декабристовъ, гдѣ нѣсколько комнатъ выходило въ корридоръ, то эти цѣпные придумали на бездѣльѣ развлеченіе. Одинъ рассказывалъ сказки, остальные его слушали; затѣмъ начиналъ другой, третій и т. д., по очереди. Лишенные этого права, особенно содержащіеся въ акатуйской и другихъ нерчинскихъ тюрьмахъ, въ тоскѣ одиночества устремляли обыкновенно главное вниманіе свое на казематъ. Комнаты ихъ поражали необыкновенною опрятностью и поразительною чистотою: нары, стѣны, полы, самая цѣпь были вычищены, вымыты, выскоблены, нерѣдко разрисованы. Одинъ арестантъ всю одежду свою разшилъ кантиками и шнурками чрезвычайно прихотливо и замысловато, на манеръ гусарскихъ мундировъ. Нѣкоторые просили себѣ пѣтуха, кошку и считали для себя самымъ жестокимъ и сильнымъ наказаніемъ, когда за какую нибудь провинность отнимали у нихъ этихъ пернатыхъ и мохнатыхъ товарищей-благодѣтелей. Вообще, замѣчено было при этомъ, что тоска одиночества и безвыходность заточенія порождала въ заключенныхъ небывалая до того способность: многіе выучивались шить, дѣлались сапожниками, рѣзчиками. Одинъ изъ прикованныхъ къ тачкѣ сумѣлъ такъ ее раскрасить и разукрасить разными фигурами, что приводилъ многихъ въ изумленіе, но затѣмъ, при всякомъ появленіи главнаго заводскаго начальства, съ горькими мольбами, съ неспротиворечивыми слезами на глазахъ, неотступно и отчаянно просилъ отковать отъ красивой тачки, приговаривая:

— До того надоѣла, напротивѣла она мнѣ, что глаза бы мои на нее не глядѣли! Топнить даже!

Случаи конечныхъ помѣшательствъ были, судя по отчетамъ, рѣдки, а случаевъ самоубійствъ хотя и насчитывается за все время двадцати лѣтъ немного, но за то въ архивѣ нерчинскаго Большаго завода сохранилось много указаній на покушенія: цѣпные доставали острое оружіе, ножи и проч. и порывались зарѣзаться. Между прочимъ сохранился слѣдующій актъ.

Прикованнымъ въ Акатуевскомъ рудникѣ на стѣнную цѣпь давали положенные въ сутки 2½ ф. печенаго хлѣба и воду вмѣсто приварка и для питья. При этомъ велѣли наблюдать, какое вліяніе заточеніе это „будетъ имѣть на умственное состояніе (душевныя силы) и на физическое состояніе (тѣлесныя силы)“. Вскорѣ донесено было, что смыслные, прикованные къ стѣнѣ, въ силахъ и духомъ замѣчательно ослабѣваютъ. „Не имѣя движенія, у нихъ на лицѣ

*) Имъ полагалось два чарка (обуви), 2 аршина холста на олучи, шинель сермяжная, двѣ холщевыхъ рубашки, двое портокъ и провианту по 1½ пуда въ мѣсяцъ.

сдѣлалась блѣдность; по временамъ чувствуютъ во внутренностяхъ одуть и давленіе, а потомъ колотье; произносятъ слабый органъ голоса (?) и при проходѣ, сколько цѣпь позволяетъ, дѣлается головокруженіе“. Опытъ подобнаго рода производимъ былъ въ теченіи двухъ лѣтъ, 1847 и 1848, и въ показаніяхъ врачей слышался все одинъ и тотъ же отзывъ, т. е., что прикованные въ силахъ слабѣютъ.

Лиса—желѣзная полоса въ 1½ пуда вѣсомъ, надѣваемая къ рукамъ для того, чтобы цѣпной не могъ ходить по своей конурѣ, полагается самою вышешю, конечною и послѣднею мѣрою наказанія, равносильнаго европейской висѣлицѣ. Люди, подвергшіеся наказаніямъ этого рода, весьма рѣдко выходили на свободу въслѣдствіи, и только нѣкоторымъ удавалось, черезъ долгую и длинную градацію смягченій, доходить до вожделѣннаго званія испытующихся.

Акатуй для цѣпныхъ и секретныхъ выбранъ былъ не даромъ, сосредоточивали ихъ здѣсь не безъ задней мысли: мрачнѣ этой мѣстности нѣтъ уже другой во всемъ Забайкальѣ. На Аленуѣ кончается долина Газимура, начинается другая, принадлежащая какой-то рѣчкѣ, которой даже и имени не дано. Горы заслоняютъ эту долину съ обѣихъ сторонъ, но горы эти безжизненны и однообразны до тоски. На дорогѣ деревушка Кукуй. При выѣздѣ изъ нее дорога въ гору, съ которой черѣбется съ юга и востока цѣлый лабиринтъ черныхъ и синихъ горъ, съ накиннутымъ на ихъ могучія плечи чернымъ плащомъ, представляемымъ густыми лѣсами, покрывающими покаты и подошвы. Въ долинахъ господствуетъ гробовая тишь и мракъ; на горахъ то и дѣло глазъ встрѣчаетъ мертвые голыши, охотливо являющіеся на смѣну лѣсной растительности. Горы то одиноко водружены въ дно долинъ, то цѣпляются другъ за друга рядами, очень рѣдко пересѣкаемыми новыми долинами. Вдали ряды горъ кажутся безконечными и видными глазу представляются уже бѣлымъ облакомъ. Не мелькаетъ птица, не слышать звѣринаго голоса, не видать нигдѣ ни креста, ни избы. Съ горы опять спускъ въ долину, похожую на всѣ остальные, затѣмъ въ третью, также не оживленную ни встрѣчнымъ человекомъ, ни случайно избушкою. Опять подъемъ на гору и только уже съ этой горы глазъ примѣчаетъ селеніе, но не видать ни трубъ, ни дыма. Новая гора заслоняетъ видъ, начинающій веселить и радовать, и только съ этой третьей спутной горы становится виднымъ въ глубокой, мрачной и тѣсной долиніи кладбище съ деревянными крестами на пригоркѣ—подушечкѣ. За кладбищемъ вытягиваются двѣ длинныя улицы съ почернѣлыми и погнившими избенками и клѣтками. За селеніемъ одиноко стоитъ знаменитая, страшная даже въ Сибири—тюрьма Акатуй.

Акатуйскій рудникъ, первый, открытъ въ 1815 году при кряжѣ, раздѣляющемъ рѣки Газимуръ, Унду и Ононь-Борзъ въ отрогѣ горъ, отдѣлившимся отъ него и проходящемъ на юго-востокъ, между источниками Акатуемъ и Кунгу-жею. Гора, заключающая мѣсторожденіе, довольно крута, и покрыта лѣсомъ. Въ ней, въ известнякѣ, заключена серебряная жила, весьма убогая свинцомъ. Руды акатуевскія настолько сухи, что для извлеченій металла подспаривались богатыми Култуминскими. Въслѣдствіи открыты были поверхностныя руды и въ рудникѣ (первомъ) углублена Златоустовская шахта на 7 сажень и Благодатская на 9½ саж. Во второмъ акатуевскомъ рудникѣ, открытомъ въ 1822 году, углублена была третья шахта—Тимофеевская. При выломкѣ мягкихъ и слюпныхъ рудъ употребляли кайла, во всѣхъ же пріискахъ добыча съ жильною породой была кайловая же, но производилась съ помощью пороха. Въ зимнее время сюда присылались сыльно-работчіе люди изъ заводовъ Александровскаго и Газимурскаго: Акатуй нѣкогда подавалъ большія надежды. Онъ лежитъ на той возвышенности, которая составляетъ высочайшую точку рудоносной части Черчинскаго округа и даетъ начало тремъ рѣкамъ: Ундѣ, Газимурѣ и Ононь-Борзѣ.

При этомъ рудникѣ въ послѣднее время выстроена новая каторжная тюрьма. Она начата постройкою въ 1882 г., но вскорѣ работа была пріостановлена, въ 1886 возобновлена и къ 1889 г., была готова на 250 преступниковъ. Общая стоимость постройки, произведенной хозяйственными способомъ, трудомъ арестантовъ, обошлась въ 39 тыс. руб. (по смѣтѣ исчислено было 89.500 руб.). До серебро-свинцоваго рудника около версты.

Такая же новая тюрьма построена на устьѣ Кары, начатая около 12 лѣтъ тому назадъ, но приведенная въ настоящій видъ лишь въ 1882 г. на 240 человекъ (иногда содержится и болѣе). Точно также возстановлены работы и выстроены каторжныя тюрьмы при рудникахъ: Горномъ Зерентуѣ, Савинскомъ, Кадаинскомъ, Алгачинскомъ, Мальцевско-Килыгинскомъ, Кличкинскомъ, Трехсвятительскомъ и при Кутомарскомъ сереброплавильномъ заводѣ. Въ Горномъ Зерентуѣ—тюрьма самая обширная (болѣе 300 чел.). Строилась она трудомъ арестантовъ съ 1877 г. по 1889. Урокъ нѣтъ разсчитывался въ 2/3 урочнаго положенія. За выполненіе его мастерovýmъ назначается 10% вольнонаемной платы и сверхъ того, въ 4 лѣтніе мѣсяцы, выдается усиленное пищевое довольствіе. При тюрьмѣ лазаретъ на 40 кроватей.

Кромѣ цѣпныхъ, бывали еще такъ называемые секретные арестанты. Этихъ содержали въ особыхъ чуланахъ. Надзоръ за ними былъ не обыкновенно строгъ; случалось кому заболѣть

и приставы отправляли ихъ изъ состраданія въ госпиталь, но высшее начальство давало приставамъ сильнѣйшій выговоръ съ пропискою въ формуляры и приказывало больныхъ возвращать въ чуланъ и лечить ихъ тамъ. Одинъ секретный попробовалъ выдти изъ госпиталя и побродить въ цѣпяхъ по улицамъ, велѣно за то приковать его къ стѣнѣ на цѣпь. Другого выпустили изъ каземата въ казарму служителей поиграть въ кости, виновнаго часового солдата били за пропускъ плетью и велѣли написать вѣчно въ работу, хотя солдатъ и клятвенно свидѣтельствовалъ, что „выпустилъ съ простоты, взятки не бралъ и между игравшими никакихъ безпорядковъ не происходило“. Солдатъ былъ наказанъ, не смотря на то, что ближайшее начальство оправдало его тѣмъ, что солдату-де „усмотрѣть за ними хитро, ибо онъ бываетъ больше въ посылкахъ, нежели при заводѣ, отчего ему и невозможно помнить всѣ тюремныя положенія“.

Существованіе круговаго кредита и взаимнаго довѣрія, закрѣпленныхъ такими же неразрывными связями униченства и обусловленныхъ одинаковою положеніемъ, какія понятны только въ тюрьмахъ и ссылкѣ, а также дешевизна и обиліе строительныхъ матеріаловъ и, главное, бережливость, умѣющая и въ заточеніи копить деньги, помогаютъ иногда, хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, ссыльному, выпущенному изъ тюрьмы, обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, хозяйство это почти только призрачное и возможность житейскаго обезпеченія далека отъ существенности. Тѣмъ не менѣе, всѣ селенія ссыльныхъ притѣнно застроены, всѣ тюрьмы каторжныя окружены большимъ количествомъ домовъ, множествомъ улицъ. Большой Нерчинскій заводъ—цѣлый городъ, передъ которымъ городъ Нерчинскъ уступаетъ въ величинѣ и населенности. Хорошаго и сильнаго соперника этому городу мы встрѣчаемъ даже въ Петровскомъ, Александровскомъ и Усольскомъ заводахъ. Городъ Селенгинскъ гораздо меньше любого изъ промысловъ карійскихъ. Каждый изъ Нерчинскихъ заводовъ (Кутомарскій, Зерентуйскій, Благодатскій и друг.) представляютъ людныя селенія, съ которыми мудрено спорить любой изъ большихъ казачьихъ деревень. Правда, что селенія эти непрочны, жильцы ихъ ненадежны и искусственно вызванныя селенія эти все-таки не прибавляютъ цвѣта сибирской колонизаціи и не увеличиваютъ мѣстнаго населенія въ желаемой степени, какъ увидимъ впоследствии. Но правда, что строенія этихъ казенныхъ мѣстъ ссылки вежли и печальны наружнымъ видомъ своимъ и, какъ полузабытыя птичьи гнѣзда, полураскрытыя и покинутыя звѣринныя норы, приводятъ всякаго свѣжаго человѣка въ уныніе и наводятъ тоску. Тѣмъ не менѣе, строеній этихъ очень много.

Настойчиво лѣпятся они по окольнымъ горамъ, устойчиво застанываются въ падаяхъ, распадахъ и оврагахъ этихъ каменныхъ, богатыхъ рудами горъ. Нѣтъ между ними пустыхъ; рѣдкій изъ нихъ не набитъ до возможной тѣсноты жильцами изъ несчастныхъ. Несчастье и круглая бѣдность—неизбѣжные сосѣди этихъ жилищъ и непремѣнные гости каждаго изъ нихъ. Въ рѣдкомъ изъ домовъ не живутъ эти обычные и тяжелые гости и, во всякомъ случаѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ и, по преимуществу, съ тѣми изъ ссыльныхъ, которые успѣли обсемениться, сдѣлаться окончателъно осѣдлыми, ради дѣтей и собственности. Для людей этихъ окончателъно заросла дорога къ побѣгамъ вдаль; но къ преступленіямъ мелкимъ и проступкамъ невольнымъ остаются на этомъ пути проходы и обходы и бывають иногда лазейки и выходы. „Безнадежная бѣдность,—сказалъ одинъ французскій криминалистъ:—такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезвѣрное богатство презирать его“. Примѣняя этотъ выводъ къ тѣмъ изъ ссыльныхъ, которые прошли черезъ тюрьмы, этапы и каторгу и которые выселяются въ дома около заводскихъ и промысловыхъ мѣстъ заточенія, мы не удивляемся, если встрѣчаемъ вездѣ особые кварталы, носящіе названіе Тербиловыхъ, Юрдовыхъ, Слободныхъ, Кукуевъ и проч.

Кварталы эти или слободки такъ же неизбѣжны и такъ же необходимы для всякаго заводскаго и промысловаго селенія, какъ для каждаго большого города слободы солдатскія, архіерейскія, стрѣleckія и проч. Здѣсь селится крайняя бѣдность, въ дешевыхъ и старыхъ домахъ; сюда идетъ жильцомъ всякій и всякая, кому знакомъ прямой и честный трудъ, для которыхъ легкія, хотя и рискованныя работы—самое любимое и знакомое средство для пропитанія. Здѣсь помѣщается явный развратъ и темный промыселъ, направленный на приобрѣтеніе чужой собственности. Бродяги и мелкіе мошенники—обитатели этихъ подгорныхъ слободъ въ Россіи; арестанты, выпущенные на пропитаніе—жильцы этихъ, на половину врытыхъ въ землю и обмозанныхъ глиною лачугъ, какія во множествѣ группируются на выѣздахъ изъ казенныхъ заводскихъ селеній. Юрдовками называются эти притоны (для игръ въ юрдовку и др.) въ селеніяхъ Карійскихъ золотыхъ промысловъ и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Тербиловкою называется такая же слободка въ Александровскомъ винокуренномъ заводѣ.

„Существуетъ и у насъ такое мѣсто,—увѣрили меня въ иркутскомъ Усольѣ:—суда всякій житель подбирается ужъ такой“...

Такой житель, обыкновенно, женится при первой возможности, порывисто и безразсчетно, долго надъ этимъ не задумываясь. Если не охотно и почти никогда не пойдетъ за ссыльнаго дочь вольнаго человѣка, т. е. казака или

крестьянина - старожилы, то ссыльно - каторжная женщина, пришедшая въ заводъ, охотно бросается на шею первому, предложившему ей руку и сердце. Она съ большою охотою выходитъ замужъ за того, который живетъ не въ тюрьмѣ, а на пропитаніи или поселеніи. Становясь женою, ссыльная дѣлаетъ двойную услугу: съ одной стороны, приковывая мужа къ обогрѣтому мѣсту, она, насколько можетъ и умѣетъ, замечаетъ ему путь къ побѣгу и крупному преступленію. Съ другой стороны, сама освобождается отъ оковъ и, поселившись въ теплой до духоты избѣ, забываетъ о побѣгѣ и бродяжничествѣ по морозамъ, дождямъ и грязи *). Вѣрность супружескому ложу не составляетъ для ссыльной женщины добродѣтели, не входитъ въ кругъ ея завѣтныхъ обязанностей, не вынесена ею изъ прошлой жизни и, въ особенности, изъ недавней на этапахъ и не вошла въ ея убѣждение, какъ неизбѣжное и неподкупное начало. Мужу до дѣлъ жены нѣтъ нужды, у мужа свои дѣла, радіусы которыхъ все сходятся на одномъ пунктѣ — приобрѣтеніи средствъ къ жизни. Если жена стремится къ той же практической цѣли, то она и права и свободна, и бита бываетъ только подъ пьяную руку, по одному капризу, изъ одного желанія напомнить ей о подчиненности. Понятіе объ этой подчиненности безразлично, бессознательно и лишнее бремя тамъ, гдѣ существуютъ иные законы, вырабатывались иные нравы, непонятные для жителей правильно организованныхъ мѣстъ.

Теребиловскій житель, котораго счастье и случай вывели изъ тюрьмы на свое пропитаніе, не задумывается искать средствъ къ этому тамъ, гдѣ ему легче это сдѣлать, гдѣ все пути ему привычны и извѣстны до подноготной. Въ теребиловку идетъ всякій, кому хочется попытать счастья въ большой игрѣ. Карточная игра, очутившись на большомъ просторѣ и совершенной свободѣ, идетъ крупнѣе, смѣлѣе и безразсчитнѣе. Игра въ юрдовкахъ и теребиловкахъ обставляется всякимъ доступнымъ комфортомъ. Содержатели игорныхъ домовъ держатъ водку въ большомъ обиліи, способны доставить и средства къ исполненію чувственныхъ удовольствій. Все, что подъ сильнымъ страхомъ и за крѣпкимъ надзоромъ творится въ темныхъ и грязныхъ тюрьмахъ, здѣсь въ не менѣе темныхъ и

грязныхъ домахъ совершается на распахну и въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ теребиловку идетъ, для всяческихъ наслажденій, тюремный сидѣлецъ, подкупившій сторожей или за ихъ глазами ускользнувшій съ работы. Въ теребиловкахъ группируются въ шайки все тѣ изъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые выпущены на пропитаніе. Находить они его въ своихъ небольшихъ артеляхъ, для которыхъ то и занятіе, которое легче, вѣрнѣе даетъ деньги, хотя бы это занятіе и требовало непрямыхъ путей риска, смѣлости и дерзости. Смѣлость города беретъ, она же въ заводскихъ юрдовкахъ собираетъ деньги на дневное пропитаніе.

Въ теребиловку идетъ всякій изъ тѣхъ тюремныхъ, которому надобна каторга и соблазняетъ вольная жизнь въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Въ этихъ притонахъ всегда найдется такой мастеръ, который шелъ изъ рѣзчиковъ какой либо столицы, или изъ Екатеринбурга, гдѣ былъ грагильщикомъ, или изъ нижегородскихъ селъ Павлова и Ворсы, гдѣ выучился слесарному мастерству и искусству рѣзбы на камняхъ и металлахъ. Люди на бездѣлѣ, при нуждѣ и соблазнахъ, не прочь отъ всякаго предложенія, лишь бы только оно обезпечивало имъ насущный день. Мастера эти отъ аляповатыхъ печатей и темныхъ гербовъ доходятъ до Цезика, который осколкомъ перочиннаго ножичка вырѣзалъ на камняхъ замѣчательно красивые миниатюрные ландшафты, дѣлалъ фальшивыя бумажки, которыя съ трудомъ отличали отъ настоящихъ, и мастерилъ вазы, усыпанные мелкими мушками и другими насѣкомыми, за которыми любители платили большія деньги.

Приобрѣтая вновь и совершенствуясь въ тюрьмахъ, на досугѣ и при руководствѣ, въ разныхъ знаніяхъ и мастерствахъ, эти люди за тюрьмою, выйдя стѣны ея, даютъ художествамъ своимъ практическое примѣненіе, на свободѣ пускаютъ въ оборотъ и на пользу тѣхъ, которые жадуютъ, ищутъ и просятъ этихъ знаній. Бродяга, задумавшій совершить дальній побѣгъ, по возможности въ Россію, и желающій обезпечить его большимъ успѣхомъ, идетъ въ теребиловку и здѣсь за рубль, за два рубля серебромъ получаетъ такой видъ, который ведетъ его свободно по забайкальскимъ селеніямъ и уводитъ далеко, если набалованные руки не стащатъ чужого, гдѣ нибудь въ селеніи на воровствѣ и гдѣ нибудь за селеніемъ на грабежѣ.

Въ фальшивыхъ билетахъ ссыльные обыкновенно прописывались поселщиками или крестьянами, а потому и плата, вслѣдствіе того, была пережитная (за поселщика 3 руб., за крестьянина 5 руб. сер.). Нерѣдко билеты эти мастерились на цѣлую артель вдругъ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Бродяга, привыкшій бродить лѣтомъ по заводскимъ окрестностямъ ради страсти къ при-

*) Въ отчетахъ о бѣглыхъ чрезвычайно мало видно женщинъ и нѣтъ ни одного показанія на то, чтобы онѣ возвращались обратно. Разсказываютъ, что тѣ изъ бродягъ, съ которыми уважается какая нибудь ссыльно-каторжная женщина, непременно когда нибудь и гдѣ нибудь убиваютъ ее, чтобы, такимъ образомъ, уничтожить неизбежнаго, слабого, склоннаго на соблазнъ доносчика и доказчика темныхъ и нечистыхъ дѣлъ и преступленій бродяжества. Впрочемъ, это только слухи; на самомъ дѣлѣ мало въ бѣгахъ женщинъ потому, что ихъ разбираютъ замужъ нарасхватъ.

ключеніямъ, ради неодолимаго желанія поды-
мать волю, въ тѣхъ же теребиловкахъ и юрдов-
кахъ, если пожелаетъ на всякій случай обез-
опасить прогулку, можетъ получить билетъ съ
помѣткою ему, какъ поселенцу или какъ бы от-
пущенному на пропитаніе. Малоопытныхъ, не бы-
вавшихъ въ теребиловкахъ счѣмѣють зазвать,
счѣмѣють выучить и направить.

— Не нужно ли тебѣ вида на свободное
прожитіе?— спрашиваетъ одинъ мастеръ
ссылно-каторжнаго Денежкина (въ одномъ изъ
слѣдственныхъ дѣлъ, попавшихъ намъ въ руки
въ Петровскомъ заводѣ).

— Какъ бы не надо!—отвѣчаетъ на это
ссылный:—Да гдѣ возьмешь?

— Есть ли у тебя деньги?

— Есть, да немного.

— А если два рубля найдется, то и до-
вольно.

Въ заводскомъ кабакѣ совершена была пе-
редача вида и учинены литки, на которыя ссыл-
ный истратилъ еще 50 копеекъ серебромъ.

Счастливый и новый бродяга счѣмѣтъ по-
томъ во-время изловчиться съ этимъ видомъ,
предусмотрительно показать его тому, кто мало
видитъ, спрятать отъ опытнаго глаза и огра-
бить того, кто за собою не смотритъ. Такой
бродяга и пограбленное нигдѣ не прячетъ, ни-
гдѣ его не сбываетъ иначе, какъ въ тѣхъ же
заводскихъ юрдовкахъ и теребиловкахъ, и вы-
рученный деньгъ нигдѣ не пропиваетъ, какъ въ
тѣхъ же утихихъ мазанкахъ. Водку нигдѣ онъ
не беретъ, какъ въ томъ же заводскомъ кабакѣ,
и пьетъ ее со своимъ же братомъ, покровителемъ
и руководителемъ.

Такъ говорятъ архивныя дѣла, настоящіе жи-
тейскіе живые факты. Слѣдствія и обыски ска-
зываютъ потомъ, что дѣлатели употребляютъ пе-
чати чаще свинцовыя, рѣже мѣдныя (пригото-
вляемыя на мѣдномъ пятакѣ, у котораго выти-
рается одна сторона подпилкомъ), что печати,
вслѣдствіе того, часто бываютъ больше надле-
жащей величины, что оттискъ такого рода пе-
чатей прочтѣ, потому что коптятъ ихъ на сже-
ной берестѣ. Одинъ мастеръ подобныхъ надѣ-
лій, чтобы вѣрнѣе скрыть преступленія, бумагу
для видовъ покупалъ не въ лавкахъ у торгов-
цевъ, а у школьниковъ, и покупалъ дешево—
за волосяныя колечки, приготовляемыя женою
этого ссылнаго. Другой приготовить и выдать
билетъ, но проставилъ крупный, длинный ну-
меръ и, такимъ образомъ (и можетъ быть безъ
всякаго злого умысла), сгубилъ пріятеля. По-
вальный обыскъ у третьяго изъ теребиловскихъ
открылъ въ углу между поломъ и стѣною, подъ
половицею, фунтъ олова, два небольшихъ под-
пилка, малое зубрило, пять готовыхъ печатей и
шестую, начатую, на мѣдной двухкопеечной мо-
нетѣ, у которой вытерты были обѣ стороны; на
одной уже красовалась надпись „Козмодемьян-

ской градской думы“. Четвертый попался на
пути въ мастера фальшивыхъ бумажекъ, а имен-
но съ двумя небольшими деревянными циркуля-
ми, съ желѣзными проволочными шпильками, съ
двумя долотцами изъ игловокъ, съ бумажною пе-
чатью, сфранною съ конверта, „съ роговою
костью“ и проч., и проч. Разсматривая подоб-
ныя дѣла въ достаточномъ количествѣ, выно-
силь такое убѣжденіе, что не однѣ теребиловки
занимались мастерствомъ приготовленія фальши-
выхъ паспортовъ. Ссылные во множествѣ дѣ-
лаютъ указанія на Тарбогатай и другія селе-
нія такъ называемыя семейскихъ, гдѣ были ма-
стера, конкурировавшіе съ заводскими, но слабо:
билеты, тамъ приготовленные, часто предавали
ссылныхъ въ руки земскихъ, потому что были
плохо сдѣланы. Между тѣмъ билетъ, написан-
ный и выданный въ Петровскомъ заводѣ, вы-
краденъ былъ у бѣлаго изъ рукавицы ссыл-
нымъ въ Успенскомъ заводѣ (Тобольской губ.)
и отнять у послѣдняго и задержанъ вмѣстѣ съ
нимъ уже въ Лаишевѣ (Казанской губ.).

Казенныя бумаги, выводя наружу эти грѣхи,
въ то же время даютъ намъ свидѣтельства и
указанія, что не одни только пропитанные по-
селенцы, своею семьею или своею шайкою, бы-
ваютъ участниками прегрѣшеній. Не упало бы
ихъ дѣло далеко и не много выиграло бы оно
само по себѣ, если бы они не находились подъ
непосредственнымъ покровительствомъ тѣхъ лю-
дей, которые пользуются свободою и ея вы-
годами.

Вотъ какой случай (болѣе другихъ характер-
ный) рассказываетъ намъ одно архивное дѣло.
Два шмельцера играютъ съ однимъ ссыл-
нымъ въ карты. Ссылный выигрываетъ, тре-
буетъ деньги.

„— Я тебѣ деньги заплатилъ и ты поди
вонъ изъ моего дома!—отвѣчалъ одинъ изъ
шмельцеровъ и гонитъ выигравшаго въ шею.

„Ссылный закидался по избѣ, схватилъ ножъ,
бросился съ нимъ въ сѣни“, но не нашелъ тамъ
пронгравшихся и убѣжавшихъ партнеровъ.

По поводу покушенія на убійство, завязалось
дѣло. Слѣдствіе обнаружило, что у этихъ шмель-
церовъ былъ въ квартирѣ открытый и гласный
игорный домъ, неизвѣстный только одному на-
чальству, что вольные заводскіе служители эти
держали настоящія печатныя, а не дѣланныя
карты, что при этой роковой игрѣ водка была
обычнымъ угощеніемъ.

„Когда между шмельцеромъ и ссылнымъ за-
вязалась драка, другой шмельцеръ уговаривалъ
товарища:

„— Ежели бы ты добрый служитель былъ,
то ты бы Исаева, какъ ссылно-каторжнаго,
билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и за-
конъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велитъ
вѣрить“.

Судъ приговорилъ ссылнаго Исаева, задѣ-

таго за самую щекотливую струну сердца, хорошо известную по чувствительности ее всем горным, наказать 50-ю ударами плетей, а служителей судъ оставилъ безъ всякаго наказанія. Участь горнаго служителя, облегченная современными намъ положеніемъ, прежде далеко не обезпечивала его быта. 12-ти-лѣтній сынъ служителя поступалъ уже на работы, хотя бы и легкія, хотя бы и въ лѣтнее время; въ 18 лѣтъ его уже впрягали, наравнѣ съ каторжными, въ настоящую службу, каковую онъ обязанъ былъ продолжать 25 лѣтъ, если поступалъ изъ рекрутъ, и 35, если былъ сыномъ заводскаго служителя или родился отъ сыльно-каторжнаго, во время нахождения отца въ работахъ, или же солдата преждебывшаго батальона. Такимъ образомъ, служитель, получая одинаковое жалованье и содержаніе съ сыльно-рабочими, разнился тѣмъ, что работа для него была почти безсрочною, тогда какъ сыльно-каторжный имѣлъ въ перспективѣ самый долгій срокъ двадцатилѣтній. Тѣ же дѣла и тѣхъ же архивовъ переполнены рассказами о случаяхъ побѣговъ съ работъ горныхъ служителей. Пойманные на допросахъ показывали единогласно, что „побѣгъ учинили въ единое отбывательство казенныхъ работъ съ тѣмъ предпріятіемъ, сколько возможность позволить, пробывъ отъ оныхъ празднымъ“. Они совершали въ бѣгахъ преступленія для того, чтобы получить наказаніе плетями или пинцутенами и быть записанными въ разрядъ сыльно-каторжныхъ, т. е. срочныхъ горныхъ работниковъ. Правда, что мелкія преступленія въ бѣгахъ оцѣнивались, по поимкѣ, уменьшеніемъ жалованья, назначеніемъ на усиленную работы и розгамъ, но нѣкоторымъ сразу удавалось прямо попадать на каторгу, на срокъ.

Возвращаясь къ теребиловкамъ и юрдовкамъ, а съ ними вмѣстѣ и къ тѣмъ родамъ и видамъ промышленности, которая должна обезпечивать существованіе жителей этихъ слободокъ, мы встрѣчаемъ новые виды торговли и промысла. Промыселъ этотъ ведется въ мелкихъ развѣтрахъ и слишкомъ исключителенъ по своей специальности, но, тѣмъ не менѣе, находится въ рукахъ пропитанныхъ поселенцевъ и самихъ сыльно-каторжныхъ. Опять-таки промыселъ этотъ не имѣлъ бы приложения и выхода, если бы не встрѣчалъ на сторонѣ людей покровительствующихъ, рукъ поддерживающихъ. Мы говоримъ о контрабандѣ казенныхъ золота и серебра. Украсть то и другое сыльному не мудрено, въ особенности золото; спрятать еще легче: самые тщательные обыски тутъ ничего не дѣлаютъ. Крадутъ всего чаще при разработкѣ россыпи, да тогда и легче: усмотрѣть за рабочими, растянутыми на большомъ пространствѣ или спущенными во мракъ шахты, нѣтъ никакой возможности. Труднѣе красть при промывкѣ, гдѣ и глаза приставниковъ смотрятъ зорче и онъ весь на виду. Здѣсь крадутъ уже сами надзиратели,

а потому арестантъ, лишній человекъ, долженъ воспользоваться добычею при первоначальныхъ работахъ: не попадется ли самородокъ. Самородки же попадаются рѣдко и достаются только самымъ счастливымъ; но и въ этомъ случаѣ счастье нашедшаго дальше кабака въ теребиловкѣ не простирается. Не несетъ онъ находки въ контору, хотя и знаетъ, что конторамъ вѣльно платить по рублю за золотникъ, но знаетъ также и то, что вѣшаютъ тамъ на вѣскахъ, ему не понятныхъ, и обсчитываютъ. Съ купцомъ сходятъ дѣло: съ нимъ и поторговаться можно, и выпить съ него магарычъ на его же счетъ, и пропить, проиграть полученные деньги тотчасъ же. Куда ихъ беречь и прятать? въ казармѣ товарищи украдутъ. Большія деньги въ тюрьмѣ бѣда: иной злодѣй убьетъ, пожалуй, измученный соблазномъ и завистью.

Украденныя серебро и золото обыкновеннымъ путемъ сыльно-рабочіе, за ничтожную плату, сдаютъ на надежныя руки въ теребиловки. Здѣсь знакомымъ путемъ найдетъ его заводскій служитель и передастъ въ руки казака, выбирая при этомъ (чтобы скрыть слѣды) казака такого, который былъ въ заводѣ при промыслѣ проѣздомъ и который знакомъ уже съ этимъ дѣломъ и привыкъ къ нему. Для передачи краденнаго, сыльные рѣдко казакамъ предпочитаютъ кого другого; часто употребляютъ на это дѣло солдатъ и всегда прибѣгаютъ къ болѣе вѣрному посредству, т. е. служителямъ. Попадая, такимъ образомъ, черезъ третьи въ четвертыя руки, покраденное „хищническое“ золото въ порошокъ и серебро въ слиткахъ *) отвозилось казакомъ изъ завода. Никогда самъ казакъ не пускалъ его дальше въ ходъ; передачею краденнаго занимались исключительно ихъ жены и дочери, для которыхъ передача контрабанды—привилегированный промыселъ и притомъ такой, который женщины (по долгимъ опытамъ, съ незапамятныхъ временъ) производили съ большимъ успѣхомъ, съ болѣею чистотою отдѣлки. Процессъ этотъ, по рассказамъ, совершался весь такимъ образомъ.

Контрабандное золото везетъ баба обыкновенно завязаннымъ тщательно въ бумажку и тряпочку и зарытымъ въ крупу или муку. Довозя до условленнаго, примѣтнаго мѣста въ тѣсу, близъ дороги, контрабанда прячется подъ кустомъ, подъ деревомъ. Кустъ и дерево должны отличаться условными, известными всемъ контрабандистамъ примѣтами. Сама баба съ возомъ отправляется къ главному покровителю-капиталисту, къ купцу или торгующему крестьянину.

*) Не только казакамъ, но и бурятамъ за Байкаломъ и киргизамъ за Алтаемъ хорошо известенъ способъ плавки, въ особенности серебра. Тѣ и другіе инородцы украшаются сами и украшаютъ женъ кольцами, запястьями, серьгами. На сѣдлахъ, на ганзахъ (трубахъ), на огнивахъ серебряныя оправы — ихъ собственнаго издѣлія.

— Желтую пшеничку привезла, не купишь ли?

Купец понимает дѣло, но притворяется, старается замаскировать себя и отправляет продавщицу къ другому.

— Тотъ не возьметъ ли? На него указываютъ слухи, а я такимъ дѣломъ не занимаюсь! Мнѣ не надо.

Этотъ „тотъ“ всегда агентъ этого главного купца, обязанный сбивать съ золота цѣну, но также еще не покупщикъ, и онъ отсылаетъ бабу къ третьему.

— У меня денегъ нѣтъ, а тотъ охотился.

Третій обыкновенно платитъ деньги послѣ многихъ проволочекъ и притѣсненій, платитъ большею частью такую цѣну, какую захочетъ, и всегда выговариваетъ:

— Мои деньги мамья, да мнѣ благодѣтель поможетъ, а я ему зароблю.

Сказывая при словѣ „благодѣтель“ его имя, третій агентъ даетъ тѣмъ знать, чтобы все-таки и на будущій разъ баба относилась къ нему и шла этихъ радомъ мытарствъ, истощая терпѣніе, ослабляя цѣну, и доходила опять до него, до этого третьяго.

Этотъ третій идетъ обыкновенно за бабою вонъ изъ селенія, къ показанному мѣсту, примѣты котораго общи и общеприняты (нѣкоторыя даже открыты и начальствомъ). Беретъ онъ золото и отвозитъ его къ своему благодѣтелю. Дѣло послѣдняго держать около себя такихъ вѣрныхъ, надежныхъ и опытныхъ казаковъ, у которыхъ имѣются бойкія, приспособленные къ провозу контрабанды лошади. Лошади эти бѣгаютъ безъ дороги, не затрудняются въ лѣсахъ, не задумываются надъ рѣками. Вплывъ черезъ рѣку Аргунь лучшіе забайкальскіе контрабандисты, аргунскіе казаки (русскіе и карымъ), отвозятъ покраденное золото, „желтую пшеничку“, къ монголамъ. Здѣсь, въ степи, въ условномъ мѣстѣ, золото пріятелями-монголами охотно промѣнивается на кирпичный и всякій чай. Тѣмъ же путемъ риска, съ торопливостью, ночью ввозится чай въ большія селенія и сбывается на руки купца-благодѣтеля. Въ крупныхъ выгодахъ были тѣ и другіе. Контрабанда процвѣтала и усиливалась по мѣрѣ обремененія кяхтинской торговли высокими, стѣснительными пошлинами *).

*) Золотникъ золота продавался купцамъ за 1½ руб., иногда за 2 руб. (въ казнѣ онъ стоилъ 3 руб. 57¼ коп.). Монголы давали за этотъ золотникъ десять кирпичей чая (по 70 коп. за кирпичъ), т. е. 7 руб. сер. Въ Нерчинскомъ заводѣ за тотъ же кирпичъ чая давали купцы въ лавкахъ, смотря по величинѣ кирпича, 90 коп. и 1 руб. Стало быть, на каждомъ золотникѣ главный контрабандистъ выигрывалъ до 8 руб. сер., не считая расходовъ на перевозчиковъ. Съ перенесеніемъ таможи въ послѣднее время въ Иркутскъ, цена дѣйствій перемѣнилась, но способъ дѣйствія—едва ли. Во всякомъ случаѣ, на китайской границѣ стало теперь посвободнѣе и поспособнѣе.

На мѣстахъ сбыта золота монголамъ совершались обыкновенно шумныя попойки на китайской водкѣ (араки); на мѣстахъ пріобрѣтенія и добычи золота—бывали неудачи и крупныя несчастія.

Одинъ торговецъ выгодно поставилъ въ казну мясо, съ нѣкоторымъ даже убыткомъ для себя. Начальство смѣкало дѣло, но, имѣя въ виду казенную пользу, молчало до времени. Въ одинъ годъ торговца этого заведенія контрабандисты обманули, подсунувъ ему второпягъ мѣдный слитокъ, гальванически позолоченный, за самородокъ. Купецъ купилъ его, отдалъ наличныя деньги, выхвѣлъ изъ промысловаго селенія; продавецъ доказалъ на него. На дорогѣ купецъ былъ схваченъ, обысканъ, заплатилъ штрафъ и на слѣдующій годъ на торги не явился и контрабанду бросилъ.

Не бросили контрабанду другіе. На молодую, вновь открытую золотую розсыпь Кудею, прежде всего, потащились ловкіе продавцы съ платочками, ситцами и другими красными товарами для „желтой пшенички“. Это не такъ давно, а очень давно Шилкинскій заводъ былъ центромъ операций, производимыхъ надъ карійскимъ золотомъ (очень высокой пробы). Сюда пріѣзжали покупатели изъ окрестныхъ селеній по временамъ; мѣстные купцы такимъ дѣломъ не занимались, довольные тѣмъ, что, оберегая нравственность сыльныхъ въ Карѣ, — по обычаю всѣхъ золотыхъ промысловъ и по закону, — не дозволили торговли. Вся она для карійскихъ сосредоточилась въ Шилкинскомъ заводѣ, гдѣ купцы, на первыхъ порахъ, наживали на товарахъ своихъ рубль на рубль. Дѣль объ золотѣ и серебрѣ въ архивахъ много. Уличали, подозрѣвали и ловили торговцевъ изъ сыльныхъ евреевъ, подозрѣвали и (въ 1848 году) пріѣзжавшихъ на заводы венгерцевъ и другихъ иностранцевъ для мелочной разносной торговли, съ заграничными товарами, безъ положенныхъ клеймъ или съ поддѣльными пломбами и штемпелями. Торговали они и лекарствами и, пріобрѣтая исключительно одно серебро въ монетѣ и слиткахъ, пускали въ оборотъ фальшивые кредитные билеты. Этими заграничнымъ гостямъ, не безъ основанія, приписываютъ правильную организацію всего дѣла по части сбыта золотой и серебряной контрабанды.

Въ 1850 году существовала въ Кяхтѣ слѣдственная коммиссія „для раскрытія вкоренившейся незаконной торговли съ китайцами золотомъ“ *). И въ нашъ пріѣздъ указывали на одного изъ контрабандистовъ, который велъ

*) Сенаторская ревизія, назичинная потомъ такъ же, какъ и кяхтинская коммиссія, въ изслѣдованіи контрабанды золотомъ не имѣли успѣховъ, хотя первая и подпускала подъ перекупщиковъ ловкихъ жидковъ. Попадались въ сѣти мелкая рыба съ долями или съ золотниками и прогуливалась за то по зеленой улицѣ (ходила сквозь строй); крупная рыба выскакивала.

сильную карточную игру, и на другого, о котором у насъ имѣлось слѣдственное дѣло.

Контрабандистъ этотъ, нѣкто Соколовъ, въ 1850 году уличенъ былъ въ томъ, что приобрѣтенное золото не обывалъ за китайскую границу монголамъ, а превращалъ его въ червонцы и червонцы эти пускалъ въ обращеніе за Байкаломъ, черезъ жену свою. Въ кабакѣ Дучарскаго завода, у цѣловальника, найдены были четыре такіа золотыя монеты, которыя отправлены были въ Петербургъ на монетный дворъ для испытанія. Эксперты двора нашли, что золотые не фальшивые, ибо-де, будучи сдѣланы безъ лигатуры, стоятъ выше существующаго курса,—и писали въ Нерчинскій заводъ, что представленные имъ золотые сдѣланы изъ серебристаго золота, а потому цвѣтомъ желтѣе настоящихъ; въ окружности, также „въ надписи буквъ овальнѣе и менѣе явственны, зубчики крайняго ободка толще, вмѣсто звѣздочекъ точки“, и проч.

Въ дѣлѣ этомъ участвовали: ссыльно-каторжный Соколовъ при участіи поляка Брановскаго и подсудимаго бродяги Андреева. Соколовъ съ женою, которая передавала монету, объявленъ былъ подъ подозрѣніемъ и переведенъ для жительства въ другой заводъ, Шахтаминскій. Брановскій, разъ уже наказанный кнутомъ за дѣланіе въ тѣхъ же Нерчинскихъ заводахъ фальшивыхъ ассигнацій, былъ наказанъ. Бродяга Андреевъ, разъ уже сужденный за продажу поселенцу Чернову золота около 1½ фунта и наказанный за то шипцрутнами черезъ 500 человекъ одинъ разъ, наказанъ 30-ю ударами плетей за участіе въ дѣлѣ Соколова.

Занятіе контрабандою золотомъ и фальшивою монетою (фальшивыми кредитными билетами) успѣло многихъ обогатить, малую и почти ничтожную только часть обездолжить.

Указывали на многихъ обывателей въ городахъ, ближайшихъ къ мѣстамъ производствъ и добычи серебра и золота, какъ на людей, основавшихъ свои дѣла на торговлѣ краденнымъ съ разныхъ золотыхъ промысловъ золотомъ или черезъ распространеніе въ народѣ фальшивыхъ ассигнацій. Указанія шли на многіе города въ Западной и Восточной Сибири. Въ Тобольской губерніи также нерѣдко попадалась золотая монета пробой выше казенной монеты, для которой существовалъ открытый путь на Омскую линію, а оттуда съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ.

Помимо приготовленія изъ контрабанднаго золота червонцевъ, ссыльные Нерчинскихъ заводовъ не отставали передъ множествомъ другихъ мѣстъ въ Россіи и Сибири въ приготовленіи другихъ денегъ—бумажныхъ. Фабрикація фальшивыхъ ассигнацій была до того сильно распространена въ Нерчинскомъ и вообще въ Забайкальскомъ краю, что горное нерчинское прав-

леніе пробовало было считать сорты ихъ и записывать, да и счетъ потеряло. Насчитало оно сортовъ до 25-ти и, видя бесполезность работы, вело дальнѣйшій счетъ только для формы по заказу и по привычкѣ. Венгерцы, приходившіе съ товарами, и другіе иностранцы, появившіеся въ край, распускали фальшивыя деньги заграничнаго дѣла и вывозили краденое русское серебро. Къ тому же и товары развозили безъ таможенныхъ клеймъ и пломбъ, а деньги за нихъ брали все-таки выше сибирскихъ цѣнъ. Бѣдили большими партіями. Не всегда подобное приготовленіе имѣть безразсчетныя и безразличныя цѣли; были случаи, имѣвшие политическій характеръ. Такимъ отзывается имѣющееся у насъ въ рукахъ дѣло (1839 года) польскихъ ссыльныхъ 1830 года, затѣянное для освобожденія всего множества сосланныхъ туда поляковъ изъ узъ неволи и тюремнаго заточенія. Дѣлу этому мы даемъ мѣсто въ слѣдующихъ томахъ этого сочиненія.

Въ Западной Сибири указывали на Успенскій винокуренный заводъ (Тобольской губерніи, Тюменскаго округа, въ 326 верстахъ отъ Тобольска и въ 52 отъ Тюмени), какъ на главную фабрику приготовленія ссыльными фальшивыхъ бумажекъ. Рассказываютъ, что наряженное по этому случаю слѣдствіе кончилось тѣмъ, что одному изъ депутатовъ какая-то старуха подсунула толстую пачку самодѣльныхъ ассигнацій. Слѣдователь началъ съ того времени богатѣть, оставилъ службу, а дѣло было, по обыкновенію, замято и спрятано. Слѣдственный дѣла обнаруживаютъ при этомъ, что передатчики часто рискуютъ, попадаются въ просакъ, ссыльные часто ихъ надуваютъ, отчего при такомъ рискѣ выигрываютъ больше первые, теряютъ вторые. Случай противоположнаго свойства—большая рѣдкость, ихъ знаютъ на перечесть и рассказываютъ въ похвалу изобрѣтательности ссыльныхъ, основанной, главнымъ образомъ, на томъ, что операція производится въ потьмахъ и попыхахъ, торопливо и на вѣру.

Такъ, одному удалось сунуть пачку скверной и мягкой бумаги, обложенную настоящими ассигнаціями только сверху и снизу и связанную веревочкою. Счастливому плуту удалось эту пачку сунуть въ торопяхъ и получить 250 руб. только за 45 руб., образовавшихся изъ синенькихъ и красенькихъ, лежавшихъ наверху и внизу. Этотъ пересылный арестантъ возбудилъ въ передатчикѣ полную довѣренность къ искусству своему въ приготовленіи „блиновъ“ тѣмъ, что данную имъ на пробу (настоящую вмѣсто фальшивой) бумажку разбѣняли въ кабакѣ; 250 руб. покупатель охотно далъ за 500 фальшивыхъ и вмѣсто нихъ нарвался на газетную бумагу.

Выпускаются на пропитаніе или, лучше, на отдыхъ тѣ изъ ссыльныхъ, которымъ не по-

счастливию: казенная работа отняла отъ нихъ послѣднія, растроченныя по дорогамъ и тюрьмамъ физическія силы. Тяжкія страданія, исключительность работъ дѣлаютъ такихъ рабочихъ совершенно бесполезными, и притомъ большую часть изъ нихъ. Въ рудникахъ — отравленіе свинцомъ (свинцовая колика и удущье, *asthma metalurgica*), падучая болѣзнь (*epilepsia*) — какъ слѣдствіе свинцоваго отравленія у мужчинъ, такъ и у женщинъ; грыжи, вслѣдствіе тяжести работъ; узлы (*varices*), какъ послѣдствія работъ, производимыхъ стоя, и питья воды, застоявшейся въ рудникахъ; воспаленіе глазъ отъ плохого освѣщенія, мерцающаго полусвѣта и чада отъ плохихъ салныхъ свѣтъ; переломы и вывихи такіе же частые гости, какъ удущье. Удущье постигаетъ тѣхъ неосторожныхъ рабочихъ, которые, послѣ 12-часовой напряженной работы, вызывающей испарину, выходятъ на холодный воздухъ, пьютъ и ѣдятъ потомъ безъ осторожности и притомъ очень плохо. Въ тюрьмахъ, какъ сказано выше, неизбежно посѣщаютъ арестантовъ также воспаленіе глазъ (*ophthalmia calcellaris*), зависящее отъ сѣро-водороднаго газа, какъ продукта собственныхъ испареній и выдѣленій. Замѣчательны обыкновенно скорбутъ, диссентерія и тифъ, очень часто язвы отъ худосочій скорбутаго и ревматическаго (часты наружныя язвы и отъ тренія кандалами); ознобленіе и отмороженіе членовъ отъ недостатка обуви и одежды и какъ слѣдствіе побѣговъ, сифилисъ въ страшныхъ формахъ отъ неправильнаго и безчеловѣчнаго леченія своимъ же братомъ-знахаремъ; чесотка (*scabies*), какъ неизбежная, непремѣнная и вѣчная принадлежность всякихъ тѣсныхъ, сырыхъ и грязныхъ артельныхъ помѣщеній *). Чесотка между горно-заводскими жителями, особенно между дѣтьми, распространена такъ, какъ едва ли гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Только работающіе на фабрикахъ (въ сѣрныхъ парахъ) освобождены отъ нее.

Выпускаютъ также сыльныхъ на пропитаніе въ видахъ экономической мѣры, напр., по случаю неурожаевъ хлѣба, когда казна затрудняется снабженіемъ этими припасами, и какъ мѣра награды, неизбежная и обусловленная закономъ и обычаемъ для тѣхъ сыльныхъ, которые покойно выжили тюремный срокъ, но не заслужили еще вожделеннаго званія поселенцевъ или, по сибирски, посельщиковъ. Уходя на пропитаніе, семейные сыльные уводили съ

*) Въ Кутумарскомъ заводѣ вредное вліяніе мышьяковистыхъ паровъ оказывало свое дѣйствіе на телятъ, а потому заводскія бабы отправляли стельныхъ коровъ въ сосѣднія деревни. На людей эти пары имѣли даже благоприятное вліяніе: въ чесночномъ запахѣ мышьяковистой кислоты работали сыльные и въ Александровскомъ заводѣ (Нерчинскаго края). Заболѣвшие лихорадкою (упорною) ходили на заводскія фабрики работать и здѣсь излечивались мышьяковистыми парами во время самыхъ пароксизмовъ.

собою и дѣтей, но заводское начальство считало ихъ виновными вмѣстѣ съ отцами, возвращало назадъ, назначало въ работы, хотя потомъ само же увѣряло въ форменныхъ бумагахъ, что „возворить сбродъ людей этихъ, слѣдуетъ изъ пропитанныхъ постоянныхъ работниковъ и домохозяевъ нѣтъ никакой возможности“. Сыльные, не семейные, выходя на пропитаніе, бѣгутъ изъ заводовъ при первой открывшейся возможности къ побѣгу, къ которому нерѣдко представляются случаи при употребленіи на работу въ крѣпости, гдѣ дровосѣкъ и проч.

Поступая для житія къ семейнымъ хозяевамъ, которые охотно принимаютъ къ себѣ сыльныхъ, пропитанные (т. е. вышедшіе на пропитаніе), за крайнюю ограниченностью казеннаго содержанія, по неволѣ принуждены бывали изыскивать мѣры къ пріобрѣтенію денегъ. На винокуренныхъ заводахъ они, провертывая дыры въ тѣхъ трубахъ, по которымъ идетъ вино, воровали спиртъ и полугаръ, на солеваренныхъ — соль; на золотыхъ промыслахъ — золотой песокъ; на желѣзодѣлательныхъ заводахъ — желѣзо, преимущественно во время работъ въ кричной фабриктъ и т. п. Мелкія воровства и кражи по заводамъ до того обыкновенны, что послѣ многихъ опытовъ перестали употреблять какія либо опредѣленные и вѣрныя мѣры; подвернется какойнибудь случай, не предусмотрѣнный, не основанный на расчетѣ и поразительный по крайней случайности. Объ немъ рассказываютъ, какъ о чудѣ, и рассказъ превращается въ легенду, которая, однако, изживается въ памяти народа цѣлые десятки лѣтъ. Такъ, напр., черезъ тридцать лѣтъ мы получили въ Петровскомъ заводѣ изъ вторыхъ рукъ такую повѣсть, рассказанную самимъ авторомъ казуса.

„— Былъ я воръ отпѣтый и каковы ни мастера всѣ наши, а я былъ лучше всѣхъ. Иного выпоркутъ, онъ и отстанетъ, а мнѣ и розги, что съ гуся вода. Сидѣлъ во мнѣ вороватый чертъ самый сильный и такой притомъ, что никакого мнѣ ладу съ нимъ не было. Увижу что чужое, сейчасъ у меня заболитъ брюхо и такой таскунъ въ немъ нападетъ, что глазъ не сомкну, куска не съѣмъ, покуль чужая вещь перестанетъ ѣсть глаза и руки отстанутъ чесаться. А таскалъ я все, что подъ руку подвернется, и не надобна иная вещь, да силенъ чертъ внутри сидитъ: что ни видитъ изъ чужого, все подавай! Сидишь бывало, задумаешься, о своей судьбѣ перебираешь мысли: дай-ка пойду да стащу чтонибудь, что плохо лежитъ. Разъ пошелъ погулять за заводомъ, поднялся на горку, погулялъ. Свернулъ съ тропинки въ заводъ, къ домнѣ (доменной фабриктъ). У домны увидѣлъ казенку, гдѣ складываютъ всякія казенныя вещи, у казенки ребятъ увидѣлъ: наши подъ амбаръ этотъ подкапываются. Мнѣ бы и протти мимо, ужъ будетъ съ меня,

да чертъ-отъ во мнѣ завожился и мои мысли разсѣялъ, сталъ толкать меня да подговаривать: „иди, помоги, вдвоемъ имъ не сладить“. Пошелъ я къ нимъ: что дѣлаете? Да такъ-де и такъ, казенныя вещи считать и провѣрять пришли.

„Стать я нѣтъ пособлять, а тропинка за спиной у меня осталась. Копался я вдвоемъ съ чертомъ вътрое сильнѣе товарищей: моя яма глубже всѣхъ и краемъ однимъ совсѣмъ ужъ въ амбарѣ. Сдумалъ я такъ, вскинулъ глаза на товарищей, нѣту ихъ—убѣжали. Я оглянулся назадъ, а сзади меня стоитъ нашъ начальникъ; тоже погулять вышелъ. Стоитъ и молчать и во всѣ глаза на меня смотреть, а луна на ту пору такъ и обошла его всего свѣтомъ, даже страшенъ онъ сталъ. Увидалъ я Нестерова, да такъ и обмеръ: человекъ онъ былъ суровый, засѣкалъ нашего брата до смерти (за то его и смѣнило начальство). Меня поролъ столько, что я и счетъ потерялъ. Вижу его и смѣкаю: такое, молъ, наказаніе придумаетъ мнѣ теперь, о какомъ въ заводѣ наши каторжные еще не слыхивали. Слышу, заговорилъ: „Ну-де, я тебя наказывать не стану, палки не донимають, а пусть-де тебя теперь самъ Богъ накажетъ!“ Словомъ этимъ онъ такъ и пригвоздилъ меня къ тому мѣсту. Какъ я всталъ столбнякомъ, такъ и простоялъ я куда долго. Онъ ушелъ, а я все наказанія себѣ выжидать; думаю: такъ вотъ и разразитъ меня на мѣстѣ. Съ той поры какъ рукой съ меня сняло: убилъ онъ моего черта. Съ мѣста я сошелъ, какъ изъ бани вышелъ, легко таково“.

Ссылный этотъ пересталъ воровать и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ и честныхъ рабочихъ. Другая арестантская гроза, громившая ссылныхъ на Карѣ въ первое время по открытіи тамъ золотого промысла, напугала палача. Карійскій палачъ торговалъ виномъ и поживлялся около каторжныхъ. За виномъ онъ ѣздилъ въ Шилкинскій заводъ и привозилъ его тайкомъ на Кару. Разъ онъ наскочилъ со своею контрабандою на самого. Приведенъ былъ къ нему и до того былъ напуганъ свиданіемъ, что затрясся весь какъ въ лихорадкѣ, и не зналъ, что съ собою дѣлать. Начальникъ былъ доволенъ собою и ограничился короткою сценою. „Боишься ты меня?“—спросилъ онъ палача. „Боюсь очень!“—отвѣчалъ тотъ. „А какъ очень?“ „Больше Бога!“—отрѣзалъ палачъ—и выигралъ: взысканія не послѣдовало.

Какъ бы то ни было, но это патаніе по чужимъ дворамъ въ ближнихъ къ заводу селеніяхъ, этотъ мнимый отдыхъ отъ каторги посреди ежечасной заботы о насущномъ хлѣбѣ, этотъ хлѣбъ, горькій и черствый, дѣлаегъ житье на пропитаніи немногимъ лучше самой каторги. Выходовъ изъ него немного и всѣ неблагопріятны. Уйти за границу назначеннаго округа въ чужой, не найдя въ своемъ средствъ къ

пропитанію, значить, включить себя въ отдѣлъ бродягъ, строго преслѣдуемыхъ закономъ. Гдѣнибудь и когданибудь поймають, посадятъ въ острогъ, станутъ судить, накажутъ и отправятъ туда же или дальше того самаго мѣста, откуда вышелъ. Бродить по домамъ заводскихъ рабочихъ, такихъ же голышей и такихъ же несчастныхъ, значить не идти дальше мелкой кражи и крупнаго за то наказанія. Чѣмъ дольше длится срокъ, назначенный для этого средняго, неопредѣленнаго переходнаго состоянія, тѣмъ невыносимѣе становится нравственная пытка, тѣмъ запутаннѣе житейскія обстоятельства и печальное житейское положеніе свободнаго поселенца кажется уже какими-то расѣмъ и альдородо. Большая часть уходитъ въ бѣга, меньшая хитритъ, скрипитъ и ждетъ своего срока и желаннаго дня. Самая малая часть запутываетъ себя женитьбою и за нею кое-какъ привязывается къ семьѣ, дому и хозяйству. На заводахъ пропитанный крадетъ чужую лошадь, чтобы поступить въ разрядъ такъ называемыхъ конныхъ рабочихъ. Лошадь дастъ ему лишній заработокъ, лишнюю кроху на семью, лишній грошъ на себя, всегда почти вѣрный и неизмѣнный. Начальство догадывается о кражѣ, пути ея узнаетъ, но молчитъ объ этомъ злѣ, какъ неизбѣжномъ, давно укоренившемся и имѣющему, въ большей части случаевъ, вѣрный успѣхъ.

У нѣкоторыхъ „пропитанныхъ“ страсть къ воровству доходитъ до ужасающихъ предѣловъ, граничить съ серьезнымъ помѣшательствомъ и имѣетъ форму положительной настоящей болѣзни. Одинъ, напр., воспиталъ въ себѣ страсть раскапывать могилы, вскрывать гробы и сдирать съ мертвыхъ тѣлѣ одежду. Другіе „пропитанные“ на досугѣ дѣлали порохъ и отправляли за китайскую границу (нашли у многихъ порохъ въ плиткахъ). Иные покупали порохъ у китайцевъ, которые-де „продаютъ его не таясь, а чтобы нашимъ пороху у нихъ не покупать, такого-де запрещенія не слыхали“.

Мудренѣе вести дѣло тѣмъ ссылнымъ, которыхъ забросила судьба въ Нерчинскій край и о которыхъ люди, близко ихъ наблюдавшіе, пишутъ такія строки: „Ссылные, пробывъ большею частью двадцать, а съ добавленіемъ срока работы за побѣги тридцать и болѣе лѣтъ, по истеченіи этого времени освобождаются отъ работы и водворяются на поселеніе. Но люди эти—или воры или пьяницы; благонадежныя изъ нихъ оказываются тѣ, которые просидѣли на цѣли или пробыли прикованными къ тачкамъ. Иногда бываютъ добродѣтельные люди между женатыми, но пьянство—общій порокъ всякаго рода арестантовъ, а бѣдность—удѣлъ каждого изъ нихъ до той поры, пока не измѣнится къ лучшему настоящая плохая, отжившая свой вѣкъ, тюремная система. По численности преступни-

ковъ, по огромному развитію и разнообразію работъ заводскихъ, улучшение быта ссыльныхъ, исправленіе нравовъ преступниковъ въ Сибири—дѣло трудное, а мѣстъ его почти невозможное. Инициатива этого великаго дѣла, по всѣмъ правамъ, принадлежитъ Россіи, должна начаться и совершаться въ русскихъ тюрьмахъ. Въ Сибири людей нѣтъ свободныхъ и способныхъ для такого человѣколюбивѣйшаго подвига и ссыльный въ Сибири только обязательный казенный работникъ, механическая сила, рабочая машина, которая по-стольку и цѣнится, поскольку она больше зарабатываетъ“. Таковымъ, по крайней мѣрѣ, это дѣло стояло во время нашихъ наблюденій; не знаемъ, какимъ оно будетъ впоследствии.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, „пропитанный“, даже и тотъ, у котораго отпала охота къ бродячеству и лѣни, котораго называютъ лучшимъ и исправнымъ? И получивъ право на 15 десятинъ удобной земли въ надѣлѣ, равномъ съ крестьянами, онъ все-таки воспитался на специальныхъ работахъ такъ, что отбиться отъ нихъ для него нѣтъ расчета, и едва ли не происходитъ оттого все его несчастье. Потому-то, выпущенный на пропитаніе, наприм., на винокуренномъ заводѣ, продолжалъ рубить дрова для печей, топить эти самыя печи, чистилъ виничную посуду, приготовлялъ заторы изъ муки, солодъ на гонку вина, качалъ машиною воду въ сосуды, спускалъ брагу изъ одного ящика въ другой, качалъ машиною раку изъ нижней десятины въ верхнюю, приготовлялъ лѣсъ и дѣлалъ бочки, и проч. и проч. Попадая въ руки контрагентовъ, пропитанные несли еще большую тяжесть. На одномъ заводѣ мы нашли, что положеніе ихъ въ рукахъ казны было гораздо лучше: пропитанные занимали полицейскія должности. У контрагента они поступали въ конные рабочіе, получали лошадей или деньги, которыми потомъ вычитались у нихъ изъ плаката, а затѣмъ уже наваливалась на нихъ всякая подходящая тяжесть: вези все, что ни наложить, а за то ему лишнее количество барды для скота, да и только. Эти и дома строили и всякія починки исправляли, а хлѣбъ получали солодѣлый, тотъ самый, который для винокурень такъ пригоденъ и который, само собою, контрагентъ покупалъ дешевле обыкновеннаго. Но такъ какъ всякое дѣло тѣсно связано съ сознаніемъ труда чернорабочихъ, а на сибирскихъ заводахъ былъ принятъ трудъ обязательный, то понятно, что и неудовлетворительность дѣйствій казенныхъ заводовъ явилась неизбежнымъ послѣдствіемъ. „Въ самомъ дѣлѣ, 60 коп. мѣсячнаго плаката на Нерчинскихъ заводахъ и 80 на нѣкоторыхъ солеваренныхъ и 40—20 на винокуренныхъ не удовлетворяютъ простымъ животнымъ, не только человѣческимъ потребностямъ и вынуждаютъ рабочихъ прибѣгать къ кражамъ и другимъ проступкамъ и преступленіямъ. Они воруютъ порученные имъ матеріалы, воруютъ производительные предметы заводовъ, крадутъ время и трудъ, принадлежащіе заводамъ, и все это считаютъ позволительнымъ, тогда какъ кражи и обманы между собою (у тѣхъ, которые вышли на волю) и рѣдки и самими рабочими сильно преслѣдуются“.

На Троицкомъ солеваренномъ заводѣ (Енис. губ., Канскаго округа, въ 193 вер. отъ Канска) на пропитаніе увольнялись отъ работъ только неспособные за старостью лѣтъ и увѣчьемъ и приписывались вмѣсто богатырны къ селеніямъ. На Селенгинскомъ солеваренномъ же заводѣ (въ 40 вер. отъ города и 96 отъ Верхнеудинска), по свидѣтельству одной официальной записки, эти уволенные отъ работъ на пропитаніе, переходя въ мѣста новаго жительства, перепродавали дома свои другимъ рабочимъ, которые, въ свою очередь, дѣлали то же самое. „Отъ этого каждый, зная неокоренѣлость и шаткость жизни своей на заводѣ и существованіе самого завода (который и былъ-таки уничтоженъ), не радѣлъ ни о расширеніи усадебъ, ни о расчисткѣ земель для пашень. А пашни, какъ вообще въ краю Забайкальскомъ, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для весенней и лѣтней поливочекъ, чему также подвергаются и сѣнокосы, если только они не на лугахъ, поливаемыхъ водой“.

Когда, въ 1838 г., ссыльныхъ раздѣлили на разряды, время пребыванія въ работѣ было ограничено, а дѣтей рабочихъ вѣчно приписать въ крестьяне—всѣ молодыя руки успѣли воспользоваться свободой. Всѣ дѣти ссыльныхъ изъявили желаніе выбыть изъ заводовъ. Казенныя палаты ходатайствовали оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ, но просьба ихъ не была уважена и только кое-гдѣ, „по усиленнымъ убѣжденіямъ“, нѣкоторые пропитанные согласились жить на заводахъ по билетамъ отъ волости, а малолѣтки остались при отцахъ на воспитаніи. Переворотъ 1838 года подалъ только надежды, облегчилъ участь рабочаго, но быта его не улучшилъ. Правда, заведены были артели для улучшенія продовольствія и установленъ экономическій капиталъ на помощь при домообзаводствѣ, а между прочимъ и при женитьбѣ; но капиталъ до половины наличнаго количества тратился, вмѣсто главной цѣли, на поимку бѣглыхъ, на различныя и частныя иллюминаціи, на сложеніе казенныхъ долговъ съ умершихъ и въ награду ссыльныхъ обувью. Артели удержались только при тюрьмахъ, но и тѣ были такъ непрочны, искусственны и легки въ замыслѣ, что опытомъ своимъ не умудрили ссыльныхъ и не выучили ихъ придерживаться артельного начала на волѣ, на пропитаніи. Каждый вышедшій на волю дѣйствовалъ уже самъ по себѣ, а всѣ вмѣстѣ, дѣйствіями своими, сложили то убѣжденіе въ умахъ заводскаго начальства, что такое

переходное состояніе—самое обильное побѣгами, и время это самое удобное для бродяжества.

Нельзя не прибавить къ тому весьма частога исчезновенія многихъ сибирскихъ заводовъ, которые какъ бы наѣмренно начинали быстро изростать въ одномъ мѣстѣ вопреки всякихъ экономическихъ законовъ, какъ произошло въ Западной Сибири (съ винокуренными заводами), или быстро упраздниться, когда экономическія условія края доводили до сознанія ихъ вреда, какъ случилось въ Восточной Сибири, гдѣ пали два завода винокуренныхъ въ Иркутской губ. (Николаевскій и Ильгинскій), два въ Забайкальской области (Михайловскій винокуренный и Селенгинскій солеваренный), одинъ въ Енис. губ. (Каменскій) и Тельминская суконная фабрика (въ Иркутской губ.). Исторія у всѣхъ одна: либо быстрое возростаніе цѣны на хлѣбъ порождаетъ сильныя и повсюдныя жалобы, либо дурное хозяйство превращаетъ заводы эти въ егосы. Исторія Тельминской фабрики служитъ прототипомъ. Вызванная искусственно для приготовленія солдатскихъ суконъ, она щелкала челноками до тѣхъ поръ, пока не стала требовать исправленій. Прорвалась дыра въ одномъ мѣстѣ, надо бы положить заплату—пишутъ, и отвѣта нѣтъ, а въ это время готова уже другая дыра; опять пишутъ или получаютъ разрѣшеніе, но пока на починку первой. Въ концѣ концовъ, пробойны и промоены накопились отъ времени такъ много, что ремонтъ сталъ дороже капитальной перестройки за-ново. Надо новую одежду шить. Такъ и сказано о томъ, кому слѣдуетъ. Но тѣ подумали было выворотить сукно на изнанку, стали считать, и оказалось, что выгоднѣе было продать ветошь старьевщику и отступиться. Позвали покушниковъ. Тѣ осмотрѣли, одумались и нашли, что ветошь никуда не годится и покупать ее не стоитъ. А между тѣмъ, фабрика приселила и прикормила много рабочихъ, много народу скопилось. Куда его дѣвать? Смотришь—земли забрали старожилы - крестьяне, разумѣющіе сибирскія дѣла по настоящему, а заводъ изъ ссыльныхъ приготовилъ технику, тотъ знаменитый фабричный народъ, который для поселенческой жизни никуда не годится. Ткачи такъ и остались со вдавленною грудью отъ постоянного нажиманія ея у станка, сухіе какъ жимолость, кашляющіе и притомъ гордые сознаніемъ своего достоинства, не позволяющаго имъ смѣшиваться съ вахлаками поселенцами-земледѣльцами.

Ссылные, если сами и уходили на пропитаніе, то дѣтими своими поступались на пользу заводовъ. Хотя до совершеннолѣтія ихъ не рѣдко принимали въ работу, но начальство, съображая то, что ихъ все-таки въ это время кормило казеннымъ хлѣбомъ, брало для работъ гдѣ съ 14, гдѣ съ 12, а нерѣдко и съ 10 лѣтъ. Потомъ хвасталось: „сыновья ссыльно-рабочихъ

составляли классъ людей самыхъ способныхъ и употребительныхъ при техническихъ работахъ“. По 8-ой ревизіи (1834 года) всѣхъ ихъ велѣно было приписать въ крестьяне ближайшихъ селеній и заводы попали на новую бѣду. Они стали жаловаться: „Не смотря на старанія приохотить ссыльныхъ къ мѣсту, заводскія селенія не распространялись; по минованіи срока работъ всѣ, выходящіе на собственное пропитаніе, отчислялись отъ заводскаго вѣдомства“. Уволеннымъ уже „не производилось ни опредѣленной по заводу платы, ни хлѣба даже и въ тѣхъ случаяхъ, если рабочіе отпускались на временное пропитаніе, когда приостанавливались заводскія работы (на винокуренныхъ, напр., глухое время бездѣйствія тянулось съ 1-го ноября по 1-ое марта). А потому отцы, уходившіе на пропитаніе, брали съ собою и дѣтей побираться вмѣстѣ съ ними по-міру. Заводскія начальства требовали ихъ возвращенія, но „пропитанные“ старались уходить такъ далеко, что всѣ мѣры оказывались неэффективными, и заводы оставались при работахъ изъ вновь присланныхъ ссыльныхъ и кое-какихъ вольнонаемныхъ. Результаты извѣстны: вольнонаемныхъ нѣтъ, конныхъ рабочихъ очень мало, дрова приходятъ въ истощеніе, ссыльные бѣгутъ цѣлыми толпами и заводъ виситъ на волоскѣ, пока не примутъ усиленныхъ мѣръ. Затѣмъ все-таки отвѣтъ одинокъ: „Водворить изъ сброда этихъ людей постоянными работниками, сдѣлать ихъ домохозяевами и, наконецъ, коннорабочими не представляется никакой возможности“.

Во всякомъ случаѣ, приготовленіе поселенцевъ изъ каторжныхъ, черезъ переходное и странное состояніе пропитанныхъ, еще до сихъ поръ не достигло желаемой цѣли и не привело къ тѣмъ результатамъ, которыхъ ожидали и которые казались такими красивыми на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ, эта мѣра усилила количество бродягъ, увеличила число нищихъ въ Сибири, организовала въ томъ краю цѣлый классъ людей опасныхъ, о которомъ давно пора подумать и позаботиться. Не всегда на пропитаніе уходять люди дряхлые и изувѣченные, но и въ этихъ живуща та язва, которая въ силахъ вліять заразительно на здоровые организмы.

Сами ссыльные, долгимъ путемъ страданій, успѣваютъ выработать себѣ кое-какія надежды, заручаются послѣднимъ терпѣніемъ и, на безвыходности тяжелой жизни, умѣютъ еще складывать пѣсни и выливать въ нихъ свое горе. Въ горѣ этомъ проглядывается и надежда, и терпѣніе и вѣра въ будущее. Въ тюрьмахъ каторжныхъ поется, между прочимъ, такая пѣсня:

Сѣдина ль моя, сѣдинушка,
Сѣдина ль моя молодецкая!
Ты къ чему рано появилась,
Во черны кудри вселилась?
Ахъ ты, молодость, моя молодость!
Ахъ ты, молодость молодецкая!

Я не чаю тебя измыкать.
 Ахъ, измыкать я свою молодость
 Не въ житьё-бытьё, богачествъ,
 Во проклятомъ одиночествѣ!
 Изомель-то я, добрый молодецъ,
 Съ устья до вершиниши
 Вею сибирскую сторонушку:
 Не нашель-то я, добрый молодецъ,
 Ни батюшки, ни матушки,

Ни братцевъ-то—ясныхъ соколовъ,
 Ни сестрицъ-то—бѣлыхъ лебедушекъ;
 А нашель-то я, добрый молодецъ,
 Половяночку—красну дѣвицу.

Пѣсня эта собственно должна принадлежать поселенцамъ, къ житью-бытью которыхъ и переходимъ теперь.

Г Л А В А V. НА ПОСЕЛЕНИИ.

Сибирское населеніе изъ поселенцевъ.—Худая слава.—Безвыходное положеніе.—Отношенія къ старожиламъ.—Бродяжество и шатаніе.—Пѣсня.—Испорченность поселенцевъ и причины этого явленія.—Прочнаго водворенія ссыльных не существуетъ.—Бесплодность мѣръ.—Первые шаги ссыльнаго.—Вражда туземцевъ.—Богатѣльни.—Посельщики.—Несомосные.—Смотрители поселенцевъ.—Воровство.—Свободныя самовольныя поселенія.—Киржаки.—Каменьщики.—Сыльные колоніи невѣдомыя и вѣдомыя.—Задичалые поселенцы.—Золотые промыслы.—Поселенцы на прискахъ въ тайгѣ.—Олганджи и міряки.—Евреи въ Сибири.—Инородцы въ ссылкѣ.—Русскіе раскольники за Байкаломъ.—Цѣтущія хозяйства.—Духоборы.—Уральскіе казаки.—Невинно сосланные и возвращенные.—Поручикъ Козлинскій.—Монахиня.—Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ.—Переменная жизнь.—Неправильность распредѣленія ссыльных по Сибири.—Палачи.—Презрѣніе къ нимъ и результаты его.—Кнутъ.—Богачи изъ каторжанъ.—Чужеземцы въ ссылкѣ.

„Поселенецъ, что младенецъ,—что видитъ, то и тащитъ“, говоритъ сибирская поговорка, явившаяся результатомъ двухсотлѣтнихъ наблюденій сибиряковъ-старожиловъ (потомковъ промышленниковъ людей, доброю волею пришедшихъ въ Сибирь на жительство) надъ тѣми русскими людьми, которыхъ увела изъ Россіи чужая воля и преступленія и для которыхъ придумано новое названіе поселенцевъ.

„Хоть того лучше посельщикъ (будь самый лучший поселенецъ) не вѣрь ему!“—выговорилось сибирякомъ другое изреченіе, имѣющее смыслъ пословицы, какъ руководящаго житейскаго правила, съ тѣмъ отгѣнкомъ въ смыслѣ, что поселенецъ, названный такъ въ отличіе отъ переселенца (доброю волею покидающаго родину для новыхъ и счастливыхъ мѣстъ), превратился уже въ посельщика. Слово „посельщикъ“ на языкѣ сибиряковъ-старожиловъ сдѣлалось браннымъ и поселенецъ, слыша его обращеннымъ къ себѣ, глубоко оскорбляется имъ въ равной степени съ другимъ обиднымъ, быющимъ прямо въ сердцѣ и браннымъ сибирскимъ прозвищемъ—варнакомъ. Сибирякъ, готовый называть бродягу, бѣглаго съ каторги, человѣкомъ гульнымъ, прохожимъ, и даже признавать его на самомъ дѣлѣ таковымъ, сибирякъ, называющій всякаго ссыльнаго, идущаго въ партіи по этапамъ, не иначе, какъ несчастнымъ и даже болѣзненнымъ, того же сакаго несчастнаго, умудренный опытомъ и короткимъ знакомствомъ съ нимъ, обызываетъ уже посельщикомъ, бранитъ варнакомъ. Слово „варнакъ“ онъ приурочиваетъ именно къ поселенцу, потому что собственно для ссыльно-каторжныхъ

у сибиряка придуманы другія бранныя слова: хланъ, хланъ-майоръ, каторжанъ, чалдонъ.

Слову отвѣчаетъ и дѣло. Хорошо извѣстенъ всѣмъ тотъ фактъ, что только такой старожило-сибирякъ не задумается выдать свою дочь за пришельца изъ Россіи, за человѣка изъ поселенческаго сибирскаго люда, только тотъ, который сумѣлъ осилить въ себѣ природное предубѣжденіе и успѣлъ стать внѣ общаго народнаго понятія. Становится поселенецъ зятемъ старожила развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣйствительно честнымъ житьемъ сумѣлъ смыть съ себя безъ слѣда пятно и клеймо, принсенныя изъ Россіи, или, на крайній случай, такъ заповиливъ сердце красной дѣвицы, что она рѣшилась выйти изъ воли родительской и отдалась добродушному молодцу обычнымъ сибирскимъ свадебнымъ способомъ убѣга. Въ этомъ отношеніи положеніе поселенца, дѣйствительно, безвыходное и сваты изъ мѣстныхъ властей, съ казеннымъ способомъ принужденія, до сихъ поръ еще явленіе нерѣдкое, когда имъ вздумается считать его политически-обязательнымъ или экономически-выгоднымъ. Взаимъ того, мы видимъ совершенно противоположное явленіе: благодаря предубѣжденію сибиряковъ противъ поселенцевъ, оказывается множество помѣсей съ инородцами, метисовъ. На р. Оби русскіе обостачились, на Енисей—отунгузились, на рѣкахъ Ленѣ, Алдонѣ и Маѣ обьякутились, а за Байкаломъ явилось цѣлое племя карымовъ отъ матерей бурятокъ и монголокъ и отцовъ изъ сибирскихъ казаковъ и русскихъ поселенцевъ. Во второмъ поколѣніи, во внукахъ, во всѣхъ этихъ четырехъ-пяти случаяхъ превращеніе пол-

ное, при недостаткѣ освѣжающихъ русскихъ началъ, за безлюдіемъ и удаленіемъ въ тайго-вой и пустынной глуши людей славянской расы и русской кости. Всякихъ дикоринокъ въ Сибири не мало, но отчужденіе сибирскаго старожила отъ русскаго пришельца тамъ не диковинка. Въ этомъ отношеніи сибирякъ послѣдователенъ и даже злопамятенъ. Не простилъ онъ инимцамъ стараго грѣха—фабрикаціи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ блинниками (выражаясь ихъ же условнымъ терминомъ, называя фальшивыя бумажки блинами). Не забылъ сибирякъ, что таровцевъ (жителей г. Тары) когда-то Петръ Великій, за упорство въ расколѣ и за бунтъ 1721 года, велѣлъ сажать на колъ, и до сихъ поръ зоветъ ихъ коловичами, какъ туринцевъ самосадошниками (за тайную сидку вина) и курганцевъ—конокрадами. До сихъ поръ енисейцевъ зовутъ сквозниками (за грѣхи, объясненіе которыхъ не укладывается въ печать) и гроболазами. По поводу послѣдняго охотливо рассказываютъ про нихъ такой случай: плыла-де по Енисею барка, остановилась у города. На баркѣ этой гробъ стоялъ и лежалъ въ томъ гробу покойникъ. Енисейцы приняли гробъ за ящикъ, покойника—за какіе-нибудь продажные присковые товары и, когда заснулъ ночной караульный, они этотъ гробъ съ покойникомъ украли съ барки. Про сосѣдей ихъ, красноярцевъ, у сибиряковъ для укора придуманъ даже цѣлый стихъ, извѣстный въ сибирскихъ странахъ малому ребенку:

Краснояры
Сердцемъ лры,
Любятъ очень они честь,
Хоть на нихъ козлиная шерсть.
Оттого они не сильны,
Чте отцы ихъ были смышлены.

Насколько сильно отвращеніе коренного сибиряка отъ пришельца—ярко свидѣтельству-ютъ тѣ факты, что старожилы не только гнушаются принимать и вводить ихъ, посредствомъ браковъ, въ собственныя семейства, но рѣдкій изъ сибирскихъ крестьянъ охотно соглашается взять къ себѣ поселенца даже на простыхъ обязательствѣхъ работника-казака. Хотя законъ *) и назначаетъ подплатата арестантскаго содержанія старожилоу, принявшему къ себѣ поселенца, но законъ этотъ болѣе 15 лѣтъ къ дѣлу не примѣняется. Старожилъ гнушается поселенцемъ и дѣлаетъ для него исключеніе развѣ лишь въ томъ случаѣ, когда теребить нужда и поселенецъ стучится къ нему въ лѣтнее время. Тогда на уборку хлѣба не хватаетъ хозяйскихъ средствъ, а всю траву скосить ни у одного еще сибиряка-хозяина не доставало собственныхъ, а не наемныхъ силъ. Лѣтомъ сибирякъ посе-

ленца беретъ, зимою гонить, но, и принявъ его въ рабочую страдающую пору, стѣсняется ко всемъ и обижаетъ тѣмъ ни попало. Старожилъ-сибирякъ за грѣхъ этого не считаетъ, зная и тотъ коренной законъ, что „поселщику нѣтъ вѣры и давать ему ее не велѣно“. Условную заработанную плату хозяинъ охотнѣе даетъ поселенцу передъ праздникомъ и на кабацкѣ, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы и водку-то нанимать выпилъ вмѣстѣ съ хозяиномъ. На необходимое и полезное для работника хозяинъ давать не любитъ, но у него достается соображенія, что если задавать деньги хорошему работнику изъ поселенцевъ исключительно на выпивку и задавать впередъ этихъ денегъ больше, поселенецъ запутается въ тенетахъ неопла-ченныхъ долговъ. Онъ долго удержится на одномъ мѣстѣ при тѣхъ условіяхъ, которыя ему, разумѣется, весьма не по вкусу, но для сибирскаго сельскаго хозяина весьма на руку.

Въ притѣсненіяхъ подобнаго рода сибиряки-старожилы послѣдовательны и форма эксплуатаціи чужого труда, посредствомъ чрезвѣстныхъ и неправильныхъ задатковъ, является въ Сибири своего рода закономъ даже и у золотопромышленниковъ. Доказательства тому мы увидимъ ниже при послѣдовательномъ разборѣ обоюдныхъ отношеній новыхъ людей со старыми, рабочаго съ нанимателемъ. У самихъ же поселенцевъ высказалось это въ цѣлой пѣснѣ, которую, не смотря на ея искусственность, охотно распѣваютъ въ Сибири повсюду:

Воля грознаго монарха—
Мы спѣшимъ въ восточный край.
Мы ко рѣчкѣ приходили,
И сажались на песокъ.
Тамъ увидѣли—увидѣли
Слѣзнаго старичка на бережкѣ.
Не подалеку въ песочкѣ
Посошокъ его стоялъ,
Хлѣба чорнаго кусочекъ
Въ сумкѣ положенъ лежалъ.
—Ужъ ты, старичекъ любезный!—
(Тутъ одинъ изъ насъ спросилъ)
—Отчего ты такой бѣдный,
Или свѣтъ тебѣ не милъ?
—Ты дитя ли мое милое!
(Отвѣчалъ ему старикъ):
Ужъ я тридцать лѣтъ въ Сибири
И спокою не имѣлъ:
Винокурные заводы
Всѣ состарили меня,
Солеварные заводы
Скрыли бѣлый свѣтъ изъ глазъ.
Отъ крестьянскихъ самотѣекъ *)

*) Самотѣйки въ Сибири—небольшія круглыя булки, сѣренькія на видъ и дурныя на вкусъ. Ихъ выкладываютъ на окна для прохожихъ бродягъ, ихъ подаютъ въ окна прохожимъ и ими же кормятъ тѣхъ изъ бродягъ, которые поступаютъ въ работу. Оттого стрѣлять самотѣекъ—выпрашивать ихъ, на арестантскомъ языкѣ значить бродяжить; оттого-то и мозоли на плечахъ, что только ими и умѣютъ расплачиваться сибиряки съ бродягами за тяжелыя работы на занимахъ.

*) Ст. 676 Уст. о семл., изд. 1857 г.

Все мозоли на плечах;
Отъ пугающего начальства
Все здоровье растерялъ *).

Эта пѣсня едва ли не единственный гласный отзывъ самихъ поселенцевъ на всѣ обвиненія, взводимыя на нихъ, но, во всякомъ случаѣ, она прямѣе и непосредственнѣе сидитъ стать только за тотъ разрядъ ссыльныхъ, которые вышли на поселеніе черезъ чистилище, нами уже описанное и для насъ оставшееся теперь назади. Впереди и прямо передъ нами тотъ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, котораго не озлобляла каторга и не портила въ концѣ безтолковая и бездѣльная бродяжья жизнь. На поселеніе, какъ извѣстно, идутъ изъ Россіи непосредственно осужденные на этотъ родъ наказанія ссыльные, по судебнымъ приговорамъ русскихъ судовъ. На такихъ-то, по преимуществу, „несчастныхъ“, на ихъ-то житейской судьбѣ и бытовой обстановкѣ мы намѣрены теперь сосредоточить вниманіе, въ расчетѣ на частныя видоизмѣненія и кое-какія отличія, хотя въ общемъ всѣ наши данныя не даютъ намъ никакой возможности рисовать картину самостоятельную и другую. Сами ближайшіе оцѣнщики такого дѣленія не признаютъ и на тотъ и другой видъ поселенцевъ кладутъ одинаковое подозрѣніе и взводятъ валовое обвиненіе безразлично. Такъ поступаютъ старожила, которые изъ практики выводятъ даже такое заключеніе, что поселенецъ изъ каторжныхъ, ухажившійся, достаточно пошлавшійся, „надуравившійся“ на своемъ вѣку,—сходнѣе и ручнѣе для работъ, чѣмъ поселенецъ, прямо пришедшій изъ Россіи и предназначенный для тѣхъ же цѣлей свободнаго труда и вольнонаемныхъ работъ. Первый трудолюбивѣе, добросовѣстнѣе второго и требуетъ только кое-какихъ рѣшительныхъ уступокъ и особенныхъ приемовъ въ отношеніяхъ съ нимъ. Второй, какъ необязанный конь, настолько еще дикъ и своеобразенъ, что общепринятыхъ приемовъ и способовъ дѣйствія никакъ къ нему не приладишь. Какъ въ первомъ замѣчаются задатки къ непремѣнному исправленію, такъ во второмъ—наклонность въ противную сторону: нельзя ли и въ Сибири походить по той стезѣ, съ которою свылся, но, по несчастію, сорвался въ Россіи.

Общественное мнѣніе единогласно остановилось на томъ, что поселенцы, приходящіе изъ Россіи и поступающіе на жительство, люди испорченные, никуда и ни къ чему не годные. Мало того, они—язва молодой страны, жаждущей свѣжихъ силъ и честнаго труда. Испорченность, безнравственность ихъ до такой степени сильны, что вредно и губительно дѣйствуютъ

на коренное населеніе, заражая его своимъ тлетворнымъ ядомъ. Какъ въ сѣверозападномъ краѣ Россіи невозможно найти такого старожила, который не былъ бы глубоко убѣжденъ въ настоятельной необходимости, ради пользы края, въ поголовномъ выселеніи евреевъ изъ какія угодно трущобы, такъ рѣдкій изъ коренныхъ сибиряковъ не желаетъ прекращенія высылки изъ Россіи ссыльныхъ, въ тѣхъ же расчетахъ на несомнѣнное и даже близкое пруслѣганіе своей родины во всѣхъ отношеніяхъ. Съ общественнымъ мнѣніемъ не идутъ въ противорѣчіе и убѣжденія начальственныхъ лицъ, въ отзывавъ которыхъ по этому дѣлу замѣчается изумительное постоянство и сходство. Еще въ 1835 году одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ печаталъ въ своемъ сочиненіи *) о ссыльныхъ, между прочимъ, слѣдующее: „Рѣдко случается, въ особенности лѣтомъ, чтобы ссыльный исполнялъ въ точности обязанность свою противъ хозяина и противъ начальства. Онъ беретъ задатокъ, получаетъ одежду и, не смотря на сидѣть, уходитъ въ горы и лѣса, воруетъ, мошенничаетъ и живетъ или едва живетъ. Иногда застигаетъ его глубокая зима и онъ, голодный, замерзаетъ въ пустынѣ. Иногда сталкиваются они вмѣстѣ и составляютъ шайки разбойниковъ, отъ 8 до 10 человекъ; отбиваютъ винтовки у промышленниковъ, лошадей у поселянъ и, подъ начальствомъ атамана, грабятъ крестьянъ, рѣдко проѣзжающихъ и никогда ничего казеннаго. Такихъ шаекъ бываетъ иной годъ двѣ, три. Они жгутъ дома, пытаются на огнѣ хозяевъ и обираютъ все, что можно обобрать. Для нихъ-то учреждены ведеты отъ Ачинска до Красноярска. Большая дорога совершенно спокойна, но глухія мѣста подвержены опасности. Казаки, съ помощью крестьянъ, преслѣдуютъ ихъ, уничтожаютъ, лорятъ. Болѣе трелѣтъ не появлялись они въ Енисейской губерніи и рѣшительно съ тѣхъ поръ, когда Высочайшей волѣ угодно было за поимку ихъ награждать одного храбраго крестьянина медалью. Иногда большими толпами бѣгутъ ссыльные къ Россіи, но Сибирь есть тюрьма колоссальная, съ безчисленными полисадами, въ которыхъ нибудь изъ нихъ бѣглецовъ ловятъ. Это случается, по большей части, къ зимѣ и вотъ, пока идетъ слѣдствіе, пока собираютъ справки, ибо они безпрестанно обманываютъ, ихъ жилища квартира есть тюрьма“.

Тридцать лѣтъ позднѣе (уже въ 1861 г.) печаталось въ одномъ изъ московскихъ ученыхъ изданій **) уже про всѣхъ сибирскихъ поселенцевъ то же самое, но въ такомъ видѣ: „Слѣдуя

*) Пѣсня эта, говорятъ, сочинена однимъ ссыльнымъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, вскорѣ послѣ учрежденія этаповъ, по проэктамъ и указаніямъ графа Сперанскаго.

*) А. П. Степановъ, енисейскій гражданскій губернаторъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ „Енисейская губернія“, Спб. 1835, ч. II.

**) Чтенія въ Имп. моск. общест. ист. и древ. российск.хъ.

общепринятому порядку, ссыльные, по достижении Тобольска, распределяются по губерниям; въ губерніяхъ они росписываются по волостямъ и отправляются на мѣста въ сопровожденіи казаковъ, которые, по малочисленности своей, служатъ имъ болѣе провожатыми, нежели конюшми. Въ волостяхъ ссыльные распределяются по деревнямъ и отправляются туда уже по одиночкѣ или нестройными толпами, безъ всякаго полицейскаго надзора. Получивъ, такимъ образомъ, полную свободу, которою не умѣютъ пользоваться, они предаются порочнымъ своимъ наклонностямъ: пускаются въ воровство, мошенничество и нерѣдко въ грабительства. Тѣ изъ нихъ, которые по необходимости отыскиваютъ работу, по большей части не исполняютъ своихъ обязанностей ни въ отношеніи къ хозяевамъ, у которыхъ нанимаются, ни въ отношеніи къ начальству. Вернутъ задатки, получаютъ одежду и, обокравъ часто своего хозяина, бѣгутъ отъ него и дѣлаются бродягами. Обширность и малонаселенность края, лишая мѣстное управленіе всякой возможности преслѣдовать ихъ въ свое время, даютъ имъ всѣ средства къ укрывательству до тѣхъ поръ, пока наступленіе зимы не заставитъ ихъ облизаться съ селеніями и искать въ нихъ убѣжища отъ холода и голода. Въ этомъ-то положеніи многіе изъ нихъ погибаютъ въ пустыняхъ, а остальные попадаютъ въ руки мѣстныхъ властей. Къ зимѣ всѣ тюрьмы наполнены бродягами, начинаются розыски объ ихъ происхожденіи, а между тѣмъ они, обезпеченные человеколюбивымъ правительствомъ во всѣхъ естественныхъ нуждахъ своихъ, ведутъ праздную жизнь и, передавая одинъ другому свои преступныя похощенія, еще болѣе укореняются въ безнравственности. Къ веснѣ окончиваются дѣла о бродягахъ. Они, ежели не откроется уголовныхъ преступленій, послѣ легкаго полицейскаго наказанія, отправляются прежнимъ порядкомъ въ волости и деревни, къ которымъ положительно никогда не присоединяются и возобновляютъ прежніе безпорядки“.

„Крайне трудно (свидѣтельствуетъ А. П. Степановъ) изобрѣсть средства, со стороны казны, удерживать ссыльныхъ отъ побѣговъ“. „Въ 1827 г. сентября 15-го (говоритъ онъ далѣе) утвержденъ проэктъ поселенія 5.955 ссыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣющій въ предметѣ, черезъ усредоточенный надзоръ и занятіе въ хлѣбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ побѣговъ и праздности. Поселенія сіи должны заключаться въ 25 деревняхъ: отведена 15-ти-десятинная пропорція прекраснѣйшей земли; изъ сихъ поселеній 6 на большой дорогѣ, остальные по сторонамъ. Въ каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четверемъ поселщикамъ: тремъ, какъ работникамъ, и четвертому, какъ хозяину или кашевару. Онъ приготовляетъ все нужное для своихъ товарищей по тогдашнему хозяйству“.

Каждый ссыльный получилъ топоръ—и дѣла пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихъ долинахъ по берегамъ Кана“...

„На это дѣло (продолжаетъ другой авторъ) употреблено до 270 тыс. руб. асс. безвозвратно и, сверхъ того, на продовольствіе поселенцевъ до урожая, роздано имъ около 211 тыс. руб. асс., которые они обязаны были возратить впоследствии, по частямъ. Но благодѣтельная сія мѣра не достигала цѣли. Посельщики, едва водворенные, оставили, по большей части, свои дома и устремились къ глупой волѣ, бродяжничеству и преступленіямъ. Это служить неоспоримымъ доказательствомъ, что безъ дѣйствительнаго хозяйственнаго быта, т. е. безъ семейства, любви къ собственности и надежды на будущее, никакое свободное поселеніе существовать не можетъ. Но какъ достигнуть этого, гдѣ взять женщинъ для брачныхъ союзовъ, тогда какъ число ихъ въ Сибири вообще составляетъ только около $\frac{1}{3}$ противъ числа мужчинъ, а въ числѣ ссыльныхъ бываетъ ихъ обыкновенно не болѣе $\frac{1}{10}$ части“?

Между тѣмъ, „большинство поселенцевъ не имѣетъ прочнаго домохозяйства и благосостоянія“, говоритъ одна изъ позднѣйшихъ не напечатанныхъ, но замѣчательныхъ записокъ о поселенцахъ Томской губерніи. „Къ причинамъ этимъ можно отнести: 1) нравственную порчу поселенцевъ и пріобрѣтенную ими до поступленія въ Сибирь, привычку жить не своимъ трудомъ; 2) бѣдное и безпомощное положеніе поселенцевъ при первоначальномъ ихъ водвореніи въ Сибирь, и 3) общее нерасположеніе къ нимъ сибиряковъ-старожиловъ, выражаемое въ бранномъ словѣ: варнакъ, поселщикъ“! Прислушайтесь къ рассказамъ туземцевъ, проверьте ихъ личнымъ внимательнымъ наблюденіемъ, обращайтесь съ запросомъ къ прошедшему и въ официальныхъ и неофициальныхъ сказаніяхъ ищите отвѣта,—ведѣтъ и неизбежно встрѣчается одинъ непреложный выводъ, что положеніе ссыльнаго поселенца въ Сибири далеко не удовлетворяетъ всѣмъ, даже самымъ снисходительнымъ требованіямъ человеколюбія и цивилизаціи.

Замѣчательная правда объясненій этого факта, приведенныхъ въ запискѣ, обязываетъ насъ къ подробному разбору всѣхъ трехъ, высказанныхъ ею положеній.

На вопросъ, гдѣ происходитъ окончательная нравственная порча ссыльныхъ и пріобрѣтается ими привычка жить чужимъ трудомъ, давно уже готовъ отвѣтъ положительный, прочно въкоренившійся въ общественное положеніе и—должно

сказать правду—отвѣтъ, не подлежащій сомнѣнію. Спрашивайте официальныхъ наблюдателей, спрашивайте самихъ ссыльныхъ о томъ, гдѣ больше и чаще паталкивались они на случай совращенія своихъ помысловъ и убѣжденій съ прямого пути чести и долга,—вамъ единогласно отвѣтять: въ тюрьмѣ!

Вникните въ подробности и глубину смысла этого слова, слѣдите за историческою жизнью этого вида государственныхъ учреждений (по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя кое-гдѣ разбросаны), вездѣ и всегда вы встрѣтите одно, что тюрьма или, по просту, острогъ, была складочнымъ мѣстомъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ нечистотъ, которыя порождаются разложениемъ кое-какихъ частей общественного организма. Складчики и носильщики—это тѣ преступные и порочные люди, которыхъ выдѣляютъ изъ общественной среды, для ея же безопасности, и которые тѣмъ съ большою охотою и рвеніемъ исполняютъ свою обязанность, что находить себѣ слушателей и послѣдователей. Въ этомъ смыслѣ тюрьмы, послѣ воровскихъ притоновъ и домовъ разврата, были самыми благонадежными и прочными резервуарами, куда способнѣе входить и гдѣ легче скопляться всѣмъ гнилымъ и заразительнымъ міазмамъ, характеризующимъ въ извѣстный моментъ болѣзнь общественного организма.

Чего прежде всего не доставало русскимъ тюрьмамъ? въ чемъ главнѣе всего нуждались русскіе тюремные сидѣльцы? — Отвѣтъ теперь отыскать: нашимъ тюрьмамъ не доставало правильного рациональнаго устройства и сосредоточеннаго надзора и вниманія, а заключенные въ нихъ, прежде и главнѣе всего, нуждались въ занятіяхъ, въ работѣ. Трудъ—это основной законъ и главный дѣтель нашего существованія, и притомъ такой дѣтель, участие котораго въ судьбѣ человѣка настолько сильно и важно, что трудъ возвышенъ въ достоинствѣ добродѣтели,—въ нашихъ мѣстахъ заключенія преступниковъ возымѣлъ только теперь достаточно практическое примѣненіе, въ чемъ могли наглядно убѣдиться посѣтители международной тюремной выставки минувшаго 1890 г. Трудъ, какъ самая добродѣтель, предохраняющій волю человѣка отъ дурныхъ наклонностей, въ тюрьмахъ былъ забытъ, какъ забыто было и то, что если можно что нибудь поставить выше самой добродѣтели, выше встанетъ трудъ, какъ утѣшитель въ нашихъ печаляхъ и какъ всемогущее услажденіе въ нашихъ несчастіяхъ. Тѣми и другими въ избыткѣ преисполнилась жизнь большей части тѣхъ людей, которые сѣли въ тюрьму, на большую половину такихъ людей эти неудачи и несчастія сложились въ такомъ обиліи, что довели ихъ до преступленія, а затѣмъ лишили свободы.

Съ увѣренностью, основанною на фактахъ, можно сказать, что большая часть тюремныхъ

сидѣльцевъ, а въ особенности тѣхъ, которые приговорены на поселеніе—не что иное, какъ именно жертвы праздности, бродяги. Презрѣніе къ труду выработало изъ этихъ людей особый классъ, организовало ихъ въ самостоятельное цѣлое, обрекло на иной бытъ, не имѣющій ничего сходнаго съ обыкновеннымъ, законнымъ и естественнымъ теченіемъ настоящей жизни. Постоянная жизнь въ праздности привела ихъ къ тому, что они лишились всякой предусмотрительности, основанной на заботахъ и запасахъ на будущее, и всякой энергіи, за отсутствіемъ которой явилось тупое равнодушіе, отнявшее у нихъ даже тѣнъ самостоятельнаго характера. Въ бродягѣ неизбѣжно выяснился первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ. На почвѣ бродячества свободно улеглось и возросло всякое злое сѣмя, вредное и враждебное обществу. Бродяга, въ видѣ дерзкаго вора, смѣлаго мошенника, конокрада, контрабандиста, сѣлъ въ тюрьму, чтобы оставить въ ней слѣды своей науки и своего опыта и потомъ уже ушелъ въ ссылку на поселеніе, еще болѣе изуродованный и испорченный. Бродягами, людьми легкаго промысла, не требующаго честнаго труда, переполнены наши тюрьмы. У бродяги либо совсѣмъ нѣтъ пріюта и онъ (говоря мѣткимъ выраженіемъ изъ ихъ же искусственнаго языка, ими на досугѣ придуманнаго)—либо „куклишь четырехугольной губерніи“, либо онъ житель каменнаго мѣшка, студентъ палочной академіи или попросту обыватель острога. Острогъ достаточно убѣдилъ насъ (даже въ Сибири) въ томъ, что бродяжій духъ повсюду вѣетъ и цѣлостно живетъ во всемъ составѣ нашихъ тюремъ. Внутренній порядокъ общжитія устроенъ по уставу, принесенному непосредственно изъ мошенническихъ ассоціацій, бродяжскихъ товариществъ. Въ условномъ тюремномъ языкѣ ясны слѣды того языка, который извѣстенъ у столичныхъ жуликовъ и мазуриковъ подъ именемъ музыки.

Какое же понятіе о трудѣ и какія средства къ полезному взаимодействию могли внести въ сибирскія тюрьмы эти люди безъ правилъ, безпечные и лѣнныя до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможности! Могли ли они не вліять вредно, не развивать на досугѣ своихъ правилъ, когда и въ тюрьмѣ встрѣчали они безграничный досугъ въ длинные сроки при казенномъ обезпеченіи во всемъ томъ, для чего онъ прежде ходилъ, будучи на волѣ, съ легкими орудіями празднаго и порочнаго человѣка? Тюрьмы стремились только къ одной цѣли—удержать заключенныхъ въ своихъ стѣнахъ (а потому и строились предпочтительно каменными и обставлялись вооруженными часовыми), а зрители старались не уморить сидѣльцевъ съ голода (а потому и руководствовались кое-какими подаянными и жертвами благотворителей). О томъ, чтобы занять сидѣльцевъ дѣломъ и помѣшать испорченной волѣ развивать

себя на бездѣльи и праздности, въ тюрьмахъ не думали.

Какъ и слѣдуетъ быть жилищамъ бродягъ, людей, подчиняющихъ себя только собственной волѣ, но теперь заключенныхъ, сибирскія тюрьмы ведутъ нескончаемую лѣтопись о различныхъ способахъ къ побѣгамъ, т. е. достиженію того самаго состоянія бродяжества, которое на этотъ разъ дѣлаетъ уже изъ бродяги искателя приключеній и сильныхъ ощущеній въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ. До тюрьмы бродяга человѣкъ еще очень терпимый и не всегда опасный; обѣжавшій же изъ тюрьмы бродяга—одно изъ звеньевъ въ цѣпи опасныхъ и вредныхъ классовъ населенія. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что ни одна изъ русскихъ внутреннихъ тюремъ не можетъ похвалиться тѣмъ, что въ ней не было сдѣлано подкоповъ и не учинено побѣговъ. Въ самыхъ счастливыхъ изъ нихъ только что не каждый годъ случались эти несчастія. Но для обезпеченія бродяжества надобится на крайній случай паспортъ, какой нибудь видъ и, хотя на первое время, какая нибудь денежная сумма. И вотъ, опять рѣдкая тюрьма не писала въ своихъ ежегодныхъ дневникахъ случаевъ находокъ, при обыскахъ, поддѣльныхъ штемпелей и печатей и ясныхъ слѣдовъ работы фальшивыхъ бумажекъ. Въ этой круговой подчиненности и взаимной зависимости одного преступнаго дѣла отъ другого уже счастливымъ результатомъ должно полагать то явленіе въ нѣкоторыхъ нашихъ тюрьмахъ, когда арестанты начинаютъ выпускать на охотниковъ и любителей плоды своихъ работъ въ видѣ голубковъ, искусно сдѣланныхъ изъ лучинокъ, въ видѣ разныхъ бездѣлушекъ точильнаго мастерства, поразительныхъ тщательной и терпѣливою отдѣлкою. Но въ тѣхъ и другихъ, съ одной стороны, нельзя не видѣть большого избытка во времени, истрачиваемомъ на такіе непроизводительные пустяки, а съ другой стороны, нельзя не видѣть и того, что заключенники совсѣмъ не прочь отъ труда, что они все-таки трудятся, хотя трудъ ихъ и не направленъ въ полезную сторону; кромѣ того, нельзя не видѣть также и того, что руководство и наблюденіе приставниковъ слишкомъ вялы, безцѣльны и непроизводительны и собственно сибирскія тюрьмы, въ этомъ отношеніи, стоятъ по своему уровню очень низко.

Если же дѣло стоитъ за случаями, на которые наталкиваютъ осмотры, то мы можемъ указать на одну такую тюрьму, гдѣ арестанты на досугъ и ради шалостей устроили въ острожной казармѣ малое подобіе питьемому откупу со всѣми его департаментами. Въ разныхъ мѣстахъ обширной казармы найдены были застигнутыми врасплохъ различныя питейныя выставки: въ одномъ углу питейный майданъ назывался ведреною, въ другомъ углу носилъ

прозваніе штофной лавочки, въ третьемъ—распивочной. Конечно, въ ведреной продавали не болѣе косушки, въ штофной производили торговлю ставанами, въ распивочной рюжками. Такое устройство существовало въ этой тюрьмѣ—по сознанію самихъ арестантовъ—не одну недѣлю, до того „недостаточна была заботливость о томъ завѣдывающихъ тюрьмами“ и до того не „тѣсно помѣщеніе“! Водку доставляли въ острогъ тотъ самый сторожъ, который ходилъ съ ящикомъ въ аптеку за лекарствами для больныхъ арестантовъ. На открытіе такого подвального на толкнулъ также случай. Разъ онъ, проходя мимо начальства, споткнулся и разбилъ сткланки. Начальство, ошеломленное спиртнымъ запахомъ, не менѣе удивлено было тѣмъ, что и сигнатурки были поддѣльныя, а поддѣлывалъ ихъ, какъ показалъ на допросѣ сторожъ, одинъ изъ тюремныхъ фельдшеровъ. Вотъ когда догадался смотритель, отчего отъ многихъ арестантовъ припахивало, а другіе попадались ему и совсѣмъ пьяными.

„Духовныя назиданія совершаются въ немногихъ тюрьмахъ и весьма рѣдко (свидѣтельствуетъ статья „Сѣв. Почты“, составленная по официальнымъ даннымъ). Даже тамъ, гдѣ есть церкви и особые священники, эти послѣдніе всю свою дѣятельность ограничиваютъ обыкновенно совершеніемъ службъ въ праздничные дни и вовсе не заботятся объ исправленіи арестантовъ, не говоря имъ ни проповѣдей, ни поученій, и вообще далеко не выполняютъ той обязанности, которая лежитъ на нихъ въ отношеніи порученныхъ попеченію ихъ арестантовъ. Директоры тюремныхъ комитетовъ, хотя и принимаютъ въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ на себя обязанность пешихъ о нравственномъ совершенствованіи арестантовъ, но дѣятельность ихъ, какъ одиночная и совершаемая по преимуществу безъ системы, мало плодотворна. Большинство между ними остается совершенно равнодушнымъ къ дѣлу исправленія преступниковъ. Обученія арестантовъ не было до послѣдняго времени и лишь только въ недавніе годы заведены въ немногихъ тюрьмахъ школы или, вѣрнѣе, введено обученіе частными лицами изъ благотворительности, безъ всякаго вознагражденія, но и тутъ встрѣчаются затрудненія въ отводѣ помѣщенія. Книги духовно-нравственнаго содержанія находятся въ немногихъ тюрьмахъ, но ихъ арестанты не читаютъ и не хотятъ читать; другихъ же общепользныхъ книгъ нѣтъ и, по правиламъ, онѣ не допускаются“.

Не только безграмотность заключенниковъ, не только недостатки книгъ и отсутствіе духовныхъ назиданій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и равнодушіе тюремныхъ попечителей должно полагать въ числѣ коренныхъ причинъ тюремнаго несовершенства. Причины эти только косвеннымъ образомъ оправдываютъ существованіе зла, ко-

день которого, несомненно, лежатъ въ дурномъ устройствѣ всего дѣла, въ неправоустройствахъ и безтолковщинѣ отношеній между дозорщиками и дозираемыми и, конечно, главнымъ образомъ, не въ одномъ лѣтвомъ отправленіи своихъ обязанностей первыми, но и въ томъ, что обязанностямъ этимъ не придано надлежащаго направленія, духа единства и духа жизни. Живыя на бумагѣ, правила эти мертвы въ жизни и на практикѣ произвели на противоположной сторонѣ сильный противовѣсъ, выразившійся въ существованіи тюремной общины. Острогъ, воспользовавшись тѣмъ, что враждебная ему сила, нѣло дѣйствуя вообще, вооружалась на него урывками, кое-какъ и кое-когда, велъ свою работу систематически и доработался—таки до того, что организовать изъ себя отдѣльный міръ, мало похожій на тотъ, который кишитъ за стѣнами его. Въ тюремной общинѣ выдержанность общаго тона поразительна: „онъ составляетъ изъ какого-то особеннаго собственного достоинства, какъ будто званіе каторжнаго составляло какой нибудь чинъ, да еще и почетный *). Хотя составъ этого міра и не многочисленъ (бываетъ, впрочемъ, въ нѣрѣдкихъ случаяхъ не меньше 400 душъ населенія), хотя онъ, повидимому, и изолированъ, какъ отдѣльная община, но для людей, обреченныхъ въ ссылку, въ одной общинѣ перваго острога онъ только начинается. На пути (въ этапахъ) онъ только нѣсколько видоизмѣнился, но въ основныхъ чертахъ остался тѣмъ же, а въ сибирскихъ тюрьмахъ достигъ конечнаго своего развитія; „не даромъ,—говорятъ острожные:—чертъ изнасилъ трои лаптей, чтобъ сбить насъ въ кучу“. Всѣмъ своимъ составомъ міръ этотъ противодействуетъ всякимъ начинаніямъ, направленнымъ къ благой цѣли исправленія, и въ немъ-то, главнымъ образомъ, надо видѣть основную причину всѣмъ неудачамъ, испытываемымъ и тюремными смотрителями и попечительными комитетами. „Замѣчательно то, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (говоритъ наблюдатель, сидѣвшій съ арестантами), я не видалъ ни малѣйшаго признака раскаянія, большая часть изъ нихъ внутренно считали себя правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные прикѣры молодечества, ложный стыдъ во многомъ тому причиной“. Замѣчательно при этомъ также и то, что руководящія жизненныя начала до того выработаны и дѣятельны, что по всѣмъ тюрьмамъ они поражаютъ сходствомъ и въ русскихъ правила тюремной жизни преподаются только новичкамъ. Въ русскихъ тюрьмахъ, однимъ словомъ, начинается та нравственная порча ссыльныхъ, отъ которой въ Сибири не знаютъ тѣмъ защититься. Вотъ почему тамъ въ общее сознаніе прошло то убѣжденіе и желаніе, чтобы исправленіе ссыльныхъ начинать во время содержанія въ остро-

*) О. М. Достовскій (Мертвый домъ).

гахъ при судѣ, т. е. въ русскихъ тюрьмахъ. По численности преступниковъ, по огромному развитію и разнообразію требованій молодой страны, при недостаткѣ свободныхъ и способныхъ людей на такое дѣло—въ Сибири исправленіе преступниковъ весьма трудно, даже невозможно.

Мы отчасти видѣли прежде, до какой степени бесполезно посылать въ Сибирь преступниковъ, присужденныхъ къ работамъ собственнокаторжнымъ; впоследствии мы увидимъ это еще яснѣе. Теперь остановимся по поводу занимающаго насъ разряда ссыльныхъ—на поселенцахъ. Вопросъ о каторжныхъ, по гораздо меньшей численности ихъ въ сравненіи съ количествомъ поселенцевъ, намъ кажется нѣсколько менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о поселенцахъ. Исключительное назначеніе первыхъ на казенныя работы на промыслахъ и въ рудникахъ, самый способъ примѣненія труда ихъ, подробности содержанія и ничтожность вознагражденія за трудъ ясно показываютъ, что ссылка этихъ людей имѣетъ исключительное значеніе карательной мѣры. Ссылкою хотятъ ихъ наказывать, работами бесплатными и принудительными имѣютъ намѣреніе привести въ чувство и раскаяніе, да кстати и возмѣстятъ тѣмъ на нихъ неудовольствіе и презрѣніе общества. Совсѣмъ противоположное предполагается въ судьбѣ ссыльнаго поселенца: его ссылаютъ, чтобы очистить испорченное имъ мѣсто и не дать ему возможности еще больше вредить обществу. Въ разлукѣ съ родиною ему полагается мѣра взысканія и наказанія, но въ актѣ поселенія его въ новую страну видится уже желаніе имѣть въ немъ для новой страны жителя, дѣятеля, со временемъ гражданина, впоследствии на честномъ трудѣ селянина и семьянина, т. е. честнаго человѣка. Можетъ ли онъ быть такимъ, выйдя изъ русской тюрьмы, пройдя сквозь мытарства этаповъ и сибирскихъ тюремъ, наглотавшись изъ смраданаго и заразительнаго духа?

Русская тюрьма (да и всякая), прежде всего, отрицаетъ всякую собственность: денегъ держать при себѣ нельзя, а также ни табакъ, ни водку; платье казенное, пища казенная и ремесло и искусство—также чужое достояніе. Тюремная община, сложенная, какъ мы сказали, бродягами, людьми ничего не имущими, и руководимая и направляемая ими же, такъ какъ изъ нихъ состоитъ большинство тюремныхъ сидѣльцевъ,—въ этомъ отрицаніи собственности ушла еще дальше. Воровство вина у собственниковъ его, табакъ у товарищей, заручившихся имъ, не считается за грѣхъ и не виѣняется въ преступленіе. Да и всякое воровство какихъ бы то ни было вещей у зазѣвавшагося союзника до такой степени обычное дѣло, что тюрьма воруется поголовно. Бездѣлье породило игру, внезапные обсыки денегъ развили пьянство: надо тратить, а то отнимутъ. На пьянство пужны

деньги, взять негдѣ—надо красть либо эти деньги, либо такую вещь, которая стоитъ денегъ и которую охотно покупаетъ свой же братъ арестантъ, умилюющій выпустить ее за тюремныя стѣны. Обворованный имѣетъ право самъ выслѣдить зазѣвавшагося товарища и на его собственности выместить свою бѣду; въ совмѣстномъ житіи такая круговая порука—дѣло понятное. „Я и самъ бы сдѣлалъ такъ“ — думаетъ арестантъ и только слегка ругается для очистки совѣсти. Вотъ почему тюремное воровство бесконечно. Эта болѣзнь такъ заразительна, что разъ попавшій на эту стезю, съ нее не срывается; по пословицѣ: „воръ бѣду избудетъ, опять на воровствѣ будетъ“. Если и существуютъ въ тюрьмахъ замысловатыя и остроумныя хитрости и дозволяются собственные сундучки, воровство тамъ одна изъ сильныхъ и прилипчивыхъ болѣзней, какъ у людей, не имѣющихъ никакой движимой и недвижимой собственности и у которыхъ всякая тряпка въ цѣнѣ. Исключенія въ добрую сторону до такой степени рѣдки, что брать ихъ въ соображеніе мы совершенно не можемъ. Тюрьма есть и школа воровства и первый пробный камень этого незамысловатаго искусства. Воровство въ тюрьмахъ доходитъ до изумительной степени совершенства, которому не посвященные въ дѣло съ трудомъ могутъ вѣрить *). Отъ легкаго способа пріобрѣтенія немного шаговъ до страсти къ расточительности послѣ удачи, а потому въ тюрьмахъ собственникъ пропиваетъ все, потому что одновременно развиваются въ немъ и два другихъ недостатка: непредусмотрительность и вѣра въ случай. Последняя очень пригодна для карточной игры, значительно распространенной въ тюрьмахъ и любимой этими людьми сильныхъ страстей и живыхъ темпераментовъ.

Въ такую-то сферу, подъ вліяніе такихъ-то началъ и правилъ поступаетъ тотъ, кому судьба судить потомъ сдѣлаться гражданиномъ Сибири, эксплуататоромъ ея богатствъ и сокровищъ! Поступающій изъ бродягъ, разумѣется, не теряетъ присутствія духа. Тюрьма его не пугаетъ. Время, которое онъ въ ней проведетъ, бродяга сочтетъ за неудачный случай въ его бродяжеской жизни, но скорѣ и въ томъ успокоится, встрѣчая въ тюремныхъ правилахъ и житейскихъ пріемахъ много знакомаго, много того, чѣмъ онъ и самъ руководился до сихъ поръ. Но трудно овладѣть тюрьмою человѣку, оторванному отъ честнаго крестьянскаго труда какимъ нибудь несчастнымъ случаемъ, часто невольнымъ и не во всемъ отъ него зависѣвшимъ. Положеніе этихъ людей въ

такихъ тюрьмахъ должно, преимущественно, возбуждать состраданіе и больше всего требуетъ защиты и участія, каковыя къ тому же и дать имъ легче. Насколько не затрудняють тюремныя обычаи преступниковъ, порождаемыхъ городами, настолько они исключительно и непрежнѣ дѣйствуютъ вредно на сельскихъ, вышедшихъ изъ деревень и преимущественно попадающихъ на поселеніе (мы это докажемъ впоследствии фактами и цифрами). Остановимся на нихъ.

Пока человѣкъ упорно и крѣпко держался за семейное и общественное право, пока первое обуздывало его примѣрами, а второе — своими учрежденіями, догматами и законами, пока, наконецъ, трудъ увлекалъ его, человѣкъ былъ крѣпокъ обществу и связывался съ нимъ прочно. Но лишь только какое нибудь внѣшнее враждебное возбужденіе, каковы, напр., крайнія и безнадежная нищета, чужіе примѣры, испорченная и безнравственная общественная среда, успѣли зародить въ сердцѣ порочную наклонность и ее воспитать—паденіе не далеко. Кто-то давно сказалъ, что въ правдолюбѣ человѣкъ уже зародился опасный порокъ, уже гнѣздится въ сердцѣ и преступленіе ждетъ только урѣченнаго часа и поводовъ. Та же общественная среда, которая умѣла до сихъ поръ обуздывать человѣка, сумѣетъ разнуздать страсти, давая изъ себя избытки зла едва ли не въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько давала она добрыхъ примѣровъ и хорошихъ руководствъ. И, теряя въ средѣ своей только порочнаго человѣка, общество уже не терпитъ преступнаго. Преступленіе обязываетъ общество выбросить изъ себя виновнаго и, выбрасывая его вонъ, оно уже отрекается отъ него. Съ этой поры перестаютъ дѣйствовать законы общественные, болѣе уступчивые, мягкіе и терпѣливые. Настаетъ время дѣятельности и проявленія силы другихъ законовъ, для которыхъ уступка, смягченіе и кротость не составляютъ уже обязательнаго и неизбежнаго качества. Карающая сила, ищущая возмездія, заступаетъ мѣсто силы, много прощавшей и уступчивой.

Преступникъ, взятый не только изъ среды общества, но изъ собственного семейства, становится въ новое положеніе, зависимое и несвободное. Лишенный правъ располагать своею волею, онъ уже заключенникъ, тюремный сидѣлецъ. На первыхъ порахъ эта огромная разница, этотъ крутой жизненный переворотъ для неопытныхъ людей не проходитъ даромъ. Они, прежде всего, теряютъ всякую волю и обязываютъ себя на исключительное подчиненіе всѣмъ новымъ порядкамъ чужого монастыря. Ихъ даже намѣренію и застрачиваютъ взятіемъ особой суммы денегъ, такъ называемаго „влазнаго“, поступающаго въ обширный тюремный капиталъ. Отъ нихъ настойчиво требуютъ подчиненія об-

*) Напр., въ одной изъ сибирскихъ тюремъ арестанты украли лошадь, на которой пріѣхалъ подрядчикъ — поставщикъ съѣстныхъ припасовъ. Арестанты на подрядчика были сердиты и украденную лошадь спрятали подъ поломъ бани, такъ что искать ее тамъ и въ голову придти никому не могло.

рядамъ и обычаямъ общины и серьезно пресѣдуютъ и наказываютъ за всякое уклоненіе жгутами, молчаніемъ, лишеніемъ дорогихъ и завѣтныхъ вещей посредствомъ кражи и проч. Старапіе убить волю до такой степени искусно ведется и приспосаблиется въ тюрьмахъ, что рѣдкіе изъ новичковъ выстаиваютъ, не подчиняясь боевымъ и бывалымъ, каковы бродяги и другіе, не разъ посидѣвшіе въ тюрьмахъ преступники. Угожденіе товарищамъ, желаніе подслужиться имъ и подчиниться имъ—единственный выходъ и въ тюремныхъ общинахъ, какъ дѣйствителенъ онъ же и во всякихъ другихъ товариществахъ, хотя бы даже и въ корпусныхъ, гимназическихъ и семинарскихъ при прежнихъ положеніяхъ. Человѣкъ съ воли и съ широкаго деревенскаго раздолья всегда въ этомъ случаѣ играетъ страдательную роль. Замѣчаютъ, что люди подобнаго закала на первыхъ порахъ безропотно покоряются своей участи, покорны и почтительны къ своимъ начальникамъ и спокойны въ своемъ несчастіи до тѣхъ только поръ, пока пагубные совѣты старшихъ кадетъ, ихъ опасныя примѣры и отчаянность не сдѣлаютъ ихъ столько же развратными, какъ и тѣ. Какимъ образомъ совершается такая переимѣна—это тюремная тайна, но фактъ превращенія происходитъ замѣчательно скоро. Посидѣвшій въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ (что сплошь и рядомъ случалось при старыхъ судахъ) превращался уже изъ простошлетнаго, добродушнаго человѣка въ скрытнаго, уклончиваго, ловкаго и опаснаго плута. Эта опасность можетъ исчезнуть только тогда, когда правительство, обязанное заботиться о благосостояніи и свободѣ своего народа, удалить этого преступника вмѣстѣ съ его товарищами и учителями въ другую и отдаленную страну. Тамъ, имѣя меньше возможности вредить кому либо, они должны будутъ заняться работою, отказаться отъ своихъ порочныхъ наклонностей и принять убѣжденія болѣе общественныя и правила болѣе нравственныя, подходящія къ назначенію человѣка.

Общество въ такомъ удаленіи порочныхъ людей нашло для себя залогъ собственнаго спокойствія и нѣкоторой безопасности. Нравственность много выиграла, потому что ссылка предупредила преступленія больше, чѣмъ всевозможныя наказанія, внушивъ страхъ остальнымъ людямъ, находящимся на пути къ преступленію. Пусть вообразятъ они себѣ то отчаяніе, которое причинило ушедшимъ разлука съ родиною, друзьями и ближними навсегда. Между ними могъ попасться мужъ и отецъ, разлученный съ женою и дѣтьми, не пожелавшими слѣдовать въ ссылку. Везъ сомнѣнія, было бы лучше и полезнѣе для человѣчества найти основу преступленій и предупредить ихъ, истребивъ причину въ корнѣ, чѣмъ наказывать преступниковъ; но

какъ бесполезно стараться уничтожить зло, пока человѣческое сердце служить мѣстомъ для страстей, то усиліе отвращать зло—пока единственное къ тому средство, а самый удобный способъ—это ссылка.

Человѣкъ можетъ перенести самую тягостную жизнь, потому что, не смотря на всѣ страданія и несчастія, онъ видитъ возможность избавиться отъ нихъ въ будущемъ и эта надежда его утѣшаетъ. Мысль потерять навсегда то, что ему дорого, уже выше его силъ. И какой неоцѣненный случай застать его въ этихъ размышленіяхъ, развить въ немъ сознаніе преступленія, если бы наши ссыльные находились въ рукахъ людей, разумѣющихъ и оцѣнивающихъ въ нихъ человѣческое достоинство! То ли бываетъ на самомъ дѣлѣ у насъ, въ Россіи, которой сознательно и справедливо завидуютъ европейскія государства, не имѣющія подъ руками такихъ удобныхъ и счастливыхъ мѣстъ для колонизаціи? Наши ссыльные на пути къ раскаянію попадаютъ въ руки, еще сильнѣе увлекающія ихъ къ пороку, а на дорогѣ въ ссылку наталкиваются на новыя искушенія и соблазны, еще болѣе рѣзкіе, грозные и гибельные. Не будемъ же удивляться теперь, послѣ знакомства со всею предшествующею ссылкой обстановкою, тому, что опытные старожилы сибирскіе встрѣчаютъ ихъ недоумѣемъ и даже презрѣніемъ. Поговорки сибиряковъ потому и сильны своимъ смысломъ, что характеризуютъ одну изъ главныхъ чертъ поселенцевъ, благопріобрѣтенную въ тюрьмахъ и развиваемую въ Сибири, на самыхъ мѣстахъ поселенія. Дѣйствительно, рѣдкій поселенецъ свободенъ отъ страсти къ воровству, потому что онъ утратилъ въ тюрьмахъ уваженіе къ чужой собственности и потерялъ въ дорогѣ по этапамъ, отъ безчисленныхъ вымогательствъ, послѣднюю надежду на личную собственность. Поселенецъ не отстаетъ отъ тюремной привычки и на мѣстѣ водворенія, потому что, какъ извѣстно, онъ въ Сибири, по прибытіи изъ партіи на „место причисленія“, пособия не получаетъ и самъ ничего не имѣетъ, кромѣ ветхаго рубища и измызанной обуви, прослужившихъ ему на сотняхъ верстъ. Насколько онъ сохранилъ въ себѣ самоуваженіе, насколько принесъ онъ съ собою сознанія человѣческаго достоинства—это еще вопросъ, подлежащій большому сомнѣнію, послѣ того, какъ привели ссыльныхъ гуртомъ, въ стадѣ, которое и гонять къ тому же такъ, какъ будто это не люди, а что-то подобное скотамъ, нѣчто отличное отъ обычныхъ людей. На этапѣхъ и въ тюрьмахъ нѣтъ особаго протеста противъ униженія человѣческаго достоинства. Арестанты одѣты такъ, что одежду ихъ, не обинуясь, можно назвать лохмотьями, хотя лохмотья, на всѣхъ ступеняхъ человѣческихъ состояній, больше всего унижаютъ и се-

честять того, кто покрыть ими. Пища, которою кормят ссыльных, завершая полноту унижения, въ то же время качествомъ и количествомъ своимъ немного даетъ задатковъ къ тому, чтобы ссыльный могъ достаточно сберечь въ себѣ силы для предстоящихъ работъ въ Сибири. Вся обстановка подготовительнаго быта какъ бы на-мѣренно стремится къ тому, чтобы унижить, а по возможности и уничтожить въ человѣкѣ человѣка.

Этапное путешествіе производитъ наклонность къ бродячей жизни даже и въ тѣхъ поселенцахъ, которые не были до сихъ поръ бродягами, и подрываетъ охоту къ болѣе порядочной, осѣдлой жизни. Тюрьмы пріучили поселенца къ грубой и празднои жизни и, во всякомъ случаѣ, сдѣлали его неспособнымъ къ постоянному усидчивому труду, какого требуетъ и въ правѣ требовать отъ него новая страна, дѣвственная земля и новая и незнакомая бытовая обстановка. Отчужденіе отъ семейной и лишеніе правильно размѣренной и устроенной жизни въ конецъ довершили ударъ и произвели окончательную порчу надъ этими людьми, которымъ судьба указываетъ быть колонизаторами богатой страны.

Внушаетъ ли кто до ссылки и во время путешествія арестантовъ въ ссылку о тѣхъ обязанностяхъ, которыя ожидаютъ ихъ на новомъ мѣстѣ? Знакомятъ ли ихъ съ тѣми требованіями, которыя тотчасъ же заявить новая страна, и даютъ ли даже какое либо понятіе о Сибири? Въмѣсто того, чтобы каждый день и каждую минуту внушать о предстоящемъ счастьи для тѣхъ, которые честно исполняютъ свой долгъ, основанный на трудѣ и предусмотрительности, ссыльные остаются въ томъ же убѣжденіи, что ихъ гонятъ въ такую темную безпросвѣтную даль, гдѣ, судя по началу, и ждать лучшаго нечего, и надѣяться на какія либо льготы и уступки никакъ невозможно. По прибытіи ихъ на мѣста ссылки, принимаютъ ли ихъ лица, специально назначенныя для попеченія объ нихъ, долго жившія между преступниками, хорошо изучившія, посредствомъ долгаго и пристальнаго наблюденія, ихъ характеръ, нравы и привычки и, наконецъ, лица, хорошо знакомыя съ требованіями страны, съ сельскимъ хозяйствомъ, съ условіями торговли, съ ходомъ ремеслъ и съ нуждами околнаго люда?—Напротивъ, дѣятельность и значеніе смотрителей поселенцевъ ослаблены. Люди, косвеннымъ и прямымъ образомъ вѣдающіе ссыльных, люди случайные, весьма часто новые и, во всякомъ случаѣ, не имѣющіе никакого понятія о томъ, что требуется положеніемъ поселенцевъ. Внимательное изученіе и наблюденіе приведетъ даже къ тому заключенію, что быть поселенцевъ оставленъ на произволъ судьбы. Люди, которымъ они ввѣрены, слишкомъ равнодушны къ нимъ, даже до того, что въ

отношеніяхъ къ ссыльнымъ показываютъ, при постоянномъ равнодушіи, въ моменты вниманія, болѣе раздражительности и несправедливости, чѣмъ правды и сердечнаго участія. Какъ будто ссыльные—лишнее бремя и посторонняя инстанція, которая отвлекаетъ отъ прямыхъ обязанностей по должности, безъ вознагражденія за труды, безъ ежемѣсячнаго жалованья и безъ надежды на награду и отличія. Скажемъ настоящую правду: на всѣхъ дѣлахъ, по отношенію къ ссыльнымъ, лежитъ печать слишкомъ явнаго равнодушія и распушенности. Предупредительныхъ мѣръ никакихъ, карательныхъ очень много, и все дѣло поселенцевъ такъ запутано и въ такомъ заколдованномъ кругѣ, какъ будто изъ него и никакого выхода нѣтъ. Покажемъ все это на фактахъ.

На первыхъ шагахъ въ Сибири, послѣ освобожденія пришельца отъ тюрьмы и этаповъ, къ довершенію бѣды испорченнаго ими человѣка, его встрѣчаетъ обязательство податей, наравнѣ съ крестьянами-старожилами, но отъ повинностей поселенцы освобождаются. Такъ установилъ уставъ о ссыльныхъ 1822 года: „Поселенцы должны были по уставу платить подати, по прибытіи въ волость, съ перваго января; не уплатившихъ во-время уставъ велѣлъ отдавать за приличную плату и содержаніе въ работу старожиламъ. Вообще, они состоятъ подъ строгимъ надзоромъ, пока не обзаведутся. Для обзаведенія положенъ пятилѣтній срокъ. Если ссыльный въ это время устроится, то причисляется въ крестьяне и поступаетъ подъ обыкновенный земскій надзоръ; причесть съ перваго по водвореніи года пользуется трехлѣтнею отъ податей и 20-ти-лѣтнею отъ рекрутства льготою и получаетъ собственныя деньги, которыми имѣлъ онъ до отправленія въ Сибирь. Если же въ теченіи пяти лѣтъ не обзаведется, то платить положенную подать, оставаясь въ прежнемъ положеніи“. Вотъ чего желалъ гр. Сперанскій и вотъ что оказалось въ примѣненіи на практикѣ черезъ два-три года, судя по словамъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, написавшаго 20 марта 1825 года: „Съ 1823 по февраль 1825 поступило въ Енисейскую губернію на поселеніе 5.306 и неспособныхъ 476; всего 5.782. При этомъ найдено, что въ губерніи немного уже остается селеній, къ которымъ можно приселать ссыльныхъ, да и тѣ вскорѣ могутъ наполниться и, въ такомъ случаѣ, должно будетъ приступить къ поселеніямъ на счетъ казны. Приселенные ссыльные, бывъ обложены податями, оказываются несостоятельными къ платежу, потому что немногіе изъ старожиловъ могутъ принимать ихъ въ работу, и оттого ссыльные, не имѣя ни занятій, ни средствъ къ пропитанію, самовольно переходятъ въ другія селенія и волости, въ которыхъ или работаютъ изъ-за одного хлѣба или прожива-

ить правдою, со вредомъ для старожиловъ, мѣры же обыкновенной полиція не сильны кому оставить преграду". Нельзя ожидать скорого водворенія ссыльныхъ, ибо „сверхъ невозможности выдавать имъ деньги вскорѣ по прибытіи въ волости, они поступаютъ въ мѣста своего назначенія въ ноябрѣ и декабрѣ и, не успѣвъ осмотрѣться, находятся въ обязанности платить подать, къ приобретению которой удобнѣе въ Сибирѣ только лѣтнее время, прочее же затрудняетъ ихъ даже и въ пропитаніи. Почему и остаются они у казны въ долгу и едва ли въ продолжительнѣйшее время будутъ въ состояніи водвориться". То же самое происходило и въ Западной Сибири. Представленія губернатора разрывлены были тѣмъ, что ссыльныхъ, поступающихъ на поселеніе съ сентября до мая, вѣдно облагать податями и 50-ти-копеечными сѣромъ съ 1 іюля; поступающихъ же съ мая по сентябрь облагать съ 1 января, „дабы они могли воспользоваться рабочимъ временемъ для приобретения денегъ на подати". Тогда же разрѣшено выдавать ссыльнымъ собственныя ихъ деньги при началѣ поселенія. Въ отвѣтъ на это двѣсти человекъ ссыльныхъ, поступившихъ на поселеніе къ одной изъ волостей Канскаго округа, жаловались (и жалоба ихъ дошла до Петербурга) на то, что съ нихъ, едва лишь они начинаютъ помышлять объ обезвѣденіи домами и скотомъ для хлѣбопашества, уже требуютъ подати со всею настойчивостію и, при невозможности уплачивать, продаютъ скудное ихъ достояніе за безцѣнокъ, а сами они отдаются за малую плату (по 25 и 30 руб.) въ годъ въ работники въ тѣхъ же самыхъ селеніяхъ, къ которымъ причислены, тогда какъ и въ другихъ селеніяхъ могли бы они получать гораздо большую плату. Сенаторы, ревизовавшіе Западную Сибирь, удостовѣрились на мѣстѣ въ крайней и величайшей трудности поселщикамъ, по освобожденіи ихъ изъ тюремнаго заключенія безо всего, кромѣ полузнаменнаго, оставшагося имъ казеннаго одѣянія, вдругъ найти средства къ пропитанію домоводствомъ и къ платежу податей, и что „собственно отъ сего многіе изъ нихъ впадаютъ въ умныя и даже отчаяніе, а нѣкоторые дерзостившіе, съ того самаго времени, какъ освобождаются изъ тюремнаго заключенія, ищутъ случая къ побѣгу назадъ въ Россію или начинаютъ въ Сибири новыя преступленія, покушенія на воровство, грабежи и разбои". Эта жалоба вызвала льготные годы и 9 ноября 1833 года постановлено: тѣхъ изъ ссыльно-поселенцевъ, которые обезвѣдуются, въ теченіи льготныхъ трехъ лѣтъ, хозяйствомъ, записывать въ крестьяне и освобождать отъ податей и повинностей еще на три года. Не успѣвшихъ обезвѣстись вѣдно облагать поселенческимъ податію, отдавать за неплатежъ въ работники и продолжать за ними строгій

надзоръ; по совершенномъ же водвореніи записывать въ крестьяне, но безъ вторичной льготы.

Неопредѣленность положенія ссыльно-поселенцевъ этины мѣрами все-таки не исправлена; намъ приходится убѣдиться въ томъ, что прочнаго водворенія ссыльныхъ не достигнуто. Сибирь, до сихъ поръ, представляетъ страну, гдѣ бродячіе народы мало по малу становятся осѣлыми, но осѣлые люди сдѣлались бродячими. Ссыльное населеніе этой страны представляетъ движущуюся массу, постоянно перемѣняющую свое мѣсто, гдѣ ни одинъ индивидумъ не сидитъ спокойно на мѣстѣ. Если у кочевыхъ народовъ замѣчается опредѣленный законъ, по которому они совершаютъ свои передвиженія, за то у кочевниковъ изъ осѣлаго племени людей, вмѣсто закона, всталъ произволъ и передвиженіями ихъ управляетъ какой-то незримый и непонятный рокъ. Только нѣкоторая часть этихъ людей обнаруживаетъ опредѣленное стремленіе на западъ, въ Россію, на родину. Остальная часть безразлично и непосредственно бродитъ по всѣмъ сторонамъ Сибири, наполняя ея тюрьмы снизу до верку и затрудняя мѣстныя власти до крайней степени. Вотъ что говорятъ правдивыя цифры въ подтвержденіе нашей первой мысли. Въ 1833 году принято Сибирью посланныхъ на поселеніе и на житье 5.011 мужч., 970 женщ. Въ 1838 году возвращено изъ Россіи бѣжавшихъ съ мѣстъ поселенія 995 мужч., 41 женщина (слишкомъ пятая часть всего количества *).

Въ 1834 г.	принято посел.	4.919 м.	1.291 ж.
» 1835 »	»	5.455 »	1.538 »
» 1836 »	»	7.251 »	1.357 »
» 1837 »	»	6.550 »	1.260 »
» 1838 »	»	5.221 »	1.117 »
» 1839 »	»	6.057 »	1.135 »
» 1840 »	»	6.284 »	1.256 »
» 1841 »	»	6.203 »	1.129 »
» 1839 »	возвр. бѣжавш.	727 »	14 »
» 1840 »	»	813 »	20 »
» 1841 »	»	1.067 »	41 »
» 1842 »	»	826 »	23 »
» 1843 »	»	564 »	15 »
» 1844 »	»	574 »	10 »
» 1845 »	»	506 »	28 »
» 1846 »	»	328 »	16 »

Такимъ образомъ, изъ 52.651 мужч. и 11.123 женщ., сосланныхъ на житье и на поселеніе, бѣжали въ Россію 5.800 мужч., 208 женщ., или слишкомъ 10-ая часть всего поселенческаго населенія, вновь собраннаго въ Сибирь за тѣ же девять, случайно нами взятыхъ лѣтъ.

*) Года беретъ на выдержку, но въ сопоставленіи ихъ предполагаемъ, что годъ поселенцы жили на новомъ мѣстѣ, годъ добирались до стараго пензенца, годъ удалось имъ прожить подъ угрѣвою и защитою родныхъ, два года посидѣть въ тюрьмѣ за справками и, послѣ долговременныхъ справокъ и стараго суда, черезъ пять лѣтъ снова явиться на осмотръ и учетъ въ Тюмени.

Нѣкогда, въ тридцатыхъ годахъ, подобное яркое явленіе объясняли просто тѣмъ, что „ссылнымъ не нужно поселеній, ихъ желаніе стремиться къ бродяжеству, глухой волѣ и преступленіямъ“, что „побѣги повторяются нѣсколько разъ сряду, пока бѣглецы, узнавъ по опыту невозможность побѣга въ Россію, не сдѣлаются домохозяевами“. Теперь намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ такимъ голословнымъ выводамъ, мы достаточно видѣли и причину постоянного скитанія поселенцевъ по чужимъ дворамъ, и показательства, слишкомъ яркія для того, чтобы считать побѣги въ Россію не только возможными, но и весьма легкими *). Конечно, всему бываетъ конецъ: ссылки поселенцы дѣйствительно дѣлаются, послѣ безчисленныхъ шалостей, преступленій и бродячества, осѣдлыми. Бываютъ и такіе случаи, что поселенецъ съ перваго раза садится на мѣсто и сидитъ на немъ, не срываясь и не сбѣгая. Но это все частныя, отдѣльные случаи; общая картина показывается другое. Такъ, напримѣръ, въ теченіи тридцати пяти лѣтъ **) сослано въ Сибирь на поселеніе и на житіе 214.583 человѣка (181.822 муж. и 32.761 жен.), а между тѣмъ, сибирскій край не заселяется въ такой мѣрѣ, какъ это необходимо для его собственнаго блага и пользы государства вообще. Съ отгнѣномъ, въ 1753 году, смертной казни въ Россіи, изъ русскихъ губерній отправляется въ Сибирь ежегодно около 10 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до 8 тысячъ назначается на поселеніе. Казалось бы, что народонаселеніе Сибири должно значительно увеличиться, но факты не оправдываютъ этого предположенія. Не смотря на

*) Рассказываютъ за достоверное люди, лично знавшіе арестанта, бѣгавшаго въ Ярославскую губ. для свиданія съ семействомъ. Три раза онъ уходилъ изъ Сибири и всѣ три раза дальше Пермской губерніи путь его не простирался. Его ловили, близъ кнутомъ, отсылали въ рудники; онъ бѣжалъ въ четвертый разъ и уже достигъ до пѣла, сговорилъ жену, явился съ нею къ тамошнему начальству, попалъ въ ярославскую тюрьму, получилъ 60 плетей и снова сосланъ на долгій срокъ каторги, но пошелъ въ Сибирь уже съ женою.

**) Съ 1823 по 1852 и съ 1854 по 1859 годъ. За два года промежуточныхъ и за всѣ послѣдующіе мы не имѣемъ цифръ подъ руками. Въ этомъ числѣ мы, разумеется, не считаемъ сосланныхъ на каторжныя работы. Число каторжныхъ за известные намъ года возросло до 44.503 чело-вѣкъ (40.357 мужчинъ и 4.146 женщинъ). Такимъ образомъ, число всѣхъ пришедшихъ въ Сибирь ссылныхъ (поселенцевъ и каторжныхъ) равняется 259.086 чел. Считая среднимъ счетомъ на недостающіе намъ года только по 8-ми тысячъ на годъ, мы получимъ приблизительную цифру съ 1854 по 1868 годъ всего количества ссыльнаго населенія, которое дала Сибирь Россіи, около девятисотъ тысячъ душъ обоего пола. А такъ какъ число каторжныхъ, по отношенію къ поселенцамъ, составляетъ $\frac{1}{4}$ часть, то на одно поселеніе во всѣ 113 лѣтъ поступило въ Сибирь больше 750 тысячъ человѣкъ.

естественное умноженіе русскихъ старожиловъ, общее народонаселеніе Сибири давно уже остается въ одномъ и томъ же положеніи. Къ числу многихъ причинъ относить также и безправственность поселенцевъ, ихъ распутную жизнь, а вслѣдствіе того и ту порчу отъ нихъ, которая пускаетъ глубокіе корни даже между старожилами. Одинъ изъ старожиловъ выражаетъ такое сѣтованіе: „Исчезло прежнее простодушіе сибиряковъ, которымъ они такъ славились. Обиліе страны и легкость пріобрѣтенія всѣхъ жизненныхъ потребностей породили лѣность, безпечность, а затѣмъ плутовства всякаго рода сдѣлались главными основаніями ихъ дѣйствій“. Отсюда произошло непомѣрное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты. Все это произошло въ такой странѣ, гдѣ „необыкновенное плодородіе почвы, безъ всякаго удобренія, даже обработанной, даетъ нерѣдко урожай ржи самъ 15-ть и болѣе и гдѣ необъятныя пространства тучныхъ пастбищъ покрывались прежде многочисленными стадами разнаго рода скота! Лѣность и нерадѣніе—вотъ главные виновники всего зла и нужны сильныя мѣры, чтобы остановить эту нравственную болѣзнь. Для этого необходимо: 1) измѣнить въ нѣкоторой степени образъ ссылки и водворенія преступниковъ въ Сибири; 2) изыскать средства къ ихъ занятіямъ, которыя принесли бы большую пользу какъ имъ самимъ, такъ и обществу и государству; 3) принять мѣры къ устраненію, по возможности, безбрачной жизни ссылныхъ; 4) прекратить бродяжничество между ссылными, нынѣ въ Сибири находящимися; и 5) устроить всѣ возможныя мѣры къ прекращенію плутовства при всѣхъ сдѣлкахъ и по всѣмъ отраслямъ промышленности“.

Такова картина, представляемая въ настоящее время бытомъ поселенцевъ, когда взглянемъ на нее попристальнѣе и вникнемъ въ частности.

Ни одинъ еще поселенецъ не уходилъ въ Россію тотчасъ по прибытіи на мѣсто; во всякомъ изъ нихъ довольно еще энергіи, чтобы попытаться: не будетъ ли здѣсь лучше, нельзя ли пожить на себя и на семью. Даже въ поселенцахъ, пришедшихъ одиночками, достаточно уберечься покорности судьбѣ и желанія подчиниться своей участи. Надо весьма пожить въ тюрьмахъ и тамъ поучиться, надо много и сильно осмотрѣться и въ самой Сибири, кругомъ себя, чтобы дерзнуть предпринять такое смѣлое и трудное дѣло, каково обратное путешествіе на дальнюю родину. Если, съ одной стороны, чрезвычайно сильно развита и весьма знаменательна въ русскомъ чело-вѣкѣ любовь къ роднымъ мѣстамъ и, при разлукѣ съ ними, желаніе пожить и увидѣть ихъ снова, то, съ другой стороны, понадобятся много сильныхъ причинъ,

чтобы привести въ исполненіе такое дѣло, которое на глазахъ самихъ же поселенцевъ не всегда удается. Въ рѣдкомъ селеніи нѣтъ такихъ, которые были за то наказаны и, возвращенные опять, водворены съ новыми стѣсненіями при кое-какихъ правахъ и льготахъ (отданы въ работники, записаны въ крестьяне безъ вторичной льготы, съ хорошихъ мѣстъ водворены на худшія, побывали въ заводскихъ работахъ и проч.). Между тѣмъ, не рѣдкость такіе случаи, что бѣжали въ Россію семейные поселенцы и уводили съ собою женъ, дѣтей и родственниковъ, пришедшихъ за ссыльными по собственной волѣ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ прочіе сидятъ на мѣстѣ семейный поселенецъ, но опять не диковинка тотъ фактъ, что неудачи и несчастья разбиваютъ семью и члены ея расходятся въ разныя стороны искать пищи и заработка. Отецъ-большакъ дѣлается кукушкою въ истинномъ и переносномъ значеніи слова: либо покидаетъ дѣтей въ чужомъ гнѣздѣ, либо бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, на вѣстяхъ у генерала Кукушкина. Про одиночекъ изъ поселенцевъ и говорить много нечего. Для нихъ, разумеется, уже нѣтъ крѣпкихъ путей, привязывающихъ къ мѣсту, даже и такихъ, не совсѣмъ надежныхъ путей, какими, по видимому, пользуются семейные ихъ товарищи. Одиночку, а въ особенностяхъ вновь прибылому, старожилъ всегда встрѣчаетъ недружелюбно. Сколько бывало такихъ случаевъ, что поселенецъ, получившій надѣлъ земельного участка, отдавалъ его первому охотнику изъ крестьянъ въ кортому, а самъ брелъ искать счастья въ чужихъ и дальнихъ людяхъ.

Противъ одиночекъ изъ поселенцевъ ставить преграду, какъ мы выше сказали, сибиряки-сторожилы, не охотно отдающие дочерей своихъ за поселенцевъ. Правительство издавна хлопотало объ истребленіи этого предразсудка льготами, остратками, наставленіями и внушеніями синода. Въ 1825 г. женскій вопросъ все-таки остановился на приобрѣтеніи „покупкою или вымѣномъ“ отъ сопредѣльныхъ Сибири кочующихъ народовъ дѣтей женскаго пола для вознагражденія недомки въ Западной Сибири женскаго пола. „Приобрѣтеніе дѣтей,—говоритъ сенатскій указъ отъ 11 февраля 1825 г.—удобнѣе рослыхъ и на будущее время средство сіе упрочиться могло бы съ лучшею удобностью. Довольно употребить для лучшаго успѣха нужную денежную награду тѣмъ, кои таковыхъ женскаго пола дѣтей приобрѣтатъ будутъ“. Мало-лѣтнихъ дѣвочекъ, окрестивъ въ православную вѣру, велѣно размѣщать по семействамъ, въ женскомъ полѣ наиболѣе нуждающимся, а чтобы содержаніе ихъ не было тягостнымъ, опредѣлить для каждой потребное денежное и хлѣбное содержаніе до 15-ти-лѣтняго возраста. При выдачѣ за мужъ никогда не принуждать выхо-

дить въ тѣ семейства, гдѣ онѣ воспитывались, а предоставлять каждой въ томъ полную свободу. Расходы по этому предмету дозволено употреблять, по принадлежности, изъ остатковъ сбора на земскую повинность, „яко издержки для общественной пользы потребныя“. Въ 1831 году положено было выдавать 150 руб. казенныхъ денегъ каждому старожилу изъ казенныхъ крестьянъ и мѣщанъ, который отдастъ за ссыльно-поселенца свою дочь или родственницу и приметъ зятя для житья и работъ въ собственномъ домѣ; въ 1840 году принуждены были придумать новую мѣру, вызванную неудачею первой. Женщинѣ свободнаго состоянія, вышедшей въ замужество за поселенца, вступающаго въ Сибирь въ первый бракъ, велѣно выдавать 50 руб. Поселенцу, вступающему въ первый же бракъ со ссыльною, выдается отъ казны 15 руб. сер. безвозвратно и 15 руб. сер. въ десятилѣтнюю ссуду заимообразно. Пробовали заинтересовать и семейства, предоставляя имъ наградныя деньги, если невѣста выходитъ изъ дома, и невѣстѣ самой, если она живетъ отдѣльнымъ хозяйствомъ (указъ 3 мая 1843 г., разъясняющій положеніе 5 апрѣля 1837 г.). Но предначертанія не обезсилили предубѣжденій. Бракъ — этотъ легкій и вѣрный способъ для смягченія сердца, даже у людей жесткихъ, злыхъ и сильно огрубѣвшихъ въ порокахъ, не способствуетъ ни переимѣнѣ испорченныхъ нравовъ у поселенцевъ, ни служитъ и основаніемъ надежды, что эти несчастные могутъ воспользоваться благотворными послѣдствіями священнаго союза. Браки поселенцевъ въ Сибиріи до того большая рѣдкость, что многимъ туземцамъ приходила въ голову мысль исправить это зло посредствомъ переселенія въ Сибирь публичныхъ женщинъ изъ обихъ столицъ и другихъ большихъ городовъ Имперіи, по примѣрамъ, неоднократно повтореннымъ въ царствованіе Екатерины II.

Замѣчательно, что предки нынѣшнихъ сибиряковъ, первые пришельцы русскіе, казаки, воровали себѣ женъ въ Россіи, оправдываясь дозволеніемъ царя Грознаго, выраженнымъ въ грамотѣ атаману Кольцу, подписанной дьякомъ Андреевымъ. На эту грамоту ссылались сибиряки въ 1622 г., когда патріархъ Филаретъ вознагражденъ прекратить зло и послать тобольскому архіерею Кипріану обличительную грамоту. Филаретъ приказалъ выслать въ Москву эту грамоту, какъ несовѣстную съ уставами православной церкви, и поставилъ на видѣ: 1) „что въ Сибиріи не носятъ крестовъ, не хранятъ постовъ, живутъ съ некрещеными женами, кумами и свояченицами, при отъѣздѣ закладываютъ ихъ на срокъ и, не имѣя тѣмъ выкупить, женятся на другихъ; 2) что духовные вѣнчаютъ безъ оглашенія и потворствуютъ воеводамъ, которые краденныхъ въ Россіи дѣвицъ

продать въ замужество и заставляютъ при себѣ ихъ вѣнчать. Монахины уходятъ изъ обители и живутъ въ мирѣ“. Въ 1637 году прислано было въ Тобольскъ 500 семей и 150 дѣвицъ, для женитьбы казаковъ, изъ Вологды, Тотмы, Устюга и Сольвычегодска. Въ 1728 году сибиряки начали женъ уже покупать; такъ, въ этомъ году дѣлается извѣстнымъ, что рускіе березовцы покупали у остяковъ дѣвочекъ и платили за семилѣтнюю остячку 20 воемъ мѣдью. Покупали они и мальчиковъ, которые, того же возраста, стоили 25 копеекъ.

Пособія, выдаваемые поселенцамъ и ихъ женамъ (по 766 ст. Уст. о ссыл.) для поощренія къ семейной жизни и „для улучшенія домооб-заводства“, не достигаютъ своего назначенія. Деньги иногда выдаются совершенно бездомнымъ, живущимъ на золотыхъ приискахъ или въ чужихъ домахъ. Надзора за правильнымъ употребленіемъ денегъ никакого нѣтъ. Деньги выдаются исправники, которымъ нѣтъ физической возможности наблюдать за тѣмъ, куда истрачены онѣ, даже и волостныя правленія не поставлены ими въ подобныя обязательства надзора. Волостныя правленія знаютъ отъ экспедиціи о ссыльныхъ, что деньги назначены къ выдачѣ такому-то, а когда и сколько получить онѣ ихъ—правленіямъ неизвѣстно. Смотрители поселенцевъ не знали даже и того, кому, когда, сколько назначено пособія, и сами губернскія правленія, сообщая въ казенныя палаты о выдачѣ денегъ, не имѣли свѣдѣній ни о времени, ни о количествѣ выданнаго. Само собою разумѣется, что и деньги эти, переходя изъ рукъ въ руки, значительно сокращаются, мельчаютъ и доходятъ до принадлежности въ уменьшенномъ размѣрѣ (волостные писаря въ Сибири наживаютъ большіе капиталы). Мы знаемъ случай въ Томской губ. (Каниского округа), гдѣ, вышло 50 р. сер., получено тремя поселенцами только по 112 р. ассигнаціями, т. е. всего 32 р. сер.; 54 р. завязали въ карманахъ передатчиковъ. Вотъ какова процедура выдачи денежнаго пособія на вступленіе въ бракъ: назначаетъ деньги губернское правленіе и сообщаетъ казенной палатѣ; эта предписываетъ казначейству, казначейство выдаетъ исправнику, исправникъ, если не можетъ выдать поселенцу самъ, отправляетъ деньги въ волость. Не лучше ли было бы поступать такъ (во избѣжаніе безполезной переноски и излишней проводочки времени): ассигновать на этотъ предметъ ежегодно извѣстную сумму и тогда назначенныя губернскимъ правленіемъ деньги изъ экспедиціи отсылать прямо въ волостное правленіе, возложивъ на обязанность послѣдняго наблюденіе, а на смотрителей поселенцевъ повѣрку на мѣстѣ, что именно сдѣлано на выданныя деньги, и доносить о томъ экспедиціи? Къ чему былъ принудитъ исправникъ, когда специально для ссыльныхъ учре-

ждены экспедиціи, а смотрители поселенцевъ были ни что иное, какъ писцы экспедиціи?

Болѣе дѣйствительными мѣрами по усиленію женскаго населенія въ Сибири оказались слѣдующія мѣры: 1) жены крѣпостныхъ людей, пересылаемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, обязаны были слѣдовать за мужьями, хотя бы, по рожденію своему, онѣ принадлежали къ состоянію свободному съ дѣтьми (указъ 22 марта 1832); 2) воспрещено евреямъ слѣдовать въ Сибирь за женами ихъ, ссылаемыми туда на поселеніе (указъ 1 окт. 1827); 3) дозволено евреямъ слѣдовать за мужьями только съ дѣтьми женскаго пола (указъ 1836 г.); 4) позволенъ бракъ поселенцевъ съ каторжниками.

Если, такимъ образомъ, уходъ поселенцевъ съ мѣстъ водворенія въ русскую сторону вызывается, въ одно время, и тоскою по родитѣ и негостеприимствомъ новаго мѣста и новыхъ со-сѣдей, то вообще тасканье по чужимъ людямъ и въ сосѣдствѣ вынуждаются другими причинами, въ которыхъ поселенцы также мало повинны и являются страдательными участниками. Въ число бродягъ и въ это званіе, поставляемое въ укоръ поселенцамъ, попадаютъ въ Сибири сплошь и рядомъ даже тѣ изъ нихъ, которыхъ, собственно, этимъ именемъ и называть несправедливо. Такъ, напр., губернскіе остроги и остроги тѣхъ городовъ, въ которыхъ бывають торговые и промышленные съезды (въ видѣ ярмарокъ, базаровъ и съездовъ для найма на золотые промыслы), часто переименовываются, подъ видомъ бродягъ, тѣми изъ поселенцевъ, которые перешли за предѣлы района, дозволеннаго закономъ. Какъ извѣстно, по распоряженію высшаго начальства, поселенцы, по прибытіи на мѣсто, не имѣютъ права отлучаться изъ своей волости въ продолженіи двухъ лѣтъ, полагаемыхъ достаточными для обезвѣденія хозяйства. Мѣра эта, благотворительная по принципу, когда сопровождается правильнымъ надзоромъ, безъ матеріальнаго пособія въ неблагопріятномъ положеніи поселенцевъ не приноситъ пользы даже и на половину. Для хозяйства нужны деньги и упорный трудъ; у большей части поселенцевъ нѣтъ гроша мѣднаго, а новоприбылымъ и собственнымъ денегъ ихъ не выдаютъ до окончательнаго ихъ водворенія; къ тому же этапы и тюрьмы выучили враждебнымъ трудъ начальамъ. Ссыланный идетъ въ другую волость, гдѣ сильнѣе требованіе на работника, идетъ въ городъ, гдѣ всегда вѣрнѣе заработокъ — и попадаетъ въ тюрьму. Въ тюрьму попадаетъ безъ разбора даже и такой, который шелъ по приглашенію и съ намѣреніемъ непремѣнно заработать деньги для платежа податей и собственной надобности. Въ томскомъ острогѣ, въ концѣ іюля 1858 г., сидѣло такихъ поселенцевъ 20 человекъ; и такіе мнимые бродяги содержатся нерѣдко отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года и болѣе, всѣ—изъ

водворенныхъ въ ближайшихъ къ Томску волостяхъ, всё—прѣхавшіе на базаръ и взятыя „за безпосильность“. Эти люди, просидѣвшіе въ тюрьмѣ лѣтніе мѣсяцы, необходимые для крестьянина, нерѣдко приходятъ въ крайнее разореніе, особенно, если таковой поселенецъ одинокій человекъ. Пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ, у него растащатъ и послѣднее достояніе, и только лишь вынетъ изъ нее—онъ уже пролетарій насквозь и не плательщикъ никакихъ податей. Въ томъ же томскомъ острогѣ пишущій эти строки, въ числѣ этого сорта бродягъ, видѣлъ и такого, который при нашемъ появленіи, вслѣдъ за другими, сползъ было съ нарѣ, хотѣлъ встать на ноги и тотчасъ же, противъ собственной воли, опрокинулся снова на нарѣ. Этотъ несчастный былъ дряхлый старикъ, сутормый, съ одышкою, весь искалеченный и до невозможности слабый, какъ можетъ быть слабъ сибирскій поселенецъ въ 76 лѣтъ и уже давно записанный въ разрядъ неспособныхъ. Сидѣлъ этотъ безногий старикъ, этотъ живой мертвецъ, также за бродяжничество и отвѣтъ его о причинѣ ареста, сказанный громко и съ кашлемъ, вызвалъ неудержимый хохотъ всей серьезной казармы. Несчастный, вѣсто богадѣльни, попалъ въ тюрьму.

Изъ богадѣленъ, назначенныхъ для ссыльныхъ поселенцевъ, намъ извѣстны двѣ, обѣ въ Томской губерніи. Выстроенная въ г. Маринскѣ (недавнемъ селѣ Кіѣ—бойкомъ и достопамятномъ нѣкогда пунктѣ найма рабочихъ на золотые промыслы) содержалась опратно и даже щеголевато, но въ ней помѣщалось только 20 чел. На 20 же человекъ устроена и другая намъ извѣстная богадѣльня въ Боготолѣ (селеніи Маринскаго округа). Про третью (и послѣднюю для всей Томской губерніи) богадѣльню въ селѣ Покровскомъ (Канискаго округа) мы знаемъ то, что она занимала два ветхихъ дома, надѣленныхъ огромнымъ дворомъ, который обнесенъ полуразвалившимися плетнемъ. Но въ этой помѣщались избранные счастливыцы, тогда какъ сотни другихъ „неспособныхъ“ терпѣли холодъ и голодъ въ полнѣйшемъ значеніи этихъ словъ. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся волостныя правленія, существуютъ такъ называемыя частныя богадѣльни или, вѣрнѣе сказать, „полуразвалившіяся лачужки, гдѣ лежатъ на клочкахъ соломы полунагіе, въ изорванныхъ рубашкахъ, дряхлые и совершенно безпріютные поселенцы безъ всякаго призрѣнія. Кто изъ нихъ можетъ передвигать ноги и бродить по-міру, тотъ собираетъ малые куски для своихъ товарищей, лишенныхъ силъ просить даже милостыню. Здѣсь, такимъ образомъ, бѣдность и нищета являются въ самомъ грязномъ и отвратительномъ видѣ“ *).

*) Состраданіе и участіе благороднаго человека, написавшаго эти строки, вызвали до нѣкоторой степени облегченіе ихъ участи; 18 по-

Тобольская и Томская, по силѣ указа сената (15 іюля 1853 г.), предписывающаго отсылать всѣхъ поселенцевъ въ Восточную Сибирь, оставались, преимущественно, при прежнихъ поселенцахъ, дряхлыхъ и слабыхъ старикахъ, которые не только не могли обзавестись домами, но и прокормить себя трудомъ рукъ своихъ.

Разрядъ „неспособныхъ“, какъ извѣстно, опредѣляется тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ, который распределяетъ всѣхъ ссыльныхъ поселенцевъ по четыремъ губерніямъ и по пяти категоріямъ (во временные заводскіе рабочіе, въ ремесленники, въ цехъ слугъ, на поселеніе и на житіе и въ неспособные). При этомъ, судя по табели тобольскаго приказа за 29 лѣтъ (1828 по 1852 г.), замѣчательно то, что во временные заводскіе рабочіе изъ всего числа поступило всего больше въ бывшую Омскую область; ремесленниками обильнѣе заручилась Тобольская губернія, слугами она же (своя рука—владыка). На поселеніе и житіе больше ушло въ Висейскую губернію, а на Томскую, въ утѣшеніе, всего больше досталось неспособнаго люда. При этомъ особенно замѣчательно, что на Томскую губернію во всѣ 29 лѣтъ попало только четыре ремесленника. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ уходить въ дробныя частности, представляемыя табелями приказа (смыслъ которыхъ мы разъясняемъ въ отдѣльномъ трактатѣ). Возвращаясь снова къ поселенцамъ, которые уводатъ насъ снова въ сторону и опять на торную дорогу ихъ бѣдомовнаго скитанія и безконечнаго бродяжества. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ самими поселенцами, мы радуемся тому счастливному случаю, что нѣкоторые удается сравнить со всѣми трудностями и препятствіями перваго обзаведенія, и они заводятся хозяйствомъ и попадаютъ въ число бродягъ только по ошибкѣ, вслѣдствіе недоразумѣній. Другіе, достаточно пошатавшись, находятъ пріютъ, но тамъ, гдѣ ихъ не ожидаютъ, и такъ, что въ Сибири ихъ за то не одобряютъ. Но первыя хуже, вторыя счастливыѣ; докончимъ о первыхъ, намъ остается сказать немногое.

селепцевъ, проживавшихъ въ частныхъ избушкахъ, получили одежду, обувь, бѣлье и дневное пропитаніе. Хлопотами того же лица составлены были проекты о постройкѣ въ волостяхъ домовъ для призрѣнія поселенцевъ. По даннымъ главнаго тюремнаго управленія, представленнымъ международному тюремному конгрессу, видно, что въ 1890 г. существовали: богадѣльня для ссыльно-маторжныхъ при Александровскомъ заводѣ; дѣтскій пріютъ при Нижне-Кавіискомъ промыслѣ; въ 55 верстахъ отъ послѣдняго промысла устроено, въ видѣ опыта, въ 1884 г. селеніе изъ ссыльно-маторжныхъ, освобожденныхъ на житіе изъ тюрьмы и нѣющихъ семей; въ немъ теперь 14 домохозяевъ, являющихся преимущественно земледѣльемъ. Въ 1883 г. такое же поселеніе организовано въ 7 верстахъ отъ Покровскаго рудника, гдѣ живетъ 10 домохозяевъ.

Если благоразумному и предусмотрительному поселенцу удастся какимъ нибудь образомъ выстроить себѣ домъ и обзавестись маленькимъ хозяйствомъ, онъ и тогда не избѣгаетъ разныхъ притѣсненій. Между прочимъ, ему не даютъ въ достаточномъ количествѣ ни земли, ни луговъ. Поселенцы единогласно и повсюду жалуются, что лучшей земли и покосы остаются въ пользованіи старожиловъ, что старожилы постоянно ихъ окашиваютъ и опахиваютъ. Во многихъ мѣстахъ на притѣсненія, дѣлаемые въ земляныхъ угодьяхъ, жалуются не только поселенцы, но и бѣдные крестьяне-старожилы. На это зло въ Сибири давно сложился крупный типъ міроѣда - богатѣя. Ерофей Хабаровъ, знаменитый герой Амура, былъ однимъ изъ первыхъ, положившихъ начало и корень такимъ алчнымъ приобретателямъ и обидчикамъ. Знаменитый богатъ Кандинскій, воровавшій въ недавнія (уже въ наши) времена всѣми торговыми и промышленными дѣлами дѣлой половины Забайкалья, т. е. всего Нерчинскаго края, былъ не послѣднимъ. Простодушные сибирскаго люда привыкло видѣть въ такихъ ловкихъ капиталистахъ не только первыхъ и коренныхъ дѣловиковъ ихъ труда, но и соувѣтчиковъ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и политическихъ вопросахъ. Если время и ослабило ихъ деспотическую дѣятельность и грозный образъ Хабарова, — отнявшаго у поселенца жену и поколотившаго и искалѣчившаго якутскихъ поселенцевъ, присланныхъ въ Киренскъ на его займку для поселенія, — значительно поблѣднѣлъ теперь. Онъ измѣльчалъ, но все-таки идея его живуща и способы эксплуатаціи чужого труда все тѣ же. Не такъ крупны, грубы и жестоки сдѣлались припадки, но болѣзнь все еще гнѣздится въ организмѣ. Больныхъ такихъ числомъ стало еще больше и нѣтъ въ Сибири околотка, гдѣ бы какой нибудь міроѣдъ не путалъ въ своихъ крѣпкихъ тенетахъ и простодушныхъ старожиловъ и беззащитныхъ поселенцевъ. Въ Россіи такіе люди уже не такъ сильны, въ Сибири они еще поражаютъ силою своего вліянія, прочностью положенія, не смотря на то, что со стороны властей дѣлались на нихъ энергическія вылазки и насакивала коса на камень, но не вездѣ. Западной Сибири въ этомъ отношеніи счастливилось меньше Восточной. Міроѣды эти, извѣстные каждый въ своемъ околоткѣ подъ шутивымъ прозвищемъ „губернаторовъ“, во многихъ мѣстахъ поражаютъ до сихъ поръ крупными дикими чертами, какъ почти все въ этой сильной и дикой странѣ, называемой Сибирью. Обидчики, вродѣ купцовъ Л..., П... и другихъ, и для Западной Сибири настолько сильны, что быть поселенцевъ, успѣвшихъ водвориться, значительно утѣсненъ и обездоленъ.

Присяжные защитники поселенцевъ, такъ называемые смотрители, настолько слабы значеніемъ своимъ передъ богатыми тузами, умѣю-

щими хорошо кормить и угощать, и настолько ничтожнымъ вліяніемъ, парализованнымъ вѣдѣтельствомъ болѣе крупныхъ властей, что на нихъ даже и крестьяне смотрятъ съ пренебреженіемъ, только за то, что они, хотя и чиновники, но все-таки предстатели поселящиковъ. Общее, вкоренившееся недоброжелательство къ поселенцамъ до того сильно въ сибирскихъ крестьянахъ, что они, всегда считая ихъ чуждыми своего общества въ дѣлахъ ни интереса, ни парій. Отсюда передъ крестьяниномъ поселенецъ всегда виноватъ. Смотрители, вѣсто того, чтобы быть адвокатами и посредниками въ дѣлахъ поселенцевъ, нѣтъ строгое наблюденіе за сборомъ съ нихъ податей, принимать должныя мѣры къ устройству ихъ быта, — на самомъ дѣлѣ остаются безъ правъ (которые имъ не дано). Въ своихъ дѣйствіяхъ они постоянно встрѣчали оппозицію со стороны земскаго и волостного начальствъ. Оттого положеніе смотрителей было пассивнымъ. Сибирскій крестьянинъ, привыкшій передъ всякимъ новымъ челоуѣкомъ снимать шапку, передъ поселенческими смотрителями этого не дѣлалъ, смѣло оправдываясь тѣмъ, что онъ-де крестьянинъ, а не поселенецъ. Волостныя правленія не исполняли никакихъ смотрительскихъ требованій, какъ бы желая, чтобы права смотрителей были болѣе укрѣплены, чтобы административныя и хозяйственныя дѣла поселенцевъ, для пользы и блага послѣднихъ, исключительно были переданы въ ихъ вѣденіе и проч. Сюда находили необходимымъ отнести слѣдующія обязанности: увольненіе поселенцевъ на работы и золотые промыслы, выдача билетовъ, сборъ податей, всю отчетность въ денежныхъ суммахъ, заботы о бытовыхъ нуждахъ въ качествѣ депутата при исковыхъ дѣлахъ между поселенцемъ и крестьянами. И тогда на смотрителей возлагали обязанности, подобныя заведенію алфавитовъ, приведенію въ порядокъ всегда сильно запущенныхъ дѣлъ по поселенческой части, но все это въ формѣ временныхъ правилъ и частныхъ распоряженій. Права и обязанности смотрителей закономъ совершенно не были опредѣлены, а съ 1841 г. поселенцы и всѣ дѣла объ нихъ переданы были въ земскія полиціи. Между тѣмъ, уже въ 1852 году замѣчено было, что незаконный поборъ за выдачу билетовъ на золотые промыслы началъ, въ особенности, возвышаться съ тѣхъ поръ, какъ выдача билетовъ перешла изъ вѣденія смотрителей въ вѣденіе волостныхъ правленій. До 1841 года злоупотребленій было меньше, сборъ податей шелъ успѣшнѣе и недоимка на поселенцахъ начала значительно накопляться съ 1842 года.

Когда, подъ вѣденіемъ земской полиціи, поселенческія недоимки стали значительно возрастать и возбудили серьезную заботу и когда наслѣдованы были ближайшія причины (не во мно-

гомъ отъ самихъ поселенцевъ зависѣвшія), то замѣчена была одна любопытная. Подати съ поселенцевъ, какъ извѣстно, собираютъ особые сборщики изъ крестьянъ, отличающіеся добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей относительно земляковъ — односельцевъ. По отношенію же къ поселенческимъ деньгамъ, въ силу общественаго положенія поселенцевъ и обыкновеннаго взгляда на нихъ, сборщики податей нерѣдко взысканныя деньги совсѣмъ не представляли, или сдавали въ уменьшенномъ количествѣ или, наконецъ, дѣлали такимъ образомъ, что взысканныя съ поселенцевъ подати вносили за крестьянъ — своихъ родственниковъ или пріятелей. Если крестьяне уплачивали, то сборщики вносили за поселенцевъ, въ противномъ случаѣ оставляли такъ, какъ было дѣло, и на плательщикахъ считалась недонимка увеличенною. Къ тому же волостное начальство, по укоренившемуся съ давнихъ временъ обычаю, собирало подати съ однихъ наличныхъ поселенцевъ, нанимающихся на прински, при выдачѣ имъ билетовъ, и то не всегда, за цѣлый годъ, а только за половину слѣдующаго. Недонимка росла на безчестіе поселенцевъ и на валовое обвиненіе ихъ, а между тѣмъ волостныя правленія сами не исключали изъ списковъ умершихъ, бѣжавшихъ и выбывшихъ разными случаями или оказавшихся, по медицинскому свидѣтельству, неспособными къ работамъ (при чемъ крупнѣе цифра недонимки за умершими, потому за неспособными и, наконецъ, за бѣжавшими). Казначейства считали недонимки также неправильно, насчитывали большія цифры. Исправный платежъ податей падалъ не на общество, а на личную отвѣтственность каждаго поселенца. Между тѣмъ, поселенцы, уличенные въ новыхъ преступленіяхъ, до рѣшенія дѣла сидѣли въ тюрьмахъ иногда по нѣсколько лѣтъ, податей въ это время не платили, а недонимка росла. Между тѣмъ, экономическій капиталъ ссыльныхъ, нарастающій отъ взносовъ поселенцевъ и не идущій на нихъ, — значительный. Изъ этого капитала весьма малая часть тратилась на леченіе ссыльныхъ въ больницы, а добрая доля его прилаживалась обыкновенно къ какому нибудь крупному предпріятію, совершенно стороннему и ничего общаго съ дѣломъ ссыльныхъ не имѣющему (вродѣ, напр., пріобрѣтенія Амура, яму котораго долгое время хорошенько завалить не могли). Каторжныхъ увольнятъ отъ обязанностей, причислятъ къ какой нибудь волости, на томъ всѣ и работы покончатъ, а тамъ хотя трава не ростит. Стяни что нибудь, иди въ кабакъ и опять ступай на прежнюю дорогу, въ каторгу или на заводъ, сжотра по преступленію или проступку, обличившему тебя, горемыка!

Преступленія, за которыя судятся поселенцы въ Сибири, группируются болѣе крупною цифрою около такъ называемаго преступленія „по-

бѣга изъ Сибири“, затѣмъ слѣдуетъ воровство со валомомъ, — преступленіе, которое служитъ обыкновенно коренною причиною ссылки поселенца, а въ Сибири является слѣдствіемъ безвыходности положенія. Затѣмъ поселенцы дѣлаются убійцами, потому виновными въ развратномъ поведеніи (въ особенности поселенки), въ побѣгахъ изъ — подѣ стражи, во вломѣхъ тюремъ и въ дѣланіи фальшивыхъ билетовъ *). Число другихъ поселенческихъ преступленій, по количеству и сравнительно съ предыдущими, довольно незначительно, чтобы дѣлать какіе либо серьезные выводы. Во всякомъ случаѣ, они не такъ многочисленны, какъ можно бы было ожидать при условіяхъ бродяжеской жизни, при сильно развитомъ въ людяхъ этихъ нѣяствѣ и по тому поголовному обвиненію, которое возводило на нихъ люди, судящіе не по цифрѣ и скрытому въ ней смыслу, а изъ своекорыстнаго расчета оправдать свою неправильную дѣятельность или совершенное бездѣйствіе. Исканіе одной дикой воли и совершеннаго бездѣйствія, въ которыхъ эти люди находятъ оправданіе себѣ и обвиненіе поселенцамъ, — аргументы крупные и сильные на бумагѣ, но на дѣлѣ не выдерживаютъ критики. Всякій человѣкъ ищетъ для себя лучшаго — таково свойство людской природы. Вообще, всѣми давно признано, что человѣкъ остается охотно тамъ, гдѣ ему хорошо, охотно работаетъ и трудится, когда его положеніе кажется ему сноснымъ и когда постоянныя неудачи и препятствія не доводятъ его до утраты вѣры въ себя и не уничтожаютъ его бодрости. Не забудемъ, что поселенцы довольно часто приходятъ съ семействами: въ 29 лѣтъ двѣсти тысячъ сосланныхъ на поселеніе лицъ обою пола увлекли за собою семнадцать тысячъ пришедшихъ по собственной волѣ женъ, дѣтей и родственниковъ. Въ той же Сибири имѣются доказательства противнаго, слишкомъ опредѣленные, но достаточно не изслѣдованные. Въ Сибири нѣтъ того мѣста, гдѣ бы не жили старовѣры или, по тамошнему, киржаки и гдѣ бы не рассказывали за вѣрное, что рѣдкій изъ этихъ богачей не имѣетъ собственной деревушки, куда онъ ѣдетъ, какъ помѣщикъ, и встрѣчается, какъ архіерей. Сюда, по завѣту отцовъ, богатые киржаки за удовольствіе полагаютъ для своей души принять всякаго странника и тщательно уберечь его отъ грядущихъ напастей и

*) Въ теченіи 9 лѣтъ (съ 1838 по 1847 годъ) всѣхъ поселенцевъ присуждено въ Сибирь 6.329 мужчинъ, 301 женщинъ, — цифра, уступающая, однако, преступникамъ изъ бродягъ, которыхъ за тѣ же годы присуждено 14.861 мужчинъ, 8.785 женщинъ, и преступникамъ изъ каторжныхъ; по числовому отношенію общаго количества тѣхъ и другихъ, число каторжныхъ въ 6 разъ меньше общаго числа поселенцевъ, но всѣхъ каторжныхъ, за тѣ же годы, осуждено 2.689 мужчинъ, 30 женщинъ.

золю. Говорятъ, что нѣкоторымъ приходилось прятать и бѣглыхъ каторжниковъ и натаившихся поселенцевъ. При обыскахъ они умѣли откупаться по древнему способу, котораго не чуждался и самъ де-Геннингъ—основатель города Екатеринбурга, умѣвшій не брезговать бѣглыми ссыльными и за крупкіе подкупы приселявшимъ къ новому городу даже бѣглыхъ съ каторги. Около Екатеринбурга и около Тюмени испоконвѣку бывали притоны для бродягъ изъ раскольниковъ.

Въ Сибири повсюду разсказывается недавній случай находки однимъ изъ земскихъ чиновниковъ цѣлаго селенія, нигдѣ въ книгахъ не записаннаго, нигдѣ на картахъ не нанесеннаго, о которомъ ближайшій становой приставъ (по сибирски засѣдатель) ничего не зналъ и ни отъ кого не слыхалъ.

Для кого же теперь тайна организаціи свободныхъ или, какъ привыкли выражаться, самовольныхъ поселеній, не говоря о ежемѣсячныхъ приселеніяхъ каторжныхъ къ поселенцамъ и наоборотъ? Кому не ясно, что болѣе счастливы плодородіемъ и болѣе защищенны природою и безопасны мѣста въ Сибири охотѣе избираются самовольными поселенцами для свободныхъ поселеній и что между ними Алтай, по преимуществу, облюбованное мѣсто? Въ томъ обширномъ клинѣ благодатной земли, который врѣзается между рѣками Биею и Катунью, стремящимися слиться въ Обь, давно уже велась эта опасная игра въ ставки новыхъ деревень по народнымъ образцамъ до-петровскихъ временъ, еще очень живучимъ и хорошо прилаживаемымъ въ Сибири. Для Сибири вопросъ о свободной народной колонизаціи не кончился, хотя, правда, и въ Россіи онъ совершенно убитъ только въ серединѣ нынѣшняго столѣтія. Въ Сибири мы сами видѣли, въ 1861 году, десятокъ малороссовъ, пришедшихъ изъ Киевской губерніи въ нахваленную имъ Сибирь поискать хорошихъ земель, подъ Омскомъ схваченныхъ за бродягъ и въ Омской тюрьмѣ откровенно и простосердечно высказавшихъ намъ то же самое показаніе, какое дали они и по начальству. А сколько сибирскія экспедиціи о ссыльныхъ записали подъ именемъ поселенцевъ,—также къ недавнімъ и нашимъ временамъ,—дворовыхъ людей (преимущественно губерній Московской и Пензенской), бѣжавшихъ отъ господъ, и крѣпостныхъ крестьянъ, пришедшихъ изъ гуто населенныхъ губерній на золотые пріиски, полюбившихъ Сибирь больше родины и пожелавшихъ въ ней остаться. Схваченные за бродягъ, посаженные въ тюрьму и выученные тамъ по дешевому способу показывать себя непомянутыми родства—они достигали цѣли: наказанные при полиціи, они записывались въ званіе поселенцевъ. Нѣкоторые, для вѣщаго удостовѣренія въ показаніяхъ своихъ, дѣливали на лицахъ искус-

ственные шрамы, чтобы походить на поселенца освобожденнаго отъ каторжныхъ работъ. Такихъ же способомъ показанія непомянутыхъ родства остались въ Сибири жены, приходившія повидаться съ мужьями и также запертыя въ остроги. Званіемъ непомянутыхъ прикрываются бродяги и есмляются безъ наказанія, но только сдѣлавшихъ ложное показаніе съкутъ при этомъ. Требовалось много искусства для того, чтобы званіе это оставить за собою: надо хорошо знать увертки и крючки въ уголовныхъ законахъ и, сверхъ того, запастись духомъ упорства, упрямства, устойчивости и скрытности. Бродяги бывають одарены этими качествами въ высокой степени совершенства: они легко и храбро отказываются на очныхъ ставкахъ (если таковыя дають имъ) отъ родныхъ, родителей, жены и дѣтей. Неопытные пріобрѣтали эти способности въ тюрьмахъ. Сдѣлавшись арестантомъ, непомянутой бродяга стоитъ внѣ опасности въ томъ смыслѣ, что его уже никто ни наказывать, ни допрашивать въ тюрьмѣ не имѣетъ права, кромя его непосредственнаго начальства, яковы на этотъ разъ судебныя власти. Грубости и дерзости онъ, кромя этихъ лицъ, можетъ говорить всѣмъ: оттого-то многіе изъ бродягъ пользуются этимъ правомъ охотно и отводить на томъ свою грѣховную душу. Вольное множество бѣглыхъ дворовыхъ людей въ поселенцахъ служило также одною изъ причинъ, задерживавшихъ въ Сибири развитіе земледѣлія и ремесла: бывшая дворянъ гнушалась сохи и соглавна скорѣе идти въ ямщики, ходить въ лѣсъ на козуль и сохатыхъ. Нѣкоторымъ ямщикамъ очастливилось: за Байкаломъ были такіе, у которыхъ водилось троекъ до 15-ти.

Внутри Алтая, близъ китайской границы, на правомъ берегу Катуні, при устьѣ рѣки Аюлу и на верхней Вухтармѣ до сихъ поръ живутъ инородцы, составляющіе Ойманскую управу. Это — ойманцы бѣглопоповщинской секты, русскаго происхожденія; предки ихъ—бѣглые солдаты и заводскіе рабочіе люди. Придя въ Алтай, они бродили съ мѣста на мѣсто, отбивались отъ военныхъ отрядовъ, посланныхъ для поимки, и хотѣли уйти за границу. Но имъ было объявлено въ 1791 году, по ходатайству губернатора, человека великодушнаго, прощеніе императрицы Екатерины Второй и дозволено приписаться въ какое либо податное состояніе. Они избрали инородческое и коренные русскіе люди славянскаго крови поселились здѣсь подъ видомъ и именемъ дикарей-инородцевъ! Люди эти, извѣстные подъ именемъ каменщиковъ, живутъ вблизи рудовознаго тракта между Зыриновскихъ рудниковъ и пристанью Иртыша, на пространствѣ 70 верстъ, не имѣющемъ никакихъ жилыхъ мѣстъ. Въ прошломъ столѣтіи сюда доступъ былъ затруднителенъ и они довольно долгое время могли

поддерживать свое существование охотой и разбои. Вѣсели работѣ съ женами и дѣтьми, но къ нимъ успѣли присоединиться разные молодцы—охотники до чужого добра. Сами заводскіе не были людьми съ мирными наклонностями: тяжести работъ, соединенныхъ съ лишениями, голодовками и частыми и суровыми мѣрами взысканія, успѣли ихъ озабочить такъ, что еще до побѣговъ они дѣлали частые проступки. Заводскія селенія раздѣлили на кварталы, устроили непреходящие дневные и ночные караулы, построили будки и при вѣздахъ въ селенія разставили рогатки; предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и оставить тѣми же рогатками. Разные „злумышленные развратники“ продолжали склонять заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ. Устройства и безопасности въ селеніяхъ не было. Начальство, черезъ сторожей стариковъ, сидѣвшихъ у воротъ, стало знать о всякомъ новопривѣзшемъ въ селеніе, но о приходящихъ соблазнительяхъ все-таки не получало точныхъ и желаемыхъ знаній. Религіозная пропаганда, съ соблазнами на вольную жизнь въ темныхъ лѣсахъ и въ безопасныхъ горахъ, приготовила вполнѣ независимыя селенія, родъ маленькихъ республикъ. Екатерина, прощая ихъ, принуждена была освободить ихъ сначала отъ всѣхъ налоговъ и только, какъ съ инородцевъ, указала брать небольшой ясакъ шкурами пушныхъ звѣрей. Такая первоначальная осторожность позволила впоследствии обложить ихъ податями наравнѣ съ прочими крестьянами. Къ селеніямъ „каменщиковъ“ мало по малу добровольно присоединялись другіе крестьяне и выселились изъ своихъ деревень правительствомъ тѣ, которыхъ оно считало благонамеренными и способными благотворно вліять на независимый духъ коренныхъ поселенцевъ рѣки Катуня и сосѣднихъ дикихъ мѣстъ, бесплодностью и безлѣсіемъ живо напоминающихъ степь.

Раскольники сибирскіе унесли съ собою русскій обычай „брести врозь“, чтобы сбиваться въ подворница, отдѣльныя поселенія на новыхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ церквей. Для этого Алтай и Чернь представляются имъ самыми удобными. Въ Байскомъ округѣ то и дѣло заводятся новые выселки и созываются новые вольные люди „копяти свободы, рыбу ловати и пахоты заводяти“. „Сюда привлекаютъ ихъ (пишетъ одинъ сибирскій священникъ), какъ выгоды нашего мѣста и сосѣдство съ кочевыми инородцами, такъ и пустынная дикая мѣстность, представляющая удобства къ своевольной жизни“. Селятся пришельцы между аулами дикихъ инородцевъ, но, заселившись, все-таки соотноятъ причисленными къ другимъ деревнямъ. По лѣвую сторону р. Виѣ уже готовы три селенія, выродившіяся изъ семи селеній раскольничьихъ, на-

ходящихся въ Байскомъ округѣ. Въ одномъ изъ новыхъ селеній (Тайнѣ) было тогда уже 20 дворовъ.

Сибирь представляетъ два сильныхъ контраста именно въ томъ отношеніи, насколько разнится свободное поселеніе отъ принужденнаго, руководимое наемными и неопытными руками казенныхъ людей, отъ поселенія, организованнаго самими поселенцами внѣ всякихъ стороннихъ вѣдѣтельствъ и независимо отъ теоретическихъ кабинетныхъ соображеній. Въ 1827 г. утвержденъ былъ проэктъ поселенія 5.975 сосыльныхъ въ Енисейской губерніи, имѣній цѣлью, черезъ усредоточенный надзоръ и занятіе ихъ въ лѣсбопашествѣ, удержать преступниковъ отъ праздности и побѣговъ. Въ пособіе отъ казны назначено было 479.927 руб., сумма, имѣвшая двѣ цѣли: первое—обзаведеніе и продовольствіе съ засѣвомъ; 269.091 руб. истратчены были на покупку хозяйственныхъ и земледѣльческихъ орудій, лошадей, коровъ и овецъ,—сумма, не подлежащая возврату. 210.835 руб. назначены были на пособіе сосыльнымъ для двухгодичнаго продовольствія и закупа скотины и подлежала возврату. Въ мартѣ 1829 г. назначены по близости усадебъ лѣса, указаны сборные пункты для своа провіанта, опредѣлены лица для надзора, отчислено количество сосыльныхъ, нужное для водворенія (за исключеніемъ обзаведшихся хозяйствомъ или принятыхъ старостами). Вся масса отобранныхъ новыхъ хозяевъ разбита была на отдѣленія для каждой деревни. Деревни были уже готовы: большая часть на большой дорогѣ, меньшая въ сторонѣ; двумъ поселеніямъ на р. Улуй въ Ачинскомъ округѣ, 6-ти въ Минусинскомъ, 10-ти въ Казанскомъ (на р. Вирюсѣ) по р. Кану, Оѣ, Рибинской (на ключѣ Медвѣденскомъ). Всѣ 22 импровизированныя деревни надѣлены 15-ти-десятинною пропорціею лучшихъ земель. На каждомъ дворѣ назначено помѣщеніе четырехъ поселенцамъ; трое опредѣлены были въ работники, четвертому выговорилось прозваніе кашевара и предназначалась обязанность хозяина. Товарищи его должны работать, кашеваръ заготовлять для нихъ все нужное. Арачьевскіе планы осуществлялись въ Сибиріи: военныя поселенія воскресали въ новыхъ средствахъ приспособленія въ отдаленныхъ странахъ Сибиріи. „Въ мартѣ 1829 года,—говоритъ свидѣтель этого дѣла енисейскій губернаторъ А. П. Степановъ (въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Енисейская губернія“):—всѣмъ отдѣленіямъ сосыльныхъ сообщено движеніе къ мѣстамъ, для ихъ деревень опредѣленнымъ. Каждый сосыльный получилъ топоръ—и лѣса пали подъ руками работниковъ поселеній или будущихъ хозяевъ домовъ. Отъ сего времени каждое поселеніе должно было черезъ два года кончиться и черезъ четыре наполниться“. Въ

1833 году А. П. Степановъ писалъ слѣдующее: „Я видѣлъ уже на большой дорогѣ прекрасныхъ пять селеній оконченными и не могъ ими налюбоваться. Я видѣлъ семь, достигающихъ своего конца; я видѣлъ четыре, которыя, какъ чертежи, лежали на зеленѣющихъ долинахъ по берегамъ Кана“.

Въ 1835 году видѣлъ эти селенія начавшими свою жизнь генералъ-губернаторъ С. В. Броневскій и писалъ нижеслѣдующее: „Жители разбѣжались за неимѣніемъ силы расчищать лѣсъ подъ пашни. Много домовъ въ жалкомъ запустѣніи отъ водворенія малосильныхъ семействъ, а снаружки дома, крытые досками или драпками съ бревенчатыми или досчатыми заборами. Избы обширныя въ 5 оконъ на улицу на четыре семьи, раздѣленные коридоромъ съ обширнымъ дворомъ; съ амбарами и сараями съ навѣсами, но впущены холостяки; содержаніе одной чистоты въ такихъ обширныхъ заведеніяхъ и ремонтное поврежденій въ окнахъ, печахъ и проч. не подъ силу бѣднакамъ, ничего не имѣющимъ, обезохочиваетъ къ прочному водворенію въ слишкомъ затѣйныхъ для нихъ жилищахъ и постояльцы бѣгутъ, замѣняясь новыми таковыми же, почему трудно ожидать чего нибудь безъ новыхъ пожертвованій. Я посѣщалъ многіе изъ этихъ домовъ, находя тамъ невыразимую скудость въ первѣйшихъ потребностяхъ жизни. Странно было видѣть въ домѣ одну женщину и четырехъ мужчинъ. При вопросѣ: котораго она жена?—указывала на одного изъ четырехъ, добавляя, что они, однако же, не вѣнчаны, а только, по своему желанію, обречены одинъ другому начальствомъ, ибо слыльныхъ прежде двухъ лѣтъ нахожденія въ Сибири, по закону, вѣнчать нельзя. Меня крайне удивилъ такой предварительный союзъ!“ Не удивительно то, что большая часть такихъ поселенцевъ бросила новые дома и разбѣжалась по старымъ лѣсамъ.

За Байкаломъ „семейскіе“ старообръ съ охотою рассказываютъ всѣмъ такое преданіе, за вѣщанное отцами, о временахъ и способахъ ихъ водворенія послѣ Вѣтки и Стародубскихъ слободъ. „Казна дѣдамъ нашимъ не помогала. Привелъ ихъ на мѣсто (на р. Иро) чиновникъ *). Стали его спрашивать: гдѣ жить?—указалъ въ горахъ (дѣйствительно, всѣ три волости, словно провалились сквозь землю: крутомъ высокія лѣсистыя горы). Стали пытаться: чѣмъ жить? Чиновникъ сказалъ: а вотъ станете лѣсъ рубить, полетятъ щепки, щепы эти и ѣшьте! Поблагодарили его, стали лѣсъ рубить. На другой годъ исподволь другъ около друга начинали кое-чѣмъ заимоваться, запасаться нужнымъ. На восемь дворовъ одна лошадь приводилась. Поселились. Земля оказалась благодатной. Ожили и повеселѣли. Приѣхалъ знакомый чиновникъ и руками

*) По Иркутскому лѣтописцу, подполковникъ Иванъ Ивановъ.

развелъ: „Вы-де еще не подошли? Жаль, очень жаль, а васъ — чу! затѣмъ и послали, чтобы вы всѣ перекопали“. О подробностяхъ переселенія рассказываютъ слѣдующее: народъ собирали въ Калугѣ, гдѣ на берегу Оки за городомъ стояли нарочно-выстроенные амбары (барраки). Въ баракахъ этихъ много перемерло народу. По Окѣ въ Волгу везли на судахъ до Казани. Въ Казани много взяли въ рекруты: цѣлый полкъ потомъ былъ сформированъ изъ семейскихъ въ Тобольскѣ. За Байкалъ приплы уже малыми частями. Первая партія шла на Чикой въ 1755 г.; вторая, вышедшая съ марта 1756, пришла на Иро въ 1758 и оттуда, за негодностью мѣста, на Вичуру въ 1780 г. Третья ушла за хребты, гдѣ теперь двѣ волости: Тарабогатай и Мухоръ-Шибирь. На Иро прошло только 26 семей: Пересычины (6 душъ), Разуваевы (3), Афанасьевы (6), Савичевы (3), Просвириновы (2), Терехановы (4), Петровы (4), Павловы (2), Нестеровы (4), Куприяновы (3), Ивановы (4), Пантелѣевы (1), Гавриловъ (1), Юдинъ (1), Олейниковъ (1), Авдѣевы (2), Турковы (2), Ткачовыхъ (2), Гладкихъ (2), Вѣлыхъ (2), Головановыхъ (2), Кочневъ (1), Родионовъ (1), Утенковыхъ (4), Холмоновыхъ (2), Алексѣевыхъ (4)—всего 70 душъ. Теперь изъ 70 душъ стало 1.600, отъ которыхъ слышится уже жалобы на тѣсноту житья въ одномъ селеніи, хотя Вичура протянулась на 4 версты въ длину (старожилы, т. е. первые пришедшіе, живутъ на горѣ).

Въ 1830 году декабристы, шедшіе изъ Читы въ Петровскій заводъ, получили такіа впечатлѣнія: „Помѣщали насъ въ крестьянскія избы. Избы имѣли по нѣскольку комнатъ съ обоями, большими окнами и досчатыми крышами. Съ одной стороны сѣней была просторная комната для работниковъ съ могущественной русской печкой, по другую сторону отъ 2 до 5 комнатъ съ голландскими печами; полы были устланы коврами туземнаго издѣлія. Столы и стулья были чисто выструганы и даже не было недостатка въ зеркалахъ, купленныхъ на Ирбитской ярмаркѣ. Хозяйки гостепріимно угощали насъ вѣчиной, осетриной и разными пирогами. На дворахъ мы видѣли окованные желѣзомъ телеги, хорошую сбрую, сильныхъ и сытыхъ лошадей и здоровыхъ осанистыхъ людей, производившихъ на насъ удивительно хорошее впечатлѣніе. Было воскресенье: всѣ шли въ моленную, мужчины въ длинныхъ армякахъ синяго сукна и въ хорошихъ собольихъ шапкахъ, женщины въ шелковыхъ съ собольимъ воротникомъ душегрѣйкахъ, на головахъ шелковые платки, вышитые золотомъ и серебромъ. Многіе изъ нихъ капиталисты; у нѣкоторыхъ — тысячъ до ста“. Съ 1857 года, въ теченіи девяти лѣтъ, семейскіе неустанно, безпрерывно и безъ особыхъ утѣбъ для себя, своимъ лѣбкомъ кормили Амуръ.

и не только отдавали зерно или муку даромъ, но приплачивали еще 10—20 коп. на пудъ за доставку хлѣба до Читы вольнымъ возчикамъ (казна давала за пудъ 60 коп., доставка изъ Тарабогатая, напр., стояла 70—80 коп.).

— Отчего ваши сосѣди такъ бѣдны?—спрашивалъ одинъ изъ декабристовъ.

— Какъ же имъ не быть бѣдными,—отвѣчалъ нашъ хозяинъ:—мы идемъ на работу въ поле съ пѣтухами, а сибирякъ варитъ себѣ кирпичный чай и пока соберется на работу, солнце уже успѣетъ высоко подняться. Мы уже первую работу сдѣлаемъ и отдыхаемъ, а сибирякъ въ самую жару мучитъ и лошадей и себя. Кроме того, поселенцы предаются пьянству, они тратятъ каждую копейку и не могутъ скопить капитала.

Въ нашей дорожной книжкѣ по горячимъ словамъ записались слѣдующія строки (16 янв. 1861 года): „Сибирскимъ народомъ недовольны, какъ бичурскіе семейскіе, такъ и мухоръ-шибирскіе. Встанетъ сибирякъ — чай пьетъ, въ поле идетъ — глядишь, опять домой тащется ѣсть; къ вечеру опять дома чай пьетъ. Хозяйство для нихъ второе дѣло. Опять же у насъ молодежь до 20-ти лѣтъ водки не смѣетъ пить, а у тѣхъ ему и въ этомъ воля. Казаки же народъ совсѣмъ глупый и не домовитый, ни въ чемъ они на насъ не похожи“.

Декабристы видѣли старика 110 лѣтъ, поминившаго первыя времена поселенія, когда стремились не къ водворенію ихъ, а имѣли въ виду наказаніе. Старикъ жилъ въ домѣ четвертаго младшаго сына, которому было 70 лѣтъ. Хотя самъ дѣдъ и не работалъ, но, по привычкѣ, постоянно носилъ топоръ за поясомъ. Рано поутру онъ будилъ своихъ сыновей и вичуать на работу. Каждый изъ сыновей имѣлъ по отдѣльной избѣ со дворомъ и амбаромъ и по отдѣльной водной мельницѣ. „Зачѣмъ тебѣ, дѣдушка, такъ много мельницъ?“—спросили его. Отвѣчалъ: „Видите, какія у насъ поля!“ и указалъ на окрестныя горы, повсюду расѣянные. По богатству и довольству этихъ крестьянъ намъ казалось, что передъ нами русскіе въ Америкѣ, а не въ Сибири. Въ этой области Сибирь никакъ не хуже Америки. Тѣ же старообрядцы, живущіе на основахъ общиннаго труда (прибавимъ мы отъ себя), счастливы результатами обезпеченной и сытой жизни именно потому, что во многомъ сходятся съ заатлантическими сектаторами: квакерами, мормонами и друг. Семейскіе имѣютъ собственное общественное управленіе, при помощи котораго поставили себя, до известной степени, въ независимое положеніе. Они поняли секретъ обходиться съ чиновниками, готовые всегда къ платежу податей и способные платить даже сверхкомплектные въ видѣ поставокъ хлѣба на полуголодный и ненасытный Амуръ. Когда Амуръ легъ на семейскихъ неожиданною тяжестью, долговременные урожаи облегчили

возможность борьбы съ невзгодой; общинная справедливая раскладка по семействамъ довершила удачу борьбы и доставила имъ полную побѣду, не смотря на то, что на хозяевъ средней руки приводилось ежегоднаго взноса до 40 пудовъ (на богатыхъ больше, на бѣдныхъ меньше). Бѣднымъ, сверхъ того, предоставлено было право воспользоваться платою за доставку въ Читу на сплавныя лодки и баржи. Богачами сгустились сѣлались тарабогатайскіе, бичурскіе и мухоръ-шибирскіе старообрядцы отъ торговли съ китайцами, отъ казенныхъ подрядовъ и доставокъ, въ силу той находчивости и изворотливости великорусскаго человѣка, которая въ равной степени и неизмѣнно сохранена, какъ этими выселенцами изъ Бѣлоруссіи въ концѣ прошлаго вѣка, такъ и живущими тамъ же въ наши дни. Таковыми же живыми, трудолюбивыми и предприимчивыми людьми старообрядцы являются и за Байкаломъ между ненаходчивыми сибиряками, какими представляются ихъ единомышленники и родичи между забытыми и полудикими бѣлоруссами гомельскіе, вѣтковскіе и стародубскіе старообрядцы*).

Въ томскомъ острогѣ мы видѣли арестанта, весьма почтеннаго, начитаннаго и солиднаго старика, очень богатаго раскольника—томскаго мѣщанина, который судился за образованіе селенія изъ бѣглыхъ въ Томскомъ округѣ на собственныя счеты и за совращеніе этихъ бѣглыхъ въ старую вѣру. Сходцы завели было отличное хозяйство, жили, не навлекая на себя преслѣдованій преступленіями и никого не обижая. Засѣдатель зналъ, брать поклонное и покорное—и не трогалъ. Кто-то сдѣлалъ доносъ: вольныхъ людей схватили, рассажали по тюрьмамъ, завели судъ и дѣло. А селеніе было совсѣмъ готово: большое-пребольшое въ привольномъ и дикомъ мѣстѣ, и лѣсъ—глушь, по требованіямъ людей древняго благочестія и староотеческихъ преданій. Стремленія смыслыхъ старообрядцевъ къ организаціи отдѣльныхъ хозяйствъ въ видѣ скитовъ восходятъ до первыхъ временъ ихъ ссылки. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ сосланные въ Якутскій край устроивали скиты даже на рѣчныхъ островахъ. Но суровость климата и невозможность доставать жизненные припасы послужили причиною скорого исчезновенія этихъ

*) Замѣчательно, что, превращаясь въ сибиряковъ, семейскіе постарались забыть, между прочимъ, великорусскія пѣсни. При всѣхъ нашихъ стараніяхъ мы не могли записать у нихъ ни одной былины, на каковыя рассчитывали. Намъ говорили въ оправданіе: «Старики напѣвали еще кое-какія старины и былины, разговаривая о роднѣ: намъ не завѣщали никакихъ». Изъ нашихъ молодыхъ ихъ и не слыхивали. Поемъ только тѣ стихи, которые записаны въ цвѣтникахъ». Устояла пѣсня свадебная обрядовая, ибо-де обряды завѣщали блюсти крѣпко. Класа нищихъ не выработалось среди достатковъ и при общинной взаимной помощи, а потому бродячнхъ пѣвцовъ нѣтъ и въ поминѣ, а съ ними и пѣсень.

колоній. Скитъ, образовавшійся около Анадырска и уже значительно увеличившійся, уничтожили сидятіе коряки, напавъ на скитъ и истребавъ всѣхъ жителей.

Къ числу очень распространенныхъ сибирскихъ народныхъ преданій принадлежатъ повсюдныя рассказы о томъ, что тамъ заблудившійся звѣровщикъ, слышавъ звонъ колокола и соблазнившись имъ, нашелъ нѣкому невѣдомое селеніе. Въ другомъ мѣстѣ такое же обрѣлъ засѣдатель, который, не догадавшись скрыть своего званія, былъ убитъ жителями никому неизвѣстнаго и вполне независимаго селенія. Подобныя рассказы слышали мы и въ Западной и въ Восточной Сибири (за исключеніемъ одного Забайкалья). „Въ Якутскѣ мнѣ передали (говоритъ г. Сельскій въ статьѣ „Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ“), на Колымѣ и Индигиркѣ тамошніе жители до сихъ поръ рассказываютъ о существованіи съиздвна какихъ-то жителей, прежде сосланныхъ, потомъ бѣжавшихъ и поселившихся на неизвѣстныхъ островахъ Ледовитаго моря. Въ давніе годы какой-то промышленникъ около колымскаго устья осматривалъ на островахъ звѣровныя снасти. Тамъ застѣла его пурга и онъ заблудился. Долго блуждалъ онъ по окрестнымъ пустынямъ и, наконецъ, собаки привезли его въ незнакомое селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ домовъ, которые всѣ были срублены въ уголъ. Заблудившарся приняла женщина, но она ничего съ нимъ не говорила. Поздно вечеромъ пришли съ промысловъ мужики и стали разспрашивать прибывшаго къ нимъ: кто онъ, откуда, по какому случаю и затѣмъ заѣхалъ къ нимъ, не слышалъ ли онъ объ нихъ чего прежде и, наконецъ, не подосланъ ли къ имъ? Промышленника этого они содержали подъ присмотромъ шесть недѣль, помѣстивъ его въ отдѣльномъ домѣ и не дозволяя отлучаться ни на шагъ и ни съ кѣмъ не разговаривать. Заключенный во время пребыванія своего тамъ часто слышалъ звонъ колокола и обитатели этого заповѣднаго селенія собирались въ молельню, изъ чего онъ и заключилъ, что это былъ раскольникій скитъ. Наконецъ, жители этого дикаго селенія согласились отпустить промышленника, но взяли съ него при этомъ клятву молчать обо всемъ, имъ видѣнномъ и слышанномъ. Затѣмъ они завязали ему глаза, вывели изъ селенія и проводили очень далеко. При разставаніи подарили ему большое количество бѣлыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ и сиводушекъ“.

Къ такимъ вольнымъ селеніямъ, на выгодныхъ и соблазнительныхъ условіяхъ свободнаго выбора, охотно лѣзутъ и бѣжавшіе съ каторги и оставившіе мѣста поселенія; деньги, подкупъ и волостные писаря тутъ играютъ существенную и главную роль. Лѣтъ десять тому назадъ волостное начальство открыло въ Иркутскомъ округѣ поселенца, жившаго въ селеніи болѣе 20-ти

лѣтъ. Знаяшіе его думали, что онъ приписанъ начальствомъ, а потому и не преслѣдовали, да на бѣду, черезъ двадцать лѣтъ ширнаго его житія, узнали, что въ сосѣднемъ селѣ живетъ другой поселенецъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ, съ одинаковыми именемъ и прозвищемъ (что случается между поселенцами сиюмъ и рядомъ). Этому второму несчастному вдумалось бѣжать. Побѣгъ его открылъ и перваго счастливаго. Стали допрашивать: онъ показалъ фамилію бѣжавшаго и всю его подсудность, а когда слѣдчіи примѣты его съ бѣжавшимъ, не то выпило. Сколько ни бились, настоящей фамиліи своей поселенецъ не показывалъ; такъ и оставили его, благо, что раньше наказанъ былъ за бродяжество. Поблагодѣль ему сельскій писарь, пригнавшійся въ такой шуткѣ: этого поселенца 20 лѣтъ тому назадъ поймали въ Минусѣ (Минусинскѣ), гдѣ онъ сказалъ, что бѣжалъ изъ-подъ Иркутска. Земскій судъ и послалъ его въ волость показать крестьянамъ, тотъ ли-де этотъ; оказалось, что не тотъ. Старшина обратилъ его въ волость съ пакетомъ. Поселенецъ, смѣкнувъ, что дѣло недоброе, бѣжалъ отъ ямщика съ дороги, прихвативъ съ собою и пакетъ. Съ пакетомъ онъ явился въ другомъ селѣ къ писарю; писарь пакетъ изорвалъ, а поселенцу велѣлъ жить тутъ и сосѣдямъ такъ рассказавъ, что присланъ-де съ пакетомъ. А сколько подобныхъ дѣлъ не насѣженныхъ, а сколько селеній выросшихъ и окрѣпшихъ не по законнымъ предписаніямъ и обычнымъ программамъ!..

На сколько смыльные готовы сами вести осѣдлую жизнь, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, слѣдующій недавній случай. Къ осени 1862 года по бродяжничъ притонамъ прошегъ глухой слухъ о манифестѣ, въ которомъ будто бы сказано, чтобы всѣхъ бродягъ каторжныхъ приписывать на поселеніе, если только они добровольно явятся къ начальству. Слухъ этотъ расшевелилъ и поднялъ бродягъ, многіе изъ нихъ и въ разныхъ мѣстахъ объявились и, конечно, попали въ хлопотку, т. е. получили плети и опять каторгу. Особенно много, говорятъ, явилось такихъ охотниковъ по Томской губерніи.

Идя слѣдомъ за поселенцами по всѣмъ нѣмъ мытарствамъ, мы приходимъ, наконецъ, къ той важной отрасли государственнаго хозяйства, которая доставила столько денегъ Россіи и причинила столько горя и бѣды Сибири. Мы говоримъ о золотыхъ промыслахъ, которые нѣкогда разрабатывались исключительно русскими сильно-поселенцевъ. Мѣщане изъ амбцій, а крестьяне отъ домоусѣдливости на эти работы не ходили *).

*) Въ 1840 году, изъ всего наличнаго числа смыльныхъ 134.630 человекъ (64.340 въ Западной и 70.290 въ Восточной Сибири), работало на золотыхъ промыслахъ одиннадцать тысячъ, т. е. почти двѣнадцатая часть всего наличнаго смыльнаго населенія Сибири.

Старые времена миновали. Золотопромышленность копчила свою безобразную историю и начала, по новым образцам, другую, но следы старого еще не совсем остыли и от прошлого еще кое-что осталось на беду поселенцев. Нить теперь той сильной борьбы между партиями золотоискателей, которая некогда принимала и грозную, и беззастенчивую, а временами и до нечеловечески смелую форму. Давно не улизгают дорогу гостям от города до заняти шампанскими сами хозяева, не бьют их доверенные по улицам на бабах из враждебного промышленного лагеря. Пригнали хозяева, присмирели рабочие. Не ходят последние по улицам города в парчевых куртках и парчевых шароварах, не ступают по грязи на кредитные бумажки, подбрасываемые под сапоги, испробовавшие тальковой грязи на разрывах, чтобы, при переходе через улицу из кабака, не загрязниться. Кончилось поголовное безобразие, ужасавшее своими капризными и неожиданными формами. Кончилось, однако, не все.

Меурожан и развитие золотопромышленности, поднимая цены на жизненные припасы, обращают на этот промысел и мещан, и крестьян и даже пришельцев из России *). Осталось еще вербовка рабочих, перебой, необходимость выдачи задатков, тяжелая, на первобытные приемы основанная работа; осталось, словом, то, от чего и прежде поселенцу бывало скверно и теперь не сделалось лучше. От дурной неэкономической разработки россыпей золотой промысел унывает; открытый новых стало меньше из-за невозможности отыскать богатые. Самая охота к новизне оттого заметно ослабла, прежние же прииски постепенно вырабатываются. Содержание золотоносных нескончимо уменьшается и добыча по частным промыслам Сибири, особенно Западной, ощутительно упала. На поселенцев надвигается гроза и с этой стороны. Къ тому же, надо сказать правду, безусловный наем поселенцев въ работы на золотые прииски мало приносит имъ пользы.

До работъ ожидалъ поселенца наемъ съ задаткомъ. Задатокъ (рублей въ 40, 50, 60 вмѣсто дозволеннаго закономъ не свыше 7 руб. 50 коп.) находилъ его послѣ долгаго поста и бездѣлья, а на глазахъ торчатъ кабаки со всякимъ соблазномъ и господствуетъ старый приемъ вербовщиковъ нанимать рабочихъ съ подтасовкою пьяными, умигченными и сговорчивыми. А тамъ дѣло извѣстное: ободолить, обмануть, подстунуть гнилой товаръ — московскую

залежь; цѣною повыше, добротой хуже всякой возможности; придумать вычесть изъ заработка помудренѣе и позапутаннѣе, подвернуть условіе, на которое трезвый человѣкъ не ходитъ, но голодный и пьяный идетъ. Тутъ является и обязательство, вопреки законному смыслу всяческихъ контрактовъ, считать рабочіе дни не со дня сдѣлки, а по приходѣ на приискъ. Тутъ и обязательство обѣ одеждѣ нѣтъ, и орудія записаны въ расчетной, какихъ не дано, и самая работа не приведена въ условную ясность — словомъ, цѣлая цѣпь стѣсненій всякаго рода. По этой причинѣ рабочій, обремененный иногда идти мѣсяца полтора и два до прииска, даромъ тратитъ время и идетъ рваный и голодный, питается милостынею, а при случаѣ и воровствомъ. На приискѣ, сверхъ обязательной, рабочій получаетъ работу всякую, какая придетъ въ голову доверителю и приказчикамъ. Жаловаться некому, жаловался тотъ, кто не знаетъ, въ какихъ отношеніяхъ стояли засѣдатели къ довереннымъ.

Извѣстно, что сами золотопромышленники рѣдко въ Сибири живутъ, дѣйствуютъ откупщики по старымъ образцамъ и наукамъ: выводятъ много хозяйскихъ денегъ на карты, на пиры, на вечера, на смазку сложныхъ колесъ золотопромышленной машины, чтобы она не скрипѣла. Траты большія — надо ихъ возмѣстить. Другой крѣпко зарвется, а выходу нѣтъ; но отчеты и у нихъ спрашиваютъ. Тутъ и волостной писарь не малая подмога, чтобы показать хозяину выдату задатковъ большому числу людей, чѣмъ сколько принято на самомъ дѣлѣ. Писарь бумажу такую и казенною печатью припечатать можетъ, а хозяину одинъ отвѣтъ: взяли рабочіе задатки, на приискъ не пришли, извѣстное дѣло, поселщики, варнаки. Кто заглядывалъ въ сибирскіе остроги, тотъ знаетъ, что много рабочаго схватили съ домашней печи и по этапамъ высылали на приискъ для отработки стараго долга; что другіе бѣжали съ самихъ работъ, на дорогѣ пойманы, скрытаны въ тюрьму, потому что подлежатъ отправкѣ назадъ на счетъ нанимателя, да ждутъ отъ него присылки казачьяго конвоя для путешествія по таежнымъ дорогамъ. Последніе существуютъ только по имени, но не въ самомъ дѣлѣ, хотя на нихъ истрачено столько, что можно бы имѣть теперь уже желѣзную дорогу.

На самихъ работахъ, т. е. на приискахъ, поселенцы-рабочіе живутъ въ дрянныхъ избушкахъ, помогающихъ развитію цынги. Здѣсь они уже кабальные въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Плети же утратили своего внушительнаго значенія и, вообще, тѣлесное наказаніе всегда наготовѣ. Напускать страхъ, вымогая исполненіе всякихъ требованій, считалось тамъ педагогическимъ приемомъ. Сверхъ того, на приискахъ для рабочихъ большіе уроки, которыхъ они никогда не вырабатываютъ по невозмож-

*) Нижегородскіе рабочіе, да и всѣ русскіе приходятъ артелями (что и законъ требуетъ). Но артельныя правила съ силою общаго голоса за каждаго члена и собственной расправы нѣкоторымъ довереннымъ не нравятся; ихъ стараются стѣснять и ослабить. Между тѣмъ, артели работаютъ охотно и требуютъ только хорошей пищи и побольше.

ности, а задаются на авось; вѣдь и расходъ по принску не маленький: рабочій проситъ рукавицы, чирки, табакъ курить, къ кирпичному чаю привыкъ, да къ тому же и задатокъ взаглъ большой. Надо наверстать и то и другое и себя не обидѣть. И вотъ, въ праздничные и торжественные дни вводятся такъ называемыя старательскія работы, которыя, вѣстѣ съ усиленными уроками, крайне истощаютъ силы поселенцевъ. Между тѣмъ, „старанія“ съ платежѣмъ съ золотника золота, самая справедливая форма вознагражденія, теперь вывелись и „старанія“ теперь ни что иное, какъ спекуляція на отдыхѣ, на истребленіе праздничныхъ дней у рабочихъ. Урокъ становится не подѣ силу, и благо еще, что хозяевъ обязываютъ лекарами и лазаретами, хотя и туда иногда не принимаютъ. Вмѣсто лекарства — казачья команда съ известными военными медикаментами, потому что болѣзнь можно иногда по ошибкѣ принять и за лѣнь *). Впереди рабочему предстоитъ дней сто кипѣть какъ въ котлѣ; урокъ не подѣ силу, а между тѣмъ магазинный долгъ нарастаетъ. Что дѣлать? Уступчивые и смиренные машутъ рукою и въ работѣ валяютъ черезъ пень въ колоду; рѣшительные и бывалые бѣгутъ съ промысловъ, бѣгутъ въ такомъ множествѣ, что хозяева сильно на это жалуются и просятъ въ свою пользу кое-какихъ уступокъ и новыхъ привилегій.

Въ самомъ дѣлѣ, лѣтомъ каждый рабочій дорогъ. Другой наймется и придетъ на принскъ, поработаетъ немного, заберется въ магазинъ, да и объявитъ, что онъ неспособенъ. Станетъ докторъ свидѣтельствовать: либо грыжу найдетъ, либо рука вывихнута, либо другая хворь, закономъ предусмотрѣнная. Съ горяча нанимають и совсѣмъ старыхъ людей, въ расчетѣ на ихъ совѣсть, авось поработаютъ и не скажутся. Надо такихъ расчитать, долгъ ихъ, разумѣется, смарать со счетовъ. Такимъ образомъ, большіе задатки, на перебой совѣстниковъ, и хозяину невыгодны и рабочему идуть на баловство и порчу. Одно хорошо — кормить не душно, но на южной системѣ лучше, чѣмъ на сѣверной.

Порчи для рабочихъ не мало и въ пригѣрахъ приказчиковъ; воровство золота — укоренившійся обычай. Для этого въ окрестности промысловыхъ „резиденцій“ и евреи наѣзжаютъ изъ достославныхъ городовъ Каинска, Томска, Красноярска, Баргузина и другихъ. Немного правды и въ расчетахъ: либо за добровольное стараніе выдаютъ тѣмъ, которые не старались, либо старавшихся обсчитываютъ. За выданныя вещи всегда берется двойная цѣна. Противъ воровства самородковъ, съ давнихъ временъ, употребляется система взаимнаго шпионства. Нѣкоторые хозяева нечестными расчетами воз-

буждаютъ противъ себя всѣхъ рабочихъ до того, что никто къ нимъ не идетъ: надо употребить хитрость, пробивать нечистыя тропы, а для такого дѣла опять употребляютъ тѣхъ же поселенцевъ половотѣ и помыслинѣе. Теперь уже не рѣдкость такіе случаи, что, послѣ восьмимѣсячнаго тяжелого труда, рабочіе выходятъ съ промысловъ только съ долгомъ. Нѣкоторые ходятъ въ отшельнѣхъ, чтобы выгнать на одеждѣ. Тутъ, если не поворуешь, не поплутуешь по образцу приказчиковъ, то и не проживешь. Теперь уже рабочіе ѣдутъ домой съ промысловъ (послѣ 12 сентября, когда кончается расчетъ, производимый съ 8 числа) человекъ по двѣнадцати на одной тройкѣ и въ кабакахъ не скупаютъ цѣлой полки полуштофовъ и шкаликовъ для того, чтобы разбить ихъ въ дребезги со всѣмъ содержимымъ. Выходъ рабочихъ все еще, однако, нажива кабакахъ и мелкими торговцамъ.

Вообще, современное устройство промысловъ и обстановка ихъ дѣла не производятъ такой громады вреднаго вліянія на поселенцевъ, какъ это было нѣкогда, въ тѣ времена, когда промысловая работа считалась безчестною и позорною. Но многое еще продолжается развращать нравы и вредить краю. Во многомъ золотые промыслы послужили тому несчастному явленію, что ссыльные не имѣютъ прочнаго домашнего хозяйства и вѣрному труду предпочитаютъ легкую наживу, являющуюся и до сихъ поръ съ наружнымъ обманомъ и соблазномъ въ началѣ и горькимъ разочарованіемъ въ концѣ. И теперь, по окончаніи работъ, обсчитанные и задолжавшіе, праздно скитаются они въ ближайшихъ къ промысламъ селеніяхъ, въ надеждѣ на то призрачно-счастливое время, когда вновь получить новый задатокъ и вновь обманутся. Золотые прински, въ этомъ смыслѣ, не мало виноваты въ томъ, что поселенцы забываютъ о домѣ, еще больше укрѣпляются въ бродячей жизни, тянутся къ мѣстамъ вербовокъ и держатся около нихъ всегда наготовѣ: голодные и оборванные, а потому и дешевые, избаловавшіеся на бездѣльѣ и плутаятъ всякаго рода, а потому и не годные для всякаго дѣла. Если и худъ поселенецъ въ дѣлахъ золотыхъ промысловъ, то на этотъ разъ по словицѣ: „сама себя раба бьетъ, коль нечисто жнеть“. Какія были ремесла — золотопромышленность почти совсѣмъ убила; земледѣіе и скотоводство уменьшилось; „народъ развратился и пошелъ въ кабаки“, говорятъ многіе изъ тѣхъ, кто любитъ говорить правду. Въ Сибири тайга съужѣла изъ лучшихъ людей, изъ образованнаго и болѣе устойчиваго класса создать тотъ несимпатичный типъ, который извѣстенъ тамъ подѣ именемъ „таежнаго волка“. Золотая лихорадка успѣвала искалчить ихъ до того, что весь міръ переставалъ для нихъ существо-

*) Поселенцевъ, сдѣлавшихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ преступленіе, вѣрно было судить военнымъ судомъ.

вать, золото дѣлалось у нихъ богомъ и отыскать новый пріискъ было задачею всей жизни. Таежный волкъ ни минуты не задумывался завладѣть чужимъ пріискомъ. Пустить по-міру благодѣтеля у такихъ людей за грѣхъ не считалось. Сибирскіе суды были переполнены тяжбыми дѣлами по такимъ вопіющей несправедливости захватамъ. Штука дѣлалась просто. Довѣренныя, дѣйствующіе на деньги капиталистовъ и сами имѣющіе право на разысканіе золота, найдя пріискъ, завлажали его на свое имя. Они брали хозяйское жакovanje, но, въ то же время, захватъ считали собственностью и творили зло въ расчетѣ на то, что законъ преслѣдовать ихъ не въ силахъ. Презрѣнный металл отнялъ совѣсть у многихъ людей не дюжинныхъ, подававшихъ большія надежды. Что мудренаго, если подъ вліяніемъ его уродуется менѣе стойкая натура рабочихъ изъ простого люда, и тѣмъ болѣе поселенцевъ. Самъ себя рабочій прозвалъ „окаяннымъ таежникомъ“ и уже мало обижался, получая въ глаза это бранное прозвище отъ другихъ.

На пріискѣ рабочій смиренъ, переносливъ въ трудѣ, терпѣливъ до нелзя вездѣ, гдѣ труду его умѣютъ дать надлежащее направленіе. Не тотъ рабочій въ деревнѣ послѣ расчета, когда онъ прогуливаетъ все, что такъ тяжело ему досталось. Двѣ недѣли онъ совсѣмъ другой человекъ и находится въ какомъ-то бѣшенствѣ, какъ будто бѣлая горячка постигла его. Онъ, съ твердымъ намѣреніемъ и убѣжденіемъ въ законности своихъ поступковъ, старается истребить все, что есть у него, и какъ будто на-мѣренно заботится о томъ, чтобы наломать и изуродовать свою крѣпкую природу. Если это ему не удастся, онъ опять отправляется въ тайгу „быгать“, какъ говорятъ они сами. Въ первой же деревнѣ по дорогѣ онъ снова такой же безотвѣтный труженикъ-горемыка, какимъ былъ до расчета. Въ январѣ и февралѣ опять время наемки, опять пьяному даютъ деньги впередъ за „окаанную“ работу въ потѣ лица, въ теченіи пяти мѣсяцевъ, въ золотоносной слякоти и болотахъ. Нѣкоторымъ удается принести рублей 200—300, которые пропиваются либо проигрываются засѣдательскимъ же казакамъ и волостнымъ чинамъ. Существующій порядокъ выдачи билетовъ поселенцамъ требовалъ коренной перемѣны и на этой мысли, не безъ основанія, остановились сибирскія власти.

Между тѣмъ, промышленные богатые люди обижались и такихъ поселенцевъ, каковы, напр., якутскіе, заброшенные въ болѣе негостепріимныя страны Сибири. Живутъ они въ юртахъ или, лучше, въ ямахъ и роютъ ихъ, по возможности, въ сухой землѣ; но и тогда имъ необходимо поддерживать безпрестанный огонь, чтобы просушивать юрту и просушиваться самимъ. Жилища этихъ осѣдлыхъ людей все-

таки похожи на звѣринныя логовища. Устройство немудрое и очень незавидное: на вертикально утвержденныхъ столбахъ (вылообразныхъ кверху) кладется въ распорки или въ эти вилы поперечный брусъ, отъ котораго до боковыхъ положены мелкія бревна. Послѣднія покрыты вѣтками ельника, а сверху его обложены дерномъ. Среди юрты—очагъ изъ тонкихъ жердей конусомъ, выходящимъ изъ ямы, обмазанной глиною внутри и снаружи. Тутъ и телата и ребята. Лѣтомъ юрты берестяныя. Скотъ стоитъ на вѣтру, хлѣбовъ во всей Ленѣ нѣтъ и въ заводѣ.

Въ якутскихъ странахъ, при неблагоприятныхъ условіяхъ сырой мѣстности и гигиеническихъ правилъ, среди поселенцевъ существуетъ особый видъ оригинальной болѣзни, однородной кликушеству тѣсныхъ губерній и нѣкотѣ тундрныхъ сѣверныхъ, обладающей признаками сильнаго нервнаго расстройста. Прокаженные и большею частью испуганные по Ленѣ называются „миряками“ и „мирячками“. Припадки выражаются обезьянинымъ свойствомъ безотчетнаго подражанія тѣмъ дѣйствіямъ и явленіямъ, которыя нечаянно попадаютъ на глаза больному во время болѣзненныхъ кризисовъ. Стоитъ крикнуть несущему въ рукахъ вещь „бросай!“ — онъ немедленно броситъ. Одна мирычка встрѣтила на мосту въ Якутскѣ спутника, поднявшаго щепку и бросившаго ее на ея глазахъ черезъ перила въ рѣку; большая въ мгновеніе ока вскочила на перила, спрыгнула въ воду и утонула. Такіе же шутники, встрѣченные больнымъ, заставляли поднимать подола только тѣмъ, что передъ глазами сбрасывали собственные шапки на землю и тотчасъ же ихъ поднимали; тѣ бросали хрупкія и ломкія вещи при видѣ другого, бросившаго что нибудь, причемъ предварительно вскрикивали, судорожно икали и рыдали. Одна мирычка, видя ящичка, гнѣвшаго надъ угольями руки, не задумалась положить свои на горячіе уголья и навѣрное продержала бы до безвозвратнаго автонова огня, если бы во-время ихъ не сняли. Одинъ поселенецъ бѣжалъ дорогомъ и, видя хворостъ, сложенный кучею, захотѣлъ воспользоваться готовымъ матеріаломъ, чтобы развести огонь. Хворостъ занялся огнемъ, но изъ-подъ него неожиданно вытѣлъ человекъ, спавшій и укрывшійся имъ отъ мороза и снѣга. Поселенецъ испугался; сталъ мирычить; припадки съ годами усилились. Замѣчено, что лишь только завелась правильная доставка по Ленѣ хлѣба и уничтожились кредитъ сосновой коры—миряковъ стало меньше. Водятся они кое-гдѣ и за Байкаломъ и называется тамъ олганджи. Это—тѣ же великорусскіе дурачки, казенники, юродивые (съ монгольскаго—пугливый, бояливый; а мирыкъ съ якутскаго, собственно нмерехъ, нмеряхъ — вздрагивать, бѣсноваться).

Кромѣ естественныхъ причинъ и главной—испуга, болѣзнь появляется отъ жалости, состоящей въ подражаніи больнымъ оленджамъ, а потомъ отъ злоупотребленія половыми удовольствіями и инцестомъ.

Живетъ поселенный народъ такъ бѣдно, что вызываетъ слезы. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ Сибири есть съ кѣмъ слово перекинуть и, пожалуй, у своего же брата-поселенца найти на первый случай и пищу, и пріютъ и состраданіе; живутъ тамъ поселенцы въ селеніяхъ. Въ Якутской области совсѣмъ не то. Тамъ поселенцевъ, въ видахъ развитія хлѣбопашества и распространенія прочнаго хозяйства по обычаямъ осѣдлыхъ людей, селятъ между инородцами. Якуты живутъ разбросанно и больше скотоводы. Противъ ссыльныхъ они предубѣждены еще сильнѣе, чѣмъ сибиряки русскіе. Приходящій сюда ссыльный живетъ, питается кислымъ молокомъ съ тарою (древесною корою) и изрѣдка рыбою; работы себѣ не находитъ и, дойдя до мѣста назначенія, беретъ билетъ, чтобы идти въ городъ на заработокъ или на золотые прииски. Тамъ онъ, если нажилъ плісовыя шаровары, красную рубаху, кумгурскіе сапоги и суконый картузъ—значить, богатъ сталъ. Если перекинулъ черезъ плечо красную шаль и взялъ гармонику—значить веселъ и счастливъ, а если пляшетъ около кабака—стало быть денегъ нѣтъ, всѣ пропалъ. Бѣжить онъ отсюда рѣже, но за то и якутовъ хозяйству не выучилъ и еще больше возстановилъ дикаря противъ себя и противъ будущихъ товарищей, потому что лѣнивъ и ничего дѣлать не хочетъ: двора якутхозяину онъ не почистить, дровъ не нарубить, за скотомъ не присмотрѣть...

Впрочемъ, въ Якутской области есть и богатые поселенцы и изворотливые люди. Это—переселенные изъ Туруханскаго края (съ Енисея на Лену) скопцы, человекъ до 500, поселенные верстахъ въ 15-ти отъ Якутска около Олекмы и по рѣкѣ Ададану. Эти не погибнуть, потому что принесли съ собою деньги и потому что знаютъ секретъ и искусство торговашества. Зато они и бесполезны и ссылка относительно скопцовъ, стремясь къ одной только дѣли наказанія, не достигала никакой. Эти забѣе и драблѣе, слабодушные и хитрые люди—настолько отчаянные фаталисты, что съ твердостью и стойкостью и безъ ропота покорялись своей участи и не сознавали разницы ни между Аландскими островами и Закавказьемъ, ни между Туруханскимъ краемъ и Якутскимъ. Ссылка въ Сибирь для нихъ имѣетъ еще тотъ религіозно-мистическій смыслъ, что Сибирь для нихъ обѣтованная земля, а Иркутскъ—Иерусалимъ, ибо сюда былъ сосланъ ихъ живой богъ, Кондратій Селивановъ. Оттуда, съ Иркутской горы, придетъ онъ, батюшка живой богъ, чтобы соединиться съ своими дѣтками. „Они ждутъ его всяко времячко,

по суду-глаголу небесному, обогрѣтъ сердца ихъ внутренни“. Пришествіе это они вымаливаютъ и выпрашиваютъ на своихъ радѣніяхъ, а между тѣмъ, въ ожиданіи, наколачиваютъ колѣнку въ Туруханскомъ краѣ на Енисей извозомъ, да и на рѣкахъ Охотскаго края (Адаанъ и Маѣ), куда переселяли ихъ съ весны 1860 года, они гроша своего не теряли, но для края ничего не дѣлали. Географическое перемѣщеніе могло только еще болѣе ожесточить ихъ противъ остальныхъ людей. Извѣстно, что они на помощь погибавшимъ въ мателатъ и сибирскихъ пустыняхъ Туруханскаго края никогда не являлись и тѣмъ извѣстны были всѣмъ старожиламъ. Большая часть этихъ скопцовъ были изъ лютеранъ-чухомъ, сосланныхъ изъ Петербургской губерніи. Но въ томъ же Туруханскомъ краѣ, вдоль того же Енисея, двумя селеніями (Мирный и Искунъ) поселены были дубоборцы и жили богато. Эти въ другомъ мѣстѣ могли бы принести большую пользу, какъ это доказываютъ молокоане, поселенные на Амурѣ.

Вообще, ссыльные, судя по природѣ и по благопріобрѣтенному досужеству, кладутъ на картину поселенческаго быта своеобразные и новые оттѣнки. Если въ Якутской области высилаемые въ административномъ порядкѣ лица, исключенныя изъ духовнаго званія, сумѣли сдѣлать изъ Киренска и Якутска города, извѣстные своими кляузными и абедами въ цѣлой Сибири, но все-таки несутъ бѣдственную участь, за то кладутъ на ссылку не менѣе яркія краски, но живутъ, не бѣдствуютъ. Мѣста, гдѣ скупчили татаръ, славянъ конокрадствомъ; гдѣ поселились евреи, тамъ коммерческая съуетня и толкотня. Въ Сибирѣ также думали было превратить евреевъ въ хлѣбопашцевъ, но и здѣсь, какъ и въ западной Россіи, народъ этотъ сумѣлъ разбить всякія надежды и упрямо остался при своихъ качествахъ. Изъ города Каннска евреи успѣли одѣлать такой же городъ, какихъ неслыханное множество во всемъ западномъ краѣ Россіи. Каннскіе сибиряки сираведливо прозвали „жидовскимъ Іерусалимомъ“ (евреи составляютъ $\frac{1}{5}$ части всего городского населенія). Изъ городка, не имѣющаго никакого промышленнаго и торговаго движенія и, какъ всѣ города Сибири, вообще углубленнаго въ себя и мертвенно молчаливаго, евреи сдѣлали крикливый, живой и торговый. На площадкѣ приладилась рынокъ, выросли какъ грибы, лавченки, въ лавченкахъ засѣли еврейки. Евреи, обиваясь въ многообразныя и многочисленныя кучки, машутъ руками; бѣгая по улицамъ, машутъ фалдами длиннополыхъ казінетовыхъ сюртуковъ и пейсами, которые здѣсь, въ Сибирѣ, они-таки отстояли. Словомъ, въ Каннскѣ все, какъ въ любомъ изъ городовъ и мѣстечекъ Вѣлороссіи: удивляешься тому, съ кѣмъ торгуютъ грудями тряпья и всякой рвани еврейки. Евреи же до-

былсь того, что въ Камискѣ теперь одно изъ главныхъ мѣстъ склада всего пушного товара (особенно бѣлчиныхъ хвостовъ), отправляемаго за границу, на Лейпцигскую ярмарку. Потому-то на такой пестрый и уютный городокъ съ 700-ми жителей насчитывается до 70 купцовъ; на десять русскихъ мѣщанъ одинъ еврей наладитъ комиссіонерствомъ и факторствомъ по закупкѣ мѣховъ, а въ вознагражденіе за хлопоты получаетъ всякую разнокалиберную мелочь-галантерею. Съ нею онъ таскается потомъ, въ урочное время, по торжкамъ и ярмаркамъ, по селамъ, городамъ и деревнямъ Западной Сибири. Такъ какъ въ Камискѣ вѣстѣ съ евреями поселены и цыгане, т. е. худшее изъ худшихъ, то полиціи бываетъ довольно работы доходить до правды въ плутовской путаницѣ этихъ народовъ.

Въ Восточной Сибири евреи устриваютъ такой же кшущій оборотливый городокъ въ Варгунинѣ и тамъ еврей не лѣняется и не затѣривается. Придетъ онъ на каторгу ницъ какъ Ювъ, бось, голодець и обормаль; мѣсяца черезъ три-четыре, при своей юркости, втерся въ урочные работники: дровосѣки, рудовозы, взявъ годовой урокъ, нанявъ за себя охотниковъ изъ заводскихъ крестьянъ, кончилъ ихъ руками и своею суетнею зтотъ годовой урокъ въ недѣлю; сдѣлался по закону на весь годъ свободнымъ. Смотря, у жиды уже появились на рукахъ изъ мѣховъ возлюбленный имъ инструментъ — коробочка, на которой онъ и играетъ утѣлыми руками такъ, что коробочка превращается въ коробку, коробка въ лавченку и лавку. Прейный, совсѣмъ истрепанный еврей преобразуется уже въ торговца, утѣючаго убогаторвать мыломъ, табакомъ, желѣзомъ, чаемъ и омулями. Мило варить самъ понемножку, лѣтъ свѣчи, папиросы крутить. На омуляхъ онъ обсчиталъ, желѣзо у него ворованное изъ казны, чай онъ держитъ только контрабандный; онъ и самъ пришегъ сюда „за тайный ввозъ заграничныхъ товаровъ“. Тѣмъ не менѣе, гдѣ зашевелились евреи, тамъ мелочная торговля процвѣтаетъ: еврей дѣлается образцомъ и примѣромъ для неподвижнаго сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. Для Сибири еврей пригоденъ и полезенъ. Въ Сибири для нихъ — широкое поле вѣсто того, на которомъ они живутъ теперь и гдѣ такъ надѣли всѣмъ туземцамъ. Если не мало возни съ ними въ Сибири по поводу участія въ перепродажѣ ищическаго золота и въ продажѣ заграничныхъ европейскихъ контрабандныхъ товаровъ, то, по словицѣ, на то и жука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Евреи спланиваются въ ассоціаціи, чтобы ссылка не могла нарушить единства, и, черезъ живую и непрерывную сѣть изъ ловкихъ евреевъ черезъ города сибирскіе, не обрывалась связь Нерчинска съ Верхоболовомъ, Радзивиловъ

и Лейпцигомъ, и наприпѣръ, камискіе евреи, принадлежащіе къ ассоціаціи „Новаго Іерусалима“, не утрачивали симпатій и связей съ сотоварищами, живущими въ Минскѣ *). Впрочемъ, съ евреямъ въ Сибири, по дѣламъ золотымъ и чайнымъ и по ихъ тайному ввозу и торговлѣ, съ успѣхомъ соперничаютъ туземные казаки и русскіе поселенцы. За то, гдѣ бы ни открылась золотая розсыпь и ни начались работы на ней — еврей-торговцы не медлятъ отправиться туда на границу дозволенной законами дистанціи съ ситками, нисомъ, платками, пуговками и иголками, съ винами и водкою, чтобы съ достоинствомъ и выгодною принять на свое попеченіе „желтую пшеничку“ или краденный золотой песокъ. Если попадаютъ евреи на каторгу, приходятъ туда за убійство, то злодѣи эти бываютъ настоящіе и на каторгѣ остаются непримиримыми.

Относительно перевоспитанія еврея въ сибиряка замѣчено, что торговая изворотливость, давая возможность пріобрѣтенія небольшимъ капиталовъ и обезпеченія добраго быта (который для сибиряковъ-евреевъ можно назвать помѣстнымъ), торговля, требующая ежедневныхъ сношеній — значительно пособила евреямъ обезличить собственную національность. Еврей въ Сибири одѣвается по русски, женщины ни въ чемъ не отличаются отъ сибирскихъ мѣщанокъ; по костюму, въ средѣ мѣстнаго населенія, они не представляютъ особенной группы. Только фивіоніи обособляютъ ихъ. Старики говорятъ по польски и по русски; поколѣніе, народившееся въ Сибири, не знаетъ польскаго и довольно сильно въ русскомъ. Третье поколѣніе забываетъ и еврейскій языкъ и даже дома со своими непремѣнно говоритъ по русски. Прежде, изъ боязни кнута и всегда изъ интересовъ денежныхъ, евреи принимали православіе, хотя и убогали въ сердцѣ любовь къ талмуду. Дѣти неопитовъ еще носили еврейскія имена, но для свѣта имѣли уже русскія. Обычаями отцовской вѣры таковыя охотно пренебрегаютъ и мало подсмѣиваются надъ ними. Въ четвертомъ, третьемъ поколѣніи неопита всѣ слѣды еврейства совершенно сглаживаются по тому же способу, какъ и въ дѣтяхъ перекрестей-солдатъ. Мѣры, принятыя законодательствомъ для сибирскихъ евреевъ, принявшихъ христіанство, и состоящія въ ослабленіи 8-ми-лѣтняго срока пребыванія въ цехѣ слугъ до четырехъ лѣтъ, не произвели на евреевъ, поселившихся въ городахъ, благотворнаго дѣйствія относительно ихъ водворенія, но произвели его въ томъ отношеніи, что евреи спѣшили креститься. Крещенные не уживались у хозяевъ и вызвали новую мѣру, по силѣ кото-

*) Недавно (тридцать лѣтъ назадъ) въ Минскѣ дамо было знать канискою полиціею, что тамошніе евреи послали слитокъ золота, но что зтотъ слитокъ — краденый.

рой всё таковы названы виновными въ развратномъ и непослушномъ поведеніи. Оставшіеся безъ пристанища должны быть отправляемы на поселеніе.

Судя по архивнымъ дѣламъ и по наблюденіямъ сторожиковъ и начальства, ссыльные изъ инородцевъ финскаго племени, отличающіеся угрюмымъ характеромъ и крайнею неспособностью (въ особенности сосланные изъ Финляндіи), замѣчательны тѣмъ, что безропотно покоряются своей участи, какъ бы она ни была тяжела, и съ мѣсто водворенія никогда не бѣгутъ. За то инородцы болѣе жгучей крови и болѣе живого темперамента (каковы, напр., кавказскіе горцы) признають волю судьбы только до тѣхъ поръ, пока не истекъ каторжный срокъ. Но лишь только сняли съ нихъ кандалы, приливъ тоски по родинѣ становится такъ силенъ, что южные инородцы бѣгутъ тотчасъ же. Насколько прочны и усидчивы на мѣстахъ поселенія рыжѣе и блѣднѣе люди сѣвера, настолько мало охотятся въ поселенцы черноволосые и статные бѣгуны съ южныхъ горъ *). Кочевниковъ (вродѣ киргизъ, калмыковъ и татаръ) никакія силы не удерживаютъ на осѣдлыхъ поселеніяхъ и стремленіе въ степь, на свою волю, у нихъ едва ли не сильнѣе горской тоски. Поселенцы изъ поляковъ, по множеству крупныхъ архивныхъ дѣлъ, часто замѣшиваются въ дѣланы фальшивыхъ ассигнацій, приготовленіе которыхъ всегда оправдываютъ тѣмъ, что намѣревались возвратиться на родину и помочь въ той же цѣли остальнымъ своимъ товарищамъ. Въ намѣреніи къ побѣгу шляхтичи и дворяне западныхъ губерній и царства Польскаго не останавливаются ни передъ какими препятствіями: бѣгутъ, напримѣръ, за китайскую границу, самую опасную и ненадежную, но убѣгаютъ и въ Европу по сѣвернымъ тундрамъ, черезъ Швецію и Норвегію, а большая часть, заурядъ со всѣми, попадаетъ въ опасное положеніе искателей приключеній, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый своими похождениями охотскій герой Веньовскій, убитый въ Африкѣ, на островѣ Мадагаскарѣ (см. въ 3-мъ томѣ).

Русскіе раскольники отличаются на мѣстахъ поселеній стремленіемъ къ пропагандѣ своего ученія (и не безъ примѣтнаго успѣха, блестящаго въ старыя времена, замѣчательнаго и въ новѣйшія). Даже и скопцы уловляли въ свои сѣти (судя по архивнымъ дѣламъ Нерчинскихъ заводовъ), и молокане и духоборцы находили себѣ слушателей и послѣдователей даже между такими извѣрившимися и холодными людьми, каковы

наши каторжные. Такъ по одному архивному дѣлу, намъ извѣстно, что нѣкоторые изъ каторжныхъ „не шли къ священнику, говоря, что они дѣлаютъ рукъ человѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требованы будутъ, исполнять не отрекаются, и что они присягу имѣють внутреннюю, а дѣлами рукъ человѣческихъ называютъ св. евангеліе и животворящій крестъ, что они дѣланы руками“. По другому дѣлу видно, что нѣкто Ярошенко совратилъ многихъ служителей и ссыльных, „пользуясь Библіею—книгою, дозволенною для чтенія ссыльных“. Одинъ изъ уклонившихся служителей Кухтинъ, когда тамошнія духовныя власти позвали его для увѣщанія, простеръ свою дерзость до того, что, не уважая святости мѣста, прошелъ по паперти собора, не снявъ съ головы шапки и съ рукъ рукавицы. Въ томъ же самомъ видѣ явился и въ присутствіе духовнаго правленія передъ зеркало. На спросъ священника: почему онъ такъ поступаетъ? отвѣчалъ: „Вѣдь это есть писанное руками человѣка, а потому и не хочу снѣтъ предъ нимъ шапки и рукавицы“. Этого Кухтина судили военнымъ судомъ и велѣли прогнать два раза черезъ 500 человѣкъ. Въ пользу молоканства и духоборчества замѣтна между вообще холодными въ вѣрѣ ссыльными большая симпатія. На этихъ примѣрахъ дѣло не остановилось, а шло дальше. Нѣкто Кудравцевъ подвелъ подъ судъ еще 8 человѣкъ служителей. Судъ обратилъ ихъ всѣхъ въ солдаты; служителя Суходоліна сослали въ Турханскъ и велѣли поселить между некрещенными инородцами, какъ негоднаго къ службѣ по лѣтамъ (41 годъ). Одинъ изъ обращенныхъ въ молоканство ссыльных (Нероновъ) оторвалъ иконы „въ небытность никого въ церкви“ и бросилъ ихъ на полъ; вошедшему дьякону говорилъ: „Вотъ ваши боги идола, которыхъ я побросалъ; поди, молись и, если они святые, то пусть встанутъ“. На судѣ показавъ, что все это говорилъ въ здравомъ разсудкѣ. Наказаніе не вразумило. Нерчинскому начальству удалось уличить еще новыхъ совращенныхъ, изъ которыхъ одинъ расколотую на-двое икону носилъ въ сапогахъ подъ пятою. И снова судили одного, увѣрявшаго, что „въ церкви нѣтъ надобности“. Духоборцевъ начали ссылать въ Сибирь вскорѣ послѣ того, какъ эта секта сдѣлалась извѣстною властямъ. Въ 1799 году состоялся указъ, повелѣвающій ссылатъ въ вѣчную каторжную работу изобличенныхъ въ духоборческой ереси, „отвергающихъ высшую власть на землѣ“. Въ 1805 г. участь сосланныхъ была облегчена, въ одно время съ облегченіемъ такой же участи духоборцевъ, находившихся въ Россіи. „Духоборцамъ, сосланнымъ въ Сибирь, предоставлены были тѣ же права, которые даѣны поселеннымъ на Молочныхъ - Водахъ (Мелито-

*) Исключая армянъ, которые, подобно евреямъ, спѣшаютъ укрѣпить себя въ Сибири посредствомъ коммерческихъ путей и разносную офенскую торговлю предпочитаютъ сидячей; но указъ 1828 года (26 декабря) остановилъ ихъ дѣятельность въ предѣлахъ той губерніи, въ которой они поселены.

польскаго уѣзда Таврической губ.), но не возвращая ихъ изъ Сибири въ Россію. До 1847 г. воѣхъ сектаторовъ ссылали, между прочимъ, и въ Минусинскій округъ, но, по донесеніи сенатора Толстого о томъ, что этотъ округъ лучший во всей Восточной Сибири и притомъ пограничный съ китайскимъ государствомъ, постановили (указомъ 18 апрѣля) ссылатъ скопцовъ въ Туруханскій край, а послѣдователей воѣхъ прочихъ сектъ въ Якутскую область.

Рыные изъ старообрядцевъ, приверженцевъ до-никоновскихъ книгъ и обычаевъ, поддѣляли исторію ссылки весьма нерѣдкими случаями крайняго отшельничества, начинавшагося исканіемъ одиночества и сосредоточеннаго созерцанія гдѣ нибудь въ лѣсной пещерѣ и кончавшагося въ нерѣдкихъ случаяхъ собираніемъ маленькой слободки. Указанный нами примѣръ Гурія Васильева — въ Сибири не послѣдній. Политическихъ и религиозныхъ убѣждений ссылка не мѣняетъ; образъ поселенія и приемы, при этомъ употребляемые, не мѣшаютъ оставаться при томъ же, что принесено въ запасахъ изъ Россіи. Каторга на время тушитъ огонь, но пепелъ скопляется. Впослѣдствіи, на поселеніи, огонь опять разгорается, а тушить его тамъ не умѣютъ.

Въ архивѣ нерчинскаго Вольскаго завода сохранился рассказъ о приключеніи 20-ти старообрядцевъ изъ уральскихъ казаковъ, сосланныхъ въ 1809 году на Нерчинскіе заводы. Казаки упорно не соглашались получать казенное довольствіе и находиться на казенныхъ работахъ. Нѣкоторые изъ нихъ довели себя, такимъ образомъ, до крайней нищеты и, отказываясь отъ казеннаго пайка, предпочитали питаться милостынею. Принятые противъ этого строгія мѣры были не дѣйствительны. Сибирскій губернаторъ велѣлъ, при всякомъ случаѣ упорства, давать имъ по десяти ударовъ кнутомъ, но казаки все-таки продолжали говорить свое: „Мы требуемъ Государя Императора именного повелѣнія, почему мы безвинно посланы, но оно намъ не показывается; ваша воля, что хотите надъ нашими тѣлами, то и дѣлайте, однако же работать не будемъ до конца жизни“. Одинъ, истощенный голодомъ и „принеся съ собою малое количество хлѣба“, приговаривалъ: „Вудучи сосланъ невинно, непремѣнное имѣю намѣреніе, хотя и лишиться жизни, но въ работѣ не быть“. Одного изъ казаковъ (Якова Красятова) за такое упорство успѣли уже разъ наказать плетью и два раза выбить кнутомъ; послѣдній разъ съ вырѣзаніемъ ноздрей *) и постановленіемъ знаковъ. Точно также четыре раза наказанъ былъ другой казакъ (Данило Лифановъ), а пя-

теро по два раза. Нѣкоторые подчинились, другіе упорствовали. Не зная, что съ ними дѣлать, остановились на той мѣрѣ, чтобы выдавать имъ провіантъ въ ограниченной дачѣ, достаточной только для поддержанія жизни, и утѣжденъ былъ строжайшій надзоръ за тѣмъ, чтобы казаки ни отъ того со стороны не получали. Успѣха не было: казаки продолжали стоять на своемъ (какъ доносила нерчинская горная экспедиція Иркутскому гражданскому губернатору). Чѣмъ кончилось все это дѣло, по дѣламъ архива не видно.

Случай невинно сосланныхъ и гласно признаваемыхъ таковыми, конечно, большая рѣдкость въ сравненіи со всею массою осужденныхъ и мы не входимъ въ разборъ этого темнаго вопроса за неимѣніемъ данныхъ. Данные же тщательно скрываются, какъ особенный и величайшій секретъ. Кое-что, однако, извѣстно. Сперанскій нашелъ въ Томскѣ поручика Козлинскаго, который, лечась отъ ранъ или болѣзни въ Перми, вдругъ былъ схваченъ и препровожденъ въ ссылку. Другого сослалъ подъячій изъ какой-то Шенгурской губерніи; нѣкую Крестину Яковлеву гнали уже въ ссылку за рижскую уроженку Редоко-Янтъ. Н. О. Лаба, ревизовавшій забайкальскія поселенія въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нашелъ, между прочимъ, такой безпорядокъ: иркутскій нижній земскій судъ заслалъ назначенныхъ на поселеніе въ Нерчинскіе заводы на каторгу. Между прочимъ изъ таковыхъ показана „женка Настасья Фалѣева въ 1802 году изъ дворянокъ, въ замужествѣ была за поручикомъ Измайловскаго полка Кашниковымъ и, по смерти мужа, принята была Новагорода въ Духовъ монастырь бѣлицею и за самовольную отлучку изъ оного на ночь въ гости, по глѣбѣ игуменья того монастыря, отправлена въ здѣшніе заводы безъ наказанія“. Лѣтъ 20 тому назадъ совершенно было какое-то важное преступленіе. Виновныхъ не нашли: по однимъ слухамъ они задобрили слѣдователя, по другимъ не отысканы по бездарности слѣдователей. Виновныхъ вѣрно было разыскать во что бы то ни стало. Усердіе, возбужденное приказаніемъ, выразилось въ томъ, что схватили, судили, выбили кнутомъ и сослали въ Сибирь первыхъ встрѣчныхъ. Впослѣдствіи обнаружались настоящіе преступники: невинно-сосланныхъ возвратили. Тѣмъ, которые остались въ живыхъ, выдали за каждый удар кнута по сколько-то рублей; умершіе же такъ и отошли не расчитанными. Извѣстенъ лейтенантъ Борисовъ, сосланный за разбитіе датскаго корвета якоремъ и за мужеложство, по протекціи прощенный потомъ; однако, не возвратился, говоря: „Законъ прислалъ въ Иркутскъ меня, зачѣмъ стану возвращаться въ другой какой либо городъ“. Въ Красноярскѣ въ кабацѣ убитъ былъ сидѣлецъ; его поднос-

*) Рвали ноздри до костей особыми щипцами. На Нерчинскомъ заводѣ разъ щипцы эти оказались узки и коротки: пазачъ только съ трехъ приемовъ могъ кончить операцію. Старые щипцы вѣрно замѣнить новыми и указано кое-какъ не бросать, а прятать.

чикъ мальчикъ въ ту ночь не вѣселятъ дома. Его заподозрили, онъ указалъ на дочь дяди, какъ на мѣсто своего ночлега; справка не подтвердила показанія, его били кнутомъ и переплавали чрезъ Енисей; онъ обернулся къ городу и выкричалъ клятву, что ни въ чемъ не повиненъ. Прошло довольно времени; въ Красноярскѣ поймали бродягъ-поджигателей и двое показали на себя убійство цѣловальника. Подносчика простгли, вернули, стали спрашивать, послѣ расчета по пяти руб. асс. за каждый напрасный ударъ кнутомъ, и узнали, что подносчикъ не указывалъ ночлега потому, что ночлегъ этотъ былъ въ домѣ купеческой дочери, на которую не указывалъ онъ, не желая ее срамить. Въ Оренбургѣ извѣстенъ былъ такой случай противоположнаго характера. Всѣмъ извѣстенъ былъ и у всѣхъ на почетѣ богатый купецъ, приговоренный въ каторгу и посланный туда вмѣсто себя другого. Въ Онегѣ мы лично знали другого, считавшагося умершимъ. Въ Тобольскѣ живъ въ памяти случай вѣзда въ тюремныя ворота, за партію ссыльных, кареты и въ статейныхъ спискахъ указаніе на княгиню, ссылаемую за дѣтубійство; изъ кареты вышла на перекличку самая отчаянная неуклюжая баба. Княгиня, говорятъ, стала жить въ изгнаніи, но въ Швейцаріи.

Довольно извѣстна исторія одного такъ называемаго „Странника“. 28 августа 1835 года въ Твери взятъ былъ полиціею неизвѣстный человѣкъ, имѣвшій видъ богомольца. На вопросы онъ не отвѣчалъ ни слова, а только послѣ многихъ настояній рѣшился объявить, что три года назадъ получилъ благословеніе отъ родителей на странническую жизнь и вотъ съ тѣхъ поръ онъ ходитъ по разнымъ мѣстамъ на богомолье. Когда потребовали отъ него рукоприкладства, онъ такого дать не согласился и заявилъ, что далъ обѣтъ Богу никому не открывать своей родины, имени и отчества, и потому отвѣчать будетъ только Богу, а не присутствію полиціи и уѣзднаго суда. Сенатъ, признавъ странника бродягою, умышленно скрывающимъ свое имя, происхождение и вѣдомство, опредѣлилъ наказать его, на точномъ основаніи 242, 243 и 399 ст. XV т. Св. Угол. Зак., при полиціи плетью 30-ю ударами и потомъ сослать въ Сибирь на поселеніе. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 12 марта 1836 года. Странникъ безмолвный безропотно и безотвѣтно перенесъ наказаніе и былъ водворенъ на жительство въ Енисейской губерніи Ачинскаго уѣзда.

Восемнадцать лѣтъ прожилъ онъ тамъ забытымъ, хладнокровно перенося незаслуженное имъ наказаніе и именую себя странствующимъ въ мірѣ, ищущимъ не здѣ лежащаго града, но взыскующимъ грядущаго, во всякомъ случаѣ не ближе горнаго Іерусалима. Теперь ему, из-

гнанному правды ради, и царство небесное не далеко отстоятъ, какъ будто и дорога стала легче и пріятнѣе, по крайней мѣрѣ, вмѣсто тумана впереди, обозначился просвѣтъ, явилась надежда увидѣть то, чего ищетъ. Онъ, по приходѣ на мѣсто поселенія, такъ и назвалъ себя „Странникомъ“, не объявляя ни имени, ни отчества. Но такъ какъ, по понятію волостного правленія, безъ имени и овца барахтъ, то, прислушавшись къ мнѣнію сосѣдей, назвали его такъ, какъ называли его эти сосѣди: Иваномъ Захаровичемъ Спасовичемъ, во имя пророка Іоанна Крестителя, сына Захаріина. Странникъ провиннику такому не противорѣчить, жалѣ, молясь этому угодику и стараясь подражать его страннической и постытческой жизни. Нѣкоторые искушенія, однако, показались ему не подъ силу; онъ долго боролся, боролся семь лѣтъ, но духъ не выдержалъ, терпѣніе его истощилось и онъ рѣшился открыть мѣсто своего пребыванія родной сестрѣ своей, коллежской ассесоршѣ В., которая не замедлила подать прошеніе московскому гражданскому губернатору въ февралѣ 1854. Изъ прошенія этого видно, что Странникъ—бывшій подпоручикъ А. 2-го Егерскаго полка, гдѣ занималъ должность квартирмейстера, казначея и адъютанта. Выйдя въ отставку въ 1824 г., двадцати лѣтъ, проживалъ при родителяхъ въ нѣмнѣяхъ Серпуховскаго и Мценскаго уѣздовъ. Онъ былъ довольно образованъ и зналъ хорошо языки нѣмецкій и французскій. Возникъ въ твердое намѣреніе оставить свѣтъ для странствій, пошелъ въ монастыря и другимъ св. мѣстамъ Россіи. Странствуя въ 1832 и 1833 году, онъ былъ уже на пути въ Іерусалимъ, но, безмолвствуя, въ г. Кишиневѣ навлекъ на себя подозрѣніе и былъ задержанъ. Однако, губернатору Аверину могъ еще представить указъ объ отставкѣ и согласился написать адресъ родителей. Его препроводили въ Мценскъ. Здѣшняя полиція немедленно освободила его, но почему-то сочла нужнымъ удерживать нѣкоторые изъ его бумагъ. Онъ вновь отправился странствовать уже безъ нихъ. Въ 1835 г. зашелъ на моленіе въ Твери въ соборъ. Отсюда, какъ странникъ, былъ приглашенъ кушомъ Кудлеровымъ въ его домъ пообѣдать. Придя туда, продолжалъ безмолвствовать, чѣмъ разсердилъ купца и Кудлеровъ не замедлилъ представить его въ полицію. Отсюда начались тѣ преслѣдованія, о прекращеніи которыхъ просила сестра. Московскій губернаторъ отнесся къ тверскому; тверское губернское правленіе, въ ноябрѣ 1855 г., черезъ уженское волостное правленіе отобрало показаніе отъ Ивана Захарына Спасова, потребова- вало документы изъ мценскаго земскаго суда, копію съ формуляра изъ инспекторскаго департамента военнаго министерства, отъ губернскихъ предводителей дворянства Московской и Орлов-

ской губерній свидѣнія о родѣ дворянъ А., отъ сестры его черезъ серпуховскаго городничаго подробныя свидѣнія о братѣ. 17 опытныхъ чиновниковъ слѣдили почеркъ А. по письмамъ отъ 1822 года съ почеркомъ на показаніи, данномъ въ Ужурской волости въ 1854 г. Получены были вполнѣ удовлетворительныя свидѣнія изъ всѣхъ этихъ мѣстъ и отъ всѣхъ затронутыхъ лицъ. Дѣло въ апрѣлѣ 1856 года поступило въ сенатъ; въ февралѣ 1859 г. сенатъ рѣшилъ: отставному подпоручику А., находившемуся подъ именемъ Ивана Захарова Спасова въ Енисейской губерніи, предоставить возвратиться изъ Сибири. Но — по выраженію законодательницы Екатерины — лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать. При современныхъ гласныхъ и открытыхъ судахъ такихъ крупныхъ несчастій случиться не можетъ и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и сами сыльные перестанутъ прибѣгать къ нечестнымъ проповѣдямъ о томъ, что они совершенно напрасну сосланы *).

Въ Сибири сыльные еще продолжали производить такого рода операціи: осужденные на поселеніе мѣнялись именами съ каторжными за какое нибудь ничтожное вознагражденіе. Настоящій каторжный оставался на поселеніи, настоящій поселенецъ, по прибытіи на чужое мѣсто, открывалъ свое званіе. Точно также и поселенцы мѣнялись именами и прозвищами между собою, когда одному приходилось идти не туда, куда было сподручѣе, а другому, беззавѣтному бродягѣ, куда ни идти было все равно. Постановили: всякаго сыльнаго, даваго на прокатъ свое имя каторжному, оставлять въ каторжной работѣ пять лѣтъ, а каторжному, по наказаніи на мѣстѣ ста ударами розъ, прибавлять еще пять лѣтъ сверхъ срочныхъ. Обиженныхъ между собою именами поселенцевъ указано назначать на два года въ каторжныя заводскія работы. Относительно переимѣнъ именъ и происходящей оттого путаницы рассказы сибирскіе безчисленны. Что же касается до того, что весьма многіе поселенцы и каторжные и безъ переимѣнъ именъ въ былую недавнюю пору попадали туда, куда было имъ сподручѣе и желательнѣе, то это тоже не секретъ. Прежде въ приказъ тобольскій (въ особенности въ первое время его существованія) откомандировывали для занятій тѣхъ же грамотныхъ каторжныхъ и за цѣлый мѣсяцъ усидчиваго писанія отдѣлывались гривною, двумя. За ту же гривну этотъ писарь съ удовольствіемъ отсылалъ собратіевъ туда, куда они просятся; какого нибудь тюменскаго купца, угодившаго въ каторгу, писалъ на Успенскій винокуренный заводъ, находящійся

въ Тюменскомъ округѣ, и проч. Въ 1861 г. шелъ на заводы Енис. губ. каторжный изъ бродягъ Черниковъ. Дорогою переговаривалъ онъ съ поселенцемъ Федоровымъ, шедшимъ на золотые прииски Рязановыхъ; случилось такъ, что Черниковъ очутился на приискахъ, а Федоровъ на каторгѣ. Каторжникъ въ поселенческомъ званіи на работѣ не былъ; очень тяжело стало, сказались своимъ званіемъ. Подобнаго рода слугами полнится сибирская земля.

Съумѣли ли развѣщать сыльныхъ поселенцевъ такъ, чтобы лѣсной житель не понадалъ въ степь (и наоборотъ) и, спутанный такою независящею отъ него ошибкою, уходилъ въ лѣсъ съ волчьимъ паспортомъ по чужой винѣ? Изучилъ ли приказъ вѣренную его дозору и попеченію Сибирь, чтобы знать, гдѣ ей надобится больше всего люди такихъ-то знаній, такого-то ремесла? Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что цѣль распоряженій приказа меньше всего карательная и значеніе поселеній, столь существенно важныхъ для Сибири въ другихъ случаяхъ, должно пониматься такъ, какъ желаетъ Сибирь и указываютъ различными способами сами сыльные поселенцы. Сколько ушло въ Сибирь всякаго рода ремесленниковъ и нерѣдко мастеровъ замѣчательныхъ. Приказъ знаетъ, по фальшивымъ монетамъ, бумажкамъ и печатямъ, какіе искусные граверы попадаютъ въ число сыльныхъ и часто въ тѣ мѣста, гдѣ и безъ нихъ этому промыслу дано нѣкоторое развитіе. Мы видѣли въ цифрѣ, составляемой самимъ приказомъ, какъ много поставлено имъ ремесленниковъ въ Тобольскую губ., находящуюся въ этомъ отношеніи гораздо въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ, наприм., Томская. Тобольская ближе къ Россіи и ее захватываетъ огромная дуга отхожихъ промысловъ, издавна и до нашего времени направляющихъ сюда свою дѣятельность изъ лѣсной Россіи (напр., губ. Костромской, Ярославской, Вятской и даже Тверской). Если сыльный боится объявить при спросахъ за собою ремесло и художество, то изъ собственныхъ расчетовъ; если самъ приказъ недостаточно опытенъ, чтобы самому открывать секреты знаній каждаго изъ сыльныхъ, если онъ удовлетворялся такими глухими показаніями въ статейныхъ спискахъ, что въ такой-то къ такому-то сословію принадлежалъ (и только) и имѣетъ такіа-то примѣты (по которымъ ни одного не отличишь отъ другого)—то кто виноватъ во всѣхъ этихъ неясностяхъ, невѣрностяхъ, неточностяхъ и путаницахъ? Сибирь ощущаетъ сильнѣйшій недостатокъ въ опытныхъ рабочихъ и, напр., въ дѣлѣ плотничества руководится мастерами изъ солдатъ и приходящими изъ далекой Россіи (какова, между прочими, Костромская губ.). Ремесленниковъ вовсе нѣтъ и крестьяне самыя необходимыя вещи въ хозяйствѣ, не выучившись приготавливать дома, поку-

*) Между тѣмъ тобольскій приказъ въ партіяхъ, приходящихъ изъ Россіи на поселеніе, находилъ очень нерѣдко рѣшительныхъ дураковъ, идіотовъ.

пають готовыми. Изъ Кунгура привозят сапоги; съ Нижегородской и Ирбитской ярмарокъ готовое платье въ видѣ армяковъ и тѣхъ же сибирокъ; модное платье—изъ Москвы; сибирскіе мѣха, выдѣланные въ Москвѣ, везутъ обратно въ Сибирь на продажу. Даже желѣзные и мѣдные и стеклянные товары — преимущественный сибирскій продуктъ — привозятся съ заводовъ около Нижняго и отчасти съ уральскихъ. Голландскою сажено, скипидаромъ, сѣрною и соляною кислотами Сибирь, богатая лѣсомъ и ископаемыми химическими матеріалами, довольствуется изъ Россіи, и проч. и проч. При этихъ условіяхъ, сильный ремесленникъ и русскій промышленникъ безслѣдно глхнуть и исчезаютъ въ Сибири, со всѣмъ своимъ досужествомъ и знаніями, только потому, что ихъ распределяютъ зря, одиночками, не группируя въ артели въ необходимыхъ мѣстахъ и утѣшаясь только какими-то призракнымъ цехомъ какихъ-то слугъ, который только и оставался на бумагѣ. Между тѣмъ, сибирскіе сторожилы видятъ одесскаго матроса въ Курганѣ, а не на Байкалѣ, повара въ Березовѣ, а не въ Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ или Барнаулѣ, гдѣ испоконъ-вѣку задавались роскошныя лукулловскіе пиры. Херсонскій степнякъ ума не приложитъ въ дремучей туринской тайгѣ. Вятскій отличный хозяинъ, всю жизнь отбивавшій у лѣса поля и луга, сидитъ на Варабинской стени, гдѣ такъ хорошо было исконнымъ ящичкамъ и извозчикамъ. Лакей бродилъ безъ дѣла по Пелыму, пока послѣ долгихъ исканій не выучился торговать и обманывать остяковъ, вогузовъ и самоѣдовъ. Тѣ самые смѣльные, которыхъ самъ приказъ назначалъ въ цехъ слугъ, бродили изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, отъ одного хозяина къ другому, и при этомъ искусственно создаваемые слуги—самые невѣрные, самые неспособные и самые несчастные люди.

Отъ всей этой путаницы возростааетъ, постепенно увеличиваясь, та громадная масса движущагося вдоль и поперекъ всей Сибири кочевого населенія бродягъ, которая, какъ саранча, временами поѣдаетъ, временами глушитъ свѣжіе всходы молодой страны, достойной лучшей участи. Вѣдь въ Сибирь не даромъ тянутся и до сихъ поръ вольные переселенцы и поселенцы съ дозвоительными свидѣтельствами. Не даромъ люди, обязанные расплатываться и читать поселенческія письма, говорятъ про безконечныя похвалы этой странѣ, расточаемыя на соблазнъ и на уговоръ родныхъ, оставшихся въ Россіи, чтобы шли сюда, въ эту страну, гдѣ рѣдко урожаи не бывають самъ—15 и поля не отдыхаютъ года по 3, по 4 даже въ Енисейскомъ округѣ (не говоря о странахъ при—иртышскихъ, минусинскихъ, забайкальскихъ и иркутскихъ, гдѣ даже коренные инородцы стали превращаться въ земледѣльцевъ). Не даромъ же сторожилы,

питающіе зло противъ бѣглыхъ и каторжныхъ, на вопросъ бродяги: „Нѣтъ ли работы?“—отвѣчаютъ коротко и ясно: „Иди въ кладовую—и выбирай по рукѣ либо серпъ, либо литовку“. Такимъ образомъ, бѣгле, смѣло укрывшіеся и ловко спрятанные, пилать лѣсъ въ городахъ и селахъ, правятъ всякую поденщину на заимкахъ, окашивають роскошныя сибирскія степи, помогаютъ сибирскимъ крестьянамъ убираться съ пашнями и сѣнокосомъ. За одно только укрывательство, за парную баньку, кирпичный чай, за обѣдки отъ стола и обноски изъ стараго платья, работаетъ не только поселенецъ, но и каторжный. Между тѣмъ, страна все-таки отъ поселенцевъ несчастна. Несчастны въ ней и сами поселенцы, но несчастіе всѣхъ изъ нихъ тотъ небольшой разрядъ, который пользуется у всѣхъ сибиряковъ и даже у самихъ поселенцевъ полнѣйшимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Это—палачи. Преступники, которыхъ судъ и судьба судили поселенецъ, но которые, по доброй волѣ и по вызову, рѣшились на извѣстное мастерство, въ расчетѣ на лучшую участь. Согласіе ихъ избавило отъ плетей, служба освободила отъ тѣлеснаго наказанія; особая школа выучила владѣть орудіемъ наказанія. Таковое искусство у нѣкоторыхъ мастеровъ доведено было нѣкогда до такого совершенства, что они могли по произволу и разрѣзать, какъ острою бритвою, листъ бумаги и такъ подхватить кнутъ, пущенный со всего размаха, что подставленный листъ бумаги оставался невредимымъ. По закону, если кто изъ поселенцевъ не соглашался идти въ палачи, то губернскимъ правленіемъ предоставлено право опредѣлять въ эту должность: или людей, приговоренныхъ къ отдачѣ въ арестантскія роты, по ихъ на то согласію, или вольнонаемныхъ. Впрочемъ, послѣдніе случаи представляютъ замѣчательную рѣдкость и въ законахъ можно считать это дозволеніе остаткомъ стариннаго законодательства, внесеннымъ въ новое лишь про всякой случай. Въ Уложеніи велѣно въ палачи на Москвѣ прибирать изъ вольныхъ людей за поруками, а жалованье обѣщали давать изъ государевой казны; въ городахъ выбирать палачей указано съ посадовъ и съ уѣздовъ съ сохъ, съ дворцовыхъ и черныхъ волостей и со всякихъ сошныхъ людей. Избиратели давали подписки (но неохотно). Палачи присягать должны; сошныя люди отъ выборовъ отказались; ихъ принуждали штрафами. Охотниковъ явилось мало. Царь Федоръ (въ 1680 г.) соблазнялъ жалованьемъ по 4 руб. человѣку, но въ слѣдующемъ же году принуждены были бояре приговорить: послать грамоты къ воеводамъ, чтобы они въ заплечные мастера брали изъ посадскихъ людей (не насильно), а тѣхъ, которые „волею своею въ тое службу быть похотятъ“. Советовали посадскихъ и сошныхъ людей заставить выбрать изъ самыхъ молод-

чить или изъ гудящихъ людей, чтобы во всякомъ городѣ безъ палачей не были. Воеводы то и дѣло жаловались, что въ палачи охотныхъ людей не находится или выбранные принужденіемъ убѣгаютъ. Въ прошломъ вѣкѣ жалобы эти затихли. Сенатскіе указы (вродѣ указа 10 іюня 1749 г.) стали настолько требовательны, что на каждую губернскую канцелярію потребовали уже по два палача. Съ 1738 года имъ уже и жалованья не полагалось, а потому давалось солдатское (за платье и за хлѣбъ по 9 руб. 95 коп. въ годъ). Въ этотъ вѣкъ на нихъ объявилось большое требованіе и крупный запросъ. Въ первую половину его заплечные мастера имѣли большіе заработки и получали крупныя заказы, когда—по народному, сильно распространенному преданію—и воду събликнутомъ, если держала она отъ вѣтровъ затѣвать возмущеніе. По свидѣтельству знаменитаго адмирала Мордвинова, когда „для 20 ударовъ кнута потребенъ былъ цѣлый часъ, а при многочисленности ударовъ наказанія продолжалось отъ восходящаго до заходящаго солнца“,—платили по десяти тысячъ рублей, чтобы не изувѣчить или менѣе мучительнымъ сдѣлать наказаніе“. (См. Чтеніе Общ. Ист. и Древн. Росс. 1869 г. книга четвертая). Становились въ заплечные мастера какойнибудь забулдыга, безшабашная голова, зашпавившійся либо до казни, либо до ссылки. Вѣдомому вору оставался одинъ выходъ—„встать въ палачи за свои вины“. Званіе это считалось позоромъ передъ лицомъ народа, но оправляло передъ властями.

Палачъ, находящійся на службѣ и живущій обыкновенно въ острогѣ при гауптвахтѣ (въ особомъ помѣщеніи), пользуется полнѣйшимъ уваженіемъ всѣхъ арестантовъ. При встрѣчѣ съ ними схватываются съ бритыхъ головъ шапки; его зовутъ не иначе, какъ по имени и по отчеству. Изъ фамиліи, какъ историческія имена, уходятъ въ потомство. Въ честь московскаго палача Бархатова всѣ послѣдующіе заплечные мастера, поступившіе въ это званіе изъ непомнящихъ родства, предпочитаютъ выбирать себѣ эту фамилію (по Сибири большая часть палачей Бархатовы, нѣкогда всѣ палачи были Бархатовы). Если про себя позволяютъ еще себѣ арестанты обывать мастеровъ полунименемъ (Кирюшка, извѣстный палачъ петербургскій, отсюда и кирюшкина кобыла—мѣсто казни на языкѣ современныхъ мазуриковъ, Изоська—сибирскій, Криворотый и проч.), то въ глаза палачу оказывается такое почтеніе отъ всѣхъ арестантовъ, что люди эти успѣваютъ забаловываться до высокаго мнѣнія о себѣ, на манеръ господскихъ кучеровъ и столичныхъ швейцаровъ. Палачъ передъ начальствомъ всегда чѣмъ-то недоволенъ, всегда на чтонибудь жалуется и чегонибудь проситъ, какъ обязательной льготы. Между тѣмъ, на палача удѣляется аре-

стантская артель изъ пожертвованнаго и благопріобрѣтеннаго все: булки, чай, сахаръ, вино и проч. Сверхъ того, въ хорошо организованныхъ тюрьмахъ на палача отъ арестантской общины полагается по полтиннику въ мѣсяцъ за cadaго наказуемаго. Часть тѣхъ денегъ, которыя бросаетъ народъ на одежду наказуемому, удѣляется также палачу подѣ особымъ именемъ „рогожки, полурогожки“ и проч. Сердечный сердцемъ палачъ (каковыми, по опыту сыльныхъ, бывають солдаты и поповичи: „крошать и ломать безъ зазрѣнія совѣсти“), сверхъ обусловленнаго обычаемъ, старается вымогать.

Вообще, палачамъ деньги доставались легко; палачу стоило пройтись по базару, напримѣръ, на пути къ мѣсту наказанія, чтобы всякій крестьянинъ далъ ему грошъ или пятакъ, какъ бы въ видѣ задатка и по приказу пословицы, повелѣвающей отъ тюрьмы и отъ сумы не отказываться, и по требованію самого палача, сказывавшаго у cadaго воза: „Давайте кату плату“!

Если приходится наказывать кого либо изъ почетныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, изъ артельныхъ любимцевъ, тотъ же староста или самъ приговоренный шелъ по казармамъ съ „мининною кружкою“ (первою подвергнувшемуся подѣ руку посудиною) и собиралъ. Сборъ такой называется „подаркомъ почетныхъ старожилонъ“. Вообще, отъ этихъ подарковъ палачамъ жилось хорошо: люди эти на большую половину свою хорошо откормленные, сытые, жирные, толсто-рожіе; хорошо высыпавшись, хорошо отгуливаясь, хотя и подѣ конвоемъ, и вообще, пользуются хорошимъ здоровьемъ. Единственная болѣзнь, на которую они чаще всего жалуются,—полнокровіе, приливъ крови; единственный недугъ, который они испытываютъ—тоска и скука. Многіе серьезно жалуются на то, что имъ не даютъ работы. Бережливые успѣвають даже накопить достаточное количество денегъ. Во всякомъ случаѣ, по окончаніи срока службъ, если палачей, вообще очень наклонныхъ къ побѣгу, успѣли удержать и не выпустить на волю, они выходятъ на волю и деньгами могли бы начинать тамъ болѣе обезпеченную жизнь; но дѣло въ томъ, что отливается волку овечьи слезы.

Поселенные въ волостяхъ на правахъ государственныхъ крестьянъ, палачи—самые несчастные люди не только въ мѣстахъ Тобольской губерніи, гдѣ выдумали было селить ихъ кучкою, но и повсюду. Изъ волости не дозволяютъ имъ выходить. Варослые сосѣди-крестьяне гнушались раздѣлить съ ними кусокъ хлѣба, посадить ихъ за столъ; женщины боялись подѣлиться съ ними хозяйственнымъ запасомъ, считая прикосновеніе ихъ руки оскверненіемъ, взглядъ, брошенный на нихъ, нечистымъ, требующимъ особаго очищенія и молитвы Ивану

Войну *). Мальчишки не упускали на улицах случая, чтобы не потравить проходящего присекенца из палачей. Ни купить, ни продать бывшие палачи ничего не могли, и самая жизнь их на волѣ являлась хуже каторжной. Нѣкоторые сознательно бѣжали и въ бѣгахъ дѣлали преступленія исключительно и намеренно для того только, чтобы попасть именно на каторгу. Только тамъ они еще могли избѣгать крайней степени позора **). Уставали немногіе, но ни одинъ еще изъ палачей не женился на сибирячкѣ. Члены экспедиціи, въ концѣ 60-хъ годовъ снаряженной сибирскими отдѣломъ географическаго общества въ Туроханскій край, нашли тамъ русскихъ поселенцевъ отунгуанскими. Отцы этихъ метисовъ были русскіе люди, матери — тунгузки. Большая часть потомковъ носить фамилію Бархатовыхъ; все это потомки палачей, приходившихъ изъ бѣговъ съ волчьимъ именемъ и называющихся фамиліею знаменитаго московскаго кѣта.

Случаются, впрочемъ, въ Сибири и другого рода явленія. Въ Сибири указываютъ на множество ссыльных, которые успѣли сдѣлаться крупными богачами ***). Самый рѣзкій образецъ тому представляеть Петръ Кандинскій, крестьянинъ, сосланный въ каторжную работу на Нерчинскіе рудники, успѣвшій жениться и тамъ, выйдя на пропитаніе, начать маленькую торговлю офенскимъ способомъ коробейника. Поселился онъ на Шилкѣ въ страшныхъ трущобахъ и близъ большихъ горъ, наз. Ворцовскимъ хребтомъ. Семейство его очень размножилось: въ 50 лѣтъ дѣтми и внуками его, до 60-ти человѣкъ, населилась цѣлая слобода Ванкина, съ церковью каменною и благолѣпно украшенною. Петръ Кандинскій началъ наживать значительное состояніе, послѣ офенства, хлѣбною торговлею въ этомъ въ то время скудномъ краѣ, жители котораго постоянно зѣировали и полей не пахали; хлѣбъ имѣлъ постоянную цѣну. Вымѣнъ его у крестьянъ на звѣриную шкуру позволялъ Кандинскому заняться торговлею пушнымъ товаромъ и завести дѣла въ г. Нерчинскѣ по 2 гильдіи, а потомъ записаться и въ Кяхтѣ по первой. Соляные казенные подряды увеличили еще болѣе состояніе его; хлѣбопашество производилось на добрыхъ лошадяхъ хорошими работниками и плугами, да-

вало сильныя и вѣрные урожаи, когда у другихъ были постоянныя неудачи. Кандинскіе съ успѣхомъ развили посѣвы гималайскаго ячменя, имѣли непосредственное вліяніе на цѣнность хлѣба во всемъ заводскомъ округѣ и, принадлежа къ сословію заводскихъ крестьянъ, отбывали легко и свободно повинности по купечеству и крестьянству. Губернаторовъ они умѣли встрѣчать на рѣкѣ Шилкѣ, на противоположномъ берегу противъ Ванкина на огромныхъ лодкахъ, украшенныхъ коврами, сами, убѣленные сѣдинами, въ длинныхъ кафтанахъ и съ медалями. Принимали въ домѣ вродѣ старинныхъ барскихъ палатъ, пригласившихъ къ щекамъ отвѣсной горы, съ балкономъ или террасою, утвержденною на столбахъ и висящею надъ водою рѣки Шилки. Лѣтъ 50 тому назадъ не было хозяина, который не былъ бы должетъ Кандинскимъ, не было товара, который бы не выходилъ изъ ихъ складовъ. Когда заводскихъ крестьянъ переименовали въ казаковъ и, для воспомощенія ихъ новому быту, развѣрили имъ не платить старыхъ долговъ, домъ Кандинскихъ былъ сильно потрясенъ и быстро пошелъ къ паденію на мѣстѣ. Однако, они совершенно не обанкротились. Правнуки Петра продолжаютъ вести торговлю не только за Байкаломъ и на Амурѣ, но и въ Россіи (въ Москвѣ), и продолжаютъ пользоваться честнымъ именемъ и коммерческимъ довѣріемъ. Конечно, теперь далеко не то, потому что и сыновьямъ Петра, Хрисанфу и Алексѣю, досталось до 5-ти милліоновъ оборотнаго капитала, кріобрѣтенія, которое ждетъ своего историка и прольетъ много характернаго свѣта на состояніе всего Забайкальскаго края. Въ первой половинѣ XIX столѣтія Кандинскіе были царями всего обширнаго края.

Образецъ подобнаго рода не послѣдній: почти на каждомъ рудникѣ, почти при каждомъ заводѣ найдется не одинъ каторжный, торгующій съ порядочнымъ капиталомъ. Дѣти ихъ пользуются уже всеми правами людей свободнаго состоянія. Не возвращаясь въ Россію, они служатъ прочнымъ фундаментомъ для основанія мѣстнаго купеческаго сословія, у котораго впереди такая блестящая будущность и отъ котораго страна въ правѣ ожидать большого подспорья и дѣятельной помощи на поступательное шествіе впередъ. Этихъ людей грѣхъ отцовъ и дѣдовъ давно отпущены и сосѣдями не вспоминаются. Свободнымъ и прямымъ путемъ полезныхъ дѣателей они становятся безразличными въ массѣ и во второмъ поколѣніи уже являются звеньями въ той цѣпи, которую образуютъ коренные жители, такъ называемые сибирскіе старожилы.

Изъ европейскихъ путешественниковъ Симпсонъ посѣтилъ около Канска ссыльнаго, котораго сынъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, нашелъ владѣльцемъ богатаго имѣнія и обширнаго хозяйства, для веденія котораго онъ употребляетъ

*) Св. Ивана Война, какъ извѣстно, чтутъ и арестанты и изображеніе этого угодника въ рѣдкой сибирской тюрьмѣ не виситъ въ почетномъ, правѣ отъ входа углу.

**) Тобольскій палачъ, напр., убилъ собственную жену и тогда сдѣлался ссыльно-каторжнымъ. Въ Нерчинскомъ заводѣ, въ квартирѣ должностнаго палача, нашли три трупа, имъ приговоренныхъ.

***) Между тѣмъ, поселенцамъ не дозволено производить развѣдокъ золотыхъ приисковъ и люди эти теперь пока участвуютъ въ дѣлахъ на чужое имя.

140 работниковъ. Эрманыъ знали другого, изъ Новгородской губерціи, домъ и хозяйство котораго съ одинадцатью работниками и рабочими представляли кѣто образцовое и заслуживающее изученія: рогатый скотъ и лошади помѣщались въ крытыхъ сараяхъ и ѣли сѣно, которое привозилось за 20 верстъ съ неманскихъ, обильныхъ травой острововъ Лены. Этотъ ссыльный получалъ превосходный урожай ржи, ячменя, капусты и рѣпы. Превосходный птичникъ находился въ людской. Ссыльный жилъ богатымъ помѣщикомъ.

Политическіе изгнанники и ссыльные нерѣдко бывали благодѣтелями тѣхъ странъ, въ которыя приводила ихъ судьба. Французскіе изгнанники при Людовикѣ XIV основали въ Англіи фабрики шелковыхъ издѣлій; другая партія научила саксонцевъ выдѣлывать сукна и шпалы, составлявшія до того времени монополію Франціи; третья на мысъ Доброй Надежды развила винограды. У насъ, князь В. В. Голицынъ, любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, сосланный въ Пинегу, развелъ тамъ лошадей, до сихъ поръ извѣстныхъ подъ именемъ „меженокъ“. Меншиковы устроили въ Березовѣ богадѣльню, первую въ Сибири; баронъ Менгенъ, сосланный въ 1742 году, съ 4 членами своего семейства, завелъ въ дикомъ Новоколымскѣ коровъ и лошадей, снабжалъ чукчей различными товарами, приобретаемыми имъ въ Якутскѣ. Тогда же сосланный Ивакинъ обучалъ дѣтей въ Камчаткѣ, и проч.

Сибирь, отъ ссылки государственныхъ людей, политическихъ преступниковъ и другого грамотнаго люда, выиграла въ томъ, что въ ней всѣ классы народонаселенія гораздо развитѣе, свободнѣе, способнѣе и образованнѣе соответствующихъ имъ классовъ во многихъ другихъ частяхъ Россіи. Политическіе ссыльные пользовались всѣми возможными облегченіями; старожилы не встрѣчали ихъ съ недовѣріемъ, а ссылаемые на житье пользовались значительною долею свободы для примѣненія къ дѣлу своихъ знаний, способностей и плодовъ образованія. Они имѣли право селиться обществами, изъ которыхъ и распространялась образованность. Начало этому дѣлу положено еще во времена Петра Великаго. Баронъ Страленбергъ, одинъ изъ шведскихъ офицеровъ, взятыхъ Петромъ въ сраженія подъ Полтавою, вмѣстѣ съ товарищами своими, принесть въ Восточную Сибирь ремесла Европы. Ими основаны тамъ первыя училища. Фридрихъ фонъ-Врехъ (изъ секты піетистовъ), адъютантъ Михаэлисъ Шлегель и пасторъ Габерманъ основали, въ 1715 году, въ Тобольскѣ школу для единоверцевъ, а потомъ и для дѣтей русскихъ (въ 1719 году въ школѣ обучалось 96 мальчиковъ). Предпріятіе вызвало сочувствіе въ Европѣ и знаменитый профессоръ Франке собралъ за границею по подпискѣ, въ пользу этой школы, до 5.000 рублей на тогдашнія русскія деньги.

Когда Нинтадскій миръ возвратилъ всѣхъ изгнанныхъ въ отечество, школа прекратилась, но въ это время существовала уже другая школа, основанная раньше нѣмецкой (въ 1707 году) митрополитомъ Филосеемъ Лещинскимъ, которая впоследствии превратилась въ семинарію. Изъ нее до сихъ поръ выходятъ не только духовныя лица, но и чиновники.

Пригѣбрь шведовъ былъ для Сибири только первымъ по счету, но громадную услугу привелось оказать странѣ подвѣдѣннымъ дѣятелямъ, труды которыхъ и въ наши дни продолжаютъ быть благотворными. Сибирь знаетъ и благословляетъ имена своихъ учителей, особенно много подвинувшихъ страну на пути образованія во второй четверти текущаго столѣтія. По Сибири слишкомъ живы и ясны слѣды этихъ дѣятелей и они настолько значительны, что не можетъ быть въ томъ и тѣни сомнѣнія.

Возвращаемся назадъ для нѣсколькихъ заключительныхъ словъ.

Быть сибирскихъ поселенцевъ не обезпеченъ въ достаточной и надлежащей степени: поселенцы, неправильно и непрочно водворяемые, оставляютъ мѣста и бродятъ. Въ бродяжествѣ, увлекаемые нуждою и случайностями, зачастую добиваются тѣчайшихъ правъ: дѣлаются каторжными. Въ то же время каторжные, прикрываясь оригинальнымъ званіемъ непонимающихъ родства, становятся поселенцами. Когда, такимъ образомъ, уловки доставляютъ случаи къ честной и полезной жизни, истинное право остается таковымъ только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ является въ формѣ самаго грустнаго и очевиднаго обмана. Дѣйствительныя, живыя силы ссыльнаго люда въ надежной мѣрѣ не вызваны и значеніе карательныхъ мѣръ не опредѣлено въ той степени, чтобы взысканіе уже не мѣшало другой задачѣ ссылки, существенной для молодой и мало-развитой страны, именно—колонизаціи ея. Экономическій капиталъ настолько великъ, что могъ бы залечить многія раны, а теперь, представляя только крупное казенное сбереженіе коренной переработкѣ тюремнаго и ссыльнаго дѣла, становится далеко недостаточнымъ. Способъ надзора не приведенъ въ правильную систему и при постоянной апатіи дѣятельность возбуждается только порывами и строгостями, а потому и не произошло желаемыхъ плодовъ. Выросшія племена продолжаютъ расти подъ защитою равнодушія. Словомъ, исправленія производятся на поверхности, тогда какъ середина и корень продолжаютъ гнить и болѣть серьезными болѣзнями. Между тѣмъ, наука ушла впередъ и даже теперь, когда еще не произведено внимательнаго и надлежащаго діагноза, новые приемы лекарствъ успѣли показать ихъ состоятельность и нѣкоторую близость къ настоящимъ специфическимъ средствамъ. Заботы объ улучшеніи тюремъ, вызванныя измѣненіемъ

судопроизводства, получили фактическое начало, выразившееся въ устройствѣ тюремъ по европейскимъ образцамъ, въ измѣненіи способовъ препровожденія ссыльныхъ въ Сибирь. Теперь на очереди вопросъ о самой ссылке и способахъ ея пригнѣнія.

Въ Сибири условія хозяйственнаго быта находятся именно въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя наиболѣе всего благопріятствуютъ коренной и прочной осѣдлости, сильно способствуютъ наилучшему водворенію. Оно ничѣмъ не отстало бы отъ образцовъ, представляемыхъ Америкой, если бы давались уступки народнымъ требованіямъ и не затрудняли бюрократическія тонкости и многочисленныя формальности, излишняя подозрительность и боязнь присутствія опасностей тамъ, гдѣ отъ всего наименѣе имѣютъ мѣсто.

Уроки прошлаго не проходятъ даромъ, развѣтныя преобразованія не могли остаться на полпути. Этапный способъ препровожденія ссыльныхъ, возбудившій справедливое негодованіе и вызвавшій стремленія къ отиѣнѣ и улучшеніямъ, не перестаетъ поддерживать самое сосредоточенное вниманіе со стороны министерства, которому вѣрено попеченіе о ссыльныхъ. Съ каждымъ годомъ мы натакиваемся на измѣненія и улучшения, сумма которыхъ накопила за нами обязательства добавить въ заключеніе еще слѣдующія строки.

Десятокъ лѣтъ, которыя въ эпоху преобразованій не проходятъ даромъ, на этотъ разъ въ спеціальномъ вопросѣ, насъ занимающемъ, не остались безъ пригнѣтнаго слѣда. Гуманныя стремленія, вызываемыя сознаніемъ собственныхъ недостатковъ, успѣли на практикѣ отразиться крупными задатками надеждъ на дальнѣйшія усовершенствованія вперед и объявиться въ крупныхъ чертахъ благопріятныхъ результатовъ. Расчеты, вытекшіе изъ чистаго и вѣрнаго источника и подчиненные строгой повѣркѣ, оправдались съ такимъ успѣхомъ, что заявленіе объ нихъ мы считаемъ для себя прямымъ и пріятнымъ долгомъ.

Сѣти желѣзныхъ дорогъ, прорѣзающія Россію въ различныхъ направленіяхъ, успѣли облегчить движеніе пересыльных и ссыльныхъ партій внутри имперіи. Южными дорогами министерство внутреннихъ дѣлъ успѣло уже обезпечиться, чтобы доставлять ссыльныхъ въ Одессу на пароходахъ Добровольнаго флота для доставки ихъ на островъ Сахалинъ.

Отъ Нижняго до Ачинска еще въ 1865 г. установлена была перевозка зимою на подводахъ, а весною и лѣтомъ на пароходахъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, по желѣзной дорогѣ отъ Перми до Тюмени, а далѣе опять на пароходахъ по рѣкамъ сибирскимъ до Томска и снова на подводахъ до Ачинска. Когда опытъ

показалъ дороговизну перевозокъ подводами и огромные расходы при заготовкѣ зимней одежды—зимній способъ бытъ оставленъ. Осужденныхъ стали оставлять до лѣтнаго времени въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они приговорены въ ссылку, или сгруппировывали въ болѣе центральныхъ мѣстностяхъ по главному ссыльному тракту. Пунктами этими назначены: Орелъ, Москва, Нижній, Казань, Пермь, Тюмень, Томскъ и проч. Здѣсь устроены были центральныя тюрьмы экономическимъ способомъ изъ готовыхъ зданій, за исключеніемъ Томска, гдѣ возведено было новое тюремное зданіе. Въ остальныхъ городахъ послужили для этой цѣли зданія арестантскихъ ротъ. Въ Москвѣ и Тюмени построены новыя тюрьмы. Сбереженія отъ различныхъ денежныхъ сокращеній обезпечили возможность для министерства постройку этихъ зданій круговымъ возвратомъ суммъ, истрачивавшихся прежде на ненужныя излишки. Сократилось путевое довольствіе, прекратилась выдача прогоновъ на пространства между Нижнимъ и Пермью, уменьшились издержки на заготовку зимней одежды *), отъ сокращенія конвойныхъ командъ съ 40 на 8 на пространства отъ Нижняго до Томска и отъ упраздненія этапныхъ зданій на этомъ пространствѣ **). Солидная цифра 300 тысячъ руб. сбереженія перваго года предупредила и отвратила, сверхъ того, издержки цѣлага милліона на этапы, если бы они существовали здѣсь въ томъ же числѣ и въ такомъ же разрушенномъ видѣ.

Въ настоящее время эти гуманныя цѣли преслѣдуются среди такой обстановки: передвиженіе по рѣкамъ на баржахъ обезпечено обязательствомъ пароходовладельцевъ.

Устройство этихъ баржъ вызвало справедливую похвалу, какъ соблюденію условій гнѣны, такъ и способу безопаснаго препровожденія.

Въ Тюмени арестантскія партіи садятся на баржи, буксируемыя пароходами, по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи обыкновенно въ теченіи 20 дней.

Въ настоящее время опытъ указалъ на удобство внутренняго устройства при тѣхъ условіяхъ, которыя и въ настоящее время строго соблюдаются. Внутри баржъ устроены три отдѣленія съ нарами въ два яруса, на которыхъ свободно помѣщается человѣкъ высокаго роста. Для каждаго назначено отъ 5¼—2½ аршинъ въ длину и не менѣе одного аршина въ ширину. Свѣтъ и воздухъ проникаютъ въ отверстія, въ ненастную погоду закрываемыя стеклянными ра-

*) Выдавали мужчинамъ рукавицы съ варежками, полушубки, шаровары и теплую шапку; женщинамъ—суеонныя юбки, шубы, тѣ же рукавицы съ варежками и теплый картузъ на голову. Тѣмъ и другимъ, взаимѣнъ котовъ и портянокъ, валенокъ и суеонныя онучи.

**) Оставлены только тѣ части этапныхъ зданій, которыя оказались удобными для помѣщенія арестантовъ; прочія проданы съ торговъ.

мами. Вентиляция производится через деревянные трубы, выведенные на палубу. На палубѣ каюты для офицера, гражданского чиновника и врача, сопутствующихъ партіямъ. Тамъ же каюты для конвоя, больныхъ и для кухонь, а внутри баржи—два отдѣльныхъ карцера для одиночнаго заключенія. По бортамъ сдѣланы прочныя рѣшетчатые перила, высокія, равныя верхнимъ каютамъ.

Заботы министерства внутреннихъ дѣлъ на этомъ не кончились. Прежде всѣ ссыльные тракты соединялись въ Казани, откуда начинался одинъ общій сибирскій трактъ; теперь желѣзныя дороги сосредоточили ссыльные пути въ Москвѣ и кончились въ Нижнемѣ, составляющемъ, такимъ образомъ, крайній восточный пунктъ. Поэтому уничтожены всѣ этапы, гдѣ идуть желѣзнодорожныя линіи. Съ упадкомъ значенія Казани уничтожена въ этомъ городѣ экспедиція о ссыльныхъ. Пермская экспедиція образована на новыхъ началахъ съ увеличеніемъ и измѣненіемъ ея работы; тобольскій приказъ о ссыльныхъ переведенъ въ Тюмень. Всѣ эти крупныя перестройки, при значительномъ удешевленіи этапнаго пути, сдаютъ въ архивъ исторіи часть изъ того, на что приходилось печалиться намъ при личномъ обзорѣ сибирскихъ этаповъ. Крупные шаги увѣнчались успѣхомъ и если остановились они на Томскѣ и тянутся этапы еще дальше Кары, до окончанія перевозки всего доставленнаго количества ссыльныхъ, то, во всякомъ случаѣ, добрая половина пути пройдена.

Путники не истомлены, сохранивъ свѣжія силы; этапная атмосфера ихъ не заражала. Въ Томскѣ они являются не съ прежнимъ запахомъ, но съ Томска они могутъ не попасть на старыя правила и стародревнюю порчу, если благотельныя мѣры не будутъ медлительны: или приближать каторгу, сокративъ дороги хотя бы до Алтая (что желательнѣе), или, уводя на дальнія, не поведутъ ихъ подъ надзоромъ такихъ конвоировъ, о злыхъ замыслахъ и преступныхъ попомовленіяхъ которыхъ въ послѣдніе года сами арестанты неоднократно принуждены были доводить до свѣденія начальствъ. За Ачинскомъ, до котораго конная перевозка существуетъ круглый годъ, пѣше-этапный путь еще во всей своей силѣ.

Пусть же нашъ рассказъ объ этапахъ поскорѣе уходитъ въ преданіе, въ качествѣ и значенія историческаго матеріала, какъ ушелъ въ преданіе рассказъ историческаго страдальца Аввакума. Въ виду исчезновенія большей половины утлыхъ этапныхъ зданій и ослабленія несостоятельной системы медленнаго и дорогого пѣшаго порядка передвиженій (на каковое щедро, удачно и счастливо искусились мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ), надежды не далеки и ожиданія сбыточны. Надеждами этими заключаемъ нашу первую главу и съ ними готовы встрѣтить на счастливый часъ и въ доброе время фактическія доказательства исчезновенія и отгнѣны того, что нами сказано въ послѣдующихъ главахъ этого перваго тома нашей работы.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

ТЮРЕМНЫЯ ПѢСНИ.

Сорокъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсень (старинныхъ и новыхъ) съ вариантами и объясненіями.—Творцы пѣсень: Ванька Каннъ.—Разбойникъ Гусевъ.—Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ.—Пѣсня о правѣжѣ.—Мѣстные сибирскіе пѣнты.—Ученая пѣсня.—Пѣсня Кармелюка.—Пѣсни Вадорта.—Ворожбюкъ.

Подробности быта ссыльныхъ, особенно же частности тюремнаго быта, привели насъ къ тѣмъ развлеченіямъ, которыя измышлены заключенниками на досугѣ, чтобы поддѣлать праздное бездѣлье и сократить досадное и скучное время. Въ числѣ тюремныхъ развлеченій не послѣднее мѣсто принадлежитъ—какъ и быть слѣдуетъ—пѣснямъ. Не смотря на то, что строгія тюремныя правила, запрещающія „всякаго рода рѣзвости, провозношеніе проклятій, божбы, укоръ другъ другу, своевольства, ссоры, брань, разговоры, хохотъ“ и т. п., преслѣдуютъ, между

прочимъ, и пѣсни,—онѣ все-таки не перестаютъ служить свою легкую и веселую службу. Хотя пѣсенниковъ приказано смотрителямъ „отдѣлять отъ другихъ (не помѣщихъ) въ особое помѣщеніе (карцеръ), опредѣляя самую умѣренную и меньше другихъ пищу, отъ одного до шести дней включительно на хлѣбъ и на воду“, все-таки отъ этихъ красивыхъ на бумагѣ и слабыхъ на дѣлѣ предписаній пѣсенники не замолчали. Люди и въ заключеніи продолжаютъ пѣть и веселиться. Пѣсни сбереглись въ тюрьмахъ даже въ томъ самомъ видѣ и формѣ, что мы, не обинуясь,

имѣемъ право назвать ихъ собственно-тюремными, какъ исключительно воспѣвающія положеніе человѣка въ той неволѣ, которая называется „каменною тюрьмою“. Скажемъ даже болѣе: тюремныхъ пѣсень скопилось такъ много, что намъ представляется возможность составить исключительно изъ нихъ цѣлый сборникъ (свыше сорока нумеровъ), при этомъ болѣею частью изъ извѣстныхъ только сибирскихъ смыльныхъ. Впрочемъ, большая часть пѣсень принесена изъ Россіи готовыми, въ Сибири онѣ и не улучшались даже, напротивъ, нѣкоторыя, по сравненію съ подобными же русскими, являются въ неполномъ видѣ и нерѣдко искаженными отъ позднѣйшихъ приставокъ и перестановокъ. Въ Россіи эти произведенія народного творчества являются полнѣе и законченнѣе, а въ Сибири случается, что одно цѣльное произведеніе дробится на части и каждая часть является самостоятельною, но при этомъ замаскирована до того, что какъ будто сама по себѣ представляетъ самобытное цѣлое. Вызаетъ и такъ, что мотивы одной перенесены въ другую, отчего кажется иногда, что извѣстная пѣсня еще не приняла округленной и законченной формы, а все еще складывается, ницѣтъ подходящихъ образовъ, вполнѣ удовлетворительныхъ. Нѣкоторые пѣсни людская забывчивость урвзала и обезличила такъ, что онѣ кажутся и бѣдными по содержанію и несовершенными по формѣ. Въ Сибири уцѣлѣли и такіа, которыя или забыты въ Россіи или ушли въ составъ другихъ пѣсень, и наоборотъ.

Въ тюремныхъ пѣсняхъ два сорта: старинныя и новѣйшія. Помѣщая послѣднія для сопоставленія и сравненія съ настоящими и неподдѣльными произведеніями самобытнаго народного творчества (каковы пѣсни древнѣйшаго происхожденія), изъ новѣйшихъ мы выбрали только нѣкоторыя болѣе распространенныя. Старинныя мы включаемъ въ сборникъ (для нихъ собственно и предпринятый) съ тѣмъ убѣжденіемъ, что онѣ начинаютъ исчезать, настойчиво вытѣсняемые дѣланными искусственными пѣснями. Мы едва ли не живемъ именно въ то самое время, когда перевѣсъ борьбы и побѣды склоняется на сторону послѣднихъ *).

Лучшія тюремныя пѣсни (тѣмъ пѣсня старше, древнѣе, тѣмъ она свѣжѣе и образнѣе, тѣмъ ближе къ намъ ея происхожденіе, тѣмъ содержаніе ея скуднѣе и форма не представляетъ возможности желать худшей), лучшія тюремныя пѣсни выходятъ изъ цикла пѣсень разбойничьихъ. Сродство и соотношеніе съ ними настолько же сильно и неразрывно, насколько и самая судьба пѣсеннаго героя тѣсно связана съ „каменною тюрьмою—съ наказаньемъ“. На-

сколько древни похожденія удалыхъ добрыхъ молодцевъ повольничковъ, ушкуйниковъ, воровъ-разбойничковъ, настолько же стародавни и складныя сказанія объ ихъ похожденіяхъ, которыя, въ свою очередь, отзываются такою же стариною, какъ и первоначальная исторія славной Волги, добытой руками этихъ гулящихъ людей и ими же воспѣтой и прославленной. Жизнь широкая и вольная, пренеполненная всякаго рода борьбы и безчисленными тревогами, вызвала народное творчество въ томъ поэтическомъ родѣ, подобнаго которому нѣтъ уже ни у одного изъ другихъ племенъ, населяющихъ землю. Отдѣлъ разбойничьихъ пѣсень про удалую жизнь и преслѣдованія—одинъ изъ самыхъ поэтическихъ и свѣжихъ. Тамъ, гдѣ кончаются вольныя похожденія и заглавствіе пѣсни о неволѣ и возмездіи за удалые, но незаконныя походы, начинается отдѣлъ пѣсень, принятыхъ въ тюрьмахъ, въ нихъ возлегаянныя, украшенныя и обожженныя,—словомъ, отдѣлъ пѣсень тюремныхъ. Оттого онѣ и стали таковыми, что въ тюрьмѣ кончаются послѣдніе вздохи героевъ и сидятъ подпѣвалы и заглавныя, рядовые пѣсенники—хористы и сами голосистые составители или авторы пѣсень. Отъ самыхъ древнихъ временъ сибирскихъ тюремъ готовная и сильная передача о дѣлахъ удальцовъ въ послѣдовательномъ своемъ теченіи не прерывалась, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ перестали атамановъ водить ко вѣшалю и рубить ихъ буйныя головы по самымъ могутнымъ плечамъ. Непосредственно съ Волги и изъ самыхъ первыхъ рукъ завѣщаны сибирскимъ тюрьмамъ русскія тюремныя пѣсни, изъ которыхъ многія получены нами не изъ первыхъ рукъ (изъ тюремъ), а можетъ быть уже и изъ десятыхъ (изъ старожитныхъ селеній, отъ свободныхъ сибирскихъ людей—старожиловъ). Завѣщаніе, такимъ образомъ, возымѣло широкое приложеніе и отъ прямыхъ наслѣдниковъ имущество перешло въ боковыя линіи и, наконецъ, сдѣлалось общимъ достояніемъ, какъ все въ Сибири: гѣса, тайга, луга и степи. Посвянное укрѣпилось и устояло два столѣтія въ цѣльномъ и несокрушимомъ видѣ. Впрочемъ, время и въ Сибири сдѣлало то же, что и въ Россіи (съ которою первая находится въ непрерывномъ и сильномъ общеніи): между всходами чисто-почвенными и оклиматизированными выросли плевелы и выросли въ такомъ обиліи, что грозятъ серьезною опасностью заглушить и послѣдніе остатки самостоятельныхъ и отечественныхъ растений.

Связь и послѣдовательность не теряютъ своей силы; иноземное вліяніе, особенно современное (какъ сказалъ П. В. Кирѣевскій), необходимо проникаетъ во всѣ отношенія внутренняго быта, глубоко уничтожаетъ и искажаетъ народный духъ. „Царствованіе Петрово можно назвать границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсень,

*) Въ приложеніи этомъ не повторяемъ тѣхъ пѣсень, которыя свободно улеглись въ текстъ нашего сочиненія.

которые, послѣ Петра, продолжали возникать только среди волжскаго и донскаго казачества". Поддѣйствія пѣсни о поддѣйствіяхъ походахъ и войнахъ „разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсень; онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытныя памятники времени". Пѣсни, приписываемыя преданіемъ удалымъ товарищамъ Стеньки Разина и ему самому и, стало быть, пѣтыя до Петра, оживлены свѣжею мыслью и блестятъ поэтическимъ колоритомъ; но уже во многомъ лишены того и другого тѣ, которыя составлены дѣтелемъ въ началѣ прошлаго столѣтія, извѣстными въ народѣ подъ именемъ Ваньки Каина. Въ концѣ же прошлаго столѣтія выросли и появились уже во множествѣ тѣ мотивы, на которыхъ ясны слѣды крутой ломки и крупныхъ народныхъ переворотовъ. На эти произведенія народнаго творчества намело пыли и накупилъ пѣсени городовъ съ ихъ фабриками и заводами, трактирами и барскими передними. Живой памяти народной подслужились печатные пѣсенники, особенно сильно пущенные въ народъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, богатаго подобнаго рода сборниками даже во многотомныхъ изданіяхъ. Уцѣлѣла коренная народная пѣсня только въ заголустяхъ, не тронутыхъ городскимъ чужеземнымъ вліяніемъ, и еще въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія изъ южно-русскаго племени (изъ малороссійскаго народа) вышелъ авторъ (Кармелюкъ) тюремной пѣсни, въ которой еще не утрачена сила народнаго творчества, хотя уже и видны нѣкоторые слѣды посторонняго вліянія. Само собою разумѣется, что потребители изъ ссыльныхъ, съ прекращеніемъ доставки отечественнаго матеріала, по неволѣ должны были довольствоваться издалека привозными продуктами, которые и цѣною ниже и достоинствомъ хуже. Крѣпкія льняныя издѣлія домашнего производства и на этотъ разъ уступили мѣсто гнилымъ или непрочнымъ бумажнымъ товарамъ машиннаго дѣла, набивнымъ ситцамъ московскаго фабричнаго досужества. Въ этомъ отношеніи законъ послѣдовательности не утрачивая своей живой и дѣятельной силы даже и въ томъ, что творцами пѣсень и въ наши дни остаются тѣ же самые удалые молодцы, разбойники.

Замѣчено близко стоявшими къ тюремнымъ героямъ и жившими съ ними долгое время бокъ о бокъ, что эти угрюмые, обидчивые и завистливые люди, въ то же время, въ высшей степени тщеславные, хвастливые, слишкомъ увѣренны въ собственныя внутренніе силы и сознательно любующіеся личнымъ характеромъ. Черты эти становятся тѣмъ крупнѣе и очевиднѣе, тѣмъ богаче извѣстный герой походами и заслугами, приведшими его на каторгу. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ода-

ренный поэтической натурою старался самъ похваляться своими походами и уложить ихъ въ складномъ пѣсенномъ произведеніи, предоставляя товарищамъ своимъ только два права: добавить забытое и недосказанное и довести сказаніе до свѣденія людей темныхъ и несвѣдущихъ. Вотъ почему, исходя изъ такихъ наблюденій, народъ приписываетъ разбойничьи пѣсни самимъ разбойничьимъ атаманамъ. Такъ, народное преданіе, ни мало не ошибаясь, увѣряетъ въ томъ, что Стенька Разинъ, сидя въ тюрьмѣ и дожидаясь лютой казни, сложилъ пѣсню и теперь повсюду извѣстную въ видѣ завіщанія его товарищамъ, которыхъ просить онъ „сторонить его между трехъ дорогъ: между московской, астраханской, славной кievской". Удалымъ шайкамъ Степана Тимофеевича то же народное преданіе приписываетъ и тѣ пѣсни, которыя унесены въ сибирскія тюрьмы: „Ты возмой, возмой туча грозная" (имѣющая два начала: „Не рабинушка со береванной совнается" и „Ахъ, туманы, вы туманушки, вы, туманы мои непроглядные"); „Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго, изъ-за горъ, горъ высокихъ *)".

Ванька Каинъ, въ лицѣ котораго народъ привыкъ понимать окаяннаго грабителя, но который, по собственному его признанію, былъ и воромъ, и разбойникомъ и сынчивомъ, въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ тщеславныхъ людей этого полета. Въ собственномъ признаніи его, данномъ въ русскай крѣпости Рогервикъ (теперь Балтійскій портъ), настолько сильно стремленіе его къ хвастовству и неводержно желаніе покрасоваться и походами, и подвигами передъ судьями, и въ крайней бѣдѣ, что Ивана Осипова Каина можно считать протипомъ и народное преданіе особенно не грѣшить, приписывая ему десятка четыре пѣсень. Между этими пѣснями „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ, отъ крутыхъ красныхъ бережковъ, разигралася погодушка верховая, волновая", извѣстная всей Россіи, приписывается всюду этому разбойнику-пѣсельнику. Изъ Каиновыхъ пѣсень въ сибирскія тюрьмы пробрались двѣ: „Не шумика ты, мать, зеленая дубровушка" и „Усы" **); между русскими тюремными приписываются ему же: „Изъ Кремля-Кремля крѣпка города", „Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталаса" и проч. ***). Остроумный на словахъ, находчи-

*) Въ Россіи Разиновыя пѣсни называются: 1) „Помутился славный тихій Донъ", 2) „Изъ славнаго изъ устьяца синь-моря", 3) „У насъ-тобыло, братцы, на тихомъ Донѣ", 4) „Ужъ какъ по морю синему, по синему по Хвалынскому", 5) „Ужъ вы горы, мои горы! прикажите-ка вы, горы, подъ собой намъ постоять", 6) „Какъ во славномъ городѣ, во Астрахани, очутился-проявился тутъ незнамый челоувѣкъ" и проч.

**) „Усы" несомнѣнно воспеваютъ подвиги извѣстнаго разбойника Васки Уса.

***) Каиновыя пѣсенныя, изъ которыхъ большая часть вращается около разбоевъ и тюремъ,

вый и ловкій на дѣлѣ, умѣвшій перенести страсть къ иносказательнымъ выраженіямъ и искусственному воровскому языку и въ пѣсни свои, Иванъ Осиповъ Канинъ разсказъ о своихъ похожденияхъ изложилъ письменно и пустилъ въ народъ. Изуродованная переписчиками тетрадка попала въ руки нѣкоего „жителя города Москвы Матвѣя Комарова“, который, по своему разумѣнію, передѣлалъ разсказъ и издалъ его въ печати три раза (въ 1773, 1778, 1784 годахъ). Въ 1755 году надъ Каниномъ наложена была слѣдственная коммиссія при сыскомъ приказѣ и издатель его пѣсень и походовъ (Комаровъ) выдалъ тамъ и слышалъ его лично. „Канинъ, по благодѣянію секретарскому, содержался въ сыскомъ приказѣ не такъ, какъ прочіе колодники .и, имѣя на ногахъ кандалы, ходилъ по двору и часто прихаживалъ въ переднія сыскаго приказа горницы и тутъ съ подъячими и бывшими иногда дворянами вольно разговаривалъ. Разсказывать онъ свои походы бывшему тогда въ томъ приказѣ дворянину Фед. Фомину Левшину“. Будучи сыщикомъ, онъ проворовался на сыскныхъ дѣлахъ до того, что уворовалъ даже чужую жену. Его судили и присудили выбить кнутомъ, положить клейма, вырвать ноздри и сослать въ каторжные работы въ Рогервикъ, а оттуда въ Сибирь.

Сибирь, съ его легкой руки, не переставала, по образцамъ и примѣрамъ, давать изъ удавшихся разбойниковъ авторовъ тюремныхъ пѣсень. Страшный не такъ давно для цѣлаго Забайкалья разбойникъ Горкинъ не менѣе того извѣстенъ былъ, какъ отличный пѣсельникъ и юморстическій разсказчикъ. Живя по окончаніи срока каторжныхъ работъ на поселеніи, онъ ушелъ весь въ страсть къ лошадамъ и на сво-

полагаются, между прочимъ, изъ извѣстныхъ слѣд.: „Палъ туманъ на синемъ морѣ, «Не бушуйте вы, вѣтры буйные, не шумите вы, лѣса темные», «Ты рабинушка, ты кудрява», «Скучно, матушка, весною жить одной». Впрочемъ, съ большимъ вѣроятіемъ можно принимать за Каниновы пѣсни тѣ, которыя отличаются болѣе искусственнымъ складомъ, отсутствіемъ поэтическаго элемента и стремленіемъ къ тому остроумію, которое составляло его отличительную черту и въ жизни и въ слѣдственныхъ показаніяхъ. Таковы: 1) «Во славномъ было городѣ во Нижнемъ», 2) «Въ Архангельскомъ во градѣ ходятъ дѣвушки въ нарядѣ», 3) «Еще что вы, братцы, призадумались?», 4) «Чарочки по столу купохаживаютъ», 5) «Дѣвушки вино курили», 6) «Вѣщало мое сердце, вѣщало», 7) «Веселъ я, веселъ сегодняшний день». Съ фабричнымъ людомъ Канинъ (къ тому же еще самъ бѣглый лакей) хорошо былъ знакомъ по обязанности сыщика. Для вящаго успѣха по должности онъ получилъ право устроить въ Зарядѣ въ Москвѣ веселое заведеніе съ билъярдомъ, картами и зернью, получившее въ Москвѣ огромную извѣстность. Къ нему валилъ, по новости дѣла, всякій праздный народъ, а особенно суконщики. Фабричные рекомендовали сами себя для услугъ и онъ давалъ имъ пристанище, иногда держалъ чеховъ по 30-ти.

ихъ рысакать возилъ откупныхъ повѣренныхъ, потѣшая ихъ своими лихими пѣснями и необычайно быстрою ѣздой. Съ пишущими эти строки онъ охотливо подѣлился разсказами о своихъ похожденияхъ. Затѣмъ послѣдніе годы онъ приплясывалъ и припѣвалъ на потѣху деревенскихъ ребятъ, шатаясь по Забайкалью въ званіи нищаго. Разбойникъ Гусевъ, бѣжавшій изъ Сибири въ Россію и ограбившій соборъ въ Саратовѣ, въ саратовскомъ тюремномъ замкѣ сложилъ пѣсню: „Мы заочно, братцы, распростились съ бѣлой каменной тюрьмой“, которая ушла и въ Сибирь. Самъ Гусевъ, нѣсколько разъ бѣжавшій оттуда, вновь, послѣ саратовскаго грабежа, уже не пошелъ: его сгубило то же хвастовство разбойничьяго закала и та же страсть къ остротѣ и красному слову, которыми отличались и предшественники его. Когда онъ приведенъ былъ на саратовскую торговую площадь и палачъ хотѣлъ призывать его рѣзнями къ кобылѣ, Гусевъ, обращаясь къ скамейкѣ, закричалъ на весь собравшійся народъ: „Эхъ, кобылка, кобылка! вывозила ты меня не одинъ разъ, ну-ка, вывози опять!“—„Нѣтъ, Ив. Вас.,—замѣтилъ палачъ:—теперь она тебя не вывезетъ!“ И сдержалъ слово: Гусева сняли съ эшафота мертвымъ.

Извѣстный малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ былъ также поэтомъ и авторомъ не разбойничьихъ, но элегическихъ пѣсень, сложенныхъ на родномъ ему языкѣ. Онъ „шалитъ“ на Волини, долго не давался въ руки властей и, наконецъ, убитъ былъ своею коханкою, которая подкуплена была сосѣднимъ помѣщикомъ *).

*) На Волини объ этомъ событіи разсказываетъ народная пѣсня:

Ой ты, Кармелюкъ, по свѣту ходишь,
Не одну дѣвчину изъ ума сводишь,
Не одну дѣвчину, не одну вдову
Вѣлолицу, румяну ще-й черноброву!
Ой ты, дѣвчина, ты чорнявая,
Ой де-съ ты мене приваду ¹⁾ дала?
Во дай ты такъ знавъ зъ сѣней до хаты,
А якъ знаю чимъ чаровати:
Ой у мене чары оченькі карі,
А въ мене отрута ²⁾ въ городѣ рута!
Пишовъ Кармелюкъ до кумы въ гостѣ,
Покинувъ палатъ въ лѣсѣ при мостѣ:
— Ой кумцю, кумцю, посвоимося ³⁾,
— Дай горилочки да напиемося.
Ой раду, раду, ходимъ до саду,
Нарвемо грушокъ повевъ хвартушокъ ⁴⁾,
Сядемо собі подъ яблонею,
Будемо пити медъ за горѣлкою,
Прійде чорнява, підець гуляти!
— Скажи-жъ, дѣвчино, якъ тебе звати,
— Що бъ я потрапивъ ⁵⁾ до твоей хаты?
«А мене звати Магдалиною,
А моя хата надъ долиною,
А моя хата снопами шта ⁶⁾.
Прійди, Кармелюкъ, хочъ буду бита,
Хочъ буду бита—знаю за кого:
Пристало серденько мое до твого!
Ой самъ я дався зъ свѣта сгубати

Въ сибирскихъ тюрьмахъ также сохранилась одна хорошая пѣсня его, безъ сомнѣнія оставленная самимъ Кармелюкомъ, такъ какъ онъ въ Сибири былъ и отсюда убѣжалъ разбойничать на Волыни. На Волыни сохранилась о Кармелюкѣ такая пѣсня въ народѣ:

Повернувся я зъ Сибиру

Но ма минѣ доли.

А здається, не въ кайданахъ,

Еднакъ же въ неволѣ и т. д. (См. ниже).

Намъ самимъ лично удалось видѣть на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ ссыльно-каторжного Мокѣева, сосланнаго за грабежъ и обличавшаго въ себѣ несомѣнно-поэтическую натуру, высказавшюся и въ жизни на волѣ, и въ жизни на каторгѣ и даже выразившюся въ порывахъ къ стихотворству. Ему заказана была пѣсня на отправленіе эскадры для приобрущенія Амура и муза Мокѣева, вдохновляемая пилкинскими картинками и руководимая аккомпаниментомъ торбана, бубна, тарелокъ и треугольника, высказалась въ большой пѣснѣ, которая начинается такъ:

Какъ за Шилкой за рѣкой,
Въ деревушкѣ грязной,
(Обрался народъ простой,
И народъ все разной,

а кончается:

Вдругъ раздался пѣсенъ хоръ,
Пушечъ залпъ раздался.
И по Шилкѣ, между горъ,
Флотъ сибирскій мчался.

Пѣснѣ этой не удалось удержаться у казаковъ (придумавшихъ про Амуръ новую пѣсню, совсѣмъ противоположнаго смысла и настоящаго склада), но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Мокѣеву не мудрено было соблазнить каторжныхъ тѣми своими пѣснями, которыми прилагались онъ къ общему настроенію арестантскаго духа, т. е. когда его муза снисходила до сырыхъ казармъ и тяжелыхъ работъ или хотя бы даже и до купоросныхъ щей. Арестанты, какъ мы видѣли, не взыскательны и въ ущербъ настоящимъ народнымъ пѣснямъ привыкли къ тѣмъ, которые

Що я и сказать кулѣ *) святити.
Сама-жъ ты дала до двора знати,
Щобъ мене вбили у твоей хатѣ!

1) Приманку, приворотное; 2) отраву; 3) будемъ свои; 4) передникъ; 5) намелъ путь; 6) обложена связками (обыкновенно коноплями); 7) пули. Стихи 6—11 разговоръ съ дѣвушкой; Кармелюкъ идетъ къ кумѣ, у которой были тайны свиданія его съ дѣвушкой; ст. 14—21—разговоръ съ кумомъ; ст. 22—29—разговоръ съ дѣвушкой въ домѣ; ст. 30—33—пѣсня отъ лица Кармелюка, жившаго, по народному преданію, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. По образцамъ прошлыхъ вѣковъ и по обычаямъ времени коленщини, пѣсня эта также намекаетъ на гайдамака-характерника, знавшагося съ нечистою силою и умѣвшаго зачуровывать направленія на него пули. Освятить пули въ противодѣйствіе чарамъ было въ обычай у казаковъ временъ козиевщины.

нуждаются въ торбанѣ и трескотнѣ тарелокъ; вкусъ давно извращенъ и поэтическое чутье совсѣмъ утрачено.

Вотъ для пригѣра пѣсня, пользующаяся особенною любовью торешныхъ сидѣльцевъ не только въ Россіи, но и въ Сибири, пѣсня, распространенность которой равносильна самымъ извѣстнымъ и любимымъ стариннымъ русскимъ пѣснямъ. Столичные пѣсельники въ публичныхъ садахъ и на народныхъ гуляньяхъ, извѣстные подъ страннымъ именемъ „русскихъ пѣвцовъ“, вѣстѣ съ цыганами представляютъ тотъ источникъ, изъ котораго истекаетъ вся порча и безвкусіе. Здѣсь же получили образованіе и авторъ прилагаемой пѣсни и здѣсь же выучились находить вдохновеніе новѣйшіе творцы псевдо-народныхъ русскихъ пѣсней. Такова пѣсня въ цѣломъ видѣ и съ болѣе замѣчательными вариантами:

Ни въ Москвѣ, ни за Москвой,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоятъ четыре башни,
По срединѣ Божій храмъ.
(Или по московскому и върѣе:
Въ срединѣ большой домъ),
Гдѣ крестъ на крестъ кайдоры
И народъ сидитъ все воры;
(Или: сидитъ въ тоскѣ).
Сидѣль воронъ на березѣ,
(Или: Рыскаль воинъ на войнѣ),
Еричить воронъ не къ добру: (или на войну)
«Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Здѣсь въ проклятой сторонѣ.
Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
Въ свою сторону бѣжалъ? *)
Никого ты не спросилъ,
Крошъ сердца своего **).
Прежде жилъ ты, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ.
Съ товарищами поводишься,
Капиталъ свой прожогалъ.
Капиталу не сыстало—
Во неволю жить попалъ,
Во такую во неволю:
Въ бѣлый каменный острогъ.
Во неволѣ сидѣть трудно.
(Или: Хороша наша неволя, да—)
(Но) кто знаетъ про нее?

*) Въ Россіи поютъ:
Своей родины бѣжалъ.

**) Въ Россіи прибавка:

На кого же ты покинуть
Мать родную и отца?

(Или: Ты покинуть, ты оставилъ
Ты старушку свою мать,
Отца своего старика!)
— «Уже некому мальчишку
Меня было научить,
А теперьча мальчишку,
Меня поздно научать!
Ужъ и жилъ я, веселился,
Но имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и этотъ капиталъ
Весь я пропилъ-прогулялъ
(Дальше «во неволю жить» и проч.)

Или: «Жилъ бы, жилъ бы веселился,
Капиталецъ свой имѣлъ;
Капиталецъ миновался,
Во неволю жить попалъ.

Посадили насъ на недѣлю—
Мы сидѣли круглый годъ.
За тремя ми за стѣнами
Не видали свѣтлый день.
Но не бось: Творецъ-Господь съ нами,
(Или: Богъ-Творецъ одинъ Онъ съ нами),
Части звѣзды намъ въ ночи сіяли;
Мы и тутъ зарю видали,
Мы и тутъ (или: Лишь мы здѣсь) не про-
падаемъ!

Часто звѣзды потухали,
Заря бѣла занялася.
Варабанъ зорю пробилъ,—
Барабанушко яробивалъ,
Ключиникъ двери отпираетъ,
Офицеръ *) съ требой идетъ,
Всѣхъ на имя насъ зоветъ **):
«Одѣвайтесь, ребяченки,
Въ свои сѣры чепаны!
Вы берите сумочки, вотомки,
Вы сходите съ верку въ низъ,
Говорите въ одну рѣчь».
Что за шутова коляска
Показалась въ городу?
Коней пару запрагаютъ,
Поддаютъ ее сойчастъ,—
Поддаютъ эту коляску
Ко поратному крыльцу:
Сажаютъ бѣднаго мальчишку
Къ эшафотному столбу.
Палачь бѣдъна разбѣжался,
Меня за руки беретъ;
Становитъ меня, мальчишку,
У траурнаго столба.
Велятъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,
На восходъ солнца молиться,
Со всѣмъ міромъ распроститься.
Палачь бѣдъна разбѣжался—
Рубашонку разорвалъ,
На машину меня клали,

*) Вм. офицера—писарь съ требой-
скою идетъ, намъ указы выдаетъ, собираться
скоро во походъ.

**) Въ Россіи эта трагическая сцена разма-
левана иначе:

Свѣтъ небесный во сіяньи:
Варабаны зорю бьютъ,
Варабанъ зорю пробьетъ
Вундеръ двери отворяетъ:
Писарь съ требой идетъ:
Онъ по требованью клечетъ,
Намъ къ суду идти велятъ.
Взяли сумки, помолились
И отправились себѣ...
Насъ въ карету посадили
И съ конвоемъ повезли...
Или: Взяли сумки—подхватили
И въ походъ скоро пошли,
Торбанъ, торбанъ покатилися.
Что за чудна за карета!
Сдвиговался весь народъ,
Что кругомъ конвой идетъ.
У родныхъ сердца забьются,
Слезно плакали объ насъ,
Слезно плакали объ насъ,
Отправляли въ Сибирь насъ.

Здѣсь и конецъ—какъ мы выше сказали—
россійскому надѣлю. Сибирскіе арестанты не
задумались надъ описаніемъ дальнѣйшей кар-
тины и изобразили ее въ послѣднемъ придаѣжѣ
къ пѣснѣ. По словамъ сибирскихъ арестантовъ,
пѣсня эта сочинена въ концѣ 40-хъ годовъ ны-
нѣшняго столѣтія и основная канва ея припи-
сывается, какъ сказано нами, разбойнику Гусеву.

Руки, ноги привязали
Сыроматнымъ ремнемъ.
Вереть бѣдъна кнуты въ руки,
Закричалъ: «братъ, берегись!»
Онъ ударилъ въ первой разъ—
Полились слезы изъ глазъ.
Онъ ударилъ другой разъ—
Закричалъ я: «помилуйте насъ!»

Вотъ какой пѣснѣ въ наше время удалось
попасть во вкусъ потребителей настолько, что
намъ привелось замѣтить нѣсколько сортовъ ея
съ обычною фабричною набойкою; основа гни-
лая и проклееная, утокъ линючихъ цвѣтовъ и
красокъ, и въ Москвѣ, и въ Сибири, и въ Ка-
зани и въ Саратовѣ. Пѣсня стала и люби-
мою и распространенною; рѣдкой другой пѣснѣ
доставалась такая счастливая доля, не смотря
на то, что за нею нѣтъ никакихъ достоинствъ,
каковыми красятся старинныя, настоящія
народныя пѣсни. Въ этой народѣ на рус-
скую пѣсню нѣтъ уже искренняго чувства и
поэтическихъ образовъ, хотя и замѣчается то-
ническій размахъ и рифма. Между тѣмъ, тако-
го склада пѣснями, съ конца прошедшаго сто-
лѣтія, судьба судила занять чужое, не при-
надлежащее имъ мѣсто, какъ бы въ доказа-
тельство того, что народъ уже успѣлъ забыть
старые образы и приемы, самобытные и худо-
жественные, и потянулся къ новымъ, искус-
ственнымъ и прозаическимъ. Во всякомъ слу-
чаѣ, нельзя не видѣть въ этомъ явленіи упад-
ка поэтическаго чутія и художественнаго вку-
са въ силу причинъ, исключительно не зави-
сѣвшихъ отъ народа. Съ такими ли красками
подходили къ своимъ идеаламъ прежніе народ-
ные пѣвцы и такъ ли легко отходили отъ нихъ
прежніе люди? Для образца представляемъ од-
ну старинную пѣсню (записанную въ Саратов-
ской губ.), получившую вдохновеніе и содер-
жаніе свое въ томъ же источникѣ, изъ кото-
раго вытекла и новая торевная пѣсня,—близ-
кая свойственница новомодныхъ лакейскихъ,
трактирныхъ и фабричныхъ пѣсней.

Еще сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ,
Что не гуливалъ я, добрый молодецъ, не поха-
живалъ,

Такова я чуда-дѣва не нахаживалъ,
Какъ нашелъ я чудо-дѣво въ градѣ Кіевѣ:
Среди торгу-базару, середь площади,
У того было колодечка глубокова.
У того было ключа-то подземельнова,
Что у той было конторужки Румянцевой,
У того было крыльчѣка у перильчата:
Ужъ какъ быть-то добра молодца на правѣжъ,
Что на правѣжъ его бьютъ,
Что нагова бьютъ, босова и безъ пояса,
Въ однихъ гарусныхъ чулочкахъ-то, безъ чобо-
тогъ:

Правять съ молодца казну да монастырскую *).

*) У пѣсни варіантъ:

Били добраго молодца на правѣжъ
На жемчужномъ перекрестычѣ¹⁾
Во морозы во хрещенскіе

¹⁾ Въ Москвѣ урочище: мѣсто старыхъ казней.

Изъ-за горь-то было горь, изъ-за высокихъ,
Изъ-за лѣсу-то было лѣсочку, лѣса темнова,
Что не утренняя зорюшка знаменуется,
Что не праведное красно солнушко выкатается:
Выкаталась бы тамъ карета красна золота,
Красна золота карета государева.
Во каретушкѣ сидѣлъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ.
Случилось ему ѣхать посередѣ торгу;
Ужъ какъ спрашивалъ надежа-православный

царь,
Ужъ какъ спрашивалъ добра молодца на прав-
вежѣ:

«Ты скажи-скажи, дѣтина, правду-истину:

Еще съ кѣмъ ты казну крадѣ, съ кѣмъ разбой
держалъ?

Если правду ты мнѣ скажешь—я пожалую,
Если ложно ты мнѣ скажешь—я скоро скавию.
Я пожалую тебѣ, молодецъ, въ чистомъ полѣ
Что двумя тебя столбами да дубовыми,
Ужъ какъ третьей перекладной кленовою,
А четвертой тебя петелькой шоловою».
Отвѣчать ему удалый добрый молодецъ:
— «Я скажу тебѣ, надежа-православный царь,

Во два прутика желѣзные.

Онъ стоитъ удаленькій, не трахнется,
И русы кудри не шелохнутся,
Только горючи слезы изъ глазъ катятся.
Наѣзжалъ къ нему православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Не золотая трубышка вострубила,
Не серебряна сыпovочка возыграла,
Тутъ возговоритъ царь Петръ Алексѣевичъ:
«Вы за што добротнова казните?
Вьете-казните казнью смертною?»
Тутъ возговорятъ мужики приходскіе:
«Ужъ ты гой еси, православный царь,
Царь Петръ Алексѣевичъ!
Мы за то его бьемъ-казнимъ:
Онъ покралъ у насъ Николу-то Можайскова
И унесъ казны сорокъ тысячей».
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
«Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,
Не вели меня за слово казнить-вѣшать,
Прикажи мнѣ слово молвити,
Мнѣ себя, добра молодца, поправить.
Не я покралъ у нихъ Николу-то Можайсково,
И не я унесъ у него золоту-казну,
А покрали его мужики-кашны.
Только случилось мнѣ, доброму молодцу,
Это дѣло самому видѣти.

Гулялъ я, молодецъ, по бережку
На желтомъ песку, при мелкомъ лѣску,
И увидѣлъ, что они дѣлятъ казну,
Не считаючи дѣлять—отгребаячи.
У меня, у молодца, сердце разгорѣлося,
Молодецкая кровь раскипѣлася,
Ломаю я, молодчикъ, мостовиночку дубовую,
Перебилъ я мужиковъ до полу-смерти,
Иныхъ прочихъ чуть живыхъ пустить.
И взялъ я у нихъ золоту казну.
Взявши казну, сталъ пересчитывать:
Насчиталъ казны сорокъ тысячей».
Тутъ не золотая трубышка вострубила,
Не серебряна сыпovочка возыграла,
Какъ возговоритъ надежа-православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ:
«Ты куда такову казну дѣвалъ?»
Тутъ возговоритъ добрый молодецъ:
«Ужъ ты гой еси, православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ,
Прогулялъ я во кружалѣ
Со голытьбою со кабацкою!»

Я скажу тебѣ всю правду и всю истину,
Что не я-то казну крадѣ, не я разбой держалъ!
Ужъ какъ крали-воровали добры молодцы,
Добры молодцы, донскіе казаки.
Случилось мнѣ, молодцу, ити чистымъ полемъ,
Я завидѣлъ въ чистомъ полѣ сырой дубъ стоять,
Сырой дубъ стоять въ чистомъ полѣ крако-
вистый.

Что пришелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
Что подѣ тѣмъ подѣ дубомъ подѣ краковистымъ,
Что казаки они дѣль дѣляли,
Они дѣль дѣляли, дуванъ дувалили.
Подошелъ я, добрый молодецъ, къ сыру дубу,
Ужъ какъ бралъ-то я сырой дубъ посередѣ его,
Я выдергивалъ изъ матушки сырой земли,
Какъ отряхивалъ корни о сыру землю.
Ужъ какъ тутъ-то добры молодцы испугались:
Со дѣли они, со дувану разбѣжались:
Одному мнѣ золота казна досталась,
Что не много, и не мало—сорокъ тысячей.
Я не въ кладѣ-то казну клалъ, животомъ не
звалъ,
Ужъ я клалъ тое казну во большой-отъ домъ,
Во большой-отъ домъ, во царевъ кабакъ».

Вотъ тѣ пѣсни, которые намъ удалось слы-
шать въ Сибири отъ ссыльных или собствен-
но тюремныя пѣсни:

I.

При долинушкѣ выросъ кустъ съ малинушкой
(или съ калинушкой)
На кусточкѣ ли (или на калинушкѣ) сидитъ
младъ соловейшко.

Сидитъ, громко свищетъ.
А въ неволюшкѣ сидитъ добрый молодецъ,
Сидитъ, слезно плачетъ;
Во слезахъ-то словечушко молвилъ:
— Растоскуйся ты, моя любезная, разгорюйся!
Ужъ я самъ-то по тебѣ, любезная,
Самъ я по тебѣ сгорѣвался.
Я отъ батюшки, а отъ матушки
Малой сынъ остался
«Кто тебя, сироту, вспоилъ, вскормилъ?»
— Вскормилъ, вспоилъ православный миръ,
Возлелѣла меня чужая сторона,
Воскачала-то меня легкая лодка.
А теперь я, горемышный, во тюрьму попалъ,
Во тюрьму попалъ, тюрьму темную.

II.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горь, горь высокихъ,
Выплывала лодка легкая.
Ничѣмъ лодочка не изукрашена,
Молодцами изусажена;
Посередѣ лодки бѣлъ шаторъ стоитъ;
Подѣ шаторѣ-то золота казна;
Караульщицей красна дѣвица,
Дѣвка плачетъ, какъ рѣка льется;
У ней слезы, какъ волны бьются.
Атаманъ дѣвку уговариваетъ:
— Не плачь, дѣвка, не плачь, красная!
«Какъ мнѣ, дѣвушкѣ, не плакати?»
Атаману быть убитому,
Палачу (саулу?) быть разстрѣлену!
А мнѣ, дѣвушкѣ, тюрьма крѣпкая
И сосланище далекое.
Въ чужедальную сторонку,
Что въ Сибирь-то некрещенную!»

III.

Ты воспой, воспой,
Жавороночекъ,
На крутой горѣ,
На проталинкѣ.
Ты утѣшь-ко, утѣшь
Меня молодца,
Меня молодца
Во неволюшкѣ,
Во неволюшкѣ
Въ каменной тюрьмѣ,
За тремя дверьми
За дубовыми,
За тремя цѣпями
За желѣзными.
Напишу письмо
Къ своему батюшкѣ,—
Не перомъ напишу,
Не чернилами,
Напишу письмо
Горючими слезами.
Отецъ съ матерью
Отступились:
«Какъ у насъ въ роду
Воровъ не было,
Ни воровъ у насъ,
Ни разбойниковъ».

IV.

Ужъ ты, гуленька мой голубочекъ,
Сизокрылый ты мой воркуночекъ!
Отчего ко мнѣ, гуленька, въ гости не летаешь?
Развѣ домичка моего ты не знаешь?
Мой домикъ раскрашенной: ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,

Только печка муровая, труба дымовая.
Какъ во трубочку дымокъ повѣваетъ,
А у моей любушки сердце занываетъ.
Ахъ, вы нянюшки-мамушки!
Вы берите ключи золотые,
Отпирайте замки вы витые,
Вынимайте вы уборы дорогіе.
Вы идите къ чиновникамъ съ поклономъ—
Выручайте, дружки, изъ неволи!
Или голоску моего, гулинька, ты не слышишь:
Мой громкой голосъ вѣтеркомъ относитъ?
Или сизыя твои крылья частымъ дождемъ

мочить,
Холоднымъ осененькимъ сверху поливаетъ?
Какъ не ласточка кругомъ саду летаетъ,
Не касаточка къ землѣ низко припадаетъ,
А про мое несчастье видно не знаетъ:
Вудто я, добрый молодецъ, во тюрьмѣ сижу,
во неволѣ.

Что никто-то, никто ко мнѣ, доброму молодцу,
Не зайдетъ, не зайдетъ, никто не заглянетъ.
Тутъ зашла-зашла къ нему гостюшка дорогая,
Вотъ его-то любушка милая;
Не гостить зашла, а провѣдать.
Ужъ ты, любушка, ты моя радость дорогая,
Выкупай ты меня Бога для изъ неволи!
Не жалѣй ты своихъ цвѣтныхъ уборовъ:
Ты сходи-тея, сходи въ домъ къ прокурору,
Попроси ты его слезно, попрошай-ка:
Не отпустить ли онъ меня, молодца,
На вольной свѣтъ погуляти,
Свое горе лютое разогнати? *)

*) Въ Холмогорахъ (Арх. г.) мнѣ удалось записать еще вариантъ этой пѣсни древнѣйшаго происхожденія:

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего

V.

Соловейко ты мой, соловейко,
Разнесчастный ты мой соловейко!
Ты не вей себя, не вей себя теплаго гнѣздышка,
Не вей при дорожкѣ,
А совей-ка лучше его при долинь:
Тамъ никто его, никто не раззорить
И твоихъ малыхъ дѣтушекъ никто не разгонитъ.
Какъ у Троицы было подъ горою,
За каменномъ было за стѣною,
Тамъ сидитъ, сидитъ добрый молодецъ,
Онъ сидитъ, сидитъ въ каменной тюрьмѣ;
Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года.
Что никто къ нему, разудалому,
Никто не зайдетъ, никто не зайдетъ.
Тутъ зашла къ нему гостюшка дорогая,
Къ нему матушка его родная;
Не гостить зашла, а провѣдать:
— «Какое-то тебѣ, сыну милому,
Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ?
Во тюрьмѣ сидѣть за рѣшетками,
За рѣшетками за желѣзными?»
— Ахъ ты матушка, ты родимая!
Ты сходи, сходи къ прокурору въ домъ,
Попроси-ка ты его милости,
Не отпустить ли меня, доброго молодца,
На свѣтъ бѣлый погулять еще?

VI.

Привелось мнѣ, доброму молодцу,
Вхаты мимо каменной тюрьмы.
На тюремномъ-то на бѣломъ окошечкѣ
Сидѣлъ добрый молодецъ:
Онъ чесалъ свои русы кудерушки
Частымъ бѣлымъ гребешкомъ.
Расчесавши свои русы кудерушки,
Самъ восплакалъ слезно и сказалъ:
«Вы подуйте-ка, бурны вѣтры,

Въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ
Сизова относитъ,
Частымъ дождемъ
Крылья-перья мочить.
Мой миленькой,
Мой милой дружечекъ!
Ты пошто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь?
Твой отецъ да мать
Тебя не спускають,
Родъ они, племя
Тебѣ запрещаютъ?
Сидѣлъ-посидѣлъ
Удалой молодчикъ
Въ темной темницѣ.

У той у темной, у темной темницы.
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Еще въ ней нѣту ни красна крылечка,
Только есть одна труба дымовая,
Изъ той трубы дымъ-отъ повѣваетъ,
Меня молодцу горе разбираетъ.
Пойду я, млада, съ горя въ зеленъ садикъ,
Пойду-возьму я ключи золотые;
Отопру я сундуки-зарцы кованы,
Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
Стану дружка-дружка выкупати,
Изъ неволюшки его выручати,
Грозень судья, судья-воевода,
Моей казны - казны не приметъ.
Меня молодцу горе разбираетъ!
Пойду молада я съ горя въ чисто поле,
Пойду, нарву я лютаго коренья,
Буду, стану я судью опонти.

На родиму сторону!
Отнесите-ка вы, вѣтры буйные,
Моему батюшкѣ низкій поклонъ,
Какъ моей родимой матушкѣ челобитнице!
А женѣ молодой вотъ двѣ волюшки:
Какъ первая воля—во вдовахъ сиди,
А вторая воля—замужъ поиди!
На меня-то, молодца, не надѣйся,
У меня-то, молодца, есть своя печаль
непридуманная:
Осужень-то я на смертную казнь,
Бѣ наказанью-ль кнутомъ да немилостному *).

VII.

Ты не пой-ка, не пой, младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ,
На проталинкѣ—на проталинкѣ.
А воспой-ка, воспой, младъ жавороночекъ,
Воспой-ка, воспой при долинѣ.
Что стоитъ ли тюрьма,
Тюрьма новая,
Тюрьма новая, дверь дубовая;
Что сидитъ ли тамъ, сидитъ добрый молодецъ,
Онъ не годъ сидитъ, онъ не два года,
Сидитъ ровно семь годовъ.
Заходила къ нему матушка родная!
«Что я семь-то разъ, семь разъ выкупала,
Что и семь-то я, семь тысячъ потеряла,
Что осмой-то, осмой-то тысячи не достаю».

VIII.

Садъ ли мой, садочекъ,
Садъ зеленый виноградъ!
Отчего садикъ поблекъ?—
Въ саду Ванюшка гулялъ,
Красныхъ дѣвочъ забавлялъ,
Во побѣдушку попалъ,
Во побѣду, во нужду:
Въ крѣпку каменну тюрьму.
Подъ окномъ Вана сидѣлъ,
Съ конемъ рѣчь говорилъ:
«Ахъ, ты, конь мой вороной,
Конь, добра лошадь моя!
Ты не выведешь меня
Изъ побѣды, изъ нужды,
Изъ крѣпкой каменной тюрьмы».
Какъ солнце на восходѣ,—
Ведутъ Ваню на допросъ.
Попередъ палачъ съ плетями,
Позадъ жена съ дѣтьми
Уливается слезами.
«Ахъ, ты, женушка моя!
Жена, барыня моя!
Чѣмъ дарила палача?»
—Со бѣлой шей платкомъ,
Со правой руки кольцомъ.—
Красно солнце на закатъ,
Ведутъ Ванюшку назадъ.

Сопоставляя эти пѣсни рядомъ, мы видимъ въ нихъ разительное сходство въ основныхъ мысляхъ: одна служитъ основаніемъ другой. Если источникъ этихъ пѣсней лежитъ въ думахъ заключенниковъ русскихъ тюремъ (гдѣ онъ, по всему вѣроятію, и придуманъ), то, тѣмъ не

менѣе, пѣсни эти любимыя и у сибирскихъ арестантовъ. Одна пѣсня (№ IV) даже до такой степени освоилась въ Сибири, что ее тамъ признаютъ всѣ за свою, называютъ сибирского національною и знаютъ ее и поютъ всѣ, начиная съ тюремныхъ казармъ и крестьянскихъ избъ и кончая богатыми кабинетами и гостиницами богатыхъ кушочковъ и золотопромышленниковъ. Эта—одна изъ самыхъ извѣстныхъ и распространенныхъ пѣсней въ Сибири, не смотря на то, что коренной сибирякъ вообще пѣть не охотникъ, мало знаетъ пѣсней и почти ни одной своей не придумалъ. Сибирскому можно назвать упомянутую пѣсню развѣ потому только, что сибиряки нѣсколько измѣнили напѣвъ, отличающійся отъ русскаго большею тоскливостью (къ тому же онъ и растянутѣе). Творчество въ Сибири, повидимому, не шло дальше того, что завѣщено Россією, и остановилось, удовлетворенное старыми русскими образцами. Взаимнъ того, въ Сибири замѣтно явленіе противоположнаго свойства: тамъ изъ готоваго матеріала составляются новыя пѣсни, въ которыхъ начало взято изъ одной, конецъ приставленъ изъ другой. Эта перетасовка и перекройка стиховъ—дѣло обычное у арестантовъ, примѣры мы укажемъ ниже. Вотъ, между прочимъ, одинъ, отвѣчающій сразу тремъ пѣснямъ, помѣщеннымъ нами подъ №№ III, IV и V. Въ Россіи III пѣснь отвѣчаетъ слѣдующая очень распространенная:

Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темной темницѣ,
Во темной темницѣ-заключенникъ;
Пишетъ онъ грамотку къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ:
«Охъ ты, матушка, родной батюшка!
Выкупи, выручи добраго молодца,
Добраго молодца изъ темной темницы».
Какъ отецъ-то и мать отказались,
Всѣ сродники отступаются *).
Ты воспой, воспой, милъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темной темницѣ,
Во темной темницѣ, въ заключенникъ;
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
Къ красной дѣвицѣ, прежней полюбовницѣ:
«Выкупи, выручи добраго молодца,
Ахъ ты, душечка—красная дѣвица,
Ты, прежняя моя полюбовница!»
Красная дѣвица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
«Охъ, вы нянюшки, мои мамушки!
Вы берите скорѣй золотыя ключи,
Отпирайте вы кованыя ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте добраго молодца,
Добраго молодца изъ темной темницы,
Изъ темной темницы-заключенника».

Пѣсня подъ № VIII составлена изъ двухъ, изъ которыхъ одна поется въ Россіи такъ:

*) Въ извѣстной русской пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ на синее море», мотивъ этотъ повторяется въ концѣ съ такимъ вариантомъ:

«Молодой женѣ скажите мою волюшку—
На всѣхъ ли на четыре сторонюшки,
Малымъ дѣтушкамъ благословеньице».

*) Въ Россіи вариантъ:

Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Ни воровъ у насъ, ни разбойничковъ.

Ужъ ты, веснушка наша весна!
 Ты не къ радости, весна, пришла,
 Не къ радости, весна, не въ честь,
 Во великой большой сухотѣ.
 Ужъ ты, садъ ли мой, садикъ,
 Садъ—зеленый виноградъ!
 Отчего ты, садикъ, весь посохъ?
 Въ саду канюшка—Ваня гулялъ,
 Всею травинку Ваня помялъ,
 Али цвѣтики всѣ Ваня перервалъ,
 Красну дѣвицу терялъ,
 Во тюрьму Ваня попалъ.
 Во тюремшкѣ Ваня сидѣлъ,
 Самъ въ окошечко глядѣлъ,
 На добраго коня смотрѣлъ,
 Съ конемъ рѣчи говорятъ:
 «Ужъ ты, конь ли мой конекъ,
 Конь добраго лошади мой!
 Что не вынесешь меня
 Съ бѣлой каменной тюрьмы?»

Вторая однородная русская пѣсня (древнѣйшей формы) такова:

Добры молодцы всѣ на волюшкѣ живутъ,
 Одинъ Ванюшка въ побѣдущкѣ сидитъ:
 Въ каменной, Ваня, государственой Москвѣ,
 Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшетками,
 За желѣзными дверями,
 За висящими замками.
 За утра Ваню къ наказанью ведутъ,
 Къ наказанью—ко ременному кнуту,
 Къ столу крашенному, дубовому.
 По праву руку отецъ съ матерью идуть,
 По лѣвую руку молода жена съ дѣтьми,
 Молода жена съ дѣтьми малыи,
 Позади его православный весь народъ.
 Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
 «Ты сини съ меня шелковой поясъ
 Съ позолоченными на немъ ключиками.
 Отопри, жена, окованъ сундукъ,
 Ужъ ты вынь отоль золотой казны,
 Ты дари, жена, молодого палача,
 Чтобы молодой палачъ меня легче наказывалъ!»

Для пѣсни подъ № IV имѣется въ Россіи такой вариантъ:

Не ласточка ко мнѣ прилетала,
 Касаточка вѣстку приносила:
 Будто бы мой-то миленькой сидитъ во неволѣ,
 Во той тюрьмѣ, въ губернской острогѣ.
 Во той тюрьмѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
 Одна труба и та дымовая;
 Изъ трубоньки дымокъ повѣивать,
 У дѣвушки сердце занывавать.
 Пойду, млада, въ высоки хоромы,
 Возьму, млада, ключи золотые:
 Отопру, млада, ларцы кленовые,
 Пойду, млада, всѣхъ судей дарить.
 Судьи денегъ моихъ не принимаютъ,
 Любезнаго ко мнѣ не пугаютъ.

Въ Россіи еще извѣстны слѣдующія прекрасныя тюремныя пѣсни:

1.

Изъ-подъ цвѣтика да каменной Москвы,
 Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
 Какъ изъ той ли тюрьмы да ведутъ молодца,
 Ведутъ молодца да вѣдь ко вѣшанью.
 Идетъ молодецъ да самъ не качается,
 Его буйная головушка не тряхнется,

Его русые кудерки не шелохнутся.
 Во рукахъ-то онъ несетъ воскову свѣчу,
 Вѣды ручоньки да воскомъ залило.
 Какъ на вѣтрѣчу ему православный царь.
 Еще сталъ государь его разспрашивать:
 — «Ты скажи-ка, скажи мнѣ, добрый молодецъ,
 Скажи, съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?»

— Ужъ ты, батюшка благовѣрный царь!
 Я не самъ-то воровалъ, не самъ разбой держалъ:
 Воровали твои да донски казаки,
 Донски казаки да казаченьки;
 Все казаченьки дуванъ дуванили,
 Дуванъ дуванили, казну дѣлили,
 Казну дѣлили, да казну-денежки;
 Ужъ какъ я ли, молодецъ, при томъ случѣ былъ,

При томъ случѣ былъ да все паю просилъ;
 Ужъ какъ мнѣ-то, молодцу, паю не дали..
 Всѣ казаченьки да испугались,
 По низкимъ мѣстамъ разбѣжались,
 По низкимъ мѣстамъ по болотикамъ,
 Одному-то мнѣ казна досталась.

Вариантъ въ 1-мъ приложеніи: „Еще сколько я, добрый молодецъ, не гуливалъ“ и проч.)

2.

Ходилъ-то я, добрый молодецъ, по чистому полю:
 Мягкая постелюшка—зеленый песокъ,
 Изголовье мое—шелкова трава!
 Какъ во селѣ было во Лисковѣ,—
 Тутъ построена крѣпкая темница.
 Какъ во той во крѣпкой темницѣ
 Посажень сидитъ добрый молодецъ,
 Добрый молодецъ Чернышевъ, Иванъ

Григорьевичъ.
 Онъ по темницѣ похаживаетъ, самъ слезно плачетъ,

Самъ слезно плачетъ, онъ Богу молится:

«Ты возмой, возмой, туча грозная!
 Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы:
 Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички,
 Невольнички неохотнички».
 Всѣ невольнички разбѣжались,
 Во темномъ лѣсу они собирались,
 Сошлись они на поляночку,
 На поляночку на широкую.
 «Ты взойди, взойди, красное солнышко!
 Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
 Добрыхъ молодцевъ, сиротъ бѣдныхъ,
 Сиротъ бѣдныхъ, безпашпортныхъ».
 Ниже города, ниже Нижнаго
 Протекала тутъ рѣчка быстрая,
 По прозванью рѣчка Волга-матушка.
 Течетъ Волга-матушка по дикимъ мелкимъ

камушкамъ,
 Какъ по рѣченькѣ плыветъ легка лодочка.
 Эта лодочка изукрашенная,
 Все молодчиками изусаженная.

3.

Какъ свѣтилъ да свѣтилъ мѣсяцъ во полуночи,
 Свѣтилъ въ половину;
 Какъ скакалъ да скакалъ добрый молодецъ
 Безъ вѣрной дружины.
 А гнались да гнались за тѣмъ добрымъ
 молодецъ

Вѣтры полевые;
 Ужъ свистятъ да свистятъ въ уши разудалому
 Про его разбоя.
 А горятъ да горятъ по всѣмъ по дороженькамъ
 Костры стражевые;

Ужъ слѣдять да слѣдять молодца-разбойника
Царскіе разбѣды;
А сулятъ да сулятъ ему, разудалому,
Въ Москвѣ бѣлокаменной каменны
палаты.

4.

Ужъ ты воля, моя воля, воля дорогая,
Ты воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по торгу (или: во Москвѣ дѣвка) гуляла—
красоту теряла;
Красоту дѣвка теряла (платочекъ украла), въ
острогъ жить попала
Скучно грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ
сидѣти,
Во неволюшкѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежитъ путь-дорожка.
Какъ по этой по дорожкѣ много идуть-ѣдутъ.
Моего дружка, Ванюши, его слѣду нѣту.
За быстрою за рѣкою мой Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ, товаръ
закупаешь,
Товаръ Ваня закупаетъ купеческой дочкѣ.
Ужъ и то-то мнѣ досадно, хоть была бы лучше!
Развѣ тѣмъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе и брови чернѣе.

5.

Не рабинушка со березонькой
Совивается,
А не травонька со травонькой
Соплетается.
Какъ не мы ли, добрые молодцы.
Совыкались.
Какъ лѣса ли, въ лѣсочки,
Лѣса наши темныя!
Вы кусты ли, наши кусточки,
Кусты наши великіе!
Вы станы ли, наши станочки,
Станы наши теплыя!
Вы дружья ли, наши дружья,
Братцы-товарищи!
И еще ли вы, мои лѣсочки,
Лѣсъ повырбленные!
Всѣ кусты ли, наши кусточки,
Всѣ поломанные!
Вы станы ли, наши станочки,
Всѣ разворенные!
Всѣ дружья наши, братцы—
Товарищи посажены,
(Остался одинъ товарищъ—
Стенька Разинъ сынъ).
Рѣзвы ноженки въ кандалахъ заклепаны.
У воротъ-то стоятъ грозные сторожи,
Грозные сторожи—бравые солдатшки.
Никуда-то намъ, добрымъ молодцамъ,
Ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу намъ, ни выпуску
Изъ крѣпкой тюрьмы.
Ты возмой, возмой туча грозная,
Ты разбей-ка, разбей змѣяныя тюрьмы!

6.

Не отъ пламечка, не отъ огнечка
Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль-трава;
Добирался огонь до бѣлаго до камешка.
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпалило-то у ясна сокола крылья быстрыя,
Ужъ какъ пѣшъ ходитъ младъ ясенъ соколъ по
чисту полю.
Примѣтили къ ясну соколу черны воронны;
Они граяли, смѣялись ясну соколу,

Называли они ясна сокола вороною:

— Ахъ, ворона ты, ворона, младъ ясенъ соколъ
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколъ чернымъ
воронамъ:

— Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны воронны!
Какъ отрошу я свои крылья соколинныя,
Поднимусь я, младъ соколъ, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я по поднебесью,
Опущусь я, младъ ясенъ соколъ, ко сырой землѣ;
Разобью я ваше стадо, черны воронны,
Что на всѣ ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я въ синее море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда-то было ясну соколу пора-времячко,
Что леталъ младъ ясенъ соколъ по поднебесью;
Убивалъ младъ ясенъ соколъ гусей-лебедей,
Убивалъ младъ ясенъ соколъ сѣрыхъ утокъ.
Что когда-то было добру молодцу пора-времячко,
Что ходилъ гулялъ добрый молодецъ на во-
люшкѣ,
Что теперь добру молодцу поры-время нѣтъ.
Засаженъ сидитъ добрый молодецъ во побѣд-
ности:
У злыхъ вороговъ добрый молодецъ въ земляной
тюрьмѣ.
Онъ не годъ-то сидитъ, добрый молодецъ, и не
два года,
Что сидитъ-то добрый молодецъ ровно трид-
цать лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала сѣде-
шенька,
Что бородушка у добра молодца стала бѣлешенька.
А все ждетъ-то онъ, поджидаетъ выкупъ—вы-
ручки:
Былъ и выкупъ бы, была выручка, своя волюшка,
Да далечева родимая сторонушка!

Два послѣднихъ стиха приставлены изъ дру-
гой пѣсни; безъ нихъ она поется вся въ цѣль-
номъ видѣ на Уралѣ. Въ нашемъ сборникѣ
пѣсенъ она восполняется недостающее и забы-
тое на Нерчинскихъ заводахъ въ той пѣснѣ,
которая помѣщена нами въ текстѣ 2-й главы
„На каторгѣ“, а записана за Байкаломъ.

Въ Россіи сохранилась въ народной памяти
еще слѣдующая пѣсня, отвѣчающая содержа-
ніемъ своимъ многимъ тюремнымъ пѣснямъ:

7.

Изъ Кремля, Кремля крѣпка города,
Отъ дворца, дворца государева,
Что до самой ли Красной площади
Пролежала тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца большого боярина,
Что большого боярина—атамана стрѣлцаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли, молодецъ, не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется.
Передъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена.
Они плачутъ, что рѣка летаетъ,
Возрыдають, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговаривають:
— Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,

Принеси свою повинную;
 Авось тебя государь-царь пожалуетъ,
 Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ.
 Каменъ въ сердце молодечкое,
 Онъ противится парю, упрямуется,
 Отца, матери не слушается,
 Надъ молодой женой не сжалится,
 О дѣтихъ своихъ не болѣзнуетъ.
 Привели его на площадь Красную:
 Орубилъ буйну голову,
 Что по самы могучи плеча.

Сохранились и пѣсни, завѣщанныя вождями и другими разбойниками, нѣкогда наполнившими сибирскія тюрьмы въ избытѣ. Ими же занесены и забыты многія пѣсни и въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ, гдѣ успѣли эти пѣсни на наши дни частью измѣнить, частью изуродовать, а частью обмѣнять на другія. Свободное творчество не получило развитія, причину тому ближе искать въ постоянныхъ преслѣдованіяхъ приставниками. Пѣсни въ тюрьмѣ—запрещенный плодъ. Дальѣйшая же причина, естественнымъ образомъ, зависитъ отъ тѣхъ общихъ всей Россіи причинъ историческихъ, которыя помѣшали создаваться новой пѣснѣ со временъ Петра Великаго. Вначалѣ вытѣсняли народныя пѣсни соблазнительныя солдатскія (военныя), въ которыхъ ярко и сильно высказалось въ послѣдній разъ народное самобытное творчество (особенно въ рекрутскихъ). Съ особенною любовью здѣсь приняты и особеннымъ сочувствіемъ воспользовались пѣсни рекрутскія и въ сибирскихъ тюрьмахъ: и „По горамъ, горамъ по высокимъ, младъ сизой орелъ высоко летать“, и „Какъ по морю-моречку по Хвалынскому“ и „Не шуми-ка ты, не грѣши, мать зелена дубравушка“ *). Затѣмъ растянули по лицу земли рус-

*) Вотъ въ какомъ видѣ являются эти три пѣсни въ Сибири на каторгѣ:

I.

По горамъ, горамъ
 По высокимъ,
 Младъ сизой орелъ
 Высоко летать,
 Высоко летать,
 Жалобно кричалъ.
 Во строю солдатъ
 Тяжело вздыхалъ:
 „Мнѣ не жалъ, не жалъ
 Самого себя,
 Только жалко мнѣ
 Зелена сада.
 Во зеленомъ саду
 Есть три деревца:
 Первое деревцо—
 Книпарисово,
 Другое деревцо—
 Сладка яблонька,
 Третье деревцо—
 Зелена груша.
 Книпарисъ древо—
 Родной батюшка;
 Сладка яблонька—
 Родна матушка.

ской войска въ то время, когда уже познакомились они съ дѣланною, искусственною и за-
 казною пѣснью; потомъ завелись фабричныя и

Зелена груша—
 Молода жена.

II.

Какъ по морю-моречку по Хвалынскому
 Плывутъ восплываютъ тридцать кораблей:
 Одинъ-отъ корабликъ попередъ бѣжить,
 Онъ бѣжить-бѣжить, соколомъ летить.
 На томъ ли на корабликѣ Рыжковъ атаманъ.
 «Гребите вы, молодцы, подгребайте,
 Своихъ бѣлыхъ рученекъ не жалѣйте!
 Какъ за нами, за молодцами, три погони:
 Первая погонюшка—то солдаты,
 Вторая погонюшка—то гусары,
 Третья погонюшка—донски казаки.
 Первой погонюшки не боюся,
 Второй-то погонюшки не страшуся,
 Третьей же погонюшки я боюся.
 То не пулечка свинцовая пролетаетъ,
 Не калено ядрышко прилетаетъ,
 Атамана Рыжкова убиваетъ.

III.

Не шуми-ка ты, не греми,
 Мать зелена дубравушка!
 Не мѣтай-ка ты, не мѣтай
 Мнѣ, молодцу, думу думать!
 Ахъ, приходитъ же на дубравушку,
 Приходитъ невзгода.
 Вотъ невзгодюшка да на дубравушку—
 Зимонька холодна.
 Исповысушить, исповыкрутить
 Всѣ листь-коренья.
 Какъ на крутенькомъ и на прекрасенькомъ
 Быть я на ярочкѣ,
 Какъ на желтенькомъ на разсыпчатомъ
 На мелкомъ песочкѣ.
 Что не черныя-то въ погѣ
 Вороны слетались,—
 Солетались-собиралися
 Молодцы ребятушки.
 Вы солдатюшки, вы молоденьки,
 Вы новобраны!
 Получили ли вы, ребятушки,
 Царскія присяги?
 Что жъ ты, рѣченка, что жъ ты, быстрая,
 Долго не проходишь?
 Ледокъ тоненькій, ледокъ осененькій
 Долго не проносишь?
 Нашихъ милыхъ голубушекъ
 Долго не провозишь?
 Наши милыя голубушки
 Сами перебѣдутъ.
 Извѣстная былина-пѣсня «Совѣщаетъ князь
 Михайло со широкаго подворья», рассказываю-
 щая объ убійствѣ свекровью невестки, въ си-
 бирскихъ тюрьмахъ извѣстна до мельчайшихъ
 подробностей и даже представляетъ лучший, по-
 нятнѣйшій вариантъ. Въ Сибири одно убійство слу-
 жить поводомъ къ двумъ новымъ убійствамъ:
 Вынимаетъ князь Михайло
 Изъ ноженъ булатный ножикъ:
 Онъ пронзаетъ свое сердце,
 Онъ пронзаетъ ретивое.
 Какъ возговорить его матушка родима:
 „Ахти, злодѣйка я, согрѣшила,
 Три души я погубила:
 Се-де сына, се невестку,
 Се младенца во утробѣ!“

потасили въ народъ свои доморощенныя пѣс-
ни, находящіяся въ близкомъ родствѣ съ ка-
зарменными; наконецъ, втиснули въ народъ пе-
чатные пѣсенники съ безграмотными москов-
скими и петербургскими виршами, съ романса-
ми и цыганскими бездѣлушками. Но въ сол-
датскихъ и фабричныхъ пѣсняхъ уже утрати-
лась старая, ловкая грань и заявила новая
фальшивая, а потому и не мудрая. Да пусть
живетъ и такая, когда нѣтъ другой: на сво-
бодѣ пѣсня творится, на волѣ поется, гдѣ и
воля, и холя, и доля, а обо всемъ этомъ въ
тюрьмахъ нѣтъ и помина.

Въ сибирскихъ тюрьмахъ есть еще нѣсколь-
ко пѣсень, общеупотребительныхъ и любимыхъ
арестантами, не смотря на то, что онѣ, по до-
стоинству, сродни кисло-сладкимъ романсамъ
пѣсенниковъ. Рѣшаюсь привести только три въ
образчикъ и въ доказательство, что другія, по-
добныя имъ, и знать не стоить.

ПЕРВАЯ.

Сидитъ пташечка во клѣткѣ,
Словно рыбочка во сѣтѣхъ.
Видитъ птичка клѣтку,
Клѣтку очень рѣдку,
Избавиться не можетъ.
Крылья-перья бѣдна перебила,
Все по клѣточкѣ летала.
Вострый носикъ притупила,
Все по щелочкамъ клевала.
Отчего же у насъ слезы льются,
Словно сильны быстры рѣки?
Слезы льются со кручины,
Со великой злой печали.
Вспомню, мальчикъ—сожалѣюсь,
Гдѣ я, маленькій, родился.
Приведу себя на память,
Съ кѣмъ когда я веселился.
Имѣлъ я пишу, всяку растворенность,
Вѣлъ я хлѣбъ съ ситою,
Имѣлъ я кровать нову тесовую,
Перинушку перовую.
Я теперя, бѣдный, ничего не имѣю,
Кромѣ худой рогожонки.
Я валяюсь, бѣдный, подъ ногами
До такого время-часу:
Ожидая самъ себя рѣшенья
Изъ губернскаго правленья.
Неизвѣстно, что намъ, братцы, будетъ,
Чѣмъ дѣла наши рѣшатся.
Перетеръ я свои ножки рѣзвы
Желѣзными кандалами;
Перебилъ я свои ручки бѣлы
Нѣмецкими наручниками;
Приглядѣлъ я свои ясны очи
Сквозъ желѣзную рѣшетку:
Вижу, все люди ходятъ по волѣ,
Я одинъ, мальчикъ, во неволѣ.

ВТОРАЯ.

Хорошо въ острогѣ жить,
Только денежкамъ не водѣ.
По острогамъ, по тюрьмамъ.
Ровно крысы пропадѣмъ.
Какъ пойдетъ доходъ казашный—
Только брюхо набиваемъ;

Отойдеть доходъ казашный—
Только спину подставляя... и проч.

ТРЕТЬЯ.

Суждено намъ такъ страдать!
Быть, прелестная, съ тобой
Въ разлукѣ—тяжко для меня.
Охъ! я въ безжалостной странѣ!
Гонимый варварской судьбой,
Я злосчастье испыталъ.
Промель мятарства все земныя
На длинной цѣпи въ кандалахъ.
Тому причиной люди злы.
Судья, судья имъ—небеса.
Знакомъ съ ужасной я тюрьмою,
Гдѣ много лѣтъ я пострадалъ.
Но вотъ ужъ, вотъ ужъ—слава Богу!—
Вдохнувъ, я самъ себя сказалъ:
Окончилъ тяжкія дороги
И въ Сибирь я жить попалъ,
Гдѣ часто, какъ ребенокъ, плачу:
Свободы райской я лишенъ.
Ахъ! я въ безжалостной странѣ.
Въ странѣ, гдѣ коварство рыщетъ,
Гдѣ нѣтъ пощады никому,
Гдѣ пламенная язва пышетъ,
Подобно аду самому.
Лишь утрени заря восходитъ,
Словно въ адъ закипитъ,
Приказаніе приходитъ,
Дежурный строго прокричитъ:
«Вставай живѣе, одѣвайся!
Все къ разводу выходи!»
Но вотъ одно, одно мученье:
Манежно учать ходить насъ.
Я Богу душу оставляю,
Жизнью жертвую царю,
Кости себя оставляю,
Сердце маменькѣ дарю *).

Несомнѣнно, что сочиненіе этихъ пѣсень
принадлежитъ какимъ нибудь мѣстнымъ пѣнтамъ,
которые пустили ихъ въ толпу арестантовъ и
занесли, такимъ образомъ, въ цыклъ тюремныхъ
пѣсень. Не задумались и арестанты принять
ихъ въ руководство: благо пѣсни въ нѣкото-
рыхъ стихахъ близки къ общему настроенію
духа, намекаютъ (не удовлетворяя и не раз-
дражая) о нѣкоторыхъ сокровенныхъ думахъ и,
пожалуй, даже гадательно забѣгаютъ впередъ
и кое-что разрѣшаютъ. Не гнушаются этими
пѣснями арестанты, потому что требуютъ толь-
ко склада (ритма) на голосъ (для напѣва) а,
за другими достоинствами не гоняются. Такова,
между прочимъ, пѣсня ссыльных, любимая ими:

*) Извѣстны еще длиннѣйшія вирши: «По-
вольте вспомнить про бывое» и проч. и «На
дворѣ шумѣла буря, вѣтеръ форточкой стучалъ»;
«Я видѣлъ, какъ въ странѣ чужой моихъ со-
братьевъ хоронили» и пр., все неудачныя по-
пыткы, рассчитывающія на дальнѣйшее развитіе
тюремной пѣсни, но пользующіяся нѣкоторымъ
успѣхомъ только въ военныхъ вѣкторныхъ
тюрьмахъ. За ними одно досадное право—вы-
тѣснять мало по малу самобытные перлы народ-
наго творчества. Изъ извѣстныхъ романсовъ
пробрался въ тюрьмы между прочимъ Барла-
мовскій: «Что не вѣтеръ вѣтку клонить».

Ужъ ты, матушка Расея,
Выгоняла насъ отца (2-жды),
Намъ отца (отеца) не хотѣлось (2-жды)
Сударушка не велѣла (2-жды),
Любить до вѣку хотѣла (2-жды).
Какъ за рѣчкой за Дунайкой (2-жды),
Красныя дѣвушки тамъ гуляли,
Промежду собой рѣчь говорили,
Все по дѣвушкамъ тужили:
— Что на дѣвушку за горе,
Что на красну за такое?
Съ горя ноженъки не носятъ,
Бѣлы ручки не владають;
Съ плечъ головушка скатилась,
По кроваткѣ раскатилась,
Дружка милаго хватилась.

Однако, нѣкоторымъ достоинствомъ и даже искусствомъ, облачающимъ опытнаго стихотворца, отличается одна пѣсня, извѣстная въ нерчинскихъ тюрьмахъ и предлагаемая, какъ образецъ туземнаго, сибирскаго творчества. Пѣсню подцвѣтили даже мѣстными словами для пушлага колорита: является омулевая бочка—виѣстилище любимой иркутской рыбы омуля, во множествѣ добываемой въ Байкалѣ и, въ соленомъ видѣ, съ достоинствомъ замѣняющей въ Сибири голландскія сельди; слышится баргузинъ, какъ названіе сѣверо-восточнаго вѣтра, названнаго такъ потому, что дуетъ со стороны города Баргузина и замѣчательнаго тѣмъ, что для нерчинскихъ бродягъ всегда благопріятный, потому что попутный. Наталкиваемся въ этой пѣснѣ на Акатуй—нѣкогда страшное для ссыльных мѣсто, ибо тамъ имѣлись каменные мѣшки и ссыльных сажали на цѣпь, Акатуй—предназначавшійся для безнадежныхъ, отчаянныхъ и почему либо опасныхъ каторжниковъ. Въ серединѣ пѣсни выплываетъ мы и въ рѣчку Карчу—маленькую, одну изъ 224 рѣчекъ, впадающихъ въ замѣчательное и знаменитое озеро-море Байкаль.

Славное море, привольный Байкаль!
Славный корабль—омулевая бочка!
Ну, баргузинъ, пошелъ на валъ,
Плыть молодцу недалеко.
Долго я звонкія цѣпи носилъ,
Душно мнѣ было въ горахъ Акатуй!
Старый товарищъ бѣжать не собиравъ:
Ожилъ я, волю почувъ.
Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь,
Горная стража меня не видала,
Въ дебряхъ не тронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала.
Шелъ я и въ ночь и средь бѣлаго дня,
Вкругъ городковъ я просматривалъ зорко.
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Весело я на сосновомъ бревнѣ
Плыть чрезъ глубокія рѣки пускался.
Мелкія рѣчки встрѣчались мнѣ—
Въ бродъ я чрезъ нихъ направлялся.
У моря струсилъ немного бѣглець;
Берегъ крутой, а и нѣтъ ни корыта.
Шелъ я Карчой и дошелъ, наконецъ,
Къ бочкѣ, древую замытой.
Нечего думать—Богъ счастье послалъ:
Въ этой посудѣ и быкъ не потонетъ;
Труса достанетъ и на суднѣ валъ,

Смѣлаго въ бочкѣ не тронетъ.
Тѣсно въ ней жить омулямъ—
Мелкія рыбки, утѣштесь словами:
Разъ побывать въ Акатуй бы вамъ,—
Въ бочку ползали бы сами.
Четверо сутокъ нолусъ по волнамъ,
Парусомъ служить армякъ дыроватый,
Близко видѣются горы и лѣсъ:
Могъ погулять бы и здѣсь, да бѣсъ
Тянетъ къ родному селенью (Конца нѣтъ).

Вотъ, стало быть, и баринъ какой-то снизошелъ подаркомъ и написалъ арестантамъ стихи, на манеръ столичнаго способа, къ которому прибѣгали стихотворцы и водевилисты, желавшіе приглубить и задобрить трактирныхъ половыхъ, банщиковъ и клубныхъ швейцаровъ.

Около той же темы ходилъ и авторъ слѣдующей, такъ называемой бродяжьей пѣсни.

Обойдемъ мы кругомъ моря,
Половину бросимъ гора;
Какъ придемъ мы во Култукъ,
Подъ окошечко стукъ-стукъ.
Мы развяжемъ торбатѣйки,
Стрѣлки станемъ саватѣйки.
Надаютъ намъ хлѣба-соли
Надаютъ и бараболи (картофеля).
Хлѣба-соли наберемъ,
Въ баньку ночевать пойдемъ.
Тутъ приходять къ намъ старыя
И ребята молодыя
Слушать Франца-Венцеевна,
Про Вову и Еруслана;
Проводятъ ночь съ нами ради,
Хотя потъ течетъ съ нихъ градомъ.
Сибирякъ развѣситъ губы
На полѣ въ бараньей шубѣ...

Арестанты—повторимъ опять—ничѣмъ не брезгаютъ: они берутъ въ тюрьму (хотя тамъ и передѣлываютъ по своему), также и пѣсни свободныхъ художниковъ, какими были, напр., поэты Лермонтовъ и Пушкинъ. Берутъ въ тюрьму (и только переименовываютъ немного) и пѣсню, сложенную на другомъ русскомъ нарѣчій и тоже поэтомъ и художникомъ, какимъ былъ, напр., извѣстный малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ. Въ то же время поютъ арестанты: „Ударилъ часъ—мѣдъ зазвучала“, „дно, разутѣется, съ приличною прибавкою: „Ударилъ часъ—цѣпь зазвучала и будто стоны издала; слеза на грудь мою упала, душа заныла—замерла“. Поютъ арестанты и „Лишь только занялась заря“ и „Проснется день моей красы“, „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“ и „Я въ пустыню удаляюсь“, „Взвейся ласточка—вскружися“, и „Вотъ въ ночной ярилась буря“, и „Не слышно шуму городского“;—все тѣ, однимъ словомъ, пѣсни, которыя близко подходятъ своимъ смысломъ къ настроенію общаго тюремнаго духа. Въ особенности распространена послѣдняя:

Не слышно шуму городского
Въ заневской башнѣ тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная звѣзда.

Распространена тѣмъ болѣе эта пѣсня, что въ ней есть и бѣдный юноша—ровесникъ младымъ пѣвущимъ деревьямъ, который въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню и отдаетъ тоску волнамъ. Выражено и прощанье съ отчизною, роднымъ домомъ и семьей, отъ которыхъ узникъ за желѣзною рѣшеткою на вѣкъ сокрылся, и прощанье съ невѣстою, женою и тоска о томъ, что не быть узнику ни другомъ—ни отцомъ, что застынетъ на свѣтѣ его мѣсто и сломится его вѣнчалное кольцо. Выражена въ пѣснѣ и надежда: „Есть русскій царь въ алатой коронѣ: горитъ на немъ алмазь алатой“, — и мольба: „Яви ты милость намъ на тронѣ: будь намъ отецъ,—помилуй насъ!“ „Устроилъ я себѣ неволю (поетъ пѣсня дальше), мой жребій—слезы и тоска, и горестную эту долю содѣлала рука моя“, —и заключаетъ такъ: „Прошла ужъ ночь—и на разсвѣтѣ алатой лучъ Феба возсіялъ, но бѣдный узникъ въ казематѣ все ту же пѣсню запѣвалъ“. Рекомендуютъ арестанты и своихъ авторовъ въ большомъ числѣ (изъ заклятыхъ торбанистовъ), но мы пѣсни ихъ приводить не станемъ за бесплодностью содержанія и уродствомъ формы. Но вотъ, для образца, та пѣсня, въ которой извращенъ Лермонтовъ:

Между горъ то было Енисей
Раздается томный гласъ,
Какъ сидитъ несчастный мальчикъ
Со унылою душой.
Вѣлы рученки ломаетъ,
Проклиналъ судьбу свою:
Злонесчастная fortuna,
Ты на что родишь меня?
Всѣ товарищи гуляютъ,
Забавляются съ друзьями,
Только я, несчастный мальчикъ,
Уливаюсь слезами.
Вы подайте мово друга,
Коня вороного мнѣ,
Ужъ ты конь, ты лошадь добра!
За одно со мной страдай!
Тамъ звѣри люты воорычали,
Растерзавъ тебя хотятъ.
Не ходи, несчастный мальчикъ,
Лишь погибелъ тамъ твой.
Я взялъ бы себѣ друга—
Своего добраго коня:
На тюрьмѣ-то тамъ высокой
Дверь тяжелая съ замкомъ.
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ.
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вихоръ, улечу.
Лишь красавицу милую
Прежде сладко поцѣлую.

У этой пѣсни есть двойникъ, какъ будто передѣлка Пушкина:

Сидѣлъ молодецъ въ томницѣ,
Онъ глядѣлъ на бѣлый свѣтъ
На чернобровую дѣвицу,
На сивогриваго коня.
— Я бѣ на конечка садился,
Словно бѣ пташка полетѣлъ.
Весело бѣ съ милой встрѣчался—

Со полуночной звѣздой.

— Ахъ! до зари бѣ не сидѣла
Въ новой спальнѣ подъ окномъ,
Я украдкой не дарила-бѣ
Золотымъ съ руки кольцомъ.
Я слила бѣ изъ воску яраго
Легки крылышки себѣ:
Я-бѣ спорхнула, полетѣла.
Гдѣ мой миленькій живетъ.
Живетъ мой за рѣченкой далеко,
А я, млада, за другой.
— Если любишь ты меня,—
Перейди, радость моя!
— Я бѣ рада перешла,
Переходечку не нашла;
Переходечекъ нашла—
Лежатъ жордочка тонка *).

Третья пѣсня, приписываемая Кармелюку, съ меланхолическимъ оттѣнкомъ въ напѣвѣ, досталась намъ только въ нѣсколькихъ кушетахъ и притомъ въ томъ видѣ, какъ сохранилась она въ сибирскихъ тюрьмахъ. Самъ Кармелюкъ изъ сибирскихъ тюремъ, какъ сказано выше, жилъ, будучи сосланъ туда съ Волины за разбой. До ссылки онъ жилъ у своего пана въ буфетчикахъ, наблюдалъ за посудой и серебромъ. Серебро украли, подозрѣніе пало на Кармелюка; его билъ панъ почти ежедневно, Кармелюкъ не стерпѣлъ и ушелъ въ бѣга. Его снова преслѣдовали, онъ рѣшился мстить: поджегъ панскій домъ, собралъ головорѣзовъ, началъ разбойничать, былъ пойманъ, наказанъ и сосланъ. Возвращаясь на родину изъ Сибири, черезъ Уралъ, какъ говоритъ преданіе, переплылъ на воротахъ (дошатахъ отъ казачьей хаты). На родинѣ продолжалъ разбойничать, заступаясь за хлопотъ и преслѣдуя пановъ на всякомъ мѣстѣ, по всякому вызову обиды крестьянской. Похожденіями своими онъ наполнилъ всю Волину; слава о немъ распространилась по всему югу. Рассказы о его подвигахъ составляютъ цѣлую эпопею, которая ждетъ своего рассказчика. По рассказамъ этимъ, онъ одинъ изъ героев народныхъ (можетъ быть изъ послѣднихъ), отстаивавшихъ съ энергіею, послѣдовательно и благородствомъ казачью волю и долю отъ панскаго произвола. Популярность его доказывается не одними пѣснями, которые распѣваетъ вся южная Русь. Преданіе увѣряетъ, что онъ не загубилъ ни одной души человѣческой и былъ рыцаремъ въ лучшемъ облагороженномъ смыслѣ. Во время своихъ похожденій

*) Конечъ въ этой пѣснѣ выкраденъ изъ извѣстной народной:

Ахъ ты, ночь ли ночь,
Ночка темная,
Осенняя бурная.—

съ тою отнѣною, что мѣрный стихъ народной обмѣненъ на искусственный стихотворный. Въ подлинникѣ такъ:

Перейди сударушка, на мою сторнушку.
Рада бѣ я перешла—переходу не нашла.
Переходечекъ нашла—лежитъ жердочка тонка,
Жердочка тонка—рѣчка глубока.

на Волыни, представляющих ряд честных поступков, онъ два раза былъ схваченъ. Одинъ разъ спасся тѣмъ, что, идучи подъ конвоемъ солдатъ въ тюрьму, встрѣченъ былъ въ лѣсу паномъ, вѣхавшимъ въ каретѣ. Панъ спросилъ, кого ведутъ и, узнавъ, что Кармелюка, ругалъ его, упрекалъ въ злодѣйствахъ. Когда Кармелюкъ убѣдилъ его, упреками въ битѣ лежакаго и несчастнаго, на денежную помощь и панъ отворилъ дверцы, чтобы подать злотку, а Кармелюкъ подошелъ принять милостыню, — дверцы кареты захлопнулись послѣ того, какъ Кармелюкъ былъ схваченъ и посаженъ въ на-рету, въ виду оторопѣвшихъ конвойныхъ, его переодѣтыми хлопцами — сообщниками. Другой разъ, посаженный въ тюрьму, убѣжалъ изъ нее и увелъ вмѣстѣ съ собою соизниковъ въ темную и бурную осеннюю ночь такимъ образомъ. Тюрьма стояла вблизи ограднаго частокола. Кармелюкъ выломалъ желѣзную рѣшетку въ окнѣ, связалъ рубашки арестантовъ въ длинную веревку; на концѣ привязалъ камень и конецъ этотъ забросилъ между остріями острожныхъ палей: сдѣлался мостъ. По мосту этому ушли утеклцы въ лѣсъ и на волю. Убить онъ былъ въ хатѣ своей коханой, подкупленной паномъ, въ то время, когда шелъ къ ней на свиданіе черезъ сѣни, въ которыхъ засѣлъ панычъ съ товарищами. Убить былъ — по преданію — изъ ружья, заряженнаго пуговицею, какъ характерникъ (колдунъ). Когда проходилъ черезъ сѣни, въ темнотѣ показались головы преслѣдователей. Почувявъ недоброе, Кармелюкъ спросилъ любовницу и успокоился, что это овцы. Въ это время пуля угодила ему въ лобъ и положила на мѣстѣ. При этомъ народное преданіе прибавляетъ, что панычъ съ товарищами были сосланы въ Сибирь за убійство, такъ какъ на подобное преслѣдованіе никто ихъ не уполномочивалъ, а Кармелюкъ не былъ тѣмъ злодѣемъ, который былъ бы достоинъ смерти. Вотъ его пѣсня:

Вовутъ меня разбойникомъ,
Скажутъ: убиваю.
Я никого не убилъ,
Бо самъ душу маю.
Возьму гроши съ богатаго —
Убогому даю;
А такъ гроши подѣливши, —
Самъ грѣха не маю.
Комисары, исправники
За мною гоняютъ.
Больше вонн людей губять,
Чѣмъ я грошей маю.
Маю жинку, маю дѣтокъ,
Да и тѣхъ не бачу:
Якъ згадаю про ихъ участь,
То горько заплачу
А такъ треба стерегчися,
Треба въ лѣсу жити,
Хоть здается — свѣтъ великій:
Негдѣ ся подити... *)

И, въ заключеніе, еще четыре пѣсни сибирскихъ тюремъ, изъ которыхъ одна коренная и самобытная, пѣсня собственно тюремная:

Ты, тюрьма ли моя, ты тюрьма-злодѣйшка,
Для кого построена,
Ахъ, для кого построена?
Не для насъ-то ли, добрыхъ молодцевъ,
Все воровъ-разбойничковъ? (2 раза).
Ужъ какъ по двору-то все, двору тюремному,
Ходить злодѣй — староста (дважды).
Онъ въ рукахъ-то ли несеть,
Несеть онъ большіе ключи.
Отворяетъ онъ, злодѣй-староста,
Онъ двери тюремныя, —
И выводитъ насъ, добрыхъ молодцевъ,
Онъ насъ къ наказанію...

Конца этой пѣсни я узнать не могъ; сообщавшій мнѣ ее поселенецъ не допѣлъ до конца: „Забылъ-де, живя теперь на волѣ“... Другая пѣсня — на мѣстномъ тюремномъ языкѣ — извѣстна въ Сибири подъ названіемъ: „Пѣсни несчастнаго“. Она поется на одинъ голосъ съ предыдущею.

Нѣтъ несчастіе молодца меня:
Все несчастія повстрѣчались съ молодцомъ со мною;
Тюрьмахъ, принадлежать слѣдующей пѣснѣ, сохранившейся въ пѣльномъ видѣ на Волнѣ и записанной тамъ Н. И. Костомаровымъ:
Повернулся я въ Сибирю,
Не ма минѣ доли,
А здається, не въ кайданахъ (въ кандалахъ),
Еднакъ же въ неволѣ.
Слѣдятъ мене въ день и въ ночи,
На всяку годину:
Негдѣ мене подѣтися,
Я отъ журбы гину.
Маю жинку, маю дѣти,
Хочъ я ихъ не бачу,
Якъ згадаю про ихъ муку,
То горько заплачу.
Зибравъ себѣ жавыхъ (т. е. рѣзвыхъ) хлопцевъ,
И що жъ минѣ зъ того?
Засѣдаю при дорозѣ,
Жду подорожного?
Чи хто иде, чи хто їде —
Часто дурно ждати:
А такъ треба въ лѣсѣ жити,
Бо не маю хаты.
Часомъ возьму зъ богатого —
Убогому даю.
А такъ гроши поділивши,
Я грѣха не маю.
Вовутъ меня разбойникомъ
Кажуть — разбиваю.
Я жъ никого не забивъ,
Бо самъ душу маю.
Ассесоры, справники
Всѣ мене гоняють,
Бильше вонн людей забили,
Нижъ я грошей маю.
Пишовъ бы я въ мѣсто, въ село:
Всюду мене знають —
А бы бѣ тилько показався,
То заразъ поймають.
А такъ треба стерегчися,
Треба въ лѣсѣ жити,
Хочъ здається свѣтъ великій —
Негдѣ ся подити.

*) Отрывки эти, оставшіеся въ сибирскихъ

Не могу-то я, молодецъ, спокойно ^{провести,} ^{ночки} .
Я должонъ день рожденьяца своего ^{клясти.} ^{клясти.}
На свою судьбу буду Богу жалобу нести:
Ты, судьба ли моя, ты, несчастная судьба,
Никакой ты мнѣ отрады не дала,
Еще больше того въ огорченье привела!
Съ огорченья плѣнень молодецъ жожу.
Я пойду-то, молодецъ, въ гостинный дворъ гулять,
Я куплю-то себѣ трехрублевую свѣчу
И поставлю ее въ высококъ терему:
Ты гори-ка, гори, моя бѣлая свѣча,
Пропaday-ко, пропадай, моя молодецка красота!

Третья пѣсня, носящая названіе „Пѣсни бродягъ“ и—преданіемъ приписываемая „славному вору, мошеннику и сыщику московскому Ванькѣ Каину“, жившему въ началѣ прошлаго столѣтія:

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталась безпріютная моя головушка,
Безпріютная моя головушка молодецкая.
Ужь куда-то я, добрый молодецъ, ни кинулся:
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпкіе караулы;
Они спрашиваютъ печатнаго паспорта,
Что за красною печатью сургучовой.
У меня, у добра молодца, своерушной,
Что на тоненькой на бѣлой на бумажкѣ.
Что куда ни пойду, братцы, ни пойду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, доброму молодцу, нѣтъ
счастья.

Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни своей матушки спрочуся:
— Ты скажи-скажи, моя матушка родная:
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты такимъ меня счастьемъ надѣлила?

Четвертая сибирская пѣсня, извѣстная подъ именемъ заводской и записанная нами въ нерчинскомъ Вольшомъ заводѣ со словъ слышнаго, пришедшаго съ Урала (изъ Пермской г.), передана была съ нѣкоторою таинственностью. Знакомецъ нашъ придавалъ ей большое значеніе, какъ бы какой многозначительной загадкѣ и, проговоривъ пѣсню, просилъ разгадать ея смыслъ. Вотъ эта послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ тюремныхъ пѣсенъ, знакомая и Россіи:

За рѣкой было, за рѣченъкою,
Жили-были три бабушки,
Три Варварушки,
Три старыя старушки—
Три постриженницы.
У первой у старушки
Было стадо коровъ.
У второй-то старушки
Было стадо быковъ.
У третьей у старушки
Нѣтъ никого:
Одна козушка рязаночка.
Принесла она козла
И съ тѣмъ виѣсть дурака—
Москвитенника.
По три годы козелъ,
По три годы дуракъ,
Подъ полатями стоялъ,
Макинки зобалъ
Толокончатая,

А помоечки пилъ
Судожойчатый.
Сталь же козель,
Сталь же дуракъ,
На возрастъ,—
У бабушки Варварушки
Отпрасиваться
Въ чисто поле гулять.
Помель жо козель
Помель же дуракъ.
Онъ ножками бьетъ,
Какъ тупицами събьетъ *).
Глазками глядитъ
Какъ муравчиками **).
Въ стрѣчу козлу,
Въ стрѣчу дураку,
Незнакомый звѣрь:
Стрелекъ и маленекъ,
Глазки на выпучкѣ.
Обошедши козель кругомъ,
Паль ему въ ноги челомъ.
Не вѣдаю о чемъ.
—Какъ тебя, сударь, зовутъ,
Какъ тебя, сударь,
По изотчеству?
Не смерть ли ты моя.
Да не съѣшь ли ты меня,
Козла-дурака
И москвитенинка?
— Какаля твоя смерть?
Вѣдь я зайныка
Пучеглазенькой:
Я по камушкамъ скачу,
Я осиночку гложу..
Спрошу я у тебя,
У козла-дурака
И москвитенинка,
Про семь волковъ,
Про семь брателковъ.
«Я шести не боюсь,
Я и семи не боюсь!
Шесть волковъ
На спину унесу,
А седьмого волка
Во рту (или въ губахъ) утащу»
Иаъ шести овчинъ
Шубу сошью,
А седьмой овчиной
Шубу опущу.
Отошлю эту шубу
Бабушкѣ Варварушкѣ:
Спать будетъ тепло
И потягаться хорошо».

Эта пѣсня приводитъ насъ къ особому отдѣлу пѣсень, которому мы могли бы придать названіе юмористическихъ, если бы онѣ въ полной мѣрѣ слодствовали съ тѣми русскими пѣснями, въ которыхъ дѣйствительно много своеобразнаго юмора. Беззапятная веселость, легкая насмѣшливость составляютъ отличительную черту такихъ пѣсень, распѣваемыхъ на волѣ свободными людьми. Въ тюремныхъ же пѣсняхъ веселость и насмѣшливость приправлены, съ одной стороны, значительною долей желчи, съ другой — отличаются крайнею безнравственностью содер-

*) Въ Россіи варіантъ:

Онъ ножками трясеть
Да мережки плететь.

**) Т. е. очень бойко,—какъ объяснилъ пѣ-
сельникъ.

жания: веселость искусственна и неискренна, настишка сорвалась въ одно время съ большого и испорченного до уродства сердца. Съ настоящими юмористическими народными пѣснями эти тюремныя имѣютъ только общаго одно: веселый напѣвъ, такъ какъ и онъ долженъ быть плясовымъ, т. е. заставлять скованные ноги, по мѣрѣ возможности, выдѣлывать живыя и ловкія колѣна, такъ какъ и въ тюрьмѣ веселиться, плясать и смѣяться иной разъ хочется больше, чѣмъ даже и на вольной волюшкѣ. Пѣсенъ веселыхъ немного, конечно, и собственно въ смыслѣ настоящихъ тюремныхъ, которыя мы назовемъ плясовыми, изъ извѣстныхъ намъ характеристикъ другихъ двѣ: „Охъ бѣдный ежъ, горемышнй ежъ, ты куда ползешь, куда ежишься“? и „Эй усы—усы проявились на Руси“. Первая во многихъ частностяхъ не удобна для печати наравнѣ съ десяткомъ другихъ казармейнаго грязнаго содержанія (Фенькой, Мигачемъ, Настей, Кумой и другими).

Вмѣстѣ съ поляками-повстанцами и слѣдомъ за своимъ паномъ княземъ Романомъ Сангушко присланъ былъ въ Сибирь въ Нерчинскіе рудники Онуфрій Ворожбюкъ, крестьянинъ Подольской губерніи, одинъ изъ многочисленныхъ торбанистовъ Вацлава Ржевусскаго, эмира золотобродаго, ученикъ торбаниста шляхтича Видорта.

Григорій Видортъ (род. 1764 г.), народный украинскій поэтъ, былъ съ Ржевусскимъ на востокѣ. Въ 1821 году онъ перешелъ къ Евстафію Сангушкѣ и восхвалялъ его на торбанѣ только годъ; въ этомъ же году онъ умеръ, передавъ свое ремесло сыну Казтану (умершему въ 1851 г.). Казтанъ Видортъ былъ послѣдній торбанистъ-художникъ. Сынъ послѣдняго уже утратилъ искусство отца и дѣда, но продолжалъ забавлять Романа Сангушку пѣснями дѣда. Изъ нихъ въ честь Романа Сангушки сохранились многія, сочиненныя на малороссійскомъ языкѣ. Эмиръ, какъ извѣстно, любилъ лошадей и украинскую музыку. Для лошадей имѣлъ конюшню, не уступающую въ роскоши многимъ дворцамъ. Въ комнатахъ, украшенныхъ съ турецкою роскошью, Ржевусскій любилъ по вечерамъ слушать торбанистовъ, которые газмазопети рапи пѣли пѣсни, сложенныя въ честь его. Эти пѣсни принесъ съ собою Ворожбюкъ на каторгу, познакомилъ съ ними каторжныхъ, а кстати выучилъ и другимъ малорусскимъ пѣснямъ. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ, сочиненныхъ Видортомъ и переданныхъ Ворожбюкомъ, помнили ссыльные поляки. Вотъ одна изъ нихъ, чествующая эмира съ лошадьми:

Гей? выхавъ нашъ Ревуха
Въ чистый степъ гуляти,
Перевисивъ черезъ плечи
Сигадакъ богатый.

Грай море! черное море, биле море, сине море,

гала гаду гу-гу-гу-гу, гала-гиду гу-гу-гу-гу.

Сивы кони поимали

Гидые и черны.

Тѣште мене, щобъ не тужилъ,

Ревуха моторный.

Грай море! черное море, биле море, и т. д.

Шахтаниръ. Тамира (наши кони)—

Томъ мой соколъ!

Коли всѣду, смѣло иду

Не спаду николи!

(Припѣвокъ).

Ахъ ты, Гульда, моя мила,

Коли на ты сяду.

Носишь мене по вятру—

Николи не спаду.

Подай, Саво, коня своею,

Нехай меня знаютъ;

Коли сяду на кони я

Жылы миня драмуть и проч.

„Мелодія пѣсни (говорить Аг. Гиллеръ) скорая, красивая и настоящая украинская, весьма сильно свидѣтельствующая о композиторскомъ талантѣ Видорта. Ворожбюкъ въ Сибири пѣвалъ ее съ энергіей и всегда только подъ вдохновеніемъ любимыхъ и милыхъ воспоминаній. Эти пѣсни оживляли его измученное сердце и разглаживали морщины на нахмуренномъ челѣ. А прекрасно пѣлъ Ворожбюкъ и мастерски игралъ на торбанѣ! Онъ былъ извѣстенъ въ ссылкѣ подъ именемъ торбаниста“. Попался онъ въ ссылку такимъ образомъ:

Фантазеръ, эмиръ Zlotobrody, въ 1831 г. ушелъ въ повстаніе съ оружіемъ, лошадьми и торбанистами и погибъ въ битвѣ подъ Даховымъ. Ворожбюкъ былъ взятъ въ плѣнъ и приговоренъ въ Сибирь. Въ толпѣ узниковъ шелъ онъ въ ссылку веселый, пѣвучій, остроумный и болтливый. Достоинствами этики и другими онъ служилъ въ походѣ располагать конвойныхъ солдатъ въ свою пользу и выбивать у нихъ различныя уступки и льготы для товарищей. Ссылные товарищи дали ему прозвище „шахрая“ (барышника, жиды, торгующаго ветошью). Всѣ шахрая любили, шахрай всѣхъ веселилъ. Шли по Волыни и Украйнѣ не въ скудости, потому что паны и панны дѣлали для узниковъ различныя складчины изъ денегъ, одежды и вещей, потребныхъ на дальнюю и трудную дорогу. Въ Нерчинскихъ рудникахъ Ворожбюкъ женился на сибирячкѣ, занялся хозяйствомъ, торговалъ водкою, но, главное, работалъ деревянными курительными трубками, которыя и раскупались товарищами и сибиряками. Низенькій и смуглый, онъ былъ настоящимъ типомъ русина съ черными волосами и яснымъ взоромъ“.

Народныя русскія пѣсни покушались идеализировать преступниковъ и характеризовали, между прочимъ, двухъ преступницъ—убійцъ въ слѣдующемъ видѣ:

1.

По чату мелку орѣшничку
Тутъ ходилъ-гулялъ вороной конь,
Трое сутокъ непоенный былъ,
Нодѣлюшку, не кормя, стоялъ,
Черкаское сѣдло на боку сбилъ,
Золотую гриву изорвалъ,
Шелковъ поводъ въ грязь вымаралъ.
Не въ Москвѣ я былъ, не въ Питерѣ,—
Во стрѣлцкой славной улицѣ,
Во стрѣлцкой, во купеческой.

(Или такъ:).

Ты звѣзда ли моя восхожалъ,
Восхожая, полуночная!
Высоко ты, звѣзда, восходила,
Выше лѣсу, выше телегова,
Выше садику зеленова.
Далеко звѣзда просвѣтила
Дальше городу, дальше Саратова,
Дальше купчика богатова.
У того ли купца богатова
Случилось у него несчастье,
Несчастье, безвременье:
Какъ жена мужа зарѣзала,
Бѣлую грудь она ему изрѣзала
Не простымъ ножомъ—булатнымъ.
Вынимала сердце съ печенью
На ножикъ сердце встрепенулося,
Жена - шельма улыбнулась,
Улыбнулась, разсмѣхнулась;
На холодный погребъ бросила,
Дубовой доской задвинула,
Съ горъ желтымъ пескомъ засыпала,
А на верхъ того землею черною
Лѣвой ноженкой притопнула,
Правой рученькой прищелкнула,
Хоронила и не плакала;
Отъ него пошла—заплакала.
Сама младшенька вошла въ горенку,
Садилась подъ окошечкомъ,
Подъ окошечкомъ переднимъ.
Прилетали къ ней двои соколы (или два голубя)

Двои соколы, двои ясные
(Или: двои голуби, двои бѣлые)—
Дверья оя любимые.
Они стали ее спрашивать:
— Ты, сноха ль, наша невѣстуха!
А гдѣ нашъ братецъ Иванушка?
— Онъ отъѣхалъ во путь во дороженьку,
Во путь во дороженьку, въ лѣсъ за
охотушкой,
За лютымъ звѣрьемъ левицею.
— Ты сноха ль, наша невѣстуха,
Что у ты въ горенкѣ за кровь?
— Бѣлу рыбицу я чистила,
Бѣла рыбица трепеталася,
По стѣнамъ руда металася,
По горенкѣ она брызгалася.
— Ахъ ты ль, сноха наша, невѣстуха!
На словахъ ты насъ не обманывай:
Его добрый конь въ стойлѣ стоитъ,
Его сбруя ратная на стѣнѣ виситъ.
— Ахъ вы, дверья, вы ясные соколы!
Вы возьмите саблю вострую,
Вы снимите съ меня буйну голову:
Я свою мужа зарѣзала.
Вынимала сердце съ печенью;
Положила въ холодеи погребъ,
Засыпала тѣло пескомъ желтымъ,
А поверхъ того землею черною.

2.

Что не ястребъ совмѣкался съ перепелушкой,
Соллюбился молодецъ съ красной съ дѣвушкой,
Проторилъ онъ путь - дорожку,—пересталъ
ходить,

Проложилъ онъ худу славу,—пересталъ любить,
Насмѣялся жъ ты мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у молодой есть два брата родныхъ,
Есть два брата родныхъ, два булатныхъ ножа.
Я изъ рукъ твоихъ ногъ короватку смошу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю.
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ тѣла твоего салыныхъ свѣтъ насучу,
А послѣй-то тово я гостей назову,
Я гостей назову и сестричку твою.
Посажу же я гостей на кроваткушу,
Загадаю что я имъ да загадочку
Я загадочку не отгадывую:
Да и что жъ таково: я—на миломъ сажу,
Я на миломъ сажу, объ миломъ говорю,
Изъ милово я пью, милымъ потчую
А и милъ предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала состричка отгадывать:
— А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Куда поздно зовутъ да гдѣ пьяни живутъ..

Въ заключеніе послѣдняя сибирская пѣсня,
называемая бродяжьемъ:

Вы бродяги, вы бродяги,
Вы бродяженьки мои...
Что и полно-ль вамъ, бродяги!
Полно горе горевать:
Вотъ придетъ зима, морозы:
Мы лишились гульбы.
Гарнизонъ стоитъ порядкомъ,
Вара/аны по бокамъ,
Варабанщики пробили,
За прикладъ всѣхъ повели,
Плечи, спину исцеканять,
Въ госпиталь насъ поведутъ.
Разувають, раздѣвають,
Насъ на коечки кладутъ,
Мокрыми тряпичами обкладываютъ:
Знать, насъ вылечить хотять.
Мы со коечекъ вставали,
Становились въ кружокъ.
Другъ на дружку посматрѣли—
Стали службу разбирать:
Вотъ кому идти въ Бобруцкой,
Кому въ Нерчинской заводъ.
Мы Бобруцка не боимся,
Во Нерчинскѣ не бывать:
Путь-дороженька туда не близко,
Со пути можно ударъ.
Тутъ деревня въ лѣсу близко,
На пути стоитъ кабакъ,
Цаловальникъ намъ знакомой;
Всѣ изъ нашихъ, изъ бродягъ.
Мы возьмемъ вина побольше,
Инвалидныхъ подпьемъ,
И конвой весь перепьется,
И въ походъ тогда пойдѣмъ.
Мы конвой весь пероважемъ,
Караульныхъ разобьемъ,
Мы оружье все захватимъ,—
Сами въ лѣсъ съ нимъ удерѣмъ.

Въ такомъ видѣ извѣстна эта пѣсня въ
Сибири. Первообразомъ ей, вѣроятно, послужила
пѣсня, сочиненная, по преданію, разбойникомъ

Гусевымъ, ограбившимъ Саратовскій соборъ.
Въ саратовскомъ острогѣ Гусевъ сложилъ такую
пѣсню:

Мы заочно, братцы, распростились
Съ бѣлой каменной тюрьмой,
Больше въ ней сидѣть не будемъ,
Скоро въ путь пойдемъ большой.
Скоро насъ въ Сибирь погонять,
Мы не будемъ унывать—
Намъ въ Сибири не бывать,

Въ глаза ее не видать.
Здѣсь дороженька большая,
И съ пути можно бѣжать,
Деревушка стоитъ въ пути близко.
На краю Самаръ-кабакъ.
Цѣловальникъ нашъ знакомый:
Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ.
За полштофъ ему вина
Только деньги заплатить,
Кандалы съ насъ снимаютъ,—
Можно будетъ намъ бѣжать.

ТЮРЕМНЫЙ СЛОВАРЬ

II

ИСКУСТВЕННЫЕ БАЙКОВЫЕ, ЛАМАНСКІЕ и КАНТЮЖ- НЫЕ ЯЗЫКИ.

Древность искусственныхъ языковъ.—Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный).—Разговоръ стукомъ (нѣмецкій гакезенъ).—Поляки и Шпаунъ.—Телеграфисты.—Разговоръ стукомъ дскабри-стовъ.—Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Бестужевыми.—Обозженная палочка изъ вѣтника.—Тюремный словарь.—Бѣдность его.—Искусственные слова въ тюрьмахъ.—Древность ихъ происхожденія у насъ.—Ясакъ.—Разбойничій языкъ на Волгѣ.—Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Каина.—Отверническая рѣчь.—Сравненіе пяти дѣльныхъ языковъ.—Офенъ-скій языкъ (словарь разносчиковъ-ходобщиковъ).—Образцы словъ и рѣчи.—Музыка или байковый языкъ карманниковъ.—Образцы словъ и рѣчи.—Образцы языка шерстобитовъ и коноваловъ.—Счетъ.—Языкъ кантюжный.—Языкъ по херамъ и тарабарская азбука.—Языкъ кубраковъ и проч.

Во всѣ времена и у всѣхъ европейскихъ народовъ глубокія тайны, на которыхъ основывается вся суть преступныхъ замысловъ и, преимущественно, мошенничества, всегда прикрывались многочисленными и разнообразными способами изъясненій. Начало мошенническаго языка уходитъ въ древнѣйшія времена, когда слѣды его являются въ неясномъ видѣ, но съ теченіемъ времени языкъ этотъ, подобно мутному отстою, испытывая постоянное броженіе, обогащался и совершенствовался. Нѣмецкій мошеннический языкъ представляетъ собою даже такое явленіе, которое замѣчательно не только въ лингвистическомъ, но и въ культурно-историческомъ смыслѣ,—явленіе, на которое и тамъ до сихъ поръ мало обращалось вниманія. Одна изъ такихъ попытокъ показала даже крайнюю необходимость изученія по этому поводу такъ называемаго еврейско-нѣмецкаго и другихъ старыхъ и новыхъ языковъ. Съ такимъ приѣмомъ автору удалось доказать сильную степень участія (въ искусственномъ языкѣ мошенниковъ), заявленнаго этимъ гонимымъ племенемъ, потерявшимъ родину и полузабывшимъ свой родной языкъ. На исковерканномъ и спутанномъ со многими другими языкѣ этомъ мошенническимъ приѣмамъ удалось значительно поработать и ловко укрываться въ теченіи многихъ лѣтъ даже и до сего дня.

На этотъ разъ, какъ и всегда, языкъ представляетъ собою лишь высшую степень развитія приѣмовъ и знаній, подлежащихъ вѣденію и руко-

водству, извѣстную степень роскоши, но не отрицаетъ существованія болѣе древнѣйшихъ приѣмовъ, какъ, напр., объясненій посредствомъ знаковъ въ помощь себѣ и на выручку тамъ, гдѣ разговоръ невозможенъ. Знаки эти до такой уже степени разнообразны, что исчислить всѣ способы подобнаго разговора не представляется никакой возможности. Для товарищей мошеннической шайки понятно каждое движеніе глаза, рта, положеніе ногъ, каждое движеніе пальца. Взявшись рукою за шею, приложивъ руку ко рту, къ уху, къ щекѣ, мошенникъ уже разговариваетъ съ товарищемъ и тотъ его понимаетъ. Посаженные далеко другъ отъ друга, но, по случайности, на виду въ противоположныхъ окнахъ, уличены въ разговоръ руками по азбукѣ, придуманной для глухонѣмыхъ, но съ тою разницею, что мошенниками усвоена одноручная, такъ какъ азбукою на двухъ рукахъ (употребляемою глухонѣмыми при оживленномъ разговорѣ) въ тюрьмахъ и на допросахъ говорить нельзя. На допросахъ, даже въ присутствіи третьяго лица, рукою передавали обвиняемые другъ другу такія тайны и такъ ловко, при закрытомъ ртѣ, что не могло быть и тѣни подозрѣнія. Доведенный до сознанія, разбойникъ, назвавшій соучастника, на очной съ нимъ ставкѣ оставался нѣмъ, не смѣя повторить своего доказанія только потому, что товарищъ запретилъ ему это тяжелымъ вздохомъ, ускользнувшимъ отъ слѣдователей при самомъ внимательномъ наблюденіи. У вора каждый свистъ,

крикъ, подражаніе звукамъ различныхъ животныхъ, особенно ночью въ полѣ или въ лѣсу (филину, перепелу, собакамъ, курицамъ и т. п.), отхаркиваніе, откашливаніе, всякій возможный звукъ приобрятаетъ смыслъ и значеніе и гѣмъ вѣрнѣе убагиваетъ тайны, чѣмъ онъ кажется болѣе произвольнымъ и естественнымъ. Въ цивилизованныхъ странахъ мошенники разговариваютъ другъ съ другомъ, намѣчая условные знаки мѣломъ, углемъ, разноцвѣтными карандашами на стѣнахъ, на пескѣ и пр. Въ настоящее время въ Европѣ, съ развитіемъ различныхъ тюремныхъ системъ съ одиночнымъ заточеніемъ (оборнской) и съ обязательствами молчанія (пенсильванской), разнообразіе тюремныхъ языковъ сдѣлалось еще богаче и приемы въ настоящее время стали даже получать систематическую организацію. Предположеніе, высказанное сто лѣтъ тому назадъ въ Германіи нѣмцами, что у всѣхъ мошенниковъ слѣдуетъ разорвать барабанную перепонку въ ухѣ, въ настоящее время владѣетъ тою силою значенія, что разговоръ, расчитывающій на слухъ, получилъ наибольшее развитіе и сосредоточилъ на себѣ преимущественное вниманіе заключенныхъ въ послѣднее время. Въ этомъ случаѣ для обогащенія звукового языка посредствомъ постукиванія пущены въ ходъ всевозможныя тонкости; равномерность звука при скорыхъ или продолжительныхъ ударахъ или же очередь ударовъ тихихъ и громкихъ, удары, производимые согнутыми пальцами или мясистою частью ладони и кулака; удары сапогомъ, башмаками, ногою, обуюю въ чулокъ, ковшомъ, ложкою, щеткою, щепкою и т. д. въ безконечность. Способъ этотъ удобенъ тѣмъ, что можетъ подчиняться цѣлой системѣ азбуки, во всемъ ея разнообразіи *). Ключей для пониманія существуетъ довольно много и они ведутъ свое происхожденіе отъ жидовскихъ мошенниковъ, но обыкновенно въ европейскихъ тюрьмахъ нападали только на остатки и слѣды, но никогда на цѣлую систему. Въ королевской тюрьмѣ въ Берлинѣ два поляка разговаривали между собою стукомъ, сидя въ разныхъ номерахъ и этажахъ, такъ, что играли даже въ шахматы. Самыя старательныя изслѣдованія показали, что нинѣшніе способы у нихъ не было и даже номера не находились одинъ надъ другимъ, а помѣщены были въ противоположномъ направленіи, наискось. Кромѣ этого примѣра, нѣмцы указываютъ еще на нѣкоего Шпауна, который былъ заключенъ въ 1826 году въ тюрьму въ Купфтейвѣ и пробылъ въ ней десять лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ получилъ въ сосѣди товарища, отдѣленнаго отъ него толстою стѣною. У Шпауна родилась счастливая мысль разговариваться съ

нимъ постукиваньемъ и онъ создалъ языкъ, который былъ чрезвычайно остроуменъ. Всего болѣе—само собою разумѣется—затрудняло его сообщеніе ключа лицу, которое, можетъ быть, не умѣло понимать по нѣмецки. Шпаунъ началъ съ того, что простучалъ въ стѣну 24 раза и продолжалъ маневръ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ незнакомца понять, что въ этихъ 24 разѣхъ подразумеваются буквы, выражающіяся стукомъ. Въ немного недѣль они успѣли въ быстрой и свободной бесѣдѣ разсказать другъ другу свою жизнь. Сосѣдомъ оказался г. М., впоследствии сдѣлавшійся государственнымъ статсъ-секретаремъ и герцогомъ В., и былъ довольно извѣстенъ. На свободѣ онъ не забылъ союзника, выхлопоталъ ему свободу и назначилъ пожизненный пенсіонъ. „C'est Spaun ou le diable“! вскричалъ министръ, спустя 10 лѣтъ, когда его посѣтилъ Шпаунъ въ Мюнхенѣ. Къ сожалѣнію, Шпаунъ, не смотря на всѣ хлопоты, ключа своего не повѣдалъ.

Одиночество замкнутого человѣческаго духа, при отсутствіи всякаго искусственнаго способа къ духовному общенію, вынуждаетъ этотъ тюремный способъ разговора посредствомъ стука, уже давно существовавшаго въ народномъ употребленіи, хотя и не имѣвшаго специальной системы. Ремесленники металлическихъ издѣлій ушедшаго изъ мастерской мастера, подмастерья и ученика зовутъ cadaго особымъ ударомъ молотка. На улицахъ, гдѣ живутъ эти работники, такими способами быстро и ловко распространяются цѣлыя извѣстія по всей улицѣ. Телеграфисты, не глядя на депеши, просто на слухъ по стуку слышатъ и читаютъ депеши. Этими людямъ тюремныя системы разговоровъ въ настоящее время обязаны во многомъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіями (особенно по морзовскому способу телеграфическихъ знаковъ). Телеграфическому способу удалось теперь обобщить всѣ существовавшія до него системы звуковыхъ разговоровъ. Наше одиночное заточеніе по американскимъ системамъ встрѣтитъ уже готовыя формы и, вѣроятно, не замедлитъ ими воспользоваться.

Существованіе языка по стуку извѣстно у насъ въ Россіи изъ книгъ, по неумѣнно приимнть его неграмотными тюремными сидѣльцами и по тому обстоятельству, что одиночное заключеніе у насъ не практиковалось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ въ Европѣ. Но тамъ, гдѣ оно имѣло мѣсто, языкъ звуковой не медлил своимъ примѣненіемъ и обнаруживалъ существованіе. Декабристы, сидя въ одиночныхъ камерахъ Петропавловской крѣпости, вели разговоръ черезъ стѣну и въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ тому способствовало устройство комнатъ, въ клѣткахъ, построенныхъ въ амбразурахъ. Разговоръ этотъ или вовсе не былъ возможенъ черезъ стѣны, идущія сводомъ,

*) У нѣмцевъ этотъ способъ извѣстенъ подъ именемъ гакезена, отъ еврейскаго слова—гакке—стучать, ударять.

или быть ненуженъ черезъ деревянные перегородки, гдѣ можно было разговаривать прямо въ полголоса. Если кто пѣлъ (другая форма разговора), то было все слышно и въ номерѣ напротивъ. Въ Роченсалѣмѣ примѣнялъ стукую азбуку Вестужевъ-Марлинскій, сократившій по возможности безконечное стучанье 30 буквъ отечественнаго алфавита раздѣленіемъ ихъ на три десятка. „Недостатокъ этой азбуки (по словамъ его брата Мих. Алек.) состоялъ въ томъ, что гласныя и согласныя выстукивались одинаково медленными стукомъ, которые все-таки надо было считать, что утомляло и ухо и голову и гдѣ слушающій безпрестанно смѣшивалъ гласныя съ согласными и заставлялъ повторять фразу, что было тяжелою пыткой для стучащаго“.

О примѣненіи звукового разговора по азбукѣ собственнаго изобрѣтенія М. А. Вестужевъ въ Петропавловской крѣпости даетъ слѣдующія любопытныя подробности („Русская Старина“, апрѣль 1870 г.):

„Я хотѣлъ узнать: есть ли живая душа въ моемъ сосѣдствѣ. Началъ стучать желѣзами въ одну изъ стѣнъ—иѣтъ отвѣта. Въ другой мѣѣ отвѣтили едва слышными звуками слабого стука. А что если мой братъ въ сосѣдствѣ? подумалъ я и засвисталъ мотивъ аріи, извѣстный только моему брату Николаю. Слышу, онъ повторяетъ этотъ мотивъ“.

Передъ тѣмъ временемъ, когда вносили ночникъ, М. А. Вестужевъ садился въ уголъ и тихо стучалъ пальцами въ стѣну. Въ отвѣтъ получалъ таковой же стукъ отъ брата. Каждый день съ той поры начинался взаимнымъ стукомъ полного похода, что означало: здравствуй! здоровъ ли? Когда же надо было прекратить стукъ изъ осторожности отъ наблюдателей, братья били пальцами отбой.

Для постоянного разговора придумана была азбука, улучшенная въ устраненіе различныхъ затрудненій, напр. по поводу буквъ послѣднихъ въ азбукѣ, до которыхъ нужно было достучиваться десятками двумя-тремя ударами. Воспользовался М. А. при этомъ тѣмъ, что братъ былъ морякомъ „и знакомъ со звономъ часовъ на кораблѣ, гдѣ часы и склянка бьютъ двойнымъ краткимъ звономъ“. На этомъ основаніи онъ составилъ азбуку; гіероглифы ея начертилъ обожженнымъ прутикомъ, случайно выпавшимъ изъ вѣнника, когда подметали комнату, на одной изъ страницъ IX тома исторія Карамзина, полученной для чтенія. „Согласныя были явственно раздѣлены отъ гласныхъ особеннымъ стукомъ *). Эта особенность давала возможность въ разговорѣ, ежели не дослышаны двѣ-три согласныя, ясный стукъ одной или двухъ глас-

ныхъ давалъ возможность возстановить цѣлое слово, не требуя повторенія“. Слухъ, изнуренный напряженностью нервовъ въ тихомъ одиночномъ заключеніи, облегчалъ способы выслушивания. Постукавъ по стѣнѣ письмомъ, полученнымъ отъ матери, М. А. получилъ въ отвѣтъ на слухъ тоже. Этого было довольно, чтобы начать стучать. Стучалъ онъ не пальцами, которые распухли отъ безпрестаннаго стучанія съ невыносимою болью въ ногтяхъ, а болтомъ желѣзныхъ наручниковъ, замѣненнымъ потомъ обожженнымъ палочкою. Передавая послѣднюю при свидѣтеляхъ одной изъ сестеръ своихъ, онъ имѣлъ полное право сказать: „Prenez, c'est ma langue!“

Впослѣдствіи, въ разговорахъ при взаимной привычкѣ, братья изощрились такъ, что, прежде говоря фразу на полминуты чтенія съ разсвѣта до полудня, стали разговаривать такъ скоро и свободно, что бесѣда стукую была немногимъ длиннѣе изустной. Потомъ рисковали даже выкинуть изъ согласныхъ 10 и изъ гласныхъ 4 буквы и стали догадываться о смыслѣ фразы по начальнымъ буквамъ.

„Много протекло скучно-томительныхъ дней на усовершенствованіе сложеній, на способы скорѣе передавать буквы, на знаки препинанія и предостереженія, на сигналы для вызова къ разговору, и проч.“. Но люди высшаго развитія въ тяжелыхъ условіяхъ одиночнаго заточенія сумѣли выдти побѣдителями при помощи разговора по стуку. Тамъ же, гдѣ не было келейнаго заточенія, гдѣ заключенникамъ приводилось жить совместно обществомъ и общиною, тамъ, само собою разумѣется, являлся языкъ, искусственно-созданный изъ замаскированныхъ словъ,—образовался тюремный словарь.

Тюремный словарь не великъ. Ничего самобытнаго онъ не имѣетъ, и въ то же время, тою извѣстнаго рода оконченностью и богатствомъ, какія представляются, напр., въ языкѣ „картавыхъ проходимцевъ“ офеней и въ довольно полномъ байковомъ языкѣ мазуриковъ (музыкѣ), тюремный языкъ похвалиться не можетъ. Сочинялись или принимались слова съ вѣтру про дешевый обиходъ тюремнаго быта въ узкихъ интересахъ замкнутой жизни настолько, насколько это нужно было противъ приставниковъ, смотрителей и надзирателей. Кружоръ не великъ и искусственно суженъ такъ, что приводится говорить непонятно для другихъ въ немногихъ случаяхъ и не обо многомъ. Скрыть карточную игру, а не съ нею кое-какія недовольствительныя въ тюрьмахъ удовольствія, предостеречь товарищей, сговориться съ ними,—для этихъ цѣлей съ двумя-тремя десятками словъ тюремные сидѣльцы могутъ свободно и легко обходиться. Самые усердные разспросы въ десяткахъ сибирскихъ тюремъ привели насъ къ такой небогатой находкѣ, которую мы и подѣлились съ чи-

*) Здѣсь отличіе вестужевской азбуки отъ всѣхъ способовъ разговора стукомъ другихъ товарищей.

тателями, истративъ въ предыдущемъ текстѣ почти весь запасъ нашъ. Хотя и дошли до насъ глухіе слухи о томъ, что, напр., въ южныхъ русскихъ тюрьмахъ по казематамъ существуетъ другой языкъ, но фактическихъ доказательствъ тому мы не получили *). Очень можетъ быть, что кое-гдѣ и скопились небольшіе и особенные словари при содѣйствіи остроумной изобрѣтательности, для которой нельзя опредѣлить предѣла, и при помощи тѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ, которые садились съ готовымъ языкомъ. Товарищеская тюремная община не допускаетъ взаимныхъ секретовъ: какой нибудь конокрадъ или шерстобитъ не долго наскрывать, начинаютъ со своимъ ламаканскимъ или бродяганинскимъ со своимъ кантюжнскимъ языкомъ, когда увидятъ настоятельную необходимость его примѣненія на всякія вылазки и прикрытія. Извѣстно, напр., что мазурики разболтались и тюремный словарь имъ въ этомъ много обязанъ, потому что они-то по преимуществу частые, можно сказать, обычные тюремные сидѣльцы, составляющіе громадное большинство. По крайней мѣрѣ, новѣйшій словарь крупно основывается на „музыкѣ“. Изъ московскихъ и петербургскихъ тюремъ, напр., другихъ словъ, помимо воровскихъ, еще до сихъ поръ никто изъ наблюдателей не выносилъ и не заявлялъ. Но такъ какъ воровской языкъ „музыки“ ведетъ свое происхожденіе отъ древнихъ воровъ, языкъ которыхъ былъ, въ то же время, и языкомъ волжскихъ и другихъ разбойниковъ, то понятна и еще большая связь тюремныхъ словъ съ языкомъ воровъ древнихъ и новыхъ. Какъ первыми прежде, такъ вторыми теперь тюрьмы переполнены, обмѣнъ неизбеженъ, взаимное обученіе обязательно. Самостоятельность могла проявиться лишь отъ вліянія большинства и тюремный словарь могъ отразить на себѣ характеръ этого большинства. Мы имѣемъ случаи доказывать это тѣми словами, которыя подмѣчены Ѳ. М. Достоевскимъ въ охской военной тюрьмѣ и которыя не входили въ пополненіе собранныхъ нами и не были считаны. Ихъ также очень немного: мелководъ—обыкновенныя кольчатые кандалы не изъ желѣзныхъ прутьевъ (первыя носятся снаружи, вторыя надѣваются подъ панталоны); чистакъ—

хлѣбъ изъ чистой муки безъ примѣси мякны, т. е. обыкновенный хваленый артельный хлѣбъ; суфлера—потаскуха, арестантская любовь; Марья-икотница—обыкновенная арестантская болѣзнь, зависящая отъ обыкновенно дурной и преимущественно сухой, безъ приварка, пищи; Иванъ-таскунъ—та же желудочная болѣзнь съ болѣе сильными и острыми припадками, зависящая отъ тѣхъ же причинъ; самъ-панъ-трэ—нюхальный и самъ-красъ—курительный табакъ *), марцовка—обыкновенная тюремная пища—вода съ хлѣбными корками, тюрь (петерб. тюрьмы), и прочее, судя потому, насколько озлоблена и остроумна община тюремныхъ сидѣльцевъ. На этотъ послѣдній разъ въ ней чувствуется вліяніе солдатскаго юмора, присутствіе казарменныхъ остряковъ, потому что и въ самой тюрьмѣ указано сидѣть арестантамъ военныхъ ротъ, послѣ многихъ житейскихъ мытарствъ присужденнымъ на каторгу въ крѣпостяхъ Сибири. Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ то же казарменное вліяніе не исчезаетъ тамъ, гдѣ, напр., арестантскія щи называются шурмури, острогъ—палочная академія, липиться правъ состоянія—слушаться барабанной шкуры, счастье—фартъ, арестанты—бѣдность, обмануть—околпачить. Само собою разумѣется, что сочиненіе новыхъ словъ по вызову и вдохновенію новой обстановки, не останавливалось за обиліемъ готовыхъ формъ, оттого и новыя выраженія: стрѣлять саватѣкъ—бродяжить, простокышкѣ поѣсть—неудачно сбѣгать и пойманнымъ возвратиться обратно въ тюрьму, горбачъ—бѣглый (за котомку за плечами), грязи наѣсться—угодить на каторгу, прохожій, гульный—бродяга, своеручный—фальшивый паспортъ (самодѣльный), маршрутъ—буракъ съ припасами (сибирскій туезъ), желтая пшеничка—контрабандное золото и проч. тому подобное, по случайнымъ вызовамъ и вдохновенію, которые не имѣютъ предѣла.

Это присутствіе сарказма, эти взрывы сердитаго остроумія съ безпощаднымъ самоуниженіемъ составляютъ характерную особенность есѣхъ разбойничьихъ пѣсенъ; оно же слишкомъ примѣтно и знаменательно въ сочиненіи словъ не только новыхъ, но и въ древнихъ тюремныхъ. Вотъ висѣлица—качалка, тюрьма—каменный мѣшокъ; застѣнокъ—немшоная баня (гдѣ людей вѣсятъ, сколько кто потянетъ); стулъ желѣзный (орудіе пытокъ)—четки или монастырскія четки, кистень—гостиница, тайная канцелярія—стукаловъ монастырь, помойная яма—сухой коло-

*) Замѣчено, напр., что въ Сибири термины, употребляемые при игрѣ въ карты, совсѣмъ другіе. Это понятно изъ того, что по Россіи въ городскихъ тюрьмахъ, гдѣ можно доставать карты въ полномъ составѣ листовъ, арестанты играютъ въ три листика. Въ Сибири они начинаютъ играть въ едно, потому что добыча картъ затрудняется, а принесенныя изъ Россіи измыгались, остались посвяще лишь уберженныя бросовыя отъ двойки до семерки, не нужныя при подкаретной игрѣ. На нихъ-то и основывается сибирская арестантская игра въ едно со всѣми пріемами, а стало быть и терминами.

*) Въ гражданскихъ тюрьмахъ нюхательный табакъ—прошка, курительный—дымъ; солитра—гарнизонный и этапный солдатъ въ Сибири; они же кисла-шереть въ русскихъ тюрьмахъ.

децъ, колодець—холодная баня; грабежъ—черная работа, воровство—походъ, мошенникъ—хлынь, хлыновець, мошенничество—тихая милостыня, разбойникъ—углецкій выемщикъ, преступникъ—уголовщикъ, пьяный—сырой, тревога—мелкая раструска, огонь—виногоръ, воры—купцы пропавшихъ вещей, вино—товаръ изъ безумнаго ряда, каторга портовая и крѣпостная—холодная воды, угнали вора въ Сибирь—улетѣлъ коршунъ за море („я не воръ, а воронъ—то еще летаетъ“—сказалъ Пугачевъ Суворову). Желѣзная клѣтка (въ которой возили на казнь)—камчатка, самоубійство—самосудъ, болтливый на допросахъ (откровенный)—ягой, разбойничьи притоны—волчьи гнѣзда, погоня—волна (волна ходитъ—погоня послана), дѣлать фальшивую монету—тянуть заповѣдное серебро и проч. Это дешёвый и обычный приёмъ словосочиненія завѣщанъ и нынѣшнимъ мелкимъ ворами, которые составили и составляютъ уже настоящій искусственный языкъ. Въ немъ уберелось немного словъ отъ старины: мазъ—атаманъ разбойничій начала прошлаго столѣтія, у мазуриковъ въ значеніи заводчика воровскаго дѣла и стараго опытнаго вора. Старинный же дулясъ (огонь) взять изъ языка офеней: дулякъ и дулясъ; дуванить—также, сламъ—оттуда же, яманъ—тоже общее слово. Хазъ разбойничій, въ смыслѣ избы, по падается намъ въ отвернищевой рѣчи (Могил. губ.). Въ народной памяти изъ разбойничьяго языка сохранилось лишь только роковое выраженіе, страшное своимъ значеніемъ: „сарынь на кичку“. При лозунгѣ ясыкъ или ясакъ бурлаки этимъ обязаны были пасть ницъ и не шевелиться, пока разбойники не ограбятъ и не развѣдаются съ хозяиномъ судна. По объясненію В. И. Даля значило: чернь на носъ, т. е. иди бурлаки на носъ судна (сарынь—чернь, кичка—носъ судна), хотя можно толковать и такъ: клади деньги на голову, на шапку (сары у разбойниковъ деньги серебряныя, а кичка иносказательно очень легко могла быть съ головного убора перенесена на самую голову), по обычному приему всѣхъ подобныхъ искусственно сочиненныхъ языковъ.

Содѣйствіе остроумія для иносказанія въ новѣйшее время отъ стараго объяснилось лишь тѣмъ, что опытъ и практика умудрили мастеровъ выражать понятіе короткимъ терминомъ, однимъ словомъ (у мазуриковъ: трисогузка—горничная, мѣховыя вещи—окорока, барышникъ—мѣшокъ, бѣлье на чердакѣ—голуби, канна—кабакъ, граблужи—руки и проч.). Въ старину до этихъ иносказаній доходили не сразу, но рядомъ цѣлыхъ выраженій. Тогда же еще надо было, приводя понятіе, объяснить его и втолковывать: пустить рыбу ловить—утопить, судейское кресло—стулъ, на которомъ собачки вырѣзаны, палки (орудіе казни)—

лоза, тѣмъ воду носить, воры—купцы пропавшихъ вещей („что не увидитъ, все купить, а ежели увидитъ что дешёвое, то ночь не спать“, вора за купца современные мазурики приняли уже на слово); часовой—гремѣло, что по ночамъ въ доску гремѣть, вино—товаръ изъ безумнаго ряда и проч. Были, впрочемъ, и готовые слова, изъ которыхъ старинные воры (напр., въ прошломъ столѣтіи) могли составлять цѣлыя темныя фразы, понятныя по языку и современнымъ мазуриковъ. У Ваньки Каина въ собственномъ его сказаніи встрѣчаются двѣ: „когда мазъ на хазъ, то и дулясъ погастъ“ (когда атаманъ въ избы, то и огонь погасили, выговорилъ онъ, когда забрался въ чужой домъ съ шайкою) и „трека калачъ ѣла, стромыкъ сверлюкъ страктирила“—съ воли сказалъ товарищъ заключенному, извѣщая его о томъ, что въ калачѣ, который онъ подавъ Христа-ради при сторожахъ—свидѣтеляхъ, положены ключи отпереть замокъ кандалной цѣпи. За то Каиново же сказаніе переполнено такими немудреными блестящими дешёваго площаднаго остроумія, въ которыхъ уже нельзя не видѣть стремленія выработать новыя слова для обихода и въ которыхъ столь обычная тюремнымъ сидѣльцамъ озлобленность обнаруживается уже въ полномъ блескѣ.

Ванька Каинъ, какъ сбѣжалъ отъ помѣщика на воровской промыселъ, загубившій его душу, такъ и сострилъ, написать на господской стѣнѣ: „Пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работай чертъ, а не я“. За тѣмъ онъ воровалъ и товарищамъ наказывалъ: „Бей во всѣ (въ овсѣ), колоти во всѣ, и того не забудь, что и въ кашу кладутъ“ (забирай все, ничего не оставляй). А уворовалъ, то и выговорилъ: „Тягъ-да-ляпъ, клѣтка въ уголь, сѣлъ и печка“. Острилъ онъ, живя и подъ Каменнымъ мостомъ въ Москвѣ (а „каменный мостъ ворискамъ погостъ: полъ да середь сами съѣли, печь да полати въ паекъ отдаемъ; пылъ да копотъ, притомъ нечего лопать“). Острилъ онъ, когда жилъ и убивалъ на Волгѣ и убитыхъ завертывалъ въ „персидскій коверъ, что соль вѣшаютъ“ (рогожный кулъ). Когда шелъ грабить помѣщика Шубина, извѣщалъ его такъ: „Неужели у тебя лѣтней одежды нѣтъ, а всегда ходишь въ шубѣ? Почему и будутъ къ вамъ портные для шитья лѣтнихъ кафтановъ“. Переѣзжаютъ воры черезъ рѣку, офицеръ попадаетъ и спрашиваетъ: „что за люди?“—молчать. Съѣзжаютъ на берегъ, отвѣчаютъ: „Ты спрашивалъ насъ на водѣ, а мы спрашиваемъ тебя на землѣ; лучше бы ты въ деревнѣ жилъ да овины жегъ, а не спрашивалъ проѣзжихъ“. Атаманъ отнять у офицера шарфъ и шпагу, но велѣлъ заплатить нѣсколько денегъ и отпустилъ. Ту же сословную озлобленность, вдохновенную лишеніями, несъ Каинъ съ товарищами повсюду,

во многія другія мѣста. Не переставалъ онъ острить и тогда, когда попадался на судъ: „Овини горить (бѣда нависла), а молотильщики обѣдать просить“ (надо дарить подьячихъ). Онъ и подкупаетъ, подьячему шепчетъ: „Будетъ тебѣ муки фунта съ два съ походомъ“, т. е. кафтанъ съ камзолѣмъ. А затѣмъ на судъ: „согнулся дугой, и сталъ какъ другой, будто и не я“. И опять не прочь острить на допросъ: „Ваня здѣсь дешева, стойка по грошу, лежанка по копейкѣ“, „Какой на господинѣ мундиръ, такой и на холопѣ одинъ“, „Всѣ вы нашего сукна епанча“, т. е. такіе же воры. Попавшись въ тюрьму и сѣдя въ ней, „молятся Петру, чтобы сберег сестру“, т. е. удалось бы убѣжать. Побѣгъ удается, потому что выручаютъ товарищи, которые умѣютъ темно говорить и хитро дѣлать. Они сами являются въ тюрьму подъ видомъ благодѣтелей съ подаченіемъ, сами предлагаютъ услуги и спрашиваютъ: „Не хочешь ли бѣжать изъ-подъ караула? У Ивана въ лавкѣ по два гроша лантъ“. Сказанную фразу, до кого она касалась, понимали и въ сказаніяхъ Ваньки Каина сохранилась такая фраза на отказъ, что онъ объ этомъ думалъ съ товарищами и время къ побѣгу самъ хотѣлъ выбрать: „Чай примѣчай, куда чайки летятъ“.

Этими иносказаніями, этою игрою словъ проявлялись тюремные сидѣльцы изъ воровскаго рѣда съ большимъ успѣхомъ еще въ серединѣ прошлаго столѣтія. Канинъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ на воровскомъ промыслѣ еще въ 1745 году; въ 1764 году онъ уже сидѣлъ въ Рогервикѣ (Валтійскій портъ). До него письменныя свидѣтельства о существованіи искусственныхъ языковъ слабы, но послѣднее не подлежитъ сомнѣнію по нѣкоторымъ намекамъ разныхъ старинныхъ актовъ. Такъ, напр., въ новгородскихъ памятникахъ сохранился страшно-картинный рассказъ о томъ, какъ царь Грозный, сѣдя за обѣдомъ у новгородскаго архіепископа Пимена въ его грановитой палатѣ, вдругъ вскочилъ изъ-за стола и вскричалъ грознымъ голосомъ „своимъ обычнымъ царскимъ ясакомъ“, послѣ чего московскіе люди схватили и ограбили архіепископа, немедленно бросились грабить Софію, церкви, монастыри, боярскія имущества, рубить гражданъ, жечь и пепелить славный и древній городъ *).

*) Ясакъ въ значеніи знака, условнаго крика, маяка, отзыва, лозунга встрѣчается въ старинной пѣснѣ про Илью Муромца, которая говоритъ, между прочимъ:

Увивайте вы веселочки
Аравитскимъ краснымъ золотомъ;
Увивайте вы уключенки
Алентарскимъ крупнымъ жемчугомъ;
Чтобъ по ночамъ они не буркали,
Не подавали бы они ясаку,
Что ко злымъ людямъ, ко татарамъ.

По Волгѣ ясакомъ наз. до сихъ поръ всякій незнакомый, непонятный, чужой, иностранный

Точно также на другомъ, противоположномъ краю Россіи въ актахъ бывшаго города Орлова (нынѣшняго Воронежа) сохранился такой рассказъ. 20 мая 1682 года изъ села Большихъ-Студенокъ отправилось 20 человѣкъ, а въ томъ числѣ пять женщинъ за рѣку Воронежъ на степь для борщу. „И переѣдучи рѣку Воронежъ на степь, на Юшины поля (гдѣ, вѣроятно, была посѣяна свекла—борщъ), заночевали. На утренней зарѣ напали на нихъ воровскіе люди, человѣкъ съ 20 и больше, пѣхотою (въ отпѣну отъ калмыковъ и татаръ, которые нападали на эти украинныя русскія селенія по неизмѣнному племенному обычаю—на коняхъ); напали съ ружьемъ, съ пищальми и съ саблями, а знатно-де, что донскіе воровскіе казаки, а ясакомъ межъ себя говорятъ и называются атаманами-молодцами“.

Въ бібліотекѣ казанскаго университета мы видѣли рукописную книжку „Описаніе Кричевскаго графства или бывшаго староства Гр. Ал. Потемкина, въ ста верстахъ отъ Дубровны, между Смоленскою и Могилевскою губерніею“. Рукопись прошлаго вѣка. Въ ней, между прочимъ, попадаетъ такое мѣсто: „Я думаю, что непротивно будетъ, если я упомяну здѣсь и о томъ нарѣчіи, которымъ всѣ кричевскіе мѣщане, портные, сапожники и другихъ мастерствъ люди, а особливо живущіе около польской границы корелы (не отъ королевъ, а отъ грабежей своихъ такъ названные крестьяне) между собою изъясняются. Сіе нарѣчіе, подобно многимъ русскимъ, а особливо суздальскому, введено въ употребленіе праздношатавшимися и въ распутствѣ жившими мастеровыми, которые, привыкнувъ уже къ лѣни и пьянству, принужденными находились для прокормленія своего оное выдумать и сплести, дабы посторонніе ихъ не разумѣли и они всѣхъ тѣмъ удобнѣе обкрадывать и мошенничать могли“. Оно не основано ни на какихъ правилахъ и, кромѣ множества произвольныхъ вымышленныхъ, состоитъ еще изъ переломанныхъ нѣмецкихъ и латинскихъ словъ. Употребляемая между ними таковая рѣчь называется здѣсь „отвернищкомъ“ или „отвращенною“. Авторъ „для любопытства“ прилагаетъ; а ясакъ въ значеніи сигнала у разбойниковъ замѣнялся иногда тѣлодвиженіями. Въ орловскихъ (воронежскихъ) актахъ: „на курганѣ видѣли человѣка на лошади, который, снявъ съ себя шапку моюкомъ, бросилъ вверхъ; и къ нему со стороны наѣхало съ десять, а съ другой стороны съ двадцать“. По Ратному уставу ясакъ—сторожевой опознавательный знакъ: „имѣти всякое береженіе и старосты и асаки“. Въ Нижегород. губ. ходячіе купцы не по русски говорятъ, а ясакомъ (то были зрянно-мѣховщики). У восточнѣй асачный парень—рѣчистый, разговорчивый. При Елизаветѣ Вас. Вас. Голицынъ наказывалъ прислугѣ: „Кругомъ барскаго дома ходить, колотушками громко стучать, въ рожки трубить, въ доску звонить, въ трещотку трещать, въ ясакъ ударять (?), по сторонамъ не зѣвать“.

гаѣтъ несколько словъ, глаголовъ и рѣченій этого языка. Вотъ все имъ приведенное: „Еперъ укаврюка чху—украдь у господина шубу; хлизъ въ хазъ, а то Сергѣй смакинуть—иди въ избу, а то дождикъ замочить; клева кургаеть—хорошо поеть; манекъ химнаеть—мой братъ хвораеть; клева канени по лаудѣ—хорошенько ударъ его по головѣ; гримусъ закотаеть—громъ убьеть; мощерникъ—сапожникъ, кулганникъ—портной, лохъ—мужикъ, баба—яруха (около-де Суздаля гируха *), сестра—унхлыть, погъ—кочеть, еврей—кудлей, церковь—хазберница, игла—семирка (оттого что игъ на денежку семь купить можно), чулки—теплухи, деньги—кривцы, рубли—кругляки, рожъ—зедька, хлѣбъ—сумѣха, молоко—лапта, масло—тсекунь, щи—лапуха, хрѣшъ—нахринъ, рѣпа—кругалка, морковь—солодуха, чечевица—лескушка, гречиха—кудрявка, овесъ—халбуръ, пшеница—бѣлуха, просо—чикаусъ, ячмень—акруша, пиво—милкусъ, вода²—делька, вино—ардимаха, корова—алыда, овца—перхутка, голова—лауда или неразумница, дѣвка—шихта (а около-де Суздаля карата), мальчикъ—микрець, молодница—куба (а около Суздаля ламоха), продавать—кухторить, бѣжать—ухлывать, ѣсть—траить, напиться—набусаться, сидѣть—сеждонить“. И все. Несомнѣнна связь языка этого и прямое происхождение отъ офенскаго, по сходству большей части словъ. Замѣчаемая же немногія различія, вѣроятно, слова того же офенскаго языка, забытыя въ Ковровѣ (а не Суздаль) и сохранившіяся здѣсь. Съ 1700 года, какъ извѣстно, офени разбѣлись уже по всему лицу русской земли и даже переходили австрійскую границу, всюду называя себя особымъ народомъ мазыками. Съ ихъ стороны слѣдовали увѣренія, что они—потомки этого исчезнушаго вслѣдъ за другими народа и жившаго будто бы въ IX вѣкѣ (что, впрочемъ, недоказано). Дѣйствительно въ IX вѣкѣ кочевалъ по Волгѣ народъ ясы или ясыки, которые, по нѣкоторымъ толкователямъ, у офеней превратились въ мяски, мазыки, и проч. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи офеней называютъ различно: варягами, торговаками, коробейниками, ходебчиками, разисочиками, суздалами, офенями, мяками и проч. Во времена возвращенія Бѣлороссіи къ Россіи, какъ извѣстно, въ числѣ средствъ закрѣпленія ея употреблены были различныя сильныя мѣры: бѣлорусскія конфискованія въ казну имѣнія розданы были русскимъ вельможамъ: Голохвастовымъ, Чернышевымъ, Румянцевымъ и другимъ,

*) По офенски: гирий—старый, гирехъ—старикъ, гируха—старуха (замѣчательно, что у грековъ—*hegon*; пять—*пенда*, *rente*, десять—*деканъ*, *deka*; пятнадцать—*декапенда*, *deka-rente*. Впрочемъ, эта греческая примѣсь идетъ недалеко. Встрѣчается больше словъ новаго образованія и исковерканныхъ польскихъ и другихъ славянскихъ.

а самыя огромныя количества деревень, городовъ и мѣстечекъ—Потемкину-Таврическому. Между ними досталось ему и мѣстечко Кричевъ, лежащій теперь на московско-варшавскомъ шоссе (въ Чериковскомъ уѣздѣ Могил. губ.). Потемкинъ, владѣвшій громадными средствами, болѣе всѣхъ другихъ воспользовался мыслью обрусенія бѣлоруссовъ и привлекъ въ свои имѣнія различныхъ ремесленниковъ въ такомъ числѣ, что бывшія его имѣнія (Дубровна, Кричевъ, Усвятъ въ Витеб. губ.) представляють наибольшія подобія съ русскими селеніями, чѣмъ всѣ другія сосѣднія мѣстности. Въ нихъ до сихъ поръ сохраняются ремесла и развиты промыслы сильнѣе, не смотря на весь гнетъ евреевъ. Такъ сказалось это при нашемъ посѣщеніи Бѣлороссіи въ 1868 году. Въ этомъ привлеченіи въ край русскихъ людей въ видѣ ремесленниковъ и торговцевъ мы видимъ причину появленія и языка офеней, которые ходили сюда торговать и, при поощреніяхъ владѣльцевъ, осѣдали съ большою охотою на торныхъ дорогахъ и въ такихъ мѣстечкахъ, какъ Дубровна и Кричевъ. Когда ослабло поощреніе, они бродили, шатались и, не находя питанія, разбѣлись врозь и, вѣроятно, по своимъ старымъ пепелищамъ. Всѣ наши старанія найти слѣды этого языка въ Кричевѣ и Дубровнѣ остались тщетными: отверникая рѣчь у тамошнихъ мѣщанъ исчезла. По занятіямъ (земледѣльческимъ исключительно), по развитію, которое кричевцевъ и дубровенскихъ едва выдѣляетъ отъ тупыхъ и загнанныхъ бѣлоруссовъ, по господствующему дзекающему бѣлорусскому языку, мало остается основанія для предположеній о томъ, что языкъ этотъ живетъ и лишь тщательно береженъ и припрятанъ. Къ тому же, на всѣ темныя дѣла въ томъ краю кинулись съ такимъ азартомъ и въ такомъ многолюдствѣ евреи, что, помимо ихъ племени, никто не у дѣлъ и сквозь густую толпу ихъ, тѣсно сплоченную, никому уже теперь не протолкаться. Въ распоряженіи еврея такой замысловатый и темный языкъ изъ смѣси древнихъ еврейскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ словъ, что путешествуя всякаго рода неизтѣримое поле. Въ Пруссіи между нѣмцами нашъ еврей говорить по польски, между бѣлоруссами и поляками по нѣмецки, но такъ что съ трудомъ понимается коренными нѣмцами. Властители, поляне, темне и успѣшнѣе картаваго еврейскаго жаргона едва ли употребляется гдѣ на свѣтѣ другой ему подобный и столько же счастливый. Въ Германіи языкомъ древне-еврейскимъ съ нѣкоторыми лишь урѣдованіями воспользовались городскіе мошенники и составили, какъ сказано выше, подобно нашимъ, искусственные мошенническіе словари.

О происхожденіи отъ древнихъ корней старорусскихъ „языковъ“ (ясаковъ) новѣйшіе словари свидѣтельствуютъ теперь лишь ничтож-

ными данными. Разбойничій дуванъ (дѣлжка), езятый цѣликомъ изъ татарскаго, удержался среди всѣхъ превратностей судьбы, бережно пронесъ свое право на существованіе и въ средѣ смиренныхъ, но ловкихъ торговцевъ вязниковскихъ и ковровскихъ офеней, московскихъ и петербургскихъ карманниковъ (жуликовъ и мазуриковъ), отъ Ваньки Каина до сего дня, и остался въ нерушимой цѣлости и въ нерчинскихъ тюрьмахъ у арестантовъ; пошли послѣдніе дуванъ дувантъ и на островъ Сахалинъ. Разбойничьи сары сохранились въ музыкѣ (сары, рыжая сара—полумперіаль золотой) и неизмѣнными съ примѣненіемъ лишь исключительно къ серебрянымъ деньгамъ (мѣдныя—курынча), сохраняются въ сибирскихъ каторжныхъ тюрьмахъ. Отвернищкая рѣчь за литовскимъ рубежемъ (въ Кричевѣ, на Сожѣ, Могилевской губ.) сохранила слово хазъ въ значеніи избы, то самое, которое выговорилъ атаманъ шайки на Волгѣ подъ Макарьевымъ и которое подслушалъ извѣстный проходимецъ Ванька Каинъ. Ему же извѣстенъ былъ дулясъ, какъ имя огня; тогда какъ то же слово и въ томъ же значеніи неизмѣнно обрѣтается въ словарѣ мирныхъ офеней-торговцевъ ходебщиковъ. Разбойничій атаманъ, мазъ по старинѣ, сохранился въ петербургской музыкѣ въ томъ же значеніи, измѣльчавшемъ лишь до прозванія заводчика воровскаго дѣла или стараго опытнаго вора. Татарскій яманъ (скверный), которымъ распоряжались волжскіе разбойники въ прошломъ столѣтіи по всѣмъ

грамматическимъ правиламъ склоненій родного языка, остается извѣстнымъ и нерушимымъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ наши дни на языкѣ петербургскихъ мазуриковъ *).

По сличеніи всѣхъ этихъ искусственныхъ языковъ одного съ другимъ нельзя не замѣтить общаго всѣмъ стремленія встать въ независимость, отдѣлиться для самостоятельнаго существованія. Цѣль достигнута. Оттого-то не только трудно, но и почти невозможно узнать и доискаться теперь до корня, до тѣхъ прадѣдовъ, отъ которыхъ выродились позднѣйшія многоколѣнные семейства; черты сходства остались неясными и немногочисленными. Вотъ и примѣры: прежде всего натазливается на того неизмѣннаго друга, для котораго у русскихъ людей придуманы цѣлыя десятки словъ и прозваній, отъ нѣжныхъ ласкательныхъ до грубыхъ ругательныхъ, какова водка, вино. У офеней она зовется гамза, гамзыра и дрябка; въ отвернищкой рѣчи извѣстна подъ именемъ ардинахи, въ мазурищкой музыкѣ зовется канка и кановка, на арестантскомъ языкѣ въ тюрьмахъ—хамло, у скрипенскихъ коноваловъ—лофейка, старинные разбойники называли ее—товаромъ изъ безумнаго ряда. Роковое мѣсто—тюрьма, прозванная офенями качуха, у специалистовъ-арестантовъ называется: у сибирскихъ чижовка, у русскихъ—кучуха и въ болѣе строгомъ смыслѣ у каторжныхъ арестантовъ (военныхъ)—палочная академія. Древніе разбойники звали ее „каменный мѣшокъ“.

Русскія слова.	Офенскія.	Отвернищкія.	Музыка.	Тюремныя.
Деньги.	юсы	кривцы	бабки	сары и курынча **)
Женщина.	куба	яруха	маруха	мазиха и суфлера
Рубль.	хрусть	круглякъ	царь и дерсъ	сѣдой (у коноваловъ)
Изаба и дворъ.	ряха, рымъ	хазъ (тоже у стар. разбойник.)	куреха, домуха, домовуха	бирезъ (у барышниковъ)
Купецъ.	пулецъ	кухторъ	аршинъ	майданщикъ
Мальчикъ.	ласый	микрець	долото	—
Щи.	пучки	лапуха	—	шури-мури
Овца.	моргуша	перехутка	—	басаргуля (у шерстобитовъ)
Продать.	протулить	кухторить	тырить	—
Кнутъ и плеть.	вязжакъ и вязжеха	—	минога и манны	лыко и адамово лыко
Солдатъ.	трущъ	—	бутыръ, фараонъ, паукъ	селитра
Опасность.	—	—	стрема, мокро, двадцать шесть	вода
Хлѣбъ.	сумаръ	сумѣха	—	чистякъ
Шуба.	бурмѣха	чуха	теплуха	—

*) Музыка или словарь карманниковъ, т. е. столичныхъ воровъ, которымъ мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ, составленъ въ 1842 году, провѣренъ и дополненъ сообщеніями новыхъ и подтвержденіемъ старыхъ словъ въ 1869 году.

**) Курынча тюремная встрѣчается у офеней въ названіи пятака мѣднаго (куренша).

У офеней гривенникъ—марошникъ, у мазуриковъ—жирманникъ; у офеней полтина—ламеха, у конныхъ барышниковъ—деръ; четвертакъ у барышниковъ—секана, секисъ, у мазуриковъ столичныхъ—жирма-бешъ, у коноваловъ—хрусть; цѣлковый у коноваловъ, напр.,

скрыпенскихъ—сѣдой, у конныхъ ярмарочныхъ и столичныхъ барышниковъ—бирсь. Сто у офеней—пехаль, по музыкѣ—капчукъ; день у офеней—бендюкъ, у шерстобитовъ—волгажъ. У офеней пѣтухъ—ворыханъ, у шерстобитовъ, напр., кинешемскихъ—гогусъ; кровь у офеней—вохра и кира, у шерстобитовъ—канъ, гривна у офеней—маруха, у мазуриковъ—трешка, у барышниковъ—жирмаха; рука у офеней—хирьга, у мазуриковъ—граблюха, у шерстобитовъ—бира; штаны у офеней—шпыни, у сибирскихъ шерстобитовъ—чинары, у мазуриковъ—шкеры и проч. Вотъ нѣсколько словъ шерстобитовъ (изъ языка такъ называемаго кантоужнаго): самоваръ—беззаботный, жеребецъ—агеръ, давать—дыкать, ямщикъ—шмлякъ, вѣльникъ—било, два—кокуръ, пила—зубила, колоколь—звонарь, зубы—жоры и жоръ, колемить, заколемить—захворать, овца—басаргуля, скоро—башково, кукушка—гадайка, пироги—елесникъ и проч. Нѣсколько словъ скрыпенскихъ коноваловъ: клева, неклева (общее), съюхтить—получить доходъ, схизнуть—бранить, бакулить—говорить, обლობызать—своротить съ дороги для разговора, сакъ—сюда, ламашникъ—полтинникъ (общее). Счетъ ихъ указать дальше *).

Въ этомъ общемъ стремленіи на отдѣлъ, для самостоятельнаго существованія на правахъ полнѣйшей независимости, придумывались слова, прикрывающія тайну пріемовъ извѣстнаго ремесла и промысла, чтобы скопившіися изъ нихъ словарь зналъ не всякій; а смысленный человѣкъ, спознавъ одинъ, могъ бы блуждать и заблудиться, попавъ въ трущобы другого словаря. Выдумка новыхъ словъ въ замѣну истаскавшихся старыхъ въ этихъ случаяхъ, прежде всего, являлась на выручку. Зазнавшій, напр., голову за „неразумницу“ (въ отвернищской рѣчи) не распознаетъ ее въ позднѣе придуманномъ прозвищѣ „лауда“. Слышали прежде и узнали всѣ часы за веснухи, —теперь же вмѣсто нихъ и у тѣхъ же мазуриковъ слышится новое прозвище бани; прежняя музыка предостерегала ходящихъ по ней объ опасности словами: стрема и мокро, —теперь говорятъ неизвѣстно почему „двадцать шесть“. Прежде по музыкѣ мошенникъ назывался французскимъ словомъ „жоржъ“, теперь откровенно по русски и не безъ нѣкотораго попользованія на остроуміе назвался „торговцемъ“. Прежде сыщику было званіе „фидарисъ, фи́га, подлипало“, —теперь: „двадцать пять“ и придумано всему комплекту

ихъ общее новое названіе „чертова рота“. Кошелекъ съ деньгами назывался шмель, теперь „шмиска“; бумажникъ—финаль, шмука, теперь „лопатка“ и „боковня“. Рубль у мазуриковъ оказывался и „колесомъ“, и „царемъ“, —теперь, по новому, это „дерсъ“; полицейскаго же они звали „каплюжникомъ“, теперь согласились называть гуртомъ прежняго фараона и бутыря (буточника) — лаукомъ; прежде „начудить“ теперь наѣздилъ, если сдѣлать неудачную кражу, сдѣлавшуюся открытою, и проч. По вызову различныхъ нововведеній, конечно, явились новыя слова уже не для прикрытія, а по необходимости: явилась „халдыговина“—конная желѣзная дорога (у петербургскихъ мазуриковъ); про арестованнаго по приговору мирового судьи говорить, что онъ „на мѣстѣ“.

Въ хорошемъ, болѣе законченномъ языкѣ (какъ, напр., въ офенскомъ), для лучшаго укрѣпленія отъ любопытнаго и любознательнаго уха, на одинъ предметъ и понятіе существуетъ по нѣскольку индифференциальныхъ выраженій: вѣсть—ефить, тронть, брясть; дѣвица—корюкъ, карета, карюха; водка—гамза, гамзыра, дрябка; огонь—дульясъ и дуликъ; работникъ—наешурникъ, прилешъ; сынъ—фетякъ и лашина; пироги—спидонъ и кундякъ, а такъ какъ по деревнямъ гостепріимно кормятъ пирогами всякаго заходящаго человѣка, то, напр., и у шерстобитовъ (волнотеповъ) имѣется для него особое имя—елесникъ; божиться—стодиться (потому что Стодъ—Вогъ) и щедиться и проч. Въ музыкѣ, по богатству словъ уступающей только словарю офенскому (торговому), точно также на деньги два слова: сара и бабки, на платокъ три: лешень, шемага, персякъ, на избу также три: куреха, домуха, домовуха; бѣжать—храть и лататы; ничего, не бѣда—сухари! шманаль! шинель—шеляма и накидалище; вынуть изъ кармана—выначить и срубить; соединиться въ шайку—стабуниться и скленться; лакей—алешка, Алексѣй Алексѣичъ, укусъ,—лакъ, халдей—денщикъ, похороны—халтура и проч.

Многія слова утратили секретъ и, прорвавшись въ обще-народное употребленіе, перестали считаться пригодными для обихода въ темномъ ремеслѣ, въ плутовскихъ изгибахъ его, и не перестали лишь смущать близорукихъ собирателей словарей этихъ. Въ мазурищской музыкѣ мы находимъ такіа слова: одѣтъ—оболочь, бѣжать и убѣжать—храть и ухрать; попасться въ преступленіи—влопаться; скрыть, заслонить—затылить; для виду—для близору; сдѣлать неудачную кражу—начудить; чертоплешина—плюха по затылку; труба—вздоръ, пустяки; жуликъ, который означаетъ по музыкѣ и по офенскимъ ножикъ, по музыкѣ же и мальчика-ученика воровскому дѣлу, перенесено въ Москвѣ на самыхъ мастеровъ про-

*) На сибирскомъ трактѣ черезъ Арзамасъ и Дукояновъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ, между станціями Тальниннымъ и Олевкомъ, находится это село Скрыпино (210 дворовъ) въ сосѣдствѣ съ селами и деревнями: Княжуха, Шамарино, Марьино, Ростиславка, Ратманово, Назарово, Пасынаевка, Елушево, Чупарлей, Ямское и друг. Во всѣхъ живутъ коновалы въ количествѣ до тысячи душъ. Ходятъ на востокъ и въ Сибирь.

мысла; пропить, промотать—проюрдонить *); у офеней пашенокъ (дѣтя, ребенокъ), масья (мать), скрыпы (двери) и глаза—зеньки. Всѣ эти слова знаютъ всѣ петербургскіе мастеровые, многіе изъ этихъ словъ употребляютъ люди и повыше полетомъ.

Само собою разумѣется, что богатство словъ сосредоточивается тамъ, гдѣ вращается и самый промыселъ. Темное дѣло, прикрытое темными условными словами и выраженіями, на этотъ разъ обнаруживаетъ свои живые пункты и поледѣтельности во всей наготѣ.

Въ такихъ случаяхъ и обиліе словъ и хлопотливая изобрѣтательность ихъ являются въ отчетливомъ видѣ; здѣсь на ворѣ и шапка горитъ. А такъ какъ все это творится для денегъ, все это вдохновляется ими, то этотъ предметъ и исчерпанъ всѣми до предѣловъ возможнаго и вѣдомаго, и потому объ нихъ-то и первая рѣчь наша. По таблицѣ, приведенной выше, видимо разнообразіе прозваній самыхъ денегъ и одного изъ крупныхъ и основныхъ представителей ихъ—бумажнаго и серебрянаго рубля. Кто на послѣднія видоизмѣненія рубля и денегъ не ходитъ за недосугомъ, но петербургскіе мазурики различили свои фиашки, фиаги (бумажныя деньги, ассигнаціи), какъ офени свои пельмахи, отъ сары и царей (серебряной монеты) и отъ рыжихъ, веснушчатыхъ (денегъ), отъ рыжиковъ—червонцевъ и рыжей сары—полумпериаловъ, потому что эти деньги въ рукахъ ихъ бывали зачастую, также онѣ знакомы и офенямъ (подъ не хитро придуманнымъ прозваніемъ кузлота). Послѣдняго сорта монета неизвѣстна ни коннымъ барышникамъ, ни мелкотѣ промышленникамъ шерстобитамъ и коноваламъ. За то у всѣхъ извѣстны подъ своими именами гривна (маруха у офеней, трепка у мазуриковъ, жирмаха у конныхъ барышниковъ), пятачекъ,—пенякъ у первыхъ, пискаръ (мѣдный), пискарекъ (серебряный) у мазуриковъ; полтина (ламина офен., ламышникъ мазур., деръ барышн.), четвертакъ, исчезнувшій изъ употребленія (жирма-бешъ у карм., секана и секисъ у барышн.); цѣлковый (хрусть офен., круглякъ отверницкій, царъ и деръ по музыкѣ, сѣдой у коноваловъ, бирсъ у барышн.); копейка (трофиль офенс., канька и каника у мазур.). А такъ какъ на руки офеней чаще и больше другихъ перепадаетъ деньги, то у нихъ есть слова и на грошъ (башъ), и на денежку (батень), и на трехгривенный (хрусть съ пенякомъ). Умѣютъ считать они и до тысячи, которую зовутъ косухою (значеніе слова этого у мазуриковъ ослаблено переносомъ на сотню—косуля—и эти купцы пропавшихъ вещей дальше сотни рублей не считаютъ и счета не знаютъ). У офеней, обя-

завшихъ себя вѣчными счетами и выкладами, это дѣло затемнѣло больше всѣхъ и офенскій счетъ полнѣе всѣхъ и совсѣмъ другой, чѣмъ, напр., у лошадиныхъ барышниковъ и у скрыпенскихъ и другихъ коноваловъ.

С Ч Е Т Ь.

Обыкновен.	Офенскій.	Галивонскій (шерстобитовъ) и конныхъ барышниковъ.
одинъ	екон	екон
два	здю, взю	кекуръ
три	стремъ	стема, кумаръ
четыре	кисера	дщера, чивакъ
пять	пинда	пенда, вычусъ
шесть	шонда	шонда
семь	сезюмъ	сезюмъ
двугривенный	сезюмаръ	сезюмаръ
восемь	вондера	
девять	девера	кивера
десять	деканъ	деканъ (марня у скрып. коноваловъ).
одиннадцать	екодцать	
двѣнадцать	здюнаццать	двадцать пять—хрусть у скрып. коноваловъ.
тринадцать	стремнаццать	
четырнадцать	кисернаццать	
пятнадцать	деканъ-пинда	
пятнаццатный	пенда-берюнды	пенда-курена—пятачекъ
шестнадцать	шондатцать	
семнадцать	сизюмнаццать	
восемнадцать	вондарадцать	
девятнадцать	девернаццать	
двадцать	здю-декановъ	тридцать - трехмарня (у скрып. коноваловъ).
сорокъ	кивера-декановъ	
пятьдесятъ	пенда-декановъ	
восемьдесятъ	вондера-декановъ	
четвертакъ	вондера-сизюмъ-трофель	
девяносто	деверъ-декановъ	
сто	пехаль	
тысяча	косуза	
полтина	ламина	

Затѣмъ, само собою, по зависимости отъ предметовъ торга и купли, офени-торговцы поспѣшили заручиться своею терминологіею, которая даетъ словарный сборникъ количествомъ словъ больше тысячи. По способу мѣновой торговли, каковая не гнушается вымѣномъ всего, что придется на руку (и вымѣниваетъ, между прочимъ, съ такими неслыханными барышами, болѣе чѣмъ сто на сто проц.): и яницы (ягреныты), и ложки (свербалки), и медъ (емеля), лапти (верзень), пшеницу (кудешница), масло (ласо), всякій хлѣбъ (сумаръ), лошадь (ло-

*) Юрдовка, какъ мы указали, особая игра въ карты.

вакъ, острякъ), овесь (щуплякъ), ячмень (сахарь), рожь (зеха) и проч. Мужикъ (лоху) и бабѣ (кубѣ) и молодичѣ (ламохѣ) и красной дѣвицѣ (каратѣ, карюхѣ) съ завистливыми и склонными на соблазнѣ глазами торговецъ-холобщикъ и офеня ѣздовой отдають на обмѣнъ все, что надо, что имъ самимъ навалили въ Москвѣ (въ Ватусѣ) на кредитъ изъ залежнаго и праховаго товара: гребень (дербужникъ), стаканъ и рюмку (бухарникъ, бухарку), ситецъ (лепешникъ), платокъ (лепень), сукно (шерсно, вехно), ножикъ и ножницы (жуль и жульницы), стекло и посуду всякую (звеньеху), рукавицы (нахирехи), топоры (машурики), пояса (подбалы), сальные свѣчи (щедреги), а на лаковой вкусъ богатаго мужика и чай бусильникъ (бусильникъ оттого, что люди пьютъ, его бусятъ), и сахаръ сластимъ, и зеркала вершалъницы (затѣмъ, что вершить—глядѣть въ нихъ надо) и другое тому подобное. Для такихъ дѣлъ у офеней и брысы (вѣсы) такіе сдѣланы, что брысать съ походомъ всегда на его сторону. Пропуливаетъ пулець—продаетъ купецъ этотъ вяло и рыхло (много и скоро), больше шираго, чѣмъ склешево (дороже, а не дешевле) и за то ерчить на громати на своемъ ловакѣ, а не похлитъ на стухахъ (ѣздитъ на телегѣ на собственной лошади, а не ходитъ пѣшкомъ на своихъ ногахъ съ коробомъ на горбѣ), да еще сверхъ того; седмаетъ въ рахѣ на дудоргѣ, тротъ вятелку за стропенемъ, сафаетъ скрыжами кундешные кундаки и забусываетъ (на худой конецъ) чкуномъ, а чаще всего клыгой, а не то и керомъ (т. е. въ избѣ, на лавкѣ ѣстъ утку за столомъ, мнетъ зубами пшеничные пироги и запиваетъ квасомъ, брагой, а не то и пивомъ). На крестьянскаго обманщика собаки не лають, а мужичью голову не даромъ прозвали на Сожѣ неразумницею: бузу (бѣднаго) отъ стодена (богатаго) лоховой обзетильщикъ (крестьянскій обманщикъ) не распознаетъ. И все-таки „которыя скрышы отвандаютъ, поханы севраетъ шлякомова въ рымъ, нидонять драбку въ бухарку, гируха филосы мурляетъ, клужаетъ и чупается (ребята ворота отворяютъ, хозяинъ зоветъ знакомаго въ домъ, наливаетъ водку въ рюмку, хозяйка блины печетъ, подаетъ и кланяется): „Спасибо еще и за то, что мимо двора не пробѣхалъ“. За мужикомъ сплошь и рядомъ у торгована шилку скенъ (долговъ много). Хотя офеня и знаетъ Стода (Бога), но не лучше нефеда и скеса (еврея) бусаецъ лохову гиру (пьетъ крестьянскую кровь); видку (правду) только по имени знаетъ. Офени говорятъ: „Мася! ропа нмать, полумеркотъ, рыхло закурешатъ ворыханы“ (мать, пора встать, полночь, скоро запоютъ пѣтухи). „Да, позагорбилъ басвѣ слепить: астана басвинска ухалила дработницей“ (да, позабылъ тебѣ сказать: жена твоя померла весной).

Точно также въ отвернической рѣчи встрѣчаемъ наибольшее богатство прозваній тѣхъ предметовъ, которые служили предметомъ торговли и промысла. У офеней мы не видимъ того, у мазуриковъ не мыслима необходимость знанія гречихи (кудрявки), чечевицы (лескушки), проса (цикауса). Кричевскіе торговцы, жившіе въ болѣе южныхъ и теплыхъ мѣстахъ, возымѣли въ этомъ отношеніи преимущество даже передъ проходцами сѣверными офенями. Кричевскіе знаютъ и нахринъ—хрѣнъ, и кругалку—рѣпу, и солодуху—морковь. Все это они могли вымѣнивать и на семирки (иголки), и на теплухи (чулки) и проч.

А вотъ и еще художники, которые вертятся и вращаются также около своего темнаго дѣла и стараются затемнить его больше и такъ, чтобы сторонніе ихъ не узнали. Эти также какою рѣкою плывутъ—ту и славу кладутъ, и у нихъ, гдѣ дрова—тамъ и щепы. Воруетъ мазурикъ и то, что на глаза попадаетъ, и что легче украсть, и на что онъ большой охотникъ и мастеръ. Оттого у нихъ шубы—теплухи, мѣховыя вещи—окорока бѣлье на чердакахъ (не безъ остроумія)—голуби, посуда—звенья, кафтаны, шинели—шельмы, подушки съ извозчичьихъ саней—мякоть, шапки—камлюхи, и сапоги—коньки; все предметы добычи (тырбана) и дѣлжки (слама). Но такъ какъ мазурикъ больше ходитъ около кармановъ, „беретъ съ верховъ“, т. е. изъ наружныхъ (оттого и карманникъ), то при обширномъ полѣ для дѣятельности и богатство словъ для названія вещей и предметовъ промысла: табакерка—лохавка, скуржаная—серебряная, рыжая или веснушная—золотая, часовыя цѣпочки—гопа, не шейныя короткія—путина и первязъ, длинная шейная—арканъ, бумажники—дождевики и лопатники, кошельки съ деньгами—шмели, дорнеты—камбалы, кольца—обручи, драгоценныя камни—сверкальцы, перчатки—грабли, театральныя трубки—двуглазыя, портмонэ,—кисы, сакъ-воляжи, чемоданы и мѣшки—пишки. А такъ какъ въ такихъ вещахъ вытаскивались и деньги, то на каждый видъ ихъ и форму существуютъ отдѣльныя названія: деньги—сара (старыя), бабки (новыя), ассигнаціи—финяги и финашки, трекъ—трехрублевая, синька—пятирублевая, канька и канька—копейка, трешка—трехкопеечникъ, пискарекъ—пятачекъ, пискаръ—мѣдный пятакъ, жириашникъ—гривенникъ, ламышникъ—полтинникъ, осюшникъ—двугривенный, жирма-бешъ—четвертакъ, стремчаговый—трехрублевикъ, царь—цѣлковый, капчукъ—сторублевая бумажка, косуля—тысяча и проч. Платокъ—лепень, но шемага—носовой обыкновенный, персякъ—шелковый. Часы прежде назывались веснухи и веснушки, но такъ какъ слово это узнали всѣ, то стало новое—бани, а зато, что они чаще служатъ предметомъ добычи

и попадаютъ въ руки всякія, то и зовутся: стуканцами—стѣнные, канарейками—карманные, рыжими—золотые, скуржовыми—серебряные. По причинѣ же того, что у такихъ художниковъ бѣда всегда виситъ на вороту, то и выкриваютъ близость опасности (стремы) либо этимъ придуманнымъ слово, либо говорятъ „мокро“, когда видятъ стрѣлу—казака, мишютку—жандарма, каплюжника или гуртъ—полицейскаго, фигу, чертову роту, двадцать шесть—сыщика; мухорта—статскаго человѣка, наблюдателя, барчука—франта, свидѣтеля, изъ военныхъ—талмгая, паука—городового, денщика—Алешку, лакея—уксусъ, лакъ; хера (пьянаго) не боялись, жоха—нищаго, подбивали въ свою компанію и давали сламъ. „Отначивались“ (откупались) въ старину и отъ „крючка“—письмоводителя въ кварталѣ, и отъ „кармана или выручки“, т. е. самого квартальнаго надзирателя, и отъ „ключи“ или ключая—слѣдственнаго пристава, и „скипидарничали“, гуляли на волѣ, находясь въ подозрѣніи. За „домотою“ (побоями) не гонялись и „секунцію“ принимали съ легкимъ сердцемъ.

Такъ какъ на большую часть все это были бродяги, съ фальшивыми паспортами и часто безъ всякихъ видовъ, то мастерили свои и опять обогатили свой языкъ различными новыми, нигдѣ уже не попадающимися словами. Вышли безглазые, темные, т. е. безпаспортные и слѣпые (бродяги настоящіе), съ липовымъ глазомъ, темнымъ, яманнымъ глазомъ (фальшивымъ паспортомъ, потому что настоящій по музыкѣ называется просто глазомъ, а иногда биркою и картинкою; торговали „пчелами“—фальшивыми бумагами, но, конечно, больше и чаще всего воровали, сбывали стыренное (ворованное) мѣшкамъ (пріемщикамъ). Ходили тырить на клей (воровать на готовое) послѣ подвода (подготовки) на двое, или „ходили въ одиночку“, воровали особнякомъ или „стабунивались“, склеивались (т. е. соглашались вмѣстѣ), сбывались въ шайку, въ „хороводъ“ (товарищество) и „гопали“ (бродили по улицамъ, ночевали на нихъ). Иногда въ карманахъ ничего не находили, „шманъ, сухари“, но, добившись цѣли, дѣйствовали. Въ дѣло употребляли коловороты—„вертуны“, для „сережекъ“ (замковъ), пускали въ ходъ „помаду“ (долото), фомку (маленькій ломъ), „крючки“ (небольшія отмычки), „стриканцы“ (ножницы), „жулики“ (ножи) и т. д.; хаживали и на шарапъ (грудью, приступомъ брали), и на хралокъ (схватывали за горло), и на душецъ и подѣ микитки, „схватывали за дыхало“, т. е. душили, зажавши ротъ и ноздри *). За то ловкій человѣкъ,

когда трокнулъ, т. е. попался и сѣдился въ тюрьму, то выходилъ изъ тюрьмы либо „съ нашимъ почтеніемъ“ (въ подозрѣніи), либо „съ низжайшимъ почтеніемъ“ (въ сильномъ подозрѣніи), либо, наконецъ, „съ низжайшею благодарностью“ (въ глубокомъ подозрѣніи). Эти обыкновенно отдѣлывались только тѣмъ, что „пробирали ихъ дробью“, т. е. наказывали розгами), а затѣмъ они опять сѣдѣли по старому въ „капнѣ“ (кабакѣ) или „шатунѣ“ (погребкѣ), опять искали поживы на „задѣльяхъ“ (свадьбахъ), „уборкахъ“ или „халтурахъ“ (похоронахъ). Краденное, „тыренное“ перетыривали (перепродавали), т. е. спурили, пропуливали въ надежныя руки. Иногда удавалось „ухнуть“—уѣхать на договоренномъ извозчикѣ, иногда удавалось „влопаться“ только, т. е. попасться неопасно, а иногда и „сгорѣть“, т. е. попасться до ссылки, до „мантовъ“ (плетей) и до прогулки „за Вугры“ (т. е. за Уральскій хребетъ), спознавшись и съ крешками (палачами), прокатившись и на „фортунокъ“ (позорной колесницѣ), и наѣвшись миногъ (т. е. получивъ наказаніе плетями. „Смѣряли стекла“, выдавливая ихъ, намазывая медомъ или патокою сахарную бумагу; тѣмъ же медомъ смазываютъ и стыренные деньги, чтобы не звенѣли. Главныя достоинства въ этомъ промыслѣ умѣть во время „зетить, стремить“, зорко озираться и глядѣть, умѣть „агалчить“—во время предостеречь товарища, толкнувъ его; во время „трекати“ (оглядываться и вытаскивать изъ кармана), умѣть „заливать“—обходить, заговаривать сыщика, справедливо „тырбанить“ (добычу дѣлать), остерегаться „амбы“ (смертельныхъ ударовъ) и „дуги“ (невѣрныхъ справокъ при рекогносцировкѣ), чтобы „не наѣздить“ (новое слово—не сдѣлать неудачной кражи) и не попасть въ „кряковки“ (т. е. чтобы не связали рукъ).

— Ухрялъ было (печалится мазурикъ мазурику, ходя по музыкѣ, т. е. говоря своимъ байковымъ языкомъ), ухрялъ было вечеръ, съ бутыремъ справился, да стрѣла подосѣла и облопался (казакъ прискакалъ и попался).

Предостерегаютъ другъ друга: „Стрема! стремить мишютка!“ (жандармъ смотритъ, берегись!).

Хвастаются: „Вечеръ я было влопался (попался), насилу фомкой отбился, да, спасибо, звонокъ (товарищъ—мальчишка), со стороны поздравилъ каплюжника дождевикомъ“ (бросилъ въ полицейскаго камень). Или: „Срубилъ шмель, выначилъ скурлажную лоханку“ (вытащилъ кошелькъ съ деньгами да серебряную табакерку).

Крюковъ. Отмычка подходитъ къ большей части замковъ, а для хорошаго внутренняго замка дѣлается ключъ по восковому слѣпку, отъ ключа же или отъ замочной скважины. Камышевку—ломъ прячутъ, подвязывая веревкою, обходящую вокругъ тѣла, и носятъ въ шароварахъ (въ ней пудъ вѣсу).

*) Фомка — короткій желѣзный прутъ для свертыванія «сережекъ» (т. е. висячаго замка). Камышевка—большой въ 1/2 аршина ломъ; имъ очень ловко поднимаютъ двери съ петель или

Разспрашивают друг друга: „Во что кладетъ мѣшокъ веснухи“? (во что барышникъ-перекупень цѣнить часы?) — „Я правлю три рыжика, онъ четыре колеса кладетъ“ (я прощу три золотыхъ, онъ четыре цѣлковыхъ даетъ).

Печалится о товарищѣ: „Онъ вѣдь ужъ ѣлъ много и спроваженъ, не чиста была бирка“ (наказанъ и высланъ, паспортъ былъ фальшивый), и проч. и проч.

На языкѣ офеней переписывались бѣлорусинскіе (австрійскіе) раскольники съ московскими и вообще живущими внутри Имперіи. Похожій на офенскій существуетъ языкъ у кинешемскихъ и вообще костромскихъ, макареевскихъ и кологривскихъ шерстобитовъ, уходящихъ въ Восточную Россію, „въ Сибирь“ (какъ они называютъ), и шерсть бить, и коновалить и кодовать. Имѣется свой языкъ у бугевскихъ мелочниковъ-гребенщиковъ, ходящихъ по столичнымъ дворамъ съ козлинымъ выкрикомъ: „щетки-гребенки“ и съ ящикомъ за спиною. Подмѣченъ искусственный языкъ у нищихъ, гдѣ нищенство превратилось въ правильно-организованный промыселъ (во Владимирской, Тверской, Рязанской и Московской губерніяхъ). „Картаво“ умѣютъ говорить лошадиные барышники, руководствуясь нужными для тайны цыганскими словами. Языки эти въ народѣ слывуть подъ разными прозвищами: кантюжнаго (собственно нищенскій *), галивонскаго (шерстобитовъ), ламаванскаго или аломанскаго (тотъ же офенскій или офинскій), байковый или мазурничскій, музыка. Существовалъ еще языкъ тарабарскій и языкъ „по херамъ“ (херовой). Последний основанъ на приставкѣ въ живой языкъ послѣ каждого слога **) слова „херъ“. Тарабарскій же придуманъ смѣшанными грамоту школьниками, переставившими согласныя буквы въ обратную, вмѣсто б-щ, в-ш,

г-ч, д-ц, ж-х, з-ф, к-т, л-с, м-р, н-п. Такъ, напр., выходитъ: „Я упулъ у Шапти тасачить“, что значитъ: я унесъ у Ваньки калачикъ. Вообще же тарабарщиною привыкли называть всякую цифрованную и шифрованную грамоту, предполагающую знаніе особаго ключа. Языками этими руководились грамотные люди, ихъ придерживались затворники учебныхъ заведеній, въ особенности бурсаки семинарій, откуда языки эти несомнѣнно и вышли. Въ подобіе тарабарскому съ лишними проставками въ живыхъ словахъ существуетъ языкъ кубрачкій (кубракъ-сборщикъ подацій на церкви, обратившихъ это дѣло въ промыселъ и живущихъ въ городѣ Мстиславѣ и мѣстечкѣ Дубровнѣ Могилевской губ.). Проставка раздѣльныхъ словъ, по очереди одно послѣ другого, шайка-шири, употребляется съ такою быстротою и ловкостью (отъ привычки), что затемняемая ими слова дѣйствительно темнѣютъ такъ, что становятся положительно незнакомыми и непонятными. Надо большую сноровку и долгую привычку, чтобы выслушивать быстро и во множествѣ мелькающихъ „шайка-шири“, чтобы брать слоги подходящіе и составлять слова настоящаго предлагаемаго смысла. Знаніе, промыселъ кубраковъ — прошаковъ также не совсѣмъ прямое и открытое дѣло: десяткі сборниковъ въ десятки лѣтъ собирали подааніе на тѣ церкви, которыя послѣ ихъ видимыхъ хлопотъ найдены разрушенными, съ обрѣштившимися крышами, съ битыми земляными полами и соломенными наметами, мало чѣмъ отличавшимися отъ бѣдныхъ полуразвалившихся бѣлорусскихъ хатъ. Въ самомъ Мстиславѣ до сихъ поръ стоятъ деревянныя развалины трехъ церквей и четвертая каменная, построенная, какъ извѣстно, на казенныя деньги, переименованная въ соборъ изъ полковой церкви.

*) Кантюжить—нищенствовать. Наглухо заколачиваютъ избы и уходятъ собирать на мнимое погорѣлое мѣсто множество деревень подъ самою Москвою и почти весь Судогодскій уѣздъ Влад. губ.

**) Существуетъ анекдотъ о братьяхъ семинаристахъ, которые начали сговариваться по херамъ приотцѣ:—Херъ-бръ ты! «Херъ-что?»—Херъ-пойдемъ, «Херъ-куда?»—Херъ въ кабакъ! «А Херъ-плетъ!» — возразилъ на неумѣло составленную рѣчь отецъ, лежавшій на полатахъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВИНОВАТЫЕ и ОБВИНЕННЫЕ.

Злодѣи. Убійцы. Самоубійцы. Бродяги и бѣглые. Воры и мошенники. Грабители и разбойники. Поджигатели. Преступники противъ казны. Преступленія противъ семейныхъ правъ.

ГЛАВА I.

ЗЛОДѢИ.

Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее.—Знаменитый Кореневъ—прототипъ злодѣевъ.—Его похождения и злодѣйства; разбойная сторона; нищая братія; Веранло; артель слѣпцовъ-нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ—сезонный герой; падахи; проблески совѣсти въ злодѣѣ.—Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горкинъ и его превращеніе.—Нашъ знакомецъ Дубровинъ.—Понятіе варнаковъ о чести.—Сильные убійцы.—Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Хаимъ Вульевъ.—Злодѣй Филипповъ.—Минусинскій злодѣй.—Разбойники сибирскіе.—Судьба убійцы въ Сибири.

Русская народная пословица говоритъ: „отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся“. Этою пословицею вѣковая народная практическая наблюдательность сумѣла объяснить въ своей жизни существованіе двухъ сильныхъ враговъ. Оба признаны ею неодолимыми; оба, въ народномъ представленіи, являются тѣми могучими силами, борьба съ которыми внѣ человѣческой возможности и всегда неизбежно кончается побѣдою противной стороны. Одинъ врагъ, и именно тотъ, который умѣетъ надѣвать на людскія плечи суму и зовется голодомъ, успѣлъ достаточно ясно заявить себя не только въ предшествовавшіе вѣка народной жизни, но и въ наши времена съ тѣми же самыми подробностями, какія занесены въ древнія лѣтописи. Другого врага, также наталкивающего на несчастья и также запирающего въ тюрьмы, народъ не успѣлъ распознать въ лицо и дать ему опредѣленное и характерное имя. Видитъ онъ въ немъ какого-то злого духа, котораго называетъ и судьбою и несчастьемъ: судьбою—отъ которой не уйдешь и не отчуждаешься, несчастьемъ, котораго не обойдешь и не объѣдешь (даже и на кривыхъ оглобляхъ—по мѣткому выраженію одной изъ пословицъ). Эта безнадѣжность, отчаяніе отъ неувѣренности въ собственные силы, какъ существа разумнаго и независимаго, до такой степени окрѣпи въ народномъ сознаніи, что самая форма уклоненія испорченной воли въ преступленіе признается и зовется несчастьемъ, приписывается вліянію

злой силы судьбы. Вездѣ они, оба вида увлекающихъ и губительныхъ силъ, являются впереди и прежде всѣхъ другихъ причинъ, производящихъ тотъ или другой видъ преступленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исканіе иныхъ причинъ преступленій увело народъ въ противорѣчія и увлекло въ среду понятій еще болѣе неопредѣленныхъ, какова, между прочимъ, сила вліянія на волю человѣка наслѣдственности („благословляетъ отецъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ“ и проч.). Въ другихъ случаяхъ, это исканіе причинъ, повидимому, останавливается вблизи настоящихъ основъ, каково, между прочимъ, вліяніе посторонней порчи, участіе соблазна („не родится воръ, а умираетъ“), и проч. Иногда отыскивается новое противорѣчіе, но несомнѣнно выясняется болѣе вѣрная и близкая причина („нужда лиха и голодъ не тетка, а голодный и архіерей украдетъ“). Въ общемъ же итогъ преступленіе есть несчастье, преступникъ—несчастный; вотъ конечный выводъ, какой сдѣлалъ нашъ народъ по личной практикѣ и позналъ изъ собственныхъ наблюдений. Воры и бродяги ведутся, а кого чертъ свяжетъ: отъ бѣды и отъ грѣха не уйдешь, ихъ и на конѣ не объѣдешь. А потому: что на словахъ, то и на дѣлѣ, преслѣдуемый закономъ находитъ пріютъ; къ совершившему преступленіе—столько долготерпѣнія, сколько позволяетъ крайняя степень возможности и пока не принуждаютъ требованія и указанія начальствъ. Вѣжавшій отъ наказанія съ каторги получаетъ готовый при-

тонъ и готовую хлѣбъ-соль и совершенно свободенъ отъ всякихъ преслѣдованій. По тѣмъ же причинамъ и палачъ, на пути слѣдованія къ мѣсту казни, попавшій на базаръ, съ каждаго воза непременно бралъ грошъ, на дешевое приглашеніе свое: „давайте кату плату“, и потому же, наконецъ, одни изъ самыхъ тяжелыхъ преступниковъ, каковы разбойники, облечены въ народныхъ пѣсняхъ въ симпатичныя формы и воспроизведены въ образъ удалихъ добрыхъ молодцовъ. А сколько разъ арестующимъ, по поимкѣ преступника (впервые натолкнувшагося на злодѣяніе), доводилось слышать во время прощанья его со своими, посреди горькихъ слезъ разлуки, такое утѣшеніе (сорвавшееся непосредственно съ самаго сердца): „Бакюшко нашъ царь проститъ насъ, слѣпыхъ людей, и помилуетъ“.

Намѣреваясь познакомить читателей съ нашими наблюденіями надъ преступленіями, ведущими въ ссылку, и преступниками, колонизирующими Сибирь, мы въ теченіи нашей работы будемъ имѣть случай не одинъ десятокъ разъ объяснять то, насколько народная „судьба“ осуществима въ прирожденныхъ физиологическихъ и физическихъ свойствахъ природы чело-вѣка и насколько то, что народъ признаетъ и называетъ „несчастьемъ“, есть ни что иное, какъ политическія и экономическія условія нашего народнаго быта и нашей родины. Вникая въ тѣ и другія, по вызову и указаніямъ различнаго сорта людей и разнаго рода преступленій, обязавшихъ насъ изученіемъ того и другого во время знакомства съ Сибирью,—мы, въ настоящемъ случаѣ, поставлены лицомъ къ лицу съ однимъ изъ тѣхъ героевъ каторги, надъ которымъ въ особенности подшутила эта же самая „судьба“, а около настоящей судьбы этого чело-вѣка въ такомъ множествѣ скопились всякаго рода „несчастій“. Герой этотъ служить прототиномъ всѣмъ подобнаго рода несчастнымъ или собственно ссыльнымъ людямъ. Въ немъ счастливо сочетались всѣ тѣ подлинныя несчастья жизни, которыя, въ одно и то же время, успѣли сдѣлать его и закоснѣлымъ злодѣемъ и любимымъ идеаломъ, возлюбленнымъ образцомъ для всѣхъ современныхъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ сибирскихъ ссыльныхъ. Дѣла его громки по Сибири, разказами о немъ живутъ каторжныя тюрьмы, память его—съ похвалами, даже и въ тѣ времена, когда онъ сошелъ въ могилу. Имя ему—Кореневъ. По роду занятій и образу жизни онъ принадлежитъ къ тому многочисленному сословію сибирскаго населенія, къ тому классу людей свободнаго званія, которыхъ сибирскіе старожилы называютъ и варнаками и чалдонами и которые самихъ себя признаютъ и называютъ бродягами. Кореневъ, однако, представляетъ такой типъ, въ которомъ всѣ свойства сибирскихъ бродягъ совмѣстились въ до-

статочной полнотѣ и своеобразныя краски бродяжяго ремесла на немъ слились такъ густо и въ такомъ избыткѣ, что мѣстами перелились даже черезъ край. Изъ бродяги—непосѣдливаго и неутомимаго искателя воли и доли, надежнаго обезпечивающихъ жизнь, чѣмъ неволя и бездоле каторжныя, и уже не по своей винѣ превращающагося вмѣсто того въ небезопаснаго искателя приключеній,—изъ бродяги, еще отчасти симпатичнаго и, во всякомъ случаѣ, исправимаго типа,—въ Кореневъ выразился настоящій „варнакъ“, подлинный злодѣй и убійца. Характеръ его представляетъ ту особенность, что весь онъ сложился подъ влияніемъ тюремныхъ обычаевъ и каторжныхъ порядковъ. Онъ—воспитанникъ Сибири и цѣликомъ принадлежащій ей; онъ—сибирякъ даже по мѣсту рожденія въ одной изъ сосѣднихъ къ Сибири губерній (Пермской), которую до сихъ поръ великорусскій народъ признаетъ и называетъ Сибирью (не по новымъ граматамъ, но по старымъ памяткамъ, до сихъ поръ не утратившимъ своего правдиваго смысла и значенія).

Вотъ какую игру затѣяла съ нимъ „судьба“, какіе давала ему ходы и, ни разу не сдѣлавъ уступки, на всякую карту требовала рискованныхъ отвѣтовъ и смѣлыхъ выходовъ, потому что ставка была отчаянная. Въ банкъ поставилъ Кореневъ свое чело-вѣческое право: жизнь и свободу.

Бытіе свое Кореневъ получилъ въ маленькомъ, наибѣднѣйшемъ уѣздномъ городишкѣ, обыватели котораго владѣли свое утлое житейское, плохо-сколоченное суденко между многими опасными подводными рифами: одни крали и давили крестьянскихъ кошекъ и собакъ, а ободранныя шкуры перепродавали на кожевенные заводы богатаго сибирскаго города Тюмени; другіе воровали и перекрашивали крестьянскихъ лошадей и сбывали ихъ въ другую сторону на темныхъ людей по коннымъ торжкамъ и на конной ярмаркѣ бѣднаго вятскаго городка Котельнича. Къ такимъ же занятіямъ пріучали они и дѣтей, тѣхъ ребятишекъ, въ общество которыхъ поступилъ Кореневъ—сынъ уѣзднаго чиновника. Конечно, ни кошкодавомъ, ни конокрадомъ, по званію своего отца, ему стать не приводилось. Узнать эти порядки онъ могъ по праву товарищества. Но судьба, помимо его воли, могла натоптать ему только ту дорогу, которую проторила она для его отца. Кореневъ непременно сдѣлался бы приказнымъ и—если при рожденіи получалъ онъ, по Галлю, головной мозгъ съ болѣе развитыми передними частями, и, по Штурцгейму, приобрѣлъ буторокъ „приобрѣтенія богатствъ“ увеличеннымъ на счетъ другихъ и, въ то же время, снабженнымъ также развитымъ буторкомъ, вмѣстилищемъ „преступныхъ желаній и стремленій“,—будущность его не заволокалась бы туманомъ неизвѣстности. Кореневъ, въ незавид-

ножъ званіи уѣзднаго подъячаго, могъ сдѣлаться преступникомъ, а пожалуй и ссыльнымъ субъектомъ на три статьи: неизбежно болѣлъ бы онъ издомствомъ—этою крайне застарѣлою и спорадически-распространенною болѣзью. Но за этотъ первородный грѣхъ служилаго сословія ссылаютъ въ Сибирь мало и неохотно (около 5—6 человекъ въ годъ; 48 человекъ въ десять лѣтъ, съ 1838 до 1847). Грѣшилъ бы онъ „подлогами по службѣ“, но и за этотъ грѣхъ имѣлъ бы за собою самую ничтожную степень вѣроятія угодить въ ссылку (въ тѣ же десять лѣтъ за такіе грѣхи сосланъ въ Сибирь одинъ только подобный мастеръ изъ чиновнаго люда). Затѣмъ Кореневу, въ званіи и при обязанностяхъ чиновника, оставался достаточный просторъ развить въ себѣ наклонности къ служебнымъ преступленіямъ и, слѣдомъ за другими ссыльными подъячими, уйти въ Сибирь за кляузнничество или за поддѣлку документовъ. На прегрѣшенія послѣдняго рода онъ обладалъ замѣчательнымъ количествомъ способностей, выяснившихся въ ссылкѣ мастерствомъ его приготовить фальшивыя ассигнаціи и монеты и, вѣроятнѣе обезпечивался правомъ на ссылку именно за этотъ родъ преступныхъ дѣяній по поддѣлкамъ, какъ такихъ, за которыми преимущественно ссылались въ Сибирь русскіе чиновники. Но, какъ мы сказали, судьба для азартной игры съ Корневымъ не такъ стасовала карты и употребила не обычные рутинные приемы.

— Разъ я игралъ въ лапту съ ребятами на улицѣ—разсказывалъ самъ Кореневъ тюремнымъ товарищамъ и всѣмъ желавшимъ слушать его: ребята не поладили, стали считаться кулаками. Одинъ, посердитѣй другихъ—Глыздой мы его за то звали—со мной снялся. Досадила онъ мнѣ крѣпко. Я ему: „отстань, отвяжись“, а онъ пуще ко мнѣ. Не втерпѣжъ мнѣ это стало: взялъ я да лаптой его и свиснулъ. Скользнула лапта съ шапки на високъ—онъ такъ и съѣлъ, оловно снопъ, и захрапѣлъ ка-быть пьяный. Ребятишки всѣ въ брызги, кто куда. Я надъ нимъ, да и вадумалъ: сребрь въ охапку, стащилъ въ закоулокъ, сложилъ между бревнами, а самъ и бѣжалъ—не домой, а въ лѣсъ. Дома отецъ сердитый, пьяный, со своей лаптой сидѣлъ и со мной безпремѣнно то же бы самое сдѣлалъ. А про лѣсъ мы и въ сказкахъ слышали все такое хорошее. Сказывали хорошее про лѣса наши и мѣщанскіе ребятишки: не гинетъ-де въ нашихъ пермскихъ лѣсахъ душа человѣчья, а кипитъ эти лѣса, что мошкой, всякимъ сброднымъ, вольнымъ и гуляющимъ людомъ. Тамъ-де очень хорошо.

„Вотъ съ чего я свою жизнь почалъ. Грамотѣ меня батко успѣлъ выучить въ уѣздномъ училищѣ, стало быть, въ лѣсъ я грамотнымъ пошелъ. Ходилъ я въ лѣсу, неученымъ, не долго; послѣ приловчился такъ, что живалъ въ лѣсахъ

по цѣлымъ годамъ. Въ лѣсу ягодами питался, да онѣ-то меня и проняли; вышелъ я на поляну хлѣбушка поискать, пошелъ къ деревушкѣ. Изъ молодыхъ да ранній, въ деревню иду—потруживаю: не знавали бы меня за сбѣглаго. Спасибо, баба какая-то выручила. „Ты, говорить, паренекъ, не коня ли своего ищешь?“—„Коня, молъ, ищу.“—„Такъ у насъ, слышь, не такія мѣста, чтобы краденныхъ лошадей находить; не ты первой ищешь“. Зазвала меня въ избу, не стала разспрашивать, стала сама разсказывать:

„— У насъ подзаводскій народъ такой злой, такой злой: попадетъ къ нимъ чужая лошадь—за ночь одну перекасятъ такъ, что самъ хозяинъ, съ какой стороны ни зайдетъ, не признаетъ живота своего. Развели баловство такое, что удержу нѣтъ никакого. Становымъ, слышь, ста по два рублей на годъ кладутъ.

„Вынула изъ печки горшки, стала кормить меня, а языкомъ болтаетъ безъ удержу. Слышу, разсказываетъ:

„— Жить стало невозможно, разбойства завелись. Въ Суксунскихъ заводахъ мастеровой пропасть. Жена плачетъ и ночи не спитъ. Разъ въ самую полночь, на первыхъ пѣтухахъ, стучатся къ ней въ окно. Она прислушалась. Кто-то тамъ помолитвовался и закричалъ: „Ищите-де Алексѣя Воробьева на заводскомъ пруду изъ прорубяхъ, около огорода Михайла Козлова“. Сыновья бросились на дворъ, а темень такая, хоть глазъ коли, никого не нашли. Пошли на прудъ, нашли мертвое тѣло—онъ самый. Капотъ былъ на немъ чернаго, слышь, сукна, снятъ капотъ съ рукъ, имъ обверчена голова и завязана на шеѣ личной веревкой, въ палецъ толщиной. Руки по кистямъ тоже веревкой связаны. Сняжки на спинѣ и на бокахъ...

„Она сказываетъ, а я ужъ смѣкнулъ, что мѣста тутъ и впрямъ такія, что уходить мнѣ надо. Пока я кашу съѣлъ, баба ужъ мнѣ и еще разсказала, что тамъ убили да спрятались, тутъ ограбили середѣ бѣлаго дня и опять никого не нашли. По сибирскому большому тракту деревни горять, поджигаютъ. Значить, во всѣхъ дѣлахъ этихъ прохожіи виноваты. Сдумалъ я и домой вернуться, во всемъ спокаяться. Въ ту сторону я и лыжи направилъ. Село большое высыпалось на дорогѣ. На погостѣ кресты торчатъ и народъ стоитъ кучкой. Дай поглажу, что такое? все старцы и всѣ слѣпые и у всѣхъ котомочки за плечами, въ рукахъ палки; значить, ницая братія. Я спросилъ. „Да вотъ, говорятъ, паренекъ у насъ былъ, поводарь нашъ, зачахъ и померъ, хоронимъ теперь“. Попробую я къ нимъ пристать, что выйдетъ. Да какъ это сдѣлать? Начали они и меня разспрашивать. „Не тутошный ли?“—„Нѣту“.—„Можетъ, съ воли какой?“—„А вамъ что за дѣло?“—„Мы-де не сотскіе, въ станovou квартиру тебя не вестн

намъ; къ тому же теперь и безъ ногъ стали и сдѣлать намъ этого не можно“. Я молчу, а они говорятъ таково смирно: „Самые мы теперь несчастные люди и съ погоста сойти, пожалуй, дороги не найдемъ, проводилъ бы ты насъ на дорогу“. Сдѣлалъ я такъ-то, вывелъ. „Мы, говоритъ, не изъ такихъ, чтобы чужихъ ребятъ стали воровать въ деревняхъ, а кто-де охотой поидеть съ нами, тому мы, коли золота ему нужно, и золота дадимъ. Вотъ теперь по заводскимъ праздникамъ поидемъ, на осень пирогами кормить насъ станутъ, меду надаютъ сотами, виномъ поить будутъ. А какъ-де настанетъ зима, то въ Ирбитѣ ярмарка такая, что больше ея другой и на свѣтѣ нѣту; тогда пойдутъ къ намъ деньги, а съ деньгами по здѣшнимъ мѣстамъ отца родного можно купить и ото всякихъ бѣдъ откупиться“. Пуще всѣхъ приставалъ ко мнѣ низенькій, горбатенькій стариченко, Матвѣемъ звали. Я шелъ съ ними и гдѣ лужа, гдѣ мостъ—предостерегаю, сказываю. Иду и слушаю: „Кто-де бы пошелъ съ нами, того бы человѣка мы харчемъ довольствовали и давали бы по рублю деньгами на четыре недѣли. Послѣ Ирбита по пяти давать станемъ. Если-де кто и съ волчьимъ паспортомъ ходитъ, мы и того можемъ оправить: есть у насъ на всякую руку и бумаги такіа“. Думать тутъ мнѣ было нечего, я такъ и не отставалъ ужъ отъ нихъ; сталъ я поводарежъ нищей братіи.

„На отдыхѣ въ кустахъ слажено было мое дѣло такъ: парнишку-де похоронили, а паспортъ его на рукахъ остался, будто онъ и не помиралъ. Тутъ меня во второй разъ крестили, дали другое имя и велѣли сказываться Григорьемъ Семеновымъ, а былъ я Иванъ Петровъ Кореневъ.

„Ходилъ я съ нищей братіей долго и всякихъ дивъ видывалъ много. Вольше доводилось смѣху видать, а кое-когда и кое-какія горя перепадали. Какъ собрали денегъ, такъ и пить и плясать, а напились—ссориться да кориться. Этакого злющаго народа я и на каторгѣ мало видывалъ. Ходили они промежъ себя такъ-то: кто больше стиховъ зналъ и пѣньемъ заводилъ, что всякое слово знать было — всѣхъ больше тотъ денегъ мѣдныхъ огребалъ себѣ. У одного къ тому же горло широкое было, что у бурлака на Чусовой, — тотъ всѣхъ богаче былъ. Безпамятного стариченку Матвѣя всегда обижали. У него и голосъ куриный и человѣкъ онъ самый злющій. Какъ дуванъ дуванить и его одѣлать, такъ онъ и драться: „Я-де нонече шибче всѣхъ васъ пѣлъ и меня-де сегодня купецъ приласкалъ; въ мою чашку больше денегъ наклали!“ Задираетъ ихъ, значить. Артель у нихъ была, артелью они звались. Дуванъ въ лѣсу дѣлали, а въ кабакѣхъ размѣнивали: подгоняли только это дѣло всегда къ ночи. Въ кабакахъ это знали, а я не зналъ, да какъ-то послѣ такой-то первой дѣлужки усѣлись они на ба-

зарѣ, меня такой смѣхъ пробралъ, что чуть всю грудь не разломило. Сѣла моя нищая братья, какъ на иконахъ святыхъ пишутъ: слѣпенькіе да хворенькіе, всякъ ихъ обидитъ. Вы ли, молъ, это, братцы, что вчера въ кабакѣ-то были? Святѣе всѣхъ старецъ Иванъ — Верзилою дразнили—выше всѣхъ онъ былъ и зрячій. Какъ на базаръ выходить, такъ ему и надо какое-никакое темное мѣсто. Тамъ онъ сядетъ, подхватитъ подъ себя правую ногу, подниметъ лѣвой рукой съ глазу кожицу да по красному мѣсту и начнетъ стрекать иглой. Ему и сведетъ оба глаза, слѣпѣе всѣхъ кажетъ. Къ вечеру, когда плясать, либо деньги считать надо—отпускало, онъ опять видѣлъ. А былъ онъ за то и старостою артельнымъ и плутомъ большимъ. Какъ старцы ни щупаютъ руками деньги (а щупанье у нихъ какъ бы глазъ здоровый), какъ ни ощупываютъ, а у старосты всегда денегъ больше. Ласкалъ онъ меня пуще всѣхъ. Былъ онъ для меня и заступой, когда другіе старцы за что нибудь вскидывались щипать, а не то и драться. Въ первый разъ били меня за то, что на базарѣ смѣлся; бивали и еще не одинъ разъ. За тычками и пинками я не гонялся, въ этомъ промыслѣ привычку къ тому возымѣлъ. За большую драку разъ припугнулъ, однако: „убѣгу-де“, — такъ за эту угрозу кинулись на меня всѣ до одного: „Этихъ, молъ, насъ не пужай, а вонъ въ мошнѣ у Верзилы нашихъ денегъ съ полсотни будетъ; всѣ за тебя отдадимъ становому, чтобы на козлѣ выпоротъ“. Я испугался.

„Не отставалъ я отъ старцевъ до самой Ирбита. Прибрело туда нищей братіи артелей шесть. Сшиблись такъ, что либо всѣмъ въ одну слаживаться, либо которыя уходи вонъ; всѣмъ будетъ тѣсно. Одну артель такъ и выдавили — ушла. Наша на волоску висѣла, потому сильнѣе насъ деньгами была одна ближняя, тутошняя, сибирская. Пришла она раньше, дала больше, стала ярмаркой заправлять на манеръ старосты. Нашъ Верзила сладился съ ней на ведрѣ вина, и чтобы пѣть не виѣстѣ и сидѣть дальше, имъ обѣдни, намъ заутрени очищать. Къ вечернямъ третьихъ и четвертыхъ припускали; пятая на сибирскомъ выгѣдѣ пѣла. Мы въ самой-то гущѣ и усѣлись представления наши дѣлать. Однако, выпѣли мы негусто: старцы считали ста на три, а и одного ста не вышло. Собирались назадъ такіе сердитые, а къ тому одного нашего за то, что въ кабакѣ раму высадилъ, въ кучумкѣ держали. Надо было его выкупать. Шли мои старцы назадъ, что мухи къ осени, закусались очень больно. Я изъ синяковъ не выхожу и бока спрыщивали; гдѣ кольнегъ, а гдѣ и заносетъ. Къ тому же и надоѣли мнѣ эти злющіе люди, не лучше злыхъ собакъ. Все грызутъ да ворчатъ, а денегъ дали мнѣ немного, да и дали какія, такъ и тѣ съ покормомъ да со

рванью. Черть ли, молъ, мнѣ за эти корысти въ ваши слѣпые очи глядѣть. И глаза-то мнѣ ихніе за годъ-отъ надѣли пуще горькой рѣдки. Взгляну въ нихъ—тошнитъ. Думалъ я объ этомъ разъ цѣлую ночь на пролетъ, поутру всталъ такимъ, словно оправдали меня и всякую мнѣ вину начальство отпустило.

Идти надо было въ село на базаръ, а ужъ весна и мы подъ Шадринскомъ. Они прирядились въ полный нарядъ: Верзила и глаза свои накололъ, сталъ словно слѣпой отъ рожденія. Уговоръ такой былъ у насъ: коли вскречу „вода“—всѣмъ раздѣваться; значить, вбродъ идти. Привелъ я ихъ къ забору. Крапивини тутъ—лѣсъ непролазный. Ухватился передній за подогъ, а остальные другъ за дружку, что гуси, вбродъ идти приспособились. Я ихъ, вмѣсто рѣки, завелъ въ эту самую крапиву жечься, а самъ палку изъ руки выпустилъ и убѣжалъ. На этомъ я съ ними и покончилъ. И что плохо лежитъ—прибирать и куръ воровать они меня, святые старцы, выучили. Науку эту я съ ними прошель. Послѣ нихъ мнѣ и въ бѣгахъ стало жить легче. Вояться сталъ я меньше и не вдогать мнѣ въ томъ сомнѣваться. Когда жилъ я со слѣпыми и правилъ ихъ дѣломъ, все казалось, что самъ ослѣпну, а кинулъ ихъ да одумался—непремѣнно прозрѣлъ я такъ, что вверхъ ногами ничего ужъ съ той поры не видалъ. Теперь пойду, молъ, по вѣтру, куда вѣтеръ тянетъ; все равно оно потому, что я къ патамъ-то этому попривыкъ такъ, что и оно мнѣ работою казалось. Съ нищей братіей только ни за что таскаться не стану, развѣ, когда отдохну.

„Думалъ я такъ и дѣлалъ этакъ не долго. Разъ какъ-то на опушкѣ лѣсной мнѣ новая находка. Лежатъ пятеро молодецъ чудныхъ какихъ-то: у всѣхъ бороды не то подстрижены, не то рости послѣ бритья въ одно время начали, а волоса у всѣхъ, какъ у новопоставленныхъ поповъ бываютъ. У двухъ и рожи пятна-ныя. Такихъ я не видывалъ, а такимъ потомъ и самъ сталъ. Вотъ какъ это дѣло случилось.

„Подошелъ я къ нимъ—сгребли меня сзади, связали конскими путами, на землю кинули, а за что про что, не сказываютъ. Я оробѣлъ и струсилъ, да на этотъ разъ въ послѣдній разъ. Съ ихъ тяжелой руки я ужъ никого не робѣлъ. Спутали меня такъ-то крѣпко, что хотъ кричать. Стали разговаривать: „Наломайте вѣшниковъ, станемъ палить его, все скажетъ“. Сказалъ я имъ и безъ вѣшниковъ. Повѣрили. Повелъ ихъ знакомой дорогой—полюбили, я не отставалъ, они пуще ластились. Дѣлалъ я съ ними путь въ обратную, надо быть, дней десять, до того самого утра, какъ мы нагнулись на облаву. Не то звѣря травить, не то бѣглыхъ ловятъ: народу много, кто на лошадяхъ съ веревками, кто пѣшкомъ съ ружьями. „Стоя!—

кричать намъ:—это вы у насъ бабу съ ребятами задушили и избу подожгли“? Бабу задушила и избу сожгла не наша партія, а видно нашъ отвѣтъ. Мужики такъ и сказываютъ. Дѣло понятное, разбирать не стануть, а стануть бить: по кулакамъ и по палкамъ это видно. Тутъ либо сквозъ землю уходи, либо полѣзай на стѣну. Земля каменная, а люди жильные, мы и кинулись на людей. Плоха та бродяжья партія, гдѣ хотъ одного ружья нѣтъ, а палки всегда при себѣ. Стали мы отбиваться. У кого ружье было, тотъ выстрѣлилъ. Выбьютъ изъ рукъ твою палку, вырвешь и бьешь тѣми, что мужики принесли съ собой. Однако, не отбились. Посадили насъ въ клѣть и спать никакъ не можно, всего ломить. Веревками такъ закрутили, что словно боялись, чтобы мы не расклеились. Мы въ клѣти лежимъ, а они галдятъ. Погадять да въ стѣну палкой постукаютъ: сторожимъ, молъ, васъ! Поутру стали своимъ міромъ разбирать, кто чего заслужилъ. Сказали намъ, что кто-де съ ружьемъ былъ, тотъ парня убилъ. Приѣхалъ засѣдатель, взялъ насъ. Квартиру намъ перемѣнили. Стали мы въ городѣ жить на казенной квартирѣ. Занятіе легкое и работа не мудреная: все больше спали. Когда вина выпьешь, когда въ карты сыграешь. Разъ за что-то выпороли. Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, а рассказывали-то намъ сказку про бѣлаго быка. Сказка эта длинная. Однако, кончили. Меня за убійство на каторгу рѣшили. Подводили мнѣ дѣло къ кнуту, я такъ и занымъ. Когда еще съ нищей братіей таскался, видѣлъ я это въ селѣ, на базарѣ, такъ, что какъ будто съ самого лыки драли. Затосковалъ я. Тоску мою арестанты переняли. Сталъ я имъ всю свою подготовленную рассказывать, они такъ и захохотали. „Кому, говорятъ, бѣжать отъ этого хорошо, а тебѣ и того дѣлать не надо. Скажешься тѣмъ, что ты и впрямь есть, кнута по закону минуешь“. Приходилъ прокуроръ, я ему и объявлялся чиновничьимъ сыномъ. Навели справки: такъ точно. Объявилъ мнѣ это самое прокуроръ да и обругалъ притомъ. Котораго я зашибъ на родинѣ товарища, тотъ отошелъ, живетъ-де теперь, и надо быть, слѣпыхъ лошадей крадетъ. Не оживалъ только послѣдній убитый. За него меня кнутомъ не били, а погнали на каторгу несвященнымъ.

„Поналъ я на Кару, на каторгу настоящую. Тамъ нашего брата и на работу иначе не зовутъ: „Эй-де вы, кони!.. подавайте коней!.. берите кони сбрую!.. впрягайте коней въ работу“!.. Сталъ я думать: воля, молъ, лучше боли, а спина стала казенная, каждый день зуботычина. Розогъ меньше трехсотъ не дадутъ. Уходить въ бѣга товарищи, хвастаютъ: въ бѣгахъ-де царство небесное. А ужъ если и попадешься, за всѣ семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Тоска такая подступила, что всѣ стали ка-

заться чертями и злые всех черти-начальники. Вспоминал я слыхных своих так и этак, одно и то же. Бѣжалъ я оттуда. Лѣсъ, да степи да своя воля, страхи кругомъ. Облавы про тебя, что про звѣря, все въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не ждешь, не чаешь. Сталъ понимать себя выше всехъ, давно бы мнѣ такъ-то: всякій о тебѣ заботится, всякому до тебя дѣло, словно ты и великъ человекъ. Кое-гдѣ знаютъ ужъ: Кореневъ — де! Соблазнила жизнь такая! Пуще всего то тебя занимаетъ, что вотъ хлопшуку наставили, пасти налаживали, человекъ сто у этого дѣла стояло и умомъ ворочало, а ты взялъ да и обошелъ, только слѣдъ оставилъ: мѣсто обогрѣтое, еще тепленькое и траву примялъ, а самъ сквозъ землю ушелъ. Смѣшно даже. Меня ни разу не словили.

„Поймали меня, когда сталъ ходить не одинъ. Съ товарищами связался, а промежъ нихъ, что ни трусь, то ротозѣй: сейчасъ подведутъ и скажешься дома. Разъ сгребли, другой разъ сгребли; однова съ бабой чертъ меня веревочкой связалъ; эта спой подотъ защемила и меня уволокла. Дальше тюрьмы не сажали, да ужъ ни одна тюрьма въ тѣ времена меня не держала, что проклятаго человека могила. Сталъ заннать меня не побѣгъ самый: мудрено ли бѣжать? — Оглядишься, прислушаешься — сейчасъ слабое мѣсто засвиститъ: въ прорѣху-то эту и выскочишь. Надо бѣжать такъ, чтобы товарищи не знали и чтобы за штуку твою они тебя похвалили, удивлялись бы тебѣ. Объ этомъ надо было думать; мудренѣй это было. Однако доводилось. Такъ-то я разъ до пяти бѣгалъ.

— Пушай мнѣ печенку отобьютъ совсѣмъ, я опять побѣгу пушай; мнѣ ноги изломаютъ, я на рукахъ побѣгу. Лѣсъ по мнѣ стонать станетъ, пташки не запоютъ. Кореневу быть на волѣ! — увѣрялъ онъ, сидя на стѣнной цѣпи прикованнымъ на всегда, въ секретномъ номерѣ тобольскаго острога.

Сюда попалъ онъ послѣ всехъ житейскихъ превратностей на каторгѣ, пойманный на убійствѣ въ Тобольской губерніи. Содержался онъ въ губернскомъ острогѣ сначала какъ подсудимый. Здѣсь запутывалъ слѣдствія, посылалъ въ разныя дальнія мѣста за справками съ указаниемъ на различныя совершенныя имъ и вымышленныя преступленія. Прежде, чѣмъ уголовный судъ успѣлъ выяснитъ для себя всю запутанную совокупность его злодѣяній и, между прочимъ, убѣдиться въ совершенныхъ имъ убійствахъ, его посадили на цѣпь и записали въ разрядъ „заклученныхъ на всегда“. Въ 1850 году онъ былъ одинъ изъ 18-ти, прикованныхъ къ стѣнѣ на цѣпь, и, по случайному значенію цифры, на самое дѣлѣ не смѣшивался, но выдавался изъ остальной цѣпной дюжины. На него ходили смотрѣть, какъ на дикаго звѣря. Слава объ его злодѣйствахъ наполняла Тобольскъ.

Онъ былъ долгое время сезоннымъ героемъ, во всехъ классахъ общества говорили объ немъ. Мнѣнія были различны, взгляды расходились.

Начальство смотрѣло на Коренева, какъ на чудовище, на феноменъ изъ ряду вонъ, на злодѣя, которому хороша одна только петля и, на крайній случай, ружейныя пули. Глубоко убѣжденное еженедѣльно примѣняемыми опытами законныхъ тѣлесныхъ наказаній въ томъ, что настоящіе преступники отъ частаго употребленія плетей и розогъ стали привычны къ нимъ до отуплѣлости, начальство знало также и то, что въ рѣдкихъ случаяхъ наказуемые и истязуемые обнаруживаютъ признаки какой либо робости или боязни. Извѣстно было, что для новичковъ и робкихъ придуманы тюремными общинами различныя облегчающіе способы, предотвратить которые не было никакой возможности. Сила товарищескаго участія и состраданія была настолько велика, что выражалась въ многочисленныхъ видахъ, изъ которыхъ одна половина поражала своею неожиданностью и мудренымъ измышлениемъ, другая отзывалась общимъ мѣстомъ. Къ числу послѣднихъ относился извѣстный приѣмъ арестантовъ избавитъ рѣшеннаго товарища простымъ способомъ, устройствомъ ему побѣга. При этомъ для общаго любимца замыселъ приводился въ исполненіе всѣми членами тюремной общины, вообще хорошо слаженной на законахъ круговой поруки и взаимныхъ, самыхъ сложныхъ одолженій, а также вооруженной опытомъ долговременныхъ приспособленій. Большая часть арестантовъ, „взломавшихъ“ тюрьмы и скрывшихся во мракъ лѣсовъ и темноту ночей, были тѣ, которымъ выходило скорое рѣшеніе. Въ случаѣ неудачи арестанты прибѣгали къ другому способу, также весьма обыкновенному и вѣрно облегчающему боль истязанія. Способъ этотъ выражается подкупомъ палача. Въ хорошо организованныхъ тюрьмахъ (какъ, напримеръ, въ тобольской, гдѣ число подсудимыхъ ежегодно доходило свыше 200 человекъ и рѣдко бывало меньше 150) палачи пользовались львиною долей изъ купеческихъ праздничныхъ пожертвованій на арестантовъ. Сверхъ того, получали они, вродѣ приватнаго жалованья, нѣкоторую сумму изъ складчины денежной, поголовно собираемой со всехъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Обыкновенный преступникъ, всегда снабжаемый, по пути къ мѣсту казни, обыкновенною денежною дачею отъ проходящихъ, имѣлъ право отдать ему собственность свою, извѣстную подъ именемъ „рогожки“, именно тому палачу, на очередь и подъ руку котораго попалъ онъ. Для осторожнаго любимца находилось у товарищей на столько душевнаго участія и сердечнаго состраданія, чтобы, сверхъ того, дѣлать въ его пользу новую денежную складчину, обряжаемую въ тюремныхъ стѣнахъ. Поступая такъ, арестанты убѣждены на опытъ (какъ начальство

на многочисленныхъ разсказахъ и несомнѣнныхъ свѣдѣніяхъ), что чародѣйская сила руки палача получаетъ въ школѣ и на практикѣ известную ловкость. При видимомъ сильномъ замахѣ ослабляетъ онъ силу удара въ такой мѣрѣ, чтобы пускать кровь только для вида и для защиты собственной спины, и на самомъ дѣлѣ преступникъ не выпускаетъ неистовые крики для той же цѣли. Разсказовъ о ловкости рукъ палачей такъ много ходитъ по сибирскому міру народному и чиновному, что вѣроятіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ по отношенію къ рядовымъ замѣчательнымъ мастерамъ, изучающимъ искусство на листѣ бумаги, такъ включительно и до того палача, который на спинѣ собственнаго сына хвастался искусствомъ и рвалъ кнутъ листъ бумаги, не касаясь тѣла и кожи.

Злодѣянія Коренева вращали чиновный міръ околомъ мысли измыслить такое наказаніе, которое послужило бы въ страхъ и поученіе всѣмъ сибирскимъ бродягамъ и злодѣямъ, чтобы опыты надъ нимъ, хотя бы даже и въ формѣ смертной казни, имѣли облегчающее значеніе для самого начальства и произвелъ бы устрашающее вліяніе на массы бѣглаго и преступнаго люда. Въ такомъ тонѣ заготовлялись, говорятъ, представленія, а одинъ изъ сильно ревнованныхъ дѣлу, менѣе другихъ увѣренный въ томъ, что Кореневъ побѣгомъ не избѣгнетъ наказанія, предлагалъ испытать старое средство: надѣвать ему пятки и насыпать въ рамы мелко настриженного конскаго волоса. Словомъ, противъ Коренева были возбуждены сильно. Это время для него было однимъ изъ тѣхъ, когда онъ вызывалъ преимущественную заботливость и вниманіе, каковыхъ лишень былъ въ прежнее, болѣе дорогое для него время и каковыя въ настоящее поразительныя были крайнюю свою неспособнѣтельность. Не принося никому и никакой пользы, онъ выгоденъ былъ для самого Коренева только потому, что самъ онъ ихъ сдѣлалъ таковыми. Кореневъ поснѣшилъ возмоститься на пьедесталъ необыкновеннаго передового человѣка и извлекалъ изъ этого матеріальную пользу, хорошо зная, что деньгами ему воспользоваться удастся, что, вмѣсто петли или ямы, ему навѣрное придется нести грѣховное тѣло свое опять-таки на каторгу, по этапамъ. Въ положеніи спекулятора, угнѣвшаго воспользоваться своимъ исключительнымъ положеніемъ, Кореневъ остался во все время содержанія на цѣпи и въ одиночномъ заключеніи. Онъ не вышелъ изъ своей роли даже и при тѣхъ условіяхъ, когда высшее тобольское общество (въ то время увеличенное приливомъ новыхъ людей, декабристовъ — присланныхъ на поселеніе и помѣщенныхъ на жительство въ самый городъ), было сильно возбуждено чтеніемъ Сведенборга и наэлектризовано мистицизмомъ. Общественное настроеніе, не дошедшее только до

верченія столовъ, выражалось вѣрою въ кликушъ, покровительствомъ идіотамъ, юродивымъ, вызвало пророковъ. Между юродивыми оказался даже такой, у котораго подъ нависшими на глаза волосами обнаружались потомъ три хорошо извѣстныхъ въ сибирской азбукѣ буквы К. А. Т. (каторжный), а подъ засаленною и грязною ряскою на спинѣ знаки кнута.

Этихъ глубоко убѣжденныхъ мистикамъ, бормочущимъ крутыми житейскими неудачами и потрясеннымъ неожиданными и многочисленными ударами судьбы, Кореневъ казался какимъ-то роковымъ вырожденіемъ, лицомъ избраннымъ, съ одной стороны, для того, чтобы изобразить собою испорченность и негодность человѣческой природы, а съ другой — дать поученіе грѣховному человечеству къ собственному его исправленію. Въ испорченной природѣ Коренева читатели Сведенборга видѣли злого духа и въ изреченіяхъ убійцы и бродяги, вызванныхъ непосредственностью его натуры, желали получать и слышать вдохновеніе этого духа лукавства и злобы.

Кореневъ, въ силу такихъ увлеченій, сдѣлался предметомъ разспросовъ и долговременныхъ бесѣдъ. Къ нему, какъ къ Ивану Яковлевичу въ Москвѣ, какъ къ Беклушѣ на Бердовомъ заводѣ въ Петербургѣ, ходили тобольскія дамы за совѣтами. Кореневъ ощутилъ перемену своего положенія и въ этомъ новомъ также въ грязь лицомъ не ударилъ. Свою циническую откровенность онъ смѣнилъ на такія признанія, въ которыхъ старался выражать въ себѣ игралище судьбы, и, конечно, былъ отчасти справедливъ и въ настоящемъ случаѣ счастливъ только тѣмъ, что получилъ указаніе для выхода на дорогу. Знавшіе его близко союзники замѣчали даже, что въ послѣднее время заточенія въ Тобольскѣ онъ самъ сталъ колебаться въ истинномъ значеніи своего званія. Онъ сталъ временами толковать о себѣ, какъ о какомъ-то исключеніи изъ человѣческой породы, сталъ вѣрить въ сверхъестественную силу свою, началъ завираться и оправдываться. Кончилось все это на концѣ срока его заточенія, за которымъ послѣдовала высылка его на нерчинскіе рудники.

Прежде чѣмъ совершили надъ нимъ такое чародѣйство и сдѣлали въ немъ превращеніе, Кореневъ успѣлъ въ тобольскомъ острогѣ показать себя въ настоящемъ видѣ, съ одной стороны, какъ злодѣя, съ другой, какъ бродягу.

Когда суевѣрныя дамы, съ замираніемъ сердца, дрожащими, несмѣлыми тонами въ голосахъ спрашивали сидѣвшаго на цѣпи Коренева:

— Не случалось ли тебѣ видать, правда ли это, что изъ раны убитаго начинала сочиться кровь, когда къ трупъ подходилъ самъ убійца?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Кореневъ.

И отрубилъ:

— Однажды я нарочно для этого убилъ жидка

въ Каинскѣ и черезъ полчаса быть тутъ, подѣ. Жиды собрались всѣ. Гвалтъ жиды сдѣлали на цѣлый городъ. Я самъ съ ними по бедрамъ хлопалъ и головой качалъ; давалъ совѣты, какъ ловить убійцу. На убитаго смотрѣлъ, какъ на свою ладонь, крови не показалось.

— Можетъ быть оттого, — заключилъ Кореневъ съ усмѣшкою на лицѣ, которую онъ не очель даже нужнымъ скрывать: — оттого, можетъ быть, что убитый-то былъ некрещеный.

Въ другой разъ одно духовное лицо, увлеченное общими примѣромъ почитателей Коренева и на правахъ председателя тюремнаго комитета, возмѣло желаніе вступить съ нимъ въ бесѣду и дать ему кое-какія духовно-правственные наставленія. Въ видѣ вступленія, лицо это спрашивало злодѣя:

— Чувствуешь ли ты когда угрызеніе совѣсти?

— Никогда! — грубилъ Кореневъ.

— Столько ты злодѣяній совершилъ, столько ты убійствъ содѣлалъ!!..

— Говорить, восемнадцать, — подтвердилъ Кореневъ.

— Неужели у тебя хотя разъ не вострепало сердце, не дрогнула рука, рука Каинова, проливающая кровь своего брата по Христу?

— Мнѣ тогда о родствѣ не доводилось спрашивать.

— А для чего ты столько невинныхъ душъ загубилъ, для какой цѣли?

— Цѣль, я полагаю, у насъ съ вами одна, батюшка. Вѣдь и по писанію всѣ убитыя мною души въ царствѣ небесномъ. А насъ еще съ вами никто не вѣшалъ, кто больше тянетъ: вы ли молитвой больше отправили туда, али я ножомъ...

Пробовали другіе подходить къ нему съ другой стороны и спрашивали его такимъ способомъ:

— Понимаемъ мы, Кореневъ, что встрѣтитесь съ тобою въ дорогѣ одинъ на одинъ невыгодно. Встрѣча съ тобою — твое счастье. Ты голодный, я на станціи поѣлъ и съ собою везу съѣстные запасы; тутъ они у меня подъ бокомъ, захотѣлъ поѣсть, вынулъ. На тебѣ рваный полушубокъ, измызганный кафтанашко, а я — въ лисей либо енотовой шубѣ и за пазухою у меня деньги, на которыя, говорятъ, весь свѣтъ покупается.

— Это такъ точно.

— Тебѣ завидно мое счастье. Возьми шубу, возьми деньги, возьми кулечекъ со съѣстными припасами.

— Да вѣдь вы не дадите, стрѣлять, поди, станете, нѣтъ ружья — драться. Начнете прилаживаться, чтобы забить меня до смерти. Все же радостно хоть одного варнака истребить съ корнемъ. А вѣдь я у меня душа та же самая, а къ тому цѣлымъ рублемъ для меня дороже вашей. Вы свою душу на коняхъ возите, на подушки кладете, а я свою, грѣшную, протащилъ ехвощъ огонь, межъ ножами. Прилаживалъ ее

на сучья, на камни. Вотъ и здѣсь ее прилаживаю на доски. Вотъ откуда вынести ее, голову — то свою, изъ самаго Нерчинска. Дѣлать мы станемъ оба одно: вы свою, я свою оборонять.

— Положимъ, я обороняться не стану, нѣтъ нѣтъ. Ружья у меня нѣтъ, саблею не запасся, вѣдь я безопасно, какъ большая часть вадитъ, и встрѣчи съ тобою не ожидалъ. Эта встрѣча — мое несчастье, моя неудача. Ты и накажи меня за то, что я такъ неостороженъ: возьми то, чего у тебя нѣтъ и чего у меня много.

— Я возьму это и безъ вашего спросу.

— За что же убивать меня, два раза называть за промахъ?

— А за то — не ходи пузато, не носи брюхо въ пазухѣ. Убиваю, я себя берегу. Опять же голова у меня своя, не покупая. Порѣшился съ ней, другой головы не купишь, на базарахъ ее не продаютъ. Я и самъ сначала такъ же думалъ, по вашему: за что, молъ, я ограбленнаго убивать стану?! Молодыхъ человѣкомъ я былъ тогда, несмышленнымъ, первоукомъ. Расскажу я вамъ про этакій случай.

„Шелъ я съ Нерчинской каторги. Шелъ не одинъ, а съ товарищами, изъ Иркутска къ Красноярску. Жилия тутъ мало, все гдѣсь стоитъ. Затошали мы, хоть въ землю зарывайся, надо грабить. Заслышали колокольчикъ. Завалились въ канаву, кто направо, кто налево. Ждемъ. Позаячли насторожили уши. Ыдетъ нара: ящикъ носомъ клюетъ, рыбу удить, и оттого рыбу удить, что самъ проѣзжій спитъ. Такъ, молъ, намъ и надо. Слово мы, молъ, сами нѣтъ заказали этакъ-то. Вышли мы на дорогу, лошадей за узды придержали, сняли ящика съ козелъ, связали по рукамъ и ротъ ему завязали, чтобы не кричалъ. Проѣзжаго мы разбудили. Поступили съ ними такъ, какъ и всѣ сказывають, какъ бы и малый ребенокъ сдѣлать. Стали съ проѣзжимъ разговаривать накороткѣ, чтобы поскорѣ кончить. Вынимай деньги, снимай платье — разговоръ извѣстный. Чемоданъ его сами вынули и его вынули. Стоитъ онъ на ногахъ, трясется весь; извѣстно, дѣло такое ему непривычное, въ первый разъ доводится. Со страху онъ сталъ рассказывать: чиновникъ, ѣдетъ въ Россію, казенныя деньги получилъ, мать у него есть и жениться хочетъ. Деньги отдалъ всѣ, повалился на колѣночки, заревѣлъ. Слезы такъ горохомъ и катятся, крупныя такія. Взяла тутъ меня жалость за самое сердце и такъ-то щемитъ и теребитъ! „Отпустите“, слышь. Клянется, божится: „никому не скажу“. Сталъ я товарищей своихъ уговаривать, они долго не соглашались, уломалъ-таки я ихъ. Сказали: „на тебѣ весь отвѣтъ“. Ладно. Отпустили мы его живымъ и пошли своей дорогой. Идемъ-идемъ да и вдумаемъ: „А ну, братцы, божбу не исполнить! пойдемъ пошибче, высмотримъ“. Пошли мы вне-

редъ, стали подходить къ деревнѣ, а та—вся на ногахъ. Крику развела полонъ лѣсъ и скрываетъ тѣмъ, что облаву сдѣлала. Пронесли мимо насъ верховые съ колыями: за нами, значить. А мы тутъ подъ деревней въ лѣсу выжидали. Ночь, молъ, теперь наша, пуганный чиновникъ непременно переночуетъ. Ночью мы обошли деревню, перетянулись на ту дорогу, по которой намъ идти, а пройдемъ ѣхать. Зашли на конецъ станка. На первомъ свѣту выбрали мѣсто такое способное: мостъ. Опять завалились въ канаву подъ мостъ, стали чиновника выжидать. Выспится, поѣдетъ дальше, а на ночь ни за сто рублей не пустится. Выжидали мы его на другомъ станкѣ, остановили, да и содрали съ живого лыки“...

Вообще угрюмый и неразговорчивый, Кореневъ на умѣлые разспросы любилъ отвѣчать. Иногда хвасталъ, лгалъ, но пойманный съ личнымъ, не медлил выходить на путь правды и откровенности.

Разъ удалось услышать отъ него такую формулу идеи бродяжества:

— Для бродягъ одинъ законъ и все тотъ же. На дорогу въ заводѣ запасъ возьмешь, безъ того не пускаешься, развѣ когда въ сосѣдяхъ обзавелся знакомымъ человѣкомъ. Запасъ съѣшь, а брюхо—алодѣй никогда стараго добра не помнитъ: опять слюну сушить, ѣсть просить. Къ жильямъ подтагиваешься. У знакомаго человѣка милосердіемъ просишь—дастъ, а то на уру и у встрѣчнаго кланчишь, тоже даютъ. Въ незнакомыхъ деревняхъ, гдѣ бродяги шалили, сердатся; на ласку тѣ мужики не даются, надо самому брать, значить, грабить. Ограблѣв кого, слѣды хорони, кошка тому дѣлу прихвѣръ даетъ. Не оставляй своего хвоста на дорогѣ, заметай слѣдъ: ограбленнаго убивай. Не убьешь, языкъ за собой оставишь. По немъ дойдутъ до тебя. Прихвѣру не было такого, чтобы грабленый не истянулъ и по слѣдамъ звѣря не натравливали. Такой ужъ законъ. Я какъ одинъ разъ остушился, такъ съ той поры другу и недругу заказать шадить ограбленнаго. Такъ вотъ и всѣмъ товарищамъ рассказываю, учу ихъ. Что разъ потеряешь, того долго не найдешь. На божбу людямъ не вѣрь и честное илнее слово они для плутовства себѣ придумали, чтобы лучше обманывать. Воръ следавиъ, а плутъ богомоленъ—давно это сказано. И я скажу: у бродяги только два клина, поле и лѣсъ, больше ему никакихъ нѣтъ воровъ и ходить не стоитъ, чтобы отыскивать лазы.

Кореневъ былъ настоящій бродяга и сколько слова и показанія его имѣли значенія неотразимой правды, только бродяжки свойства выступали въ немъ рѣзче всѣхъ другихъ. За ними товарищи его не видѣли (или не хотѣли видѣть) настоящаго злодѣя. Тобольскій простой людъ видѣлъ въ немъ кодуна и тамошніа тор-

говья бабы рассказывали на базарѣ, что стоитъ Кореневу только начертить вокругъ себя мѣломъ или углемъ кругъ, чтобы сдѣлалась лодка. И „не давай ему при этомъ только воды, только воды не давай ему ни въ ротъ, ни въ руки“, чтобы лодка, сдѣлавшаяся изъ круга, не вынесла его изъ тюрьмы на вольную волю. Каплю воды особымъ, ему одному вѣдомымъ наговоромъ онъ умѣетъ превращать въ рѣку и vyplываетъ по ней на свободу съ пѣснями и любимыми товарищами. Не дѣлаетъ онъ такъ потому, что не хочетъ. Онъ и разрывъ—траву умѣетъ отыскивать по крупнымъ росамъ, по яркимъ звѣздамъ. Съ нею ему никакія кандалы не страшны; передъ нимъ ни одинъ замокъ не стоитъ, всякія двери и ворота отпираются. Знаетъ Кореневъ, какъ въ холодной банѣ изъ черной кошки выварить и изъ множества другихъ передъ зеркаломъ выбрать косточку-невидимку, передъ которою не выстаиваютъ тюремныя стѣны. Подставивъ противъ зеркала передъ собою—и исчезнетъ.

Товарищи понимали Коренева иначе, видѣли дѣло другою стороною. Въ тюрьмѣ Коренева любили, ему угождали наперерывъ другъ передъ другомъ. Арестанты считали его рыцаремъ чести и благородства, видѣли въ немъ прямую, открытую душу, у которой не было ничего завѣтнаго и запретнаго. Они забывали, что сердце онъ давно истаскалъ, что въ немъ сидѣлъ самый страшный чертъ изъ всѣхъ, отъ какихъ только ни приходилось отчуровываться русскому человѣку. Чертъ у него это сердце совсѣмъ вынулъ и только пустое мѣсто оставилъ.

Всего видѣе была въ немъ крупная опытность, около которой всегда такъ тепло несмышленнымъ. Замѣчательная даровитость его доходила до изобрѣтательности, всегда основанной на одолженіяхъ заточенному люду и направленной на возможное преуспѣаніе быта среди всяческихъ стѣсненій въ неволѣ. Отъ него шли и юридическіе и практическіе совѣты. Подсудимый учился у него судебной практикѣ, молодые бродяги—географіи и этнографіи. Когда одинъ изъ совопросниковъ выразилъ, между прочимъ, сомнѣніе въ возможности бродягамъ враждовать съ зиничими палачами морозами, среди лѣсной трещи, когда и огонь уходитъ въ самую глушь лѣсовъ и, уткнувши морду въ снѣгъ, стоитъ окаменѣлымъ, Кореневъ отвѣчалъ:

— Кто промахнулся и попалъ на дорогу, гдѣ кромѣ зайцевъ никого не встрѣчаетъ, тому на зиму такое правило: разгрести снѣгъ до самой земли, выложить логовище еловыми либо сосновыми лапками. Такая изба не обманетъ. Мнѣ изъ сотни разъ ни одного не доводилось худого. Спать тутъ лучше, чѣмъ въ каменномъ домѣ. Самый первый законъ: раздѣться до рубашки, все снять, а ее оставить. Я снималъ и въ яму кидался; въ ногахъ огонь разводилъ

и закрывался наглухо полушубкомъ; лежишь, что купецъ въ кошевѣ. А если приладить надъ ямой изъ тѣхъ же лапокъ шалашикъ, то и умирать не надо. Съ запасомъ можно пересидѣть и перехвастать всю пору лютыхъ морозовъ. Отсиживались мы. Днемъ я ходилъ, а ночью спалъ опять этакъ. Спишь какъ убитый, словно дома. Поутру только вставать очень скверно: лучше бы, кажется, не ложиться, а встанешь, одѣнешься — и забудешь. Холодно вставать, а здорово. Тунгусы меня этому выучили“.

Собственнымъ опытомъ изъ общеупотребительной тюремной игры въ петлю, гдѣ надобится снять веревку съ двухъ пальцевъ, связанныхъ ею, Кореневъ дошелъ до практическихъ результатовъ, пригодныхъ и благотворныхъ для кандалныхъ арестантовъ. На тюремномъ досугѣ, сидя на цѣпи, онъ изобрѣлъ секретъ снимать съ себя въ банѣ нижнее платье, имѣя на ногахъ кандалы, при которыхъ эта операція являлась невозможною. Досужеству своему, не требующему особенной сноровки, но вызывающему нѣкоторую долю терпѣнія, онъ охотливо, даромъ, изъ одного участія и состраданія, выучилъ тѣхъ смыслныхъ петербургскихъ дворянъ, которыхъ черезъ Тобольскъ провозили на каторгу, въ 1849 году, осужденными по дѣлу Петрашевскаго.

Въ числѣ прочихъ знаній Кореневъ обладалъ въ совершенствѣ искусствомъ приготовить фальшивую (изъ олова) серебряную монету. Живя въ тобольскомъ острогѣ и безъ цѣпи и на цѣпи, этому мастерству онъ отдавалъ все свободное время, подъ руками въ острожныхъ стѣнахъ передатчиковъ (изъ солдатъ), платившихъ за рубль фальшивый 30 копеекъ серебромъ настоящихъ. За острожными стѣнами онъ полагался на слѣпое царство темныхъ остяковъ, татаръ и киргизовъ, охотно принимавшихъ фальшивую монету по настоящей цѣнѣ. Говорятъ, что около этого самаго времени прошелъ по сибирскимъ тюрьмамъ слухъ объ указѣ омскому казначейству, которому предписывалось (изъ политическихъ видовъ привлеченія въ нашу сторону кочевниковъ) принимать отъ киргизовъ фальшивыя бумажки и монеты и размѣнивать ихъ на настоящія. Фабрикація фальшиваго серебра по всѣмъ сибирскимъ тюрьмамъ значительно усилилась. Кореневъ, въ числѣ первыхъ, призналъ это и первымъ, какъ купецъ, воспользовался; онъ съ одинаковымъ искусствомъ умѣлъ дѣлать и старинные екатерининскіе и нынѣшніе цѣлковые и полтинники. Мелкой монеты онъ не дѣлалъ, ассигнацій не любилъ, имѣя въ этомъ искусствѣ неподржаемаго соперника въ Цезикѣ, за которымъ полуграмотному Кореневу нельзя было гоняться. Кореневъ предпочиталъ придерживаться зубрила, подпильковъ, деревянныхъ маленькихъ цир-

кулей съ ножками изъ иголокъ и долотцовъ изъ тѣхъ же иголокъ. Онъ доставалъ олово, покупалъ ртуть, алебастръ, добывалъ солдатское сукно; алебастръ разбивалъ и просѣивалъ на формы, ртуть сѣшивалъ съ „чѣмъ-то“ (sic). Натиснутый деревянный кружокъ, чтобы удалить излишекъ окиси, клалъ на ночь въ ротъ и на другой день наводилъ амальгаму такъ плотно и искусно, что ртуть держалась на его надѣляхъ дольше, чѣмъ на надѣляхъ его товарищей. Последнихъ ловили и хоропушки находили,—его никогда. Всѣ знали объ этомъ, дѣлали обыски—и нечаянные и повольные—и ничего не находили. У Коренева были и золотыя руки, и глубокіе секретные карманы и какія-то какъ бы и впрямь закодированныя и зачурованныя хоропушки.

Одинъ смотритель возгорѣлъ желаніемъ поймать его и уличить еще въ то время, когда Кореневъ не сидѣлъ на цѣпи, а жилъ съ другими въ общей казармѣ. Выискался и унтеръ-офицеръ, который рѣшился помогать смотрителю и хвастливо обѣщалъ поймать Коренева съ поличнымъ. Пришелъ онъ къ нему и сдѣлалъ заказъ на киргизовъ. Кореневъ заказъ принялъ и выпросилъ задатку двадцать пять рублей серебромъ, обязавшись поставить за это сто цѣлковыхъ. Унтеръ сходилъ къ начальнику, задатокъ принесъ и вручилъ, а черезъ два дня получилъ отъ Коренева сто цѣлковыхъ новыхъ, чистенькихъ, свѣтлыхъ. Монеты эти должны были рекомендовать мастера, какъ образчики его искусства. Цѣлковые унтеръ одобрялъ и не могъ иначе сдѣлать, потому что они были настоящей работы петербургскаго монетнаго двора. На этотъ разъ все искусство мастера состояло лишь въ дешевомъ терпѣніи, съ которымъ онъ ихъ высвѣтлялъ и охорашивалъ. По окончаніи условеннаго срока, заказчикъ является къ монетчику за полученіемъ работы.

Кореневъ удивленъ; спрашиваетъ, что надо, приглашаетъ унтера говорить пошибче. Искусно поднимается тонъ его голоса, самъ начинаетъ говорить громко и достигаетъ желаемой цѣли, т. е. возбуждаетъ вниманіе всей казармы. Дѣлаетъ онъ изъ товарищей свидѣтелей, не считывая за ними и спинами ихъ на несомнѣнное внимательство и защиту прокурора. Когда показалось ему, что зрители всѣ собрались и насторожили глаза и уши, онъ неожиданно поразилъ слухъ затрепичною, отпущенною унтеру, и доставилъ товарищамъ несказанное удовольствіе видѣть и любоваться, какъ онъ нотомъ, подавая киселя и пинками въ шею и спину, выталкивалъ унтера за дверь. Всѣ хорошо помнятъ его обиженное лицо, его жалобы на несправедливыя подозрѣнія и обвиненіе. Если онъ и игралъ на этотъ разъ роль, то игралъ ее съ такимъ искусствомъ, что всѣ арестанты обидѣ его повѣрили и за оскорбленіе

товарища рѣшились постоять горою. Начали арестанты шумѣть, требовать смотрителя.

— Въ чемъ дѣло?—приходить тотъ.

— Просить у меня унтеръ фальшиваго серебра,—отвѣчалъ за всѣхъ самъ Кореньевъ еще дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ оскорбленномъ и глубоко-обиженномъ тонѣ:—Что у меня для него монетный дворъ, что ли?

— Запишите это въ журналъ,—требовали арестанты:—Доложите губернатору. За что насъ обижать?

— Значить, унтеръ переводчикъ денегъ,—подкрѣплялъ и пояснялъ Кореньевъ:—Онъ знаетъ дворы такіе, дѣло уголовное! А мы въ старыхъ грѣхахъ точно что повинны, а на новые никакъ не согласны.

Смотритель покачалъ головою, усмѣхнулся:

— Дуракъ, дуракъ солдатъ! Гдѣ ужъ такому дураку братья за такое мудреное дѣло, а еще хвастался!

Кореньевъ, и на нарахъ лежа, все ворчалъ и сѣтовалъ, но на законномъ преслѣдованіи унтера не настаивалъ. Однако, на своемъ онъ устоялъ и подмастерства этого не покидалъ даже и на стѣнной цѣпи вплоть до того времени, когда выкричали его за сверхъестественнаго человѣка и едва не признали въ злодѣйствахъ его святого юродства. Товарищи, впрочемъ, и въ это время знали одно (и убѣждены въ этомъ до сихъ поръ), что, попадись на хороша, опытные руки—онъ бы исправился. „Не толкая его судьба въ опасности бродяжеской жизни, онъ былъ бы другимъ человѣкомъ и, можетъ быть, очень хорошимъ“. Какая-то безавѣтная доброта, исключительно, впрочемъ, направленная въ пользу обиженныхъ и обездоленныхъ товарищей; всегдѣшнее желаніе подѣлиться съ ними всѣмъ, что онъ имѣлъ, до послѣдней полушки, и готовность постоять за ихъ право съ рискомъ для себя и не принимая въ расчетъ и для соображеній никакихъ опасностей (и все это въ такихъ яркихъ чертахъ, въ такихъ крупныхъ формахъ!),—вотъ тѣ основныя симпатіи, которыми пользовался Кореньевъ отъ товарищей въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣмъ ему предшествовавшимъ и за нимъ послѣдовавшимъ тобольскіе заключенники.

Когда на его глазахъ одинъ изъ ссыльных московскихъ дворянъ (извѣстный Москвѣ Зыковъ—убійца княгини Голицыной) злоупотребилъ довѣріемъ и воспользовался увлеченіемъ ханжлившей дѣвушки для того, чтобы довести ее до паденія, Кореньевъ первый поднялъ невольный голосъ. Онъ пригласилъ своихъ товарищей къ гласному и фактическому протесту и, вызвавъ необходимость самосуда, явился въ званіи исполнителя приговора, первымъ жестоко билъ растлителя, билъ въ кровь при свидѣтеляхъ, каковыми была вся общинная казарма. (См. слѣд. главу).

Свернулась его жизнь на одно и, безъ опекуновъ и руководителей, пошла тою кривою колеєю, которая и сильно тянетъ и безвозвратно затягивается. Въ тюремномъ болотѣ, на каторжной трясинѣ не устоялъ и онъ, вслѣдъ за другими, какъ ни сильна была его натура, какъ ни крѣпки были его нервы. Валилось на него сверху, давило съ боковъ, да и свой братъ, слутанный съ нимъ по рукамъ и по ногамъ, тянулъ его туда же—въ этотъ омутъ, гдѣ нѣтъ ни дна, ни покрышки. Кореньевъ оказался тяжеле другихъ, а потому и загрязъ глубже и крѣпче всѣхъ. Полѣзъ ли онъ дальше въ тину и трясину—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, да и доставать до самаго дна ему уже недалеко.

Вотъ онъ, спущенный съ цѣпи, идетъ изъ Тобольска по знакомой дорожкѣ, опять на дальнюю и темную каторгу. Идетъ онъ въ партіи, вмѣстѣ съ другими. На дорогѣ подъ Иркутскомъ попадаютъ ему двѣ партіи и обѣ хорошия, обѣ знакомыя: одна при винокуренномъ заводѣ, другая при солеваренномъ. Но не тѣ судили ему судьба-злодѣйка. Эти для простыхъ, а для него, важнаго человѣка, за Байкаломъ-моремъ, жестокая и самая дальняя—нерчинская.

На большой почтовой дорогѣ къ Иркутску, на одномъ перекресткѣ, „разстани“, вышла на столбовую дорогу слѣва маленькая, но также каторжная. Ведетъ она въ Иркутское-Усолъе и называется у народа воровскою дорогою съ давнихъ временъ. Съ недавняго времени, а въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ стали ссылатъ въ это Усолъе преступниковъ изъ азіатовъ и мусульманъ, ехѣхъ въ одно мѣсто: татаръ, киргизовъ, персіанъ и кавказскихъ горцевъ (въ томъ числѣ, между прочимъ, помѣстили и Шамилевыхъ мюридовъ), за перекресткомъ дорогъ оставили право разстаха, мѣста отдыха. Не показавъ онъ въ законныхъ расписаніяхъ, ибо находится между двумя близкими этапамъ, но завоевано это мѣсто остановки обычаемъ, который могущіе не даютъ и оставляютъ въ несокрушимой цѣлости, потому что, кромѣ симпатичныхъ сторонъ, обычай этотъ ничего уже въ себѣ и не заключаетъ. Мусульмане, слѣдуя за вѣту пророка, имѣли обыкновеніе выходить на эту разстань дорогъ и искать не только родичей, но и всякихъ правовѣрныхъ чтителей пророка, не различая земляка отъ чужеземца, знакомаго отъ незнакомаго. Заводскіе мусульмане выносили сюда путешествующимъ все, что могли принести во славу имени Магомета: хлѣбъ и табакъ, лукъ и черемшу, и даже русскаго дѣла квасъ.

Остановилась на этой разстани и та партія, въ которой шелъ Кореньевъ. Остановились съ цѣлью послужить мусульманамъ, изъ которыхъ кое-кого также сдавали сюда на каторгу. Кореньевъ ходилъ по партіи, торопливо искалъ

бумаги клочекъ, карандаша обгрызочекъ; находилъ то и другое.

На бумажкѣ нацарапалъ онъ, какъ умѣлъ, скоро и коротко: „Навѣсти, братъ, Ипполитъ Васильевичъ, старого бродягу Коренева“. Записку взялся доставить первый же, попавшійся ему на глаза изъ заводскихъ татаръ и доставилъ. Старый знакомый Коренева, союзникъ его по тобольской тюрьмѣ, жившій въ Усольѣ на пропитаніи—Кашкадамовъ—получилъ эту записку и ни минуты не медлилъ.

Зная порядки, захватилъ онъ съ собою, что успѣлъ и что могъ, и побѣжалъ на рыскахъ къ мѣсту разстани, которое дѣлается на это время мѣстомъ довольно продолжительнаго отдыха. Вскорѣ онъ былъ тамъ.

— Видѣлъ я Коренева черезъ нѣсколько лѣтъ, — рассказывалъ мнѣ Ипполитъ Васильевичъ: — узналъ онъ меня, обрадовался, сколько могъ я судить по веселой улыбкѣ, которая долго не пропадала съ его страдальческаго старческаго лица. Говорилъ онъ мнѣ:

„— Голъ, братъ, я, какъ соколъ.

„Вижу: шапка какъ блинъ — свою ему отдай. Сапоги съ ногъ сползли, свои сапоги сталъ я снимать. Придержалъ было онъ меня за плечо, да раздумалъ, взялъ мои сапоги. Я его ошметки надѣлъ на свои ноги.

„— Денегъ, пода, нѣту? всѣ, чай, въ карты проигралъ либо, того хуже, пропилъ? — спросилъ я его.

„— Отъ самаго Красноярска шальной копейки не видалъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ.

„Нашелся у меня рубль горячій, самому крѣпко нужный, да въ этихъ дѣлахъ не считаться, затѣмъ и пришелъ я сюда?! Говорю:

„— Возьми себѣ рубль.

„— Не надо бы братъ, самому тебѣ нужно.

„Подумалъ, поглядѣлъ въ землю, протянулъ руку и говоритъ:

„— Давай! Сочтемся мы съ тобой на другомъ.

„Рубль спряталъ за щеку.

„Сталъ я заговаривать съ нимъ, отвѣчаетъ неохотно, говорить тихо и вяло. Да и о чемъ бесѣдовать, про что расспрашивать? Были его; вновь перековали; новую шинель получили; новые чарки получили; голицы выдали. Вотъ идетъ, по сторонамъ смотреть; опять поидетъ, и еще поидетъ и еще поидетъ до самой каторги...

„Договорились мы, однако, до того, что и рубашка у Коренева съ плечъ сползла, совсѣмъ ея нѣту. Держитъ онъ казенную овчину, какъ тунгусъ, прямо на тѣлѣ. На мнѣ ситцевая рубашка была, да и домъ недалеко, въ сундукѣ нашлась бы другая-третья, да время заморозковъ, скидывать неудобно, холодно.

„— Возьми, Корень, рубашку!

„И руками замахать: не надо! Замоталъ головой. Отъ рубахи отказывается.

„— Балуетъ ты меня, зазнаюсь, погордѣю, не сладить! — и усѣхнулся.

„Я тѣмъ временемъ рубашку успѣлъ снять и принять шюртучишко свой на голое тѣло. Свернулъ я рубашенку, сунулъ ему; отталкиваетъ. Запихнулъ я ему за пазуху, а онъ все головой машетъ. Слышимъ, забилъ барабанъ походъ; смотримъ, всѣ стали подбирать котомки, кряхтѣть и подниматься съ насиженныхъ мѣстъ. Раздался грубый крикъ команды: „по мѣстамъ!“

„Зазвенѣли цѣпи, забрякали кандалы. Стали и мы съ Кореньвымъ прощаться.

„— Прощай!

„Положилъ онъ мнѣ обѣ тяжелыя руки свои на плечи. Долгимъ пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Думалъ о чемъ-то, тяжело вздохнулъ:

„— Прощай, Ипполитъ Васильичъ!

„Смотрю и глазамъ не вѣрю: изъ глазъ слеза выкатилась, но поймалъ онъ ее, спряталъ въ кулакъ и кулакъ унесъ за спину. Еще разъ посмотрѣлъ на меня, еще разъ вздохнулъ, обнялъ меня, поцѣловалъ крѣпко, выговорилъ:

„— Прощай!.. Навсегда прощай!.. Теперь ужъ больше не увидимся.

„— Такъ ли, полно? не зарекайся, Корень!

„— И впрямъ нѣту! Не на всегда прощай!..

„Между тѣмъ, барабанъ нылъ у насъ подъ самыми ушами, отбивая послѣднія трели. Нечего было больше пролажаться. Корень сънялъ съ моихъ плечъ свои руки.

„Опусти голову, пошелъ онъ отъ меня своимъ тяжелымъ развалистымъ шагомъ, но шелъ недолго. Еще разъ искоса, черезъ плечо, поглядѣлъ на меня, остановился, опять подошелъ:

„— Спасибо тебѣ за все. Рѣзать придется тебя — не зарѣжу!...

„Сильно и размашисто махнулъ онъ вслѣдъ затѣмъ правой рукой, порывисто и визгливо зазвенѣли на ногахъ его цѣпи и хорошо знакомый мнѣ звукъ кандаловъ смѣшался съ подобными же, производящими въ гуртѣ только одинъ глухой гулъ. Звукъ этотъ исчезъ, а вскорѣ исчезъ съ толпой и самъ Корень, но слова его и теперь еще, черезъ много лѣтъ, живы въ моей памяти, какъ бы сейчасъ выговоренныя. Слова и слезы мнѣ не попричитались, въ этомъ я могу поручиться за Коренева. Зналъ я его хорошо, живалъ съ нимъ въ Тобольскѣ подъ одной кровлей. Меня его характеръ не обманетъ. Сорвется съ цѣпи — другихъ убьетъ, для меня исключеніе сдѣлаетъ, слово дасть. Впрочемъ, кажется, уходился, завязнѣлъ. Вѣроятно же станетъ теперь на старости лѣтъ пробовать свой характеръ, а если и не выдержитъ, убьетъ, то, во всякомъ случаѣ, перестанетъ выгибаться на оглобляхъ, поднимать хвостъ кольцомъ и, по способу необузданныхъ лошадей, красоваться и хвастаться. Гдѣ нибудь да долженъ быть копецъ. Горкинъ, впрочемъ, лошадей держитъ, на

купца смахиваетъ. Наши каторжные знаменитости хороши тѣмъ, что до тѣхъ поръ и знаютъ, пока сами напоминаютъ; замолчалъ—и забыли и онъ самъ сквозь землю провалился. Пропадай ты совсѣмъ, давайте новаго!“

Героемъ на нашъ прїѣздъ былъ Иванъ Васильевичъ Дубровинъ, также злодѣй и убійца. Два раза онъ бѣгалъ изъ Карійскихъ тюремъ. Послѣ перваго побѣга съ шайкою грабилъ по Шилкѣ, но былъ пойманъ. Убѣжалъ во второй разъ—напустилъ на всѣхъ паническій страхъ, всѣ непокойно стали спать. Стражу усилили, въ набатъ бьютъ, патрули ходятъ, всѣ объ немъ говорятъ. Уши у всѣхъ на макушкѣ. Онъ не объявляется, всѣ успокоились, но сонъ въ руку. Въ одну ночь Дубровинъ далъ о себѣ знать, расписавшись кровью. На Нижнемъ промышлѣ убилъ женщину съ двумя малютками, съ которою даже и знакомъ вовсе не былъ, убилъ, чтобы похвастаться: перестали ждать, вотъ и я. Приходитъ онъ втроемъ, но вскорѣ всѣ были открыты, посажены въ тюрьму. По оплошности стражи, Дубровинъ опять убѣжалъ и снова привелъ всѣхъ въ ужасъ. По слѣдамъ его погнались казаки, въ разныхъ падахъ и распадахъ заблудились, не нашли. Голодный, истощенный разбойникъ найденъ былъ въ лѣсу лежащимъ безъ силъ и почти полумертвымъ. Пойманнаго приковали къ стѣнной цѣпи и, чтобы обезопасить себя отъ его злодѣйства и побѣговъ, на руки надѣли лису — желѣзную полосу въ полтора пуда вѣсомъ. Съ лисою онъ и ходить не могъ и началъ, съ нею и на цѣпи сиди, смириться духомъ. На цѣпи скверно кормятъ: нища крутая, безъ приварка. Въ постѣ и въ воздержаніи Дубровинъ умилился духомъ и начальству это доказалъ. Его отковали отъ стѣны, сняли лису, выпустили въ общую арестантскую казарму, нарядили въ кандалы. Стали всѣ надѣяться и рассчитывать на то, что Дубровинъ пообломался, уходился и сталъ неопасенъ. Выбрали его старостою. Вскорѣ послѣ того понадобилось начальству новую каторгу заводить на Амурѣ подъ Николаевскомъ на такъ называемомъ Чиниррахѣ. Свободныхъ рукъ было мало. Вездѣ и во всемъ чувствовался недостатокъ. Сколько ни было оберъ и унтеръ-офицеровъ, всѣхъ послали на Амуръ съ лѣбными барками и лѣсными плотами. Попробовали рискованнымъ, но довольно извѣстнымъ въ Сибири способомъ, довѣрить отобранную на Карѣ партію каторжныхъ надежному человѣку изъ таковыхъ же. Выборъ палъ на Дубровина. Далъ онъ начальнику сплава честное варнацкое слово, съ товарищами сѣлъ на баржу и поплылъ по Шилкѣ и Амuru посреди соблазновъ къ побѣгамъ на цѣлыхъ трехъ тысячахъ верстъ. Съ баржи зерна не пропало, соленой росинки не исчезло. Ъхали каторжные веселѣе всѣхъ, съ лѣсными. По дорогѣ, въ Албазинѣ, одинъ

изъ каторжныхъ кукушки заслушался, убѣжалъ; Дубровинъ его розыскалъ, жестоко выпоролъ и никому не велѣлъ сказывать. На мѣстѣ всѣ сданы были Дубровинымъ въ томъ же счетѣ, какъ были приняты, и въ томъ же числѣ, сколько ихъ на Амурѣ гѣло. Помѣстили ихъ въ новыхъ сырыхъ казармахъ. Самъ Дубровинъ, разумеется, сѣлъ вмѣстѣ съ ними, но сидѣлъ тутъ не долго. Черезъ недѣлю онъ убѣжалъ и увелъ съ собою еще трехъ товарищей. По Амuru предостерегали пишущаго эти строки осторожно, по всѣмъ станицамъ дали о Дубровинѣ знать, но нигдѣ его не видали. Только съ одной изъ нихъ дошли до начальства вѣсти, что приходили ночью трое, съ ними Дубровинъ, увели съ собою бродяги бабу изъ приселенныхъ каторжныхъ женщинъ. Дальше по Амuru Дубровинъ не пошелъ, а ударилъ черезъ хребты, на Лену. Что съ нимъ случилось? тоже неизвѣстно, можетъ быть также провалился сквозь землю.

Изъ этого мрака неизвѣстности выводить насъ третье лицо, также знаменитое въ исторіи злодѣйствъ и также извѣстное цѣлой Сибири. Онъ—современникъ обонихъ и всею дѣятельностью своею, какъ Дубровинъ, принадлежить краямъ нерчинскимъ и, какъ Кореневъ, по воспитанію своему сибирякъ. Всѣ злодѣйства его совершились также въ предѣлахъ Сибири. Вышелъ онъ также изъ бродягъ и на этомъ пути безмѣстнаго шатанія полуголоднымъ и разсерженнымъ доработался до крайней степени озлобленія, заичалъ въ бѣгахъ до звѣря и сдѣлался разбойникомъ и убійцею, нѣкогда страшнымъ для всего Зайбалакья, а теперь извѣстнымъ въ цѣлой Сибири. Это—Горкинъ. Все, что въ судьбѣ Коренева было скрыто, въ судьбѣ Горкина отчасти проясняется, въ особенности по отношенію къ тому періоду времени, которое легло между первоначальнымъ побѣгомъ изъ каторжной тюрьмы и окончательнымъ приговоромъ къ наказанію за вся тяжкая и во вся тяжкая. Кореневъ объ убійствахъ своихъ не рассказывалъ, Горкинъ также старательно умалчивалъ объ нихъ, но за послѣдняго говорятъ преданія и официальные дѣла.

Этотъ съ расчетомъ на всевозможныя приключенія и безразсчетно на преступленія ушелъ изъ тюрьмы Кутомарскаго завода втроемъ съ товарищами *). Въ Козловской пади (долинѣ) встрѣтили они на жнивѣ крестьянина, велѣли варить себѣ ѣсть. Крестьянинъ Бурцовъ отвѣчалъ, что у него котла не имѣется. Ему дали лошадь. Онъ поѣхалъ за котломъ, на пути повѣстивъ другого крестьянина, что пришли къ нему недобрые люди: „Сѣздалъ бы ты въ деревню, далъ тамъ знать“. Самъ воротился, сталъ кормить бѣглыхъ, оттягивать время. При-

*) См. Томъ I: Въ бѣгахъ, глава III.

скакали крестьяне, кричали бродягамъ: „Вставайте и раздѣвайтесь до нага, кожи бросайте“. Вѣглы не послушались, стали отбиваться, схватившись за свое оружіе: топоръ, косу и жердь. Свалка произошла отчаянная. Одинъ бѣглый (Никифоровъ) былъ пронизанъ пулею на вылетъ, другой (Коурый) былъ жестоко избитъ, во многихъ мѣстахъ раненъ, но успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать. Третій бѣглый, Горкинъ, успѣлъ бѣжать раньше, выскользнувъ во время общей свалки такъ, что никто того не замѣтилъ.

Первый дебютъ былъ удаченъ. Горкинъ обстрѣлявъ, получилъ урокъ осторожности, видѣлъ кровь, потерялъ товарища, созналъ на опытѣ, что прогулка каторжнаго не безопасна; сталъ извѣстенъ по мѣрѣ того, какъ слухъ о побойщѣ началъ расходиться. Отбившись отъ товарищей на одиночное скитанье и въ полное отчаяніе голодовки (съ правомъ на самую тяжкую смерть), Горкинъ сталъ ходить хотя также окольными путями, но уже болѣе вѣрными.

Гдѣ-то поймали они слухъ о богатствѣ бурята, Горкинъ и отправился прямо на него. „Переночевавши на гривѣ (разсказываетъ другое архивное дѣло), онъ на дорогѣ встрѣчаетъ проѣзжаго бурята. Этотъ спрашиваетъ:

— Кто ты таковъ?

— Бѣглый. А гдѣ стоитъ братскій Кубухонъ? (намѣреваясь у него чѣмъ нибудь поживиться).

— Нѣтъ, другъ, у Кубухона шибко строго, къ нему не попадешь; а поди вонъ, этга (указалъ на правую сторону) стоитъ крайняя юрта. Тутъ живетъ одна братская (бурятская) баба. У ней деньги есть, ищи въ ошкурѣ у штановъ.

„И уѣхалъ.

„Я пролежалъ въ тотъ день въ кустикахъ. Дождавшись ночи, примѣрно, часу въ одиннадцать, пришелъ къ юртамъ близъ деревни Харауза. Зашелъ въ крайнюю юрту, гдѣ огня не было. Я ощупалъ въ потьмахъ соннаго человѣка, схватилъ его за горло и, по косамъ на головѣ, узналъ, что это женщина. Спрашивалъ ее:

— Гдѣ у тебя деньги?

— Она по русски отвѣчала:

— Нѣтъ, другъ, денегъ нѣту.

„Потомъ я, обыскавъ у нее въ ошкурѣ у штановъ, денегъ не нашелъ. Спрашивалъ опять: гдѣ деньги? — она говорила, что нѣту. Оборотась, чѣмъ-то задѣла меня въ щеку. Я осердился и, взявъ въ руки тряпицу для того, чтобы не нанести ногтями царапинъ, за горло ту братскую бабу задушилъ до смерти, оставя ее на постели. Потомъ разломалъ всѣ ея ящики, но денегъ не нашелъ и изъ платья, по ненадобности, ничего не взялъ. Взялъ только четверку кирпичнаго чая“.

Таково было первое признаніе Горкина въ первомъ преступленіи по поимкѣ изъ бѣговъ. Послѣ второго побѣга онъ уже является атаманомъ шайки и съ нею грабитъ и разбойничаетъ тамъ и сямъ по Забайкалью. Является тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, не боятся „шалить“ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его стерегутъ. Удалые подвиги и ловкость успѣваютъ вызвать сочувствіе. Онъ пріобрѣтаетъ друзей между тѣми изъ ссыльных, которые успѣли выйти на поселеніе и живутъ своими домами. Чѣмъ сильнѣе опасность отъ преслѣдователей, тѣмъ друзья эти находчивѣе. Чѣмъ меньше познаны, тѣмъ друзья эти дѣятельнѣе. Они наводятъ на проѣзжихъ, указываютъ на богатыхъ; не задаются набѣги—ловко прячутъ. Сочувствіе отъ поселенцевъ переходитъ и на кое-кого изъ крестьянъ и отсюда получается помощь и содѣйствіе. Разбойники разгулялись, закружились въ вихрѣ приключеній и похощеній, и чѣмъ больше осталось похощеній назади, тѣмъ болѣе запасъ осторожности сдѣланъ на будущее время. Товарищи дѣлаютъ промахи, наваливаются и гибнутъ, самъ атаманъ остается цѣль и невредимъ. Когда и онъ попадаетъ прямо подъ кнутъ и на цѣпь, за нимъ уже цѣлая эпопея похощеній и злодѣяній въ такомъ случайномъ, безтолковомъ и безсвязномъ порядкѣ.

„Вродутъ въ семеромъ; вотъ и большая шайка. По деревнямъ про случай ходятъ, не разбиваясь. По ночамъ получаютъ подаяніе. Въ рабочую пору на пашняхъ собираютъ милостыню, ходя порознь. За деревнями встрѣчаются, сходятся вмѣстѣ. Разъ двое товарищей не пришли, дальше пустились только въ пятеромъ. Около Верхнеудинска, въ такъ называемой Воровской пади (оврагѣ), встрѣтили три повозки купеческія и напали: приказчикамъ связали руки, возы ограбили, нашли все бумажные товары, вино, тафту; въ лѣсу вино выпили, товары спрятали въ „удобное мѣсто“. „Надобно скрыть слухи“ — пошли къ морю (Байкалу). Попадались рѣчки, строили плоти и переправлялись. На Селенгѣ въ лѣсу наткнулись на верховыхъ русскихъ и братскаго. Встрѣчные спрашиваютъ:

— Что вы за люди и есть ли билеты? Если нѣтъ, идите къ городничему.

— Какая тебѣ до того надобность?—спрашиваютъ они съ укоромъ.

— Я городничаго человѣкъ.

— А вотъ мы тебѣ дадимъ знать, что мы за люди?

„Верховые испугались и бросились прочь. Опять надо слѣды хоронить, переправлялись за Селенгу на плоту. Въ слѣдующей деревнѣ снова разбредлись за милостыней, опять сошлись за околицей. Еще двое товарищей не вернулись, также отшиблись. Оставшіеся не долго таскались въ горахъ, двое рѣшились идти въ Иркутскъ и

ушли. Атаманъ не согласился и остался одинъ. По дорогѣ укралъ онъ у братскаго винтовку въ денное время, а въ ночное наткнулся на саврасую кобылу, съѣлъ на нее и поскакалъ прямо на каторгу, по направленію къ заводу. Зачѣмъ? покаяться, смириться?

— Нѣтъ, стало холодно (конецъ октября), одежда измывгалась. Надо потолкаться по юрдовкамъ (тайнымъ притонамъ у живущихъ на пропитаніи), не выиграю ли? Погляжу кстати, гдѣ что плохо лежитъ“.

„На юрдовкахъ встрѣтилъ онъ двухъ товарищей; одинъ пришелъ съ женой повидаться. Атаманъ обогрѣлся, запасае теплой одеждой. Поехалъ въ подпольяхъ, поигралъ въ карты и опять пошелъ на вольный свѣтъ и опять съ товарищами, изъ которыхъ двое старыхъ, три новыхъ.“

„Подъ заводомъ въ лѣсу слышали они гнилой запахъ. Искали слѣды на досугъ и увидѣли трупъ товарища (тоже погрѣться шелъ). Осмотрѣли—застрѣлѣнъ.“

„Въ ближнемъ селеніи отъ завода (въ Хонголоѣ) у крестьянина пристань. Съ нимъ сведено знакомство еще въ заводѣ на юрдовкахъ: попить, поиграть пріѣзжалъ и самъ сживалъ въ тюрьмѣ съ каторжными, стрѣляныи звѣрь.“

— Идите,—говоритъ:—въ падь. Тамъ меня дождидайте!

„Привезъ онъ хлѣба. Живутъ двѣ недѣли, а онъ все хлѣбъ возить. Разъ привезъ задохъ баранины, туезъ молока, полсотни яицъ. Другой разъ притащилъ омучей соленыхъ, киселю въ мѣшкѣ, пшеничныхъ булокъ и такой же муки. На третій разъ привезъ четверть вина и за виномъ, въ разговорахъ, указалъ на богатаго мужика въ деревнѣ Заганъ.“

— Теперь время хорошее, способное, идите грабить того мужика.

„Лошадей привелъ самъ добродѣтельный датель, самъ онъ и домъ указалъ, когда и какъ пройти и скрылся. Поѣхали, лошадей привязали въ лѣсу, сами влѣзли въ баню, выжидая утра, когда хозяинъ уйдетъ съ работниками на покось. Онъ и уѣхалъ, да скоро вернулся, было большое несчастье.“

„День и ночь лежать бѣглецы въ банѣ, дождаются. Хозяинъ отправился въ поле; бѣглецы вбѣжали въ избу, трехъ бабъ—въ чуланъ. Пришли съ рѣки съ бѣльемъ еще двѣ дѣвки и ихъ туда же запрятали. Пошли въ чуланъ къ бабамъ и дѣвкамъ пытаться правды. Старшая баба дала 8 руб. и больше-де нѣтъ. Не повѣрили. Взяли ключи и нашли 60 р., разное платье и разный товаръ.“

„Бабу перевели въ другое мѣсто, заперли въ казенкѣ, сами ушли въ лѣсъ, оттуда пріѣхали на „станъ“. Вещи раздували на три пая. Другъ прибылъ, вина и шанегъ привезъ.“

— Вду,—говоритъ:—въ заводъ, что вамъ надо?

— Вина надо! Вотъ деньги за вино и за хлопоты.“

„Привезу вамъ за это ружье еще.“

„Вскорѣ другъ все привезъ, что обѣщалъ, да сверхъ того новыя вѣсти.“

— Бѣдетъ приказчикъ-татаринъ съ товаромъ, можно хорошо поживиться.“

— А куда мы дѣнемъ поживу?

— Отвезу вашия женамъ.“

„Ладно. Пошли на трактовую дорогу, кушца не дождался, а попали на сычиковъ; кинулись въ лѣсъ, переночевали, а когда пришли на свой станъ, то увидѣли огнище разрытымъ: погоня, знать, близко, надо утекать. Зашли въ деревню къ другу. Этотъ сварилъ имъ ужинъ. Дали ему 10 руб., вина привезъ, а за хлопоты синей дабы (бумажную матерію) подарили. Другъ опять послалъ въ лѣсъ, привозилъ къ нимъ туда вино и разныя извѣстія. На богатаго братскаго указалъ. Трехъ связали, четвертый не давался. „Рѣзали его ножами, конечно, отчего онъ обезсилѣлъ“. Обыскали, ничего не нашли. Стали спрашивать, не сказываютъ, начали палить огнемъ, добились 21 руб. 75 коп. серебряною монетою и разной рухляди. Попробовали сходить на заводъ, тамъ украли корову. У проходившей по дорогѣ бабы отняли деньги, полученные ею за проданныя ягоды и огородные овощи. Въ заводѣ достали фальшивые паспорта и опять ушли на старый станъ, куда снова приходилъ старый другъ навѣщать съ виномъ и вѣстями.“

„Разъ онъ извѣстилъ, что одного изъ товарищей поймали, рѣшились отбить отъ конвойныхъ, вышли на дорогу, но, увидѣвъ сильный конвой, не рѣшились. На пути украли трехъ лошадей и согласились ограбить крестьянина. Зажгли восковую свѣчу, поставили ее въ туезъ, влѣзли на крышу, разобрали ее. Пришли въ сѣни, вошли въ избу, хозяинъ огонь погасилъ и закричалъ. „Если больше будешь кричать, то тутъ тебѣ и смерть“. Дѣтей прогнали въ под-избицу, засвѣтили лучину. Хозяинъ послалъ жену за деньгами. Стали дѣлать. На каждого пришлось по 180 р. серебряною монетою и по 3 р. 15 коп. мѣдными. Забрали рухлядь и къ старому, испытанному другу похвастаться, да и поплакаться, а если не согласится, то и припугнуть.“

— Стосковались по избѣ, какъ ни какъ, пусть ночевать, давно въ теплѣ не сживали. Просто не въ моготу стало!

„Вли въ избѣ баранье стегно, брюшинную похлебку, пили изъ туеза вино, хвалили хозяина, дали ему 30 руб. и, какъ начало на дворѣ зориться, отправились къ заводу, чтобы въ сосѣдствѣ приладить землянку, удобную къ прожитію въ зимнее время. Самому атаману этого не удалось сдѣлать. Онъ такъ былъ пьянъ, что дорогою свалился съ лошади (а та-

кіе же пьяные товарищи того не замѣтили). Около поскотины нашелъ атамана хараузскій крестьянинъ крѣпко спавшимъ, узналъ. На первыхъ порахъ онъ испугался, подозвалъ товарищей и общими силами связали его и представили къ заводскому начальству. Изъ остальныхъ товарищей его одинъ попалъ на двухъ сыщиковъ да и спрятался въ засаду, въ пустую избу. Сюда казаки ходятъ не любятъ, опасаются. Начали вытравливать по своему: одинъ засѣлъ за уголь, другой кричалъ „выходи!“ Его не послушались онъ, влѣзъ на крышу, въ трубу просунулъ жердь: „выходи-де!“ Вышелъ: „Я не здѣшній, я изъ-за Камня (нерчинскій)“—и побѣжалъ въ лѣсъ. Погнались за нимъ, не нашли*.

Самъ Горкинъ посаженъ былъ на цѣпь; ваялся на нарахъ, онъ смирился.

Пока рассказы о немъ росли въ гору, зацѣпили небывалое, мѣшали съ былыми—Горкинъ пѣлъ пѣсни, заученныя въ Россіи, выдумывалъ, говорятъ, и свои. Когда спустили его съ цѣпи въ казарму, умѣные пѣть пѣсни и хватать ими прямо за сердце развилось въ Горкинѣ въ неподдѣльный, настоящій талантъ. Съ нимъ хорошо прожилося ему по окончаніи каторжнаго срока на пропитаніи, въ разрядѣ исправляющихся. Такихъ же мастеровъ-пѣсенниковъ зазнали его мы въ четвертомъ разрядѣ ссыльныхъ, куда перевела его судьба по окончаніи долгихъ мытарствъ. Здѣсь объявилась въ немъ новая страсть, подвернувшаяся кстати на выручку. Полюбилъ удалой пѣсенникъ бойкихъ лошадокъ; ходилъ и гладилъ ихъ и выходилъ такую лихую тройку, о которой стали ходить хвастливые слухи даже и въ этой (восточной) сторонѣ Забайкалья, гдѣ сартольская лошадка стоитъ въ большой славі. Пригналъ къ себѣ Горкинъ молодецкою фадомъ и придержалъ на своей тройкѣ удалую пѣсню, острою присказкою и веселыми прибаутками слабаго съ этого боку сибирскаго купца. Горкинъ и другую тройку подобралъ, и третью обзавелся и возилъ въ нашъ проѣздъ по каторгамъ откупныхъ повѣренныхъ, какъ подрядчикъ и какъ кровный любитель, прямо изъ села Кабанскаго черезъ все озеро Байкаль въ Лиственичную*). О старыхъ злодѣйствахъ онъ забылъ, но любилъ рассказывать въ оправданіе себя такой казусъ:

— Толковали про меня много всякаго вздору. Съ этимъ и по сей пору всякій лѣзетъ ко мнѣ, чтобы я ему сознавался. Одно сказать могу: ни одной я души человѣческой не тронулъ. А вотъ это разъ было. Ушелъ я отъ сыщи-

ковъ да и умаялся, спать захотѣлъ. Извѣстное дѣло, всякій бродяга всякое мѣсто оглядываетъ. Хорошо просыпаться не въ петлѣ. Такое правило. Оглядылся и я: поправилась мнѣ яма, легъ я въ нее и заснулъ. Спать, надо быть, такъ, какъ убитый; проснулся, сталъ въ себя приходить, пѣсню заслышалъ. Чудесно, молъ, такъ-то поетъ кто-то. Знать, не сибирякъ, потому народъ этотъ пѣть, что рыба омуль, не умѣетъ, а нашъ-де братъ російскій и, можетъ, такой же бродяга. Однако, посмотрю. Правило наше блюду, смотрю во всѣ стороны, нѣтъ никого, а кто-то мурлычитъ. Глянулъ поближе, а тутъ на заплотѣ (огородѣ) мухортый казачишко сидитъ, ко мнѣ спиномъ, и изъ стороны въ сторону покачивается. Сталъ я прислушиваться: по нашему, по російски, ничего не выходитъ, по сибирски значить пѣсня; что ему на глаза попалось, то онъ и на голосъ поднимаетъ, про корову, про собаку вытягиваетъ. Мурлычитъ и этотъ казачишко. Я поближе, а у него въ пѣснѣ выходить стало, что ему-де на заплотѣ-то теперь очень хорошо и никого-де онъ теперь въ цѣломъ свѣтѣ не боится. „Медвѣдя,—говоритъ: не боюсь,—волкъ прибѣжитъ,—не боюсь и волка, и Горкинъ придетъ, и Горкина, слышь, не боюсь! Ахъ! и взяла же меня тутъ обида поперекъ самаго живота! Подкрался я къ нему сзади на цыпочкахъ. Правой-то по спинѣ бачиной (прутомъ) хлестнулъ, лѣвой за плечо повернулъ его рожей къ себѣ, да и спрашиваю: „Какъ, молъ, такъ, и меня не боишься?“! Онъ на меня взглянулъ, взвизгнулъ, да какъ снопъ и свалился на землю. Какъ я его ни трогалъ, какъ ни пихалъ, не шевелится, ухо приложилъ—не дышетъ. Померъ онъ такъ, словно я ему всадилъ ножъ въ самое сердце. Вотъ въ этой душѣ каюсь. Отъ нее и отречься не стану. Да развѣ я тутъ въ чемъ причиненъ?—любилъ вопрошать ямщикъ и пѣсенникъ Горкинъ, кончая любимый свой рассказъ, который онъ успѣлъ рассказать чуть ли не всему Забайкалью.

Примѣровъ довольно (за Горкинымъ ходитъ, повторяетъ сказанное). Грабежи на каторгѣ—болѣзнь хроническая, не подчиненная тѣмъ законамъ, до которыхъ многосложными вычислениями дошелъ Гэрри, увѣряющій, что убійства и грабежи на общественныхъ дорогахъ производятся преимущественно въ періодъ времени съ октября по январь. Для каторжныхъ мѣстъ это время—время затишья.

Оголодавшие и иззябшіе бѣглецы, съ приближеніемъ зимнихъ морозовъ, начинаютъ тѣмъ или другимъ способомъ добиваться угрѣвы, искать тепла и обезпеченія на зимніе мѣсяцы. Большею частью являются они на тѣ же казенные заводы съ каторжными работами, предпочитая легчайшія тяжкія. Карійскій бѣглый старается помѣститься на желѣзномъ заводѣ,

*) По позднѣйшимъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ, Горкинъ сдалъ хозяйство сыну, а самъ ударился въ нищенство. Ходя по деревнямъ и весямъ, любилъ забавлять малыхъ ребятъ сказками и шутками. Умеръ любимцемъ всего окрестнаго молодого поколѣнія лѣтъ 40 тому назадъ.

бѣглый съ солевареннаго—на винокуренномъ, а бѣглый съ послѣдняго сорта работъ ищетъ работъ вольныхъ либо на частныхъ золотыхъ промыслахъ, либо на купеческихъ и крестьянскихъ фермахъ (занимать). Такихъ добровольно пришедшихъ начальство, считая виновными, наказываетъ домашнимъ негласнымъ судомъ и въ годовыхъ отчетахъ своихъ хвастливо представляетъ ихъ пойманными и пишетъ наказанными въ двухъ разрядахъ: „за побѣги“ и за „самовольныя отлучки“. Противъ общаго числа ссыльныхъ количество возвращенныхъ бѣглыхъ составляетъ немного больше половины; добровольно явившимся принадлежитъ значительно большая часть *). Весна, съ соблазномъ тепла и вѣроятіемъ вольныхъ работъ у хлѣбопашцевъ, увеличиваетъ по всяческимъ казеннымъ заводамъ количество побѣговъ и число голоднаго люда—дешевыхъ работниковъ для крестьянскихъ, по сибирскому обычаю, большихъ хозяйствъ. Весеннее время теряетъ значеніе (по Гэрри) времени, соотвѣтствующаго, по количеству преступленій, осени. Сибирская осень представляется тою порою, когда число преступленій, направленныхъ противъ собственности (кражи и грабежи), идетъ въ соотвѣтствующей пропорціи съ тѣми, которыя направлены покушеніями противъ лицъ (разбой и убійства). Августъ и сентябрь представляются тѣми мѣсяцами, когда наибольшее сибирскимъ судамъ доводится встрѣчаться съ виновными въ разбояхъ, сопряженныхъ съ убійствами. При этомъ убійства, противъ всякаго ожиданія, не составляютъ вблизи каторжныхъ мѣстъ такого явленія, которое можно было бы назвать частымъ, и этотъ родъ преступныхъ злодѣяній является здѣсь съ особенными характеристичными признаками и представляется, сравнительно съ Россією, въ самостоятельной формѣ и совершенно въ другой обстановкѣ.

Всѣхъ убійцъ изъ Россіи, въ теченіи десяти лѣтъ, сослано 2.179 человекъ на нерчинскіе заводы. Всѣ убійцы, по характеру этихъ казенныхъ учреждений и по экономическому значенію таковыхъ, поставлены въ исключительное положеніе рабочей силы, „стали конями“, по выраженію каторжнаго бывальца и проходивца Коренева. Насколько велика, пригодна и пріятна имъ сила, на столько готовы расцѣпывать ихъ болѣе самостоятельныя и человѣколюбивыя руководители работъ, но не блюстители нравственности. Постѣлныя не входятъ въ обязательства, для которыхъ не оставлено мѣста и рѣшительно не достаетъ времени. Ссылные предоставлены самимъ себѣ и притомъ въ совмѣстномъ жителствѣ и ежедневно живутъ все противъ себя.

*) Съ 1 янв. 1847 по 1 янв. 1857 г. число всѣхъ ссыльныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ заводахъ составляло 6.213 человекъ; въ тотъ же періодъ наказано за побѣги и самовольныя отлучки 2.923 (2.741 за побѣги, 182 за отлучки).

Оборванная „сбруя“, въ видѣ форменныхъ одеждыныхъ вещей, въ одно и то же время и затягиваетъ въ безконечныя и неоплатныя казенныя долги и вѣрѣйшимъ образомъ унижаетъ чело-вѣческое достоинство тѣхъ, кого эти лохмотья прикрываютъ. Нигдѣ, кромѣ каторги, всѣ данныя не складываются въ такомъ обилии и согласномъ сочетаніи для того, чтобы оскорбить и унижить привилегированное и прирожденное чело-вѣку чувство собственной гордости и разумнаго личнаго достоинства. Въ способахъ обращенія, распредѣленія работъ и ихъ примѣненія, въ условіяхъ быта и взаимныхъ отношеніяхъ, все направлено къ тому, чтобы низвести людскую породу до крайней степени униженія и презрѣнія къ самой себѣ. За то нигдѣ уже эта цѣль не достигается съ такимъ успѣхомъ, какъ на этотъ разъ.

У людей, лишенныхъ всякой собственности, потерявшихъ законное право на владѣніе движимою и недвижимою, отрицаніе собственности является на первомъ мѣстѣ въ видѣ коренного каторжнаго закона. Ссылные воровства за грѣхъ не считаютъ и воруютъ всѣ поголовно не только у стороннихъ, свободныхъ и счастливыхъ людей, но и въ своей средѣ, у такихъ же голышей и оборванныхъ. Сюда, въ эту сторону, направляются преступныя покушенія всякаго сорта ссыльныхъ подъ вліяніемъ благопріятнаго вѣтра, по быстрому теченію рѣки, которая на каторгѣ торопливѣе течетъ и гуще пѣнится. На каторгѣ не тѣ только воры, которые совершили разбой и кражи или обвинены въ святотатствѣ, но воруютъ и наталкиваемые голодомъ поджигатели и ищущіе спасенія въ побѣгѣ убійцы. Нѣтъ на каторгѣ разницы. Въ этомъ смыслѣ она умѣетъ уравнивать, подъ одну краску окрашивать и зарождастъ во всѣхъ одинаковыя желанія. Большинство послѣднихъ сходится на глухомъ протестѣ противъ обязательныхъ и бесплатныхъ трудовъ и противъ всей каторжной тяжести, выражается стремленіями на волю, безчисленными побѣгами. На каторгѣ считаютъ возвращенными только тѣхъ, которые, по малой опытности, были неосторожны и несчастливы, но и эти ходили въ бѣга съ дурными зачатками. Отъ постоянного озлобленія, отъ дурной пищи и сырыхъ жилищъ, развивающихся брюшныхъ болѣзней, цынготное худосочіе и меланхолію, бѣглецы уносятъ съ собою крайнюю раздражительность. Таковая болѣзненно возрастаетъ отъ пьянства и молчитъ только до времени. Съ набалованными на воровствѣ руками, они на волѣ являются посреди тысячъ соблазновъ и подъ безвыходнымъ гнетомъ нужды и голода. Простое воровство, хорошо приспособляющее себя тамъ, гдѣ плохо берегутъ себя и живутъ неосторожно-распущенно, но въ средѣ населенія, постоянно находящагося въ осадномъ положеніи отъ бѣглыхъ и потому осторожнаго,

воровство обязательно переходить въ грабежъ и разбой. Нерчинское горное начальство только потому мало судить за грабежъ (въ 10 лѣтъ 8 случаевъ) и за воровство (64 человекъ), что уходить его пациенты дальше, вонъ изъ предѣловъ округа, и уходить съ должными предосторожностями, на которыя обязываетъ желаніе уйти отъ рудниковъ дальше, по возможности въ Россію или, по крайней мѣрѣ, въ мѣста Сибири, болѣе гостепріимныя для бѣглыхъ. По близости дѣйствуютъ только отчаянные и живутъ, подчиняясь всѣмъ случайностямъ судьбы, которая такъ характерно отразилась на судьбѣ Горкина, представляя въ немъ лицо до очевидности страдательное, лишенное всякой изобрѣтательности. Для того, чтобы его преступной и испорченной волѣ дѣйствовать, надобно вѣншее возбужденіе; чтобы надѣлать преступленій, необходимо было умалиться до человекъ, не обладающаго ни энергіею, ни изобрѣтательностью. Весь результатъ похощеній, все счастье удачи послѣ многотрудныхъ опасностей—ведро вина и право быть въ томъ состояніи, въ которомъ такъ легко забывается на время весь сумракъ и тяжесть безповоротно испорченной жизни. Забаловавшись удачами и закружившись во всѣхъ запутанныхъ похощеніяхъ, онъ, такимъ образомъ, понесъ на себѣ всю тяжесть значенія, какъ разбойника, перепачкался въ людской крови послѣ того, какъ вышелъ только отдохнуть и погулять.

Конечно, такіе субъекты—явленіе далеко не ежегодное, но, тѣмъ не менѣе, періодическое и поучительное тѣмъ, что въ такихъ людяхъ какъ бы совмѣщается все недовольство людей „каторжнаго званія, которымъ и законъ не защитникъ“ (какъ говорятъ они сами). Такіе, временами показывающіеся злодѣи, какъ бы избранные изъ среды своей мстители за товарищей, выходящіе на поле дѣятельности тогда, когда мѣра каторжнаго терпѣнія переполнилась и незримыя наблюдающимъ взорамъ внутреннія причины сложились именно такъ, что появленіе злодѣя кажется неизбежнымъ и законнымъ. Онъ для того и не уходитъ далеко, а мститъ, злодѣйствуя тутъ же. Мститъ онъ, поощряемый и поддерживаемый товарищами, испытавшими тяжесть ссылки, и злодѣйствуетъ на ихъ имя, на свою спину. Вѣрно, по крайней мѣрѣ, одно, что періоды появленія въ Нерчинскомъ краѣ злодѣевъ довольно примѣтны и имена рѣзке другихъ выдающихся личностей хорошо извѣстны. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія заботилъ горныя власти разбойникъ Егоръ Григорьевъ и наводилъ страхъ и обязывалъ разсказами о своихъ похощеніяхъ мѣстное забайкальское населеніе долгое время. Слава его стала тускнѣть и рассказы мельчать въ 30-хъ годахъ нынѣшняго же столѣтія, когда на сцену ему выступилъ пѣсенникъ Горкинъ, а вотъ въ

концѣ пятидесятихъ годовъ загорѣлась звѣзда третьяго—Дубровина. Разъ случилось такъ, что въ то время, когда въ этой половинѣ Забайкалья злодѣйствовалъ Григорьевъ, въ восточной половинѣ, въ самомъ центрѣ нерчинскихъ рудниковъ, разбойничалъ Морозовъ, подѣ Иркутскомъ—Гондохинъ, въ окрестностяхъ Якутска на Ленѣ—Левичкій съ товарищами. Люди эти, поставляя главною своею цѣлью грабежъ на проѣзжистъ дорогахъ и устремляя свои нападенія, преимущественно, на купеческіе обозы и казенные транспорты, совершали убійства иногда въ такомъ числѣ, которое поражало своею необычайностью; нѣкоторые винились въ 10, 18 душъ. Этими людямъ доводилось быстро поднимать цифру совершенныхъ злодѣйствъ въ предѣлахъ каторжныхъ мѣстъ. Безъ нихъ злодѣйства не отличаются рѣзко выдающимися особенностями и растутъ, подчиняясь уже, какъ мы сказали, другимъ вызовамъ и особымъ законамъ.

Такъ, изъ числа 2.197 убійцъ, присланныхъ изъ Россіи въ тотъ же періодъ десяти лѣтъ, во всемъ Нерчинскомъ краѣ (жившемъ все это время разсказами о недавнихъ злодѣйствахъ Горкина) суждено за убійства (съ 1847 по 1857 г.) всего одиннадцати человекъ. Стало быть, изъ 200 убійцъ только одинъ (и то повидимому) подтвердилъ народное повѣріе, что разъ обагрившійся чужою кровью заражается жаждою ея и, по роковому влеченію злобной судьбы, уже не останавливается передъ новыми поводами къ подобнымъ злодѣйствамъ. Только одинъ на 565 ссылныхъ (изъ всего числа присланныхъ на каторгу) напелся такой, который поддерживалъ укоренившееся въ образованныхъ классахъ русскаго общества убѣжденіе въ томъ, что въ ссылкѣ находятся тѣ порочные люди, для которыхъ нѣтъ ничего святого и заветнаго и, стало быть, пролить кровь ничего не значить.

Въ самомъ же дѣлѣ изъ Россіи являются сюда убійцами люди, отдавшіеся тому непосредственному чувству звѣрскаго раздраженія по вдохновенію кровной тяжелой обиды, которая ищетъ помощи на томъ же мѣстѣ, гдѣ прислѣлъ часть мщенія, и содѣйствія въ тѣхъ орудіяхъ, которыя являются подѣ руками и первыми являются на глаза: скалки, полѣнья, топоры и проч. Присутствіе предварительной подготовки, преднамѣренной рѣшимости совершить преступленіе убійства у большей части ссылныхъ изъ простаго необразованнаго люда замѣчательно слабо и участіе развращенной воли подозрительно. Каторга даетъ многочисленныя доказательства тому, что эти люди, не умѣвшіе совладать съ приливомъ звѣрскихъ чувствъ на моментъ рѣшительнаго жизненнаго вопроса и строгаго испытанія, живущіе подѣ непосредственнымъ вліяніемъ природы, вовсе не тѣ, которыхъ нельзя

было бы исправить въ Россіи, и именно тѣ, для которыхъ на каторгѣ представляется масса поводовъ натолкнуться снова и на новые случаи, дозволяющіе выразить присутствіе злой воли. Изъ ближайшихъ мѣстныхъ наблюдений оказывается, что поводы эти, становясь равнозначущими для всѣхъ живущихъ на каторгѣ, успѣшнѣе обходятся ссыльными, врасплохъ застигнутыми несчастьемъ каторжной ссылки за убійство, и поддаются соблазну этого злодѣйства на мѣстахъ ссылки безразлично всѣ, сосланные за другіе роды преступленій. Меншинство убійцъ въ этомъ случаѣ уступаетъ поле и мѣсто большинству другихъ преступниковъ, присланныхъ на каторгу.

Здѣшнія убійства начинаютъ свою исторію, вызываясь новыми причинами и сказываются въ другой обстановкѣ. Убійства сибирскія являются послѣдствіемъ неудавшагося грабежа въ замѣчательномъ большинствѣ случаевъ. Убійцею становится тотъ, кто пошелъ въ бѣга изъ мѣста заточенія, не успѣвъ примириться съ каторжною системою возмездія за преступленіе. Онъ дѣлается снова преступникомъ на этотъ разъ во время крайней опасности отъ голодной смерти и въ тотъ моментъ, когда послѣднія надежды его встрѣчаютъ сильный отпоръ и вооруженное противодѣйствіе. Орудіями злодѣйства, всего чаще, служатъ сами преступныя руки, схватывающія за горло для задушенія, и опять таки ножъ—орудіе для всякаго бѣглаго необходимое и всегда готовое къ услугамъ на поясу или за пазухою. Случаевъ убійствъ по любви къ искусству, подобно Дубровину (натолкнутому, впрочемъ, особымъ родомъ удалства и хвастовства передъ ослабѣвшею бдительностью начальства и всѣми испуганными его побѣгомъ изъ тюрьмы), случаевъ такихъ ссыльных мѣста даютъ такъ мало, что они блекнутъ передъ громаднымъ большинствомъ убійствъ, вызванныхъ случайнымъ моментомъ *).

Человѣкъ, осужденный на каторгу, понесъ въ ссылку уже съ родного мѣста зачатки той нравственной болѣзни, которая имѣетъ основу въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія, развивается въ нѣчто серьезное по мѣрѣ того, какъ этапы начинаютъ, а сибирскія тюрьмы продолжаютъ представлять и осуществлять, на опытѣ въ тяжелыхъ и настойчивыхъ формахъ, практическое значеніе того несчастья, которое называется лишеніемъ всякихъ правъ. На мѣстахъ ссылки

достаточно развившаяся болѣзнь, подъ впечатлѣніями общаго презрѣнія, выражаемого словами и дѣломъ, складывается въ окончательныя формы. Если ссыльный, въ отчаяніи отъ боли, не прекратить жизни самоубійствомъ, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ готовъ внутренний, невещественный нарывъ, который сказывается потомъ при всякомъ случаѣ, при малѣйшемъ вызовѣ, при ничтожномъ уколѣ. На этотъ разъ только случайность, и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ предупредительность, основанная на разумномъ опытѣ, способны не вызывать болѣзненнаго раздраженія до опасныхъ и злодѣйскихъ примѣненій, часто даже характеризующихся убійствомъ. Въ ссыльных мѣстахъ практическіе и умные люди, по опытамъ людей неосторожныхъ и злыхъ, хорошо знаютъ, насколько опасно, въ сношеніяхъ съ этими больными, примѣненіе средствъ ѣдкихъ и раздражительныхъ и до какой степени дѣйствительны, необходимы и способны творить чудеса успокоительныя средства. Въ то время, когда неосторожные и неопытные платились жизнью, практическіе и осмотрительные достигали блестящихъ результатовъ, только умѣя доказать самимъ дѣломъ одно, что и въ лишенномъ человѣческихъ правъ они видятъ и признаютъ челоуѣка. Возвращеніемъ обратно нѣкоторыхъ правъ, прибавкою этимъ больнымъ даже самыхъ незначительныхъ льготъ, достигаются тѣ неожиданные результаты, которые свидѣтельствуютъ о живучести въ самыхъ тяжелыхъ преступникахъ чувства чести и сознанія челоуѣческаго достоинства. Самый закоренѣлый злодѣй Дубровинъ доказалъ это тѣмъ, что довелъ довѣренныхъ ему каторжныхъ съ Кары до Николаевска, не упустивъ ни одного. Тѣмъ же способомъ довѣрія сумѣлъ достичь болѣе блестящихъ результатовъ тотъ этапный командиръ, которому поручено было перевезти изъ нерчинскаго Большого завода (по уничтоженіи тамъ тюрьмы) всѣхъ каторжныхъ на Кару—въ новыя тюрьмы и новыя работы на золотыхъ промыслахъ. На этой системѣ до половины зиждется утлое зданіе всей этапной системы. Большую часть деревянныаъ частныхъ домовъ въ г. Томскѣ выстроили рабочія артели изъ каторжныхъ, подъ надзоромъ рядчиковъ изъ своихъ же и пользовавшихся полною свободою, внѣ всякаго начальничьяго дозора. Лишь только успѣлъ замѣшаться посторонній наблюдатель (по поводу одного побѣга, о которомъ тосковала и кручинилась каторжная артель больше всѣхъ), дѣло было испорчено, рабочіе начали бѣгать. Большое мѣсто получило уколъ и уколъ произвелъ раздраженіе. Оно на этотъ разъ не сообразилось ни со временемъ, ни съ мѣстомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ вызова раздраженіе не умѣетъ уже различать и лицъ. Оно высказывается мщеніемъ за обиду не только въ тѣхъ

*) Какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, мусульмане отличаются наибольшою наклонностью къ убійствамъ, и не смотря на то, что надъ ихъ голого бритыми головами разразился ударъ тяжелаго молота каторги, Иркутское—Усолье представляло не совсѣмъ безопасное мѣсто. Ссылаемые сюда кавказскіе горцы (до Шамилевыхъ мюридовъ включительно) очень часто производили убійства: то рѣзали, то душили. За то и дорогу съ этого завода старожилы прозвали «воровскою».

случаяхъ, гдѣ вызовъ производится со стороны могущаго и сильнаго, но и тамъ, гдѣ заявляется стороною болѣе слабою, какъ горные рабочіе, и совсѣмъ слабою, какъ свой братъ-арестантъ. Убіиства своихъ, убійства въ тюремныхъ стѣнахъ являются новымъ видомъ этихъ преступлений на самой каторгѣ.

Два шмелъцера играютъ въ карты съ каторжными Исаевымъ. Исаевъ выигралъ, но выигрыша ему не отдаютъ. Онъ спорить, рѣшается въ крайнемъ случаѣ идти для разбирательства въ полицію. При немъ говорить одинъ шмелъцерь другому:

— Ежели бы ты добрый служитель былъ, то ты бы Исаева, какъ ссильно-каторжнаго, билъ бы и давно выгналъ вонъ, коему и законъ, если онъ пойдетъ въ судъ, не велить вѣрить.

Исаевъ закидался по избѣ, схватилъ ножъ, побѣждалъ за обидчиками и кого нибудь изъ нихъ непремѣнно бы зарѣзалъ, но въ потьмахъ не нашелъ ни одного.

Въ Петровскомъ заводѣ былъ извѣстенъ всѣмъ декабристамъ горбунъ, ходившій постоянно съ палочкою—еврей, сосланный съ австрійской границы за контрабанду въ Енисейскъ. Оттуда горбунъ, за воровство со взломомъ, былъ присланъ въ Петровский заводъ. Здѣсь рассказывалъ онъ про себя, что сдѣлалъ его горбатымъ кнутъ, и между прочимъ откровенно передавалъ такую повѣсть.

Дали ему за преступленіе 101 ударъ кнутомъ, стали налагать извѣстныя клейма: В. О. Р. Онъ неладно съѣлъ. Квартальный разсердился, выхватилъ у палача кнутъ, сталъ бить по головѣ сверхъ законныхъ ударовъ.

„Постой же, думаю. Снесли меня въ больницу. Здѣсь я притворился, что умираю, и скажываю: пусть-де возьмешь у меня квартальный поясъ, а въ поясѣ, молъ, деньги. Пришелъ онъ. Я свалился съ койки на полъ, началъ стонать, рукой на поясъ показываю. Наклонился квартальный за деньгами. Я ловилъ руку, сгрѣбъ припасенный ножъ, распоролъ квартальному брюхо и грудь ему поднялъ“.

На нашихъ глазахъ въ Верхнеудинскѣ окончилось послѣднее дѣйствіе драмы, которую заглавлялъ другой еврей, Хантъ Аврумовъ Вульевъ. Кончилось оно тѣмъ, что его прогнали сквозъ строй за побѣгъ съ каторги Кутомарскаго завода, за нанесеніе по понимѣ изъ этого побѣга тюремному смотрителю Верхнекарийскаго промысла ножомъ раны и за убійство ссильно-каторжнаго Николая Семенова *).

*) Гоняли его сквозъ строй черезъ тысячу человекъ одинъ разъ и указали, сверхъ прежняго срока, приковать къ тѣлѣжкѣ на два года, а все-мъ лѣтъ потомъ содержать въ отрядѣ испитусныхъ. Вульевъ всю тысячу сразу не прошелъ, упалъ въ обморокъ. Когда фельдшеръ привелъ его въ чувство, Вульевъ первымъ дѣломъ ударилъ благодѣтеля по щекѣ; вторымъ—пригрозилъ

убійство обставилось для Вульева такими подробностями.

Работалъ онъ съ товарищами на тюремномъ арестантскомъ огородѣ подъ наблюденіемъ часовыхъ, стоявшихъ у тюремнаго помѣщенія. Захотѣлось ему отдохнуть и онъ вошелъ въ кухню въ то время, когда староста Семеновъ вынулъ изъ котла мясо и хотѣлъ рѣзать его на пайки. Для этого получилъ и ножъ, сохраняющійся всегда у военнаго караула. Пока товарищъ Семенова ходилъ за комнатнымъ надирателемъ, чтобы пригласить его развѣрять на пайки вареное мясо, Семеновъ лежалъ уже на нарахъ близъ двери зарѣзаннымъ. У Семенова съ Вульевымъ были какіе-то счеты, ничтожныя до того, что слышавшій споръ ихъ изъ сосѣдней комнаты не стѣлъ за нужное войти и мирить. Но Семеновъ успѣлъ выговорить: „Ты злодѣй не только мнѣ, но и всему міру“.

Вульевъ, тотчасъ подскочивъ къ Семенову, ударилъ его по лицу и съ азартомъ требовалъ отъ него доказательства, почему онъ злодѣй, и притомъ тѣнулъ въ лѣвый бокъ Семенова тѣмъ ножомъ, который вырвалъ изъ его рукъ. Семеновъ застоналъ и легъ на нары. Вульевъ—по собственному сознанию и по свидѣтельству очевидцевъ—видя Семенова въ отчаянномъ положеніи, бросилъ ножъ и пошелъ въ казарму на заковъ объявить, что онъ зарѣзалъ старосту. Рану убитаго пробовали присыпать табакомъ и прикладывать тряпку „для удержанія кровоплинія“, но Семеновъ черезъ нѣсколько минутъ умеръ, не объяснивъ причины ссоры.

Вульевъ растолковалъ ее такимъ образомъ: „18 дней не выходилъ я на работу и занимался шитьемъ одежныхъ вещей: починкою штановъ и шитьемъ сюртука. Пришелъ на кухню по просьбѣ товарища-арестанта портного же Янкеда Труселя, отъ котораго получилъ 1 руб. сер. для того, чтобы прибить Семенова, а Трусель былъ въ ссорѣ съ Семеновымъ „за непродажу ему сапоговъ“.

Изъ медицинскаго свидѣтельства видно, что Вульевъ „тѣлосложенія слабаго, страдаетъ хроническимъ разстройствомъ сердца съ сильнымъ біеніемъ онаго, имѣетъ изломанную головную кость, на лѣвое ухо глухъ и боленъ локотомъ ногъ, изъ которыхъ правая одеревенѣла и не чувствительна“. По статейному списку узнаемъ, что ему 44 года, изъ мѣщанъ, что онъ присланъ въ каторжную работу на заводы за грабежъ, наказанъ кнутомъ съ постановленіемъ знакомъ.

По самому дѣлу и допросамъ подсудимыхъ ясно, что драки и ссоры—обыкновенный тюремный способъ препровожденія времени, что

убить судью и стряпчаго, лишь только удастся ему бѣжать изъ тюрьмы. То же самое настоятельно повторялъ онъ и на койкѣ въ лазаретѣ, излечиваясь, чтобы доходить остальную тысячу.

затѣваются онъ на этотъ разъ не впервые, по вызову самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ поводовъ, и навѣрное на этихъ невинныхъ занятіяхъ многимъ удастся срывать свое сердце и облегчать душу, не догрызаясь до ножа, не раздражаясь до убійства. Граница лежитъ тамъ, гдѣ уколы быють по сосѣдству и не попадаютъ въ жгучую рану, снабженную наболѣвшими и раздраженными нервами. Такихъ, у которыхъ разбереженная рана никогда не заживала и постоянно ныла, однимъ словомъ такихъ, о которыхъ любятъ повѣствовать французскіе писатели (какъ, напр., Appert), на нашихъ галерахъ почти нѣтъ совсѣмъ. Сживали они всѣ когда-то въ одномъ мѣстѣ: въ Акатуйской тюрьмѣ на цѣпяхъ, но передъ французскими злодѣями, вроде Бенуа, Шоффрана, Полипинеля, Режеса, Ласенера и Авриля наши убійцы—грубая мелкота, далеко не такъ тонко выдѣланная и замѣчательно простоватая. Попрочиѣ и поадовитѣ другихъ выдался нѣкто Филипповъ. Придетъ припадокъ, онъ и когти припрячетъ, приладитъ оружіе—когти выпустилъ. Освобожденный отъ кандаловъ, онъ купилъ себѣ въ Акатуй домикъ. Разъ подступилъ къ нему приливъ злыхъ мыслей: посадилъ онъ въ печь именитый пирогъ и пошелъ къ надзирателю рудника кланяться, просить осчастливить посѣщеніемъ. Тѣмъ же уприсилъ содержателя и смотрителя. Всѣ любилъ выпить (онъ это зналъ). Налойтъ онъ ихъ до безчувствія водкою съ дурманомъ, разорвалъ на нихъ платье, подбилъ глаза, наломалъ бока, перебилъ собственные горшки и оконныя стекла, переломалъ мебель. Являсь къ главному начальнику, онъ жаловался, что гости его крѣпко изубычили. Представилъ тому наглазныя доказательства: вотъ валяются на полу. Успокоился онъ, когда гости заплатили ему большія деньги, по приказанію главнаго начальника. Его нѣсколько разъ приковывали на цѣпь и увольняли.

Разъ, когда онъ сидѣлъ на цѣпи, услышалъ стороною разговоръ о собственной жетѣ, которая будто бы завязала связь съ выпущеннымъ недавно на волю арестантомъ. Ревность заставила его притвориться больнымъ и лечь въ лазаретъ. Въ лазаретѣ прикинулся онъ умирающимъ, просилъ жену навѣстить его передъ смертію. Эта пришла съ калачами. Филипповъ притиснулъ ее къ окну, схватилъ за горло и уже подыалъ на воздухъ, чтобы совсѣмъ задушить, но на выручку прибѣжали арестанты съ солдатами. Сидѣлъ онъ въ послѣдній разъ на цѣпи рядомъ съ Безногимъ, убійцею и бродягою, лишившимся ногъ въ лѣсу на морозѣ. Оба жили дружно и дожили до того, что у нихъ могла сладиться игра въ карты. Разъ за игрою повздорили и подрались. Безногий схватилъ Филиппова за горло и такъ сильно ударилъ его золовою о желѣзную рѣшетку, что раскололся

черепъ и Филипповъ исчезъ изъ списка злодѣевъ.

Восточная Сибирь, какъ преимущественное складочное мѣсто всѣхъ убійцъ и злодѣевъ, сохраняется между прочимъ объ одномъ такомъ преданіи (въ Минусь). У мѣщанина живетъ бѣглый и ходитъ съ нимъ на охоту. Разъ въ одну изъ такихъ прогулокъ замѣтилъ онъ звѣровщика, достававшаго съ дерева подстрѣленную бѣлку. Бродяга хладнокровно прицѣлился и ухлопалъ на повалъ этого незнакомаго и перваго встрѣчнаго. Содравъ одежду, онъ пошелъ домой. Натолкнувшись на другого, съ нимъ поступилъ также. Мѣщанинъ-спутникъ сталъ его упрекать. Бродяга скрутилъ ему руки и ноги, ограбилъ, потомъ началъ отрывать ему члены одинъ за другимъ съ наслажденіемъ, не торопясь. Жена мѣщанина, не дождавшись мужа, объявила о пропажѣ его. Полиція нашла трупъ и поймала бродягу. На допросѣ онъ повинился еще въ 15 убійствахъ и охотливо рассказалъ, что съ убитыми не разставался разомъ, а находилъ большое удовольствіе въ томъ, чтобы полежать воемъ него и даже поспать цѣлую ночь рядомъ съ трупомъ.

При условіяхъ возбужденій, подобныхъ тѣмъ, которыя натолкнули на убійство даже евреевъ Горбуна и Вульева (народа наиболѣе осторожнаго и наименѣ причастнаго смертному грѣху смертоубійства), не мудрено возрасти въ десять лѣтъ цифрѣ до 11 (представить по одному случаю на годъ) и затѣмъ оставить такое слабое вѣроятіе для убійства всѣмъ слышимымъ, такъ что собственно старымъ убійцамъ для новыхъ убійствъ остается ничтожное мѣсто. Не потому это такъ, что злодѣйской рукѣ мало простора въ слабо населенныхъ забайкальскихъ и сибирскихъ краяхъ, обладающихъ всѣми средствами раздраженія, но потому, что и здѣсь убійство—явленіе необычайное, будучи взято не во времена народныхъ бѣдствій, когда усиливаются кражи, возрастаютъ грабежи и появляются разбои, обливающие слѣды свои человѣческою кровью.

Такія времена для Сибири миновали съ тѣми тяжелыми для новой страны днями, когда неправильныя, насильственные заселенія ея всякимъ обродомъ вызывали разбои и убійства повременно; во времена Петра на Иртышской линіи; въ половинѣ прошлаго столѣтія въ юго-западной Сибири, въ алтайскихъ странахъ (разбойникъ Аванасій Селезневъ), въ концѣ прошлаго столѣтія между Красноярскомъ и Иркутскомъ (Гондюхинъ), въ началѣ нынѣшняго за Байкаломъ (Григорьевъ и Горкинъ). Разбои и убійства перекочевывали туда, куда направляли и гдѣ сосредоточивали искусственные заселенія. Не исчезло это явленіе и при болѣе неблагоприятныхъ географическихъ и экономическихъ обстоятельствахъ: разбойничалъ бывший князь Баратаевъ за Леною, когда прокладывали дорогу изъ Охотска на рѣку Алданъ; нарожда-

лись разбой и производились убійства и тогда, когда заселяли пустынную Камчатку. Кемчугскія горы и дремучіе тайговые лѣса за Ачинскомъ къ Красноярску считались долгое время страшными для путешественниковъ. Мѣста придорожныя окружены природными вертепами, обезпеченными непроницаемыми лѣсными тучубами. Разбой были сильны и прочны въ силу принудительныхъ поселеній, устроенныхъ такъ, что всѣ жители разбѣжались за немѣвнимъ силы расчищать лѣса подъ напши.

Сибирскія современные убійства, отчасти подчиненныя вліянію возмездія каторгою, но въ такой мѣрѣ, что каторга дѣйствуетъ оглушающимъ способомъ острастки и вовсе не владѣетъ способами исправленія. Свидѣтели злодѣйствъ, опираясь на предварительную порчу преступниковъ въ Россіи, не имѣютъ средствъ и времени опредѣлить свое мѣсто и взвѣсить тѣ благопріятныя для преступленій причины, которыми обильно снабжены мѣста, доверенныя ихъ надзору и попеченіямъ. Какъ самъ убійца, раскаяваясь на судѣ въ собственномъ злодѣяннѣ, ищетъ для опредѣленія своего нравственнаго раздраженія и вступленія въ словахъ и говоритъ „разсвѣрѣтивъ и какъ бы окаменѣвъ, я бросился на него и проч.“, такъ въ тѣхъ же словахъ ищутъ оправданія себѣ приставники ссыльнаго люда, находяще свое оправданіе въ предварительной и безвозвратной порчѣ ссыльныхъ. Между тѣмъ, на ихъ же глазахъ происходятъ изумительные факты исправленій злыхъ людей, конечно, помимо ихъ участія и вовсе независимо отъ каторжнаго вліянія. Превращеніе контрабандистовъ въ убійцъ и исчезновеніе въ убійцахъ убійцъ—слишкомъ извѣстные на каторгѣ факты и слишкомъ осязательныя явленія для того, чтобы можно было въ нихъ сомнѣваться.

У пристава одного изъ каторжныхъ мѣстъ мы нашли разбойника, ограбившаго почту и убившаго ящика съ почтальономъ—въ водовозахъ, живущимъ и ночующимъ на кухнѣ; у начальника промысловъ женщину, зарѣзавшую собственнаго ребенка—въ кормилицахъ, отличающуюся неусыпнымъ надзоромъ, необычайною любовью въ воскормленнику и прочимъ дѣтямъ, братьямъ и сестрамъ ея питомца. Извѣстный всему Забайкалью, ловкій и весьма опасный разбойникъ и знаменитый пѣсенникъ Горкинъ кончилъ тѣмъ, что въ наше время возилъ, темными ночами, по пустыному и пятидесятиверстному перегону, черезъ замерзшій Байкаль, откупныхъ повѣренныхъ послѣ того, какъ они успѣли обождать во всѣхъ забайкальскихъ кабакахъ всѣ деньги, натасканныя богатѣлью торговли—казацкою и голытьбою каторжною—кабацкою, и совсѣмъ кончилъ уличнымъ шуткомъ—скоморохомъ съ пляскою подъ веселый и шаловливый пригвѣтокъ на потѣху деревенскихъ ребятшекъ.

Таковы, на выдержку, первые попавшіеся подъ перо частные случаи изъ каторжной практики. Но и на этотъ разъ частные случаи представляютъ общими и пополняются ими. Милліоны возовъ съ чаемъ изъ Кяхты въ Москву, тысячи троекъ съ серебромъ, предназначеннымъ на выгнѣ этихъ чаевъ, изъ Москвы въ Кяхту прошли и пробѣжали по тому же Забайкалью, населяемому предпочтительно самыми опасными и испорченными людьми, выброшенными за негодностью изъ опасливой и трусливой Россіи. Подъ самыми воротами и стѣнами каторжныхъ жилищъ казна провозитъ огромныя суммы, назначаемыя въ два своя, самыя отдаленныя казначейства. Трехмилліонная торговая компанія провезла свои милліоны и, не истерявъ въ дорогѣ, всѣ безслѣдно и безвозвратно сама утопила въ Амурѣ до послѣдняго рубля и копейки. Ежегодно изъ самаго нутра каторжнаго пекла въ концѣ зимы, на почтовыхъ тройкахъ, та же казна возитъ на многія сотни тысячъ золота и серебро въ слиткахъ, подъ охраною самаго ничтожнаго числа забайкальскихъ казаковъ, носящихъ удалое званіе только по преданію. Туземецъ-сибирякъ вовсе не видитъ въ этомъ рискованнаго дѣла, но даже ждетъ такого времени съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ, суевѣрно вѣруя, что когда „пробѣжитъ золотуха“ (транспортъ съ золотомъ), въ воздухѣ полетаетъ, морозы съ этой поры станутъ сдавать и слабѣть, а пробѣжитъ „серебрянка“—придорожный сибирякъ набожно крестится и приговариваетъ: „Слава Богу и Иннокентію, чудотворцу иркутскому! увезли мірскую кровь и людскія слезы! надо телѣгу чинить, скоро кукушка закукуетъ“.

Во всю длину битой дороги, идущей черезъ Сибирь, добротные люди изъ старожилковъ даютъ проѣзжимъ легкіе совѣты быть осторожными на ночное время въ двухъ-трехъ мѣстахъ на всѣхъ четырехъ тысячахъ верстъ всего пути въ самыя дальнія мѣста самой строгой каторги. Тамъ же, гдѣ сама каторга считаетъ собственныя сотни верстъ, предостереженій таковыхъ проѣзжихъ не получаетъ. Затѣмъ уже нигдѣ не испытываетъ онъ большихъ несправностей отъ дорожной встрѣчи съ обозами, беззаботно растянувшимися по всему полотну битой зимней дороги. Словно и ѣдутъ здѣсь эти извозчики круче и дахи ихъ теплѣе, а потому и спать они на возахъ крѣпче.

Что на виду, то и на самомъ дѣлѣ. Не скрываемую, насмѣшливо-хвастливою улыбкою встрѣчаютъ настоящие знатоки каторжныхъ порядковъ и ближайшіе приставники и блюстители ссыльныхъ людей всякое сомнѣніе въ безопасности ихъ положенія среди испорченнаго на родинѣ и озлобляемаго на чужбинѣ ссыльнаго люда. Какою нибудь сотнею казаковъ, гдѣ старый зачастую путается на службѣ съ молодымъ—

эти, увѣренные въ себѣ люди защищаются сами и защищают казенное и свое имущество отъ огромнаго сброда настоящихъ порченныхъ преступниковъ, у которыхъ утратилось все завитое и святое, у которыхъ даже собственная одежда, въ зимніе холода, на плечахъ не держится, и либо проигрывается въ карты, либо обмѣнивается на вино. Наблюдатели, официально обязавшіеся должностію и службою, увѣряютъ, по личному опыту, что большая часть преступлений вѣранныхъ имъ людей выродилась изъ нужды, доведенной до крайности, и сопряжена съ захватомъ чужой собственности, что только незначительная часть совершена подъ влияніемъ страстей, что это такъ и должно быть, потому что большинство пришедшаго на каторгу народа—люди простые, необразованные, либо крестьяне, либо мѣщане. Другіе наблюдатели (не присяжные, но сторонніе), которыхъ судьба привела въ каторжную жизнь изъ среды образованнаго и даже высшаго круга, рядомъ опытовъ и долговременнаго изученія, пришли къ тому же основному выводу, что всѣ эти каторжные люди пали подъ влияніемъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Въ дѣлѣ паденія ихъ всего меньше замѣтно участие сердца. Оно, это сердце, во всякомъ случаѣ не злое, а испорченнымъ является уже потомъ и именно здѣсь, на каторгѣ. Все это—именно *несчастные* люди, какъ совершенно вѣрно и достаточно мѣтко опредѣлили ихъ самъ же простой народъ, выдѣлившій изъ себя этихъ преступниковъ. Вотъ почему (говорятъ намъ) и среди этого народа, не вооруженная револьверами и ружьями, не защищенная заборами и стѣнами, красуется тихая сельская жизнь съ тою же прелестью совершенно обезпеченнаго и защищеннаго труда на Шилкѣ, и на Аргуни, на Хилкѣ и Газимурѣ, какъ бы и на матушкѣ Волгѣ, и что едва ли даже не въ большей распушенности проводится и не съ большею безпечною устроивается и семейная жизнь здѣсь, тѣмъ, напримѣръ, въ большихъ городахъ русскихъ, оберегаемыхъ полиціею.

М. М. Сперанскій, побывъ генералъ-губернаторомъ Сибири, писалъ къ своей дочери (1819 г.): „Число ссыльныхъ, какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромѣ нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще чистю ихъ маловажно. По самымъ достовернымъ свѣдѣніямъ они едва составляютъ до двухъ тысячъ въ годъ и въ томъ числѣ никогда нѣтъ и десятой части женщинъ. Со временемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу! Они докажутъ, что у насъ въ 20 тысячахъ едва можно найти одного преступника, да и то ворешку маловажнаго; важныхъ нѣтъ и на сто тысячъ одного. Я самъ не повѣрилъ бы сему прежде и считаю это великимъ въ моральномъ мірѣ открытіемъ“.

Онъ же говорилъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, Сем. Богд. Броневскому: „Мнѣніе, будто бы въ Сибирь ссылаютъ людей самыхъ порочныхъ, не точно. Объясню притчей. Многие переходили ровъ, одинъ за другимъ, по узкой кладкѣ. Осторожные всѣ перешли, а одинъ упалъ, заглядѣвшись на сторону, замарался и ушибся“! Затѣмъ этотъ же Броневскій писалъ въ посмертныхъ запискахъ: „Притча Сперанскаго объясняетъ нѣкоторымъ образомъ, что, дѣйствительно, большая часть зѣвакъ туда попадаетъ. Вѣдность, вино, любовь, солдатовство и несносные господа либо управители влекутъ народъ на заселеніе Сибири. Многие говорятъ, что преступники, перейдя границу европейскую, т. е. Уральскій хребетъ, совершенно перерождаются къ лучшему,—и не мудрено! — широкое раздолье угольевъ, довольство въ первыхъ потребностяхъ и свободное состояніе, выжѣненное на рабство, при разныхъ облегченіяхъ, даруемыхъ правительствомъ ссыльно-поселенцамъ, хотя какого заблудшаго образумить. Не должно впадать въ заблужденіе, считая и варнаковъ людьми опасными и безнадежными. Разбойникъ-татъ, по внушенію ловкаго соблазителя, при нуждѣ и бѣдности огушенный виномъ, впадъ въ преступленіе, вдругъ видитъ пропасть, въ которую себя ввергъ. Совѣсть начинаетъ его со всею силою мучить и онъ, чтобы освободиться отъ этого страданія, часто добровольно отдаетъ себя на другое: въ руки правосудія, и съ сильнымъ раскаяніемъ терпѣливо влечитъ свою жизнь въ работѣ и изгнаніи. Есть много сосланныхъ за политическія и противорелигіозныя преступленія и по замѣшательствамъ, происходящимъ въ городахъ, селеніяхъ и полкахъ, увлеченныхъ общимъ движеніемъ или повѣрившихъ, по невѣжеству своему, негнѣнымъ внушеніямъ злокозненныхъ лицъ. Я знаю, что въ заводахъ и рудникахъ многіе каторжные исполняютъ, со всею вѣрностію, интересныя должности. Зародышъ добра въ такихъ до того силенъ, что худые примѣры и разные рассказы въ сонмѣ закоренѣлыхъ преступниковъ не производятъ на нихъ ни малѣйшаго влияния. Въ Сибири почти у всѣхъ чиновниковъ и купцовъ прислуга изъ класса ссыльныхъ. Однако, примѣры побѣговъ съ воровствомъ, тѣмъ болѣе злодѣяніями, довольно рѣдки“.

Короче Сперанскаго и Броневскаго, но согласно съ ними, выразился Кетля (въ своей *Physique sociale*), что преступленіе есть нѣмой, въ большей части случаевъ, безсознательный протестъ человѣческой природы противъ несовершенствъ общественнаго устройства. „*Chaque criminel est le martyr de l'ordre sociale*. Крупныя преступленія—исключенія въ общественной жизни, они не нарушаютъ обычнаго, заведеннаго порядка. Важность ихъ заключается въ ихъ необычности, преступленія же мелкія со-

вершаются ежедневно и всего больше колют глаза заведенному порядку, хотя внимание публики к ним равнодушно". Къ тому же (какъ сказалъ Фурье) „безнадежная бѣдность такъ же способна ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрное богатство его презирать“.

Нерчинское горное начальство приняло на свои каторжныя работы изгнанныхъ изъ Россіи, за негодностью и признанныхъ опасными для нее, въ теченіи одного десятка лѣтъ (съ 1-го января 1847 г. по 1-ое января 1857 г.), шесть тысячъ двѣсти тринадцать человѣкъ самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Въ этомъ числѣ, въ расчетѣ на большее преуспѣваніе края и на пущую опасность для бессмысленнаго и непреступнаго населенія изъ старожиловъ, явилось изъ Россіи однихъ убійцъ 2.179 человѣкъ, болѣе чѣмъ третья часть всего числа убійцъ, приговоренныхъ на каторгу въ Россіи и высланныхъ въ Сибирь въ предыдущій десятокъ лѣтъ (съ 1837 по 1847 г.). Кромѣ того, съ единственнымъ, но призракнымъ выигрышемъ для себя, Россія выслала въ нерчинскіе рудники, въ тотъ же десятокъ лѣтъ (конечно, не для исправленія), разбойниковъ и грабителей (воровъ со заломомъ) 1.136 человѣкъ; фальшивыхъ монетчиковъ и покупателей краденнаго 191, поджигателей 174, святотатцевъ — 72, произведшихъ растлѣніе — 54, возмущеніе 12 и оскотленіе — 7, — и 2.256 человѣкъ, „завиненныхъ въ неоднократныхъ побѣгахъ“, сопряженныхъ съ другими преступленіями и, вообще, не даромъ скрывшихъ свои настоящіе имена и объявлявшихся на судъ „непомнящими родства“ *). Если, можетъ быть, и не всѣ провинившіеся въ этихъ преступленіяхъ въ Россіи, за періодъ предшествовавшего десятка лѣтъ, а только пойманные и уличенные явились на нерчинскую каторгу, если даже и изъ замѣненныхъ и приговоренныхъ въ ссылку нѣкоторая часть (и довольно, впрочемъ, значительная) оставлена для работъ по сю сторону Байкала (на сибирскихъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ **), тѣмъ не менѣе предлагаемая цифра сочтена вѣрно и закрѣплена поголовною переключкою и повѣр-

*) Общее число сосланныхъ въ нашу десятилѣтнюю сложность дополняется, сверхъ того, еще 2-мя сосланными за престонодержательство (то есть притонщиковъ, державшихъ притонъ для преступниковъ), 77-ью сосланными за „дѣловость противъ начальства“, 19-ью за утрату казенныхъ вещей и поврежденіе у себя членомъ (за членовредительство, какъ привыкли выражаться наши законники по нѣмецкому способу словоизмышленія) и 54-мя, присланными за Байкалъ за политическія дѣла (то есть поляками).

**) Такъ, напримѣръ, большая часть сосланныхъ женщинъ оставалась, не доходя Иркутска, на Тельминской суконной фабрикѣ, въ силу указа 1798 г. (26 марта). Только на короткое время эта фабрика уступала сосланнымъ женщинамъ для отправки на Александровскую фабрику въ Тифлисѣ.

кою. Не вся она на лицо (это также вѣрно), не только въ первые мѣсяцы по приходѣ, но даже и въ первыя недѣли, и измѣнилась эта цифра побѣгами, однако, въ ней достаточно есть грязной, враждебной и опасной силы для туземнаго населенія, имѣющаго несчастье жить въ сосѣдствѣ съ каторгою, владѣющаго отъ труда нажитою собственностью, нерѣдко именно въ такомъ размѣрѣ, чтобы порождать соблазнъ и возбуждать зависть въ немущемъ своей и потерявшемъ все, даже доброе имя.

Мы видѣли, насколько не крѣпки кандалы, какъ скованные въ Россіи, такъ и замѣнившіе ихъ въ Сибири. Всѣ знаютъ, до какой степени застоялись тюрьмы Россіи, хотя онѣ построены за дорогія деньги изъ каменнаго матеріала по системѣ подряднаго соперничества. Въ Сибири даже и тюрьмы не всѣ каменные, а тѣ, въ которыхъ скопляется наибольшее число опасныхъ людей (каковы тюрьмы каторжныя), какъ бы намѣренно деревянные, но съ тѣмъ же ржавымъ желѣзомъ въ окнахъ и на дверяхъ, съ такими же подкупными сторожами и, вообще, съ ненадежными затворами и запорами. Къ тому же на каторгѣ цѣнится рабочая сила, которая возила бы руду и разгребала бы пески; для педагогическаго заведенія на каторгѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени. Какъ творится то чудо, что опасное для Россіи населеніе, безъ видимыхъ внутреннихъ причинъ и безъ всякаго старанія и попеченія извнѣ, становится безопаснымъ для Сибири, — возбуждаетъ недовѣріе и порождаетъ обязательство повѣрки такого знаменательнаго и замѣчательнаго факта. Мы старались проанализировать ее при содѣйствіи лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу, разспросами самихъ преступниковъ и личными нашими наблюденіями надъ тою частью Россіи, которая такъ грозно, своеобразно и самостоятельно отгнѣнилась отъ всѣхъ другихъ частей Россіи, не имѣющей съ Забайкальемъ, въ этомъ отношеніи, никакого сходства.

Мы останавливались на убійцахъ и на самомъ преступленіи смертоубійства, какъ на такомъ, которое не есть слѣдствіе разбоя или грабежа и не вытекло изъ бродяжества — этого богатаго источника многихъ злодѣяній, но то смертоубійство, которое и нерчинскому статистическому таблицю выдѣлено въ отдѣльную графу и на самомъ дѣлѣ, въ общественномъ значеніи этого слова, стоитъ отдѣльно и одиноко. Убійство, какъ болѣзненный наростъ на общественномъ организмѣ, не оправдываемое никакими законами, но, тѣмъ не менѣе, подчиненное своимъ, служить, въ одно и то же время, и мѣриломъ для выясненія большей или меньшей степени развитія нравственнаго состоянія извѣстныхъ классовъ общества въ данную эпоху и характеризуетъ цѣлый народъ, объясняя ступень, на которой стоитъ его цивилизація. Это обязыва-

еть насъ оглянуться назадъ, припоминая одну тымъ въ Москвѣ, и съ убійцею, выходящимъ случайную встрѣчу съ убійствомъ, надѣлавшимъ изъ ряда обыкновенныхъ, на мѣстѣ его изшумъ на всю Россію и до сихъ поръ не забыванія.

ГЛАВА II. У Б І Й Ц Ы.

Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ.—Мѣста, наиболѣе богатые убійствами.—Монгольскія племена.—Прочіе инородцы.—Ураць.—Заводскіе люди.—Дѣтоубійства.—Убійства женъ и мужей.—Вратоубійства.—Убійства родственниковъ.—Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворовыми.—Брестыанскіе бунты.

Въ Россіи ежегодная цифра убійствъ принадлежитъ по разряду преступленій къ самымъ крупнымъ. Въ средѣ ихъ, по количеству преступниковъ, она занимаетъ третье мѣсто. Преступленіе этого рода уступаетъ числомъ жертвъ лишь бродячеству и разнаго вида воровству (кражѣ и мошенничеству). Раздѣляясь на смертоубійство умышенное и случайное („неосторожное“), оно даетъ число ссыльныхъ по первому виду почти въ семнадцать разъ больше, чѣмъ по второму. Въ года, ближайшіе къ годамъ нерчинской таблицы, въ теченіи девяти лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.), всякаго рода убійцъ прошло въ Сибирь 4.952 мужчины и 1.451 женщина *). Изъ этого числа крупныя цифры принадлежатъ тѣмъ губерніямъ, которыя по преимуществу населены инородческими племенами, стоящими на самой низшей ступени гражданскаго развитія, не оставшими отъ кочевой жизни и тѣхъ привычекъ и вѣрованій, которыя являются ея слѣдствіемъ. Монгольскія племена, составляющія большинство населенія восточныхъ русскихъ губерній, за долгое историческое существованіе въ средѣ вліянія славянской расы, оказали большое упорство и крайнюю устойчивость въ коренныхъ народныхъ началахъ и неподатливость вліянію чуждыхъ. Упрямо и медленно поддаваясь успѣхамъ и условіямъ гражданственности чужого племени, монгольскія, въ большинствѣ, сумѣли остаться при тѣхъ же первобытныхъ грубыхъ нравахъ, которые характеризировали ихъ и въ отдаленную эпоху ихъ политическаго существованія. Если замѣтна между нѣкоторыми изъ нихъ большая мягкость нравовъ, уступившихъ духу времени и нѣкоторымъ правительственнымъ настояніямъ, то за то другая и большая часть отстаиваетъ упорно свои племенные особенности. Если лихой татаринъ успѣлъ

измельчиться въ бывшемъ Казанскомъ царствѣ въ торгаша-бухарца и буряты начали мирно распахивать поля подъ Иркутскомъ, то, съ другой стороны, киргизы не отстаютъ еще отъ грабежей и хищническихъ наѣздовъ, обливая слѣды баранты человѣческой кровью, а татары и буряты берегутъ на крайній случай и на неприятный вызовъ неудержимую дикую вспышку. Они не потеряли понятія о мести кровъ за кровъ, этой характерной черты азіатскихъ народовъ, еще не осѣдлыхъ и не гражданственныхъ,—черты, выразившейся съ большею опредѣленностью и послѣдовательностью въ жизни кавказскихъ и закавказскихъ горцевъ. Вотъ почему и тобольская табель о ссыльныхъ должна была выразиться въ такомъ видѣ: убійцъ-татаръ 67, башкиръ 44, киргизовъ (только изъ Оренбургской губ.) 8, черкесовъ (только мирныхъ) 7 (между прочимъ, грузинъ 62). Наклонность къ убійствамъ въ магометанахъ выразилась такъ, что составляетъ самую видную и крупную черту ихъ нравовъ.

Точно также и въ тѣхъ инородческихъ племенахъ, происхожденіе которыхъ этнографы и филологи приписываютъ чуди, коренныя народныя свойства крайне живучи и дѣятельны. Не такъ давно начали рѣдѣть слухи о такъ называемой „сухой бѣдѣ“ — особенномъ видѣ самоубійства, требующемъ отъ обиженнаго вояка, чуваша и черемиса веревки и петли, чтобы повиснуть на ней надъ воротами обидчика. До сихъ еще поръ на нашихъ глазахъ воровство всякаго рода не считаютъ грѣхомъ ни вогулы, ни цыгане, ни дальнее сибирское племя якутовъ; за то у тунгусовъ оно—поразительная случайность, пресѣдуемая и нетерпимая цѣлымъ племенемъ. Нигдѣ въ Европѣ законодательство не стоитъ въ такой крайней зависимости отъ требований разноплеменности и нигдѣ оно не находится въ такихъ крайностяхъ и трудностяхъ и въ болышей отвѣтственности передъ законами челоуѣчества, какъ у насъ въ Россіи. Нигдѣ также нѣтъ болышей трудности рѣшать о степени нравственнаго развитія народа по ста-

*) Въ это число тобольскія табели о ссыльныхъ включили, вмѣстѣ съ самими убійцами, и количество тѣхъ преступниковъ, которые знали о преступленіи и не объявили начальству, и тѣ, которые суждены по подозрѣнію и, наконецъ, тѣ, которые нанесли тѣлесныя поврежденія другимъ лицамъ съ намѣреніемъ къ убійству.

стистическимъ числамъ его преступлений; до сихъ поръ мало извѣданы и выяснены всякія пружины, руководящія духомъ извѣстнаго племени, мало изслѣдованы и изучены самыя племена, населяющія Россію. Тѣмъ не менѣе, въ списокъ губерній, объявившихся съ болѣе крупною цифрою убійствъ, первое мѣсто заняли губерніи, населенныя инородческими племенами, преимущественно магометова закона: Оренбургская, Тобольская, Пермская, Казанская, Вятская, Грузино-Имеретинская (нынѣшняя Тифлисская), Сибирская и Кавказская область (нынѣшняя Ставропольская губернія). Хотя, въ то же время, почти всѣ эти губерніи принадлежатъ къ одиному изъ самыхъ населенныхъ (въ особенности Вятская) и, повидимому, таковое отношеніе преступниковъ къ общему числу жителей должно уравниваться въ одинаковой мѣрѣ съ другими столько же населенными губерніями, но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Столько же и даже болѣе населенныя губерніи (каковы всѣ южныя степныя) уходятъ на второй и третій планъ, составляя вторую и третью количественную категорію. Только здѣсь, въ этихъ губерніяхъ, свободныхъ отъ инородцевъ-мусульманъ, число убійцъ встало въ соответственныя отношенія къ числу жителей, уравнивая, такимъ образомъ, преступность ихъ населенія *). Раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не представляетъ мѣрила, достаточно законнаго и опредѣленнаго: нигдѣ произвольное раздѣленіе Россіи на губерніи, не объясняющее ясныхъ и правильныхъ основаній, не является съ болѣе поразительною очевидностью, какъ на этотъ разъ, и не представляетъ болѣе запутанности и затрудненій, какъ именно въ стремленіяхъ, подобныхъ нашимъ **). Если принять въ соображеніе, что,

*) За 20 лѣтъ.	Убийцъ.	Число жителей.
Курская	540	1.900.000
Харьковская	478	1.600.000
Черниговская	430	1.500.000
Полтавская	379	1.900.000
Пензенская	339	1.900.000

**) Будущая работа въ этомъ родѣ потребуетъ отдѣленія преступниковъ городскихъ отъ сельскихъ, ибо города вездѣ грѣховитѣ селеній. Также немалая трудность и большая осмотрительность понадобится въ томъ случаѣ, когда придется счѣтать и успѣтъ отдѣлить пришельцевъ отъ туземцевъ. Въ кочующемъ населеніи торговаго и промысловаго русскаго люда, мѣняющаго свои мѣста, какъ мѣняются цвѣта въ калейдоскопѣ, и теперь лежитъ много причинъ тому, что раздѣленіе преступниковъ по губерніямъ не имѣетъ достаточного основанія и права. Барышники изъ касимовскихъ татаръ и изъ цыганъ, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣста, вѣрнѣе попадутся въ коннокрадствѣ вблизи конныхъ ярмарокъ и пойдутъ въ Сибирь изъ Лебедяни и Котельнича за рязанца и вятскаго. Убийца-бурлакъ изъ тверскихъ уйдетъ изъ Астраханской губ., гдѣ ему больше вѣроятія голода, грабежей и убійства, а пензенскій крестьянинъ, обреченный на постоянное пьянство на каспійскихъ рыбныхъ ватагахъ, уйдетъ въ Сибирь оттуда же за грабежъ подь

напримѣръ, губерніи Московская имѣетъ большее число жителей, чѣмъ Казанская, а Пермская и Оренбургская, отдѣльно взятыя, меньше Вятской, то вопросъ о тайныхъ пружинахъ, руководящихъ народными инстинктами и наталкивающихъ на извѣстный родъ преступления, не теряя своей важности, все-таки остается не разрѣшимымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ существовать у насъ уголовной хроники и юридической характеристики мѣстностей. Теперь для нихъ самое важное и необходимое время, но ни тѣхъ, ни другихъ до сихъ поръ литература наша не имѣетъ; тѣ и другія являются пока дѣломъ случайностей. Со временемъ опредѣлится, съ цифровымъ подкрѣпленіемъ, та несомнѣнная истина, что, напримѣръ, губерніи Оренбургская и Пермская (меньшія) преступныя болѣе населенной губерніи Вятской въ грѣхахъ убійствъ и оттого, что въ этихъ губерніяхъ происходитъ наибольшее скопленіе бѣглыхъ преступниковъ изъ Сибири, и потому, что большинство населенія ихъ, помимо инородцевъ, принадлежитъ заводскому люду, истощенному до крайней бѣдности и отчаянной нужды недавними порядками посессіоннаго и владѣльческаго права. Теперь уже довольно ясно можно видѣть изъ отчетовъ горныхъ начальниковъ о происшествіяхъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ, насколько убійства были тамъ не рѣдкость и сколько безнравственно рабочее населеніе вдоль всего богатаго и рудоноснаго Уральскаго хребта.

Изъ просмотра уголовныхъ дѣлъ видно, что большое количество преступленій совершается по Уралу на частныхъ заводахъ; на казенныхъ сравнительно меньше. Грабежи отличаются удалствомъ и смѣлостью и не обходятъ даже главнаго заводскаго города Екатеринбурга, который рѣзко выдается въ этомъ отношеніи изъ ряда другихъ русскихъ городовъ. По дѣламъ 1858, 59 и 60 годовъ, наибольшее количество преступленій группируется около частныхъ заводовъ: Кыштымскихъ (9 убійствъ), Невьянскихъ (6 случаевъ), Нижнетагильскихъ (6 случаевъ), Алапаевскихъ и Уфалейскихъ (по 5). Изъ казенныхъ преступленій другихъ Вогословскіе, причѣмъ на одинъ городъ Екатеринбургъ и при этомъ на одинъ только годъ (1859) выпало семь случаевъ убійствъ. Грабежи идутъ въ соответствующей пропорціи и самоубійства также явленія нерѣдкія. Убиваютъ довольно часто мужья любовниковъ своихъ женъ; убиваетъ сынъ отца, съ участіемъ матери и товарищей, заставъ его на мѣстѣ прелюбодѣнія; своихъ удавилъ своякъ,

призрачнымъ именемъ астраханца и проч. и проч. Такъ, между прочимъ, Петербургская губ., со столькимъ городомъ по населенію равная Костромской, по количеству убійцъ встала въ ней въ такія отношенія: въ 20 лѣтъ съ 1827—по 1846 убійцъ Спб. 398 муж. и жен., Костромск. 254. Все въ прилѣшекъ дополненъ съ избыткомъ г. С.-Петербурга.

по просьбѣ жены послѣдняго, и вмѣстѣ съ нею вывезъ трупъ за селеніе, положивъ въ сани съ бандурою и полуштофомъ водки. Сестра зарѣзала ночью сестру за то, что та доносила матери о распутной жизни убійцы, и созналась въ томъ, что сначала собиралась изрубить ее топоромъ, потомъ хотѣла устукать пестомъ. Мужъ задушил беременную жену за то, что она не дала ему на свадьбу рубахи и обругала варнакомъ, а чтобы скрыть преступленіе, по собѣту бабки, ѣздилъ къ священнику съ просьбою растворить въ церкви царскія врата, а въ домѣ отперъ всѣ замки: мучилась-де родами, отъ мукъ померла. Мертвый младенецъ плаваетъ въ озерѣ; маленькій мальчикъ, посланный за милостынею, лежитъ зарѣзаннымъ въ холостой избѣ. Одинъ коноваль въ кабацѣ далъ заводскому вмѣсто молотата табаку пережженного купоросу; обиженный вышелъ было вонъ, да вернулся, и говоря про себя себѣ подъ носъ: „Кто смѣлъ меня ударить“? пырнулъ, вмѣсто коновала, ножемъ въ бокъ заводскаго. Одного убитаго сожгли въ печи въ банѣ; другой, услышавъ ночью шумъ, выскочилъ на дворъ съ двернымъ запоромъ и не возвращался; онъ найденъ избитымъ, окровавленнымъ и уже бездыханнымъ. Третій заводскій крестьянинъ ѣдетъ по дорогѣ и слышитъ, какъ впереди его кричитъ одинъ голосъ: „Начинай“! а другой: „Не робѣйте“! Затѣмъ „караулъ“! раза четыре и просьба: „Васенька, заступись“! И опять „Не шевелись, Васька, и тебѣ тоже самое будетъ“: И снова просьба: „Ребята, пожалуйте, перестаньте“! И снова крикъ: „Ну, ребята, въ которой крови я плаваю теперь, въ той же крови будете плавать и вы“. Въ итогѣ опять трупъ убитаго и новые преступники-пастухи, которые выпросили убитаго подвезти ихъ на лошадей, и проч.

Конечно, и на этотъ разъ большинство случаевъ убійствъ являются слѣдствіемъ грабежа, меньшинство вызвано ничтожными и пустыми поводами, драками и ссорами въ пьяномъ видѣ. Орудія на половину обычныя: сверкаетъ топоръ, бьетъ кулакъ въ високъ, силится мускулистая рука сократить жизнь, сдавливая горло или причинное мѣсто. За то уже въ большомъ ходу яды, одновременная подготовка къ преступленію. Между убійцами мало людей неизвѣстныхъ, изъ бродягъ, все свои—заводскіе и фабричные люди. Бродяги „шалать“ отчасти въ Екатеринбургѣ и вольнѣе хозяйничаютъ за городомъ, въ предѣлахъ ближайшихъ къ Сибири и настоящихъ сибирскихъ. Раздраженные каторгою, а за тѣмъ всякими неудачами во время побѣга, сибирскіе бѣглецы, вмѣстѣ съ поселенцами, успѣваютъ установить такое рѣзкое явленіе, что Тобольская губернія соперничаетъ съ Пермскою и также на всѣ роды преступленій умѣетъ отвѣчать самыми крупными цифрами. Однихъ убійцъ въ 9 лѣтъ, намъ извѣстныхъ, губернія эта дала

176 муж., 23 жен.; Пермская 171 муж., 26 жен. Въ 20 лѣтъ Пермская успѣла дать уже 538 муж. и 144 жен. — 682 убійцы и превзошла и Оренбургскую (617 убійцъ), и Курскую (540), и Вятскую (447) и С.-Петербургскую (398). Издавна Тобольская губернія населялась преступнымъ и дурно обезпеченнымъ на поселеніи людемъ и притомъ въ такой системѣ, которую не давалось правильной оцѣдки, не указывались работы и не направлялся трудъ—это самое вѣрное исправительное нравственное начало. Съ давнихъ временъ Тобольская губернія представляетъ до сихъ поръ такое мѣсто, гдѣ скучивается наибольшее количество бродягъ—бѣглыхъ съ каторги и мѣстъ поселенія, жаждающихъ проскользнуть въ Россію. Какъ у дверей кассы, въ ожиданіи очереди, они производятъ тѣсноту и на бездѣльѣ и досугѣ пошариваютъ, а въ грабежахъ наталкиваются на убійства.

Къ болѣе вѣроятнымъ и определеннымъ заключеніямъ ведутъ другія дѣленія людей, пойманныхъ на убійствѣ. Разбивая общее число убійцъ всякаго рода на отдѣльныя категоріи, мы приходимъ къ тому выводу, что въ этомъ числѣ большая цифра принадлежитъ матерямъ, убившимъ своихъ дѣтей. Въ теченіи шести лѣтъ (съ 1838 до 1844) ушло въ Сибирь 317, тогда какъ мужичья за тоже преступленіе осуждено было 23 человѣка. Чаше также убиваютъ жены своихъ мужей и рѣже женъ мужья, но за то, естественнымъ образомъ, чаще брать брата, чѣмъ сестра брата, и примѣчательно рѣже умерщвляютъ своихъ родителей дочери, чѣмъ сыновья *).

*) Убійства этихъ видовъ находятся между собою въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ (по годамъ, въ общей сложности):

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	1838	1839	1840	1841	1842	1843	Всего.
Убійство мужей...	30	28	23	16	27	19	143
„ жень...	26	20	9	11	21	36	123
Дѣтоубійство:							
Матерями.....	39	53	67	43	59	56	317
Отцами.....	3	6	3	5	3	4	23
Братоубійство:							
Братьями.....	3	5	1	3	3	5	20
Сестрами.....	—	1	—	1	—	—	2
Убійствъ родителей:							
Сыновьями.....	3	3	3	7	6	5	28
Дочерями.....	2	2	—	1	3	—	8

Останавливаясь на этихъ жертвахъ столькоже семейнаго деспотизма, самаго мучительнаго и опаснаго изъ всевозможныхъ деспотизмовъ на свѣтѣ, сколько и личнаго животно-звѣрскаго проявленія чувствъ въ испытующемъ, мы снова должны сожалѣть о томъ, что послѣдующія табели тобольскаго приказа о ссыльныхъ, по какому-то непонятному соображенію, измѣнили планъ сортировки преступниковъ и разнородныхъ сбили въ одну кучу, подчинивъ ихъ общей таинственной рубрицѣ, какова, напримѣръ, «оскорбленіе родительской власти». Надо замѣтить, что приводимыя цифры до того устойчивы, что еще въ

Убийство дѣтей для женщины есть одно изъ тѣхъ преступленій, которое прежде другихъ обрекается ее на несчастные ссылки и становится для нее обязательнымъ въ силу тяжелыхъ бытовыхъ условий, зависящихъ въ одно время и отъ неправильныхъ деспотическихъ отношеній мужей и семьи и отъ того позора, каковымъ ее встрѣчаетъ общественная среда. Насильственные браки для увеличенія тяголъ при крѣпостномъ состояніи, принудительныя супружества въ средѣ болѣе свободныхъ земледѣльцевъ (каковыми были прежде крестьяне государственные и удѣльные, а теперь всѣ), супружества, основанныя на волѣ большаковъ семей для приобретенія дешевой рабочей силы, а не на взаимной любви и согласіи стоворенныхъ, обилие разнаго рода отхожихъ промысловъ, требующихъ продолжительныхъ отлучекъ, а также и раннихъ браковъ для замѣны себя женою въ семьѣ; при этомъ зимнія стоянки громаднаго количества солдатъ, холостыхъ и одинокихъ, изъ которыхъ значительная часть, въ свою очередь, покидаетъ на мѣстахъ родины и въ постоянныхъ городахъ, на правахъ вдовъ, собственныхъ женъ-солдатокъ,—вотъ гдѣ находить себѣ оправданіе этотъ видъ убійства, убійство дѣтей. Оно для женщинъ является тотчасъ роковымъ, какъ только вступаетъ она въ періодъ дѣторожденія; встаетъ на первое мѣсто въ возрастѣ свыше двадцати и затѣмъ, до 40 лѣтъ, не уступаетъ его ни одному изъ другихъ родовъ женскихъ преступленій. Въ періодъ ранній (отъ 15 до 20 лѣтъ) женщина производитъ еще расчеты съ мужемъ, пробуетъ силы собственнаго терпѣнія и покорности и, при недостаткѣ таковыхъ и при безсиліи, выставляетъ на первое мѣсто убійство мужей, каковое преступленіе въ послѣдующіе два десятка лѣтъ женскаго возраста (до 40)

1759 году, когда вознамѣрились всѣхъ преступныхъ женщинъ выслать для браковъ къ холопьямъ на Иртышскую линію, изъ 77 женщинъ, прошедшихъ туда черезъ Омскъ, 54 оказались сосланными за убійство мужей, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, 1 за блудъ съ отцомъ, а прочія съ тою же несокрушимою послѣдовательностью, какъ и въ наши дни: за поджоги въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, за кражу, побѣгъ и порчу волшебными травами и словами.

Замѣчательно то, что Сибирь начинала свою исторію нерѣдкими случаями дѣтоубійствъ. Это преступленіе до такой степени было усвоено женскимъ населеніемъ молодой страны, что вызвало сильныя сокрушенія и жалобы, однообразныя и взаимно-подкрѣпляющія другъ друга съ обѣихъ сторонъ. Объ огромномъ количествѣ часто повторявшихся случаевъ этого тяжкаго преступленія свидѣлствуютъ: тобольскій митрополитъ Философъ, находившій причину его въ сильномъ развратѣ сыльныхъ женщинъ, и Инокентій Нероновичъ (епископъ иркутскій), говорившій, что убитыхъ и выравненныхъ младенцевъ хоронили матери въ ямахъ отхожихъ мѣстъ.

отходить на задній планъ и уступаетъ участію женщинъ въ поджогахъ и виновности ихъ въ убійствѣ чужихъ. По сравненіи процентныхъ отношеній, съ этой стороны женщинъ замѣчается даже особенная наклонность къ убійству мужей. При этомъ жены болѣею частью прибѣгаютъ къ помощи ядовъ. Въ 4 года (1843 по 1847) изъ 128 убійцъ собственныхъ женъ было только 5 отравителей, изъ 190 женщинъ, за тотъ же періодъ времени, 67 отравительницъ. Въ періодъ улаженнаго семейнаго быта ненависть къ мужу женщина продолжаетъ вымещать на дѣтяхъ и выражать страхъ преслѣдованія убійствомъ даже до конца своихъ дней, даже за 60-ые годы жизни. Для солдатокъ убійство дѣтей вѣроятнѣе, чѣмъ для крестьянокъ, а преступность дѣтоубійства у мѣщанокъ слабѣе обонхъ видовъ этихъ русскихъ сословій, болѣе другихъ виновныхъ въ отнятіи жизни у собственныхъ созданий. По различнымъ мѣстностямъ Россіи преступленіе этого вида распредѣлилось въ соответствии съ количествомъ населенія: съ большимъ числомъ случаевъ исключеній (въ 9 лѣтъ) въ губерніяхъ малороссійскихъ и съ меньшою цифрою на тѣ губерніи, гдѣ преобладаетъ мужское населеніе въ силу еще продолжающагося заселенія ихъ бродягами-одиночками (губ. Астраханская, напримеръ, не дала ни одного случая убійства дѣтей во всѣ десять лѣтъ).

Убийство родителей (безъ раздѣленія въ тобольскихъ табеляхъ отцовъ отъ матерей), по примѣтной исключительности, вовсе не свойственно обитателямъ большей части степныхъ губерній, организуемыхъ при участіи отбившихся отъ семейныхъ молодыхъ паръ или бобылей, и губерній сѣверныхъ, гдѣ патріархальная чистота нравовъ сохранилась во всей чѣстности такъ же, какъ и во всѣхъ пяти бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ болѣе виновности по убійству родителей оказываются двѣ губерніи заводскія (Пермская и Оренбургская)—готовые участники во всѣхъ родахъ злодѣйствъ и преступленій. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ другихъ, перевѣсъ убійствъ обращается на сторону сыновей; соответствуетъ у нихъ и у дочерей въ болѣе степени возрасту зрѣлomu (у сыновей отъ 20-ти до 40 лѣтъ, у дочерей отъ 16-ти до 30-ти). Разбирая убійцъ родителей по сословіямъ, увидимъ, что процентное отношеніе сильнѣе въ дворянствѣ и у казаковъ. Въ купечествѣ, духовенствѣ и у дворянскихъ преступленій этого не существуетъ вовсе *).

*) Въ Сибири убійцы отцовъ и матерей никогда не переводились въ разрядъ испытующихся и не освобождались отъ заключенія въ въ тюрьмахъ даже за дряхлостью. Въ Восточной Сибири, именно въ Минусинскомъ округѣ, въ 30 годахъ нынѣшняго столѣтія навѣстна была одна замѣчательная убійца изъ женщинъ. Она памятна всѣмъ страстью въ щедрости, которую не покинула и въ острогѣ, сохраняя при этомъ всѣ признаки душевнаго спокойствія. Сидѣла

Убийство родственников, а также сестер и братьев, не представляет никаких характерных особенностей, оставаясь въ незначительныхъ цифрахъ даже и для густо-населенныхъ губерній. Мужчины, естественно, виновнѣ въ этомъ отношеніи женщинъ, не по праву исключительности отношеній въ общественности (не семейномъ) смыслѣ, а въ силу того закона, что, вообще, мужская натура несравненно грубѣе и преступнѣе женской.

И жертвы вслѣдъ за жертвами обязываютъ насъ перейти къ тѣмъ изъ нихъ, которыя пали, какъ очистительныя, за тяжкій грѣхъ, вѣкогда исповѣдуемый всѣмъ, населяющимъ земной шаръ человечествомъ и не такъ давно присущій всему нашему государству. У насъ, въ Россіи, эта упорная и застарѣлая болѣзнь государственнаго организма въ наши времена разрѣшилась подвліяніемъ хирургическаго ножа. Мы говоримъ о крѣпостномъ правѣ и, по плану нашего разсказа, переходимъ къ тѣмъ преступникамъ, которые совершили убійство помѣщиковъ. Возвращаемся къ прошлому злу, чтобы быть послѣдовательными при дальнѣйшемъ объясненіи цифры убійцъ, присланныхъ вообще въ Сибирь и въ частности на нерчинскую каторгу. Эти преступники на меньшую половину крестьяне, отбывавшіе на помѣщиковъ повинности деньгами и задѣлѣмъ, на большую—дворовые люди, т. е. тотъ непродуцируемый классъ русскаго населенія, который въ послѣднія сто лѣтъ возросъ до громаднаго количества, способнаго привести всякое другое государство, заключенное въ тѣсныхъ географическихъ границахъ и не богатое свободными землями, до отчаянія и на край погибели. Усиленными побѣгами въ разныя стороны (и преимущественно въ Сибирь) и усиленными стремленіями откупаться на волю посредствомъ чрезвычайныхъ услугъ и денегъ дворовое сословіе отчасти предотвратило опасность само собою, отчасти земельными надѣлами по силѣ узаконеній. Во всякомъ же случаѣ, оно съумѣло, за долгое время существованія, образоваться въ особую касту, совершенно отличную отъ того сословія, которое легло въ его основу, а равно не превратилось и въ то, которое его вызвало и приблизило къ себѣ. Тяжесть своего положенія оно выразило въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя послѣдовательно истекали изъ ложныхъ бытовыхъ отношеній и направлялись къ

она въ острогѣ за то, что удушила четырехъ евреевъ выстрѣль съ каторжныхъ своимъ супругомъ. Супругъ этотъ былъ у нее послѣдній, третій. Перваго она зарѣзала въ Россіи и за это попала на каторгу; второго, пріобрѣтеннаго въ Сибири, она задавила пьянымъ. Нѣсколько разъ была бита кнутомъ; судъ обличилъ да и сама она призналась въ убійствѣ евреевъ, за что получила 35 ударовъ кнута и сослана въ нерчинскіе рудники. Женщина эта была пригожая лицомъ, румяная, полная собою, съ заманчиво-кокетливыми глазами.

сознательнымъ цѣлямъ выхода изъ принужденныхъ обязательствъ. Обезземеленные и обдѣленные собственностью, они воровали до такой степени несправимости, что, помимо всѣхъ системъ наказанія, употребляемыхъ въ Россіи и послѣ нихъ, въ большемъ числѣ уходили въ Сибирь. Они выражали личную месть въ поджогахъ представительствомъ женской половины своего сословія, поднимали и участвовали въ возмущеніяхъ, на частливые случаи пріобрѣтали къ поддѣлкамъ документовъ съ цѣлью денежныхъ пріобрѣтеній или для побѣга и—на крайніе и несчастные случаи—производили убійства, направляя ихъ противъ своихъ господъ. Какъ поджигатель и какъ воръ, дворовый преступнѣе всѣхъ, какъ поддѣлыватель фальшивыхъ актовъ, онъ слабѣе только дворянъ, какъ убійца, дворовый уступалъ одному только солдату. Дворовыя женщины, въ видѣ поджигательницъ, преступнѣе всѣхъ мужчинъ, изъ какаго бы сословія эти послѣдніе ни были нами взяты.

Вглядываясь въ цифру убійцъ помѣщиковъ, мы видимъ то поразительное и важное явленіе, что не было губерній въ Великой Россіи, населенной крѣпостными людьми, которая не дала бы нѣсколькихъ преступниковъ, осужденныхъ уголовными законами на ссылку въ Сибирь, если не ежегодно, то по нѣскольку разъ въ теченіи нашихъ восьми лѣтъ. Большинство убійцъ принадлежало мужчинамъ въ зрѣломъ возрастѣ. Сопровождалось преступленіе истязаніями. Въ женщинахъ общее число убійцъ помѣщиковъ въ четыре раза меньше противъ количества мужчинъ. Убійцы-женщины выходили на преступленіе съ ядомъ и ходили при этомъ въ самую нѣжную пору жизни (отъ 10 до 20 лѣтъ). При этомъ охотливѣе поднимали онѣ руку на владѣльцевъ, чѣмъ на своихъ родственниковъ и мужей (больше убивали крѣпостныя женщины только дѣтей и постороннихъ). Всего чаще убивали помѣщиковъ въ губерніяхъ: Саратов. (34 м., 3 ж.), Симбир. (33 м.), Владим. (22 м., 3 ж.), Полтавск. (14 м., 11 ж.), Костром. (18 м., 4 ж.), Витебск. (9 м., 10 ж.), Екатер. (10 м., 8 ж.), Курск. (13 м., 4 ж.), Воронежск. (15 м., 2 ж.), Пенз. (9 м., 7 ж.), Харьк. (3 м., 12 ж.), Дон. зем. (6 м., 8 ж.), Тульск. (9 м., 4 ж.), Херс. (8 м., 4 ж.), Рязан. (8 м., 4 ж.), Казанск. (11 м.), Псковск. (5 м., 6 ж.). Рѣже убійства въ губ.: Могил. (10 м.), Нижегород. (9 м.), Тверск. (4 м., 4 ж.), Подол. (8 м.), Орлов. (6 м., 1 ж.), Смолен. (2 м., 5 ж.), Оренб. (4 м., 2 ж.), Ярослав. (3 м., 2 ж.), Спб. (3 м., 2 ж.), Тамб. (2 м., 2 ж.), Гродн. (4 м.), въ Вятской, Виленской, Грузино-Имеретинской, Минской и Московской (по 3 м.), въ Новгородской, Вологодской и Черниговской (по 2 м.), въ Оренбургской, Пермской и Таврической (по 1 м.). Не было выслано, само собою, убійцъ помѣщиковъ только изъ тѣхъ губерній, которыя рас-

положены по окраинам Имперіи (въ упомянутыхъ таковыхъ же самое наименьшее число) и, волею историческихъ судебъ, освобождены были отъ вліяній крѣпостного права, каковы: Арханг., Астрах., Олонек. (отчасти Волог. и Вятск.) *). Не видимъ также убійцъ изъ трехъ губерній остзейскихъ; также не выслано изъ Киевской ни одного во всѣ восемь лѣтъ. Тобольскія табели секретовъ этихъ объяснить не могли, потому что на этотъ разъ списки составлялись по какому-то неизвѣстному плану. Между тѣмъ, извѣстно, въ что 1845 г. убійствъ помѣщиковъ было произведено 12, въ 1848 г — 18 **).

Убійство по процентному отношенію и по разнымъ родамъ сословій, выясняется на первомъ планѣ изъ дворянъ: для служащихъ и служившихъ въ военной службѣ. Въ равной же степени смыльные солдаты за убійство идутъ чаще дворовыхъ и заводскихъ крестьянъ съ фабричными. Дворовые количествомъ убійствъ превосходятъ владѣльческихъ крестьянъ; не уступаютъ этимъ послѣднимъ и заводскіе, потому что и самыя условія ихъ жизни складывались неблагопріятнѣ условій крѣпостного быта собственно помѣщичьихъ крестьянъ (приписныхъ къ землѣ, а не къ заводамъ и фабрикамъ). По сравненію крестьянъ съ мѣщанами,

*) Впрочемъ, изъ Архангельской высланъ былъ одинъ, завезенный туда дворовый, убившій своего господина.

**) По годамъ, намъ извѣстнымъ, количество этихъ преступленій расположилось въ такомъ порядкѣ:

	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1859	1860
Муж.	43	49	78	14	16	4	14	10
Жен.	14	10	6	8	5	12	неизвѣстно.	

Конечно, по тобольскимъ табелямъ, смыльные извѣстнаго года не всегда преступники прошлаго года. Вотъ тому доказательство: изъ Владимирской губ. сосланы въ 1859 годъ два такихъ, которые совершили преступленіе еще въ 1841 году, два изъ Саратовской, убившіе господъ своихъ въ 1842 году, и т. д. Точно также въ 1860 году изъ 10 убійцъ 9 считались таковыми съ 1842 г., а остальной одинъ съ 1843 года. Въ 1859 году сослано было двѣ женщины, учинившія убійство въ 1858 году (1 Саратовской губ. и 1 по рѣшенію правительствующаго сената, не указавшаго тобольскому приказу губерніи), обѣ «за приготовленіе яда на отравленіе помѣщиковъ», и въ 1860 изъ Тамбовской губ. 1 женщина 1858 года за «отравленіе госпожи ядомъ». Изъ разбора преступленія, названнаго «нарушеніемъ предѣловъ повиновенія въ крѣпостномъ состояніи», мы увидимъ, что тамъ, гдѣ это неповиновеніе обнаружилось массами — участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Это обстоятельство замѣтно приближаетъ цифру преступленій этого рода, совершенныхъ женщинами, къ таковой же цифрѣ мужчинъ. Въ тѣхъ мѣстахъ работы нашей, гдѣ того или другого рода преступленія увеличиваются или уменьшаются въ количествѣ, мы будемъ объяснять соотвѣтственно причинамъ, вызывающимъ эти явленія: будутъ ли онѣ экономическія или произойдутъ какъ слѣдствіе измѣненія или отмены нѣкоторыхъ существующихъ у насъ узаконеній.

у первыхъ случаевъ убійствъ чаще, а по сравненію крестьянъ двухъ видовъ (владѣльческихъ и государственныхъ), за исключеніемъ изъ владѣльческихъ дворовыхъ и заводскихъ, степенъ вѣроятія и убійство усиливается въ крестьянахъ государственныхъ (вмѣстѣ съ удѣльными и однодворцами). Однодворцы по убійствамъ сейчасъ слѣдовали за заводскими, какъ за однодворцами шли непосредственно военные поселане. Съ самою слабою степенью виновности въ убійствѣ, какъ и во всѣхъ родахъ преступленій, является сословіе купеческое. Изъ внутреннихъ губерній Россіи, кромѣ Пермской, наибольшій процентъ убійцъ принадлежалъ (тогда же) губ. Симбирской, затѣмъ Казанской, Харьковской и Курской. Самымъ слабымъ процентомъ отличались губ. Курляндская и Астраханская.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что тобольскія табели не представляли собою такого источника, который давалъ бы возможный просторъ для болѣе любопытныхъ и поучительныхъ выводовъ. Временами облегчая работу болѣе или менѣе искуснымъ распредѣленіемъ смыльных и объясненіемъ родовъ преступленій въ дробныхъ категоріяхъ, въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ со времени своего основанія, приказъ на послѣдующія времена измѣнилъ систему къ худшему. Не владѣя задачами, истекающими изъ требованій науки, онъ сумѣлъ усложнить работу до того, что теперь вести ее далеко невозможно. Приказъ сначала выделялъ, потомъ сумѣлъ сбить безразлично крестьянъ всѣхъ родовъ и наименованій, не расцѣпивъ тѣхъ существенныхъ и весьма серьезныхъ различій, каковыя лежали между владѣльческими и удѣльными, государственными и заводскими. Не отдѣлялись войсковые обитатели, пахатные солдаты, мучившіеся въ военныхъ поселеніяхъ, какъ, въ свою очередь, перестали потомъ эти табели отличать помѣщичьихъ крестьянъ отъ дворовыхъ людей. Мы не говоримъ уже о болѣе дробномъ дѣленіи, нѣющемъ весьма серьезное значеніе при оцѣнкѣ убійствъ и другихъ тяжкихъ и необычайныхъ преступленій. Приказъ не владѣлъ, напримѣръ, средствами отдѣлять изъ общей массы владѣльческихъ крестьянъ тѣхъ, которые принадлежали мелкопомѣстнымъ, отъ крестьянъ крупныхъ собственниковъ. Не умѣлъ также выделять приказъ крестьянъ, пользовавшихся въ Россіи различными льготами (допмаковъ, вольныхъ матросовъ, половниковъ, бѣлопашцевъ). Льготы эти, какъ оказало время и опытъ, не улучшили крестьянъ этихъ въ нравственномъ отношеніи настолько, чтобы не подозрѣвать въ нихъ значительной доли участія во многихъ и весьма важныхъ преступленіяхъ *).

*) Сусанинскіе бѣлопашцы, напримѣръ, поступили въ недавнее время многими изъ своихъ,

Всѣ эти обстоятельства несомнѣнно должны облегчить степень виновности въ одномъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій крестьянъ, сидящихъ на землѣ безъ всякихъ льготъ и преимуществъ и платящихъ подати. Даже и теперь крестьяне, по проценту тяжкихъ преступленій, стоятъ въ заднихъ рядахъ другихъ сословій и званій, или искусственно созданныхъ или неудачно вызванныхъ на русскую почву (солдаты, дворовые, фабричные, бѣглецы, бывшіе тюремные сидѣльцы или освобожденные и поселенцы). На этотъ разъ тѣ же крестьяне, но поставленные въ другія бытовые условія, сдѣлались преступниче во всѣхъ родахъ преступленій и многія изъ признаваемыхъ тяжкими, цѣликомъ взяли на себя, облегчивъ тѣмъ тяжесть упрека, лежащаго на такъ называемыхъ простыхъ русскихъ людяхъ. Мѣщане и солдаты—эти два чужеземныхъ растенія, пересаженныхъ съ нѣмецкой почвы въ томъ видѣ, какъ они росли тамъ,—повинуясь естественнымъ законамъ, на нашей почвѣ, въ полтора-два дѣтъ, успѣли прорости глубоко, но, въ то же время, приняли иной видъ и оттѣнокъ. Новая свойства почвы и климата изъ возлюбленнаго всѣмъ нѣмецкимъ народомъ цвѣтка на новомъ и неприготовленномъ мѣстѣ выродили волчецы, у которыхъ вѣншіе признаки однородны, но внутри оказалась гниль и червоточина.

Одно изъ этихъ растеній начинаетъ въ наше время принимать иной видъ и оживляться, но за то другое все еще ждетъ, когда и у него начнутъ подрѣзывать сухія вѣтки, срывать дикіе наросты и дадутъ растенію иную поливку, свѣтъ и теплоту. Тутъ и тамъ со временемъ

перетрясуть и провѣтрятъ землю, кономъ накинѣвшую около самыхъ корней и задержавшую, такимъ образомъ, правильный ростъ. Солдаты и мѣщане, отсаженные отъ корня растенія и не привитые къ другому живому тѣлу, продолжали существованіе, въ которомъ примѣты были и зачатки агоніи, съ одной стороны, и избытокъ заразительнаго яда—съ другой. Мѣщанинъ безъ земли, солдатъ безъ собственности; одинъ, обманувшійся на искусственной почвѣ города, другой—обманутый жизнью въ казармѣ и оба стояли на покатои дорогѣ къ пороку. Причина извѣстна: трудъ есть одно изъ началъ морализаціи, работа и занятія—сильное испытанное противоядіе дурнымъ стремленіямъ и привычкамъ. Рѣдко порокъ остается одинъ; онъ соединяется, обыкновенно, съ безнравственностью, за которую неизбежно слѣдуетъ преступленіе. Крестьяне—люди труда земледѣльческаго, промысловаго и торговаго, оттого и преступность ихъ не такая тяжкая, какова она у солдатъ, мѣщанъ и тѣхъ людей, которые, сьумѣвъ разъ впасть въ преступленіе, успѣли познать совмѣстно съ другими преступниками по тюрьмамъ, рабочимъ домамъ и арестантскимъ ротамъ. Учрежденія же эти или существовали на старыхъ, суровыхъ и озлобляющихъ порядкахъ, или—и вновь основанныя—не руководствовались настоящими образцами и человѣколюбивыми правилами.

За то, съ другой стороны, владѣльческіе крестьяне отличаются отъ многихъ другихъ сословій наибольшою пропорціею ссыльных за тотъ родъ убійства, который называется самоубійствомъ.

ГЛАВА III. САМОУБИЙЦЫ.

Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибири.—Самоубійства въ городахъ и деревняхъ.—Орудія и способы этого преступленія.—Утопленіе.—Петли.—Яды.—Огнестрѣльные орудія.—Неволя.—Роковыя мѣста.—Сухая бѣда.—Ямки.—Самосожигатели.—Моральщики.—Огромное количество жертвъ.—Причины этого явленія.—Особый видъ сибирскаго раскола.

Отъ судей, какъ и отъ общества, обыкновенно скрыты тѣ тайныя пружины, какія направляютъ человѣка на стезю преступныхъ дѣяній. Имъ неизвѣстны тѣ благородныя усилія, какія дѣлаетъ человѣкъ передъ преступленіемъ, противъ напыля черныхъ мыслей и для умягченія раздраженныхъ чувствъ. Они не знаютъ всей внутренней борьбы, которую выдерживаетъ бѣднякъ для того, чтобы сохранить твердость противъ слѣпыхъ внушеній судьбы. высланными за воровство (конокрадство), корчемство и содержаніе пристаней для бѣглыхъ.

Кромѣ его самого, нѣтъ другихъ свидѣтелей этой скрытой и великой драмы, гдѣ виновный является главнымъ актеромъ. Сила нравственнаго чувства у нѣкоторыхъ субъектовъ направляетъ эту борьбу на тотъ пунктъ, на которомъ они предпочитаютъ скорѣе расквитаться съ жизнью, чѣмъ покинуть стезю долга. Причина этого самоотверженія, какъ послѣдней жертвы, на которую идетъ человѣкъ отъ гнета нужды, также скрыта отъ судей и общества; они также не знаютъ, что вѣра въ дѣйствительную силу чести, чувство собственнаго до-

стойинства успокаиваютъ актера незримой драмы и онъ отдается въ руки смерти, не желая, можетъ быть, разстаться съ жизнью, но до-вольный и счастливый тѣмъ, что провелъ ее безъ пятна. Вотъ причина большей части самоубійствъ.

Покушенія на этотъ видъ убійствъ возростають по мѣрѣ разныхъ случайностей, каковы болѣе или менѣе продолжительныя кризисы, которымъ подчинена и подвержена всякая промышленность и которые неблагоприятно дѣйствуютъ не только на существованіе самого работника, но и на существованіе его семейства. Въ той же мѣрѣ сильно дѣйствуютъ и гражданскіе беспорядки (къ счастью, очень рѣдкіе), которые сопровождаются тѣмъ же исходомъ, вредящимъ общественному спокойствію мирно налаженной жизни и ослабляющимъ даже источники заработковъ. Остановка, крупныя затрудненія въ работахъ—тѣ бѣдствія, которыя равно тягостны для всѣхъ, но таготѣющія преимущественно надъ рабочимъ людемъ. Неурожай и зараза одинаково страшны, но они, болѣе частью, не такъ опасны для работниковъ, какъ сильныя промышленныя и политическія кризисы. Эти-то времена въ ту же силу, по преимуществу, пора самоубійствъ.

Неурожай и народныя бѣдствія въ началѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія выработали болѣе значительную цифру сосланныхъ въ Сибирь за покушеніе къ самоубійству. На всѣ другіе года она выразилась въ болѣе ровной цифрѣ, подчиненной вліянію на самоубійство того тяжелаго ярма безвыходнаго положенія, которое усложнилось отъ гнета рабства. Наиболѣе покушались на самоубійство (предпочтительно передъ всѣми другими сословіями) крестьяне владѣльческіе (въ 12 лѣтъ 63 случая) и въ особенности дворовые люди (въ 9 лѣтъ 11). Слабѣ замѣтна эта склонность (по процентному отношенію) у государственныхъ крестьянъ (въ 12 лѣтъ 36), въ военномъ сословіи (12), у мѣщанъ (4). Въ сословіяхъ, матеріально обезпеченныхъ въ жизни, имѣющихъ въ рукахъ несравненно большее количество способовъ для противодѣйствія,—покушеній на самоубійство въ тобольскихъ табеляхъ вовсе не замѣтно (у духовенства, купечества, у военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, у неслужащихъ и отставныхъ). Обладали ли они большимъ искусствомъ довести свои намѣренія до конца, которому не удалось выразиться въ покушеніяхъ; избѣжали ли они ссылки при помощи средствъ, имъ болѣе доступныхъ, подвергшись, напримѣръ, церковному покаянію и тюремному заключенію въ предѣлахъ своей родины,—по Сибири судить о томъ невозможно. Тобольскія табели и тѣ случаи, о какихъ дано имъ вѣдѣніе, сгущѣли запутать такъ, что во весь періодъ лѣтъ веденія табелей также нельзя составить опредѣленнаго

понятія. За ними закрыты тѣ остроумныя выводы, къ которымъ пришелъ, напримѣръ, Кетлазъ въ своей книгѣ „Sur l'homme“.

Тобольскія табели, въ отношеніи къ различнымъ мѣстностямъ Россіи, съ нѣкоторою ясностью указываютъ на большее число покушеній къ самоубійству въ губерніяхъ западнаго края, гдѣ, такимъ образомъ, этотъ видъ убійствъ сталъ на мѣсто тѣхъ преступленій, которыя въ другихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ высказались въ отчаянной формѣ убійствъ помещиковъ. Губерніи эти съ большимъ постоянствомъ ежегодно преслѣдовали этотъ видъ преступленій, выражавшихся въ великорусскихъ губерніяхъ порывами въ одинъ годъ. Такъ, въ одинъ 1843 годъ крупнѣе другихъ дали цифры губерніи: Орловская (14 мужчинъ и 2 женщины), Саратовская (9), Санктпетербургская (6—3), Харьковская (4 мужчины и 5 женщинъ), Рязанская (6 мужчинъ и 2 женщины), Московская (4—3), Полтавская (6 мужчинъ и 1 женщина), Черниговская (7 мужчинъ), Могилевская (6 мужчинъ). Въ тотъ же годъ по 5 самоубійствъ выпало на губерніи: Виленскую, Витебскую, Подольскую и Минскую *). Порывы женщинъ (особенно въ сословіи дворовыхъ людей) къ прекращенію собственной жизни тѣмъ или другимъ способомъ выражаются въ одинаковой пропорціи по отношенію къ мужчинамъ; вообще же, склонность къ самоубійствамъ, по отношенію ко всѣмъ родамъ другихъ преступленій, слаба до исключительности. Меньше совершаются уже немногія преступленія. Самоубійству, на большинство случаевъ, предшествуетъ долговременное злоупотребленіе спиртными напитками и покушеніе на себя является послѣдствіемъ страшной тоски, происходящей отъ пьянства. Такъ—въ Россіи.

Полнѣе и разнообразнѣе представляются самоубійства въ большихъ городахъ, преимущественно въ столицахъ. По отношеніямъ къ поламъ, это—по ученію церкви—тройное преступленіе выражается тѣмъ, что трусъ-мужчина и робкая женщина такъ же убиваютъ себя, какъ и чело-вѣкъ, привыкшій пренебрегать всевозможными опасностями. Какъ для мужчинъ самоубійство является бредомъ самолюбія, заставляющимъ забывать самыя священныя обязанности, даже чувство самосохраненія, такъ и для женщинъ преступленіе этого вида не представляется исклю-

*) Все число покушавшихся на самоубійство (за 9 лѣтъ) равняется 347 м. и 134 ж. По годамъ распредѣлялись такъ: въ 1838—6 м., 8 ж.; 1839—6 м., 4 ж.; 1840—9 м., 1 ж.; 1841 году 64 м., 35 ж.; 1842—78 м., 27 ж.; 1843—154 м., 40 ж.; 1844—14 м., 8 ж.; 1845—7 м., 9 ж.; 1846—9 м., 2 ж. Самое меньшее число выпало на губ.: Пермск., Спб., Тоб., Смол., Симб. и Казанск. Заводскіе съ фабричными примѣчательно рѣдко прибѣгаютъ къ этому способу освобожденія себя изъ-подъ гнета тяжелой жизни, но за то финскіе явородцы долгое время практиковали сухую бѣду, вѣшаясь на воротахъ обидчика.

ченіемъ, не смотря на слабость физическаго темперамента, на мягкость характера и на врожденную боязливость. Въ столицахъ покушенія на собственную жизнь кажутся въ размѣрахъ ежегоднаго возрастанія, какъ бы въ подтвержденіе повсюду распространеннаго мнѣнія, что самоубійства всего чаще встрѣчаются въ тѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ наиболѣе распространено образованіе.

Въ большихъ городахъ самоубійства случаются чаще во время молодости и зрѣлаго возраста (отъ 25 до 40 лѣтъ), когда люди больше всего подвергаются борьбѣ честолюбивыхъ и эротическихъ страстей. Старость менѣе всего подвержена отчаянію, а во время сильнаго напыла всякихъ страстей, самоубійства являются лишь тогда, когда случается какой либо непредвидѣнный и неожиданный вызовъ. Побудительными вызовами считаются: злоупотребленіе спиртными напитками, породившими болѣзнь нѣпохондріи, обманутая любовь, вызванная измѣною которой либо изъ двухъ любящихъ сторонъ. Чрезмѣрная ревность, нераздѣляемая любовь сводитъ въ преждевременную могилу нерелигіозныхъ людей прежде всѣхъ другихъ; подобная наклонность сильнѣе развита у безбрачныхъ, чѣмъ у семейныхъ, какъ болѣе привязанныхъ къ жизни.

Обращаясь къ способамъ, къ которымъ прибѣгаютъ самоубійцы, нельзя не замѣтить, что наиболѣе употребителенъ и у насъ, въ Россіи, какъ и во всемъ свѣтѣ, способъ самоутопленія. Бросаются въ воду чаще, чѣмъ испытываютъ другіе способы. За водою слѣдуютъ петли, вѣшаются и давятся въ столицахъ и большихъ городахъ съ тою же охотливостью, какъ и въ деревняхъ и селахъ. Затѣмъ рѣзутся острыми орудіями, причемъ тѣми, которыми сподручнѣе: цирюльниками бритвою, сапожники ножами; прачки вѣрнѣе поспѣшатъ отравить себя угаромъ, прусскою синькою и проч. Отравленіе ядами охотливѣе и чаще производятъ съ собою женщины, чѣмъ мужчины, и первыя въ наши времена изъ ядовъ предпочитаютъ фосфоръ. Женщины же готовы бросаться въ окна. За то военные мужчины вѣрнѣе сплѣшатъ достигати цѣли расчета съ жизнью при помощи огнестрѣльныхъ снарядовъ. Этотъ способъ наиболѣе достигаетъ цѣли въ противоположномъ смыслѣ; изъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ послѣднему способу, значительная часть оказалась виновною лишь въ покушеніи. Изъ таковыхъ наибольшая часть и попала въ ссылку. Вообще, должно сказать, что это общественное преступленіе равно присуще людямъ всякаго рода занятій и общественныхъ положеній отъ высшихъ до низшихъ. Русскіе не подтверждаютъ собою того наблюденія, которое сдѣлано въ Европѣ, что зажиточные классы наиболѣе наклонны къ самоубійству. Оно всего вѣрнѣе зависитъ отъ ослабленія религіозныхъ

вѣрованій или, какъ сказалъ одинъ изъ наблюдателей, „когда общественная нравственность и страхъ Божій не обуздываютъ страстей, то въ самоубійствѣ находятъ вѣрное приближеніе отъ страданій нравственныхъ и физическихъ“.

Сибирь представляется тою страной, гдѣ самоубійства и покушенія на такое преступленіе—теперь явленіе не только нерѣдкое, но и бросающееся въ глаза. Распространено самоубійство преимущественно между ссыльнымъ людемъ (въ большей степени между поселенцами, чѣмъ между каторжными), какъ будто для пришедшаго изъ Россіи (со скрытыми наклонностями къ тому) не доставало еще одного лишненія, еще лишней тяжести, одной только капли, чтобы сосудъ перелился черезъ край. Человѣкъ въ неволѣ не имѣетъ глубокой вѣры, чувствуетъ тяжесть жизни, неволя отняла надежду и счастье. Съ надеждою утратилась и свѣжесть чувствованій, и сила воли и готовность на борьбу съ препятствіями. Отнявъ счастье, неволя отняла и охоту къ жизни и поставила на ея мѣсто отвращеніе ко всему. Присоединяя къ этому какое либо несчастье, даже просто обычный матеріальный недостатокъ, неволя погружаетъ своего пациента въ отчаянную глухоту равнодушія. Въ такомъ состояніи, при томъ же обычномъ недостаткѣ вѣры и религіозной холодности, раскаяніе и жалобы на себя, или страхъ наказанія, или капля водки прямо вызываютъ покушеніе на собственную жизнь. Самоубійство такъ и выражается въ самой простой формѣ. Убійца долго не думаетъ, кончаетъ съ собою тамъ же, гдѣ часть приспѣлъ. Дальше надворныхъ строеній (обыкновенно клѣтей и хлѣбовъ) и подволокъ (то есть чердаковъ) самоубійцы рѣдко ходятъ. Способовъ и орудій другихъ, кромѣ веревки съ петлею, они мало знаютъ. Въ 1866 году за Байкаломъ, въ девяти случаяхъ самоубійствъ, только двое зарѣзались, но семь человѣкъ задавились. За Байкаломъ, между Малкинскимъ зав. и Екатерининскимъ рудникомъ, указываютъ на гору Павловку, какъ на роковую. Въ Россіи, даже подъ Петербургомъ, имѣются таковыя же облюбленныя самоубійцами мѣста. Тутъ повѣсился нѣкто Соколовъ, измученный за связь съ любовницею офицера всякими преслѣдованіями со стороны послѣдняго. Въ томъ же году и тутъ же повѣсился писарь Смагинъ, говорятъ, отъ запоевъ. Въ Иркутской губерніи въ 1867 году семнадцать человѣкъ, подвергнувшихъ себя насильственной смерти, были на большую часть поселенцы. На большую часть избрали они мѣсто для расчета съ неудавшеюся жизнью хлѣвы и всѣ задавились, надѣвъ на шею петлю изъ собственной опояски и закинувъ шнурокъ за брусъ или стропила хлѣбовъ.

Въ первыя времена сибирской исторіи самоубійства составляли какъ бы исключительное свойство молодой страны. Едва ли гдѣ можно

встрѣтить роковую силу наибольшую той, которая вынуждала людей так не дорожить жизнью и съ такою готовностью и легкостью разставаться съ нею. Если этотъ родъ самоубійствъ, выразившійся самосожженіемъ и убіеніемъ себя посредствомъ голода, въ силу мистическихъ увлеченій, перешелъ сюда непосредственно изъ Россіи въ формѣ какъ бы особаго религіознаго толка, то, во-всякомъ случаѣ, въ Сибири выразился онъ наибольшимъ фанатизмомъ и погубилъ гораздо большее количество жертвъ. Молодая страна, богатая силами и сильная восприимчивостью, сгумѣла и увлеченія свои показать въ болѣе грандіозныхъ формахъ. Все въ ней развивалось быстрѣе, все прижибалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ подъ впечатлѣніемъ экономическаго простора и географической шири. Съ 1679 по 1823 годъ сожглось въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, по свидѣтельству лѣтописей, народныхъ преданій и официальныхъ документовъ, въ одной Тобольской губ. до двухъ тысячъ человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самоубійцы увлекались ученіемъ, обязывавшимъ для душевнаго спасенія умерщвлять себя голодомъ и огнемъ. Этотъ фанатизмъ сильнѣе заражалъ филипоновъ, ученіе которыхъ велить бѣжать изъ своей страны, отъ родныхъ и своего племени, удалиться въ пустыню, въ особенности отъ ревизіи и платежа податей. Секта эта, выродившаяся въ позднѣйшія времена секту странниковъ или скитальцевъ, грядущаго взыскупшихъ, до того времени возбуждала самоубійства, позволявшія предполагать прежде особую секту самосожигателей. Въ Сибири слѣдованіе этому толку выражалось терминомъ „уходить въ ямки“ и, дѣйствительно, въ нерѣдкихъ случаяхъ обнаруживалось тѣмъ, что ревнующіе душевному спасенію и предавшіе себя „тебѣ ради Господи“ выкапывали глубокую яму такъ, чтобы можно было въ ней свободно двигаться, и помѣщались тутъ на постоянную молитву. Къ такимъ являлись фанатики-учители (приходившіе въ Сибирь болѣею частью съ уральскихъ заводовъ), нерѣдко закладывали яму хворостомъ и подвижники умирали съ голоду. Во многихъ случаяхъ самоубійства выражались самосожженіемъ и вызвали крутыя мѣры правительства, руководившагося желаніемъ истребленія сектъ и отдаваго дѣло въ жесткія и неумѣлыя руки. Какъ въ Россіи сгумѣли сгорѣть старовѣры въ избахъ и разъ даже сожгли вѣштъ съ собою цѣлые монастыри (Палеостровский, Олонец. губ., и Зеленецкій, Новгород. губ. Тихв. уѣзда), такъ и въ Сибири сгорали въ одиночку, сгорали семьями, большими толпами, цѣлыми деревнями. Сжигали себя по причинѣ записи въ двойной окладъ. Сожглось много народу тотчасъ, какъ объявленъ былъ указъ исетской провинціальной канцеляріи (въ январѣ 1751 года), предписывавшій ловить волочащихся съ паспортами и

безъ паспортовъ раскольниковъ и доставлять подъ крѣпкимъ карауломъ въ консисторію. Въ отвѣтъ на записку въ двойной окладъ сожглось 189 человѣкъ, осенью и зимою 1751 г. (въ разныхъ деревняхъ 61 чел., близъ Челябинской крѣпости 12; въ деревнѣ Смолиной Вуткинскаго прихода Окуневскаго дистрикта 64, въ Туголымскомъ приходѣ 25, въ дер. Вурмистровой, прихода Орлова-городнича Ишимскаго округа). На январскій указъ исетской канцеляріи, въ мартѣ 1757 (12, 13 и 14 ч.) сгорѣло немалое число въ дер. Окуневой (Куртоминской слободы) и, въ то же время того же марта и года, сгорѣло 72 чел. въ дер. Коноваловой. Изъ присланныхъ въ консисторію нѣкоторые обратились, другіе бѣжали въ Исетъ и тамъ въ пашенныхъ избушкахъ (на заимкахъ) сгорѣли муж. и жен. пола 64 чел. 15, 16, 17 и 22 марта того же года сожглись изъ деревни Гусевой (Тюм. окр.) 39, въ деревнѣ Кулижной (Каминскаго прихода) 6, въ деревнѣ Гилевой (Кармеевскаго прихода) 25 (всего 70). Въ апрѣлѣ того же года въ Вуткинской слободѣ собравшіеся въ дома и готовые сгорѣть объявили дозорщикамъ, что если не будетъ притѣсненій, горѣть не станутъ и будутъ платить подати бездомночно. Въ апрѣлѣ 1751 г. въ пашенной избушкѣ дер. Верезовой (вѣдомства рафайновскаго духовнаго правленія) сгорѣли 33. Въ дер. Дворцахъ (Шатровскаго прихода) собрались горѣть многіе, но увѣщатели умѣли уговорить и сгорѣлъ только домъ крестьянина Чикишова съ нимъ, его семействомъ и съ кое кѣмъ изъ постороннихъ; еще сгорѣла крестьянка Епанчинцова съ двумя дѣтми. Изъ деревни Журавлевой и Барсукиной неизвѣстно куда бѣжали крестьяне съ семьями, всего 29 человѣкъ. Въ Куртамышскомъ приходѣ въ пашенной избушкѣ сжегъ себя крестьянинъ Жерновниковъ съ двумя малолѣтками (жена съ сыномъ успѣли выскочить изъ пламени). Въ февралѣ и мартѣ все того же несчастнаго (1751) года воскресенскій казакичъ Протасовъ потребовалъ раскольниковъ на увѣщаніе, но окуневская управительская канцелярія отказала, боясь самосожженій. Однако, отъ притѣсненій дѣячка и пономара села Кислянскаго крестьянская жена Кудрявцева (въ апрѣлѣ 1752 г.) утопила въ дер. Курьей 7 человѣкъ своихъ дѣтей и восьмою сама бросилась въ прорубь. Домесли сеноду и сенату, но оттуда получили строгіе указы ловить подговорщиковъ и совратителей. Въ 1756 г. въ Чаускомъ приходѣ, въ деревнѣ Мальцевой, сгорѣло 175 человѣкъ. Долго они не рѣшались, выжидали. Явились, прознавъ про то, увѣщатели; сидѣвшіе въ ямкахъ предложили ультиматумъ: уговорить пона не брать поборовъ, начальство сжигать, ибо отбивало отъ земли, мучило на работахъ, раззоряло; чиновникамъ не вѣрять. Увѣщанія не подействовали—они подождлись. Однако, выхватили изъ

огня обгорѣлыхъ, вылечили, посадили въ острогъ въ кандалахъ и отдали свѣтской власти. Въ 1759 г. сгорѣло нѣсколько человѣкъ въ с. Шатровскомъ, на 14 февраля 1761 г. нѣсколько крестьянъ въ дер. Самсоновой (Кузиной) нынѣшней Соломатовской волости. Императрица Екатерина II простила вернувшихся изъ бѣговъ, сняла срамное платье и велѣла указомъ оставить раскольниковъ въ покоѣ и прекратить преслѣдованія въ 1762 году. Страсть къ самоубійству ослабѣла, но, разъ возбужденная, продолжала обнаруживаться кое-гдѣ. Екатерининскія мѣры были полумѣрами, давали много крючковъ приказнымъ. Начались поборы, хотя Екатериною и назначены были мѣста поселенія. Въ 1763 на 13 февраля сгорѣли 35 чел. въ избѣ крестьянина Агапитова, въ деревнѣ Кулаковой Линчинскаго (теперь Луговскаго) прихода. Бывали случаи самоожженій въ смежныхъ волостяхъ округовъ Ишимс., Курган. и Ялутор. Лѣтъ 80 тому назадъ сгорѣло около 30 чел. въ дер. Шушаринской (Ермолиной) подлѣ Уваровскаго (единовѣрскаго) села. Бывали случаи единичные въ дер. Бабаковой (Утечѣй вол. Курган. округа) по убѣжденію крестьянина Мензелина, въ дер. Куртайнѣ (той же волости) и въ Ингалинской вол. въ дер. Лепехиной. Послѣдній случай самоожженія замѣченъ въ Утечѣй волости послѣ 1823 года. Крестьянинъ Тихонъ Мятлевъ (поморскаго толка), отправившій многихъ на тотъ свѣтъ огнемъ, наконецъ и самъ рѣшился на самоубійство въ погребѣ своего дома. Сюда завелъ онъ всѣхъ своихъ дѣтей и внуковъ обманомъ и подпустилъ огонь. На дѣтскій крикъ и на дымъ собрались сосѣди и спасли погибавшихъ. Народъ до сихъ поръ зоветъ потомковъ этого семейства Горѣлкиными; нѣкоторые изъ нихъ приняли (въ 1846 г.) единовѣріе. Надо замѣтить, что поповцы (по сибирски стариковщина) этихъ самоубійцъ оправдываютъ, но за упокой ихъ не молятся и именъ ихъ не поминаютъ, не смотря на то, что молятся и поминаютъ всѣхъ, замученныхъ на пыткахъ или казенныхъ, и вообще всѣхъ, пострадавшихъ отъ суда въ острогахъ и ссылкѣ *).

*) До вызововъ самоубійствъ указами, самоожженіе по фанатическому увлеченію религиозными принципами произошло впервые, по свидѣтельству тобольскаго дѣтописца, въ 1679 году: «270 душъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири собрались на Березовкѣ при Тоболѣ и сожглись». Въ 1682 г. сгорѣло въ избахъ 400 чел. Утатской слободы Кург. окр., за то и до сихъ поръ слышущей въ народѣ подъ именемъ Погорѣлки; въ 1687 сгорѣло 323 души въ трехъ деревняхъ около Тюмени; въ 1688 съ женами и дѣтьми 150 чел. на р. Пышневѣ Куяровской слободы дер. Боровиной; въ томъ же году въ дер. на Юрмычѣ 50 чел. (также съ женами и дѣтьми). По Дмитрію Ростовскому въ это же время сжигались въ Енисейскѣ и Томскѣ. Въ 1722 г. близъ слободы Коркиной (на Ишимѣ) — неизвѣстное число въ пустынь Смирнова; также близъ Абатска въ дер.

Приходившіе съ уральскихъ заводовъ приносили также и другіе способы душевнаго спасенія. По всему Ялуторовскому округу въ 1782 году, по предложенію губернатора Осипова, разыскивали крестьянина Мензелина (по народному Мензелинца), который утопилъ 10 душъ крестьянъ муж. и жен. пола изъ дер. Шадринной (Суерской вол.) въ озерѣ Сазыкулѣ. Но и этотъ родъ смерти былъ не принудительный, а добровольный, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ многихъ. Подговорщиками, кромѣ Мензелинца, явились: Грамотѣвъ, Матвѣвъ, Калинычъ (Фоминцовъ), Зайцевъ, Плюснинъ. Они опускали въ яму ревнителей и черезъ 12 дней приходили и вынимали; если находили въ живыхъ, то вывозили на середину озера (Сазыкула, Осетроваго, Сладкаго, Сухменя и друг.) и бросали въ воду. Выплывшіе трупы хоронили подъ лабы. Всѣ совратители не избѣгли наказанія, кромѣ Фоминцова, который, будучи пойманъ, распоролъ себѣ животъ ножомъ и черезъ три дня умеръ (въ 1828 г.). Нѣкоторые уходили изъ ямокъ и умирали въ православіи. Остался нераскаяннымъ одинъ только Грамотѣвъ; вышедъ изъ ямы, онъ принялся съ неистовствомъ умерщвлять товарищей. Пойманный — зарѣзался. Эти случаи 1828 года были послѣдними уходами въ ямки. Съ тѣхъ поръ о подобныхъ способахъ самоистязанія и самоубійства не слышно. Въ Тюмени теперь спорятъ и расходятся только въ догматахъ о крещеніи и бракѣ.

Прямыхъ противоядіемъ алу самоубійства на каторгахъ и на мѣстахъ поселенія служатъ, какъ извѣстно, побѣги. Въ бѣгахъ ссыльные умирутъ, съ примѣтнымъ успѣхомъ, изнашивать накопившую на сердцѣ тоску. Бродяжество, такимъ образомъ, является новымъ видомъ болѣзни ссыльных и включается въ число преступленій, наиболѣе господствующихъ между ними.

Въ эту-то массу искателей приключеній мы и углубимся теперь, придержавшись сначала дѣсной опушки, каковаго на этотъ разъ представляется Россія.

Сибирь, какъ ссыльное мѣсто, обреченная прикрывать грѣхи Россіи, достаточно притягивавшая къ нимъ и провѣряющая себя съ похвальной точностью и откровенностью, обладаетъ въ настоящее время возможностью опредѣлить господствующія болѣзни, указать болѣзныя мѣста и нѣкоторые другіе признаки, характеризующіе страданія организма своей мезо-Вировской и Зырянской; въ 1724 за Пышмою 146 душъ; въ 1743 и 1745 неизвѣстное число изъ записанныхъ въ росписяхъ священниковъ православными; на 1 авг. 1750 близъ Тюмени 14 чел. въ дер. Зайковой; въ Песчаномъ зимовьѣ, въ дер. Шумариной, въ селѣ Уваровскомъ (гдѣ и мѣсто показываютъ), въ дер. Крѣпость, Межеумной, Потаниной, Тетерей, Вольшомъ-Песчаномъ, дер. Утечѣй, Бѣлаковѣ, Орловой и друг.

трополін. Само собою разумѣется, что средствъ врачеванія она сама, зараженная приносимымъ ядомъ и страдающая отъ собственныхъ эпидемій, представить не можетъ. За то, съ другой стороны, съ тою точностью, каковою, къ несчастью, не можетъ похвалиться Россія, Сибирь указываетъ на постоянные и временные недуги, подтверждаетъ цифрами количество заболѣвшихъ, объясняетъ полъ и возрастъ, сословіе и мѣсто жительства ихъ по крайней мѣрѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее увѣряютъ. Не можетъ Сибирь поручиться за то, что заболѣвшие всѣ присланы въ ея госпитали; это уже не ея отвѣтъ, но, съ нѣкоторою увѣренностью въ собственный авторитетъ, заслуживающій уваженія при ея долговременной практикѣ, Сибирь свидѣтельствуетъ о томъ, что опредѣленіе многихъ болѣзней произведено неправильно, что въ другихъ присутствіе заразительнаго и опаснаго яда слишкомъ ничтожно, въ третьихъ послѣдній не выразился вовсе и здоровый ошибочно признанъ за больного, и проч.

Прислушавшись къ общимъ сибирскимъ наблюденіямъ и приглядѣвшись къ частнымъ ея выводамъ, требовавшимъ повѣрки, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Самая обыкновенная болѣзнь, господствующая въ Россіи и поставляющая наибольшее число

страдающихъ въ сибирскіе госпитали, носитъ названіе бродяжества. По этому виду цифра самая крупная. Ей уступаетъ даже такая значительная цифра, которая принадлежитъ присланнымъ за воровство (третье мѣсто, по цифровой величинѣ, занято сосланными за убійство). Величина этихъ трехъ цифръ, ежегодно выражающихся крупными сотнями (по первому виду) и большими десятками (по двумъ другимъ), настолько поразительна и настойчива, что у Сибири есть достаточно оснований умождать, что метрополія ея, судя по количеству бродягъ, далеко еще не представляетъ собою такого государства, въ которомъ исчезли неблагоприятныя причины, заставляющія населеніе руководиться старыми историческими приемами „бresti врозь“. Съ одной стороны—въ Россіи замѣчаются тѣ же наклонности къ пережитію старыхъ попелищъ на новыя, какія проявляются сильнѣе всего въ германскихъ нѣмцахъ, а съ другой—примѣтны очевидные признаки сходства со вновь организуемою странкою по ту сторону Атлантическаго океана.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Видимое сходство и непримѣтныя различія объясняются для насъ изъ разбора различныхъ формъ бродяжества въ отдѣльномъ видѣ и изъ сопоставленія ихъ въ зависимость одного отъ другого.

ГЛАВА IV.

БРОДЯГИ И БѢГЛЫЕ.

Страна изгнанія.—Бродяжество въ современномъ видѣ.—Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти.—Гуляшіе люди. Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертиры).—Покинувшіе отечество (эмигранты).—Присянодержательство.—Притонщики.—Хлѣбосольство.—Сибирскіе займы.—Варнаки и чалдоны.—Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ.—Причины народныхъ бѣдствій.—Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи).—Городскіе бродяги.—Бродяжество, какъ самобытное явленіе русской народной жизни.—Историческій очеркъ русскаго бродяжества. — Колонизація Россіи.—Многочисленные остатки древняго народнаго скитанія: безпаспортные, богомольцы, нищіе, запрошечики, кубраки и лабори, бѣгуны, офени-ходебщики и проч.

Огромныя толпы людей этого своеобразнаго званія и исключительныхъ свойствъ ежегодно съ неизмѣннымъ постоянствомъ очищаютъ Россію и расходятся по Сибири. Здѣсь составляютъ они болѣе $\frac{2}{3}$ частей всего количества ссыльныхъ преступниковъ, свидѣтельствуя о постоянномъ, твердомъ и настойчивомъ желаніи Россіи избавиться отъ этихъ людей, повидимому, признаваемыхъ самыми опасными. Въ то же время появленіе бродягъ на той сторонѣ Уральскаго хребта служитъ доказательствомъ, что бродяжество по сю сторону хребта, въ Россіи, одно изъ тѣхъ явленій, противодѣйствіе которому ведется съ неизмѣннымъ постоянствомъ, но и съ таковою же неудачею; каждый годъ приходятъ новыя толпы, столько же густыя и

почти равныя одна другой своимъ количествомъ. Сибирь выигрываетъ въ населеніи своемъ, Россія не выгадываетъ на своемъ, черезъ ежегодную высылку этихъ людей, называемыхъ ею бродягами и признаваемыхъ преступными. Освободившись отъ полуторы тысячи этого народа на прошлый годъ, Россія имѣетъ надобность и возможность выкидывать въ будущіе годы еще по двѣ новыхъ тысячи. Воровбѣ, давно начатой и практикуемой при посредствѣ старыхъ орудій, и конца не видать. Сибирь, принимая и усчитывая военно-плѣнныхъ, глубоко убѣждается въ томъ ежедневными осозательными фактами и имѣетъ основательныя данныя заключать, что старыя формы быта въ Россіи и живущи и дѣятельны. Сама Сибирь, оглядываясь на прои-

лое и проверяя свое настоящее, имѣть полнѣйшее право думать, что въ этомъ отношеніи у нее съ метрополіею одні и тѣ же основы и поразительное сходство.

Правильной и опредѣленной характеристики бродяжества мертвая цифра дать намъ не можетъ. Отсутствие у насъ уголовныхъ хроникъ и въ литературѣ характеристикъ преступлений оставляетъ бродяжество подъ непроглядною завѣсою тайны, какою вообще любили прикрываться всѣ канцеляріи и судебныя мѣста. Гадательныя представленія уводятъ въ область предположеній, порождаютъ теорію вѣроятностей, а подобная теорія не можетъ служить руководствомъ въ области статистики. Вотъ почему мы съ большою подробностью останавливаемся на общихъ положеніяхъ и развиваемъ только ихъ одни. Къ этимъ же общимъ выводамъ мы станемъ прибѣгать и въ дальнѣйшемъ теченіи нашего разсказа, будемъ слѣдовать указаніямъ и сказаніямъ цифръ, одушевляя ихъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и средствъ, наглядными наблюденіями надъ бытомъ простаго народа, преимущественно идущаго въ ссылку.

Цифра бродягъ представляетъ естественное и простое явленіе — ежегодное колебаніе, временное уменьшеніе и возрастаніе ея, какъ будто чья-то невидимая, но сильная рука, скрытая за мертвою и пестрою декорациею цифръ, какъ фокусникъ, разставляетъ ихъ именно въ такихъ, а не другихъ размѣрахъ. На этотъ разъ фокусникъ спрятанъ не одинъ и фокусы показываются, въ одно время, и по хорошо выработанной программѣ и по капризу, основанному на произволѣ. Переставляютъ цифры временныя, народныя движенія, временныя правительственныя распоряженія. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ.

Въ 1826 году въ предѣлахъ Уральскаго войска появились во множествѣ помѣщичьи крестьяне по ложнымъ разглашеніямъ о новомъ поселеніи и вольности. Губернское начальство, руководясь указомъ 23-го февраля 1823 г., распорядилось всѣхъ таковыхъ крестьянъ, какъ бродягъ, отправить въ Сибирь на поселеніе, но сенатъ рѣшилъ возвратить ихъ на прежнія мѣста жительства, „признавая за бродягъ только тѣхъ безпаспортныхъ людей, кои отъ лѣности и по распутному поведенію, избѣгая повиновенія поставленнымъ властямъ и уклоняясь отъ исполненія повинностей, удаляются отъ жительства своихъ для празднопатательства и, не желая имѣть постоянного мѣстопробыванія, впадаютъ въ разныя распутства, нерѣдко вовлекающія ихъ въ весьма важныя преступленія“. И вотъ, увеличилась, сверхъ обычной, годичная цифра сосланныхъ за бродяжество. Увеличилась она также въ 1831 году во время кровавыхъ возстаній въ Старой-Руссѣ. Увеличилась во время картофельныхъ бунтовъ въ Вятской и Казан-

ской губерніяхъ и въ 1846 году на то время, когда остзейскіе нѣмцы въ прибалтійскихъ губерніяхъ начали примѣнять европейскую систему частной собственности къ раздѣленію земель на участки и возмущили все населеніе тѣхъ краевъ. Въ 1847 году Витебская губернія полатилась сосланными за бродяжество изъ числа тѣхъ, которые двинулись толпами къ Петербургу и стансаны были уже подъ Пороховымъ, и проч.

Вотъ причины, которыя уменьшали цифру бродягъ, шедшихъ въ Сибирь. Сенатскій указъ 4-го августа 1827 г. запретилъ отправлять въ Сибирь за бродяжество престарѣлыхъ, глухихъ, нѣмыхъ и слѣпыхъ, признанныхъ сибирскими властями совершенно бесполезными для тамошняго края. Въ слѣдующемъ году рѣшено бродягъ, неспособныхъ по лѣтамъ, слабому сложенію или увѣчью въ исправительные рабочіе дома, равно всѣхъ женщинъ, вятыхъ за бродяжество, ссылатъ въ Сибирь. Бродягъ южныхъ степныхъ губерній (новороссійскихъ и малороссійскихъ; изъ войска Донскаго и губ. Ворон., Тамб., Саратов. и Астрах.) нѣкоторое время ссылали на Кавказъ; мусульманъ за безпрестанные побѣги изъ Сибири даже изъ тяжкихъ преступниковъ — въ финляндскія крѣпости. Неспособныхъ къ слѣдованію бродягъ предписано обращать въ вѣденіе приказовъ общественаго призрѣнія, но престарѣлыхъ ссылатъ, „не взирая на ихъ лѣта, если не будутъ они дряхлы“. Видно увеличеніе цифры на то время, когда бродяги, сбиваясь въ шайки, производятъ т. е. народъ какія либо бѣдствія (такъ, напримѣръ, пожары отъ поджоговъ, періодически повторяющіеся и часто повторявшіеся въ 1846 годахъ). Уличенные въ преступленія, при разслѣдованіи причинъ этихъ бѣдствій, бродяги уходили массами въ Сибирь на слѣдующіе годы и затѣмъ, ослабѣвшіе числомъ внутри государства, ослабляли цифры ссыльныхъ въ Сибирь на послѣдующіе годы. Периодическое скопленіе бродяжнихъ массъ въ ссылкѣ естественно слѣдовало за скопленіемъ ихъ внутри Имперіи въ шайкахъ; уменьшеніе — отъ перемѣны ссылки на Кавказъ для бродягъ изъ степныхъ губерній и отъ поглощенія многихъ другихъ губернскими арестантскими ротами гражданскаго вѣдомства, и проч.

Большимъ постоянствомъ, при ничтожныхъ колебаніяхъ, отличается цифра бродягъ-дезертировъ, бѣгавшихъ отъ тяжести военной службы и всѣхъ крупныхъ, иногда подневольныхъ и не въ пору вынуждаемыхъ обязательствъ этого рода государственной повинности. Въ Сибирь пропли самые упорные и несправимые, полатившіеся еще, сверхъ того, за такія преступленія, которыя явились прямымъ послѣдствіемъ голода и несчастій, сопряженныхъ съ бродяжествомъ. Солдаты-дезертиры, по сибирскимъ примѣтамъ, успѣваютъ запутываться нѣмчаще другихъ въ

самых тяжких преступлений, каковы убийства, грабежи и разбои *), хотя Суворовъ и говорилъ про нихъ такъ: „Овечка отстала отъ стада; ну, пусть ее погуляетъ! рано ли, поздно ли—придетъ“. Овечка гулять не умѣетъ, гуляла волчьимъ обычаемъ и назадъ доброму волею не приходила. Въ дезертирахъ Россія находила и враговъ отечества **), становившихся въ

*) Въ ряду другихъ арестантскихъ преступлений (изъ остального числа 254 согласныхъ) на первомъ мѣстѣ стоятъ убійства (99), на второмъ—тотъ видъ преступлений, который названъ «тѣлесныя поврежденія съ намереніемъ къ убійству» (41), затѣмъ воровство (30), побѣгъ изъ-подъ стражи и вломъ въ домъ (29), возмущеніе противъ властей (20) и, наконецъ, грабежъ (10 случаевъ).

**) «Оставленіе отечества» хотя и представляется въ тобольскихъ табеляхъ отдѣльнымъ рубрикою, но рубрика эта замѣщена цифрами очень слабо; не такъ покидаютъ родину, чтобы оставить за собою возможность возврата и право ссылаки. Не Сибири считать этихъ людей, и если она проставляетъ цифры, то цифры эти представляютъ поляковъ, а преступниками, оставившими отечество, табели считаютъ польскихъ эмисаровъ, появлявшихся изъ-за границы время отъ времени. Перепадалъ кое какой и кое когда сбѣжавшій за границу раскольникъ и пріѣхавшій въ Россію или со сборною памятью или на соборныя дѣянія. Временами выдавали бѣглецовъ сосѣднія правительства, рѣшавшіеся быть исполнительными въ отношеніи трактатовъ. Вообще же, эмиграція для русскаго челоѣка стѣснявшася выѣздомъ за предѣлы родины и покупавшаго паспортъ высокими цѣнами, прежде была затруднена; для среднихъ и низшихъ сословій она представлялась немислимымъ и невозможнымъ явленіемъ, но не въ силу отвлеченнаго чувства патриотизма. Въ 20 лѣтъ съ 1827 по 1847 г. сослано въ Сибирь за побѣги за границу 174 мужч. и 10 женщ., преимущественно изъ губ. пограничныхъ: Бессар. обл. 29, Волынской 29 мужч. и 4 женщ., Оренб. 15 мужч. и 1 женщ., Подол. 14 м., Вилен. 17 мужч. и 3 женщ. и проч. Эти убѣжали недалеко, если уже попались въ Сибирь, но нижегородецъ Иванъ Степановъ Сюземовъ (цѣловальникъ), промотавшійся въ Астрахань, бѣжалъ въ Азовъ, въ Константинополь, оттуда моремъ во Францію и Голландію, гдѣ обманомъ взяли его въ матросы на корабль остъ-индской компаніи; 7 лѣтъ бродилъ онъ въ морѣ, былъ въ Индіи, Японіи и, наконецъ, остался на мысѣ Доброй Надежды. Здѣсь учился онъ кузнечному мастерству, нашолъ деньги и поселился въ готтентотской Голландіи, гдѣ женился, имѣлъ трехъ дѣтей и извѣстенъ былъ подъ названіемъ «гандъ-русь» (настоящій русскій). Не былъ бы онъ извѣстенъ своимъ соотечественникамъ и считался бы безвѣстно погибшимъ, если бы не встрѣтилъ его знаменитый мореплавателъ В. П. Головнинъ, проходившій въ тѣхъ мѣстахъ на шлюпѣ «Диана». Архангельскіе промышленники проѣздомъ въ Норвегію елмать чистую русскую рѣчь въ пріѣзжавшихъ и ругательствахъ отъ промышленниковъ на норвежскихъ островахъ около Гаммерфеста, Ваде и Вардегуа; это—пропавшіе безъ вѣсти промышленники. На персидскихъ берегахъ, прилегающихъ къ Каспійскому морю, въ городахъ и селеніяхъ на островахъ Мешедесера, Энзели и особенно въ деревушкахъ около устьевъ

чужіе вражескіе полки (преимущественно у азіатскихъ деспотовъ, вродѣ бухарскаго, эмира ташкентскаго хана, персидскаго шаха) и прусскіе и австрійскіе негоціанты находили въ нитѣ людей, готовыхъ наносить ущербы казнѣ перевозомъ контрабанды черезъ западную границу. Въ мѣстечкѣ Котычевѣ, неподалеку отъ Тифлиса, у шмуглера Тирбаха, постоянно находилась цѣлая шайка нашихъ дезертировъ, которыми вообще покровительствовали самогитскіе помѣщики. Подъ видомъ и званіемъ арестантовъ, выключенныхъ изъ военныхъ арестантскихъ работъ, они поступаютъ въ такомъ количествѣ, которое примѣтно ослабляетъ цифру всѣхъ другого рода преступниковъ. Они, на примѣръ (вмѣстѣ съ товарищами, выключенными изъ тѣхъ же ротъ гражданскаго вѣдомства), успѣваютъ убѣгать изъ Сибири почти всѣмъ наличнымъ количествомъ своимъ (изъ 3.761 мужчины и 15 женщинъ въ девять лѣтъ сослано было обратно за побѣгъ изъ Сибири 3.509 мужчинъ и 13 женщинъ). По отношенію къ ежегодному колебанію цифры дезертировъ, и именно на временное ослабленіе ея, и здѣсь во многомъ дѣйствуютъ временныя мѣры, ослабляющія, съ одной стороны, строгость взысканій по службѣ, и съ другой—

богатой рыбою персидской рѣки Сифудъ-Рудъ, значительными группами живутъ русскіе промышленники изъ черноземныхъ губерній, лѣтъ по 15—20 не осѣжавшіе своихъ паспортовъ и не бывшіе на родинѣ. Въ Тегеранѣ, въ войскахъ шаха, и во многихъ пограничныхъ городахъ въ военной службѣ и въ офицерскихъ чинахъ живутъ и служатъ русскіе эмигранты—бѣглецы солдаты кавказской арміи (изъ числа которыхъ значительная часть, болѣе тысячи челоѣкъ, недавно возвращена въ Тифлисъ). Въ Турціи—цѣлыя деревушки русскихъ раскольниковъ, эмигрировавшихъ во время преслѣдованій и гоненій за вѣру, и притомъ одно селеніе расположилось въ Азіатской Турціи. Не говоримъ о раскольникахъ, забывшихъ родину и поселившихся въ Австрію и Пруссію; нѣкогда нужда эмиграціи для людей, придерживавшихся стараго креста и вѣры, была явленіемъ законнымъ и неизбѣжнымъ. Народъ бѣжалъ во всѣ стороны безъ разбору и, во времена самостоятельности Польши, поселялся за литовскимъ рубежемъ огромными деревнями и селами, вродѣ Вѣткъ, Новозыбкова, Мглина и проч.; при этомъ мало въ Литвѣ и Вѣлоруссіи городовъ, гдѣ бы не было подгородныхъ раскольниковыхъ слободокъ; не исключаемъ изъ этого числа и большихъ городовъ острѣвскихъ: Риги, Дерпта, Митавы и Ревеля. Эмиграція дворовыхъ людей не знала также предѣловъ и русскихъ людей изъ этого класса встрѣчаютъ современные путешественники наши и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ и въ Неаполѣ, нѣкоторыхъ даже хозяевами торговыхъ заведеній, содержателями гостиницъ и ресторановъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе эмиграція становилась сильнѣе и острѣе и готовилась перейти какъ бы въ форму хроническую. По Сибири ходятъ въ народъ довольно опредѣлившіеся слухи, что бѣглецы съ мѣста заключенія эмигрировали за китайскія

уменьшающія сроки этой службы, облегченной въ то же время частыми и болѣе или менѣе продолжительными отпусками. Сибирь, конечно, не можетъ быть судьбою въ томъ, насколько силенъ и характеренъ этотъ родъ преступленій въ Россіи, потому что дезертиры умѣютъ прибѣгать къ другимъ средствамъ побѣговъ. Матросы покидаютъ службу тамъ, гдѣ приводится случай и много соблазновъ, предлагаемыхъ вербовщиками во время кругосвѣтныхъ плаваній. Америка и, въ особенности, порты Калифорніи (каковъ, между прочимъ, С.-Франциско) увеличиваютъ цифру дезертировъ. Солдаты убѣгаютъ и за австрійскую и за турецкую границу, а въ войскахъ персидскаго шаха они составляли цѣлые отряды и занимали высшія и низшія офицерскія должности и проч. Сибирь несомнѣнно убѣждена лишь въ томъ, что причины, вынуждающія дезертирство, въ Россіи достаточно дѣятельны: она, между прочимъ, знакомится съ тѣмъ видомъ преступниковъ, которые высылаются изъ Россіи за членовредительство (за поврежденіе членовъ) для избѣжанія военной службы. Преступленіе это, характеризующее стремленіе народа избавиться отъ тяжести службы, въ случаѣ неудачи или недостатка самостоятельности въ желающихъ избавленія, переходитъ въ тотъ видъ преступленія, которое насъ останавлило. Притомъ, число ищущихъ средствъ спасенія въ побѣгѣ примѣтно превосходитъ число причиняющихъ себѣ для той же цѣли уродства всякаго вида *).

Какъ радомъ съ дезертирствомъ, такъ и непосредственно въ тѣсной связи вообще съ бродяжествомъ, является новый видъ народнаго преступленія, обрѣкающаго народъ въ ссылку. Преступленіе это является пособникомъ двухъ первыхъ и покровителемъ обоихъ: оно, съ одной стороны, выходитъ изъ народнаго обычая гостепримства, хлѣбосольства и радушія, не спрашивающихъ относившихся къ нимъ съ просьбою о пріютѣ, кто они и откуда, а приглаша-

границы и поселились тамъ деревнями. Нѣсколько глуше слухи и менѣе вѣроятны рассказы о бѣглецахъ въ Ташкентъ, Самаркандъ, Бухару и Хиву и не имѣетъ никакого вѣроятія и ничѣмъ не доказанъ рассказъ объ эмигрантахъ-раскольникахъ, убѣжавшихъ въ Японію, какъ увѣряетъ о томъ распространенное между старовѣрами сказаніе объ Опоныскомъ царствѣ. Много русскихъ поселилось навсегда въ Америкѣ и особенно счастливыя таковыя изъ матросовъ съ военныхъ судовъ въ Калифорнію; въ Санъ-Франциско существуетъ даже цѣлая система соблазновъ и цѣлая компанія соблазнительей для золотыхъ промысловъ.

*) За поврежденіе членовъ 442 человека, за дезертирство 751 въ девять лѣтъ, съ тѣмъ свѣденіемъ, что разъ уличена женщина, способствовавшая къ избѣжанію военной службы другого. Замѣчательно то, что во всѣ девять лѣтъ за обычное явленіе подлога въ отправленіи рекрутской повинности сослано только двое и оба въ одинъ годъ!..

ющихъ садиться и ѣсть. Съ другой стороны, это преступленіе опирается на ту же преступную корысть, умѣющую превращать дѣло гостепримства въ промыселъ, специально и завѣдомо направленный на пользу тѣхъ, которыхъ ищетъ и преслѣдуетъ законъ. Русское слово на нѣмецкій ладъ, „пристанодержательство“ или „передержательство бѣглыхъ съ укрывательствомъ оныхъ“, выражаетъ этотъ родъ народныхъ преступленій и прикрываетъ въ числѣ ссыльных и тѣхъ, которые дѣйствовали намѣренно или по принужденію, и тѣхъ, которые совершили по невѣденію закона, по безграмотству, мѣшающему разумѣть хотя бы единую букву, и по необразованности, которая понятіе о законѣ переноситъ и на палача („законъ бьетъ“—палачъ сѣчетъ) и спутываетъ его съ законникомъ—крючкотворцемъ и взыкатникомъ („законъ—что дышло: куда хочешь, туда и воротнишь“).

Въ сибирской цифрѣ нѣтъ возможности отдѣлить различные виды становщиковъ, державшихъ притоны, отъ тѣхъ, которые дали пріютъ и сдѣлались поноворщиками, но несомнѣнно, что пришли сюда и тѣ, которые подслужились самымъ сердечнымъ и невиннымъ гостепримствомъ, укрывшимъ подъ своимъ теплымъ кровомъ того, кого законъ призналъ за бродягу, и усадившимъ къ готовому хлѣбу-соли, за столъ и въ красной уголъ тѣхъ, кого ищутъ, какъ преступниковъ - дезертировъ *). Пришли и тѣ, которые подслужились кабакомъ съ подпольями для воровъ и грабителей, теплою избой для преслѣдуемыхъ за разбой и побѣги отъ службы, но и въ послѣднемъ случаѣ тѣ же сердечныя побужденія имѣютъ немалое значеніе. Такъ, напримѣръ, въ укрывательствѣ военныхъ дезертировъ играютъ роль, равносильную мужчинамъ, женщины (жены, родственницы и любовницы) въ пропорціи 8 женщинъ и 10 мужчинъ. Трудно это послѣднее выдѣленіе и потому, что намѣренно держащіе станы или притоны обладаютъ болѣею степенью осторожности и мастерства, чѣмъ тѣ, для которыхъ укрыпаніе преслѣдуемаго входитъ въ христіанскія обязанности и весьма часто вынуждается экономическими причинами, превратившимися въ обычай и особый своего рода законъ. Изъ распредѣленія цифръ сосланныхъ за притоны по губерніямъ, мы видимъ, что крупнѣе становятся онѣ тамъ, гдѣ бродяжество — явленіе обычное, а нужда въ пришлыхъ людяхъ, въ качествѣ работниковъ на земляхъ хлѣбородныхъ и богатыхъ, является во всей безвыходности. Всего чаще, такимъ образомъ, укываютъ бѣглыхъ въ губерніяхъ предкавказской (Ставропольской), въ закавказскихъ, гдѣ поселились русскіе сектанты, въ Екатеринославской и Таврической; укываютъ мѣщане чаще крестьянъ,

*) Въ 9 лѣтъ за укрывательство бѣглыхъ сослано 247 муж., 151 жен.

а мѣщанки немногимъ меньше солдатокъ *). Въ Сибири подобныя дѣянія до такой степени ярки и знаменательны, что укрывательство бѣглыхъ представляетъ одну изъ коренныхъ основъ, на которыхъ зиждется сибирское хозяйство, въ особенности, въ тѣхъ отдѣльных формахъ его, которыя выражаются въ тамошнихъ фермахъ, называемыхъ займками. Здѣсь бѣглый съ торги является рабочимъ, выгоднымъ по необыкновенной дешевизнѣ и по тѣмъ требованіямъ, которыя ограничиваются работою изъ-за одного хлѣба и угрѣвы и не простираются дальше скромнаго желанія не выдавать въ руки властей, чтобы не возвращаться снова на каторжныя бесплатныя и подневольныя работы. При помощи этихъ людей удавалось въ Сибири не только расширять одиночныя хозяйства, расположенныя болѣею частью въ отдаленныхъ и уединенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ, но и собирать цѣлыя селенія и деревушки (какъ сплошь и рядомъ случалось это всюду, а особенно ярко въ Алтайскомъ краѣ). Подобныя явленія настолько въ Сибири за обычай, что начальники нѣкоторыхъ заводовъ при казенномъ заказѣ, не исполнимъ наличнымъ числомъ каторжныхъ, прибѣгаютъ къ осмотру займокъ вооруженною командою, какъ къ такой мѣрѣ, которая всегда вѣнчается полнымъ и желаемымъ успѣхомъ. Въ Сибири содержаніе притоновъ является неизбежнымъ и непобѣдимымъ зломъ во всѣхъ околныхъ селеніяхъ, ближайшихъ къ казеннымъ заводамъ, промысламъ и рудникамъ. Хотя по временамъ и возбуждается бдительность надзора и возрождается энергія преслѣдованій, но опытъ указываетъ, въ равной мѣрѣ, и на государственныя крестьянъ - старожиловъ и на такъ называемыхъ семейскихъ (старообрядцевъ), какъ на содержателей притоновъ и укрывателей бѣглыхъ.

Бѣглецы представляютъ особый, только Россіи свойственный, видъ бродягъ и въ Сибири, подъ именемъ „варнаковъ“ и „чалдоновъ“, являются многочисленнымъ и какъ бы особымъ сословіемъ людей. Бродяги эти соотвѣтствуютъ вполне тѣмъ требованіямъ, которыя понятны въ этомъ опасномъ сортѣ людей для Европы. Эти люди неопасны въ одинаковой степени съ голодными прозябаніями европейскихъ городовъ потому только, что руки ихъ всегда свободны и способны находить трудъ и видъ законнаго покровительства и защиты и еще не нуждаются въ Шулце-Деличахъ. Другія теоріи они вызываютъ и другія начала къ нимъ пріятными. Грозная опасность, представляемая ихъ поразительнымъ многочисленіемъ, ослаблена значительно

*) Между крестьянами наибольшіе покровители бѣглыхъ встрѣчаются между заводскими, но столь распространенное обвиненіе въ этомъ грѣхѣ старообрядцевъ цифрами не подтверждается и виновность старообрядцевъ не выдается впередъ другихъ сословій и вѣроисповѣданій.

на самомъ дѣлѣ, на практикѣ, въ бытовой средѣ ихъ. Они увеличиваютъ количество преступленій, но еще не висятъ домокловымъ мечемъ надъ лѣнивыми и недогадливыми. Хлѣбосоольство сибиряковъ и готовность ихъ давать работу бѣглымъ значительно сдерживаетъ враждебныя силы этихъ испорченныхъ и ослѣпленныхъ людей и Сибирь, дѣлаясь виновною въ пристанодержательствѣ, во всякомъ случаѣ служить не малую службу Россіи.

Вотъ что говорятъ факты: въ десять лѣтъ (съ 1852 году) въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ считали бѣжавшими 771 мужчину, 5 женщинъ, а пойманными только 19; исключено за десятилѣтнюю давностью 31. Изъ Александровскаго завода (винокуреннаго) въ 14 лѣтъ сошлось въ лѣса и на волю (съ 1-го янв. 1846 по 1 нояб. 1859) 1013 муж. и 19 женщ., а схвачено 277 муж., 4 женщ. Всѣ остальные успѣли устроить себя по своимъ соображеніямъ и на полной своей волѣ по той же Сибири. Бѣгали они и въ Россію, попадались тамъ и подъ прозваніемъ „оборотней“ возвращались въ Сибирь, но съ такимъ же подозрительнымъ успѣхомъ. Въ семь лѣтъ (съ 1854 по 1860) возвращено изъ Россіи въ Сибирь обратно всего 354 человека обоего пола; между тѣмъ, какъ только съ четырехъ заводовъ (не считая рудниковъ и многихъ другихъ заводовъ), только въ теченіи пяти лѣтъ бѣжало всего 2704 чел. *). При этомъ на одномъ Успенскомъ винокурennomъ, ближайшемъ къ Россіи, людской утечки насчитывается среднимъ числомъ въ годъ 94 (или въ семь лѣтъ на 354 возвращенныхъ — 358 бѣжавшихъ).

Тяжести казенныхъ работъ, при неправильномъ распредѣленіи труда и занятій, стремящемся къ тому, чтобы устроить по возможности тѣ работы, которымъ усвоено названіе каторжныхъ, служатъ основною причиною побѣговъ. Онѣ заключаются, главнымъ образомъ, въ дурномъ содержаніи въ сырыхъ, грязныхъ и душныхъ помѣщеніяхъ, превосходящихъ всякую мѣру вѣроятія. За тяжелыя работы днемъ они ложатся усталыми на жесткія нары; голодными получаютъ несчастный приварокъ и въ достаточномъ количествѣ только крутую и сухую пищу, поражаютъ арестантскую болѣзнь „иванъ-таскутъ“ (колотье). Поставленный въ исключительное положеніе каторжнаго, лишеннаго всякихъ средствъ пріобрѣтать какую либо собственность, ссыльный не имѣетъ ее даже и въ томъ призрачномъ видѣ, какой могъ бы явиться въ платѣ за трудъ и работу, не полагающихъ мѣры и не при-

*) Изъ Иркутскаго солевар. завода 1344, изъ Троицкаго винокуреннаго завода 801, изъ Селенгинскаго солевар. 203, изъ Николаев. винокур. 356 ч. (съ 1836 по 1841 г.). Между тѣмъ, съ одного Александровскаго винокуреннаго въ такой же періодъ семи лѣтъ (съ 1835 по 1841) бѣжало 1837 чел. об. пола.

знающих праздничных дней. Его собственность—только та рвань, которая унижает его человеческое достоинство и которую, къ тому же, онъ получилъ въ счетъ ничтожной годовой платы своей, носящей громкое имя жалованья. На заводскихъ, а въ особенности на промысловыхъ работахъ одежды вещи, подвергаясь великимъ испытаніямъ, сроковъ не выдерживаютъ и смотрители принуждены давать новую одежду, а во избѣжаніе личной ответственности за казенное имущество, обязаны вычитать на этотъ разъ у каторжнаго не половину, а все жалованье и съ кормовыми. Оттого за казеннымъ долгомъ ссыльный всегда въ неоплатныхъ долгахъ и той крайней нищеты, изъ которой единственный выходъ—побѣгъ. Желаніе отдыха и стремленіе на волю, будучи естественными правами всякаго человѣка, на этотъ разъ могутъ быть приведены въ исполненіе только посредствомъ этого же пути—„самовольной отлучки“ или рѣшительнаго побѣга. У однихъ тоска по родинѣ, у другихъ старая привычка къ бродяжеству, у третьихъ соблазнъ на путешествіе шайкою съ товарищами, у четвертыхъ дѣйствительно безвыходное положеніе, которое немного не довело до самоубійства,—все это достаточные поводы къ побѣгамъ, рѣже по направленію къ заводскимъ цѣлямъ, чаще въ неувѣдѣнность, въ темную среду приключеній.

Въ самой обстановкѣ каторжныхъ работъ для побѣговъ, сверхъ тяжести каторжнаго сверла, неустанно нажимающаго при помощи безчисленныхъ болѣзней собственно рудниковыхъ и заводскихъ,—представляется много соблазновъ и возбуждающихъ средствъ. Тамъ, гдѣ работы скучены и надзоръ силенъ, выручаетъ долговременный опытъ бывальцевъ, высидѣвшихъ въ тюрьмѣ и примѣнившихъ къ дѣлу многочисленныя остроумныя средства, иногда изумительныя по находчивости, иногда поразительныя по той отчаянной смѣлости, съ какою приводятся они въ исполненіе. Тамъ, гдѣ работы раскидываются на значительныхъ пространствахъ, недоступныхъ равномерному наблюденію, средства къ побѣгу упрощаются до того, что не бѣжитъ только безногій, или совсѣмъ хилый или дожидаящійся на дняхъ законнаго освобожденія отъ казенныхъ работъ. Въ послѣднемъ случаѣ побѣги многочисленнѣе и чаще; въ первомъ они являются въ сообществѣ съ самими сторожами, которые на большую часть простоватые казаки, вовсе не знакомые со своими воинскими обязанностями и на значительную часть штрафные солдаты, сами бывавшіе дезертирами и не лишенные способности вкушать снова этого запрещеннаго воину плода. Бѣглецы сплошь и рядомъ уходили вмѣстѣ съ ними и даже подъ защитою ихъ ружья и форменнаго вида. Какимъ средствъ ни выдумывали сибирскія власти, начиная съ особыхъ командъ для поимокъ, вы-

дачи денежныхъ наградъ тѣмъ, которые, имѣя случай бѣжать, не убѣжали *), и кончая измѣшеніемъ одного начальника засыпать въ надрѣзанныя пятаки измелченный конскій волосъ,—побѣги являются столь частымъ явленіемъ, что его смѣло можно полагать обыкновеннымъ и можно считать неизбѣжнымъ. Укрываются всего чаще каторжные и поселенцы заводскими крестьянами по Уралу (въ 20 лѣтъ изъ этого края выслано 7.275 чел. бѣглыхъ изъ всего числа бродягъ, 13.769). Слѣдовательно, такъ называемые варнаки между бродягами составляли около 53% (въ южныхъ степяхъ Новороссіи бѣглыми изъ Сибири принадлежатъ только 4 1/2% **) .

Такимъ образомъ, въ Сибири не только тѣ, которые замѣчены съ бродяжими наклонностями въ Россіи, но безразлично бѣгутъ и бродяжатъ преступники всякаго рода и званія. Сибирь въ этомъ отношеніи самобытна и исторію бродячества начинаетъ вновь и ведетъ ее по собственнымъ даннымъ и образцамъ, но съ неизмѣннымъ рѣзкимъ постоянствомъ и съ нескрываемыми признаками долготѣія. На каторгѣ размѣры побѣговъ необычайно широки и число одержимыхъ этою трудно излечимою болѣзью бродячества поразительно: въ нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857) подверглось наказанію 3.045 человѣкъ за прямые побѣги и за тотъ видъ ихъ, который тамъ называется „самовольными отлучками“ (въ этомъ числѣ сбѣжало 22 женщины). Къ 1-му января 1859 г. за десять лѣтъ считалось въ бѣгахъ тамъ же 24% всего населенія ссыльных (3.104 чел.), да сверхъ того 508 человѣкъ вольныхъ людей, называемыхъ горными служителями. Одинъ Александровскій винный заводъ (по сю сторону Байкала) подарилъ Сибирь въ 25-ти-лѣтній періодъ 6.899 бѣглыми, готовыми ко всякимъ услугамъ, но на сторонѣ вѣнъ постылыхъ мѣстъ и невыносимыхъ каторжныхъ заведеній. Эти послѣдніе остаются все-таки при созерцаніи вѣчнаго *regretium mobile* и съ правомъ любоваться на круговое вращеніе, при которомъ обмѣнъ матеріи новыми элементами великъ, но возстановленіе стараго матеріала незначительно. Число сбѣжавшихъ и пойманныхъ относилось во многихъ заводахъ, какъ 1 : 15. Пятнадцатая часть уходила за Уральскій хребетъ и разгуливала по огромнымъ и безлюднымъ пространствамъ Сибири, гдѣ всякій надзоръ находится вѣнъ человеческихъ

*) Одному ссыльному за поимку 5-ти бѣглыхъ назначена была награда въ 25 руб. «въ примѣръ и поощреніе прочимъ».

**) Въ этомъ числѣ мы не считали пойманныхъ, но принимали въ расчетъ тѣхъ, которые сбѣжали, въ такихъ цифровыхъ отношеніяхъ:
 Въ 1833 по 1837 . . . . . 2.728
 » 1837 » 1843 . . . . . 3.420
 » 1846 » 1859 751

силъ. Съ нѣкоторыхъ заводовъ бѣжала по часту цѣлая половина всего количества ссыльных рабочихъ *).

Тѣмъ же безконечными и многочисленными побѣгами отвѣчаютъ и поселенцы (въ сословіе которыхъ, преимущественно, поступаютъ русскіе ссыльные бродяги), отвѣчаютъ за ошибочную и несовершенную систему водворенія. Поселенцы не получаютъ достаточнаго пособія на первыхъ шагахъ своей новой жизни, встрѣчаютъ общее нерасположеніе къ себѣ стариковъ — старожилъ и сами являются въ среду ихъ достаточно испорченными нравственно въ тюрьмахъ и на этапѣхъ. Большинство ихъ находится въ крайне бѣдномъ положеніи. Видимая помощь, предполагаемая въ поселенческой привилегіи работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ, ведетъ къ тѣмъ же побѣгамъ отъ тяжести уроковъ и къ безпримѣрному пьянству отъ неправильнаго способа денежныхъ вознагражденій. Большинство поселенцевъ, такимъ образомъ, не имѣетъ прочнаго домохозяйства и лишено даже тѣни какого либо признака благосостоянія. Побѣги поселенцевъ также многочисленны **) и также имѣютъ двѣ болѣе характерныя стороны: заурядъ съ каторжными они вынуждаются на бродяжество исканіемъ лучшей участи и бѣгутъ, стороною отъ бѣглокаторжныхъ, прямо въ Россію на родину. Здѣсь эти люди, которымъ выпала жестокая доля изгнанія за менѣе важныя и тяжкія преступленія, ищутъ только того, чего не нашли они на мѣстахъ водворенія. Имъ дорого съ бою добытое право свиданія съ родными людьми и мѣстами. У нихъ настолько не истратилось сердце, чтобы возможный покой, тайное укрывательство и невинный процессъ простаго бродяжества предпочитать исканіямъ приключеній, которыя бѣглыхъ каторжныхъ ведутъ къ грабежамъ, убійствамъ и всякаго рода злодѣйствамъ. Если у нихъ уже развилась ненависть къ закону и пошатнулась вѣра въ общественное благосостояніе, то все-таки поселенецъ охотнѣе принимается за такіа дѣла, гдѣ меньше отвѣта и короче обратная дорога въ Сибирь. Такъ говорятъ изъ Россіи. Въ Сибири поселенцы всего болѣе осуждаются за побѣги изъ Сибири, за побѣги изъ-подъ стражи и за вломъ тюремъ, за развратное поведеніе и, наконецъ, за убійство.

Бѣглые съ каторги, достигшіе Россіи, отли-

*) Такъ, напримѣръ, на Николаевскомъ винокуренномъ заводѣ (въ Нижнеудинскомъ окр. Иркутской губ.) общее число рабочихъ было 442 человѣка, изъ нихъ бѣжало 215 (въ 1857 г.). Въ 1858 г. всѣхъ было 347, изъ этого числа бѣжало 248, а въ 1859 году изъ 462 человѣкъ пустились въ бѣга 291 человѣкъ.

**) Въ Енисейской губерніи, напримѣръ, съ ея немногихъ каторжныхъ и съ многочисленныхъ поселенческихъ мѣстъ водворенія въ три года бѣжало 6.572 человѣка, а поймано и возвращено 1.850, около 25% въ общей пропорціи.

чаются тамъ болѣею готовностью на разбой и какъ люди, горькими и тернистыми путѣмъ выбравшіеся на Русь между множествомъ страховъ и опасностей, устремляющихся на скрытыя и тайныя преступленія, обусловливаемые заговоромъ, предполагающія шайки (воруютъ, дѣлаютъ фальшивыя монеты, ассигнаціи и виды, путаются въ поджогахъ). Въ шайкѣ Быкова, съ которою онъ производилъ разбой въ Спасскомъ и Лаишевскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, слѣдствіе обнаружило шесть человѣкъ бѣглыхъ съ каторжныхъ работъ. Самъ атаманъ пришелъ съ есауломъ, свирѣпымъ Чайкиннмъ, изъ Иркутскаго солевареннаго завода, а одинъ изъ товарищей (Федоровъ) даже изъ нерчинскихъ рудниковъ. Такіе же бѣглые производили грабежи въ Смоленскѣ, разбой въ Киевской губерніи и большая часть хотя и сказывались — по обычаю и съ повадки — непомнящими родства, но въ Сибири оказывались старыми знакомыми, снова здоровыми. Бѣглые изъ Сибири, во всякомъ случаѣ, принимаютъ на себя значительную долю тягчайшихъ преступленій и бѣглые съ каторги сильнѣе и вѣрнѣе, тѣмъ тѣ, которые бѣжали съ мѣстъ поселенія. Имъ несомнѣнно обязаны ближайшія къ Сибири губерніи (Пермская и Оренбургская) тѣмъ, что, при всякомъ видѣ преступленій, краска на нихъ лежитъ гуще, чѣмъ на всѣхъ другихъ русскихъ губерніяхъ. Губернія же Тобольская, еще сверхъ того, ко всякому роду преступленій успѣваетъ сама прибавить примѣчательныя цифры виновныхъ, въ чемъ немного отстаетъ отъ нее и соседняя ей Томская губернія. Лѣтъ десять тому назадъ „Восточное Обозрѣніе“ сообщало слѣдующее:

„Бѣглыхъ каторжниковъ разгуливаетъ толпа по Сибири; когда они соединяются вмѣстѣ, то держатъ въ осадѣ населеніе обширнаго района, какъ это было нѣсколько лѣтъ назадъ въ Енисейской губерніи. Здѣсь разбойники плавали на лодкахъ по Ангарту и Енисею и наводили ужасъ на прибрежныя села и деревни. Удержатъ каторжниковъ въ тюрьмахъ почти нѣтъ возможности; они бѣгутъ оттуда каждую весну, толкаемые страстью къ бродячеству. Не всѣ они, конечно, готовы вновь совершать убійства, но среди нихъ значительный процентъ смѣлыхъ и почти дикихъ людей, которые не остановятся передъ убійствомъ. Грабежи и убійства встрѣчаются на каждомъ шагѣ, какъ вдоль большого тракта, такъ и въ сторонѣ отъ него, и огромное большинство изъ нихъ проходитъ безнаказанно“.

Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что прошедшіе изъ Сибири преступники (во всякомъ случаѣ люди испорченные, опасные и всегда озлобленные) находятъ себѣ безопасный пріютъ въ Россіи; пока экономическія средства ея достаточно удовлетворяютъ ихъ насущнымъ жи-

тейскимъ потребностямъ, они непримѣтны, до известной степени поглощены струею правильно и спокойно налаженного быта. Укрываясь отъ преслѣдованій и соблюдая свою безопасность, они обязательно прилаживаются, по старымъ знакомымъ и не забытымъ въ ссылкѣ приемамъ, къ общему строю народной жизни. Въ этомъ ихъ ихъ основное желаніе и коренное право на безопасность въ мѣстахъ, до которыхъ достигли они такимъ тяжелымъ путемъ бѣгства, такими опасными средствами и орудіями долговременнаго и голоднаго скитальчества. Разумѣя цѣну и важность побѣды, пришельцы изъ новыхъ мѣстъ, чужихъ и дальнихъ, на родимыя и знакомыя настолько не слышны тамъ, гдѣ имъ даютъ притонъ, что и самые обычные роды преступленій по Россіи идутъ, не возрастая и въ подчиненіи вѣчнымъ человѣческимъ законамъ нравственныхъ паденій и прегрѣшеній, какъ будто экономическія условія страны, по отношенію къ избытку вновь появившихся потребителей, устанавливаются въ ту норму, при которой лишній человѣкъ не затрудняетъ задачу работъ и не тяготитъ излишнимъ потребленіемъ. Не тяготитъ онъ другихъ прокормомъ и постоемъ, не нуждается и самъ въ изысканіи средствъ къ существованію темными преступными путями кражи, грабежей и разбоевъ; равновѣсіе сохраняется и въ обыденной жизни нѣтъ рѣзкихъ крайностей, по которымъ можно было бы судить о скопленіи враждебныхъ и опасныхъ силъ, порождающихъ эти крайности уклоненія отъ обычая и эти противорѣчія строгому и послѣдовательному складу жизни.

На высокой горѣ лежитъ вѣчный снѣгъ. Къ нему наметаютъ вѣтры новые сугробы, но гора способна удерживать на себѣ еще многія крупныя и новыя массы снѣга. Ледникъ на горѣ—дѣло привычное и селеніе у подошвы ведетъ свою обычную жизнь въ беззаботности, спокойствіи и не боится обвала, который несомнѣнно долженъ нанести вредъ, спутать всѣ соображенія и порядки, напугать близостью опасности и наказать за излишнее довѣріе и презрѣніе къ мѣрамъ предосторожности. Равновѣсіе подчиняется вѣчнымъ законамъ и нарушается тотчасъ, какъ скопленіе противодѣйствующихъ силъ перейдетъ законную границу: обвалъ сползаетъ съ горы или всею своею массою быстро рушится на подгорную окольность. Онъ не измѣняетъ своимъ законамъ, не противорѣчитъ сроку появленія и ошибаются тѣ, которые принимаютъ его за явленіе неожиданное.

Такимъ образомъ, пока вновь прибывающіе въ данную мѣстность налѣбники (изъ сибирскихъ бродягъ), не прошенныя по работамъ, восполняютъ недостатокъ рукъ, больше пьянствуютъ, чѣмъ злодѣйствуютъ, пока худшіе изъ

нихъ, совершающіе преступленія, кражи и разнаго рода поддѣлки отъ фальшивыхъ ассигнацій до паспортовъ, являются неосторожными быскачками, безопасность бѣглыхъ обезпечена, они не бросаются въ глаза начальству и не будятъ обычно дремлющихъ силъ его и силъ общественныхъ. Безопасность такая становится соблазномъ для новыхъ охотниковъ, потому что въ гостепріимныхъ мѣстахъ долговременная практика подготовляла тѣ приемы и способы, которые обезпечиваютъ для бѣглыхъ безопасность. Между тѣмъ, со стороны сибирской не перестаютъ дѣйствовать тѣ же несокрушимые вѣчные законы, по вліянію которыхъ прибываютъ новыя толпы и—опасная снѣжная лавина растетъ отъ наметовъ сибирскаго снѣга. Она рухнетъ, когда придетъ часъ и нарушится равновѣсіе.

Предвозвѣстниками этого опаснаго явленія, по отношенію къ скопленію бѣглыхъ, полагается увеличеніе количества кражъ; значить, объявился избытокъ рабочихъ силъ и новыхъ не нужно. Новымъ пришельцамъ дорога на лѣсъ, съ обширнымъ правомъ самимъ промышлять насущный хлѣбъ. Одинъ на такомъ дѣлѣ не вонитъ, „одному страшно, а всѣмъ не страшно“, на міру смерть красна! собираются бѣглые въ шайки, образуютъ товарищества. Даромъ не кормятъ, стало много ѣдаковъ, надо кормъ силою брать. Бѣглые послѣ воровства грабить стали; разбудили дремлющее око, свели хозяина съ полаты: онъ обулся, одѣлся, вялъ веревку, пошелъ искать и ловить грабителей. Съ сосѣдами онъ сдѣлалъ облаву. Облава имѣла успѣхъ: въ тенета много волковъ попалось. Шайку ослабили, но оставшіеся сбились плотнѣе: всякій товарищъ въ артегѣ сталъ рублемъ дороже. Вырвать одного—у всѣхъ шерсть щетинною: надо мстить обычнымъ, дешевымъ, съ испоконъ вѣку народнымъ средствомъ поджоговъ. Количество пожаровъ примѣтно увеличилось именно отъ того, что бѣглыхъ ловятъ и выдаютъ; пожаровъ стало такъ много и зарево отъ нихъ такъ велико, что и въ Петербургѣ стало видно, хоть и непонятно. Пожары расплодить погорѣльцевъ нищихъ, новыхъ бродягъ, но на этотъ разъ неопасныхъ. Опасны дѣлаются тѣ, которыхъ обозлили преслѣдованіями. Шайки, избѣгнувшія отъ преслѣдованій, ладятъ уже такъ, что онѣ имѣютъ всю форму разбойничьихъ. Найдется не одинъ такой удалой добрый молодецъ, для котораго и жизнь копейка и море по колѣно, въ природѣ его столько зла, что на многихъ хватаетъ, а въ характерѣ столько силы и воли, что идутъ за нимъ товарищи, какъ послушное стадо, какъ гуси за вожакомъ, какъ кони за передовымъ табуннымъ жеребцомъ. Такимъ образомъ, вслѣдъ за пожарами и грабителями, объявился и разбой: грабежъ, характеризующій себя только однимъ

насиліємъ, сталъ разбоемъ, взявъ въ руки оружіе. И, хотя безъ оружія, онъ сталъ все-таки грозить опасностью жизни, здоровью и свободѣ людей; съ разбоемъ въ тѣсной связи оказались разнообразныя убійства.

Здѣсь мы видимъ причину періодическаго появленія злодѣйствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно укрываются бѣглые каторжные и поселенцы. Таковы въ особенности губерніи, ближайшія къ Сибири: Пермская и Оренбургская, Казанская и Симбирская, умѣющія сильно отвѣчать на всѣ виды поименованныхъ преступленій. Тобольская губернія, населенная преимущественно арестантами, выбывшими изъ арестантскихъ ротъ и смиренныхъ домовъ и не принятыхъ обществами, и наибольше скопляющая въ себѣ бѣглыхъ со всѣхъ концовъ Сибири,—является самою преступною изъ всѣхъ губерній *). Отсюда же изъ этихъ слѣдуетъ и наибольшее количество бродягъ, путешествующихъ въ глубь Сибири, не потому больше, что здѣсь владѣютъ лучшимъ умѣньемъ и искусствомъ ловить ихъ (или прилагаютъ къ этому дѣлу энергію), а потому, что въ этихъ мѣстахъ грибовъ много: сами валяются въ кузовъ. Въ Сибири хорошо всѣмъ извѣстно, что бродяги, съ отчаянія голодовки и по мѣрѣ приближенія зимнихъ палачихъ морозовъ, отъ которыхъ и птица на землю валится, являются изъ бѣговъ добровольно. Добровольное возвращеніе вмѣняется въ добродѣтель, ослабляющую степень взыскапія и мѣру наказанія; такого бродягу высѣкутъ и водворятъ на прежнее мѣсто до новой весны и кукушки, съ каковой поры онъ снова пациентъ на леченіе „березовою настойкою“, предметъ практики для палача и полицейскихъ секуровъ. Сибирскіе опыты выучили разумѣть, что minimum побѣговъ для одного человѣка изъ опытныхъ бродягъ 6, среднее количество 11 и maximum 18 побѣговъ. Количество же бѣжавшихъ изъ Сибири въ Россію и возвращенныхъ назадъ далеко не соответствуетъ другъ другу во взаимныхъ между собою от-

*) Вотъ сравнительно преступленія такихъ арестантовъ и бѣглыхъ (за 9 лѣтъ):

	Бродяги:		Арестанты:	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Побѣгъ изъ Сибири	—	—	3.509	31
Вроджество.	13.788	3.528	34	—
Воровство.	434	86	32	—
Грабежи.	36	4	10	—
Разбой.	10	1	—	—
Самоубійства.	120	6	99	—
Тѣлесныя поврежденія съ намѣр. убійства.	28	1	39	2
Имѣніе и составъ фальшивыхъ видовъ.	345	134	—	—
Поддѣлка ассигнацій и монетъ.	39	1	7	—
Принятіе чужой фамиліи.	10	3	—	—
Возмущеніе противъ властей.	13	—	20	—
Оставленіе отечества.	5	—	—	—

ношеніяхъ; если возьмемъ количество бѣглыхъ только съ солеваренныхъ заводовъ Восточной Сибири, то и тогда число ихъ больше чѣмъ вдвое превосходитъ число пойманныхъ въ Россіи каторжныхъ *).

Какъ сибирскому бродяжеству бѣглыхъ и скитанію русскихъ бродягъ въ равной степени предшествуетъ преступленіе, наказываемое ссылкой и называемое „взломомъ тюрьмы“, такъ точно тутъ и тамъ бродяжество неизбѣжно сопрягается съ особымъ родомъ преступленій „имѣнія и приготовленія фальшивыхъ паспортовъ“ и порождаетъ третій родъ—„принятіе чужой фамиліи“. Между этими тремя сосѣдями бродяжество считаетъ себя въ большей безопасности. Фальшивые виды заказываются грамотнымъ людямъ съ тѣхъ поръ, какъ завелись на Руси паспорта. Ломаютъ тюрьмы съ тѣхъ самыхъ древнихъ временъ, когда земляныя тюрьмы замѣнены были срубами, выведенными на поверхность земли и прикрытыми дѣржавою крышею, а стало бродяжество защищать себя псевдонимами съ тѣхъ поръ, когда установился правильный образъ ссылки и водворенія по методѣ Сперанскаго.

Ломаютъ тюрьмы или, собственно, подкапываются подъ нихъ, или—еще проще—подкупаютъ сторожей такъ часто, что трудно представить себѣ хотя одну такую тюрьму въ Россіи и Сибири, надъ которою не было бы произведено опытовъ этого рода. Исторія этого дѣла пахнетъ затхлою стариною, когда бѣглые назывались „утеклецами“. Способы и количество опытовъ безконечны и безчисленны. Цифра можетъ сказать, что чаще производить „взломъ“ такъ называемые арестанты; за ними чаще поселенцы, чѣмъ бродяги и каторжные (потому что и количество людей перваго званія несравненно больше количества людей остальныхъ обоихъ, взятыхъ вмѣстѣ). Цифра и говоритъ это, свидѣтельствуя еще сверхъ того о томъ, что женщины весьма рѣдко прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ освобожденія отъ заточенія, предоставляя исполненіе ея сильнымъ рукамъ тюремныхъ сидѣльцевъ мужского пола; женщины не ломаютъ тюрьмы, а бѣгутъ просто съ работы на волю, въ остроговъ. Цифра пришедшихъ изъ Россіи за это преступленіе изъ мужчинъ и женщинъ не характеризуетъ его, какъ мѣстное явленіе, въ достаточной степени уже потому, что судъ гонитъ въ изгнаніе только такихъ, которые или не умѣли хорошо произ-

*) Minimum ежегодно высылаемыхъ каторжныхъ 94, maximum—210; minimum поселенцевъ—223 и maximum—688. Число ссыльныхъ, судившихся за побѣгъ съ каторги (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846), равнялось 1.554 м. и 7 ж. Число поселенцевъ, судившихся за побѣгъ съ мѣстъ водворенія, 4.462 м. и 91 ж. Намъ придется еще не одинъ разъ обращаться къ разбору, объясненію и пополненію этихъ краснорѣчивыхъ цифръ.

вести операцію, или, произведя ее, не умѣл хорошо спрятаться. Счастливые гуляютъ на волѣ и виновные въ старомъ грѣхѣ идутъ уже за какойнибудь изъ новыхъ. Несчастныхъ и неловкихъ учитываетъ Сибирь въ такомъ количествѣ, которое уже возбуждаетъ справедливое подозрѣніе *). Тюрьмы портятъ тюремные сидѣльцы всевозможными способами и только не жгутъ ихъ (что весьма, впрочемъ, знаменательно).

Въ тѣхъ же тюрьмахъ идетъ дѣло приготовления подложныхъ штемпелей и печатей и приготовление паспортовъ и другихъ видовъ за цѣны весьма невысокія, на каковыя въ Сибири въ хорошихъ тюрьмахъ установлена даже такса. Трудно и въ этомъ отношеніи представить себѣ такую сибирскую и изъ русскихъ маломаальски жилую тюрьму, гдѣ бы при тщательныхъ обыскахъ не найдено было и готовыхъ и начатыхъ паспортовъ, и орудія дѣла въ видѣ кусковъ свинцу, мѣдныхъ монетъ (обыкновенно пятаковъ), истертыхъ съ обѣихъ сторонъ и отмѣненныхъ новыми наръзками, указывающими на невѣроятно далекія отъ Сибири городскія думы и волостныя правленія. Печати обыкновенно крупнѣе общепринятыхъ формъ, нумера такой величины, что писавшій ихъ иногда и самъ выговорить не сумѣетъ, но попадаютъ и отдѣланные по всѣмъ правиламъ искусства; въ тюрьмахъ не мало мастеровъ настоящихъ изъ тѣхъ же рѣзчиковъ печатей, изъ поддѣлывателей фальшивыхъ монетъ и ассигнацій отъ извѣстнаго Цезика изъ Польши до знаменитаго Коренева изъ Перми). Тюремные паспорта такъ уже и пишутся по приказу собравшихся въ путь: на поселенцевъ, вознамерившихся погулять и отдохнуть въ окрестностяхъ; на мѣщанъ, крестьянъ и купцовъ, желающихъ прогуляться въ Россію. При этомъ обыкновенно избираются тѣ города, которые стоятъ на Руси двойными, тройными и четверными! Петровски, Николаевски, Александровски, Макарьевы, Яры, Суражи и Спасскіе въ этомъ случаѣ занимаютъ самыя видныя и почетныя мѣста. Ссылные изъ Россіи—первые пособники въ этомъ, они не покидаютъ въ Сибири того ремесла, за которое потерпѣли наказаніе

и впади въ несчастье. Ловятъ въ такомъ преступленіи въ равной мѣрѣ каторжныхъ и поселенцевъ. Изъ Россіи приходятъ и дворяне (служащіе и не служащіе), и купцы (торгующіе и не торгующіе), для которыхъ, впрочемъ, поддѣлка фальшивыхъ паспортовъ исчезла въ итогѣ преступлений, называемыхъ „поддѣлкою актовъ и другихъ бумагъ“ (однако, нижніе канцелярскіе чины, ссылаемые чаще за поддѣлку актовъ и за воровство, выясняются для насъ въ числѣ ссыльныхъ, какъ поддѣлыватели паспортовъ). За фальшивые паспорта изъ Россіи идутъ въ одинаковой степени солдаты и мѣщане, но примѣтно чаще—само собою разумѣется—тотъ классъ людей, который названъ бродягами *). При этомъ замѣчательно то обстоятельство, что бродяги особенно не считали для себя нужнымъ прикрываться какими бы то ни было видами на жительство и прибѣгать къ фальшивымъ, бродили же просто съ такъ называемыми волчьими паспортами; изъ пятнадцати тысячъ присланныхъ въ Сибирь въ теченіи девяти лѣтъ уличены съ фальшивыми паспортами только почти 32-ая часть, т. е. 479 чел. (345 муж. и 134 жен.). Главныхъ пунктовъ этого рода поддѣлокъ (между которыми принадлежатъ самыя видныя мѣста обѣимъ столицамъ) Сибирь не указываетъ, привыкнувъ различать получаемыхъ изъ Россіи преступниковъ въ валовомъ счетѣ по губерніямъ. По этой системѣ подозрительнѣе другихъ ей кажутся: 1-ая Тобольская, 2-ая Пермская, 3-ья Оренбургская, 4-ая Кіевская, 5-ая Казанская, 6-ая Московская, 7-ая Петербургская, а прочія губерніи въ полномъ безразличіи.

„Принятіе и имѣніе чужой фамиліи“ или псевдонимы, употребляемые для подспорья бродяжеству и для пущей легкости и возможности скрывать старые грѣхи, — въ Сибири и Россіи дѣла обычныя. Польза такихъ выдумокъ несомнѣнна и въ этомъ отношеніи неизмѣримо практичнѣе и прочнѣе литературныхъ псевдонимовъ; ничто не вѣнчается такимъ полнымъ успѣхомъ, какъ этотъ видъ преступныхъ измышлений на пользу каторжныхъ, поселенцевъ и бродягъ, исключительно пользующихся ими. Отсутствіе сплетни и существованіе кругового заступничества, вставшаго на ея мѣсто у этихъ со всѣхъ сторонъ и всѣми преслѣдуемыхъ, дѣлаетъ то, что разоблаченіе псевдонимовъ—находка въ Сибири равносильная, напр., откры-

*) Однако и въ 9 лѣтъ «за валомъ тюремъ» сослано было 75 человѣкъ (32 поселенца, 29 арестантовъ, 8 бродягъ и 7 каторжныхъ). Въ 1338 году въ Россіи бѣжало изъ-подъ стражи 57 м., 1 ж.; въ 1839 за побѣгъ отъ службы и изъ-подъ стражи сослано 84 м., 2 ж.; въ томъ числѣ 19 изъ одной Перм., 5 Тул., 5 Грод., 6 Минск., въ 1840—118 м., 4 ж. (18 изъ Перм., 12 Минск., 6 Ярослав., 8 Бесс.); 1841—108 мужч. (17 изъ Мин.), 1842—86 м., 1 ж. (17 изъ Херс., 9 Перм., 4 Вят.), въ 1843—132 м., 14 ж. (27 Перм., 7 Кіевск.), въ 1845—7 м. (изъ нихъ: 3 Ряз., 3 Волин., 1 Ярослав.). Въ 1844 г. не показано число, съ этого года замаскированное иными темными рубриками.

*) Въ такихъ числовыхъ отношеніяхъ:

Солдаты 17, солдаты 11, мѣщане 82, мѣщанки 7, бродяги муж. 345, жен. 134. Торопливая и странная система составленія тобольскихъ табелей о ссыльныхъ, зачастую обивающая разнаго рода преступниковъ въ одну общую категорію, на многіе года мѣшаетъ отдѣлять поддѣлывателей паспортовъ отъ имѣвшихъ и пользовавшихся ими. Общая же цифра (за 9 лѣтъ) «имѣвшихъ подложные паспорта» для мужчинъ 1.408, для женщинъ 328.

тію въ самоцѣльныхъ камняхъ розоваго тоназа. Смотрители тюремъ такіе случаи записываютъ въ шнуровыя книги подъ именемъ „чрезвычайныхъ“ происшествій. Такъ, смотритель тобольскаго острога хвастался (въ 1850 г.): „Вѣгло-каторжный Федоръ Ивановъ, отправленный изъ Тобольска въ Томскъ, съ дороги бѣжалъ, въ Тюмени пойманъ, приведенъ въ тобольской острогъ, снова отправленъ въ Томскъ и снова съ дороги бѣжалъ. Въ 1850 г. пришелъ въ Тобольскъ въ третій разъ въ партіи каторжныхъ уже изъ Россіи (по Екимомъ Звѣревымъ)“.

За принятіе чужой фамиліи изъ Россіи ушло всего 21 человекъ въ 9 лѣтъ *). По Сибири едва ли не половина ссыльнаго люда ходитъ подъ прозваніями, взятыми на прокатъ и, смотря по количеству побѣговъ, подъ пятою и десятою фамиліею. Въ сыскныхъ статьяхъ сибирскихъ губернскихъ и областныхъ правленій то и дѣло поручаютъ искать такого-то (который, какъ записъ въ полѣ, два раза на годъ мѣняетъ цвѣтъ своей шерсти): „Дезертира Путилова Палладій Васильевъ, онъ же Александръ Лебедевъ и Одинцовъ“. Одинцовъ онъ, вѣроятно, потому, что любилъ быть въ бѣгахъ безъ товарищей, ходилъ по лѣсамъ, какъ лось-одиноцъ, какъ олень-одиноцъ, а вѣроятно это оттого, что псевдонимы каторжныхъ всегда выражаютъ пополозновеніе на своего рода остроуміе. Въ бѣгахъ, кто какою рѣкою плыветъ, тою и славою слыветъ: умѣтъ угождать бѣглымъ товарищамъ мастерствомъ доставать пропитаніе—Доставаловъ сталъ; любилъ встрѣчать прохожихъ и, ограбивъ, отпускалъ ихъ живыми—Разуваевымъ прозвался. По лѣсамъ грабилъ, въ лѣсахъ скитался—Дубровинъ, еще тоньше—Смолкинъ, Кореневъ; въ горахъ разбойничалъ—Горкинъ, на островѣ Ангарты пойманъ—Островскимъ назвался. Очень сердитаго Варваровымъ прозвуть, очень угрюмаго—Несмѣяновымъ, очень веселыхъ—Балагуровыми, Сказочниковыми, Пѣсенниковыми, Потѣхиными. Также часто встрѣчаются: Ложечки, Новоженковы, Новограбленные, Монетчиковы, Денежкины, Перешметкины, просто Гришкинъ и просто Солдатовъ, Неспособный, Тайновъ и проч. и проч. Однако, здѣсь то различіе отъ общепринятыхъ русскихъ и сибирскихъ народомъ прозваній, что таковыя чаще берутъ на себя сами бѣглецы (а не даютъ сосѣди), берутъ по первому вдохновенію, но не безъ скрытаго желанія насмѣшки надъ допросчиками и сыщиками. Приходятъ и съ заранѣе надуманными прозвищами, но опять-таки не безъ скрытаго хвастовства своими доблестями, хотя бы на этотъ разъ и злодѣйскими; арестанты, какъ извѣстно, народъ страшно тщеславный и въ высшей степени хвастливый. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что пойманные со-

всѣмъ врасполохъ и не находчивые сказываютъ и просятъ писать себя просто „непомнящими“ (такими фамиліями испещрены сыскныя статьи и слѣдственные бумаги). Нѣкоторые (и это также въ большемъ употребленіи) прозываются именами, получившими на каторгѣ своего рода извѣстность. Такъ, прозываются они по фамиліямъ знаменитыхъ сибирскихъ бродягъ и разбойниковъ: Горкиными, Апрѣлковыми, Дубровинными. Палачи, напр., выбираемые преимущественно изъ бродягъ, на большую часть Бархатовы, ибо былъ-де такой знаменитый криворотый палачъ въ Москвѣ Бархатовъ, человекъ суровый и домовитый (словно просоленный былъ), самъ въ свою очередь, вѣроятно, придумавшій себѣ фамилію также ради остраго слова, хотя и не совсѣмъ удачно (ибо-де „гладилъ не бархатомъ, а чтобы ему, криворотому черту, икать на томъ свѣтѣ всю жизнь“).

О подобныхъ перемѣнахъ именъ и фамилій неукоснительно доводили до свѣденія высшаго правительства и оно неоднократно принимало въ этомъ отношеніи строгія мѣры: осужденные на поселеніе и обвинявшіеся съ каторжными, обязаны были идти туда, куда указала имъ добрая воля за какое нибудь ничтожное вознагражденіе. Такого ссыльнаго велѣно было держать въ каторжной работѣ 5 лѣтъ, а каторжнаго, по наказаніи на мѣстѣ розгами (ста ударами), держать лишнихъ 5 лѣтъ сверхъ узаконеннаго срока. Поселенцевъ, обвинявшихся именами же, велѣно отсылать въ заводскія работы на два года, а потомъ обращать на поселеніе. Строгости не пособили: ссыльные продолжаютъ мѣняться именами до нашихъ дней.

Коренные бродяги, занашивающіе свои прирожденные прозвища и отеческія имена, для насъ поучительны и въ томъ отношеніи, что прикрываютъ своимъ званіемъ многія изъ тѣхъ преступленій, которыхъ нѣтъ возможности не только въ Сибири, но и въ Россіи опредѣлить по сословіямъ съ нѣмецкою аккуратностью и, вообще, съ европейскою точностью. Но по бродягамъ и по главнымъ свойствамъ ихъ ремесла и званія не предстоитъ большого труда выдѣлить тѣхъ изъ нихъ, которые вырабатываются уже совершенно по европейскимъ образцамъ и начинаютъ увеличиваться въ количествѣ по мѣрѣ развитія городовъ со всѣми привилегіями и недостатками этихъ многочисленныхъ сходбищъ и стойбищъ людей различныхъ свойствъ, требованій и воспитанія.

Передъ нами бродяги—люди безъ призванія, не имѣющіе ни извѣстнаго жилища, ни средствъ къ существованію, которые не заняты ни ремесломъ, ни промысломъ. Этотъ первообразъ всѣхъ классовъ злодѣевъ, встрѣчающійся, какъ неизбежное явленіе, вездѣ, гдѣ производится непозволительная и запрещенная закономъ торговля, гдѣ существуетъ преступная промышлен-

*) Изъ бродягъ 10 м., 3 ж.; изъ поселенцевъ 6 м.; изъ каторжныхъ 2 мужч.

ность,—то прозябаніе, которое получает матеріалъ для питанія въ большихъ городахъ. Такого сорта бродяги и рождаются неизбежно въ той части населенія, которая растетъ и прозябаетъ въ этихъ большихъ городахъ и, по причинѣ непрочныхъ средствъ къ существованію, впадаетъ въ крайнюю нищету. Сюда входятъ и взрослые и оборванные дѣти, которыя, лишены родителей или покинуты ими,—дѣти, которыя, оставаясь безъ отцовскаго крова, вертятся на бойкихъ мѣстахъ главныхъ улицъ, на площадяхъ и бульварахъ Парижа и Лондона, стали появляться и въ нашихъ Москвѣ и Петербургѣ въ увеличивающейся прогрессіи. Они живутъ плодами своей навязчивости, милостынею или мелкимъ воровствомъ, и у насъ въ столицахъ начинаютъ изрѣдка собираться въ воровскія шайки или приставать къ таковымъ же взрослыхъ воровъ.

У настоящихъ городскихъ бродягъ нѣтъ ни очага, ни угла, но они—обычные и всегдашніе хозяева тѣхъ зловонныхъ и злосчастныхъ вертеповъ, которые открыты для всѣхъ проходящихъ и помѣщены, по большей части, во всѣхъ большихъ домахъ, окружающихъ самые большіе рынки (каковы: Сѣнная съ домомъ Вяземскаго въ Петербургѣ и Лубянка съ домомъ Шипова въ Москвѣ). Отсюда эти бродяги—гиблыя прозябанія большихъ городовъ, люди, занятые единственно настоящимъ днемъ, стекаются и толпятся на толкучкахъ, чтобы тамъ легкимъ промысломъ (въ Европѣ легкою и ничтожною службою) добыть себѣ хлѣбъ и мѣдную монету на приварокъ или горячее и горячительное,—и то только на насущный день. Вездѣ, гдѣ частная благотворительность раздаетъ милостыню, бродяги эти, въ видѣ нищихъ, являются въ полномъ составѣ: будутъ ли то церковныя паперти въ торжественные дни, или крыльца и дворы купеческихъ и барскихъ домовъ во время похоронъ или поминокъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что частная благотворительность старается выбрать иногда для своихъ подацій такія мѣста, гдѣ, по преимуществу, привыкли собираться бродяги, и, желая быть тароватою и искреннею, благотворительность умѣетъ одѣлаться, такимъ образомъ, вредною и даже преступною. Бродяжество рѣдко остается въ собственныхъ своихъ границахъ, но всегда слито съ нищенствомъ и воровствомъ—его неизбежными спутниками и естественными помощниками. Мелкое воровство—единственный выходъ для бродягъ и прямая опора для бродяжества. На средства, добытыя этимъ ремесломъ, бродяги умѣютъ поддерживать новобранцевъ и трусливыхъ, закрѣпляя, такимъ образомъ, артельные связи и подкрѣпляя общій законъ, въ силу котораго легкость добычи уничтожаетъ въ бродягахъ понятіе о цѣнности важныхъ въ городской жизни денегъ. Бродяги тратятъ ихъ съ

необузданною расточительностью и поразительною быстротою; безграничное пьянство становится ихъ прямымъ наслажденіемъ и, при благоприятныхъ поводахъ, превращается въ жизненную цѣль, для которой предѣлы заключается въ смерти. Во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ собраній, народныхъ сходокъ—для нихъ мѣста поживы. Безпорядочная жизнь ихъ составлена изъ двухъ половинъ: одна часть принадлежитъ занятію ремесломъ (дневная), а другая—игрѣ и пьянству (ночная). Игра и пьянство—двѣ страсти, соперничающія между собою въ жизни этого погибельнаго класса людей. Онѣ обѣ творятъ съ ними изумительныя превращенія: изъ легко одѣтыхъ, большею частью оборванныхъ, они въ нѣсколько часовъ становятся почти совершенно голыми и только это послѣднее обстоятельство способно останавливать отъ выхода на промыселъ, страсть къ которому превращается въ нѣкоторый родъ хронической болѣзни. Лѣтомъ они живутъ подъ открытымъ небомъ, зимою—въ самыхъ грязныхъ притонахъ подозрительныхъ домовъ. Они, впрочемъ, привыкли спать и на голыхъ камняхъ, когда не счастливить добыча; привыкли и голодать и умѣютъ приравливать ко всякаго рода нуждамъ и лишениямъ. Бродяжество, соединенное съ воровствомъ, до такой степени сильно затягивающее въ себя болото, что люди, попавшіе въ него, рѣдко бываютъ способны освободиться. Возвращаемые къ осѣдлости тѣми или другими случайными способами, они десять-двадцать разъ покидаютъ родительскія семьи и хозяевъ, чтобы снова удариться въ бродяжество и пуститься на воровство. Они снова шарятъ въ чужихъ карманахъ, высматриваютъ слабыя мѣста въ чужихъ квартирахъ, снова истрачиваютъ добытое и собственные силы только на наслажденія, ради ихъ продавая и носильное платье и все, что продать можно. Таково самопроизвольное, свободное бродяжество взрослыхъ, но существуетъ и вынужденное—для дѣтей. Отецъ-ремесленникъ истощаетъ работою своего сына, хозяинъ-мастеръ, принявшій изъ деревни мальчика, не кормитъ его до тѣхъ поръ, пока ученикъ не исполнитъ заданнаго урока, тяжелаго и для взрослого работника, сурово наказываетъ, больно бьетъ, общается прогнать назадъ свиней пасты; измученный мальчикъ бѣжитъ и изъ родительскаго дома и съ хозяйской квартиры, какъ съ каторги.

Разумѣется, бродяжество, нищенство, даже воровство—только печальныя послѣдствія, вынуждаемая законами необходимости.

Совершенно особнякомъ отъ всѣхъ указанныхъ нами видовъ бродяжества, въ подчиненіи собственнымъ законамъ, стоитъ другое явленіе въ народной жизни, на которое указываютъ сибирскія табели, учитывающія сосланныхъ за бродяжество. Въ группахъ настоящихъ бродягъ

большая половина принадлежить тѣмъ, которые сказались непомятыми родства, но, въ сущности, новсе не таковы, чтобы можно было оставить за ними прозвание бродягъ и считать ихъ опасными и тѣмъ болѣе преступными людьми. Это — самовольные переселенцы, ушедшіе обмѣнять неблагодарныя мѣста родины на лучшія, безъ дозволенія начальствъ, но по принужденію многочисленныхъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ осядлости. Они упорно отказывались объявить свое званіе и имя, чтобы отнять возможность пересылки, этапнымъ способомъ, туда, гдѣ все для нихъ кончено, но, подѣ охраною закона, получить право на осядлость тамъ, гдѣ и по слухамъ и по пословицѣ: „хоть и не растутъ яблоки, но люди не мрутъ съ голода“. Большія толпы людей, ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество, тѣ переселенцы, у которыхъ отнято право добровольнаго выбора мѣстъ внутри Россіи и замѣнено способомъ принудительнаго переселенія и казенныхъ пріемовъ подѣ видомъ ссылки на поселеніе въ Сибирь. Имъ не удалось довести своего предпріятія до конца (они пойманы во время самой работы) и, вмѣсто того, чтобы воспользоваться плодами своихъ исканій, на этотъ разъ принуждены видѣть свое дѣло испорченнымъ. Имъ указано вести его сначала при всѣхъ неудобствахъ ссылки и невыгодахъ принудительнаго поселенія. Ихъ признали за виноватыхъ и назвали преступными. Ихъ ссылаютъ въ Сибирь за бродяжество, но за ними историческое право, не допускающее преступности въ этомъ характерномъ явленіи нашего отечества.

Въ Россіи извѣстныя формы народныхъ передвиженій, называемыхъ въ наши времена бродяжествомъ, прошли черезъ всю историческую жизнь народа, подѣ благопріятнымъ вліяніемъ времени удѣльно-вѣчевого періода. Оно сохранилось какъ живое и неизбежное начало даже и на то время, когда ковалось Московское государство, медленно и ощупью добираясь до началъ государственныхъ, неблагопріятныхъ этому безконечному и непрерывному шатанію изъ края въ край, изъ одной области въ другую. Когда изъ Москвы начали высылать ограниченія этому народному передвиженію и думали остановить народныя стремленія „брестиврозъ“ — явилась русская Сибирь, обязанная своимъ бытіемъ именно этому стѣсняемому свойству, неразрывно слитому со всѣми другими свойствами, и тѣмъ людямъ, которые назывались сначала вольными, потомъ получили прозваніе гулящихъ и, наконецъ, названы бродягами. Вольные люди до Ивановъ московскихъ, гулящіе при нихъ до Петра, бѣглые при немъ и бродяги послѣ него до нашихъ дней — все одни и тѣ же представители кореннаго народнаго свойства, стремившагося осилить и оживить обширныя равнинныя пространства, на которыя набрелъ

русскій народъ и которыя легли неодолимымъ соблазномъ передъ нимъ, успѣвшимъ сознать самого себя и собственныя силы. Бродяжество несло государству громадныя выгоды и было однимъ изъ правильныхъ и законныхъ явленій.

Новгородскіе бродяги — вольные люди, уходившіе изъ Новгорода и его волостей въ силу общаго народнаго настроенія на торговлю и промыселъ или выгоняемые смутами и неурядицею, — эти вольные люди населили весь сѣверъ Россіи. Въ странствіяхъ, придерживаясь рѣкъ, этимъ бродяжествомъ своимъ стужѣли они оживить самыя отдаленныя страны, каковы закавказскія и сибирскія. Избравъ привольное любое мѣсто, эти вольные люди копили на св. Софію (а потомъ и на государя московскаго) слободы изъ такихъ же вольныхъ людей, бродягъ, извѣстныхъ на старинномъ языкѣ подѣ именемъ прибылыхъ людей. Въ предѣлахъ Россіи они устояли подѣ защитою частныхъ собственниковъ, сильныхъ капиталомъ и вліяніемъ и являвшихся на помощь къ нимъ или въ видѣ частныхъ лицъ — служилыхъ людей, или въ формѣ общинъ, каковы монастыри. Въ предѣлахъ Сибири тѣ же промышленныя поселенія устояли подѣ защитою остроговъ и подѣ охраною тѣхъ бродягъ, которые назывались въ старой Россіи казаками.

Далеко потомъ, когда уже окончательно установилось Московское государство, когда тотъ элементъ, который породилъ на Руси казачество, быстро и свободно заселилъ украинныя, приобрѣлъ государству много новыхъ земель и земельцъ, покорилъ много непокорныхъ народовъ и уступчивыхъ народцовъ, когда этотъ древній элементъ народнаго духа вмѣненъ былъ народу въ преступленіе, прежніе вольные люди названы были гулящими людьми, — бродяжество еще продолжало руководить народнымъ инстинктомъ. Инстинкъ этотъ сказывался отысканіемъ новыхъ мѣстъ, лучшихъ, прибыльныхъ и привольныхъ. Это исканіе какой-то обѣтованной земли руководило народомъ долгіе годы потомъ. Живетъ оно въ немъ и теперь, даже и послѣ полустарательнаго существованія законовъ, вѣняющихъ народу „бродяжество“ въ преступленіе. Оно, подѣ разными формами и именами, пережило въ послѣднія полтора столѣтія самыя трудныя для его жизни, но представляющія тѣ же питательныя средства, какими богата была древняя Русь и не бѣдна новая. Теперь, когда казалось, такъ проченъ и надеженъ государственный строй, добровольный переходъ съ худыхъ мѣстъ на лучшія, не кончая своей исторіи, ведетъ ея повѣсть съ такими же подробностями, хотя уже не такъ смѣло и открыто, но также примѣтно и настойчиво.

Одинъ ничтожный, неопредѣленный слухъ, распушенный какими нибудь бродягами (обыкновенно солдатами-дезертирами, нерѣдко бѣглыми

помѣщичьими людьми и крестьянами), достаточно сильны были для того, чтобы, и во время крѣпостного права, поднимать съ мѣста сотни и тысячи осѣдлаго населенія и вести ихъ въ неизвѣстность, въ какую-то призрачную, дальнюю обѣтованную землю. Такъ было это въ 1825 году съ помѣщичьими крестьянами 20 губерній, между которыми Пензенская, Симбирская и Саратовская поступились значительнымъ количествомъ своего населенія, выступившаго на „новую линію“ и дошедшаго уже до предѣловъ Уральскаго войска съ цѣлью разсѣять расхваленную и благодатную рѣку Дарью. Волновался народъ слухомъ о какомъ-то сенатскомъ указѣ и, называя его указомъ 23 февр. 1823, вѣрилъ въ то, что господскимъ крестьянамъ дозволено селиться на казенныхъ земляхъ за рѣкою Ураломъ, что для этого имъ объявлена полная воля, и кто захочетъ, тотъ и можетъ селиться. Народъ шелъ пѣшкомъ безъ денегъ и безъ хлѣбныхъ припасовъ, питаясь подаяніемъ; шелъ безъ женъ, безъ дѣтей, оставляя семейства и хозяйства на произволъ судьбы. Идя дорогою, не только ни одинъ не совершилъ преступленія, но даже и маловажнаго проступка, оставивъ лишь на мѣстахъ подъема слѣды не только неповиновенія и послушанія помѣщикамъ и управляющимъ, но и слѣды матажей и своеволия. Всѣмъ хотѣлось дойти безъ препятствій до счастливыхъ мѣстъ, гдѣ на осетрахъ бабы колотятъ выполосканное бѣлье, гдѣ на всякую избу тотчасъ по приходѣ даютъ всякаго скота и птицъ вдоволь и гдѣ всякій, придя въ готовую избу, на дубовомъ столѣ найдетъ 500 руб. на обзаведеніе всѣмъ нужнымъ въ хозяйствѣ. Женщины оставались дома дожидаться подкрѣпленія слуховъ, а мимошедшихъ снабжали холстами, пряжею, деньгами, хлѣбомъ, прося записать ихъ на „новой линіи“. Въ подкрѣпленіе слуховъ разсказывали, что самъ императоръ Александръ I и великій князь Константинъ Павловичъ объявили крестьянамъ свободу и сами поѣхали выбирать имъ мѣста, что киргизскій ханъ, по просьбѣ своихъ, изъяснилъ желаніе населить свои земли русскими людьми, что государю это понравилось и онъ ужъ совѣтовался съ Аракчеевымъ и велѣлъ сенату писать указы; къ сенату присталъ и синодъ, и проч. Разглашали слухи и просяняли ихъ прежде всѣхъ, разумѣется, бывалые люди—отставные солдаты (уличено 6 человекъ: Николаевъ, Фроловъ, Шлыковъ, Вѣлоглазовъ и друг.); затѣмъ купеческія дѣти (2) и сами сбѣжавшіе крестьяне другихъ губерній. Лицо духовнаго званія—какъ и быть надо—пономарь, открылъ на пути канцелярію для снабженія желающихъ фальшивыми паспортами. Все число сбѣжавшихъ крестьянъ только изъ трехъ сосѣднихъ къ линіи губерній (Пензенской, Симбирской и Саратовской) простирается до 2.084 чел. Изъ этого

числа наибольшую часть успѣли задержать на мѣстахъ; другую возвратили изъ Оренбурга и Уральска (802) въ южныхъ кандалахъ и за карауломъ отъ внутренней стражи. Кромѣ того, въ Симбирской губ. поймано бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ другихъ губерній 203 чел. (Пенз. 86, Саратов. 43, Нижегород. 39, Казан. 15, Тамб. 1, Рязан. 18, Вологод. 1; въ Курмышскомъ уѣздѣ поймано 35 чел. изъ Нижегород. губ.). Однако, изъ всего числа бѣжавшихъ 27 пропало безъ вѣсти, 20 умерло въ дорогѣ, 8 чел. товарищи отбили изъ-подъ караула; многіе успѣли ускользнуть отъ учета. Какъ великъ былъ приливъ народа въ Оренбургскую губ., можно отчасти судить по тому, что изъ одного уфимскаго казначейства израсходовано на отправку бѣглыхъ крестьянъ 15.332 руб. 70¹/₂ коп. Очень многихъ мѣстныхъ начальства, подъ видомъ бродягъ и цѣлыми семьями, отослали въ Сибирь на поселеніе. По изслѣдованіямъ сенатора князя А. А. Долгорукаго, главнѣйшею причиною побѣговъ было нелѣпное толкованіе распоряженій, предписанныхъ указомъ 23 февраля 1823 года относительно бродягъ.

Въ 1847 году большая часть Витебской губерніи двинулась къ Петербургу и уже подъ Порховымъ остановлена была вооруженною силою. Сколько разъ подобные же слухи шевелили и поднимали большія массы народа во многихъ другихъ губерніяхъ, какъ случалось, напримѣръ, въ Псковской, Новгородской, Воронежской, Курской, Киевской, Могилевской, Подольской и проч. Старательно преслѣдуя всѣ подобнаго рода движенія и народныя заявленія и сурово устраниая ближайшія причины,—преслѣдователи оставляли въ почвѣ корни, изъ которыхъ одинъ вырванъ великимъ актомъ освобожденія отъ крѣпостного сословія; другіе корни остались въ почвѣ. Малоземеліе въ хлѣбородныхъ южныхъ мѣстахъ, неурожай, нерѣдко преслѣдующіе изъ года въ годъ въ мѣстахъ лѣсныхъ и болотистыхъ, до сихъ поръ, вмѣстѣ съ другими причинами, даютъ этимъ скрытымъ корнямъ питательные соки въ достаточной мѣрѣ.

Съ поразительною очевидностію Сибирь ежегодно убѣждается въ томъ, что наибольшее количество ссылаемыхъ за „бродяжество“ является изъ южныхъ губерній степной полосы Россіи. Средняя цифра принадлежитъ внутреннимъ губерніямъ средней полосы (въ большей мѣрѣ подмосковнымъ, въ меньшей—западнымъ). Самая малая, сравнительно ничтожная цифра падаетъ на сѣверныя губерніи и остзейскія. Сильное на югѣ народное переселеніе слабѣетъ въ центрѣ и уничтожается на сѣверѣ. Оно, какъ бы набалованное условіями теплаго климата и продолжительностью благоприятныхъ временъ года, ослабѣваетъ, истощаясь въ своихъ силахъ при близости полярныхъ холодовъ и пропадаетъ въ

непроходимыхъ, темныхъ и ненаселенныхъ лѣсахъ сѣвера, на топкихъ и скудныхъ тундрахъ и болотахъ его. Приволье степей увеличиваетъ его размѣры и, расширяя пути, даетъ готовыя тропы. Непривѣтливость сѣверныхъ лѣсовъ заслоняетъ эти пути, теряющіеся въ непроходимыхъ чащахъ, и замечаетъ снѣжными сутробами тѣ дороги, которыя легко укладываются въ любуемъ мѣстѣ въ степи. Условія народной жизни измѣнились. Примѣненіе труда и народныхъ силъ приняло другое направленіе, противоположное тому, за которымъ до сихъ поръ слѣдила исторія.

Во времена отъ насъ далекія, когда южныя степи оберегались воинственными кочевниками восьми наименованій, разбивавшими и разрушавшими жизнь русскихъ славянъ на югѣ, вся сила движенія направлена была въ противоположную сторону, на сѣверъ. Въ первобытныхъ, непочатыхъ лѣсахъ его вѣдрили два богатыря: Москва и Новгородъ. Когда первой удалось притануть къ себѣ всѣ разрозненные, но однородныя части и составить сильное цѣлое, второй уже успѣлъ осилить новыя препоны и далъ народному движенію новое направленіе на востокъ—въ Сибирь. На сѣверѣ отъ степей продолжала укрѣпляться и сосредоточиваться русская жизнь, поразительная своею самобытностью и изумительная по необычайнымъ успѣхамъ колонизаціи. Вольные люди искали новыхъ земель и оживляли трудомъ свои тѣ, которыя удалось занять при содѣйствіи собственныхъ общинъ или по призыву богатыхъ собственниковъ, между которыми въ ряду колонизаторовъ очутились даже монастырскія общины и, притомъ, оказались самыми способными и опытными, къ которымъ охотѣе приставали прежніе вольные люди. Частное право перехода отъ одного владѣльца къ другому, болѣе выгодному, съ неплодныхъ земель на плодородныя, стало на сѣверѣ изъ обычнаго права народнымъ, вошло въ послѣдующія узаконенія, служило народу выходомъ на несчастные случаи, неблагопріятные для осѣдлости. Суровый климатъ и неблагоприятная почва, встрѣтившіе пришельцевъ невагодами повальныхъ болѣзней и частыхъ голодовъ отъ неурожаевъ, закрѣпили за народомъ право перемѣнять мѣсто, какъ естественное. Къ негостепріимной странѣ и неблагоприятнымъ займищамъ и урочищамъ народъ могъ примѣняться на время, но не былъ въ состояніи прикрѣпиться навсегда. Побѣжденные природою и желавшіе пользоваться естественнымъ человѣческимъ правомъ свободы уходили на призывъ хвастливаго и тароватаго. Равнымъ образомъ, снимались и съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ земля не давала надежныхъ всходовъ и гдѣ прошла война, сопровождавшаяся, по обычаю тѣхъ временъ, страшными опустошеніями и грабежами. Населеніе, оживлявшее лѣса и боровшееся со всѣми пре-

пятствіями, встрѣченными въ нихъ, продолжало находиться въ постоянномъ движеніи и кочевало по тому же способу, какъ и тѣ аборигены страны, которыхъ вытѣсняли они съ лучшихъ мѣстъ. При отсутствіи границъ въ русской землѣ, это скитаніе по лѣсамъ было безконечнымъ и вело народъ къ какому-то осѣдлому кочевью. „Гдѣ“—по словамъ одного изъ историковъ нашихъ—„всякая осѣдлость казалась временною, а всякій переходъ совершался осѣдлости ради“. Такимъ образомъ, самое завоеваніе такъ же кочевало, какъ и племена; но завоеваніе на этотъ разъ увѣчалось тѣмъ успѣхомъ, что вся громадная лѣсная равнина осталась за восточнымъ славянскимъ племенемъ. Здѣсь, въ предѣлахъ этой равнины, главнымъ образомъ сосредоточивалось это кочевье осѣдлаго народа и находилось въ полномъ разгарѣ, являлось безконечнымъ даже и на то время, когда Московскому царству показалось оно и несвоевременнымъ и вреднымъ. Годуновскій указъ о прикрѣпленіи народа къ той землѣ, на которой кого засталъ указъ, оказался только сильною попыткою остановить народныя стремленія перемѣнять мѣста подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, отъ той или другой причины, которыя на времена первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ оставались тѣ же. Число припыхъ людей на первое время уменьшилось, но предѣлы расширились приобрѣтеніемъ новыхъ странъ и очисткою хлѣбородныхъ и соблазнительныхъ степей отъ элементовъ, до сихъ поръ сдерживавшихъ стремленіе русскаго народа въ эту сторону. Не сильное въ началѣ, но такое же устойчивое и здѣсь, какъ и на сѣверѣ, такое же неуступчивое ко всякимъ препонамъ, народное передвиженіе заручилось новыми поводами, выразившимися въ крутыхъ и суровыхъ преслѣдованіяхъ за старую вѣру и новые религиозныя толки. При второмъ изъ Романовыхъ, царѣ Алексѣѣ, народное движеніе, вызванное новыми невагодами, стремилось и по старымъ тропамъ на востокъ, въ Сибирь, бросалось и въ обратную, на сѣверъ, къ шведскимъ рубежамъ, кидалось въ отчаяніи и по новымъ сиротскимъ дорогамъ на донскія и приволжскія степи, искало помощи и защиты и на западѣ, за рубежомъ литовскимъ. Какъ до сихъ поръ Новгородъ стремился на востокъ, такъ теперь Москва устремилась и на югъ и на западъ, куда ни пошло.

Въ такомъ народномъ броженіи принялъ Россію Петръ, думавшій установитъ государственныя стрѣлы по опытамъ и образцамъ Европы, но въ этихъ стремленіяхъ съумѣвшій дать народу новые поводы къ протесту противъ нововведеній. Тѣмъ же бѣгствомъ въ разныя и дальнія стороны отвѣтилъ народъ на указъ Петра о ревизіи, на послѣдующіе указы его о рекрутствѣ, преслѣдованія за старую вѣру, на прикрѣпленіе къ заводамъ и тяжелыя непривычныя ра-

боты и проч. Расширение владѣльческихъ правъ подъ именемъ крѣпостного, сурово выразившееся при Антѣ и достигшее своего полного апогея при Екатеринѣ II, дало новые питательные соки народному стремленію къ пережвѣтѣ мѣста. Народъ бѣжалъ и отъ второй ревизіи при Елизаветѣ, и отъ рекрутства, обратившагося въ государственный принципъ и затрогивавшаго чувствительныя семейныя узы въ самыхъ здоровыхъ звеньяхъ и узлахъ. Отъ нерѣдкихъ и всегда неожиданныхъ хозяйственныхъ кризисовъ народъ также попрежнему спѣшилъ подниматься съ насиженного мѣста и шелъ искать приволья и счастья тамъ, гдѣ укажутъ ему старинныя преданія или сегодняшній заманчивый слухъ, пущенный какинъ нибудь доброхотомъ.

Какъ нѣкогда Сибирь была для народа тою обѣтованною страной, гдѣ бабы быють соборей коромыслами, такъ потомъ, когда народъ распозналъ, что и въ Сибири то же солнышко свѣтитъ, Ханаанъ его сталъ въ степяхъ, сначала оренбургскихъ, потомъ новороссійскихъ. Въ настоящее время онъ ждетъ новыхъ указаній, но частями не остановить своихъ стремленій по знакомымъ и старымъ тропамъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что съ половины прошлаго вѣка опредѣлительно высказался напорливъ населенія съ сѣвера на югъ, и мы, во всякомъ случаѣ, переживаемъ то время, когда эта народная работа еще не доведена до конца. Народъ еще не кончилъ своей роли и не измѣнилъ своему призванію, какъ колонизатора. Какъ прежде ни запретныя указы царей и сената потомъ, ни напращенныя усилія прежнихъ сыскныхъ и послѣдующихъ воинскихъ командъ не клади препонъ, такъ и теперь не сильны ручательства тому, чтобы народъ отказался отъ миссіи, которую онъ выдержалъ съ такимъ успѣхомъ и которую осязательно выразилъ въ стремленіяхъ къ обладанію Азіею. Временныя кровавыя уроки народъ скоро забываетъ, но наболѣвшее мѣсто продолжало по прежнему жить въ народномъ организмѣ и сказываться при первомъ, даже легкомъ уколѣ. Способъ леченія посредствомъ такъ называемой паспортной системы — какъ всѣмъ и давно извѣстно — не имѣлъ никакого успѣха, а огромная корпорація старообрядцевъ приняла паспортъ за печать антихриста.

Къ концу этой борьбы за право существованія на возлюбленномъ и сытномъ мѣстѣ, съ одной стороны, и за право вниманія податей и разнаго рода сборовъ — съ другой, стало ясно теперь, что народныя переселенія устремились въ противоположную сторону. Сѣверъ, нѣкогда сильный огромными городами и богатыми селами, громкій торговлею въ далекихъ заморскихъ странахъ, затихъ, обдѣлѣтъ и опустѣть. Оставшіяся на немъ и послѣдніе достались въ наслѣдство кое-какіе слѣды богатства предковъ, которое любилъ, между прочимъ, выражаться въ большихъ

и богатыхъ церквахъ, выразилось во множествѣ ихъ и въ томъ, что при обилии лѣсного матеріала, церкви эти выстроены изъ дорогого матеріала каменнаго. Стоять еще и до сихъ поръ: нѣкогда великій Новгородъ, при 6.095 жителей, съ 12 монастырями и 50-ю церквами; Вологда, куда Грозный царь думалъ перенести свою столицу изъ Москвы, — теперь съ двумя монастырями и 50 церквами на 27.822 жителей, Кострома съ 35 церквами и 2 монастырями на 41.268 жителей, Ростовъ Ярославскій съ 24 церквами и 4 монастырями на 13.016, Угличъ съ такимъ же числомъ церквей и 2 монастырями на 9.698, Владимиръ (Залѣсскій) съ 30 церквами на 28.315 жителей, Костромской Галичъ съ 16 на 6.182, Устюжна съ 17 на 5.109, Юрьевецъ съ 17-ю церквами на 4.778. Въ Новгородѣ тѣ монастыри, которые находились въ чертѣ самаго города, лежатъ теперь въ 3 и 7 в. отъ него. Въ Холмогорахъ тѣ Матигоры, на которыхъ жилъ воевода, отстоятъ на 5 верстъ отъ этого города, и теперь протянувшись на три версты и соблагоуствующаго 6 церквей на 1.112 жит. самаго бѣднаго люда. 24 церкви, большія, каменные и старинныя, сохраняютъ другой древній и торговый городъ Каргополь, съ населеніемъ теперь въ 2.952 жит., въ которомъ, такимъ образомъ, на 80-ти человѣкахъ лежитъ обязательство поддержки цѣлаго причта и церкви. Какъ новгородчина (колонизаціонное вліяніе которой ограничивается на югѣ Волгою) поступилась своимъ народомъ для Сибири, гдѣ два города выросли до двадцатитысячнаго населенія, а селенія стали похожи величиною на города, такъ точно московскіе люди выстроили такіе большіе города, какъ Воронежъ (84.146), Саратовъ (137.109), Харьковъ (174.846) и Астрахань (118.001) на югѣ, и разбрелись въ такомъ количествѣ, что у себя дома оставили воспоминаніе о многихъ городахъ только въ бѣдныхъ селахъ и пустыхъ урочищахъ. Когда понадобились Екатеринѣ города въ селахъ, почти ни одно изъ нихъ не дошло и до нѣкотораго подобія этихъ твореній нѣмецкаго изобрѣтенія, но не русскаго дѣла. Между тѣмъ, во времена этой же императрицы, опиравшейся на завоеванія Потемкина, новороссійскія степи открылись для русскіхъ людей и стремленіе нашего народа на югъ выразилось въ самыхъ очевидныхъ и крупныхъ формахъ. Населеніе сгустилось здѣсь сосредоточиться въ городахъ съ такою быстротою, которая по истинѣ поразительна: Волжскъ съ 1781 года выросъ въ городъ съ 27.039 жителей, Екатеринославль, заложенный въ 1786 г., имѣетъ теперь 121.216 жителей, Херсонъ съ 1778 г. возросъ до 69.219. Изъ крѣпости св. Дмитрія (1749 г.) выросъ на Дону городъ Ростовъ съ 119.889 населенія; изъ бѣдныхъ татарскихъ деревушекъ стали такіе города, какъ Таганрогъ (1770 г.) съ 51.965, Николаевъ (1791 г.)

съ 92.060 и Одесса съ 405.041. Въ 1837 году деревушка, превратившаяся въ город Бердянскъ, имѣетъ теперь 27.247 жителей. Воронцовъ принималъ бѣглыхъ за припелюговъ и, подобно де-Геннингу (основателю Екатеринбургa), умѣлъ дѣлать изъ опасныхъ людей безопасныхъ и полезныхъ, вѣдряя ихъ на пустопорожнихъ благодатныхъ черноземныхъ земляхъ юга.

Такой обмѣнъ и переливъ народныхъ силъ, устремившихся изъ лѣсовъ въ степи, съ сѣвера на югъ, счумѣлъ до нѣкоторой степени послужить причиною, что многія цивилизующія начала, прилагаемыя по европейскимъ образцамъ, до сихъ поръ не имѣютъ успѣха, въ особенности по отношенію ко введенію такъ называемой паспортной системы. По самому существу колонизации, та же причина выразилась въ неправильномъ распредѣленіи народныхъ силъ, которыя успѣли во многихъ мѣстахъ расположиться такъ, что перелили черезъ край, выяснились же тѣмъ закономъ малоземелія и высказались прежнимъ желаніемъ народа переселиться дальше на новыя мѣста. Въ наше время на призывъ на вновь приобретенныя земли, наравнѣ съ нѣкоторыми изъ лѣсныхъ губерній (каковы Вятская, Пермская, Московская и Владимірская), вызываются охотники изъ степныхъ (каковы Орловская, Тамбовская, Воронежская и Кіевская). Такъ сказалося это при заселеніи Амура и сказывается въ призывѣ въ Крымъ и на Кавказъ и въ нынѣшнія времена на Уссури, Аму-Дарью, въ южныя сибирскія страны, въ Ташкентъ. Въ то же время не перестаетъ народное передвиженіе въ прежнемъ направленіи на черноземныя степи и черезъ нихъ: подъ названіемъ „самовольно зашедшихъ“ изъ губерній, бѣдныхъ поземельныхъ надѣломъ, являются въ русскихъ степныхъ и южныхъ губерніяхъ эти остаточные слугители древняго русскаго начала и представители отживающей, но еще живой силы народнаго духа. Метѣ находчивые изъ нихъ возвращаются по этапамъ на родину; болѣе твердые въ своихъ намѣреніяхъ, для которыхъ опостылѣла родина, закрываютъ себѣ на всегда обратный путь въ нее, сказываясь „ничего не знающими“ и прикрываясь именемъ „непоминающихъ родства“. Эти люди терпятъ заточеніе, подвергаются суду, получаютъ наказаніе. Зная, что за упорное заpiresтельство въ показаніяхъ законъ судить имъ замѣну добровольно избранныхъ мѣстъ на ссылку на поселеніе, эти люди, настойчиво увѣряя въ томъ, что ничего не знаютъ и не помнятъ, идутъ въ Сибирь только для того, чтобы не возвращаться назадъ на немилую родину, съ которою успѣли окончательно расчитаться. Въ Сибири не придется имъ установиться на мѣстѣ, тамъ снова начнутъ они бродить, но уже отъ другихъ причинъ, порождаемыхъ самою странюю

и способами сибирскаго поселенія (объ этомъ дальше).

Не смотря на то, что многимъ, „самовольно зашедшимъ“ на югъ и по вѣскольکو лѣтъ не пережвняющимъ паспортовъ, удастся до несчастныхъ случаевъ укрываться на дальнихъ морскихъ рыболовныхъ ватагахъ *) (не по одному десятку лѣтъ жить со старыми видами и по знати на персидскихъ и турецкихъ водахъ), не смотря на это, число пойманныхъ и выразившихъ желаніе идти на поселеніе въ Сибирь, каждый десятокъ лѣтъ, весьма значительно. Съ соразмѣрнымъ постоянствомъ цифра ссылаемыхъ въ Сибирь за бродяжество ежегодно повторялась въ болѣе крупныхъ размѣрахъ въ губерніяхъ южныхъ и при этомъ ярко выяснялся тотъ законъ, что таковое переселеніе производится семьями: количество женщинъ немного уступаетъ количеству мужчинъ. Слѣдовательно, предпринимается оно не ради бездѣльнаго скитанія съ мѣста на мѣсто, чтобы, на правахъ бродягъ, считаться людьми безъ призванія, лишенными предусмотрительности и энергіи и пришедшими въ то нравственное состояніе, при которомъ исчезаетъ даже тѣнь самостоятельнаго характера. Тянулись на югъ, при крѣпостномъ правѣ, дворовые охотливѣе и чаще всѣхъ другихъ сословій; брели въ большомъ числѣ болѣе свободные государственные крестьяне. Оказалось, что теперь сравнивались съ ними въ этихъ стремленіяхъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне, облегченные отъ путъ крѣпостного права. Идутъ на югъ и бѣгле изъ Сибири (въ 20 лѣтъ выслано оттуда попавшихся и уличенныхъ 430 человекъ **).

Какъ на волжскихъ, каспійскихъ и азовскихъ водахъ еще многимъ охотникамъ сказываться непоминающими родства удалось скорониться отъ ссылки подъ прикрытіемъ экономической необходимости и безвыходнаго положенія блюстителей закона ***), такъ и въ Россіи удастся от-

*) Извѣстно, что когда приводили въ ясность число безпаспортныхъ, занимающихся рыбною ловлею на астраханскихъ водахъ, цифра изумила величиною: насчитано было такихъ людей около пятинадцати тысячъ. Нисколько не меньше ихъ на водахъ Азовскаго моря; не считаны они на Куринскихъ рыбныхъ (Вожьныхъ) промыслахъ. На южномъ берегу Персидскаго залива, въ особенности на водахъ богатой рыбной рѣки Сифудъ-руды, русскіе рыбаки живутъ по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ, не принимая персидскаго подданства, но и не поддерживая особенныхъ связей съ отечествомъ.

**) Изъ Астр. губ. выслано за бродяжество 333 муж. и 55 жен., изъ земли войска Донскаго 1.245 муж. и 214 жен. въ 20 лѣтъ (съ 1827 по 1847 годъ).

***) Въ извѣстныхъ намъ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846 г.) число сосланныхъ въ Сибирь за бродяжество распредѣлилось въ такомъ отношеніи по южнымъ и степнымъ губерніямъ (считая мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ: 1) Ставр. 947; 2) Екатер. 730; 3) Херс. 642; 4) Полт. 642; 5) Черн.

бывать много изъ тѣхъ, которыхъ, по всѣмъ признакамъ, можно считать истинными бродягами въ болѣе близкомъ къ настоящему смыслу, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы рассказали сейчасъ. При всѣхъ усиліяхъ и частныхъ и упорныхъ преслѣдованіяхъ, въ народѣ не могли искоренить живучаго начала бродячества и оно сумѣло проявиться въ такихъ формахъ, при которыхъ стало терпимо, очутилось внѣ преслѣдованій. Прихотливо развѣтываясь на многія отрасли, русское бродячество, въ каждомъ изъ видовъ своихъ, успѣло прикрыться благовиднымъ покровомъ и встать подъ защиту того самаго общества, которое изъ породило, воспитало и въ отживающей и одряхлѣвшей формѣ охотливо покровительствуетъ приютомъ, питаетъ и грѣетъ. Общественная оборона явилась для многихъ изъ этихъ родовъ бродячества въ такомъ крѣпкомъ видѣ, что для преслѣдователей нѣтъ ни правъ, ни возможности одолѣть ловко прикрытые остатки наслѣдія отцовъ и пращуровъ.

Всматриваясь съ болѣею подробностью въ различные виды скитальцевъ, мы видимъ, что многіе изъ нихъ, по разнообразнымъ выводамъ, основали свое право на экономическихъ условіяхъ страны и представляются тѣмъ законнымъ явленіемъ, безъ котораго не полна народная жизнь. Для нихъ скитальчество — наружная форма: одни изъ скитальцевъ стоятъ подъ защитою коренного народного свойства — всеобщаго стремленія къ такъ называему благодѣію; другіе прикрылись ремесломъ; для третьихъ оказался удобнымъ промыселъ; четвертые бродятъ подъ видомъ торговцевъ, и проч.

Нѣтъ тѣхъ силъ, которыя могли бы остановить цѣлыя массы народа, движимыя принципомъ религіозности и увлекаемыя къ мѣстамъ, почему бы то ни было признаннымъ народомъ за священные. Нѣтъ тѣхъ знаній, которыя были бы способны разграничить искреннія религіозныя побужденія съ меркантильными, чисто-коммерческими предпріятіями, только снаружи прикрытыми маскою неподдѣльнаго религіознаго чувства. Нѣтъ тѣхъ средствъ, которыя могли бы противостать наплыву массъ шарлатановъ и обманщиковъ, которые, подъ видомъ духовнаго дѣла, ведутъ мелочную торговлю, спекулируютъ

на религіозныя вѣрованія такимъ же нечистымъ промысломъ и, устроивая на той и на другой свое личное благосостояніе, въ то же время поддерживаютъ въ народѣ суевѣрія, питаютъ въ немъ крупныя и многочисленныя остатки язычества. Для таковыхъ обѣтныя хожденія по святымъ мѣстамъ русскимъ, ближнимъ и отдаленнымъ, сдѣлались цѣлью существованія, превратились въ вѣчное движеніе, безконечное скитаніе, въ хроническую болѣзнь, въ промыселъ. Люди эти понятны народу и любезны ему: нѣтъ того мѣста въ Россіи, для котораго не было бы своего Іерусалима, какого нибудь города или села, или родника съ чудотворною мѣстно-чтимой иконою, съ подспудными мошамъ святаго подвижника и цѣлителя тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Обѣтное хожденіе къ такимъ мѣстамъ съ молитвою вмѣняется въ обязанность всякому, желающему получить облегченіе и отъ грѣховъ и отъ недуговъ. Восходя мыслію объ обрядномъ обязательствѣ хожденія по святымъ мѣстамъ, народъ нашъ особенно чтитъ дальнія святыя мѣста. Въ мучительно-трудномъ пути къ этимъ мѣстамъ онъ видитъ одинъ изъ путей къ облегченію душевныхъ скорбей и вѣроуспѣху достиженія блаженства въ райской загробной жизни. Вотъ почему Соловецкій монастырь, удаленный за лѣсами и болотами и поставленный среди моря „на отокѣ океана“, считается ежегодно богомольцевъ и рубли, оставленные ими, тысячами, и путешествіе въ Сирійскій Іерусалимъ, черезъ землю невѣрныхъ и зловѣрныхъ, считается верхомъ торжества для души, ищущей земного спокойствія. Лавры Троицко-Сергіевская и Києво-Печерская, непремѣнно достигаемыя пѣшими способомъ со вкушеніемъ всяческихъ невгодъ, для жителей сѣверныхъ лѣсныхъ губерній (вторая) и для жителей степныхъ южныхъ (первая) приближаютъ радость утѣшенія, всецѣло доставляемую собственно лишь однимъ Іерусалимомъ.

Видя въ самомъ процессѣ труднаго пѣшаго путешествія богоугодный подвигъ, задавшись мыслію и твердо стоя на положеніи, что только та молитва скорѣе идетъ къ небу, которая у самыхъ нетлѣнныхъ тѣлъ препоручена заступникамъ и угодникамъ Божиимъ, народъ видитъ затѣмъ во всѣхъ странникахъ подобнаго рода счастливецъ, божьихъ людей. Препоручая себя молитвамъ этихъ людей, народъ вездѣ, на всѣхъ пунктахъ (даже и на большихъ торныхъ дорогахъ), даетъ этимъ странникамъ безплатный приютъ, даровой прокормъ и деньги въ натурѣ на дальнюю путь-дорогу и на заздравную и заупокойную просфоры. Главнѣе всего, съ этихъ странниковъ берутъ обѣщаніе, приправляемое усердною просьбою, не оставлять ихъ святыми подарками на обратномъ пути и не обходить ихъ избы окольною дорогою, не принеся ими тѣхъ освященныхъ памятокъ, какими съ из-

621; 6) земліи войска Донск. 556; 7) Кіевской 528; 8) Таврич. 437; 9) Курской 410; 10) Бессараб. 402; 11) Харьк. 368.

Изъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній за тоже время выслано бродягъ: изъ Вологод. 43 (36 м., 7 ж.), Арханг. 27 (22 м., 5 ж.), Олон. 24 (21 м., 3 ж.). Эти цифры самыя меньшія. Изъ Финляндіи и царства Польскаго за бродяжничество не высылали; изъ Остзейскихъ губ. очень мало (изъ Курл. 48, изъ Эстляндской 12). Самая крупная цифра по этому роду ссыльныхъ принадлежитъ губерніямъ Тобольской, Оренбургской и Пермской по причинамъ, которыя мы объяснимъ дальше (въ первой собрано 2553, изъ второй выслано 957; изъ третьей—953 человекъ).

быткомъ запасаются монахи святыхъ мѣстъ и какими въ обиліи снабжаютъ они богомольцевъ. Не знаютъ того и не хотятъ знать простые и доврѣчивые деревенскіе люди, что почасту мимо нихъ проходятъ въ Соловки такіа артели, которыя въ прошломъ году бродили около Москвы, года черезъ два очутятся въ Киевѣ, еще черезъ нѣсколько лѣтъ попадутъ на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Не знаютъ они, что вся жизнь артелей этихъ проходить въ постоянномъ, неугомонномъ бродяжествѣ, что бродяжество успѣло опутать ихъ соблазнами и тенетами легкаго промысла такъ, что многіе странники сами не видятъ во мнимомъ спасеніи своемъ неоближнаго грѣха противъ личной совѣсти и противъ общества. Нѣтъ простому челоѣку дѣла до того, что это—тунеядцы, что артели ихъ сбиваются грѣховно и большею частью на самыхъ корыстныхъ расчѣтахъ и служатъ одному изъ семи неутомимыхъ и смертныхъ грѣховъ. Нѣтъ нужды рѣшать такіа дѣла, гдѣ замѣшалось дѣло совѣсти—самыя темныя дѣла, судить которыя народъ нашъ, по многовѣковой привычкѣ, не умѣетъ и не любитъ. Охотно слушаетъ онъ потомъ рассказы о всѣхъ необычайныхъ явленіяхъ вродѣ стога грѣшныхъ душъ, слышимыхъ во адѣ черезъ отверстіе въ іерусалимскомъ храмѣ, и вѣрять имъ всею слѣпотю своего ума, всею восприимчивостію своего сердца, боясь не доврѣять имъ изъ страха смерти. Вѣрять народъ въ обоихъ случаяхъ и тому рассказчику, который самъ воспринять все слышанное и видѣнное на свою слѣпую вѣру, и тому, который живо-привычною и медово-сладкою рѣчью хитро прикрываетъ личное безвѣріе и, выкладывая съ языка рассказы о чудесахъ, въ умѣ своемъ раскладываетъ счеты и грѣшныя соображенія о количествѣ и качествѣ денежныхъ и другихъ наградъ за повѣствованія *).

Насколько слѣпо въ народѣ доврѣіе, производимое религиозными возбужденіями, и насколько протосердечна вѣра, преданная разумнію одной виѣшней обрядности, настолько часты въ жизни народа такіа заключенія, которыя происходятъ отъ обмановъ и подлоговъ, употребляемыхъ людьми хитрыми и злонамѣренными. Сколько разъ ловила въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи наша немудрая земская полиція цѣлыя шайки бродягъ съ перламутровыми образами и крестами, съ поддѣльными частицами мощей и отломковъ отъ креста Христова, бродягъ, переодѣтыхъ въ монашеское платье и выдававшихъ себя за грековъ изъ Іерусалима или съ Аѳонской горы. Нахичеванскіе армяне такіе подлоги обратили въ особый видъ промысла и коммерческаго предпріятія,

основаннаго на запасѣ вещами, хорошо идущими въ торговлѣ: камешками разнаго вида, образками, четками, евангеліями, кусочками разнаго рода и даже пескомъ, увѣряя, что все это изъ Іерусалима и что деньги собираютъ на гробъ Господень. И сколько еще ходятъ по большимъ и столичнымъ городамъ такихъ странниковъ въ полумонашескомъ платьѣ, которые, со смиреніемъ на лицахъ, повѣствуютъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ, но сбиваются на географическихъ и другихъ показаніяхъ и потомъ ловятся въ кабакахъ въ пьяномъ и безобразномъ видѣ и безъ всякихъ видовъ.

Замѣчательно, что любили спекулировать этимъ большею частью армяне деревень Нахичеванскаго уѣзда, запасавшіеся передъ уходомъ заграничными паспортами на Джульфинской таможенной заставѣ въ персидскихъ предѣлахъ. Здѣсь разрѣшена персидскимъ шахомъ выдача билетовъ персіанамъ, идущимъ на заработки въ Россію. За условленную плату кавказскимъ (русскимъ) армянамъ здѣсь же выдавали билеты съ пропискою, что они—греческіе священники. Нѣкоторые запасались заграничными паспортами и отъ тѣхъ армянъ, которые приходятъ изъ Турціи. Опытные и бывалые умѣли накалывать на руки татуированные знаки, изображающіе распятіе, лики святыхъ или просто кресты. По деревнямъ русскимъ они увѣряютъ, что эти знаки накололи самимъ іерусалимскимъ патріархомъ. Эти плуты не бреютъ бороды, носятъ священническія рясы и шляпы, вродѣ невысокаго монашескаго клобука; службою молебновъ наживаютъ большія деньги, особенно на ярмаркахъ въ Нижнемѣ, Харьковѣ и Полтавѣ. Въ опасныхъ мѣстахъ они раски снимаютъ и ходятъ они купцами съ коробками, предъявляя уже нахичеванскіе паспорта. По многимъ мѣстамъ у нихъ заведены притоны и передатчики награбленныхъ обманомъ денегъ. Черезъ притонщиковъ этихъ ведется переписка съ родными; въ домахъ у нихъ производятся и переодѣванія. Нѣкоторые изъ мошенниковъ-армянъ успѣвали сдѣлаться кое у кого по купечеству духовниками, помимо которыхъ къ настоящимъ уже и не ходили, а у этихъ пришлецовъ крестили младенцевъ и проч. Наслѣжены таковыя мошенническіе притоны на Волгѣ, на Донѣ (въ землѣ казачьей), въ Харьковѣ, Симбирскѣ, Новочеркасскѣ,—по большей части у армянъ же *).

*) 7-го іюня 1890 г. московскій окружной судъ приговорилъ къ восьмимѣсячному тюремному заключенію перса Якова-Боба Ибрагимова, выдаваго себя за священника православной константинопольской патріархіи и присвоившаго крупныя пожертвованія на Аѳонскіе монастыри. На судѣ выяснилось, что въ Москвѣ существуетъ правильно организованная партія персовъ-христіанъ, занимающихся тѣмъ же. Одѣтые въ священническія рясы, они по подлож-

*) О бродяжествѣ этого характера и разныхъ видовъ авторъ говоритъ въ отдѣльномъ сочиненіи, изд. въ 1877 году подъ названіемъ «Бродячая Русь Христа-ради».

Огромныя толпы нищих покрываютъ всѣ церковныя паперти въ городахъ и селахъ, площадки на базарахъ и площади на ярмаркахъ. У одиночно-просящихъ милостыню нищихъ кругъ скитальчества не широкъ, ограниченный своимъ околоткомъ. У каждаго во всѣхъ деревняхъ по сосѣдству имѣются такія избы и семейства, которыя во всякое время готовно отпираютъ нищей братіи ворота и двери, открываютъ печь, припасаютъ теплое и уготованное мѣсто для почлега и красный уголь для разсказовъ о сонныхъ видѣніяхъ и приключеніяхъ въ сосѣдствѣ. Носить эта нищая братія худыя вѣсти съ чужого двора, не видя и не чуя въ нихъ грѣха сплетни, не предполагая въ своемъ лицѣ ясныхъ и опредѣленныхъ чертъ неумытнаго ремесла вѣстовщицы, междворницы, готовой подслужиться и семейному раздору и общественной неурядицѣ. Смирненіе, обязательное для молитвенниці, переходить въ грѣхъ пересуда и осужденія въ чужомъ глазу пищи; изъ легкаго ремесла становится привычкою и промысломъ, у котораго опять-таки одинъ исходъ—бродяжество, безмѣстное шатаніе, безконечное кочевье. Если по смыслу пословицы: „отъ поваженнаго, что и отъ наярженнаго, отбою не бываетъ“, то и нищенство, подпадая подъ форму бродячества, не имѣетъ на Руси конца и мѣры и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи доходитъ до странныхъ, неожиданныхъ и крайнихъ предѣловъ. Вездѣ, гдѣ только какое нибудь случайное возбужденіе—во имя молитвы, а кстати тутъ же и ради торговли—собираетъ толпы народа, собираетъ торгъ, базаръ, ярмарку, вездѣ во всѣхъ такихъ мѣстахъ нищая братія является съ неизмѣннымъ и несокрушимымъ своимъ правомъ, столько же древнимъ, какъ сама Русь. На большую часть въ бойкіе торговые пункты нищие приходятъ въ плотно слаженныхъ артеляхъ. У этихъ артелей нѣтъ уже иныхъ цѣлей, кромѣ разсчитанныхъ коммерческихъ соображеній на промыслѣ горюхъ и смиреннымъ видомъ. Часть заработаннаго капитала поступаетъ въ руки того слѣпца-подрядчика, который сбилъ эту кучу попрошайекъ въ артель и подобралъ голоса по давней привычкѣ и личнымъ соображеніямъ: громкому голосу, при хорошей памяти, положилъ большую плату, слабый голосъ, при маломъ знаніи стиховъ и старинѣ, оцѣнилъ меньшимъ паемъ. Смирненное сидѣніе надъ деревянною чашечкою, съ опущенными долу слѣпыми очами, поддѣлано и наведено только для базара и народа. За глазами базара оно скидается, какъ тяжелое, гнетущее бремя, и видимо благочестивая и смиренная артель въ заговоренныхъ кабакахъ развертываетъ сдержанный базаромъ и корыстью страсти: многіе слѣпые оказываются

нытъ свидѣтельствамъ собираютъ на восточныя православныя святыни и добытыя деньги дѣлила между собою.

зрячими, многіе хромые и безногіе пляшутъ трепака подъ влияніемъ разжигающей влаги. У цѣловальниковъ до сихъ поръ свято правило наливать самую лучшую водку нищимъ. Ни одна артель не живетъ такимъ обиліемъ всяческихъ дразгъ и сваръ, ни въ одной не бываетъ такихъ ожесточенныхъ кровопролитій и темныхъ нечистыхъ дѣлъ, вродѣ умыканія (похищенія) чужихъ дѣтей, нерѣдко сопряженнаго съ искалченіемъ членовъ и, во всякомъ случаѣ, съ неизбѣжною порчею ихъ нравственности на полномъ просторѣ и раздолѣ этого вида бродячества. Вольшая часть бродягъ деревенскихъ нищихъ живетъ въ постоянныхъ круговыхъ переходахъ изъ мѣста на мѣсто, съ базаровъ на ярмарки, съ харьковской на полтавскую, съ Коренной на кіевскіе Контракты и проч. Живетъ этотъ родъ бродячества-промысла съ самыхъ отдаленныхъ и темныхъ временъ нашей исторіи до настоящаго дня, надежно пристроившись къ тому народному свойству, которое истекаетъ изъ религіи. Во многихъ губерніяхъ, въ особенности во Владимирской (Судогодскаго уѣзда), изъ-подъ Москвы, въ Пензенск. губ. Саранскаго уѣзда, цѣлыя волости заколачиваютъ избы и уходятъ нищенствовать. При этомъ побираніе Христовымъ именемъ принимаетъ форму настоящаго, правильно организованнаго промысла, вызваннаго либо замѣчательнымъ безплодіемъ почвы (какъ въ окрестностяхъ Судогды), либо вѣковымъ обычаемъ, не только ничѣмъ не сдержаннымъ, но даже находившимъ покровительство при крѣпостномъ правѣ (какъ въ деревняхъ подмосковныхъ и въ Калужской губерніи *).

На всегдашней готовности русскаго народа къ благотворенію немущимъ, несчастнымъ и страждущимъ основалъ расколъ самую живую и дѣятельную сторону своего дѣла—дѣло пропаганды, и разсчитанно достигъ богатыхъ и счастливыхъ результатовъ. Такъ называемые „запросчики“, въ постоянныхъ переходахъ съ мѣста на мѣсто, полагали свое общественное служеніе, какъ долгъ, радвіе и священное обязательство общинѣ. Семенъ Укленинъ всю жизнь свою не имѣлъ, гдѣ главу преклонить, но въ итогѣ увидѣлъ то, что молокоство изъ тамбовскихъ деревень перекинулось на Хоперь

*) Въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго всѣхъ странствующихъ нищихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ и убогихъ, приходившихъ изъ сосѣднихъ губерній, хотя бы и по собственнымъ дѣламъ, а не только для испрошенія милостыни, принимали за бродягъ и ссылали въ Сибирь. Указъ 23-го февраля 1823 года повелѣвалъ даже всѣхъ не предъявившихъ паспортовъ, не наводя никакихъ справокъ, ссылать въ Сибирь. По почину калужскаго губернатора точнѣе опредѣлено закономъ значеніе бродяги, дозволено помѣщикамъ возвращать крѣпостныхъ людей изъ бродягъ на пути слѣдованія въ Сибирь, а убогихъ и нищихъ отдавать, по принадлежности, на призоръ самого народа, оставлять на родныхъ мѣстахъ и на родной почвѣ.

и съ Дону перебралось за Волгу, далеко въ Самарскую степь. Кондратій Селивановъ, съ тѣмъ же странническимъ посохомъ и въ видѣ бродяги, прешель по черноземной полосѣ глубоко съ юга до Петербурга, посѣщая хлыстовскіе „корабли“ и устроая сіонскія „горницы“ скопцовъ. Наконецъ изъ того же принципа бродяжничества возникъ особый видъ раскольниковъ секты, извѣстной подъ именемъ бѣгуновъ или такъ называемаго сопѣлковскаго согласія, ревнители котораго уже въ истинномъ смыслѣ люди, не имѣющіе гдѣ главу преклонить, по религіозному принципу уходящіе въ глубь лѣсовъ и во мракъ подпольевъ (подробности въ томъ же сочиненіи „Бродячая Русь“).

На разнообразномъ пространствѣ огромной русской земли народныя передвиженія съ мѣста на мѣсто для отысканія средствъ къ существованію на сторонѣ, когда ихъ нѣтъ на мѣстѣ, между прочимъ, разительнo высказались въ существованіи такъ называемыхъ отхожихъ промысловъ. Изъ нихъ нѣкоторые многозначительны до того, что выводятъ населеніе многихъ мѣстностей поголовно (по крайней мѣрѣ на лучшую и здоровую часть его). Какъ промыселъ и ремесло, такъ и торговля искала примѣненія и путей для себя въ тѣхъ же переломахъ и скитаніяхъ по лицу земли русской. Эта разнообразная подвижность населенія также глубоко скрыла начальные основныя корни свои въ давнихъ временахъ народной исторіи и также не стѣснялась пространствами и разстояніями. Какъ плотники и печники, шерстобиты и шубники уходятъ въ глубь Сибири, такъ нѣкогда ковровскаго и вязниковскаго ходебщика-офеню видали за австрійскою границею и считали сотнями за Кавказомъ и за Ураломъ, десятками на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ государства, каковы побережья Вѣлаго моря и ссыльные мѣста Забайкальскаго края. Съ коробкомъ за плечами, съ аршиномъ въ рукахъ, офеня-разносчикъ почти круглый годъ (отъ середины одной макарьевской ярмарки до начала ея въ слѣдующемъ году), бродилъ изъ села въ село, съ люднаго базара и малаго торжка на большую и бойкую ярмарку. Шерстобиты ходятъ съ мѣста на мѣсто всю зиму, коновалы половину зимы и весну и проч.

Хотя кое-какія частныя распоряженія и, наконецъ, самое время и измѣненія экономическаго быта, съ проведеніемъ шоссеиныхъ и желѣзныхъ дорогъ, ослабили это скитальчество торговли, тѣмъ не менѣе оно производится еще и теперь, хотя и примѣтно въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Офени прикрѣпились къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сосредоточивали, они, главнымъ образомъ, свою торговлю, и бродятъ уже только по околицамъ срединнаго пункта, но за то ярославскіе салфеточники бродятъ еще по петербургскимъ и московскимъ домамъ, разнося полотна и полотенцы, а тверскіе и буевскіе гребенщики подаютъ еще свой козлиный голось на столичныхъ дворахъ и улицахъ. Отхожій промыселъ въ столицы имѣеть, сверхъ невыгодъ долговременныхъ отлучекъ для нравственности семей, еще ту особенность, что приучаетъ сельскаго жителя къ городской холостой жизни, несомнѣнно вліяющей прямымъ и косвеннымъ образомъ на развитіе преступленій „противъ правъ семейственнаго состоянія“.

Не видать уже теперь въ такомъ множествѣ тѣхъ цыганскихъ таборовъ, которые, съ разломанными кибитками, со рваными и одѣтыми въ лохмотья женщинами, съ полуголыми ребятишками и съ краденными лошадьми, во множествѣ становились въ окрестностяхъ уѣздныхъ городовъ и большихъ торговыхъ селъ. Рѣже (и то только въ сѣверныхъ и среднихъ мѣстахъ Россіи) видятся теперь эти бродяги изъ индусскаго племени, женская половина которыхъ занималась ворожбою и кражею куръ и бабьяго тряпья въ то время, когда мужская пускалась на плутовской обманъ краденныхъ лошадей. Тѣ и другіе отслужили свою достославную службу шаловливому бездѣлю помѣщиковъ и чиновниковъ, умѣвшихъ тратиться и пьянствовать подъ обаяніемъ дикихъ пѣсенъ и удалыхъ плясокъ. На пятьдесятъ лѣтъ назадъ ушли для бессарабскихъ цыганъ тѣ времена, когда они, своими таборами, какъ бы татарскими ордами, осаждали молодые города Новороссіи (напримѣръ, херсонскій Елизаветградъ) и высылали изъ лагеря въ городъ пословъ съ требованіями денегъ и имущества и съ угрозами смерти и пожара въ случай отказовъ. Тамъ, по всему югу и даже на западъ (по Вѣлороссіи), цыгане — еще при старыхъ правахъ бездомныхъ скитальцевъ.

ГЛАВА V.

ВОРЫ И МОШЕННИКИ.

Народныя понятія о собственности.—Вѣдомый большой воръ.—Воровскія мѣста въ Россіи.—Причины воровства.—Столичные жулики и мазурики.—Царманники.—Музыка (воровской языкъ).—Мѣшки (барышники-пріемщики).—Честный человекъ въ воровствѣ.—Мошенники высшихъ слоевъ общества: карточные шулера.—Сословія и мѣста, наиболѣе видныя по воровскому промыслу.—Воровство—повальная тюремная и поселенческая болѣзнь.

Древняя Русь придавала это прозваніе „ворами“ всѣмъ вообще лихимъ и злымъ людямъ, тѣмъ недоброхотамъ и злодѣямъ, отъ которыхъ народъ ожидалъ для себя несчастій и получалъ всякаго рода невзгоды и бѣдствія. Ворами слыли и литовскіе люди, опустошавшіе московскія страны, и казаки, пользовавшіеся смутными временами и народными неурядицами. Ворами назывались и тѣ русскіе, которые, не имѣя осядлости, бродили по московской землѣ, наживались плодами чужого труда и прозваны въ наши времена бродягами. Ворами прозвалъ народъ и царьковъ-самозванцевъ, которыхъ соблазнялъ московскій престолъ въ смутное безгосударное время государства. Воромъ въ тѣ времена не былъ тотъ, кто посягалъ на мелкую собственность; недоброхотъ подобнаго свойства назывался татемъ, а ремесло его — татьбою. „Теперь,—по пословицѣ:—люди таковы стали: унеси что съ чужого двора—воромъ назовутъ“ и „кто разъ укралъ—на вѣкъ воромъ сталъ“. Такимъ образомъ, съ исчезновеніемъ стараго настоящаго слова, другое старое же вступило на всѣ его гражданскія права и приняло на себя всѣ его обязательства. Съ перемѣною словъ не измѣнились самыя свойства преступнаго промысла. Онъ въ нетронутомъ видѣ достался въ послѣдїе и нашимъ временамъ, только съ тѣмъ различіемъ, что несомнѣнно развился въ примѣненіи и развѣтвился на новыя виды, болѣе утопченные и весьма разнообразныя. Современный законъ призналъ въ воровствѣ два вида, изъ которыхъ за однимъ оставилъ прозваніе кражи, какъ такого способа похищенія, каковое не сопровождалось нападеніемъ съ открытою силою (съ оружіемъ или безъ оружія), какъ разбой, или съ насиліемъ же, но безъ опасности жизни, здоровью и свободѣ человека, какъ грабежъ. Воровствомъ—кражею называлъ законъ всякое преступное посягательство на чужую собственность, произведенное втайнѣ, и назвалъ воровствомъ-мошенничествомъ тотъ видъ кражи, которая произведена посредствомъ обмана. Но сколько ни ясны подобныя опредѣленія, сколь ни точно опредѣлены и предусмотрѣны частныя виды обихъ родовъ воровства, народныя понятія съ этими объясненіями во многомъ расходятся. Народъ не во всемъ согласенъ со

своими законодателями, потому что не во всемъ приладилъ жизнь къ тѣмъ образцамъ, изъ которыхъ выбраны руководящія правила для нравственной жизни и заимствованы вѣсы, выносящіе степень виновности его въ случаѣ отклоненій отъ общественныхъ правилъ и паденій въ противоположную сторону.

Ни въ чемъ до такой степени не разнообразны (и, повидимому, даже разнорѣчны) народныя понятія, какъ именно по отношенію къ понятію о собственности. Не смотря на то, что воровство одно изъ тѣхъ преступленій, въ которомъ всего чаще обвиняются люди и всего больше подвергаются наказанію ссылкой, Россія представляетъ поразительныя крайности. Не говоря уже о томъ, что въ пестромъ калейдоскопѣ племенъ, населяющихъ русскую землю, понятія о чужой собственности замѣчательно разнообразны, въ самомъ русскомъ племени это право совсѣмъ не въ тѣхъ рамкахъ, которыя можно считать опредѣленными и оконченными. Въ густо населенныхъ пунктахъ, гдѣ нужда, лишенія и житейскія неудачи дѣлають свое законное дѣло, воровство является неизбывнымъ послѣдствіемъ; количество жертвъ велико: имъ въ ссылкѣ принадлежить второе, а за исключеніемъ бродяжества первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ родовъ преступленій. При этомъ ссыльными становятся тѣ лица, на которыхъ испытано значительное количество всякаго рода возмездій, произведено много цѣлительныхъ операцій, но въ ссылкѣ являются неисправимые, отбившіеся отъ рукъ преступники; стало быть, воровство представляется въ болѣе отчаянномъ видѣ, безнадежнымъ и сильно-распространеннымъ въ народѣ преступленіемъ. Съ другой стороны, въ мѣстностяхъ, менѣе населенныхъ, уваженіе въ чужой собственности сильнѣе, при меньшемъ числѣ соблазновъ количество ссыльныхъ жертвъ поразительно слабѣе. Являются такія мѣста, изъ болѣе глухихъ и менѣе оживленныхъ, гдѣ воровство еще одно изъ тягчайшихъ и самыхъ нетерпимыхъ преступленій. Народныя понятія складываются въ совершенно противоположномъ направленіи и нравы народные представляются во всей чистотѣ патріархальности. Употребленіе орудій, оберегающихъ собственность, слабо, а во многихъ мѣстахъ

еще даже и неизвестно. Деревянные замки замѣняютъ желѣзные. На Терскомъ берегу Вѣлаго моря и на Печерѣ употребленіе таковыхъ оправдываютъ необходимою обороною противъ блудливой рогатой скотины. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Вологодской, Костромской и Вятской губерній еще живъ обычай заявлять о пропажѣ въ церкви и, въ крайнемъ случаѣ, на базарѣ, обращая на себя вниманіе шапкою, приподнятою на длинной палкѣ. Старинная форма самосуда по всей Сибири и сѣверной Россіи еще продолжаетъ отличаться своимъ простодушіемъ и не встрѣчается насмѣшками, не возбуждаетъ удивленія, не покидается въ силу несостоятельности. Съ несознательнаго упрямаго вора снимаютъ на базарѣ шапку, съ бабы—платокъ; въ Шадринскомъ уѣздѣ (Пермск. губ.) на пойманнаго съ поличнымъ надѣваютъ украденную вещь и водятъ по базару. Противъ упорныхъ и забаловавшихся употребляютъ крутыя мѣры, которыя, съ одной стороны, свидѣлствуютъ о грубости первобытныхъ нравовъ, съ другой—показываютъ, до какой степени щекотливо чувство уваженія къ чужой собственности и обидно и невыносимо даже мелкое нарушеніе правъ ея *).

Особенною строгостью въ этомъ отношеніи отличалась Запорожская сѣчь: за воровство и грабежъ одного отвѣчалъ весь курень, къ которому воръ-казакъ принадлежалъ, если онъ не имѣлъ у себя достатка. Во всякомъ случаѣ, воръ и грабитель отвѣчалъ, при несостоятельности, синною: преступника привязывали или приковывали къ столбу на базарѣ и клали подлѣ нѣсколько кѣвъ, подобныхъ бичамъ и наръзаннымъ изъ дубоваго дерева. Тутъ же ставили разные наптки: горилку, медъ, пиво, брагу. Всякій казакъ, проходящій мимо, ѣлъ и пилъ сколько хотѣлъ, но за даровое угощеніе обязанъ былъ ударить привязаннаго, по чему захочетъ (по головѣ или ребрамъ) съ приговоромъ: „Отъ тоби, сучій сыну, щобъ ты не кравь и не раз-

*) Не сознающихся въ воровствѣ кормятъ, между прочимъ, селеніями пирогами и не даютъ пить. Между родными—судъ Божій, т. е. сними покону со стѣны и скажи: «Порази меня Царь небесный, если я этому дѣлу виновенъ». По дрожанію рукъ, ногъ, губъ судятъ о винѣ; добиваются сознанія соленымъ пирогомъ, которымъ накормятъ и пить не дадутъ. Въ такихъ мѣстахъ еще кладутъ надежды на домашнія средства исправленія и нерѣдко достигаютъ цѣли. Простодушныхъ конокрадовъ въ степныхъ губерніяхъ узнаютъ въ церкви по восковой свѣчѣ, поставленной низомъ вверхъ передъ образомъ Ивана Воина. Чохъ (чиханіе кстати) идетъ на правду. Вѣрять и бояться, что за воровство придется возить на томъ свѣтѣ нопа въ рѣшетѣ. У старца (нищаго) взять—огонь въ домъ. Пугаютъ должника прощеніемъ: съ бирки срѣжу. Наказываютъ (въ Вѣлоруссіи) за развратъ виновнику битьемъ веревки отъ звонницы (колокольни), а загулявшуюся покрѣче тѣмъ же концомъ веревки на самой звонницѣ, и проч.

бивавъ, мы всѣ за тебя куренемъ платили“. Бывали случаи, что забивали до смерти. За убійство платились убійствомъ: вѣшали, подвозя верхомъ на лошади подъ шибницу (вѣслицу) и накинувъ на голову сильцо (петлю), лошадь ударяли плетью; вѣшали на горѣ за ноги, за ребро желѣзнымъ крюкомъ и оставляли висѣть, пока не разсыплются кости. Сажали на колъ, т. е. деревянный столбъ вродѣ острожной пали вышиною въ два аршина, съ желѣзнымъ шпиглемъ на верху. Посаженный на колъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока не высыхалъ и крутился кругомъ шпигля, какъ мельница, и торохтели его кости, пока не спали на землю. Придорожныхъ грабителей забивали до смерти палками. Освобождали преступниковъ отъ смерти только въ такомъ случаѣ, когда дѣвушка изъявляла желаніе выдти за него замужъ. Въ Запорожѣ существовали уже правильные суды—„паланки“, съ тремя членами—судьями, панами: полковникомъ, эсауломъ и писаремъ, избранными на три года. Къ нимъ въ помощь опредѣляли трехъ помощниковъ изъ казаковъ—подпанковъ. Сотворилъ казакъ шкуру каку: потраву, драку, обиду, оба берутъ на базарѣ по калачу и идутъ судиться; подпанки производятъ слѣдствіе, паны мирятъ. Помирились—по домамъ, не помирились—въ Сѣчь.

За то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ свѣту стало побольше, за воровство велятъ три раза простить, въ четвертый прохвостить; говорятъ (и дѣлаютъ): хлѣбъ за хлѣбъ, а за пересторожку ведро вина; не пойманъ—не воръ, не уличенъ—не гулява. Права собственности уже достаточно ясны, имъ положенъ предѣлъ: чей берегъ, того и рыба, чья земля, того сѣно. Воръ еще не бываетъ богатъ, бываетъ горбатъ; для него еще больше накладу, чѣмъ барыша; у воровъ не бываетъ каменныхъ домовъ. Но по мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ тѣсь, пахатныя земли дѣлаются богаче, населеніе гуще, города люднѣе, селенія чаще,—понятія о воровствѣ и ворѣ, подчиняясь таковымъ явленіямъ, становятся на ту настоящую почву, на которой уже воръ да мотъ до вѣку не переводятся, гдѣ пословица „грѣхъ воровать, да нельзя миловать“ представляется во всей наготѣ и неотразимой правдѣ. Здѣсь уже грѣхъ заспать можно, здѣсь десятая вина виновата. Кругозоръ разумнѣе шире, уступчивость грѣху сильнѣе и самый грѣхъ не вызываетъ тѣхъ негодованій и отвращеній, которыя могли бы высказываться со старинною нетерпимостью и съ древними формами возмездія, на этотъ разъ уже и непригодными на практикѣ. Здѣсь уже распознали, что не воруетъ мальчишъ, а сами люди носятъ; здѣсь самъ отецъ благословляетъ дѣтокъ до чужихъ клѣтокъ: воръ воруетъ, а самъ горюетъ. По-пуская оставаться сукну и овчинѣ у портного на ножницахъ, по тому же снисхожденію и спо-

собу, въ силу каковыхъ у развитыхъ людей и образованныхъ сословій зачитываются книги, умудренный житейскимъ опытомъ народъ кое-гдѣ продолжаетъ еще соблюдать правила старины и понятія о воровствѣ имѣть по прежнему своеобразныя. Они бросаются въ глаза по своей исключительности, но, въ то же время, въ массѣ понятій видится система, выработался общій законъ. Все, къ чему не приложень трудъ и что, такимъ образомъ, не представляетъ благопріобрѣтеннаго капитала—воровать не грѣхъ. Все барское съ тѣхъ самыхъ поръ, когда оно узаконено въ отдѣльную собственность, возбуждаетъ самый крѣпкій соблазнъ, подвергается преимущественнымъ нападеніямъ, наводитъ на грѣхъ кражи, какъ придорожный горохъ и рѣпа, съ крайнимъ подозрѣніемъ виновности и отвѣтственности—передъ совѣстью. Все добытое трудомъ, береженное уходомъ, выработанное умѣньемъ и искусствомъ становится неприкосновеннымъ до границы подозрительной собственности, вродѣ господской и поповской. За этою границею способность распознавать чужое отъ своего значительно слабѣетъ, виновность въ грѣхѣ возрастаетъ; количество наказуемыхъ сыльныхъ жертвъ укладывается въ опредѣленную систему, выражается ежегодными, непрерывными и необходимыми цифрами. Цифры приходить въ обязательную подчиненность отъ законовъ, которые для всего народа становятся однообразными. Они одинаково всѣмъ исповѣдуются по той мѣрѣ, какъ цѣлостно сохраняется въ народѣ общинный складъ его жизни; народный смыслъ наталкивается на распознаваніе и разумѣніе, что создано Богомъ на службу и потребу людямъ, каковы земля, вода и воздухъ, словомъ, все, чего люди не могутъ создать сами. Народъ не расходится въ этомъ отношеніи съ тѣмъ, что вѣками укрѣплялось въ сознаніи съ самыхъ древнихъ временъ, когда Богъ устами законодателя Моисея сказалъ всѣмъ людямъ: „Земля бо Моя есть, вы же на ней пришельницы есте“ и что подтверждено Екатериною II въ земскихъ постановленіяхъ Россіи. Считая землю за средство къ работѣ и не сомнѣваясь въ правахъ на нее, народъ (испытавшій на себѣ, что и съ правомъ на работу можно умереть съ голоду безъ средствъ) счѣтѣлъ достаточно укрѣпиться въ мысли, что тамъ, гдѣ не приложено силъ, не выказалось прилежаніе—слабо право собственности, подозрительна грѣховность въ нарушеніи его. Рубка чужого лѣсу представляется, такимъ образомъ, самымъ законнымъ способомъ пользованія на домашнюю потребу и повсемѣстно въ цѣлой Россіи выразилась фактомъ, для уничтоженія котораго еще до сихъ поръ не придумано не только вѣрныхъ, но и приблизительныхъ средствъ. Самовольныя порубки — грѣхъ повсюдный, развитіе его не остановили и такіа мѣры, какова ссылка за за-

повѣдныя казенныя лѣса, которая, такимъ образомъ, остается при одномъ правѣ ежегодно повторять старую истину и ежегодно не достигать никакихъ полезныхъ результатовъ *). Неосторожные и чаще другихъ попадавшіеся, глубже и сильнѣе другихъ убѣжденные въ безсиліи грѣха, эти жертвы общаго всей Россіи прегрѣшенія значительно дополняютъ и оправдываютъ цифру сыльныхъ въ Сибирь за воровство-кражу.

На тѣхъ же основахъ древняго быта, при мало измѣненной обстановкѣ старинныхъ примемовъ и вѣрованій, выродился и уберегся до нашихъ дней въ сельскомъ быту живучій и злобный типъ недоброхота чужого имущества, извѣстный подъ именемъ вѣдомаго вора. Рѣдкая мѣстность Россіи (изъ людныхъ и бойкихъ) не испытываетъ всѣхъ неблагоприятныхъ послѣдствій отъ такого явленія, не находится въ страхѣ и опасности отъ злыхъ дѣяній и воровскихъ прегрѣшеній этого рокового и злого духа. Онъ, благодаря почти непрерывному вліянію благоприятныхъ обстоятельствъ, умѣлъ продлить историческое существованіе и уберечь себя на текущее время въ замѣчательной неприкосновенности. Вся тайна его живучести заключается въ наглости и дерзости, съ которыми производить онъ свой промыселъ и которыми доводитъ своихъ жертвъ до страха покорности, причѣмъ всякое противодѣйствіе не способно выразиться достаткомъ силъ и не умѣетъ заручиться из-

*) Въ тѣхъ же лѣсахъ, подъ охраною неписаннаго закона, но домашняго обычая, стоятъ въ неприкосновенной цѣлости, какъ бы зачурованные заговоромъ, борты для пчелъ, силки по путикамъ для звѣрей, въ рѣдкихъ случаяхъ охраняемые какою нибудь тамгою (штемелемъ), свидѣтельствующею объ имени владѣльца. Ничто съ такою строгостію не наказывается деревенскимъ самосудомъ, какъ именно воровство этой заповѣдной добычи и продуктовъ промысла: рѣчной рыбы, уловленной сѣтями и вынутой хищническою рукою, пчелиныхъ роствъ, переманенныхъ изъ чужого улья въ свой, или медовыхъ сотовъ, подрѣзанныхъ безъ спроса и въ недоброе время, и проч. Уличеннымъ и пойманнымъ на такихъ необычныхъ дѣлахъ не было еще дано ни разу прошенія или снисхожденія ни въ сѣверной Россіи, ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Сибири. Особенно ненавистно и истерпимо воровство общиннаго имущества тамъ, гдѣ еще не умерщвлены основы общиннаго владѣнія землею и водою. На Уралѣ, у казаковъ уральскихъ, о такихъ пресушеніяхъ и слуховъ нѣтъ. Въ Сибири, при слияніи р. Исети и Течи, по наволокамъ, т. е. по прирѣчнымъ кустарникамъ, въ обиліи растутъ хмель—общественная собственность. Его міромъ отдавать на откупъ. До назначеннаго дня никто не смѣетъ рвать его, иначе виновному привязываютъ руки назадъ къ колесу, затѣмъ ругаютъ, плюютъ въ глаза и, оутавъ хмелевыми клечами, водятъ по толпѣ любопытныхъ. Помѣщичьихъ крестьянъ за порубку лѣсовъ, въ случаѣ негодности ихъ въ военную службу, начали систематически ссылать въ Сибирь въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

лишком смѣлости и рѣшимости. Избыткомъ добычи, приобретенной воровскимъ промысломъ, вѣдомый воръ умѣетъ прикрывать свои слѣды и заслонить себя отъ предстоящихъ опасностей. Онъ становится вѣтъ всякихъ преслѣдованій, когда имѣетъ право сказать: „Что мнѣ законы, когда судьи знакомы“!. Онъ, въ званіи и съ именемъ большого вора (когда опирается въ промыслѣ на товарищей и исполнѣ зависящихъ отъ него соучастниковъ), становится тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ счастливѣе на походахъ и въ добычѣ. За что воришекъ бьютъ, то ему съ рукъ сходить. „Когда малый воръ бѣжитъ, этотъ большой воръ лежитъ“, лежитъ, оберегаемый людскою оплошностью и нерѣшимостью, лежитъ до тѣхъ поръ, пока самъ не зарвется, пока съ другой стороны не переполнится чаша терпѣнія. До тѣхъ поръ онъ—вѣтъ всякой опасности, потому что всѣ убѣжденія жертвъ его преслѣдованій сводятся на одно: „съ сильнымъ воровъ тягаться не подѣ силу“; вѣками доказано и многими тысячами опытовъ и прихитровъ доказано, „что воръ попалъ, а мѣръ пропалъ (поплатился), одинъ въ грѣхѣ—всѣ въ отвѣтѣ“. Безднадежность эта тѣмъ сильнѣе и вѣрнѣе, что воръ вора терпитъ, воръ на вора не доказчикъ.

Вѣдомый и большой воръ, начиная практику съ приема краденаго, съ потачки и понаровки мелкимъ воришкамъ, самъ выходитъ на дѣло, придерживаясь сначала деревенскихъ околицъ и клѣтей, и не задумывается потомъ встать на дорогу, чтобы здѣсь воровски разбивать, шапки снимать и встрѣчать изъ-подъ мосту проѣзжихъ. Обычные приемы защиты — поклены на людей неповинныхъ и подкупы людей сильныхъ; наиболѣе легкій предметъ для промысла и практики—крестьянскія лошади, и самая частая виновность—конокрадство. Этотъ видъ воровства—наиболѣе распространенное въ народѣ преступленіе, противъ котораго еще до сихъ поръ, какъ всѣмъ досконально извѣстно, не придумано еще никакихъ средствъ. Передъ неодолимою силою зла пали всѣ учрежденія и дѣтели сошли со сцены побѣжденных, проживъ свой недолгій вѣкъ съ прозваніемъ отъ самого народа конокрадами. И при нихъ, какъ и до нихъ, послѣ уцѣлѣли такіа мѣста, гдѣ „что ни дворъ, то воръ“, и что ни годъ, то огромныя толпы не исправленныхъ воровъ и мошенниковъ, которые сумѣли осилить всякое возможное терпѣніе, перейти всѣ степени и рубежи и добыться до тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые оканчиваются лишеніемъ правъ состоянія, дальнею ссылкой и всякаго рода заключеніями. Сибирскія табели ссылныхъ не умѣютъ распознавать воровъ по родамъ ихъ промысла и по степени ихъ преступности, но, принимая воровъ изъ крестьянъ и мѣщанъ, несомнѣнно вносятъ въ эту графу большое число конокрадовъ. Вору въ тѣсномъ смыслѣ, похитители безъ разбора

всего, что попадаетъ подѣ руку и что плохо лежитъ,—составляютъ исключительную особенность городовъ. Конокрады—прозябаніе деревень и преимущественные обитатели тѣхъ мѣстностей, гдѣ группируются конные торжки и въ большомъ множествѣ гнѣздятся въ мѣстахъ, ближайшихъ къ специальнымъ (коннымъ) ярмаркамъ. Нѣкоторыя мѣстности успѣли сдѣлаться привилегированными и ремесло, за долгое существованіе, умѣло приготовить такихъ ловкихъ мастеровъ, что „изъ-подъ себя кобылу украдутъ“, — говоря словами народной поговорки. Тѣ жѣ поговорки отчасти указываютъ и на этихъ мастеровъ, рекомендуя сыскать у татарина кобылу и говоря про торопчанина, что онъ лошадь купилъ, а цѣну забылъ. Цыганъ давно уже выговорилъ, что краденная кобыла не въ примѣръ дешевле купленной обходится. Между русскими конокрадами наиболѣе всѣхъ другихъ выдавалось, между прочимъ, одно изъ пермскихъ мѣстъ гр. Строгоновой, въ которомъ конокрады пользовались наибольшою славою и самое воровство этого рода производилось въ изумительныхъ размѣрахъ (особенно въ теченіи 1844, 45 и 46 годовъ). Въ Уфимскомъ уѣздѣ, въ томъ угодкѣ, который смеженъ съ Белебеевскимъ, деревня Каргала, густо населенная князьями и муразами (1.200 душъ), долгое время представляла гнѣздо конокрадовъ, наводившихъ страхъ и трепетъ на всѣ окрестныя деревни. Башкиры воруютъ безъ разбора и у своихъ единовѣрцовъ кочевыхъ, безбожно разворуютъ и русскихъ крестьянъ: таскаютъ лошадей, коровъ и овецъ. Лошадей крадутъ десятками у кочевыхъ и единицами у осѣдлыхъ, угоняя добычу въ далекія страны. Выкупъ лошадей хозяевами за высокую цѣну — одинъ изъ тѣхъ обычаевъ, который полагается неизбѣжнымъ и обязательнымъ (за одну голову руб. 30 — 40). Отдается лошадь въ какомъ либо лѣсу или въ глухомъ оврагѣ. Лошадь приводится 4 — 5-ю вооруженными людьми съ кинжалами и пистолетами; обворованный, сверхъ денегъ, приноситъ вино. Одинъ даетъ ему оплеуху, другой стрѣляетъ надъ его головою и выговариваетъ угрозы, если тотъ вздумаетъ хлопотать и жаловаться. Угрозы превращаются въ дѣло немедленно и панический страхъ поддерживается въ народѣ. Прекращенное въ одномъ мѣстѣ, конокрадство перекочевывало, цыганскимъ и татарскимъ способомъ, въ другое, и на практикѣ конокрадовъ изъ русскаго племени производятся шайками, гдѣ два вора въ одну руку играютъ и гдѣ каждый мастеръ—по словамъ народнаго приговора—изъ плута кроетъ, мошенникомъ подбить, каждый еще сверхъ плута на два фута, каждый умѣетъ свинью продать за бобра, каждый обуеъ и разуеъ. Иногда прикрываются они какимъ нибудь благовиднымъ и

невиннымъ ремесломъ и, шатаясь, напримѣръ, по деревнямъ шведамъ, въ сущности тѣ самые опасные мастера, которые (по словамъ поговорки) „день сидятъ съ иглой, а ночью съ оборотью“ (т. е. узкою или недоузкомъ), и во всякомъ случаѣ та опасная корпорація людей, которой боится народъ, какъ огня, зная, что здѣсь „воръ по ворѣ и каблукъ кроетъ“. На конныхъ торжкахъ и ярмаркахъ воръ является подъ охраною и защитою барышниковъ и перекупней, такихъ же плутовъ. Если конокрадъ смѣло и ловко крадетъ, то барышникъ еще лучше концы хоронитъ и на этотъ разъ дѣйствуютъ также стачкою.

На такихъ рукахъ и при такихъ условіяхъ конокрадство есть одно изъ золъ, трудно поправимыхъ, потому что въ самомъ народѣ находится много питательныхъ матеріаловъ, а служители зла, столько многочисленны, потому и сильны, что не всякій обиженный рѣшается доказать на нихъ. Изъ боязни мщенія и преслѣдованій, въ расчетъ на горшее зло, народъ подошеть къ прямому и неизбежному заключенію: „Пронадай собака и съ лыкомъ, лишь бы не судиться“. Воровство такого рода продолжаетъ собирать шайки вездѣ тамъ, гдѣ не существуетъ обычая содержать пастуховъ, сколько за недостаткомъ свободныхъ рукъ (въ мѣстностяхъ, существующихъ отхожими промыслами), столько же и по отдаленности пастбищъ (какъ, напр., во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ губерніяхъ). Придерживаясь торговыхъ конныхъ центровъ, конокрады потому и прочны, что ведется по-семейный на Руси обычай мѣняться лошадьми и, стало быть, представляется полная возможность быстрого перехода краденной лошади черезъ многія руки, тѣмъ болѣе, что народъ продаетъ лошадей безъ всякихъ свидѣтельствъ. Въ такихъ случаяхъ даже и перекраски и подтасовки не нужно, а равно и тѣхъ многосложныхъ аптекъ, какими обычно обставляются столичные барышники — дѣтели тамошнихъ конныхъ площадей. Здѣсь на мѣсто воровства самого грубаго вида является легкое и утонченное мошенничество. Въ степяхъ, у кочевыхъ народовъ, конокрадство принимаетъ форму грабежа, даже разбойничьяго набѣга: киргизская баранта является уже характерною особенностью племени, ищущаго показать свою удалую славу отцевъ, въ отпущеніе за обиду или, по степному вдохновенію, надъ зазѣвавшимися и оплошавшимъ или болѣе слабымъ кочевымъ родомъ.

Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за оба вида воровства (кражу и мошенничество) сослано въ Сибирь изъ Россіи 13.180 мужч. и 2.186 женщ. *). Въ этой цифрѣ, по проценту

*) Съ предыдущими 11-ью годами (съ 1827 г.), т. е. за 20 лѣтъ, цифра эта возрастаетъ до 41.866 чел. (35.416 мужч. и 5.250 женщ.). До

сосланныхъ наибольшее количество ссыльныхъ принадлежить губерніямъ новороссійскимъ, молодой странѣ, еще не установившейся, еще организуемой новыми пришельцами въ видѣ бездомныхъ бродягъ, бѣглыхъ голышей, явившихся искать здѣсь счастья; за ними слѣдуютъ изъ губерній, уже искушенныхъ въ житейскомъ опытѣ, а между прочимъ, изъ населенныхъ татарскимъ племенемъ, склоннымъ къ конокрадству (Казанская и Симбирская). Нѣсколько меньше первой и больше второй пло воронъ изъ Бессарабской области — преимущественнаго гнѣздилища цыганскаго племени, откуда народъ этотъ, какъ саранча, не такъ давно выходилъ на промыселъ съ грабежемъ по сосѣдству и съ обманомъ на всякую руку по цѣлой Россіи вплоть до отдаленной Вятки. Между ними съ высокимъ процентомъ воровства встали обѣ губерніи столичныя (С.-Петербургская и Московская), виновность которыхъ, прямымъ образомъ, зависитъ отъ самихъ столичныхъ городовъ. Губерніи Пермская и Оренбургская, само собою, не могли встать дальше другихъ по исключительности своего инородческаго населенія (въ особенности башкиръ) и русскаго, дурно обезпеченнаго (заводскіе и фабричныя). Наименѣе запутались въ воровствѣ губерніи бѣлорусскія и сѣверныя, между которыми Олонецкая — наиболѣе другихъ добродѣтельна *).

1781 г. высылка воровъ была обильна. Ссылали всякаго рода безъ различія степеней и видовъ воровства, присуждая къ кнугу и плетямъ. Екатерининскій наказъ разобралъ дѣло съ большимъ вниманіемъ и нашелъ болѣе удобнымъ и справедливымъ населять Сибирь тѣми ворами, которые поживались нищетствомъ, превосходящимъ стоимость ста руб. ассиг., и всѣми, которые повторили кражу и ниже ста руб., начиная съ 20 руб. ассиг. Но и на этотъ разъ цѣль Петра I, стремившагося къ пополненію арміи ворами и бродягами, не утратила своей силы: въ Сибирь шли еще неисправимые воры, не пригодившіеся въ военную службу. Жалобы главнокомандующихъ арміями на деморализацію войска вызвали указъ 1821 года (11 іюля), по которому такихъ воровъ стали прямо направлять въ Сибирь. Въ 1823 году запрещеніе приема въ военную службу воровъ ограничено было тѣмъ, что стали принимать не наказанныхъ рукою палача. Словомъ, теперь попали въ Сибирь за кражи, превосходящія цѣнность 30 руб., и за кражи меньшей цѣнности, но повторенныя нѣсколько разъ. При этомъ лица до 35 лѣтъ, годныя, отданы въ солдаты либо помѣщены въ арестантскія роты.

*) Губерніи встали въ такомъ порядкѣ (за 20 лѣтъ):

	мужч.	женщ.
Пермская	1.427	193
Казанская	1.354	137
Оренбургская	1.272	92
Симбирская	1.261	78
Кіевская	1.218	212
Саратовская	1.137	111
Московская	1.170	93
С.-Петербургская	866	170
Херсонская	735	184

По отношенію ко всѣмъ другимъ губерніямъ Россіи, гдѣ потребности шире, а средства къ удовлетворенію ихъ ограниченнѣе, количество ссылаемыхъ за воровство возрастаетъ заурядъ съ большею или меньшею количественностью общаго числа жителей. Какъ удалось выдѣлиться изъ общаго числа другимъ двумъ столицамъ, такъ наиболѣе выдаются также и тѣ, гдѣ крѣпостная жизнь поддерживалась наибольшимъ количествомъ владѣльцевъ (Пензен., Рязан., Калуж., Смолен., Ярослав., Черниг.). Въ малороссійскихъ преобладало наибольшее число ссыльныхъ женщинъ. Явленіе это, естественнымъ образомъ, вызывалось общимъ закономъ всего человѣчества, по которому исторія воровства становится, въ то же время, исторіею пороковъ и другихъ страстей человѣка, служа одинаково и исторіею его несчастій и слабостей. Нужда, лишенія, житейскія неудачи, если не оправдываютъ кражи, учиненной съ ущербомъ для другого, то, во всякомъ случаѣ, объясняютъ и ослабляютъ значеніе этого рода преступленій. Случается зачастую, что сами судьи оправдываютъ въ душѣ это преступленіе. Особенно это важно по отношенію къ столицамъ, какъ пунктамъ, наиболѣе привлекающимъ къ себѣ охотниковъ улучшить свое состояніе.

Обстоятельство, порождающихъ воровство, много и хотя чрезвычайно рѣдки случаи, чтобы честныхъ людей наталкивали на этотъ грѣхъ нищета и лишенія, но, тѣмъ не менѣе, въ послѣднихъ бѣдахъ—десятки, сотни причинъ, самыхъ разнообразныхъ и неожиданныхъ. Неожиданности эти тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе становится безвыходность и безнадежность житейскаго положенія. Не только люди, не разъ обманутые въ жизни, потерявшіе всякую вѣру на улучшеніе своего положенія, дѣлаются жертвами этого порока, но даже и тѣ, для которыхъ не померкъ лучъ надежды, которымъ дорога и въ которыхъ сильна еще вѣра, и такіе люди поддаются соблазну и для нихъ не закрыты пути къ гибели. Большіе города, въ особенности, много порождаютъ жертвъ подобнаго рода, привлекая массы искателей работъ. Всякій надѣялся имѣть успѣхъ, а надежда, столь свойственная человѣческому сердцу, заставляетъ эти массы покидать семейства для торговли, промысла, для государственной службы. Пришедшіи ищеть протекціи, проводятъ время въ поискахъ вліятельныхъ людей, въ хожденіяхъ за справками. Между тѣмъ, маленькія средства, принесенныя изъ дому, мало по малу истощаются. Поденная работа за скудную плату на нѣкоторое время удаляетъ опасность. Временная помощь только

обманываетъ: лишенія становятся ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ заработокъ удовлетворяетъ только сегодняшнимъ нуждамъ и не позволяетъ произвести сбереженій на будущія. Бѣднякъ испытываетъ голодъ, закладываетъ необходимые вещи, онъ еще при надеждахъ и далекъ отъ паденія, но часъ его приближается. Какъ только препятствія и злочестія преодолѣли чувство гордости и самоуваженія, бѣднякъ превозмогаетъ стыдъ и обращается за помощью къ частной благотворительности. Но эта помощь, имѣя узкіе предѣлы, скоро прекращается. Домой возвращается—не зачѣмъ, тамъ не лучше. Впереди только лишенія, препятствія, несчастія и, въ то же время, какъ бы на зло, передъ глазами тысячи людей, пользующихся богатствомъ и всѣми благами жизни. Бѣднякъ задается сравненіемъ—и сравненіе это унижаетъ его, оскорбляетъ, приводитъ въ отчаяніе. Въ умѣ зарождаются пагубные замыслы, желаніе мстить обществу. Бѣднякъ, подъ гнетомъ такихъ мыслей, дрожитъ, отступаетъ при мысли о безчестіи, но, преслѣдуемъ нуждою и увлекаемый ею непобѣдимою силою, онъ, наконецъ, уступаетъ и становится преступникомъ. „Голодный,—по пословицѣ:—и архіерей крадетъ“.

Большіе города, и въ особенности столицы, отогрѣваютъ еще новый видъ воровства, называемый мошенничествомъ, которое также совершается умышленно съ признаками несомнѣннаго обмана. На низшей ступени стоятъ тѣ изъ мошенниковъ, искусство которыхъ состоитъ въ ловкости и гибкости рукъ. По отношенію къ людямъ они безукоризненны и пользуются только тѣми вещами, которыя носятъ люди, а потому ихъ обыкновенно называютъ карманными (жуликами въ Москвѣ, мазуриками въ Петербургѣ). Шайки ихъ небольшія, но они съ изумительною ловкостью умѣютъ сновать въ толпѣ и дни воскресные и праздничные—для нихъ рабочіе. Гдѣ нѣтъ тѣсноты, тамъ они нарочно проназываютъ ее, бросаютъ въ толпу разныя запугивающія объявленія, чтобы, пользуясь смятеніемъ и напоромъ, легче очищать карманы. Вещи срываютъ или вытаскиваютъ, производя встрѣчный толчокъ, за который вѣжливо извиняются. Дѣятельность ихъ хотя и мелка, но чрезвычайно разнообразна. Процедура расправы и суда была извѣстная: обвинителей беспокоили разспросами и показаніями, вору позволяли играть всевозможными способами увертокъ, а потому воры въ ссылкѣ нисколько не характеризуютъ этого промысла во всемъ его широкомъ развитіи. Сибирская цифра не служитъ мѣриломъ. Мошенника, по недостатку уликъ, либо освобождали, либо, послѣ полицейскаго наказанія, снова оставляли на свободѣ приниматься опять за старое ремесло. Въ лучшихъ случаяхъ мошенника, судя по цѣнности уворованнаго, предавали суду, гдѣ зачастую

Вессарабская 791 58

Екатеринославская 765 96

Изъ Архангельской воровъ выслано: 80 мужч., 32 женщ.; изъ Олонедкой 32 мужч., 8 женщинъ.

онъ отдѣлялся заперательствомъ или бѣжалъ. По приговору его иногда оставляли въ сильнѣйшемъ подозрѣніи, но выпускали на волю; въ худшемъ случаѣ высылали на родину. Здѣсь мошенникъ бралъ новый паспортъ и радовалъ столичную братію—товарищей по ремеслу—своимъ внезапнымъ возвращеніемъ. Снова вынималъ платокъ, часы, попадался съ полиціею, хозяинъ вещи хваталъ за руку, хотѣлъ передать въ руки правосудія, но никого нѣтъ возлѣ, зрители не пособляютъ и свидѣтели не объявляются изъ боязни таскаться по чужому дѣлу. При такихъ условіяхъ воровство быстро возростало: въ 1842 г. серьезная опасность отъ мошенниковъ въ Петербургѣ вызвала особую комиссію, желавшую обозрѣть это дѣло во всей подробности. Комиссія получила официальную цифру: узнала, что на три первые мѣсяца 1842 года случилось по 5 и 6 кражъ, въ теченіи слѣдующихъ отъ 12 до 14, а въ теченіи трехъ послѣднихъ отъ 30 до 40, но увѣрилась, что эта цифра не давала не только истиннаго, но и приблизительнаго понятія. Изъ числа 326 кражъ, о которыхъ донесла полиція, только по 50 сдѣлано кое какое открытіе и возвращена весьма незначительная часть украденнаго. Изъ украденныхъ у одной мѣщаники 2.178 руб. отыскано не болѣе 137; изъ украденныхъ у одного купца слишкомъ 22 тыс. найдено было только билетовъ на 700 р., а послѣ третьей покражи у второго купца 19 тыс. возвращена была одна только пустая шкатулка. Изъ всѣхъ покражъ на 357 т. отыскано было только на 18 тыс. При такихъ поощреніяхъ, упущеніяхъ и просторѣ воровство разыгралось, но слѣдствіе дало возможность узнать кое-что объ этомъ ремеслѣ. Вотъ нѣсколько болѣе характеристическихъ чертъ.

Столичные воры являются въ трехъ видахъ: карманниками, уличными и барышниками. Карманники—на сборищахъ, начиная отъ театровъ и маскарадовъ до церквей въ праздничные дни; временами (говоря ихъ же байковымъ языкомъ) на задѣльяхъ (свадьбахъ) и уборкахъ (похоронахъ). Мѣста наибольшей поживы—площади на масляницѣ и пасхѣ и церкви въ великомъ посту. 9 недѣль въ году—время особенно обильной жатвы (шубы и салоны причастниковъ, деньги и карманные вещи гуляющихъ). Въ тѣсотѣ густой толпы они налегаютъ сзади, невинно уставивъ глаза впередъ и жалуются на тѣсоту. Часы отрывываютъ, въ тѣсотѣ ихъ отрываютъ, ловко свертывая колючко часовъ съ тоненькаго и слабого шпинечка. У военныхъ, наглухо застегнутыхъ, приподнимаютъ кончикъ полы и, подставивъ руку, вытряхиваютъ карманные вещи; подобная ловкость помогаетъ и при операціяхъ надъ людьми во фракахъ. Иногда, кромѣ ловкости, въ этихъ случаяхъ требуются и хлопоты: нерѣдко вырѣ-

заютъ карманъ снаружи во всю длину его. У женщинъ вырываютъ серьги, у мужчинъ срываютъ цѣпочки съ такою быстротою, что рука только мелькаетъ, но взглядъ на подозрѣваемаго всегда встрѣчаетъ благоприличнаго человека, котораго и заподозрить опасно. Такіе никогда и не ходятъ безъ товарищей. Выслѣдивъ добычу, воръ тихо скажетъ: „трекай!“—и начнется толкотня локтями, за нею въ разныхъ мѣстахъ счеты и ссоры за толчки. Вода замутилась и рыба клевать начала. Главное искусство здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы во-время замѣтить слѣдящихъ и сказать: „стрема“ (берегись) и успѣть и умѣть „перетянуть“, т. е. украденную вещь передать. Оттого-то пойманный воръ на мѣстѣ и шумливъ, и тревателенъ и обидчивъ („общите“!), хотя, въ сущности, онъ только довокъ и обладаетъ изумительною споровкою, какъ привилегією ремесла. Случается, что воры кидаются на обворованнаго, хватаютъ за воротъ, тащатъ въ полицію и отстаютъ, получивъ отступное за безчестіе. Наглость мошенниковъ доходитъ до того, что пріемщикъ самъ шепчетъ на ухо обворованному, что у него украли вещь и указываетъ на вора, завязываетъ шумное объясненіе, а самъ тѣмъ временемъ скрывается. Иные плачивали потомъ нѣсколько рублей, чтобы только отбиться отъ вора. Эти воры-пріемщики всегда отличаются замысловатыми карманами, занимающими все пространство между верхомъ и подкладкою платья и способными вмѣстить дюжины платковъ и фуражекъ. Искусству своему мошенники-карманники также учатся съ малолѣтства. Бывали примѣры, что мальчики 12—13 лѣтъ содержали ремесломъ своимъ цѣлыя семейства. Мальчикамъ воровать легче: что съ него взять? выдерутъ за уши и отпустятъ. Жулики (т. е. мальчишки), по правиламъ воровскаго товарищества, не смѣютъ работать сами по себѣ, а обязаны отчетомъ старшимъ и получаютъ отъ нихъ извѣстную долю. Для рекогносцировокъ нерѣдко употребляются дѣвочки. Комнатные воры подкупаютъ слугъ, являются въ видѣ посланныхъ отъ знакомыхъ; оставленные въ дверяхъ ключи вынимаютъ вертуномъ (особымъ инструментомъ). Простымъ крѣпкимъ долотомъ отпираютъ почти всякую дверь такъ, что никто даже днемъ не услышитъ. Пойманные за дверями умѣютъ притворяться безчувственно-пьяными. Опытные изъ этихъ воровъ, прежде чѣмъ забраться въ комнаты, старательно узнаютъ привычки хозяевъ, часы, когда они не бываютъ дома, и предметы кражи, которые могутъ быть наиболѣе выгодны. Въ подражаніе почти всѣмъ ворахъ, они дѣйствуютъ группами отъ 3 до 5 человекъ, и проч.

Уличные воры кидаются внезапно, ищутъ случая, зѣваку захватываютъ врасплохъ, ста-

раются оглушить его сильным ударомъ по головѣ или по затылку, а потомъ быстро обыскать и поспѣшно раздѣть. Выходятъ вдвоемъ и втроемъ, рассчитывая на пустыя мѣста и на отсутствіе свидѣтелей, которые, впрочемъ, поражаютъ больше равнодушіемъ, чѣмъ готовностью на помощь. Дворникъ бьется волокиты, извозчикъ спѣшитъ ускокаты, лавочникъ рискуетъ потерять мѣсто за оговоръ воровъ въ томъ, что покупалъ краденное. Эти воры опаяваютъ дурманомъ; подъ видомъ земляковъ предлагаютъ лошадей деревенскимъ простакамъ, и проч.

Барышникъ (по музыкѣ мѣшокъ) иногда даетъ мошенникамъ впередъ задатки и потомъ наблюдаетъ, стоя или расхаживая на условныхъ мѣстахъ. Добычу, выносимую имъ, подхватываютъ и часто вырываютъ ее другъ у друга изъ рукъ, ломая часы и театральныя трубки, разрывая пополамъ платья. Украденныя вещи, въ особенности шубы, продаютъ по частямъ (отдѣльно рукава, воротники, верхъ и мѣхъ; бѣлье—поштучно (это называется „перелинчить“). Сбываютъ частью здѣсь, частью въ другихъ городахъ.

Укрыватели—это одинъ изъ самыхъ опасныхъ классовъ преступнаго населенія, совершающій свои преступныя дѣянія при условіяхъ, до крайности затрудняющихъ ихъ преслѣдованіе. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, обусловливаютъ свою дѣятельностью возможность совершенія многихъ преступленій. Высказываемое мнѣніе, что не будъ укрывателей, не было бы и преступленій, не лишено значительной доли истины. Преслѣдованіе укрывателей затруднено, между прочимъ, и тѣмъ, что дѣятельность ихъ нерѣдко заходитъ за предѣлы территоріи. Между тѣмъ, укрывателей по справедливости можно назвать капиталистами преступленія.

Продажа воровскихъ вещей въ 1842 г. была распространена на улицахъ до изумительной степени. Она породила даже особенный видъ мошенничества: подъ видомъ и предложомъ ворованныхъ (т. е. хорошихъ) отдавали поддѣльныя. Ворами пособляли лихачи-извозчики, получая отъ 25 до 100 руб. за ночь. Полиція потворствовала, медлила розысками и бездѣйствовала наблюденіями; пойманнаго или приведеннаго вора отпускали; отдѣлывались замѣчаніями и выговорами. Воры продолжали весело жить въ притонахъ—грязныхъ ямахъ, по гривенѣ мѣди за ночлегъ, и отличались общимъ свойствомъ всѣхъ промышленниковъ легкаго заработка—расточительностью. Все свободное время они проводятъ въ трактирахъ. Никогда не богатѣли (богатѣютъ пріемщики), хотя нѣкоторымъ удавалось производить кражи на нѣсколько тысячъ и хотя нѣкоторые организовались въ общества, которыя вели доходами и расходами счеты. При дѣлежѣ добычи въ ор-

ганизованныхъ шайкахъ существовали слѣдующія правила: жуликъ (ученикъ) отъ малоцѣнной вещи пользуется половиною, отъ цѣнной—третью; всякій помощникъ или товарищъ—половиною, простой зритель— $\frac{1}{4}$, а иногда $\frac{1}{2}$. Гдѣ есть атаманы, тамъ и они получаютъ свою часть. Кромѣ того, по разнымъ случаямъ, дѣлали раскладку, напр., выкупать попавшагося товарища. Кто прежде участвовалъ съ ними, жертвовалъ всѣмъ, что могъ достать.

На высшей ступени дѣятельности мошенничества стоятъ тѣ ловкіе и искусные мошенники, которые, благодаря приличной одеждѣ и изящнымъ манерамъ, обращаются съ людьми высшихъ слоевъ общества. Эти посвящаютъ балы по подпискѣ, спектакли, концерты, кабинеты и салоны. Они смѣются надъ тѣми ворами, которые ломаютъ замки и рискуютъ шумомъ. Безъ ломовъ, напорьевъ и поддѣльных ключей они отправляютъ свое ремесло въ такомъ видѣ, что слѣдить за ними чрезвычайно трудно. Самое происхожденіе ихъ представляетъ оригинальныя особенности: если воровство преимущественно вербуетъ своихъ агентовъ въ низшихъ классахъ, то мошенничество зачастую отыскиваетъ дѣятелей въ высшихъ сферахъ общества. Извѣстнаго рода утонченность, ловкость, сноровка и прочія качества, несомнѣнная съ воровствомъ—грубымъ видомъ преступленій противъ собственности—всегда обязательны для мошенничества, которое тѣмъ неожиданнѣе, находчивѣе и поразительнѣе, чѣмъ чище вымыты руки, чѣмъ болѣе развита и зашита голова. Если администрація меньше обращаетъ вниманія на порочныя классы, чѣмъ на тѣ, въ которыхъ пороки соединены съ развратомъ и нищетою, то это только потому, что порочный богатъ, расточающій свой избытокъ или даже часть своего состоянія на предосудительныя удовольствія, внушаетъ лишь жалость и отвращеніе. Опытныя администраціи знаютъ, что лишь только подобные люди остаются безъ средствъ къ существованію и съ отвращеніемъ къ труду, воспитаннымъ прежнимъ обезпеченіемъ, они становятся опасными по наклонностямъ къ добыванію средствъ къ жизни легкими способами обмановъ, поддѣлокъ и разныхъ видовъ мошенничества. Наиболѣе благоприятными временами ихъ дѣятельности и появленія считаютъ времена финансовыхъ кризисовъ, мѣстами дѣятельности—большіе города. Здѣсь большая часть мошенниковъ происходитъ отъ богатыхъ и честныхъ родителей. Они получили хорошее воспитаніе, но не умѣли имъ воспользоваться. Съ малыхъ лѣтъ они погрязали въ порокахъ и, послѣ многихъ приключеній, обыкновенно отбываются отъ родительскихъ домовъ, чтобы смѣшаться съ толпою негодяевъ, организоваться въ шайку, по примѣру извѣстной Москвѣ и Петербургу шайки такъ назы-

ваемых „труболозов“. Въ шайкѣ у нихъ происходятъ встрѣчи, производятся собранія, на сходкахъ они вооружаютъ другъ друга противъ общества. На счастливые случаи поимокъ они оказываются людьми, принадлежащими къ различнымъ сословіямъ безъ разбора, лишь бы только предполагалась извѣстная доля достатка и вѣроятіе утонченной и разносторонней порчи. Самые симпатіи ихъ и мѣста дѣятельности сосредоточиваются на богатыхъ классахъ и въ той средѣ, гдѣ они родились и воспитались. Ниже того они и не сходятъ и тамъ едва ли были бы состоятельны. Самый распространенный классъ, постоянно существующій и рекрутирующійся, является въ видѣ карточныхъ шулеровъ, поддѣльвателей духовныхъ завѣщаний и цѣнныхъ документовъ. Въ видѣ исключенія и болѣе рѣдкого явленія, мошенники организуются въ шайки для дневного грабежа, преимущественно, у лицъ торгующихъ и богатыхъ и тогда мошенничества ихъ отличаются поразительно изобрѣтательностью. Во всѣхъ случаяхъ женщины являются пособницами и участницами, либо какъ приманка неопытныхъ и простодушныхъ людей, отличающихся слабостью къ прекрасной половинѣ человѣческаго рода, либо въ видѣ прямыхъ пособницъ, гдѣ женская хитрость нѣтъ наилучшее представительство, а наименьшая законная отвѣтственность является воспособляющею причиною. Не исключая того, что и этотъ классъ преступниковъ отличается расточительностью и самое приобрѣтеніе добычи основывается ради ея, — во всѣхъ остальныхъ своихъ пріемахъ они мало чѣмъ отличаются отъ воровъ. Все преимущество ихъ заключается въ томъ, что они рѣже попадаютъ, ловчѣе хоронятъ концы и избѣгаютъ судебныхъ преслѣдованій.

Болѣе ясными признаками продолжаетъ обставляться преступленіе воровства въ широкомъ значеніи этого слова *).

Такъ наиболѣе развито воровство въ мѣщанскомъ сословіи. По общему проценту ссыльныхъ она занимаетъ самое видное мѣсто и обнаруживаетъ наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности замѣтно сильнѣе, чѣмъ крестьяне.

*) Конечно, сибирскія табели точно такимъ же образомъ не способны подкрѣпить подробныя характеристики воровства въ зависимости, напримеръ, отъ времени года. Оно, какъ извѣстно, усиливается на осеннее время: многочисленныя случаи воровства въ началѣ зимы слабѣютъ, на весенніе мѣсяцы и на лѣтнее время значительно упадаютъ. На это обстоятельство, главнымъ образомъ, дѣйствуютъ увеличеніе и уменьшеніе дней и ночей: большая или меньшая продолжительность ночей усиливаетъ или ослабляетъ количество кражъ. Осень — когда люди горюхъ молотятъ, а воры замки колотятъ — самое благоприятное время, исключая, можетъ быть, одного только мошенничества, которое дѣйствуетъ, по своимъ законамъ и въ сферѣ собственной обстановки, во всякое время года.

Причина очевидна изъ простаго сопоставленія городской жизни съ соблазнами и деревенской съ условіями, болѣе благоприятствующими честному труду и непрерывной правильной работѣ. Мѣщанамъ уступали въ воровствѣ даже солдаты, для которыхъ вѣроятіе стать преступниками подобнаго рода также было довольно сильно, до введенія закона о всесословной воинской повинности, вслѣдствіе крутого перехода изъ собственника въ казеннаго чловѣка, у котораго стороннія заботы о снабженіи ослабляли понятіе о своей и уваженіе къ чужой собственности. Не смотря на то, что солдаты только въ ограниченныхъ и рѣдкихъ случаяхъ наказывались за воровство ссылкой (а потому, по сравненію съ ними, въ сибирской цифрѣ перевѣсъ на сторону солдатокъ), воровство въ солдатскомъ сословіи было однимъ изъ господствующихъ и рѣзко выдававшихся на глаза преступленій *). Для доказательства у народа имѣлся значительный запасъ пословицъ, притчей, сказокъ и при сказокъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что солдаты и добрый чловѣкъ, да плащъ его халпунъ: шинель постель, шинель кошель, а руки — крюки (что зацѣпилъ, то и потащилъ). Здѣсь воровство выразилось также повѣрьемъ (съ постою хоть ложку деревянную, а украсть что нибудь надо; солдата за все быть, только за воровство не быть), и солдатскіе проступки этого рода также нашли въ народѣ оправданіе (солдатъ не украсть — просто взять; ему не грѣхъ пожизниться: не украсть, такъ и взять ему негдѣ). Теперь все это уже ушло въ преданіе и пословицы становятся анахронизмомъ.

Такимъ образомъ, по русскимъ сословіямъ и по общему количеству приговоренныхъ въ ссылку за воровство — этотъ видъ преступленія занимаетъ вездѣ первое мѣсто (съ тою разницею для духовенства, что въ этомъ сословіи на первое мѣсто встаетъ тотъ спеціальнй видъ воровства, который называется святотатствомъ). По процентному отношенію, наибольшая наклонность къ нарушенію правъ чужой собственности выразилась въ сословіяхъ, слабѣе другихъ упрочившихся и обезпеченныхъ условіями быта: на первомъ мѣстѣ встали дворовые, за ними жители городовъ или мѣщане съ тою неопреоборимою послѣдовательностью фактовъ, что и евреи — исключительные жители городовъ и мѣстечекъ и непремѣнные мѣщане — на воровствѣ представляютъ главнѣйшую особенность, самую характерную черту и сильнѣйшую наклонность **).

*) Вслѣдствіе особенностей уложенія о наказаніяхъ для военныхъ, процентъ сибирскихъ ссыльныхъ воровъ изъ солдатъ былъ очень малъ.

**) Изъ различныхъ видовъ крестьянскаго сословія однодворцы, по проценту высланныхъ въ Сибирь за кражу, превышаютъ всѣ другія сословія. Между женщинами, какъ воровки, примѣтны были на первомъ мѣстѣ дворовыя, на

На мѣстах ссылки всѣ эти условія измѣняются, отношенія спутываются и результаты болѣе характерные примѣтны только въ томъ, что у ссылныхъ воровъ не только не отнято право увлекаться новыми соблазнами на кражу, но заданы еще и другія мудренныя житейскія задачи. На первыхъ шагахъ — долговременная и послѣдовательная порча по тюрьмамъ, какъ такимъ заведеніямъ, гдѣ отбирается нажитая собственность, замѣняемая скудною казенною, и затѣмъ постоянно и настойчиво внушаются увѣренія въ безправности ссылныхъ на всякую собственность. Для присужденныхъ на каторгу увѣренія эти преслѣдуются во всю жизнь ихъ на работахъ, а потому пересыльные тюрьмы въ частности, а каторжныя въ особенности, такія общины, гдѣ воровство уже не проступокъ, гдѣ воруютъ всѣ поголовно, не располагая товарищескихъ вещей отъ своихъ. По словамъ сибирской поговорки, измышленной въ самихъ тюрьмахъ: „арестантъ ѣстъ прошенное, носитъ брошенное, живетъ краденнымъ“. Для поселенцевъ, куда наибольше поступаютъ сосланные за воровство, бытовыя условія представляютъ болѣе умягченную форму, но запутываютъ ихъ въ новыя условія, неблагопріятныя для честнаго житія, благопріятныя для безчестнаго промысла воровствомъ. Вотъ причина, почему сибирскими старожилами произведенъ безапелляціонный судъ надъ поселенцами, развившійся въ такой несокрушимой правдѣ-пословицѣ: „поселенецъ, что младенецъ, что видѣть, то и тащить“! и „хоть того лучше поселщикъ — не вѣрѣ ему“! Въ бѣгахъ и на волѣ ссылный только тѣмъ и живетъ, что украдетъ: „не украдешь — не проживешь“. Въ Сибири укрѣпилось даже такое повсюдное, всенародное убѣжденіе, что болѣзнь воровства въ Россіи хроническая: сколько десятковъ лѣтъ въ пришлыхъ новыхъ людяхъ Сибирь не видитъ людей путныхъ. Въ недавніе годы еще сильнѣе она укрѣпилась въ своемъ убѣжденіи, когда новыя поселенцы на Амуръ (штрафные солдаты) прошли во всю длину страны, какъ бы голодное Мамаево войско, со всѣми явленіями опустоши-

второмъ солдатѣи. Между ссылными за всѣ роды преступленій, сосланные за воровство женщины составляли $\frac{1}{4}$ часть всего числа (воры-мужчины, противъ общаго числа ссылныхъ мужчинъ, составляли $\frac{1}{4}$ часть).

тельного набѣга. Въ окрестностяхъ нѣкоторыхъ каторжныхъ заводовъ воровство укрѣплялось обычаемъ и возбуждало соблазнъ даже въ тѣхъ ссылныхъ, которые не хотѣли идти на воровство въ бѣгахъ и бродяжествѣ. Чтобы сдѣлаться коннымъ рабочимъ, т. е. получать болѣе шій плакатъ, ссылные крали чужихъ лошадей и съ ними являлись къ начальству, хорошо знавшему пути и средства добычи, но равнодушному къ этому злу, какъ къ неизбѣжному и издавна укоренившемуся. Воровство золота на промыслахъ, вина, соли, желѣза на заводахъ до такой степени было обыкновеннымъ преступленіемъ между ссылными рабочими, что вмѣнялось въ обычай и преслѣдовалось развѣ настолько, насколько позволяли скудные средства и ловкая изворотливость самихъ преступниковъ. Словомъ, воровство не изъ тѣхъ болѣзней, которая лечится ссылкой, имѣющая всѣ данныя противоположнаго, еще болѣе заразительнаго свойства (доказательства общія и частныя мы имѣли случай представить прежде, имѣемъ множество таковыхъ и впереди). Если нерчинскіе заводы и увѣряли въ томъ, что въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.) вновь наказано на нихъ за грабежъ 8, за кражи 64, за утрату казенныхъ вещей 129, то, во первыхъ, всѣ наказанные въ Россіи ворами не были; во вторыхъ, большая часть совершившихъ кражи ускользнула изъ рукъ (въ тѣ же 10 лѣтъ бѣжало и поймано 2.841 человекъ голодавшихъ и оборвавшихся одеждою); въ третьихъ, опытные бродяги уходятъ съ предосторожностями; они кражами не смущаютъ покоя, чтобы вѣрнѣе скрыться, и, въ четвертыхъ, скрываются такъ, что въ воровствѣ попадаютъ уже далеко за Байкаломъ. Тобольская, Томская и Иркутская губерніи соперничаютъ между собою въ количествѣ жертвъ, осужденныхъ за грабежи и кражи. Въ Якутской издавна живетъ племя (якутовъ), у котораго рѣзче другихъ выдается наклонность къ мелкому воровству, каковое и производится тамъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, ловкостью и опытностью: За то у тунгусовъ (иркутскихъ и забайкальскихъ) воровство — одинъ изъ смертныхъ грѣховъ и до сихъ поръ еще не только ни одна изъ городскихъ тюремъ, но и ни одна изъ полицейскихъ сибирокъ и кучумокъ не видали тунгуса, посаженнаго за кражу.

ГЛАВА VI.

ГРАБИТЕЛИ И РАЗБОЙНИКИ.

Причины и корни грабежей.—Происхождение и связь грабежа съ воровствомъ. — Баранта.—Сибирскіе и російскіе грабители и разбойники.—Связь разбоя съ грабежомъ.—Характеръ русскаго разбойника.—Разбойники вообще и въ частности.—Выковъ.—Чайкинъ.—Дуванъ.—Кабаки.—Цѣловальники.—Разбойничьи атаманы и ихъ любовницы.—Притоны и проч.

Старые наши законы и самъ народъ понятіе о грабителяхъ смѣшиваетъ съ понятіемъ о ворахъ и называетъ ихъ этимъ послѣднимъ именемъ, хотя между грабежомъ и воровствомъ лежитъ пропасть. Какъ воровство, по преимуществу, гнѣздится въ городахъ и самый частый посѣтитель населенныхъ и людныхъ пунктовъ, грабежъ выбираетъ для дѣятельности мѣста погуще, любитъ поле и лѣсъ. Грабежъ сильнѣе, энергичнѣе воровства. Онъ тѣмъ и отличается отъ него, что дѣйствуетъ открытою силою. Безъ смѣлости и дерзости онъ немислимъ. Воровство бережетъ себя для завтрашняго дня и ходитъ весьма осторожными шагами, босыми ногами; грабежъ меньше бережетъ себя и не боится опасностей. Забывая объ нихъ, онъ бьетъ на пропалую а потому его не страшитъ и торная проѣзжая дорога, а потому онъ примѣчательно часто пристроивается, какъ бы на правахъ арендатора, по близости торговыхъ пунктовъ, даже большихъ городовъ. Грабежъ беретъ съ собою про всякій случай кистень и ножъ, а потому нерѣдко переходитъ въ разбой. Границы его съ разбоемъ близко сходятся и нерѣдко съ трудомъ различаются. Онъ любитъ также хоронить концы, замѣтать свой слѣдъ, прикрываться тайною, а потому, подъ мракомъ ночи, онъ прячется въ укромныхъ и скрытыхъ мѣстахъ. Какъ и воровству, ему темная ноченька родна матушка, и грабитель точно также день въ растяжку, а ночь на распашку, или день кольцомъ, а ночь молодцомъ.

Точно такъ же, какъ и воровство и разбой, грабежъ основываетъ свои успѣхи на преимущественномъ правѣ товариществъ, слаживается въ шайки. Рѣдко, въ крайне исключительныхъ случаяхъ, онъ ходитъ въ одиночку или въ разбивку. Но и въ такомъ видѣ пойманный, онъ почти всегда скрываетъ какой нибудь изъ слѣдовъ своихъ въ шайкѣ и въ заговорѣ. Почасту свободная отъ законныхъ преслѣдованій, шайка эта бываетъ виновна, если не въ прямомъ и непосредственномъ участіи въ грабежѣ, то косвенный путь укрывательства грабителей, приема или сбыта награбленныхъ вещей является истиннымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого грубаго вида воровства. Если воры на большую часть трусы, то товарищества грабителей,

съ самыхъ древнихъ временъ, отличаются смѣлыми до дерзости свойствами. Близость опасности, возможность скорыхъ и сильныхъ преслѣдованій закаляютъ ихъ буйный характеръ. Въ этой-то борьбѣ со страхомъ и въ тревожномъ положеніи между двухъ огней, они находятъ запасы энергіи и, въ силу удачъ и счастья, выходятъ на разбой въ томъ же товарищескомъ союзѣ.

Нѣкогда грабежъ и разбой такъ и ходили вмѣстѣ, въ особенности въ тѣ времена, когда слаживалось русское государство изъ разноплеменныхъ враждебныхъ элементовъ. Съ самыхъ древнихъ временъ явленіе это повторялось съ одинаковымъ постоянствомъ и немедленно обнаруживалось вездѣ, гдѣ развивался процессъ водворенія русскаго элемента. Грабежи и разбои не выдавались рѣзко изъ ряду обычныхъ явленій до тѣхъ только поръ, пока приливъ пришлаго населенія уравнивался съ туземнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда колонизація опиралась на мирныя средства торговли и промышленности. Грабежи и разбои неизбѣжно обнаруживались тотчасъ, когда появленіе чуждаго и опаснаго элемента дѣлалось примѣтнымъ и опаснымъ, возбуждало и вызывало опасенія и туземцы. въ виду грядущихъ бѣдъ, въ отчаяніи несостоятельности, брались за оружіе, прибѣгали къ послѣднему средству защиты, которое, однако, имъ уже не задавалось. Пришлецы восторжествовали вездѣ: съ большимъ успѣхомъ и съ меньшимъ количествомъ жертвъ въ столкновеніи съ кроткими финскими племенами всего сѣвера, плодили грабежи и разбои, въ замѣчательномъ числѣ поступаясь первыми піонерами въ степныхъ и горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ русскіе приобрѣтенія покупались дорогою цѣною крови и всяческихъ бѣдствій. Особенно рѣзко выдается подобное явленіе во времена, когда русское племя, ослабивъ стремленіе на востокъ за Каму и за Камень, устремилось на югъ, стало приобрѣтать земли за Окою, по Дону и Днѣпру.

На сѣверѣ въ лѣсахъ дешевизна приобрѣтеній мѣстъ жительства съ достаточною ясностью выразилась въ народныхъ преданіяхъ, увѣряющихъ въ томъ, что бѣлоглазая чуждъ, испуганная появленіемъ въ лѣсахъ бѣлой березы (означавшей грядущее владычество бѣлаго царя),

строила стойки, запиралась въ нихъ или сожигалась живою, или уходила сквозь землю, проваливалась безъ слѣда. Это преданіе, одинаково общее для всей сѣверной Россіи и для всей Сибири, подтверждается и тѣми мѣстными легендами, изъ которыхъ, по одной, русскимъ людямъ стоило только прорубить ледъ на одномъ мѣстѣ рѣки и загнать всѣхъ чужаковъ въ эту прорубь, а на память объ нихъ прозвать эти мѣста нехитрыхъ побоищъ „кровяными плесами“. Рѣдко являлась здѣсь вооруженная оборона. Только въ житіяхъ самыхъ первыхъ святыхъ вологодскихъ, олонецкихъ и архангельскихъ разсказываются отдѣльные случаи сопротивленія туземцевъ, выражавшіеся оскорбленіями уединившемуся въ лѣсъ подвижнику: жгли его келью, сгоняли съ обогрѣтаго мѣста, приходили съ угрозами и только въ двухъ-трехъ случаяхъ изъ цѣлыхъ сотенъ прибѣгали къ убійству, сдѣлавъ изъ подвижниковъ мучениковъ. То же самое повторилось и на сѣверѣ Сибири, гдѣ сожженіе юраками города Мангазеи (на Енисей) оказывается серьезнымъ случаемъ вооруженнаго и серьезнаго противодействія пришельцамъ. На всей картинѣ этихъ пріобрѣтеній лежитъ болѣе мягкій колоритъ на сторонѣ туземцевъ, но здѣсь грабежи и разбои, при всей исключительности своего явленія, производятся уже самими пришельцами. Насилія надъ туземными племенами столь же древнія, какъ и самые акты пріобрѣтеній, начиная отъ походовъ удалой новгородской молодежи для завоеванія верховьевъ Волги и кончая пріобрѣтеніями земель за Волгою: на Камѣ, Чусовой и Вѣлой. Здѣсь открытыя противоборства, вооруженныя возстанія туземцевъ, называемыя въ послѣднія времена бунтами, дѣлались замѣчательно частыми и грозными, потому что и самые пріобрѣтатели изъ мирнаго купца и промышленника превращались въ завоевателей, намѣренно ходившихъ съ оружіемъ, въ видѣ казаковъ, стрѣльцовъ и, наконецъ, солдатъ. Особенно дороги Россіи пріобрѣтенія прибрежьевъ Волги отъ истоковъ, гдѣ дѣйствовали ушкунники, до середины устьевъ, гдѣ выказывали удалство и молодечество вольные люди, разбойники, и дѣйствовали стрѣльцы и казаки. Грабежами и разбоями усыпались берега этой рѣки, столь дорогой для Россіи. Нѣтъ ни одного города, ни одного урочища, которые не вели бы безконечныхъ разсказовъ о разбойничьихъ подвигахъ и похищеніяхъ. Здѣсь родилась и разбойничья пѣсня, здѣсь поддерживалъ свой начальный закалъ воинственный духъ народа, устремившагося на завоеванія съ лихорадочною поспѣшностью и съ неудержимою энергіею.

Тѣми же грабежами и разбоями началась и съ ними продолжала свое теченіе исторія пріобрѣтенія на рубежахъ южныхъ степей, въ низовыхъ степяхъ, начиная съ орловскихъ и окан-

чивая придонскими (въ воронежскихъ верховьяхъ рѣки Дона и ея притоковъ). Здѣсь нападеніямъ туземцевъ и набѣгамъ татаръ, калмыковъ и черкесъ отвѣчали пришельцы таковыми же набѣгами, сопровождавшимися грабежами и разбоями по всей долигѣ передовыхъ линій отъ ближайшихъ до отдаленныхъ. Долговременному неустройству, кровопролитнымъ распрямъ и всякаго рода насиліямъ и смутамъ здѣсь способствовало такъ же и то, что украинцы эти произвольно и насильственно заселялись бѣглыми и преступнымъ людемъ (бѣглыми холопами и изуродованными каторжниками). Тѣ и другіе, скитаясь по странѣ и покидая ветхія и некрѣпкія тюрьмы, несли пожары и опустошенія и обливали свои слѣды кровью. О дѣяніяхъ ихъ до нашихъ временъ сохранилась память во множествѣ присловій и бранныхъ прозвищъ, свѣдѣтельствующихъ о томъ, насколько измѣнился народный духъ вслѣдствіе противодействій и въ контрастѣ мирнымъ завоеваніямъ на сѣверѣ. Здѣшнія пріобрѣтенія Россіи куплены дорогою цѣною неволи и крови, посреди ежедневныхъ тревогъ отъ опасностей и при помощи и содѣйствій людей, не лучшихъ какъ было на сѣверѣ, а тѣхъ, которыхъ сочло отечество негодными и ненужными, выгнало или выселило вонъ. Хотя они и выместили потомъ за это въ смутное безгосударное время лихолѣтя опустошеніемъ родины до отдаленныхъ предѣловъ тундры, за то ими упрочилось пріобрѣтеніе всѣхъ благодатныхъ земель по Дону, по Волгѣ, до Десны на западъ, до Оки на сѣверъ, до Маныча на югъ *).

Словомъ, во время строенія русской земли, грабежи и разбои были однимъ изъ послѣдовательныхъ и неизбежныхъ явленій, народившихся вслѣдствіе самой системы завоеваній, неправильныхъ способовъ водворенія поселенцевъ и направленія ихъ силъ и колонизаторскихъ способностей. Разбои въ низовыхъ странахъ и таковыя же по Волгѣ слѣдовали одни за другими по вызову времени и по закону обстоятельствъ, отдѣльно и независимо другъ отъ друга, но дѣйствовали сообща и за одно подъ руководствомъ сильныхъ и талантливыхъ натуръ, вроде Будаиныхъ, Хлопковъ, Разинныхъ, Пугачевыхъ и безконечнаго числа другихъ многихъ.

*) На сколько бранныя прозвища и присловья согласно характеризуютъ духъ населенія низовыхъ украинъ, служить доказательствомъ, между прочимъ, Орловская, гдѣ нѣтъ города, который бы похвалила народная память. «Хорошъ заяцъ да тулякъ, хорошъ малый да тумакъ»; орловцы—проломанныя головы; Оралъ да Кромъ—первые воры, да и Карачевъ на подачу; Амченіна бы тебѣ во дворъ, городъ Амченскъ (Мценскъ) цыгане семь верстъ обходили; Лянины—всѣмъ ворами давни; Елецъ—всѣмъ ворами отецъ. Крестись, Андронъ (куряне) ѣдутъ. Нѣтъ у бѣлаго царя вора супротивъ курянина, и проч.

Грабежи и разбой въ Россіи кочевали вмѣстѣ съ ея неосвоеннымъ населеніемъ и изумляли количествомъ и размѣрами. Изумляютъ они теперь богатствомъ присловій (особенно по Волгѣ), закликивавшихъ обитателей многихъ мѣстностей неслетнымъ прозвищемъ воровъ и разбойниковъ. То же самое повторилось и въ Сибири во времена столкновений съ туземцами на югѣ; вызывались открытыя возстанія и изъ путаницы взаимныхъ отношеній и неурядицъ выходили разбойники изъ племени пришельцевъ, порожденные воинственнымъ настроеніемъ духа, разъ возбужденнымъ и постоянно раздражаемымъ. Такъ, корыстовались отъ грабежей и разбоевъ и въ мутной водѣ ловили рыбу выродки общественнаго неурядиства: въ серединѣ прошлаго столѣтія (около 1765 г.) казакъ Федоръ при заселеніи иркутской линіи (имѣвшій притонъ въ селеніи Маслянскомъ Шадринскаго уѣзда Пермской губерніи и шайку въ 400 человекъ). Такъ, около того же времени, когда заселяли омскую линію и населяли Алтай, вышелъ на удалые подвиги разбой Аванасій Селезневъ, руководившій изъ Бухармы нѣсколькими шайками, разбивавшими русскіе и бухарскіе караваны и производившими баранты, т. е. угонявшими табуны лошадей и гурты скота и овецъ. Многія урочища и рѣчка, до сихъ поръ нося его имя, сохраняютъ память объ немъ. Такъ, при заселеніи лѣсной пустыни, между городами Красноярскомъ и Иркутскомъ, злодѣйствовалъ разбойникъ Гондюхинъ, покровительствуемый самимъ иркутскимъ губернаторомъ Нѣмцовымъ, ограбившій, по его же заказу, губернаторскихъ гостей, собравшихся для гулянки на Ангартъ. Въ 1805 году ночью, за 50 верстъ отъ Иркутска, ограбленъ былъ камеръ-юнкеръ Гурьевъ, принадлежавшій къ свитѣ китайскаго посольства Головкина, шайкою изъ тѣхъ поселенцевъ, которые по указу Павла слѣдовали для водворенія за Байкаломъ. За Байкаломъ водворенія эти послѣдовательно вызвали Григорьева, Горкина и другихъ *).

Точно такъ же, какъ и въ Россіи, разъ возбужденный разбойничій духъ долго не поддавался укрощенію и разбой нашель себя привилегированнымъ, заусловленнымъ мѣстности внутри Россіи и по Волгѣ **), въ Сибири наклон-

ность къ грабежамъ (и на крайній случай къ разбоямъ) также сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, у Алтая и во многихъ селеніяхъ, лежащихъ на почтовыхъ и купеческихъ трактахъ. До тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и тамъ также убереглись остатки грабежнаго духа и выходили удалцы на разбойничьи походы. Съ тридцатыхъ годовъ, съ наибольшаго развитія золотыхъ промысловъ, на больномъ тѣлѣ открыта фонтанель и разбойники ушли въ тайгу промысливать золото. Такъ случилось въ Сибири.

Въ Россіи, по мѣрѣ того, какъ развивалась промышленность и заводились фабрики и заводы внутри территоріи, укрѣплявшіе мирное направленіе и силу народнаго труда, по той степени усиленія надзора и систематическихъ преслѣдованій, до которыхъ додумались черезъ рядъ косвенныхъ и невидимыхъ путей административныя распоряженія—разбой пропалъ на Волгѣ. Пароходы окончательно ихъ добились и явленіе въ послѣдней четверти XIX вѣка Рузавина (около Нижняго), со всѣми признаками стараго волжскаго разбойника, героя пѣсенъ—явленіе исключительное, послѣдній вздохъ героевъ. Теперь разбой сталъ случайнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ преднамѣреннаго соединенія или стачки вышедшихъ на грабежъ, при благоприятныхъ условіяхъ мѣста и времени,—явленіе всегда неожиданное, рѣдко предугадываемое. Причину его народъ скрытъ въ себѣ и до сихъ поръ опредѣлительно не повѣдаетъ. Видимыя, наслѣженные причины слишкомъ еще неопредѣленны и малочисленны, чтобы по нимъ можно было составить общее, а тѣмъ болѣе конечное заключеніе. Между прочимъ, одинъ изъ поводовъ заключается въ уничтоженіи крѣпостнаго права, имѣвшаго тѣ особенности, что при немъ, какъ село Воронье (Костр. губ. Галицк. уѣзд.), по народному присловію „бывшее днемъ семидесяти господъ, а ночью—одного“ (всѣ на грабежъ выходили) и что, по вызову его, ходили на преступный промыселъ и дворяне и крестьяне, а по свѣдѣтельству древнихъ актовъ и новѣйшихъ документовъ—сами помѣщики, и притомъ не изъ однихъ только мелкопомѣстныхъ, каковы однодворцы и шляхта. Теперь тоны на картияхъ грабежей и разбоевъ измѣлчали, престѣненіе преступленій стало удобнѣе для полицейской администраціи, по частямъ и по мѣстамъ труднѣе для внимательнаго и подробнаго изученія въ общемъ видѣ. Но многое и сохранилось и все находитъ оправданіе въ прошедшемъ.

Рѣдка изъ губерній нашихъ не имѣетъ хотя одного заповѣднаго мѣста, гдѣ бы по временамъ не производился преступный промыселъ грабежа, гдѣ бы, говоря общепринятымъ и бывшей суконной фабрики), подъ Томскомъ (дворянъ Воронова и Вемилужна).

*) Объ этомъ мы уже говорили, какъ равно о разбойникѣ—князѣ Баратаевѣ, вызванномъ неурядицею заселеній охотскихъ краевъ, когда, по проекту вице-адмирала Оомина, замыслили перенести Охотскій портъ на р. Алданъ. Прокладывали туда дорогу; каторжные стали бѣгать и вмѣстѣ съ Баратаевымъ разграбили городъ Жиганскъ. Баратаевъ этотъ пойманъ (сылъ во льдахъ уже на устьяхъ Лены и ваятъ въ плавнѣ прострѣленнымъ восемью пулями).

**) На нихъ съ достаточною ясностью указываютъ уже народныя присловія и рассказы. Въ Сибири указываютъ на подобныя пункты подъ Иркутскомъ (окрестныя селенія Тельминской

бимымъ народнымъ выраженіемъ, не „пошаливали“. Грабежамъ въ особенности покровительствуютъ мѣстности, гдѣ, по административному или политическому дѣленію, приходится границы съ чужими землями (какъ въ Бессарабіи и Подольской губерніи), или такой внутренней клинъ, гдѣ сходятся границы трехъ губерній. Въ особенности послѣднее условіе ярко выясняется тамъ, гдѣ одна изъ губерній пользуется привилегированными правами и благоприятными условіями такого рода, что не представляетъ трудностей для перехода въ третью губернію (каковы малоземельныя градоначальства). Определеніе другихъ выясняется количествомъ грабежей и удобствомъ для нихъ мѣстности на Дону и Западной Двинѣ, вродѣ окрестностей Таганрога, Ростова съ Аксаемъ и Нахичевани или окрестностей Динабурга. Подъ гнетомъ и увлеченіемъ соблазна, въ послѣдней мѣстности и еврей становится грабителемъ и на раскольниковъ падаетъ до половины справедливое подозрѣніе въ грабежахъ *). Затѣмъ, и послѣ такой исключительности, грабежи въ остальной Россіи подчиняются приемамъ, которые имѣютъ уже много чертъ общихъ и свои заповѣдныя мѣста. Мѣста эти, по большей части, большія дороги и преимущественно торговые тракты, а цѣль грабежей—купеческіе обозы. Въ нерѣдкихъ случаяхъ грабежъ выбираетъ для своей дѣятельности почтовые дороги и тогда устремляетъ нападеніе безразлично и безрасчетно, на удачу, на проѣзжаго и на казенную почту. Первый видъ грабежей встрѣчается чаще. Его можно назвать хроническимъ за тѣмъ, что у него есть и опредѣленные пункты, и приемы и опредѣленное время, именно, предшествующее большимъ ярмаркамъ. Второй видъ грабежей, на почтовыхъ дорогахъ, имѣетъ форму періодическую и этотъ грабежъ, какъ случайность, выжидаетъ совокупности многихъ, также случайныхъ, но благоприятныхъ причинъ, не всегда готовыхъ и дѣятельныхъ. Мѣстами онъ не стѣсняется и загорается безразлично, и въ степяхъ саратовскихъ, пензенскихъ, подъ Самарою (близъ извѣстной луки Волги), и въ лѣсахъ Виленской губ., въ лѣсахъ костромскихъ. И этотъ грабежъ любитъ лѣсъ, особенно, когда дорога

тянется длинными волоками (извѣстнымъ „шести-десятинымъ“ въ Ветлужскомъ и Макарьевскомъ уѣздахъ Костр. губ.). Грабежъ, направленный на купеческіе транспорты, не испугался проѣзжихъ дорогъ, ведущихъ въ Нижній, вызывая на эти мѣста ежегодные сторожевые пункты, пикеты—особый видъ земской повинности для окрестныхъ жителей и казаковъ. Тѣми же пикетами предупреждаются (но не всегда предотвращаются) грабежи по болѣе глухимъ и дальнимъ дорогамъ, какова пермская, гдѣ грабежи направлялись на чайные транспорты и являлись въ систематическомъ видѣ между городами Пермью и Кунгуромъ, Кунгуромъ и Екатеринбургомъ. Такими же грабежами славятся нѣкоторые изъ оренбургскихъ дорогъ. Здѣсь башкиры и мещераки умѣютъ выказывать присутствіе въ ихъ натурѣ остатковъ степного хищничества (очевидное и по тобольскимъ табелямъ сыльныхъ). Предостерегаютъ вѣроятіе придорожного грабежа снабженіемъ конвойными по весьма многимъ мѣстностямъ Кавказа. Здѣсь грабежъ, изъ обычнаго политическаго принципа горцевъ, смѣнился въ наши дни на особенный видъ ищенья покровителямъ, продолжаетъ выражаться и по старымъ образцамъ племенныхъ расчетовъ за обиду, за угонъ скота (и по тобольскимъ табелямъ горцы, преимущественно, ссылаются за грабежи и разбой). Не говоримъ уже о киргизахъ, гдѣ грабежъ барантою—одна изъ политическихъ основъ кочевого племени, и о татарахъ, въ которыхъ сильная наклонность къ грабежамъ находить объясненіе въ старыхъ привычкахъ, вырожденныхъ и доказанныхъ исторіею, а оправданіе въ религиозныхъ принципахъ, завѣщанныхъ кораномъ (татаринъ, по русской пословицѣ, либо насквозъ хорошъ, либо насквозъ мошенникъ). На Кавказѣ мусульманство сумѣло выродить юридикзмъ: истребленіе людей неправовѣрныхъ (гяуровъ) возведено было въ догматъ и настоятельно требовалось обѣими главными секты (Шамилемъ и Махметъ-Аминемъ). Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ грабежахъ мы видимъ прочное существованіе и упорную устойчивость. Наслѣдственная болѣзнь тѣмъ и опасна, что корни ея крѣпко и глубоко уходятъ въ испорченную почву и, какъ у всякаго подобнаго явленія, имѣющаго основаніемъ племенные особенности, болѣзнь не предстоитъ внезапнаго или скорого исчезновенія. Внутри Россіи, въ русскомъ племени, болѣзнь эта представляется въ другой обстановкѣ, но и въ болѣе смутныхъ и спутанныхъ явленіяхъ.

Остановившаяся на русскомъ племени и слѣдя за цифрами сыльныхъ въ Сибирь, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ о грабежахъ.

Цифра, не отличаясь постоянствомъ, не принадлежитъ къ крупнымъ: грабежъ не изъ тѣхъ преступленій, которые можно считать на ряду

*) Двинскъ (бывшій Динабургъ) стоитъ при такихъ условіяхъ, что тотчасъ за Двиною начинается Курляндская губернія съ ея явнымъ и медленнымъ нѣмецкимъ судопроизводствомъ средневѣковаго дѣла и съ презрѣніемъ къ русскимъ интересамъ. Въ 20-ти верстахъ отъ города губ. Ковенская и нѣсколько подальше Виленская (самъ Динабургъ губ. Витебской). Опасность жителей увеличивается тѣмъ, что чрезвычайно распространенное мелкое воровство нерѣдко доходитъ до дерзости грабежа. Полиція стоитъ въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ при желаніи поймать, припугнуть и застрашать воровъ и грабителей силою вліянія своего и самостоятельностью образа дѣйствій.

съ крупными цифрами другихъ преступлений и, въ особенности, по сравненію съ ближайшимъ видомъ его—воровствомъ. Грабители, при недостаткѣ благоприятныхъ причинъ, мельчаютъ числомъ и пропадаютъ въ разрядѣ воровъ или, при противоположныхъ данныхъ, уходятъ въ Сибирь въ разрядѣ ссылаемыхъ за разбой. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, при усиленіи административнаго вниманія и надзора и увеличеніи преслѣдованій грабителей вслѣдствіе какихъ либо случайныхъ, сильно натапливающихъ обстоятельствъ, цифра грабителей увеличивается и при противоположныхъ условіяхъ упадетъ *). Уменьшеніе этой цифры въ особенности пригодно по отношенію къ женщинамъ. Возрастаніе цифры доказываетъ, что виновность въ грабежахъ женщинъ совершилась подъ защитою мужчинъ, при участіи которыхъ только и мыслятъ для женщинъ грабежъ, какъ преступленіе, наиболѣе требующее тѣхъ силъ душевныхъ, каковыхъ недостаетъ этому слабому и забытому полу. Грабежъ и разбой—не женскія преступленія, они уступаютъ мѣсто воровству и поджогамъ. На серьезная кражи съ грабежемъ и въ расчетѣ на разбой женщинъ не берутъ. При этомъ вѣроятнѣе это преступленіе для нихъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ; въ ранній возрастъ это—самое рѣдкое явленіе изъ всѣхъ преступныхъ женскихъ дѣяній.

По количеству ссыльныхъ по сословіямъ, у крестьянъ, солдатъ и мѣщанъ грабежъ занимаетъ первое мѣсто послѣ воровства, стоящаго у всѣхъ на первомъ планѣ. По процентному отношенію самый высокій стоитъ за военными поселенцами, заводскими крестьянами, однодворцами и солдатами, а у мѣщанъ сильнѣе развита наклонность къ грабежу, чѣмъ у крестьянъ. По различнымъ мѣстностямъ Россіи грабежъ выразился сильнѣе въ странѣ сходцевъ (въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи). Въ Бессарабіи процентъ, по общему отношенію ссыльныхъ къ нессыльнымъ обитателямъ,

настолько великъ, что подобнаго ему нѣтъ во всей Россіи. Вдвое меньшая населеніемъ Пермской губерніи, Бессарабская превосходитъ ее числомъ грабежей, не смотря на то, что Пермская вмѣстѣ съ Тобольскою въ одно время и заводская и случайно заполняемая большимъ количествомъ бѣглыхъ, а вмѣстѣ съ Казанскою и Симбирскою съ избыткомъ населена инородческими племенами, исповѣдующими исламъ *).

Разбой—это послѣднее и крайнее звено въ цѣпи преступленій, вытекающихъ послѣдовательно изъ бродяжничества и непосредственно изъ грабежа, какъ неизбежное слѣдствіе послѣдняго, но крайней исключительности своей, —стало принадлежать къ явленіямъ случайнымъ, но, въ то же время, и къ такимъ, гдѣ всѣхъ запутаннѣе основныя причины и вызывающіе поводы. Съ другой стороны, вѣтхій видъ разбоевъ сжигълъ и успѣлъ принять кое-какія опредѣленныя формы, которыя можно типировать такимъ образомъ.

Нѣкогда на разбой выходили казаки, въ числѣ которыхъ бродяга, въ видѣ бѣглого холопа и солдата, играть первую роль. Теперь разбоемъ охотнѣе занимаются заводскіе люди и опять тѣ же солдаты. Иногда съ крайней голодовки пускается на такое дѣло мѣщанинъ, обыкновенно прямо изъ цѣловальниковъ или вѣдомыхъ пригородныхъ воровъ. Бываютъ и такіе годы, когда путается въ разбойникахъ мелкопомѣстный дворянинъ, избаловавшійся до конца въ званіи однодворца (сословія, какъ извѣстно, не отличающемся нравственностью и не свободномъ отъ тяжелой преступности). Хаживали на разбой и капитаны Колейкины (имѣющіе, впрочемъ, основаніемъ историческую почву, бывалое событіе). Но—повторимъ опять—и этотъ типъ измѣлчалъ и только временами,

*) По губерніямъ число грабителей распредѣлилось такъ (въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1847 годъ):

	мужч.	женщ.
Пермская	55	11
Тобольская	64	5
Грузія	56	6
Бессарабія	61	—
Симбирская	60	—
Подольская	56	2
Казанская	49	5
Курекъ	50	1
Кавказская область	40	2
Кіевская	38	— и проч.

Губернія Олонецкая во всѣ 9 лѣтъ выслала только двухъ; Архангельская, Псковская, Вологодская, Лифляндская и Астраханская по пяти. Въ Финляндіи и Польшѣ грабежъ также исключительное явленіе. Въ 20 лѣтъ для Олонецкой поднялась цифра до 10, Архангельской до 21, Вологодской до 28, Лифляндской до 34, Астраханской до 20. Наибышій процентъ для грабежа остался за Новороссійскимъ краемъ съ ногайскими татарами на востокѣ, съ крымскими на югѣ и цыганами на западѣ и кое-гдѣ въ серединѣ.

*) Вотъ доказательство въ цифрахъ, по годамъ:

Въ 1838 сослано за грабежъ	139 мужч.
» 1839 » » »	127 »
» 1840 » » »	142 »
» 1841 » » »	105 »
» 1842 » » »	143 »
» 1843 » » »	241 »
» 1844 » » »	210 »
» 1845 » » »	146 »
» 1846 » » »	111 »
Въ 1838 сослано за грабежъ	9 женщ.
» 1839 » » »	4 »
» 1840 » » »	11 »
» 1841 » » »	10 »
» 1842 » » »	10 »
» 1843 » » »	6 »
» 1844 » » »	4 »
» 1845 » » »	4 »
» 1846 » » »	8 »

Такимъ образомъ, количество сосланныхъ женщинъ въ 18 разъ меньше числа мужчинъ.

въ представительствѣ крупныхъ злодѣевъ, обнаруживаетъ нѣкоторые признаки отжившихъ свой вѣкъ удалыхъ молодцевъ, въ средѣ которыхъ разгоряченное народное воображеніе сумѣло поставить даже страшный образъ женщины-разбойника. Вотъ какимъ образомъ складываются эти остатки въ цѣльномъ видѣ злодѣя-разбойника.

Онъ, по большей части, дезертиръ изъ солдатъ, озлобленный неудачами жизни, строгостью и невзгодами службы; всѣмъ былъ битъ, и о печку битъ, развѣ только печкою не битъ. Чаше—это бѣглый съ каторги, опять-таки тертый калачъ, мятые бока, но въ этихъ случаяхъ нерѣдко выясняется въ немъ бѣглый солдатъ и непремѣнно сосланный за убійство. Убійства у этихъ героевъ въ аттестатахъ (статейныхъ сибирскихъ спискахъ) повторяются иногда по нѣсколько разъ. Преступникъ подобнаго рода забрызганъ чужою кровью, на на которой онъ какъ будто приобретаетъ закалъ и повадку.

Прежде, чѣмъ пуститься въ разбой, онъ обыкновенно бродяжничаетъ долгое время и, въ занятіи этомъ отыскивая потерянной воли и доли, находитъ то, чего не даетъ людская семья и жилое мѣсто, но чѣмъ богата лѣсная дичь и постоянное отчужденіе. Въ лѣсу бродяга дичаетъ, отвыкая отъ людей, теряя къ нимъ любовь и всякую вѣру, додумывается до равнодушія къ чужой и собственной жизни и выносить невѣріе ко всему. Выхода изъ лѣсу только въ кабаки для разжѣна легкой добычи на вино, онъ получаетъ ту внутреннюю болѣзнь, которая характеризуется хандрой въ самомъ сердитомъ значеніи этого слова. Ипохондрикъ онъ самаго крупнаго и опаснаго свойства. Дальнѣйшія неудачи и преслѣдованія—неразлучные спутники бродячей жизни—при крайнемъ недостаткѣ началъ успокоительныхъ и примирительныхъ, развиваютъ въ сердцѣ бродяги озлобленность и зависть къ свободѣ и счастью другихъ до болѣзни. Озлобленію не долго перейти въ непримиримую злобу: неависть честныхъ людей раздражаетъ народившееся чувство, а отсутствіе средствъ къ жизни довершаетъ гибель, когда, и по пословицѣ, „голый разбой не боится, голому разбой не страшнѣе“. Переходитъ же эта непосредственная озлобленность въ прямую и открытую злобу всегда, когда бродяга-пустынникъ наталкивается на такихъ же горюновъ, заготовившихъ одинаковый образъ воззрѣнія на жизнь и поставленныхъ въ одинаковыя бытовыя условія. Это, большею частью, тѣ же бродяги, бѣгло-каторжные голыши.

Встрѣча происходитъ, обыкновенно, въ лѣсахъ и знакомство сводится въ скрытыхъ и укромныхъ станахъ и притонахъ, дорога къ которымъ указывается на каторгѣ и хорошо из-

вѣстна всякому желающему про то знать и этого искать. Затѣмъ—кабакъ: мѣсто прибіжища для честнаго работника и пьяницы по профессіи, въ то же время, съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшихъ, притонъ и для недовольныхъ, для всякаго незваннаго и непрошеннаго. Цѣловальникъ и по тюремнымъ пѣснямъ далеко не доносчикъ, не полицейскій агентъ, тѣмъ болѣе, когда знаменитый казанскій разбойникъ Дмитрій Выковъ изъ этого званія ушелъ въ Сибирь и вернулся назадъ на старымъ мѣста сильно злодѣйствовать. Выпивки не всегда на чистыя деньги сумѣли выучить этого сорта промышленниковъ и торговцевъ пріему подъ закладъ вещей, въ которыхъ составляютъ избытокъ и берутъ перевѣсъ надъ собственными краденными, приобретенными воровствомъ, грабежемъ и разбоями. Такихъ и скрывать негдѣ, таковыя и приобретаются предпочтительно для обмѣна на цѣлебное зелье, умѣющее укладывать тоску по прошлому и развѣивать веселыя мысли и свѣтлыя взгляды на будущее. Цѣловальникъ непремѣнно, косвеннымъ или прямымъ путемъ, впутается въ біографію разбойника, попадетъ въ шайку и попадетъ суду и наказанію (отъ которыхъ откупъ въ былую пору умѣлъ откупать большими деньгами). Главнымъ же образомъ, бродяги, рѣшившіеся на правильныя вылазки и на отчаянный походъ, приобретаютъ дружбу и участіе, помощь и содѣйствіе въ мѣстномъ „зазнакомѣ“ ворѣ, который только потому не попалъ въ Сибирь, что откупился. Нужною и тюрьмою выученъ онъ ловкости изворотовъ на слѣдственныхъ показаніяхъ и на самомъ судѣ, а потому приладитъ жилище на бродяжьемъ троигѣ и пріотворитъ дверь для бродягъ, потому что законы и судья, за неясностью уликъ и доказательствъ, оставили его на родинѣ, хотя и въ сильнѣйшемъ подозрѣніи.

„Вѣдомый воръ“ теперь—соумышленникъ и соучастникъ пришлыхъ недобрыхъ людей. Сговоренъ онъ ими въ томъ же кабакѣ, при помощи развязывающей языкъ и окрыляющей помыслы влаги. Онъ указываетъ имъ на цѣль нападеній, на тѣ бреши, гдѣ шире проломъ и крѣпче спать стража, даетъ онъ имъ совѣты, мѣстно-пригодные и имъ, старымъ вору, самимъ нащупанные и не разъ испытанные. Товарищи молодцы—ночные дѣльцы, идутъ сначала мастерить, „заугольничать“ по постоялымъ дворамъ, а потомъ „съ дубовой иглой портняжить по большимъ дорогамъ“. Они грабятъ обозъ, грабятъ домъ богатаго мужика или попа, грабятъ церковь, грабятъ все и у всѣхъ, гдѣ только вѣрна и прибыльна добыча и по мѣрѣ накопленія храбрости и дерзости. Умѣлые вору „возъ разсыплютъ—два нагребутъ“, умѣлые вору, съ помощью добраго знакольца, и концы спрячутъ чисто, хотя слѣды воровскіе и не

идутъ дальше кабака или дома подговореннаго благодѣтеля. Нерѣдко въ такихъ случаяхъ откуда ни возьмется на помощь вдова-солдатка или баба-солдатка, 25 лѣтъ выжидающая своего мужа и на досугъ привыкшая прятать чужое и поваженная соблюдать грабленное. Является въ пособницахъ и другая женщина (но рѣже), полюбившая какого нибудь изъ удалихъ добрыхъ молодцовъ, плѣненная не ростомъ и дородствомъ и сильною бородою (какъ бы солдатка какая, вѣдающая по опыту, въ чемъ больше сласти), а плѣненная удалствомъ, заболѣвшая кручиною къ его горькой долѣ, не позволяющей ему и головушку подклонить на невертлявую подушку. Защемляетъ она больше сердце, чѣмъ разумъ. На атамана обыкновенно налетаетъ хватившая опыта въ жизни солдатка, которая перестала вѣрить въ суженныхъ и призраки и привыкла любоваться въ очи смѣлку и недюжинному, не умному да смѣлому, не богатому да тароватому. Съ рожки ей не воду пить, а изъ кармана вѣстѣ водку пить. Та или другая полюбовница поить и кормить и пристань держать, а участіемъ и сочувствіемъ даетъ разбойникамъ силу, которая наталкивается на новые замыслы, и свѣжую бодрость, съ которою такъ легко ходится на всякія самыя трудныя предпріятія.

Безъ „соприкосновенности въ преступленіи“ женщины разбой не бываетъ, безъ ея „сопричастности злодѣяніямъ“ мало найдется даже официальныхъ хроникъ и слѣдственныхъ дѣлъ по грабежамъ и разбоямъ. Какъ бы то ни было, разбой ходитъ всегда снабженный и закрѣпленный многоразличными пружинами. Пружины эти крѣпнущъ въ упругости по мѣрѣ того, какъ усиливаются неудачи и ослабѣваютъ надзоръ и преслѣдованія, и становится злымъ и лихорадочно-дѣятельнымъ, когда погоня и поиски начнутъ ходить по пятамъ и попадать на горячіе слѣды. Тогда чувство самосохраненія начинать послѣднюю борьбу и обѣ силы затѣваютъ ожесточенный споръ, нерѣдко кровавую битву. Сторона слабѣйшая пускаетъ въ ходъ послѣднія свои средства и всѣ разомъ: ловкость и хитрость, бѣшеную храбрость и замысловатую изворотливость. Сколько станowychъ и исправниковъ улетѣло подъ судъ за то, что не умѣли поймать атамана подъ самымъ носомъ! Вотъ оны, истомленные бессонными ночами, напившіеся до безпамятства и безсилія, валялся на самой торной дорогѣ у огорода и принять былъ въ лохмотьяхъ за нищаго. Какъ бы то ни было, но послѣдніе вздохи героя громки и черезчуръ слышны и чувствительны! убійства становятся чаще, производятся безразсчитные и ожесточенные. Грабежъ и разбой додумываются до такого ужаснаго правила, по которому: грабъ того, кто первый попадется, людская оплошность за тѣмъ и на свѣтъ создана, чтобы доб-

рый воръ не дремалъ. Ограбленнаго убивай— слѣды хорони. Не убьешь — самъ пропадешь, оставишь на слѣдахъ своихъ языкъ, который непременно докажетъ.

Примѣнная правило на опытѣ къ дѣлу, разбойничья шайка тутъ напала на обозъ и убила извозчиковъ, а тѣла ихъ зарыла въ болотѣ; тамъ накинули на проѣзжую торговку съ товаромъ платокъ и задушили до смерти, а лошадей увели съ собою въ лѣсъ. Здѣсь ограбили избу, а самого хозяина зарѣзали и трупъ сожгли въ печи. Тамъ ограбили проѣзжаго купца и тѣло его бросили въ рѣку, которая принесетъ потомъ въ руки земской или городской полиціи „трупъ неизвѣстно кому принадлежащій, но знакамъ на тѣлѣ коего видны знаки насильственной смерти“. Надоумленная такимъ казусомъ, ревнивая къ милостямъ и вниманію начальства, поджигаемая рассказами въ обществѣ о злодѣйствахъ и упреками знакомыхъ въ бездѣйствіи, принуждаемая частными просьбами, обличенными въ официальную форму, а всего болѣе предписаніями и понужденіями начальства, — земская полиція приходитъ въ сознаніе своихъ служебныхъ обязанностей иначинаетъ дѣйствовать.

Находятся, въ разсчетъ на денежную награду, сыщики и доносчики, каковыя и рассыпаются по завѣдомымъ кабакамъ. Изъ околныхъ людей собирается облава. Само начальство выѣзжаетъ на мѣсто скорбей и обидъ временныхъ отдѣленіемъ. Всѣ болтаютъ о разбояхъ. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ стараются пособить и, съ растерянными головами, сначала только путаются. Завязывается изъ рассказовъ цѣлый романъ въ домасовскомъ вкусѣ, гдѣ бывалое съ небывалымъ путается до громадныхъ размѣровъ, такъ что нерѣдко случалось первымъ слѣдователямъ уѣзжать безъ успѣха и просить на помощь себѣ изъ губерніи свѣжихъ и опытныхъ людей. Кто нибудь изъ трехъ или пяти, и всегда случайно, нападаетъ на первый слѣдъ. Если съумѣютъ не дать остыть этому слѣду, то схватятъ, прежде всего, мелкихъ воришекъ, которые, по пословицѣ, любить зѣвать. Но это не всегда прямые дѣятели, большею частью они соучастники тѣхъ, которые держатъ пристани и даютъ притонъ. Эти только тѣмъ запачкались, что попользовались крохами отъ добычи, да и то безпечно, да и то неосторожно: у нихъ и остатки дувана найдены; пойманные съ полиціями, они зачастую уходятъ въ ссылку за большихъ и главныхъ. Сплошъ и рядомъ на нихъ возмѣщаютъ успѣхи и торжество побѣды. При умѣнны и ловкости, а всего чаще при помощи угрозъ и легонькихъ пытокъ, страхами и запугиваньемъ, у этихъ попавшихъ въ силки добываются языка, который и ведетъ начальство на первыхъ разбойниковъ, но не главныхъ. Атамана съ близкими друзьями ищутъ долго, его берегутъ пуще всѣхъ, да и самъ

онъ, стрѣлянный звѣрь, хитрѣе и ловчѣе всѣхъ. Находятъ его съ помощью той же случайности, иногда далеко въ другой губерніи или въ дальнемъ уѣздѣ. Его либо предасть, напоить и связать подкупленная полиціею полюбовница, либо онъ самъ, чтобы не мрачить своей славы, напьется-нагуляется въ кабацѣ въ послѣдній разъ и свалится снопомъ подъ лавку. Цѣловальникъ, которому при этомъ надо и себя защищать и выслуживаться на подручномъ и легкомъ случаѣ, удалого молодца свяжетъ и представить начальству. Такъ поступаютъ смѣлые и рѣшительные. Опасливые, но также опытные, выводятъ одурѣлаго и зачумѣлаго гуляку на торную дорогу и бросаютъ тутъ. Сюда-то сыщикъ и приводитъ начальство, обыкновенно руководимый тѣмъ же питейнымъ сидѣльцемъ, дѣйствующимъ за его спиною и осторожно, съ цѣлью застоять кабацъ отъ поджога. Берите теперь и казните! вотъ главный воротило, докучливый звѣрь лежитъ, растянувшись пластомъ, словно убитый, и руки раскидалъ и ноги выставилъ; отяжелѣлыми глазами ничего не увидитъ, сквозь стиснутые зубы ни словечка не вымолвить и похмѣлья не дастъ влить. Связанный веревками, заклепанный въ кандалы, со включеннымъ головою и бороною и опухшимъ отъ пьянства лицомъ, онъ приходитъ въ себя въ секретномъ казематѣ острога (если крупнѣе звѣрь, то въ губернскомъ). Теперь онъ сытъ и готовъ на всякую казнь, затѣмъ что покинуть всѣми друзьями-товарищами. Пойманный раньше ихъ непремѣнно станетъ стараться убѣжать и рѣдко не настаиваетъ на своемъ. На выручку атамана Быкова, наводившаго въ 1848 году ужасъ на Казанскую губернію и городъ Казань, пришелъ товарищъ и другъ его Чайкинъ, такой же бѣглый съ каторги молодецъ. Пришелъ Чайкинъ самъ, зная, что его усиленно ищутъ и что за его голову (слыхалъ въ народѣ) какія-то деньги положили, онъ пришелъ въ городъ, зашелъ въ трактиръ, поигралъ на билліардѣ, сталъ водку пить въ общей комнатѣ, гдѣ сидѣлъ и частный приставъ за чаемъ послѣ бани. Богатырь Чайкинъ былъ неладно кроенъ и нелѣпо сшитъ: рѣзко бросался въ глаза своимъ угловатымъ лицомъ, на которомъ (судя по слѣпку маски и скелету его, хранящимся въ казанскомъ университетѣ, верхнія скулы сильно были развиты и орбита глазъ глубока. Бросился онъ въ глаза и всею своею фигурою, и манерами тому полицейскому лицу, которое, выйдя съ другими, на то время думало объ одномъ только Чайкинѣ и готово было принять за него всякаго встрѣчнаго. Къ тому же и примѣты злодѣя были повѣданы; не доставало рѣшимости. Но вотъ и она, на крайній случай явившаяся вдохновеніемъ. Смѣлость города беретъ. Ей удалось взять и Чайкина, ошеломленнаго смѣлымъ приступомъ и словами:

— Вѣдь ты Чайкинъ?

— Такъ точно.

— Затѣмъ пришелъ сюда?

— Попытать счастья повидаться съ Быковымъ, нельзя ли какъ его изъ острога спасти (а на то время, вслѣдствіе городскихъ слуховъ, острогъ былъ оцѣпленъ сторожами).

— Я тебя долженъ буду взять.

— Вамъ ничего больше не остается дѣлать.

Самъ я это теперь вижу, вѣжите!

Оцѣпившись въ острогѣ, разбойникъ зналъ, что дѣлать. На слѣдствіи постарался показать невозмутимое спокойствіе. Въ теченіи начатаго объ немъ дѣла пускался путать и запутывать другихъ, чтобы было дольше и труднѣе распутывать. Наплеталъ онъ столько ложныхъ показаній и на себя и на стороннихъ, что дѣла о злодѣйствахъ копились огромными томами. Обычались больше непричастные люди—богатые мужики, на которыхъ обрывались надежды на добычу (какъ дѣлалъ это орловскій—Малоярхангельскаго уѣзда—разбойникъ изъ кантонистовъ „Сирота“). Попадали подъ словоохотливый и расходившійся азыкъ и настоящіе пособники: „за одно отвѣчать“. Процессъ слѣдствія и суда тянулся мѣсяцы и отъ самого героя романа зависѣло протянуть его дольше цѣлаго года, если не получится предписанія судить его по полемому уголовному положенію, такъ называемымъ военнымъ судомъ, въ 24 часа. Такъ поступили и съ шайкою Быкова и Чайкина.

Дальнѣйшая судьба преступника извѣстна: дадутъ ему прогуляться по зеленой улицѣ и пройдетъ онъ ее, если не ослабѣли на злодѣйской безпутной жизни силы и если не было помѣчено количествомъ ударовъ шпицрутенами особымъ зловѣщимъ придаткомъ. Быковъ ходитъ, Чайкинъ глядитъ: попросить полшубокъ снять и кваску испить, пожелаетъ, чтобы опять накинули и застегнули полшубокъ и опять просить квасу. Возвращенный въ тюрьму окровавленнымъ и раздутымъ отъ ударовъ тысячи чловѣкъ, онъ или пойдетъ на выечку, чтобы выходить положенное, или добитый сразу (какъ Быковъ одиннадцать разъ) въ тотъ же самый день (и, во всякомъ случаѣ, не дальше другого дня) умереть въ острожномъ лазаретѣ отъ остраго воспаленія въ легкихъ. Нѣкоторые, увѣренные въ то, что любопытная толпа любитъ эффектъ и охотно ходитъ на различныя блески, рассчитанно бросаютъ въ толпу блески остроумія, тяжелаго краснаго слова. Выговорились этимъ Пугачевъ, Чуха, Разинъ. Не высказался Быковъ, а Чайкинъ совсѣмъ иззябъ, но саратовскій злодѣй Гусевъ, ограбившій соборъ, убившій сторожа, совершившій кощунство и святотатство, не удержался. Когда его поставили на эшафотъ, онъ самъ снялъ рубаху и надѣлъ на шею ремень. Когда всѣ сняли шапки и прочитана была сентенція суда, Гусевъ, при видѣ наклонной

знакомой скамейки кобылы съ одною большою дырою для головы и съ двумя маленькими для рукъ, закричалъ на весь народъ громкимъ голосомъ:

— Эхъ, кобылка, кобылка! Бакалъ я на тебѣ, вывозила ты меня! ну-ка, вывози опять!

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ!—отвѣчалъ ему не тише его саратовскій палачъ:—нѣтъ, она тебя теперь не вывезетъ.

Положилъ онъ его на пологую скамейку, прикрутилъ голову на исподней сторонѣ машины къ рукамъ, просунутымъ въ дыры, укрѣпилъ ноги на кольцѣ внизу кобылы и снаружи ея (причемъ сильно выгнулась спина и невозможно стало ни шевельнуться, ни перевернуться), отошелъ на нѣсколько шаговъ и съ промежутками секундъ въ 6 началъ съ прискокомъ давать удары. Послѣ 15-ти обязательно перемѣнилъ кнутъ, сдѣлавшійся слишкомъ мягкимъ отъ крови. Счетъ былъ съ подлиннымъ вѣренъ, а удары такъ сильны, что обѣщаніе свое палачъ исполнилъ. Когда сняли Гусева съ кобылы, чтобы приложить ко лбу и щекамъ машинку съ желѣзными иглами, рисующими слово К. А. Т. (каторжный) и ударить по ней нѣсколько разъ ладонью руки, Гусева уже не было въ живыхъ. Не зачѣмъ было и порохомъ притирать заклеянные части лица.

Отвернувъ глаза отъ ужаснаго зрѣлища (къ счастью человѣчества и славѣ Россіи давно уже не существующаго), народъ, расходясь по домамъ, станеть разсказывать дѣтямъ и внукамъ обо всемъ, но по другому, а не то, что видѣлъ онъ и видѣли другіе. Рѣдкій изъ разбойниковъ не останется въ народной памяти и преданіяхъ не кодуномъ и чародѣемъ, спознавшимся съ нечистою силою и отъ нее надѣлавшимъ столько злодѣйствъ. Половину злодѣйскихъ подвиговъ разбойника народъ забудетъ и, разсказывая о памятныхъ, съумѣетъ умягчить ихъ жестокость, приписать имену, гдѣ кровь за кровь и жертва за жертву идутъ, цѣпляясь и не прерываясь. Повѣдаетъ народъ потомству, что казненный разбойникъ отличался красотою лица, окладистою черною бородою, живыми глазами, широкими плечами и такимъ высокимъ складнымъ ростомъ, что такъ всѣ и ахнули, увидя его на эшафотѣ, и всѣ пожалѣли объ немъ. Въ этомъ народная память не ошибается: таковъ былъ и Гусевъ, и Рузавинъ, и Васька Торинской (костромской), и Митька Выковъ (казанскій), скелетъ котораго въ музеѣ университета поражаетъ пропорціональностью костей, общаая красавца и въ анатомическомъ значеніи этого слова. Полагаютъ даже (не безъ серьезнаго основанія), что красивый и дородный молодецъ оттого и сталъ разбойникомъ, что забаловался на женскихъ ласкахъ и требованіяхъ отъ нихъ похвалы и бахвальства. Забаловавшись, онъ запылъ, закутилъ, закружился въ вихрѣ удо-

вольствій до того, что сталъ никуда не годенъ; началъ останавливать на себѣ и общее и бабье вниманіе и другими удалыми подвигами, не отличая за недосугомъ грабежа отъ разбоя. Разскажутъ про разбойника, что онъ такъ пѣлъ пѣсни, что сырѣ-боръ прислушивался и птицы примолкали, и самъ умѣлъ складывать такіа пѣсни, что рѣдкаго человѣка не прошибала слеза и у рѣдкаго не защемивало сердце. И въ этомъ много правды: начиная со Стеньки Разина въ XVII вѣкѣ, затѣмъ первообраза всѣхъ остряковъ изъ воровского рода—Ваньки Каина въ прошломъ и въ нынѣшнемъ того же Гусева, малороссійскаго разбойника Кармелюка и проч. Всѣ они были авторами пѣсень.

Переноса дѣянія съ одного на другого, народная память какъ одному, такъ и всѣмъ, припишетъ однородное: всѣ разбойники были милостивы къ несчастнымъ и угнетеннымъ и, разбойничая, только мстили обидчикамъ: богатыхъ грабили, казну грабили, купцовъ обижали, на чиновниковъ и господъ нападали, но бѣднымъ и нужнымъ людямъ давали милостыню щедрою рукою. И здѣсь народная память не противорѣчитъ дѣйствительности: отпуская въ дорогу невредимыми и цѣлыми, дѣйствительно не скупилась на дачу бѣднымъ и обиженнымъ эти люди по тому обстоятельству, которое имѣетъ оправданіе въ характерѣ всѣхъ грабителей изъ бродягъ. Бродяги еще въ тюрьмахъ вырабатываютъ презрѣніе къ деньгамъ и привыкаютъ къ безразсчетнымъ тратамъ. Скопидомы въ бѣга не ходятъ, а ушедшіе тратятъ прахомъ нажитое съ расточительностью, составляющею одну изъ самыхъ главныхъ чертъ ихъ характера. Великодушіе также въ свойствахъ людей съ сильною волею; къ тому же, на виду и при случаѣ, можно имъ побахвалиться, похвастаться: ограбивъ помѣщика, высѣчь и отпустить; чиновниковъ перевязать спинами и прикрѣпить къ дереву; нападать исключительно на казенные транспорты и не трогать обозовъ купеческихъ, а крестьянскіе провожать своимъ конвоемъ въ цѣлости и сохранности, и проч. Все это ловко попадаетъ въ цѣль и въ началѣ поимокъ и гонокъ за разбойниками непомѣрно затрудняетъ искателей. Въ околномъ народѣ встрѣчается нерѣшимость, отсутствіе всякой энергіи: у кого отъ страха, у кого отъ тайныхъ причинъ. Большая часть другихъ безтолковою хлопотливостью, не скрывающею равнодушія къ успѣху, раздражаютъ искателей и поимщиковъ такъ, что они обыкновенно рѣшаются просить помощи у военной силы, на окольную перестаютъ надѣяться. Ловятъ милосердныхъ разбойниковъ всего чаще солдатами. Хвастливость и желаніе красоваться и въ тюрьмѣ ихъ не покидаетъ, съ одной стороны, чтобы съ особеннымъ тщаніемъ на время казни приготовить для толпы хвастливыя изреченія и острые слова, а съ другой — чтобы

не памятовали объ нихъ иначе, какъ объ удалыхъ добрыхъ молодцахъ, и—достигаютъ цѣли. Подъ призракимъ идеаломъ народъ уже не видитъ въ разбойникѣ потеряннаго жестокаго человѣка, у котораго все на выворотъ, который запачкался во всевозможныхъ порокахъ и нравственно развращенъ до самаго корня. Чайкинъ разрываетъ людей на двѣ части, привязавъ къ двумъ наклоненнымъ вершинамъ гибкаго дерева за ноги, а Быковъ стоитъ вдали и любитъ и на слѣдствіи клянется и божится, что онъ неповиненъ, ибо своими руками не дѣйствовалъ, а только придумывалъ и заказывалъ своему эсаулу. Чайкинъ рѣжетъ бѣдную попавшуюся на дорогѣ беременную женщину, а Быковъ подходит и смотритъ, оправдывая потомъ преступленіе и приказъ свой тѣмъ, что хотѣлъ полюбопытствовать, какъ лежитъ въ утробѣ матери еще не родившійся ребенокъ; затѣмъ и приказалъ убить ее.

Всматриваясь затѣмъ въ уголовныя хроники, мы встрѣчаемъ еще немногія дополнительные черты, въ которыхъ если мало общихъ, то много характерныхъ. Большею нетерпимостью отличаются разбой, производимые бѣглыми съ каторги (въ шайкѣ Быкова такихъ было 9, въ томъ числѣ самъ атаманъ и эсаулъ были изъ такихъ же, бѣжавшихъ съ иркутскаго солевареннаго завода). Большую ловкость и изворотливость обнаруживали бѣгле кантонисты и большую жестокость — бѣгле солдаты. Какою-то дикою силою, неразсчитливостью и непредусмотрительностью отличаются тѣ грабежи и разбой, которые производятся татарами, и неумолимъ и жестокъ тотъ разбойникъ, который вырождается къ кочевымъ племенамъ и въ башкирахъ. Затѣмъ племенные особенности выступаютъ на видъ и берутъ свои права во всѣхъ случаяхъ: замѣшался татаринъ въ шайкѣ Быкова—послѣ разбоя, при дуванѣ, онъ выговариваетъ себѣ лошадь, ору, телѣгу. Телѣгу сжигаетъ, колесный накатъ катить домой. Вмѣшался въ дѣло цыганъ — при грабежахъ указываетъ на конюшню, самъ уводитъ, подъ защитою товарищей, лошадей мастерски и осторожно и еще съ большимъ искусствомъ загоняетъ ихъ въ скрытыя мѣста, гдѣ вытравляетъ клейма, перекрашиваетъ масти, выгодно перепродаетъ. При дѣлежѣ дувана ограбленныхъ и убитыхъ сильщиковъ онъ не беретъ деньги натурою, беретъ выпивкою, но, отказавшись отъ золота, съ охотою бросается и выговариваетъ себѣ кубовую краску и опять тѣхъ же лошадей.

И нѣтъ худа безъ добра: разбой, какъ и всякое другое преступленіе, наводящее ужасъ, выходящее изъ ряду обыкновенныхъ, грозное многочисленностью участниковъ, пробуждаютъ общество изъ временной апатіи, будятъ въ немъ остывшую осторожность и въ дѣятеляхъ административныхъ возбуждаютъ энергію и усердіе.

Энергія сказывается въ усиленіи надзора и вниманія, дѣятельность, черезъ это удвоенная, наталкивается на множество скрытыхъ преступленій. Застигнутыя въ располѣхъ и выведенныя наружу, преступленія эти освѣщаютъ для судей много такихъ дѣлъ, которыя, за неясностью уликъ и видимыхъ доказательствъ, преданы были суду и волѣ Божіей. Дѣло о Быковѣ открыло въ Казани цѣлую толпу въ 27 человѣкъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, изъ которыхъ одни оказались преступниками, бѣжавшими изъ Сибири съ каторжныхъ работъ, другіе бродягами, „отлучившимися отъ своихъ жительство безъ дозволенія ихъ начальствъ и мотающимися по городу безъ опредѣленной цѣли“. Побѣги разбойниковъ изъ тюремъ наводятъ мысль на тщательный осмотръ острожныхъ помѣщеній. Осмотръ наталкиваетъ на существованіе въ тюрьмахъ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій и монеты. Продолжительные и усиленные поиски, внезапные повальные обыски разбойничить притоновъ обнаруживаютъ мастерскія дѣлателей тѣхъ же фальшивыхъ денегъ, канцеляріи для фальшивыхъ паспортовъ, притонщиковъ и мѣста складовъ краденныхъ вещей. Искатели попадаютъ на слѣды конокрадства и на тѣ пути и дороги, по которымъ проводятся краденныя лошади и проч.

Возвращаясь къ сибирскимъ цифрамъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за разбой, мы видимъ, что количество женщинъ, осужденныхъ за это преступленіе, несравненно меньше количества мужчинъ, и участіе ихъ въ разбояхъ даже несравненно слабѣе, чѣмъ въ грабежахъ. Разбойницы остались только въ пѣсенной памяти и такія дѣла имъ совсѣмъ не по природѣ и не по характеру (на 341 муж., ушедшихъ за разбой въ девять лѣтъ, 17 разбойницъ, съ исключительнымъ перевѣсомъ на губ. Виленскую (6 чел.), и съ преобладаніемъ мужчинъ въ той же губерніи и въ Бессарабіи, Грузіи, губ. Ярославской, Сибирской, Киевской, Воронежской, Подольской, Каспійской области—словомъ, чаще на рубежахъ, чѣмъ внутри государства; предпочтительнѣе въ мусульманской средѣ (въ Кавказскихъ и Казанской губ.); въ Приволжѣ больше, чѣмъ по системамъ другихъ рѣкъ, у заводскихъ крестьянъ чаще, чѣмъ у помѣщичьихъ и государственныхъ. Между солдатами сильнѣе пособничество въ видѣ содержанія притоновъ, чѣмъ между всѣми другими женщинами изъ прочихъ сословій.

На мѣстахъ ссылки и на каторгѣ за разбой приводится судить рѣдко (въ нерчинскихъ заводахъ въ 10 лѣтъ ни одного случая изъ 1.136 человѣкъ, сосланныхъ за грабежи и разбой). Въ Тобольской губ. въ 9 лѣтъ предыдущихъ (съ 38-го по 46) шесть, изъ поселенцевъ ни одного; за то за грабежъ каторжныхъ въ это же время 13, поселенцевъ 23 (20 м., 3 ж.);

взюмали тюрьмы 7 каторж., 32 посел. Бѣжало изъ Сибири и возвращено 8.246 муж. (каторжныхъ и поселенцевъ) и 235 жен. Вотъ тотъ источникъ, изъ котораго предоставляется Россіи право почерпнуть для себя всё невзгоды, происходящія отъ воровства, грабежей, разбоевъ и поджоговъ. Бродягъ поймано въ 9 лѣтъ на разбояхъ 10 муж., 1 жен. Дома эти люди не такъ скоро рѣшаются на обиду, но разбойникъ выходитъ на злодѣйства, вдохновляемый на большую часть одинаковыми съ Россією причинами. Скопленіе опасныхъ и голодныхъ людей въ одной мѣстности, затрудняющейся ослабить вражью силу прокормомъ и приютомъ, порождаетъ

грабежи и разбои, теперь временно, периодически. Объ этомъ разсказано подробно въ своемъ мѣстѣ. Въ Сибири опасныхъ разбойниковъ и злодѣевъ сажали на цѣпь, а для этого, кромѣ всѣхъ каторжныхъ, существовала особая тюрьма въ Акатуй — одному изъ нерчинскихъ рудниковъ.

Переходимъ къ поджогамъ, какъ къ такому преступленію, которое часто имѣетъ отношеніе и къ смутнымъ временамъ извѣстныхъ мѣстностей, накопившихъ сибирскихъ бѣглыхъ, и нѣкоторыми корнями своими укорѣнено въ той же почвѣ бродячества и изъ нее вырастаетъ.

ГЛАВА VII.

ПОДЖИГАТЕЛИ.

Причины поджоговъ.—Проявленіе ихъ.—Пожары городовъ и деревень.—Гдѣ нѣтъ поджоговъ?—Поджоги—дѣтское и женское преступленіе.—Поджоги въ Россіи.—Красный пѣтухъ.—Мнѣніе.

Поджоги или (какъ привыкли выражаться казенныя бумаги и лица, а за ними и сибирскія табели) зажигательство — одно изъ тѣхъ преступленій, причина которыхъ всего меньше опредѣлена. Ни при одномъ изъ всѣхъ другихъ не выразились до такой степени несостоятельность слѣдствій и безсиліе слѣдователей недавнихъ временъ, спутанныхъ и затрудненныхъ тѣмъ особеннымъ явленіемъ, что поджоги являются периодически и въ нѣкоторые годы разомъ, массою случаевъ, приносятъ несчастье цѣлымъ мѣстностямъ, чаще всего въ одинъ и тотъ же годъ, и при этомъ значительно одна отъ другой удаленнымъ. Подозрѣвая въ такомъ явленіи обыкновенно результаты сильно возбужденнаго неудовольствія партій и политическихъ движеній, руководящихся поджогами, какъ средствомъ для возбужденія народа, — слѣдователи, въ своихъ исканіяхъ, наталкивались на цѣлый рядъ неодолимыхъ препятствій. Запутавшись въ нихъ, они обыкновенно нигде не выходили и, послѣ тщетныхъ исканій, являлись съ тѣмъ же, съ тѣмъ и ушли. Подозрѣніе какъ будто стало яснѣе; схвачены и виновные, но, на большую часть это — дѣти, которые опредѣленнаго ничего не говорятъ (и сказать не могутъ): дали имъ деньги, поджигательные снаряды и указали, гдѣ начинать. Кто эти заказчики, они не знаютъ, въ первый разъ видятъ. Эти дѣти въ большихъ городахъ, по большей части, кинутые родителями, вкусившія плодотворной бродячей жизни или отбившіеся отъ мастеровъ-хозяевъ ученики, начавшіе изучать пріемы и правила увлекательнаго ремесла бродягъ. Въ деревняхъ — это ни-

щѣ, проводники слѣпыхъ старцевъ, тоже подкупленные и тоже никого не знающіе. Поджигали они потому только, что ихъ юное, неопытное сердце не привыкло правильно различать добро отъ зла; пошли на преступленіе поджога, не давая себѣ въ томъ отчета; пошли потому, что ихъ приласкали, соблазнили, дали денегъ и пообѣщали всего, чего они захотятъ и чего ни попросятъ. Иногда ихъ ловятъ сбитыми въ шайкахъ (въ которыхъ безразлично попадаютъ и мальчики и дѣвочки), но при этомъ показанія ихъ еще запутаннѣе. Каждый противорѣчить одинъ другому и такъ, что представляется обширное поле для предположеній о томъ, на сколько подстрекатели и руководители тонко обдумывали каждый свой шагъ и ловко припрятали всѣ концы, по которымъ можно было бы доходить до нихъ. До нихъ и не дошли, ни во время ближайшее къ намъ, ни во время отдаленное (какъ, напримѣръ, въ 1848 году), когда сгорѣли цѣлые города (какъ Кострома, Орелъ и проч.). Сгорѣли они столько же и отъ несомнѣнныхъ и настоячивыхъ поджоговъ, столько же и потому, что всѣ, по стариннымъ примѣмамъ, стоятъ на горахъ, надъ водою, но далеко отъ воды (какъ, напр., всѣ, а Симбирскъ въ особенности). Не найдя виновниковъ по задачѣ — не ходили искать внѣ ея и въ скопленіяхъ опасныхъ людей, прибѣжавшихъ изъ Сибири, причинъ поджоговъ по вызову ищущія за преслѣдованія не искали. Народъ, знакомый съ такими дѣлами по опыту, заказалъ себѣ одно правило гостепріимства и укрываніемъ бродягъ и потворствомъ опаснымъ людямъ предотвра-

щаетъ на время бѣды поджоговъ. Въ городахъ для этого меньше средствъ и охотниковъ и больше готового люда для исполненія, а потому здѣсь жгутъ тѣ шайки воровъ, которыя надѣются на суматоху пожаровъ, какъ на выгодное средство къ легкой, но богатой пожнѣ. Въ деревняхъ причины поджоговъ выясняются больше и самое преступленіе возрастаетъ на то время, когда ко многимъ народнымъ бѣдствіямъ присоединяются частые и многочисленныя грабежи и когда чинятся разбои.

Поджигаютъ деревни всего чаще женщины. Поджоги являются такимъ преступленіемъ, которымъ какъ будто гнушается мужское населеніе, и не будь тутъ мальчиковъ (значительно восполняющихъ количество сосланныхъ за поджоги мужчинъ), этотъ видъ преступленій можно было бы назвать исключительно женскимъ. По сибирскимъ табелямъ ссыльных такъ и выходитъ, что въ общихъ цифрахъ самая крупная принадлежитъ женщинамъ, осужденнымъ за поджоги; нигдѣ уже цифра женщинъ такъ не приближается къ цифрѣ мужчинъ (за девять лѣтъ 528 мужчинъ и 434 женщины). По процентному отношенію женщины также характеризуются въ ряду поджигателей со всею очевидностью правъ на подозрѣніе въ сильнѣйшей склонности вымещать житейскія неудачи охотливѣ этимъ, чѣмъ, напримѣръ, даже убійствомъ мужей. При этомъ наибольшая пропорція принадлежитъ раннему возрасту (отъ 14 до 20 лѣтъ), когда преступная воля охотливѣ пускается на мщеніе путями болѣе легкими, какъ, напримѣръ, на этотъ разъ подбросить огонь и высмотрѣть къ тому болѣе удобное время и болѣе скрытое мѣсто. Даже и въ зрѣломъ возрастѣ простая русская женщина, увлекаемая порывами непосредственныхъ чувствъ и руководимая грубыми природными инстинктами, старается поджогомъ излить накопившую на сердцѣ злобу, высказать мщеніе за невѣрность любовника, за жестокое обращеніе мужа. Поджигаетъ она домъ соперницы, поджигаетъ домъ мужа, невѣста у жениха, измѣнившего слову, обманутая сговорена у счастливой суженой и проч. Сибирскія табели высокимъ процентомъ поджигательницъ изъ дворовыхъ людей указываютъ на иную причину, перешедшую въ настоящее время дѣйствовать, но прежде выдвигавшую это сословіе на первый планъ впереди крестьянъ, однодворцевъ и солдатъ (или собственно солдатокъ).

По отношенію къ различнымъ мѣстностямъ Россіи число поджигательницъ преобладаетъ въ губерніяхъ, гдѣ и по отношенію къ поджигателямъ цифра эта велика. Таковы прежде всѣхъ двѣ: одна малороссійская—Полтавская, другая полумалорусская—Черниговская. За ними непосредственно слѣдуютъ: Сибирская, ярко заявившая себя богатою по поджогамъ и въ

последнее время (въ девять лѣтъ съ 1838 по 1847 г. изъ Сибирской сослано 28 мужчинъ, 18 женщинъ; изъ Черниговской 24 мужчины, 14 женщинъ; изъ Полтавской 11 мужчинъ, 21 женщина). Изъ остальныхъ губерній чаще другихъ случались поджоги въ такихъ, которыя по преимуществу и гуще другихъ населены были крѣпостными людьми и могли быть названы помѣщичьими. Не было поджоговъ во всѣ наши девять лѣтъ ни въ одной изъ губерній сѣверныхъ (каковы: Архангельская, Олонецкая и Вологодская) и, вообще, во всѣхъ тѣхъ, гдѣ избытокъ народонаселенія принадлежалъ или казеннымъ крестьянамъ, или казакамъ, или инородцамъ. Въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ оказалось наибольшее количество бродягъ, значительная степень участія въ воровствахъ всякаго рода, грабежахъ и даже убійствахъ—самая слабая степень виновности въ поджогахъ: гостепримство тамъ еще въ той степени радушнаго настроенія, при которой нѣтъ мѣста для злобы и мщенія, и отношеніе женскаго пола къ мужскому, слабое по количеству, находится въ благоприятныхъ (мирныхъ и уступчивыхъ) границахъ. Рѣзче выясняется преобладаніе поджигательницъ въ Остзейскомъ краѣ, а въ преступномъ населеніи Закамья (губерніяхъ Оренбургской и Пермской) процентъ поджигателей самый низкій.

Въ Сибири хотя и существуетъ обычай у бродягъ мстить отказавшимъ въ пріютѣ краснымъ пѣтухомъ или поджогомъ, но случаи эти настолько не выдаются, по сравненію съ таковыми въ Россіи, что, напримѣръ, въ нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ (съ 1847 по 1857 г.) на 174 человекъ, присланныхъ за поджоги, не было ни одного такого, который оказался бы большимъ пиromanіемъ или высланъ былъ вновь за такое тяжелое для сельскаго населенія злодѣяніе. Стало быть, страхъ поджоговъ теперь только тотъ призракъ, высматривающій изъ мрака далекихъ временъ, который для бродягъ становится духомъ-защитникомъ, а для туземцевъ покровителемъ, оправдывающимъ отвѣтственность передъ судомъ за укрывательство бѣглыхъ съ каторги и мѣст поселенія. Въ десять лѣтъ (съ 1838 по 1847 г.) не было замѣчено ни одного поджигателя ни между арестантами, выпущенными въ Сибирь изъ Россіи, ни между каторжными, ни въ средѣ поселенцевъ. Поджоги въ Сибири такая же временная болѣзнь, какъ разбой и грабежъ шайками, и въ такомъ случаѣ немедленное и непремѣнное послѣдствіе этихъ двухъ родовъ злодѣянія. Между тѣмъ, и ссыльныя женщины бѣгутъ въ лѣса и на волю, не справляясь съ силою, испрашивая только согласія и позволенія у мужчинъ каторжныхъ; бѣгутъ немного (по три на годъ), но, опять-таки на новой своей родинѣ поджогами заниматься не любятъ.

Въ новомъ крѣпостномъ положеніи ихъ все согласно направляетъ къ дѣятельности противоположныхъ свойствъ. Рѣдкой изъ нихъ не удастся сдѣлаться матерью еще на дорогѣ; ни одной не привелось еще, за недостаткомъ

женщинъ, остаться въ безбрачій. За мужей и надъ дѣтьми для ваторжной женщины прекращаются всѣ пути къ крупнымъ преступленіямъ и остаются торныя дороги только для воровства и прелюбодѣнія.

ГЛАВА VIII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ ВѢРЫ.

(Святотатцы.—Преступность духовенства.—Гробокопатели.—Колдуны.—Богохуленіе.—Отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры.—Ересь и расколъ.—Скопцы.—Церковные воры въ Сибири и Россіи.—Боградекій-гробокопатель.—Распавшійся на крестѣ фанатикъ.—Скопцы въ Сибири.—Хлысты.—Хлыстовщина въ монастырѣ.—Субботники.—Духоборцы.—Щельники.—Охохонцы.—Молокане.—Старовѣры.—Масляниковъ.—Отшельникъ.—Алтайскіе старовѣры.—Семейскіе старовѣры за Байкаломъ.—Битвы за попа.—Часовенная Сибирь.—Духовенство въ Сибири.—Заводское духовенство.—Филипповъ.—Расколъ въ Сибири.—Причины его и развитіе.

Сибирь, какъ громадная тюрьма, вмѣщающая все наличное количество пойманныхъ и осужденныхъ преступниковъ, могла бы, повидимому, давать данныя для повѣрки нравственнаго уровня Россіи, но на самомъ дѣлѣ этого не только нѣтъ, но и предположить какую либо возможность подобной повѣрки не представляется въ настоящее время никакихъ данныхъ. Въ Сибири записываютъ наличное число приходящихъ преступниковъ по такой же системѣ, по какой ведутъ счета принятому товару въ пакгаузахъ, ограничиваясь отиѣткою времени пріема, количества мѣстъ, и заботливо заносить въ книгу только номера тюковъ. О содержаніи принятаго и о другихъ любопытныхъ подробностяхъ не заботятся. Составляя образцы для книгъ старый подъячій, посѣдившій на рутинныхъ пріемахъ и высидѣвшій пригѣтное равнодушіе и нескрываемую ненависть ко всему живому. Ко всему тому, что возбуждаетъ интересъ науки и слугитъ ея достоинству, у этого псаца полнѣйшее неуваженіе и преднамѣренное недоверіе. Временами онъ уступалъ настоячивымъ требованіямъ и начиналъ записывать потолковѣе, но вскорѣ затѣмъ опять сводилъ на свое и снова писалъ зря, придерживаясь пріемовъ старой рутины и образцовъ, завѣщанныхъ его сѣлыми и отписывавшими свой вѣкъ предшественниками.

На этотъ разъ, такъ же какъ и въ тысячахъ другихъ случаевъ, въ столкновеніи интереса въ науки съ казенною практикою замѣчается обоюдный разладъ и огромное отчужденіе. Старый подъячій, разумеется, не догадался самъ и не былъ возбужденъ другими къ тому, чтобы остановиться и подумать, насколько примѣнимы къ дѣлу и пригодны для практическихъ и поучительныхъ выводовъ его длинныя и скучныя записи. Отсюда произошло то, что прежде онъ писалъ даже какъ будто толковѣе и, напротивъ, въ убійствахъ умѣлъ отдѣлять отцеубій-

ства, дѣтоубійства, убійства мужей женами, женъ мужьями,—затѣмъ все это сбить въ одну кучу подъ фирмою умышеннаго убійства и успокоился, придумавъ отдѣлъ убійства случайнаго. Точно также писалъ онъ, для ускоренія акта писанія и для пущей темноты разумнѣя, всѣхъ преступниковъ противъ вѣры въ одну графу. Прежде отдѣлялъ онъ всѣ роды этого преступленія и зналъ число отступниковъ отъ господствующей вѣры и число отвлекавшихъ отъ нее, зналъ и различалъ святотатцевъ, колдуновъ и принявшихъ ложную присягу; отдѣлялъ богохуленіе и порицаніе вѣры и велъ отдѣльный счетъ разрывавшимъ могилы. Перемудрило ли тутъ новое начальство, какъ не домудрило старое, оба, повидимому, руководившія высшими взглядами,—и теперь, за давностью, опредѣлять трудно и излишне. Результаты невыгодны тѣмъ, что къ такимъ уголовнымъ хроникамъ и статистическимъ выводамъ, къ какимъ пришли европейскіе криминалисты, у насъ легко и скоро не подойдешь. Ученая общества съ одной стороны, а съ другой, казенныя учрежденія—это два незнакомца, случайно встрѣчающіеся на улицахъ и безучастно проходящіе мимо другъ друга, каждый своею дорогою. Въ Tobolskѣ, гдѣ принимали ссыльных и записывали ихъ преступленія, не могли указать, напримѣръ, на то, какія наичаще употребляются орудія для убійствъ, какое время предпочитали для кражъ, какіе способы мошенничества принимали господствующую форму, чтобы при случаѣ можно было обществу встать въ оборонительное и охранное положеніе. Не объяснять и въ Тюмени, что грабежи совершаются товариществами въ извѣстныхъ мѣстностяхъ наичаще всего, что разбой находятъ мѣсто и пищу себѣ при такихъ-то общественныхъ и экономическихъ условіяхъ и проч. Не говоримъ уже о мелкихъ, повидимому, частно-

ства, однако, серьезных настолько, что, например, Кетле сумел из них выработать вѣрные и поучительные выводы, о которых мы нигде неоднократно случаи говорить.

Впрочемъ, Сибирь не въ состояніи представить мѣрку для нравственной оцѣнки Россіи и потому еще, что существующій тамъ приказъ о ссыльных ведетъ счетъ только тѣмъ преступникамъ, которые приговорены къ ссылке въ Сибирь. Многие остаются въ Россіи по особеннымъ соображеніямъ судовъ и администраціи. Остановившаяся на преступникахъ противъ вѣры, мы должны помнить, что для таковыхъ нѣбываютъ мѣста заточеній и въ Россіи, каковы монастыри, между которыми тюрьмы при Спасо-Евфиміевомъ въ Суздаль и Соловецкомъ монастыряхъ занимали главное мѣсто. Извѣстную хлыстовскую богородицу Ульяну Васильеву, послѣднюю отрасль знаменитаго Даниила Филиппова, перваго хлыстовскаго бога *), лица полумонашескаго, смирили монастыремъ (дѣвичьимъ) Пермской губерніи; извѣстнаго пропагандиста старообрядцевъ Папулина — Соловецкимъ заточеніемъ и т. д.

Въ расчетѣ на то, чтобы, до нѣкоторой степени, объяснить степень вліянія каторги и ссылки на нравственные и религіозныя убѣжденія сосланныхъ въ Сибирь, мы останавливаемся на извѣстной намъ таблицѣ тобольскаго приказа, нѣбющей важное значеніе потому, что она, во первыхъ, считаетъ сосланныхъ въ Сибирь, а во вторыхъ, считаетъ ихъ вѣрно, нѣсколько разъ пересчитывается и провѣряется. По этой таблицѣ, наказанные ссылкой грѣшники опредѣлились въ слѣдующихъ числовыхъ отношеніяхъ.

Самая крупная цифра принадлежитъ святотатцамъ, вторая — сосланнымъ за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры и третья — ссыльнымъ за богоуленіе и порицаніе вѣры.

Святотатцы въ большомъ числѣ завинялись въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ православіе, обезличенное унию, но не побѣжденное католичествомъ, должно было вести борьбу съ тою массою религіозныхъ предразсудковъ и суевѣрій, которые достались тамошнему русскому народу въ наслѣдіе отъ предковъ. Здѣсь, въ этой странѣ, во время давней борьбы о преимуществѣ господствующихъ исповѣданій, въ которой народъ высказался (по сравненію съ малороссійскимъ) полнымъ равнодушіемъ, суевѣрія убереглись въ такой массѣ, въ какой они уже не являются нигдѣ въ русскомъ народѣ, населяющемъ громадную равнину Русскаго царства. У русскихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ остатки народныхъ вѣрованій настолько крупны и серьезны, что несомнѣнно обличаютъ древнее происхожденіе отъ языческаго славян-

скаго культа, и до того многочисленны, что представляютъ вѣроятіе возстановить эту древнюю славянскую языческую вѣру въ цѣльномъ видѣ. Когда въ Великой Россіи тому же наслѣдію предстояло великое испытаніе въ пропагандѣ монастырей и обезличилось, сверхъ того, оно отъ примѣчательной подвижности племени, дававшей возможность общенія вмѣстѣ съ продуктами и мыслей, — въ Великой Россіи изолитованное положеніе народа и его неподвижность на то же наслѣдіе произвели противоположное вліяніе. Вѣлорусскій народъ лучше сохранился въ прародительскомъ видѣ и бережно донесъ до нашего времени стародавній до-христіанскій законъ предковъ. Вѣлорусскій народъ утѣлъ отъ общенія съ инородцами смѣшать наслѣдство съ новыми приобретеньями и обезличить то, что у вѣлоруссовъ является почти въ безпримѣсномъ и цѣльномъ видѣ. Вѣлоруссы успѣли за вѣру и въ гѣса разбѣжаться, и въ ту же Вѣлоруссію кинуться, и Сибирь, и Новорусскій краемъ, и Предкавказьемъ и Закавказьемъ былъ наказанъ. Утѣлъ онъ броситься по дѣламъ вѣры и въ крайность мистицизма (духоборцы), и въ крайность особаго и болѣе строгаго вида язычества (хлысты и скопцы). Попытался смѣнить вѣру отцовъ на обрядовую ветхозавѣтную (суботники) и на безобрядную вѣру послѣднихъ трехъ вѣковъ (моложане). Вѣлоруссы оставались неподвижны. Внѣ его произошла борьба православнаго и римско-католическаго исповѣданій, коснувшись его только въ той мѣрѣ, что, не обезличивъ и мало обезличивъ старую славянину, являетъ передъ нами законный и правильный результатъ безразличія и холодности. За отступленіе отъ вѣры и совращеніе, за ересь и расколъ — нѣтъ ни одного ссыльнаго; за святотатство — самое большое число. За это преступленіе шли именно изъ тѣхъ губерній, гдѣ больше всего, въ послѣднее время, велась католическая пропаганда, успѣвшая охладить въ глазахъ нетвердаго въ христіанскихъ догматахъ народа все то, что дорого истинно вѣрующему вообще на Руси, отъ храмовъ и церковнаго имущества до могилъ умершихъ и ихъ погребальныхъ савановъ. Въ девять лѣтъ (съ 1838 по 1846) за святотатство сослано было изъ западныхъ губерній 124 муж., 24 жен., т.-е. почти $\frac{1}{3}$ часть количества всѣхъ сосланныхъ изъ всей Россіи по отношенію къ мужчинамъ (124 на 389 челов.) и почти $\frac{1}{2}$ по отношенію къ женщинамъ (24 на 53). При этомъ Виленская губернія дала 29 м., 12 ж., Минская 24 м., 6 ж., Витебская 22 м., 4 ж., Подольская 26 м., съ тѣмъ, можетъ быть, „ослабляющимъ вину обстоятельствомъ“, что на этотъ разъ святотатство обезличивается до извѣстной степени въ простое воровство и тѣмъ болѣе въ этой странѣ, гдѣ безчисленныя ли-

*) Существованіе его, помимо хлыстовскихъ преданій, не доказано никакими историческими документами.

шенія и повсюдная бѣдность разлиты въ примѣчательномъ обилии среди загнаннаго и угнетеннаго народа. Неурожай—ежегодное явленіе въ той или другой мѣстности лѣсного и мокраго края. Урожай, кромѣ немногихъ счастливыхъ оазисовъ, даютъ такое количество сбора, который всегда недостаточенъ для прокормленія мѣстнаго населенія, съ давнихъ временъ знакомаго со множествомъ хлѣбныхъ суррогатовъ *).

Странный родъ преступленія, каково разрытіе могилъ, явившееся въ немногихъ случаяхъ съ объясненіемъ („ограбленіемъ мертвыхъ тѣлъ“), увело жертвъ народнаго суевѣрія, жертвъ ничтожныхъ по общей численности (12 человекъ въ 9 лѣтъ), также въ большинствѣ изъ западныхъ губерній (по 3 человекъ изъ Гродненской и Киевской, 2 изъ Витебской и 1 изъ Волынской). Цифры эти, указывая, такимъ образомъ, на существованіе особаго промысла воровъ, имѣющаго въ понятіи великорусскаго народа значеніе святотатства, въ то же время свидѣтельствуютъ и о крайней его исключительности, а по отношенію къ Сѣверо-Западному краю принимаетъ онъ особый характеръ, чѣмъ въ Великой Россіи, неизмѣнный до нашихъ дней.

Уголовныя характеристики сумѣли указать на основной принципъ, руководящій этимъ преступленіемъ, и отдѣлили изъ общаго числа преступниковъ тѣхъ, которыхъ побудила корысть и стяжаніе одежды и украшеній, полагаемыхъ во гробъ по прадѣдовскимъ обычаямъ, отъ тѣхъ, которыхъ увлекало къ преступленію странное и печальное суевѣріе. Тогда въ понятіяхъ опредѣлялись оба вида. Въ Россіи тогда выяснялся на этомъ преступномъ промыслѣ солдатъ-дезертиръ, испортившійся въ казармѣ и оголодавшій въ бѣгахъ, дѣйствовавшій преступно въ тѣхъ губерніяхъ (каковы, по нашимъ даннымъ, Казанская, Пермская и Пензенская), гдѣ инородцы, а особенно татары, любили снабжать трупы и гробы умершихъ самыми дорогими одеждами и украшениями. Такъ точно, и тогда же, приметь это преступленіе другой видъ по отношенію къ губерніямъ сѣверо-западнымъ, гдѣ поводомъ къ преступному дѣйствию служить суевѣріе, основанное либо на мистической необходимости,

выкопавъ трупъ, отнять голову, чтобы обнести ее кругомъ селенія для прекращенія скотскаго падежа на тотъ случай, если не рѣшится какая нибудь женщина голою обѣхать верхомъ на лошади вокругъ деревни. Либо суевѣріе основывается на приготовленіи свѣчи-невидимки, которая дѣлается лицо, приготовившее свѣчу, невидимымъ для тѣхъ, кого оно задумаетъ обворовать, и которую необходимо приготовить именно изъ жира умершаго колдуна, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ сложныхъ, но исполнимыхъ, мистическихъ приготовленій и обрядовъ.

Взаимное недоразумѣніе, обоюдный обманъ (суевѣрнаго грѣшника) сумѣли выгородить этихъ преступниковъ, ожидающихъ лекарства отъ церкви и, на худшій конецъ, отъ больницы психіатра, чтобы сослать въ Сибирь вмѣстѣ съ ними и такихъ людей, на судьбѣ которыхъ снова встрѣтились обманъ и вѣра въ черта и всякую нечистую силу. Въ сибирскихъ табеляхъ явились колдуны.

Колдовство признано за преступленіе, обрекающее на изгнаніе и предполагающее въ ссылкѣ исцѣленіе. Въ этомъ случаѣ что нибудь изъ двухъ: или мы настолько просвѣтились, что стали различать врача-шарлатана отъ настоящаго мастера своего дѣла, или вѣрнемъ черту, съ которымъ спознался чародѣй-колдунъ. Конечно, такъ называемый колдунъ не имѣетъ возможности украшать свою пріемную предметами вовсе ненужными, но возбуждающими уваженіе и довѣріе въ пациентѣ. Тѣмъ не менѣе, не можемъ отрицать, что въ большинствѣ этого рода шарлатановъ живетъ глубокая вѣра въ собственную силу, исходящую изъ личнаго убѣжденія и укрупляемую постояннымъ довѣріемъ массы. Едва ли подобный человекъ больше шарлатанъ и обманщикъ, чѣмъ тѣ, которые изрѣдка налетаютъ къ намъ изъ Европы; едва ли онъ не настолько же убѣжденъ въ себя, какъ и всѣ остальные убѣжденные и убѣждаемые въ своемъ врачебномъ знаніи. На самомъ дѣлѣ, колдунъ—представитель той медицины, которая известна была древнимъ и перешла къ русскимъ отъ шамановъ, называвшихся въ старину „волхвами“ и „кудесниками“. „Колдунъ“—лекаръ, у котораго большая часть лекарствъ дѣйствуютъ какъ симпатическія средства и ни одно изъ нихъ не крушитъ болѣзни безъ таинственной обстановки и многосложныхъ суевѣрныхъ обрядовъ. Нонятно, что попалъ онъ въ Сибирь потому, что плелъ на себя въ судѣ напраслину, которую самъ не считалъ таковою, и не жалѣлъ себя, шадя прежнюю славу и будущую славу послѣдователей и товарищей. Попалъ онъ потому, что не былъ такъ доволенъ, какъ другіе, и подвернулся подъ ударъ судьбы на время случайныхъ народныхъ бѣдствій, когда народъ его околотка, озлобленный несчастными неурожаевъ и повальныхъ бовѣзней и растеряв-

*) Сибирскія табели и въ послѣдующіе годы продолжаютъ увеличивать число святотатцевъ на сторону тѣхъ же губерній. Возьмемъ на выдержку: въ 1854 году сослано 10 изъ Гродн., 9 Минск., 6 Весс. обл., 5 Киевск.; въ 1855—8 Вит., 10 Минск.; то же самое открывается и по сравненіи цифръ за 20 лѣтъ (съ 1827—46 гг.), которое приводитъ къ тому главному выводу, что по всей Россіи нигдѣ святотатство не развито такъ сильно, какъ въ губ. Минской (58 м., 8 ж.) и Витебской (42+7), Московск. дала 53+2, Владим. 41+7, Киевск. 46+4, Костр. 28+2, Новгор. 29+2. За то, какъ во всѣхъ этихъ губерніяхъ западнаго края, такъ равно и малороссійскихъ, процентъ сосланныхъ за чисто-религіозныя преступленія замѣчательно слабъ, даже ничтоженъ.

шійся отъ нихъ, вышелъ изъ себя, измѣнилъ себѣ до того, что предалъ нужнаго человѣка въ руки казенныхъ судей и на судъ уголовныхъ законовъ. Впрочемъ, такихъ случаевъ было немного и колдуновъ все-таки оберегаетъ народъ про себя.

По приговорамъ прежнихъ судей, въ числѣ другихъ преступниковъ, ушедшихъ въ Сибирь за преступления противъ вѣры, меньшее количество палокъ выпало за богохульство и порицаніе вѣры (въ 9 лѣтъ 21 челов.), нѣсколько больше (31) за отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры, и всего больше (59) сослано за ересь и расколъ. По первому роду самое большее число шло изъ губерніи Пермской. По второму виду религиозныхъ преступленій (отступленіе и отвлеченіе отъ вѣры) цифра представляется большою на сторонѣ мужчинъ и ничтожною на сторонѣ женщинъ (хотя, на самомъ дѣлѣ, бываетъ наоборотъ), а въ общемъ цифра явилась одною изъ самыхъ малыхъ по сравненію съ иными по всѣмъ другимъ родамъ. Повсюдные факты говорятъ противное и сибирскую цифру можно объяснить тѣмъ, что изъ отступниковъ шли сюда только тѣ, которые жили въ мѣстностяхъ, издавна пользующихся какъ бы привилегіею, по дѣламъ вѣры, на ссылку въ Сибирь. Оттого крупнѣе цифра явилась на губерніяхъ Тифлисской и Ставропольской, какъ такихъ, которыя предназначены были правительствомъ для поселенія всякаго рода сектаторовъ. Объясняется величина цифры (хотя, сравнительно, меньшая) въ губ. Тамбовской (въ которой, прежде другихъ, обнаружили молокане) и Таврической (куда перевело правительство всѣхъ замолочанившихся, духоборцевъ и субботниковъ, поселивъ ихъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, на урочищѣ „Молочныя Воды“). Пойманы вѣроотступники и въ землѣ черноморскихъ казаковъ, гдѣ сильно бродитъ религиозная пропаганда. Сосланы увлеченные и увлекшіе изъ губ. Симбирской, куда устремились молоканство, до сихъ поръ путешествовавшее по степямъ, и изъ Тобольской, гдѣ на всякое увлеченіе и на всякое преступленіе всегда находится не одинъ отвѣтчикъ.

Третій родъ религиозныхъ преступленій, расколъ и ересь, отвѣчаетъ цифрами тому же обязательству, какъ и предыдущій видъ: больше шло изъ губерній, населенныхъ сосланными изъ Россіи за измѣну господствующей вѣрѣ (каковы губерніи Таврическая, Казанская и закавказскія) и, разумѣется, на большей свободѣ и при вполне очищенной изгнаніемъ совѣсти, не переставшихъ выяснять себѣ и разсказывать другимъ любопытныя истины новой вѣры. Явились въ Сибирь по такимъ дѣламъ люди болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, приобрѣвшіе большую сосредоточенность и самоуглубленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательную стойкость и крѣпость въ

тѣхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыя, на утѣшеніе старости, выработались въ началѣ, очищающія совѣсть и поддерживающія духъ. Большая часть людей, поплатившихся за свои религиозныя вѣрованія и убѣжденія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь, принадлежали по возрасту къ людямъ свыше шестидесяти лѣтъ, который рѣдко уже замѣчается виновнымъ въ другихъ, болѣе важныхъ и дѣйствительныхъ преступленіяхъ, а по сословію къ купцамъ—сословію, занимающему по всѣмъ другимъ родамъ преступленій самое отдаленное мѣсто съ примѣчательно некрупою цифрою. Ересь и расколъ, соращеніе и отступленіе отъ вѣры—какъ будто привилегированныя купеческія преступленія. Процентъ сосланныхъ за вѣру купцовъ значительно превосходить всѣ другія сословія *).

Оскопленіе, какъ крайній результатъ извѣстныхъ религиозныхъ убѣжденій скопческой секты, по самой исключительности своей не можетъ быть объясненъ сибирскими цифрами. Ссылки этихъ „божьихъ людей“ и на Аландскіе острова, и за Кавказъ и въ Сибирь одновременно. Шли въ Сибирь тѣ прозелиты, которымъ удалось оскопить другихъ, повѣрившихъ живому Богу, живущему въ городѣ Иркутскѣ, въ сибирской сторонѣ, а шли, разумѣется, оттуда больше, куда были высланы скопцы изъ Россіи. Такъ и по нашимъ табелямъ, наибольшее число „оскопившихъ себя“ и „оскопленныхъ другими“ вышли изъ Закавказскаго края и Новороссійскаго (губ. Херсонской и Таврической) **). Всѣ эти прозелиты ушли либо на рѣку Енисей въ Туруханскій край, либо на Лену въ Якутскій. Скопился чаще солдатъ и мѣщанинъ и всего меньше—крестьянъ; большое число оскопившихся людей ушло въ холодныя

*) Сибирскія табели собственно по дѣламъ старобрядства—плохой судья. Съ 1831 года, по случаю увеличенія раскола, перестали ссылать преступниковъ этого рода. Въ послѣдніе годы передъ этимъ запрещеніемъ по цифрамъ табелей замѣтно было сильное распространеніе раскола въ Воронежской губ., Рязанской, Пензенской, Тамбовской и Орловской. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это увеличеніе произошло не въ сторону старовѣровъ, ужинавшихъ преимущественно въ лѣсныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, а въ сторону нововѣровъ (секты рационалистовъ), которые наиболѣе облюбили степныя и южныя губерніи. Въ этомъ отношеніи враждебныя вѣроисповѣданія приняла противоположное географическое направленіе другъ другу, какъ бы преднамѣренно условившись между собою въ отмежеваніи мѣстностей.

**) Въ концѣ 20-хъ гг. нынѣшняго столѣтія изъ великорусскихъ губерній сильнѣе скопцами губ. Орловск. (съ 1823 по 1831—55); Тамб. (50), Курск. (46) и Калужск. (35)—мѣста преимущественнаго религиознаго движенія хлыстовщины до скопчества, отъ духоборства до молоканства. Самый основной и древній пунктъ хлыстовщины, Костромская губ., выразилась также и скопцами (20).

тундры и самыя неудобныя сибирскія мѣста, изъ инородческихъ племенъ—изъ племени финновъ (или, попросту, чухонцевъ) по преимуществу. Множество скопцовъ убѣжало изъ Россіи и за австрійскую границу. Одинаково осклопляли бо младенцевъ, скопились и въ молодые и въ зрѣлыя годы, мужчины и женщины безразлично и почти въ такихъ же взаимныхъ числовыхъ отношеніяхъ *).

Совсѣмъ другими свойствами отличается тотъ видъ преступленій противъ вѣры, который ведетъ грѣшниковъ прямо на каторгу, въ нерчинскіе рудники и который называется святотатствомъ. Церковные воры, за исключеніемъ губерній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, въ русскихъ губерніяхъ попадались въ большомъ числѣ, конечно, тамъ, гдѣ древняя Русь настрояла большее количество церквей и монастырей, богаче украсила ихъ отъ избытка собственныхъ денежныхъ богатствъ и гдѣ, такимъ образомъ, при обиліи соблазна для голодной голытьбы укрѣпился грѣхъ святотатства. Онъ, въ сибирскихъ табеляхъ ссыльных, сдѣлался судьбою, какимъ-то видомъ неизлечимой и постоянной болѣзни; послѣдовательно и настойчиво повторялся въ губерніяхъ: Владимирской, Киевской, Черниговской, Московской, Костромской, Нижегородской и Новгородской. Не выразились только Ярославская и Тверская, поступающіяся значительнымъ числомъ своего населенія для дальнихъ отхожихъ промысловъ **).

Шли въ Сибирь за воровство церковнаго имущества изъ всего множества русскихъ сословій, преимущественно и почти исключительно три: одно, ближе стоящее къ церкви, и два, ставшія отъ нее примѣчательно дальше другихъ. Такъ, напримѣръ, лица духовнаго званія, причастныя въ примѣтной степени преступленію воровства—кражи и рѣже воровства—грабежа, упорно отстаиваютъ за собою въ ежегодной цифрѣ

тотъ видъ этого рода преступленій, который извѣстенъ на юридическомъ языкѣ подъ именемъ святотатства. Въ равной степени падаетъ этотъ грѣхъ и на священнослужителей и на церковнослужителей, если принять въ расчетъ то, что число причетниковъ въ общей сложности превышаетъ вдвое количество священниковъ и дьяконовъ *).

Изъ двухъ остальныхъ сословій оба, искусственно водворены на русской почвѣ и оба не обеспечены въ экономическомъ отношеніи: одинъ пролетарій безъ земли, другой безъ всякой собственности, раздѣлили съ духовенствомъ преступленіе церковнаго воровства между собою. Снявъ такимъ образомъ, всю вину обвиненія въ преступленіи съ русскаго простого народа, они оказались между собою въ тѣхъ количественныхъ отношеніяхъ, по которымъ ясно, что цифра святотатцевъ, послѣ духовенства, всею тяжестью своею точно падаетъ на солдатъ, а затѣмъ на мѣщанъ. Вѣроятіе святотатства для крестьянъ въ 40 разъ слабѣе, чѣмъ для духовенства. Въ числахъ эти отношенія, за наши 9 лѣтъ, выражаются такъ:

Лицъ духовнаго званія. 104 муж.

Содать служащихъ и

отставныхъ. . . . 87 „ 2 женщ.

Мѣщанъ. . . . . 51 „ 5 „

Для духовенства вѣроятіе тяжкаго грѣха церковныхъ кражъ составляетъ исключительную особенность наравнѣ съ преступленіями по службѣ чиновниковъ.

По отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, совершенныхъ этими тремя сословіями—святотатству у духовныхъ и мѣщанъ принадлежитъ третье мѣсто, у солдатъ же оно занимаетъ пятое (убійства, побѣги, воровство, грабежи и — святотатство). Само же духовенство, по проценту для тяжкихъ преступленій, занимаетъ самое видное мѣсто; за исключеніемъ его, по другимъ родамъ, духовенство встаетъ на самое дальнее, превосходя только купеческое сословіе. Попады и поповы тутъ ни въ чемъ не повинны, точно такъ же какъ и всякая другая преступность въ нихъ замѣчательно слаба.

Въ періодъ послѣдующаго десятика лѣтъ (съ 1 янв. 1841 по 1 янв. 1857) въ нерчинскіе заводы поступило рабочихъ, сосланныхъ за святотатство—72 и за осклопленіе—7. Послѣдуемъ сюда за ними по нашей задачѣ и ради вопроса о томъ, что происходитъ съ этими ссыльными тамъ, на каторгѣ: остаются ли они при своемъ, исправляются или больше портятся?

Самое собою разумѣется, что, съ уничтоженіемъ основныхъ поводовъ и вызывающихъ причинъ

*) Такъ, въ 1845 г. сослано за святотатство священнослужителей 9, церковнослужителей 11, въ 1844 г. священниковъ и дьяконовъ—7, причетниковъ—15, и т. д.

*) Между преступленіями противъ вѣры указана въ табеляхъ графа для сосланныхъ за «ложную присягу», но графа эта только разъ оживлена была преступниками этого рода (съ 1846 г. сосланы были изъ Ковенской губ. 1 муж. и 1 жен.), не смотря на то, что подобное преступленіе, въ прежней судебной практикѣ, являлось дѣломъ обычнымъ. Всѣмъ памятенъ общій очистительной присяги, всенародно, при звонѣ колоколовъ. Цѣлой Москвѣ памятенъ тотъ случай, когда за вѣдомо всѣмъ виноватый, сходилъ подъ колокола и не устыдился, а за это—какъ извѣстно по народнымъ примѣтамъ—до седьмого колѣна не смывается съ потмоковъ грѣхъ «ложной присяги».

**) Женщины по отношенію къ мужчинамъ, въ общемъ числѣ святотатцевъ, составляютъ 1/4 часть. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, послѣдовательно за всѣ годы, высланы были одни только мужчины (изъ Моск., Новгор., Воронежск., Перм., Подол., Тифл. и Оренб.). Западные губерніи отличаются также довольно значительнымъ процентомъ церковныхъ воровъ; губерній Витебская и Минская сильно выдаются впереди всѣхъ другихъ.

или съ ослабленіемъ питательныхъ соковъ,—преступленіе уничтожается вовсе или ослабѣваетъ количествомъ жертвъ. Вѣрно также и то, что ссылка, со своими рѣзкими, рѣшительными и грозными послѣдствіями, производить съ преступниками то, что они или, оглушенные и озадаченные крутымъ бытовымъ переворотомъ и крупнымъ житейскимъ несчастьемъ, зарекаются на новыя преступленія, или, въ крайнемъ случаѣ испорченности и забалованности, дѣлаются болѣе осторожными и опытными. Въ ссылкѣ, какъ извѣстно, существуетъ признанная законами и весьма возлюбленная ссылкой форма, нравственное значеніе которой состоитъ въ томъ, что совершившій преступленіе и умѣвшій спрятать его, можетъ высказаться потомъ подъ видомъ бродяги, не помнящаго родства. На огромную массу людей этого званія, не безъ нѣкотораго практическаго основанія, возлагается участие въ не объясненныхъ и не открытыхъ преступленіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ числѣ ссыльныхъ, завиняемыхъ въ Сибири за новыя и различныя преступленія, исчезаетъ видъ богототупниковъ, еретиковъ и раскольниковъ, какъ бы въ силу того, что разъ содѣянный фактъ подобнаго рода не имѣетъ возможности повториться. За преступленія противъ вѣры и даже за такой видъ ихъ, какъ святотатство, въ нерчинскихъ заводахъ, въ числѣ вновь осужденныхъ, не указано ни одного въ теченіи десяти лѣтъ (1847 по 1857 г.), а въ теченіи предыдущихъ девяти (съ 1837 по 1846) на всю Сибирь, изъ всего числа каторжныхъ, указавъ виновнымъ въ святотатствѣ только одинъ, изъ числа поселенцевъ 5, изъ арестантовъ, исключенныхъ изъ арестантскихъ ротъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, только 2. Конечно, на этотъ фактъ должно было имѣть значительное вліяніе то обстоятельство, что Сибирь примѣчательно скудно надѣлена церквами. Въ часоу Сибири святотатца, конечно, лежала болѣе торная дорога къ другимъ преступленіямъ и полнѣйшая возможность (по силѣ народной пословицы, гласящей, что „разъ украсть—на вѣки воромъ сталь“) уйти на воровство съ болѣе широкими (а не специальными) примѣненіями и исчезнуть въ цифрѣ осужденныхъ вообще за похищеніе чужой собственности. Таковыхъ въ тѣ же десять лѣтъ въ однихъ нерчинскихъ заводахъ только уличено и осуждено 201 человекъ, а по всей Сибири за 9 лѣтъ предыдущихъ суждено за явное воровство изъ каторжныхъ 34, изъ бродягъ 476, изъ поселенцевъ 144 и изъ арестантовъ 30, всего 684 человекъ. По другимъ родамъ вѣропреступныхъ дѣйствій, исчезнувшихъ сами собою на каторгѣ, за неимѣніемъ пища и поводовъ,—живая присяга потеряла свою силу, конечно, потому только, что законъ воспрещаетъ ссыльнымъ всякое формальное клятвенное обѣщаніе

и не допускаетъ ихъ ни до какой присяги. Точно также всѣ русскіе колдуны очутились бы въ Сибири не у дѣлъ уже потому, что тамъ и своихъ довольно, въ видѣ шамановъ съ одной стороны и бурятскихъ ламъ—съ другой, изъ которыхъ послѣдніе готовы полечить, а первыя полѣчить и покусудить. За то нерчинскія архивныя и казенныя хроники сохранили слѣдующій случай въ отвѣтъ на вопросъ объ исправленіи сосланныхъ за разрытіе могилъ и воровство положенной въ гробы съ мертвыми тѣлами одежды.

Нѣкто Богрядскій (судя по фамиліи, уроженецъ тѣхъ мѣстъ, на которыя мы указали въ началѣ статьи и которыя, по преимуществу, усвоили себѣ этотъ видъ страннаго воровства) сосланъ былъ на каторгу и помѣщенъ въ работы на Селенгинскій солеваренный заводъ (давно не существующій). Здѣсь онъ занялся грабежомъ мертвыхъ въ могилахъ и за то былъ наказанъ кнутомъ и переведенъ на нерчинскій заводъ, на глаза духовнаго и гражданскаго начальства, такъ какъ въ заводѣ этомъ—центральномъ пунктѣ мѣстнаго административнаго управленія—гражданскія и военныя власти организовались въ цѣлое правленіе, а духовныя—въ соборъ. При нерчинскомъ заводѣ Богрядскій сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ тюрьмѣ онъ снова задумалъ тотъ же промыселъ и на помощь себѣ и въ участники наживы успѣлъ подговорить товарищей. Для успѣха предпріятія онъ днемъ часто посѣщалъ тюремный госпиталь и тщательно осматривалъ всѣхъ умершихъ; ночью, „бѣгая скрытно изъ тюрьмы“, выходилъ на промыселъ, т. е. разрывалъ могилы и обиралъ съ покойниковъ все до послѣдней нитки. Въ могилахъ иногда ошибался по причинѣ ночной темноты. Разъ расчитывалъ попасть на могилу горнаго служителя, а попалъ на могилу ссыльнаго: „ободравши рубаху—видѣлъ знаки на спинѣ отъ наказанія“. Успѣлъ разграбить пять могилъ. На послѣдней попался и указалъ на товарища Поleshука (необлужнаго бѣлоруса и вѣроятнаго земляка), „который умѣлъ сбывать краденныя вещи заводскому служителю, любившему принимать все краденное и платившему за то наличными деньгами“. Деньгами Богрядскій и Поleshуку користовались; вотъ единственная цѣль преступленія и единственное объясненіе его, которое дали виновные на судѣ въ заводѣ.

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ замѣшался фанатизмъ, проявилась болѣзнь своего рода, мономанія, гдѣ, словомъ, замѣшалась твердая и настойчивая воля, желающая дѣйствовать по личнымъ убѣжденіямъ, хотя бы и ошибочнымъ,—тамъ каторга въ полной несостоятельности, и она уже не только не лебазство, но даже еще одна изъ предрасполагающихъ причинъ.

Когда-то (впрочемъ, не такъ давно) во Владимирской губ. фанатикъ сжегъ свой домъ

и въ немъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ имъ ножомъ на горѣ за селеніемъ. На допросахъ онъ хладнокровно показывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись Библии, и совершилъ дѣтубійство по образцу Авраама, приносящаго въ жертву Богу сына своего Исаака. Въ то время, когда онъ кололъ ножомъ, жена его, мать малютокъ, говорила слова, молитвенно объяснявшія цѣль закланія. Дѣтубійца этотъ былъ нѣкто Никитинъ. И вотъ, въ Средней Борзѣ на Аргунн живеть старичекъ у тамошнихъ казаковъ въ работникахъ, освоенный изъ Россіи и то же Никитинъ; поживеть у одного, поработаетъ у другого, вскорѣ непостоянно бредеть работать на третьяго, по праву и званію выпущеннаго на пропитаніе. Вопреки всѣмъ аргунскимъ казакамъ, онъ былъ человѣкъ трезвый, вопреки всѣмъ поселенцамъ—послушливымъ и не сварливымъ; въ отъѣзду ото всѣхъ сибиряковъ—человѣкомъ набожнымъ и начитаннымъ. Начитанъ онъ былъ такъ, что всѣ дивились тому и оказывали почетъ и уваженіе. Всѣ свободные дни отдавалъ онъ чтенію Библии и при всякомъ случаѣ и со всякимъ любилъ говорить о божественномъ. Не въ мѣру былъ онъ этимъ докучливъ, не въ мѣру во все другое время былъ угрюмъ и задумчивъ. Думали, что онъ человѣкъ какой нибудь русской секты: все хулилъ церкви, все говорилъ о алѣ, въ нихъ царствующемъ. Между тѣмъ, тѣмъ больше читалъ онъ, тѣмъ угрюмѣе становился: пересталъ ходить въ компаніи, избѣгалъ шумныхъ и людныхъ собраній, началъ дичать и уединяться. Все это было всѣмъ видно, но всѣмъ непонятно, отчего сталъ чаще уходить въ лѣсъ чудной старичекъ и подолгу тамъ оставаться. Вскорѣ объяснилось дѣло, а объяснили его пастухи-ребятишки, привлеченные стономъ къ часовнѣ и натолкнувшіеся въ ней на невиданное диво. На томъ крестѣ, который самъ Никитинъ вкопалъ въ землю и въ которомъ видѣвшіе его не видѣли ничего страннаго, такъ какъ дѣло это въ Сибири за обычай,—на крестѣ этомъ, подъ навѣсомъ въ часовенкѣ, висѣлъ человѣкъ. Голова въ терновомъ вѣнцѣ склонена была на бокъ, въ крѣпкій морозъ висѣлъ онъ голымъ, только подпоясавъ низъ живота бѣлымъ платкомъ. Въ боку была рана, все тѣло было обито и зарызгано кровью. Подъ крестомъ лежало копье и валялись орудія Христовыхъ страстей. Когда сбѣжавшіеся люди сняли распятаго съ креста, онъ былъ еще живъ. Когда въ нерчинскомъ заводскомъ лазаретѣ его вылечили и призвали къ допросу, Никитинъ отвѣчалъ что жертвовалъ собою за грѣхи людскіе и выбралъ для того вечеръ великой пятницы. Распиналъ себя самъ, хотя и трудно ему было, но передъ тѣмъ онъ долго молился. Сначала онъ прибилъ къ кресту ноги правою рукою, придерживаясь лѣвою за попе-

речное древко креста, потомъ лѣвую руку насадилъ на большой гвоздь, вбитый предварительно съ задней стороны поперечной доски. То же самое хотѣлъ сдѣлать и съ правою рукою, да совсѣмъ измѣнили силы: онъ ослабъ и повисъ. Такъ съ опущенною рукою онъ и найденъ былъ пастухами. „Захотѣлось умереть, какъ умеръ Христосъ за людей, и тѣмъ угождать Богу“ *).

На этомъ стремленіи угождать Богу по собственнымъ способамъ (въ самыхъ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ) и по тѣмъ образцамъ, которые завѣщаны и указаны св. отцами (и это всегда), остановились всѣ тѣ сыльные, которые сосланы сюда за „расколъ и ересь“. Начнемъ съ сектаторовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь съ большою готовностью и постоянствомъ.

Говорить про скопцовъ много не приходится; разумѣется, въ ссылкѣ они остались тѣми же самыми фанатиками. Для нихъ возврата не можетъ быть никакого. Крупный и рѣшительный актъ совершенъ—остается исполнять обязательные при немъ обряды, чтобы не утратить чувства единовѣрцевъ, умѣющаго высказываться въ замѣчательно единодушной денежной помощи, которою не забываютъ и въ енисейскихъ деревняхъ, вблизи Туруханска, и въ приленскихъ, за Якутскомъ. Несомнѣнно пользовались тѣми же самыми денежными присылами и тѣ, которыхъ судьба отдѣлила отъ прочихъ и послала за Байкалъ. Мы лично были свидѣтелями (въ петергофской тюрьмѣ) того холоднаго равнодушія и поразительнаго безстрастія, съ какими нашли мы скопцовъ (въ 1861 году) наканунѣ того дня, когда имъ приходилось идти изъ тюрьмы въ холодныя и суровыя мѣста дальней Сибири. Ни сожалѣнія, высказанныя нами, ни свѣденія, какими мы готовно дѣлились съ ними, ни совѣты на дорогу, имѣвшіе цѣлью руководить ихъ первыми шагами на чужбинѣ,—ничто не озабочивало и не трогало ихъ. Они какъ будто въ какомъ-то отупѣніи готовились на предстоящую борьбу со ссылкой, и притомъ видно было, что ей не сломать ихъ характера и не поколебать ихъ рѣшимости. Намъ казалось тогда, что это люди, выступающіе на битву съ огромнымъ запасомъ силъ, что передъ этими героями самое тяжелое изъ наказаній (какова ссылка) объявится въ полнѣйшемъ ничтожествѣ и крайней непримѣнимости: все равно, жили здѣсь, поживемъ и тамъ. Они тяготились однимъ и жаловались и просили объ одномъ—чтобы ихъ скорѣе отправили: зачѣмъ жить въ теплой, свѣтлой и чистой тюрьмѣ и подъ бокомъ богатыхъ благодѣтелей, когда судьба судила идти въ негосте-

*) Никитина сослали въ Инокентьевскій монастырь, подъ Иркутскомъ, на покаяніе, откуда снова возвратили за Байкалъ и поселили въ Нерчинскѣ, гдѣ онъ еще живъ былъ въ 50-хъ годахъ.

примыны, мерзлая пустыня, въ сосѣдство полу-
дикихъ, полуголодныхъ туягусовъ и юраковъ? Зато во
время путешествія по русскимъ и сибирскимъ
этапамъ вездѣ готовится имъ встрѣча отъ такихъ
же драбныхъ, съ морщинистыми лицами, съ пис-
сливымъ птичьимъ голосомъ почитателей Петра III
и Селиванова. Всякую арестантскую партію не-
избынно встрѣчаютъ скопцы въ городахъ и се-
леніяхъ, выходящіе посмотреть: нѣтъ ли кого
нибудъ изъ „голубей“, чтобы надѣлать ихъ
деньгами.

Отправляются туда скопцы не безъ запасовъ
настоящихъ, не безъ надеждъ на будущее и, во
всякомъ случаѣ, съ вѣрою въ свое призваніе
и съ твердою увѣренностью, что именно въ
этихъ-то страданіяхъ выражается для нихъ,
подъ видомъ мученичества, одинъ изъ путейъ
къ блаженству, къ тому же, на этотъ счастли-
вый случай, ведетъ ихъ въ сосѣдство той страны
и горы того города (Иркутска), откуда явится
ихъ живой богъ (Кондратій Селивановъ)*). Другой
путь къ совершенію религіозныхъ стремленій
и одно изъ средствъ къ духовному совершен-
ству, достигаемыя посредствомъ привлеченія въ
секту новыхъ прозелитовъ, для ссылаемыхъ въ
Сибирь дѣло не особенной трудности. Удачная
скопческая практика въ Сибири не рѣдкость.
Въ Сибири, какъ и за Кавказомъ, на Енисей,
какъ и на Ріонѣ, поразительны они тѣмъ не-
злобнымъ характеромъ, которымъ отличаются
въ сношеніяхъ между собою, и тѣмъ отсут-
ствиемъ распрей или ссоръ, которое они пола-
гаютъ для себя какъ бы за обязательный ре-
лигіозный догматъ въ отношеніяхъ къ прочимъ
туземцамъ. Нельзя не замѣчать и не чувство-
вать того удивленія и уваженія, которыми поль-
зуются они у сосѣдей, умѣющихъ обнаруживать
эти чувства, помимо недовольства ихъ грѣхомъ
оскопленія. Скопцовъ никто и никогда не оби-
жаетъ, имѣя глубокое состраданіе къ тѣмъ
затрудненіямъ, которыя встрѣчаютъ ихъ слабыя
силы при исполненіи различныхъ многотрудныхъ
работъ, задаваемыхъ дикими и дѣйственными
мѣстами поселенія. Работаютъ они усердно и
безропотно, гдѣ требуется примѣненіе ихъ силъ
и способностей, или по указаніямъ доброй воли,

*) До Иркутска шелъ Селивановъ въ пере-
сылной партіи на канатъ и успѣлъ совершить
надъ собою вторичное полное оскопленіе. Въ
Иркутскѣ, со смиреніемъ искренняго православ-
наго (въ примѣръ и поученіе своимъ послѣдова-
телямъ), живя на свободѣ, онъ ходилъ по городу
съ чашечкою и собиралъ на церкви. Около двад-
цати лѣтъ пробылъ онъ въ ссылкѣ, не склонив-
шись на подговоры двухъ скопцовъ, явившихся
изъ Россіи предложить ему услуги къ побѣгу
и укрывательству. Въ 1795 году императоръ
Павелъ освободилъ его и позволилъ возвра-
титься въ Петербургъ. Въ 1832 году Селивановъ
умеръ въ Суздаль въ Спасо-Евфиміевомъ мо-
настырѣ, но скопцы думаютъ, что онъ до сихъ
поръ скрывается въ окрестностяхъ Иркутска,
откуда и ждутъ его для начала новаго царствія.

или по вызову различныхъ начальствъ. На Ріонѣ
изъ нихъ составили рабочую роту, выбранную
военному офицеру; на Енисей они занимаютъ
легкимъ промысломъ извоза и слагами. Оско-
пленіе ссыльными ссыльныхъ въ нерчинскихъ
заводахъ не обнаруживается въ надлежащей
силѣ оттого, что это дѣло находится въ ру-
кахъ самихъ острожныхъ и уже достаточно
наловчившихся, но, обнаруженное въ одномъ
мѣстѣ, всегда указываетъ на многіе другіе
случаи. Такъ замѣчено было сильное распро-
страненіе секты скопцовъ въ Петровскомъ за-
водѣ (одномъ изъ нерчинскихъ), въ 30-хъ го-
дахъ, въ такой степени, что генералъ-маіоръ
Лепарскій (приставникъ декабристовъ) рѣшился
не принимать скопцовъ въ Петровскій заводъ,
а отправлять ихъ въ нерчинскіе рудники. При
этомъ обнаружено было, что скопцы уловляли
въ свои сѣти и соблазняли ссыльныхъ денъ-
гами, въ большомъ количествѣ получаемыми
изъ Россіи. Точно также секта эта, угнѣвляя
скрываться и периодически обнаруживаться во
время самыхъ крайнихъ увлеченій прозелитизма,
въ 1854 г. замѣтно распространялась въ То-
больской губерніи между старожилами Юргин-
ской волости (Ялуторовскаго округа). Виновные
и уличенные были суждены и высланы дальше
въ Сибирь. Этимъ приостановлено было даль-
нѣйшее распространеніе секты, которой въ той
странѣ не благопріятствуетъ то, что адепты ея,
сосланные по судебнымъ рѣшеніямъ, живутъ
разсѣянно и ихъ по губерніямъ очень немного.

Хлыстовъ Сибирь также не угомонили: самые
первые хлысты на Руси — ученики стрѣльца
Проконія Лупкина, не прерывали сношеній съ
оставшимися въ Россіи: ни тѣ трое, которые
были сосланы въ Тару, ни сестра извѣстной
хлыстовской богородицы Акулины Ивановны (за-
точенной въ перискомъ Далматовскомъ мо-
настырѣ), Александра Ивановна, увезенная въ
г. Илимскъ. Сношенія эти были очевидны еще
въ то время, когда уличенъ былъ въ ереси
сынъ Лупкина, Серафимъ, іеродіаконъ Симонова
монастыря въ Москвѣ. Его разстригли, позвали
къ суду, въ 1735 году за его важныя винны
были кнутомъ и сослали въ Охотскій портъ.
За Байкаломъ найдены были тѣ же погребя,
которые загибали сектаторамъ церкви, и за-
мѣчены были такіе же успѣхи въ пропагандѣ.
съ рѣзкимъ отличіемъ отъ скопцовъ въ томъ,
что хлыстовская проповѣдь имѣла поразительный
успѣхъ. Въ деревнѣ, пристроившейся къ стѣ-
намъ Троицкаго монастыря, нашли многихъ
новыхъ хлыстовъ, сдѣлавшихся таковыми вслѣд-
ствіе соблазновъ отъ сосланныхъ въ монастырь
изъ Россіи. Смыслные хлысты соvertsали мно-
гихъ монаховъ, нѣкоторыхъ крестьянъ и куп-
цовъ. Отступничество соблюдалось въ самой
строгой тайнѣ, пропаганда проведена была
весьма осторожно, не сразу узнали о томъ.

Узнали сначала сосѣди-крестьяне и сказали властямъ; власти, по троицкимъ крестьянскимъ избамъ, добрались до монастырскихъ келій и разрѣшили вопросъ тѣмъ, что скакавшихъ и хлеставшихся монаховъ, для исправленія, разослали по русскимъ монастырямъ, другихъ же хлыстовъ сослали въ Туруханскій край. На мѣсто старыхъ монаховъ изъ Россіи присланы были новыя; хлыстовщина въ монастырѣ исчезла.

Сила религиознаго увлеченія, доводимаго до крайностей мистицизма, не могла обойти и забайкальскаго купечества, въ особенности кяхтинскаго и верхнеудинскаго. Незадолго до описываемаго нами событія общественное вниманіе было возбуждено появленіемъ подвижника изъ Россіи, успѣвшаго дать сильный нравственно-религиозный толчокъ дремлющему равнодушію и индифферентизму. Возбужденіе это фактически выразилось въ постройкѣ Чикойскаго монастыря на скалѣ, въ мѣстѣ дикомъ, но картинномъ, на берегу рѣки Чикоя. Сюда удалился для созерцательнаго уединенія извѣстный всей Кяхтѣ Василій Надеждинъ—человѣкъ свѣтлаго ума и замѣчательной религиозности, родной братъ извѣстнаго ученаго Н. И. Надеждина. Въ Россіи онъ странствовалъ по монастырямъ и святымъ мѣстамъ русскимъ; пришелъ и въ Сибирь, увлеченный подвижничествомъ къ уединенію. Въ Кяхтѣ, при соборѣ, исполнялъ онъ должность пономаря. Благочестивая и добродѣтельная жизнь и тогда уже привлекла общее вниманіе и уваженіе, а когда черезъ нѣсколько лѣтъ открытъ былъ его центральный скитъ, въ кяхтинскомъ купечествѣ нашлось довольно лицъ, пожелавшихъ оставить въ потомствѣ память о подвижничествѣ знакомаго отшельника, и довольно денегъ, чтобы, уговоривъ его, выстроить на мѣстѣ скита монастырь. Самъ Надеждинъ остался въ немъ монахомъ, подъ именемъ Варлаама, и умеръ тамъ въ 1840 году. Религиозное настроеніе кяхтинскихъ купцовъ, сильно возбужденное этимъ человѣкомъ, послѣ его смерти не охладѣвало до новаго кризиса въ скромномъ быту Забайкалья.

Вскорѣ послѣ смерти Варлаама прибылъ въ ту же Кяхту монахъ Израиль, посланный изъ Россіи въ Сибирь на исправленіе, на житъе, человѣкъ лѣтъ около сорока, статной осанки. До сихъ поръ помнятъ въ Кяхтѣ его вдохновенные глаза, выраженіе смиренія и святости на лицѣ, тонкія руки, его краснорѣчивыя, глубоко западающія въ душу бесѣды и его образованность. Въ обществахъ много толковалъ онъ о портѣ православія, раздражался противъ корыстолюбія священниковъ, указывалъ на отступленія ихъ отъ истинъ Христова ученія; онъ говорилъ, что возвышенное ученіе Спасителя затуманено обрядами. Видя ослабленіе вѣры, а въ силу того и умноженіе грѣховъ между людьми, милосердный Богъ, для исправленія

того, что испорчено, во второй разъ прислалъ на землю Единороднаго Своего Сына и онъ-то, дескать, Израиль, и есть тотъ сынъ Божій. Евангельскія сказанія старался онъ уподобить и приравнять къ своей личности и событіямъ изъ собственной жизни. Одну молодую особу называлъ богородицею, другую Марією Магдалиною, одного старца называлъ спасителемъ. Израиль нашелъ послѣдователей не только между монастырскими учеными (какъ было сдѣлано имъ въ Россіи), но и между купцами (какъ случилось въ Кяхтѣ и Верхнеудинскѣ). Собирались онъ ихъ и въ Кяхтѣ для религиозныхъ обрядовъ, въ домѣ одного купца, но всего чаще въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ его въ санѣ архимандрита успѣли сдѣлать настоятелемъ. При немъ монастырь быстро обстроился, какъ бы невидимому десницею. Прекрасныя зданія встали на мѣсто старыхъ лачугъ. Здѣсь-то онъ давалъ полнѣйшія толкованія о второмъ явленіи Христа и о новомъ законѣ. Здѣсь-то, говорятъ, онъ велъ монашескую, нецѣломудренную жизнь; все это обратило на него вниманіе правительства и Израиль, за связь съ купчихою и за ересь, сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь (гдѣ и умеръ въ 1863 году). Секта распалась; теперь нѣтъ ея и слѣда. Въ 1836 году С. В. Броневскій, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, обязавъ вѣранный ему край, въ Верхнеудинскомъ острогѣ видѣлъ „еретикомъ Израилемъ произведенныхъ изъ сомнительныхъ святыхъ, облеченныхъ въ бѣлые стихари, съ голубыми поясами и въ волосахъ на подобіе Иисуса. Онъ самъ и послѣдователи его имъ благоговѣнно поклонялись въ ноги. Мнико-святые ожидали въ острогѣ рѣшенія участи“.

Въ Западной Сибири (въ Tobol. губ.) распространялъ хлыстовщину (лугинскую вѣру) крестьянинъ Частозерской волости, деревни Денисовой, Лугининъ. Онъ долго бѣгалъ на Уралѣ и, вернувшись, выучилъ собираться въ одинъ домъ, чествовать мужика за Христа, дѣвку—за Богородицу. Ее пеленали и сажали въ сторону къ востоку, сами бѣгали кругомъ кадки и на голосъ пѣли; „По водѣ плещу, Христа нищу; встань Христось, растянись Христось, выйди Христось наружу—дай денегъ на нужу“. Со смертью Лугинина вѣра пала въ деревнѣ Щетниковой (въ 1824 г.), а началась въ Курганскомъ округѣ (д. Межуменная), Ялуторовск. (д. Семенова и Менщикова) и Омскомъ (Русина, Черновая, Шипицына).

Суботники также не дѣлаются здѣсь, на каторгѣ, православными и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нерчинское начальство принуждено было запрещать сношеніе суботниковъ съ евреями и не позволять браковъ суботницъ - поселенокъ съ евреями - поселенцами (какъ, напр., судя по архивнымъ дѣламъ, запретило таковой поселенкѣ Худеяровой, желав-

шей сочетаться бракомъ съ евреями Юсеновичемъ). Въ селѣ Укырѣ (по почтовому Читинскому тракту) суботники молятся по русски, но въ Христа не вѣрятъ, ожидаютъ Мессію; на молитвахъ прикрываются саваномъ и называютъ его по еврейски талесомъ; привязываютъ также во время молитвъ скрижали съ заповѣдями на лобъ и также носятъ на плечахъ, вмѣсто жилета, цыцисъ. Женщины бреютъ головы и обрѣзаніе признается за обычай и за символъ примиренія. Жидовъ почитаютъ братьями и не гнушаются ѣсть съ ними изъ однихъ чашекъ. По Сибири они живутъ разсѣянно, по кое-гдѣ и группами (какъ, напр., въ Томской губерніи и въ окрестностяхъ Иркутска). Пропаганда ихъ не сильна; вѣра, рекомендуемая жидовскую молитву и жидовскіе обычаи и пищу, и въ Россіи не пользуется особыми успѣхами, а въ Сибири объ ней даже рѣдко слыхивали *). Въ Сибири, и то преимущественно въ каторжныхъ мѣстахъ, сильнѣе выразилась пропаганда духоборцевъ; впервые появились они на каторгѣ въ 1800 г., послѣ указа, повелѣвающего ссылать въ вѣчную каторжную работу изобличенныхъ въ духоборческой ереси и отвергающихъ высшую власть на землѣ.

Нѣкогда пропаганда духоборцевъ была сильно развита по сѣверному Нерчинскому краю. Теперь, нануганная, она ослабѣла, но несравненно сильнѣе пропаганды суботниковъ и успѣшнѣе таковой же скопцовъ. Обязательства взаимной помощи и содѣйствія, выражающіяся въ денежныхъ пособіяхъ и братской любви—достаточныя приманки для людей, совершенно безпомощныхъ и обнищавшихъ. Милосердіе къ несчастнымъ и обязательное участіе ко всѣмъ изъ своихъ дѣлаютъ изъ сектъ молоканской и духоборческой привлекательный пріютъ и надежную утѣву, на манеръ нѣмецкой клики, столь сильно и мощно распространенной по цѣлой Россіи. Какъ всѣ чужеземцы на чужбинѣ и какъ иностранцы въ Россіи, духоборы въ Сибири стараются жить общинами, группами и не тяготеютъ даже житьемъ на дальнемъ Енисей въ сосѣдствѣ скопцовъ и по близости Туруханска, потому что община помогаетъ жить съ достаткомъ. Немного опечалились и потеряли тѣ изъ духоборцевъ, которые разсѣянно жили по Нерчинскимъ руд-

никамъ и, послѣ наказанія за успѣшную пропаганду между каторжными и между вольными крестьянами и купцами, были сосланы изъ Чабучей съ Аргуня на Енисей въ Туруханскъ (Мизигиновъ съ нѣкоторыми товарищами). Подъ влияніемъ ихъ, а еще больше при ловкости четырехъ главныхъ (Хабарова, Ярошенко, Кудрявцева и Алексѣева), община духоборцевъ въ Забайкальѣ росла. Одинъ Кудрявцевъ съумѣлъ подвести подъ военный судъ за ересь 8 чело-вѣкъ служителей, превращенныхъ потомъ въ солдатъ. Нѣкто Ярошенко умѣлъ совратить и многихъ каторжныхъ—людей холодныхъ и совершенно извѣтрившихся. Убѣжденія влагались до того глубоко и твердо, что когда уличенныхъ призывали на церковный судъ, они со смѣлостью и рѣшимостью говорили за свою вѣру и дѣйствовали по ея принципамъ.

Каторжные не шли къ священнику на исповѣдь и говорили, что „они дѣлаютъ рукъ чело-вѣческихъ не поклоняются и присяги учинить не хотятъ; работы же, какія по службѣ съ нихъ требуются будутъ, исполнять не отрицаются и они присягу имѣютъ внутреннюю, а дѣлами рукъ чело-вѣческихъ называютъ Евангеліе и крестъ, потому что они дѣланы руками“.

Служители горные говорили подобное же, но дѣйствовали еще рѣшительнѣе; одинъ изъ служителей (Кухинъ), позванный на судъ въ соборъ, прошелъ по церковной паперти въ шангъ и рукавицахъ, которыхъ не снялъ и въ то время, когда былъ позванъ въ духовное правленіе передъ зеркаломъ, говоря, что „все это есть писано руками чело-вѣка“.

Это были духоборцы, сосланные въ нерчинскій заводъ. Здѣсь они упорно не соглашались трудиться, не входили въ обязательства работъ, какъ въ Россіи отданные въ солдаты не принимали ни амуниціи, ни провіанта. За упорство изъ нерч. зав. велѣно было ссылать на Селенгинскій солеваренный заводъ. Когда въ Астраханской губерніи, въ 1802 г., духоборцы попробовали цѣлыми толпами съ шумомъ выступить на торжище и явно говорить о своей вѣрѣ, главныхъ изъ нихъ сослали въ Колу.

Одинъ изъ обращенныхъ въ секту духовныхъ христіанъ ссыльный, а именно Нерововъ, когда никого не было въ церкви, сорвалъ со стѣны иконы и бросилъ на полъ. Подослѣвшему дьякону онъ говорилъ: „Вотъ ваши боги, идолы! иди—молись, а если они святые, то пусть-ка встанутъ“ (на судѣ онъ самъ подтвердилъ показаніе дьякона и свидѣтельство-валъ о томъ, что сказалъ такіа слова въ здравомъ разсудкѣ и твердой памяти).

Въ Лоншаковѣ (старомъ, близъ Шилкинскаго завода) на Шилкѣ, нѣсколько новообращенныхъ изуродовали образъ Богоматери и выкололи ей глаза. Въ нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ таковыхъ же расколотый на двое обра-

*) Въ Западной Сибири, именно въ Петропавловскѣ, уличены были нѣкоторые изъ солдатъ (Аристовъ и Сомовъ), «спраздновавшіе еврейскую пасху». Въ субботу не работали, во Христа не вѣрили, постовъ не соблюдали. Причастившись въ полковой церкви, выбросили причастіе. Ихъ арестовали, произвели слѣдствіе и сослали въ дальніе батальоны. Сына Аристова опредѣлили въ Омскій полубатальонъ кантонистовъ, дочь—на тамошнюю казенную суконную фабрику. Замѣченъ былъ также въ Солотрайской волости одинъ изъ сосланныхъ чиновниковъ, дочитавшійся по книгамъ Ветхаго Завета до сектаторства этого же рода.

зокъ (обѣ половинки) положилъ въ сапоги вмѣсто стелекъ и ходилъ такъ. Наказали этого, били кнута и жоншаковскихъ отсутниковъ: Кухтина прогнали сквозь строй два раза черезъ 500 человекъ; служители Суходолина, наказаннаго кнутомъ и признаннаго негоднымъ къ военной службѣ по годамъ (41), велѣли поселить далеко на сѣверѣ между некрещенными инородцами; Кудрявцева, Алексѣева и Хабарова гоняли сквозь строй и также угнали въ тундру. Такія рѣшительныя мѣры приостановили пропаганду; проповѣдники замолчали, новообращенные притаились по деревнямъ и рудникамъ. На время стало духоборство какъ будто поменьше, но за дѣйствительное уменьшеніе числа ихъ ни одно изъ нерчинскихъ начальствъ въ будущемъ поручиться не могло.

Въ предѣлахъ Западной Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя смежны съ Россіею и отличались всегда сильною восприимчивостью ко всевозможнымъ ученіямъ, духоборчество также нашло себѣ пріютъ и послѣдователей. Въ прошломъ вѣкѣ 11 домовъ въ дер. Гилевой и Петелиной (около Ялutorовска въ волости Томиловской) перестали молиться иконамъ и за то прозваны были народомъ немоляками, духохонствомъ — нежертвенными, правительствомъ — иконоборцами, сплетниками чиновными — щельниками и сплетниками сосѣдями и насмѣшниками — охохонцами. Эти исповѣдники стали толковать и вѣрить, что вѣншія молитва не нужна, она даже запрещена св. писаніемъ; съ 8-ой тысячи лѣтъ бывшая наружная молитва пропала, потеряла силу; Богъ не требуетъ ни свѣтъ, ни ладону, ни другихъ приношеній, не нужно и крестнаго знаменія, а съ нимъ и за нимъ и церквей; молитва непрестанно должна быть въ сердцѣ, а сердце — храмъ, украшеніе его — доброе житіе. Молиться надо непрестанно, а потому на работѣ, въ дорогѣ всегда твердятъ про себя какое либо мѣсто св. писанія. На молитву собираются въ избы, садятся въ кружокъ, одинъ читаетъ книгу (Виблію, Маргаритъ, Ефрема Сирина, Златоустаго, Псалтырь), всѣ другіе слушаютъ и вздыхаютъ: „Охъ-охъ-охъ“! Въ 1821 году въ деревнѣ Гилевой заявилися настоящіе духоборцы: свадебѣ не дѣлали, дѣтей не крестили, иконы занавѣсили и перестали имъ молиться. Въ 1850 годахъ въ д. Куимовой Ишимскаго окр. въ шести домахъ и въ дер. Кривошековой въ двухъ домахъ иконы вынесли совсѣмъ; стали побраивать молоканъ; стали толковать, что если-де у кого разумъ, тотъ и самъ исправится безъ всякихъ таинствъ; читать не нужно. Стали наблюдать чистоту и опрятность, какъ религиозное обязательство; грязными руками ковшу не возьмутъ и даже не прихватятъ его фартукомъ, а позовутъ другого съ

чистыми руками, если не успѣютъ сами вымыть свои. Праздники перестали чтить, стали работать, а слѣдомъ затѣмъ начали ихъ со сѣди рассказывать, что и въ день Христова Воскресенія считаютъ необходимымъ хотя топоромъ три раза ударить въ уголь избы, чтобы доказать свое мнѣніе. Вдохновлять поселенцевъ, котораго засадили въ острогъ и сослали по суду; духоборство прекратилось, но слѣдомъ за тѣмъ въ дер. Гагарей почти всѣ жители выбросили иконы и перестали принимать поповъ.

Количество молоканъ въ Сибири увеличилось по поводу поселенія ихъ въ такомъ отдаленномъ краю, какъ Амуръ (близъ г. Благовѣщенска, на рѣкѣ Зеѣ) и по причинѣ сознательнаго и фактическаго стремленія оставшихся въ Россіи приселяться доброю волею къ тѣмъ, которые высланы были въ Сибирь по выбору и назначеніямъ мѣстнаго начальства. Въ среду молоканскихъ общинъ присылались, по временамъ, даже и такіе ловкіе ловцы въ челоуѣцѣхъ, какимъ явился, на примѣръ, между минусинскими молоканами знаменитый основатель секты „общихъ“, Михайло Акинфьевъ Поповъ. Человѣкъ этотъ разъ уже роздалъ все богатое имущество свое, еще живя въ Самарской губерніи, и надѣлилъ имъ своихъ бѣдныхъ шабровъ (сосѣдей), чтобы, по слову писанія, гласящаго, что „все вѣрные живяху вкуупъ и имѣху вся обща“, возстановить древнюю христіанскую гонимую общину и такимъ путемъ очистить молоканство, блуждавшее, по смерти Уклenna, во тѣмъ сомнѣніи и съ крупными задатками разложенія. Этотъ же Михайло Акинфьевичъ, сосланный на Кавказъ, съумѣлъ и тамъ, не умудренный наказаніемъ и ссылкой, сладить такую же оригинальную общину на общемъ трудѣ по способу всевозможныхъ религиозныхъ и экономическихъ коммуны. Вторая ссылка (въ Шушу — волость Минусинскаго округа Енисейской губерніи), при большемъ просторѣ пропаганды, не съумѣла сбить его съ пути апостольства и не оставила его безъ слушателей, а стало быть и послѣдователей *).

Въ Акатуѣ, въ тюрьмѣ, жилъ прикованнымъ на цѣпь нѣкто Маслениковъ, новая жертва собственныхъ религиозныхъ убѣжденій. Въ рудникахъ онъ очутился за проповѣданіе старой вѣры до-никоновскихъ обрядовъ, каковую толковывалъ и здѣсь товарищамъ ссылнымъ. Онъ успѣлъ совратить такъ много, что начальство обратило на это вниманіе, посадило проповѣдника на цѣпь, приковало къ стѣнѣ въ одиночномъ казематѣ, давало ограниченную дачу воды и хлѣба и только по праздникамъ при-

*) Въ западной Сибири извѣстны духоборцы въ Поповской волости Омскаго округа (деревня Мотарова и Ватенинская), а молокане въ томъ же округѣ въ волостяхъ Карасутской, Кобыратской и Юдинской (почти всѣ жители).

варокъ. Маслениковъ и на цѣпи продолжалъ возставать на господствующую вѣру. На судѣ велъ себя со смѣлостью, какъ глубоко убѣжденный, и цѣлый протоколъ наполнилъ такими данными, что и слѣдователю пришлось надъ нимъ задуматься и смотрѣть на подсудимаго, какъ на человѣка изъ ряду вонъ. Погубили его только нѣкоторыя дерзкія словесныя выходки.

Старовѣръ Гурій Васильевъ, сосланный за расколъ изъ Екатеринбургa и поселенный въ Удинскомъ округѣ, сговорилъ двухъ товарищей и вмѣстѣ съ ними бѣжалъ на Амуръ, который тогда еще не былъ русскимъ. Въ пещерѣ на р. Урсѣ онъ провелъ цѣлую зиму, какъ въ молитвенномъ скитѣ, но былъ схваченъ манчжурами и выданъ въ пограничной крѣпости нашей на Аргуня; въ нерчинскомъ заводѣ его наказали и опять водворили въ томъ же Забайкальскомъ округѣ. Оттуда Гурьевъ опять убѣжалъ на Амуръ, опять лѣтомъ схваченъ и опять выданъ. На этотъ разъ въ нерчинскомъ заводѣ его били плетями и написали въ каторжныя работы. Черезъ четыре года послѣ того, при первыхъ признакахъ возможности, онъ въ третій разъ бѣжалъ на Амуръ и въ ту же пещеру на р. Урсѣ. Питаясь кореньями, дичью и рыбою, онъ жилъ въ скитѣ еще одну зиму, но, боясь старыхъ исторій, поплылъ искать большаго уединенія дальше по Амuru. Это сразу ему не удалось; удалось потомъ позже попасть черезъ весь Амуръ въ Охотское море, по немъ, на маленькой лодочкѣ, къ устью рѣки Тугура и оттуда, черезъ шесть лѣтъ послѣ послѣдняго бѣгства, явиться въ Удскій островъ, въ мѣсто истиннаго уединенія. Только такими острыми средствами и притомъ принятыми съ твердостью и настойчивостью, этотъ старовѣръ исцѣлилъ самъ себя отъ жестокой болѣзни и уже больше не бѣгалъ и уединенія не искалъ.

Вотъ два пациента собственно каторжной больницы душевныхъ болѣзней, взятые какъ образцы, рисующіе болѣзнь въ специальномъ видѣ въ одиночно-взятыхъ субъектахъ. Но вотъ эти болѣзни и цѣлыми массами и также не исцѣленные.

Въ Алтайскихъ горахъ, какъ извѣстно, въ 1765 году разселена была часть тѣхъ старообрядцевъ, которые присланы были въ Сибирь изъ стародубскихъ и вѣтковскихъ слободъ, дежавшихъ тогда за литовскимъ рубежомъ. Живутъ они на югѣ Кузнецкаго округа къ сторонѣ Бійскаго округа. Народъ зажиточный, отличающійся замѣчательными хозяйственными способностями, но для насъ на этотъ разъ поучительный въ томъ отношеніи, что за старую вѣру стоитъ крѣпко и притомъ съ такою замѣчательною ревностью, каковой немного примѣровъ и въ Россіи. Селами ихъ не безъ

стѣсненій; дальнѣйшую жизнь не позволяли проводить безъ прижимокъ, преслѣдованій и вымогательствъ всякаго рода. Выстрадать при-
велось многое, немало поводить и соблазновъ на случай обращенія въ православіе. Но не смутили люди, не смутили и льготы: алтайскіе старообрядцы снутили и въ жизни сохранять приемы древле-русскихъ обычаевъ, хотя и зовутъ себя поляками. Такъ, напримѣръ, они еще до сихъ поръ бредутъ врозь по старинному и оживляютъ дикія и глухія алтайскія мѣста новыми выселками. Село Алтайское уже отличается многолюдствомъ. Сюда пожелалъ пріѣхать къ нимъ для поученія тобольскій архіерей Аванасій, а потому послалъ впередъ священника провѣдать о томъ, насколько они согласны будутъ послушать его и какъ его примутъ съ походною церковью. Передовой вернулся и сообщилъ такіе отвѣты.

— Христосъ висѣлъ на крестѣ не со щепотью, (одни говорили), а съ нашимъ двуперстнымъ крестомъ и всему міру показавъ свой истинный крестъ и апостоловъ благословилъ этимъ креститься до конца вѣка, съ тѣмъ и на небо вознесся, а Никонъ патріархъ переимѣну сдѣлать.

— Никонъ (говорили другіе) поумилъ и порудилъ вѣру Христову и Христовъ крестъ переимѣнилъ, ввелъ щепоть, бригоусіе и проч., а потому-де архіерея слышать не хотимъ.

— Мы отъ священства не отбѣжны (отвѣчали третьи), а можетъ, кого дома не случится... Опять другого силой молиться не заставишь. Куда поѣдетъ отецъ-владыка, мы повеземъ; гдѣ будетъ служить, мы посмотримъ; будетъ учить, послушаемъ! Для чего не послушать?!

Четвертые велѣли отвѣчать такъ:

— Мы надобности не имѣемъ видѣть его преосвященство, а если ему угодно пріѣхать, мы встрѣтимъ и проводимъ; мы и корчемныхъ встрѣчаемъ и провожаемъ. Кто хочетъ смотрѣть, смотри, а мы видали.

Вторая партія (и самая значительная), также выгнанная изъ бѣлорусскихъ лѣсовъ Могилевской и Черниговской губерній, прошла дальше, на юго-востокъ Сибири, и теперь въ людныхъ, веселыхъ и богатыхъ селеніяхъ живетъ въ западной половинѣ Забайкалья, въ горахъ, тремя волостями. Сами себя эти старообрядцы называютъ также поляками, но у русскихъ сибиряковъ извѣстны болѣе подъ именемъ „семейскихъ“, такъ какъ пришли сюда семьями въ разные годы (первая партія въ 1755 году, вторая въ 1768 году, третья въ 1780 г.). При сытой и обезпеченной жизни и при нѣкоторой свободѣ ея (въ послѣднее время), эти семейскіе выродились въ людей замѣчательно крѣпкаго и красиваго тѣлосложенія, а женщины поражаютъ красотой лицъ и дородствомъ. Сибиряки, хотя и прозвали ихъ „востроного-

выми сычами“ (за довольно вѣрную и примѣтную особенность), далеко уступаютъ имъ въ дородствѣ и силѣ. Женщины вольны на словахъ и на дѣлѣ, мужчины отличаются всѣ до единого бойкостью языка и свободой въ разговорахъ. Про Россію и про своихъ тамъ единовѣрцевъ знаютъ всю подноготную, не теряя общеній и сближеній. Сами по себѣ остались вѣрны старой вѣры и старымъ обычаямъ; въ единовѣріе успѣли перейти изъ нихъ только тѣ, которые поселены на р. Чикой, небольшое число въ селеніи Тарабугатаѣ, а больше нигдѣ. Иконы получаютъ изъ Екатеринбургa и тамъ писанныя; въ церковныхъ книгахъ чувствуютъ недостатокъ. „Въ Иркутскѣ хвастаютъ, что тамъ-де у архіерея нашихъ старопечатныхъ книгъ на десяти возахъ не свежешь; все наворовали отъ насъ семинаристы и поотобрали поны и всякій, кому и не надо“. Издавна отнимали все зажитое и наговаривали на нихъ всякія неподходящія злодѣянія. При всемъ этомъ семейскіе устояли на своемъ съ примѣтною твердостью и цѣльностью.

Въ 1812 году отняли у нихъ бѣглаго попа (Ивана Петрова, въ Куналейскомъ селеніи) и они руководились безъ него бабами и начетчиками, но безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Ходоки съѣздили въ Москву, добыли тамъ попа, охотливаго и рѣшительнаго, въ 1840 году. Попъ этотъ крестилъ младенцевъ, благословлялъ новоженцовъ и погребалъ умершихъ. Совершить онъ обрядъ и спрячется. Начальство прознало, стало слѣдить, искать, нашла уже и мѣсто его пребыванія, но семейскіе успѣли спрятать его въ горахъ и рѣшились не выдавать. Пришелъ генералъ Безюсиковъ съ войскомъ и съ приказаніемъ взять попа силою. Старообрядцы сначала не испугались, но когда главнѣйшихъ изъ нихъ, окруженныхъ толпою, солдаты вывели въ поле и какъ въ бунтовщиковъ прицѣпились изъ ружей и направили дула, всѣ упали на колѣни и обѣщали выдать попа. Увели генерала въ горы. Въ горахъ попа отдали, но опять заболѣли тою же болѣзью: опять безъ попа стало жить „не можно, утѣснительно“. Снова семейскіе посылали ходоковъ въ Россію и снова получили въ 1850 году новаго попа, но на этотъ разъ изъ Калуги. Начальство опять узнало о томъ и опять пустилось на поиски. Засѣдатель, узнавъ отъ шпионовъ, что попъ такого-то дня поѣдетъ тайною и скрытою дорогою, засылъ въ кустахъ и попа выждалъ, схватилъ, связалъ, отдалъ своимъ провожатымъ, а самъ поѣхалъ въ Вичуру, куда впередъ его поскакалъ верховой (говорятъ, одинъ изъ его провожатыхъ), который и рассказалъ въ селѣ бывальщину о попѣ и засѣдателѣ. Когда самъ засѣдатель показался въ тарантасѣ на улицѣ, нѣсколько сотенъ народа броси-

лось на него, вытащили изъ экипажа и, влacha по улицѣ, били, мучили, насмѣхались надъ нимъ разными способами. Приведя засѣдателя въ избу и угрожая ему смертью, они вымогли у него приказъ отпустить попа. Сторожъ, видя приказъ написаннымъ дрожащею рукою, не хотѣлъ попа отдать. Послѣ того опять всѣ накинудись на засѣдателя, но на этотъ разъ одинъ изъ стариковъ оборонилъ его. Засѣдатель написалъ второй приказъ, по которому попа освободили, но самого засѣдателя старообрядцы заперли въ склепъ. Эстафета, извѣщающая о событіи, убѣжала въ Иркутскъ, самъ Муравьевъ-Амурскій пріѣхалъ въ Вичуру, ласково поговорилъ со старообрядцами, склонилъ на отпускъ засѣдателя и на выдачу попа; самыхъ виновныхъ строго наказалъ. Попа посадили въ иркутскій монастырь, но въ 1860 году старообрядцы эти говорили намъ: „Намъ безъ попа стало опять жить не можно; опять попа надо выписывать, а надъ прежнимъ попомъ твори Богъ волю Свою“...

Вичурское дѣло на нашей памяти завершаетъ цѣлый рядъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ, съ одной стороны, высказывается, на сколько ссылка не повліяла на дѣла вѣры сосланныхъ, а съ другой стороны, выясняется взглядъ на то же начальство и способы, ими употребляемые, изъ которыхъ, можетъ быть, только послѣдній былъ всѣхъ ближе къ цѣли. Но чѣмъ дальше въ тѣбѣ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ глубже въ прошлое, тѣмъ неопровержимѣе та истина, что сосланные по дѣламъ вѣры ссылкой не только не исправлялись, но даже приводимы были еще въ большее ожесточеніе и упорство. Въ этомъ отношеніи даже замѣчательно, что ссылкиныя люди были первыми проповѣдниками раскола и насадителями ученія, которое велитъ держаться всего стараго, начиная съ креста и книги и кончая бородою *).

Въ то же время, когда начался въ Россіи расколъ, началась и ссылка въ Сибирь раскольниковъ и, разумѣется, самыхъ упорныхъ изъ нихъ. Сибирь нашли они безъ церквей и священниковъ, населеніе разбросаннымъ по причинѣ той быстроты, съ которою разлилось оно по обширной странѣ и расселилось по ея широкимъ, многоводнымъ и привольнымъ рѣкамъ **).

*) Старую икону ссыльные старообрядцы старались внести между нераскольниками и, судя по архивнымъ памяткамъ, наичаще записывались въ цехъ иконописцевъ. Указомъ 1845 г. это было запрещено.

**) Быстрота, дѣйствительно, изумительная: въ 1686 г. основанъ Тобольскъ и Тюмень, черезъ 6 лѣтъ (1592) Целимъ, въ слѣдующемъ году Березовъ и Сургутъ, въ слѣдующемъ (1594) Тара, затѣмъ (1595) Нарымъ и Бетскъ, черезъ три года (1598) Верхотурье, 1600 Обдорскъ и Мангазея, Туринскъ въ 1601. Черезъ 18 лѣтъ русскіе были за Барабинской степью: въ 1604 основали Томскъ, въ 1609 году они уже на устьяхъ

Во сто лѣтъ, предшествовавшихъ появленію въ Сибири старообрядцевъ, занята была вся обширная сѣверная пустыня. Когда жилъ въ Тобольскѣ передовой изъ нихъ и самый ревностный проповѣдникъ, протопопъ Аввакумъ, передовые казаки съ Хабаровымъ пробрались на Амуръ и строили на его берегу Албазинъ. Во сто лѣтъ русское племя успѣло уже достаточно укрѣпиться, освоиться и завести свои порядки. Разселилось оно съ тѣми приемами, какъ населялся и сѣверъ Россіи, тѣми же людьми новгородскаго происхожденія, но съ тѣмъ отличіемъ, что на этотъ разъ промышленные люди и казаки шли одни, безъ существенной помощи и поддержки, которая на сѣверѣ Россіи выражалась въ содѣйствіи монастырей и отшельниковъ, благочестивыхъ людей, которые умѣли закрѣплять пріобрѣтенныя мѣста новыми поселеніями, едва ли не болѣе прочными, чѣмъ поселенія промышленныя. На сѣверѣ Россіи едва скопилось слобода, какъ уже являлась въ числѣ первыхъ сооруженій и церкви, а при ней погѣ. Въ Сибири прежде слободы сооружался острогъ въ дикихъ и непроходимыхъ лѣсахъ, окруженный ровомъ въ сажень глубиною, въ двѣ шириною, затѣмъ землянымъ валомъ и защищенный частоколомъ изъ заостренныхъ бревенъ по угламъ съ 4-мя бойницами. Около рва, на осадное время, насыпался рядъ чесноку (рогулекъ о 3 и 4 спицахъ) сначала деревяннаго, а за нимъ желѣзнаго, сдѣланнаго изъ копыцевъ со стрѣль. Брошенный на землю чеснокъ становился на двѣ ножки, двумя другими торчалъ кверху, затрудняя приступъ. На частоколѣ становились колья, куда клали смолевую лучину для освѣщенія ночью. Палисадъ защищалъ нѣсколько деревянныхъ избушекъ, нерѣдко землянокъ, нѣсколько лавокъ и высокой раскатъ, срубленный посреди острога, изъ котораго стрѣляли изъ пушекъ; тутъ же былъ и колодезь, отъ котораго на четыре стороны шли желоба, чтобы, на случай пожара, у каждой стѣны была вода. Здѣсь надо было, среди непріязненныхъ сосѣдей, отстаивать сначала свою жизнь отъ стрѣль и голодной смерти, упрочивать за собою занятое мѣсто, чтобы вскорѣ потомъ, по указу разгулявшихся воеводъ и атамановъ, уходить искать новыхъ земель и строить новые остроги. Въ нихъ, вмѣсто церкви, являлась часовня и нерѣдко далеко послѣ всѣхъ другихъ сооруженій. О погѣ на первыхъ порахъ и помину не было. Казаки и промышленные люди, вооруженные ружьями, ножами и топорами, по временамъ таща на себѣ ржавую пушку, продирались сквозь трещи мрачныхъ и густыхъ Енисея основали Туруханскъ, въ 1619 на Енисейскъ, въ 1632 на Ленѣ Якутскъ, вскорѣ на Ангарахъ въ 1652 Иркутскъ, въ 1696 русскіе были уже въ Камчаткѣ. Съ небольшимъ во сто лѣтъ занята одна изъ громаднѣйшихъ странъ въ свѣтѣ.

тайговыхъ лѣсовъ или, довѣрившись утлой ладѣ, неслись по рѣкамъ, пытались проникнуть въ невѣдомыя страны. Пораженные видомъ русскихъ людей съ бородами, которые не боятся смерти, лѣзутъ на копыя и стрѣлы, горсть нападаетъ на силу вторе большую, — туземцы или добровольно сносили мѣха и асаки всякаго рода, или на встрѣчу чужеземцевъ высылали стрѣлы и выходили сами съ боемъ. Но и тогда, какъ казаки останавливались острогомъ, дикари не переставали высиживать наѣдами и всякою извѣстностью, какая только могла быть доступна неразвитому, но озлобленному уму. Стрѣлы не вредили людямъ въ доспѣхахъ, а казаки пули клали на смерть дикарей, которыхъ оставалось одно: назвать пришельцевъ „лоча“ (лѣшими). Безъ огнестрѣльнаго оружія, безъ всякой организаціи, дикари, однако же, уступили и изнемогли передъ ничтожною горстью казаковъ, шедшихъ шайками изъ сотни либо полусотни человекъ, и видѣли, какъ рѣжутъ атаманы, сѣкутъ и рубятъ остальныхъ и бѣгутъ изъ князья и владѣльцы. Эти сотни и полусотни, крадучись волками промежду туземныхъ жилищъ и пробираясь лѣсами, утоптали первые слѣды историческаго грунта Сибири и проблаги тропы для цивилизаціи. Гдѣ можно было удержаться отъ боя, пришельцы брали лестью и уговоромъ. Черезъ толмачей, которыхъ всегда брали съ собою, говорили сибирскимъ туземцамъ: „Нашъ государь-царь силенъ, и великъ и страшенъ, но милостивъ и праведенъ, кровей не искатель. А у государя въ одномъ сибирскомъ царствѣ ратныхъ людей многое множество, къ ратному дѣлу навичныхъ, а бьются они, не щадя головъ своихъ“. Обросшій волосами и зачерствѣлый отъ трудовъ и необычайныхъ походовъ, сибирскій казакъ горѣлъ одною страстью грабежей и завоеваній, привыкъ къ приключеніямъ въ лѣсахъ, степяхъ и льдахъ; закаленный морозами, онъ уже былъ безразличенъ ко всему, кромѣ жажды стяжаній. Изнашивая наслѣдственными свойствами, пріобрѣтенными на родинѣ, сибирскіе пришельцы изъ Россіи ностунались ими, въ силу обстоятельствъ и ради корысти, въ виду новыхъ туземныхъ, вліявшихъ неотразимо и настойчиво. Износили казакъ одежду, стали наряжаться по сибирски; охладѣвъ къ вѣрѣ, стали заражаться языческою туземною, къ воспріятію каковой и безъ того мягкая почва, сверхъ того, была еще сильнѣе разрыхлена и еще болѣе приспособлена.

Когда, черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ построения Тобольска, въ немъ была открыта епископская кафедра (30-го мая 1621 г. прибылъ первый сибирскій архіерей), когда, такимъ образомъ, представилась возможность повѣрки тѣхъ религиозныхъ убѣжденій, при какихъ оказались въ Сибири пришедшіе изъ Россіи люди, — многое представилось въ ужасномъ видѣ. Казаки,

увлеченные завоеваниями и промысламъ, успѣвшіе ознакомиться съ туземцами и войти съ ними въ ближайшія сношенія, оказались задичавшими почти до уровня тѣхъ же дикарей-азычниковъ. Уже въ 1622 г. извѣстно было на Москвѣ, что сибиряки не носятъ крестовъ, не соблюдаютъ постовъ, ѣдятъ всякую скверну, живутъ съ некрещенными женами, кумами и сестрами своихъ женъ (своиченицами). При отъѣздѣ закладывають ихъ на срокъ и, не имѣя тѣмъ выкупить, женятся на другихъ. Какіе успѣли завестись монастыри, въ тѣхъ обителяхъ монахи и монахини живутъ вмѣстѣ или, уходя изъ монастырей, опять живутъ въ мірѣ. Сами духовные потворствуютъ всѣмъ новымъ порядкамъ, какіе завели русскіе люди въ новой странѣ: умыканіе (воровство) невѣсть, многоженство, отчужденіе отъ церкви. Уже отъ простыхъ служивыхъ людей начинали слышаться дерзкія рѣчи противъ уставовъ церкви (одного Сургучева думали даже съечь за то живымъ въ самомъ Тобольскѣ), уже многіе и въ самомъ епископскомъ городѣ (по свѣденіямъ 1649 г.), вмѣсто духовныхъ лицъ, стали обращаться къ „чародѣямъ и волхвамъ и богомерзкимъ бабамъ“. „Въ дома пускають и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхвованіе и отъ правовѣрія всякихъ православныхъ христіанъ отлучаютъ“. Между тѣмъ, наличное духовенство о паствѣ своей не заботилось, думая больше о себѣ и улаждая себя „грѣховнымъ и злымъ пьянствомъ“, такъ что митрополитъ сибирскій Павелъ (въ 1681 г.) принужденъ былъ отбирать въ архіерейскую кладовую всѣ церковныя суммы изъ опасенія, чтобы попы и церковники, бражничая вмѣстѣ со старостами и раздавая казну въ частныя долги, не растратили ее вовсе.

Не останавливаясь пока на объясненіи тѣхъ безчисленныхъ причинъ, которыя заключены въ самомъ духовенствѣ и въ силу которыхъ расколъ имѣлъ такой успѣхъ въ Сибири, снизошедшей до азычества, мы не станемъ, изъ боязни повториться, рыскаживать объ успѣхахъ такихъ толковниковъ, какъ Аввакумъ, который, живя долгое время въ Тобольскѣ, увлекалъ массы. Все это происходило въ то время, когда самъ архіепископъ сибирскій Симеонъ цѣлый годъ находился подъ запрещеніемъ, не имѣя права служить даже литургію. Не меньшимъ успѣхомъ пользовался сосланный въ 1660 году монахъ Іосифъ Истомина, 24 года странствовавшій съ проповѣдью по сибирскимъ городамъ: Верхотурью, Туринску и Тюмени, гдѣ и теперь значительное число старообрядцевъ. На помощь имъ бѣжали въ Сибирь гонимые тамъ староверы значительнымъ многолюдствомъ. Успѣхъ раскола казался настолько опаснымъ, что стали прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. За тарскими жителями до сихъ поръ со-

храняется отъ старины прозваніе „коловичей“ за то, что прадедовъ ихъ искоренители сильно развившагося раскола за упорство сажали на колъ. Успѣхъ проповѣдниковъ былъ настолько великъ и почва народная до того воспримчива, что когда, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ средствъ къ вразумленію, прибѣгли къ помощи и содѣйствію вооруженныхъ командъ, раскольники отвѣчали самоубійствами въ формѣ неоднократныхъ самосожженій большими толпами въ Тобольскомъ, Тюменскомъ, Томскомъ и другихъ округахъ. Испуганный успѣхами пропаганды, Петръ I, указомъ 1722 г., принужденъ былъ воспретить ссылку въ Сибирь раскольниковъ и обратилъ ихъ для заточенія въ крѣпость Рогервикъ (нынѣшній Балтійскій-Портъ). Въ итогѣ осталось одно: расколъ усилилъ въ сибирскомъ населеніи подвижность, бродяжество и этимъ способствовалъ тому, что, уходя въ лѣса за учителями, сибирскій народъ ладилъ селенія тамъ, гдѣ не могли бы они имѣть мѣста по обычнымъ и заветнымъ приемамъ промышленныхъ людей держаться береговъ главныхъ рѣкъ. Продолжимъ наши наблюденія за Байкаломъ въ мѣстахъ каторжныхъ, а потомъ обратимся къ мѣстамъ ссыльныхъ поселеній.

Удержался расколъ старообрядства и до нашихъ дней за Байкаломъ и пріобрѣтаетъ новыхъ прозелитовъ, благодаря тому главному обстоятельству, что сибирское духовенство было безсильно бороться съ нимъ—бѣдное нравственными средствами (недавно еще или необразованное или совсѣмъ безграмотное), но богатое средствами матеріальными, на пріобрѣтеніе которыхъ, въ ущербъ прямому долгу, тратило и тратило много времени и много силъ *). Значительная часть духовныхъ лицъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи достигла того матеріальнаго довольства, что ихъ справедливо называютъ богачами, и встала въ то положеніе, когда народъ, и ближній и дальній, начиналъ смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ, какъ на замѣчательныхъ хозяевъ, умѣвшихъ забрать въ свои руки всю окольную торговлю. Въ купцѣ-монополистѣ, вродѣ Кандинскаго, въ ховангѣ-счастливцѣ, у котораго и лошади и рогатый скотъ ведутся въ великомъ множествѣ, а клѣти трещать отъ избытка ссыпного хлѣба, въ кладовыхъ сложены сорочки пушного драгоценнаго товара—въ такихъ чудодѣяхъ для сибирскаго народа нерѣдко совсѣмъ исчезаетъ безъ слѣда образъ друга, болѣе необходимаго и дорогого. Не съ желаніемъ руководства и поученій, ради душевнаго спасенія и объясненія грѣховныхъ

*) Какъ образчикъ слабости духовнаго вліянія, представляются, между прочимъ, финны изъ секты скакуновъ, сосланные на поселеніе изъ Ингерманландіи и разсѣянные по Якутской области:—съ 1859 года они не выдали ни одного пастора. Живущему въ Иркутскѣ приходится объѣзжать 6 тысячъ верстъ, чтобы пошастъ въ Якутскъ.

сомнительный, а для того же греховного дела, со шкурами соболей и бляхъ для продажи или съ просьбою о денежной ссудѣ подъ залогъ имущественный, ходятъ свободные сибиряки къ своимъ духовнымъ отцамъ, не только по многимъ мѣстамъ Сибири, но и за Байкаломъ. За Байкаломъ еще больше, чѣмъ гдѣ либо, духовенство слабо численностью и духовнымъ влияніемъ на окрестный народъ, во всякомъ случаѣ нѣтъ больше имѣющей право на духовную помощь и руководство. Здѣсь злодѣи, бродяги и всякій испорченный людъ всего чаще нуждаются въ объясненіи нравственныхъ истинъ, а между тѣмъ, на всѣхъ 1.200 человекъ (въ нашъ пробѣдъ еще работавшихъ въ кандалахъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ) полагался одинъ священникъ и одна церковь, но и тѣ подѣ наметомъ.

Если казна открывала рудное богатство, на этомъ мѣстѣ очень скоро она успѣвала собирать скороспѣлое населеніе и въ числѣ заботъ полагала, между прочимъ, сооруженіе церкви; но или церкви эти являлись настолько малыми, что далеко не вмѣщали въ себя всего числа молебщиковъ, либо храмъ освящался тогда, когда рудникъ уже выработался или заводъ оказался невыгоднымъ и непроизводительнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появленіе церкви прямо свидѣтельствовало о томъ, что работа объ исправленіи ссыльных вовсе не входила въ число нравственныхъ обязанностей попечителей. Это мѣсто вѣроятнаго и временнаго успокоенія духа и совѣсти являлось, какъ обязательная и неизбежная принадлежность при селеніи и при священникѣ, который получалъ командировку сюда вмѣстѣ съ причтомъ и ассигновкою жалованья *). Если рабочіе немного родятъ, не часто брачуются, то все же они и умираютъ, а начальство требуетъ отъ нихъ ежегодной исповѣди и причащенія св. тайнъ.

Такимъ образомъ, арестантъ на каторгѣ только рабочая сила, а въ жизни и быту преступный спитъ на одной койкѣ съ невиннымъ, молодой со старымъ, опытный бродяга со вчера пришедшимъ, и для всѣхъ равно жизнь безъ улады, сомнѣнія безъ разрѣшенія, тоска безъ утѣшенія. Обязательныхъ утѣшителей видятъ

*) Такъ, напримѣръ. Александровскій винокуренный заводъ (подъ Иркутскомъ) основанъ былъ въ 1787 году—церковь освящена въ немъ въ 1835. Въ Ильгинскомъ заводѣ, въ 1842 году, построена была (разумѣется, деревянная) церковь; въ 1844 году она сгорѣла, а вскорѣ и самый заводъ былъ уничтоженъ. Петровскій желѣзный заводъ построенъ въ 1790 г., а дѣло о церкви въ горномъ правленіи началось въ 1801 году; въ 1760 построенъ Дучарскій серебряный заводъ, въ 1783 началось дѣло о постройкѣ въ немъ церкви въ одно время съ таковою же для Бутомарскаго завода, построеннаго въ 1764 г., и проч.

только при случаѣ смерти товарища и, издали, при проходѣ на работы. Суровое обращеніе постоянно раздражаетъ, беспросвѣтная жизнь становится тяжелымъ бременемъ, а безконечныя работы доводятъ до отчаянія. Гдѣ же тотъ человекъ, который умѣлъ бы заглянуть въ прошлое и узнать изъ него о вѣрныхъ способахъ къ исправленію и сокрушенію о старыхъ грѣхахъ, гдѣ этотъ человекъ, который внушалъ бы нравственность и все то, что должно служить цѣлью и средствомъ карательныхъ учрежденій? Таковыхъ на каторгѣ не полагается вовсе. Бываютъ зачастую только такіе, для которыхъ эти высокія цѣли совсѣмъ не понятны или вовсе не доступны, особенно, если остановились на дальнихъ мѣстахъ заточенія, каковы интересующіе насъ нерчинскіе рудники и заводы. Бывали тамъ и совсѣмъ безнадежные люди, о которыхъ архивныя дѣла и народная память сохранили такіе факты.

Вотъ два архивныхъ и судебныхъ факта, которые нарочно мы беремъ изъ двухъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другого заводовъ. Между обоими событіями легло разстояніе 20-ти лѣтъ.

Въ Дучарскомъ заводскомъ госпиталѣ умираетъ казакъ Ослоповъ и желаетъ видѣть священника. Горный унтеръ-офицеръ побѣждалъ за послѣднимъ. Священникъ находился въ домѣ рудовоза Московскаго и былъ пьянъ.

Унтеръ-офицеръ Калашниковъ подошелъ подѣ благословеніе и сказалъ:

— Ступай, батюшка, я за тобой пришелъ! у насъ больной есть и умираетъ, а ты пьянствуешь.

— Я и самъ боленъ, — отвѣчалъ батюшка: — и не иду. Ты ступай за гындыбойскимъ попомъ, а я еще не явился въ команду и идти надобности не имѣю.

— Какъ не идешь, я и за волосья потану, такъ какъ въ нашемъ мѣстѣ вашу братью, поповъ, бьютъ, не спрашиваютъ.

Священникъ, вставъ съ мѣста „непримѣтно, чтобы былъ довольно пьянъ“, говоритъ Калашникову:

— Когда имѣешь волю бить, такъ бей же!

И легъ на лавку, говоря:

— Вишь, я боленъ, у меня душа выходитъ.

Священникъ, однако, въ госпиталѣ былъ и больного исповѣдывалъ, но, произнося три раза слова: „прощаю и разрѣшаю“, три раза ударялъ больного палкою.

Больной умеръ, а дѣло было перевзлѣдовано подѣ присягою.

Въ Петровскомъ заводѣ, въ праздничный день, приходитъ священникъ служить заутреню, шатаясь во всѣ стороны. Причетники старались его отклонить отъ служенія, „однако, отвратить отъ того никакъ не могли“. Попавъ въ алтарь и возложивъ на себя эпитрахиль и саму

лучшую рясу, онъ растворилъ царскія врата, сдѣлалъ начало, но „засимъ, въ виду довольнаго числа предстоящихъ мужского и женскаго пола мірянъ, не могъ сказывать эктеиніи, потому что былъ въ хлѣбномъ положеніи. За всѣмъ сѣмъ, при неоднократныхъ выходахъ изъ алтаря, въ бывшемъ на немъ облаченіи, валялся по полу церкви, такъ что мы неоднократно оного поднимали и вводили въ алтарь, упрямивая, дабы онъ оставилъ дѣйствіе служенія“. Священникъ не согласился и вслужу всѣхъ предстоящихъ дьячковъ ругалъ „площадными ругательствами“, затѣмъ снялъ рясу, вышелъ изъ алтаря въ церковь „къ мірянамъ и погналъ всѣхъ вонъ; между тѣмъ, бывшая пожилыхъ лѣтъ старушка Московичиха, по описанной старости нѣсколько отъ прочихъ при-остановилась въ церкви; упоминаемый же священникъ, замѣтивши оную, бросаясь къ ней, выгонялъ изъ церкви съ причиненіемъ ей удара. Послѣ же всего оного, упавши на амвонъ, уснулъ. Почему мы, тогда распорядясь, послали въ квартиру его за лошадью; по приводѣ же оной, мы, взявши того священника подъ руки, вывели изъ церкви, положи въ пошевни и отправили въ его квартиру“.

А вотъ и тотъ фактъ, который сохраненъ на родную памятью.

Въ Акатуѣ жилъ спущенный съ цѣпи извѣстный бродяга и большой злодѣй Филипповъ—человѣкъ невысокаго роста, худощавый, сугорбый, но обладавшій необыкновенною силою. Выраженіе лица его отличалось чрезвычайною скромностію. Говорилъ онъ всегда тихимъ, вкрадчивымъ, богомольнымъ голосомъ. Самъ себя называлъ неумытнымъ грѣшникомъ, молился всегда горячо, обливаясь слезами. Когда усиливалась его набожность, знавшіе и привыкшіе къ нему боязливо присматривали за нимъ съ вѣрнымъ расчетомъ на то, что Филипповъ таитъ на умѣ что нибудь недоброе, причесть какое нибудь звѣрское или злодѣйское намѣреніе. Разъ, въ такомъ настроеніи, онъ пошелъ на испытаніе и соблазнъ священника, такъ какъ по званію „пропитаннаго“ гулялъ уже на свободѣ послѣ алатуевской стѣнной цѣпи.

Явился онъ съ низкими поклонами и, сложивъ на груди преступныя руки, своимъ обычнымъ набожнымъ голосомъ выразилъ раскаяніе, желаніе исправленія и поученій. Священникъ обратилъ на него вниманіе, сталъ говорить и слушать.

— Одно,—говорилъ ему Филипповъ:—одно мѣшаетъ моему примиренію съ Богомъ, я знаю дьявольскій секретъ удвоить всѣ твои деньги, какія имѣешь. И забыть его не могу и жажу онъ мнѣ и мозги и внутренности.

Секретъ этотъ Филипповъ повѣдалъ. Исполненіе секрета требовало кое какихъ рѣшитель-

ныхъ мѣръ: надо было на цѣлую ночь положить на себя закліаніе, лечь спать, не молившись Богу, и снять съ шеи крестъ; деньги положить подъ подушку и въ постели лежать не шевелиться. По утру деньги найдены удвоенными.

Священникъ, рассказываетъ народная молва, соблазнился; легъ попытать счастья и поутру вынулъ вмѣсто пяти рублей десять. Филипповъ сдѣлался другомъ. О нравственныхъ поученіяхъ перестали и думать и говорить. На деньги охотились еще раза два: чертъ хорошо служилъ свою службу, производя по ночамъ свои коммерческія операціи. Рѣшились положить подъ подушку всѣ триста рублей. Филипповъ, по обыкновенію, сунулъ бумажку съ закліаніемъ подъ подушку, но на этотъ разъ деньги прилипли къ его рукамъ и онъ пересталъ показываться въ домѣ священника. При встрѣтѣ на улицѣ отговаривался тѣмъ, что рано-де всталъ и помѣшалъ черту, а при угрозахъ и самъ пригрозилъ архіереямъ. Чиновники, въ свою очередь, посоветовали махнуть рукою на мошенника и никогда съ нимъ больше не связываться.

Эта недавняя и, въ то же время, свѣжая легенда, еще владѣвшая возможностью и правомъ указывать на лица, называть имена и мѣста дѣйствій, заключаетъ собою весь рядъ данныхъ о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ къ ссыльнымъ, отношеніяхъ, въ которыхъ много матеріальнаго, но мало духовнаго. О другихъ мы не рассказываемъ теперь по недостатку мѣста и неудобству, но еще не слышать было ни объ одномъ такомъ случаѣ, гдѣ бы участіе священниковъ благотворно поддѣйствовало на обращеніе и исправленіе ссыльных. Вмѣсто того, въ архивныхъ дѣлахъ то и дѣло получались свѣденія о томъ, что въ такомъ-то заводѣ двое ссыльно-каторжныхъ духоворцевъ обратили въ свою вѣру ссыльно-каторжнаго православнаго; тамъ скопцы осконили нѣсколько человѣкъ изъ прихожанъ нессмысленныхъ; здѣсь замѣчено, что многіе изъ православныхъ, чтобы избѣжать говѣнія и исповѣди, нарочно сказывались старообрядцами. Столь обычное дѣло въ Россіи здѣсь выразилось тѣмъ же исходомъ: уличенные охотно платили денежные штрафы, но отъ церковныхъ обрядовъ уклонялись, не будучи вовсе старообрядцами. Не способные оправдаться при помощи взятки, по русскому обычаю, за Байкаломъ подвергались наказанію строгою эпитиміею: ихъ ставили на колѣни въ церкви, держали ихъ въ приторѣ, на паперти; въ случаяхъ упорства ссылали въ монастыри на сроки. Дѣла живыя не поправлялись, потому что и архивныя съ поразительною ясностію продолжали указывать на то, что вотъ надзоръ за отступниками вступилъ въ обычную и привычную колею

равнодушія, а между тѣмъ, ссыльный подъ рукою крестить бурата и становится субъектомъ цѣлаго судебного разсказа, подъ заглавіемъ: „О ложномъ крещеніи ссыльнымъ Орловымъ братскаго Даримова“. Въ силу побужденій, адресованныхъ издалика и подтвержденныхъ вблизи, началась усердная систематическая дѣятельность на пользу православія; горное начальство рѣшилось показать образцы и способы пропаганды своему духовенству, само принялось за стряпню—и, вотъ, изъ архивѣ слѣды этого дѣла въ жалобахъ на крутыя мѣры и въ рапортѣ разсказъ одного пристава о томъ, что такая-то женщина, изъ раскольниковъ, съ сыномъ перерѣзала себя горло. Когда возникаетъ вопросъ о томъ, что это за мѣра, за которую ссыльные рѣшаются на самоубійство?—мѣстное духовное начальство, по собраннымъ справкамъ у знающихъ людей, свѣдѣтельствовало свои знанія и рекомендовалось ими передъ горнымъ начальствомъ и передъ нотоиствомъ такою краткою историческою запискою (сохранившеюся въ архивѣ нерчинскаго Большого завода):

„Содержащаяся ими секта разнится отъ греко-російской церкви въ сложеніи креста, съ малою переменою въ словахъ при церковномъ служеніи. Въ житіи же происходитъ такъ, что у нихъ, по неизбѣжнѣ въ этой сектѣ священниковъ, рождающимся младенцамъ имена нарекають и погруженіе, подобно крещенію, дѣлають иногда бабки, а иногда и грамоту разумѣющіе старики, а когда случаются той секты священники, то оныя дѣлають муромованіе“. И только!

Если удивять такіе невѣдомые, словно изъ-подъ земли вышедшіе люди (какъ поступили, напр., казаки, сосланные изъ уральскаго войска), удивять и обидять болѣе рѣзкимъ и крайнимъ упорствомъ (не позволяютъ стричь волость и бородъ, не пойдутъ на работу)—ихъ исправляли кнутомъ, давали удары десятками. На этомъ же кнутѣ ѣхали и дальше: одинъ и послѣ наказанія готовъ „лишиться жизни, но въ работѣ не быть“, его снова подвергали наказанію: два раза плетью и два раза кнутомъ. Кто упорствовалъ и послѣ того, тѣмъ полагали „ограниченную дачу провіанта, достаточную только для поддержанія жизни“, и учреждали надзоръ, чтобы ни отъ кого пособій со стороны не получали“. „Успѣху не было“—сокрушалась нерчинская горная экспедиція *).

*) Въ 1775 году яицкіе казаки, приверженцы Пугачева, разселены были по разнымъ мѣстамъ Забайкалья: наиболѣе виновные и упорные при заводахъ и рудникахъ на каторгѣ, остальные на поселеніи въ деревняхъ. Такъ, между прочимъ, въ Газимурской сотнѣ (въ деревнѣ Калгинской) поселены были 32 человека. Каждому выдано было отъ казны на покупку лошадей по 5 руб., а начальникамъ велѣно наблюдать, чтобы

За Байкаломъ существовала на англійскіи деньги великобританская миссія, направленная противъ язычниковъ и жившая въ Селенгинскѣ. Существуетъ тамъ же, въ Посольскомъ монастырѣ, на русскія деньги православная миссія для обращенія въ христіанство мѣстныхъ бурятъ; но миссія, направленная на помощь и содѣйствіе ссыльнымъ, для поученія и исправленія заключенныхъ, еще не было и въ прозѣтѣ. До тѣхъ поръ тѣ, которые прегрѣшили противъ вѣры и за эти преступленія сосланы въ Сибирь, продолжали жить тамъ предоставленными самимъ себѣ и если оставались и здѣсь при старомъ—при полной возможности пуститься на другія и новыя преступленія, то зачѣмъ они здѣсь? Зачѣмъ въ Россіи всѣ разнородные виды противорелигіозныхъ дѣяній сведены безразлично въ одну категорію?

На каторжныхъ работахъ, само собою разумѣется, преступниковъ противъ вѣры не различали отъ убійцъ и грабителей, не имѣя на то никакого права, а зачѣмъ, сообразно съ такимъ взглядомъ, и трактовали этихъ людей.

Для полноты картины, перенесемся изъ Восточной Сибири въ Западную и, для характеристики отношеній старообрядцевъ къ мѣстному духовенству и наоборотъ, остановимся на тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преимущественно распространена старая вѣра въ близкомъ соседствѣ съ уральскими заводами и Россією. Эта мѣстность, ограниченная на востокъ Варабинскою степью, на югѣ Киргизскою и теряющая границы на западѣ въ пространствахъ Россіи, представляетъ собою непрерывную цѣпь населенія, придержавагося стараго креста и доиконовскихъ церковныхъ обрядовъ. Въ ней расколъ почти столько же древенъ, какъ и въ самой Москвѣ. Въ деревнѣ Лепехиной, Ялуторовскаго округа (Ингалинской вол.), до сихъ поръ молитвенный домъ старовѣровъ въ рукахъ потомковъ извѣстнаго въ исторіи ссыльнаго стрѣльца Якова Лепехина. Церковь эта была небольшая ветхая избушка, возбуждавшая сильное археологическое подозрѣніе на ту, въ которой молились древніе стрѣльцы. Стояла она въ глубокой, съ трудомъ проникаемой тѣснинѣ обывательскихъ домовъ. Внутренность ея представляла нѣчто необыкновенное по богатству окладовъ образовъ, которыми уставлена была избушка сверху до низу въ два яруса, вродѣ иконостаса. Иконостасъ этотъ, по обилію иконъ древняго пошиба, въ глазахъ старовѣровъ представлялся громаднымъ сокровищемъ, не имѣвшимъ даже цѣны. Деревушка, сохранившая за собою имя своего древняго основателя, населена крестьянами-поповцами, носящими въ Сибири у своихъ названіе „стариковщины“, у постороннихъ извѣстныхъ подъ об- казаки лошадей непременно купили (дѣло Нерч. Бол. Зав. 25 мая 1776 года).

щимъ прозваніемъ „кержаковъ“, — прозваніемъ, приписываемымъ всѣмъ старовѣрамъ за то, что, болѣею частью, они имѣли сношенія со скитами рѣки Керженца (съ керженецкими поповами Нижегород. губ., Семеновскаго уѣзда). Принесли они сюда съ Урала, изъ тамошнихъ заводовъ, какъ бѣглые отъ тяжелыхъ работъ, а здѣсь и сейчасъ всѣхъ старовѣровъ зовутъ также „кержаками“, уже по прямому указанію на извѣстный притокъ Волги.

Во всей западной половинѣ Сибири, по рѣкамъ Иртышу, Ишиму и Тоболу, гдѣ другихъ населенной, общественное мнѣніе и свидѣтельства крестьянъ указываютъ на поселенцевъ, сосланныхъ за религиозныя мнѣнія, какъ на совратителей. Хотя еще до сихъ поръ не изобрѣтены средства узнавать, кто кого совратилъ, и хотя, само собою разумѣется, прямой путь — нападать на невинныхъ (путь, которымъ привыкли ходить и въ Сибири), тѣмъ не менѣе, поселенцы завиняются первыми. Въ особенности пользуются успѣхомъ, говорятъ, тѣ изъ нихъ, которые перечислены изъ Восточной Сибири въ Западную, а между ними наибольшую склонностью къ пропагандѣ отличаются филипповы и еедосеевцы. Увѣренно наслѣженныхъ оказалось немного: извѣстенъ Плотниковъ, вѣнчавшій сводные браки. Его приговорили въ ссылку и сослали въ Каинскъ; онъ не унялся — ушли дальше. Онъ дѣлалъ своды священническимъ вѣнчаніемъ. Послѣ него стали сводить родительскимъ благословіемъ съ прочтеніемъ молитвъ и съ возложеніемъ на главы иконы. Другой передъ смертью завѣщалъ раздать своимъ единовѣрцамъ 25 тыс. руб. сер. Изъ другихъ совратителей извѣстны: солдаты Кайгородовъ и Колмаковъ, влияние которыхъ выразилось въ молитвенныхъ приемахъ. На молитвѣ стали становиться правильными рядами или шеренгами, поклоны начали класть не врозь, но желанію, а всѣ разомъ по уставу и по образу „полета птицъ, дѣлающихъ взмахи крыльями передъ небеснымъ Царемъ вдругъ, или, подобно метанью ружья солдатами, передъ царемъ земнымъ“. Кромѣ архіерея, жившаго въ 15 верстахъ отъ Оренбурга, старовѣры пользовались влияніемъ даже одного изъ ссыльных поляковъ, умѣвшаго разыгрывать роль старобѣрскаго наставника и попа, нажившаго такимъ способомъ большія деньги. Этотъ полякъ (старовѣрскій попъ) былъ сосланъ въ сибирскіе батальоны за участіе въ революціи 1831 г. и такъ ловко поддѣлался къ старовѣрамъ, что они деньгами купили для него увольненіе отъ военной службы. Въ странѣ, гдѣ издревле религиозный фанатизмъ былъ такъ великъ, что велъ къ самосожженіямъ (по Тобольской губ. извѣстны 33 случая, изъ которыхъ первый принадлежитъ 1682 году, а послѣдній 1828), въ странѣ, гдѣ всѣ мѣстныя условія благопрі-

ятны свободѣ ученія, старообрядство восползовалось значительными успѣхами (см. статью „Самоубійства“). Успѣхи до того были примѣтны, развитіе въ Сибири раскола такъ сильно, что съ 1831 г. прекратили туда ссылку преступниковъ противъ вѣры и сбили счетъ. Участіе духовенства въ этомъ отношеніи, именно здѣсь, выразилось чертами характерными и доказанными.

Прежде всего, положеніе среди двухъ огней, изъ которыхъ одинъ болѣе жегся, другой пріятно грѣлъ, всегда ставило и сибирское духовенство въ тѣ ложныя условія, при которыхъ выходило одно изъ двухъ: или мало пишешь бывшихъ на исповѣди — значитъ, нерадивъ, небрежешь объ овцахъ, не миссіонерствуешь, а за это — архіерейскій выговоръ, замѣчаніе, штрафъ, вызовъ въ консисторію для личныхъ объясненій; или пишешь не бывшихъ бывшими, некрещенныхъ крещенными — стало быть усердіе есть; виновные доносить не умѣютъ и, на мѣсто доносовъ, привыкли платить приносами, т. е. хлѣбомъ и деньгами; практика извѣстная, освященная вѣковымъ опытомъ. Въ 1751 году въ селѣ Кармеевкѣ сожглись 25 человѣкъ крайнихъ фанатиковъ еедосеевскаго толка, которые оказались въ приходскихъ книгѣхъ всѣ записанными въ православіе, бывшими на исповѣди и у св. причастія. Не такъ давно умеръ священникъ, отправившій въ банкъ 36 т. р. асс., и крестьяне объясняютъ гласно оба эти яркія явленія тѣмъ, что за дозволеніе не быть у исповѣди платятъ по 1 руб. за душу и что бывали примѣры, когда священники продавали право перехода изъ православія въ расколъ за такое ничтожное вознагражденіе, какъ, напр., фунтъ чая. Процедура въ послѣднемъ случаѣ была обычная: православный крестьянинъ пересталъ ходить въ церковь и на исповѣдь — священникъ доносилъ объ этомъ. Назначалось слѣдствіе. Отступника вызывали на увѣщаніе или ушачаніе (какъ крестьяне привыкли выражаться); въ духовномъ правленіи онъ устанавлялъ на своемъ. Совѣщательный комитетъ, по закону, отдавалъ его затѣмъ на увѣщаніе мѣстному священнику, тому самому, съ которымъ уже сдѣлана сдѣлка. Увѣщатель писалъ начальству своему: „непреклоненъ“. Число остальныхъ древняго благочестія увеличивалось. Новопрібылые самодовольно говорили всѣмъ: „Хоть и дорого встало, да за то ужъ теперь спокоенъ“. Православному священнику оставалось наблюдать только за тѣмъ, чтобы отбывшася отъ стада овца не сдѣлала „внѣшняго оказательства“. Конечно, она этого не дѣлала, никогда и ни за что этого не дѣлала.

Лѣтъ 40—45 тому назадъ, въ этомъ краю, гдѣ, по народному выраженію, „попаятъ многіе, но поповъ мало“, гдѣ народъ давно выговорилъ, что „не бѣжить церкви, а бѣжить свя-

щенниковъ“, извѣстенъ былъ между послѣдними одинъ такой, который никогда не служилъ обѣдѣ, а развѣ только отъ скуки часы или вечерню и за котораго все правила причетники. Бывало и спросятъ прихожане: „Будетъ ли обѣдня?“ и довольствуются такимъ отвѣтомъ: „Обѣдня не будетъ, мы старенькую разогрѣли и ужъ кончили“. Этотъ пошъ продалъ или, лучше сказать, пропилъ весь свой приходъ и отписывалъ въ расколъ за полуштофъ. Другого разжаловали въ причетники за то, что онъ, ходя на Пасху мимо раскольниковъ избъ, бросалъ къ нимъ на дворъ черезъ заборъ крестъ, заводилъ ссоры, грозилъ доносами, бралъ отступное. Крестьяне, какъ извѣстно, не оправдывающіе въ своихъ пастыряхъ только запоевъ, охотно прощаютъ подгулы. „Почему и попомъ не подгулять, человѣкъ есть; напились, надурили—приди, извинись передъ старшими и младшими, попроси молитвъ, ала не попомнишь“. Но гдѣ же у крестьянина силы примиряться съ тѣми, которые, нося въ глазахъ бревна, ищутъ у другихъ спицъ, и выносить тѣхъ, которые являются въ тѣсномъ деревенскомъ кругу присяжными врагами, доносчиками и вымогателями? Одинъ, напр., единовѣрческій священникъ больше ничего и не дѣлалъ, какъ только подсматривалъ: не тайнодѣйствуютъ ли? Загнѣвъ, онъ вторгся въ избу, вымогалъ отступное. Гдѣ не смогъ самъ, туда приглашалъ засѣдателя, общалъ ему 300 руб. сер. наживы. Другой (православный) служилъ только разъ въ году на Пасху. Къ третьему, который едва 5 разъ въ году правилъ службу (утреню, часы и вечерню), въ 1860 г. собрались на любимыя сибирскіе народомъ „водокрещи“ (въ крещенье), а попа и дома нѣтъ, уѣхалъ въ дальнія деревни за поборомъ; на перваго Спаса въ 1861 г. сдѣлалъ то же. Собравшіеся подождали и уѣхали съ ропотомъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что вообще сибирскіе люди на церковную молитву не охотливы, а считаютъ важными и серьезными только молебны: Богородицѣ, Николѣ, Власію и Модесту, Ильѣ пророку, а въ особенности любить молебствія на поляхъ и принятіе въ дома иконъ на Пасху. На такіа непритязательныя народныя требованія не такъ давно нѣлись такіе священники, которые вовсе не были грамотными: либо не доучившись, живя въ глуши, позабыли все, либо прямо изъ причетниковъ посвящены были въ пасторскій санъ. Люди эти стараго закала стали переводиться, но, тѣмъ не менѣе, являются еще противниками и недоброжелателями молодого поколѣнія и новыхъ священниковъ. Эти выразились для крестьянъ, хотя и въ новыхъ формахъ, но, тѣмъ не менѣе, не въ идеальныхъ. Крестьяне жаловались на ихъ грубое обращеніе, на гордость, „чехальство“, на то примѣненіе высшихъ семинарскихъ взглядовъ, которое выражается презрѣніемъ

къ неграмотному люду. Крестьяне предпочитали имъ стариковъ уже по тому одному, что старые были обходительны, привычны и, стало быть, уступчивы. Молодые попы на первыхъ же порахъ оказывались бранчивыми и крутыми. Отъ тоски ли по городѣ стали они раздражительными, отъ униженія ли средою стали обидчивыми, прихожане этого не разбирали; о старыхъ попахъ тосковали, о новыхъ рассказывали, что одинъ во время крестнаго хода курилъ папирсы; другой, при всякой встрѣчѣ, ругался, при всякомъ дѣлѣ и закаръ капризничалъ; третій за исправу требъ, чтобы слишкомъ не беспокоиться, положилъ большую плату. По этой самой причинѣ отъ этого послѣдняго прихожане стали ѣздить къ единовѣрческому попу, который за свадьбу бралъ довольно дешево, нестѣснительно, всего три рубля, а не красную. Другой (съ недолимою привычкою къ табаку) какъ разъ очутился въ гнѣздѣ раскольниковъ, гдѣ, съ подстриженными усами, казался человѣкомъ и безъ того немилымъ, да кстатіи мѣсто принималъ отъ такого, который во время службы нюхалъ табакъ на всю церковь. Молодые попы сердились на мужичье невѣжество, презирали крестьянъ, а сами, въ то же время, исполняли только обряды (и, надо сказать, аккуратное старыхъ): окрестить, похоронить, исповѣдуешь, повѣнчаешь, а о назиданіи нѣтъ и помину (и сами никакихъ книгъ не читали). Подъ носомъ у такихъ издана приладили наставники, начетчики-старобрядцы. У раскольниковъ первое дѣло, какъ извѣстно, назиданіе, публичное чтеніе книгъ: Маргаритъ, Ефремъ Сиринъ, псалтырь старопечатная и проч. живое и упрощенное толкованіе; „въ моленной избѣ посидѣть любо, и наведыхаешься до самаго доушка сердца, и всплакнешь не одинъ разъ у хорошаго и доточнаго наставника“. Сводили молодые попы дружбу съ засѣдателями, съ этими вѣдомыми охотниками на раскольниковъ, какъ бы на какую вкусную птицу либо жирную рыбу *). Многіе изъ молодыхъ по старому за ними погнались: при обыскахъ ходили съ понятными и положили уже на себя въ народѣ худую славу. Многіе убереглись отъ преслѣдованія потому только, что засѣдатели угѣли прикрывать дѣла. Старые порядки остались на томъ же положеніи: старовѣры женятся и „сводятся“ (свободнымъ, гражданскимъ бракомъ) съ православ-

*) Въ 1852 году ген.-губ. Западной Сибири вынужденъ былъ формально запретить чиновникамъ ходить по старовѣрскимъ домамъ облавою ночью или выѣшиваться въ дѣла раскольниковъ, отбирать книги и проч. Но это не остановило: чиновники продолжали впутываться и исправники, напримѣръ, по прежнему получали 500 р. за каждый молитвенный домъ. Одну начетчину довели до истерической неоправданной болѣзни заточеніемъ за то, что въ стариковщинѣ (поповщинцамъ) читала каноны за едино-умершаго и за умершихъ.

ными, и если раскольника попалъ въ домъ къ православнымъ, въ семьѣ рѣдко кто устоявалъ.

Уходили въ расколъ, между прочимъ, отъ тяжести общественныхъ должностей: смоленскимъ выселенцамъ велѣно было участвовать въ постройкѣ церкви,—они объявились раскольниками. Псковскіе переселенцы (изъ Великолукскаго уѣзда), съ начала водворенія, будучи раскольниками на роднѣ, объявились въ Курганскомъ округѣ православными всѣ, за малыми исключеніями; когда въ 15 лѣтъ успѣли приглядѣться къ сибирскимъ порядкамъ, они сказались старообрѣтами, отстали отъ церкви и всѣ ушли въ расколъ. Когда въ деревнѣ Мальцевой (1756 г.) приготовившіеся къ самосожженію (ушедшіе въ ямки—по туземному выраженію) долго раздумывали и успѣли явиться увѣщатели, крестьяне требовали: уговорить священника не брать поборовъ, смѣнить начальство за то, что отрывало отъ земли и мучило на работахъ, заставляя строить дощаники и возить хлѣбъ въ дальнія мѣста. Они говорили, что раззорены такъ, что не мила жизнь, что словамъ чиновниковъ не вѣрятъ и боятся расположиться на нихъ. Какъ ихъ ни увѣщевали потомъ, они все-таки подожглись; одного оборотѣлаго успѣли выхватить изъ огня, вылечить, посадить въ острогъ, заковать въ кандалы и отдать на судъ свѣтской власти. Въ то же время 600 человѣкъ изъ Верхъ-Исетскаго завода и 300 изъ Екатеринбургскаго вѣдомства бѣжали въ Польшу. При 9-ой ревизіи съумѣли схватить уважаемыхъ миромъ, зажиточныхъ людей 12 человѣкъ, отправить въ этапный казематъ, тамъ желѣзными цѣпами приковать къ столбамъ, оттуда отправить въ Тюмень на увѣщаніе; при этомъ вели по городу съ обрѣтыми половинами головъ, въ домахъ оставлены были только малыя дѣти. Этотъ казусъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что многіе православные поспѣшили обратиться въ расколъ. Въ 1860 году изъ разныхъ волостей Тюменскаго округа крестьяне съ семействами, въ количествѣ 519 душъ, подали просьбу по начальству объ отпискѣ ихъ въ расколъ; до того времени всѣ они числились православными. Тюмень застроилась было каменными церквами, свидѣтельницами усердія жителей къ православію, но иконостасы почернѣли, церковныхъ капиталовъ не стало, все обвѣтшало. Народъ ушелъ въ расколъ и причетники не такъ давно ставили въ рубищахъ на перекресткахъ. Появились новые священники—все стало поправляться и умѣнья и усердія явилось больше.

Сводные браки, вообще, не прочны: кто нибудь изъ сведенцевъ непремѣнно нарушитъ контрактъ и потребуетъ новаго свода, а съ нимъ калыма и новыхъ расходовъ. Теперь многіе стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и, разумѣется, чаще всего въ единовѣрческихъ цер-

квахъ. Послѣ того немудреная исправа: нѣскольکو лѣстовокъ (лѣстовка—сто поклоновъ), очистительныя молитвы и—дѣлу конецъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ не велѣло считать такихъ браковъ законными, но сведенцы отвѣчали: „Пожалуй, не считай; мы и такъ живемъ и проживемъ“, а своды усилились до высшей степени.

Архіерей Георгій велѣлъ писать раскольниками всѣхъ, не бывшихъ на исповѣди. Столоначальникъ консисторіи показалъ эту резолюцію раскольникамъ и слухъ проникъ глубоко. Захотѣли отписаться и православные, придерживавшіеся раскола, и для того рѣшились подать о себѣ особыя ревизскія сказки. Въ 10-ти волостяхъ заварилась каша: писаря помогали, а земское начальство поощряло. Нарядили слѣдствие: виновныхъ посадили въ острогъ, нѣкоторые тамъ умерли; другихъ лишили правъ состоянія и сослали въ Восточную Сибирь; остальнымъ съ рукъ сошло.

По отношенію къ высшимъ духовнымъ властямъ, у старообрѣтовъ остались въ воспоминаніи только мимолегныя проѣзды владыкъ и ихъ поѣзды со свитою, напоминающіе древніе воеводскіе поѣзды съ челядью, которая хватала по дорогѣ серебряныя ложки, скатерти со стола и все, что ни попадало подъ руку. „Да и станеть ли владыка (говорили крестьяне) примѣять священника къ мужику, а тѣмъ пуще мѣнять его на старообрѣта? Такимъ образомъ, обязанные „вѣдать вся да всяко нѣкія спасутъ“ не вѣдали и не хотѣли вѣрить, между прочимъ, такимъ несомнѣннымъ даннымъ.

Въ бытописаніяхъ тобольскаго лѣтописца сохранился, между прочимъ такой оригинальный типъ. Въ началѣ прошедшаго вѣка въ Тобольскѣ, въ Знаменскомъ монастырѣ, жилъ архимандритъ Порфирій, происхожденіемъ изъ подъячихъ. При монастырѣ состояли крестьяне, платившіе вмѣсто сдѣлокъ (задѣлы) деньгами. Порфирій уговорилъ ихъ дать подписку въ томъ, что они, за скудостью денегъ, пришли въ изнеможеніе и что, вмѣсто денегъ, желаютъ производить платежи сдѣлками. „Недомышленный народъ переимѣнилъ свою бѣду на напасть“, замѣчаетъ нашъ лѣтописецъ. Архимандритъ накладывалъ сдѣлки дровами, бревнами, сѣномъ, круглымъ лѣсомъ и тесомъ. Монастырь началъ богатѣть. Для вѣщаго успѣха Порфирій прикармливалъ и одаривалъ подъячихъ, а черезъ нихъ клаузы достигъ до того, что выбылъ бы по указамъ крестьянъ и бобылей, какъ изъ крестьянства, такъ и изъ ямщиковъ, многихъ людей, по прежнему обратилъ въ монастырскіе служители и, конечно, раззорилъ. „Самъ же жилъ въ монастырѣ роскошнымъ и полноправнымъ помѣщикомъ, мало того—сибаритомъ: умывался кипяченою и пропѣженной сквозъ полотно водою; отъ кельи до церкви, внутри монастырской ограды, и до другихъ покоевъ ѣздилъ на лошади въ эки-

нажѣ, хотя бы то было и въ лѣтнее время. Подражая древнихъ отецъ, въ кушанье пекли ему хлѣбъ ячменный, а ячмень ему чредили, по его приказу, крестьянскія жены и ихъ дочери, такъ что у всякаго зернушка ячменнаго оскабливали скорлупу ножичками и такъ чищенные зерна мололи на нарочно на то построенныхъ мельницахъ и всякій день готовили ему хлѣбцы и булки новые и свѣжіе; варили ему рыбу живую, дѣлали лапшу изъ топленнаго молока со снятыми гнѣнками*. Раззоренные имъ до тла крестьяне подали на него челобитіе въ губернскую канцелярію. Канцелярія рѣшила: главныхъ челобитчиковъ выбить кнутомъ, вырвать имъ ноздри и 50 человекъ послать на каторгу, изъ остальныхъ 300 старшихъ десятого наказати кнутомъ, а прочихъ, по состоянію ихъ лѣтъ, бить плетью и батожемъ. Битые крестьяне вырыли для монастыря пруды и построили мельницы. Въ пруды архимандритъ напустилъ рыбы и кормилъ ее печенымъ хлѣбомъ, но рыба вся поклѣла и выплыла на поверхность воды. Въ Тобольскѣ оттородилъ онъ себѣ большое мѣсто, стѣснивъ сосѣдей, и еще больше стѣснилъ крестьянъ, вытребовавъ ихъ вновь на житье въ монастырь. Такія дѣла дошли до вѣденія синода. Порфірія перевели въ Тюмень, въ Троицкій монастырь. Здѣсь онъ началъ творить то же, „но“ — говоритъ лѣтописецъ: — „умножившаяся въ немъ болѣзнь и скорбь, отъ печали и стыда бываемая, не допустила его до дальнихъ предпріятій и тягостью своею ввергнула во изступленіе ума, да къ тому и смерть не преминула употребить свои наблюденія. Притомъ она, опасаясь столь хитраго политика и приказнаго происка, чтобъ какими нибудь приказными крючками не могъ ее довести до дальнихъ волокиты, не опуская времени, изъ знатной себѣ такой добычи, изъ своихъ рукъ сей жизни лишила его“. Про другого троицкаго архимандрита, управлявшаго духовенствомъ до 1835 г. (Амвросія), рассказываютъ рядъ разныхъ анекдотовъ, дебошей; пилъ онъ мертвую*). Съ третьимъ архимандритомъ (Іоакимомъ, въ Пыскорскомъ монастырѣ) раздѣлялись самосудомъ — убили. Въ убійствѣ оказались виновными, въ одинаковой степени, и монахи и монастырскіе крестьяне, не любившіе его за строгость. Дѣло произошло въ 1839 году. Курьезны при этомъ допросы.

*) Этого Амвросія разъ посылали увѣщевать со священниками. въ 1828 г., въ дер. Гилснѣ, гдѣ явились духоборцы (толковавшіе, что истинные поклонники поклоняются Богу духомъ и истиною). Амвросій, какъ пріѣхалъ, такъ и выпилъ, какъ выпилъ, такъ и началъ страдать острогомъ; когда острогу посмѣялись, онъ обѣщалъ разстрѣлять изъ пушекъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ, захвативъ съ собою крестьянина Хохлова; 13 мѣсяцевъ прожилъ Хохловъ въ острогѣ и приговоренъ къ ссылкѣ, но синодъ оставилъ его на мѣстѣ жительства.

доводившіе до сознанія: „Исправникъ принужденъ былъ употребить при томъ послѣднія средства, хотя было то съ закономъ и не согласно; не давъ ему, Фотіеву (болѣе другихъ подозрѣваемому), одуматься, толкнулъ его изъ присутствія въ прихожую по затылку и въ оной принужденъ былъ употребить его нѣсколько по зубамъ, повторяя одинъ за другимъ удары, чѣмъ приведенъ будучи въ разстройку и не имѣя случая оправиться — сознался“.

Старовѣры всего края, примыкающаго къ Уральскимъ горамъ и лежащаго къ Иртышу, Ишиму, Тоболу и прочимъ рѣкамъ — люди грамотные, начитанные, вообще трезвые, любятъ молиться, бесѣдовать и читать священныя книги; не любятъ общественныхъ забавъ, гулянокъ, масляничныхъ катушекъ, пасхальныхъ калачей и, особенно, игрищъ въ праздники. Молодежь хотя и любитъ выпить, но въ большіе праздники въ кабаки не ходитъ, пьетъ мимо праздниковъ. Въ праздники даже помочей не дѣлаютъ и, вообще, стараются не работать, а больше молиться, бесѣдовать и слушать писаніе. За пьянство и другіе грѣхи старики накладываютъ нѣсколько лѣстовокъ, отлучаютъ въ пищу, въ молитвѣ: лишь одинъ, молиси послѣ всѣхъ. Раскольникъ люди богатые, они первые плательщики податей, первые помощники бѣднымъ, помогаютъ милостынею и православнымъ (этими меньше, своими бѣднымъ больше). На слѣдствіяхъ, и безъ присяги, не кривятъ душою. Гостепріимны, какъ всѣ сибиряки, но честны и справедливы, какъ примѣтное исключеніе. Всѣ старовѣры очень набожны, особенно старики: всякое домашнее дѣло начинаютъ молитвою. За обѣдомъ всякое блюдо встрѣчаютъ большимъ крестомъ и безъ креста не ѣдятъ ничего. Вставъ съ постели, кладутъ большой или малый началъ (судя по досугу); также поступаютъ и вечеромъ. На праздники и въ праздники молитвы неизбѣжны отъ стараго до малаго; праздничная служба совершается по книгамъ, а у кого ихъ нѣтъ, по лѣстовкамъ съ подручными. Памятуя и уважая старину, въ праздники мужчины, обыкновенно, надѣваютъ кафтаны, женщины большіе платки и непременно сарафаны одного цвѣта, либо синяго, либо чернаго, но не пестраго (только савинская поповщина позволяеть дѣвкамъ ходить въ молитвенные дома цегольски одѣтыми). Отъ православныхъ крестьянъ старовѣры, въ этомъ отношеніи, значительно отличаются и стоятъ далеко выше; во всѣхъ* толкахъ строгое обязательство грамотности по часослову и псалтырю. Если нельзя выучить грамотѣ, непременно выучать молитвамъ. Изъ православныхъ рѣдкій читаетъ молитвы, у старовѣровъ всякій мальчикъ и дѣвочка знаютъ наизусть такъ называемый малый началъ, другіе знаютъ и большой и много молитвъ. Попы у стариковъ

щины почти уже дряхлые старики, но трезвые и набожные. Начетчики у поморцевъ представляютъ собою классъ людей высоконравственныхъ, внушающихъ къ себѣ полнѣйшее уваженіе; все это люди трезвые, разумные, умѣющие найтись всюду, гдѣ нуженъ ихъ совѣтъ, и не медлящіе идти на помощь всюду, гдѣ въ ней нуждаются. Они—тѣ общественные избранники, народные друзья, тотъ идеалъ, къ которому непремѣнно должны стремиться священники, желающіе дѣйствовать на старовѣровъ и руководить ими.

Когда, въ 1762 году, Екатерина воспретила преслѣдованія, обложивъ старовѣровъ двойнымъ окладомъ, въ „старой Сибири“ многіе прибѣгали къ церкви по чистому сознанию, что безъ церкви нельзя и безъ таинствъ спасеніе невозможно. Они стали вѣнчаться, крестить, иногда исповѣдываться и даже погребать умершихъ близъ церкви. Потомки ихъ остались въ чистомъ православіи. Теперь, когда колебаніе старовѣровъ сдѣлалось примѣтнымъ, не утрачиваются надежды на то, чтобы способомъ постепенныхъ уступокъ поставить дѣло въ лучшее положеніе, чѣмъ нынѣшнее. Крутыя мѣры и рѣзкія требованія не только останавливали дѣло, но и поворачивали назадъ. Прямо и разомъ превратить старовѣровъ въ православныхъ еще никому до сихъ поръ не удалось, опыты постепеннаго обращенія въ Сибири вѣнчались кое-гдѣ успѣхомъ даже и въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ идетъ наша рѣчь. Тамъ сами старовѣры дѣлаютъ такое уподобленіе: „Разомъ въ церковь войти—это какъ бы на морозѣ раздѣться, искупаться и рубаху переменить!“ А потому нѣкоторые окрестить у попа

не прочь, но мвропомазаніе уже затрудняетъ ихъ; исповѣдаться у хорошаго охотятся (и зачастую дѣлаютъ это тайно по ночамъ), но причаститься даже изъ рукъ трезваго, не курящаго, усова не подстригающаго священника очень трудно; разомъ всего не поднимешь. На православномъ кладбищѣ умершаго положить очень трудно, на своемъ, среди родичей, пріятно во все удовольствіе сердца. Крещеннаго и вѣнчаннаго попомъ, пожалуй, и поправлять не станутъ, если бы священникамъ, при погруженіи, позволено было держать младенца спиною къ востоку. При вѣнчаніи хожденіе кругомъ аналоя супротивъ солнца—тоже крупное препятствіе: ноги не ходятъ. Двуперстное сложеніе, столь обширно распространенное, почти всеобщее по Сибири и въ сѣверной Россіи, желательно имъ видѣть и у православныхъ священниковъ. Одинъ священникъ сшилъ эпитрахиль съ семью крестами и придѣлалъ къ требинику мѣдное распятіе,—стали ходить къ нему все старовѣры и прикладываться къ требинику, хотя и знали, что онъ недавняго синодальнаго изданія. Нѣкоторыми уступками одинъ достигъ того, что въ десять лѣтъ исправилъ дѣло, испорченное его нетрезвыми и корыстолюбивыми предѣстниками: старовѣры стали снова прославными. Выборъ священниковъ, излюбленныхъ міромъ, является однимъ изъ вѣрныхъ и прямыхъ путей для выхода изъ запущенныхъ и запутанныхъ отношеній. Тогда не будетъ нужды прибѣгать къ составленію фальшивыхъ мірскихъ приговоровъ, какъ сдѣлалъ это, въ 1860 г. въ Тобольской губерніи, недостойный служитель алтаря, ссавившій съ мѣста того, которымъ все прихожане были довольны.

Г Л А В А IX.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ КАЗНЫ.

Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ.—Мѣста и способы приготовленія.—Деньги въ шубахъ.—Венгерцы.—Лабзинъ.—Знаменитый Цезикъ.—Его замѣчательное мастерство.—Политическія пѣли въ фабриканціи ассигнацій за Байкаломъ.—Фабрикация фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица.—Корчемники; корчемство виномъ и солью.—Контрабандисты.—Кража золота и серебра.—Кяхтинская, сибирская и русская контрабанда.

Покушенія на интересы казны (преступленія противъ имущества и доходовъ ея) выразились абсолютнымъ числомъ сосланныхъ въ Сибирь въ такихъ отношеніяхъ: самое большое количество жертвъ ушло за поддѣлку и переводъ ассигнацій и монеты, затѣмъ за корчемство виномъ и солью, потомъ за нарушеніе таможенныхъ постановленій (контрабанду) и, наконецъ, за похищеніе драгоценныхъ металловъ

на заводахъ и промыслахъ (за кражу золота). Похищеніе и истребленіе казенныхъ лѣсовъ появленіемъ своимъ отдѣльною рубрикою въ сибирскихъ табеляхъ опоздало, а кража казеннаго имущества (облагороженная прозваніемъ „присвоенія и утраты вѣреннаго по службѣ имущества“) отнесена, вмѣстѣ съ подлогами по службѣ (мздоимствомъ и лихоимствомъ), въ отдѣлъ преступленій должностныхъ лицъ по

службѣ государственной и общественной. Подчиняясь этому порядку, преслѣдуемъ задачу нашу прочесть списки ссыльныхъ преступниковъ до конца.

1. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ денегъ.

Прежде всего, не можемъ не выразить сожалѣнія о томъ, что сибирскія табели, путая производителей съ потребителями, слѣпого со зрячимъ, фабрикантовъ и заказчиковъ, передатчиковъ и обманутыхъ (всѣхъ четырехъ) въ одну кучу, лишаютъ насъ желаемой возможности отдѣлить тѣхъ, которые фабриковали бумажныя деньги, отъ мастеровъ, попавшихся на поддѣлкѣ монеты. На практикѣ, по обычаю и закону всякаго ремесла (требующаго и раздѣленія труда и служенія какой нибудь одной специальности), оба вида преступныхъ дѣяній выразились ясными признаками отдѣльнаго и самобытнаго проявленія. Съ перемѣною способа записей ссыльныхъ табели этой разницы не признавали, но, по нѣкоторымъ старымъ признакамъ (по таблицамъ за 9 лѣтъ съ 1838 по 1846 г.), можно видѣть и убѣждаться на цифрахъ, что монетчиковъ подалось больше, чѣмъ фабрикантовъ бумажныхъ денегъ (слишкомъ въ 4 раза), хотя настоящее время, по всему вѣроятію, переставляетъ картину въ обратномъ видѣ. Съ уменьшеніемъ количества ходячей монеты и съ перемѣною ея внутренняго достоинства, древнѣйшій способъ денежныхъ поддѣлокъ, требующій меньшихъ подготовительныхъ средствъ отъ безграмотнаго, но опытнаго техника, естественно долженъ былъ уступить новому способу поддѣлокъ, практикующему во время развитія техническихъ производствъ (въ особенности фотографій, литографій и т. п.). Хотя для монетчиковъ цѣлыя столѣтія опыта, а для фабрикантовъ только съ небольшимъ сто лѣтъ практики (со времени манифеста Екатерины II, вводившаго ассигнаціи съ цѣлью „подать способъ къ обращенію денегъ, отъ котораго много зависитъ благоденствіе народа и цвѣтущее состояніе торговли“), тѣмъ не менѣе, развитіе поддѣлки фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, въ настоящее время, одно изъ яркихъ и модныхъ явленій. Поддѣльватели ассигнацій, уступая монетчикамъ *) въ первую половину текущаго столѣтія, въ теченіи второй заняли, конечно, болѣе почетное и видное мѣсто по необычайному распространенію кредитныхъ бумагъ всякаго рода. Прошлое время даетъ настоящему слѣдующія указанія и предостереженія.

Поддѣлка фальшивыхъ денегъ нисколько не

останавливалась при измѣненіи формы денежныхъ знаковъ и поддѣльватели не затруднились ни въ 1817 году, когда ассигнаціи, дойдя до громадной цифры 836 миллионѣвъ, упали въ цѣнѣ (и приняты были мѣры къ изыятію ихъ изъ обращенія), ни въ 1843 г., когда онѣ замѣнены были кредитными билетами. Напротивъ, даже перемѣна ассигнаціоннаго курса (въ 1837 г.) на серебро усилила поддѣлку и увеличила число ссыльныхъ (въ 1841, 1842, 1844 и 1845 гг.). Въ наши дни не задумывались поддѣльватели надъ болѣе трудными сериями и въ поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ не совладали лишь съ радужными (высшаго достоинства) и рѣже снисходили до фабрикаціи бумажекъ желтаго цвѣта и самаго низшаго достоинства (рублевыхъ). Наибольшее количество ссыльныхъ по дѣламъ фальшивыхъ бумажекъ, въ извѣстные намъ годы, замѣчалось въ сѣверныхъ съ границею губерніяхъ, свидѣтельствуя сильнѣе о передатчикахъ, чѣмъ о фабрикантахъ, и издавна указывая на заграничныхъ дѣателей, подрывающихъ нашъ кредитъ съ помощью жадныхъ къ денежнымъ богатствамъ и необыкновенно ловкихъ и опытныхъ въ такого рода операціяхъ евреевъ *). Этимъ явленіемъ и выразилась первоначальная исторія нашихъ фальшивыхъ бумажекъ на то время, когда свои мастера практиковались еще на древнемъ способѣ чеканки фальшивой монеты и къ способамъ поддѣлки бумажныхъ денегъ только присматривались и приловчались.

Наибольшее число покушеній обогащаться фальшивою монетою внутри Россіи объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ городская жизнь служила пригрѣтъ тѣмъ техническимъ мастерства и ремесла, которыя облегчаютъ фабрикацію запрещенныхъ продуктовъ, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе развито заводское и фабричное дѣло. Процентныя сравненія въ ряду многочисленныхъ русскихъ сословій указывали на большую виновность въ этомъ преступленіи именно людей, приписанныхъ къ заводамъ или работавшимъ на фабрикахъ. Имъ уступало даже купечество, наиболѣе въ томъ виновное (по отношенію къ ссыльнымъ за уголовныя преступленія), и замѣчательно далеко остались назадъ крестьяне другихъ наименованій и духовенство (сословія, наименѣе виновныя въ этого рода поддѣлкахъ). Такимъ образомъ, губерніи: Пермская, Нижегородская, Оренбургская, Казанская, Владимирская и Московская обнаружили въ числѣ первыхъ, съ одной сто-

*) За поддѣлку и переводъ монеты сослано 368 чел. (350 мужч. и 18 ж.), а поддѣльвателей и переводчиковъ фальшивыхъ ассигнацій за то же время сослано только 86 (82 м. и 4 ж.).

*) Бывшая Бѣлоостокская область отличается самымъ высокимъ процентомъ изъ всѣхъ. При этомъ евреи, по процентнымъ отношеніямъ ко всѣмъ другимъ инородцамъ, занимаютъ самое первое мѣсто. Рискъ обогащаться фальшивыми деньгами въ этомъ народѣ уступаетъ только риску въ пополюзованіяхъ на контрабанду. Такъ увѣряютъ сибирскія цифры.

роны, по количеству умѣлыхъ рукъ, съ другой—по обилію слѣпыхъ глазъ въ русскихъ захолустяхъ смежныхъ губерній и въ средѣ инородческаго населенія, обильно населяющаго всѣ четыре первыя губерніи. Московской и Владимирской пришлось выдвинуться дальше другихъ внутреннихъ губерній по тому счастливому географическому положенію, которое поставило ихъ посреди двухъ самыхъ живыхъ торговыхъ центровъ и на пути къ нимъ, каковы Москва (круглый годъ) и Нижній-Новгородъ (на время двухмѣсячной ярмарки). Тутъ и тамъ, въ обоихъ пунктахъ, руководившихъ всѣмъ торговымъ движеніемъ цѣлой Россіи, при слабости нашего торговаго кредита (вызывающей сильнѣйшую потребность въ денежныхъ знакахъ), преступный промыселъ издавна устроился на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Оправдываясь помощью и содѣйствіемъ при тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ товарный обмѣнъ на нижегородской ярмаркѣ и на которыя часто слышатся тамъ жалобы, промыселъ фальшивыхъ денегъ имѣлъ наибольшій успѣхъ въ практическихъ приспособленіяхъ въ то время, когда одна крупная операція, вызывая одновременно вторую, продолжала дѣйствовать въ цѣломъ ряду другихъ, самыхъ крупныхъ и сильныхъ оборотовъ. Когда начинали чай и желѣзо и тотчасъ же шевелили мануфактурные товары, послѣдовательно вызывавшіе движеніе товарами москательными, фальшивыя деньги съ успѣхомъ втирались въ груды разнѣнныхъ знаковъ, которыя быстро переходили изъ однихъ хлопотливыхъ рукъ въ другія, снѣшившія не терять момента, не задерживать хода и успѣха операцій. Подъ видомъ „красноярокъ“ и „гуслицкихъ блиновъ“, фальшивыя бумажки появлялись на свѣтъ Божій, по окончаніи ярмарки, въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ Россіи и, въ шубахъ и безъ шубъ, т. е. въ бумажныхъ рамкахъ, свободно расходились въ болѣе темныхъ и глухихъ захолустяхъ. Тѣ же оптовые приемы торговли и отчасти тотъ же недостатокъ разнѣнныхъ знаковъ въ отдаленныхъ пунктахъ Россіи, при общей слѣпотѣ мѣновщиковъ собственныхъ сырыхъ продуктовъ, омолодившихъ руки и заглубившихъ нравы до противоборства грамотности, указали для фабрикаціи фальшивыхъ денегъ такія же видныя мѣста подлѣ Казанью, ведущую сильный оптовый торгъ съ Сибирью и Россією, и въ Пермской губерніи, ради Ирбита, ярмарка котораго уступала одной только Нижегородской. Помимо фальшивыхъ бумажекъ, здѣсь въ сильнѣйшей степени укрѣплялась поддѣлка монеты, въ расчетѣ на близость и сосѣдство самыхъ темныхъ людей изъ инородческихъ племенъ, которые въ одно время любятъ задерживать обращеніе монеты: и черезъ приспособленіе ее къ украшеніямъ своихъ нарядовъ и черезъ сохраненіе ее въ землѣ за-

рытою въ кубышкахъ и горшкахъ, какъ древнѣйшій, доисторическій способъ сбереженія капиталовъ.

Насколько силенъ вызовъ фальшивой монеты, обезпеченный и руководимый обычаями и невѣжествомъ инородцевъ, служили доказательствомъ наши тюрьмы—учрежденія наиболѣе неблагоприятныя (по видимому) существованію въ стѣнахъ ихъ фабрикъ подобнаго опаснаго товара. Въ ближайшихъ къ Сибири и въ сибирскихъ тюрьмахъ не было почти ни одной, тщательныя розысканія въ которой не навели бы на слѣды этого преступнаго промысла. Промыселъ фальшивой монетою въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ (напримѣръ, тобольской) и въ нѣкоторыхъ заводахъ каторжныхъ (напримѣръ Успенскій заводъ Тобольской губерніи) издавна считался привилегированнымъ *). По временамъ ослабѣвалъ онъ, по временамъ возрасталъ, въ силу большей или меньшей бдительности и преслѣдованій, но, вообще, подчинялся тѣмъ же законамъ, по которымъ, напримѣръ, въ Россіи Воронежская губернія, въ ряду русскихъ, заняла первое мѣсто безъ всякихъ разумныхъ образцовъ объяснимыхъ основаній. Оставаясь подъ прикрытіемъ тайны въ обычное время, промыселъ выбивался наружу при усиленномъ надзорѣ, начинавшемъ устремляться въ одну и ту же точку, но продолжалъ оставлять въ постоянной виновности всѣ русскія губерніи (съ меньшею виновностью для бѣлорусскихъ и сѣверныхъ и съ большею—на правахъ передатчицъ и проводницъ поддѣлокъ—для приволжскихъ и новороссійскихъ; а изъ малороссійскихъ для тѣхъ, гдѣ существуютъ огромныя ярмарки: для Курской, Полтавской и Харьковской).

Насколько распространенъ этотъ промыселъ и широко его примѣненіе въ Россіи, доказываютъ тѣ же тюрьмы, изъ каковыхъ, по дѣлу о разбойникѣ Выковѣ, оказалась виновною даже такая немногочисленная, какъ ланшевская (Казанской губерніи), а равно и гласъ народный, сознательно указывающій на многія села и деревни, занятыя приготовленіемъ монетъ и бумажекъ, на многіе города и въ нихъ на купеческіе дома, застроенные каменными домами улицы и украсившіе ихъ богатыми церквами, съ цѣлью прикрыть и замолотить грѣхъ, пособившій первоначальному обогащенію. Въ особенности часты, сильны и убѣдительны подобныя указанія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе скопились въ согласное цѣлое упомянутыя нами причины, каковы, между прочимъ, губерніи Ка-

*) Отсюда Тобольской губ., по сравненіи съ русскими, принадлежитъ самое видное и почетное мѣсто: въ 9 лѣтъ въ ней накопилось пойманныхъ монетчиковъ 20 (тогда какъ изъ русскихъ, въ тѣ же годы: въ Саратов. 15, въ Симб. 12, въ Перм. 4 и проч.) и дѣлателей ассигнацій 26 (въ Пермск. 6, въ Херс., Волын., Сиб. по 4 и проч.).

занская, Пермская и Тобольская *). Сибирь является страной, наиболее страдающею от разнаго рода поддѣлокъ. Въ ней долгое время, во всей неприкосновенной цѣлости, сохранялся первобытный способъ обмѣна товара на товаръ: пушного звѣря на порохъ, свинець, муку и соль, а въ разнѣжную единицу, на одинаковыхъ правахъ съ серебромъ, золотомъ, мѣдью и бумажными деньгами, допущены даба (особая бумажная матерія кинешемскаго дѣла), кирпичный чай (разбиваемый на куски до цѣнности 5 и 3 копейки) и клубныя марки (въ губернскихъ городахъ до Перми включительно). Въ то же время фальшивая монета и ассигнаціи разгуливали тѣмъ свободнѣе, тѣмъ больше высылалось изъ Россіи мастеровъ, тѣмъ сильнѣе приучали тамошнихъ аборигеновъ къ звѣрѣ въ кредитные билеты и металлические знаки и тѣмъ чаще являлись затрудненія въ мелкихъ разнѣжныхъ единицахъ. Последнее обстоятельство особенно замѣчательно; участие ссыльныхъ въ денежныхъ поддѣлкахъ несомнѣнно и мѣста временныхъ и постоянныхъ заключеній безразлично служили мѣстами фабрикацій. Разница заключалась въ томъ, что на востокъ Сибири промышленность эта слабѣе, а на западѣ она является во всеоружіи давняго опыта и искусства. За Байкаломъ (около 1848 года), венгерцы и другіе иностранцы, занимавшіеся мелочною разносною торговлею и вздѣвшіе большими партіями съ заграничными товарами безъ таможенныхъ клеймъ, но съ поддѣльными пломбами и штемпелями, уличены были въ томъ, что приобрѣтали преимущественно серебро и серебряную монету и пускали въ обращеніе фальшивыя ассигнаціи. Тамъ же считали различные сорта поддѣльныхъ ассигнацій домашняго дѣла: насчитали 25 видовъ и съ отчаянія прекратили счетъ, оставивъ заведенную книгу для любопытныхъ въ архивѣ. Поддѣлывали татары, поддѣлывали и евреи, но особеннымъ искусствомъ передъ всѣми отличались — по наблюденіямъ начальствъ — тѣ изъ русскихъ, которые были присланы сюда изъ Пермской губерніи за то же самое искусство. Нѣкто Соколовъ дѣлалъ изъ контрабанднаго золота, украденнаго на казенныхъ промыслахъ, такіе червонцы, которые, при осмотрѣ въ Петербургѣ на монетномъ дворѣ, оказались преступными лишь въ томъ, что сдѣланы были изъ чистаго золота (серебристаго золота) безъ лигатуры; „двѣтомъ пожелтѣе, въ окружности больше настоящихъ, буквы поовальнѣе и не такъ явственны, зубчики крайняго ободка потонше и вмѣсто звѣздочекъ точки“. Подъ Иркутскомъ нашли фальшивыхъ монетчи-

*) Следственныя дѣла указывали на чаще въ Пермской губ. на заводъ Богословскій и въ Вятской на Камско-Воткинскій. Народныя преданія, преимущественно, сосредоточиваютъ свои указанія на городахъ, лежащихъ на перевалахъ Сибири и Россіи.

ковъ на одномъ изъ острововъ Ангары (наз. островомъ Любви), а затѣмъ наталкивались во всѣхъ тюрьмахъ непрерывно. Въ Западной Сибири промыселъ этотъ разсчитывалъ на омскую линію, черезъ которую продукты выдѣла свободно уходили съ караванами въ Бухару, Хиву и Ташкентъ: и золотые, пробой выше казенныхъ, и оловянные цѣлковые, пригодные на киргизскую руку. Ходить преданіе, что съ того времени, какъ прошелъ слухъ о предписаніи омскому казначейству разнѣживать фальшивую монету на ходячую, приготовленіе оловянныхъ цѣлковыхъ въ тобольскомъ острогѣ и бумажныхъ денегъ въ Успенскомъ заводѣ производилось въ огромныхъ размѣрахъ. Подъ Тюменью называютъ цѣлыя деревни, указываютъ на заимки, на многіе купеческіе дома, разбогатѣвшіе отъ этого промысла. Нѣкоторые мастера, какъ ссыльно-каторжный Игнатій Поповъ (онъ же Голодаевъ) въ Троицкомъ заводѣ, бѣгло-каторжный Кореневъ въ тобольскомъ острогѣ и Игнатій Цезикъ вездѣ, куда ни приводила его судьба, приобрѣли повсюдную извѣстность, перешедшую въ потомство. Для нихъ солдаты-сторожа и бабы-торговки являлись на помощь, какъ передатчики; кабаки были мѣстами хранилищъ и казначейскими, а базары — разнѣжными кассами. Тобольскій острогъ практиковался въ этомъ занятіи до того, что лѣтъ 60 назадъ пользовался далекою извѣстностью, потомъ началъ ослабѣвать, но въ пятидесятыхъ годахъ обнаруживалъ ежегодно, среднимъ числомъ, не менѣе трехъ слѣдовъ монетной и ассигнаціонной фабрикаціи. Тобольская губернія одна давала ровно $\frac{1}{3}$ часть всего количества преступниковъ, сужденныхъ за поддѣлку ассигнацій, и почти $\frac{1}{16}$ часть изъ всего числа людей, ушедшихъ въ Сибирь за поддѣлку и переводъ монеты. Кромѣ надежды поправить свое отчаянное состояніе при помощи спекуляціи на темныхъ людей, кромѣ рокового влеченія забаловавшихся рукъ въ Россіи, не сдерживаемыхъ, но поощряемыхъ каторгою и поселеніемъ, стремленіе къ поддѣлкамъ ассигнацій прикрывалось и политическою цѣлью, но тутъ оно не имѣло особеннаго успѣха. Фальшивыхъ бумажекъ, говорятъ, ссыльные поляки выпустили въ народное обращеніе очень небольшое число. Ссыльные за поддѣлку ассигнацій и монеты и въ ссылкѣ оказались неисправными: восемь чело-вѣкъ, учениковъ тверскаго купца Лабзина, и въ верчанскихъ заводахъ объявились такими же ловкими и искусными монетчиками, когда привелось отвѣчать отсюда на запросъ изъ Россіи по новой подсудности Лабзина. Не оставалъ отъ нихъ и Францъ Карговскій, торговавшій на каторгѣ виномъ, спиртомъ и водкою, „подъ названіемъ вѣтенберской“, и скупавшій у крестьянъ свиней, тетеревей и рабчиковъ, не смотря на то, что нигде и ни подѣ

какимъ видоу изъ нерчинскаго завода его не отпускали и не позволяли ѣздить по-аргунскимъ деревнямъ съ лекарственнымъ ящикомъ. Игнатій Цезикъ, въ особенности, оставался цѣлнымъ и неисправимымъ, подчинившись влеченію несокрушимаго жизненнаго духа.

Цезикъ выучился изъ Вильнѣ - рисованію и глиннымъ работамъ и долго прожилъ тамъ, показавъ большую страсть и способность. Изъ Вильны онъ перебрался на родину, въ окрестности Слупка, и въ родной деревнѣ, вѣстѣ съ братомъ (оставленнымъ военнымъ), занялся хозяйствомъ. Мастерство совершенно бросилъ. Ничто имъ до поры до времени не благоприятствовало, но подвернулся случай: Игнатій поступилъ въ число членовъ какого-то масонскаго общества и, въ увлеченіи его задачами, остановился на мысли приспособить свои знанія и полузабытое искусство къ приготовленію фальшивыхъ денегъ. Кромѣ личныхъ интересовъ поправить свое разстроенное состояніе, онъ руководился и тою задачею, чтобы ослабить кредитъ правительства, и открылъ фабрику фальшивыхъ бумажекъ. Братъ его, Феликсъ, фабрикованную бумагу проводилъ въ обращеніе и, вѣстѣ съ Игнатіемъ, рассчитывалъ оказывать услугу волиности и свободѣ народа. Искусство Игнатія до нѣкотораго времени обеспечивало успѣхъ, но повадился кувшинъ по воду ходить, преступленіе было открыто и оба брата посажены въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ, во время процесса, ни Игнатій, ни Феликсъ не теряли времени даромъ. По обычаю многихъ заключенниковъ, и они принялись лѣпить фигурки изъ тѣста и хлѣба, но съ тою разницею, что на издѣліяхъ Цезика лежала уже печать даровитости и работы его тотчасъ же обратили на себя вниманіе надзирателей и приставниковъ. Ему облегчили оковы, доставляли глину и по Вобруйску стали расходиться изящные глиняные сосуды, отличавшіеся отъ общихъ арестантскихъ пѣтушковъ и корбочекъ, крестовъ и голубковъ изъ лучины, красотою и изяществомъ отдѣлки. Цезикъ и самъ удивленъ былъ не меньше другихъ.

Вобруйское заточеніе кончилось для Цезиковъ тѣмъ, что имѣніе ихъ было конфисковано, сами они лишены дворянства и приговорены въ Сибирь на каторгу. Въ Тобольскѣ братьевъ разлучили: мѣнѣ искусный Феликсъ ушелъ по назначенію, талантъ Игнатія обратилъ вниманіе начальства и онъ оставленъ былъ въ самомъ Тобольскѣ въ тюрьмѣ. Здѣсь слава его выросла уже настолько, что глныя работы его оплачивались хорошими деньгами и отправлялись въ Москву и Петербургъ для подарковъ и на удивленіе. „Подѣлки, выходившія изъ его рукъ (говорить одинъ изъ знавшихъ его уже восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, не встававшимъ съ постели), красотою фигуръ равнялись гречес-

кимъ антикамъ; орнаменты кружекъ, кубковъ и вазъ полны были прелести и готической фантазіи; картины же изъ глины были артистическими созданіями ваятеля. Если бы Цезикъ не бросалъ послѣ Вильны полезнаго ремесла, если бы совершенствовался и учился дальше и больше, въ немъ получили бы необыкновеннаго скульптора“. Судьба распорядилась иначе. Нуждами неволи натолкнутый на трудъ, онъ потому прибѣгалъ къ нему ради хлѣба. Личныя лишенія вынуждали у него ремесленную торопливость, работу на спѣхъ и на сроки, а потому не всѣ издѣлія имѣютъ артистическую цѣнность. Въ старости работы его были даже неудачны. Сдѣлавъ модель, онъ оттискивалъ въ ней кусокъ обыкновенной глины и, пока она сохла, выглаживалъ, выравнивалъ, обряжалъ и украшалъ свои издѣлія. Неблагодарный матеріалъ не позволялъ ему придавать работамъ своимъ надлежащую оконченность: ломкая, хрупкая глина и трескалась, и коробилась, и, во всякомъ случаѣ, отнимала красоту первоначальнаго рисунка, который потомъ уже нельзя было исправить. Въ Сибири мудрено было Цезику искуситься на болѣе твердою и лучшемъ матеріалѣ: мраморныя издѣлія, по высокой цѣнѣ своей, не имѣли бы тамъ сбыта, да притомъ онъ долженъ былъ думать о самоскорѣйшемъ сбытѣ товара. „По матеріалу, которымъ пользовался онъ, мы назовемъ его гончаромъ, но гончаромъ-артистомъ настолько же, насколько Венвенуто Челлини былъ золотыхъ дѣлъ артистомъ“.

Въ Тобольскѣ Цезику жилось хорошо. Начальство покровительствовало, заказы непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ съ перебоемъ. У него былъ уже домикъ и садъ, наполненный цвѣтами; въ домѣ жена-сибирячка, любившая его всѣмъ сердцемъ и помогавшая ему въ работахъ, и двое сыновей на усладу грядущей старости. Завелись пріятель, имѣлись и добροжелатели, изъ которыхъ одинъ (Петръ Мошинскій) назначилъ ему даже пенсію, ежегодную и пожизненную, въ 800 рублей. Казалось, благопріятно соединились всѣ данныя для того, чтобы на томъ ему и покончить жизнь въ изгнаніи, но ловкая рука измѣнила и съ глины перешла на бумагу, стали выходить рисунки немудреныхъ старыхъ ассигнацій. Одну полицейскій не затруднился принять и спрятать, какъ вѣтку; поощренный успѣхомъ, Цезикъ приладилъ цѣлую фабрику, былъ уличенъ, опять посаженъ въ тюрьму, снова сужденъ и наказанъ ссылкой въ нерчинскіе заводы въ Акатуйскій рудникъ. Брата тамъ онъ не нашелъ (умеръ въ Олочахъ на Аргунн), стараго ремесла не покинулъ, но и здѣсь дѣлалъ фальшивыя бумажки, за что сажали его на цѣпь и приковывали къ тачкѣ. Онъ выдѣлывалъ свою фигуру въ этомъ видѣ—и на томъ успокоился. Удвоенный отъ работъ

черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ поселился подѣ Верхнеудинскомъ, а въ 1857 году переехалъ въ Иркутскъ (сосланъ былъ въ 1828 году).

Здѣсь узнали Цезика старикомъ, съ морщинистымъ и блѣднымъ лицомъ, которое нѣкогда было красиво, теперь стало серьезнымъ и украшалось сѣдыми волосами и бородою. Печальная и тревожная жизнь отразилась на немъ во всей силѣ цѣлости. Работалъ онъ тутъ только для поддержанія себя и семейства. Жена и сыны ему помогали, выполняя по старымъ моделямъ, но эти работы не имѣли уже души и не красовались прелестями артистической отдѣлки; хотя и носить онѣ имя Цезика, но не могутъ почитаться за дѣла рукъ его. За Байкаломъ онъ породилъ подражателей, но эти ремесленники, хотя и съ успѣхомъ спекулировали на его имя, только неизмѣнно далеко остались назадъ. Даже неопытный глазъ въ состояніи отличить его подѣлки отъ поддѣлокъ. Изъ нихъ замѣчательны слѣдующія.

Акатуйскій рудникъ (плоская рѣзба): въ долину знаменитая тюрьма, въ отдаленіи—горное селеніе, пристроившееся къ руднику, на горизонтѣ опускающееся за гору солнце, на небѣ нѣсколько облачковъ. На переднемъ планѣ видна штольня и около нее нѣсколько ссыльных съ тачками, везущихъ серебряную руду; впереди, на самомъ первомъ планѣ, онъ, Цезикъ, прикованный по рукамъ и по ногамъ къ тачкѣ, наполненной рудою. Одежда на немъ изорванная и заплатанная. Видны голое плечо, протертое колѣно, сквоззятъ помочи, поддерживающія кандалы. Узникъ отдыхаетъ, подхватившись локтемъ и опершись на правое колѣно; у лѣваго боку легла рука съ молоткомъ; на лицѣ грустная, тяжелая задумчивость и спокойствіе отдыха (статуэтка имѣется на столѣ у пишущаго эти строки).

Лучше закончены нѣкоторые образа (какъ, напр., св. Варвары), Аристотель съ книгою, стоящій подѣ деревомъ (статуэтка), и Христосъ, благословляющій дѣтей (плоская рѣзба). А вотъ и онъ самъ въ заточеніи: голова, богатая по мысли, оперлась на руку и обращена къ распятію, стоящему на столѣ. Подѣ столикомъ играютъ мыши, и, увлеченныя тишиною, приблизились къ ногамъ сидящаго. И опять онъ (плоская рѣзба), съ выжидающимъ взглядомъ, смотритъ сквозь рѣшетку окна, къ которому приближается женщина съ двумя дѣтьми на рукахъ—несчастная жена счастливаго на этотъ моментъ мужа. И снова онъ (плоская рѣзба) незримымъ въ опустѣломъ жилищѣ его семейства: изба, на потолокъ которой прикрѣпленъ однимъ концомъ шестъ съ корзинкою на другомъ концѣ, замѣняющей зыбку; на постелѣ подѣ сидитъ его жена и кормитъ грудью ребенка; у стѣны кудель съ прялкою, горшки и другая мелочь, отдѣланная съ фламандскимъ терпѣніемъ и чистотою.

Сохранилась плоская рѣзба, изображающая мыльные пузыри, которые пускаетъ мнѣологическій гений, а сонмъ извѣстныхъ въ исторіи великихъ людей ихъ ловить. Степенный и надѣ всѣмъ господствующій Часъ злобно усмѣхается подѣ нагнетѣмъ думы о томъ, что вотъ и слава такова же, какъ эти мыльные пузыри. Вторая: птица пеликанъ, какъ символъ материнской любви, кормящій дѣтей кровью, добытою изъ собственного сердца. Третья (плоская же рѣзба), въ силу впечатлѣній тюремной неволи и подѣ влияніемъ классическаго воспитанія, полученнаго имъ въ Вильнѣ: римлянка, дочь сенатора, обреченная на голодную смерть въ темницѣ, кормитъ отца собственною грудью. Четвертая: карриатура пьяницы веркомъ на скотинѣ. Дѣлалъ онъ и портреты изъ глины: Мошинскаго благодѣтеля, ссыльнаго въ Тобольскѣ, и Муравьева-Амурскаго, и статуи того же Мошинскаго, Будды и другихъ божковъ (для продажи буратамъ). Самое большое количество работъ выпущено имъ на продажу въ видѣ бездѣлушекъ для украшенія будуарныхъ этажерокъ (трубки курительныя съ мельчайшими ландшафтами или въ видѣ мертвыхъ головокъ, распустившихся цвѣтковъ, фигуры греческой мнѣологіи, сахарницы изъ коричневой глины, усаженные мелкими мушками, вазы, обилѣенныя разнообразными листьями), на иной ползетъ ракъ, по другой разлетѣлись птички, расцвѣтъ цвѣтковъ и на немъ усѣлась отягощенная медомъ пчела. Изъ этого сорта особенно замѣчательны двѣ: сигарочница (смыслный, прикованный къ тачкѣ, отдыхаетъ подѣ душистымъ деревомъ; тачка для спячекъ, дуло для сигаръ) и охотничья кружка. Последняя сдѣлана изъ черной глины и украшена принадлежностями охоты, гдѣ полублѣскъ, гдѣ полумракъ, гдѣ наведенъ цѣлый матчъ: заяцъ, кабанъ, болотная птица и собака сдѣланы какъ бы тончайшимъ рѣзцомъ. Многіе сибиряки увѣряютъ, что нѣкоторыя работы, какъ, напримѣръ, мелкіе ландшафты на курительныхъ трубкахъ, дѣлывалъ онъ въ одиночномъ тюремномъ заключеніи, куда не даютъ ничего остраго, дѣлывалъ тѣмъ же шопало: рыбьею косточкою, осколкомъ тарелки, стакана, оконнаго стекла, но всегда съ одинаковою ловкостью и неизмѣннымъ искусствомъ.

Вотъ на какого человѣка пала зараза обогащенія посредствомъ фальшивыхъ денегъ въ Россіи и Сибири! Если въ Россіи удается отливать монеты такимъ мастерамъ, какъ московскіе пастухи, то понятно, что въ Сибири, въ мѣстѣ сбора неосторожныхъ, но опытныхъ мастеровъ и художниковъ, дѣло поддѣлки денежныхъ знаковъ идетъ съ большимъ успѣхомъ и совершенствомъ, тѣмъ въ Россіи. Соперничаетъ съ этимъ ремесломъ тутъ и тамъ одна только преступность поддѣлки фальшивыхъ документовъ.

2. Фабриканты фальшивых документовъ.

Въ Сибири эти поплзновѣнія исходятъ изъ необходимости обставить бродяжество болѣе законными атрибутами и преступленіе практикуется сыльными въ равной степени съ тѣми, которые сочувствуютъ имъ бездолю и горю или подкуплены ими. Виновы больше всѣхъ сыльные (грамотные и письменные люди), но помогаютъ имъ и вольные люди: государственные крестьяне и исключенные изъ службы чиновники. Нельзя удивляться тому, что и на этотъ разъ нѣтъ той тюрьмы въ Сибири, которая, при обыскахъ, не сказала бы виновницею и не указала бы на ясные и неопровержимые слѣды этого рода преступленій. Можно удивляться развѣ тѣмъ требованіямъ и заявленіямъ заключенныхъ арестантовъ, которые обнаруживаются на слѣдахъ находокъ. Не только въ тюменской тюрьмѣ, но и въ далекихъ тюрьмахъ нерчинскихъ, на стертыхъ пятакахъ и десятикопеечникахъ попадаются самыя разнообразныя указанія на волостныя правленія, городскія думы, полицейскія управленія иногда до того отдаленныя, что на курьерскихъ тройкахъ раньше двухъ мѣсяцевъ до нихъ не доѣдешь. Останавливаешься передъ запутанностью комбинацій, недоумѣваешь передъ нахѣреніями и планами заказчиковъ или самихъ мастеровъ и авторовъ, какъ бы передъ задачами многосложнаго и многотомнаго романа, но съ тою разницею, что на этотъ разъ романъ—не вымыселъ, а сама дѣйствительность. Въ тобольскомъ острогѣ оставилъ по себѣ живую память одинъ изъ такихъ мастеровъ—нѣкто Петръ Вѣтвеницкій (чиновникъ). При обыскѣ камеры въ январѣ 1851 г. нашли въ щеляхъ и углахъ и отобрали у него орудія мастерства и самыя продукты издѣлій. Въ мартѣ опять подобная же находка въ кошелькѣ, вмѣстѣ съ деньгами; въ апрѣлѣ перевели его въ новый номеръ, но и въ этомъ тѣ же находки въ тузѣхъ; въ ноябрѣ уже въ войлочныхъ пимахъ, обшитыхъ холстомъ, въ голенищѣ между холстомъ и войлокомъ. По мѣрѣ того, какъ изловчился мастеръ на изобрѣтеніе болѣе скрытныхъ и потайныхъ хоронущекъ, самое ремесло оставалось въ той же специальности. Орудія пребывали неизмѣнными, мѣнялись лишь заказы и разнообразились задачи: циркуль, деревенный съ желѣзными проволочными шпильками, долотца изъ иголокъ, маленькіе ножики изъ стараго желѣза, роговая кость, куски желѣзной проволоки и пемзы, шпильца изъ иголокъ въ деревянныхъ черешкахъ, истертые съ одной или двухъ сторонъ пятаки и гроши. Въ первый разъ найдены готовыя печати на мѣдномъ пятакѣ: съ одной стороны тобольскаго губернскаго правленія, съ другой—петрозаводскаго

земскаго суда; во второй: бумажная печать, срѣзанная съ конверта и истинная и опять пятакъ съ поддѣльными: на одной—алатырскаго духовнаго правленія, съ другой—сибирской духовной консисторіи; при третьемъ обыскѣ: печать Ишимскаго округа гагарьевскаго волостного правленія, и при четвертомъ—готовая печать на пятакѣ: съ одной стороны саратовской градской думы, а съ другой—градской же думы, но уже симбирской. Въ предыдущемъ году и въ томъ же острогѣ таковыхъ печатей наложено восемь съ не менѣе замысловатыми указаніями (между прочими на одномъ мѣдномъ кружкѣ и на красноярскую и на черныярскую градскія думы). Подозрѣвались и прикованные къ стѣнѣ и ходившіе по волѣ. Издѣлія находили и въ подушкахъ, и закладенными подъ поломъ, и въ стѣнѣ, гдѣ нибудь за печью. Вездѣ было мѣсто и по всѣмъ тюрьмамъ широкое приспособленіе этого рода поддѣлкамъ, предшествующимъ побѣгамъ и вызываемымъ бродяжествомъ.

Въ Россіи наибольшее число такого рода фабрикантовъ объявилось въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сильнѣе развито бродяжество (въ Новороссійскомъ краѣ) и гдѣ этотъ промыселъ столько же древенъ, какъ сама паспортная система (губернія Саратовская съ землею войска Донскаго и сосѣдними приволжскими, Симбирскою и Астраханскою). Въ поддѣлывателяхъ первое мѣсто въ ряду сословій принадлежитъ дворянству (по процентному отношенію); затѣмъ второе солдатамъ, а дальше: дворовымъ, мѣщанамъ, духовнымъ; между сыльными: бродягамъ (въ 9 лѣтъ 345 муж., 134 жен.), поселенцамъ (31 чел.) и каторжнымъ (11 чел.). Между сыльными, виновными противъ интересовъ казны, уличенные въ поддѣлкѣ фальшивыхъ документовъ, составляютъ въ общемъ числѣ цѣлую половину.

Народная молва и слѣдственные показанія пойманныхъ съ фальшивыми видами умѣютъ указывать, и въ Сибири и въ Россіи, не только на отдѣльныя лица и семейства, но на цѣлые города и селенія, гдѣ приготовленіе поддѣльныхъ актовъ (и преимущественно паспортовъ) составляетъ спеціальнѣй, привилегированный промыселъ. Для нѣкоторыхъ городовъ (вродѣ Казани, Нахичевани и Ростова-на-Дону, Кунгура и Тюмени въ Сибири) и для многихъ селеній (вродѣ семейскихъ за Байкаломъ и села Алексѣевского въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи) воровской промыселъ, сосредоточенный на ущербахъ казны, покрытъ сѣдинами древности. Поддѣлки другого вида документовъ и актовъ, входя въ исключительное занятіе служилаго дворянства, сосредоточиваются, естественнымъ образомъ, въ городахъ и усиливаются количествомъ сообразно съ числомъ тѣхъ лицъ, которые имѣютъ власть и

силу и влаждѣютъ искусствомъ и знаніемъ. Сибирскія табели, дѣлая крупныя намеки и рѣзкія указанія на Москву и Петербургъ, для сравнительной преступности городовъ не давали никакихъ данныхъ. Вообще, по дѣламъ этого сословія табели оказались въ крайней несостоятельности. Такъ, напр., табели сводили вмѣстѣ цифры сосланныхъ за „мздоимство и лихоимство“, обѣщающія обиліе жертвъ этого первороднаго грѣха и подъ двумя наименованіями скрывающаго одинъ и тотъ же видъ крайне застарѣлой и сильно распространенной болѣзни—и оставались при полнѣйшей несостоятельности суда и приговора. Считаемо излишнимъ входить въ разбирательство причинъ, ослабляющихъ цифру больныхъ, превратившихъ хроническую болѣзнь въ поразительное ничтожество. Возвращаемся снова къ тѣмъ, которые говорятъ о себѣ съ большею откровенностью, но лишены возможности быть судьями самихъ себя и находить защиту въ адвокатахъ изъ своего же рода и той же кости (не бѣлой, а черной). Вотъ снова два вида крестьянскихъ преступленій, изъ которыхъ одно отжило свой вѣкъ и почти исчезло. Это корчемство виномъ и корчемство солью.

3. Корчемники и контрабандисты.

Искусственно созданный властелинъ, заручавшійся быстро нарастающими денежными богатствами, убитый наповалъ нынѣшнею системою питейнаго сбора, питейный откупъ, нѣкогда державшій въ своихъ рукахъ почти всю Россію, въ Сибири съумѣлъ выразить свое могущество тѣми жертвами, которыхъ онъ услалъ за преступленіе, называемое корчемствомъ вина. Преступленіе, искусственно вызванное и прожившее свой долгій вѣкъ, опираясь на всемогущую силу денегъ и подкупа, имѣло для народа то значеніе, что, уловляло падкое на соблазнъ човѣчество именно тамъ, гдѣ прилажены были ловецкія сѣти и обильно разсыпаны соблазнительныя приманки. Мѣстами этими полагались тѣ пункты, на которыхъ встрѣчалась задержанная и некрѣпкая водка съ настоящимъ и добротнымъ продуктомъ вольнаго промысла, съ такъ называемою „вольною“. Мѣста эти были, по преимуществу, мѣстами ловли для корыстнаго промысла, не желавшаго ходить прямыми путями и искавшаго себѣ оправданія въ карательной силѣ временныхъ постановленій. Задавалась откупъ охота и ловля съ наименьшимъ успѣхомъ въ средѣ народа, слышавшаго о вольной продажѣ и добротной водкѣ только по рассказамъ проѣзжихъ купцовъ съ украинскихъ армарокъ и прохожихъ солдатъ, возвращавшихся отъ холодовъ или изъ польской стороны на родину. Въ мѣстахъ, ближайшихъ и смежныхъ съ Україною и Вѣлоруссіею, сила соблазна разрѣшилась

тяжестью ссылки для тѣхъ, которымъ судьба довела поселиться вблизи самыхъ границъ, на пунктахъ встрѣчи обоихъ враждебныхъ лагерей. Какъ очистительныя жертвы за „вольную“ и напрасныя за откупъ, ушли въ Сибирь преимущественно крестьяне и въ наибольшемъ числѣ изъ губерній, прилегающихъ къ тѣмъ, гдѣ узаконена была вольная продажа вина. Въ 20 лѣтъ 366 чел. изъ Смоленской (съ границъ Могилевской и Черниговской), 364 изъ Курской, 181 изъ Псковской, 153 изъ Орловской, 54 изъ Харьковской, 44 изъ С.-Петербургской и 23 изъ Воронежской явно и сильно высказались протестомъ противъ тяжелаго и неодолимаго запрета. 1.227 муж. и 20 жен. ушли въ Сибирь избранными изъ неосторожныхъ и неумѣлыхъ, оставивъ позади себя массы ловко спрятавшихся или откупившихся высокою цѣною домашнихъ сдѣлокъ. Обрадованный и польщенный силою предоставленной власти, откупъ, на первыхъ же порахъ, успѣшилъ воспользоваться ею со всею неводержностью баловня, съ расчетомъ на острастку и съ безразсчетными порывами на собственное безславіе въ потомствѣ. Съ 1832 года въ немъ обнаружались невоздержныя поползновенія на кару нерадѣвшихъ его интересамъ и, въ первые годы, по его ходатайству и указаніямъ выслано было въ Сибирь 805 човѣкъ (мужчинъ и женщинъ). Когда время охолодило первый пылъ и жаръ опьянѣлаго наѣздника, число подмятыхъ имъ подъ ноги и раздавленныхъ уменьшилось (съ 1840 года) почти на половину (въ семь слѣдующихъ лѣтъ сослано было 442 човѣка).

Таковы орнаменты (въ числѣ другихъ весьма многихъ), которые Сибирь посылаетъ отъ своего избытка на украшеніе памятника умершаго врага народной жизни, одного изъ сильныхъ противниковъ благосостоянія рабочихъ классовъ, для которыхъ гроза ссылки за корчемство прошла теперь мимо. Въ наши дни она виситъ только надъ тѣми изъ представителей русскихъ сословій, которые развели пары и пустили воду подъ винокуренные заводы, но, говорятъ, эта туча тихо разрядилась и до сихъ поръ не дала громовыхъ оглушающихъ раскатовъ. Въ Сибири, въ старыя времена, корчемство виномъ (само-садка) представлялось явленіемъ повсюду распространеннымъ. Причина его лежала въ слѣдствіи изобилія хлѣба (25 коп. асс. за пудъ), какъ по Иртышу въ Западной Сибири, такъ и въ Минусинскомъ округѣ Восточной Сибири. Тутъ и тамъ выкуренное дома вино становилось въ 15 разъ дешевле кабацкаго. Противъ само-садовниковъ устраивалось вѣчное осадное положеніе и, временами, при поимкахъ затѣвались кровопролитныя баталіи. Нерѣдко сыщики откупщика злонамѣренно подбрасывали крестьянамъ тугезы (бураки) и кубы и при помощи засѣдатель срывали взятки съ невинныхъ или за-

тагивали дѣло. Въ Минусѣ ревизовавшій свою губернію ген.-губер. Вроневскій наткнулся, между прочимъ, на такое дѣло, которое было озаглавлено такъ: „Дѣло о найденномъ у крестьянина тузѣ съ запахомъ яко бы корчемнаго вина“.

Второй видъ корчемства, котораго казна не сдавала на откупъ въ частныя руки алчныхъ промышленниковъ и не организовала въ откупную коммисіонерскую систему, было корчемство солью. Оно выразилось въ Сибири замѣчательно слабымъ проявленіемъ своего существованія. Неправильная, воровская торговля тѣмъ продуктомъ, на который крестьянинъ всегда обязанъ былъ приготовить наличныя деньги и который составляетъ для него самое большое сокращеніе и предметъ первѣйшей необходимости, къ счастью, не преслѣдовалась съ азартомъ, ослобленіемъ и постоянствомъ. Сибирская цифра, ничего не доказывая, въ то же время вовсе не свидѣтельствовала о томъ, что тайный промыселъ былъ слабъ, что казенная соль, которая для однихъ мать (напр., для казаковъ уральскихъ), для другихъ мачиха (каковы всѣ остальные ея потребители)—не представляетъ продукта, способнаго окрылить сѣмьчача и загнать его взять, сколько можно, на потребу, какъ продуктъ торговли и промысла. Въ числѣ другихъ русскихъ мѣстностей та же Сибирь представляла примѣры удачной практики, съ тѣмъ различіемъ, что корчемная (коряковская или, по туземному, ямышевская) соль въ Западной Сибири отличается отъ таковой же казенной торопливкою отдѣлкою: она грязна на видъ, горьковата на вкусъ, неустойна въ разсолѣ. Но и при этихъ недостаткахъ соль употребляется въ употребленіи по вызову безчисленныхъ потребностей въ грибной, рыбной и богатой мясомъ Сибири и подтверждаетъ положеніе Либиха, что расходъ соли показываетъ степень благосостоянія народа и развитія его сельскаго хозяйства. Пониженіе цѣны на казенную соль обезсильило корчемство, которое и исчезло теперь въ силу новаго закона о соляной торговлѣ. Тѣмъ же опасностямъ и тамъ же подвергалось и казенное вино, но съ тою разницею, что оно похищалось ссыльными исключительно на собственную потребу и усладу, а соль—преимущественно для продажи на гроши, какъ продуктъ, посредствующій для вымѣна того же вина на ту же усладу и потребу. За эти кражи на мѣстахъ ссылки расплачивались гсего чаще домашними наказаніями; сильнѣе смотрѣли и больнѣе били за другія кражи, изъ которыхъ одинъ родъ вынуждаютъ въ крупную преступность. Между прочимъ, воровство золота, подъ строгимъ именемъ „похищенія драгоцѣнныхъ металловъ съ промысловъ“, внесено въ особую графу для табелей о ссыльных въ Россіи.

Въ Россіи кража золота (не предъявленнаго въ казну и пошлиною не оплаченнаго) выражалась наименьшею цифрою въ общемъ ряду всѣхъ другихъ преступленій, потому что соблазнить предлагается только въ одной богатой всякими металлами мѣстности. Только одно сословіе заводскихъ крестьянъ отличалось исключительно виновностью. Только три губерніи въ этой кражѣ участвовали (Пермская, Оренбургская и Вятская) по роковому влеченію соблазномъ драгоцѣннаго металла, который лежитъ, быстро истощаясь, въ почвѣ земли рудоноснаго Урала, въ богатыхъ песчаныхъ пластахъ восточнаго склона хребта. Со времени Петра началась промывка золота, а стало быть и его кража, но съ 1835 г. Сибирь получила возможность (въ одно время съ контрабандистами иностранныхъ товаровъ) производить учетъ виновнымъ въ кражѣ золота. На первые годы цифра была велика. Затѣмъ похитители стали осторожнѣе. Цифра примѣтно упала и на практикѣ выразилась тѣмъ, что гдѣ больше существовало соблазновъ, тамъ и большее количество искушенныхъ грѣшниковъ; на югѣ Урала искушенія чаще и изъ Мясскихъ и Златоустовскихъ округовъ, поэтому, высылка сильнѣе и вѣрнѣе (и все тѣхъ же заводскихъ крестьянъ, съ добавкою самаго незначительнаго числа солдатъ и башкиръ, какъ передатчиковъ). Въ Сибири это преступленіе вступаетъ въ болѣе широкія права не столько потому, что Россія успѣла уже снабдить ее людьми умѣлыми и до-сужими (которые, можетъ быть, стали тамъ, умудренные опытомъ, осторожными), сколько по тѣмъ предрасполагающимъ причинамъ, что производство казенныхъ и частныхъ работъ находится въ рукахъ каторжныхъ и поселенцевъ. Большинство послѣднихъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ сосланнымъ за воровство и, на самомъ дѣлѣ, сибирскую кражу золота можно назвать преступленіемъ поселенческимъ. Людская молва на частныхъ золотыхъ промыслахъ указываетъ, какъ на пособниковъ и передатчиковъ, на тѣхъ, которые ѣздятъ въ хвостъ рабочихъ съ водкою и ситцами и останавливаются отъ мѣста работъ и резиденцій въ почтительномъ, установленномъ законами отдаленіи. Здѣсь способности евреевъ и живучести въ нихъ страсти къ драгоцѣннымъ металламъ отдадутъ всѣ и всегда предпочтеніе. Въ Сибири на евреевъ выпало сильное подозрѣніе (особенно въ Западной) въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Хотя, по сибирскому учрежденію 1822 года, и принято въ основаніе не допускать поселенія евреевъ на сибирской линіи (южной границѣ), тѣмъ не менѣе 40 еврейскихъ семействъ водворены тамъ „пущеніемъ мѣстнаго начальства“ (какъ сказано въ сенатскомъ указѣ 5 апр. 1826 г.). Такія злоупотребленія вызвали по-

ложительныя мѣры обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію, далѣе отъ горныхъ заводовъ Колывано-Воскресенскаго округа. Оставили только тѣхъ, которые, причислившись къ крестьянамъ, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ, и, разумѣется, послѣ этого распоряженія не перестали контрабандировать. Не клали евреи оулки на руку и на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Нерчинскаго горнаго округа, хотя здѣсь пріобрѣтателями являлись безразлично всѣ, отъ казенныхъ подрядчиковъ и вольныхъ торговцевъ до крестьянъ, солдатъ и казаковъ. Рабочіе ссыльные воруютъ, вышедшіе на пропитаніе и исправленіе прикрываютъ, свободные люди покупаютъ, а казаки передаютъ за китайскую границу съ тою же ловкостью, съ какою принимали оттуда контрабандный чай всякаго сорта. Женщины и здѣсь охотливѣе ходили на такое дѣло, требующее крайней осторожности, таинственности и ловкости, при помощи каковыхъ въ итогѣ являлся тотъ фактъ, что самая преступность гораздо сильнѣе, чѣмъ доказывающія это цифры пойманныхъ и уличенныхъ; женщина, во всякомъ случаѣ, продавица, какъ тюремные надзиратели, то есть солдаты, первые приемщики *). Выбѣгъ съ золотомъ, извѣстнымъ подъ именемъ „желтой пшенички“, на нерчинскихъ заводахъ шла кража серебра и контрабандная продажа его за китайскую границу, по той же процедурѣ таинственныхъ пріемовъ и почти съ такимъ же успѣхомъ и выгодой въ предпріятіяхъ. Около серебра воровство хитрѣе; при песчаномъ зо-

*) На Карѣ золотникъ краденнаго золота продавался за 1½ руб. и не дороже 2 руб. (въ казніи стоить 3 р. 57¼ к.). Если обмѣнять у монголовъ на кирпичный чай, то цѣна поднималась на золотникъ до 7 руб. и выше (даютъ 10 кирпичей, а по 70 коп. кирпичъ—въ первыхъ рукахъ; въ нерчинскомъ заводѣ давали за него 90 коп. и 3 руб.). Характерное дѣло объ убійствѣ пѣхъ евреевъ Ханіѣ Вульевѣ обнажило слѣдующія подробности промысла хищническимъ золотомъ: арестанты разъ подрались между собою по тому поводу, что выпили не по ровному количеству водки, принесенной покупателями золота, а въ кражѣ участвовали всѣ въ равной степени. Вульевъ указывалъ при этомъ на самого смотрителя замка. Въ доказательство своихъ словъ, онъ представилъ три слитка, которые перекупилъ у товарища на вѣсѣ. Вѣшали золото на тѣхъ же вѣсахъ, на которыхъ развѣшиваются въ арестантской кухнѣ порціи мяса и хлѣба. Тюремный староста (Колобаевъ) взялъ золото по 1 руб. золотникъ и, сверхъ того, обязался угостить виномъ. Купленное золото староста перепродалъ урочникамъ, а вино принесъ на развѣзъ, откуда оно было доставлено на тюремную кухню въ опростанной посудѣ и потомъ, подъ видомъ пищи, принесено въ тюремную казарму. Другой разъ этотъ же представитель златолюбиваго племени продалъ горному служилу 2 золотника золота за пудъ орѣховъ, которыми и усаждалъ тюремную тоску, сокращая докучное время каторжнаго бездѣлья сибирскимъ женскимъ способомъ.

лотѣ рыссыпей воровской трудъ облегченъ былъ до крайней степени простоты и возможности. Шилкинский заводъ, съ самаго начала разработки золотыхъ приисковъ на Карѣ, былъ такимъ мѣстомъ, гдѣ покупка краденнаго золота производилась въ значительныхъ размѣрахъ. Сколько разъ ни пытались ловить, ничего не выходило: попадалась мелкота съ золотниками и долями, пуды и фунты сквозъ разставленные сѣти прорывались наружу. Во время одной сенаторской ревизіи выискались жидки-ищейки, нахвастались, наговорили, наобѣщали съ три короба, подложили золото къ одному польскому изгнаннику, но строгое слѣдствіе показало лишь то, что и здѣсь евреи ходили на обманъ, а во 2-хъ, отысканное золото вовсе не карійское, потому что было очень высокой пробы, по всему вѣроятію поналось сюда съ частныхъ промысловъ и, вѣроятнѣе, изъ Западной Сибири или даже съ Урала. Въ Западной Сибири тѣ же контрабандисты евреи сумѣли обнаружить прежнія наклонности и не смиренное ссылкою достужество въ такой степени, что сенатъ въ 1826 г. (указомъ 5 апр.) предписалъ переселить ихъ въ другія мѣста Сибири. Евреи объявились въ тайномъ сношеніи съ горными заводами и въ переводѣ за границу дорогихъ металловъ. Способствовало къ тому житіе по линіи 40 семействъ, водворенныхъ поупученіемъ мѣстнаго начальства, не смотря на то, что сибирское уложеніе 1822 г. подобнаго поселенія не позволяло. Предполагалось оставлять впредь только тѣхъ, которые, причислившись въ крестьяне и мѣщане, занимаются ремеслами и хлѣбопашествомъ. Приказу велѣно обращать всѣхъ евреевъ въ Томскую губернію, далѣе отъ горныхъ заводовъ Колывано-Воскресенскаго округа. Мѣра эта, ослабивъ временное зло, не служила препоню для прекращенія основнаго зла и переселенные стали передатчиками. Уральское золото ѣзжало въ чемоданчикѣ съ евреемъ, пріѣзжавшимъ за нимъ по нѣскольکو разъ въ годъ, въ условное время, изъ г. Гродны даже въ самое ближайшее къ намъ время.

Переходя отъ этого, преимущественно сибирскаго, преступленія къ контрабандѣ, мы на этотъ разъ снова имѣемъ дѣло съ такимъ преступленіемъ, которое составляетъ принадлежность отдѣльныхъ мѣстностей и можетъ быть названо въ Россіи исключительно пограничнымъ. На всѣхъ нашихъ границахъ контрабанда является господствующимъ, сильнымъ и неизлечимымъ зломъ, не исключая сѣверныхъ холодныхъ и южныхъ степныхъ и пустынныхъ, на всемъ протяженіи отъ Прута на Закавказье, по пограничной линіи со средне-азиатскими владѣніями до Иркутска, забайкальскихъ и амурскихъ предѣловъ, пользующихся правомъ portofranco. Тамъ, гдѣ граница встрѣчается съ наиболѣе промышленными и торговыми странами,

каковы государства европейскія, преступленіе это является во всемъ блестяще, со всею несокрушимою настойчивостью и давнишнею послѣдовательностью. Пѣшкомъ, въ видѣ ящика за плечами или на бойкихъ, приспособленныхъ къ этому дѣлу лошадакахъ врывается къ намъ контрабандный, безпошлинный товаръ, соблазняя всѣхъ безразлично, отъ бессарабскихъ цыганъ и польскихъ евреевъ до малороссовъ Юго-Западнаго, литвиновъ и бѣлоруссовъ Сѣверо-Западнаго края и кончая чухами за Петербургомъ и подъ самымъ Петербургомъ. Еще уголовная статистика не рѣшила, кто ловче: петербургскій ли чухонецъ или сибирскій кизакъ, закавказскій армянинъ или волинскій малороссъ, или же и въ самомъ дѣлѣ еврей (какъ подсказываютъ сибирскія табели) взялъ надо всѣми перевѣсъ, объявился съ большею наклонностью (по процентному отношенію чиселъ) и съ большимъ искусствомъ (по повсюдному общественному мнѣнію) *). Сибирскія табели говорятъ, что мѣщане преступяе въ этомъ промыслѣ крестьянъ. Ссылныхъ за контрабанду стали считать въ Сибири съ 1835 года и во второмъ десяткѣ лѣтъ насчитали ихъ почти въ 7 разъ больше, чѣмъ въ первомъ, и контрабандисты противъ общаго числа сосланныхъ за покушеніе на интересы казны составляютъ $\frac{1}{40}$ часть. По абсолютной цифрѣ жертвъ, изъ всѣхъ пограничныхъ и ближайшихъ къ границѣ, выдѣлились губерніи: Волинская (52 муж., 8 жен.), Виленская (34 муж., 5 жен.), Гродненская (15 муж.), Курляндская (11 муж.), Подольская (9 муж.), въ тѣ 12 лѣтъ, которыя слѣдовали первыми послѣ учета въ Тобольскѣ **). Не забудемъ при этомъ, что на мѣстахъ соблазновъ для тайнаго ввоза иностранныхъ товаровъ, при встрѣчѣ дорогихъ таможенныхъ съ болѣе дешевыми непломбированными товарами, для пресѣченія преступленій организована вооруженная стража. По вызову ея и для собственной защиты, контрабанда, въ свою очередь, вооружилась огнестрѣльными снарядами, съ ружьями, заряженными обыкновенно картечью, и въ цѣлыхъ отрядахъ. Отряды эти, во время пути, спереди и сзади прикрываются взводомъ вооруженныхъ людей и, сверхъ того, обезпечиваются, гдѣ нужно, боковыми патрулями и даже разъѣздами. По переходѣ за границу, шайка находитъ подставу, приготовленныхъ верховыхъ

крестьянскихъ лошадей. На нихъ контрабанда доходитъ до еврейскихъ мѣстечекъ и въѣзжаетъ въ нихъ уже среди бѣлаго дня съ пѣснями. Здѣсь товаръ немедленно разбирается по рукамъ и поступаетъ либо въ экипажи шляхты, либо въ коробки евреевъ для разноски. Оттого-то всего чаще запрещенный товаръ попадаетъ мелочами. Подъ именемъ контрабандистовъ уходятъ въ Сибирь передатчики, а главные оптовые воротилы за пятою спиною подставныхъ остаются на мѣстахъ въ полной безопасности. Границы, по обѣ стороны, усажены комиссіонерами. Ближайшіе города населены оптовыми торговцами; частныя мѣры (а не общія) состоятъ только въ понимѣ нѣсколькихъ тюковъ и не приносятъ никакой пользы. Главныхъ воротилъ въ Сибирь не сослано, а германскіе города, и между прочими Лейпцигъ (во время ярмарки), выработали особый родъ промышленности, состоящей въ заготовленіи огромнаго количества деревянныхъ ящичковъ для товара, идущаго въ Россію тайными путями. Такимъ образомъ, контрабанда, выходя на тайныя дороги свои, иногда обливаешь свои слѣды кровью, идя на проломъ малочисленной стражи или отстрѣливаясь при неудачѣ и при отступленіи за границу, не щадить собственныхъ и чужихъ жертвъ, словомъ—является въ формѣ разбоя. Тогда и контрабандисты, въ видѣ убійцъ, пропадаютъ въ общихъ и темныхъ сибирскихъ цифрахъ. Контрабанда или безпошлинный провозъ заграничныхъ товаровъ, какъ настоящій промыселъ, выработалъ свои спеціальныя приемы, какъ промыселъ тайный, стоящій среди всякихъ опасностей, потребовалъ условной искусственной терминологіи, непонятной профанамъ. Главные заводчики дѣла—приказчики заграничныхъ конторъ (для Петербурга гамбургскихъ), ежегодно развозящіе образчики полотна, шелковыхъ матерій, муара, ситцевъ, холстинокъ. Заказы даютъ обыкновенно люди, искусившіеся въ опытѣ передать, и получаютъ товаръ, всего чаще, на девятидесятичный кредитъ. Такихъ заказчиковъ у каждой конторы бываетъ по 30—50, въ числѣ которыхъ несостоятельные оправдываются аккредитивными плателщиками. Запроданные товары имѣютъ свои депо, между которыми предпочитаютъ морскіе острова (вродѣ балтійскихъ Наргена и Голланда) и ближайшіе къ границамъ города и мѣстечки, между которыми наибольшую опытностью отличался Грудскъ (въ Подол. губ., на австрійской границѣ) и Копычевъ (около Тильзита). Впрочемъ, вся прусская и австрійская граница усыпана строениями и жилими избами разныхъ наименованій и населенными именно такими жителями, которые, подъ видомъ хозяйственныхъ нуждъ, имѣютъ право свободного подхода къ границѣ и перехода ея въ любомъ пунктѣ, хотя до ста разъ въ день. Сосѣди ихъ, живущіе на русской тер-

*) Изъ 26 мѣщанъ всѣхъ городовъ Имперіи выдѣлилось 14 евреевъ.

**) Въ 1819 году отправлена въ Сибирь цѣлая колонія нѣмцевъ и нѣмокъ, сосланныхъ по громкому и извѣстному въ то время ревельскому дѣлу о контрабандѣ. Всѣ они заручились рекомендательными письмами къ тогдашнему губернатору М. М. Сперанскому. «Привезли мнѣ много рекомендательныхъ писемъ (писалъ онъ къ дочери), но много пособить имъ я не могу. Сколько можно, однако же, пособлю».

ригоріи цѣлыми деревнями, ни что иное, как переводчики, ямщики. Между ними крестьяне графа Зубова, Огинскаго и друг. особенно пользовались извѣстностью, сколько по ловкости, смѣлости, наглости, столько же и потому, что дѣйствовали артелями, принимали товаръ на свой страхъ, обезпечивая его за границею значительными залогоми звонкой монеты. Продолжительная игра съ большими ставками и большимъ рискомъ переродила этихъ крестьянъ въ рѣшительныхъ, азартныхъ игроковъ, со всѣми свойствами и послѣдствіями. Если товаръ благополучно доставленъ, залогъ возвращенъ, барыши раздѣлены соотвѣтственно величинѣ залога—счастье тащится въ корчмы и тамъ расточительно пропиваетъ заработокъ. Если товаръ захватывается, то и залого пропадаютъ, а крестьянинъ разоренъ до тла, залого имѣя у жида или шляхты за высокіе проценты. Деморализація нравовъ въ такихъ мѣстахъ такова, что эти селенія невинные сосѣди считали притонами и гнѣздами разбойничьими. Успѣхи контрабанды основывались, между прочимъ, и на томъ, что: во 1-хъ, такъ называемый аршинный товаръ отличался лучшею добротою, потому что не было нужды дѣлать его, легче для таможенъ, которыя берутъ пошлины съ вѣсу; во 2-хъ, подобный товаръ находился въ третьихъ рукахъ въ небольшихъ количествахъ, поимка только затрудняла, не вела къ цѣли, влекла непріятности осмотра и свидѣтельства лавокъ; въ 3-хъ, являлось облегченіе на товарѣ, не подлежащихъ клеюму.

Товаръ, не подлежащій клеюму и извѣстный у контрабандистовъ подъ именемъ короткаго, немедленно имѣлъ право занять мѣсто въ магазинахъ и глазъ не колетъ, а потому немедленно выставляли на показъ напитки, часы, фарфоръ, хрусталь. Доказать его незаконность не было особенной возможности, законъ ст. 1347 св. зак. т. VI ему даже покровительствовалъ. А потому, напр., карандаши съ пошлиною 20 коп. за дюжину, продавались (лучшіе кипарисные) не дороже 15 коп.; въ городахъ и мѣстечкахъ западныхъ губерній за 12 приборовъ бронзовыхъ пуговицъ платили пошлины 18 руб., продавали контрабандныя отъ 4—15 руб.; лучшая фарфоровая трубка съ живонисью и въ оправѣ требовала 1 р. 15 к. пошлины, продавалась за 30 коп. и проч. Наибольшія соблазны возбуждаютъ, разумѣется, прежде всего товары первой необходимости и, по мѣрѣ того, какъ вырастаетъ потребность, съ тою же силою укрѣпляется контрабанда, напр. кофею, собирающагося большими складами глѣтнимъ временемъ и вывозимаго обыкновенно зимою. Сахаръ на западныхъ границахъ стоитъ подъ защитою свекловичнаго и врывается въ оборотной бумагѣ съ этикетами свеклосахарныхъ заводчиковъ, заготовленными въ городахъ

близъ границъ. Богатство выработанныхъ средствъ и способъ ввоза позволило во многихъ мѣстахъ составиться цѣлымъ товариществамъ, которые брали доставку товаровъ въ Россію на свой страхъ (таковыя существовали во Львовѣ, Гамбургѣ, Любекѣ и, особенно, въ Лейпцигѣ), брали 10% задатка и, только по доставкѣ товара, получали остальные 90% и 30% за доставку. Пріемъ всегда у нихъ одинаковъ, производился гласно; въ русскіе предѣлы товаръ отправлялся раздробленнымъ; бронзовыя вещи, посуда и прочее разбирались по частямъ и въ одну бочку кладывались крышки и подоны, въ другую постаменты, въ одну перчатки съ одной руки, въ другую—всѣ съ другой руки. На аукціонѣ могъ купить и покупать только тотъ, кому довели недостающія вещи. Впрочемъ, гуртовая отправка—рѣдкость и требуетъ различныхъ хитростей, изъ которыхъ уже большая часть изучена и предусматривана. Всего чаще товаръ перевозился безпрестанно по малымъ частямъ. Поимка въ этихъ случаяхъ вѣнчалась ничтожнымъ успѣхомъ, не поддерживала энергіи наблюдателей, мимо которыхъ проѣзжали паромный шкиперъ, угнѣвший очень искусно прятать запрещенный товаръ, путешественникъ, наловчившійся прятать около себя и нескущавшій нѣсколько разъ путешествовать съ судна на берегъ и обратно. Проскользали консулы, пользующіеся своимъ официальнымъ званіемъ, курьеръ, разные члены посольства и послышки на ихъ имя, наши собственные чиновники и проч. Товаръ подлежащій клеюму и опасный тѣмъ, что могъ быть признанъ безъ штемпеля и внутри имперіи за контрабандный, во вторыхъ и третьихъ рукахъ поступалъ подъ особое покровительство шляхты, пановъ, портныхъ, модистокъ и тѣхъ же чиновниковъ. Но и въ этомъ случаѣ, будучи контрабандою, онъ могъ быть проданъ за купленный послѣ конфискаціи. Евреи иной товаръ не любятъ и у себя не держатъ, предоставляя путь другимъ сословіямъ замышлять въ тотъ грѣхъ, за который завѣщаютъ ихъ исключительно. Загнѣшались въ контрабандисты еще и солдаты пограничныхъ войскъ. Способъ этотъ назывался машиннымъ и состоялъ въ томъ, что солдаты таскали товаръ по частямъ и передавали при обходахъ, объѣздахъ и при сѣнахъ. Пойманные врасплохъ извозчики бросали товаръ и лошадей, облегчал таможеннымъ счетъ конфискаціи. Товаровъ, уловленныхъ такими и иными способами въ 1843 году, по официальнымъ даннымъ, считалось по всѣмъ таможеннымъ государствамъ почти на 300 тысячъ. Если принять расчетъ контрабандистовъ, кои считаютъ въ сложности не болѣе двухъ со ста на перехваченный товаръ, выходитъ, что контрабанды должно быть ввезено на 10 мил. руб. сер., а вся привозная торговля составляетъ 75 мил. (см. „Чте-

ніе общ. ист. и древн. рос.“ 1861 г.). Частныя мѣры, такимъ образомъ, безсильны, общія преобразовательныя общали успѣхъ; кабинетныя правила деморализировали нравственность пограничнаго купечества и выучили всякаго рода уловкамъ и обманамъ. Въ особенности, въ этомъ отношеніи, поучительна была кяхтинская торговля въ то время, когда потребленіе чая (цѣтточнаго) немовѣрно возрастало, а кирпичный сдѣлался продуктомъ основного потребленія и первой необходимости у сибирскаго простого народа.

При разцѣнкѣ нашихъ товаровъ на Кяхтѣ, наши купцы вовсе не старались выказывать лучшее или настоящее достоинство товара, а напротивъ, прибѣгали къ такимъ споровкамъ, чтобы товаръ казался, по возможности, худшаго сорта, такъ, напр., заглаживали сукно противъ ворса, чтобы оцѣнка была ниже. Высшей оцѣнки на Кяхтѣ боялись потому, что тогда товаръ могъ залежаться, особенно, если у купца не было для придачи опиума или преимущественно золота и серебра. Одинъ изъ богатыхъ московскихъ фабрикантовъ, торговавшій на большую сумму съ Китаемъ, наработавъ разъ пліусу почти всю пропорцію для Кяхты, сдѣлавъ ее противъ устава и общепринятой мѣры полувёршкомъ шире. Послѣдняго никто не замѣтилъ. Назначили цѣны. Китайцы тотчасъ увидѣли разницу и весь товаръ разошелся, а у прочихъ его не тронули. Обиженные подали жалобы, но дѣло было сдѣлано. Нѣкоторое время господствовалъ въ кяхтинской торговлѣ извѣстный и любимый въ Китаѣ корень жинь-шенъ. Съ перваго раза казалось странною цѣль этого вымѣна, потому что, какъ аптекарскій матеріалъ, корень этотъ вовсе не требовался въ Россію, а между тѣмъ вывозъ его доходилъ въ иной годъ до милліона руб. Но не долго скрывалось настоящее значеніе корня: купцы, вредя другъ другу, чтобы болѣе вымѣнять чаю и поскорѣе сбыть товары, отдавали ихъ по дешевымъ цѣнамъ. Но какъ этимъ нарушалось строгое положеніе, то на бумагѣ показывали товары промѣненными по настоящимъ цѣнамъ на драгоцѣнный корень, который въ Маймачинѣ заготовлялся пудами за нѣсколько рублей. Съ изданіемъ закона 1857 года, по которому отпускъ металловъ дозволялся въ половинномъ количествѣ при пушныхъ товарахъ и при мануфактурныхъ только одна третья часть,—представлялось выгоднымъ сбывать мягкую рухлядь (особенно соболей, лисья лапы темныхъ цвѣтовъ и т. п.). Но какъ нельзя же было принудить китайцевъ къ роскоши, собственно для боль-

шаго отпуска металловъ, то какая нибудь сотня соболѣвыхъ шкуръ странствовала, какъ вѣчный жидъ, изъ Троицкосавска въ Кяхту и оттуда опять обратно. Такіе переходы на бумагѣ давали цифру промѣна дорогихъ пушныхъ товаровъ до такого числа, что вывозъ ихъ въ послѣдніе три года былъ сравнительно больше, чѣмъ въ цѣлое шестилѣтіе. Чтобы болѣе промѣнять серебра, купцы истолковали количество отпуска металловъ по своему: брали общій итогъ цѣнности промѣняемыхъ товаровъ и металловъ и раздѣляли на двѣ или на три части, смотря по тому, какіе отпускались товары: пушные или мануфактурные. Такъ что если общій итогъ былъ, напр., въ 12 т. руб. (на 6 т. товаровъ и на 6 т. металловъ), то металловъ отпускалась половина на 6 т. руб., тогда какъ дѣйствительно, по закону 1855 г., слѣдовало отдать ихъ только на половину цѣнности однихъ пушныхъ товаровъ (а не общаго итога товаровъ и металловъ), т. е. на три тыс. руб. Нарушеніе закона обнаружилось, заговорили строгіе блюстители ограничительныхъ правилъ, поднялась многотомная переписка; съ своей стороны и купцы представили правоту своихъ дѣйствій. Дѣло кончилось тѣмъ, что велѣно соблюдать Высочайшее повелѣніе 1855 г. Приказаніе исполнили: дѣйствительно расчесть по отпуску металловъ введенъ былъ тотчасъ же, не смотря на то, что прежній учетъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, былъ въ виду начальства, контролирующаго торговныя дѣйствія. Но не прошло и дня, какъ купцы нашли способъ отпускать металлы въ такомъ количествѣ, какое нужно,—возвысивъ цѣны на всѣ товары на 20 и 30%. Самолюбіе блюстителей закона было удовлетворено, а Высочайшее повелѣніе на дѣлѣ оставалось одною формою, безъ дѣйствительнаго значенія. Такъ дѣйствовало кяхтинское купечество. Троицкосавское мѣщанство противопоставило стѣсненіямъ обычную форму контрабанды во всѣхъ ея видахъ, даже и по доставкѣ для подспорья сбыту русскихъ мануфактурныхъ товаровъ контрабанднаго казеннаго золота. Безъ контрабанды самый худшій кирпичный чай сталъ у насъ дороже самаго послѣдняго англійскаго и американскаго чая; самые высокіе сорта чаевъ приближались цѣнами на Кяхтѣ къ цѣнамъ въ Гамбургѣ и Лондонѣ; самые обыкновенные сорта чернаго за границею были дешевле кирпичнаго кяхтинскаго и проч. Съ разрѣшеніемъ въ настоящее время, доставки чая кругосвѣтнымъ путемъ, конечно, сибирская чайная контрабанда въ сильной степени ослабѣла.

Г Л А В А X.

СТАРОВѢРЪ ПАПУЛИНЪ.

Таинственные дома.—Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора.—Совратитель.—Борьба съ нимъ.—Успѣхи пропаганды.—Постный товаръ.—Успѣхи безпоповщины.—Женскій вопросъ.—Бѣгствующая церковь.—Параллель между двумя расколами.—Необычайный успѣхъ едосѣвщины.—Гоненія и упорство.—Посадъ Судиславль.—Свѣтопреставленіе.—Папулинская община.—Совращенія.—Торжественныя моленія.—Старая книга и старая икона.—Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ.—Иконографическія рѣдкости и драгоцѣнности.—Торговля иконами.—Семень Кузьминъ.—Соловецкая тюрьма.—Гдѣ правда?

Мало найдется въ сѣверной лѣсной Россіи такихъ городовъ, въ которыхъ не было бы таинственныхъ деревянныхъ домовъ, окруженныхъ высокими бревенчатыми заборами и построенныхъ отступя отъ жилищъ на версту и менѣе. Лишь только городъ старинный, знакомый лѣтописамъ и, въ особенности, издревле торговый и теперь не въ особомъ упадкѣ, бывало, ищи въ немъ по ближнимъ околицамъ, гдѣ полагается быть кладбищамъ, эти застоявшіяся, почернѣлыя зданія съ обрѣштившеюся крышею и окруженные обросшими мохомъ и пожелтѣлыми заборами. Казались эти крѣпостцы совершенно забытыми и давно покинутыми; видимо, въ нихъ никто не живетъ и онѣ какъ будто ждали хорошей бури съ вьюгою, чтобы совершенно разсыпаться. Въ окрестномъ народѣ объ этихъ зданіяхъ, обыкновенно, рассказывались невѣроятныя басни, порождаемыя именно ихъ таинственнымъ видомъ, всегда крѣпко запертыми воротами и вѣчными меланхолическимъ безмолвіемъ. Всѣ рассказы плелись, обыкновенно, какъ лапотъ, на одну колодку и также съ подковыркою. Въ такомъ лживомъ видѣ переходили они и въ официальные бумаги и въ печать. Ревнивъ и безпокоенъ открыто живущій человѣкъ къ тѣмъ, которые уединяются и прячутся за заборомъ. Любопытство мучится желаніемъ проникнуть въ сокровенное, стучится въ дверь и, въ досадѣ на крѣпкіе запоры, спѣшитъ утѣшиться всякою формою фантастическихъ рассказовъ. Ночью тамъ видятся невидимые огни, слышится топанье босыхъ ногъ и хлопанье пласокъ; затѣмъ предполагается мгновенно наступающая темнота и начинающееся содомское бѣсовское дѣйство.

На самомъ дѣлѣ, старикъ съ бородою по чресла, одинокій и никогда не скучающій, зажегъ лучину или огарокъ и, при вспыхкахъ слабо мерцающаго свѣта, точаетъ кривымъ шиломъ настоящій лапотъ. Надоѣстъ ему работа, выйдетъ онъ провѣтриться и прислушаться, съ какой стороны дуетъ непогода, не собирается ли дождь (поясницу что-то поламываетъ). Вотъ взвыли волки; долетѣлъ изъ города звукъ соборнаго колокола, въ который ударилъ другой

такой же сторожъ; крикнулъ на лошадь, подъ самымъ заборомъ, проѣзжающій на базаръ мужичекъ изъ ближнихъ деревень и т. п. Воровъ бояться дряхлому старику нѣтъ нужды: имъ тутъ взять нечего! Лежатъ безмолвно и неисходно въ землѣ покойнички и стоятъ надъ ихъ могилками также полуразвалившіеся голубцы, въ видѣ бревенчатыхъ срубовъ съ двускатными кровельками и крестикомъ. Ихъ пробоваши было запрещать закономъ, но старовѣры отбили себѣ это право и продолжали держаться и въ этомъ, какъ и во всемъ, стариннаго русскаго обычая.

Таинственные подгородныя избы были, въ самомъ дѣлѣ, ни что иное, какъ старовѣрскія кладбища, а если стояли за высокимъ заборомъ, то почти навѣрное — безпоповщинскіе молитвенные дома, по большей части весьма распространеннаго едосѣвскаго согласія. Изъ многихъ десятковъ такихъ безмолвныхъ, какъ страшная могила, зданій мнѣ яснѣе и знакомѣе прочіихъ помнятся два, со временъ далекаго дѣтства. Оба примыкали къ выгонамъ и стояли за обывательскими огородами, подобно знаменитымъ столичнымъ кладбищамъ: Преображенскому въ Москвѣ и Волкову въ Петербургѣ, кровнородственнымъ по единомыслию и находившимся, не смотря на разстоянія, въ тѣснѣйшей дружественной связи. Оба зданія мнѣ также примыкали къ выгонамъ древнѣйшихъ сѣверныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, какъ Галичъ, былъ славенъ и гремѣлъ на всю Нижегородскую и Суздальскую земли еще во времена Дмитрія Шемяки, а другой, Судиславль, сохранившій почтенное древнее имя, забылъ, за давностью времени, даже годъ своего основанія и давно утерялъ всѣ документы, свидѣтельствующіе объ его аристократическомъ происхожденіи.

Въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ подобныя загородныя строенія мало по малу стали дѣлаться рѣдкостью; они или снесены, или переведены въ самые города или же замѣнены новыми зданіями. Въ сороковыхъ годахъ они были еще цѣлы и по нимъ можно было наблюдать за явленіемъ нѣкотораго чуда и повѣрять нравственные качества мѣстныхъ правящихъ

властей. Чудо заключалось въ томъ, что утлыя зданія, казавшіяся сложеными изъ гнилушекъ и покрытыми ободранными крышами, продолжали себѣ стоять незбылемо и несокрушимо. Строго заказано было не только строить новыя зданія, но и подновлять старыя. Всякая свѣжая заплатка на кровлѣ, всякая новая доска на обшивкѣ, даже колы, приставленный къ пошатнувшемуся забору, порождали цѣлыя судебныя дѣла, вызывая наѣзды временныхъ отдѣленій съ понятными, производили народныя толки между православными и волненія съ опасливымъ страхомъ среди староверовъ. Умные и осторожные изъ нихъ замѣняли совершенно сгнившія бревна и доски, пропускавшія течь, поддержанными, но крѣпкими, чтобы не было бросающихся въ глаза оказательствъ. Смѣлые и рѣшительные испрашивали разрѣшенія властей (при помощи денежнаго взноса, сообразно со степенью опасности для самого начальства) и подводили подъ зданіе новыя вѣнцы изъ крѣпкихъ мелкослойныхъ и смолистыхъ сосновыхъ бревенъ. Вліятельные и богатые дерзали соорудить совершенно новыя молитвенныя дома, лишь оберегая ихъ назначеніе какимъ либо отводомъ и прикрывая ссылкой на одинъ изъ видовъ заводскихъ, ремесленныхъ и фабричныхъ заведеній. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство надо считать большою рѣдкостью, весьма исключительнымъ явленіемъ, такъ сказать, знаменательнымъ историческимъ фактомъ въ жизни едосѣвщины, по чрезвычайной трудности осуществленія дерзостной мысли.

Одно изъ подобныхъ сооружений красовалось (по почтовой дорогѣ въ г. Макарьевъ изъ Костромы) всего въ одной верстѣ отъ этого заштатнаго города Судиславля. Прїѣзжая гимназистами на вакацію, мы могли любоваться не только дерзкою красною крышею, но и внушительными размѣрами новыхъ зданій, очень похожихъ на фабрику. Строенія эти, кажется, такъ и назывались. Строилъ и владѣлъ ими судиславскій купецъ Папулинъ, безпоповецъ едосѣвскаго толка, „батьюшко-отецъ“, „батьюшко Николай Андреевичъ“, какъ звалъ его весь окольный сѣрый народъ и городское мѣщанство, щеголявшее въ синихъ сибиркахъ по милости его же, батьюшки-отца Николая Андреевича.

Я какъ сейчасъ вижу эту бороду, которая вошла въ залу мѣстнаго вліятельнаго чиновника, не кланяясь глубоко въ поясъ, а какъ будто бы даже приподнявшися повыше, чѣмъ была до тѣхъ поръ. Какъ вошелъ твердою и рѣшительною поступью этотъ старый человѣкъ, такъ и заговорилъ, обращаясь къ хозяину и, конечно, не обращая никакого вниманія на молоденькаго гимназиста.

— Хлѣбъ-соль про меня нынче будетъ?

— Какую велишь; про тебя всякая есть.

— Такъ вотъ я на подстилочку скатеретку маленькую принесъ тебѣ.

И вынулъ онъ, развернувъ, на преддверный столъ огромную камчатную скатерть.

— Привыкъ, вѣдь, ты послѣ дѣла-то и обтираться, дворянскимъ дѣломъ, не полотенцемъ, а, чай, салфетками, — продолжалъ онъ и выкрикнулъ своего молодца, который стоялъ за дверями. Худой и длинный, какъ шесть, паренъ явился съ узломъ.

— Вотъ, пока, на дожижку, а, можетъ, и двѣ твоя барынька выкроить.

Солідный человѣкъ во все время не терялъ шутиваго, веселаго тона, но, сѣвъ на диванъ и опершись обѣими руками на колѣни раздвинутыхъ ногъ, вздохнуть, покачалъ головою и пристально воззрѣлся на хозяина.

— Больно что-то крѣпко холодкою потануло отъ Костромы. Слыхалъ, чай?

— Было повторительное секретное предписаніе...

— Все меня соблюдаютъ. Слыхалъ, что протопопъ на-дняхъ туда ѣдигъ и красавецъ-отъ вашъ въ походъ собирается. Готовишь подводы-то?

— Четверку подъ его карету, тройку подъ протодьякона, три пары подъ пѣвчихъ и одну подъ прислугу.

— Многовонько. Тяжеленько мужикамъ-то будетъ въ эту рабочую пору... Больно ужъ сильно воинство, не испугаться ли мнѣ?

— Можетъ быть, и на этотъ разъ мимо пройдетъ.

— Не захочетъ, думаешь, оскверняться? Ладно бы такъ-то!.. Изъ Москвы худыя вѣсти привезли. Хромой графъ, что вотъ надъ этими ребятами самый большой начальникъ, взялъ, слышно, костью своей и пошелъ прямо на насъ. Мнѣ отъ него первая петля. И красавецъ-отъ въ Ипатьевскомъ развоевался: доносъ за доносомъ пишетъ въ Питеръ. Меня кланетъ и грозится большимъ судомъ. Сдается мнѣ, что подходятъ мнѣ послѣдніе часы и, можетъ быть, я въ послѣдній разъ говорю съ тобой!

Какъ ни старался Папулинъ говорить обычными староверамъ иносказаніями, мнѣ и тогда понятно было, что намеки шли на архіерея Владимира (Алядина) и графа С. Г. Строганова, бывшаго тогда попечителемъ московскаго учебнаго округа. Ходили слухи, — всякій ямщикъ рассказывалъ намъ объ этомъ, — что Папулинъ отвадилъ всѣхъ судиславскихъ жителей отъ обоеихъ православныхъ городскихъ приходовъ. Толковали даже такъ, что видѣли соборнаго дьякона, какъ онъ выбѣгалъ на мостъ и протягивалъ къ проѣзжающимъ руку за милостиною. Церковь въ слободѣ уже давно стояла безъ звону и мѣстный священникъ вызвалъ быть въ Кострому и занимался служить раннія обѣдны по четвертакъ за службу, да чтобы

покорили обѣдомъ. Сосчитали также, что всего въ два-три года произвелъ Папулинъ это плѣненіе, что жалобы на него посылались куда слѣдовало, а онъ продолжалъ дѣло безъ помѣхи и даже съ возрастающимъ успѣхомъ. Подъ вліяніемъ его состояли не только всѣ еодосѣвскія общины въ Костромской губерніи, но, по вѣрнымъ слухамъ, даже и тѣ, которыя были разбросаны по Ярославской и Тверской. Хорошо извѣстно было намъ также и то, что, главнымъ образомъ, онъ производилъ торговлю не полотнами и скатертями, а такимъ товаромъ, которымъ нигдѣ за границею не торгуютъ, а прознавшие тамъ о подобной статьѣ засиѣлись бы и не повѣрили. Николай Андреевичъ производилъ оптовую торговлю грибами во всѣхъ ихъ ботаническихъ и купинарныхъ видахъ. На первомъ мѣстѣ стоялъ, конечно, сушеный бѣлый грибъ со съѣжнымъ отличнымъ мездры или бухтармы, нанизанный на суровыя нитки, въ вязкахъ. За нимъ, цѣною гораздо подешевле и достоинствомъ ниже, также сушеные, нанизанные въ вязки, слѣдовали черные грибы (масленики съ зеленоватою бухтармою), красные (боровики, подосиновики). На мѣстахъ сборовъ солеными и здѣсь, въ оптовомъ складѣ, сортированными поступали въ грибной товаръ: рыжики, грузди, свинари и т. д. Эти сорта сбывались въ кадушкахъ, которыя, на этотъ разъ, изготовлялись въ ближнемъ лѣсномъ городкѣ Кадѣй. Ткацкимъ дѣломъ Папулинъ занялся лишь въ послѣднее время, соблазнившись близостью (всего 50 верстъ) кинешемскаго или, вѣрнѣе, вичужскаго фабричнаго округа, но велъ его въ исключеніе, а, по слухамъ, просто для прикрытія (да и велъ ли еще?). Подъ видомъ рабочихъ у него жили подъ попеченіемъ и на прокормѣ тѣ ревнители еодосѣвщины, которымъ угрожала опасность въ другихъ мѣстахъ и надо было скрываться. Для укрытія у него находился подъ рукою тотъ дремучій лѣсъ, въ которомъ самъ чертъ искалъ три года этотъ городъ Кадѣй, износилъ три пары лапотьковъ и все-таки не нашелъ. Въ 15-ти верстахъ отъ Судиславля Папулинъ владѣлъ двумя мельницами: одна называлась „Калишкою“, а другая „Шемякиною“. Когда въ 1845 году уничтожили его еодосѣвскую общину, ютившуюся на самомъ виду городскихъ церквей, онъ перевелъ ее сюда, построилъ избы для жилья и отдѣльную мельницу. Изъ Москвы прислали къ нему на поддержку твердаго, какъ адамантъ, наставника, который и помогалъ въ устройствѣ общежитія и въ отправленіяхъ молитвенной службы. Имъ же приняты были и всѣ мѣры къ тому, чтобы укрыть дѣла новой общины и уберечь ее такъ, чтобы она казалась провалившеюся и сгнившею въ болотныхъ трясинахъ. Это, однако, не удалось и покровительство общинамъ своего толка признано было преступленіемъ и названо

пристанодержательствомъ. Это-то обстоятельство и послужило вскорѣ начальнымъ и главнѣйшимъ поводомъ къ тому, что Папулина, наконецъ, обвинили, схватили и заточили на вѣчно въ Соловецкомъ монастырѣ.

Главнымъ и самымъ надежнымъ потребителемъ „постнаго товара“, конечно, былъ первопрестольный градъ, неизмѣнно вѣрный старотеческимъ обычаямъ. Съ Москвою непосредственно и велъ Папулинъ торговые сношенія со своимъ товаромъ, который, въ грудѣ прочихъ, не особенно былъ примѣтенъ, однако, по слухамъ, съ годовымъ оборотомъ на сто тысячъ рублей. На первой недѣлѣ Великаго поста товаръ этотъ выставлялся наружу, изумлялъ своимъ обиліемъ. Выставка его занимала огромное пространство москворѣцкой набережной и привлекала поразительно многолюдство. Въ Москвѣ, издавна привывшей жать годовыми запасами, сюда сходились хозяйки и бродила между ними голодная бѣдность, которой дозволялось пробовать съѣстной товаръ и она даромъ наѣдалась и соленымъ грибомъ, и соленою въ корень рыбою, и сладкимъ медомъ въ теченіи цѣлой недѣли.

Впрочемъ, не эта сторона скучнаго дѣла грибной торговли занимаетъ насъ въ настоящее время. Судиславскіе грибы вяжутся съ другою стороною народнаго быта и подсказываютъ данныя, не лишеныя глубокаго интереса, какъ матеріалъ для исторіи русскаго раскола, въ значеніи новаго эпизода.

Въ то время, когда пеловишна истощалась матеріальными средствами и общинными силами, распадаясь на толки по поводу исканія истиннаго древлеправославнаго священства до архіереяства исключительно, — безпоповишна рѣшительно отказалась отъ поповъ и успокоилась на выборныхъ и излюбленныхъ наставникахъ съ попечителями. Она ширилась и крѣпла, благодаря практическому разуму первыхъ и богатству вторыхъ. Поповцы, нуждаясь въ главномъ священномъ чинѣ и не имѣя его, принуждены были обходиться лишенными сана бѣглецами изъ православной іерархіи, попадали на строптивыхъ и кляузныхъ, терпѣли отъ пѣленькихъ и гулящихъ, принимали единовѣріе и благословенныя церкви и т. д. Безпоповцы, заручившись опытными старцами и умудренными въ книжной премудрости уставщиками, могли находиться въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ относительно этого труднаго вопроса. Первые едва добились въ полтора-два лѣта до бѣлориницкой митрополіи, вторые давнымъ-давно успокоились на выборныхъ и излюбленныхъ по образцу выговскихъ общежитій, т. е. по правдамъ поморскаго согласія. Ведя борьбу съ господствующимъ исповѣданіемъ въ первыя времена старообрядства подъ однимъ знаменемъ,

сами старовѣры распались, такимъ образомъ, на два раскола, существенно не согласные, а потому немедленно объявились лютыми врагами другъ друга. Они перестали общаться не только въ молитвѣ, но и въ пищѣ, впади въ полемическій задоръ и члвкали открытую борьбу, которая довела, наконецъ, до смѣшныхъ крайностей и, во всякомъ случаѣ, до полной невозможности примиренія.

Въ средѣ безпоповцевъ, въ свою очередь, вѣтшій давленія могущественной власти послушали также причиною внутреннихъ расколовъ. Смутилъ, прежде всего, женскій вопросъ и сдѣлался предметомъ несогласій и пререканій, тѣмъ болѣе серьезныхъ и оживленныхъ, что въ уставщики и наставники, какъ главы общинъ, попадали, конечно, пожилые люди съ сильно пробившеюся сдѣиномъ, но не остывшею кровью. Додумались до того, что начали отрицать бракъ, говорить: „Какое же это таинство, когда вѣтъ хриstopодражательныхъ священниковъ, освященныхъ благодатию Св. Духа“? Одни встали за бракъ (секта поморская), другіе отказались признавать его святость (и это—еодосѣвщина). Женщина, однако, возобладала крупными правами, дотолѣ не слыханными: она могла также замѣнять попа при освященіи молитвами браковъ, при перекрещиваніи, при исповѣди. На похоронахъ она уже не разводила языческихъ „плачечъ“, а читала молитвы по старопечатнымъ отеческимъ требникамъ. Не всегда была она орудіемъ приманки и поддержкою сластолюбія, но управляла не женскими только, но и мужскими общинами съ такою же самостоятельностью и искусствомъ, какъ мужчины. Вообще, въ дѣлахъ еодосѣвщины женскія услуги чрезвычайны и если мало извѣстны, то потому лишь, что не изслѣдованы ни по вопросамъ о воспитаніи ребятъ въ духѣ толка и обученія ихъ грамотѣ, ни по отношеніямъ ихъ къ толкованію правилъ и распространенію въ народѣ еодосѣвщины.

Всѣ секты согласились на томъ, что съ оскуднѣиешъ благочестія въ правящей церкви наступило предрѣченное антихристово царство и что гонительная власть—его слуги. И вотъ, изъ поморскаго согласія выдѣлилась филипповщина (они же и филиппоны), учившая бѣжать изъ міра и гнушаться всѣхъ прелестей его. Ослобленность этой самой мрачной и непримиримой секты дошла до того, что послѣдователи ея начали носить за пазухою свои иконы, перестали ѣсть изъ одной чашки, одною ложкою даже съ поморцами и еодосѣвцами, а завершилось все это тѣмъ, что выродилась скрытническая секта (бѣгуновъ). Послѣдователи ея, совершенно покинувъ осѣдную жизнь поморцевъ и еодосѣвцевъ, рѣшились скитаться изъ мѣста въ мѣсто, охотнѣе жить въ непроходимыхъ дебряхъ лѣсовъ или въ темныхъ подпольяхъ лѣсныхъ

деревушекъ. И всѣ вѣтшѣ—поморцы, филиппоны, еодосѣвцы и скрытники—до того отчуждились отъ православной церкви, что не только войти въ нее, но и встать подъ тѣнь всеобщественной начали считать тягчайшимъ грѣхомъ. Послѣднюю замѣняли молитвенныя избы, которыя, по случаю гонительнаго времени, въ самомъ дѣлѣ скрыты были на задахъ и вывѣдать, за высокими заборами, даже въ городахъ, находящихся въ Вѣлоруссіи, и даже въ тѣ времена, когда послѣднею владѣла католическая Польша. Здѣсь были и кладбища и развѣшенные при нихъ богадѣльни, которыя полагались обязательными и для каждой, гдѣ бы то ни было устраиваемой моленной. Богатый человѣкъ строилъ зданія, подыскивалъ начетчика. Изъ всего множества знающихъ и опытныхъ, какимъ вообще владѣть еодосѣвщина, онъ выбиралъ самаго лучшаго и собиралъ у себя вѣрное стадо избранныхъ. Богадѣльни представляли видъ монастырей и были таковыми въ силу тѣхъ строгихъ правилъ жизни и твердыхъ догматовъ вѣрованій, какими руководится все наше старовѣріе и въ средѣ его, главнымъ образомъ, безпоповщинскіе толки. Послѣднимъ отшельническая жизнь въ особенности полюбилась и тамъ, гдѣ заводился мужской монастырь, непременно выростала и женская обитель. Обонимъ не привелось укрѣпиться на избранныхъ мѣстахъ по причинѣ безпрестанныхъ преслѣдованій и потому, что самые крѣпкіе и многолюдные были въ конецъ разорены. Отъ этихъ обитателей на память нынѣшнимъ временамъ и для наблюденія любопытныхъ остались лишь гнилушки, какъ остатки двухъ-этажныхъ келій и обширныхъ скотныхъ дворовъ, да ямы, какъ признаки засыпанныхъ погребовъ и разметанныхъ каменныхъ фундаментовъ. И такая-то судьба постигла тѣ жительствова, которыя древнимъ свободнымъ способомъ, любезнымъ народу, устраивались въ обширныя слободы и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по многимъ даннымъ, не могло быть особаго приволья людскому труду, какъ бы ни былъ онъ всеисненъ и многоопытенъ. Таковы поселенія безпоповцевъ на крайнемъ сѣверѣ, вродѣ выгорѣвшихъ и лесонскихъ, мезенскихъ и даже такихъ, которыя искали убѣжища на негостеприимной Новой-Землѣ и на гранитныхъ бѣломорскихъ островахъ.

Разсказъ нашъ относится именно къ тому времени, когда гоненія достигли крайнихъ предѣловъ и, стало быть, давали возможность и право усиливаться энергіи до упорства со стороны преслѣдуемыхъ. Прогнанные съ одного мѣста разсѣивались въ разныя стороны, чтобы собраться вновь на болѣе безопасномъ. Втихомолку, съ большою осторожностью, они скучивались, а при усиленныхъ матеріальныхъ пособіяхъ богатыхъ покровителей плотнѣе осѣда-

ли, потому что дорожке стояли, как гонимые и страдальцы. Замѣчательна при этомъ та быстрота, съ какою организовались едосѣвскія общины, однако, снова для того, чтобы быть въ свое время открытыми, разбитыми и разбросанными на мелкія и ослабленные кучки. Вѣрующіе, обходившіеся безъ поповъ, продолжали попрежнему кочевать и, представляя въ полномъ смыслѣ слова „бѣгствующую церковь“, не поддавались ни точному учету ихъ количества, ни надлежащему наблюденію за ними со стороны властей. Въ этомъ заключается существенная разница ихъ отъ поповщины и старовѣровъ, т. е. тѣхъ, которые собственно не уклонились въ догматахъ отъ православія, но привязаны лишь къ старымъ церковнымъ книгамъ и обрядамъ. Эти надежно уживались рядомъ съ православными, являя изъ себя сплошныя поселенія, и свободно вѣровали, живя бокъ о бокъ, при благословенныхъ церквахъ, единовѣрческими приходами. Кочевала только поповщинская іерархія, увлекая за собою въ надежныя мѣста особенно гонимыхъ и искренно вѣрующихъ.

Стоекъ и славенъ былъ въ чернораменныхъ заводскихъ лѣсахъ Керженецъ, но ослабѣлъ и онъ, когда возросла Вѣтека въ далекой Вѣлоруссіи и возродились въ черниговскихъ предѣлахъ разомъ 14 большихъ слободъ. Прощѣтала здѣсь старая вѣра съ церквами и обѣднями и съ монастырями для обоюго пола отшельниковъ, но появился въ Поволожѣ Иргизъ—и снова пришлось дѣлить славу и перпенство, пока не выродилась старообрядческая іерархія въ пущей силѣ и значеніи уже за предѣлами государства—въ австрійской Буковинѣ. „Исправленные“ дома, попы изъ бѣглыхъ замѣнены были рукоположенными безвѣстными греческимъ митрополитомъ и послѣдующими его преемниками въ архіерействѣ. Москва, которая не перестаетъ служить въ миниатюрѣ полнымъ подобіемъ Россіи и, какъ въ зеркалѣ, отражать въ себѣ всякія движенія народной мысли и быта, представляетъ собою наглядныя доказательства тому, насколько поповщина казалась безопасною и вела жизнь поспокойнѣе. Инородная поповщина не требовала отъ Москвы чрезвычайныхъ усилій въ поддержкѣ матеріальными средствами и исключительныхъ заботъ въ укрѣпленіи ослабѣвшаго среди преслѣдованій религіознаго духа. Въ дѣлахъ этого толка ей не привелось занять первенствующаго мѣста и сдѣлаться руководящимъ центромъ. Предвосхищало у нее славу любое мѣсто и всякій счастливый и находчивый человѣкъ. Скитокъ „Смолянъ“ въ лѣсахъ Заволожья, на рѣчущкѣ Бѣлмашѣ, сдѣлался митрополіею и пекнижный старецъ Денисъ (Шуйскій)—главою поповщины только потому, что сберегъ довольный запасъ св. мѣра и даровъ,

освященныхъ еще при патріархѣ Іосифѣ. Преемникъ его, Теодосій, ухитрившійся разыскать въ Калугѣ старую церковь и отслужившій въ ней обѣдню, сталъ вліятеленъ и силенъ лишь потому, что приготовилъ новый запасъ даровъ. Когда поселился онъ за литовскимъ рубежомъ въ Вѣткѣ, самый Керженецъ принужденъ былъ преклониться передъ этою новою митрополіею. Теодосій сталъ во главѣ всего старовѣрія лишь за то, что началъ варить и мѣръ и снабжать имъ всѣ общины. Не понадобились и денежные капиталы: въ нѣсколько дней изъ дубоваго лѣса, сотнями топоровъ, срубили вѣтковцы большую церковь съ высочайшемъ, въ пять пролетовъ, колокольному.

Безпоповщина, напротивъ, всегда нуждалась въ покровительствѣ и становилась подъ защитою сильныхъ капиталами богачей. Если вообще замѣчается въ ней склонность искать послѣдователей въ средѣ фабричнаго и заводскаго населенія, то этимъ объясняется и самое существованіе этого старовѣрскаго толка тамъ, гдѣ угнѣздился рабочій народъ, закрѣпощенный на всѣ 24 часа въ сутки, отбившійся отъ сохи и ставшій полукочевымъ и бродячимъ по безнадѣжности въ жизненныхъ средствахъ и по исключительной зависимости отъ личныхъ капризовъ и денежныхъ сундуковъ хозяевъ. Этимъ объясняется и то выдающееся явленіе, что для безпоповщины богатая Москва стала дѣйствительною главою, а Преображенское кладбище—митрополіею. Она временами лишь раздѣляла нѣкоторую долю вліянія и силы своей съ кое-какими инородными общинами. Многочисленные (до 50-ти) мелкіе толки безпоповщины были разсыпаны и разъединены,—Москва умѣла сплотить многіе изъ нихъ и выучила дѣйствовать за одно, согласно своей волѣ и благодаря обстоятельствамъ, благоприятно сложившимся для нее одной, въ исключеніи. На сколько умѣло велось это дѣло именно въ тяжкія времена усиленныхъ преслѣдованій, доказываютъ краснорѣчивыя цифры. До 1826 года во всей Москвѣ едва насчитывалось 30 молельнъ, къ началу же сороковыхъ годовъ ихъ было уже до 150. При этомъ и здѣсь, какъ и въ остальной Россіи, безпоповцы силились скучиваться въ сплошное населеніе, но, подъ давленіемъ внѣшнихъ препятствій и обидъ, снова разбивались на отдѣльныя мелкія общины и укрывались гдѣ ни попаало, лишь бы только объявился тамъ богатый и охотливый покровитель. До указаннаго года они гнѣздились около Преображенскаго кладбища, въ Лефортовѣ и по Васманнымъ, послѣ того разсыпались по всей Москвѣ и засѣли гнѣздами безъ разбора и безбоязненно въ городскихъ центрахъ и въ Замоскворѣчѣ. Сила этого толка возрастала и отъ умѣлаго веденія дѣла искусными, многоопытными книжниками, и отъ поддержки фабри-

кантами съ тѣми извѣстными фамиліями, которые гремѣли не только по Россіи, но и по всей Сибири до китайскихъ предѣловъ и Кяхты. Фабриканты, какъ бы по влеченію особенной мистическою силою, готовно шли на помощь именно этой наиболѣе гонимой сектѣ едосѣвщины, опиравшейся, съ другой стороны, на энергію и большія нравственныя силы наставниковъ. Такой-то умѣлости послѣднихъ и готовной щедрости первыхъ Москва обязана была тѣмъ, что временами принуждена была усугублять силу вліянія иногороднимъ общинамъ, въ которыхъ случайно сочетались оба условія: нравственное и матеріальное.

Въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ неожиданно-негаданно для богомольной столицы обнаружился соперникъ тамъ, гдѣ всего менѣе можно было его подозревать. Въ Москвѣ принуждены были вступать съ нимъ въ сдѣлку, стараться установить живыя и прочныя связи и дѣлить самую власть пополамъ.

На большомъ сибирскомъ трактѣ изъ Петербурга, шедшемъ черезъ Кострому на Вятку, расположился тотъ маленькій и ничтожный городокъ Судиславль, который Екатериною II оставленъ былъ за штатомъ. Онъ близко примыкалъ къ тому непочатому, по недоступности, дремучему лѣсу, который въ 1839 году устранилъ всю сѣверную Русь необычайнымъ и страшнымъ явленіемъ лѣсного пожара. Пожаръ длился весь августъ мѣсяцъ. Отъ сгустившагося дыма солнце нѣсколько недѣль не давало лучей и казалось вырѣзаннымъ изъ фольги кругомъ; природныя цвѣта отъ смирады видоизмѣнились: зелень на поляхъ и огородахъ казалась голубою, красныя крыши отливали желтымъ цвѣтомъ. Въ самый полдень становилось такъ темно, что въ избахъ по деревнямъ начали зажигать огни и работать при лучинѣ. Отъ раскаленного лѣсного воздуха вѣтеръ превратился въ ураганъ. Вури съ вихрями разбрасывала пепелъ вмѣстѣ съ перегорѣлыми листьями, не дотлѣвшими лапчатымъ мохомъ, еловою и сосновою хвоею, какъ пухъ, за сотню верстъ отъ пожара и мчала пламя съ усиленною быстротою въ сѣверо-восточномъ направленіи. Она перекинула огонь черезъ рѣку Ужу, загнала въ лѣса по Ветлугѣ и, перебросившись черезъ Волгу, опоясала огненною неодолимою стѣною всѣ тѣ лѣса, которые были смѣжны, тянулись по уѣздамъ трехъ губерній и по рѣкамъ Ветлугѣ и Керженцу и которые, въ особенности, были любезны и дороги всему нашему старовѣрью. Народомъ обуюлъ небывалый страхъ: въ теченіи всего лѣта почти не было дождя и выпавшій одинъ разъ въ теченіи пяти недѣль лишь только вспрыснулъ сильно потрескавшуюся жадную землю, словно испарившись еще на ходу изъ облаковъ. Къ тому же,

дождевыя капли, пробиваясь сквозь воздухъ, наполненный пепломъ, принимали красноватый оттѣнокъ.

— Идетъ кровавый дождь! — съ замираніемъ сердца толковалъ народъ и въ усиленной молитвѣ искалъ успокоенія, ожидая страшнаго суда и конца свѣта. Поднимали православныя изъ церквей иконы и служили безпрестанныя молебны. Старые люди принялись говѣть, исповѣдываться и причащаться.

— Наступаетъ свѣтопредставленіе! — увѣренно повторяли въ каждой деревнѣ. Надѣвали чистыя рубахи, вынимали изъ сундуковъ спрятанные на смертный случай саваны съ длинными рукавами и широкими подолами. Приготовлялись къ кончинѣ. Ждали пришествія антихриста и даже выходили къ нему на встрѣчу, вовсе покаяная жилища. По крайней мѣрѣ, когда наступала ночь, рѣдкій рѣшался оставить часовенныя и церковныя площадки и идти спать на печи или на полаты. Цѣлые дни проводились подъ открытымъ небомъ въ сосѣдскомъ сообществѣ и на міру, гдѣ и смерть считается красною. На всѣхъ лицахъ написанъ былъ ужасъ. Рѣдкій рѣшался вымолвить слово и въ деревняхъ не замѣчалось обычнаго суетливаго движенія. На бѣду, пришлые слѣпыя старцы, утѣшались въ кружокъ гдѣнибудь на задахъ селенія, истоиво разводили тоскливыми, хрипыми голосами:

А и мѣсяць-солнце померкнули:

Не видать луча свѣта блага,—

Словно мать-сыра земли погибается,

Погибается мать-сыра земля, разступается...

— Топнехонько! — мучительно выговаривалъ каждый отъ мала до велика, когда воздухъ до того уже наполнился дымомъ и смирадомъ, что нѣтъ было дышать, тупѣло зрѣніе, утрачивался вкусъ, ощущалась во рту горечь и захватывало горло до кашля.

Это было время того страшнаго народнаго отчаянія, когда каждый ищетъ утѣшенія въ любомъ ободряющемъ словѣ и прислушивается къ первому указанію, гдѣ искать спасенія. Это время народнаго бѣдствія, въ особенности, пощастливало судиславскимъ начетчикамъ и покровителю ихъ Папулину. Число послѣдователей быстро увеличилось, сколько по ненаходчивости и равнодушію мѣстнаго духовенства, привыкшаго гнушаться обличеній и лишь исполнять однѣ заказныя требы, столько же въ виду помощи тароватаго богача, умѣвшаго пріютить погорѣлый народъ, спасшійся отъ пламени. Погорѣли въ это время не только деревни и села, но и цѣлый городокъ — историческій Кадый, обойденный и пощаженный татарами и литовскими людьми, но сгорѣвшій весь дотла; уцѣлѣла какимъ-то случаемъ одна лишь кладбищенская деревянная церковь, соборная же Никольская каменная сгорѣла.

Пріютилъ Папулинъ весь этотъ обездоленный безнадежно народъ въ своихъ обширныхъ покоехъ и другихъ строеніяхъ; нанималъ на свои средства и частные дома въ судиславской слободкѣ и на посадѣ. Поилъ и кормилъ, навѣщалъ съ ласковою улыбкою и привѣтливымъ словомъ весь этотъ напуганный людъ, видѣвшій самолично всѣ ужасы лѣсного пожара: горячимъ дождемъ сыпалась на него расплавленная смола съ вѣковыхъ деревьевъ и негдѣ было укрыться; въ одной сторонѣ бѣшеный огонь зажигалъ тѣ сухари, тѣ старыя душлистыя деревья, которыя, по ветхости, едва отставались на корню, а охваченныя пламенемъ, они валились на молодые и здоровыя сосны пылающими головешками; съ вивгомъ и свистомъ свертывались въ комки молодые вѣтки и, склубившись отъ жара въ огненные шары, отрывались вѣтромъ и уносились въ невидимую даль зажигать попутные и еще уплывшіе боры. Кругомъ и около шли неудержимо, наступая съ двухъ другихъ сторонъ, двѣ другія огненные стѣны, уже наладившіяся на полное разрушеніе всего, что попадалось имъ на дорогѣ, съ выстрѣлами, съ пушечною пальбою, со звѣннымъ шипѣніемъ и звѣриннымъ воемъ. На время та и другая примолкали, но обманывали: не стало слышно шуму и треску, значить, разгорается. Вообще, къ ночи пожаръ, видимо, стихалъ, но снова лукавилъ: налеталъ вѣтеръ бѣшеннымъ порывомъ и снова раздувалъ пламя, и снова разливалось огненное море тамъ, гдѣ рассчитывали найти мѣсто для ночлега и укрытія. Всѣ выбивались изъ силъ, прорубая просѣки, разрывая канавы и пуская встрѣчный пожаръ. Всѣ опускали руки въ полномъ отчаяніи при видѣ, какъ выли собаки, какъ отрывались отъ коновязей лошади, выскакивали съ выгоновъ коровы и ошалѣлыми бросались въ пламя и обгорали, какъ медвѣди скучивались на полянахъ и лѣсныхъ прогалинахъ въ томъ же беззащитномъ до очумѣнія ужасѣ.

Все это живьемъ возставало въ памяти обогрѣтыхъ, успокоенныхъ и накормленныхъ, твердо вѣровавшихъ, что стряслась бѣда—ясное дѣло—за великіе людскіе грѣхи и беззаконія, но за какіе же изъ прочихъ? Не замедилъ Папулинъ объяснить напрямикъ сомнѣнію церковниковъ и ежедневно показывалъ ту силу вѣры своей, которая наглядно выражалась невозмутимымъ хладнокровіемъ, хлопотами о сегодняшнемъ днѣ. Ясно видѣлась твердая вѣра и образно оказывалась въ земныхъ поклонахъ передъ образами, въ продолжительныхъ службахъ въ часовнѣ, благоговѣнно по всѣмъ четыремъ стѣнамъ украшенной дорогими иконами. Мрачно съ темныхъ фоновъ смотрѣли изможденные лики и тощія фигуры святыхъ, писанныхъ стариннымъ пошибомъ, рассчитаннымъ именно на устрашеніе напуганнаго воображенія. Войти туда и уми-

латься, искать утѣшенія въ молитвѣ и сладости созерцанія божественныхъ ликовъ можно было не иначе, какъ принявъ повторительное крещеніе—мужчинамъ отъ мужчинъ, женщинамъ отъ наставницъ ихъ же пола—и послѣ многихъ отреченій отъ привычнаго. Здѣсь все необычно и самая молитва требуетъ особыхъ приемовъ и совершается съ такимъ отчужденнымъ благочиніемъ, какого не видывали пригрѣтые новики ни у деревенскихъ часовенъ своихъ, ни въ сельскихъ церквахъ.

Къ этимъ новопрібылымъ, наиболѣе дорогимъ и желаннымъ гостямъ, привычно называемымъ „свращенными“, раньше уже причислили себя всѣ тѣ изъ мѣщанъ городка, которые измѣнились на скудости житія и въ безвременья. Одинъ сѣялъ на огородѣ лукъ, да самъ его и ѣлъ; другой поторговывалъ тряпьемъ, да и на этомъ раззорился; третій точалъ сапожники, починалъ башмаки, а самъ ходилъ отъ такого промысла круглый годъ босикомъ. Этотъ пробовалъ торговать солью въ развѣсъ, рыбою въ разрѣзъ, соленнымъ судакомъ на вѣсъ, да порѣшили, что ему въ родномъ мѣстѣ выгоднѣе попытаться торговать лаптями, а потомъ уже съ прибылями шататься промежду дворовъ, нажимаясь у сосѣдей либо огородецъ вскопать, либо сѣно перетрусить, либо баньку истопить. Кто совсѣмъ сбѣжалъ отъ бѣдности, а изъ оставшихся многіе словно очумѣли, принявши печь калачи, которыхъ, помимо базарныхъ дней, и покупать здѣсь было некому. Всѣмъ извѣстно это мѣщанское счастье, готовое всегда продать себя во всякую вѣру: было бы утѣлое предложеніе съ утѣляющимъ нужду приложеніемъ. Конечно, умный сосѣдъ хорошо зналъ, съ какой стороны подойти къ оскудѣлому и въ какой день и часъ обмотать тенетами. При этомъ, какая же вѣра безъ проповѣди и не въ этомъ ли главная суть для всякаго, кто назвался попечителемъ или кого выбрали уставщикомъ и въ наставники?

Прощѣтанію Папулинской общины помогало, сверхъ прочаго, также и то, что въ нее присылали изъ Москвы всѣхъ людей, за которыхъ тамъ боялись и которыми, въ то же время, дорожили. Безъ людей, не имѣвшихъ паспортовъ или, обмѣжно за подкупъ, приписанныхъ неправильно къ московскому и всякому любому мѣщанству, конечно, по силѣ вещей, тутъ не могли обходиться. И затѣмъ, разумѣется, въ пригрѣтыхъ и спрятанныхъ попадали и тѣ ловцы въ человѣчѣхъ, для которыхъ труднѣе было заманить новика, чѣмъ закрѣпить его. Если полиція хватала таковыхъ, Москва успѣвала находить новыхъ и присылать свѣжихъ: извѣстный большимъ подворьемъ Чижовъ угнѣлъ на своихъ лошадяхъ провозить и вывозить, наживая деньги и славу и оставаясь у начальства десятки лѣтъ лишь въ сильномъ подозрѣніи.

Къ этому-то живому и дѣятельному приюту пожарное время привлекло новыя силы, увеличивъ численность и прибавивъ славы и вліянія судиславскому старцу.

Вырядится, бывало, Папулинъ въ однорядку-кафтаны, на которыхъ по спинѣ у талии сдѣланы сборки, а на нихъ справа и слѣва вшиты треугольные маленькіе лоскутки; по воротнику и по бортамъ идетъ красный шнурокъ и рядъ серебряныхъ пуговицъ съ чернью, выписанныхъ прямо изъ Устюга, гдѣ только и умѣли выдѣлывать въ тѣ времена таковыя. Волоса на темени у него гладко выстрижены. Пойдетъ бывало онъ въ этомъ молитвенномъ нарядѣ въ часовню слушать всенощную. Тамъ, вмѣстѣ съ прочими, онъ присядетъ на своемъ мѣстѣ прямо на полъ и станетъ ожидать выхода наставника. Появится тотъ самый, что прибылъ изъ Москвы. Тамъ онъ дѣлалъ карды для суконъ и торговалъ въ маломъ скобяномъ ряду, а до того въ Тулѣ съ тремя архіереями имѣлъ составленіе, защищая еодесивщину, и ото всѣхъ съ упрямствомъ и дерзостью отбился. Черезъ это самое онъ прославился на всемъ пространствѣ безпоповщины отъ топозерскихъ скитовъ, вблизи Вѣлаго моря, до земли кубанскихъ казаковъ, примыкающей уже къ Черному морю.

Кадить наставникъ указнымъ способомъ изъ ручной кадильницы, крестообразно; кадитъ Папулину и всѣмъ предстоящимъ, хранящимъ гробовое молчаніе. Восходить онъ затѣмъ на амвонъ, провозглашаетъ: „возстаните!“ и ведетъ всенощную службу долго, безъ пропусковъ и отчетливо. На ясно произносимые возгласы бойкимъ и громкимъ пѣніемъ отвѣчаютъ ему пѣвчіе изъ дѣвушекъ и молодыхъ мужичиъ, занимающие боковые клиросы. Сквозъ открытыя окна выносятся наружу это пѣніе отлично слаженного хора, одnogолосное, по крюкамъ и съ обычною пригнускою. Какъ нельзя лучше отвѣчаетъ оно настроенію напуганныхъ и тоскующихъ душъ тѣхъ, которые еще не были, послѣ строгой исповѣди и поученія, исправлены, т. е. перекрещены и разрѣшены къ общей молитвѣ. Они лишь издали могли видѣть богато убранный серебряными ризами съ золоченными вѣнчиками и богато освѣщенный восковыми свѣчами и хрустальнымъ лампадами иконостасъ. Могли все это видѣть и умиляться тому, чего они никогда не знавали прежде, какъ все согласно и разомъ, какъ бы по командѣ, бросали на полъ коврики и становились на колѣни или перебирали въ рукахъ кожаныя лестовки съ кистями кожаныхъ же ленточекъ.

Особенною торжественностью обставлялъ Папулинъ свои моленія и съ особеннымъ усердіемъ клалъ земные поклоны и неустанно перебиралъ лестовку въ это время потому еще, что восходила его звѣзда не надъ одними лишь кинешемскими и галицкими предѣлами. Она начи-

нала ослаблять свѣтъ всѣхъ тѣхъ звѣздъ, которыя сіяли по стогнамъ Москвы, и даже той, которая давно уже играла яркимъ блескомъ надъ самимъ Преображенскимъ кладбищемъ еще со временъ Ильи Ковылина. Пусть на Филахъ, въ Москвѣ, кичатся неизсякаемыми денежными капиталами, онъ, Папулинъ, овладѣлъ такимъ сокровищемъ, на которое едва ли хватить этихъ капиталовъ. Самъ великій московскій наставникъ Семень Кузьмичъ, со всѣмъ соборомъ попечителей и со всѣмъ Преображенскимъ кладбищемъ, явится теперь къ нему и поклонится до самой земли. За совершенный имъ подвигъ въ прославленіи своей вѣры онъ уже предугадывалъ свое мѣсто въ сонмѣ отошедшихъ къ праотцамъ праведниковъ: Ильи Алексѣевича (Ковылина), доставившаго Преображенскому кладбищу уваженіе и покровительство высшаго правительства, и Луки Терентьевича, не только установившаго порядокъ на кладбищѣ, но и учредившаго болѣе десятка единовѣрныхъ общинъ въ различныхъ мѣстахъ. Папулинъ имѣлъ уже право воображать себя сидящимъ рядомъ съ обоими въ мѣстѣ „полистомъ и прекрасномъ, въ одеждѣ апостольской“. „На главѣ его вѣнецъ изъ цвѣтовъ райскихъ, сплетенный весьма дивно, на ногахъ сандалии апостольскія. Триста младенцевъ предстоятъ ему и дивно и прекрасно поютъ ему по старонарѣчному: Днесь благодать Святаго Духа нась собра! И то пѣніе превосходитъ умъ человѣческій!“

Въ безпоповщинѣ, гдѣ привязанность къ старой обрядности, почитаемой древнею, доведена до крайнихъ предѣловъ нетерпимости, наибольшая любовь и усиленное исканіе обращены на старую книгу и старую икону. Въ средѣ еодесивцевъ послѣднія въ особенности живы и дѣятельны. Это очевидное явленіе объясняется тѣмъ, что (по свидѣтельству даже несомнѣнныхъ враговъ) самый низшій классъ еодесивцевъ столь свѣдущъ въ знаніяхъ священнаго писанія, какъ рѣдко можно найти исповѣдниковъ православія въ средѣ образованнаго общества. Съ малолѣтства, какъ только ребенокъ укрѣпится на ногахъ и начнетъ ходить, его заставляють три раза въ день класть „началь“ по семи поклоновъ. Съ первымъ лепетомъ онъ начинаетъ уже затверживать молитвы; въ школѣ, для всѣхъ обязательной, онъ поступаетъ въ руки самыхъ искусныхъ и немилосердно строгихъ мастеровъ, изъ которыхъ каждый въ любой изъ обихъ книжныхъ премудростей—писмѣ и чтеніи—является доточникомъ и во всѣхъ еодесивскихъ общинахъ на виду и на счету. Одинъ съ такимъ искусствомъ переписываетъ сказанія съ книги, что хорошій знатокъ съ трудомъ разбираетъ поддѣлку; другой настолько начетливъ, что не выстѣиваютъ въ спорахъ съ нимъ церковники-никоніане. На обычныхъ всѣмъ старовѣрамъ начаткахъ премудрости въ еодесивщинѣ

не останавливаются, а идут гораздо дальше: часословъ сѣняется тріодами, псалтырь—писаниями ветхозавѣтныхъ пророковъ и т. п. Во всемъ множествѣ апокрифическихъ книгъ разбирается потому каждый изъ юношей, вернувшись изъ лавки и отъ дневныхъ работъ, и списываетъ полууставомъ для себя интересное изъ книги, полученной на поддержаніе и для прочтенія. Всегда суровая и строгая домашняя жизнь, которую отчуждаютъ правила секты отъ всѣхъ развлеченій, представляетъ единственный выходъ въ постоянное чтеніе, размышленія и бесѣды. Въ семьѣ изгнано всякое поползновеніе къ расточительности и во всемъ установлены границы самаго строгаго, истинно-монашескаго воздержанія. Ни одинъ едосѣвецъ, даже очень богатый, не позволить себѣ оскверниться одною кашею постнаго масла, одною ложкою горячей пищи въ обѣ великія недѣли Великаго поста и т. под. Поразительное безмолвіе, темнота во всѣхъ покояхъ, давящее уныніе—царствуютъ въ домахъ этихъ людей, которые бережливы до скарденности, скупы до алчности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лицемѣрны до крайностей пустосвятства. Въ этихъ условіяхъ закаляется едосѣвецъ, дѣйствительно, въ такого книжника, съ которымъ споръ становится не только невозможнымъ, въ виду его упornaго самолюбія, но и досадно-оскорбительнымъ по причинѣ непреодолимаго упрямства начитавшихся до пресыщенія. Пѣтъ ничего удивительнаго также и въ томъ, если изъ подобной среды, сплошь и рядомъ, выдѣляются и стойкіе оберегатели вѣрованій секты и практичные руководители дѣлами всей общины, умѣлые пріобрѣсти и собрать, и наилучшіе знатоки по иконографіи, по оцѣнкѣ пошибовъ писемъ старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Ни въ одной сектѣ не поставлено это дѣло на такую прочную почву и не идетъ такимъ правильно намѣченнымъ путемъ. Здѣсь народились и тѣ знатоки-самоучки, изъ которыхъ бывало нуждались и отъ которыхъ многому научились наши историки, археологи, археографы, нумизматы и т. д.

Для прочихъ старовѣровъ съ удобствомъ служить и исполнѣть удовлетворяетъ живую потребность село Палѣхъ, гдѣ пишутся иконы по стариннымъ подлинникамъ, и село Мстера, не только приготовляющее новыя, но и починяющее старыя иконы. Для нихъ же, владѣющихъ менѣе опытнымъ глазомъ, сходять съ рукъ и многочисленныя поддѣлки, выражающіяся въ искусственныхъ трещинахъ, въ скоробленыхъ доскахъ въ мѣстахъ, оставшихъ отъ грунта, въ краскахъ и т. д. Для нихъ же на сырую глину оттискивается рельефъ истово-старога мѣднаго образа (столь любимаго старовѣрами)*), въ полученную форму заливается

*) Любимы металлическіе образа собственно по той причинѣ, что сдѣланы не погаными ру-

расплавленная мѣдь; остывшій образъ держится надъ парами нашатыря, зеленая мѣдь превращается въ красную и образъ принимаетъ закопѣлый старинный видъ. Тенерь надо уже звать именно едосѣвца, чтобы онъ разобрался въ искусной поддѣлкѣ и тонко доказалъ всѣ погрѣшности и отступленія. Въ иконахъ, рукописяхъ и книгахъ любой самоучка-знатокъ разбирается, намѣтая цѣну, съ такимъ же искусствомъ и легкостью, какъ иной торговый приказчикъ, посѣдѣлый на производствѣ въ теченіи многихъ лѣтъ все однихъ и тѣхъ же сортовъ товара.

Вниманіе едосѣвцевъ обращено совсѣмъ въ другую сторону: на подлинныя и живыя предметы. Нѣкоторые изъ едосѣвцевъ были сосланы въ Соловецкій монастырь, и вскорѣ богатыя московскія молебни украсились иконами изъ тамошняго Спаскаго собора, писанными еще въ то время, когда св. митрополитъ московскій Флиппъ былъ тамъ игуменомъ. Сводя знакомство съ монахинями и бѣлицами московскихъ монастырей, едосѣвцы научили ихъ снимать во время очередныхъ дежурствъ въ церквахъ указываемыя ими старинныя иконы и поддѣлывать ихъ поддѣльными. Такимъ способомъ, изъ верхняго яруса въ большомъ соборѣ Ново-дѣвичьяго монастыря вынуты были и поддѣнены иконы письма знаменитаго русскаго иконописца Андрея Рублева. Извѣстный знатокъ и любитель подкупилъ сторожа кремлевской церкви Двенадцати Апостоловъ и за недорогою цѣну выпросилъ дозволеніе взять къ себѣ на домъ створчатый образъ 12-ти праздниковъ; онъ возвратилъ копію, а драгоценный подлинникъ оставилъ у себя. Онъ же, черезъ подкупленнаго служителя, находившагося неотлучно при продажѣ свѣчей, покупалъ иконы и изъ Успенскаго Большаго собора. Торговецъ мѣдною посудомъ въ Колокольномъ ряду разсылалъ съ ходебщиками церковную утварь вмѣстѣ съ шелковыми и шерстяными товарами и изъ губерній Новгородской, Тверской и Псковской получалъ старопечатныя книги и рукописи, вымѣненныя на шерстяные платки и разныя безцѣнные бездѣлушки. Одинъ изъ такихъ же ходебщиковъ, продѣлывавшій подходящія торговыя операціи по мелочи въ деревняхъ около Саввы Сторожевскаго и Кирилла Бѣлозерскаго, привезъ къ воротамъ Преображенскаго кладбища цѣлый воевъ старинныхъ иконъ безъ окладовъ (которые были проданы у Сузаревой башни отдѣльно); ходебщикъ сдалъ порученную кладъ и исчезъ.

Вотъ тѣ видимыя и вѣдомыя источники, изъ ками, а пропалъ черезъ огонь. Старинныя складни чтутъ даже такъ, что къ владѣльцамъ ихъ ходятъ на поклоненіе, какъ бы къ какому святому мѣсто. При этомъ старую икону стараются обмывать, поливая на нее воду рукою. Эту воду стоняють съ ликомъ въ чистую посуду и, послѣ молитвы, пьютъ, а недопитуую выливаютъ въ печь.

которые заручалась богатая еедосѣвщина религиозными сокровищами въ такомъ количествѣ, что съ избыткомъ могла снабжать единомышленные общины даже въ Сибири и на Дону. Приобрѣтенія эти тѣмъ быстрѣе исчезали, что самыя моленныя требовали иконнаго обидія не только въ таблахъ, замѣняющихъ иконостасы, но и сплошь по стѣнамъ. Ту моленную и прославляли, въ той часовнѣ и молились охотнѣе, гдѣ не глупо было стѣнныхъ просвѣтовъ и всѣ любимыя и требуемыя обычаемъ изображенія были на лицо и стояли на своихъ мѣстахъ. Московскіе богачи находили случаи, по присущему породѣ и природѣ ихъ тщеславію, искать удовольствія не только въ дорогихъ окладахъ, но и въ изяществѣ и рѣдкости письма. Они-то, приобретаая иконы не щадя средствъ, уменьшили ихъ количество на рынкѣ и подняли цѣны до недоступной высоты. Специальная лавка у Варварскихъ воротъ превратилась въ археологическій музей, куда можно было лишь приходить любоваться корсунскимъ или строгановскимъ письмомъ и изумляться тѣмъ высокимъ цѣнамъ, за которыя приобретались рѣдкости еедосѣвщиницнителями. За „Воскресеніе Христово съ Возстаніемъ“ письма Никифорова заплачено было 1.700 руб. Серебряные оклады, густо вызолоченные, древней сканной работы, оцѣнивались каждый въ три и болѣе тысячъ. Все это происходило въ виду того обстоятельства, что простыя иконы новѣйшаго письма, но по стариннымъ подлинникамъ, поступаютъ въ руки офенямъ отъ 2 р. до 25 р. за сотню. Только заказныя палѣховскія, сработанныя тщательно на маслѣ и въ томъ миниатюрномъ видѣ, гдѣ правильность и отчетливость изумительны, возрастаютъ въ цѣнѣ отъ 50 коп. до 1 руб. за каждый ликъ на иконѣ.

Съ усиленіемъ къ сороковымъ годамъ текущаго столѣтія количества еедосѣвскихъ моленъ, изъ которыхъ каждая стремилась заручиться какою либо подлинною старинною рѣдкостью, чтобы, украсивъ богатимъ окладомъ, сдѣлать ее драгоценностью, — требованія на подобныя изображенія сильно увеличились. Въ это-то самое время Папулинъ изловчился приобрести цѣлую древнюю церковь со всѣмъ ея иконостаснымъ и стѣннымъ украшеніемъ. Изумленная до восхищенія еедосѣвщина даже смутилась отъ такого отчаяннаго и крупнаго подвига, который неизбежно долженъ былъ загремѣть, не могъ укрыться и не повлечь за собою роковыхъ послѣдствій. Только привычка жить и дѣйствовать подъ постояннымъ страхомъ преслѣдованій, научившихъ не бояться опасностей и искать приключеній, изловчаться на скользкомъ пути и обѣгать разверстыя пропасти, — привычка помогла осилить тяжелыя впечатлѣнія отъ дерзкаго, но, очевидно, обдуманнаго и тонко проведеннаго предпріятія Па-

пулина. Преображенское кладбище и, въ особенности, настоятель его, Семенъ Кузьмичъ, приняли самое дѣятельное участіе и посѣтили оказать надлежащую помощь, когда она потребовалась рѣшительнымъ и смѣлымъ приобретателемъ. Такой случай повторился въ первый разъ послѣ едва памятнаго подобнаго же и, во всякомъ случаѣ, черезъ полтора года лѣтъ.

Въ городѣ Сольвычегодскѣ, Вологодской губерніи, гдѣ, во времена Грознаго царя именитые люди братья Строгановы на вываркѣ соли наживали основы послѣдующихъ несметныхъ родовыхъ богатствъ, ими построены богатые церкви. Соборная Введенскаго монастыря, испещренная фронтонами и колоннами, вышеченными изъ бѣлаго камня и разноцвѣтными кафельными украшеніями по всѣмъ наружнымъ стѣнамъ, уступаетъ въ изяществѣ одному лишь Василию Блаженному. Всеградская соборная Благовѣщенская церковь, огромнѣйшее готическое зданіе, издавна славилась древностью иконъ, богатствомъ одеждъ и утвари. Отъ двухъ пожаровъ уцѣлѣли соборныя драгоценности и между ними такая, какъ холстинный саккозъ, покрытый живописными образами и приписываемый св. Стефану Пермскому. Строгановы, очевидно, не щадили средствъ на приобретение именно рѣдкостей и драгоценностей, а заботу о церковномъ благолѣпін простирали даже до того, что выписали изъ Италіи мастеровъ и поселили ихъ у себя съ семьями. Этими зодчими, кромѣ храмовъ, построены были и жилища каменные и деревянные палаты, также наполненные дорогими и рѣдкими иконами. Заведена была особенная школа иконописцевъ, слава которой дошла до нашихъ временъ. Позднѣйшіе потомки ихъ, увлеченные государственною службою и громадными дѣлами на Уралѣ, забыли о сольвычегодскихъ сокровищахъ. Ихъ-то и замѣтилъ тотъ проницательный глазъ, который до тѣхъ поръ высматривалъ лишь бороваыя грибныя мѣста. Съ помощью галицкихъ единовѣрцевъ, закупавшихъ въ тѣхъ лѣсныхъ мѣстахъ сырые мѣха на выдѣлку въ селеніи Шокшѣ, доискался онъ до этихъ забытыхъ сокровищъ. Съѣздить туда самъ, осмотрѣть, залюбовался и, найдя покладливаго челоуѣка въ протопопѣ, повелъ съ нимъ тайныя рѣчи. Рѣшено было большое дѣло легкимъ способомъ на томъ, чтобы испросить у синода разрѣшеніе продать обветшавшія и яко бы уже совсѣмъ облупившіяся старыя иконы и на вырученные деньги, приблизительно въ тысячу рублей ассигн., починить и подновить разрушающіеся графскіе терема и дворецъ, какъ историческіе памятники. Синодъ не замедлилъ заочнымъ благословеніемъ, а Папулинъ — выдачею настоятелю собора условленной суммы, сверхъ смѣтной тысячи, другую за хлопоты и легкую сговорчивость. Первому „ты-

сячею умазалъ руцѣ протопресвитера Ник. Анд. Папулинъ“, какъ задаткомъ,—говорить народное преданіе,—и обѣщалъ остальныя шесть тысячъ вручить, когда окончено будетъ все предпріятіе и иконы положены будутъ на воза. Съ пустыми возами прѣѣхалъ Папулинъ обратно, съѣздивъ домой за условленною, крупною по тому времени платежною суммою. Онъ остановился въ ближайшей деревнѣ, приказавъ извозчикамъ покормить тутъ лошадей, и, какъ тать въ нощи, сходилъ навѣдаться о томъ, не раздумали ли. На другой день иконы въ соборѣ составили съ мѣсто еще засвѣтло и пригото-вили къ отправкѣ. Деньги вручены были немедленно и, поздною ночью, тронулся обозъ на 12-ти лошадяхъ и на шести паряхъ подводъ со всѣми предосторожностями отъ недобрыхъ людей и съ иконами количествомъ до 1.350. Тутъ были и мѣстные, мѣрою въ 3 аршина, и складни изъ 5 и 3 иконъ, и походныя полковыя, „писанныя нынѣшнему свѣту на удивленіе (продолжаетъ записанное свидѣтельство само-видца), въ полномъ видѣ какъ въ рисовѣ, такъ и въ прочности заготовки; и въ изображеніи красокъ, свѣтлости и прочности удивленіемъ состоятъ для нынѣшнихъ изографовъ, какіе у князей были писцы и какъ занимались искусно и не жалѣли времени“ и т. д. *).

„Въ настатіи лѣта того года (продолжаетъ писать откровенный свидѣтель), гдѣ иконы стояли, на стѣнахъ по краѣхъ раскинуты разныя цвѣты и травы, съ отливкою разныхъ красокъ по древнему вкусу, а болѣе, чтобы ихъ плутовство не оказалось“.

У Папулина, во всякомъ случаѣ, на возахъ оказались иконы, писанныя св. Петромъ митрополитомъ, извѣстнымъ изографомъ, — именно Петровская Умиленія и копія Владимирской (Пирогощи). Этими иконами благословляли московскіе патриархи именитыхъ людей Строгановыхъ (и свидѣтельствовали о томъ собственноручными надписями на оборотной сторонѣ досокъ), когда братья, сыновья или племянники прѣѣзжали въ Москву и являлись въ дни св. Пасхи христосоваться съ царемъ и патриархомъ,

*) Пользуюсь здѣсь тѣми данными, которыя нашелъ въ Дневныхъ дозорныхъ запискахъ о московскихъ раскольникахъ, отысканныхъ нашимъ извѣстнымъ археологомъ, неутомимымъ искателемъ слѣдовъ родной старины и ея возстановителемъ въ Ростовѣ, А. А. Титовымъ. Эти записки, очевидно, писанныя для г. Липранди, тайно слѣдившаго за движеніями въ средѣ раскольниковъ, напечатаны г. Титовымъ въ 1885 г. въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (кн. II). Вѣроятно, это ученое общество не замедлитъ обнаруженіемъ и второй части, какъ продолженія этихъ записокъ, представляющихъ такой живой матеріалъ, совершенно заново освѣщающій темное дѣло нашего раскола и, въ особенности, едосѣвщины. Къ изданному же надѣюсь возвратиться еще разъ.

поднося тому и другому золотыя монеты на серебряныхъ блюдахъ. Тутъ же, съ прочими иконами купленною оказалась и икона „Годъ святыхъ“, подлинно писанная извѣстнымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ.

Привезенныя иконы Папулинъ исправлялъ и подновлялъ, а для этого у него въ Судиславѣ жили три года восемь человекъ мастеровъ. Подновленными онъ украсилъ двѣ свои каменные модельни: мужскую и женскую; другими торговалъ въ Москвѣ при помощи тѣхъ же мастеровъ, а при участіи своего приказчика Николая Семенова, постоянно жившаго въ Петербургѣ, и въ этой столицѣ. Здѣсь этотъ добренненькій человекъ торговалъ грибами, салфетками и холстомъ. Въ обозѣ этого товара и въ перекладку съ нимъ онъ возилъ сольвычегодскія иконы и на потребу петербургскихъ едосѣвцевъ для домашнихъ моленъ и общественной на Волковомъ кладбищѣ. „Денсусъ“ въ трехъ иконахъ продалъ Папулинъ въ Москвѣ за 700 р., Іоанна Претечу съ крыльями, прямолиный на трехъ иконахъ—за 500 руб. Самому Папулину обошлась каждая икона, мелкая и большая, круглымъ счетомъ по 5 рублей, а онъ бралъ за иныя по 250 и выручилъ отъ продажи въ разныхъ губерніи до 13 тысячъ и, сверхъ того, 7 тыс. отъ одного Преображенскаго кладбища *).

Этотъ второй случай въ исторіи раскола—случай похищенія священныхъ украшеній полнаго храма—для главнаго виновника не увѣчался, однако, тѣмъ же успѣхомъ, какъ случилось въ подобный первый разъ. То было въ 1695 году, когда уже упомянутый нами черныи попъ Θεодосій, по раззореніи Керженца и послѣ сожженія живымъ товарища его, пошехонскаго дворянина Токмачева, бѣжалъ къ московскимъ рубежамъ и по пути очутился въ Калугѣ. Здѣсь онъ въ ветхой церкви Покрова, стоявшей безъ звона и пѣнія много лѣтъ, купилъ иконостасъ, сооруженный также во времена Ивана Грознаго. Съ нимъ онъ перебрался въ Вѣтку и установилъ его на вѣчныя времена во вновь отстроеной церкви.

Про Папулина весною 1846 года стали доходить въ Москву на Преображенское недобрые слухи. Писали изъ общины его на мельничѣ Калишки, что всѣ иконы, бывшія въ тамошней модельнѣ, взяты земскою полиціей, что забравъ даже имущество проживавшихъ тамъ людей, и все это отправлено куда-то на 20 возахъ.

*) Здѣсь эти иконы впоследствии, по настоянію гр. С. Г. Строганова, розыскивали, въ квартальный надзиратель, получившій отъ Семена Кузмина двѣ тысячи рублей, отозвался по начальству, что отыскиваемыхъ иконъ на кладбищѣ не имѣется. Между тѣмъ, Семенъ Кузминъ сольвычегодскими иконами переторговывалъ: такъ, напр., за „Распятіе Христа“ получалъ 200 руб. и столько же за „Нерукотворенный Образъ“. Продавалъ не только своимъ едосѣвцамъ, но и поповцамъ на Рогожскомъ кладбищѣ.

Груды этих иконъ видѣлъ пишущій эти строки въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ, по порученію попечителя учебнаго округа, переписывалъ соловычегодскій учитель гимназіи. Извѣстно также было, что много иконъ небрежно хранилось въ губерискомъ правленіи (какая судьба постигла тѣ и другія, осталось неизвѣстнымъ). Извѣстно лишь то, что много иконъ успѣли изъ Судиславля препроводить въ разныя мѣста и тамъ припрятать. Такъ, между прочимъ, изъ другой папулинской общины привезены были воспитанникомъ Папулина въ Москву, на Преображенское кладбище, иконы въ количествѣ тридцати, между которыми были три дорогія строгановскаго письма и изъ нихъ одна, оцененная въ 200 рублей.

Вскорѣ за этимъ транспортомъ съ иконами, уже лѣтомъ, прибыли на Преображенское кладбище два подручныхъ усташки изъ судиславскихъ мѣщанъ съ извѣстіемъ, что управленіе общинами Папулина и устройство быта проживавшихъ тамъ еедосѣвцевъ поручено тому самому Николаю Семенову, который торговалъ въ Петербургѣ грибами и иконами. Начали прѣзжать отсюда же ихъ монахи и монахини, которыхъ преображенскій наставникъ, въ видахъ безопасности и въ расчетъ на преслѣдованіе, отправлялъ въ Судиславль, какъ въ безопасное мѣсто. У него они снова благословлялись теперь, на старомъ мѣстѣ въ Москвѣ, чтобы совершать службы въ молельняхъ ради пропитанія, а двѣ монахини приняты Семеновъ Кузьминимъ въ число сестеръ въ женскую кладбищенскую палату. Еще весною того года Папулинъ надѣялся „угодить мѣстному начальству“ и писалъ о томъ этими словами въ Москву, но посланнаго отсюда для устройства калишникскаго общежитія московскаго мѣщанина Ипата Карпова Папулинъ отправилъ назадъ, чтобы не нанести неприятностей самому Преображенскому кладбищу. Писалъ Папулинъ въ апрѣлѣ, что община его весьма стѣснена надзоромъ тамошняго начальства, а затѣмъ скорѣ достигъ до Москвы вѣрный слухъ о томъ, что онъ задержанъ полиціею, — слухъ, породившій большія безпокойства въ московскомъ богадѣленномъ домѣ не унывавшихъ доселѣ еедосѣвцевъ. Купленные въ Судиславль иконы, находившіяся въ часовняхъ кладбища, рѣшено было перемѣстить въ безопасное мѣсто, каковымъ оказалась молельная на фабрикѣ одного изъ преображенскихъ радѣтелей, извѣстнаго въ торговомъ мірѣ фабриканта купца Гучкова.

Въ не менѣе надежное мѣсто помѣщенъ былъ и самъ Папулинъ.

Въ одномъ изъ промежутковъ между циклоническими стѣнами Соловецкаго монастыря, складенными изъ громадныхъ дикихъ камней, и стѣнами живыхъ монастырскихъ строеній, въ

сѣверо-западномъ углу, приютилась отдѣльная палата каменная и двухъ-этажная. Часть ея занята казармами караульныхъ солдатъ, присылаемыхъ на определенное время изъ Архангельска съ офицеромъ; другая часть—арестантскими. 12 чулановъ существовали издавна въ нижнемъ этажѣ очень стариннаго зданія, построеннаго еще въ 1615 году. 16 новыхъ чулановъ прилажены были и въ верхнемъ этажѣ въ 1828 году. Тогда уже наступило строгое время преслѣдованія за всяческія убѣжденія, въ томъ числѣ и за религіозныя, въ виду развитія сектъ молоканской и духоборческой. Основателями этихъ сектъ нашихъ рационалистовъ и были впервые оживлены маленькіе соловецкіе чуланы, похожіе болѣе на собачьи конуры. Соловки стали второю по счету живою могилою послѣ таковой же, приспособленной въ городѣ Суздали, въ тамошнемъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Мнѣ не разрѣшили попасть туда, не смотря на то, что я былъ снабженъ официальною бумагою, предлагавшею оказывать въ моихъ работахъ возможное содѣйствіе. Готовно показывали мнѣ все, что относилось до монастырскаго хозяйства, столь замѣчательнаго своимъ благоустройствомъ и предусмотрительною обезпеченностью. Я видѣлъ даже и ту палатку въ связи съ Преподобнической церковью, въ два этажа, въ которой сложена была разная церковная ветхая утварь, и тѣ иконы, которыя отбирала кемская полиція въ Поморьѣ и доставила изъ разрушенныхъ еедосѣвскихъ скитовъ на Топь-озерѣ и р. Мягрягѣ. Приходилось довольствоваться чужими свѣденіями и, безъ личной провѣрки, на нихъ полагаться.

Проѣзжая прелестнымъ чистеннымъ лѣсомъ поперегъ острова изъ главнаго монастыря въ Анзерскій скитъ, я слышалъ отъ своего возницы-монаха:

— Не выдерживаютъ они у насъ, въ умѣ мѣшаются.

Вотъ и примѣръ.

— Одинъ досидѣлся до того, что возмнилъ о себѣ, яко бы звѣрь въ него вселился и самъ онъ сталъ звѣремъ. Встанетъ на четвереньки и сбоку на бокъ качается и хрюкаетъ. Положить его на постель и отвернуться не успѣютъ, какъ онъ опять на томъ же мѣстѣ мотается. Тамъ, гдѣ колѣнками упирался, большіи ямки вывертѣлъ, гдѣ руками—поменьше; полъ-отъ въ тѣхъ покояхъ мягкій, кирпичный.

— Не спрашивайте: ни имени, ни фамиліи здѣсь нѣтъ, знаемъ только нумера. Вотъ и вашъ подъ 13-мъ, какъ разъ подъ чертовою дюжиной,—поучалъ меня инвалидный капитанъ, на другой день возвращавшійся съ командою въ Архангельскъ и успѣвшій уже на прощанье съ знакомыми монахами подгулять, „наторопить-ся“, какъ выразился онъ самъ.

Добровольно явился онъ въ мой номеръ монастырской гостиницы въ той же походной формѣ, въ которой сидѣлъ поутру за общою трапезою. Разговаривая со мною, онъ все оглядывался по сторонамъ и, оглядываясь, оправдывался:

— Стѣны здѣсь слышать, вотъ какое строгое мѣсто!.. А землякъ вашъ добрый старикъ и ласковый! Да вотъ какой добрый: когда ни придешь, онъ всякій разъ начинается около себя обыскиваться, шарить на столѣ, заглядываетъ подъ кровать. „Подарилъ бы, говорить: что, да взять нечего, все отняли монахи. А селѣдки моей ѣсть не станешь самъ не ѣмъ, гнилая“.

Офицеръ при этихъ словахъ не только оглянулся и приподнял надъ ухомъ настороженный палецъ, но на цыпочкахъ подкрался къ двери и, быстро отворивъ ее съ видимымъ расчетомъ ударить въ лобъ того, кто тамъ подслушиваетъ, заглянулъ въ длинный и неметельный корридоръ. Возвратившись, онъ съ большою свѣлостью говорилъ:

— Доводить до бѣды, потому что исправляютъ. Я готовъ въ рапортъ написать, что нельзя повѣрять монахамъ такихъ людей, которые съ ними переругались. Помилуйте, скажите: я—офицеръ, а къ архимандриту каждое утро долженъ ходить, какъ къ генералу или коменданту, вытягиваться и рапортовать. Онъ выслушаетъ, а чашки чаю не дастъ, гордится предо мною.

Сквозь слегка нескладную болтовню я узналъ отъ этого офицера, что землякъ мой лѣтнее порою сидитъ въ чуланѣ безвыходно, надѣваетъ на носъ большія круглыя очки и безпрестанно читаетъ толстыя книги въ кожаномъ переплетѣ.

— Кроткому человѣку архимандритъ попускаетъ даетъ книги, а зимой выпускаетъ съ солдатами въ старый соборъ помолиться. Конечно, это дѣло его, онъ здѣсь полный хозяинъ, на комендантскихъ правахъ. Онъ каждого монаха можетъ высѣчь.

— Конечно, безъ солдата и ему я не могу позволить!—хвастался офицеръ: — Положимъ, что лѣды обкладываютъ монастырь такъ, что не вырвешься. Да, здѣсь держи ухо востро! Вдругъ онъ скрылся: можетъ быть, съ берега прибылъ сюда его сообщникъ. Островъ—отъ очень великъ, есть гдѣ спрятаться. Выждалъ время, посадилъ въ карбась и увезъ; здѣшній народъ лѣдовъ не боится. Да по моему лучше морская пучина, чѣмъ эти чуланы. Я къ тому это говорю, что изъ богомольцевъ много народу припроставалось повидаться съ нимъ, давали имъ хорошія деньги. Я не соглашался, я помню присягу...

Слѣдовала затѣмъ похвальба личными достоинствами, къ которой обычно прибѣгаетъ подъ хмѣлькомъ всякій приниженный человѣкъ. Но-

ваго онъ уже ничего не говорилъ и становился просто докучнымъ. Сталъ онъ просить и отъ меня угощенія, для того совѣтовалъ послать къ самому архимандриту:

— Пришлетъ, хорошаго рому пришлетъ. Хорошо бы пунштику на дорожку. Давно не пилъ. Твоему прѣзду они не рады. Не понутру имъ. Говорили мнѣ, что писать будешь, грѣхъ ихъ переписывать. Постарайся, сдѣлай одолженіе!

Дальше пошло уже такое все нескладное, настоящий бредъ, что я и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какъ развязаться съ нимъ. Онъ помогъ мнѣ тѣмъ, что пообѣщалъ самъ пойти просить рому, и ушелъ.

За него договаривалъ самъ архимандритъ, пожелавшій дополнить мои скудныя свѣдѣнія о Папулинѣ, какъ бы въ утѣшеніе за отказаніе личное свиданіе.

— Глубоко огорченъ я былъ, когда, принявъ настоятельство, посѣтилъ тюрьму, неся туда слабое слово утѣшенія,—разсказывалъ мнѣ о. Александръ, прославившійся защитникъ Соловецкаго монастыря во время блокады его англичанами въ Крымскую войну; разсказывалъ онъ тѣмъ говоромъ, который обличалъ въ немъ малоросса и который не суждено затуманить и обезличить даже столь богатое и типическое архангельское нарѣчіе и, притомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ:—Получилъ я оскорбленіе, откуда не ожидалъ, отъ своего же, такъ сказать, брата духовнаго. Врослся онъ на меня съ зубовнымъ скрежетомъ, намѣревался ударить, круто обругалъ. Я уже не давалъ ему настаиваній, ушелъ отъ грѣха. То былъ аташевъ, профессоръ одной изъ духовныхъ семинарій. Номеръ второй обратился ко мнѣ съ крикомъ и слезными жалобами на отца, по просьбѣ котораго онъ и присланъ къ намъ за непочтеніе родительской власти. Я ходатайствовалъ черезъ синодъ и испрошено было повелѣніе, чтобы несчастному отецъ его обязательно высылалъ благопотребную сумму въ приварокъ къ монастырскому продовольствію. Видѣлъ и тринадцатый номеръ и ожидалъ новыхъ оскорбленій; полагалъ—отвернется или приблизится, чтобы сказать укоризненное слово. Вглянулъ онъ на меня изъ подлобы и нависшихъ бровей кроткими глазами, поклонился очень низко, ничего не сказалъ, ничего не просилъ, расположилъ меня къ себѣ своею покорностью и смиреніемъ. Черезъ караульныхъ послѣ выпросилъ книги,—велѣлъ я снабдить. Зимой попросился посѣтить старый соборъ, чтобы тамъ помолиться, я благословилъ. Видѣли вы сами, сколь благолѣпенъ иконостасъ нашего древняго храма постройки московскаго святителя и чудотворца Филиппа. Поклонились и явленной ему иконѣ Бог-матери, именуемой Хлѣбленною, по явленію ея въ пекарнѣ. Сказывали мнѣ монахи, что передъ ею съ особеннымъ усердіемъ молился тотъ № 13 и не

хотѣлъ отрываться. Повторялъ онъ и затѣмъ свои просьбы и я благословлялъ ему таковыя утѣшенія. Не разрѣшилъ я только приносить коврики и лестовку, ибо нахожу неблаговиднымъ. Да оно и соблазнъ производить: затѣмъ? При предшественникахъ моихъ были случаи обращенія монаховъ въ едосѣвщину отъ проживавшихъ въ обители на волѣ ссыльных. Не удивляйтесь! большинство иноковъ народъ простой и легкомысленный, очень много изъ простыхъ мужиковъ. Когда вступилъ предшественникъ мой Димитрій, мало нашелъ онъ монаховъ, умѣвшихъ пѣть и читать; изъ мѣстныхъ штатныхъ служителей принужденъ онъ былъ собрать хоръ и сопровождать службы чтеніемъ по полному положенному уставомъ чину. И еще: предлагалъ я № 13-му посѣщать наши богослуженія; онъ отказался рѣшительнымъ образомъ, безъ всякихъ, однако, объясненій. И еще: изъ докладовъ по командѣ замѣчается въ немъ въ послѣднее время какъ бы какое-то внутреннее безпокойство. Пересталъ старецъ разговаривать, какъ бы наложилъ на себя добровольный обѣтъ молчанія. Нарушаетъ его, чтобы говорить все одни и тѣ же слова: „Раззорили, совсѣмъ раззорили!“ Начнетъ ходить по кельѣ взадъ и впередъ, начнетъ рукой махать. Я послѣ того посѣтилъ его; всталъ онъ передо мною, воззрился мутными глазами и спросилъ: „Гдѣ правда?“ Я не отвѣтилъ. Онъ помолчалъ немного, потомъ крѣпко топнулъ ногою и крикнулъ: „Нѣту правды на землѣ, въ небесахъ она!“ Я распорядился, чтобы не беспокоили его вопросы и не вступали съ нимъ въ подобные разговоры и подробныя объясненія. Не знаю, исполняютъ ли. А я уже очень давно его не видалъ...

Въ самомъ дѣлѣ, я позволю себѣ въ заключеніе задать не празднымъ вопросомъ: „гдѣ правда?“ а сопоставленіемъ, въ видахъ сравненія, этихъ двухъ пустосвятовъ, т. е. Зыкова и Папулина.

Очевидно, велика между ними разница уже въ томъ, что одинъ воспользовался монастыремъ въ личныхъ эгоистическихъ видахъ, бралъ его, такъ сказать, на прокатъ за дешевую цѣну. Другой тратилъ капиталы на созиданіе своихъ обителей, хлопоталъ объ ихъ прочности, держалъ подъ руками и на глазахъ, но попалъ въ чужую и самую отдаленную, дѣйствительно уже прочно и безъ возврата. Здѣсь только и получилъ онъ темный и грязный чужанъ въ вѣчное владѣніе. Сдружается ли здѣсь мысль карающаго возмездія съ нравственнымъ исправленіемъ?

Вотъ что говорятъ слѣдующіе факты.

Зыковъ, какъ пріѣхалъ за Байкалъ, такъ и началъ получать отъ своихъ московскихъ пріятельницъ и извѣстныхъ благотворительницъ

нѣкоторыя денежные суммы. Посылали ихъ ему на дѣла милосердія среди каторжнаго люда, а онъ завелъ лошадей, чтобы подрядомъ содержать почту между Карійскими золотыми промыслами, гдѣ именно и стоятъ каторжныя тюрьмы. Умѣвшій ѣздить въ чужихъ экипажахъ, не стужѣлъ возить въ своихъ — и получилъ отказъ отъ подряда. Началъ опять перебиваться и на получаемыя изъ Москвы деньги запасаться всякими ненужными бездѣлушками, выписывалъ французскіе духи. За темнотою въ комнатѣ при моемъ посѣщеніи, онъ намѣренно, говорить, не показавъ, сколько кабинетныхъ пустяковъ накопилъ онъ здѣсь, отъ шерловъ и аквармариновъ до пилочекъ для ногтей и ухвертовокъ. Когда главный начальникъ заводовъ не разрѣшилъ ему права преподаванія дѣтямъ науки и вовсе не ходатайствовалъ о разрѣшеніи путешествія, онъ жилъ себѣ, не мыкая горя, благодаря московской помощи. Поношенный сюртучекъ, который получилъ онъ въ подарокъ отъ добрыхъ дателей, умѣлъ обрывать такъ, что старенькій сходилъ за совершенно новый и франтоватый. Не смѣшно и не стыдно ему было въ такомъ по внѣшности улучшенномъ видѣ разсыпать комплименты и подводить турусы на колесахъ даже и послѣ того, какъ въ этомъ же нерчинскомъ заводѣ одинъ изъ обиженныхъ родителей въ третій разъ поколотилъ его также довольно больно. Среди повсюдной нищеты и скареднаго перебиванія изъ кулька въ рогожку, онъ, все-таки, остался прежнимъ. Когда разрѣшили выѣздъ въ Иркутскъ, Зыковъ успѣвши обзавестись собственнымъ возкомъ и, пріобрѣтши рваный и ломаный, ухитрилъ и обрядилъ такъ, что хотя бы снова поѣхать въ немъ черезъ Москву въ Донской монастырь торжествующимъ побѣдителемъ. Встрѣтивъ по дорогѣ добрыхъ знакомыхъ, онъ нашелъ возможность угостить ихъ пожарскими котлетами. Изъ Иркутска Зыковъ передвинулся потомъ въ Ялutorовскъ, ближе къ Россіи. Его перетаскали бы и черезъ Уральскій хребетъ и сюда, если бы не постигла его скорѣе нѣсколько запоздалая смерть.

Только бы не гнилая селедка для Папулина въ монастырѣ, прославившемся этою рыбою, которая посѣщаетъ здѣшнія морскія губы въ такомъ множествѣ, что онѣ превращаются въ густую рыбную кашу. Все это, впрочемъ, въ отношеніи самой простой справедливости. Этого изъ заточенія просить только одной милости — смиренно помолиться передъ ликомъ древняго начертанія и искренно признаетъ его чудотворнымъ, хотя бы онъ и находился въ никоніанскомъ соборѣ. Этому надо немного, хотя онъ также не исправился. Но за то Папулинъ смирился, смирился онъ, очевидно, до того личнаго права, чтобы не оставаться въ рукахъ несомнѣнныхъ и доказанныхъ враговъ своихъ.

Въ первомъ случаѣ—безповоротная утрата въ конецъ испорченнаго человѣка. Во второмъ—именно то, что только теперь сознано справедливымъ, когда уничтожены монастырскія тюрьмы. Не погибъ бы Папулинъ, виновный въ пристанодержательствѣ по влеченію фанатизма и правилъ секты и виноватый въ преступленіи святотатства, при облегчающихъ вину

обстоятельствахъ. Здѣсь два пустосвята, но не два брата: одинъ поставлялъ сущность благочестія во внѣшнихъ обрядахъ и суетно успокоивалъ свою совѣсть, домашнимъ способомъ и про себя, мнимымъ богопочитаніемъ. Другой, принявшій на себя подлинную личину ханжи, дерзко и публично, передъ цѣлою Москвою, поспѣшилъ заявить себя преступнымъ лицомъ.

ГЛАВА XI.

УБИЙЦА ИЗЪ ПУСТОСВЯТОВЪ.

Публичная казнь.—Голоса изъ толпы.—Молодость и воспитаніе преступника.—Быстрый успѣхъ въ большомъ свѣтѣ.—Разнообразныя похищенія.—Таинственная келья.—Монастырскія послушанія.—Злодѣйскіе приемы.—Убійство и способы самооправданія.—Ссылка и новыя приключенія въ странѣ изгнанія.—Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе.—Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ.—Кореньевъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова.—Мнѣніе о послѣднемъ союзниковъ.

«На пути по этапамъ я того слышала и наблюдала, что теперь неохотно читаю романы».
(Изъ записокъ декабриста барона Штейнгеля).

Въ первыхъ числахъ августа 1850 г. (какого именно, не упомяну) площадь Охотнаго ряда въ Москвѣ была необычно загромождена народомъ. Тамъ, гдѣ пересѣкается Тверская и предполагается начало Моховой, толпа до того загустѣла въ плотную стѣну, что въ самомъ дѣлѣ нельзя было пробить ее ядромъ. Проходящимъ пришлось остановиться и созерцать.

Въ этомъ народномъ множествѣ преобладали молодцы съ поддернутыми фартуками изъ приказчиковъ мясныхъ и курятныхъ лавокъ, обладающіе извѣстною грубостью въ обхожденіи и препрославленной силою, и ношатые-разносчики, оглашающіе Москву сотнями выкриковъ и распѣвокъ, которые, за ихъ разнообразіе и оригинальность, давно слѣдовало бы переложить на ноты и записать въ сборникъ пѣсенъ. Были въ бѣлоснѣжныхъ рубашкахъ трактирные половые съ распущенными бородами и тщательно, съ очевиднымъ кокетствомъ, причесанными на головахъ волосами. Толпились тутъ же и всякій тотъ праздный сбродъ, который въ любое время готовъ съ неостывающимъ любопытствомъ подолгу смотрѣть, какъ плыветъ на Москвѣ-рѣкѣ плотъ. По разнокалиберности зѣвакъ и по ихъ чрезвычайному многолюдству, возможному только въ Москвѣ, слѣдовало предполагать о предстоящемъ какомъ либо необыкновенномъ зрѣлищѣ; при крестныхъ ходахъ такого собранія не бываетъ.

Жандармы въ каскахъ, съ сердито торчащею щетиною въ гребнѣ изъ конскихъ волосъ, и казаки на куцыхъ лошадакахъ, съ дерзко сдвинутыми на-бекрень киверами, успѣли уже сдѣлать свое предопредѣленное дѣло. Толпа кругами огромныхъ жандармскихъ лошадей и при

помощи тяжелыхъ сабель разбита была на двѣ строгія и послушныя стѣнки. Между ними образовался тотъ широкій корридоръ, который и представлялъ собою теперь очевидное и живое продолженіе Тверской до того мѣста, гдѣ влючокъ ея мимо Лоскутнаго ряда выходитъ на Иверскую площадку. Тамъ, вѣроятно, тоже мѣсиво изъ живыхъ людей толклось и переругивалось, стонало и гудѣло, высаживая локтями заборныхъ, а само, все-таки, напирало впередъ, прямо подъ казакіи нагайки и тяжелое холодное оружіе жандармовъ. У насъ толпа, сбившаяся вплотную плечо о плечо, колыхалась, какъ морскія волны, подаваясь вправо и влево и назадъ, кажется, отъ одного лишь того, что вотъ этотъ вадумалъ переступить съ ноги на ногу, а тотъ вотъ вздохнулъ полною грудью и нарушилъ напряженное равновѣсіе вытянутой въ струну стѣнки. Казакъ уже не одинъ разъ успѣлъ достать назади концомъ нагайки и „смирять“ того бунтовщика изъ фабричныхъ ребятъ, который ретиво работалъ плечами, раздражая и надавливая толпу, и который за тычкомъ никогда не гонится, а еще потомъ передъ товарищами хвастается:

— Онъ меня крѣпко ожогъ черезъ правое плечо подъ лѣвое подвздошье, да я ему не покорился.

— У него, надо быть, на концѣ-то пуля вилетена; слѣдовать тебѣ въ баню сходить, отпарить. Вспухнетъ—помереть; настагаешь вѣникомъ съ мыломъ—отпустить.

Зубоскальства въ толпѣ, по обычаю, много. Виноватыхъ и обиженныхъ не щадятъ. Московскій рядскій законъ таковъ, что если и по-

скользнулся человекъ на слеснутыхъ выборахъ чая, надо того человека осмѣять, празднымъ дѣломъ, съ головы до ногъ. Лакеевъ, напримѣръ, въ тѣ времена вдоль Ножевой линіи Гостиннаго двора пропускали не иначе, какъ сквозь строй насмѣшекъ, самыхъ ядовитыхъ и очень обидныхъ. Впрочемъ, знаменитаго и въ полную мѣру еще не оцѣненного московскаго балагурства, срывающагося прямо съ кончика языка острымъ, какъ шило, не переслушаешь. Не затѣмъ мы пришли и остановились здѣсь.

— Стой прямо, смотри направо, слушай, какъ трель бьютъ!—совѣтовали мои сосѣди другъ другу. Въ самомъ дѣлѣ, послышались рѣдкіе, нескладные, какъ-то въ перебой, удары барабана. Стукнуть по телячьей шкурѣ березовыми палками—посыплется дробь; начнешь вслушиваться—она и перестала, оборвалась. „Тукъ!“—скажетъ барабанъ еще одинъ разъ и замолчитъ. Гдѣ эти барабаны идутъ, намъ изъ-за плечъ и головъ совсѣмъ не видно. Приходится принимать на вѣру невидимое, какъ бы видимое, и невѣдомое, какъ бы настоящее.

Видимъ, однако, вскорѣ, какъ на пригоркѣ Тверской улицы, надъ головами многотысячной толпы, заколыхалось что-то чрезвычайно неопредѣленное, странное и Богъ вѣсть почему-то вдругъ показавшееся страшливымъ. Пословица говоритъ: хорошъ барабанъ въ полѣ, а не въ городѣ, потому-то, должно быть, онъ и настроилъ на подобную неожиданную мысль. Иному, въ самомъ дѣлѣ, громъ не громъ, а страшень барабанъ. Онъ-то и поддержалъ испуганныя мысли, не смотря на подручныя развлечения: жандармъ, нагнувшись на лошади, таскалъ въ рукавицахъ съ широкими раструбами хохлатую голову мальчика изъ-подъ кухоннаго трактирнаго куба, а этотъ молча, старался вырваться. Казакъ опять успѣлъ кого-то смѣять. Участились крики: „осаживай, осаживай!“—потому что толпа пришла въ сильное возбужденіе, именно то самое, когда еще немножко, еще одно оскорбленіе, какъ капля, переполняющая сосудъ,—и толпа взреветъ, ожесточится и разрушитъ весь налаженный строй. Этого почему-то не случилось и народная волна начала принимать другое направленіе—кверху и внизъ. Всѣ становились на цыпочки и каждый старался приподняться, опираясь самымъ рѣшительнымъ образомъ на плечи сосѣда, тараша глаза и развѣвая ротъ, а чужія плечи не медлили сбрасывать чужія руки. Всѣ отиѣнно переругивались.

Мимо насъ медленно, пошатываясь изъ стороны въ сторону, промелькнула темная фигура привязаннаго къ черному столбу человека. Мы слышали за чужими спинами, какъ сфыркивали лошади, громыхали по мостовой тяжелыя колеса; мы видѣли, что привязанная къ столбу сѣрая фигура имѣла блѣдное лицо, опущенные

внизъ и полузакрытые глаза. Мы успѣли прочитать на свѣсившейся на грудь доскѣ страшное слово: „убійца“, и одновременно и мимоходомъ иловить нѣсколько замѣчаній нашихъ сосѣдей.

Какимъ-то плаксивымъ голосомъ спрашивала женщина въ косынкѣ, съ узелкомъ на лбу, какъ бы внезапно пораженная или что-то потерявшая и вдругъ спохватившаяся:

— Да гдѣ же у него каблукъ-отъ?

— А на сапогѣ, должно полагать, — отвѣтилъ тотъ, который былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ, хотя чувствовалъ въ сердцахъ, что у него изрядно наматы бока и надавлена грудь.

Женщина, однако, не отвязывалась:

— Да, вѣдь, онъ монахъ. Я, вѣдь, про тотъ каблукъ-отъ спрашиваю, что они на головахъ носятъ.

— А тотъ каблукъ онъ, должно быть дорогою потерялъ. Далеко, вѣдь; вишь съ самыхъ Бутырокъ везутъ,—острилъ все тотъ же.

— По закону, матушка, передъ торговою казнью извергаютъ духовныхъ лицъ изъ сана,—благодушно успокаивать ее тономъ довольнаго человека, по видимому чиновникъ. Онъ успѣлъ, вѣроятно, при содѣйствіи своихъ свѣтлыхъ пуговицъ и замѣченныхъ нами вразумительныхъ и вкрадчиво-кроткихъ объясненій съ разными полицейскими чинами удержать свое мѣсто въ стѣннкѣ, далеко впереди всѣхъ насъ.

Не скоро толпа разошлась и прочистился проходъ на Моховую. Всякій старался подѣлиться своими впечатлѣніями и, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, выводы и заключенія оказывались не похожими и не только не согласными въ общемъ, но и совершенно противными въ частностяхъ. Кто говорилъ, что видѣлъ слезы на глазахъ у преступника, а кто увѣрялъ, что, напротивъ, замѣтилъ усмѣшку и весьма даже злою. На одного такъ страшно глянулъ онъ, что тотъ даже взмахнулъ на лобъ и спустилъ съ плечъ на поясъ большой истовый старовѣрскій крестъ. Иной поймавъ у преступника такой вздохъ, что у него, у свидетеля, даже подъ сердцемъ кольнуло. Одинъ видѣлъ сзади преступника на знафотѣ палача, котораго совсѣмъ тутъ не было. Двое взялись спорить до ругани и косыхъ взглядовъ другъ на друга о томъ, носилъ ли преступникъ полный образъ, или былъ только послушникомъ. Вмѣшавшійся въ споръ третій настойчиво увѣрялъ, что онъ и послушникомъ-то не былъ, а только жилъ въ Донскомъ монастырѣ и надѣвался рясу, а отъ міра вовсе никогда не отрекался. Всѣ согласны были на одномъ, что жертвою преступленія была дѣйствительно княгиня и, притомъ, извѣстнаго стариннаго рода, издревле любезнаго городу Москвѣ. Говорили, что съ раннаго утра сегодня на мѣсто казни скакали не только извозчики, но того больше—кареты

коляски, ландо, фазтоны; вся Москва ѣхала и ѣхала на мѣсто казни еще до разсвѣта. Только недосужные, запоздалые и немощные разсыпались по дорогѣ, какъ брызги отъ слывшей волны, и установились сплошными рядами по уличнымъ тротуарамъ, на всемъ протяженіи длиннѣйшаго пути слѣдованія печальной колесницы. Самодовольный чиновникъ утѣшалъ себя и успокаивалъ, вразумляя всѣхъ насъ, что на мѣстѣ казни и смотрѣть, собственно, нечего: тамъ надломить надъ головою шпагу, ибо преступникъ былъ доподлинно дворянинъ и чиновникъ, не успѣвшій еще пострѣчься въ рясофорные монахи.

— И все тутъ, ничего интереснаго, — старался онъ увѣрять себя и насъ. — Шпага, — увѣрять чиновникъ: — должна быть заранѣе надпиlena такъ, чтобы палачъ могъ ее легко и скоро разломить надъ головою преступника.

Немогъ онъ, однако, утверждать, ударить ли палачъ надломленною шпагою по головѣ преступника или разломить ее на воздухъ. Здѣсь онъ самъ запутался, говорилъ свое, но соглашался и съ противоположнымъ мнѣніемъ сосѣда.

— Опять какъ же, вѣдь, и ударить по головѣ? Вѣдь, она не горшокъ! — замѣтилъ вовсе не удовлетворенный рассказомъ торговецъ.

— Ударъ удару рознь! — рѣшительно успокаивалъ онъ себя и пошелъ вмѣстѣ со мною на Моховую. Я видѣлъ, какъ онъ встряхивалъ головою и слышалъ при этомъ его глубокіе вздохи съ приговоромъ про себя: „Охъ, грѣхи наши тяжкіе, немощи наши человѣческія! Подишь ты“!.. и т. п.

Эти глубоко врѣзавшіяся въ моей памяти впечатлѣнія, буквально на первыхъ шагахъ знакомства съ Москвою, вызваны событіемъ, весьма памятнымъ тамъ, кажется, до сихъ поръ. Въ свое время оно переположило весь городъ до самаго донышка. Замѣчательно и поразительно было не столько само преступленіе, сколько участники и жертва, въ самомъ дѣлѣ (по времени совершенія злодѣйства) вечерняя. Участіе духовнаго лица въ преступленіи не казалось особенно выдающимся въ городѣ, гдѣ такъ преизобилуетъ духовенство, что въ средѣ населенія его, ревностно охраняющаго старинные обычаи, даже тотъ древнѣйшій — отругиваться и отплевываться при встрѣчѣ — значительно ослабѣлъ и даже покинутъ. Участіе же монаха казалось чрезвычайъ неожиданнымъ и оскорбительнымъ, хотя бы въ церковномъ и богомольномъ городѣ этомъ было монастырей и монаховъ ровно столько, сколько полагается ихъ на цѣлую губернію, и, притомъ, также издревле населенную и по толику же благочестную. Но, главное, съ одной стороны — монахъ, а съ другой — княгиня: зачѣмъ они вмѣстѣ и при чемъ они оба? Объясняли все это въ то время всѣ вдругъ и каждый по своему, а потому и выхо-

дило что-то такое темное и трущобное, гдѣ мудрено было разобраться. Въ официальныхъ документахъ уголовной палаты еще мудренѣе было добраться до сути. Постановленія и протоколы писались тогда такимъ языкомъ, о достоинствахъ котораго обычно говорили такъ: „писано — прописано отъ села Борисова, отъ Макара Денисова“. Послѣ того, какъ разберемся въ уличныхъ и гостинныхъ слухахъ и смахнемъ съ архивныхъ документовъ 50-ти-лѣтнюю пыль, передъ нами возстаетъ нижеслѣдующая внушительная личность.

Съ чердачка на Зацѣпѣ, гдѣ ютилась чиновничья семья отца Николая Семеновича, послѣдній поступилъ въ науку и выучился ровно настолько, чтобы быть писцомъ. Москва таковыхъ мастеровъ не балуетъ и, за неимѣніемъ средствъ, не даетъ имъ пріюта и хода. Какъ губернский городъ, она владѣетъ только уздными и губернскими присутственными мѣстами съ нѣкоторою надбавкою канцелярій временныхъ, кромѣ безсрочныхъ комиссій и кое-какихъ комитетовъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ, завѣдующихъ дѣлами самаго сильнаго и привилегированнаго благотворительнаго общества, онъ и попалъ на легкую службу. Проставивъ нетвердую ногу, онъ, благодаря своей природной юркости и угодли-вости, счумѣлъ укрѣпиться настолько, что, пересаживаясь отъ стола къ столу, очутился и за тѣмъ изъ нихъ, который вѣдалъ дѣла по части дамской благотворительности и попечительствъ. Представилась необходимость личныхъ докладовъ титулованнымъ баловницамъ и возможность проявить передъ ними свои скрытые таланты и придавленную силу. Женское безскіе, постоянно нуждающееся въ мужской помощи и поддержкѣ, тотчасъ же предъявило требованіе на услуги этого угодливаго и ловкаго молодого человѣка и нашло въ немъ аккуратнаго и толковаго исполнителя. Къ побѣгущкамъ онъ пріученъ былъ еще въ родной семьѣ, на посылки сдѣлался способнымъ подъ руководствомъ своего хромого, алого и ворсистаго начальника; въ дамскія ручки онъ попалъ уже совершенно-приготовленнымъ. Сдѣлаться же опытнымъ, сообразно съ капризами заказчицъ, ему было уже не мудрено въ то время, когда приобретена была извѣстная гибкость разсудка, при настойчивости природнаго характера. Не даромъ же его закаляла чердачная жизнь въ ежевыхъ рукавицахъ раздраженнаго бѣдностью, служебною неудачею и неподвижнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ родного отца. Всего оказалось въ достаточномъ запасѣ: хитрость и осторожность битой собаки, ея же лѣстливость съ поджатымъ хвостомъ и другое все въ надлежащей цѣлности, въ порядкѣ и на мѣстѣ.

Стоитъ Николай Семеновичъ съ докладомъ передъ любую благотворительную дамою все та-

кимъ же неизвѣннымъ: тотъ же дружескій, улыбающійся взглядъ, когда читаетъ докладъ; та же живая игра наостренныхъ ушей, когда выслушиваетъ приказанія, точъ въ точъ, какъ у любимиой болонки, когда ее заставляютъ служить. Даже какъ будто и хвостъ вытянутъ такъ, какъ у ищейки, которой приказано отыскать запрятанную вещь и принести сейчасъ же и во что бы то ни стало. Все въ немъ мило: и эта пестрая шерстка, худощавое длинное тѣло, чисто вымытая, вылощенная длинная мордочка, а, главное, ласка и готовность ринуться по первому слову со всѣхъ ногъ, хотя бы и не за дѣломъ, а ради одной праздной забавы. Дамская любовь со скучнаго и флегматичнаго мопса, съ извѣннаго шарло перенесена была съ полною готовностью и на этого человѣка. Онъ такой услужливый, онъ такой ласковый, безропотно покорливый и очень умный. Надо было княгинѣ разузнать секретъ у портнихи *м-ме Anette*, какого фасона и цвѣта платье шитье она на балъ дворянскаго собранія для графини, — и *м-г Zykov* въ тотъ же день сообщалъ съ подробностями. Онъ дѣлаетъ и не такія крупныя одолженія, онъ оказался способнымъ на величайшія: онъ умѣетъ передать на словахъ ту тайну, которую нельзя выразить на письмѣ даже по французски. Ему одному можно поручить разузнать, кому раньше и кому лучше высланы будутъ на Кузнецкій - Мостъ французскія модныя матеріи. У него десять рукъ на тѣ случаи, когда разгуляется дамскій капризъ и разомъ разохотится на множество порученій. Только и скажетъ онъ какъ-то по своему и странно: „Одна моя нога здѣсь, а другая — тамъ“, — и сдѣлаетъ съ изумительною поспѣшностью. Изъ-за груды покупокъ, привезенныхъ по порученію, самого и не видать, а онъ, однако, всегда привезетъ ихъ въ срокъ и даже гораздо раньше. Незамѣнимый человѣкъ, очаровательный молодой человѣкъ! И въ манерахъ сталъ улучшаться, оставилъ кое какія дурныя привычки. Тонкими платками обавелся и духами опрыскивается. Можно его кое къ чему и допустить, напримѣръ, дать ему поцѣловать ручку и этимъ не погнушаться, посадить его за чайный вечерній столъ съ серебрянымъ самоваромъ и посудомъ вье-саксъ. Не надо заботиться и волноваться о томъ, что онъ возьметъ пирожное прямо голыми руками, что онъ вздумаетъ опрокинуть чашку вверхъ донышкомъ, чтобы, въ знакъ благодарности, положить туда обсушенный кусокъ сахару.

Наступила, въ самый дѣлъ, для Николая Семеновича Зыкова пора полного блаженства. Вотъ онъ въ надушенномъ будуарѣ докладываетъ, сидя, а товарищи, тѣмъ временемъ, въ сторожевской, пропитанной насквозь махоркою, стоя и торопливо, затягиваются изъ одной трубки черезъ перышко мусатовскимъ вакшта-

фомъ. Онъ сидитъ и за обѣденнымъ столомъ, — положимъ, на кончикѣ крайняго и дальняго стула, — однако, ѣсть кушанья, изготовленныя настоящимъ французомъ-поваромъ. А небритые и немые сослуживцы его, забравшись въ низокъ Егоровскаго трактира, требуютъ передъ 2—3 парами чая даровую закуску изъ кусочка ветчины, огурчика и пеклеванника на основаніи обычая, давно вынужденнаго отъ хозяина чиновничьею бѣдностью и неизбежно установленнаго. Или, еще хуже того, товарищи сътаго Зыкова спать и видать и усиленно ищутъ такого просителя, который угостилъ бы ихъ соленью въ кастрюлькѣ. Или, какъ консисторскіе нахалы, всю оравую накидываются на пришедшаго сельскаго попа и грабительски вытаскиваютъ у него изъ-за пазухи пирогъ съ яшшою крупкою.

Николай Семеновичъ превознесетъ и отличаетъ даже тѣмъ, что освобожденъ былъ отъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, отъ ежедневнаго посѣщенія комитета на Маросейскѣ. Онъ весь отдался дамскимъ особымъ порученіямъ и, съ воли и вѣдома прямого и хромого начальства, былъ совершенно откомандированъ къ патронессамъ. Ему у нихъ привольно. Его всѣ онъ до единой знаютъ, цѣнятъ; большая часть считаетъ его не только полезнымъ, но и необходимымъ человѣкомъ. Отъ него зависѣло обстоятельство, что для нѣкоторыхъ благотворительницъ онъ сдѣлался правою рукою и ногою: ступить безъ него не умѣли, взяться ни за что не могли даже по домашнему хозяйству. А онъ, тѣмъ временемъ, подучился болтать по французски цѣлыми фразами и еще болѣе округлить манеры: бралъ у Югеля уроки танцевъ и перемѣнилъ походку, способы кланяться и садиться. Его начали считать своимъ и наружно оказывать ему чрезвычайные знаки вниманія, любезности и откровенной пріятливости. Вотъ въ это-то время и произошло то крупное недоразумѣніе, которое повело къ роковому исходу. Недоразумѣніе это порождено было грубою ошибкою во взаимномъ пониманіи обѣихъ сблизившихся сторонъ.

Дешевый приѣмъ сужденія по наружности, при непривычкѣ лѣнливыхъ и сытыхъ людей къ анализу и какому либо тонкому разбору, послужилъ главнымъ основаніемъ къ заблужденію: сходственные черты милыхъ домашнихъ животныхъ, въ сущности, не оправдывались и въ данномъ субъектѣ даже совершенно отсутствовали. Если уже идти тѣмъ же путемъ сравненія, то окажется, что все было понятно въ обратномъ смыслѣ и извращенномъ видѣ. Это худощавое, длинное и гибкое тѣло доказывало способность ко всякимъ изворотамъ, подсказывало, что этотъ человѣкъ способенъ пролѣзть во всякую щель, не зацѣпляясь. Не замѣтили тѣ, кому это надлежало вѣдать, что эта лѣсти-

вая ласка, усыпляющее мурлыканье, даже эта постоянно вычищенная, вымытая и выбритая мордочка, характеризовали животное совѣстно другой породы: лукавое и вороватое, полное вкрадчивой хитрости и ужающей изворотливости. Оно одарено рѣдкою остротою чувствъ именно для того, чтобы въ своей кровожадности быть ненасытнымъ. Нѣтъ нужды, что онъ не бралъ никакихъ вещественныхъ знаковъ благодарности за оказываемыя услуги, а довольствовался казеннымъ содержаніемъ. Онъ искренно увѣрялъ, что помощь, оказываемая имъ дамамъ и самому благотворенію до того ничтожна, что о ней и говорить не стоитъ, ему самому совѣстно слушать о приписываемыхъ ему заслугахъ, — смиреніе невиданное, неслышанное и столь очаровательное.

А затѣмъ у него свѣтящіеся глаза, маленькое ухо, короткая и почти круглая голова, какъ у самыхъ свирѣпыхъ хищныхъ животныхъ. У него и походка неслышная, какъ у этихъ, гдѣ подъ густою шерстью на изогнутыхъ ногахъ спрятаны смертоносные, быстро выскальзывающіе наружу когти. Нѣтъ, это — не шарло, у котораго всегда открыты когти менѣе опасны, потому что вѣчно бываютъ измочалены. Какъ настоящій лютый звѣрь, дамскій баловень и угодникъ въ лицѣ комитетскаго чиновника пряталъ свои, чтобы показать ихъ въ то время, когда накопятся силы и подойдетъ случай. Онъ трудился, хлопоталъ, не досыпалъ, подвергался униженіямъ и не спроста проходилъ не разъ сквозь строй оскорбительныхъ, презрительныхъ насмѣшекъ. Онъ возмѣнился за всѣ испытанныя страданія и очевидныя заслуги получить плату, награду и отступное, однако, не мелочью, а какими нибудь внушительнымъ кушемъ. Если тѣ ошиблись излишкомъ ласки и пріятливости, онъ ошибся тѣмъ, что, относя ихъ прямо къ своей личности, не сообразилъ и не догадался, что это — прямое обязательство вѣжливости, деликатнаго обращенія, какъ заурядная привычка людей, воспитанныхъ въ холѣ и нѣгѣ до пресыщенія, въ спокойной средѣ самодовольства, гдѣ нѣтъ мѣста отчаянію или постояннымъ раздраженіямъ. Отъ мягкаго стула и постели улыбающійся привѣтъ дается на рубль цѣною съ твердою увѣренностью, что этотъ низкій и нищій, получая, оцѣнитъ даръ въ полную тысячу. Если онъ, этотъ чужой, обласканный, издумаетъ торговаться и запрашивать больше, — значитъ, перешелъ предѣлы. Необходимость преграды становится настолько ясною, что ее сейчасъ же съ досадою, ловко скрытою и затаенною, начнутъ быстро сооружать тѣ же самыя лица, которыя, шутя и изъ бездѣлья, ее разстроили. Строили же ее изъ гнилыхъ стоекъ и, притомъ, торопливо. Этого-то и не замѣтилъ нашъ слѣпой счастливецъ, а когда на сильный скачекъ свой получилъ такой же отпорный тол-

чекъ, то и выпустилъ свои смертоносныя когти. Теперь пока имъ только намѣчена была самая жертва, но уже производилась страшная скрытая работа мстительной души, соображая подходящее время и соразмѣряя для прыжка разстояніе. У настоящаго звѣря промаха не бываетъ, онъ не скользнетъ лапами мимо чужой шкуры и не разобьетъ своего крѣпкаго мѣднаго лба. Такъ поступилъ и Зыковъ, притулившійся, какъ звѣрь, въ ямѣ за камнями и тщательно припрятавшій когти.

Веселый, шаловливый и беззаботный кружокъ московскихъ дамъ-благотворительницъ какъ-то одинъ разъ вздумалъ осмотрѣться, побуждаемый неопредѣленнымъ инстинктивнымъ чувствомъ. На него какъ будто пахнуло откуда-то легонькимъ холодкомъ; не то ему чего-то стало недоставать, не то кого-то изъ своихъ онъ печально потерялъ, да не сразу успѣлъ споква-титься.

— Да гдѣ же Зыковъ. Куда пропалъ Николай Семеновичъ?

Одна не видала его больше мѣсяца, по ея довольно приблизительному счету.

— У княгини Вѣры онъ даже очень давно не былъ.

Отъ одной онъ увезъ брабантскія кружева въ чистку и не возвратилъ и записки не оставилъ.

— Конечно, возвратитъ, если не самъ, то черезъ родныхъ своихъ. У него есть такіе. Самъ онъ про нихъ никогда не говорилъ, а стороною было слышно, что у него они есть, эти родные. Онъ такой честный!

Многихъ занималъ также серьезный вопросъ. съ кѣмъ теперь играть въ карты, въ фанты, въ маленькія игры и т. п.

— Онъ такъ милъ и находчивъ, такъ весело смѣшнить и мило поутить. Я всегда имъ въ это время люблюсь.

Рѣшено было навести справки на мѣстѣ службы, а если уже это не удастся, то и въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ и куда ходилъ ночевать. Оказалось теперь по справкѣ, что нѣкоторыя дамы настолько не гнушались Зыковымъ, что бывали у него, не боясь подозрѣній и превратныхъ толковъ. Зыковъ былъ весьма дурень, вытянутая фізіономія его походила на лошадиную; моимъ ли, кто плѣнится такимъ уродомъ среди щеголеватата офицерства? „Вотъ ѣзжу къ нему, ѣзжу въ квартиру его, чтобы ускорить одно благотвореніе и осчастливить имъ десять человѣкъ“.

Легкое безпокойство весело настроеннаго кружка весьма легко и скоро удовлетворено было самымъ точнымъ свѣдѣніемъ, что Зыковъ ушелъ въ монастырь.

— Но въ какой? Ихъ здѣсь такъ много!

Новая справка прямо указала на Донской.

— Если онъ сдѣлался настоящимъ монахомъ,

то это очень любопытно; вѣдь онъ отстригъ волосы, отпустилъ бороду, какъ дѣлають эти попы.

Видали Зыкова въ чистенькомъ фракѣ и въ танцахъ, какъ не посмотреть на него въ расѣ и на молитвѣ.

— Вѣдь онъ будетъ ходить по церкви и дымить этимъ кадилью.

Поѣхала въ Донской не одна карета и не одна коляска, къ полному изумленію монаховъ, которые гуляли праздно около церкви, когда шла въ главное соборѣ обѣдня. Отъ нихъ узнали дамы, что Зыковъ въ затворахъ.

— Что же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Спасается. Никуда не выходитъ, даже въ храмъ Божій. Никого, кромѣ отца архимандрита, къ себѣ не допускаетъ.

— Когда же онъ выйдетъ и покажется? Намъ его надо видѣть, очень надо видѣть.

— Когда найдеть къ тому благопотребное время. А теперь втай молится, сокрушается о грѣхахъ, что содѣлалъ тамъ, въ мірѣ.

Вотъ это слово „спасается“ показалось столь неожиданнымъ и острымъ, что кое-кого кольнуло прямо въ сердце. Рѣшили навѣдываться. Развѣ не все равно, въ какую церковь ѣздитъ молиться, если уже заведенъ у всѣхъ такой обычай по преданію отъ родителей? Каждое воскресенье заведено и фамильною печатью припечатано приказаніе по большимъ праздникамъ бывать въ какой либо изъ модныхъ церквей—въ университетской, на Остоженкѣ, въ Шереметьевскомъ домѣ у Сухаревой башни и въ другихъ.

— Все еще въ затворѣ!—продолжаетъ говорить справка въ Донскомъ монастырѣ отъ слоняющихся по аллеямъ и кладбищу монаховъ.

— Да какіе же это грѣхи? И зачѣмъ ему понадобилось отъ насъ скрываться и отмаливаться и такъ строго и такъ даже страшно?—думали посѣтительницы, проходя мимо этихъ двухъ оконъ подъ архимандритскими кельями, которыя занавѣшаны были густыми зелеными шторами.

— Зачѣмъ этого маленькаго человѣка мы допускали столь близко? пусть бы онъ тамъ...—раскаивались другія.

— Начнетъ исповѣдываться на всю церковь—кажется, это бываетъ у монаховъ—надо, во всякомъ случаѣ, постараться заласкать его, повидаться съ нимъ. Ну, просто попросить его, чтобы каялся какъ нибудь по другому.

— Какъ же это сдѣлать, когда заперты двери и наглухо спущены шторы?

За этими шторами, дѣйствительно, въ задумчивости сидѣлъ этотъ паукъ и плелъ паутину. Плелъ онъ ее, конечно, съ искусствомъ и опытностью стараго и зоркаго рыбака и притомъ еще подъ надзоромъ не менѣе опытныхъ глазъ самаго настоятеля. Онъ уже и привыкать сталъ

къ легкой работѣ затвора, да наставникъ сказалъ:

— Довольно. Теперь закрѣпи. Длинная сѣть тоже не всегда полезна бываетъ. Она одну рыбу ловить, а другую пугаетъ,—какъ бы всѣхъ не распугала? Я вотъ пришлю церковнаго старосту; пусть онъ скажетъ, до чего оскудѣло кружечное и кошельковое приращеніе.

Послѣ того встрѣтившіе дамъ монахи обрадовали ихъ неожиданною радостною вѣстью:

— На-дняхъ добродотно вышлетъ. И какъ свѣча передъ образомъ, бить на молитвѣ. Даже удивляемся.

— Вотъ и Зыковъ!.. Кажется, онъ?—по крайней мѣрѣ, въ эту сторону указывалъ рукою провожатый монахъ, да и теперь туда же киваетъ головою съ клироса и подмигиваетъ. Не узнать Зыкова въ темномъ углу между большою печкою и церковною стѣною и не разглядѣть его: все стоитъ опустя голову, часто молится и еще того чаще становится на колѣни. Нѣкоторымъ удалось уловить его тяжкіе вздохи.

Это уже очень страшно. Это уже что-то такое невѣроятное, но очень, очень любопытное. Вотъ, даже духъ замираетъ, такъ это прекрасно и умирительно.

Въ слѣдующее воскресенье въ Донской монастырь наѣхало каретъ вдвое больше, на слѣдующее втрое. Зыковъ стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, смиренно понуривъ голову и не поднимая глазъ; нная такъ бы вотъ и пошла приказать ему поднять голову и хотя разъ взглянуть на грѣшницу. Онъ все еще закрѣпляетъ на сѣтѣхъ петли: захлестнулъ крѣпкимъ концомъ и послѣднюю.

— Приемлетъ нынѣ малое послушаніе, „благоугодитъ“, говорить. И отъ священно-архимандрита получилъ благословеніе на церковный сборъ во дни богослуженія.

Ловецкій ударъ былъ рассчитанъ вѣрно. Въ развернутую сѣть стала попадать сначала мелкая рыба съ серебряною чешуею, добывалась и съ золотою. Блюдо, которое носилъ по церкви съ опущенными долу очами Зыковъ, наполнялось даяніемъ доверху, все изъ-за того одного, что интересный молодой отшельникъ въ колпачкѣ, сдвинутомъ на самыя брови, ужѣлъ, остановившись, поклониться вкладницѣ по монашески, во всю спину, а не по старому и по свѣтски, какъ въ кадрили, одною головою.

Любопытство заразительно среди праздныхъ людей, а потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и рогаые и комолые супруги потащились за женами посмотреть на столь рѣдкостнаго монаха.

— Вчера былъ онъ среди насъ, а теперь легъ живымъ въ гробъ, и вотъ, говорятъ, по временамъ встаетъ и тѣнью шатается по церкви. Надо взглянуть!..

Совершилась и въ монастырѣ перемѣна: изъ начальника настоятель сдѣлался истиннымъ другомъ (переименованнымъ впоследствии въ участника). Объ одномъ только и была его просьба:

— Порадѣй святой обители вѣрнымъ и благимъ послушаніемъ. Токмо не передергивай петлей сѣти. Дѣйствуй косо, не бораяся.

Когда вскорѣ потребовалось поученіе изъ того, о чемъ было надумано въ глубокомыслии затвора, разрѣшеніе дано было на посѣщеніе убогой кельи рыбака одной лишь той, которая могла больше вмѣстить и много вѣровала. То была княгиня Вѣра, не пропустившая ни одного воскресенья, больше другихъ клавшая на блюдо, сильнѣе и настойчивѣе другихъ стучавшая въ затворенную дверь.

Тамъ въ это время за нею успѣлъ уже побывать самъ святой владыка, умнѣйшій и прозорливѣйшій святитель Филаретъ, привлеченный слухомъ о подвигахъ новаго затворника. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ. Владыка самъ видѣлъ и рассказывалъ потомъ всѣмъ, что у новаго подвижника на простой деревянной кровати дѣйствительно лежалъ въ возглавіи два березовыхъ полѣна и стояли въ кельѣ лишь два простыхъ рыночныхъ стула.

Таинственная келья стала еще святѣе и еще любопытнѣе, въ особенности для такихъ вѣрующихъ, какою была молодая и красивая княгиня Вѣра. У нее былъ старый мужъ, разбитый параличемъ и давно лежавшій въ постели. Врачи обрели его на смерть и княгиня прибѣгала къ молитвамъ, посѣщала монастыри, дѣлала вклады. Донской монастырь, въ особенности, привлекъ ея вниманіе и полюбился не потому лишь, что былъ близко. Въ кельѣ затворника, умѣвшаго выбрать именно эту обитель, нашла она и то кресло, на которомъ сидѣлъ святитель, и тотъ образокъ въ серебряной оправѣ, которымъ онъ благословилъ таинственного монаха. Видѣла она келью изъ трехъ конурокъ, а не коннать; но лишь въ одной стояла та убогая мебель, которую похвалилъ Филаретъ, да шкапчикъ съ образами; въ другой, задней, не было ничего, кромѣ стѣны и священо-таинственного безмолвія. Когда поспѣла келейный сумракъ новая посѣтельница, затворникъ и остальнымъ желающимъ вскорѣ рѣшился дать разрѣшеніе. Да и пора наступила: Богомольныя жены испытали продолжительный искусь. Посѣщенія участливы, келейное безмолвіе нарушилось; затворникъ впалъ въ искушеніе, падалъ, надумывался, тосковалъ и оправдывался тѣмъ, что самъ архимандритъ плѣнился тѣми же удобствами для бесѣды и тихихъ поученій. Затѣмъ всякій, кто хочетъ, пусть то и говорить. Да и что кому за дѣло, что когда умеръ мужъ княгини Вѣры, Зыковъ читалъ псалтырь по немъ, по давнему знаком-

ству? Пусть говорятъ, что у нихъ съ настоятелемъ заведены очередные обѣды черезъ день и у каждаго изъ нихъ имѣется свой поваръ. Пусть говорятъ!.. главная задача, во всякомъ случаѣ, теперь рѣшена съ побѣдительнымъ усѣхомъ: попала рыбаку въ сѣти та самая вкусная и большая рыба, на которую и расчетъ былъ сдѣлать.

Сквозь монастырскія стѣны нельзя намъ было видѣть, что происходило за синими занавѣсками, а слухамъ и сплетнямъ мы не смѣемъ довѣряться. Именно въ Москвѣ съ Замоскворѣчьемъ они особенно алоязычны, всякіе слухи перепутаны кривью и вкось и подозрительны, какъ всякая клевета и диффамация. Вѣрю тому лишь, что вышло прямо на Божій свѣтъ и городскія стогны и показалось вѣзвѣ.

Въ одномъ изъ московскихъ, по большей части либо косыхъ, либо кривыхъ, переулковъ (на этотъ разъ именно въ такомъ, который также затѣмъ-то изгибается, исходя изъ большой улицы) случилось такое событіе. Въ сумерки шелъ по этому переулку къ Каменному мосту одѣтый въ черную раску нѣкоторый человекъ. Ему на встрѣчу вышелъ изъ подозрительной „Ямки“ три молодца. Изъ нихъ одинъ несъ большую бутылъ. Поравнявшись съ чернымъ человекомъ, этотъ толкаетъ его плечомъ своимъ въ бокъ и роняетъ бутылъ, изъ которой льется деревянное масло. Поднимается крикъ. завязывается перебранка, послѣ которой пускаются въ дѣло кулаки. Чернаго сшибли, повалили и били, какъ могутъ бить только графскіе крѣпостные кучера и конюхи, да мясники Охотнаго ряда. Избитаго, еле дышавшаго, втащили на извозчика и свезли въ часть, гдѣ помѣстили съ ворами и мошенниками на нѣсколько дней (его изъ монастыря исключили, архимандрита удалили). Знать „спозналъ князь да довѣдался (какъ поется въ пѣснѣ о Ванюшѣ-ключникѣ) что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣвной горничной, когда уже довольно было попито и поѣдено, въ красть-хорошѣ похожено, про его ли, княжю милость, много было ругано“.

Оправлялся Зыковъ очень долго и медленно, ровно столько времени, чтобы монашескимъ обѣтомъ смиренія уврачевать душевные и тѣлесныя раны, или и въ самомъ дѣлѣ, по мірскому обычаю, растравить язвы до новой боли уже отъ кровавой обиды, которая толкаетъ на ищеніе. Оправившись, онъ и въ самомъ дѣлѣ взялъ съ собою оба орудія и слово примиренія, да кстати прихватилъ и ножъ. Княгиня собралась къ Троицѣ говѣть и зашла къ Зыкову попросить, христіанскимъ обычаемъ, прощенія. Онъ готовъ былъ примириться, если позоръ его будетъ смытъ честнымъ бракомъ, въ большой церкви, всенародно. Согласія не было дано, отвѣтъ сказанъ рѣшительный, такъ какъ и самый вопросъ по-

ставленъ былъ въ упоръ. Сверкнуло лезвіе кинжала, купленного на Кузнецкомъ-Мосту, и бездыханный трупъ упалъ къ ногамъ „убійцы“. Онъ быстро схватилъ молитвенникъ, припалъ на колѣняхъ къ трупу и истово началъ читать отходныя молитвы, пока изъ зіяющей раны, нанесенной какъ бы волчьими зубами, хлестала фонтаномъ алая кровь. Въ такомъ видѣ и нашли убійцу, когда, и въ переносномъ смыслѣ, свалилась, наконецъ, съ его плечъ овечья шкурка и объявился подлинный волкъ, какъ высказался о немъ самъ митрополитъ, когда довели до его свѣденія о содѣянномъ злодѣяннѣ. „Вяжите, заточайте, судите и казните!“ говорилъ Зыковъ, а на первый случай и оправданіе было приготовлено въ простыхъ и краткихъ словахъ, такого смысла и значенія:

— Такъ угодно Богу! Я, видимо, избранъ орудіемъ для того, чтобы изъ этого грѣховнаго міра праведную и святую душу чистой голубицы — княгини Вѣры — препроводить въ горнія селенія. Тамъ, а не здѣсь, подобаетъ ей быть.

Я былъ личнымъ свидѣтелемъ для казни Зыкова, но, по случайностямъ скитальческой жизни, попалъ и въ мѣста уголовныхъ возмездій, въ самое ядро и пекло каторги и ссылки, куда посылаютъ подобныхъ грѣшниковъ. Въ административномъ центрѣ каторжныхъ заводовъ и промысловъ, — именно въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, — я встрѣтился съ этимъ человекомъ, начавшимъ свое житейское поприще въ роли Молчалина и кончившимъ его на гражданской свободѣ въ роли Ваньки-ключника и Ваньки-Каина. На этотъ разъ, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ казни, въ 1860 году, я нашелъ его тамъ въ казенномъ званіи „пропитаннаго“, т. е. передъ поселеніемъ, чѣмъ разрядъ „исправляющихся“.

— Исправился ли онъ? — спросить иной читатель.

— Зайдите къ Зыкову, — совѣтовалъ мнѣ одинъ изъ начальниковъ нерчинскихъ заводовъ. — Онъ васъ ждетъ, онъ намѣревается поѣздить по Забайкалью для собиранія пѣсенъ и записи обычаевъ. Разрѣшенія изъ Иркутска ждетъ. Теперь онъ нуждается въ совѣтахъ и указаніяхъ, не откажите ему въ нихъ. Узнавши о вашемъ пріѣздѣ, онъ снова умоляетъ въ письмѣ уговорить васъ не погуляться имъ. Конечно, онъ и самъ бы пришелъ, да тяжело боленъ: у него и подагра и хирагра разыгрались на это время. Зыковъ молить о свиданіи, говоря, что если не удастся мнѣ уговорить васъ, онъ найметъ людей донести его на носилкахъ. Вы исполните истинно-христіанскій долгъ.

Благоволеніе начальства — видимый первый знакъ въ пользу ссыльнаго.

По узенькой тропѣ, едва проматой въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ врага, я поднялся

на ту горushку, на которой стоялъ домикъ въ два окна, — въ два по своеобразному сибирскому обычаю, не признающему нечетнаго числа оконъ, какъ указано узаконенными нормальными чертежами. Съ горushки открылись еще лучшіе виды на эти горы, обступавшія селеніе, какъ застывшія волны разсерженнаго океана, — горы, богатые настоящимъ серебромъ и другими минеральными сокровищами. И этотъ выборъ жилища — добрый знакъ въ пользу ссыльнаго.

Единственная комната въ этомъ домикѣ среди бѣлаго дня поразила меня темнотою и, вопреки сибирскаго обычая, въ ней было очень тепло. Во мракѣ мнѣ, прежде всего, бросились въ глаза ширмы на право. Съ тѣхъ поръ первое впечатлѣніе не покидало меня. Ширмы были центромъ всего жилища, изъ-за нихъ затухивало все остальное. За ними тотчасъ слышался кашель, опрашивающій голосъ и показавшаяся фигура живого мертвеца, совершенно голаго скелета, у котораго только что не стучали кости, какъ у настоящаго. Эта худоба скрывала и черты лица и ихъ выраженіе. Я съ трудомъ успѣлъ разобраться и въ томъ и въ другомъ, когда услышалъ высказанное глухимъ, гробовымъ голосомъ привѣтствіе. Мертвецъ вкрадчиво говорилъ:

— Вамъ уже, вѣроятно, извѣстна исторія моего несчастья?

— Роковой день вашей жизни былъ однимъ изъ счастливыхъ въ моей: я шель предъявить свой гимназическій аттестатъ, освобождавшій меня отъ риска экзамена въ университетѣ.

— Я и Альфонсимъ былъ облаканъ, Оверъ лечилъ меня, вѣдь я въ большихъ домахъ былъ принятъ. На меня возлагались серьезныя порученія, доходившія даже до графа Арсенія Андреевича. А живъ ли Грановскій, Рудь — ваши звѣзды?

Началась извѣстная пѣсня униженнаго и ссыльнаго, стремящагося приподнять свое прежнее значеніе хотя бы на одну падень. Я далъ ему волю вспоминать. Видимо, онъ перенесся мыслями на родину и виталъ воображеніемъ по Москвѣ, съ точностью вспоминая адреса милыхъ домовъ и мимоходомъ останавливаясь на спопутныхъ зданіяхъ, на соприкосновенныхъ къ главному разсказу лицахъ. О своемъ преступленіи, конечно, ни слова, какъ всѣ прочіе ссыльные. Да и никто въ Сибири не нуждается въ этихъ свѣденіяхъ изъ деликатности и убѣжденія, что, конечно, всѣ волки сѣры. Разумѣется, всякое признаніе интересно. Случалось, что вотъ иной сталъ подходить къ интересному мѣсту, но на самомъ же дѣлѣ онъ ушелъ отъ этихъ воспоминаній еще дальше, даже гораздо дальше, чѣмъ отвелъ меня Зыковъ въ самомъ началѣ бесѣды, прямо въ университетъ, изъ Донскаго монастыря на Моховую.

Во все время, пока длилась бесѣда, его

ширмы не давали мнѣ покоя: стоять себѣ, заслоняя все, даже интересное лицо хозяйна, и кричать, требуя особеннаго къ себѣ вниманія. Точно какая новогодняя реклама. Онъ это замѣтилъ.

— Эту святыню я уберегу отъ недобраго прошлаго въ полной цѣлости и для нее наняналъ во всю дорогу особую подводу. Вотъ моя главная святыня.

Онъ показалъ мнѣ тотъ образъ, которымъ благословилъ его Филаретъ. Приложившись къ лику, онъ повернулъ ко мнѣ исподку доски. На ней имѣлась собственноручная надпись митрополита, изображенная тѣмъ почеркомъ, который такъ разительнo похожъ у всѣхъ духовныхъ лицъ, подобно русскому почерку нѣмцевъ, занимающихся въ коммерческихъ конторахъ.

— У меня есть частица камня отъ Гроба Господня. Мнѣ ее подарилъ добрый князь...

Слѣдовала подробная исторія о характерѣ отношеній его къ этому князю и о причинахъ, заставившихъ послѣдняго обязательно сдѣлать ему этотъ подарокъ; все пока о Москвѣ по поводу своего униженія.

Я замѣтилъ у него подвѣшенными на ширмахъ, унизанными крестиками и образочками различныхъ цвѣтовъ и калибровъ, между прочимъ, и хорошо всѣмъ извѣстныя: шапочку отъ мощей Митрофанія, рукавичку отъ Геннадія Люблинскаго, поясокъ изъ Кіева отъ Варвары великомученицы. Не ширмы, а цѣлый иконостасъ отдѣлялъ отъ меня его постель и столикъ. На постели уже лежали двѣ пуховыя подушки, на столикѣ Евангеліе въ серебряной оправѣ.

„Вотъ онъ и не измѣнился, — охотливо подумалось мнѣ: — И что онъ въ самомъ дѣлѣ: ханжа или истинно вѣрующій?“

И эту мою мысль онъ отгадалъ.

— Я вѣрую, я слѣпо вѣрую. Это одно утѣшеніе въ моемъ несчастіи. Судьба пошлала мнѣ сдѣлаться монахомъ...

Вотъ, кажется, самъ наскочилъ на большое мѣсто, а настороженные мои уши слышать о томъ, какъ бы онъ былъ счастливъ, если бы Господь сподобилъ его внушить такую же вѣру другимъ, какою живетъ и дышетъ онъ самъ.

— Одна эта вѣра и спасаетъ меня.

И съ этого пункта крутой переходъ совершенно въ противоположную сторону, по крайней мѣрѣ, прямо къ цѣли, которая вызвала наше свиданіе.

— Здѣсь борется съ христіанствомъ сильный врагъ—ламаизмъ. Не по своимъ немощнымъ силамъ борьба эта. Не подумайте, что я съ этимъ намѣреніемъ прошу себѣ дозволеніе путешествовать. Расскажите мнѣ, какъ вы это дѣлаете.

Поставленные мнѣ вопросы всѣ ограничивались практическою почвою, доказывая, что онъ

уже раньше присмотрѣлся къ дѣлу и искренно желаетъ ему послужить. Онъ показался мнѣ весьма начитаннымъ человекомъ. Онъ сумѣлъ сдѣлать бесѣду довольно пріятною и поддержать ее такъ, что у насъ вышло какъ бы литературное утро. Онъ все обнаружилъ: искусство хорошо слушать и тонкую осторожность въ возраженіяхъ. Рѣзко бросалась въ глаза мягкость въ манерахъ, его деликатность въ обращеніи,—все это имъ по дорогѣ въ Сибирь не растеряно. Привезъ онъ сюда и уберечь и ловкую лъстивость въ приемахъ съ легкимъ пересоломъ въ комплиментахъ, и удѣлилъ мнѣ въ малой дозѣ на мой счетъ и по скорости все то, что съ избыткомъ расточалъ во дни оны въ Москвѣ и что послужило началомъ современнаго печальнаго его положенія. Ни одною чертою настоящаго своего внутренняго міра онъ не подѣлился со мною. Можно было уловить лишь только тѣ моменты, когда онъ извертывался, и не шутя любоваться гибкостью и своевременностью чрезвычайно ловкихъ изворотовъ. Игралъ онъ точно змѣя и блескомъ глянцеистой шкурки и всѣмъ разнообразіемъ окрашивающихъ ее пестрыхъ цвѣтовъ. Неужели онъ искалъ во мнѣ, въ виду возможности, хотя бы и мимоходомъ, попасть въ печать, потому что желалъ представиться не иначе какъ въ благообразномъ видѣ? Правда, онъ крѣпко жалъ мнѣ руку при прощаньи, прижималъ ее даже къ сердцу, убѣдительно, умоляющимъ образомъ прескаменя еще разъ, хотя одинъ только разъ и на полчаса какіе нибудь навѣстить его. На болѣзнь пожаловался только за то, что она мѣшаетъ ему лично навѣстить меня на отводной квартирѣ. Онъ даже весьма самонадѣянно и увѣренно рисовалъ планы своего путешествія; при такой изможденной фигурѣ и истощенной натурѣ, онъ, видимо, рассчитывалъ жить еще многіе годы (чего, впрочемъ, не случилось). Онъ потомъ вступилъ со мною въ переписку: написалъ не одно письмо (я ихъ храню), но всѣ, однако, такія, которыя не требовали отвѣтовъ. Онъ точно помышлялъ на самомъ себѣ и въ письменныхъ строкахъ всегда казалось, что онъ все продолжаетъ чиститься, обшаркивается щеткою и вѣничкомъ и опрыскивается духами, хотя и дешевенькими.

Самыя милыя впечатлѣнія я вынесъ отъ него изъ дому и съ готовностью поспѣшилъ навѣстить во второй разъ, хотя онъ оказался и послѣднимъ. Тогда, прощаясь со мною окончательно и роняя видныя мнѣ слезы, онъ ужъ не выдержалъ и проговорился прямо съ маху, безъ всякаго вызова съ моей стороны и внѣ всякой связи съ предыдущимъ нашимъ разговоромъ:

— Повѣрите мнѣ, княгиня Вѣра была такая святая душа, что я вовсе не совершилъ надъ нею никакого либо преступленія насильемъ.

Ея душою я лишь только увеличил сонмъ небесныхъ ангеловъ.

Обрадовавшись тому, что онъ снизошелъ ко мнѣ и приспустилъ и ослабилъ одну петельку, я догадался ухватиться за нее.

— Вѣроятно, сама княгиня довела васъ до этой крайности?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ мнѣ и я видѣлъ, какъ мгновенно глаза его вскинулись къ небу и руки повисли, какъ плети:—Княгиня была ангелъ кротости, но, вслѣдствіе независимости отъ нее обстоятельствъ, она была поставлена въ такое безвыходное положеніе, что для спасенія этой чистой души я рѣшился прекратить жизнь ея.

Въ самомъ дѣлѣ намъ уже больше не о чемъ было разговаривать. Если онъ не говорилъ затверженную фразу, какъ помѣшавшійся на подобномъ выраженіи, то уже во всякомъ случаѣ на каторгѣ онъ не исправился. Онъ все тотъ же и теперь, какимъ былъ и въ то время, когда тянули его за языкъ, именно въ страшный день безжалостнаго убійства, надъ неостывшимъ еще трупомъ его жертвы.

— Я скажу вамъ, какъ онъ исправился или переѣмился,—говорилъ мнѣ одинъ изъ интеллигентныхъ людей, очутившихся также на каторгѣ и къ которому я обратился за справками.

Это былъ Ипполитъ Васильевичъ Кашкадамовъ, изъ воспитанниковъ московскаго Воспитательнаго дома. Кашкадамовъ довольно долгое время жилъ съ Зыковымъ въ тобольской тюрьмѣ, гдѣ всѣ оставались подолгу, особенно ссыльные изъ привилегированныхъ сословій (Кашкадамовъ былъ дѣйствительнымъ студентомъ московскаго университета и попалъ въ Сибирь за поддѣлку монеты). Подъ прикрытіемъ того обстоятельства, что приказъ, распредѣлявшій ссыльных по областямъ, уѣздамъ, волостямъ и городамъ, находился въ то время въ Тобольскѣ (теперь онъ въ Тюмени), несчастные люди отъ этапнаго пути отдыхали здѣсь и передъ каторгою запасались кое-какою силою. Въ тѣ времена было попроще и тобольская тюрьма представляла собою нѣкоторое подобіе гостиницы.

Зыкову позволили, за большою тюремною общою камерою, устроиться такъ, какъ было ему поспособію, чтобы уединиться и помолиться, не вызывая соблазна и насмѣшекъ (ссыльный народъ—большой охальникъ и злой путникъ).

— Вотъ эти-то ширмы, что вы видѣли у него въ перчинскомъ заводѣ, видѣли и мы въ тобольскомъ острогѣ. Онъ ихъ возилъ на особой подводѣ, какъ настоящій фокусникъ, который показываетъ, какъ Петрушка всѣхъ колотить, а самъ невоздержно при этомъ хочетъ. Это—не иконстасъ, а, такъ сказать, заборъ,

который въ здѣшнихъ мѣстахъ строить въ рѣкѣ для прославленной сибирской рыбы — максуновъ. Иной изъ нихъ придетъ къ колыамъ, стукнется головой, очумѣетъ и не знаетъ дальше, что ему дѣлать. Надо бы повернуть назадъ и утекать, а онъ этого не смыслить, и все стоитъ и все ждетъ, когда же его возьмутъ голыми руками? Охъ, эти ширмы! Много онъ бѣдъ натворили, да и не бѣдъ только, а настоящихъ преступленій. Правда, что, по его словамъ, тутъ изъ многихъ святыхъ мѣстъ получены имъ подарки. И не столько это, сколько онъ самъ святъ и величественъ изъ-за этихъ самыхъ ширмъ. Такъ онъ благоглупень и медоточивъ, что бери да и пиши его ликъ на икону и ставь ту икону въ славну церковь.

„Вотъ я что хочу рассказать вамъ, — продолжалъ И. В. Кашкадамовъ:—Содержался въ одно время и въ одномъ этомъ же танцовальномъ залѣ бродяжяго и воровскаго русскаго собранія Кореневъ — злодѣй высокой пробы. Онъ 18-ть убійствъ совершилъ и владѣлъ непомѣрною силою духа еще настолько да на полстолька убійствъ. Когда его потомъ приковали на цѣпь и посадили въ одиночную камеру, онъ такъ отрѣзалъ въ отвѣтъ архіерею Θεогносту, что того отшатнуло на нѣсколько шаговъ отъ одного только слова злодѣйскаго (ибо окровавленные руки были прикованы къ собачьей цѣпи).

„Въ то время, про которое я рассказываю, Кореневъ лежалъ съ вами на однихъ нарахъ. Полеживалъ себѣ да посвистывалъ. Иногда въ карты игралъ, а чаще по сторонамъ поглядывалъ. Съ Зыкова онъ не спускалъ глазъ. Разъ и толкаетъ меня Кореневъ подъ бокъ локтемъ: „Гляди, Политъ Васильичъ, у московскаго-то чудотворца рыба ужъ начала знатно клевать“. Я лично не придавалъ до той поры большого значенія тому обстоятельству, что къ Зыкову дозволенъ былъ доступъ всякому; ходило къ нему народу много, особенно бабы. Извѣстно, ихъ это дѣло—сначала святошей рожать, а потомъ ханжей воскармливать. Къ тому же вѣдомо мнѣ было, что барыни декабристовъ изъ городъ Тобольскъ, на досугъ и бездѣльѣ, придумываютъ какую-то новую вѣру и что болше всѣхъ беспокоится объ этомъ Фонвизина. Архіерей Владимиръ и ласкалъ ее и доносы объ ней въ синодъ посылалъ, а она, однако, успѣла натворить то, что на купеческихъ женъ и дочерей нашло самое мистическое настроеніе, заимство родного язычества. И то не былъ Сведенборгъ настоящій, а что-то около него, только немножко позаволокло мозги туманомъ,—словомъ, одурѣли бабы. На что имъ лучше Зыкова, когда его привезли сюда да прочитали его статейный списокъ, да вѣтеръ кое-что нанесъ, да его самого послушали? Важное кушанье! Чего, помилуйте, лучше? Первостатейную

княгиню убили, въ монастырѣ жилъ, архимандрита загубилъ, въ благотворителяхъ состоялъ, а самъ образованнѣйшій человѣкъ, въ какомъ-то институтѣ курса не кончилъ. Роману тутъ такъ много, что и не выгребешь и не переслушаешь. И въ самомъ дѣлѣ, слушали его очень долго; ниня каждый день, какъ одна рябенная купеческая вдова съ двумя пухленькими дочками. Все, бывало, видимъ — проходить онѣ втроемъ за эти ширмы и бесѣдуютъ. А то вдругъ пришла къ нему одна дочка, самая пухленькая, безъ сестры и маменьки. Въ это-то время меня Кореневъ и толкнулъ въ бокъ, да — чертовъ онъ сынъ — такъ-то больно пихнулъ, что я насилу отругался.

„Сталь Кореневъ поменьше и предсказывать: „Смотри, — говоритъ: — Поить Васильичъ, завтра она опять придетъ одна и сидѣть будетъ дольше“. Почему, молъ, ты, дурова голова, знаешь? — „Да ужъ не сумлѣвайся! я пихнул сестру только что не убивалъ, а хороводы съ ними вживалъ и любилъ это дѣло, когда на водѣ жилъ и ножныхъ брэндетовъ еще не надѣвывалъ. Онъ въ монастырѣ не даромъ привыкъ пѣньки снимать“. И предсказалъ проклятый варнакъ: пришла въ самомъ дѣлѣ одна. Намъ изъ-за косака въ ту маленькую комнатку все было видно, потому что двери, по закону, были сняты съ петель. Очень хорошо мы видимъ, какъ она порскнула за ширмочку и даже какъ будто еще и каблучкомъ ее задѣла и покачнула. Кореневъ, лежа на полатяхъ, приподнялся даже, оперся на локотки и воззрился, какъ коршунъ. Охъ, воркій у него быть глазъ и строгій! Когда, бывало, рассердится, зрачки такъ и забѣгаютъ, какъ мыши, которыя не найдутъ, въ какую щель безопаснѣе сунуться. Я уже вижу этотъ самый взглядъ и думаю, что и онъ видитъ что-то недоброе. Ну, молъ, худо тому, кто у этого глаза на смотру и на линіи. Меня даже морозомъ по спинѣ продернуло. Однако, Кореневъ меня немного успокоилъ тѣмъ, что, смотрю, опять опрокинулся на спину и смотреть въ потолокъ и даже пѣсню мурлыкаетъ. Дай-ка, молъ, взглянусь я въ него; ой, худо! онъ рыжую свою бороду закусилъ, пріемъ тоже знакомый мнѣ и знакъ весьма внушительный!

„Вышли они парочкою. Зыковъ, какъ вѣжливый кавалеръ, подъ ручку ведетъ барышню. Проводилъ ее за дверь, возвращается. Я и не замѣтилъ, какъ успѣлъ Кореневъ очутиться съ нимъ лицомъ къ лицу, должно быть, однимъ прыжкомъ, какъ тигры это дѣлаютъ. Понесся по казармѣ его зычный голосъ, непріятно-сильный, какъ у всѣхъ бродягъ, подмоченный и застуженный.

„— Скажи ты мнѣ, дворянскій сынъ, кто изъ всѣхъ...“

„Рукою...“ — сгребъ его за горло и шагу ему не даетъ. Самъ оретъ, на свою голову, во всю силу, что было ее въ груди у него и въ горлѣ.

„— Скажи, говорить, кто изъ насъ лучше: ты или я? Не пушу, пока не дашь ты мнѣ отвѣта.

„Казарма вся гогочетъ. Кто замывается смѣхомъ, а молодые ребята начали усыкать. Я подумалъ: это, молъ, ему будетъ вторая публичная трепка, да послѣдняя ли? Вотъ сторожа показались въ дверяхъ. Мелькнули солдатскіе штаны. Кореневъ, должно быть, это скоро замѣтилъ и началъ накладывать, да такъ быстро, что только кулакъ сверкалъ. Тутъ его и связали ремнемъ и оторвали отъ лежака; онъ и не прекословилъ, даже ногой не брыкнулъ. Когда подняли Зыкова, то уже понесли на рукахъ, не могъ идти.

„Долго лежалъ онъ въ тюремной больницѣ. Коренева за это за самое на дѣнь приковали: но самоуправничай и не озорничай! Про Зыкова мнѣ сказывалъ докторъ нашъ, что у него сильно повреждено легкое и вѣроятно-де приростетъ оно къ спинному хребту. Однако, вотъ вы его въ нерчинскомъ заводѣ живыми видѣли и онъ еще и васъ успѣлъ обмануть. А не спрашивали вы тамъ про дочку Калинскаго, не рассказывали вамъ про вдовую попадейку? Жаль! Тогда не пришлось бы вамъ сдаваться на его слова и приняли бы вы ширмы за шарманку, слезы — за насморкъ, воздыханія — за привычку дурного воспитанія, а ученое путешествіе — за подвохъ. Ему надо теперь тѣмъ нибудь отличиться и выдвинуться, чтобы попасть сначала хотя въ волостные писаря, а потомъ поискать и высокій чинъ коллежскаго регистратора, который онъ такъ неосторожно обронилъ въ Москвѣ, на Каменномъ мосту. Вотъ онъ и погулялъ бы кстатіи и пѣсенокъ по Забайкалью-то послушалъ бы. Засѣдатели ему въ этомъ дѣлѣ помогли бы: дѣвокъ бы къ нему нагнали, а у семейскихъ онъ такіа породистыя и такіа гуливыя. Посо-бралъ бы онъ кое-что изъ веселенькаго и въ печать послалъ, ну, хотя бы въ газету „Амуръ“, что ли. Узнало бы объ этомъ сильное начальство, стало бы объ немъ хлопотать повыше и кричать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ странамъ: „Исправился, совсѣмъ исправился нашими стараніями. Нашею помощью вернулся блудный сынъ въ домъ отца своего. Заколемъ на радости теленка или агненка“, или что иное на тотъ разъ подъ руку попадетъ.

„Не бывать плѣшивому кудреватымъ! Такъ я понимаю это дѣло по пристальнымъ и давнымъ моимъ личнымъ наблюденіямъ. Припоминаю послѣднее объясненіе ваше съ нимъ, которое я уже разъ отъ него самъ слышалъ, когда онъ въ тобольскомъ острогѣ отвѣчалъ на вопросы генералъ-губернатора. Онъ тоже тогда игралъ зрачками. Я какъ сейчасъ помню слова его: „Я — великій грѣшникъ!“ и слышу его вадохъ. Онъ былъ даже настолько неостороженъ въ то время, что стукнулъ кулакомъ себя въ грудь, по актерски. Припоминая разсказъ вашъ о свиданіи, мнѣ хочется задать послѣдній вопросъ:

что лучше: цинизм ли бродяги Коренева или мистицизм горожанина Зыкова? Лично я надъ этимъ вопросомъ никогда не задумывался, можетъ быть потому, что привыкъ на которгѣ дѣлать все тотчасъ же, какъ только задумалъ. Повѣрять себя нѣкогда,—сейчасъ въ барабанъ забьютъ,—и оглянуться не успѣешь. Я всегда

былъ твердо убѣжденъ, что изъ Коренева, при благопріятныхъ условіяхъ жизни, всегда могъ выйти человѣкъ хотя на что нибудь годный; Зыковъ — безнадежно неисправимъ. Счастлива вся наша русская каторга именно тѣмъ, что такихъ отвратительныхъ личностей попадаетъ на ней очень мало*.

Г Л А В А XII.

ПРЕСТУПНИКИ ПРОТИВЪ СЕМЕЙНЫХЪ ПРАВЪ.

Развратъ.—Кровосмѣшеніе.—Снохачи.—Сводные браки.—Прелюбодѣяніе.—Растлѣніе и насилуваніе.—Мужеложство и скотоложство.—Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ.—Ябедничество и клеветничество чиновниковъ.—Ложные доносы.—Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибири.

Оскорбленіе родителей и непослушаніе, въ примѣчательномъ большинствѣ случаевъ, оказывали сыновья. Преступленіе это всѣхъ наименьше можно считать женскимъ: въ двадцать лѣтъ на 69 мужчинъ ушло въ Сибирь 2 женщины, мимо монастырей и всякаго рода исправительныхъ заведеній. Слабо высказываясь своими особенными характерными чертами, преступленіе это въ Сибири успѣло опредѣлиться, во весь этотъ длинный періодъ времени, только кое-какими признаками, много не говорящими: шло среднимъ счетомъ по три человѣка въ годъ. Сильнѣе выразилось это преступленіе абсолютною цифрою у государственныхъ крестьянъ, затѣмъ у мѣщанъ и дворянъ, а наибольшую пропорцію въ купечествѣ; въ общемъ числѣ всѣхъ ссыльныхъ ему принадлежитъ самое послѣднее мѣсто во свидѣтельство той высокой степени положенія, на которой стоитъ родительская власть, злоупотребившая на этотъ разъ своимъ правомъ и не способная сладить домашними средствами въ этихъ исключительныхъ (70) случаяхъ (въ 20 лѣтъ). Деспотизмъ и несостоятельность самосуда, выразившіеся сильнѣе въ купечествѣ (по процентному отношенію), вызвали наибольшее число ссыльныхъ за 20 лѣтъ изъ губерній: Курской (7), Вологодской (6), Ярославской (5), Пензенской и Тамбовской (по 4).

Сюда сибирскія табели до 1844 г. относили еще „принятіе чужой фамиліи“ и „прелюбодѣяніе“, какъ преступленія, направленные противъ правъ семейственнаго состоянія; но первое, при широкомъ приспособленіи въ бѣгахъ и сильномъ примѣненіи къ бродяжеству, въ табеляхъ выдѣляется слабо, а прелюбодѣяніе смѣшивается съ плотскими преступленіями, а потому мы и переходимъ прямо къ нимъ*).

*) Также слабо и безхарактерно, временами даже не выдѣляя вовсе, объясняютъ тобольскія цифры: неплатежъ податей (въ 4 г. съ 1838 по

Изъ плотскихъ преступленій по прелюбодѣянію замѣчается сильнѣйшая наклонность въ женщинахъ и, по свидѣтельству сибирскихъ цифръ, виновность ихъ (по всѣмъ родамъ преступленій) на этотъ разъ представляется самою характерною на ряду съ преступленіемъ убійства дѣтей (по прелюбодѣянію одинъ мужчина на пять женщинъ, по убійству дѣтей 1 на 19). Почти исключительно усвоенный женщинами (по числу ссыльныхъ), тотъ же порокъ прелюбодѣянія, по житейскому опыту, сильнѣе свидѣтельствуется не о невинности мужчинъ, а о той ловкости увертокъ, къ какимъ удачѣе прибѣгаютъ послѣдніе, злоупотребляя своимъ правомъ сильного и счастливо пользуясь болѣе обезпеченнымъ и лучше устроеннымъ общественнымъ положеніемъ. Обвиненія, не одолевая сильного, ложатся всею тяжестью на безсильнаго, страдающаго отъ общественнаго предразсудка. По процентному отношенію наибольшая наклонность замѣчается въ военномъ сословіи (у мѣщанъ больше, чѣмъ у крестьянъ), а солдаты чаще другихъ дѣлаются жертвами обвиненія на судѣ и ссылки. Всего больше ушло виновныхъ всякаго пола и возраста (за прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе и насилуваніе) изъ губерній Пермской (въ 20 лѣтъ 60 м., 15 ж.) и изъ южныхъ: Харьковской (32—5), Полтавской (28—12) и Херсонской (21—7).

1842 г. 12 чел.); подлоги въ отпавленіи рекрутской повинности, сильнѣе выражающіеся въ цифрахъ отдѣла табелей, озаглавленнаго «тѣлесныя поврежденія себѣ и другимъ съ намѣреніемъ избѣжать службы». Точно также въ одно время выяснилась «лживая присяга» и произвольно пропадала вслѣдъ за другими, исчезая тамъ, гдѣ этого вовсе и ожидать было нельзя. Принятіе чужой фамиліи или переимѣна имени и прозванія въ Россіи преступленіе не такъ частое, въ Сибири—дѣло обычное, съ большимъ успѣхомъ практикуемое поселенцами и каторжными. Въ однихъ нерчинскихъ заводахъ въ десять лѣтъ уличили и засадили таковыхъ 156 человѣкъ, да за «ложный извѣтъ» одного.

Съ меньшею или большею цифрою ссыльных за плотскія преступленія являются и всѣ до одной другія русскія губерніи.

Дѣйствуя съ большою силою въ большихъ городахъ, развратъ, по рассказамъ путешественниковъ, царствуетъ на всемъ пространствѣ земного шара, существуя подѣ двумя главными формами: публичнаго и тайнаго. Нѣкоторые статистики, разсматривая его въ обоихъ видахъ, пришли къ тѣмъ положительнымъ выводамъ, что цифра разврата крупнѣе между 16 и 28 годами человѣческаго возраста, что отъ 14 до 28 лѣтъ она идетъ въ возрастающей прогрессіи, а съ 28 до 40—въ уменьшающейся. Съ послѣдняго термина (40 лѣтъ) прогрессія начинаетъ падать примѣчательно быстро, такъ что въ 50-ти-лѣтній возрастъ доходить до нуля. Замѣчено при этомъ, что развратъ, преимущественно, любитъ гнѣздиться въ семействахъ и между тѣми лицами, которыя соединены кровными узами и, по преимуществу, заражаетъ сестеръ. Чаше предается разврату дочь при матери, показывая, до какой степени развращенія доходятъ иныя семейства, гдѣ сама мать подаетъ примѣры распутства собственнымъ дѣтямъ. Особенно примѣтно это въ средѣ бѣдняковъ большихъ городовъ. Въ деревняхъ порокъ этотъ подчиняется отчасти давнему, укоренившемуся за долгое время обычаю, отчасти зависитъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Къ числу послѣднихъ относятъ стороннія вліянія, зависящія отъ причинъ географическихъ (сильнѣе развратъ въ приморскихъ мѣстахъ и городахъ отъ прилива матросовъ весною и лѣтомъ) и экономическихъ (напр., чаще паденія женщинъ совершаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ дальніе и продолжительные отхожіе промыслы). Кое-гдѣ вліяютъ на то же нѣкоторые предразсудки религіозныхъ сектъ, изъ которыхъ сильнѣе другихъ выясняются безпоповщина и хлыстовщина. Существенною же и вѣроятною причиною считается быстрое увеличеніе военнаго сословія съ продолжительными стоянками одинокихъ солдатъ въ губерніяхъ, существующихъ сторонними заработками на отхожихъ промыслахъ. Причина усилена дважды: покинутая мужемъ солдатка грѣшитъ нарушеніемъ вѣрности дома, въ то время, когда солдатъ соблазняетъ чужую жену на чужой сторонѣ. Тѣмъ не менѣе, во многихъ неспорченныхъ солдатскими стоянками мѣстахъ, гдѣ наплывъ холостой молодежи не дѣйствителенъ, противъ согрѣшившихъ существуютъ домашнія мѣры изысканія, мірскаго самосудъ, такъ же строгій и неуступчивый, какъ и всякій народный самосудъ на разныхъ преступниковъ. Въ Вѣлоруссіи и Малороссіи наказываютъ виновныхъ вмѣсто того и другою: на мать, отдающую дочь лишенною невинности въ замужество, на-

дѣвають хомутъ и заставляютъ прыгать черезъ огонь или бѣгать по полю и лаять по собакамъ; на дочь надѣвають бабью кикю безъ обрядовъ, не въ избѣ, а въ сѣняхъ и на дворѣ; не прицѣпляютъ красной ленты на наметку, не поятъ красною водкою. Съ уличенныхъ въ прелюбодѣіи женщинъ срываютъ платки на народѣ, простоволосать, т. е. позорять самымъ тяжкимъ оскорбленіемъ, мажутъ ворота и двери дегтемъ и проч. Евреи западныхъ губерній поступаютъ еще суровѣе. Нарушившую цѣломудріе приводятъ въ школу (синагогу), здѣсь плюютъ на нее, бросаютъ въ лицо тряпки, намоченныя нечистотами; потомъ одѣвають въ оборванную солдатскую шинель, въ высокій колъпакъ, даютъ въ руки шесть со рваномъ шапкою (магеркою) наверху, связываютъ назадъ руки и на веревкѣ водятъ по мѣстечку. Проходящіе имѣютъ право бросать тѣмъ, на что попало и плевать въ лицо сколько угодно.

Къ числу укоренившихся народныхъ обычаевъ, которые, отчасти, можно считать историческими, относится, между прочимъ, обычай искать не жену сыну, а въ домъ безплатную работницу, приобретаемую единовременнымъ и необременительнымъ взносомъ калыма („выводного“). Цѣль достигается женитьбою недоросковъ на взрослыхъ, вошедшихъ въ полную силу дѣвушкахъ,—цѣль, которая и теперь не покинута во многихъ глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ. Обычай этотъ, сверхъ того, обусловленный обыкновеніями уходитъ на дальніе заработки у крестьянъ и на долговременную службу у казаковъ, съумѣлъ породить новый видъ, тотъ видъ преступления, который называется кровосмѣшеніемъ и слыветъ въ народѣ подѣ именемъ „снохачества“. Отецъ, уславшій сына на службу или на работу, свекоръ, велагающій сыновнія работы на жену его, сноху свою, на старости лѣтъ впадаетъ въ грѣхъ любовныхъ связей, включаетъ себя въ число снохачей. Когда походятъ годы и молодому работнику настаетъ надобность и возможность возврата домой (чтобы тамъ и остаться), по смерти отца онъ находитъ жену перестаркомъ, ищетъ любви на сторонѣ, грѣшитъ прелюбодѣіемъ и, въ свое время и въ свою очередь, становится снохачемъ—типомъ людей, осмѣянныхъ во множествѣ скандальныхъ анекдотовъ, поговорокъ, загадокъ и пѣсенъ. Такими людьми примѣтно усиливается цифра тѣхъ, которые ссылаются въ Сибирь за кровосмѣшеніе. Кровосмѣшенію со снохою и со свекромъ принадлежитъ первое мѣсто; отцу съ дочерью и невѣсткѣ съ деверемъ второе; деверю съ невѣсткою и сестрѣ съ братомъ—третье; вотчину съ падчерицею и племянницѣ съ дядею—четвертое. Остальные случаи очень рѣдки, но большая часть сопрвождается насиліемъ (въ особенности кровосмѣшеніе отца съ дочерью), и только снохачество

является формой любовной связи, закрѣпленной на обоюдномъ (менѣе принудительномъ) соглашеніи. Мужчина чаще всего попадаетъ въ этотъ грѣхъ въ возрастѣ отъ 50 лѣтъ и не останавливается, а еще больше грѣховодничаетъ и въ лѣта свыше 60-ти. Для жертвъ соблазна и манаскированія ранній возрастъ женщинъ становится роковымъ, въ особенности между 20 и 30 годами *). По губерніямъ, кровосмѣсители всего больше понесли наказаніе въ Тобольской, Вятской, Пермской, землѣ Донскихъ казаковъ, Полтавской и Харьковской; изъ послѣдней, какъ изъ мѣста военныхъ поселеній, изъ первыхъ пяти, какъ такихъ, которыя преимущественно живутъ по старозавѣтнымъ обычаямъ; Тобольская, къ тому же и ссыльная, угнѣющая отвѣчать на всѣ роды и виды всяческихъ преступлений. Губерніи безъ отхожихъ промысловъ, а въ особенности бѣлорусскія и сѣверныя, свободны въ этомъ отношеніи отъ всякаго упрека.

Во всякомъ случаѣ южныя губерніи по всѣмъ родамъ плотскихъ преступленій успѣли подтвердить законъ о наибольшемъ возбужденіи плотскихъ страстей въ силу климатическаго вліянія. Если же отъ приблизились къ сѣверо-восточнымъ губерніямъ, то въ силу лишь того, что губерніи эти населены исповѣдниками Магометова закона и заводскими рабочими, съ дурно обезпеченнымъ и плохо устроеннымъ семейнымъ бытомъ. Естественныя условія сравнялись съ искусственными и въ этомъ отношеніи оспариваютъ другъ у друга взаимный перевѣсъ. Кровосмѣшеніе же въ Сибири преступленіе настолько давнее, что объ немъ находимъ свидѣтельство еще въ обличительной грамотѣ патріарха Филарета, присланной сибирскому архіерею Кипріану въ 1622 году. Казаки, первые обитатели Сибири, не носили крестовъ, не хранили постовъ, жили съ кумами и сестрами своихъ женъ, находя себѣ оправданіе въ недостаткѣ женщинъ. Московская грамота, выданная Ермакову послу-атаману Кольцу, при возвратѣ его изъ Москвы, позволяла казакамъ увозить изъ городовъ женъ и дѣвицъ, и Филаретова грамота силилась воспретить подобное умыканіе дѣвицъ, существовавшее въ его время еще во всей своей силѣ. Филаретъ приказывалъ выслать эту грамоту въ Москву и считать привилегію неумѣстной. Имъ же воспрещалось житіе русскихъ съ некрещеными женами, воспрещалось совмѣстное житіе монаховъ съ монахинями въ одномъ монастырѣ, воспрещалось тѣмъ и другимъ уходить изъ обителей и жить въ мірѣ, обличались воеводы, продававшіе въ замужество

краденныхъ въ Россіи дѣвицъ и заставлявшіе при себѣ ихъ вѣнчать. Въ 1637 году присланы были изъ Россіи: изъ Вологды, Тотмы, Устюга и Соль-Вычегодска 150 дѣвицъ для женитьбы казаковъ, сверхъ 500 семей, обязанныхъ поставить въ послѣдствіи невѣсты; но въ 1725 г. митрополитъ Филофей извѣщалъ губернскую канцелярію, что казаки, посланные за ясакомъ, вмѣсто подводчиковъ берутъ красивенькихъ остяцкихъ дѣвушекъ и дорогою ихъ насилуютъ. Въ послѣдствіи узаню было, что русскіе березовцы издавна покупаютъ у остяковъ дѣтей, платя за мальчиковъ по 25 коп. мѣдью и по 20 коп. за дѣвочку. Распущенность нравовъ въ прошломъ столѣтіи была такъ же велика, какъ и въ предшествовавшее: воеводы и сильные люди, не исключая амурскаго героя Хабарова, отнимали чужихъ женъ и жили съ ними блудно. Мужья, измученные невѣрностью женъ, принуждены были прибѣгать къ чародѣйствамъ и знахари подслуживались имъ различными, самими оригинальными способами привораживания: скоблили съ избъ стружки, смѣшивали съ колесною грязью, распускали въ банной водѣ и давали пить невѣрнымъ женамъ, шептали на воскъ и на сѣру и прилѣпляли къ кресту; брали съ головы волосы, шептали на нихъ и велѣли носить при себѣ рогоносцамъ; шептали по волшебнымъ книгамъ у бѣлой березы всякіе наговоры и невѣрныхъ женъ привязывали къ этимъ березамъ; водили въ баню и кормили тамъ полшебными колобками изъ воску, пчелины, соли, волосъ и всякой неподходящей драни. Сибирь продолжала устанвать на своемъ и въ 1836 году одинъ изъ губернаторовъ сибирскихъ писалъ: „Не говоря о мужикахъ, женщинахъ и дѣвкахъ безъ стыда ходили въ кабаки пьянствовать“. Легкая нравственность и вольная жизнь, выражаемая терминомъ „прелюбодѣяніе“, представляются въ женскомъ населеніи Сибири явленіемъ довольно обыкновеннымъ, причину котораго слѣдуетъ искать въ неравномѣрномъ пропорціальному отношеніи мужчинъ къ женщинамъ, въ портѣ, приносимой поселенцами, и въ обычаяхъ страны, практикуемыхъ съ древнихъ временъ, каковыя сильнѣе всякаго закона. Въ сытой жизни не только въ мѣстахъ золотопромышленныхъ, но и во всѣхъ сибирскихъ, находится много возбуждающихъ причинъ, какъ вызововъ тѣхъ явленій, которыя называются распутствомъ, считаются безнравственностью. У тюменскихъ сытыхъ старовѣровъ издавна пристраиваются займки, на которыхъ они держатъ вторыхъ женъ и сами наѣзжаютъ туда для развлеченій и удовольствій, въ числѣ которыхъ главное мѣсто принадлежитъ пьянству и играмъ съ бабами и дѣвками. Въ Алтайскихъ горахъ тамошніе старовѣры извѣстны, между прочимъ, тѣмъ, что нѣтъ дома, гдѣ бы не было извѣстныхъ сибирскому люду и любезныхъ ихъ сердцу

*) Въ 9 лѣтъ общее число кровосмѣсителей равняется 61 мужч. и 48 жен. Чаще другихъ этотъ видъ преступниковъ заявлялся въ средѣ крестьянъ одинаково, но особенно сильную наклонность обнаружили бывшіе военные поселенцы и казаки (донскіе). Вообще, плотскія преступления у казаковъ являются на первомъ планѣ.

подворнищъ. Бывшая слобода Кія, теперь городъ Марининскъ, нѣкогда центръ наймовъ рабочихъ на золотые промыслы, вела торговлю крѣпкими винами, всякимъ товаромъ и различными сладкими яствами во всевозможныхъ широкихъ приспособленіяхъ. Слава ея не меньше Енисейска, гдѣ не такъ давно на встрѣчу выходившимъ изъ тайги съ золотыхъ промысловъ рабочимъ выходили мѣщане съ женами и дѣвками и съ виномъ. Отцы поили виномъ, бабы и дѣвки, славящіяся своею красотою, зазывали къ баню, въ дома; тамъ опять напивавали, обирали до нитки, возбуждали ссоры и драки и безконечныя дѣла, которыми Енисейскъ и Красноярскъ издавна весьма славятся. Про города эти сложились въ народѣ такія поговорки, которыя не годятся для печати. Войкія, рослыя, видныя бабы семейскія за Байкаломъ сильно попираютъ и скоромничаютъ въ разговорахъ и въ средѣ тамошняго населенія нравственностью своею не славятся, въ соответствии тѣмъ единовѣрцамъ своимъ, которыми переполнена губ. Тобольская. Тамъ издавна весь отвѣтъ потерявшей невинность дѣвушки состоятъ въ томъ, чтобы придти и пасть въ ноги родителямъ: „Простите, я въ упаденіе пала“, и подвергнуться за это эпитиміи. У семейскихъ за Байкаломъ существуютъ на свѣтахъ кладки—родъ свальнаго грѣха. Своды разрѣшаются просто: баба бросаетъ кикю подъ лавку и объявляетъ, что она дѣвка. Сводные браки тамъ не удержались долго именно по тому, что давали просторъ бабамъ уходить къ другому и отвѣчать начальству, что не были вѣнчаны. Тамъ, по этому случаю, даже самые ярые староверы стали прибѣгать къ вѣнчанію въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, чтобы закрѣпить за собою жену и не плакаться потомъ надъ потеряннымъ калымомъ. Такъ, подъ влияніемъ такихъ неблагопріятныхъ супружеской жизни бытовыхъ основъ, странникъ и скиталецъ тюменскій, посадскій человѣкъ Михайлѣ Васильевичъ Десятинъ, во второй половинѣ прошлаго вѣка, сумѣлъ организовать особый толкъ, названный по его имени десятинскимъ. Толкъ этотъ не многолюденъ, но, тѣмъ не менѣе, придерживаются его и въ Тюмени, и въ деревняхъ: Першиной, Межборной, Галевой и Сунгуровой. Десятинъ объявился на всегда холостымъ для спасенія души на старости лѣтъ и поселился въ скитѣ въ лѣсу близъ деревни Черепановой (Тебаницкой вол. Курганскаго округа). Деревня эта при ревизіи уничтожена была по случаю неурядицъ, наносимыхъ каторжными казеннаго Боровлянскаго виннаго завода. Здѣсь Десятинъ перекрестилъ себя яко бы по примѣру равноапостольной Феклы, препод. Теофана, Дросиды (дичера царя Траяна) и друг. День и ночь онъ читалъ книги, молился и тѣмъ привлекалъ поклонниковъ и подражателей, посе-

лившихся около него скитами. Десятинъ ихъ перекрестилъ. Ему наследовалъ крестьянинъ Вас. Матв. Гусевъ (онъ же Садковъ), переселившійся за пустынное озеро, гдѣ былъ потомъ стеклянный заводъ Вархатовыхъ, тоже въ Тебаницкомъ бору (ум. 1805). Десятинцы вѣрили въ то, что ежеминутно надо ожидать второго прішествія, а потому для браковъ проишу время. Свѣнчанную жену считаютъ за блудницу и потому свѣнчаные ихъ толка всегда подъ эпитимію. Мужу не дозволяется сходить съ женою, — этимъ крутымъ воспрещеніемъ секта достигла противоположныхъ результатовъ — развратъ усилился, хотя въ согласіи и поступали большіе старики. Къ своей женѣ мужъ могъ ходить не иначе, какъ черезъ окно, въ темную пору. Старики смотрятъ на это сквозь пальцы, пока нѣтъ во чревѣ; тогда на обоихъ возлагается строгая эпитимія. Сосѣди заподозрѣваютъ ихъ даже въ кровосмѣшеніи по завѣту: „подобаетъ дѣлателью отъ плода своего вкусити“ и ведутъ сплетню о нравѣ сожителства въ ихъ толкѣ отца съ дочерью, брата съ сестрою. Но и на этотъ разъ, какъ и во всѣ прочіе по вопросу о сектаторахъ, отдѣльные частные случаи ничего не доказываютъ.

Своды или сводные браки у староверовъ понимаются различно: одни бракъ въ православной церкви признаютъ въ гражданскомъ, другіе въ церковномъ смыслѣ и непременно вѣнчаются, чтобы жена не сбѣжала. Свѣнчавшихся въ церкви одни исправляютъ: налагаютъ эпитимію, иногда очень значительную (нѣсколько лѣстовокъ, т. е. нѣсколько разъ по сту поклоновъ; отлученіе въ молитвѣ, въ пищѣ); другіе не полагаютъ и того. Вѣнчаются и съ подпсками и безъ подъ подписокъ; вѣнчаются и сводятся съ православными, бываетъ и наоборотъ. Когда усилились сводные браки, одни позволили признавать ихъ законными, какъ Родіоновщина тюменская, другіе продолжали вѣнчаться въ церквахъ, разумеется предпочитая православнымъ церквамъ единовѣрческія, гдѣ все-таки водятъ по солонѣ. Поддерживники (поповцы) вѣнчаются въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ, но потомъ ихъ исправляютъ. Теперь свои выборные обществомъ старикъ или старуха (но не наставники, которые ни вѣнчаютъ, ни крестятъ) прочитываютъ чинъ вѣнчанія. Прежде это дѣлали бѣглецы поны въ Екатеринбургѣ въ Полетиковой или Рязановской часовнѣ съ наложеніемъ эпитиміи, куда сибиряки нарочно ѣздили. Появленіе сводныхъ браковъ усилилось съ того времени, какъ умеръ (въ 1835 г.) послѣдній поплъ ихъ Никола (бѣжавшій въ 1812 году изъ нѣвня Куракина, а потому Куракинскій). До того времени отпѣвали покойныхъ по канону за единоувершаго, совершали вечерни, повечерницы, полуночницы, утрени и часы, развѣзая по округу, бѣглецы

попы изъ Пензенской епархіи Иванъ Грузинскій, Парамонъ Лебедевъ, Петръ Андреевъ и самозванные попы изъ крестьянъ: Аристархъ, Гаврило, Максимъ и болѣе другихъ извѣстный Никола Куракинскій (Парамонъ, во время гоненій, присталъ къ едновѣрію въ 1838 году и поступилъ въ едновѣрческій екатеринбургскій приходъ; другіе всѣ, кромѣ Николы, бѣжали на Иргизъ и Керженецъ).

Среди заводскаго населенія, въ особенности организовавшагося изъ ссыльнаго люда, нравственность глубоко потрясена. Тамъ оправдываютъ развратъ, какъ промыселъ, вынужденный безвыходною нуждою, и признаютъ за нимъ право, оправданное и отвоеванное цѣлымъ столѣтіемъ. Гмелинъ нашелъ въ Дауріи сифилисъ въ застарѣлыхъ формахъ до elephantiasis'a (слоновой проказы) въ то время, когда о сифилисѣ въ Россіи не имѣли еще никакого понятія. Распутство въ нерчинскихъ заводахъ весьма распространено, почти открытое, и къ тому же нерѣдко весьма раннее. Здѣшнія дѣвицы легко относятся къ своей невинности, зная, что дѣвичьи роды здѣсь грѣхомъ не считаются, а женихи смотрятъ болѣе на образование: рукодѣльна ли, трудолюбива ли и можетъ ли вести хозяйство. Употребленіе вина дѣвущиками и женщинами, обычное по цѣлой Сибири, на ссыльныхъ мѣстахъ Забайкалья кончается только по географическимъ причинамъ. Сифилисъ страшно распространенъ между заводскимъ народомъ, поэтому знахарямъ и знахаркамъ и ламамъ бурятскимъ работы много, на сулему и киноваръ—расходъ большой; сулему пьютъ въ винѣ, киноваръ курятъ съ табакомъ въ трубкахъ.

Произведшіе растлѣніе и насилуванье, сѣшившаяся на самомъ дѣлѣ съ виновными въ соблзнительномъ и развратномъ поведеніи и съ преступными въ кровосмѣшеніи, въ тобольскихъ табеляхъ временами учитывались отдѣльно, но, къ несчастью, и на этотъ разъ спутаны съ тѣми, которые способствовали преступленію. Разсматривая ихъ отдѣльно, нельзя не видѣть, что съ насиліемъ преимущественно пускались въ плотскую любовь люди военнаго званія, съ тою привилегіею передъ всѣми ссыльными этого вида, что плотскія насилія военныхъ людей отличаются самую большую пропорцію и уступаютъ только виновности ихъ въ убійствахъ. Въ этомъ преступленіи особенно также отличается дворянство. У мѣщанъ наклонность къ насилію и растлѣнію сильнѣе, чѣмъ у крестьянъ, но у послѣднихъ, сравнительно съ первыми, живѣе порывы къ кровосмѣшенію и противоестественному удовлетворенію страстей (мужеложству и скотоложству). Большое число ссыльныхъ по обоимъ видамъ дали тѣ же губерніи: Харьковская, тогда богатая военными поселеніями, Полтавская, противопоставившая пле-

менное свойство цѣломудрія нападеніямъ солдать, и неизмѣнная Пермская съ Тобольскою, умѣющія путаться во всякомъ преступномъ грѣхѣ, и гдѣ изнасилованіе готовы производить и холостые заводскіе работники, и истосковавшіеся бродяги и обрекаемые на монастырское цѣломудріе поселенцы.

Общее число сосланныхъ за противоестественное удовлетвореніе страстей, и именно за тотъ видъ этихъ преступленій, который носитъ названіе скотоложства, въ 9 лѣтъ равнялось 50 мужч. Большее число выслали губерніи Пермская и Вятская; изъ нихъ въ одной (Вятской) это преступленіе находитъ оправданіе въ стародавнемъ сибирскомъ обычаѣ лечиться отъ лихорадки, когда истощены всѣ вѣдомыя и симпатическія и самыя ѣдкія средства, неэффективность которыхъ вызываетъ, такимъ образомъ, послѣднее и самое отчаянное, общающееся ссылку. Подъ вліяніемъ послѣдней, преступленіе не исчезаетъ и на каторгѣ, очень бѣдной женщинами, и является въ присылаемыхъ на исправленіе субъектахъ такимъ родомъ преступныхъ дѣяній, который всего чаще усвоивается пастухами, бѣглыми, не помнящими родства, и на довольно значительную часть за- является на каторгѣ дураками-бабениками, т. е. идіотами. Въ этихъ людяхъ, обездоленныхъ нравственными чувствами, съ извращенными вкусами по физиологическому уродству организма, преступность отразилась съ очевидностью, рѣзко бросающеюся въ глаза на мѣстахъ ссылки. Тобольская губ. и самый городъ Тобольскъ выделяются по этому роду преступленій впереди всѣхъ другихъ. Причина очевидна въ принятіи недостаткѣ женщинъ; однако же, по дѣламъ приказа было видно, что вообще число обвиняемыхъ въ скотоложствѣ годъ отъ году уменьшалось.

Мужеложству принадлежитъ самая меньшая цифра: въ 9 лѣтъ только четыре случая выпали на долю государственныхъ крестьянъ Россіи. Въ Сибири, въ каторжныхъ тюрьмахъ, это матросское преступленіе сдѣлалось исключительно арестантскимъ. Здѣсь педерастія, надежно пристроившись по вызову кое-какихъ покровительствующихъ причинъ, по свидѣтельству врачей, обнаруживаетъ несомнѣнные и очевидные признаки, при осмотрѣ зараженныхъ сифилитической болѣзнію. Въ нерчинскихъ тюрьмахъ зачастую находили первичныя язвы не тамъ, гдѣ показано, а *sicca apud* или же *in recto*.

На сколько незначительна общая сумма сосланныхъ за плотскія преступленія сравнительно съ общимъ числомъ наказанныхъ Сибирью, на столько велика другая цифра ссыльныхъ, которыхъ приказъ силится названіемъ приравнять къ этимъ и называлъ иногда ссыльными за развратное, иногда только за дурное поведеніе или за дѣркіе поступки. Въ самомъ же дѣлѣ

это — люди, удаленные на житье въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ, по ихъ просьбамъ, съ темнымъ и неопредѣленнымъ обозначеніемъ ихъ преступности. Все это — жертвы умершаго въ наши дни произвола и особый разрядъ ссыльныхъ, сосланныхъ не по суду, а по административнымъ распоряженіямъ (объ немъ послѣ). Ни о какой особенной развращенности нравовъ эти жертвы не свидѣтельствуютъ и мѣрили для объясненія нравственнаго уровня владѣльческихъ крестьянъ служить онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Временное возрастаніе или уменьшеніе цифръ по годамъ зависитъ отъ измѣненія различныхъ постановленій: правилами 1827 г. не велѣно ссылатъ дряхлыхъ, увѣчныхъ, женъ безъ мужей и мужей безъ женъ и вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми (мужескаго пола до 5-ти, женскаго до 10-ти лѣтъ), не ссылатъ людей старше 50 лѣтъ. Съ 1829 г. установлена правильная ссылка мѣщанъ и казенныхъ поселанъ по приговорамъ обществъ, а чрезъ два года запрещено женамъ государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ слѣдовать за мужьями. Иногда цифры доказываютъ, что злоупотребленіямъ силою и властью, по временамъ, полагались предѣлы и произволъ сдерживался въ границахъ возможнаго приличія законными постановленіями. Такъ, напр. (указомъ 8 января 1827 г.), увеличилась сибирская цифра оттого, что дозволено слѣдовать за мужьями женамъ людей, ссылаемыхъ на поселеніе по просьбамъ помѣщиковъ. Увеличилась цифра сосланныхъ изъ недовольныхъ тѣми способами приспособленія крѣпостного труда, какіе вздумали примѣнять владѣльцы въ черноземныхъ губерніяхъ, заводившіе заводы и фабрики. Въ Пензенской губ. возмутились всѣ мастеровые Сильвинскаго завода, купца Манухина, въ Тамбовской мастеровые Виндреевскаго завода г-жи Очкиной. Въ 1827 г. (сенатскимъ указомъ 28 іюня), по вызову этихъ случаевъ, на просьбу Манухина зачинщиковъ сослать въ Сибирь, дано позволеніе горнымъ заводчикамъ посылать на поселеніе ихъ заводскихъ людей за дурное поведеніе, безъ зачета за рекрутъ. Случай, вызвавшій это постановленіе, рассказанъ „Полнымъ Собраніемъ Законовъ“ въ такомъ видѣ: помѣщикъ Рязскаго уѣзда, ротмистръ Батуринъ, привлекалъ жену своего двороваго Трофимова къ прелюбодѣянью и, по несогласію ей, дѣлалъ обихитъ наказанія и притѣсненія, разлучалъ въ разные мѣста и, наконецъ, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли, предложилъ отправить его въ Сибирь за дурное поведеніе (жену же оставить на усадьбѣ). Жена обвиняла, что не желаетъ разстаться съ мужемъ.

Въ виду этой разницы понятій о развратномъ и дурномъ поведеніи и подъ защитою стариннаго права (*ius primae noctis*), объявившагося у насъ изъ подражанія и въ западномъ

краѣ практикованнаго въ числѣ прочихъ привозовъ Польши (оставшейся, по крѣпостнымъ понятіямъ, средневѣковою до нашихъ дней), мы считаемъ излишнимъ входить въ подробности старыхъ грѣховъ и вспоминаемъ о немъ теперь по поводу учета людей, заселявшихъ Сибирь не по доброй волѣ. Воля и произволъ помѣщиковъ успѣли выслать въ Сибирь 6.886 поселенцевъ только въ 20 лѣтъ и съ тою особенностью на практикѣ, что приговоры частныхъ людей были не милостивѣе и не снисходительнѣе приговоровъ мірскихъ обществъ *). При этомъ помѣщичій произволъ готовнѣе раздѣлялся и разлучался съ дворовыми, тѣмъ съ оброчными крестьянами; охотливѣе прогоняли отъ себя владѣльцы уральскихъ и другихъ заводовъ своихъ рабочихъ, и затѣмъ мѣщанскія общества порочныхъ людей своего сословія. Солдатъ оказалось меньше, потому что для нихъ существуютъ дисциплинарныя мѣры взысканій, но изъ духовенства выслано въ Сибирь на житье больше, чѣмъ изъ купечества. При этомъ замѣчательно, что съ расширеніемъ полицейскихъ правъ различныхъ обществъ и съ усиленіемъ значенія помѣщичьей власти надъ крѣпостными людьми, невыгоды *status in statu* не замедлили возрасти прогрессивно. Помѣщичья власть успѣшила сослать вдвое противъ прежняго. Въ пять лѣтъ, предшествовавшихъ 1836 году, сослано по волѣ помѣщиковъ 882 чел., а въ слѣдующее пятилѣтіе (съ 1837 по 1841 гг. уже 1.980, но затѣмъ въ пятилѣтіе съ 1842 по 1846 г. сослано 2.775 чел. Сталось такимъ образомъ то, что за возмущеніе сослано всего больше крестьянъ и при этомъ наибольшая пропорція замѣчается у крестьянъ владѣльческихъ. Высшимъ процентомъ ссыльныхъ за дурное поведеніе отличаются дворовые (за ними заводскіе, фабричные и мѣщане). Въ числѣ губерній съ наибольшимъ процентомъ высланныхъ за дурное поведеніе стоятъ обѣ столичныя и чрезвычайно характерно выдѣляются остзейскія, стоятъ на первомъ мѣстѣ именно Эстляндская. Сибирскія цифры людей, сосланныхъ за порочное поведеніе, указываютъ на большую силу произвола, не сдержаннаго правильною регла-

*) Между крестьянами больше доставалось женщинамъ и количество сосланныхъ образуетъ перевѣсъ въ эту сторону. Между государственными крестьянами наибольшій процентъ сосланныхъ за порочное поведеніе принадлежитъ магометанамъ (татарамъ и башкирамъ). Ушло много грузинъ, черемисъ и мордвы. Чуваши и вотяки всего чаще высказывались непослушаніемъ и неповиновеніемъ властямъ. Развратное же поведеніе можно считать преимущественно инородческимъ. самое большое число сосланныхъ ушло за него (кромя киргизовъ — грабителей, да татары особенно любятъ бѣгать изъ ссылки и изъ податства). Мѣстныя начальства и мірскія общества, дѣйствуя вдвоемъ при руководствѣ разнообразными требованіями, выслали 6.129, помѣщикамъ — 6.886.

ментацию и разнузданного потворством въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: изъ остзейскихъ губерній—въ Эстляндской, въ обѣихъ столичныхъ и въ двухъ восточныхъ заводскихъ (Пермской и Вятской). Внутреннія губернія встали въ соперничество съ этими, какъ преимущественно сосредоточившія въ себѣ крѣпостное население и притомъ выяснились такъ, что Московская, напр., уступаетъ въ процентномъ отношеніи первенство свое баронской Эстляндской губерніи. Бѣлорусъ, по отношенію къ подобнаго рода ссылкѣ, счастливѣе всѣхъ другихъ и даже малоросса, также счастливо ускользавшаго отъ ссылки въ Сибирь. Рабочая сила ихъ оказалась цѣннѣе въ глазахъ владѣльцевъ, сильнѣе и энергичнѣе вводившихъ на своихъ земляхъ плантаторское и рациональное хозяйства. Изъ пяти бѣлорусскихъ и 6 малороссійскихъ угнали въ Сибирь всего 415 человекъ, тогда какъ въ тѣ же 20 лѣтъ одна Московская потеряла 627, Орловская 485, Рязанская 512, Тамбовская 452, Тульская 531, Пензенская 354, Нижегородская 367 и проч.

Сибирская цифра не можетъ служить мѣриломъ нравственности еще и потому, что во власти помѣщиковъ оставалось право отдачи неугодныхъ людей въ солдаты съ зачетомъ за рекрута во всякое время, и правомъ этимъ, какъ памятно всѣмъ, они пользовались съ замѣтною охотою. Это—одна изъ причинъ, почему, между прочимъ, сибирская цифра (въ процентныхъ отношеніяхъ) получила склоненіе на сторону сосланныхъ на житье женщинъ. На ослабленіе точной цифры дѣйствовали также, въ сильнѣйшей степени, самовольные побѣги въ разное время и въ разныя мѣста, каковыми на памятное намъ всѣмъ время, на правахъ Америки для Европы, считались у крестьянъ и дворовыхъ южныя степи, гдѣ городъ Одесса получилъ значеніе Нью-Йорка, Херсонъ уподобился Чикаго. Крѣпостное право было одною изъ причинъ бродяжества и бродяжество предотвращалось тѣмъ преступленіемъ, которое носитъ въ тобольскихъ табеляхъ названіе „возмущенія и неповиновенія помѣщикамъ“.

Неповиновеніе помѣщикамъ въ абсолютной цифрѣ выразилось слабѣе возмущеній противъ власти, но съ тою особенностью, что число неповиновавшихся женщинъ слишкомъ въ 3 раза меньше числа возстававшихъ противъ властей мужчинъ. Годовыя цифры показываютъ, что тамъ, гдѣ неповиновеніе помѣщикамъ обнаруживалось массами, участіе женщинъ почти равносильно участію мужчинъ. Въ одномъ 1846 году всѣхъ случаевъ возмущеній насчитываютъ до 27-ми, но тобольскій приказъ не выдѣлялъ ихъ и, сдѣлавъ съ неповиновавшимися установленнымъ властямъ, отнялъ возможность идти къ определеннымъ выводамъ. Изъ другихъ годовъ крупнѣе выдаются 1837 и 1845. Въ

1837 г. много выслано изъ Пермской и Оренбургской губерній, гдѣ въ это время существовали столь извѣстные башкирскіе бунты; въ 1845 и слѣдующемъ крупныя цифры по преступленіямъ противъ порядка управленія—въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской между заводскими крестьянами. Выводовъ можно сдѣлать немного. Крупные крестьянскіе бунты бывали явленіемъ неріодическимъ; въ памяти народной смуты эти сохранились подъ общимъ именемъ „дубинщины“.

Крестьяне сильнѣе другихъ сказались также въ преступленіи, называемомъ членовредительствомъ, сдѣлавшимся равно обязательнымъ для всѣхъ сословій, подлежащихъ рекрутской повинности. Владѣльческіе крестьяне превосходятъ въ этомъ всѣ другія сословія снова въ силу того же обстоятельства, что назначеніе въ рекрута основано было на произволѣ владѣльцевъ, такъ какъ для мѣщанъ и крестьянъ государственныхъ такое назначеніе подчинялось болѣе строгимъ законнымъ уставамъ *). Все число сосланныхъ за поврежденіе членовъ въ 20 лѣтъ равняется 854 человекамъ. Въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ оно вызывалось рекрутскою повинностью, преступленіе не выразилось ни однимъ случаемъ ни въ служиломъ, ни въ вольномъ дворянствѣ, ни въ духовенствѣ и купеческомъ сословіи, ни въ шляхетствѣ, ни у военныхъ поселенъ и только по одному случаю во всѣ 12 лѣтъ высказалось въ сословіи однодворцевъ и у казаковъ, отбывающихъ эту повинность по народному и политическому принципу.

Въ средѣ самихъ господъ, дворянъ служащихъ и неслужащихъ, и въ средѣ чиновниковъ, сильнѣе обнаружались преступленія по службѣ, побѣги за границу, лихоимство; при этомъ нѣкоторыя, какъ преступленія государственныя (возмущеніе и неповиновеніе законной власти, поддѣлка документовъ), отличаются наивысшимъ процентомъ сравнительно съ другими сословіями. Преступленія по службѣ составляютъ исключительную особенность крестьянскихъ владѣльцевъ, представителей привилегированныхъ и счастливыхъ классовъ. По нѣкоторымъ родамъ, какъ, напримѣръ, по наклонности къ убійству родителей, дворяне отличаются больше и при этомъ у дворянокъ она сильнѣе не только всѣхъ женщинъ, но и мужчинъ всѣхъ сословій (исключая одного—нѣкогда дворянскаго, а теперь однодворческаго). Сосланные за изнасилованіе со-

*) По числу преступниковъ за 12 лѣтъ въ такомъ порядкѣ: мѣщанъ 20 (въ этомъ числѣ евреевъ только 2); государственныхъ крестьянъ 108; помѣщичьихъ крестьянъ 419 муж.; военныхъ 22 м.; дворовыхъ (за 9 лѣтъ)—13 чел. Преимущественно же часто поврежденіе членовъ у заводскихъ и фабричныхъ крестьянъ. Временами появлялась отдѣльная графа сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности, но эта цифра малозначительна.

перничают процентомъ только съ военнымъ сословіемъ. Если государственныя преступленія не особенно часты, то подѣлка документовъ—самое частое преступленіе, наравнѣ съ преступленіями по службѣ. Последний родъ, вмѣстѣ съ клеветничествомъ, сильнѣе высказался на сибирской цифрѣ у чиновниковъ. Для нихъ же имѣлись въ тобольскихъ табеляхъ особыя графы: „похищеніе актовъ изъ присутственныхъ мѣстъ, составленіе подложныхъ грамотъ и указовъ, распространеніе вредныхъ слуховъ и составленіе пасквилей“. Каждый видъ этихъ преступленій, по своей исключительности, давалъ по небольшому числу жертвъ, которыя потомъ сочи за нужное смѣшать въ общей цифрѣ преступленій по службѣ.

Останавливаясь на послѣднихъ, не разобравшихъ нами преступленій, и на этотъ разъ собственно дворянскихъ, мы видимъ, между прочимъ, что за ябеды, доносы и живые поступки сослано всего въ 20 лѣтъ 358 чел. (327 м., 31 ж.), за растрату казеннаго имущества 157 и за побѣги за границу 184 (174 м., 10 ж.) и за государственныя преступленія (по первымъ двумъ пунктамъ) 443 (439 м., 4 ж.). За побѣги за границу всего больше ушло изъ губерній пограничныхъ: Бессарабской (39 м., Волынской (29 м., 4 ж.), Виленской (17 м., 3 ж.), Оренбургской (15 м., 1 ж.), Подольской (14 м.). Ябедничествомъ и доносами всего больше отличается дворянство служащее и участь этого обвиненія раздѣляетъ только съ мѣщанами. Наибольшее число за эти роды преступныхъ дѣйствій изъ губерній: Оренбургской (30 м., 1 ж.), Владимирской (19 м., 5 ж.), Тульской (16 м., 1 ж.), Казанской (16 м.), Пензенской (12 м., 3 ж.), Новгородской (11 м., 1 ж.), Тверской и Вятской (по 11-ти). Сравнительно слабое по отношенію ко всѣмъ другимъ родамъ преступленій, мало распространенное и безсильное для Россіи, оно является съ замѣчательно серьезнымъ значеніемъ для Сибири, какъ страны, которая съ самыхъ давнихъ временъ считается страной клеветъ и подъяческаго ябедничества, а со временъ Екатерины, какъ извѣстно, находилась подъ запрещеніемъ и сильнымъ подозрѣніемъ, въ силу котораго нѣкоторое время не принимались отъ сибиряковъ просьбы. Безчисленные, разнообразныя и самыя тяжелыя притѣсненія отъ тогдашнихъ властей, пользовавшихся удаленіемъ края отъ высшихъ властей: Пестели, Трескины, Кохи, Чичерины, Нѣмцевы, Нарышкины, Милеикины и множество другихъ, имѣя ния легіонъ, выродили эту особенную черту въ сибирякахъ, какъ послѣдовательное явленіе отъ встрѣчи недостатка, съ одной стороны, и алчности, съ другой. Въ ссыльных грамотныхъ приказныхъ Сибирь умѣла находить пособниковъ въ старыя времена и не мало тяготится теперь сама отъ поселенія этихъ клеветниковъ преимущественно въ городахъ. Какая-то непосѣдливая и неутомимая докучливость въ сношеніяхъ съ начальствомъ и людьми одинаковаго воспитанія, но свободными, является характерною чертою этихъ людей. Съ одной стороны, черта эта представляется сходною съ тою, которая извѣстна у потерянныхъ, испившихся московскихъ подъячихъ, пристающихъ къ прохожимъ за милостынею и нерѣдко вызывающихъ на обиду, чтобы получить срывку за бездѣіе. Съ другой стороны, въ этой чертѣ характера видна та неумѣлость и неспособность примириться съ несчастіемъ, которая такъ сильна въ ссыльных изъ простого люда. Въ несчастныхъ чиновникахъ ссылка умѣетъ обнажить недостатки воспитанія и отсутствіе прочныхъ честныхъ правилъ во всей ужасной наготѣ. Чиновники въ ссылкѣ дѣйствительно становятся несносными, беспокойными людьми и не возбуждаютъ никакого уваженія, не пользуются у туземцевъ ни малѣйшимъ сочувствіемъ. У горнаго начальства ссыльные изъ дворянъ далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ, да и сами того не заслуживали. Близко стоявшій къ нимъ и знавшій ихъ свидѣтельствуетъ, что худшіе изъ нихъ дѣлались еще большими негодаями. Не приученные воспитаніемъ ни къ какому труду, всѣми способами они старались избавиться отъ работы, употребляли всевозможныя усилія попасть въ лакеи, въ разсыльные при канцеляріяхъ и полиціи. Подлое угодничество являлось въ ихъ быту самою яркою чертою характера. Оставаясь въ средѣ простаковъ, эти люди подстрекали довѣрчивыхъ людей на разные мерзости, обыгрывали въ карты и т. д. Они казались или очень жалкими или возбуждали къ себѣ презрѣніе. Доносы этихъ людей заставляли начальство не одинъ десятокъ разъ пристрожить содержаніемъ другихъ товарищей, ни въ чемъ неповинныхъ. Между тѣмъ, съ ними старались поступать, по возможности, человѣколюбиво и обращались, вообще, хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу и если не было особаго предписанія, то даже не содержали и въ тюрьмахъ, а помѣщали на гаушвахтахъ, позволяли заниматься обученіемъ дѣтей и разными ремеслами. Сосланные, хотя и за важныя преступленія, но не кладущія пятна на челоуѣческую честь, положительно не употреблялись ни въ какую черную работу. Не измышляя никакой своей работы, ссыльные изъ чиновниковъ и дворянъ все время предавались безпредѣльному пьянству, обыкновенно одной изъ застарѣлыхъ привычекъ и причинъ ихъ ссылки. Пьянство рѣдко не имѣло формы запоевъ и положительно всегда вело къ нервному разстройству, которое характеризовалось или неутомимымъ безпокойствомъ или, въ нерѣдкихъ случаяхъ, покушеніями на самоубійство. Въ тобольскомъ острогѣ, на пути въ Нерчинскъ, въ

какихъ нибудь три-пять недѣль отдыха, они успѣваютъ обнаружить самую богатую и разнообразную серію всевозможныхъ пороковъ. Передъ ними черныи народъ—люди высокой нравственности. Порча послѣднихъ сомнительна, испорченность первыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ тобольскомъ острогѣ, въ 1853 году, караульный офицеръ Путковский отпустилъ одного чиновника въ городъ, а когда тотъ не во время вернулся въ замокъ — всыпалъ ему 300 ударовъ розгами. Чиновникъ не жаловался, но когда дошло объ этомъ до начальства, то оно имѣло несчастье узнать, что таковъ былъ взаимный уговоръ. Въ тѣхъ камерахъ, гдѣ сидѣли два товарища изъ ссыланныхъ чиновниковъ, ссоры и драки являются неизбежными, обыкновенными. Разсказами объ нихъ испещрена лѣтопись происшествій въ острогахъ и разбирательствомъ подобныхъ домашнихъ дѣлъ занята большая часть времени смотрителей. Хотя Сибирь не представляется теперь странною особенныхъ неурядицъ, вызывающихъ жалобы, но не такъ давно могла указать на такіе пункты,

гдѣ ябедничество наиболѣе рѣзко выдавалось. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія славился этимъ Иркутскъ, но къ серединѣ столѣтія губернаторъ Трескинъ ослабилъ эту страсть высылкою безпокойныхъ подъячихъ въ Якутскъ. За то съ 40-хъ годовъ и едва ли не до сего дня стала рѣзко бросаться въ глаза эта городская и чиновничья страсть въ этомъ городѣ. Здѣсь эта страсть къ ябедамъ и жалобамъ сгустилась перейти отъ сосланныхъ къ русскимъ туземцамъ и заразить даже якутовъ. Хитрый, коварный, мстительный, но даровитый и перенчивый народъ якутскій сталъ, отъ благопріобрѣтенныхъ наслѣдствъ, докучливѣе въ ябедахъ и клеветахъ до крайней степени невозможности. То же явленіе заразы, вызванное тѣми же самыми причинами, сильно обнаружилось въ Тобольскѣ, такъ что за Сибирью, въ сравненіи съ ея метрополіею, ябедничество и клеуничество остаются какъ однѣ изъ характерныхъ чертъ, проявляющихся и теперь примѣтно чаще и значительно рѣзче. Это даже какъ будто родъ какой-то болѣзни.

ГЛАВА XIII.

ОБЩІЕ ВЫВОДЫ.

Валовое число ссылныхъ.—Распределение ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ.—Наиболѣе преступныя сословія.—Слабая преступность владѣльческихъ крестьянъ.—Распределение ссылныхъ по наиболѣе обобщеннымъ категоріямъ преступленій.—Роды преступленій, сильнѣе господствующіе въ сословіяхъ.—Преступность инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени.—Преступленія евреевъ и евреекъ.—Безгрѣховность мусульманокъ.—Преступленія нѣмцевъ и вообще лютеранъ.—Католики.—Православные.

Постараемся подвести къ предыдущимъ наблюденіямъ слѣдующіе краткіе и заключительные итоги.

Въ теченіи тридцати восьми лѣтъ (съ 1823 по 1861) въ Сибирь изъ Россіи ушло всего обоого пола лицъ 289,514, сосланныхъ по судебнымъ приговорамъ и административнымъ порядкомъ, не считая пришедшихъ по волѣ женъ и дѣтей. Послѣднихъ (за мужьями женъ и дѣтей и за матерями дѣтей) за все это время ушло въ Сибирь 23,764 лица обоого пола. Въ этомъ числѣ сослаано въ каторжныя работы 19,601 мужч. и 4,330 женщ. и на поселеніе 207,604 мужч. и 37,979 женщ. Принимая въ соображеніе однихъ ссылныхъ, мы увидимъ, что ежегодно среднимъ числомъ ссылалось по 7,618 человекъ; распредѣляя же ссылку по обонимъ способамъ ея, ясно опредѣляется то обстоятельство, что число сосланныхъ по суду уступаетъ числу сосланныхъ административнымъ порядкомъ; при чемъ волѣ помѣщиковъ принадлежитъ наиболѣе видное мѣсто.

Главную массу ссылныхъ, по абсолютному

количеству, составляютъ бродяги и бѣгле (т. е. бѣжавшіе съ каторги, мѣстъ поселенія, отъ военной службы, отъ помѣщичьей власти) и выключенные за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ. За ними слѣдуютъ владѣльческіе крестьяне съ дворовыми людьми; затѣмъ государственные, удѣльные и другіе казенные крестьяне; потомъ нижніе воинскіе чины всѣхъ вѣдомствъ, мѣщане, отставные и неслужащіе; духовные: духовенства бѣлаго и монахи; дворяне обонихъ видовъ службы (военной и гражданской); шляхтичи и именовавшие себя таковыми, купцы, люди всѣхъ другихъ свободныхъ состояній и—наконецъ, иностранцы.

Для доказательства возьмемъ общую сложность 19-ти извѣстныхъ намъ лѣтъ съ 1838 по 1848 и съ 1852 по 1861.

	мужчинъ	женщ.
Изъ бродягъ и бѣглыхъ . . .	29.333	6.181
„ выключенныхъ за неспособностью изъ крѣпостныхъ работъ и арестантскихъ ротъ .	19.203	1.594

Изъ владѣльческихъ крестьянъ муж.	женщ.
и дворовыхъ людей	18.320 5.017
„ государственныхъ, удѣльныхъ и вообще казенныхъ крестьянъ	16.582 3.406
„ нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ вѣдомствъ (унтеръ-офицеровъ, солдатъ, казаковъ, военныхъ поселенъ)	5.214 877
„ мѣщанъ	3.679 559
„ отставныхъ и неслужащихъ	784 108
„ духовенства бѣлаго и монаховъ	523 35
„ дворянъ военной и гражданской службы	333 —
„ шляхтичей и именовавшихся таковыми	187 56
„ людей свободныхъ состояній	167 48
„ купцовъ	151 8
„ иностранцевъ	89 5

Распредѣляя ссыльных по поламъ, мы увидимъ, что число мужчинъ равняется за всѣ извѣстныя намъ 38 лѣтъ 247.205, а число женщинъ 42.309, т. е. въ массѣ ссыльных женщины составляютъ около шестой части сосланныхъ мужчинъ. Женщины, по наклонности къ различнымъ видамъ преступныхъ дѣяній, опредѣляемой сравнительнымъ процентнымъ отношеніемъ, являются впереди мужчинъ по убійству дѣтей и по плотскимъ преступленіямъ. Первое—почти исключительно женское преступленіе. Убійство мужей представляетъ также особенно опредѣлившуюся наклонность въ женской половинѣ ссыльнаго люда, наравнѣ съ поджогами. Последніе точно также слѣдуетъ считать преимущественно женскимъ преступленіемъ. При слабой виновности въ убійствахъ вообще и въ остальныхъ преступленіяхъ, собственно мужскихъ, преступность женщинъ становится виднѣе между убійцами помѣщиковъ и родственниковъ при извѣстной облегченности сношеній и поводовъ и въ виду значительной стѣсненной общественной дѣятельности и при перевѣсѣ исключительно замкнутой домашней и семейной жизни. Потому-то виновность женщины и сильнѣе въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ, чѣмъ общественныхъ.

Разсматривая преступления по возрастамъ, мы замѣчаемъ, что наибольшая преступность развита въ возрастѣ наиболѣе ранній. Большая часть тяжкихъ преступленій совершается до 40 лѣтъ; причемъ ранніе возрасты (отъ 10 до 15 лѣтъ) выясняются для мальчиковъ въ поджогахъ (20 лѣтъ 77 человекъ), святотатствѣ (29), въ убійствѣ постороннихъ (19), въ участіи въ убійствѣ помѣщиковъ (6), въ изнасилованіи (4). Для дѣвочекъ преступность за 20 лѣтъ высказывается въ поджогахъ же (54 чел.), въ убійствѣ постороннихъ (5), въ

участіи по убійству помѣщиковъ (4). Затѣмъ уже преступность этого возраста ни въ чемъ не проявляется. Съ 16-ти лѣтъ для обоихъ половъ преступность становится одинаково присутствующею по всѣмъ видамъ своимъ и одинаково достигаетъ наибольшей абсолютной цифры, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ. Свыше 60-ти лѣтъ преступныя наклонности мужчинъ слѣшкомъ въ 9 разъ сильнѣе таковыхъ же у женщинъ, но за то ранній женскій возрастъ (до 20 лѣтъ)—пора несдержанныхъ инстинктовъ, не установившагося развитія умственного въ противоположность старческому, отличается наклонностями къ наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ. Поджоги составляютъ принадлежность этой женской поры развитія. Убійство мужей чаще въ возрастѣ свыше 30 лѣтъ; убійство дѣтей въ возрастѣ раньше 30 лѣтъ. До 30-ти же лѣтъ женщины чаще ссылались за кровосмѣшеніе, чѣмъ мужчины, тогда какъ это же преступленіе сильнѣе возрастаетъ для мужчинъ съ годами (за 40 лѣтъ) и не ослабѣваетъ въ старческой возрастѣ (свыше 60-ти). Старики за 60 лѣтъ наиболѣе виновны въ воровствѣ, какъ одно изъ видовъ стажанія, столь приличнаго старческому возрасту, и въ ереси и расколѣ, т. е. когда избытокъ и крѣпость личнаго убѣжденія требовали выхода на убѣжденія другихъ, т. е. свращенія. Люди отъ 50 до 60 лѣтъ, по преимуществу ссылались за лихомство. Возмущенія противъ властей производились также усиленнѣе въ возрастѣ отъ 50 до 60 лѣтъ, тогда какъ возмущенія дворовыхъ людей противъ помѣщиковъ одинаково часты и до 40, какъ и въ лѣта послѣ 50-ти. Разбои и грабежи, кѣ посильные для стариковъ, сильнѣе въ возрастѣ до 40 лѣтъ и въ возрастѣ отъ 40 до 50 въ особенности. У женщинъ во всѣ возрасты самое частое преступленіе—убійство; въ лучшую пору цвѣтущаго возраста—грабежи, святотатство и поджоги (грабежи до 20 лѣтъ—самое рѣдкое). Общая наклонность къ преступленіямъ у мужчинъ примѣтнѣе ослабѣваетъ послѣ 40 лѣтъ; у женщинъ послѣ 30-ти.

Въ виду того, что самая большая часть тяжкихъ (уголовныхъ) преступленій, по пропорціи, оказывается въ высшихъ сословіяхъ (всего болѣе въ духовенствѣ, затѣмъ въ военномъ сословіи и, наконецъ, у дворянъ),—владѣльческимъ крестьянамъ принадлежитъ четвертое мѣсто, а государственнымъ—шестое (купечеству—пятое, мѣщанамъ—седьмое). Духовенству принадлежитъ высшее мѣсто по общему святотатствѣ, военному сословію по наклонности къ убійствамъ и грабежамъ; дворянамъ—по числу сосланныхъ за поддѣлку документовъ и государственныхъ преступленій. За крестьянами остается крупная виновность по убійствамъ (за государственными убійства ро-

ных и убійства супругов), по самоубійствамъ (у владѣльческихъ и дворовыхъ), по преступленіямъ противъ власти (за дворянствомъ немедленно слѣдуютъ господскіе крестьяне), по возмущеніямъ (у крестьянъ владѣльческихъ), по поврежденію членовъ (у владѣльческихъ), по корчемству виномъ (у владѣльческихъ), по воровству, какъ самой обыкновенной причинѣ ссылки всѣхъ сословій, за исключеніемъ военнаго и духовнаго, и по виновности въ дурномъ поведеніи. Крестьяне, сосланные административнымъ порядкомъ, составляютъ въ массѣ всѣхъ наказанныхъ: государственные $\frac{1}{4}$ часть, владѣльческіе почти $\frac{1}{4}$, дворовые почти $\frac{1}{2}$. Изъ сосланныхъ за преступленія противъ собственности—крестьяне ссылались всего болѣе за грабежи; за грабежами слѣдуютъ поджоги, затѣмъ корчемство, святотатство и поддѣлка ассигнацій. При этомъ замѣчается, что вѣроятность ссылки сильнѣе въ крестьянскомъ сословіи для фабричныхъ и заводскихъ. Послѣдніе въ значительной степени принимаютъ на себя виновность въ убійствахъ чужихъ, родныхъ и въ убійствахъ супруговъ. Большую часть покушеній на самоубійство снимаютъ съ крестьянъ на себя дворовые, грабежи и разбои—заводскіе съ фабричными, поджоги—дворовые; въ фальшивыхъ монетчикахъ почти исключительно являются крестьяне, приписанные къ фабрикамъ и занятые на заводахъ (въ особенности уральскихъ). Возмущеніе и неповиновеніе нѣсколько чаще заявляютъ дворовые и крестьяне заводскіе, чѣмъ прикрѣпленные къ землѣ и занятые исключительно земледѣліемъ. Земледѣльцы крѣпостные уступаютъ въ воровствѣ преимуществу также дворовымъ и еще однодворцамъ и военнымъ поселенцамъ. Членовредительство также сильно развито у заводскихъ и фабричныхъ; они же чаще содержатъ притоны для бродягъ и бѣглыхъ и, въ свою очередь, дѣлаются бродягами и бѣглыми. За дурное поведеніе сослано, по процентному отношенію, опять-таки наиболѣе дворовыхъ и заводскихъ съ фабричными, чѣмъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Послѣдніе, такимъ образомъ, при всѣхъ невыгодныхъ условіяхъ общественнаго положенія и быта, представляются наиболѣе свободными отъ упрека въ преступныхъ наклонностяхъ. Господскіе крестьяне становятся наиболѣе испорченными и преступными только лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они искусственнымъ и насильственнымъ образомъ отрываются отъ земли и превращаются либо въ дворовыхъ, либо когда безземельными пролетаріями становятся къ фабричнымъ станамъ и машинамъ, къ заводскимъ печамъ и горнамъ. Государственнымъ крестьянамъ владѣльческіе крестьяне уступаютъ въ преступности убійствъ и грабежей, дворовымъ же людямъ въ общей наклонности ко всѣмъ преступленіямъ, даже въ дурномъ поведеніи,

въ возмущеніяхъ, въ поддѣлкѣ документовъ и въ воровствѣ. Въ тѣсной рамкѣ деревенскихъ и семейныхъ отношеній, въ сосредоточенности трудового земледѣльческаго быта, внѣ соблазновъ городомъ, владѣльческій крестьянинъ уцѣлѣлъ въ замѣтной безгрѣховности. Обремененный налогами и тяжестью искусственныхъ и произвольныхъ формъ быта, онъ иногда выражаетъ себя мстью, сопротивленіемъ, но чаще отдѣляется мирною формою побѣга и затѣмъ бродяжества. Его ловятъ на поджогахъ чаще, чѣмъ кого либо изъ лицъ другихъ сословій, и на крайній случай ловятъ съ фальшивымъ паспортомъ уже вдалекѣ отъ обогрѣтаго и насиженнаго имъ мѣста, въ видѣ бродяги, который при этомъ не умѣетъ еще такъ искусно скрывать свое происхожденіе, какъ дѣлаютъ это напр., мѣщане и, въ особенности, девертиры-солдаты и дворовые люди. Нѣсколько сильнѣе лишь обнаруживается преступная наклонность въ женской половинѣ владѣльческихъ крестьянъ, чѣмъ въ крестьянкахъ государственныхъ, да поврежденіе членовъ—одно изъ наиболѣе мелкихъ преступленій у владѣльческихъ крестьянъ являлось на выручку и помощь при встрѣчѣ и борьбѣ съ однимъ изъ непріятелей тамъ, гдѣ у волна не доставало ни умственного развитія, ни достаточной воли, ни силы характера, какъ это наичаще случалось при отбываніи рекрутской повинности, при исполненіи полного числа тяжелыхъ урочныхъ работъ и проч. *).

Въ наибольшей степени крестьяне всѣхъ родовъ и наименованій являются виновными въ преступленіяхъ, направленныхъ противъ собственности частныхъ лицъ; гораздо слабѣе въ преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ и въ наименьшей степени въ преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ и противъ общественнаго благоустройства и благочинія.

Приводимъ таблицу преступленій, господствующихъ въ сословіяхъ (по расчету 1 на 100 сосланныхъ) **).

Доорѣдство.

Государственные преступленія — $\frac{2}{3}$ всего числа сосланныхъ (9 проц. на 100 всѣхъ сосланныхъ; 13 проц. служащихъ по военному вѣдомству, 3 проц. по гражд. вѣд.).

Преступленія служебныя — остальная треть сосланныхъ (3 проц. на сто).

*) Болѣе раннія сибирскія табели умѣли членовредительство отчасти освѣщать тѣмъ, что выдѣляли въ особую графу сосланныхъ за подлоги въ отправленіи рекрутской повинности. Цифра эта, однако, слаба: въ 10 лѣтъ сослано всего трое.

**) Таблица эта составлена по вычисленіямъ г. Анучина въ его изслѣдованіяхъ о процентѣ ссылаемыхъ въ Сибирь.

Поддѣлка документовъ: у чиновниковъ 23,5 проц., у служащихъ военныхъ 17 проц., у отставныхъ 14 проц. (у духовенства 7 проц., у мѣщанъ 3,75 проц., у владѣльч. крест. 3,5 проц., у купцовъ 3,5 проц., у дворовыхъ 3,25 проц., у однодворцевъ около 3 проц., у казаковъ и солдатъ около 2 проц.).

Оскорбленіе родителей: дворяне, служащіе въ гражд. службѣ 1 проц., дворяне не служащіе 0,53 (купечество 0,72, казаки 0,21, мѣщане 0,12).

Кляузыничество (ябеды): дворяне, служ. по гражд. вѣдом. 4,5 проц., не служащіе 1,5 проц., (военные 0 проц., мѣщане 0,75, купечество 0,72, государственные крестьяне 0,27, помѣщ. крестьяне 0,21, дворовые 0,18, духов. 0,16, казаки 0,11, солдаты 0,10, однодворцы 0,08).

Мздоимство и лихоимство 0,28 (купечество 0,4).

Духовенство.

Святотатство: 34 проц. на сто сосланныхъ (солдаты 3 проц., купцы около 3 проц., дворяне, не служащіе и отставные, около 2,5 проц., мѣщане около 2 проц., казаки 1,81 проц., дворяне служащіе около 1 1/2 проц.).

Дурное (соблазнительное) поведеніе: 91 проц. (у владѣльч. крестьянъ 24,5 проц., т. е. заводск. и фабричн., у мѣщанъ 15 проц., у государственныхъ крестьянъ около 15 проц., у купцовъ 5 проц., у военнаго сословія 3,5 проц., у дворянъ около 3 проц.).

Мѣщане.

Воровство: около 58 проц., за исключеніемъ однодворцевъ (63 проц.), (купечество 53 проц., дворяне 49 проц., государственные крестьяне около 47 проц., казаки 44 проц., дворовые 39 проц., владѣльческіе крестьяне 38 проц., дворяне не служащіе и отставные 36 проц., духовенство 27 проц., солдаты 21 проц., дворяне служащіе 18 проц.).

Контрабанда: 0,61 проц. (казаки 0,53, государственные крест. 0,47 проц., владѣльч. крест. 0,11 проц.).

Купечество.

Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и монетъ: 6 1/2 проц.; у солдатъ около 4 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 2,5 проц., у мѣщанъ 1,76 проц., у казаковъ 1,25 проц., у дворянъ не служащихъ и отставныхъ и у дворянъ, служащихъ по гражданскому вѣдомству, 1 проц., у духовенства около 1 проц., у государственныхъ крестьянъ нѣсколько менѣе, у владѣльческихъ, у однодворцевъ, у дворовыхъ почти равная степень склонности.

Преступленія религіозныя 2,25 проц.

(у однодворцевъ почти 1,5 проц., у духовенства 1,25 проц.).

Пристанодержательство 2,25 проц. (солдаты 1,5 проц., гражд. чиновники 1,5 проц., однодворцы около 1,5 проц., крестьяне госуд. 1,25 проц., духовные 1,25). Военные поселяне зачислялись наименьше, затѣмъ изъ крестьянъ—заводскіе и фабричныя.

Военное сословіе.

Смертоубійство всѣхъ видовъ: у солдатъ слишкомъ 22 проц., у казаковъ около 21 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, 16 проц. (у государственныхъ крестьянъ 15,5 проц., у владѣльческихъ 13,25 проц., у дворянъ не служащихъ 11,75 проц., у купечества 11,5 проц., у дворовыхъ 11,25 проц., у однодворцевъ 11 проц., у духовенства 10,25 проц., у чиновниковъ гражданскихъ 7,25 проц.). Дѣтоубійство (высшій процентъ) у солдатокъ. Убійство мужей у заводскихъ и фабричныхъ, затѣмъ у однодворцевъ, дворянъ и военныхъ поселянъ. По убійству родственниковъ у дворянъ процентъ наивысшій. Убійство родныхъ—у фабричныхъ съ заводскими.

Грабежъ: у казаковъ 10,25 проц., у солдатъ около 9 проц., у дворянъ, служащихъ по военному вѣдомству, около 11,25 проц., (у купцовъ около 6 проц., у государ. крест. 5,25 проц., у однодворцевъ около 5 проц., у мѣщанъ 4,25 проц., у владѣльческихъ крест. 3,5 проц., у дворянъ не служащихъ около 2 проц., у дворовыхъ 1,5 проц., у духовенства около 1,5 проц.).

Побѣги и бродяжество: у солдатъ 15,5 проц., у казаковъ 2,5 проц. (у владѣльч. крест., фабричн. и завод., около 2,5 проц., у мѣщанъ 2,25 проц., у государ. крест. 1,5 проц., у дворовыхъ около 1,5 проц., у духовенства болѣе 1,25 проц., у дворянъ военныхъ нѣсколько болѣе 1,25 проц., у однодворцевъ почти 1 проц.).

Поджоги: дворяне военной службы около 5 проц., солдаты 2,25 проц., казаки 2,25 проц. (дворовые 3 проц., владѣльч. крест. около 3 проц., купцы 2,25 проц., госуд. крест. 2,25 проц., однодворцы 1,5 проц., мѣщане 1,25 проц., дворяне не служащіе 1 проц.).

Плотскія преступленія: дворяне военныхъ чиновъ 3,75 проц., казаки 2,75 проц., солдаты 1,75 проц. (граждан. чинов. 1,5 проц., государственные крестьяне 1,25 проц.). Изнасилованіе въ военномъ сословіи имѣетъ высшій процентъ.

Кража золота: солдаты 0,31 (помѣщич. крест. 0,25, государст. 0,23, дворовые 0,18).

Дворовые.

Возмущеніе и неповиновеніе: 5,5 проц. (чиновники гражд. около 4 проц., владѣльч.

крест. 3,75 проц., солдаты 3,25 проц., государ. крест. 3 проц., купцы 2,25 проц., мѣщане около 1 проц.).

Самоубійство: 0,48. За дворовыми и помѣщ. кр.,—солдаты; затѣмъ казаки, государств. крестьяне и мѣщане.

Помѣщичьи крестьяне.

Поврежденіе членовъ (членовредительство) 1,75 проц. (преимущественно у заводскихъ, фабричныхъ и пахотныхъ съ намѣреніемъ избѣжать военной службы).

Корчемство виномъ: 2 проц. (государств. крестьяне 1,75 проц. и однодворцы 1,5 проц.; корчемство солью столь ничтожно характеризуется ссылкой, что въ 20 лѣтъ, напр., является сосланныхъ только 5 человекъ).

Разсматривая преступленія по отношенію къ населяющимъ Россію инородцамъ, мы увидимъ, что татары и евреи (мѣщане) даютъ большую цифру сколько по сравнительной количественности своей, столько же и по многимъ племеннымъ условіямъ. Татаринъ и еврей, если, вообще, не на хорошемъ счету у русскаго народа, то, во всякомъ случаѣ, наблюденія убѣждаютъ въ томъ, что на татаръ, по преимуществу, падаютъ преступленія самыя тяжкія, каковы смертоубійства, грабежи и разбои; на евреевъ менѣе тяжкія, каковы преступленія противъ собственности.

Татаринъ—по народной примѣтѣ и пословицному выраженію—либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ. Въ послѣднемъ случаѣ убійства ихъ отличаются большою жестокостью, разбои—большою ловкостью и отчаянностью, грабежи—крайнею дерзостью и изворотливостью. Воровство у татаръ, сравнительно, рѣдко и оно, въ большей части, направлено на тотъ пунктъ, на которомъ у нихъ только два соперника: цыганъ и башкиръ; это конокрадство. Такъ, напр., за воровство въ періодъ 6-ти лѣтъ сослано татаръ всего только 20, за то убійствъ сдѣлано 42, грабежей произведено 51, разбоевъ 9 (80 мужчинъ и 3 женщины сосланы въ это же время за такъ называемое развратное поведеніе). Татаринъ часто бѣжитъ отъ службы, бродяжничаетъ, не смотря на незнаніе русской грамоты и письменности, не прочь составить фальшивый видъ, поддѣлать монету; онъ вообще не дурной хлѣбосолъ, а потому не ускользнулъ и изъ сыльныхъ-пристанодержателей. Татары охотнѣе укрываютъ бѣглыхъ, чѣмъ какіе либо другіе инородцы, исключая, можетъ быть, однихъ только тебтарей. Татары примѣтно ослабляютъ, своимъ участіемъ и внимательствомъ, общія цифры дѣтоубійцъ, кровосмѣсителей, отцеубійцъ, сватотатцевъ. Въ средѣ братоубійцъ у нихъ только одинъ соперникъ—башкиры. Рѣзко выдается въ татарскомъ населеніи склонность къ

членовредительству, какъ опредѣленное стремленіе къ избѣжанію отъ военной службы по рекрутской очереди. Татары же вмѣстѣ съ башкирами чаще многихъ другихъ успѣваютъ убѣгать изъ-подъ стражи, не выдерживая пытки неволи. Ихъ превосходятъ въ такихъ дѣлахъ и поположеніяхъ одни лишь кавказскіе горцы.

Какъ будто еще до сихъ поръ живутъ, сильно дѣйствуютъ и долго не изсякнутъ въ природныхъ свойствахъ всѣхъ многочисленныхъ осколковъ монгольскихъ племенъ, свойства, воспитанныя дикою жизнью азіатскихъ степей и горъ и широкимъ просторомъ для воли въ глуши лѣсныхъ и степныхъ губерній восточной Россіи. Здѣсь еще много въ народѣ тѣхъ элементовъ, которые рождаются въ степи и воспитываются ею, оправдываются въ понятіяхъ и законахъ номадовъ. Элементы эти, выдвинутые на видъ и поставленные на судъ осѣдлаго народа, оказались проявленіями дикой и необузданной воли, преступленіями. Варанта оказывается самымъ нахальнымъ и отчаяннымъ грабежемъ и разбоемъ съ неизбежнымъ послѣдствіемъ смертоубійствъ; упорное отстаиваніе степной воли является также преступленіемъ и называется „возмущеніемъ противъ законовъ установленныхъ властей“; народное удалство, степное молодечество обываются разбоемъ или грабежемъ и получаютъ оцѣнку на торговыхъ площадяхъ подъ ударами сначала кнута, потомъ плетей и палокъ. Вотъ почему беспокойная неуживчивость съ порядками господствующаго народа, не успѣвшая выразиться открытымъ недовольствомъ, но достаточно надѣвшая начальствамъ, по преимуществу ведетъ инородцевъ въ ссылку подъ темнымъ именемъ сыльныхъ „за развратное поведеніе“. Калмыки, киргизы, черкесы, чеченцы, лезгинны, куртины преимущественно попадаютъ въ ссылку подъ названіемъ возмутившихся противъ законовъ установленныхъ властей, за грабежи и убійства исключительно. Вотъ почему ногайцы, наиболѣе другихъ сохранившіе свойства степныхъ кочевниковъ, хотя и рѣдко появляются въ спискахъ сыльныхъ, но всегда идутъ за грабежъ. Грузины идутъ за убійства, за вспышки своего горячаго южнаго темперамента. Онъ же уводитъ въ изгнаніе и башкиръ весьма часто за тѣ же убійства и грабежи. Чувашы, вотяки, мордва, черемисы—флегматики по темпераменту, не умѣвшіе племенного недовольства довести до открытыхъ бунтовъ и вооруженныхъ возстаній и ограничившіеся лишь ропотомъ, обвиняются въ такъ называемомъ развратномъ поведеніи, которое, по тягучести своего значенія, совсѣмъ не опредѣленного этою рубрикою таблицъ приказа, вмѣщаетъ въ себя и вольныя и невольныя противоборства закону; и неумѣнье примириться съ русскими законоположеніями, и неспособность подчиниться мѣстнымъ административнымъ распоряженіямъ, и

прочее, тому подобное. Все это на темпераментъ монгольскихъ племенъ, разжигаемомъ фанатическимъ ученіемъ корана, выразилось открытыми восстаніями у киргизъ и башкиръ, какъ у кавказскихъ горцовъ убійствами гауровъ. Разсматриваемые нами года представляютъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ элементовъ въ пламени башкиръ, туго привыкшихъ къ законамъ государственной организаціи, въ прошломъ столѣтіи принимавшихъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ народныхъ волненіяхъ по Волгѣ и за Волгою, въ нынѣшнемъ затѣвавшихъ бунты въ доказательство своей неуживчивости и своего недовольства русскими порядками. Теперь они огражданились. На сѣвнѣ ихъ выступилъ очередной вопросъ колонизирующаго начала надъ степными киргизами, которые, въ свою очередь, въ наши дни успѣли дать немалое количество національных консерваторовъ, угодившихъ въ ссылку. Въ шесть только лѣтъ башкиръ за возмущеніе противъ властей выслано 77 мужч. и 4 женщ.

За то же число лѣтъ сосланныхъ за возмущеніе дали: 41 калмыкъ, 11 чел. киргизовъ, 10 черкесовъ.

Смертоубійствъ учинено: 42 башкирами, 7 черкесами, 8 киргизами.

Грабежей надѣлано: 11 башкирами, 10 черкесами.

За воровство — кражу сослано: киргизъ 12, башкиръ 20.

За развратное поведеніе башкиръ сослано болѣе всѣхъ инородцевъ — именно: въ 6 лѣтъ 77 мужч. и 4 женщ. (въ этомъ числѣ 5 тептарей).

Татары, при своей абсолютной многочисленности (по сравненію со всѣми другими инородческими племенами), даютъ опредѣленіе себя въ слѣдующей таблицѣ:

За развратное поведеніе	80 мужч.	3 женщ.
„ воровство	191 „	5 „
„ смертоубійство	55 „	3 „
„ грабежъ	46 „	5 „

(въ томъ числѣ 2 ногайца)

За пристанодержательство	9 мужч.	5 женщ.
„ разбой	9 „	— „
„ поджоги	3 „	1 „

При этомъ на инородцахъ монгольской расы лежатъ упрекомъ столь тяжкія и рѣдкія преступленія, какъ отцеубійство, братоубійство. Кровосмѣшеніемъ они также выдаются изъ ряда.

Нельзя не замѣтить, что въ женской половинѣ мусульманскаго населенія Россіи преступная наклонность несравненно слабѣе всѣхъ женщинъ другихъ господствующихъ исповѣданій. Степные обычаи успѣли такъ уединить женщину отъ общественной жизни, а коранъ такъ закрѣпилъ ее у домашнего очага и въ затворѣ,

что она можетъ грѣшить передъ закономъ лишь хлѣбосольствомъ, т. е. пристанодержательствомъ, но едва ли и здѣсь не та же апатія, не то же тупое равнодушіе, какъ слѣдствіе пригнѣтательной неразвитости. Продажная вещь, рожавшая героевъ, сама никогда во всѣ вѣка не дорожала до героини, не имѣла средствъ и случаевъ выразиться какими либо сильными рельефными порывомъ, хотя бы даже и на какое нибудь преступное дѣяніе.

Женщина у евреевъ, умѣвшая выбиться изъ затвора и завоевать своими дарованіями право на участіе во всѣхъ хлопотливыхъ и меркантильныхъ дѣлахъ мужа, представляетъ собою болѣе видное явленіе. Рѣзкой границы между мужемъ и женою въ еврейскомъ племени не существуетъ. Скажемъ больше: еврейка во всѣхъ дѣлахъ продажи и купли, гдѣ не требуется хлопотливой, нервной дѣятельности факторства и непосѣдливой бѣготни, въ лавочной и домовой торговлѣ — съ достоинствомъ занимаетъ мѣсто мужчины и еще не рѣшено, чи способнѣе опредѣленіе и сильнѣе: хлопотливаго ли, вѣчно бѣгающаго мужа, или сидящей за прилавкомъ жены. Вотъ почему еврейка является уже съ болѣе крупною наклонностью къ преступности, чѣмъ мусульманка, хотя и рѣже женщинъ всѣхъ другихъ исповѣданій. Воровство представляется одною изъ крупныхъ причинъ къ преступленію, за которую являются еврейскія женщины въ ссылку; затѣмъ уже стоитъ ихъ соучастіе въ различныхъ преступныхъ поползновеніяхъ мужей *).

Евреи и сибирскими цифрами, столько же какъ и общественнымъ мнѣніемъ, завиняются исключительно и самымъ характеристическимъ образомъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя направлены противъ чужой собственности. Прежде и сильнѣе всего евреи заявляютъ наклонность къ воровству-кражѣ. По наклонностямъ къ грабежу, къ поддѣлкѣ ассигнацій, къ контрабандѣ чувствуется въ этомъ племени то же присутствіе хищнической наклонности, хотя бы и въ болѣе широкихъ и утонченныхъ разбѣрахъ. Мы не исключаемъ отсюда и поджоговъ, которые, по сибирскимъ цифрамъ, доходятъ пятною на еврейское племя, потому что по опыту еврей сожигаетъ самъ тотъ домъ, который заложилъ далеко выше номинальной своей стоимости. Подобные поджоги, нерѣдко практикуемые, хорошо и подлинно извѣстны во всѣхъ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ кишитъ еврейское населеніе и гдѣ

*) По особенному складу еврейской жизни, деспотически руководимой талмудомъ, у евреевъ наклонность къ смертоубійству, довольно распространенному повсюду преступленію, на столько слаба, что не можетъ даже идти въ сравненіе съ наклонностью къ тому же злодѣянію, напр. вообще безгрѣховныхъ мусульманокъ. Поддѣлка же ассигнацій и грабежъ не избавляетъ евреевъ отъ упрека.

ою имѣть недвижимую собственность. Постоянные гоненія, неустанный презрѣніе, какими обставлена нечувствительная жизнь еврейскаго племени среди христіанъ, послужили основой къ той сосредоточенности отчаянія, которая выразилась на фактѣ стяжаніемъ богатствъ, завистью къ чужому благосостоянію и къ чужой собственности. Явленіе это стало характернымъ, исканіе чужого добра лихорадочно-усиленнымъ въ виду вѣроятія голодной смерти для племени, которое — по темпераменту не способно къ настоящему настойчивому труду и по политическому положенію — не умѣло стать вполне осѣдлымъ и гражданственнымъ, не успѣло согласоваться съ общечеловѣческими и народными требованіями и привилегіями. Неутонченный еврей, весь вѣкъ обязанный закупать свои всякія права, устремился на стяжаніе денежныхъ богатствъ какими бы то ни было способомъ и — потому и въ возстаніи, охватившемъ весь край, нѣтъ населенный, онъ является въ числѣ политическихъ преступниковъ лишь „за тайный провозъ оружія изъ-за границы“, вдохновленный и поддержанный, во всякомъ случаѣ, коммерческими цѣлями, а не политическимъ увлеченіемъ. Слаба въ евреяхъ склонность къ смертоубійству (и только озабоченный ссылкой и каторгою еврей нерѣдко становится злодѣемъ). Еврей никогда не участвуетъ въ преступленіяхъ противъ власти, которой онъ льститъ и которую подкупаетъ безразлично, смотря лишь на степень силы и стойкости этой власти. Въ политическихъ преступленіяхъ замѣшался одинъ только еврей и то успѣвшій воспитаніемъ превратиться въ нѣмца. Подъ гнетомъ и силою талмуда еврей, по коммерческимъ соображеніямъ успѣвающій жениться въ раннихъ лѣтахъ и пользующійся широкимъ правомъ развода, рѣдко завиняется въ такъ называемыхъ плотскихъ преступленіяхъ. За то онъ — первый контрабандистъ, недурной дѣлатель фальшивыхъ денегъ и переводчикъ краденныхъ metalloвъ съ промысловъ, пріисковъ и росыпей; За то ни въ одномъ изъ нновѣрповъ не развита въ такой степени склонность къ преступленію воровства, какъ въ еврейскомъ населеніи Россіи. Онъ, въ этихъ случаяхъ, готовъ даже измѣнять своей политически-воспитанной трусости характера и нерѣдко попадаетъ на томъ видѣ воровства, которое требуетъ и дерзости и храбрости и которое называется грабежомъ, и видоизмѣняется въ глазахъ судей въ тотъ видъ воровства, который для еврея — воровство-кража, а для православныхъ и иныхъ христіанскихъ исповѣданій — святотатство.

Изъ числа другихъ инородцевъ нѣмцы, при существованіи собственного привилегированнаго суда въ остзейскихъ губерніяхъ, не только сами не даютъ возможности судить ихъ по степени склонности къ преступленіямъ, но даже

отнимаютъ возможность производить тѣ же наблюденія надъ безусловно-подчиненными имъ другими инородческими племенами Россіи (каковы эсты, ливы, латыши). По этой причинѣ въ нѣмецкомъ населеніи, присылающемъ въ Сибирь случайныя жертвы ссылки, можно видѣть слабую склонность ко всѣмъ видамъ преступленій. Исключеніе составляетъ одна только контрабанда. Не видать ни виновницъ въ плотскихъ преступленіяхъ, ни виновниковъ въ похищеніи казны и, вообще, во всякихъ многоразличныхъ ущербахъ ея интересамъ и другомъ прочемъ. Съ нѣкоторою отчетливостью выясняется въ лютеранскомъ населеніи остзейскаго края, податномъ и земледѣльческомъ, склонность къ поджогамъ, выражающимся наибольшимъ процентомъ для женщинъ. Наибольшій процентъ сосланныхъ за дурное поведение лютеранъ (конечно, эстовъ, ливовъ и, въ особенности, латышей) доказываетъ лишь силу домашняго произвола и безконтрольности суда остзейскихъ собственниковъ надъ ихъ вассалами — крѣпостными рабочими. Очень можетъ быть, что въ этомъ проблескѣ правды, отчасти освѣщаемомъ тобольскими табелями, можно подозрѣвать и оправданіе поджоговъ, какъ мщенія за притѣсненія, и тому подоб. Склонность къ поджогамъ у женщинъ лютеранскаго исповѣданія сильнѣе, чѣмъ у женщинъ католическихъ и православныхъ.

Инородцы финской расы отличаются такою же слабою склонностью къ преступленіямъ, какъ нѣмцы и русскіе поданные лютеранскаго закона, не смотря на то, что обѣ расы стоятъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ умственнаго и нравственнаго развитія *). Чрезвычайно неприѣтно мелькаютъ самоѣды заурядъ съ другими инородцами финскаго племени, какъ виновные въ кражѣ. Мордву, черемисъ, чувашей, вогуловъ подвѣсившія тобольскія табели перестали даже выдѣлять изъ общаго числа ссыльныхъ. Хотя эти племена наиболѣе успѣли слиться съ сосѣдями и затонуть въ славянскомъ морѣ, тѣмъ не менѣе въ ихъ племенныхъ обычаяхъ, въ темпераментѣ, въ условіяхъ быта, утверждаемаго еще до сихъ поръ на кое какіе осколки древнихъ законовъ номадовъ — слѣдуетъ искать оправданіе очень многихъ причинъ ссылки. Едва ли въ виду этихъ данныхъ можетъ что либо опредѣлившееся и характерное подсказать вѣроисповѣданіе, за которымъ можетъ спрятаться живой и пылкій темпераментъ рядомъ съ вялымъ и флегматическимъ; рядомъ съ грамотнымъ и развитымъ нѣмцомъ, испорченнымъ городскою жизнью зачтется за-

*) Иностранцы завиняются и высылаются всего чаще за подѣлки всякаго рода актовъ, за переходъ за границу, за тайный ввозъ иностранныхъ товаровъ. Въ послѣднемъ случаѣ довольно примѣтны между русскими евреями евреи-иностранцы. Женщины-иностранки высылаются въ Сибирь исключительно за развратное поведеніе.

битый, задержанный въ развитіи тѣми же нѣмецкими баронами какой нибудь деревенскій эстъ или латышъ; съ осѣдлымъ и развитымъ касимовскимъ и казанскимъ татаринѣмъ подъ мусульманиномъ пройдутъ степные дикари вродѣ ногайца и киргиза, или дикари горные, вродѣ чеченца или лезгина. Этими племеннымъ свойствамъ должны уступить свое мѣсто вліянія религіозныя, которыя, при всей тщательной разработкѣ этого вопроса по тобольскимъ табелямъ, подсказываютъ весьма немногое. Онѣ говорятъ, напр., что затворница-мусульманка наименѣе всѣхъ склонна къ преступленіямъ, однако, въ равной же степени процентныхъ отношеній находятся въ безгрѣховности домохозяйки православнаго исповѣданія: купчихи и жены лицъ духовнаго званія — попадьи, дьяконицы и дьячки, но наибольшую часть сытныя и хорошо обеспеченныя. По тобольскимъ табелямъ католикамъ наиболѣе присущи государственныя преступленія, но подъ католиковъ попали поляки, потерявшіе свое очечство и въ поискахъ его свободы дѣйствительно увлекшіе своихъ ксендзовъ, — представителей вѣры, и дѣйствительно, въ костелахъ и церковныхъ иѣсняхъ сѣмѣвшихъ найти наилучшія мѣста и предства къ политическому возбужденію. Правда, сто индифферентны въ вѣрѣ, обезличенные униєю обитатели западныхъ окраинъ Имперіи виновны въ святотатствѣ, но виновы они столько же, какъ и евреи, для которыхъ преступность свя-

тотатства въ національномъ, религіозномъ смыслѣ исчезаетъ въ преступленіи простого воровства. Если въ преступленіяхъ противъ самой религіи наибольшая виновность остается за православными, то и въ этомъ случаѣ она далеко не въ равной степени распредѣляется между сѣверными и южными жителями Россіи: великоруссы, отличающіеся наибольшою пытливостью въ дѣлахъ вѣры, числомъ ссыльныхъ несравненно превосходятъ индифферентныхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ, какъ въ преступности по богохуленію и отвлеченію отъ вѣры, такъ и по ересямъ, расколамъ, скопчеству и т. под.

Русскіе подданные православнаго исповѣданія, во всякомъ случаѣ, заявляютъ наибольшую склонность лишь къ бродяжеству и тѣсно съ нимъ связанной поддѣлкѣ документовъ (т. е. фальшивыхъ паспортовъ). Сильная виновность православнаго населенія Россіи замѣчается еще въ преступленіяхъ убійства и въ поддѣлкѣ ассигнацій, но въ склонности къ убійствамъ, православные уступаютъ мусульманамъ, у которыхъ она сильнѣе, а по процентнымъ отношеніямъ поддѣльвателей ассигнацій и монеты надъ русскими преобладаютъ евреи. Виновность въ бродяжествѣ ослаблена для русскіхъ въ настоящее время совершившимся великимъ фактомъ — освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости. Последняя была основною и несомнѣнною причиною этого исключительнаго русскаго преступленія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Политическіе ссыльные. Государственные преступники.
Исторія каторги.

ГЛАВА I.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ.

Ссылка поляковъ въ Сибирь.—Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ.—Брыжановскій.—Ловеласъ—воевода Обуховъ.—Польскіе конфедераты.—Злодѣяства надъ ними.—Состояніе администраціи въ Сибири.—Цестель.—Трескинъ.—Исправникъ Лоскутовъ.—Сперанскій.—Нѣмцовъ и разбойникъ Гондюхинъ.—Собачья оспа.—Кохъ.—Уширванскій полкъ.—Народные притѣснители.—Чудакъ Нарышкинъ.—Горные начальники: Рычковъ, Варботъ-де-Марни, Милекинъ.—Фришъ, Черницынъ.—Шведскіе пѣльмине.—Татищевъ.—Веневскій—извѣстный искатель приключеній.—Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя походы вокругъ свѣта и смерть на островѣ Мадагаскарѣ.—Судьба его товарищей.

Переходя теперь къ такъ называемымъ политическимъ и государственнымъ преступникамъ, мы на этотъ разъ останавливаемся на ссыльныхъ за политическія преступленія, т. е. полякахъ, и по задачѣ нашей работы на тѣхъ чертахъ и особенностяхъ, которыми характеризуется ихъ ссылка въ Сибирь. Сосланнымъ за государственныя преступленія, по исключительному отношенію къ лицамъ русскаго происхожденія и также къ значенію ихъ на мѣстахъ ссылки въ Сибири, предназначается слѣдующая статья.

Сибирь сдѣлалась мѣстомъ политической ссылки и временнаго пріюта для политическихъ ссыльныхъ, въ значеніи карательной мѣры, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ судьбы Польши тѣснѣе соединились съ судьбами Россіи. Постоянная и притомъ систематическая и ежегодная высылка людей, недовольныхъ этимъ воссоединеніемъ, началась со временъ Екатерины, т. е. съ перваго раздѣла Польши. Вмѣстѣ съ ними, съ этого же времени, начали появляться въ Сибири поляки, ссылаемые и за всѣ другіе роды преступленій, возмѣщаемыхъ ссылкой. Преступники послѣднихъ видовъ освобождали свою родину въ подчиненіи общимъ законамъ человѣческой преступности, не представляя рѣзкихъ и характерныхъ особенностей. Преступники политическіе, появленіемъ своимъ въ Сибири, стали представлять большую или меньшую степень политическаго возбужденія умовъ въ царствѣ, лишенномъ правъ на самостоятельную государственную жизнь. Наибольшее

скопленіе польскихъ патриотовъ въ ссылкѣ, выражаемое значительнымъ возрастаніемъ цифры ссыльныхъ, стало указывать на предшествовавшіе государственныя кризисы Польши, когда она противъ русскаго владычества въ краѣ поднимала возстанія и платилась затѣмъ изгнанниками „за бунтъ и измѣну, за преступленія по первымъ двумъ пунктамъ, за неповиновеніе и за оставленіе отечества“. Цифры по годамъ стали указывать на историческія эпохи завоеваннаго и побѣжденнаго народа и, группируясь въ числовые итоги, сумѣли выразить въ ссылкѣ три различныхъ періода ссылки жизни поляковъ въ Сибири. Къ первому періоду относится время отъ появленія въ ссылке странъ первыхъ поляковъ — барскихъ конфедератовъ, съ послѣдующею затѣмъ высылкою поляковъ изъ войскъ Костюшки до времени освобожденія тѣхъ и другихъ императоромъ Павломъ. Время до 26 года нынѣшняго столѣтія протекло безъ излишнихъ жертвъ для польскаго народа, но послѣ возстанія 1831 года выразилось въ Сибири быстрымъ увеличеніемъ числа изгнанниковъ, которые оставались въ Сибири до восшествія на престолъ Императора Александра Николаевича. Кромѣ замѣшанныхъ въ какихъ либо новыхъ преступленіяхъ на мѣстахъ ссылки, всѣ, находившіеся въ Сибири, политическіе изгнанники были возвращены на родину; осталась незначительная часть. Въ теченіи шести послѣдующихъ лѣтъ политическихъ ссыльныхъ въ Сибирь не было, но съ весны 1863 года стали

прибывать первыя, но новыя и значительныя партіи поляковъ, такъ что къ концу 1866 г. общее число ссыльныхъ поляковъ возросло до 18.000 душъ обоюго пола. Для ссыльной Польши наступилъ третій, современный намъ періодъ. Разсмотримъ каждый изъ этихъ періодовъ отдѣльно, для болѣе яснаго представленія исторической картины политической ссылки поляковъ.

Далеко до временъ Екатерины, до обнаруженія болѣе яркихъ и характерныхъ чертъ польской ссылки въ тѣ времена, когда русскіе казаки кончали свои завоеванія въ Сибири (выстроивъ остроги на Ленѣ, пробирались въ Камчатку) и промышленные люди забрались уже на Амуръ, въ тѣ времена безразсчетныхъ завоеваній и безконечныхъ походовъ и приключеній, въ сибирскихъ лѣтописяхъ является имя перваго ссыльнаго поляка—Никифора Черниговскаго. Насколько можно вѣрить свидѣтельству лѣтописи о польскомъ происхожденіи этого чело-вѣка, носящаго не польскую фамилію и русское имя, Черниговскій почти единственное лицо, представлявшее поляка въ то темное и малоислѣдованное время сибирской исторіи. Личность эта, впрочемъ, характерна тѣмъ, что съ нею соединяется исторія первыхъ нашихъ заселеній на Амурѣ. Если въ немъ не выражался типъ польскаго удалца тѣхъ славныхъ воинственныхъ временъ Польши, временъ Яна Собѣскаго, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ выяснился одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ завоевателей, которыми богата была Сибирь въ тотъ вѣкъ окончательнаго ея покоренія подъ высокую руку московскихъ царей. Имя Черниговскаго встало на ряду съ именами Хабарова, Атласова, Пояркова и проч.

Откуда этотъ полякъ былъ родомъ, какія судьбы привели его въ ссылку и поселили на Ленѣ, былъ ли онъ военнопленнымъ, взятымъ на войнѣ 1658 года, начатой за принятіе Россіею подъ свое покровительство Малороссіи—лѣтописи и преданія не говорятъ. Жилъ онъ въ Устькутскомъ острогѣ и былъ досмотрщикомъ за соляными промыслами. При немъ нѣкто Сорокинъ, успѣвшій собрать въ Верхояленскѣ партію головорѣзовъ въ 300 чело-вѣкъ, съ эсауломъ Краснояремъ и Петровымъ пробирался на суднѣ вверхъ по Ленѣ на Амуръ. Дорогою шайка граблями купцовъ и промышленныхъ людей; въ острогѣ, на устьѣ Куты, ограбляла казну, била и пытала купцовъ и служилыхъ людей; поджидала вѣзавшаго съ рѣки Илима воеводу, но, потерявъ терпѣніе, отправилась на устье рѣки Олекмы, чтобы и здѣсь ограбить казенные запасы и именно тѣ, которые снаряжены были для отправки на Амуръ, въ Албазинъ. Въ Тугурскомъ острогѣ Сорокинъ отыскалъ пороховъ, зарытый въ землю, пробрался на Амуръ, ограбилъ тамъ всѣхъ, кого нашелъ, но тѣмъ и покончилъ; часть шайки его истребили амурскіе

жители, другую—голодъ; третья часть разбѣ-лась по старымъ знакомымъ мѣстамъ на Ленѣ.

Въ это время (1665 г.) въ Устькутскій острогъ успѣлъ благополучно прибыть илимскій воевода Лаврентій Обуховъ; успѣлъ отдохнуть, оглядѣться; осмотрѣвшись, удалось ему заприимчивить, что у соляннаго надзирателя Черниговскаго жена хороша, да такая, что онъ, не бывавшій въ Польшѣ и притомъ долго голодавшій на сибирскомъ лѣсномъ безлюдьи, много не думалъ. Кладъ на вѣсы свои воеводскія права съ правами ссыльнаго сибирскій воевода считъ за грѣхъ и за большое для себя преступленіе. Безчисленные примѣры были у него передъ глазами: самъ знаменитый завоеватель Амуга, Ерофей Павловичъ Хабаровъ, слабый въ эту сторону, не клалъ на себя оулки и владѣлъ чужими женами, никого не спрашиваясь. Обуховъ отнялъ жену у Черниговскаго и, кончивъ дѣла на Ленѣ, поплылъ съ красавою польскою вверхъ по Кутѣ въ Илимскъ. Но что Хабарову съ рукъ сходило (онъ отломалъ бока якутскихъ крестьянамъ, присланнымъ въ Кыренскъ на его заимку для поселенія, и ничего съ нимъ за то сдѣлать не смѣли), что Хабарову удавалось и тѣмъ другимъ воеводамъ счастливо, на томъ Обуховъ оборвался. Черниговскій рѣшился мститъ: собралъ товарищей, напалъ на воеводу, убилъ его и прислугу, захватилъ имущество, не разобравъ казеннаго отъ воеводскаго, и такъ какъ въ это время шатались безъ дѣла свободные люди изъ шайки Сорокина и много другихъ удалцовъ, то Черниговскому и не мудрено было сбить большую шайку. Съ нею, само собою разумѣется, отправился онъ обычною въ тѣ времена и торною дорогою съ бывальными и знающими языками на тотъ же Амуръ, о которомъ не переставали ходить баснословные слухи. Пошелъ онъ туда именно въ то несчастное время, когда преемники и послѣдователи Хабарова успѣли испортить дѣла до того, что русскіе люди стали уходить съ Амуга назадъ. Степановъ былъ убитъ, часть казаковъ пустилась черезъ хребты въ Якутскъ, другая по рѣкѣ добралась до Шилки, тамъ отыскала Пашкова и поступила къ нему на службу. Амуръ опустѣлъ.

Черниговскій вышелъ на Амуръ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ до тла разоренный китайцами Албазинъ. Наскоро построилъ онъ тутъ же деревянную крѣпость (18 саж. длины и 13 ширины); на стѣнѣ къ рѣкѣ укрѣпилъ двѣ башенки, на нагорной къ лѣсу—одну, но со вѣздными воротами. Избъ для своихъ удалцовъ внутри крѣпости онъ не строилъ (какъ сдѣлалъ это Хабаровъ и дѣлали прочіе сибирскіе казаки-завоеватели); казацкія жилища приладилъ онъ внѣ, въ сторонѣ; внутри крѣпости соорудилъ только одну кладовую. Построивъ острогъ, Черниговскій принялся за обычная дѣла тѣхъ мѣстъ и того времени: сталъ соби-

рать съ тунгусовъ асакъ крупными и пушистыми, знаменитыми и въ наши дни, албазинскими соболями, но, памятуя объ убійствѣ воеводы и по приговору Ермака, сталъ отсылать асакъ въ Нерчинскъ, къ воеводѣ. Потому уже онъ прямо отъ себя съ нарочными отправилъ въ Москву и отборный асакъ и повинную. 15-го марта 1672 года, по первому приговору въ Москвѣ, Черниговскаго съ сыномъ приговорили къ смертной казни, а 46 человекъ его первыхъ устюжскихъ товарищей къ жестокому тѣлесному наказанію, но, по бывалымъ примѣрамъ, черезъ два дня приговоръ отменили и вмѣсто казни сказано Черниговскому милостивое государево слово: за вину прощенье и грѣха разрѣшеніе, да сверхъ того положена была награда въ двѣ тысячи рублей. Изъ Нерчинска присланъ отъ воеводы приказчикъ, въ 1681 году отъ царя изъ Москвы воевода Толбузинъ; товарищи Черниговскаго выстроили Покровскую слободу и занялись хлѣбонашествіемъ. Русская жизнь на берегахъ Амура опять закипѣла и приладилась уже настолько прочно, что нѣкій старецъ, іеромонахъ Ермогенъ, заложилъ неподалеку отъ города, на Врусяномъ камнѣ, монастырь во имя Спаса. Прибыли крестьяне и Покровская слобода стала походить на настоящее дѣловое селеніе. Починъ Черниговскаго возымѣлъ блестящій успѣхъ: Амуръ опять потянулъ на русскую руку (но тянулъ недолго). Самъ Черниговскій сошелъ со сцены и исчезъ во мракѣ историческихъ временъ: имя его больше не повторялось, что стало съ нимъ, съ этимъ первымъ полякомъ въ Сибири, покрыто мракомъ неизвѣстности. Точно также и послѣдующіе военно-плѣнные литовцы, вмѣстѣ съ московскими стрѣльцами, присылаемые изъ Москвы, съ самыхъ древнихъ сибирскихъ временъ, поступали въ казаки и въ этомъ сословіи исчезали безслѣдно. Изъ нихъ на сибирскія письменныя памяти удалось выдѣлиться одному: Юрію Крыжановскому, оказавшемуся въ 1677 году яснымъ сборщикомъ у тунгусовъ. Сборщикъ этотъ такъ притѣснялъ этихъ мирныхъ инородцевъ, что они вышли изъ терпѣнія, стали мстить: перебили казаковъ и въ количествѣ тысячи человекъ осадили Охотскъ и пошли валомъ на приступъ острога. Крыжановскій не успѣлъ спрятаться въ острогъ и былъ осажденъ въ собственномъ домѣ. Тунгусы выломали окно у избы, подъ стѣну наклали огня, заставъ въ казачьихъ домахъ слободы, стрѣляли по острогу. Приказный Ярышкинъ не могъ помочь Крыжановскому, напрасно вопившему о помощи. Приступъ, однако, не повторился. Явились слѣдователи, начался судъ. Оказалось, что Крыжановскій лучшихъ соболой отбиралъ себѣ; въ казну складывалъ поплоше, бралъ у инородцевъ женъ и дѣтей на блудное дѣло и проч. Его съ Ярышкинымъ нещадно били кнутомъ и сослали въ даурскіе остроги

съ тѣмъ, чтобы тамъ обонѣхъ ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять *).

Выходя изъ мрака XVII в. въ ближайшія къ намъ времена прошедшаго (XVIII) столѣтія, мы встрѣчаемъ въ концѣ его слѣдующихъ поляковъ группами, сначала, какъ мы сказали, въ видѣ барскихъ конфедератовъ—выселецъ генерала Кречетникова и прусскаго полковника Сюлли (1769 г.), потомъ приверженцевъ Костюшки (1794 г.). По указу 20 іюня 1795 г. присланы были поляки „обитатели древнихъ российскихъ областей, къ Имперіи возвращенныхъ“ по одному человѣку въ Целингъ, Якутскъ, Тобольскъ, Нерчинскъ, Селегинскъ и Березовъ и 9 человекъ въ другіе отдаленные города **). Первыхъ изъ нихъ (конфедератовъ) преданіе приводитъ изъ Польши измученными на роднѣ различными варварскими истязаніями: съ отрубленными носами и ушами ***); сибирскій губернаторъ Шеншинъ встрѣтилъ ихъ, судя по народному же преданію, съ чувствомъ затаенной злобы и непонятнаго мщенія. Онъ, говорить, привязывалъ ихъ къ длиннымъ и толстымъ деревяннымъ круглымъ колодамъ по нѣсколько человекъ вмѣстѣ и приказывалъ, такимъ образомъ, спихивать съ высокой горы тобольскаго кремля. „Обрубокъ, катаясь съ крутой горы, разбивалъ несчастнымъ головы и на лучшей конецъ сокрушалъ кости“. Несомнѣнно одно, что Сибирь не только въ прошломъ, но и въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка представляла страну, страдающую отъ произвола властей, отъ ихъ жестокаго корыстолюбиваго нрава и дикихъ чертъ характера въ такой степени, что съ трудомъ вѣрится жалобамъ очевидцевъ и сказаніямъ современниковъ. Еще Геннигъ пи-

*) При царѣ Алексѣѣ сосланъ въ Сибирь извѣстный Крыжаничъ, родомъ хорватъ, латинскій попъ за неправославіе, за выходы противъ грековъ и русскихъ. Тамъ написалъ онъ сочиненіе, драгоценное по изображенію въ немъ состоянія Московскаго государства («Русское государство въ половинѣ XVII вѣка»; другое сочиненіе его «О промыслѣ»). Не былъ ли этотъ хорватъ Юрій Крыжаничъ однимъ и тѣмъ же Юріемъ Крыжановскимъ—рѣшить не беремся, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ.

**) Одного шляхтича «за убійство русскаго драгуна» сослали вѣчно на каторгу; на житье въ отдаленные города между прочими — извѣстнаго ксендза Булгака и бывшаго поручика пинской бригады Іосифа Копца, оставившаго записки о своемъ пребываніи въ Сибири. Въ слѣдующемъ году Павелъ I всѣхъ освободилъ указомъ 29 ноября.

***) Барскими конфедератамъ, подполковнику Реку и майору Древичу, за нарушеніе реверса, т. е. продолжавшимъ послѣ отреченія участвовать въ конфедераціи, но снова попавшимся въ плѣнъ съ оружіемъ, обрубливали руки и ноги. Замѣчательно сдѣленіе случайныхъ обстоятельствъ: въ Сибирь барскихъ конфедератовъ вѣлъ (молодымъ человекомъ) тотъ самый Лепарскій, который впоследствии и уже дряхлымъ старикомъ былъ комендантомъ декабристовъ.

салъ Петру I изъ Екатеринбурга: „А ты, государь, пожалуйста, не слушай, что тебѣ говорятъ о Сибири. Всѣ они тамъ мошенники и взяточники, вѣрь такъ! Съ чего мнѣ тебя обманывать“? И не обманывалъ: князя Гагарина, властителя Сибири, Петръ принужденъ былъ вызвать въ Петербургъ и повѣсить въ 1721 году „за его неслыханное воровство“. Кому неизвѣстенъ сибирскій герой Пестель, одиннадцать лѣтъ управлявшій Сибирью изъ Петербурга, съ клеветомъ своимъ, иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ; люди начала нынѣшняго столѣтія! Пестель управлявшаго тобольскою провіантскою комиссіею, генераль-маіора Куткина, за то, что тотъ на званомъ обѣдѣ позволилъ себѣ въ чемъ-то не согласиться съ нимъ, всемогущимъ генераль-губернаторомъ. гналъ до конца жизни: отдавъ подъ военный судъ, девять лѣтъ томилъ подъ строжайшимъ присмотромъ въ его собственномъ домѣ и, разлучивъ съ семействомъ, не позволялъ свиданій; дочь отъ слезъ ослѣпла. Самъ отецъ умеръ подъ стражею и оправданъ сенатомъ уже послѣ смерти. Семейство Куткина (жена съ нѣсколькими дочерьми) доведено было до крайней степени нищеты; какой-то добрый человѣкъ, женившійся на одной изъ дочерей больше изъ состраданія, вывезъ несчастное семейство въ Россію уже послѣ смерти страдальца. Въ то же время Трескинъ тѣ же 11 лѣтъ изъ Иркутска управлялъ Пестелемъ въ Петербургѣ, а на мѣстѣ былъ жестокий тираномъ и деспотомъ: министерскихъ предписаній не слушался, частныхъ правъ не уважалъ. Зашалившійся на выходкахъ произвола, онъ заставлялъ не только старшихъ чиновниковъ, но и самого вице-губернатора снимать и подавать себѣ шубу и, замѣчая неловкость, бранилъ ихъ тутъ же на чемъ свѣтъ стоитъ. При помощи жены своей, ему невѣрной и жадной взяточницы, онъ скупилъ поставить дѣла управленія на ту ногу, что они стали всѣмъ ненавистны и невыносимы. вмѣстѣ съ Пестелемъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ крепокъ и оба вмѣстѣ они были едва побѣдимы. Трескинъ отставилъ отъ службы одного совѣтника казенной палаты и выслалъ его изъ Иркутской губерніи съ требованіемъ ко властямъ не позволять ему жить въ одномъ мѣстѣ больше десяти дней. Пестель прибавилъ къ этому то, чтобы не выпускать гонимаго изъ предѣловъ Сибири: несчастный чиновникъ съ семействомъ, на цыганскихъ и бродяжкихъ правахъ, всю жизнь свою принужденъ былъ странствовать по Сибири. „Народъ стоналъ отъ несправедливостей и поборовъ, но его стenanія заглушались тою же силою, которая ихъ возбуждала“. Жаловаться было невозможно: на сибиряковъ наложена была Екатеріною эпитимія, сибиряки признаны были клязниками, людьми безпокойными, ябедниками. Въ одномъ указѣ ея было

выговорено слѣдующее: „Читано передъ нами нѣсколько тысячъ листовъ подъ названіемъ сибирскаго Якобіевскаго дѣла, изъ котораго мы ничего иного не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ“, и проч. Якобій былъ извѣстенъ сибирякамъ за безжалостнаго тирана. Положенное на Сибирь клеймо дѣлало слѣдующихъ тирановъ безопасными, способствуя имъ расширять произволъ и встать не только внѣ закона, но и здраваго смысла. За жителей Иркутской губерніи селѣ обязанностью заступиться даже и тогдашній архіерей Михаилъ. Можно судить, насколько было тяжело ссыльнымъ уже изъ одного того, что судьба ихъ была ввѣрена такому человѣку, какъ Лоскутовъ (нижеудинскій исправникъ), которому поручено было устройство дороги между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Дорогу онъ приложилъ превосходную; селенія выстроилъ огромныя; изъ бродягъ сдѣлалъ хлѣбопашцевъ и устроилъ дѣла такъ, что, по преданію, выроченнаго проѣзжимъ по дорогѣ кошелька никто не смѣлъ утаить. Каковы были прикладныя средства и въ чемъ состоятъ ихъ секреты, можно понять изъ того, что слухъ объ его жестокостяхъ проникъ даже до Петербурга. На мѣстѣ одно имя Лоскутова обдавало всѣхъ ужасомъ. Суровый и самовластный, какъ и его начальникъ Трескинъ, Лоскутовъ иначе не въѣзжалъ въ селеніе, какъ съ казаками, которые везли возъ розогъ и прутьевъ. Осматривая избы, заглядывая въ печи, въ чуланы, впутываясь насильно во всякую подробность домашняго быта, онъ безжалостно наказывалъ за всякое уклоненіе отъ предписанныхъ имъ правилъ. Если хлѣбъ былъ дурно выпеченъ, онъ немедленно сѣкъ хозяйку розгами; если квасъ былъ кисель или въ лѣтнее время тепель, сѣкъ и хозяина. Вотфорты его, которыхъ онъ не снималъ съ себя и ночью, хорошо помнятъ до сихъ поръ. Когда онъ узналъ о приближеніи ревизоровъ, то по всему уѣзду отобралъ бумагу, перья и чернила; однако, два старика осмѣлились написать прошеніе и вручить его Сперанскому. Когда Сперанскій, въ присутствіи самого Лоскутова, велѣлъ читать секретарю своему это прошеніе вслухъ, старики упали ницъ и не вставали, выжидая, что громовыя силы разобьютъ ихъ на мѣстѣ. Когда Сперанскій тутъ же отрѣшилъ исправника отъ должности и арестовалъ и когда приведеннымъ въ чувство просителямъ объявилъ это рѣшеніе, они, трясаясь всѣмъ тѣломъ и схвативъ ревизора за полу, умоляли его шепотомъ не губить себя: „Что ты дѣлаешь? не было бы тебѣ самому за насъ чего худого. Вѣдь это Лоскутовъ, вѣрно ты его не знаешь“. Тѣмъ не менѣе имущество исправника, доходившее цѣною до 80.000 руб. (въ деньгахъ, серебрѣ и мѣхѣхъ), было заарестовано и самъ онъ отправленъ съ

передовымъ въ Иркутскѣ. Союзъ друзей, трехъ исправниковъ, всѣхъ столько же злыхъ и отвязныхъ, какъ и первый изъ нихъ, Лоскутовъ, быть, такимъ образомъ, разрушенъ.

Сибирь въ это время была свободна отъ политическихъ изгнанниковъ. На нѣ долю выпали тиранническіе порывы и деспотическія выходки людей предшествовавшаго вѣка, столько же жестокихъ и несправедливыхъ отъ недостатка образованія и нравственнаго развитія. Иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ или, какъ онъ самъ подписывался, „со властью губернаторскою бригадирскаго ранга Нѣмцовъ“, учреждаетъ какую-то глухую команду, ѣздитъ съ нею по городу и наводитъ страхъ на мирныхъ жителей; находится въ дружбѣ съ извѣстнымъ разбойникомъ Гондюхинымъ; разъ зазываетъ гостей на пикникъ за городъ, гдѣ нападаетъ на нихъ этотъ разбойникъ съ шайкою и грабитъ до послѣдней нитки. Мелкихъ подчиненныхъ Нѣмцовъ бьетъ своими руками. Одного изъ чиновниковъ покрупнѣе велитъ привязать къ столбу и держать на привязи долго въ страхъ и поученіе прочимъ. Объяды охотскаго коменданта Козлова-Ургенна по его области долго вспоминались въ Камчаткѣ подъ именемъ „собачьей оспы“. Другой охотскій начальникъ оставилъ о себѣ память въ извѣстной поговоркѣ: „На небѣ Богъ, а въ Охотскѣ—Кохъ“. Народъ такъ былъ увѣренъ въ несокрушимой истинѣ подобныхъ поговорокъ и той, что „до Бога высоко, а до Царя далеко“, что охотливо поступалъ по примѣру той сибирской горожанки, у которой воеводина отняла куръ съ цыплятами и обиженная утѣшилась тѣмъ, что поставила въ церкви къ иконамъ свѣчу за обидѣвшихъ. Купцы и порадочные посадскіе, удостоенные чести приглашенія въ столу начальниковъ въ большіе праздники и именины, уходя домой, считали обязанностью своею оставить хозяину за угощеніе по полтинѣ и по рублю. За однихъ утѣшяемыхъ гражданъ попробовалъ заступиться городской голова, пожаловался министру и былъ за то ближайшимъ начальствомъ высланъ въ Нерчинскъ (братъ его въ Жиганскѣ), гдѣ оба скоро умерли. Другого именитаго купца довели до сумасшествия, посадили въ домъ умалишенныхъ, откуда онъ пропалъ безъ вѣсти. Въ Иркутскѣ не остановились даже надъ самимъ архіереємъ: вызвали его на судъ, судили его судомъ священниковъ, заставляли ѣздить въ маскарадъ и любоваться фарсами масокъ, скакавшихъ и плясавшихъ передъ нимъ. И такъ далѣе—въ бесконечность.

Переходя отъ высшихъ къ низшимъ, мы видимъ цѣлый полкъ, расположенный въ западной Сибири, превратившимся въ организованную огромную шайку грабителей: за притѣсненія, грабежи и безчинства надъ обывателями

сибиряки прозываютъ этотъ полкъ—Ширванскій—Уширванскимъ *). „Сибирь,—по выраженію соликамскаго лѣтописца:—была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, т. е. воеводами, комиссарами, приставами, для конихъ украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ, считалось ни во что“. Горные начальники, будучи независимыми отъ губернатора, за темными лѣсами, за высокими горами, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ Россіи, пользовались такою обширою властью, что охотно употребили ее во зло. Они могли производить въ чины до капитана, могли награждать и наказывать чиновниковъ и вотъ, одинъ изъ такихъ, пріѣхавшій въ нерчинскіе заводы въ 1775 году, Вас. Вас. Нарышкинъ, человѣкъ древняго боярскаго рода, крестный сынъ Екатерины II, произвелъ въ офицерскіе чины, на мѣсто исключенныхъ нѣхъ прежнихъ чиновниковъ, новыхъ изъ каторжныхъ. Произвелъ изъ таковыхъ 120 человѣкъ и, въ томъ числѣ, въ офицеры двухъ барскихъ конфедератовъ, которые сосланы были сюда въ солдаты рабочаго горнаго батальона (Перхуровича и Викентія Касаковского). Этотъ Нарышкинъ съ самаго пріѣзда одиннадцать мѣсяцевъ просидѣлъ дома съ закрытыми ставнями, никуда не выходя, никому не показываясь. Рѣшившись покончить съ затворничествомъ и выйдя на свѣтъ Божій въ Свѣтлое Воскресеніе, началъ цѣлый рядъ чудачествъ и сумасбродныхъ выходокъ: вмѣсто заутрени на Пасху велитъ слу-

*) Кстаті нѣсколько словъ объ немъ: полкъ становился на квартирахъ въ наилучшихъ деревняхъ широко и прихотливо, отбѣдалъ д'отвалу; шагъ не дѣлалъ пѣшкомъ—всегда на крестьянскихъ подводкахъ, съ изобиліемъ съѣстной провизіи, доставленіе которой лежало тяжестью на крестьянахъ. Шестіе полка въ лагерь нескончаемыми обозами уподоблялось походу двухъ цѣлыхъ армій или цѣлой губерніи, идущей на переселеніе въ обываемыя мѣста. Въ лагерь солдаты въ палаткахъ не жили, пристроиваясь въ деревняхъ и только видны были офицеры, перебывавшіе по лагерю въ плафрояхъ. Нижніе чины казались исполнями и красавцами; старика ни одного; ростъ начинался съ 2 арш. 6 вершк. и оканчивался 2 арш. 13 вершк. Сбруя блестящая съ наборомъ, называемая галантерейною лавкою; лошади всѣ одной масти. Щегольство въ одеждѣ было замѣчательное: перевязи, португез, ратровые ремни и сапоги чистились подъ лакъ; пуговицы и пряжки были полированы. Все это на счетъ сибиряковъ-крестьянъ, все это ради наружнаго блеска. На самомъ дѣлѣ вотъ какъ характеризовалъ это воинство въ 1833 году генералъ съ опытнымъ строевымъ глазомъ. „Выправка и стройка неправильны и некрасивы; маршировка на каблучкахъ (все толстяки) со вздернутыми носками; шагъ коротокъ и потому качки и стуку много, ружейные приемы сильны, но ловкости и развязки въ рукахъ нѣтъ; стрѣльба залпами хороша, но рядами слаба и шумять по фронтѣ, суетятся, толкаются“.

жить прежде обѣдню, въ церковь ведутъ его двѣ толстыя женщины, онъ идетъ, принимая и припѣвая свою любимую пѣсню („Ватюшко богатъ, черевички купишь“); идущіе сзади чиновники ему поддѣвываютъ. Принявшись за дѣла, онъ приблизилъ къ себѣ пятерыхъ секретныхъ арестантовъ, изъ которыхъ двухъ сдѣлалъ секретарями; за вины былъ батоженъ и не сказывалъ за что: „извѣстно-де мнѣ единому“; въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣсняясь, отчета объ нихъ и самихъ денегъ въ Петербургъ не посылалъ. Когда не хватало казны, онъ бралъ деньги у богатого купца Сибирякова, нѣкотоваго нѣкоторые заводы на арендѣ. Когда въ другой разъ Сибиряковъ отказалъ, Нарышкинъ явился передъ его домою съ пушками и угрозою стрѣлять, если купецъ не выдастъ потребнаго; Сибиряковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ положены были затребованныя пять тысячъ. Учредилъ какой-то новый праздникъ („Открытіе новой благодати“), приказывалъ всѣмъ каяться во грѣхахъ, изстрѣлялъ много пороку, того самаго, который столько необходимъ при горныхъ работахъ. Набралъ войско, присоединилъ къ нему вновь организованный гусарскій полкъ изъ тунгусовъ и двинулся съ пушками и колоколами походомъ изъ Нерчинскаго завода черезъ городъ Нерчинскъ, Братскую степь и Верхнеудинскъ на Иркутскъ. По дорогѣ останавливалъ купеческіе обозы, отбирать товары, выдавая росписки. Хотѣлъ завладѣть Иркутскомъ, но это предпріятіе ему не удалось. Самодуръ, названный въ указѣ шалуномъ, успѣлъ натворить много бѣдъ, оставить на слѣдахъ своихъ много всякихъ глупостей, чудачествъ и приключеній. Въ Верхнеудинскѣ его арестовали хитростью, увезли въ Иркутскъ, гдѣ онъ снова еще долгое время чудачилъ, пока не увезенъ былъ въ Петербургъ (см. ниже „Исторію ваторга“). Послѣдовавшіе за нимъ (исключая Барбота-де-Марии) горные начальники были немногимъ лучше его. Рычковъ хотя и былъ образованнымъ и умнѣйшимъ человекомъ, но въ то же время суровымъ до того, что забивалъ людей палками до смерти, хотя смертная казнь и уничтожена была еще Елизаветою. Начальникъ Кутомарскаго завода, Милекинъ, жестокииъ обращеніемъ своимъ навелъ на всѣхъ такой страхъ, что во время прогулокъ его по улицамъ, дѣти убѣгали прочь и старики прятались за углами домовъ, а когда ходилъ по селенію, живой души не было видно, всякій боялся встрѣчи съ нимъ. Другой изъ приставниковъ, еще меньше званіемъ и мельче знаніемъ (урядникъ Кулаковъ) походилъ на рѣшительнаго вѣвря: всякій разъ, когда онъ шелъ на мѣсто работъ, за нимъ несли пуки розогъ. Если онъ бывалъ въ несприятномъ расположеніи духа и кто нибудь не понравился ему на первыхъ шагахъ, приказывалъ стѣчь розгами, од-

ного за другимъ, всю громаду работниковъ; нѣкоторые уносили прямо въ лазаретъ. Поднимаясь по чинамъ обратно выше, мы наталкиваемся на одного изъ такихъ, который изъ дозорщиковъ уральскихъ за то, что забилъ палками одного работника за криво вкопанный въ землю столбъ, былъ присланъ въ начальники нерчинскаго рудника. Горный начальникъ Теодоръ Фришъ, котораго жена водила за носъ, попускалъ слабостью своею настолько, что злая женщина позволяла себѣ наказывать подчиненныхъ и любила сама присутствовать при наказаніи. Другой горный начальникъ, кривой Черницынъ, былъ настолько жестокъ, что не ходилъ и не ѣздилъ безъ плети. Въ дорогѣ требовалъ, чтобы его велили не иначе, какъ вскачь, и если ямщикъ останавливался, онъ самъ выходилъ изъ экипажа и производилъ собственноручную жестокую расправу. Много лошадей пало подъ нимъ; много страху и всякихъ обидъ натерпѣлись отъ него всѣ, надъ кѣмъ ему доводила судьба начальствовать; разъ вскинулся на крестьянина за то, что тотъ во время разговора съ его помощникомъ обратился къ самому Черницыну спяномъ, и избилъ его такъ, что невинный крестьянинъ черезъ два дня умеръ.

Но эти послѣдніе дѣятели увели насъ изъ прошлаго столѣтія въ настоящее (Черницынъ начальствовалъ въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго); возвращаемся назадъ, въ прошлое, чтобы досказать о судьбѣ первыхъ польскихъ ссыльныхъ въ Сибири.

Народная почва, къ довершенію несчастій первыхъ политическихъ ссыльныхъ, была еще не готова. Имъ на первыхъ же порахъ привелось столкнуться съ самымъ крупнымъ народнымъ предрасудкомъ, основаннымъ на религиозномъ предубѣжденіи, а потому вдвойнѣ опаснымъ. Для православныхъ сибиряковъ поляки были поганые обливальцы. Когда появились въ Сибири первые новобранны въ плѣнныхъ шведовъ изъ войскъ Карла XII, ни одна сибирячка не рѣшалась выходить за нихъ замужъ. Въ 1714 году въ Тобольскѣ ихъ гнали съ квартиръ, выбрасывали на улицу ихъ пожитки, осыпали бранью. У начальства они не находили защиты, получали даже пощечины. Русскіе считали ихъ нехристіями, священники не вѣнчали. Хотя нѣкоторымъ шведамъ и удалось жениться на православныхъ, но женъ у нихъ отнимали и выдавали за другихъ мужей. В. Н. Татищевъ, извѣстный устроитель уральскихъ заводовъ, принужденъ былъ выговорить себѣ право дозволять на р. Исети (гдѣ теперь Екатеринбургъ и гдѣ онъ полагалъ основать заводъ) селиться желающимъ изъ шведскихъ плѣнниковъ съ тѣмъ, чтобы имъ позволено было жениться на русскихъ дѣвушкахъ безъ перемѣны религіи. Это требованіе вызва-

ло указъ синода, разъяснившій, что бракъ съ инновѣрцами безгрѣшенъ *). Браки установились, но не было такого высшаго правительственного мѣста, которое владѣло бы силою разъяснять и ослаблять другіе общественныя предразсудки. Положеніе первыхъ политическихъ ссыльныхъ было весьма не блестящее.

Изъ группы первыхъ ссыльныхъ поляковъ ярче другихъ выступаетъ одна замѣчательная личность, сгумѣвшая своими похождениями значительно оживить вообще однообразную исторію политическихъ ссыльныхъ и наполнить рассказы о себѣ не только Сибирь и Россію, но и Европу. Имя его стало для Сибири настолько историческимъ, что и до сихъ поръ тамъ жива о немъ память, не смотря на то, что спелна дѣйствій—одинъ изъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ угловъ Сибири. Это Морицъ-Августъ Беневскій, именовавшій себя въ Камчаткѣ венгерцемъ Вейноксомъ и называвшійся тамошнимъ народомъ „Августъ-Полякъ“. Судьба его такъ интересна, что мы рѣшаемся остановиться здѣсь, чтобы возстановить правду событія по сказаніямъ сибиряковъ—свидѣтелей дѣла въ сопоставленіи съ рассказомъ самого героя, неумѣренно лживаго и не безрасчетно хвастливаго **).

Беневскій съ прочими конфедератами, въ силу правила, обрекавшаго въ ссылку только тѣхъ поляковъ, которые не сдержали даннаго слова и, будучи выпущены изъ плѣна, вновь пойманы съ оружіемъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ одинъ изъ отдаленныхъ городовъ русскихъ ***). На его долю выпала Казань,

*) Татищевъ объявилъ этотъ указъ на заводахъ священникамъ и плѣннымъ и тѣхъ, которые женятся, не велѣлъ считать невольниками. Много шведовъ жило, кромѣ Тобольска и Солнцка, на казенныхъ уральскихъ заводахъ Уктусскомъ и Алапаевскомъ и на Демидовскихъ (Невянскомъ, Верхне-Тагальскомъ, Шуралинскомъ и друг.). Иные изъ нихъ занимались ремеслами, другіе мелочною торговлею, многіе заводскими работами. Татищевъ напелъ Шенстрема, который имѣлъ въ Швеціи свои собственные желѣзные заводы и, будучи знаткомъ въ металлургіи, во многомъ помогъ своими соѣздами первому устроителю уральскихъ заводовъ. Артиллеристъ Шульдъ составилъ ему карту заводскихъ земель и приписанныхъ къ нимъ слободъ и деревень (и получилъ за то 25 рублей, сверхъ прогонъ и 5 руб. подъемныхъ). Миръ со Швеціею освободилъ всѣхъ, кромѣ добровольно пожелавшихъ остаться; такихъ на заводахъ оказалось двое: Берглинъ и Шедаръ (первый въ Кунгурскомъ уѣздѣ завѣдывалъ рудничными работами, второй былъ смотрителемъ Уткинской пристани).

**) Кромѣ слѣдственнаго дѣла о Беневскомъ, сохранилась, между прочимъ, записка канцеляриста Рюмина, ходившаго съ нимъ до Китая и представившаго ее русскому резиденту въ Парижѣ Хотинскому.

***) Взятъ онъ въ плѣнъ въ 1768 году и выпущенъ на честное слово, что въ эту кампанію не станетъ драться, но въ маѣ 1769 г. снова попался въ плѣнъ къ полковнику Бринкину.

куда онъ былъ посланъ на житье вмѣстѣ съ плѣннымъ шведомъ и тоже конфедератомъ Адольфомъ Винбладомъ. Здѣсь—по свидѣтельству ген.-прокурора Вяземскаго—„онъ дѣлалъ разными ухищреніями и дерзкими поступками между своими единомышленниками возмущеніе, отъ чего и былъ удержанъ“; но на этомъ не остановился. Съ подложнымъ паспортомъ онъ ушелъ изъ Казани въ Калугу, гдѣ на то время также содержались нѣкоторые „изъ знатнѣйшихъ польскихъ арестантовъ“. Изъ Калуги, тщательно скрывая свое имя, Беневскій отправился въ Петербургъ вмѣстѣ съ Винбладомъ. „Въ семъ столичномъ городѣ перемѣнялъ свое имя и видъ, до тѣхъ поръ скрываясь по трактирамъ, пока, по увѣдомленіи изъ Казани, узнавъ и взявъ былъ полиціею подъ караулъ“ въ то время, когда готовъ былъ сѣсть на корабль и плыть за границу. „А какъ изъ его разспросовъ и внѣшняго его страннаго вида усмотрѣвъ онъ человекъ не только злонамѣренный, но и отчаянный“, то и приговоренъ былъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ Сибири для опасныхъ преступниковъ, каковыми считались въ тѣ времена политическіе и государственные, полагались самыя отдаленныя крѣпости, а самымъ моднымъ мѣстомъ (съ половины прошлаго столѣтія до начала нынѣшняго) считалась Камчатка, а потому Беневскому и указана была эта мѣстность.

Спутниками ему въ дорогѣ и товарищами въ ссылкѣ оказались государственные преступники: майоръ (изъ шведовъ) Винбладъ, гвардіи поручикъ Василій Пановъ, арміи капитанъ Ипполитъ Степановъ, бывшій артиллеріи полковникъ Батуринъ и сенатскій секретарь Иванъ Сольмановъ. Пановъ и Степановъ, кажется, посланы за сопротивленіе наказу о сочиненіи Уложенія при Екатеринѣ II. Съ ними и повезли Беневскаго, въ декабрѣ 1769 г., вдоль Сибири, за 13 тысячъ верстъ отъ Петербурга, черезъ Тобольскъ (гдѣ знаменитый сибирскій администраторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, хорошо принялъ ихъ и обладалъ) на Охотскъ. Здѣсь начальникъ порта, полковникъ Плениснеръ также обошелся ласково, а купцы снабдили разными вещами и припасами. На частномъ суднѣ тотемскаго купца Холодилова ссыльные въ іюлѣ 1770 года отплыли въ Камчатку и 1.440 верстъ успѣли проплыть въ девять дней, совершивъ весь путь въ полтора года. На пути по морю до Камчатки Беневскій думалъ запереть стражу внизу, завладѣть судномъ и направиться въ испанскія владѣнія. Но было поздно и намѣреніе отложено. Судно пристало въ Большерецкѣ—столицѣ тогдашней Камчатки, уступившемъ впослѣдствіи старѣйшинство свое Нижнекамчатску, а потомъ Авачѣ или Петропавловску.

Устьемъ широкой рѣки, называемой Большою

и давшее свое имя крепости, мимо небольшого селения, стоящего у самого устья рѣки со складочными амбарами для казеннаго провіанта, подошли новые ссыльные къ самому городку Большерѣцку, расположенному на краю свѣта въ отдаленномъ и, можно сказать, дикомъ мѣстѣ. На берегу ихъ встрѣтилъ самъ начальникъ Камчатки, арміи капитанъ Ниловъ. Опросясь прибывшихъ ссыльныхъ, онъ съ тѣми же разспросами обратился и къ Беневскому.

— Кто ты таковъ?—спросилъ онъ его.

— Солдатъ, бывшій нѣкогда генераломъ, а теперь невольникъ,—отвѣчалъ Беневскій *).

Отвѣтъ капитану понравился. Задичалый на безлюдьѣ Ниловъ бойко выдѣлившись изъ толпы Беневского приблизилъ къ себѣ и, подъ впечатлѣніями самобытной и богатой натуры образованнаго, смѣлаго и бывадаго человѣка, очутился вскорѣ въ томъ положеніи, когда простое сближеніе переходитъ въ дружбу и привязанность. Начальникъ съ ссыльнымъ конфедератомъ стали неразлучны: Беневскій обучал начальническаго сына иностраннымъ языкамъ и математикѣ. Насколько былъ искрененъ въ своихъ отношеніяхъ къ ссыльному простодушный и довѣрчивый армейскій капитанъ, настолько была сомнительна къ нему привязанность бывшаго генерала, прошедшаго сквозь огонь и воду. Самую тѣсную и величественную дружбу завязалъ Беневскій съ Петромъ Хрущевымъ, капитаномъ гвардіи, сосланнымъ по указу 6 декабря 1763 года—человѣкомъ отличнаго ума и большихъ познаній. Къ нему Беневскій былъ помѣщенъ на квартиру. Взаимная привязанность съ этой стороны была прочнѣе, такъ какъ

*) Графъ Морицъ-Августъ Беневскій—магнать королевствъ польскаго и венгерскаго, сынъ кавалерійскаго генерала имперской службы, род. въ 1741 г. въ венгерскомъ комитатѣ Нейтра и началъ службу австрійскимъ лейтенантомъ во время семилѣтней войны, причемъ участвовалъ въ бояхъ подъ Прагою и Швейдницемъ. Въ 1758 г. его вызвали въ Литву, гдѣ ему пришлось получить значительное наслѣдство; выйдя въ отставку, Беневскій отправился путешествовать, побывавъ въ Гамбургѣ, Амстердамѣ и Плимутѣ, гдѣ ознакомился съ морскимъ дѣломъ. Возвратясь въ Польшу, принялъ участіе въ краковской и барской конфедераціяхъ, произведенъ въ кавалерійскіе полковники и назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ. Въ 1765 г. получилъ значительное наслѣдство отъ дяди, но узнавъ, что нѣмцемъ этимъ завладѣли его двоюродные братья, уѣхалъ въ Венгрію, вооружилъ людей, съ огнемъ и мечемъ завладѣлъ землями (суда не искалъ). Братья счастливо ускользнули изъ плѣна и пожаловались правительству. Поступокъ Беневского сочли за бунтъ, приказали отнять плѣнъ и предать его суду. Беневскій бѣжалъ изъ Австріи и окончательно поселился въ Польшѣ; въ 1767 г. думалъ отплыть въ Индію, но, снова получивъ приглашеніе отъ польскихъ магнатовъ, вступилъ въ конфедерацію съ прежнимъ чиномъ полковника, а 6 іюля 1768 г. за храбрость получилъ чинъ генерала.

основывалась она, при одинаковомъ уровнѣ образованія, на обоюдной симпатіи, порождаемой сходствомъ участіи, страданіями и лишеніями ссылки. Друзья занимались обученіемъ дѣтей, собирались даже завести школу русскаго языка для камчадаловъ, читали книги и, между прочимъ, прочли путешествіе лорда Ансона. Дочитавшись до описанія Мариніанскаго острова Тиніана, они увлеклись до того, что стали задумываться надъ возможностью бѣгства въ ту соблазнительную страну, не боясь всякаго рода приключеній, на которыхъ столь охотливо ходили въ то время отважные люди всѣхъ націй. Въ томъ же Большерѣцкѣ, пятью-шестью годами позднѣе, майоръ Бемъ угощалъ спутниковъ знаменитаго Кука (Гора и Кинга) такъ, что заставилъ ихъ передъ лицомъ всего свѣта превозносить русскіхъ похвалами за ихъ гостепріимство и пособія. Черезъ десять лѣтъ позднѣе, и сюда же, приходилъ Лаперузъ.

Примѣръ европейцевъ, между которыми Ансонъ былъ не первымъ, укрѣпилъ европейца Беневского въ мысли на возможности кругосвѣтнаго плаванія, а Хрущева на возможности заговора въ средѣ людей недовольныхъ и озлобленныхъ ссылкой. Хрущевъ сталъ во главѣ, какъ человѣкъ, успѣвшій присмотрѣться къ камчатскимъ дѣламъ и возбудившій къ себѣ общую любовь и довѣріе. Опытнымъ и осторожнымъ камчатскимъ говорщикамъ все благопріятствовало: Большерѣцкъ только носилъ имя города. На самомъ дѣлѣ это было маленькое селеніе съ деревянною церковью, худшее чѣмъ обыкновенная сельская, съ казеннымъ домикомъ коменданта, казармою, амбарами и десятками кое-гдѣ разбросанныхъ избушекъ. Въ нихъ жили семейства казаковъ, старыхъ и малыхъ 70 человѣкъ, но изъ этого числа нѣкоторая часть находилась въ раскомандировкѣ по полуострову за разными казенными дѣлами. Крепость защищалась только ветхими стѣнами самихъ строеній, но Беневскій, оставившій описаніе своихъ походовъ въ книгѣ, изданной въ Парижѣ въ 1791 году *), хвастливо представлялъ мѣсто своихъ камчатскихъ походовъ въ самомъ ложномъ видѣ, называя капитана Нилова—губернаторомъ, казацкаго офицера—

*) Voyages et mémoires de Maurice Auguste comte de Benjowsky. Колебу сдѣлалъ изъ этого романа драму, которая переведена на русскій языкъ, три раза напечатана и нѣкоторое время давалась на петербургскомъ нѣмецкомъ театрѣ (но потомъ запрещена). Самое путешествіе переведено было на англійскій, нѣмецкій и другіе языки и пользовалось въ Европѣ огромною извѣстностью. Между прочимъ, Беневскій вложилъ цѣлый романъ о своихъ отношеніяхъ къ Анастасіи Ниловой, дочери капитана, который ихъ сбручилъ; дѣвушка не захотѣла разставаться со своимъ возлюбленнымъ и приняла участіе въ его бѣгствѣ, но въ Макао умерла на рукахъ Беневского.

гетманомъ, гнилой палисадъ — крѣпостью, канавку, черезъ которую могъ перепрыгнуть ребенокъ — рвомъ, нѣсколько человекъ престарѣлыхъ казаковъ — сильнымъ гарнизономъ и проч. Заговорщикамъ удалось склонить на свою сторону недовольныхъ изъ ссыльных до 65 человекъ (по другимъ 70, по Бенеvesкому 96) и, кромѣ того, казенныхъ штурмановъ и подштурмановъ. Заговоръ и намѣренія свои съумѣли удержать они въ величайшей тайнѣ; ждали только случая привести его въ исполненіе. Обстоятельства, между тѣмъ, продолжали слагаться благоприятно.

Изъ Охотска вышелъ купецъ Чулошниковъ на суднѣ въ 150 тоннъ для звѣринаго промысла на Алеутскихъ островахъ, но плылъ неудачно; едва дошелъ онъ до камчатскаго берега, какъ судно его было выброшено на прибрежныя отмели. Пѣшкомъ кое-какъ добрался промышленникъ до Большереѣвца и остановился тутъ на зиму. Команда, тѣмъ временемъ, пришла въ уныніе, упала духомъ и, наконецъ, вышла изъ повиновенія. Чулошниковъ обратился къ начальству, прося помощи и содѣйствія; недоуровство возросло. Бенеvesкій успѣлъ въ этой мутной водѣ наслѣдить рыбу: заявивъ о своихъ намѣреніяхъ, подобралъ партію для весьма заманчиваго предпріятія. Недовольные обратились къ нему депутаціею, прося покровительства. Онъ отдѣлался оракульскимъ отвѣтомъ, но такимъ, который всю команду расположилъ въ его пользу.

Для возбужденія сочувствія въ простыхъ людяхъ, заговорщики внушали имъ, что Бенеvesкій и привезенные съ нимъ арестанты страдаютъ невинно за государя великаго князя Павла Петровича. На этотъ случай у Бенеvesкаго былъ зеленый конвертъ, каковой онъ неоднократно показывалъ, выдавая печать за царскую и увѣряя, что подъ нею письмо къ римскому императору о желаніи Павла вступить въ бракъ съ его дочерью, съ каковымъ Морицъ и вѣдалъ, но былъ схваченъ на дорогѣ и сосланъ; драгоценный залогъ высочайшаго довѣрія сохранить онъ до конца жизни и доставитъ.

Въ январѣ, въ квартирѣ Бенеvesкаго, начались частыя сходбища. Новый приказчикъ, смѣнявшій Чулошникова (Ст. Торговкинъ), пришелъ къ Нилову съ жалобою на команду и съ указаніемъ на поляка, какъ на главнаго виновника смуты. Бенеvesкій сдѣлался осторожнымъ. Когда Ниловъ собрался осматривать Авачу, онъ пришелъ къ нему съ просьбою принять планъ колоніи на южной оконечности Камчатки, на мысѣ Лопаткѣ; обезпечивалъ вѣроятіе успѣха, при хорошемъ, благоприятномъ климатѣ, на заведеніе хлѣбопашества и говорилъ:

— Мы уже сдѣлали между собою всѣ нужныя приготовления и осмѣлились наименовать новое селеніе наше въ честь вашу Ниловкою. Теперь остается намъ испросить послѣднюю милость: попожаловать какое нибудь судно для отвоза вещей.

Простой, добродушный, довѣрчивый и нетрезвый Ниловъ плѣнился предложеніемъ и согласился отпустить Бенеvesкаго для предварительнаго осмотра мѣстности. Бенеvesкій съ шестью товарищами уѣхалъ. Возвратившись черезъ 11 дней, онъ получилъ радостное извѣстіе, что Хрущевъ успѣлъ подговорить штурмана Гурина (командира пакетбота), готового идти въ началѣ мая въ море. Согласіе Гурина — безповоротное и надежно въ томъ отношеніи, что другого выхода ему не представлялось: идти въ Охотскъ онъ не могъ, безъ стыда и опасностей, по случаю неоплатныхъ долговъ своихъ; согласіе же свое онъ далъ подъ впечатлѣніями недовольства своего на начальство, предавшее его суду за неповиновеніе и развратное поведеніе.

Въ ожиданіи ледохода заговорщики принялись обезпечивать возможность предпріятія съ другихъ сторонъ. Между прочимъ, сочинили и распространили басню о какомъ-то островѣ въблизи Камчатки, до того богатомъ золотомъ, что имъ легко нагружать цѣлый корабль. Говорили:

— Мы придемъ туда скоро, нагребемъ на гальотѣ золота. Кто не захочетъ идти съ нами въ Европу, того высадимъ на камчатскій берегъ.

Ниловъ ничего не подозреваетъ, обойденный предложеніемъ устройства Ниловки; доносамъ не вѣритъ, не вѣритъ даже и старику Петру Ивашкину, сосланному Елизаветою въ 1742 г. за дерзкія слова, сказанныя имъ въ трактирѣ *). Ивашкинъ много разъ предупреждалъ командира о грозившей ему опасности и существованіи заговора, совѣтуя содержать Бенеvesкаго и Батурина подъ крѣпкимъ карауломъ. Ниловъ предостереженіямъ не повѣрилъ и совѣтовъ не послушался. Не повѣрилъ и одному изъ чиновниковъ, когда тотъ явился къ нему уже весною (25 апрѣля) вмѣстѣ съ казачьимъ сотникомъ и говорилъ, что число бунтовщиковъ увеличивается съ каждымъ днемъ, что они могутъ завладѣть Камчаткою, что надо принять скорыя и крутыя мѣры и проч. Бенеvesкій же къ этому времени успѣлъ разбить свою партію на три части: одну поручилъ шведу Винбладу, другую — Хрущеву, третью часть оставилъ за собою. Едва онъ успѣлъ распорядиться, какъ пришелъ къ нему сержантъ Нилова съ приказаніемъ явиться. Бенеvesкій, оправдавшись болѣзнію, не пошелъ. Явился за нимъ казачій сотникъ, опять звалъ къ начальнику, но и этотъ получилъ тотъ же отвѣтъ. Сотникъ вздумалъ пугать:

— Если не пойдешь добровольно, прикажу казакамъ тащить тебя.

Два казака уже и вошли было исполнить приказаніе, но товарищи Бенеvesкаго, выскочивъ изъ-за перегородки, всѣхъ троихъ пришедшихъ связали. Вечеромъ Ниловъ прислать

*) Объ Ивашкинѣ и Батуриинѣ и другихъ государственныхъ преступникахъ — въ слѣдующей главѣ.

приказъ выпустить сотника и придти Бене-скому. Получивъ въ отвѣтъ обѣщаніе придти завтра, Ниловъ ждеть терпѣливо до 11 часовъ утра. Заговорщики всю ночь не спали, опасаясь внезапнаго нападенія, и въ эту ночь успѣли обдумать все.

Ниловъ, не дождавшись, велѣть собраться солдатамъ и идти схватить ослушника. Приходить капралъ съ шестью человѣками, требуютъ сдачи; Бенеvскій зоветъ его выпить чашку чая; капралъ соглашается—входить. Бенеvскій представляетъ къ груди его пистолетъ и заставляетъ вызывать людей съ улицы въ избу поодиночкѣ. Вызвать ихъ, связали товарищи его веревками и всѣхъ потомъ посадили въ погребъ. Къ тому времени собираются остальные товарищи, Бенеvскій разбиваетъ ихъ на двѣ партіи: одну посылаетъ овладѣть канцеляріею, съ другою идетъ самъ въ крѣпость.

Квартиру Нилова оберегаютъ 8 человѣкъ, но они всѣ спятъ. Заговорщики стучать и не достучатся. Проснувшійся сынъ Нилова даетъ знать отцу о приходѣ многихъ людей, но въ это время крикъ отъ дверей былъ сорванъ, пришедшіе ворвались съ неистовыми криками. Ниловъ успѣлъ было схватить Бенеvскаго за галстухъ, но самъ палъ съ разбитымъ пулею черепомъ, съ порѣзанною лѣвою рукою и глубокою раню въ ногѣ. Трупъ его вытащили въ сѣни и бросили. Подчиненные Нилова, не участвовавшіе въ заговорѣ, поспѣшили броситься вонъ изъ крѣпости. Одинъ казакъ пролежалъ все время подъ столомъ. Наибольшее сопротивление оказалъ сынъ сотника Чернаго, который изъ собственного дома стрѣлялъ въ мятежниковъ изъ ружья. Его обезоружили и посадили подъ караулъ въ крѣпости. Въ крѣпость приходитъ Хрущевъ съ извѣстіемъ, что канцелярія взята безъ всякаго сопротивленія. Рѣшено: Панову съ 22 человѣками идти собрать дѣтей и женщинъ въ церковь, обложить ее кругомъ соломою и объявить остальнымъ жителямъ, что, при малѣйшемъ противодѣйствіи съ ихъ стороны, жены и дѣти ихъ будутъ сожжены. Буйные промышленники купца Холодилова бросились было грабить и хотѣли убить приказчика, но Бенеvскій далъ ему случай спастись бѣгствомъ и укротилъ буйныхъ. Затѣмъ отправился въ канцелярію, сѣлъ за судейскій столъ и приводилъ народъ къ присягѣ новому императору.

Пановъ и Ватуринъ дѣлаютъ опись деньгамъ въ казначействѣ и всѣмъ казеннымъ вещамъ, отбираютъ изъ послѣднихъ тѣ, которыя намѣрены взять съ собою *). Когда сосчитаны были деньги, Бенеvскій сталъ раздавать ихъ едино-

*) Въ пейхгаузѣ, вмѣстѣ съ пороховою казною, артиллерійскими припасами и другими военными снарядами, нашли и ясачную казну, собранную съ ясачныхъ камчадаловъ. Бенеvскій говоритъ, что однихъ бобровъ было 748, а соборей 1.900 соборей.

мысленникамъ и разнымъ купцамъ, находившимся въ Большерѣцкѣ: одному Кузнецову (котораго назначилъ своимъ адъютантомъ) далъ три тысячи. Въ 9-мъ часу вечера велѣлъ принести привезенное изъ Охотска казенное лѣбное вино. Винбадъ принесть двѣ фляги, которыя тутъ же и были распиты; остальнымъ виномъ Бенеvскій поилъ какъ своихъ, такъ и всѣхъ жителей, находившихся подъ карауломъ. Выйдя изъ канцеляріи, поставили около него заряженные ядрами и картечами пушки и мортиру и значительное число вооруженныхъ людей на всю ночь.

На другой день (27-го апрѣля) Бенеvскій похоронилъ Нилова самъ, подѣ Успенской церкви. Затѣмъ тотчасъ же велѣлъ готовиться къ походу: къ 28-му числу были изготовлены паромы и для того собраны боты и лодки (числомъ 11-тъ), принадлежавшіе тамошнимъ казакамъ и жителямъ; погружены порохъ и артиллерійскіе снаряды, казенное остаточное вино, провіантъ и ружья (кромя соборей и лисиць); посажены всѣ люди, какъ амазаты (кромя малолѣтнихъ). Сообщники его, между тѣмъ, грабили кого хотѣли, отчего многіе жители бѣжали и нѣкоторое время скрывались въ тундрахъ. 30-го апрѣля Бенеvскій былъ уже въ Чекавинской гавани, вблизи устья въ Большой рѣки, и занялся приготовленіемъ гальота „Св. Петра“, бывшаго еще во льду. На немъ-то онъ и ушелъ кругомъ свѣта черезъ 12-тъ дней (12 мая 1771 г.). Доносчиковъ канцеляристовъ онъ взялъ съ собою и одному изъ нихъ, болѣе другихъ виновному, велѣлъ исправлять тяжелую работу коха. На гальотѣ водружено было знамя императора; вся пустившаяся въ плаваніе шайка назвалась „собранною компаніею для имени его императорскаго величества Павла Петровича“. Всѣ дали присягу защищать знамя до послѣдней капли крови. Затѣмъ они составили объявленіе для отсылки черезъ Большерѣцкъ въ правительствующій сенатъ и подписались всѣ заговорщики, кромѣ Хрущева. Въ объявленіи кратко излагалось, что законный государь Павелъ Петровичъ незаконно лишенъ престола, что раззорительная война съ Польшею ведется для одного Понятовскаго, что народная собственность, вино и соль, отданы на откупъ немногимъ; что отъ монастырей взяты крестьяне на воспитаніе незаконныхъ подкидышей, что у депутаціи для составленія законовъ отнято право свободнаго обсужденія; что подати необычайны и оброкъ безразлично собирается съ калѣкъ и младенцевъ, какъ бы со здоровыхъ; что несправедливые, криводушные судьи наказываются только денежнымъ штрафомъ; что добытымъ золотомъ пользуются только одни царскіе любимцы; что народъ коснѣетъ въ нечѣжествѣ и страждетъ; что Камчатка раззорена своевольными начальниками.

Какъ до сихъ поръ помогать Бенеvesкому умъ, удержавшій въ толпѣ ненадежныхъ людей тайну заговора въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и постигнувшій возможность достигнуть изъ Камчатки въ Китай, такъ теперь начинается дѣйствовать отвага, рассчитывающая совершить опасное морское плаваніе при пособіи кое какой карты, приложенной къ путешествію Ансона. Тѣмъ не менѣе, придерживаясь береговъ, на шестой день плаванія искатели приключеній завидѣли первый островъ (островъ оказался четвертымъ изъ Курильскихъ, Мазикакомъ). На немъ бѣглецы пекли хлѣбъ, сушили сухари, исправляли судно, шили флаги и вымпелы и творили судъ надъ тѣми, которые рѣшились „всѣхъ тѣхъ злодѣевъ на суднѣ погубить и, овладѣвъ судномъ, идти обратно въ Большерѣцкъ“. Трехъ изъ нихъ Бенеvesкій выскѣ нещадно кошками, но оставилъ на суднѣ. Трое другихъ (штурманскій ученикъ Измайловъ и камчадалъ Парончинъ съ женою), выскѣченные кошками, оставлены были на пустомъ островѣ съ нѣкоторымъ запасомъ ржаной муки. Какъ они потомъ ни кричали, сколько ни плакали, Бенеvesкій оставался въ своемъ рѣшеніи непоколебимымъ *). Подъ англійскимъ вымпеломъ гальотъ „Св. Петра“ пошелъ въ море дальше. Свѣжею водою при слѣдующей стоянкѣ наливался гальотъ уже на одномъ изъ японскихъ острововъ, не смотря на то, что жители, стоя на берегу, отмахивали ихъ лодку отъ берега. Сухари пекли и снова наливались водою, подъ защитою артиллеріи, на берегу новаго японскаго острова Танао-Сима. Слѣдующая стоянка не посчастливила: жители не только не пустили на берегъ, но еще затѣяли перестрѣлку. Островъ этотъ былъ уже формоза. На немъ изъ прибывшихъ за свѣжею водою туземцы трехъ убили (и, между прочимъ, Василія Павова), трехъ ранили стрѣлами. Бенеvesкій жестоко отомстилъ имъ за то тѣмъ, что изъ первыхъ попавшихся плывшими мимо на лодкѣ трехъ застрѣлялъ, за другими двумя послалъ погоню, которая и изрубилла ихъ въ куски. Трупы товарищей похоронили, шалаши и лодки сожгли и, выбросивъ на островъ 21 ядро, поплыли дальше. Пять дней бродили, не зная своего мѣста. Пристали къ китайскимъ берегамъ и здѣсь, въ городѣ Макао, при содѣйствіи португальцевъ, Бенеvesкому удалось продать гальотъ губернатору за 4.500 піастровъ. О приставаніи корабля въ Макао пограничное сибирское начальство узнало отъ миссіонера Августина, дадо знать въ Иркутскъ уже въ то вре-

мя, когда императрица частнымъ образомъ узнала о камчатскомъ событіи и о возвращеніи Бенеvesкаго въ Европу. Въ Макао русскіе узнали обманъ, до котораго себя допустили. Бенеvesкій, живя у губернатора острова и продавъ гильотъ какъ свою собственность, объявилъ ему, что его отечество Венгрія, почему и всѣмъ русскимъ велѣлъ также называться уграми, запретилъ имъ креститься и молиться образамъ. Винбладъ и Степановъ съ нимъ разсорились, но Бенеvesкій успѣлъ оклеветать всѣхъ въ намѣреніи произвести бунтъ и завладѣть городомъ. Ихъ разсадили по тюрьмамъ, всѣ принуждены были смириться, кромѣ Степанова, не хотѣвшаго дать подписки на подданство римскому императору; онъ предпочелъ за лучшее остаться въ заточеніи. Бенеvesкій его съ собою не взялъ. На дальнѣйшемъ плаваніи его умеръ Ватурианъ и оставлено большими еще семь человѣкъ; пять человѣкъ умерли во Франціи. Часть команды (15 человѣкъ изъ 70) умерла отъ лихорадки и горячки, другая часть помѣстилась на двухъ французскихъ фрегатахъ и немедленно отправилась изъ Кантона въ море. Въ мартѣ 1772 г. бѣжавшіе изъ Камчатки русскіе пристали къ французскому острову Иль-де-Франсу. Въ концѣ марта слѣдующаго года пробирались они пѣшкомъ въ Парижъ и явились тамъ къ резиденту Хотинскому, который обласкалъ ихъ и удовольствовалъ. 30-го сентября того же 1773 года кругосвѣтные плователи приплыли въ Кронштадтъ; 3 октября ихъ отправили въ Сибирь, въ сопровожденіи двухъ сенатскихъ курьеровъ и съ извѣщеніемъ новому камчатскому коменданту о томъ, что „по дошедшимъ ко двору извѣстіямъ, Бенеvesкій (извѣстный въ Камчаткѣ подъ именемъ венгерца Вейснокса) явился во Франціи и напечаталъ себѣ покровительство, какъ у державы, къ Россійской имперіи не доброхотствующей“. „Французскій дворъ (пишетъ далѣе генераль-прокуроръ Вяземскій), вооружа для него фрегатъ и малую флотилію, отправляетъ его съ 1.500 человѣкъ войска, якобы въ Остъ-Индію для завоеванія тамъ новаго у варваровъ селенія, въ самомъ же дѣлѣ, по примѣчаніямъ, прямое намѣреніе его экспедиціи укрывается. Данное отчаянному оружіе въ руки, сколько ни кажется смѣха и презрѣнія достойнымъ, благоразуміе однакожъ заставляеть и противъ безумнаго стремленія остерегаться, тѣмъ паче, когда оно отчаянною головою въ дѣйство производится. Но какъ притомъ помянутаго Бенеvesкаго во время арестованія въ Петербургѣ самъ я видѣлъ человѣкомъ, которому жить или умереть все едино, то изъ сего не безъ основанія и подозрѣвать можно, что онъ, зная свободный проѣздъ до Камчатки и имѣя о берегахъ и о жителяхъ ея свѣденія, не покусился бы когда сдѣлать и на нее какіе либо поиски“.

Опасенія были напрасны: Бенеvesкій предла-

*) Судьба сжалась надъ этими нашими Гопинзонами тѣмъ, что во время одного изъ обходовъ ими острова привела на четвертый день къ судну русскихъ промышленниковъ купца Протодыконова. Измайловъ во все это время питался одними ракушками, морскою капустою и кореньями.

галь французскому правительству завести колонию на Формозѣ, но двору хотѣлось занять Мадагаскаръ. Туда онъ и отправился на счетъ правительства. Полтора года провелъ онъ тамъ въ борьбѣ съ жителями и съ начальникомъ острова Иль-де-Франса, но борьбы и интригъ не выдержалъ и бѣжалъ въ Лондонъ. Здѣсь написалъ мемуары свои, наполненные всякаго рода заманчивыми баснями; издатель Магелланъ познакомилъ его съ богатымъ торговымъ американскимъ домоу въ Балтиморѣ. Въ 1784 году Беневскій былъ тамъ и успѣлъ согласить на завоеваніе Мадагаскара. Двѣ пушки привѣтствовали его, какъ стараго знакомаго на этомъ островѣ съ крѣпости Лунбурга 20 сентября 1784 года. Вступивъ на берегъ, онъ вскорѣ началъ усиливаться до того, что версальскій кабинетъ, при содѣйствіи англичанъ, рѣшился вытѣснить его оттуда и отправилъ фрегатъ съ ротою солдатъ; солдаты Беневскаго затѣяли съ французами свалку. Беневскій не хотѣлъ сдаваться, засѣлъ въ замкѣ, имъ же самимъ построенномъ. Боясь засады, французы четыре дня не рѣшались идти; войдя, увидѣли три трупа и между ними трупъ красавца Беневскаго съ орденами св. Духа и Людовика на груди; въ карманѣ—полпіастра, въ сердцѣ—пуля, пущенная, говорятъ, 23 мая 1786 г. однимъ изъ туземцевъ, не хотѣвшимъ бороться съ французами.

Возвращаясь въ Камчатку на горячіе слѣды бѣглецевъ. 83 человекъ приказныхъ, военныхъ и купцовъ выбрали начальникомъ, до прибытія командира, штурманскаго ученика Софѣина и приняли присягу на вѣрность императрицѣ. Оставшись безоружными, посѣщали выпросить помощь изъ Верхнекамчатска, состоящую въ двухъ орудіяхъ и 12-ти солдатахъ. Послѣдніе не должны были входить въ Большерѣцкъ до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ, что непріятеля тамъ нѣтъ. Двухъ недѣль достаточно было для того, чтобы вся Камчатка пришла въ тревогу. Въ большерѣцкой канцеляріи ежедневно производились допросы. Съ ними, съ запечатаннымъ конвертомъ Беневскаго на имя сената, съ окровавленной постелью Нилова, съ вѣдомостями о расхищенномъ и уцѣлѣвшемъ казенномъ имуществѣ отправился Софѣинъ на гальотѣ въ Охотскъ. Командиръ порта, старикъ Плениснеръ, счелъ за нужное дополнить слѣдствие и опустилъ время: рапортъ, сберегая казенный интересъ, отправилъ съ попутчикомъ, который, вдобавокъ, долго промедлилъ въ Якутскѣ. Въ Петербургѣ извѣстіе о камчатской катастрофѣ получено черезъ 8 мѣсяцевъ, по сухому пути, когда свѣденія, облетѣвшія кругомъ свѣта, успѣли уже вызвать различныя мѣры: назначено было за каждаго изъ пойманныхъ бунтовщиковъ по сто рублей тому, кто ихъ приведетъ живыми или

мертвыми; приказано промышленнымъ людямъ стараться перевязать бѣглецовъ и проч. Плениснеръ отрѣшенъ отъ должности за слабость надзора за государственными преступниками во время ихъ пребыванія въ Охотскѣ и за медленное донесеніе начальству о произведенномъ ими бунтѣ.

Изъ спутниковъ Беневскаго не вернулись назадъ, кромѣ умершихъ на пути, четверо: шведъ Виибладъ остался въ портѣ Людовика и потомъ возвратился въ Швецію; Хрущевъ вступилъ во французскую службу капитаномъ, Кузнецовъ—поручикомъ, Майдеръ—лекаремъ. Изъ возвратившихся: канцеляристу Судейкину и Рюмину съ женою опредѣлено быть въ Tobольскѣ, штурманскому ученику Бочарову въ Иркутскѣ на свободѣ, матросамъ Лапину и Бересиеву служить въ Охотскомъ портѣ, матросу Сафронову дать отставку и имѣть ему пребываніе тамъ же, равно какъ и камчадалу Попову и коряку Брехову, а прочимъ 8-ми работникамъ купца Холодилова поступить въ иркутское купечество. Священнику Симеону, приводившему къ измѣнической присягѣ, и прочимъ 27, не соблюдившимъ своего долга, вѣнчено въ наказаніе двухлѣтнее ихъ заключеніе (они снова были приведены къ присягѣ). „Хотя,—объявлялъ генераль-прокуроръ 31 марта 1774 года:—священникъ Уфтюжаниновъ и навлекъ на себя подозрѣніе дружескою связью съ измѣнниками, но какъ онъ сдѣлалъ сіе по примѣру большерѣцкаго командира, сына же отдалъ имъ въ наученіе по родительской любви и уже наказанъ вѣчною разлукою съ нимъ и торжественнымъ заключеніемъ, то объявить ему прощеніе *). Роданныхъ злодѣями казенныхъ денегъ ни съ кого не взыскивать и все дѣло предать забвенію“. Милостивое прощеніе возвратившимся выдано было съ приводомъ всѣхъ вновь къ присягѣ на вѣрность, на томъ основаніи, что они „довольно за свои грѣхи наказаны были, претерпѣвъ долгое время и получивъ свой животъ на морѣ и на сухомъ пути; но видно, что русакъ любить свою Русь, а надежда ихъ на меня и милосердіе мое не можетъ сердцу моему не быть чувствительна“. Такъ писала Екатерина генераль-прокурору, прешпровождая ему письмо резидента Хотинскаго. Узнавъ, что сосланный въ 1762 году Семенъ Гурьевъ не только не присталъ къ злодѣямъ, но даже потерпѣлъ отъ нихъ побой, императрица возвратила его въ калужскія деревни братьевъ его подъ ихъ присмотръ. Ту же милость она оказала двумъ братьямъ его, поселеннымъ въ Якутскѣ.

*) Сынъ священника Уфтюжаниновъ остался съ Беневскимъ и ходилъ съ нимъ въ морскую экспедицію, по порученію французскаго правительства.

ГЛАВА II.

ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ.

Обрусение ссыльных поляков. — Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльных. — Польския возстанія и заговоры въ Сибири, Россіи и Польшѣ. — Участіе русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ. — Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльных поляковъ — Встрѣча прибылыхъ и обращеніе съ оставшимися. — Вліяніе декабристовъ. — Польскій огуль. — Венжикъ. — Набоженства. — Касса поляковъ. — Товарищество. — Кедровое масло. — Пчелы. — Савичевскій. — Братья Далевскіе. — Обученіе дѣтей. — Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксендза Синоинскаго и доктора Шокальскаго. — Громадный заговоръ. — Самоубійства. — Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства. — Побѣгъ въ гробу. — Альбина Мигурская. — Побѣгъ и похищенія Руфина Піотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа.

Дѣянія Веневскаго произвели на Петербургъ такое сильное впечатлѣніе, что Камчатку съ тѣхъ поръ перестали считать хорошимъ ссыльнымъ мѣстомъ; не только государственныхъ, но и никакихъ преступниковъ не стали посылать туда. Слухъ объ его подвигахъ и, особенно, объ удачѣ, быстро облетѣвший всю Сибирь и съ особеннымъ участіемъ и вниманіемъ принятый въ ссыльных мѣстахъ, произвелъ на его товарищей по польскимъ войнамъ такое впечатлѣніе, что тѣ изъ барскихъ конфедератовъ, которые находились въ нерчинскихъ рудникахъ, рѣшились послѣдовать его примѣру. Сорокъ чело-вѣкъ согласились попытаться подобнаго счастья уплыть по Амуру до океана, съ надеждою встрѣтиться тамъ съ европейскими мореплавателями. Не смотря на смѣлость замысла, на сомнительный успѣхъ предпріятія, они, съ величайшими предосторожностями, успѣли выстроить на Шилкѣ судно и заготовить съѣстные припасы. Вѣглецы готовы были уже отплыть, какъ въ Даурію пришла вѣсть о смерти Екатерины и вступленіи на престолъ Павла. Время побѣга было отложено; поляки стали рассчитывать на помилованіе и въ немъ они не ошиблись; вскорѣ пришло вѣсть польскимъ политическимъ ссыльнымъ дозволеніе возвратиться изъ Сибири на родину, въ Польшу.

Возвратились не всѣ. До сихъ поръ между фамиліями коренныхъ сибиряковъ-старожиловъ сплошь и рядомъ попадаются фамиліи польскія и при нихъ семейныя преданія, указывающія прямо на происхожденіе отъ ссыльных поляковъ. При этомъ преданія не восходятъ дальше дѣдовъ и въ рѣдкихъ случаяхъ нисходятъ ближе къ намъ отъ временъ Екатерины II, богатыхъ высылкою шляхты изъ Заднѣпровья и Польши, изъ Литвы и Вѣлороссіи и изъ губ. Смоленской. Не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми группами распоряжалась ссылка въ тѣ времена съ такимъ успѣхомъ, что обрусеніе ссыльных поляковъ представляется въ Сибири явленіемъ осозательнымъ и безспорнымъ. Въ Западной Сибири, около Семицалатинска, въ красивой и богатой мѣстности на плодородной землѣ, укрѣпились двѣ деревни, образованныя изъ польскихъ потомковъ, до сихъ поръ умѣющихъ говорить по польски и существующихъ

любимымъ бѣлорусскимъ промысломъ — пчеловодствомъ. Въ 20 верстахъ отъ Тары (Тоб. губ.), недалеко отъ Екатерининскаго завода, волостной голова (Пановскій), сохраняя польскій типъ лица и молодцоватую осанку, имѣлъ дѣдомъ конфедерата. Въ самой Тарѣ у двухъ братьевъ, торгующихъ мѣщанъ (Грабянскихъ), былъ полякомъ отецъ, но они считали себя коренными сибиряками и вовсе не умѣли говорить по польски; въ Березовѣ — Новицкій, Шеняевскій; въ казакахъ Западной Сибири: Костылецкіе, Яновскіе, Хлыновскіе и проч. Въ Восточной Сибири, за Байкаломъ, на Ингодѣ, гдѣ такъ цѣльно сохранили свою національность малороссы, во многихъ деревняхъ съ польскими фамиліями живутъ коренные сибиряки, а на Ононѣ (между прочимъ въ Усть-Илинскомъ селеніи) цѣлыя семейства (напримѣръ, Барановскіе) происходятъ отъ барскихъ конфедератовъ. Іосифъ Конецъ, барскій конфедератъ, вѣхавшій въ ссылку въ Камчатку въ 1794 г., въ Иркутской губ. нашелъ цѣлую колонію, составленную изъ ссыльных поляковъ и русскихъ и наз. Кыргыга. Между чиновниками-туземцами попадаются даже съ такими знаменитыми фамиліями, какъ Ходкевичи (по всему вѣроятію, потомки тоже какого нибудь конфедерата). Внуку конфедерата Хилковскій, кромѣ фамиліи и памяти, что дѣдъ его былъ полякомъ, ничего польскаго въ себѣ не имѣетъ *). Примѣровъ такого рода настолько много, что наблюдавшіе за подобными превращеніями могли придти къ тому выводу, что дѣти, рожденныя отъ отца-поляка и матери-сибирячки, употребляя языкъ матери, только въ чертахъ лица либо въ характерѣ усвѣдаютъ сохранять слѣды польскаго происхожденія. Но стоитъ этому метису жениться на сибирячкѣ, чтобы во внукахъ самый пристрастный и увлекующійся полякъ не нашелъ уже ни малѣйшихъ признаковъ польской крови. Какъ бы то ни было, но всѣ поляки, слѣдившіе за такими превращеніями на мѣстѣ, твердо убѣждены въ

*) Слѣдующія фамиліи также совершенно обрусѣли: Юдицкіе, Тарновскіе и Казановскіе — потомки барскихъ конфедератовъ; Зелинскіе, Войцеховскіе, Венкевичи, Бржозовскіе (Березовскіе) и Домашевскіе — потомки сосланныхъ за повстаніе Костюшки.

томъ, что главная причина такого явленія заключается въ этихъ смѣшанныхъ бракахъ, обусловленныхъ правительственнымъ узаконеніемъ, чтобы дѣти исповѣдывали грекороссійскую вѣру, а черезъ то „обрекались на одно изъ главныхъ и самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ уtratѣ собственной народности, — средствъ постепеннаго и медленнаго обрусенія людей, надъ которыми владычествуетъ Россія“. „Знали мы (говорить одинъ изъ поляковъ, долго прожившій въ Сибири) очень много дѣтей супружествъ, въ которыхъ одна особа была православной вѣры; за малыми исключеніями, всѣ тѣ дѣти не обладали польскою народностью и часто въ душѣ были русскими“.

Доказанная опытомъ сила вліянія брачныхъ союзовъ на обрусеніе поляковъ въ Сибири, дѣйствительная для холостыхъ и вдовыхъ изъ желающихъ, отразилась на судьбѣ другихъ ссыльныхъ временъ Екатерины съ подспорьемъ и участіи другихъ мѣстныхъ причинъ, которыя были одинаково сильны и не менѣе очевидны. Обрусеніе производилось надъ людьми, не имѣвшими надеждъ къ возвращенію на родину при отсутствіи примѣровъ подобнаго рода въ предшествовавшія времена. Судьба ихъ находилась въ рукахъ людей, видѣвшихъ въ системѣ ссылки одну только сторону карательную, убѣжденныхъ прежними опытами въ томъ, что мятежниковъ и политическихъ ссыльныхъ слѣдуетъ считать, по преимуществу, людьми опасными и вредными, и убѣждаемыхъ при всякой новой присылкѣ ихъ въ томъ, что они преступники „великоважные“, что и самая Сибирь съ трудомъ можетъ быть принимаема для нихъ за страну полного возмездія и кары. Многихъ томили въ Целымѣ; Меншиковъ и Остерманъ умерли въ Березовѣ. Фика, закованнаго въ тяжелыя ручныя и ножныя кандалы, сослали въ самый отдаленный якутскій острогъ, но вскорѣ перевезли еще дальше на сѣверъ за полторы тысячи верстъ — въ Зашиверскъ. Но и это мѣсто показалось слишкомъ слабымъ для полного мщенія: его перевезли въ Средневилюйское зимовье, имѣвшее три бревенчатыхъ юрты якутовъ и лежавшее въ страшной глуши болотистой тундры. Князя Черкаскаго, смоленскаго губернатора, заточили на вѣчное житіе въ Жиганскомъ зимовьѣ и выпускали на воздухъ только днемъ, но и то за присмотромъ двухъ солдатъ. Вице-канцлеръ Головкинъ очутился въ Собачьемъ острогѣ на отдаленной Колымѣ подлѣ 67° с. ш., въ бревенчатой хатѣ, оберегаемой ночью часовыми. Менгденъ поселенъ еще дальше его, на самой окраинѣ тундры, всего въ 76 верстахъ отъ Ледовитаго океана, на самыхъ устьяхъ Колымы; Ивашовъ попалъ въ Камчатку въ Вольшерѣпкій острогъ. Самыя отдаленныя трущобы съ трудомъ удовлетворяли мщенію, самыя тяжелыя страданія тамъ едва успѣвали успокаивать мсти-

телей. Приказывали всемірно опасаться ихъ не допускать ни до какихъ разговоровъ. Люди, оказавшіе имъ какія либо услуги, жестоко наказывали кнутомъ и засылали еще дальше: предписывали кормить только въ такихъ размѣрахъ питья и пищи, чтобы ссыльные умерли съ голоду; приказывали стараться забирать даже ихъ ижеи и, содержа въ вѣчныхъ темномъ и сыромъ заточеніи, считали и называли ихъ номерами.

Подъ такими-то впечатлѣніями воспитывались дозорщики, укрѣпляемые и руководимыя въ своихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ на политическихъ ссыльныхъ тѣми предписаніями, которыя шли отъ Вирона, Шинковскаго, Вяземскаго и другихъ! Подъ вліяніемъ и надзоромъ такихъ-то людей направлялась жизнь первыхъ ссыльныхъ поляковъ, убѣжденныхъ и убѣждаемыхъ въ томъ, что Сибирь для нихъ новая родина, что тѣмъ и другимъ путемъ слѣдуетъ въ ней укрѣпиться въ единственныхъ надеждахъ на ее одну. Средствъ много, большого труда для чуждыхъ и сильныхъ рукъ не представляется! Въ молодой странѣ почти ничего нѣтъ, кромѣ естественныхъ скрытыхъ богатствъ и жизнь подчиняется законамъ случайностей, болѣе и чаще образцамъ дикарей-туземцевъ и меньше и рѣже рутиннымъ приемамъ, полученнымъ прежними пришельцами на родинѣ; они либо сдѣлались промышленниками и звѣроловами либо, придерживавшись рѣкъ, исключительно землепашцами. Ремесла, оставаясь въ пренебреженіи, такъ и не возрождались въ Сибири и въ наши времена представляются въ прежнемъ жалкомъ, отчаянномъ состояніи *); и безъ нихъ богатая страна кормила пришельцевъ здоровою пищею. Предметы ремеселъ Россіи въ обиходѣ на сырыхъ произведенія Сибири развили въ новой странѣ огромное количество торговаго люда; торговля расплодила богатые города на русской украинѣ, у самыхъ воротъ Сибири, и выродила тутъ марку, немного уступающую крупнѣйшимъ ярмаркамъ метрополи. Пришельцы изъ польскихъ городовъ и мѣстечекъ, организовавшихся по образцамъ европейскихъ городовъ, при замѣчательномъ развитіи ремесленныхъ занятій, въ удовлетвореніи насущныхъ и настоятельныхъ потребностей земледѣльческаго и промысловаго сибирскаго люда, нашли и первое дѣло и надежное обезпеченіе на будущую жизнь. То и другое выразилось въ такихъ размѣрахъ, что большую часть потомковъ барскихъ конфедератовъ и костюшковцевъ мы находимъ въ хорошо обезпеченномъ бытовомъ состояніи. Всѣ вышеупомянутыя нами лица — люди зажиточные, богатые,

*) Въ описываемыя нами времена не только сибирскихъ, но и у казаковъ (на большую часть русскихъ пришельцевъ) не было, напримѣръ, портныхъ и солдатское платье шили киргизскія бабы.

пользующіеся почетомъ и уваженіемъ сосѣдей на столько, что служатъ выборными не ниже званія волостныхъ головъ. Не меньшая часть успѣла проникнуть и укрѣпиться въ словъ туземнаго служилаго, чиновничьяго сословія, не смотря на всю трудность долговременнаго прохождения всѣхъ разрядовъ смыльных сословій отъ званія смыльно-каторжнаго до того свободнаго состоянія, въ которомъ предоставляется возможность обучить сына въ казенномъ учебномъ заведеніи и затѣмъ видѣть во внукѣ полковника. Длинная перспектива къ улучшенію положенія для поляковъ, назначенныхъ на каторгу, кончалась только на дѣтяхъ. Короче былъ путь для поселенцевъ, имѣвшихъ право и возможность поселиться вблизи и внутри сибирскихъ городовъ, сильно нуждающихся въ ремесленникахъ и людяхъ, владѣющихъ нѣкими полезными и прикладными знаніями. Значительному числу изъ трудолюбивыхъ, находчивыхъ и умѣлыхъ удалось настолько воспользоваться своими знаніями къ обезпеченію собственного быта, что, по объявленіи имъ права къ возврату на родину, весьма многіе остались въ Сибири жить на всегда. Указъ Павла на значительное число смыльных поляковъ перваго періода ссылки не произвелъ никакихъ впечатлѣній. То же самое выразилось и черезъ 15 лѣтъ послѣ того весьма многими поляками, изъ числа военноплѣнныхъ послѣ войнъ съ Наполеономъ, присланныхъ въ Сибирь на службу: изъ 900 человекъ, служившихъ въ кавалеріи и поступившихъ въ сибирскіе казаки, по объявленіи въ 1815 году имъ высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ отечество, остались добровольно на всегда въ казакахъ 160 человекъ. Значительнымъ соблазномъ для многихъ изъ этихъ поляковъ послужилъ городъ Омскъ, а добрымъ пріютомъ для нихъ оказался организованный въ то время генераломъ Броневскимъ оркестръ казачьей музыки. Чехи, нѣмцы и поляки удивили Омскъ, отъ сложенія міра не слыхавшаго музыки. Въ 1815 году нѣкоторые поляки возвратились на родину, но значительную часть удалось уговорить остаться на всегда за нѣкоторую прибавку къ содержанію. Также поступили многіе за Байкаломъ *).

*) Одни изъ таковыхъ сдѣлались въ послѣдствіи офицерами; между ними Квятковскій установилъ школу трубачей, такъ что всѣ казачьи полки въ Сибири стали получать приготовленныхъ трубачей. Извѣстный русскій композиторъ, сосланный въ Сибирь изъ Москвы, Алекс. Алекс. Алябьевъ, авторъ пьесъ, ушедшихъ въ народъ (Соловей, Вечеркомъ румяну зорю и Вечерній звонъ), довелъ омскій оркестръ до замѣчательной степени совершенства. Полякъ Волицкій, бывшій офицеръ польской арміи, образовавшій себя въ парижской академіи музыки въ превосходнаго учителя и дирижера, въ значительной степени поддержалъ въ омскомъ оркестрѣ алябьевскую славу, такъ что до сихъ поръ духъ этихъ та-

Конечно, времена нѣмѣнились; люди Александровскаго времени являлись въ Сибирь съ гуманнымъ образованіемъ, съ болѣе умягченнымъ нравственнымъ настроеніемъ; самая система правленія отличалась терпимостью, желаніями и стремленіями уничтожать неправду и злоупотребленія. Дошла очередь и до Сибири: Сперанскій присланъ былъ карать сибирскихъ притѣснителей и истреблять многочисленные и крупные слѣды произвола, насилій и жестокостей. Появленіе его считается тою эпохою, когда совершился первый переломъ въ сибирской жизни и крутой поворотъ на новую стезю отъ дикой жизни прежнихъ временъ и суровыхъ отношеній ко всякаго рода смыльнымъ. Сибирь въ администраціи испытала коренныя преобразованія, ими заданъ былъ другой тонъ, а если временами слышались диссонансы, то уже какъ исключенія изъ общаго строя. Люди административные стали не тѣ; и какъ бы сурово ни высказывались взгляды на политическихъ смыльных въ послѣдствіи, какія строгія мѣры ни предписывались, и въ новыхъ приставникахъ и въ самомъ сибирскомъ населеніи организовалась противодѣйствующая сила. Если политическимъ смыльнымъ не сдѣлалось хорошо, то, во всякомъ случаѣ, стало несравненно легче. Между первыми временами, когда сибиряки не хотѣли не только принимать въ семейства и отдавать дочерей за плѣнныхъ шведовъ, присланныхъ Петромъ I изъ-подъ Полтавы, но даже и пускать къ себѣ въ избы,—между этими временами и послѣдними годами царствованія Александра лежала уже огромная пропасть. Польскимъ людямъ слѣдующаго втораго періода политической ссылки досталась несравненно лучшая доля. Плѣнные изъ войскъ Понятовскаго уже не жили въ изгнаніи больше двухъ лѣтъ; политическая ссылка престала быть безсрочною и возымѣла характеръ временной мѣры, стала питать и подкрѣплять страдальцевъ надеждами; сдѣлалась привилегированнымъ исключеніемъ въ системѣ всѣхъ другихъ видовъ ссылки. Такими свойствами выразились годы Александровскаго царствованія, благоприятнаго для политической самостоятельности Польши. Даже члены „товарищества патріотовъ“, организованнаго въ послѣдніе годы жизни Александра I при дѣятельномъ участіи Лукасинскаго и въ согласіи съ цѣлью и намереніями Пестеля, были осуждены и сосланы уже послѣ смерти любимаго лантливыхъ людей не переставъ жить въ омскомъ казачьемъ оркестрѣ. Вотъ имена первыхъ замѣчательныхъ артистовъ въ началѣ омскаго оркестра: Радбольскій, Гиденскій, Голомбетскій, Флекъ, Ганъ. За Байкаломъ обломомъ войскъ польскихъ 1812 года находился въ Кяхтѣ; это былъ выслужившійся солдатъ, носившій знаменитую фамилію Понятовскаго, человекъ, умѣвшій дѣлаться послѣднимъ чертовымъ кускомъ своего хлѣба со всякимъ неимущимъ и нуждающимся.

Польшою императора *). При Александрѣ I значительное большинство поляковъ, сосланныхъ въ Сибирь, принадлежало обыкновеннымъ преступникамъ, осужденнымъ за уголовныя преступления.

Ссылкою членовъ патриотическаго общества начался новый, второй періодъ польской ссылки.

17-го ноября 1830 года началась польская революція, кончившаяся въ слѣдующемъ году штурмомъ Варшавы (6-го и 7-го сентября); въ 1832 году стали появляться въ предѣлахъ Сибири первые польскіе изгнанники, передніе ряды ссыльных меньшей степени виновности, рядовые люди, изъ царства и трехъ уѣздовъ Виленской губерніи. Въ 1833 году прибылъ въ Восточную Сибирь и Петръ Высоцкій, начавшій возстаніе, одинъ изъ дѣятельныхъ начальниковъ его, на 20 лѣтъ каторги. Всѣ суждены были военнымъ судомъ по полемому уголовному положенію. Людей низшаго званія, взятыхъ съ оружіемъ, слѣдомъ за ушедшими на каторгу и въ крѣпостныя работы, прислали на службу въ сибирскіе линейные батальоны. Въ 1834 г. начали прибывать эмисары за справу 1833 г., сивившуюся организовать новое повстаніе, а вмѣстѣ съ ними и въ большомъ количествѣ и тѣ, которые оказывали этимъ эмисарамъ сочувствіе и содѣйствіе, выразившіяся въ томъ, что одни давали притонъ, другіе носили въ лѣсъ пищу и проч. За эмисарами прибыли въ Сибирь поляки изъ sprawy Симона Конарскаго, разстрѣяннаго въ Вильнѣ въ 1838 году. Въ 1839 г. вмѣстѣ съ руководителями своими (Венжиномъ и Эренбергомъ) явились въ Сибирь члены „товарищеской организаціи польскаго народа“ (Stowarzyszenie ludu polskiego), представлявшей въ Варшавѣ отдѣлъ большого заговора Конарскаго. Вмѣстѣ съ ними пришли въ Сибирь и тѣ, которые вели систематическую пропаганду демократической науки и собирались для бесѣдъ въ соборѣ св. Креста (почему и назывались *świętokrzyscami*). Въ 1840 году присланы эмисары, бѣжавшіе въ 1831 году за границу и явившіеся, между прочимъ, изъ Англіи и изъ Турціи; за ними участники заговора Каспера Машковскаго, организовавшаго такъ называемый „союзъ Волинскій“; потомъ сообщники „союза пропаганды“ Ксендза Сдѣвнянаго (1843 г.) **); въ 1844 году члены варшавскаго „союза соединенія польскаго

народа“, затѣяннаго Гзовскимъ *), въ 1846—члены варшавскаго демократическаго союза; за ними сѣдлецкіе и галицкіе повстанцы. Въ 1846 г. дѣло извѣстнаго автора Коменскаго; въ томъ же году высылаются въ Сибирь изъ Варшавы студенты гимназій, предложившіе убійство Паскевича и знавшіе о имѣющемъ совершиться въ 1846 г. возстаніи. Тогда же выдается Австрія эмигрантовъ изъ Галиціи, затѣявшихъ тамъ пропаганду освобожденія Польши; выдается и Пруссія, высылаютъ эмисаровъ изъ Литвы. Въ 1846 году повстаніе въ повѣтѣ Сѣдлецкомъ, подъ начальствомъ Потоцкаго, и повстаніе въ повѣтѣ Мѣховскомъ. Въ 1847 году пойманы, суждены и сосланы повстанцы 1831 года, эмигрировавшіе за границу и явившіеся въ роли эмисаровъ въ Польшу передъ революціями 1848 года. Въ 1848 году вспыхиваетъ возстаніе великопольское, основанное въ надеждѣ на Венгрію, и, въ то же время, независимо отъ варшавскаго, организовался въ Вильнѣ союзъ литовской молодежи (*Związek młodzieży litewskiej*), питавшій надежды, что венгерцы и поляки изъ Венгріи придутъ въ Польшу со знаменемъ возстанія, — союзъ, превратившійся вскорѣ въ заговоръ. Заговоръ приготавлилъ повстаніе на великій четвергъ подъ руководствомъ братьевъ Далевскихъ, но былъ открытъ въ 1850 году. Во множествѣ солдатъ, принявшихъ участіе въ мятежахъ, приходили въ Сибирь и такіе, которые суждены были вмѣстѣ съ тѣмъ и за побѣги изъ русскихъ войскъ въ повстанскія, и за отбѣги рекрутовъ въ дорогѣ, попадались во второй разъ и такіе (какъ Розанскій), которые уже побывали въ сибирской ссылкѣ, и въ первый разъ являлись въ Сибирь изъ тѣхъ, которымъ предстояла иная участь (напримѣръ, солдатская служба на Кавказѣ), но которые съ дороги бѣжали и были пойманы; приходили и такіе, которые узлеклись европейскими смутами 1848 года и бѣжали за границу. Присылали и за оставленіе отечества, и за оборону себя оружіемъ при арестѣ, и за покровительство эмисарамъ, и въ 1855 году тѣхъ, которые отбили рекрутовъ и намѣревались вмѣстѣ съ ними бѣжать къ французамъ въ Крымъ. Нѣкоторые явились въ Сибирь просто за политическіе замыслы; другіе за перевозъ корреспонденцій заговорщикамъ. Послѣдней преступности люди были большею частью (но сравнительно въ ничтожномъ количествѣ) изъ еврейскаго населенія царства Польскаго и западнаго края Россіи **). Вмѣстѣ

*) Въ томъ числѣ, между прочими, графъ Мошинскій (въ 1827 г.), одинъ изъ организаторовъ „общества соединенныхъ славянъ“, отличавшійся въ Сибирь своею благотворительностью. Поляки успѣли такъ ловко повести дѣло и скрыть дѣйствія польскаго революціоннаго общества, что отправлены въ Сибирь только немногіе; кромѣ Мошинскаго—Крыжановскій и Янушкевичъ.

**) Заговоръ имѣлъ цѣлью основать повстаніе на освобожденіе крестьянъ.

*) Этихъ за разговоры о политическихъ планахъ всѣхъ обратили въ солдаты сибирскихъ линейныхъ батальоновъ.

**) Изъ числа ссыльныхъ въ Сибирь евреевъ только одинъ былъ сосланъ за политическое дѣло—Робертъ Файнбергъ, родомъ изъ Митавы, лѣтъ 25. За дѣятельное участіе въ берлинской революціи 1848 года выданъ былъ пруссаками на работы въ Екатеринбургскій заводъ

съ ними за польскую справу ушелъ одинъ только русскій—прапорщикъ Караваевъ (черезъ нѣсколько лѣтъ пересланный изъ Сибири на Кавказъ, гдѣ ему снова позволено было вступить въ военную службу), одинъ французъ Шарль де-Люсенэ, такъ же какъ и Караваевъ, участвовавшій въ заговорѣ Конарскаго въ Вильнѣ, и одинъ латышъ (Янна Реке), сосланный за повстаніе 1831 года также въ нерчинскіе рудники. За участіе въ заговорѣ Михаила Воловича изъ Слонима (намѣревавшася поднять народъ, напасть на Слонимъ, отбѣтъ арестантовъ и возвѣстити повстаніе) присланы въ Сибирь, между прочимъ, нѣсколько крестьянъ бѣлоруссовъ. Малороссы юго-западнаго края явились въ Сибирь за повстаніе въ видѣ дворовыхъ холоповъ и иныхъ чиновъ панскихъ экономій; были даже горбанисты и пѣсенники.

Прапорщикъ Кузьминъ-Караваевъ служилъ въ Новоингерманландскомъ полку, квартировавшемъ въ Вильнѣ. Въ заговоръ замѣшался онъ по любви къ полькѣ (дѣвицѣ графинѣ Оливаръ), требовавшей этой жертвы съ его стороны. Руководился онъ тѣми же желаніями и планами, которые внушены ему были послѣдователемъ Конарскаго Гильдебрантомъ. Вмѣстѣ съ собою увлекъ Караваевъ офицеровъ Эстляндскаго полка, вступившаго въ караулъ, когда уже Караваевъ сидѣлъ подъ арестомъ: прапорщика Герасимова и де-Люсенэ. Всѣ они помогали Гильдебранту и Мошинскому, арестованнымъ въ клинторѣ Базилиановъ, выходить по ночамъ въ городъ, давали имъ свои мундиры, сами одѣваясь въ арестантское платье; допускали къ нимъ дамъ и, между прочими, Снядецкую—одну изъ пламенныхъ патріотокъ, изступленную послѣдовательницу пропаганды Конарскаго. Де-Люсенэ искалъ даже бумагъ для побѣга Гильдебранта съ Мошинскимъ. Караваевъ, содержась на арсенальной гауптвахтѣ, въ одной тѣсной комнатѣ вмѣстѣ съ караульными офицерами, дѣлательно велъ свою пропаганду и вызвалъ участіе къ своей судьбѣ: прапорщикъ Герасимовъ нѣсколько разъ выпускалъ его ночью въ городъ; Барвицъ велъ по польски переписку. Судъ рѣшилъ смотрѣть на все это вмѣшательство въ дѣла польскія русскихъ людей—вмѣшательство, выразившееся, главнымъ образомъ, въ покровительствѣ арестованнымъ послѣдователямъ Конарскаго, какъ на затѣю сумасшедшихъ. По этой причинѣ положено было заключить ихъ въ домъ умалишенныхъ, имѣніе отобрать въ казну, пока выздоравлиють, а потомъ

для испытанія послать ихъ въ Сибирь на поселеніе. Такъ и было поступлено съ Караваевымъ и де-Люсенэ. Остальныхъ офицеровъ рѣшено было послать на покаяніе на Кавказъ и не повышать ихъ чиномъ, пока не образумятся (поручикъ Огонь-Догановскій, прапорщики Барвицъ и Герасимовъ, потворствовавшіе арестованнымъ и прислушивавшіеся къ урокамъ ихъ пропаганды).

Во всякомъ случаѣ, громадное большинство политическихъ ссыльныхъ принадлежало къ кровнымъ полякамъ, наибольшее частью уроженцамъ царства Польскаго, преимущественно шляхетскому роду и исключительно людямъ римско-католическаго вѣроисповѣданія *).

*) Для примѣра отношеній царства къ другимъ шляхетскимъ окраинамъ его приводимъ нѣсколько цифръ. Изъ 59 случаевъ ссылки за бунтъ и государственную измѣну въ 1839 г.: 31 принадлежатъ Киевской, 11 Виленской, 1 Гродн., 16 городу Варшавѣ; въ 1846 году изъ 28 случаевъ 23 принадлежатъ г. Варшавѣ; въ 1847 изъ 24—23 г. Варшавѣ (т. е. царству Польскому) и т. д. Точно также за эмиграцію эмигрантовъ («за оставленіе отечества», какъ сказано тобольскими табелями) наибольшее число сослано изъ Варшавы (26 въ 9 лѣтъ съ 1838 по 1846; 12 изъ Бессарабіи, 7 изъ губ. Виленской, 6 изъ Волынской, 3 изъ Подольской, по 1 изъ Ковенск., Гродн., Витебск.). Наибольшее число эмигрантовъ пришло въ Сибирь въ 1834 г. (34 чел.), въ 1839 (18), въ 1840 (15), въ 1838 (8), въ 1841 только одинъ, въ 1845 и 1846 ни одного. Двадцатилѣтняя цифра убѣждаетъ въ томъ же, что, кромѣ царства Польскаго, наибольшее число эмигрантовъ оказалось въ Бессарабіи и губ. Волыиск., Виленск. и Подол. Сопоставленія цифръ за 20 лѣтъ въ тѣхъ же семи губерніяхъ западныхъ (Вил., Гродн., Могил., Киевск., Волыиск., Подольск. и Бѣлостокск. обл.) убѣждаютъ въ томъ, что число сосланныхъ отсюда въ Сибирь за государственныя преступленія составляетъ почти $\frac{1}{3}$ всего числа остальныхъ 39 губ. русскихъ; что изъ числа послѣднихъ 16 губ. не дали ни одного подобнаго сорта преступника; что послѣ западныхъ губ. наибольшимъ числомъ ссыльныхъ отличались двѣ губерніи столичныя (и въ особенности Петербургская) и что изъ западныхъ шляхетскихъ губерній всего больше прислано въ Сибирь изъ губ.: Виленск., Гродн., Киевск. и Бѣлостокск. обл. Навышшая наклонность къ государственнымъ преступленіямъ по возрастамъ обнаруживалась въ первомъ періодѣ возмужалости, т. е. послѣ 30-ти лѣтняго возраста. Въ числѣ другихъ Грузія выслала 1 въ 1842 г., 1 въ 1845 и 3 въ 1846 г.

По губерніямъ политическія преступленія и эмиграція въ сибирскихъ цифрахъ выразилась такою таблицей.

	Государств. преступл.		Оставленіе отечества.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Виленская	45	4	17	13
Гродненская	39	—	3	—
Киевская	38	—	2	—
Бѣлостокск. обл.	26	—	2	—
Минская	12	—	—	—
Волынская	11	—	29	4
Подольская	10	—	14	—
Могилевская	9	—	—	—
Витебская	3	—	3	—
Бессарабск. обл.	1	—	39	—

подъ Тарою. Когда его товарищи были уволены на родину, а онъ нѣтъ, Файнбергъ отъ тоски впалъ въ сумасшествіе и, перевезенный изъ Тары въ Тосольскъ, умеръ тамъ въ 1860 году, въ лазаретѣ. Изъ небольшого числа евреевъ, замѣшавшихся въ послѣднемъ возстаніи, всѣ уличены въ тайномъ провозѣ оружія изъ-за границы, стало быть, увлеклись коммерческими барышами, а вовсе не политическими теоріями.

Почти $\frac{2}{3}$ всего числа сосланных за политическія преступленія принадлежатъ дворянству; на ихъ долю приходится 10% изъ всего числа ссыльныхъ этого сословія и большинство всегда остается за шляхтою западныхъ губерній (смѣшанною въ сибирскихъ табеляхъ подъ общою и неопредѣленною рубрикою дворянъ неслужащихъ). Послѣ дворянъ сильнѣйшая наклонность къ преступленіямъ этого рода замѣчается у солдатъ, но и здѣсь процентъ ссыльныхъ почти въ 20 разъ меньше процента дворянъ. Такъ говорятъ цифры 20-ти лѣтъ (съ 1827 по 1846 гг.).

Тѣ же двадцатилѣтнія цифры увѣряютъ и въ томъ, что сильная наклонность къ преступленіямъ противъ власти и, въ особенности, политическимъ составляетъ отличительную черту католиковъ, для которыхъ вѣроятіе ссылки несравненно сильнѣе, чѣмъ для лицъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій (въ этомъ случаѣ католики къ православнымъ, напримѣръ, относятся какъ 29,5: 1).

Въ подчиненіи различнымъ степенямъ наказанія и разрядамъ ссылки политическіе изгнанники второго періода размѣщались въ Сибири въ такихъ категоріяхъ: одни сосланы были на два, на пять и болѣе лѣтъ подъ надзоръ полиціи безъ потери достоинствъ и имущества, притомъ съ надеждою на возвращеніе по родную стрѣху или, по крайней мѣрѣ, въ ея сосѣдство. Такихъ было очень мало; изъ таковыхъ нѣкоторымъ приводилось выѣзжать изъ Сибири, до возврата на родину, въ русскія губерніи менѣе отдаленныя (Владимирская, Калужская, Рязанская и другія).

Вторая категорія изгнанниковъ, сосланныхъ на поселеніе, сравнительно больше первой, не представляла собою наибольшей количественной величины и съ наименьшею надеждою на возвратъ (хотя нѣкоторому числу удалось дослужиться до чиновъ и поступить на государственную службу); эта вторая категорія находилась въ самомъ худшемъ житейскомъ положеніи. Политическіе поселенцы, происходившіе изъ шляхты и приговоренные къ конфискаціи имущества, получали помощь отъ правительства въ размѣрѣ 57 руб. на годъ; старикамъ и кацѣкамъ доставалось ежегодно 114 руб. Тѣ, которые происходили изъ класса мѣщанъ либо крестьянъ и также приговорены были къ конфискаціи имущества, не имѣли права на правительственное вспоможеніе. Въ Западной Сибири имъ не позволяли, по силѣ закона, выѣзжать за предѣлы 10 верстъ отъ деревни или города, въ которыхъ указано ихъ водворить. Въ Восточной Сибири имъ предоставлена была большая свобода; тамъ политическіе поселенцы, съ дозволенія властей, могли развѣзжаться по всей Восточной Сибири. Само собою, тутъ и тамъ дѣти поселенцевъ принадлежали къ со-

словію крестьянскому, до 17 лѣтъ освобождены отъ податей и не отбывали рекрутской повинности. Сами отцы въ первые два года не платили подушнаго, и если въ теченіи 10 лѣтъ не нарушили ничѣмъ благонамѣренности, не провинились передъ начальствомъ, не были штрафными, они могли черезъ 10 лѣтъ записываться въ крестьяне или купцы. Само собою разумѣется, болѣе счастливый поселенецъ—изъ людей простыхъ и самый несчастный—изъ вышнихъ слоевъ общества.

Третья категорія поляковъ была назначена въ арестантскія роты и работала (тоже не въ большомъ количествѣ) въ крѣпостяхъ сибирскихъ, всего чаще по границамъ Западной Сибири. Положеніе ихъ немногимъ рознилось отъ каторжнаго, хотя по степени взысканія между крѣпостнымъ и каторжнымъ состояніемъ законъ устанавливалъ разницу; кое-кому удавалось освободиться и поступать либо въ писцы при канцеляріяхъ, либо въ домашніе учителя на условіяхъ вольнаго и весьма дешеваго найма.

Четвертый разрядъ ссыльныхъ предназначенъ былъ въ полковую службу, т. е. въ сибирскіе батальоны простыми солдатами, либо на всю жизнь, либо на 15 и 20 лѣтъ безъ выслуги, но съ надеждою возврата на родину, не иначе какъ на такую же солдатскую службу до самой смерти. Не смотря на то, что солдатскій разрядъ полагался слабѣйшею мѣрою взысканія изъ всѣхъ видовъ сибирской ссылки, онъ на практикѣ оказался однимъ изъ тягчайшихъ. Наибольшимъ количествомъ побѣговъ (и притомъ большими шайками, скопомъ и заговорами) отличился передъ другими этотъ разрядъ; наибольшую тяжесть наказанія выдержали поляки въ этомъ разрядѣ. При безцѣльной жизни, безъ будущаго и надеждъ, солдаты-поляки предавались въ Сибири безграничному пьянству. Многие изъ нихъ казались до такой степени деморализованными и потерянными, что утратили какъ чувствованія и впечатлѣнія сердца, такъ благородство вида и игру физиономіи. Нѣкоторымъ удалось опиваться до смертельныхъ апоплексическихъ ударовъ, не смотря даже на то, что товарищество поляковъ умѣло внимательно слѣдить за таковыми и считало своею обязанностию удерживать ихъ отъ окончательнаго паденія. На бѣду товарищество не всегда доводило свое участіе до конца: трудно исправимыхъ оно исключало изъ своей среды и представляло самимъ себѣ и полному вліянію надломленной испорченной воли *).

Самая строгая категорія каторжныхъ, сосланныхъ на 2, 3, 5, 15 лѣтъ, либо на цѣлую жизнь, самымъ учрежденіемъ своимъ показываетъ всю тяжесть взысканій, невыносимую для

*) Такъ, между прочими, за Байкаломъ поступили съ Марцевскимъ, человекомъ весьма независимаго характера и образа мыслей.

людей развитых и образованных (каковыми оказалась наибольшая часть присужденных къ самымъ тяжкимъ каторжнымъ работамъ). До Тобольска такихъ везли еще въ кибиткахъ съ жандармами *). По Сибири ссыльные уже шли въ партяхъ со всеми другими преступниками и въ кандалахъ.

Когда ссыльные 1831 года въ 33-мъ году пришли на нерчинскіе рудники, тогдашній горный начальник велѣлъ представить ихъ къ себѣ. Принявъ строгій видъ, сильнымъ, отрывистымъ и повелительнымъ голосомъ онъ сказалъ имъ:

— Если и здѣсь будете мыслить противъ правительства, то ожидаетъ васъ не веревка, не пуля, но палки, которыми прикажу васъ заколотить.

Слова эти были произнесены такимъ тономъ, что одинъ изъ прибывшихъ поляковъ, не выдержавшись отъ смѣха, улыбнулся. Начальникъ это замѣтилъ, пришелъ еще въ болѣеій гнѣвъ, топталъ ногами, брызгалъ и кричалъ:

— Знайте разъ на всегда, что вы пришли въ страну, гдѣ смѣяться не позволено.

Затѣмъ быстро возобладавъ собою и, не давъ въ соотвѣтствіи тону своему хорошенько размыслить пришельцамъ о тяжести будущей

*) Жандармы обязаны были не давать ссыльнымъ въ руки ни ножа, ни другой какой либо острой вещи, а потому они на станціяхъ разрѣзали мясо и отбирали даже кости, обязаны были не отходить отъ ссыльнаго ни на шагъ, не позволять никому изъ постороннихъ подходить и разговаривать; обязаны были смотрѣть, чтобы не убѣжалъ, и стараться живымъ доставить на мѣсто назначенія. Если ссыльный заболѣлъ въ дорогѣ, жандармы обязаны стараться всякими средствами довести до ближайшаго губернскаго города, а если болѣзань острая и сильная, то до ближайшаго уѣзднаго города. Если болѣзань продолжается дольше мѣсяца, тогда жандармы отдають арестанта подъ надзоръ мѣстныхъ властей, отъ которыхъ берутъ письменное свидѣтельство и возвращаются къ мѣсту служенія. На паромахъ, на мостахъ, при переѣздахъ черезъ рѣки не позволялось вытѣзать изъ телеги и даже сами жандармы должны были сидѣть въ это время по бокамъ. Одно изъ этихъ правилъ нарушалось въ Сибири, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ для разговоровъ, утѣшеній и напутственнаго успокоенія собирались бывалые изгнанники съ совѣтами и наставленіями вновь прибывающимъ. Судьба сближаетъ людей у почтовыхъ станцій: на встрѣчу политическимъ ссыльнымъ изъ поляковъ собирались не одни только поляки. По приходѣ въ Иркутскъ, польскіе солдаты, повстанцы 1831 г., приняты были дружески тѣми изъ гвардейскихъ солдатъ-семеновцевъ, которые за бунтъ 1825 года сосланы были въ Сибирь и разсортированы по тамошнимъ батальонамъ. Семеновцы и поляки составили двѣ дружескія группы; защищали друг друга, не позволяли, безъ своей воли, ни одного солдата наказывать; негодяевъ исключали изъ своей среды. На первыхъ шагахъ поляковъ въ солдатской неволѣ семеновцы были истинными благодѣтелями.

жизни въ рудникахъ, горячій начальникъ перешелъ въ тонъ мягкій и спокойный. Онъ кротко разспрашивалъ каждаго о занятіяхъ и дѣлахъ, о ремеслѣ и знаніяхъ. Узнавъ въ Подгородинскомъ богатого человѣка и опросивъ уже ученаго Вопрэ, говорилъ первому, указывая на второго, въ такомъ смыслѣ:

— Если бы ты былъ ученымъ, какъ этотъ, я бы не удивился, что ты принадлежалъ къ союзу. Но чего же ты хотѣлъ? Конечно, при богатствѣ твоёмъ тебѣ было и безъ этого хорошо. Вотъ-то глупость, настоящая глупость!

И начальникъ качалъ головою и долго не могъ совѣстить объ мысли въ одну; послѣ различныхъ вопросовъ, снова возвращался къ тому же недоумѣнію и удивленію своему.

Между прочимъ, обратилъ онъ вниманіе на европейскій, городской костюмъ ссыльныхъ, приказавъ нѣкоторымъ обрить бороды, какъ не присвоенныя людямъ каторжнаго состоянія; велѣлъ оголить бакенбарды и подбородки, замѣтивъ, что такое украшеніе принадлежитъ людямъ честнаго званія. Долго потомъ муштровалъ, осматривалъ, ласкалъ и бранился въ одно время и на одномъ и томъ же мѣстѣ; наконецъ, отпустилъ.

Разославъ ссыльныхъ поляковъ по различнымъ нерчинскимъ рудникамъ, начальникъ обязалъ ихъ потомъ. Въ одномъ мѣстѣ кричали на чиновниковъ за то, что посылають поляковъ на работы, заставъ многихъ изъ нихъ при разбиваніи руды, и дивился, что подчиненные его не умѣютъ уважать людей съ образованіемъ и отдѣлять ихъ отъ остальныхъ преступниковъ. Ревизуя рудники во второй разъ, призывалъ горныхъ чиновниковъ и сердился на нихъ за то, что послабляютъ столь опаснымъ людямъ, что не назначаютъ ихъ на рудниковыя работы и проч.

Но этотъ начальникъ былъ послѣднимъ изъ могиканъ. Въ немъ уже боролись два направленія, два противоположныхъ взгляда на ссыльныхъ въ такомъ разногласіи, что дѣлали изъ него чудака. Въ послѣдующихъ начальникахъ гуманный взглядъ и мягкія отношенія взяли перевѣсъ. Подобному чуду превращенія гнѣва на милость всѣ ссыльные обязаны вліянію декабристовъ на ихъ коменданта Лепарскаго, который къ тому же былъ самъ полякомъ. Когда поляки начали прибывать за Байкалъ, вліяніе декабристовъ на комендантское управленіе было уже настолько сильно, что поляки встрѣтили самый мягкій пріемъ и комендантъ не препятствовалъ декабристамъ подать имъ помощь значительными деньгами, вещами и книгами. Такимъ образомъ, первое пособіе поляки получили не отъ своихъ и не изъ Польши, а изъ каземата декабристовъ. Не забудемъ, что заводы въ отношеніи ко всѣмъ ссыльнымъ, а тѣмъ болѣе относительно „политическихъ“, были подчинены

нены вѣденію Лепарскаго—коменданта нерчинскихъ рудниковъ. „Послѣ стало легче“ (свидѣтельствуешь одинъ изъ поляковъ, жившихъ на каторгѣ, вообще недружелюбный къ Россіи и озлобленный противъ Сибири, сохранившій приведенное нами преданіе о первой встрѣчѣ поляковъ за Байкаломъ *); „Волѣе человѣчными сдѣлались отношенія (говорить онъ дальше); тиранія и варварство въ тѣхъ рудникахъ стали уменьшаться. Старики, помнящіе старыя времена, говорятъ о тогдашнихъ начальникахъ, какъ о грубыхъ тиранахъ, поступавшихъ съ людьми звѣрски. Нынѣшнее обращеніе—терпѣливое, отношеніе къ польскимъ ссыльнымъ милостивое, деликатное и мягкое. По закону ни одна категорія поселенцевъ, даже политическихъ, не освобождена отъ тѣлеснаго наказанія, но не было ни одного примѣра, чтобы наказали политическаго поселенца безъ суда (какъ это дѣлается съ прочими) и чтобы котораго нибудь изъ нихъ записали въ цехъ слугъ“.

Другой полякъ въ Западной Сибири знаетъ и также за границу писалъ, что „сосланныхъ въ Нерчинскъ обыкновенно въ рудникахъ не заставляли работать, т. е. ихъ не опускали во внутрь шахты, но въ рабочіе часы должны они выходить съ тачками и возить въ нихъ землю, либо добытую руду; однако, трудъ имъ былъ не черезъ силу“. „Поляковъ охотно принимали въ избраннаго общества, имъ дозволялись сходки для увеселеній. Совершенно нельзя вѣрить тому, что въ нерчинскихъ заводахъ политическихъ ссыльныхъ называютъ только нумерами и что они носятъ только арестантскую форму. Въ самомъ дѣлѣ называютъ ихъ настоящими именами и они носятъ такое платье, какое могутъ“ **).

„Съ ссыльными обходятся снисходительно и готовы раздѣлить съ ними послѣднюю копейку и кусокъ (пишетъ бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Броневскій, въ 1886 г., служившій до того долгое время и въ Западной) ***). Ссыльные и живутъ, такъ сказать, на счетъ обитателей Сибири; никто не хочетъ доискиваться, что былъ ссыльный и что онъ за преступникъ, знаютъ всѣ его подъ общимъ именемъ „несчастный“. Ни происхожденіе, ни религія, ни нація не имѣютъ различія въ общоженіи съ ними, хотя и часто видны были разительныя доказательства неблагодарности нѣкоторыхъ“.

„Съ сосланными изъ дворянъ (говорить другой свидѣтель нерчинскихъ порядковъ, выслан-

ный по дѣлу Петрашевскаго) и, вообще, съ политическими преступниками обращались по большей части хорошо. Ихъ почти никогда не посылали на работу и, если не было особаго предписанія, не содержали и въ тюрьмахъ (а на гауптвахтахъ). Начальство было съ ними вѣжливо, пріятливо. Наши дворяне далеко не всѣ пользовались благоволеніемъ начальства (да и того и сами не заслуживали)“. Въ Култумѣ, напримѣръ, поляки жили въ особомъ большомъ домѣ, нарочно для нихъ построенномъ. „Вольшую частью они ссылались на короткіе сроки на каторгу и, выходя на поселеніе, занимались небольшою торговлею, подрядами и хозяйствомъ; большая часть—небогатая интеллигентная, всѣ набожные католики, всѣ мало сближались съ русскими, кромѣ подрядчиковъ. Въ послѣднее время (передъ освобожденіемъ по манифесту покойнаго Государя) нѣкоторые поляки по подрядамъ нѣсколько зарисковались, но въ народа пользовались довѣріемъ. Для всѣхъ политическихъ преступниковъ было общее названіе поляковъ и главною особенностью для распознаванія полагалось не нарѣчіе, а образованіе. Многіе серьезно занялись своимъ развитіемъ и успѣли образовать себя замѣтительно“.

Въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, на денежную складчину всѣхъ ссыльныхъ поляковъ, составлена была замѣтательная по составу ссчиненій и по количеству томовъ (три тысячи) бібліотека, часть которой временами отдѣлялась для пользованія ссыльнымъ другихъ рудниковъ (между прочимъ, одинъ изъ такихъ отдѣловъ бібліотеки существовалъ въ Култумѣ). Основаніе бібліотекъ положили четыре поляка (Вопрз, Машковскій, Воровскій и Чапскій), сосланные по дѣлу Конарскаго; они составили между собою за Байкаломъ товарищество, призванное *Ogół*. Впослѣдствіи подъ этимъ именемъ долгое время существовала община забайкальскихъ изгнанниковъ, которая владѣла бібліотекою, выписывала газеты, выдавала письма и была хранительницею кассы, составившейся изъ добровольныхъ взносовъ имущими. Сессія для повѣрки отчетовъ и происшедшихъ тратъ и для соображенія будущихъ расходовъ происходила обыкновенно въ Большомъ заводѣ въ праздникъ Рождества Христова. Власть знали о сессіяхъ и объ Огулѣ, но не преслѣдовали. Товарищеское согласіе и взаимная помощь, развиваясь подъ самыми благопріятными условіями, сложилось въ нѣчто такое, что достойно уваженія и подражанія. Въ участникахъ дѣла и въ дѣятеляхъ по товариществу успѣли выясниться замѣчательные люди, стоявшіе къ товарищамъ самыми замѣтными сторонами прекрасной души и въ дѣлахъ помощи и благодѣянія въ нерѣдкихъ случаяхъ заявившіе энергію до самопожертвованія и самоотверженія“.

*) Агатонъ Гиллеръ, написавшій за границею три тома: «Описаніе Забайкальской укранны въ Сибири» (Лейпцигъ, 1867, *Opisanie Zabajkalskiej Krainy w Syberyi*).

**) Руфимъ Пютровскій: „*Pamiętniki z pobytu na Syberyi*“. Poznań, 1860.

***) Въ неизданныхъ рукописныхъ запискахъ о службѣ.

нія. Въ особенности замѣчательнъ былъ въ этомъ отношеніи Александръ Венжикъ, бывшій основатель варшавскаго товарищества Св. Креста. Вотъ что говорить о немъ хорошо знавшій его Гиллеръ:

„Венжикъ былъ сосланъ на легкія работы въ рудникахъ. Посылаемый на луга для уборки сѣна, онъ, сидя въ шалашѣ со своимъ товарищемъ, зачитывался произведеніями Гельвеція и другихъ философовъ XVIII вѣка. Въ нихъ, однако, онъ не нашелъ матеріаловъ для себя въ достаточной мѣрѣ, а между тѣмъ праздность не переставала мучить этого человѣка, нравственный организмъ котораго требовалъ труда и искалъ цѣлей, каковыя бы измѣнили все его существо. Онъ созданъ былъ для дѣятельности, для высокихъ цѣлей и для крупныхъ предпріятій, а не для полумѣръ. Безъ высшихъ занятій, въ недѣятельности, онъ не могъ быть покойнымъ и придти въ себя. Въ такомъ положеніи люди либо падаютъ, либо крѣпнютъ больше прежняго. Венжикъ также находился на пути къ паденію. Во время внутренней борьбы и душевныхъ тревогъ онъ узналъ красивую крестьянскую дѣвушку и, всей душой полюбивши ее, привязался къ ней. Если бы она не была русскою, онъ женился бы на ней, но ея вѣра стала преградой. Долго онъ боролся съ собою, долго колебался въ выборѣ средствъ, но въ концѣ превозмогъ любовь и пожертвовалъ ею для товарищей“. „Мысли и начала свои онъ оторвалъ отъ исключительной, эксцентричной почвы и утвердилъ ихъ на твердомъ основаніи сильныхъ и широкихъ убѣжденій: не сдѣлавшись фанатикомъ, онъ сталъ человѣкомъ религиознымъ“. Съ этой поры всю свою жизнь Венжикъ посвятилъ товарищамъ по ссылке, не раздѣляя политическихъ отъ присланныхъ за гражданскія и уголовныя преступленія, лишь бы только то были полки. Онъ разыскивалъ крайнихъ бѣдняковъ между ними, поддерживалъ колебавшихся, поднималъ упавшихъ и потерявшихъ. „Не было селенія самаго отдаленнаго, гдѣ бы не являлся онъ, неся матеріальную помощь деньгами и нравственную въ словѣ Христовомъ. Чтобы соединить всѣхъ съ Богомъ, возбудить въ нераскаившихся раскаяніе и исправленіе, онъ въ главѣйшихъ селеніяхъ Даурии устроилъ общія молитвы между католиками. Передъ алтарикомъ, устроеннымъ въ квартирѣ кого либо изъ товарищей для произнесенія молитвъ и литаній, собирались, подъ предводительствомъ политическаго ссылки, всѣ католики изъ рудника *). На Пасху и Рождество собирали

онъ всѣхъ каторжныхъ поляковъ и дѣлился съ каждымъ узникомъ освященнымъ яйцомъ либо оплаткою; разспрашивалъ о нуждахъ и всегда помогалъ, неизбѣжно имѣя на устахъ слово Божіе, подтверждающее въ несчастныхъ и несущее надежду упавшимъ. Образъ его въ рудникахъ представляется намъ образомъ миссіонера!“ Этотъ видъ богослуженія (особое набоженство), эти молитвы устояли за Байкаломъ и послѣ смерти Венжика въ 1853 году. На могилу его товарищи положили доломитовый камень и, найдя въ имуществѣ 1 тыс. золотыхъ, постановили увеличить эту сумму добровольными взносами для того, чтобы возможно было въ окрестнѣхъ его родины купить землю, основать колонію и отдать ее во владѣніе родственнику какого либо заслуженнаго въ бою или отличившагося въ ржондѣ крестьянина. Прожилъ Венжикъ, отказывая себѣ во многомъ и ничего не жалѣя для другихъ; держалъ себя скромно, не хвастливо, бѣгалъ въ убогой одеждѣ, писать не любилъ; дѣятельная жизнь совершенно оторвала его отъ пера. Временами, въ веселомъ настроеніи духа, въ кутѣ пріятелей, импровизировалъ либо писалъ стишокъ, куплетикъ, который потомъ, пропѣтый товарищами, служилъ приправою бесѣдъ и поводомъ къ веселымъ шуткамъ товарищескихъ собраній.

Большой нерченскій заводъ въ два великихъ праздника (въ Рождество и Пасху) служилъ мѣстомъ общирнаго собранія всѣхъ поляковъ и, вообще, этотъ заводъ можно было считать важнѣйшимъ и главнымъ пунктомъ польскаго изгнанія въ Сибири; его называли „столицею забайкальскихъ польскихъ изгнанниковъ“. Изъ дальнихъ мѣстъ стѣснили къ этимъ днямъ всѣ ссылки для свиданія съ товарищами и для исполненія на великіе дни богослужебныхъ и праздничныхъ обрядовъ, указанныхъ религіею и народными обычаями. Это были и времена заявленій каждаго о личныхъ нуждахъ, планахъ и намѣреніяхъ. Тогда начинала свои дѣйствія общественная касса.

Касса польская, образуемая изъ взносовъ самихъ ссыльныхъ и отъ присылокъ изъ Польши, всегда владѣла нѣсколькими тысячами рублей *).

даль въ нихъ, о тѣхъ наводились справки; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ строго наказывали. Забайкальскій католическій приходъ заключалъ въ себѣ въ 1860 году 1.635 прихожанъ; за пять лѣтъ до того ихъ было 758 и въ томъ числѣ 150 политическихъ преступниковъ. Приходъ этотъ устроенъ въ 1840 году по желанію и просьбамъ ссыльныхъ этого періода; до тѣхъ поръ Забайкалье принадлежало къ Иркутскому приходу.

*) Сооруженію въ заводѣ каплички съ малымъ органомъ и снабженію ея всѣмъ необходимымъ способствовала много Грохольская, изъ Подольской губерніи, высланная за то въ Ярославль. Впослѣдствіи да деньги, собранныя съ прихожанъ и на Волынѣ и Украинѣ Раковского, предполагено было выстроить костелъ въ Читѣ съ тѣмъ, чтобы упразднить существовавшій въ

*) Для уставщиковъ такого «набоженства» Венжикъ написалъ инструкцію подъ названіемъ «Uwagi o potrzebach pobozenstwa bajkalskiej parafii». Впрочемъ, и само правительство строго требовало исповѣди у ксендзовъ, обязанныхъ составлять списки исповѣдникамъ. Кто не пона-

наблюдались она особымъ кассиромъ, ежегодно избираемымъ на эту должность (Венжикъ безсмысленно состоялъ таковымъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ). Изъ кассы брали помощь старики, больные, либо оставшіеся безъ занятій; она же давала и займы для устройства быта и различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предприятий. На вспомошествованіе ея имѣлъ право каждый членъ ссыльной колоніи, этой польской общины зѣ Байкаломъ; не пользовались же этимъ правомъ только поляки, сосланные не за политическія преступленія, какъ не признанные въ составѣ общины, не пользовавшиеся не платившіе процентовъ (не вносившіе денегъ) и тѣ изъ политическихъ, которые успѣли жениться на сибирячкахъ, какъ добровольно исключившіе себя изъ нее черезъ нарушеніе одного изъ коренныхъ правилъ колоніи. „Община была и есть утѣхою жизни поляковъ въ ссылкѣ. Взаимная помощь и взаимный контроль уладили ссыльных, облегчили имъ жизнь, спасли ихъ достоинство, возвысили помыслы и сдѣлали то, что поляки имѣли здѣсь неограниченный кредитъ, довѣріе и уваженіе, какъ выразились по отношенію къ нимъ мягкимъ и снисходительнымъ обращеніемъ властей, исканіемъ торговыхъ, товарищескихъ и иныхъ сношеній со стороны тамошняго народа“. Кромѣ того, въ Вольпомъ заводѣ, черезъ браки поляковъ между своими, образовалось нѣсколько польскихъ семейныхъ домовъ, гдѣ изгнанники не мало встрѣчали утѣшенія и помощи. Гостепріимство, искренность и прелесть приѣма, какими всегда отличаются польки, умѣли не одного изгнанника перенести воспоминаніями на далекую родину, тѣмъ болѣе, что и народные обычаи въ этихъ семьяхъ свято соблюдались.

Такимъ же пунктомъ для сходокъ товарищескихъ и для обмѣна мыслей служилъ нѣкоторое время Акатуйскій рудникъ, гдѣ ссыльные поляки группировались около Высоцкаго. Подъ влияніемъ этого замѣчательнаго человѣка умѣла также уберечься польская національность, склонная не дружить съ русскою, не смотря на благоприятныя условія, предлагаемыя добровольно и безъ принужденія и даже извѣстнаго рода необходимыя. Въ Акатуй къ Высоцкому, во время житія его на поселеніи, изъ ближнихъ странъ нерчинской ссылки собирались товарищи изгнанія и здѣсь, въ его скромномъ жилищѣ, торжественно справляли памятную годовщину 29 ноября. Высоцкій гостепріимно встрѣчалъ всѣхъ званныхъ и незванныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; временами кто нибудь запѣвалъ веселыя народныя пѣсни, всегда въ день св. Сатурнина раздававшіяся въ жилищѣ общаго любимца всѣхъ польскихъ изгнанниковъ*),

нерчинскомъ заводѣ Иркутскій костель, построенный гр. Литкою.

*) Нѣкоторые поляки, какъ Петръ Сцѣгн-

Этою тѣсною дружбою, этою готовностью ко взаимной помощи и поддержкѣ прославились поляки между сибиряками въ видѣ поразительнаго исключенія и замѣчательнаго образца. Въ Тобольскѣ встрѣчала ихъ помощь Петра Мошинскаго, сосланнаго туда на житіе, и князя-богача Романа Сангушки, надѣлявшаго деньгами каждого изъ проходившихъ въ этапной партіи, и проч. *). Всякій вновь прибывшій въ рудники ссыльный находилъ у старыхъ пріюты, обязательную помощь и необходимые совѣты на предстоящую жизнь, какъ бы отъ родныхъ братьевъ, кровныхъ друзей. Рѣдкій изъ ссыльных поляковъ не зналъ или не имѣлъ понятія объ остальныхъ товарищахъ по изгнанію: Высоцкій зналъ положительно каждого и ни одному изъ своихъ соотечественниковъ не отказывалъ въ гостепріимствѣ и совѣтахъ. Въ обязательствахъ такого всевѣденія предполагалась та возможность влияния на упавшихъ духомъ, которая выражалась, между прочимъ, въ стремленіяхъ не давать смѣшиваться польской крови съ русскою. Браки съ сибирячками считались измѣною отчизнѣ и незримый контроль и наблюденіе всегда являлись съ отговорами, мольбами и запрещеніями вездѣ и тотчасъ тамъ, гдѣ житейскія обстоятельства и сердечныя стремленія завязывали узы Гименея. „Такихъ общественное мнѣніе сурово карало, однако, старанія товарищей не всегда были успѣшны“. Сохраненіе національнаго чувства и патріотическихъ вѣрованій, съ самыми крайними и странными проявленіями, низведенными до тонкихъ мелочей, было одною изъ характеристическихъ особенностей и однимъ изъ главнѣйшихъ сознательныхъ стремленій всѣхъ политическихъ ссыльныхъ этого втораго періода ссылки. Успѣхъ задался въ такой степени, что изъ всего множества политическихъ ссыльныхъ Восточной Сибири, говорятъ, только 27 остались доживать здѣсь свой вѣкъ послѣ всемілостиваго прощенія. „Община (огуръ) такъ устроила дѣла изгнанниковъ Восточной Сибири, что они вернулись на родину, не словивши духа и не уронивши характера представителей Польши“ свидѣтельствуеъ Аг. Гиллеръ.

Жили поляки, подъ влияніемъ товарищества и при содѣйствіи общественной кассы, различный съ братьями (въ Александровскомъ заводѣ), пробовали жить товариществомъ на равныхъ, коммунистическихъ правахъ, но попытка ихъ не удержалась на практикѣ.

*) Романъ Сангушко числился солдатомъ въ тобольскомъ батальонѣ и жилъ на волѣ. Впоследствии, по ходатайству родственниковъ, переведенъ въ кавказскія войска съ дозволеніемъ выслуги. Когда дослужился, онъ уже очень мало видѣлъ и оглохъ. Глухимъ онъ встрѣтилъ и глухимъ остался къ послѣднему польскому возстанію, живя въ своихъ имѣніяхъ въ Волынской губ. Съ нимъ вмѣстѣ жилъ въ Тобольскѣ полковникъ Крыжановскій, отличавшійся въ наполеоновскихъ войскахъ въ Испаніи, другъ генерала Хлопицкаго, человѣкъ высокообразованный.

ными способами труда, приспособляемого на большую часть по образцам и требованиям местным: по заказам, подрядам и при содействии купцов, по наймам и под руководством чиновников; поляки искали либо частной службы, либо казенной. Наибольшее число их в Сибирь видела мелкими торговцами, купеческими приказчиками, либо станционными смотрителями и писарями; охотливѣ всего искали они выгодных мѣстъ волостных писарей. Привилегія грамотности и умѣнье писать составляли основную причину польскихъ успѣховъ во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ: близкія взаимныя связи, вслѣдствіе одноплеменности и союзничества, всегда (какъ и вездѣ на свѣтѣ) выражались тѣмъ, что тамъ, гдѣ удалось укрѣпиться одному, находилась возможность къ обезпеченію и другого поляка. Исключенія являлись только въ силу неодолимыхъ препятствій, предусмотрѣнныхъ законами физики или запрещеніями начальства, временами налагаемыми. Въ заводскихъ конторахъ писали обыкновенно трое, но и такому числу бумажныхъ работъ приходилось по горю: писали съ 8 до 12-ти, потомъ обѣдали, въ два часа опять садились писать и снова писали часовъ до 10 и 11-ти. Не было работы — ходили въ конторы сидѣть и снова писали уже отъ бездѣлья и сверхъ сята. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ опытные и образованные люди умѣли вынуждать и приспособлять такіе новые способы производствъ, о которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ до того времени мало разумѣли или не догадывались. Особеннымъ успѣхомъ пользовались знатоки различныхъ техническихъ производствъ, распространенныхъ въ Польшѣ, а наибольшую пользу сибирской странѣ оказали тѣ, которые, занявшись земледѣіемъ, приспособляли различные способы рациональнаго сельского хозяйства.

Между первыми особенными выгодами въ матеріальномъ отношеніи воспользовались тѣ, которые обратили вниманіе на превосходное дерево сибирскаго кедра, рѣдко растущаго сплошнымъ лѣсомъ, но замѣчательно распространеннаго по цѣлой Сибири. Плоды его, шишки съ орѣхами, составляли только любимый кормъ бѣлокъ и любимое лакомство сибирячекъ, превратившихъ щелканье кедровыхъ орѣховъ въ обязательное и ежедневное препровожденіе времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ предѣлахъ Западной Сибири, орѣхи — меледа составляли предметъ торговли и въ сыромъ видѣ вывозились за Уральскій хребетъ, продавались на Ирбитской ярмаркѣ. За Байкаломъ масло кедровыхъ орѣховъ составляло продуктъ русскаго приготовленія. Масло было лучше, потому что орѣхи чистились лучше, но за то не могло быть предметомъ серьезной торговли. Грызли орѣхи обыкновенно дѣвочки-подростки, но грызли онѣ такъ искусно, что, раскалывая скорлупу, не

касались зубами орѣховъ. За Байкаломъ нѣкоторые поляки основали небольшой заводъ для добыванія изъ орѣховъ масла, для очистки скорлупы и выжимки изъ мякоти продукта; одинъ изъ нихъ (Савичевскій) занялся усердіемъ другихъ, устроилъ даже и мыльный заводъ *). Кедровое масло изъ этой маслобойни тотчасъ обратило на себя вниманіе не столько какъ вещество новое, сколько какъ добротный продуктъ. Когда такой же опытъ произведенъ былъ Морачевскимъ въ Западной Сибири и масло дошло до Москвы, то, по свѣжести, цвѣту и другимъ качествамъ, оно найдено было соответствующимъ тому, на которое существуетъ въ православной Россіи такое огромное и повсемѣстное требованіе и громадный расходъ. Издавна, какъ извѣстно, въ этомъ случаѣ спросъ неизмѣримо превышаетъ фабрикацію привознаго продукта и деревянное или оливковое масло издавна приправляется всякими примѣсами другихъ маселъ, между которыми сурепному принадлежитъ первое мѣсто. При всегдашнихъ замѣшательствахъ по недостатку суррогатовъ, кедровое масло, свѣтлое и сладкое и близко подходящее къ привозному оливковому, показало московскимъ оптовымъ торговцамъ рѣшительнымъ кладомъ. Замѣченный недостатокъ смолистаго вкуса отъ доставки его въ сосновыхъ бочкахъ вскорѣ устраненъ былъ сибирскими заводчиками-поляками тѣмъ простымъ способомъ, что кедровое масло стали доставлять въ кедровыхъ бочкахъ. Дѣла заводчиковъ быстро поднялись: продуктъ ихъ продолжалъ сдабривать деревянное масло вопреки православному обычаю зажигать въ лампадахъ елей чистый и безпримѣсный. Успѣхъ увѣчалъ начинанія съ большою выгодною для поляковъ Западной Сибири, хотя съ наименьшею для заводчиковъ Забайкалья, но уже по причинамъ географическимъ.

Въ Сибири, какъ извѣстно, нѣтъ вовсе въ лѣсахъ вяза, клена и ясени; за Байкаломъ въ озерахъ и болотахъ — пиявокъ, въ лугахъ и лѣсахъ — пчелъ. На медъ, какъ на продуктъ, весьма дорогаго стоющій въ православной Сибири, которая соблюдаетъ посты и сильно потребляетъ чай и пряники, также обращено было вниманіе въ Западной Сибири. Разведенію пчелъ содействовали также ссыльные поляки, исконные знатоки и любители этого промысла, сильно

*) Савичевскаго поддержалъ кяхтинскій купецъ Ив. Як. Спѣшиловъ. Предпріятіе было, однако, не совсемъ удачно. Масло стало горько оттого, что у крупныхъ орѣховъ скорлупа вдавливалась въ мякоть, а мелкіе просекаивали съ цѣлою скорлупою между жерновами. Грохоты и жерновъ придуманы въ казематѣ декабристами. Отсюда и взяты И. Я. Спѣшиловымъ. Цѣна на масло не уменьшалась, однако; масло ручного производства было такъ дешево, какъ никогда не бывало при машинномъ производствѣ, потому что избытокъ шелъ въ кушанье.

развитого въ бѣлорусскихъ и литовскихъ лѣсахъ, содѣйствовали по инициативѣ начальника алтайскихъ заводовъ, полковника Аршеневскаго, богатаго человѣка и любителя сельскаго хозяйства. Въ 1790 году онъ выписалъ изъ Россіи два улья въ свой полковой штабъ. Съ легкой его руки воспитаны были пчелы около Семи-палатинска, въ Устькаменогорскомъ и Бухтарминскомъ краяхъ при содѣйствіи поляковъ и литовцевъ, поселенныхъ деревнями или опредѣленныхъ въ казачьи войска. Теперь пчеловодство сильно развилось и ворочаетъ сотнями тысячъ рублей на всемъ югѣ Томской губерніи, преимущественно въ Бійскомъ округѣ (медъ отсюда везутъ даже въ Иркутскъ); начинаютъ также разводить пчелъ и въ богатыхъ липовыхъ лѣсахъ по р. Тартасу въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи *).

На сибирское огородничество, вообще находящееся въ зачаточномъ состояніи, поляки вліяли главнымъ образомъ тѣмъ, что, выписывая изъ Польши сѣмена, ознакомили съ нѣкоторыми неизвѣстными и распространили лучшіе сорта овощей и плодовъ. Въ маленькихъ щеголеватыхъ огородахъ, даже у самыхъ бѣдныхъ изгнанниковъ, сибиряки увидѣли макъ, пѣтрushку, сельдерей, порей, цвѣтную капусту, фасоль, арбузы и дыни и имѣли возможность, черезъ подражаніе и при указаніяхъ, распространить возростаніе ихъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ (макъ, напримѣръ, хотя и хорошо родится на сибирской землѣ, но весьма мало воспитывался). Сибиряки, между прочимъ, глубоко убѣждены были въ томъ, что арбузы и дыни, кромѣ парниковъ и оранжерей, нигдѣ родиться не могутъ. Воспитанные тамъ плоды эти продавались въ Иркутскѣ отъ 5 до 10 р. асс. Но Вл. Фед. Раевскій (декабристъ) сталъ разводить арбузы въ 80 вер. отъ Иркутска въ Олонкахъ на особыхъ грядкахъ и безъ особенныхъ хитростей. Тамошнія бабы выучились, стали подражать, ихъ примѣру послѣдовали бабы въ Александровскомъ заводѣ и теперь на иркутскій рынокъ натаскиваютъ арбузовъ цѣлые воза, такъ что арбузъ стоитъ уже отъ 10 до 50 копеекъ **).

Какъ ссыльные на мысѣ Доброй Надежды

*) Между прочимъ, сибирскій медъ—такого качества, что подобнаго ему трудно найти въ Россіи.

**) Огородничество процвѣтало задолго до поляковъ у раскольниковъ Забайкалья и на Алтаѣ и распространено въ лучшихъ видахъ у декабристовъ задолго до прибытія поляковъ, которые вначалѣ даже и сѣменами пользовались изъ каземата. Въ Иркутскѣ задолго до поляковъ были у губернатора Пейдхера, а особенно у купца И. И. Баскина образцовыя оранжереи, которыя были бы замѣчательны и вездѣ. Въ Минусѣ разводились арбузы издавна, а въ Западной Сибири славятся ташкентскіе огурцы, какъ въ Восточной китайскіе, имѣющие ту выгоду, что можно было ихъ выращивать на окнахъ, на трельяжахъ и т. д.

развели виноградъ, эмигранты-французы основали въ восточныхъ предѣлахъ Лондона шелковыя фабрики и научили сакоонцевъ выдѣлывать сукна и шляпы (издѣлія, составлявшія до того времени монополію Франціи), такъ, между прочимъ, плѣнные шведы въ Орловской губерніи выучили косить пшеницу, а въ Сибири основали первыя школы *). Поляки кое-гдѣ за Байкаломъ и во многихъ мѣстахъ обнѣй Сибирей познакомили съ плугомъ. Въ остальной Сибири съ плугомъ и литовками ознакомили туземцевъ добровольные переселенцы Малороссіи, казаки. Поселенцы косили косой и горбушею, смотря, кто изъ какого мѣста былъ. Самая лучшая за Байкаломъ пшеница называется полька, а у семейскихъ старовѣровъ—кубанка, выписанная впервые изъ Польши и присланная черезъ почту. Подъ Вольскимъ нерчинскимъ заводомъ у изгнанниковъ былъ образцовый фольваркъ (хозяйствъ его Бульдеску). Нѣкоторые разводили лошадей, каковыя сибиряки охотно покупали, увѣренные въ томъ, что лошади, выхлѣбанные по европейскимъ образцамъ, крѣпки, красивы и быстры, и до сихъ поръ помнятъ, что между поляками Валекій искусно способствовалъ улучшенію породы туземныхъ лошадей. Шведы и финны въ томъ же Забайкальѣ, какъ и въ остальной Сибири, познакомили крестьянъ съ приготовленіемъ чухонскаго масла и тѣ же поляки основали фабрики сыровъ польскихъ и швейцарскихъ **). Была даже маленькая фабрика, приготовлявшая си-

*) Въ Тобольскѣ, между прочимъ, жили Дитмакъ, секретарь Карла XII, и полковникъ Страленбергъ, успѣвшій объѣздить съ ученою цѣлью многія мѣста Сибири. По возвращеніи изъ плѣна въ Стокгольмъ, онъ написалъ книгу (на нѣм. яз.): «Сѣверо-восточная часть Европы и Азіи, содержащая въ себѣ географическія, этнографическія и историческія свѣдѣнія о Сибири и отчасти объ европейской Россіи, съ картою Сибири». Татищевъ написалъ на эту книгу замѣчанія.

**) На Чикой, въ деревнѣ Шембеликѣ, полякъ Савичевскій имѣлъ два завода: мыльный и масляный (изъ кедровыхъ орѣховъ). Въ 1859 г. выработано имъ было масла на 12 тыс. руб. Савичевскій имѣлъ также чайную торговлю въ Кяхтѣ. Швейцарскіе сыры варили въ Петровскомъ заводѣ братья Карпинскіе. По возвращеніи ихъ въ 1857 году на родину, сыроварня эта исчезла безъ слѣдовъ. Сыръ, какъ извѣстно, возятъ за Байкалъ изъ Москвы за 6 тысячъ верстѣ; порядочное мыло, пригодное для стирки бѣлья, за 4 1/2—5 тыс. верстѣ изъ Казани; даже простыя салыны свѣчи идутъ въ Иркутскъ и дажѣ изъ Томска за 1 1/2, 2, 2 1/2 тыс. верстѣ. Приготовленіе обыкновеннаго польскаго сѣмга составляло необходимую принадлежность всякаго хозяйства польскихъ поселенцевъ. Въ Александровскомъ заводѣ Пасербскій и Вокуюскій имѣли свѣчной заводъ. Мыло варили задолго до поляковъ. Казанское привозили оттого, что оно было въ славѣ и провозъ за Байкалъ былъ необычайно дешевъ (напр., отъ моря (Байкала) до Читы 45 коп. асс. съ пуда).

гары изъ монгольскаго и нерчинскаго табаку.

Съ выѣздомъ поляковъ изъ Сибири упала добротность кедроваго масла, вызвавшая теперь въ Москвѣ сожалѣніе, къ тому же вывозъ масла уменьшился, сверхъ того, вслѣдствіе вздорожанія за Байкаломъ и въ Сибири всѣхъ работъ, въ томъ числѣ и добыванія орѣховъ, а особенно вслѣдствіе вздорожанія въ пять разъ и болѣе провоза. Исчезло безъ слѣда сыровареніе *). Не укрѣпился секретъ Валецкаго воспитывать лошадей, не пустила глубокихъ корней выдѣлка березовыхъ трубокъ, на которыя особенно охотливы и искусны были забайкальскіе поляки; не распространились по городамъ ремесла, не смотря на то, что сапожниковъ и башмачниковъ прислано было изъ Польши много, не смотря на то, что между слесарями и кузнецами поляками находились истинные артисты своего дѣла и, вообще, техническія производства и ремесла на городскую и дворянскую руку имѣли въ полякахъ замѣчательно хорошихъ представителей. Первая въ томъ краю вѣтряная мельница, построенная въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ, то же недолго похлопала крыльями и не нашла покровителей: вѣтры не крѣпки. Крупнаго вліянія и сильнаго впечатлѣнія дѣла и затѣи ремесленниковъ изъ поляковъ не произвели на ссыльные страны; не произвели и потому, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ желанія и цѣлей приспособлять свои ремесленныя знанія въ широкихъ размѣрахъ къ мастерству и школѣ, и потому, что всякій работалъ изъ-за насущнаго куска хлѣба. Воспользоваться ихъ знаніями и обратить ихъ на пользу туземцевъ никому и въ голову не приходило: омская весьма успѣшная и иркутская не сошедшій удачная попытка образовать поляками полковыхъ музыкантовъ, вмѣстѣ съ разведеніемъ пчелъ подъ Семипалатинскомъ, стоятъ одиноко и остались безъ подражателей *). Всякій работалъ самъ для себя и самъ про себя. И Высоцкій варилъ въ Акутуѣ мыло, но издѣлія его, въ маленькихъ квадратныхъ выпуклыхъ печаткахъ (съ надписью P. W. Akutuja), не употреблялись по назначенію, а раскупались для храненія на память обожавшими его земляками. Мыло поляка Хлопицкаго приманило было сначала своимъ бѣлымъ видомъ, но когда оказалось не мыло, то и потеряло скоро кредитъ. И братья Далевскіе лили салныя свѣчи, и на р. Аргуни двое поляковъ основали кожевню, но издѣлія первыхъ вовсе не расходились дальше хатъ Газимурскаго селенія, а издѣлія вторыхъ удовлетворили только мѣстнымъ ну-

ждамъ контрабандистовъ. Цециковскія же глиняныя статуэтки, вазы и трубочки весьма мало нашли себѣ подражателей и продолжателей. Съ большою охотою пускались поляки на мелкія работы: шли башмаки, дѣлали деревянные чашки, ложки, ведра, кадунки, глиняные горшки; на Шилкѣ и Аргуни занимались рыбною ловлею, охотою; у купцовъ жили въ поварахъ, въ приказчикахъ, бухгалтерами, учителями при дѣтяхъ (особенно большую помощь нашли поляки у богатыхъ купцовъ Кандинскихъ). Между прочимъ, поляки любили разносную торговлю коробейнымъ товаромъ; нѣкоторымъ при этомъ приходилось, по вызову и требованіямъ туземнаго населенія (какъ въ Западной Сибири), гадать за яйца для пущаго успѣха на царѣ Соломонѣ, колдовать, ворожить и лечить всякими вѣдомыми и невѣдомыми снадобіями. Нѣкоторымъ удалось отъ торговли и различныхъ подрядовъ разбогатѣть до забвенія о родинѣ, а нѣкоторымъ послѣ того и раззориться (какъ случилось въ Восточной Сибири — именно за Байкаломъ, когда переименовали крестьянъ въ казаковъ и въ вознагражденіе за пожертвованія при этомъ воспретили имъ платить купцамъ долги **).

Несомнѣнно прочтѣе и плодотворнѣе было вліяніе тѣхъ изъ поляковъ, которые посвятили себя обученію дѣтей грамотѣ, тѣмъ болѣе, что это занятіе принадлежало значительному числу ихъ, а притомъ въ такихъ далекихъ мѣстахъ и глухихъ заколустяхъ, гдѣ безъ этихъ случайныхъ гостей дѣло грамотности коснѣло бы при старыхъ порадахъ. Недовѣрчивость и упорство, высказавшееся на встрѣчу полякамъ на первыхъ шагахъ ихъ, имъ удалось усилить терпѣніемъ и настойчивостью и, во всякомъ случаѣ, при обстоятельствахъ, болѣе благоприятныхъ (въ городахъ, мѣщанскихъ и купеческихъ семействахъ), ссыльнымъ полякамъ удалось значительно предотвратить и восполнить недостатокъ воспитателей. Съ точностью опредѣлить ихъ услугу и найти ея границы невозможно только потому, что параллельно съ ихъ дѣятельностью на поприщѣ обученія шла таковая же готовная, неустанная, правильная и честная дѣятельность декабристовъ **).

*) Богатый домъ Кандинскихъ съ этого времени пошелъ быстро къ паденію и банкротству. Пострадали отъ этой мѣры и два извѣстныхъ поляка: Гжовскій и Грушевскій. Послѣдній жилъ въ Култумѣ и велъ обширную торговлю, имѣя большое хозяйство; на р. Газимурѣ не было человека, который не состоялъ бы у него въ долгахъ. Самыми выгодными предпріятіями и спекуляціями считали поляки тѣ, которыя приводилось имѣть съ казною, по причинамъ, весьма хорошо извѣстнымъ и не требующимъ объясненій.

**) Денѣе выражалось вліяніе поляковъ въ передачѣ знаній французскаго языка и другихъ иностранныхъ, на преподаваніе которыхъ они охотливѣе соглашались, тѣмъ на преподаваніе

*) Впрочемъ, польскій сыръ былъ очень плохого качества.

**) Въ составъ иркутскаго оркестра вмѣстѣ съ поляками поступили, между прочимъ, ссыльные дворяне гр. Аракчеева, сосланные по дѣлу убійства извѣстной графской любовницы Натасьи.

общихъ усилій очевидно: количество грамотныхъ въ казачьемъ сословіи, между заводскими крестьянами и городскими мѣщанами несравненно выше соотвѣствующихъ имъ сословій Россіи. Сибирское купечество вообще отличается наибольшимъ развитіемъ въ политическихъ взглядахъ, наибольшимъ такъ называемымъ энциклопедическимъ образованіемъ, тѣмъ, напр., то же купечество, которое покупаетъ у нихъ чай и мѣха и отпускаетъ имъ ситцы, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготавливаемые Москвою. Гостепріимно отворяя двери изгнанникамъ, въ нравственномъ отношеніи сибиряки много выиграли, судя по личнымъ нашимъ наблюденіямъ и по свидѣтельству всѣхъ, имѣвшихъ съ ними дѣла и встрѣчи. Снисходительность и терпимость сибиряковъ, развитыя опытомъ и вызванныя необходимою, даже сильнѣе въ этомъ случаѣ, тѣмъ въ долготерпливой и неспокойной Россіи. Этимъ-то свойствомъ обязаны сибиряки сближеніемъ съ политическими ссыльными и приобрѣтеніемъ отъ нихъ возможныхъ услугъ и помощи. Во всякомъ случаѣ, политическіе изгнанники оставили въ Сибири слѣды глубокіе и примѣтные.

Полякамъ привелось, вслѣдъ за другими, будить мысль, поднимать самосознаніе и направлять самостоятельность. Общими усиліями всѣ политическіе ссыльные, главнымъ образомъ, достигли до того уваженія у туземцевъ и до той сибирской терпимости, которая имъ же самимъ послужила на пользу, пойдеть вооруженная готовностью и на будущія времена. Мы не говоримъ уже о той пользѣ странѣ, которую принесли, между прочимъ, поляки, явившіеся съ врачебными знаніями, съ каковыми многіе (какъ Шокальскій), не смотря на запрещеніе имъ практики, шли на безвозмездную и готовую помощь сибирскимъ людямъ, предоставленнымъ судьбою въ пользованіе ламъ и шамановъ **).

русскаго языка. Точно также сибиряки много обязаны полякамъ въ обученіи музыкѣ. Музыкѣ они учили также съ замѣчательною охотою. Въ Кяхтѣ они сильно распространили игру на фортепіано. Уже въ 1836 году въ Иркутскѣ молодые купцы танцовали французскую кадрили и принимали самое живое участіе на балахъ, входившихъ въ моду, и на музыкальныхъ вечерахъ, начинавшихъ интересоваться обществомъ. У многихъ многихъ купцовъ, въ то же время, существовали уже значительныя библіотеки съ хорошими книгами и имѣлись кабинеты съ рѣдкими и изящными вещами. «Жены и купеческія дочери, по свидѣтельству самовидца, блистали богатыми нарядами, выходцами Кузнецкаго-Моста». Въ Кяхтѣ поляки весьма нерѣдко давали музыкальные концерты; одинъ изъ такихъ артистовъ остался директоромъ оркестра въ иркутскомъ театрѣ.

**) Между прочимъ, нѣкоторые поляки по примѣру литвы и жмуди, пробовали заводить, на Ленѣ, въ окрестностяхъ Киренска, общества трезвости. Попытка кое-гдѣ привилась. Въ Иркутскѣ подобная же попытка не имѣла успѣха,

Несомнѣнно почувствовала бы Сибирь еще большую помощь и пользу отъ изгнанниковъ и сами они устремились бы въ эту сторону съ большею энергіею и готовностью, если бы не стояли на пути предвзятыя сепаративныя національныя стремленія соблности и сохранять себя послѣдовательными своимъ идеямъ. Поляки уронили себя въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, что сдѣлались участниками всѣхъ злоупотребленій администраціи и увлеклись снова на дурной путь евреевъ, которые въ Сибири начали было отставать отъ своихъ прежнихъ привычекъ. Несомнѣнно поляки принесли бы большую пользу странѣ, если бы не замыкались въ свои товарищества. Искали, а не сторонились бы отъ сибирскаго общества, если бы въ чужой странѣ между поляками (преимущественно высшихъ слоевъ и образованными) не развивалась жестокая болѣзнь тоски по родинѣ. Не мало силъ, не мало людей утратили политическіе ссыльные въ своей средѣ на борьбу съ частыми и сердитыми припадками этой болѣзни, особенно чувствительной въ промысловой и земледѣльческой Сибири для горожанъ и особенно опасной для людей высшаго образованія, показавшихъ столько любви къ родинѣ и пожертвовавшихъ для нее своею свободою. Исканіе этой свободы, стремленіе достичь того положенія, при которомъ вѣроятна помощь и служба отчизнѣ, составляютъ одну изъ яркихъ и существенныхъ особенностей въ ссылкѣ втораго періода, предшествовавшего настоящему, современному намъ. Не смотря на громадные географическія препятствія, не смотря на неудачныя попытки прежнихъ временъ, могущія служить урокомъ, новыя попытки побѣговъ повторились съ замѣчательною настойчивостію, но съ тою же непрактичностью пріемовъ, однако, съ тѣмъ же единодушіемъ и въ разсчетъ надеждъ на ту же Францію.

Очутившись въ положеніи сказочнаго богатыря, передъ которымъ протянулись четыре дороги: „прямо ѣхать, — головы не снести, направо ѣхать—коня сгубить“, ссыльные поляки совѣтовъ бывалыхъ не спрашивались, указанія туземцевъ не доискивались; по волѣ личной фантазіи и по указаніямъ кое какихъ учебныхъ географическихъ картъ, рисовали самыя смѣлыя планы, врачевали свою острую болѣзнь многоразличными призраками. Такъ, одному изъ такихъ богатырей, руководившихъ картою, представлялись различныя средства врачеванія. Пять дорогъ лежитъ передъ глазами, изъ предѣловъ Западной Сибири:

Одна на востокъ, въ глубь Сибири, къ Охотску; тамъ море и корабли, на корабляхъ путь на берега Америки въ Калифорнію и Соединенныя Штаты; другая на западъ, къ Байкалу, по несочувствію властей и духовенства; за Байкаломъ такихъ же приспособленій никто не пробовалъ дѣлать.

ненные Штаты, оттуда въ Европу — и во Францію!

Другая дорога на Киргизскую степь въ Бухару; черезъ Персію и Кабулъ до англійскихъ поселеній въ Индію, либо черезъ Персію въ Турцію, въ Европу—во Францію!

Третья дорога на юго-западъ; дойдя до горъ Уральскихъ, взять на лѣво, дойти до истоковъ рѣки Урала и плыть по ней до Каспійскаго моря (?). Дойдя до черкесовъ, остаться у нихъ, либо черезъ Персію и Турцію—опять въ Европу, во Францію!

Либо, перейдя Уральскія горы, не брать на лѣво а ставъ на высотѣ губернскаго города Уфы, доплыть до Волги рѣкою, въ нее впадающею, потомъ Волгою доплыть до канала, соединяющаго ее съ Дономъ (?), и черезъ Новочеркасскъ до Таганрога, гдѣ сѣсть на корабль и Чернымъ моремъ въ Европу до Франціи. Либо, если это не удастся, изъ Таганрога черезъ донскихъ казаковъ, черезъ губерніи: Екатеринославскую, Херсонскую, Бессарабскую, Молдавію и Валахію до Турціи, и оттуда—во Францію.

Наконецъ—прямо на западъ до Уральскихъ горъ; съ высоты Тобольска взять вправо на сѣверъ, рѣками Печорою и Вычегдою доплыть до Двины, а этою рѣкою до Архангельска. Тамъ, сѣвъ на какой нибудь европейскій корабль, достигнуть Швеціи либо Англіи, а оттуда—во Францію!

Всѣ эти пути одинаково смѣлы до дерзости, одинаково невѣрны и не безопасны.

Руфиму Пиотровскому удалось бѣжать послѣднимъ путемъ, самымъ кривымъ и окольнымъ, и рассказать изумительныя подробности на любопытство постороннихъ и холодныхъ слушателей, на страхъ и сомнѣніе желающимъ подражать. Отъ бѣгавшихъ въ южную сторону на монгольскія и киргизскія степи, изъ Восточной и Западной Сибири, рассказы всѣ одни и тѣ же: кочевники, замѣтивъ идущаго въ степи вооруженнаго человѣка, не нападаютъ на него прямо и вовсе не имѣютъ намѣреній его убивать. Монголы или киргизы въ такомъ случаѣ, изъ боязни потерять кого либо изъ товарищей во время стычки съ бѣглымъ, обыкновенно собираютъ облаву и издали замыкаютъ бродягу въ подвижную колонну. Отрядъ этотъ ни на минуту не спускаетъ глазъ съ идущаго и подвигается слѣдомъ за нимъ въ ту же сторону, въ которую направится онъ. Въ то же время они свой грозный кругъ стягиваютъ все болѣе и болѣе. Нѣсколько дней такая облава имѣетъ терпѣніе мучить бѣглаго, наблюдая за тѣмъ, чтобы онъ не могъ укрѣпиться. Уже совсѣмъ измученнаго и страшно оголодавшаго берутъ кочевники безъ боя и непремѣнно въ ближайшемъ пограничномъ караулѣ выдаютъ живьемъ военному русскому начальству. Начальство при этомъ обре-

меняется значительными хлопотами и большою перепискою съ пограничными китайскими властями, иногда обязывается значительными платежами за все украденное вдесятеро, согласно мирному трактату.

На Киргизскую степь, на вторую невѣроятную дорогу, бросились поляки Западной Сибири по прозвѣстію ксендза Сироцинскаго и жестоко поплатились за попытку. Она имѣла сильное и неблагоприятное вліяніе на судьбу всѣхъ сибирскихъ поляковъ, уже успѣвшую подчиниться большому хладнокровію и обычному равнодушію присяжныхъ приставниковъ и бюстителей. Вотъ что извѣстно объ этой попыткѣ.

Ксендзъ Сироцинскій, бывшій пріоръ базилиановъ въ Овручѣ (на Волыни), за участіе въ ноябрьскомъ возстаніи лишенъ былъ капеланскаго званія и, сдѣлавшись изъ пріора простымъ казакомъ, очутился въ Омскѣ. Когда образовалось здѣсь казачье училище и понадобился учитель, вспомнили, что Сироцинскій былъ профессоромъ и наблюдателемъ за школами. Ему дали мѣсто, а съ нимъ и наибольшую свободу. На свободѣ онъ сдружился съ ссыльными докторомъ Шокальскимъ и составилъ большое тайное общество въ средѣ поляковъ, сосланныхъ въ линейныя и казачьи войска. Цѣль заговора: постараться оторвать Сибирь отъ Россіи, освободить всѣхъ „несчастныхъ“ отъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ и поднять поселенцевъ на мѣстахъ водворенія. Омскъ съ артиллерійскими запасами, аммуниціею, оружіемъ, денежною казною и прочимъ возбуждалъ сильный соблазнъ. Къ этому обществу успѣли примкнуть и татары и русскіе, свободные и невольники. Положено было, въ случаѣ неудачи большого бунта, бѣжать всѣмъ, вооруженною рукою, черезъ Киргизскую степь въ Ташкентъ, гдѣ предполагалось много католиковъ, и въ Бухару. Отсюда, если бы того потребовала окончательная необходимость, направиться въ англійскую Индію. Въ Омскѣ и его окрестностяхъ собралось поляковъ тысяча до двухъ; Киргизская степь, тотчасъ по ту сторону Иртыша, манила neodолжимымъ соблазномъ искателей сильныхъ ощущеній и приключеній.

Въ назначенный день вечеромъ должна была начаться революція. Но нашлось трое поляковъ, солдаты повстанія 1830 года (Княкъ изъ Варшавы и Гаевскіе изъ конгрессовой Польши), которые, явившись къ полковнику Деграве, рассказали все: что заговоръ распространился по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Сибири, что въ самыхъ глухихъ онъ встрѣтилъ сочувствіе, что если не принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, онъ обхватитъ всю страну и непремѣнно удастся. Они указали на Сироцинскаго, какъ на вождя, и на многихъ другихъ сообщниковъ, какъ на имѣвшихъ наибольшую власть, вліяніе и значеніе. Всѣ таковыя,

какъ жившіе либо въ Омскѣ, либо въ ближайшихъ его окрестностяхъ, были тотчасъ арестованы. Изданы были строжайшія приказанія и разосланы распоряженія по самымъ отдаленнымъ мѣстамъ Западной Сибири съ тѣмъ, чтобы наискорѣйшимъ образомъ арестовать всѣхъ подозрительныхъ и вліятельныхъ лицъ: русскихъ, поляковъ, сибиряковъ, поселенцевъ и крестьянъ. Нахватаю было сначала до тысячи человекъ. Доктору Шокальскому съ полякомъ Зубчевскимъ и русскимъ Мелодинимъ удалось ускользнуть на первый день арестовъ и бѣжать на почтовыхъ по тракту въ Оренбургскую губернію. Шокальскій игралъ въ дорогѣ роль войскового доктора, Зубчевскій — фальшера, Мелодинъ — лакея. Въ Прѣсновской станицѣ бѣглецы узнаны и, подъ сильнымъ конвоемъ, возвращены были въ Омскъ, гдѣ на то время слѣдствіе было въ полномъ разгарѣ. Аресты производились и въ концѣ 1834 г. и въ началѣ 1835. Дано было знать въ Петербургъ. Двѣ слѣдственные комиссіи, одна за другой, распутывали дѣло и разошлись, не постановивши никакого рѣшенія. Третья комиссія была прислана изъ Петербурга: она работала три года и довела—таки слѣдствіе до конца. Нѣкоторыхъ, по невинности ихъ, выпустили на волю, признанныхъ виновными предали суду. Въ ожиданіи суда главный виновникъ не упалъ духомъ: въ тюрьмѣ писалъ стихи, передъ судомъ ничего не повѣдалъ, на слѣдствіи также ничего не могли отъ него узнать. „Разъ родила мати—разъ пропадати“, говорилъ Сироцинскій всѣмъ свою украинскую поговорку. Стихи его были распространены между сибирскими поляками: ими онъ оживлялъ энергію, возбуждалъ надежды и укрѣплялъ патріотическій духъ невольниковъ. Дѣло было начато въ широкихъ размѣрахъ и наполнило страхомъ цѣлую Сибирь. Подъ влияніемъ этого страха и по окончаніи дѣла полякомъ подозрѣвали, преслѣдовали. Между прочимъ, въ Прѣсновской станицѣ заподозрили поляковъ въ поджогахъ и въ умыслахъ на продолженіе замысловъ Сироцинскаго: четверыхъ наказали ссылкой въ Усть-Каменогорскую крѣпость, гдѣ пять лѣтъ заставляли работать въ кандалахъ, а въ 1845 г. послали солдатами въ Нерчинскъ. По окончаніи омскаго дѣла, съ заводовъ Западной Сибири стали переводить на заводы Восточной. Въ Иркутскѣ до такой степени боялись поджоговъ, что польскіе солдаты въ тамошнемъ гарнизонѣ окружены были самыми строгими наблюденіями. Ихъ товарищамъ—солдатамъ приказано было имѣть заряженные ружья и вазать всѣхъ поляковъ въ казармѣ, лишь только послышится звонъ набатнаго колокола. Многихъ поляковъ, по подозрѣнію, успѣли запретъ на гауптвахты; многихъ разослали по забайкальскимъ городамъ: въ Верхнеудинскъ и Кяхту. Пирофобія въ Сибирь

никогда не была такъ повсемѣстна и столько опасна, какъ въ это время. Всякій пожаръ приписывался поджогахъ поляковъ; страхъ изъ Сибири успѣлъ даже перейти за Уральскій хребетъ и распространиться по Россіи. Положеніе политическихъ преступниковъ ухудшилось. Въ 1848 году особенно сильное движеніе между всѣми ссыльными произвело запрещеніе имѣть собственность. Если при увольненіи нѣкоторыхъ произошла неформальность, велѣно снова возвращать на каторгу. Такъ всѣ, пробывшіе 10 лѣтъ, но сосланные на 20, успѣвшіе жениться и обзавестись хозяйствомъ, обязаны были вернуться снова на каторгу доработывать 10 лѣтъ.

Приговоръ по омскому дѣлу былъ утвержденъ въ такомъ смыслѣ: шестерыхъ присудили къ 7.000 палокъ и затѣмъ велѣно на всю жизнь сослать въ тяжкія работы на нерчинскіе рудники. Остальныхъ присудили къ 3-мъ, 2-мъ и 1-ой тысячамъ палокъ либо розогъ, а потомъ первыхъ на всю жизнь въ тяжкія работы, либо на ограниченное число лѣтъ, либо прямо на поселеніе. Послѣднихъ велѣно разослать въ разные отдаленные сибирскіе батальоны и отряды. День, назначенный для экзекуціи, 7 марта 1837 г., былъ морозный: на площади, засыпанной снѣгомъ, поставлены были два тысячныхъ батальона солдатъ, вооруженныхъ палками такой толщины, чтобы три могли войти въ дуло ружья. Батальоны выровнялись, вытянувшись, вопреки устава, въ широко-разставленные шеренги; солдаты должны были стоять вольно въ тѣсныхъ рядахъ; ударяя, они обязаны были недалеко отбивать локоть отъ боку и не выставлять своихъ ногъ изъ рядовъ. Первымъ повели Шокальскаго съ обнаженною по поясъ спиною, съ привязанными къ прикладу ружья руками, за которые держались два унтеръ-офицера. Находящійся при экзекуціи докторъ заступился за собрата и, идя сзади его, шепталъ солдатамъ бить легче, имѣть состраданіе: „безсиленъ и хворъ, не выдержитъ“. Когда послѣ 5 тыс. палокъ Шокальскій упалъ и когда на совѣтъ коллеги отходить послѣднюю тысячу и разомъ кончить экзекуцію не согласился, докторъ настоялъ на томъ, чтобы прекратили наказаніе и отправили больного въ лазаретъ. Послѣднимъ водили Сироцинскаго. Подходя къ рядамъ, крѣпительныхъ капель онъ не принялъ, когда услышалъ приказъ начинать, — сталъ говорить на распѣвъ покаянный псаломъ: *Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam tuam* и проч. Слабый, исхудалый въ заточеніи, Сироцинскій наказанія не выдержалъ; не выдержали и другіе товарищи. Отдохнувшій въ лазаретѣ Шокальскій отходилъ потомъ послѣднюю тысячу и на другой же день увезенъ былъ въ нерчинскіе рудники.

Здѣсь его не употребляли въ работы. Жилъ

онъ на Карѣ, занимался торговлею и отъ нее кормился; мечилъ безвозмездно. Его коричневый самодѣльный сюртукъ съ воротничкомъ, опушеннымъ собольимъ мѣхомъ, до сихъ поръ помнятъ тамъ, помнятъ потому, что видѣли его и въ норахъ каторжныхъ жилищъ, и на самомъ промыслѣ, и въ 7 и болѣе верстахъ отъ него (насколько позволялъ законъ). Днемъ и ночью шелъ Шокальскій на помощь и избавленіе къ каторжнымъ и богатымъ и особенно счастливы были на леченіе ранъ всякаго рода. Радъ онъ былъ, если за практику получалъ отъ бѣдняковъ въ награду чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, но и получая подарки отъ богатыхъ на улучшеніе костюма—никакихъ измѣненій въ немъ не дѣлалъ; любя простоту, жилъ самымъ скромнымъ образомъ *).

„Это была натура крѣпкая (говоритъ Гиллеръ со словъ знавшихъ его), праздность была для него смертию. Ничѣмъ не сокрушенный, и на Карѣ онъ еще успѣлъ составить цѣлый новый планъ побѣга. Всѣмъ товарищамъ сообщилъ онъ планъ общаго поголовнаго спасенія рѣкою Амуромъ до береговъ Великаго океана. Всю свою душу онъ отдалъ на выработку этого плана, но когда планъ оказался невозможнымъ и рухнули всѣ надежды, докторъ впасть въ тѣлую меланхолію. Сначала онъ заперся въ своей комнатѣ и ходилъ по ней быстрыми шагами, развивая въ мысляхъ какія-то намѣренія. Одинъ изъ его товарищей, возвращавшійся домой и подошедшій къ окну доктора, замѣтилъ его возбужденное состояніе, но, увидавши въ углу ружье, понялъ въ чемъ дѣло. Просилъ доктора отпереть двери, но получилъ отказъ; рѣшившись приподнять окно, слышалъ угрозы; когда побѣдъ за помощью—докторъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

„Ружье заряжено было заломаннымъ гвоздемъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ вошла полиція, выломавши двери, то нашла Шокальскаго раставившимся на полу: изъ груди ручьемъ била кровь, а собака его, Филаръ, положивши морду на грудь въ предчувствіи смерти благодѣтеля, жалобно выла. Полиція хотѣла оттащить собаку, но пришедшій въ себя Шокальскій сказалъ: „не трогайте, прошу васъ, пусть простится со мною мой навѣрнѣйшій товарищъ и другъ“!

„Послѣ выстрѣла онъ жилъ еще съ недѣлю. На вопросы о поводахъ къ самоубійству, отвѣчалъ одно: „я стрѣлялъ въ себя отъ любви“, и ничего болѣе не хотѣлъ говорить полиціи. Товарищамъ же своимъ сообщалъ, что выстрѣлилъ въ себя отъ тоски по роднѣхъ“ **).

*) Кромѣ Шокальскаго, пользовались уваженіемъ и извѣстностью и оказывали врачебную помощь за Байкаломъ Левинскій и Вопре, сосланный по дѣлу Конарскаго. По рецептамъ послѣдняго, аптеки выдавали лекарства безъ подписи (на какую-нибудь сильную не имѣлъ права); больныхъ возили къ нему изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ.

**) Случай самоубійства и сумасшествія ме-

Та же тоска неволи вызвала новое происшествіе уже въ предѣлахъ Восточной Сибири. Двумя годами позднѣе омскаго дѣла (въ 1836 г.), когда еще не былъ произнесенъ приговоръ надъ товарищами Сиродинскаго и еще не началось поголовное перемѣщеніе поляковъ изъ одной Сибири въ другую—задуманъ былъ поголовный побѣгъ тѣхъ поляковъ, которые находились на заводахъ Восточной Сибири. Началось движеніе на Александровскомъ винокуренномъ заводѣ подъ Иркутскомъ. Начинать его бывшій полковникъ польскаго восстанія 29 ноября 1830-года Петръ Высоцкій, сложившій исполнскій планъ бѣгства черезъ Сибирь, Саянскія горы, Джунгарію и Туркестанъ до Индіи, откуда надѣялся онъ на англійскихъ корабляхъ достигнуть Европы. Онъ предварительно нарисовалъ карту цѣлой Азіи, проложивъ по ней дороги черезъ гѣсы, горы и степи между дикими народами, и рѣшился лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ несбыточнаго плана и долѣе оставаться въ неволѣ. Сдѣлавъ запасъ съѣстныхъ припасовъ, насколько можно было запасти, Высоцкій всемеромъ выбралъ моментъ для побѣга тотъ, когда запирали ихъ тюрьму. Побѣгъ удался: они выскользнули изъ завода и когда одинъ изъ нихъ захворалъ, товарищи вели его подъ руки нѣсколько верстъ до Ан-

жду поляками рѣдки, не смотря на крутое положеніе сѣлки, порождающей пессимизмъ. Кромѣ Шокальскаго, извѣстенъ еще самоубійца Васильевскій, присланный въ 1831 году польскій крестьянинъ, успѣвшій жениться на сибирячкѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ ходилъ по знакомымъ (чего никогда въ жизни не дѣлалъ) и просилъ: «Дайте милостивно дѣтямъ, просятъ одежды и пищи». Вскорѣ потомъ нашли его на сѣновалѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Кромѣ того, замѣчено за Байкаломъ нѣсколько случаевъ умопомѣшательства, характернаго для насъ глубокою меланхоліею, вслѣдствіе тоски по роднѣхъ. Одинъ, напр., весельчакъ и сказочникъ промолчалъ все время изгнанія на всѣхъ товарищескихъ бесѣдахъ и такимъ убралъ на родину; другой ничѣмъ и ни у кого не хотѣлъ одолжаться даже пищею, не смотря на крайню бѣдную и голодное житее свое, и возвратился изъ изгнанія окончательно помѣшаннымъ. Третьимъ доказанное помѣшательство, въ силу врачебныхъ удостовѣреній, помогло возвратиться по ходатайству жёнъ и семействъ на родину, прежде сроковъ и въ видахъ исключенія.

На оловянно-серебряномъ рудникѣ «Тайна» (близъ газимурскаго завода) въ шахтѣ, два поляка и одинъ русскій разбивали кирками оловянно-серебряную руду, соединенную съ сѣрою. Огонь, введенный на дѣш шпаты, вскорѣ наполнилъ удручанными газами атмосферу всѣхъ корридоровъ. Поляки вышли на свѣжій воздухъ, но одинъ изъ нихъ, вспомнивъ о третьемъ товарищѣ вернулся за нимъ и казадъ не возвратился. Второй полякъ отправился за нимъ и, увидѣвъ въ безпамятствѣ, взявъ на плечи и иносѣть вверхъ по лѣстницѣ. На половинѣ пути дурнота заслѣпила ему глаза, силы оставили его и онъ вмѣстѣ съ товарищемъ упалъ внизъ, гдѣ разбилъ себѣ объ камень голову.

гары. За нею, въ Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ, они намѣревались соединиться съ тамошними земляками. Дойдя до рѣки, для переправы на другую ея сторону, они соорудили плотъ изъ лиственницы, но переѣхать не могли, потому что плотъ, сколоченный изъ свѣжаго дерева, тонулъ на водѣ. Тогда они одного изъ товарищей послали за лодкою. Явился крестьянинъ, спустил лодку на воду и управилъ ее въ самую середину облавы, которая уже успѣла на погибель ихъ, по указаніямъ измѣнившаго ихъ и намѣренію вызвавшагося за лодкою товарища. Быстрое теченіе Ангары давало бѣглецамъ нѣкоторую возможность на спасеніе, но облава изъ команды и каторжныхъ, засѣвшая въ кустахъ на берегу Усольскаго острова, начала стрѣлять. Пули свистали надъ головами и одна изъ нихъ попала Высоцкому въ руку; лодки отъ берега придвинулись къ нимъ и вблизи острова кругомъ ихъ оцѣпили. „Поляки, кромѣ оружія, имѣли другое дѣйствительное орудіе, то есть деньги, но ничто не помогло. Каторжные первыми ихъ связали и представили полковнику Злобину, обобравъ ихъ, что называется, какъ липку“ *). Въ Иркутскѣ приковали ихъ къ тачкамъ и судили цѣлый годъ. Высоцкій получилъ одну тысячу палокъ (не плакалъ, не стоналъ); Вагунскій — 500; остальные были наказаны розгами, а всѣ переведены въ нерчинскіе рудники — въ Акатуй.

Въ Акатуй Высоцкій прикованъ былъ къ тачкѣ, ходилъ съ товарищами въ теченіи двухъ лѣтъ на работу въ горы копать руду и жилъ сначала въ одиночномъ заключеніи. Выпущенный изъ тюрьмы, онъ жилъ при рудникѣ на поселеніи, изъ Акатуя нигде не выѣзжалъ. Къ концу изгнанія и его сильную натуру постигла болѣзнь меланхоликъ: онъ часто хворалъ до того, что нерчинское начальство принуждено было ходатайствовать въ Петербургъ объ освобожденіи его изъ тюрьмы, но разрѣшенія не получило. Высоцкій сталъ задумчивъ, избѣгалъ товарищества, не хотѣлъ никого знать, ни съ кѣмъ не говорилъ. Недовѣріе къ людямъ овладѣло его душою до того, что онъ запирался въ квартирѣ и казалось, что всѣ чувства въ немъ окаменѣли. Одинъ изъ товарищей его (Хлопицкій) предавъ былъ ему до самоотверженія, о себѣ не думалъ, думалъ только о Высоцкомъ, его славою и добродѣтелями жилъ, его страданіями и несчастіями болѣлъ. Въ то время, когда еще Высоцкій содержался въ тюрьмѣ и былъ прикованъ къ тачкѣ, этотъ Хлопицкій съ четырьмя товарищами сговорился отбить Высоцкаго изъ каземата и вмѣстѣ съ нимъ бѣжать черезъ Монгольскую степь и Китай на англійскіе корабли. Такъ какъ всѣ заговорщики были самые бѣдные люди (шли женскіе башмаки

чиновничьиѣ женамъ; кое-кто, запасшись лошадкою, возилъ дрова въ казну), а предпріятіе требовало денегъ, то и рѣшились они предварительно надѣлать фальшивыхъ бумажныхъ ассигнацій, на нихъ закупить мунгалскихъ товаровъ, запасаясь на монгольскую руку нерчинскими купцами, закупить лошадей, намѣнять серебра и по возможности золота, покупить сторожей. Затѣмъ, когда все будетъ готовлено „и денегъ въ массѣ до ста тысячъ рублей, ночнымъ временемъ надобно подкрасться къ часовому во фронтѣ, схватить его за горло и отдать нашимъ прочимъ товарищамъ на руки, а самимъ взять съ фронта ружья и подойти тихими стопами къ дверямъ, сбить замокъ и выпустить арестантовъ, а вмѣстѣ схватить Высоцкаго, посадить на почтовыхъ и отправиться“ *). При обыскѣ найдено и личное: прессъ, флаanelевые лоскуты, вымытая бумага, обтянутая кожею колодки, мыльная машинка, квашня съ мятою бумагою, отпечатки на кожѣ и бумагѣ ассигнаціи 25 руб. достоинства. При допросахъ были очевидны доносы одного изъ заговорщиковъ (Бирона) и безпощадные взаимные оговоры остальныхъ участниковъ. Показанія дѣлались обширныя, разнорѣчныя. Отныя ставки показывали боязливый и усердный стремленія одной стороны съ цѣлью выгородить себя, не щадя прочихъ товарищей. Выдавались самыя сокровенныя тайны, обусловленныя страхомъ смерти на случай измѣны; но, въ то же время, во время производства самого преступленія, замѣчательное терпѣніе и единодушіе и при этомъ изумительная осторожность съ настоятельностью дойти до конца, не смотря на громадные затрудненія.

Показанія участниковъ и взаимные оговоры накопили огромный томъ запутаннаго дѣла, въ трущобахъ котораго съ большою ясностью выясняются слѣдующія обстоятельства (на пунктахъ единогласныхъ показаній, подтвержденныхъ и очными ставками и слѣдствіемъ).

Задуманная цѣль настойчиво преслѣдовалась въ теченіи цѣлыхъ восьми мѣсяцевъ, не смотря на всѣ препятствія, зависѣвшія и отъ административнаго надзора и отъ географическихъ причинъ: одинъ жилъ на Благодатскомъ рудникѣ, другой — на Каданскомъ, третій — въ Акатуйскомъ. Для свиданія и дѣйствій отправивались то за покупкою хлѣба въ Аргунскій острогъ (на 15 дней), то за покупкою товаровъ въ г. Нерчинскъ (на цѣлый мѣсяць), то подъ видомъ исполненія казеннаго подряда на покупку дровъ. Двое признались въ томъ, что вступили въ бракъ съ сибирячками для того, чтобы „отклонить подозрѣніе начальства отъ обдуманнаго заранѣе побѣга на родину“. Одинъ, узнавшій во время слѣдованія въ Сибирь по

*) Изъ записокъ современника, С. В. Бровескаго.

*) Дѣло 1839 года, хранящееся въ архивѣ нерчинскаго Большаго завода.

этапамъ, что сѣтка для ассигнацій дѣлается изъ самой тонкой проволоки, каковая бываеъ на канительныхъ струнахъ или офицерскихъ эполетахъ, жертвуетъ для покупки эполетъ собственнымъ капотомъ, полученнымъ сукномъ отъ купца, для котораго сдѣлалъ платье жельницы. Другой составляетъ фальшивое письмо отъ имени польскаго магната, жившаго въ Тобольскѣ — письмо съ обѣщаніемъ высылки 400 руб. денегъ, и на это письмо беретъ у имущихъ товарищей въ долгъ деньги; „и всѣ высосалъ, у нихъ теперь ни копейки не осталось“. Третій пользуется лошадыю съ сѣдомъ товарища, пріѣхавшаго по-видаться, и закладываетъ ее цѣловальнику. Сдѣлавъ денежный запасъ на покупку необходимыхъ предметовъ и уговорившись, что „хотя и попадемся трое или четверо, прочіе останутся лишній жизни доказчика“ — принялись за работу. Александрійскую бумагу купили въ Нерчинскомъ заводѣ въ кабацѣ за простую. Желѣзный винтъ для прессы приобрѣли въ числѣ прочаго желѣзнаго лома; дерево къ прессу, гайки и пусонъ сдѣлали сами; рѣзцомъ и пилою запаслись еще раньше; лайку (каковая долго задерживала работѣ) купили у татарина, сосланнаго за поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій. На покупку лайки употребили даже такую драгоценность, какъ компасъ, приобретенный для того, чтобы, во время побѣга, не блуждать дорогою. Прежде лайки пускали въ дѣло (хотя и неудачно) лоскутки отъ брюкъ и бѣлаго сукна; для приобрѣтенія фланели изрѣзали собственную фуфайку; винтъ „достали съ великою опасностью“. Производилась фабрикація въ Каданскомъ рудникѣ, въ домѣ Хлопницкаго, жившагося передъ тѣмъ на сибирячѣхъ. Вещи отъ нее прятали подъ половицу въ чуланѣ, а когда она увидала разъ ручной прессъ и спросила: „Для чего это?“ мужъ отвѣчалъ: „Для того, чтобы любопытнымъ отвертывать головы“. Работа шла неудачно: изгнѣли гитарные баски—потребовались эполеты; печатныя формы нѣсколько разъ принуждены были передѣлывать: „орелъ хорошъ, но нмѣлъ возвышенныя крылья; по отпечатаніи другой ассигнаціи маленькій орликъ подъ большимъ орломъ на концѣ скипетра оказался неправильнымъ“. А рѣзавъ опытный и умѣлый рѣзчикъ Броновскій; и гербъ у штемпеля, и украшенія небольшими рѣзцами, а сѣтку съ обѣихъ сторонъ чеканилъ стальнымъ пудломъ. Пробовалъ сначала на свинцѣ, но „какъ оный по мягкости оказался негоднымъ, то послѣ сдѣлали форму изъ жѣди, вырѣзанной изъ стараго жѣдяка: наложенный свинцовый штемпель покъ прессомъ испортился и никакого оттиска не далъ“. Наконецъ, наладились. Для приготовления бумаги поступили такъ: не найдя почтовой, пустили въ ходъ случайную александрійскую, разбирая

ее очень мелко и размачивая въ горшкѣ, изъ котораго выливали потомъ въ приготовленный боченокъ. Въ немъ „стоячимъ валикомъ съ пальцами размишивали бумажную мягкость до жидкости, похожей на сливки; потомъ растворъ наливали на четвероугольные фланелевые доски такъ, чтобы бумажки выходили величиною въ ассигнацію, для чего по краямъ фланели прикладывали жѣдную четвероугольную рамку. Когда же вода сквозъ фланель процеживалась, то жѣдную рамку накладывали на другую доску фланели, а тотъ, который съ растворомъ назначался для ассигнаціи, накрывали простою бумагою. Сдѣлавъ 5 или 6 листовъ, сжимали ихъ прессомъ, потомъ сушили и отдѣляли отъ простой бумаги, между которой эти листы были прослоены. Бумага выходила грубою и толстою. Въ прессъ сначала клали штемпель, намазавъ краскою изъ сажи, тщательно растертой на олифѣ, потомъ клалась бумага, на нее лайка, наконецъ, кожаная подушка, которая нажималась. Не могли мы никакимъ образомъ подписать руку кассира, хотя на справедливой ассигнаціи по чертамъ подписи проводили чернилами и на чистую бумагу накладывали, гдѣ и оставалась, хотя не правильная, но похожая на подпись кассира. Поправивъ перомъ, прикладывали на фальшивую и увидѣли, что довольно хорошо. Брали трехъ сортовъ чернила, но еще оказались слишкомъ черны и дѣлаютъ большое подозрѣніе. Теперь приготовлено къ другому отпечатанію 10 тыс. руб., въ которыхъ постараемся наблюдать всю правильность при печаніи“. „Хороши ли эти?“ спрашивалъ одинъ у другого. „Довольно хороши и искусно сдѣланы“. При этомъ онъ вынулъ изъ ящика на 6 тыс. руб. бумажекъ 25-ти-рублеваго достоинства. Я, увидѣвши ихъ, началъ присматриваться, хвалить ихъ искусство, не подавая никакого виду и оказывая большую радость“.

Единодушіе ихъ выручало. „Для товарищей тысячи рублей не пожалѣю“, только и слышалось отъ всѣхъ. Доносъ и на этотъ разъ сгубилъ ихъ всѣхъ (женѣ Хлопницкаго удалось, однако, припрятать самыя главные и опасныя изъ вещественныхъ доказательствъ). Виновные, по суду, были приговорены къ наказанію, которое и приведено въ исполненіе въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ: двое наказаны кнутомъ, одинъ плетью. Впрочемъ, положеніе Высоцкаго вскорѣ было облегчено: онъ выпущенъ на свободу и могъ заняться хозяйствомъ и мыльнымъ заводомъ. Нѣкоторые изъ его товарищей умерли, не дождавшись освобожденія. Высоцкій возвратился на родину въ 1857 г., гдѣ вскорѣ и умеръ.

Неудачная попытка друзей Высоцкаго къ освобожденію себя и товарищей изъ неволи далеко не была врачующимъ средствомъ для

поляковъ, мучившихся тоскою по родинѣ. Въ томъ же Акатуѣ далеко потомъ зародился новый планъ бѣгства, имѣвшій цѣлью воспользоваться временемъ восточной войны 1854 и 1855 годовъ и крейсерствомъ англо-французскихъ кораблей на водахъ Восточнаго океана. Бѣглецы, руководимые однимъ изъ братьевъ Далевскихъ, предполагали въ солдатскихъ шинеляхъ добраться до Аргуня, чтобы на лодкахъ выплыть по ней на Амуръ до его устья, сжечь тамъ всѣ магазины и казенныя сооруженія, приготовленныя противъ непріятеля, а потомъ, на тѣхъ же лодкахъ, дойти до англійскихъ и французскихъ кораблей. Старые и бывалые ссыльные старались противодействовать планамъ и отклонить отъ исполненія проекта увлекавшихся молодыхъ авантюристовъ, но напрасно. Приготовленія производились самымъ дѣятельнымъ образомъ: припасена была лодка, сплетены рыболовные сѣти, закуплено довольно число солдатскихъ шинелей и заготовлены ружья. Но въ это время пришло извѣстіе о мирномъ парижскомъ трактатѣ, разрушившемъ планы ссыльныхъ поляковъ на соединеніе съ англичанами.

Эта попытка была послѣднею по времени въ большомъ скопѣ ссыльныхъ, но одиночные побѣги были непрерывны (и также неудачны), а побѣги партіями не останавливались ни передъ какими препятствіями, не отпускалось изъ виду ни малѣйшихъ поводовъ и случаевъ къ тому, даже безъ предварительной оглядки и подготовки. Такъ, извѣстенъ случай побѣга (еще изъ первыхъ лѣтъ этого втораго періода польской ссылки) съ этанной дороги изъ Томской губерніи. Достаточно было обнадеженія на успѣхъ предпріятія, выраженного хлѣбосольными татарами, довольно было увѣренія со стороны ихъ въ томъ, что Вухара приметъ бѣглецовъ гостепріимно, чтобы 240 поляковъ изъ польскихъ войскъ 1831 года, шедшихъ въ Иркутскъ, повѣрили и серьезно принялись вырабатывать планъ побѣга. Все дѣло остановилось только за тѣмъ, что не нашлось достаточнаго количества оружія.

Не только урочища и разныя мѣстности передаютъ преданія о неудачныхъ попыткахъ поляковъ, даже надробные памятники на польскихъ кладбищахъ въ Сибири краснорѣчиво и настойчиво говорятъ о томъ, что побѣгами испещрена исторія польскихъ изгнанниковъ, что на нихъ истощено понапрасну не мало силъ и времени не только въ Сибири, но и въ Россіи. Въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ одинъ такой надгробный камень прикрываетъ могилу Альбины Мигурской—истинной героини во всей исторіи польской неволи. Эта молодая женщина презрѣла всѣ общественныя связи, богатство родителей и не обратила вниманія на совѣты родныхъ и друзей, на невзгоды дальняго пути,

на грустную будущность—и поѣхала въ городъ Уральскъ къ своему жениху, сосланному въ тамошній линейный батальонъ солдатомъ. Здѣсь она вступила съ нимъ въ бракъ и сдѣлалась для него дѣйствительною услугою и путеводною звѣздою въ сумрачной ночи неволи. Она родила двухъ дѣтей, но дѣти вскорѣ умерли, оставивъ матери старую тоску на сердцѣ и усиленное желаніе освобожденія себя и мужа отъ неволи. Однажды казаки принесли къ ней съ берега Урала платье мужа и письмо его, въ которомъ онъ проситъ у нее прощенія за то несчастіе, которому подвергъ ее, бросившись въ воду отъ тоски по отчизнѣ и оставивъ ее на чужой сторонѣ въ неизвѣстности положенія. Печаль и слезы несчастной женщины были столько искренни и сильны, что въ Мигурской приняли самое сердечное участіе всѣ уральскія дамы и начальство. Визиты были часты, долговременны и въ концѣ начали уже мучить ее, потому что мужъ, спрятанный въ сосѣдней комнатѣ, могъ ежеминутно выдать ее чиханіемъ, кашлемъ, какимъ либо безвременнымъ движеніемъ. Адскія пытки переносила она во все время, пока ходила просьба о дозволеніи ей возвратиться на родину. Тайна была сохранена, даже служанка, привезенная изъ Польши, сгунила свято соблудности ее. Когда получено было разрѣшеніе на отъѣздъ, Мигурская заявила желаніе вырыть изъ казачьей земли трупы дѣтей и увезти ихъ кости въ польскую землю. Сложила она эти кости въ одинъ гробъ и туда же спрятала мужа. На дорогу ей дали въ проводники казака. Гробъ съ живымъ Мигурскимъ поставленъ былъ подъ козлы и, такимъ образомъ, благополучно выѣхалъ изъ предѣловъ уральскаго войска. Въ Саратовской губерніи казаку удалось подслушать разговоръ супруговъ и донести по начальству. Въ Саратовѣ супруги явились уже плѣнными и тамъ еще до сихъ поръ помнятъ тотъ потрясающій моментъ, когда супруги Мигурскіе вошли въ кестель и пали на колѣни передъ гробомъ своихъ дѣтей: она—въ траурѣ, онъ—въ кандалахъ. Мигурская сдѣлалась предметомъ разговоровъ; тамошніе поляки смотрѣли на нее, какъ на святую, на колѣняхъ испрашивая у нее благословенія. Манифестъ по поводу бракосочетанія покойнаго Императора Александра II освободилъ Мигурскаго отъ наказанія; его отправили не въ работу, а только въ сибирскія войска и помѣстили въ Нерчинскомъ заводѣ. Здѣсь Мигурская впала въ чахотку и умерла *).

Большими удачами воспользовался Пютровскій, бѣжавшій изъ-подъ Тары съ Екатериною—

*) Уральскій побѣгъ подробно описанъ В. И. Далемъ въ разсказѣ: «Небывалое въ бываломъ и бывое въ небываломъ». («Отч. Зап.» 1846. т. ХСVI).

скаго винокуреннаго завода *). Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ ему удалось ускользнуть изъ завода переодѣтымъ, въ парикъ и въ мѣстномъ нарядѣ. Пѣшкомъ по льду Иртыша, глубокими снѣгами и въ сильные морозы, добрался онъ до г. Тары. Здѣсь въ первомъ домѣ нанялъ лошадей по тракту на Ирбитъ, сказываясь купеческимъ приказчикомъ изъ Томска, нагоняющимъ своего хозяина. На дорогѣ, въ одномъ кабацѣ его обокрали; въ другомъ мѣстѣ заблудившійся ямщикъ вывезъ его обратно туда же, гдѣ онъ его нанялъ. Послѣ многихъ страховъ въблизи завода и опасностей въ окрестностяхъ его, Піотровскому удалось добраться черезъ Ишимъ и Тюмень до Ирбита на бойкихъ сибирскихъ лошадакахъ; въ трое сутокъ сдѣлалъ тысячу верстъ. Въ Ирбитѣ солдатъ у заставы первымъ дѣломъ потребовалъ паспортъ, но удовольствовался вмѣсто бумаги двугривеннымъ. Изъ Ирбита онъ вышелъ пѣшимъ, съ мѣшкомъ за плечами. Въ попутныхъ деревняхъ паспорта, разумеется, не спрашивали; въ крайнихъ избахъ онъ старался разспрашивать о дорогѣ. На ночь уходилъ онъ съ дороги въ лѣсъ и тамъ, по обычаю остяковъ, выгребая въ снѣгу яму, дѣлалъ постель и ложился спать. Укрывался полущубкомъ, обращая шерсть его наружу; просыпался съ тяжелымъ чувствомъ, на ходу согрѣвался, становился снова веселымъ. Еловая лапка указывали дорогу прямо на Верхотурье. Въ деревняхъ сказывался рабочимъ, идущимъ на казенные Богословскіе заводы. Имѣя на тѣлѣ три рубашки: двѣ бѣлыхъ и одну красную, и снимая ихъ на ночь, въ одной деревнѣ возбуждѣлъ подозрѣніе. Мужики потребовали паспортъ и, получивъ фальшивый, успокоились. Пошелъ снова пѣшкомъ и воспользовался на ночь тѣмъ улучшеніемъ, что придумалъ ложиться спать не въ снѣжную яму, а въ тѣ, которыя образуются около древесныхъ пней; въ снѣгъ зарывался совсѣмъ и только палкою пробивалъ отдушину. Ноги, которыя всего скорѣе забали, стали такъ же зарывать въ снѣгъ; стало тепло и удобно. Чувя въ тѣлѣ ознобъ, вскакивалъ и шелъ, не разбирая ночи. Встрѣчая извозчиковъ, возвращавшихся изъ Ирбита съ ярмарки, подсаживался къ нимъ на облучекъ или, идя стороной, разспросами добирался до необходимыхъ ему свѣдѣній: о дорогѣ, о мѣстныхъ обычаяхъ, о городахъ. За Верхотурьемъ встрѣтилъ коноваловъ-мезенцовъ, шедшихъ на заработки въ Сибирь. Встрѣча эта рѣшила ему дорогу на

Архангельскъ. Въ одной деревнѣ ночью узналъ онъ, что находится уже въ заводѣ Павдинскомъ, и сказывался, что идетъ въ Соликамскъ въ работу на солеварню по письму пріятеля. Перешелъ Уралъ. Подсѣлъ къ ямщикамъ, ѣхавшимъ изъ Ирбита въ Чердынъ. Отсюда черезъ Соликамскъ, Кай и Лальскъ, узенькими лѣсными дорогами, гдѣ двоимъ санямъ нельзя разѣхаться, добрался до Великаго - Устюга, въ качествѣ богомольца, идущаго въ Соловки. Отъ Кая шелъ онъ уже въ толпѣ настоящихъ богомольцевъ. По лѣсамъ лѣсныя избушки, гдѣ всегда остаются много огня, вырубали отъ бѣды голодовки и замерзанія. Подъ Устюгомъ нашель рѣки покрытыми льдомъ, но уже вѣяло весною. Въ Устюгѣ толпа богомольцевъ увеличилась, наняли лодку до Архангельска и поплыли Двиною. Приказчикъ отобралъ паспорта и, взглянувъ на фальшивый и увидѣвъ печать, смѣшалъ его съ сотнею другихъ.

Побывалъ Піотровскій въ Соловецкомъ, переплылъ въ городъ Онегу и по рѣкѣ Онегѣ пошелъ пѣшкомъ на Каргополь, рекомендуясь соловецкимъ богомольцемъ, возвращающимся черезъ Потербургъ въ Новгородъ съ тѣмъ, чтобы оттуда добраться до Киева. Плылъ по Вытегрѣ, Онежскому озеру, Свирию, Ладожскимъ каналомъ, Невой. Вошелъ въ Петербургъ, съ коробкомъ и въ сопровожденіи двухъ королекъ, прямо на Невскій проспектъ. Надъ корелками проходящіе посмѣялись; Піотровскій погулялъ дня четыре по Петербургу, поглядѣлъ на него, кое съ чѣмъ ознакомился. На Сѣнной принялъ безъ паспорта, а когда показали, сказали, что не надо ходить въ полицію: „все равно, черезъ три дня уѣдешь“. Донскался онъ судна, уходящаго въ Ригу; опять сунулся предъявить паспортъ и началъ доставать, развязывая платокъ, въ который, по крестьянскому обычаю, паспортъ былъ спрятанъ. Паспорта не смотрѣли, велѣли приходить завтра получать билетъ на пароходъ. Тогда явился на помощь менторъ, взялъ деньги, паспортъ, купилъ билетъ и послѣ третьяго звонка пихнулъ на палубу. Поплыли 3-го іюля 1846 года. Въ Ригѣ купилъ бритву, обрился, продалъ полущубокъ, обзавелся одеждою ливонскаго крестьянина и размѣнялъ деньги на иностранныя. Черезъ Митаву и Полянгенъ добрался до прусской границы, сталъ выбирать мѣсто для прохода. Купаясь съ таможеннымъ солдатомъ, узналъ о контрабандистахъ, о слабыхъ мѣстахъ границы, о слабостяхъ солдатъ. Зная прусскій обычай вездѣ въ домахъ и корчмахъ первымъ вопросомъ спрашивать: *haben Sie Pass?*—рѣшился нигдѣ въ домахъ не ночевать; ночевалъ, по сибирски, на поляхъ и въ лѣсахъ. Въ Кролевцѣ (Кенигсбергѣ), выдавая себя за француза, попался. За скверный нѣмецкій выговоръ посадили подъ арестъ, допрашивали: гдѣ паспортъ?—Потерялъ. Чѣмъ занимаетесь?—*Ouvrier en coton*

*) Зато Розанскій, несчастливо бѣгавшій съ дороги въ Минскъ и сосланный въ нерчанскіе заводы, снова бѣжалъ оттуда; счастливо прошелъ половину Сибири, но въ Тарѣ былъ узнанъ и схваченъ. Его снова возвратили въ рудники, но, кромѣ ареста, другихъ наказаній не налагали, и Розанскій, никому не вѣдомый, скромно исполнялъ обязанности сторожа кухни казначейскихъ.

(фабричный съ бумагопрядильной фабрики). Послали во Францію за справками, а самого посадили въ тюрьму; упорно отставая свое французское происхожденіе, онъ не хотѣлъ указывать на Россію; но, объявившись полякомъ, получилъ совѣтъ поскорѣе выбираться изъ Пруссіи. Случайной снисходительности нѣмецкихъ властей Піотровскій обязанъ былъ тѣмъ, что 22-го октября 1846 года онъ былъ уже, черезъ четыре года, снова въ Парижѣ, въ томъ городѣ, изъ котораго выѣзжалъ въ Польшу эмиссаромъ, побывавъ въ Сибири и ставъ въ настоящее время эмигрантомъ, живя гдѣ-то учителемъ.

Вступленіе на престолъ Императора Але-

ксандра II ознаменовано было въ 1855 и 1856 годахъ прощеніемъ и освобожденіемъ всѣхъ политическихъ ссыльныхъ второго періода ссылки поляковъ. Кромѣ тѣхъ, которые новыми преступленіями увеличили для себя сроки ссылки, кромѣ тѣхъ, которые поступили на государственную службу или, увлекшись потокомъ сибирской жизни, обзавелись семействами, хозяйствомъ, коммерческими дѣлами и проч., всѣ остальные поляки возвратились на родину. Немногіе вернулись въ Сибирь за участіемъ въ новомъ повстаніи. Нѣкоторые, побывавъ на родинѣ, возвратились въ Сибирь, увлеченные соблазнами промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій.

ГЛАВА III. ВРЕМЕНА АЛЕКСАНДРА II.

Ссылка поляковъ съ 1863 года.—Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи.—Участіе иностранцевъ.—Сосланные на житье и для водворенія.—Причины замѣнутости ссыльныхъ и не-обезпеченность ихъ водворенія.—Отношенія къ нимъ туземцевъ.—Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ.—Мастерскія въ Тобольскѣ.—Импровизированные земледѣльцы.—Благопріятныя данныя.—Обрусеніе шведовъ.—Запорожцы.—Шляхта.

Съ весны 1863 года стали направляться въ Сибирь и прибывать въ Тобольскъ передовыя значительныя партіи ссыльныхъ поляковъ. Съ того времени по 20 декабря 1866 года всего поступило въ Сибирь, со включеніемъ и добровольно пришедшихъ за ссыльными женъ и дѣтей, 18.623 обоого пола.

Въ 1863 году . . .	524 чел.
„ 1864 „ . . .	10.649 „
„ 1865 „ . . .	4.671 „
„ 1866 „ . . .	2.829 „

Изъ этого числа ушло на каторгу 3.894, на поселеніе 2.153, прислано на житье 2.254 и для водворенія 8.491 (добровольно пришедшихъ 1.830 чел. *).

Стало быть, присужденные къ тяжкимъ наказаніямъ составляютъ почти $\frac{1}{4}$ ч.; присужденные къ легкимъ (на житье и водвореніе) болѣе $\frac{1}{2}$. Изъ нихъ всего больше распределено въ Западной Сибири (10.407), тѣмъ въ Восточной (8.199), съ тою разницею, что въ первую пришли съ легчайшею виновностью, во вторую ушли приговоренные къ самымъ тяжкимъ наказаніямъ (на каторгу и поселеніе **).

*) За пять лѣтъ съ 1854 по 1859 г. за государственныя преступленія всего изъ цѣлой Россіи было 83 муж.

**) Въ такомъ числовомъ отношеніи: по Тобол. 4.101, Томск. 6.306, Енис. 3.719, Иркутск. 4.424, по Якутск. обл. 56. При этомъ надо замѣтить, что все это люди, приговоренные военно-судными комиссіями прямо въ Сибирь. Между ними нѣтъ тѣхъ, которые первоначально водворены

Сосланные на каторгу, поселеніе и житье распределялись по сословіямъ въ такія цифровыя отношеніяхъ:

Дворянъ	4.252 чел.
Духовенства	226 „
Горожанъ	1.148 „
Крестьянъ	849 „
Солдатъ	249 „
Иностранцевъ	385 „

Изъ водворенныхъ почти всѣ принадлежать къ низшимъ сословіямъ; дворянство составляетъ $\frac{1}{4}$ ч. (около 25%), не смотря на то, что въ общей массѣ народонаселенія дворяне составляютъ не болѣе $\frac{1}{100}$ ч., т. е. 5%. Такимъ образомъ, ссылка лишила царство и западныя губерніи (за вычетомъ дѣтей и женщинъ) въ дворянскомъ сословіи $\frac{1}{100}$ ч., въ рабочиѣ силахъ $\frac{1}{100}$ ч. и въ духовенствѣ $\frac{1}{100}$ *).

Распределеніе уменьшеніе дворянства по губерніямъ, мы увидимъ, что всего больше (почти 30%) своихъ силъ потеряли литовскія губерніи и на 20% уменьшилось дворянство изъ Юго-Западнаго края

были въ Россіи, а потомъ переведены въ Сибирь. Эти послѣдніе прислались въ тобольскій приказъ безъ всякихъ документовъ. Наводить же справки о нѣсколькихъ тысячахъ подобнаго люда въ горячее время ссылки не было никакой возможности. И безъ того приказъ едва успѣвалъ принимать, распределять и снаряжать ссыльныхъ.

*) Принимая все населеніе въ 15 $\frac{1}{2}$ милл. и считая количество духовныхъ римско-католич. испов. въ 9 западн. губ. въ 3.952 чел.

въ Волынской губернии. Произошло это уменьшение, стало быть выразилось и участие въ мятежѣ лицъ дворянскаго сословія въ такомъ видѣ:

Въ Ковенской губ. на $\frac{1}{30}$ ч.	
„ Виленской „ „ $\frac{1}{80}$ „	
„ Гродненской „ „ $\frac{1}{40}$ „	
„ Витебской „ „ $\frac{1}{80}$ „	
„ Минской „ „ $\frac{1}{80}$ „	
„ Могилевск. „ „ $\frac{1}{85}$ „	
„ Волынской „ „ $\frac{1}{45}$ „	
„ Киевской „ „ $\frac{1}{80}$ „	
„ Подольской „ „ $\frac{1}{44}$ „	

На каторгу изъ всего числа сосланныхъ дворянъ (4.252) ушло—1.699 чел., т. е. $\frac{1}{3}$ или 40 проц. Пропорція эта по мѣстностямъ представляется такимъ образомъ:

Изъ Ц. П. сосл. 1.244; на кат. 506, или 40 0/0	
„ Сѣв.-З. кр. с. 2.092; „ 590, „ 28	
„ Юго-З. кр. с. 916; „ 603, „ 66	

Стало быть, не смотря на то, что въ Юго-Западномъ краѣ мятежъ не развился шире польскаго и Сѣверо-Западнаго края и при меньшей численности дворянства, сослано лицъ этого сословія въ каторжную работу не только не меньше, но даже больше.

Изъ каждаго ста дворянъ Сѣв.-Западн. края ушло только 28 проц.

Изъ каждаго же ста Юго-Зап. края на ту же каторгу ушло 66 проц.

Слѣдовательно, одно изъ трехъ: либо на югѣ приговоры дѣлались строже, либо на сѣверѣ мѣстныя средства возмездія умѣли парализировать число присужденныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ въ сибирской каторгѣ, либо, наконецъ, содѣйствіе сельскаго населенія къ арестованію и представленію по начальству своихъ взбунтовавшихся пановъ въ средѣ малороссійскаго народа выразилось фактически сильнѣе и ярче, чѣмъ таковое же народное участіе къ подавленію мятежа въ средѣ бѣлорусскаго народа. Само собою разумѣется, сибирскія данныя окончательнаго опредѣленія каждой причины и разграниченія всѣхъ трехъ между собою дать намъ не могутъ.

Изъ 3.399 человѣкъ, присужденныхъ къ тяжкимъ работамъ на каторгѣ, сословія встали въ такихъ отношеніяхъ по абсолютнымъ цифрамъ и по пропорціямъ:

Дворянъ	1.699 чел.	или 50 проц.
Духовныхъ	98 „	„ 3 „
Мѣщанъ	676 „	„ 20 „
Крестьянъ	705 „	„ 21 „
Солдатъ	212 „	„ 6 „

Стало быть, городскія сословія приняли участіе въ мятежѣ гораздо сильнѣе обывателей сельскихъ; мѣщанамъ и крестьянамъ принадлежатъ почти равная степень участія, не смотря

на громадное числовое превосходство послѣднихъ передъ первыми. Дворянству между всѣми принадлежить половинное число.

По вѣроисповѣданіямъ изъ сосланныхъ на каторгу, поселеніе и житіе, кромѣ католическаго, всѣмъ остальнымъ принадлежить только около 3 проц. или 221 чел. въ такихъ отношеніяхъ: православныхъ 124, униатовъ 17, протестантовъ 37, евреевъ 43. Въ 124 православныхъ замѣшалось 47 дворянъ бѣлорусскихъ юго-западныхъ губерній, 4 лица духовнаго сословія, 6 мѣщанъ, 10 крестьянъ и 57 солдатъ (преимущественно изъ дезертировъ).

Всего сослано на каторгу:

Изъ 1.785 ч. царст. Польск.: высшихъ сословій 565 ч., т. е. 32%, низшихъ сословій 1.220 ч., т. е. 68%; изъ 927 ч. Сѣверозап. края: высшихъ сословій 625 ч., т. е. 67%, низшихъ сословій 302 ч., т. е. 33%; изъ 687 ч. Югозападн. края: высшихъ сословій 607 ч., т. е. 88%, низшихъ сословій 80 ч., т. е. 12%.

Такимъ образомъ, низшія сословія увлеклись сильнѣе въ царствѣ Польскомъ, чѣмъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а здѣсь гораздо сильнѣе Юго-Западнаго, указывая на разницу литовскаго племени жмудяковъ-католиковъ отъ православныхъ малороссовъ, помнящихъ угнетенія за свою вѣру отъ того же католичества. Ничтожное количество евреевъ (всего 43 человѣка) достаточно свидѣтельствуетъ о той холодности и равнодушіи, съ какими отнеслось къ дѣламъ Польши это многочисленное племя, облѣпившее всѣ деревни, мѣстечки и города всего края, поднявшаго возстаніе. Большая часть изъ всего числа 43 евреевъ, судя по статейнымъ спискамъ ихъ, высланы были въ Сибирь за содѣйствіе мятежу посредствомъ провоза оружія изъ-за границы и другія подобныя преступленія, т. е. скорѣе за увлеченія коммерческими расчетами, чѣмъ политическими планами.

Иностранные подданные, угодившіе въ Сибирь, въ общемъ числѣ 385-ти, распредѣлились въ такихъ размѣрахъ:

Австрійскихъ (преимущественно изъ Галиціи) поляковъ	259
Прусскихъ (преимущественно изъ Познани) поляковъ	102
Италянцевъ (гарибальдійцевъ)	10
Французскихъ подданныхъ (коренныхъ французовъ).	10
Англійскихъ подданныхъ	2
Гессенъ-дармштадтскихъ нѣмцевъ	1
Саксонскихъ нѣмцевъ	1

Исторія Россіи не представляетъ другого примѣра административной и судебной высылки по политическимъ преступленіямъ въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь. Поэтому, само собою разумѣется, и въ законодательствѣ остались не предусмотрѣнными и достаточно не разрѣшен-

ными тѣ условія, въ какія должны встать сосланные и переселенныя лица въ новыхъ мѣстахъ ихъ жительства. Рядъ административныхъ распоряженій, послѣдовавшихъ въ равное время, казался удовлетворительнымъ и не представлялъ особыхъ затрудненій тогда, когда число лицъ опредѣлялось десятками и едва доходило до сотни. Теперь, когда высланныхъ считаютъ тысячами, прежнія распоряженія являются далеко неполными и недостаточными. Это, естественнымъ образомъ, влечетъ за собою цѣлый рядъ затрудненій и стѣсненій какъ для мѣстной администраціи, такъ и для самихъ сосланныхъ.

Не останавливаясь долѣе на сосланныхъ въ тяжкія работы, отношенія которыхъ къ самимъ сосланнымъ неизбежно должны были выражаться въ старыхъ, нисколько не измѣненныхъ рамкахъ, до подробностей тѣхъ же поголовныхъ стремленій къ свободѣ (вродѣ исторіи на Круго-Байкальской дорогѣ), хорошо извѣстныхъ всѣмъ по сообщеніямъ газетъ. Обратимся къ тѣмъ, которые высланы на житье и для водворенія. Для примѣра беремъ Тобольскую губернію, какъ такую, гдѣ въ разсматриваемые нами года лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія только 50 человекъ, всѣ же остальные лишены только нѣкоторыхъ правъ.

Вотъ чѣмъ выразилось въ этой губерніи положеніе новыхъ сосланныхъ.

Въ Тобольской губерніи лишенныхъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ оказалось 591; лицъ, находящихся подъ надзоромъ—1.175 чел. Въ числѣ послѣднихъ болѣе 35 проц. (419 чел.) принадлежало молодымъ людямъ отъ 16 до 25 лѣтъ; между ними оказались сосланными даже такіе, которые въ Тобольскѣ съ увлеченіемъ пускали бумажнаго змѣя, играли мячикомъ и, однако, считались и называли себя политическими преступниками. Въ Тобольской губерніи такихъ оказалось 27 человекъ (сверхъ 61 дѣтей при родителяхъ *). Въ числѣ первыхъ 591 чел., присланныхъ для водворенія на казенныхъ земляхъ, оказались, большею частью, горожане; между ними находились хорошіе музыканты, живописцы и танцоры. Всѣмъ имъ предстояла одинаковая участь съ польскими крестьянами взять клочекъ земли и заниматься хозяйствомъ.

Общія черты сходства для людей обоихъ этихъ разрядовъ выразились тѣмъ, что въ большинствѣ своемъ они пришли не только безъ приличнаго, но даже и достаточнаго одѣянія (начиная въ томъ самомъ, въ какомъ были взяты къ суду); нищета въ самыхъ крайнихъ ея предѣлахъ возбуждала всеобщее состраданіе. Не имѣя возможности достать хлѣба на предстоящій день, безъ дневного приюта, безъ языка, не зная за что при-

няться—люди эти, выпущенные изъ тюрьмы, представлялись на первыхъ порахъ брошенными рѣшительно на произволъ судьбы съ семью копейками суточного пособия, рассчитывающаго на квартиру, пищу, одежду и удовольствія.

Общія черты различія для обоихъ разрядовъ выразились, при практическомъ примѣненіи, тѣмъ, что судьба слабѣе наказуемыхъ оказалась худшею, чѣмъ судьба лицъ, обреченныхъ на сильнѣйшія мѣры взысканія; положеніе сосланныхъ для водворенія на свободныхъ казенныхъ земляхъ сдѣлалось сравнительно лучшимъ, чѣмъ положеніе сосланныхъ собственно подъ надзоръ. Этотъ „надзоръ“, при возможности наблюденія только внѣшняго, хлопочетъ лишь о томъ, чтобы такой-то не выѣзжалъ изъ предѣловъ указаннаго района, не производилъ наружныхъ безпорядковъ; полицейскій надзоръ имѣетъ право быть довольнымъ собою, если ему удается достигнуть только однихъ этихъ цѣлей. Въ практическомъ примѣненіи къ судьбамъ политическихъ сосланныхъ этотъ надзоръ въ Сибири выразился такимъ явленіемъ: запрещеніе отлучекъ уничтожило почти всякую возможность къ прочному устройству жизни и къ присканію какого либо рода дѣятельности, при 2 р. 10 коп. ежемѣсячнаго казеннаго содержанія. Чтобы сдѣлаться промышленникомъ, нужны кое какія права состоянія, чтобы стать торговцемъ—необходимо, чтобы развѣздамъ не полагались границы одною мѣстностью; службѣ у частныхъ лицъ суровый контроль мѣшаетъ тѣмъ, что поселяетъ и поддерживаетъ въ послѣднихъ недоверіе и затрудняетъ имъ входить съ сосланными въ какія либо соглашенія или приглашать ихъ для какихъ либо торговыхъ занятій. Письменные занятія по вольному найму, разрѣшенныя впослѣдствіи, при множествѣ политическихъ сосланныхъ, оказались мѣрою палліативною. Занятія же ремесленные и земледѣльческіе не обеспечены никакими средствами. Отсюда механическая связь пришельцевъ съ туземцами и безнадѣжность полнаго органическаго слитія. Между тѣмъ, общество готово, безъ предразсудковъ, отдѣлять ихъ отъ остальныхъ сосланныхъ и обеспечивать работами. Временныя пособия со стороны правительства (безвозвратныя), дробясь между сотнями лицъ, для каждаго въ отдѣльности настолько ничтожны, что не достигаютъ никакой цѣли. И современные сосланные поляки принуждены дѣлать складчины, не только добровольныя, но и обязательныя, т. е. для богатыхъ взносы имѣли значеніе подати. Та же замкнутость и отдѣльность отъ общей жизни, безпомощное положеніе и невозможность существованія единичными средствами, наконецъ, простое человѣческое сочувствіе естественно выразили это благотворительное дѣло, направленное для поддержки крайне бѣдныхъ товарищей. Эти товарищества составляли продолженіе тѣхъ,

*) Между прочимъ 110-ти-лѣтній старикъ-ксендзъ.

которые устанавливались между ссыльными самими начальствами во всей Россіи, во время пути слѣдованія поляковъ въ Сибирь. Начальства избирали старостъ и отдавали партіи въ полную ихъ зависимость, внутренне сознавая, при недостаткѣ воинскихъ командъ, невозможность двигать въ порядкѣ эти громадныя толпы. На этапахъ и въ тюрьмахъ были сотни примѣровъ наказанія товарищей самими старостами и выборными за малѣйшіе проступки. Этотъ самосудъ или собственно контроль удержался и на мѣстахъ водворенія, помогая ссыльнымъ воздерживать преступныя наклонности и устранять, ослабляя тѣ подозрѣнія туземцевъ, которыми, между прочимъ, и на этотъ разъ выразились подозрѣніями въ поджогахъ. Общинный надзоръ во многомъ сослужилъ службу полицейскому.

Вотъ какъ типируетъ одинъ изъ мѣстныхъ администраторовъ положеніе ссыльнаго, воспитавшагося подъ надзоромъ и не освобожденнаго отъ него по требованіямъ мѣстныхъ условій быта:

„Политическій ссыльный приноситъ убѣжденіе, что весь итогъ прожитой жизни утраченъ безвозвратно, и потому или кажется совершенно равнодушнымъ ко всему окружающему, или является раздражительнымъ, беспокойно-нервнымъ. Если онъ еще дѣлаетъ надежду возврата, то, тѣмъ не менѣе, эта надежда, оживляя его, мѣшаетъ труду, прочной осядлости: Сибирь—почтовая станція, минутная остановка жизни, не стоитъ и браться ни за что серьезное. Это время для политическихъ ссыльныхъ—время утопій, несбыточныхъ надеждъ и идеаловъ; всѣ уроки, всѣ ошибки прошлаго забыты, утратили свое поучительное значеніе. Съ постепенною потерей практическаго смысла, всякій жизненный вопросъ обобщается до чего-то безусловнаго: примиренія съ настоящимъ нѣтъ, оттого или всегдѣшняя болѣзненная раздражительность или невозмутимое равнодушіе. Но, по мѣрѣ того, какъ года идутъ впередъ, ослабляя надежду и силу, эти люди становятся сумрачнѣе; раздражительность, при бездѣйствіи, усиливается, недовольство выдѣряется еще глубже и переходитъ въ злобу. Продолжительный надзоръ, ежеминутный страхъ контроля не прошли даромъ, они выучили удивительному умѣнью владѣть собою: ни одно слово не пропадаетъ даромъ, ни одинъ мускулъ своимъ движеніемъ не измѣняетъ внутреннему сердитому настроенію духа. Сдержанность и замкнутость остаются на всегда характерными чертами этихъ людей во всѣхъ ихъ сношеніяхъ съ остальными.

„Кому изъ политическихъ ссыльныхъ не удалось столкнуться съ практическою жизнью, тѣ казались наблюдателю изношенными, обнаруживали страшную нравственную пустоту, которая, при узкихъ взглядахъ и пониманіи, ха-

рактерна была лишь однимъ упорствомъ въ отстаиваніи своихъ утопій, мелкимъ самолюбіемъ и болѣзненною раздражительностью. Тѣ же, которые вталкивались въ промышленную и торговую дѣятельность, отрезвились сразу: теряли свой исключительный оттѣнокъ, понятыя постепенно космополитизировались, жизнь со всею мелочностью охватывала ихъ всецѣло. Искавшіе утѣшенія въ прошедшемъ доживали до консервативнаго упорства, выходъ изъ замкнутаго круга считался у нихъ слабостью и даже измѣною. Въ силу такихъ соображеній, главною задачею правительства должна быть забота о томъ, чтобы дать ссыльнымъ занятія, облегчить возможность труда и приспособленія способностей“.

Въ Tobольскѣ за послѣднее время (1864 по 67 гг.), сдѣланы были *) опыты учрежденія мастерскихъ. Несмотря на недоброжелательство и происки рутинны или невѣжества, устроены были прачешная, столярная, сапожная, слесарная, котельное производство, кузницы, швейная, булочная, открытъ пивоваренный заводъ, заведены мелочныя лавки, общая столовая для стариковъ и хворыхъ на 140 чел. (между ними на 70 поляковъ). Въ этихъ заведеніяхъ, воплнѣ соотвѣтствующихъ мѣстнымъ требованіямъ, занято было большинство ссыльныхъ. Городское населеніе привѣтливо встрѣтило ихъ; сосланные начали, мало по малу, заручаться надеждами на будущее, привыкать къ настоящему своему положенію, примиряться съ нимъ и даже выписывать оставленные на родинѣ семейства. Въ результатъ изъ всего этого, изъ числа 220 человѣкъ, 35 человѣкъ пользовались казеннымъ пособіемъ, всѣмъ остальнымъ доставлена возможность работать и честнымъ трудомъ приобрѣтать себѣ средства для жизни. Изъ Tobольской губ. во все это время бѣжали только одинъ, изъ Томской бѣжали десятками. Конечно, на всю губернію такое вліяніе не могло распространиться; конечно, оно подвержено такимъ же случайностямъ, какъ и самая человѣческая личность и, стало быть, не прочно.

Эти начинанія въ особенности замѣчательны тѣмъ, что они сдержали безполезный наплывъ на сибирскія деревни польскихъ горожанъ—принужденныхъ, импровизированныхъ земледѣльцевъ; въ то же время эти начинанія служили единственнымъ радикальнымъ средствомъ при безвыходномъ положеніи; нѣкоторая безтактность репрессивныхъ мѣръ обнаруживалась. внѣ этихъ условій и приѣмовъ, во всей своей наготѣ. Всѣ опыты насильнаго водворенія горожанъ на землѣ, внѣ доброй воли и правильныхъ экономическихъ комбинацій, всегда приводили къ отрицательнымъ результатамъ. Въ той же Западной Сибири земледѣльцами сдѣлались люди, пришедшіе по волѣ, а за Байкаломъ—порочные

*) Губернаторомъ А. И. Деспотъ-Зеновичемъ.

нижние воинские чины, приписанные в крестьяне, указали на полную безнадёжность мѣръ подобнаго рода. Бродяжество, наймы по городамъ, на суда, на золотые прѣски—вотъ результаты подобныхъ начинаній. Къ тому же, и сами польскіе ссыльные наотрѣзъ отказались, въ послѣднее время, принять участки земли, заявивъ категорическій отвѣтъ, что такимъ путемъ они рѣшительно не въ состояніи обезпечивать своего существованія. Конечно, вмѣстѣ съ безнадёжностью совладать съ землею, много мѣшала, въ данномъ случаѣ, и боязнь закрѣпостить себя на землѣ и потерять, такимъ образомъ, надежду возвратиться на родину. Понудительныя мѣры тутъ безсильны: польскіе крестьяне и безъ того встали въ болѣе или менѣе удовлетворительное положеніе: они почти всѣ нашли заработки у крестьянъ, не смотря на то, что въ Сибири спросъ на личную услугу, во время полевыхъ работъ, не великъ, наемъ рабочей силы невыгоденъ и замѣняется искони усиленнымъ семейнымъ трудомъ. Для желающихъ заняться сельскимъ хозяйствомъ, Сибирь представляетъ богатый и неисчерпаемый рудникъ. Страна эта замѣчательна тою своею оригинальностью, что въ ней нѣтъ частной поземельной собственности и общинныя начала сохранились въ чѣлости. Огромныя, пустынные и незаселенныя пространства земель даютъ возможность каждому крестьянину пахать землю тамъ, гдѣ онъ захочетъ и найти болѣе удобнымъ; 15 десятинъ земли—въ правахъ каждаго, даже изъ ссыльных. Пастбища при селеніяхъ для всѣхъ общинъ и лежатъ обширныя огороженныя пространства (носкотина), специально предназначенныя для пастбы скота. Въ отдаленныхъ мѣстностяхъ каждый, безъ всякаго дозволенія, можетъ накосить столько травы, сколько захочетъ. Лѣса также общинная либо казенная собственность, не дѣлятся и никому не принадлежатъ, каждый можетъ рубить деревья безъ контроля, когда ему понадобится (въ казенныхъ только платятъ попенныя). Позволенія на торговлю и промыселъ, производимые мѣстно, никто не спрашиваетъ, за патенты никто не платитъ; въ этомъ отношеніи по Сибири больше свободы, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Человѣкъ имѣетъ тутъ больше свободы, чѣмъ въ Россіи (въ трудѣ и его примѣненіяхъ). Поземельныхъ податей никто не платитъ, кромѣ мѣщанъ, обязанныхъ земскими повинностями, которыми, къ тому же, общинная свобода значительно ограничена. Къ сожалѣнію, рядомъ съ этими правами, уживаются права бюрократовъ и чиновничьей произволъ и нападенія на слабые мѣста сопровождаются нерѣдкими и губительными притѣсненіями. Если недостатокъ средствъ и незнакомство съ мѣстными условіями на первыхъ порахъ затрудняютъ польскихъ крестьянъ и замедляютъ улучшеніе ихъ

быта, то, тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ въ сибирскихъ деревняхъ далеко выгоднѣе положенія горожанъ, назначаемыхъ не въ города, а въ селенія *).

Боязнь опасныхъ послѣдствій отъ измѣненія существующихъ формъ напрасна и исторически не оправдывается примѣрами той же самой Сибири (въ Россіи подобныя примѣры безчисленны). Не только поляки и малороссы, но и шведы изъ войскъ Карла XII слились со славянскою народностью Сибири до тождества съ нею и поглощены безъ слѣда. На память о шведахъ остались въ Тобольскѣ только такъ называемый „Прямскій взвозъ“ съ каменною аркою и стѣною надъ нимъ; стѣна же кремля, построеннаго плѣнными, давно уже разсыпалась и разобрана; да по дорогѣ въ Якутскъ станція Усть-Ордынская сохранила прозваніе „Шведъ“, можетъ быть, по имени одного, можетъ быть, отъ имени многихъ поселенныхъ тутъ шведовъ. Въ Сибири еврей, въ особенности молодые, измѣняются настолько, что можно ихъ смѣло называть сибирскими, какъ особенный типъ, значительно не похожій на тотъ, который господствуетъ въ западной половинѣ имперіи, и весьма близко подходящий къ настоящимъ сибирякамъ: тотъ же языкъ, костюмъ, обычай и даже иногда вѣра.

Тамъ, гдѣ исчезли безъ слѣда и тѣ 138 запорожскихъ казаковъ, которые присланы были въ 1770 году за причиненныя въ Польшѣ раззоренія, свободно и скоро превратились въ сибиряковъ тѣ изъ поляковъ, которымъ удалось личными интересами согласно соединиться съ требованіями страны и ея интересами. Особенно счастливыхъ результатовъ обрусенія достигали съ того времени, когда поляковъ стали приселять къ казачьимъ войскамъ большими группами и одиночками. Та же участь ожидаетъ и новыхъ пришельцевъ, если усилятся благо-разумно устранить все то, что до сихъ поръ мѣшало сближенію вслѣдствіе стремленій видѣть въ ссылкѣ одну только карательную сторону. Въ Сибири становится дѣялемъ только тотъ, кто пересталъ чувствовать себя наказуемымъ. Законъ этотъ неизмѣнно выразился для всѣхъ національностей. Сначала, плѣнившись сходствомъ родного языка съ русскимъ, забываютъ отечественную рѣчь; потомъ, увлекшись дѣвицею-сибирячкою, женятся и подъ вліяніемъ среды и обаяніемъ жены отстаютъ и отъ обычая; въ итогѣ—сынъ поляка уже человѣкъ православной вѣры и коренной сибирякъ, а самъ отецъ

*) Въ Томской губ. горожанъ - поляковъ старались селить въ деревняхъ, ближайшихъ къ городамъ, чтобы ремесленники и вообще люди, не способные къ земледѣлію, не сдѣлавшись настоящими деревенскими пролетаріями, могли сбывать въ городахъ произведенія своихъ трудовъ. Тамъ имъ были дозволены и отлучки въ эти города для обезпеченія себя заработками.

на склонѣ дней человѣкъ національно-обезличенный. Въ особенности искусно дѣйствовала на обрусеніе поляковъ государственная служба.

Сибирь, со своими крупными особенностями, съ исключительными требованіями, умѣла превращать въ сибиряковъ безразлично инородцевъ и иноземцевъ. Такъ, напримѣръ, на пространствахъ между Усть-Каменогорскою крѣпостью и Змѣевскимъ рудникомъ—однимъ изъ старинныхъ на Алтаѣ—въ настоящее время живутъ высленцы времени Екатерины, потомки шляхты изъ Сѣверо-Западнаго края, помѣщики люди и крестьяне, выведенные изъ Польши въ 1764 году и опредѣленные въ Сибирскія войска; они уже не сберегли никакихъ воспоминаній о прошломъ и потомки ихъ только сумѣли сохранить нарядъ, рѣзко отъбѣгающій отъ обычнаго сибирскаго. Въ особенности, замѣчательнъ нарядъ женщинъ, умѣющихъ шеголевать и искусно вышивать бумагою и шелкомъ полотенца, нагрудники, оплечья на рубашкахъ; дѣвушки до сихъ поръ берегаютъ въ косахъ старинные пятачки чеканки времени Екатерины—послѣдніе остатки ихъ національныхъ особенностей.

На подобную участь слиться съ туземнымъ населеніемъ впоследствии, во второмъ или третьемъ поколѣніи, обречены были, во время ближайшаго къ намъ польскаго возстанія, тѣ болѣе десяти тысячъ обитателей западной части имперіи, которые присланы въ Сибирь.

Пойманные съ оружіемъ и за то приговоренные по суду, о которыхъ впереди была рѣчь наша, составляютъ отдѣльный контингентъ отъ тѣхъ, которые присланы не на каторгу и поселеніе, а на такъ называемое водвореніе. Сюда впоследствии поступили многіе изъ тѣхъ, которые были судимы и приговорены къ арестантскимъ ротамъ на сроки. По окончаніи сроковъ арестантскихъ ротъ и они включены въ число водворяемыхъ, если только не принадлежали къ привилегированнымъ сословіямъ. Это—большою частью земледѣльцы, обыватели деревень и шляхта западныхъ губерній, обыватели такъ называемыхъ застѣжковъ и околлицъ. Въмѣстѣ съ шляхтичами пришли и воспитавшіеся въ значительно одинаковыхъ съ ними условіяхъ экономическаго и общественнаго быта: мѣщане—исключительно обыватели городовъ и мѣстечекъ, отставные солдаты, однодворцы и такъ называемые панцырные бояре—потомки родовъ, въ древности принадлежавшихъ Россіи и занятыхъ службою по крѣпостямъ, взysканіемъ податей и развозкою писемъ, тотъ классъ, изъ котораго свободно выдѣлялись въ шляхетство, мѣщанство, въ классъ свободныхъ крестьянъ и, при особенныхъ подвигахъ, во дворянство. Причина высылки ихъ безразлично заключалась: либо въ косвенномъ участіи въ мятежѣ посредствомъ укрывательства бѣжавшихъ и спасавшихся при разгромѣ бандъ, либо въ томъ (какъ случилось

нерѣдко), что въ деревняхъ этихъ останавливались банды, мимо околлицъ этихъ случайно проходили они въ лѣсъ и изъ лѣсу, либо около нихъ скрывались эти банды и искали здѣсь средствъ для временной вещественной поддержки своей на стоянкахъ. Система переселенія на правахъ водворенцевъ имѣла правъ свободного и добровольнаго выбора мѣстъ и способовъ передвиженія и осѣлости, сумѣла уравнивать эти толпы высланныхъ изъ родины, не смотря на несходство проступковъ. Административный способъ ссылки на этотъ разъ успѣлъ достигнуть болѣе крупныхъ (суровыхъ) послѣдствій, въ противоположность требованіямъ суда и болѣе или менѣе доказаннаго обвиненія въ виновности. Когда приговореннымъ на каторгу и поселеніе съ опредѣленіемъ сроковъ и съ правами на милостивое прощеніе, представлялась и осуществлялась возможность возврата изъ Сибири,—для этихъ такъ называемыхъ водворенцевъ, черезъ прикрѣпленіе къ землѣ, на всегда отнималось это право. Переселеніе, со всѣми его нравственными условіями и задачами на вѣчную утрату родины, приняло, такимъ образомъ, значеніе наивысшей мѣры наказанія для людей наименьшей виновности. Разница на этотъ разъ заключалась, можетъ быть, лишь только въ томъ, что одинъ изъ шляхты водворены были въ предѣлахъ Россіи, но за то другіе уведены за Уральскій хребетъ. Для шляхетскихъ околлицъ Могилевской губерніи Рогачевского уѣзда (Антуши, Сѣножатки, Тертежъ), снятыхъ съ мѣста въ цѣломъ составѣ*), новою родиною оказалась Оренбургская губернія; для другихъ губерній—ближайшія къ Сибири со свободными казенными землями; для околлицъ болѣе глубокихъ мѣстностей западной окраины мѣста для водворенія выбраны въ Сибири: сначала губерніи Енисейская и Томская, а потомъ, когда кончено въ ней водвореніе и мѣста, назначенныя здѣсь, были заняты, и губернія Тобольская. И сюда, въ Сибирь, явился этотъ живой народъ шляхетской природы немного беззаботный, разгульный, задорный до сварливости и хвастливый, но, въ то же время, словоохотливый и хлѣбосольный. Пришелъ онъ на свободныя земли, къ обязательствамъ усидчиваго тяжелаго земледѣльческаго труда на первобытной нетронутой почвѣ, и, надо сознаться, пришелъ не туда, куда влечетъ людей призваніе, гдѣ находятъ люди свое мѣсто и прилагаютъ свои способности. Онъ даже по внѣшнему виду не

*) На мѣстѣ этихъ трехъ околлицъ—какъ известно—выстроено новое селеніе, подъ названіемъ Парской слободы, изъ отставныхъ солдатъ. Правильно распланированное, по нормальнымъ чертежамъ, съ форменнымъ видомъ, слободка эта замѣнила собою прежнія неправильно раскиданныя околлицы, всегда имѣющія видъ отдѣльныхъ хозяйствъ съ кривыми улицами, закоулками и переулками.

похожъ на того, отъ котораго можно требовать исполненія подневольныхъ заказныхъ трудовъ. Въ сибирскихъ деревняхъ долженъ поселиться меньше всего земледѣлецъ, а скорѣе горожанинъ, обрившій бороду и отпустившій классическіе усы, одѣтый въ городской черныи камзолъ вродѣ однобортнаго длиннаго сюртука, въ широкія шаровары, въ неизмѣнный черныи картузъ во свидѣтельство своихъ наклонностей бѣлоручки, успѣваго отшатнуться отъ роли земледѣльца и, лишь съ сохраненіемъ званія землевладѣльца, ступившаго и въ деревнѣ жить съ городскими привычками и обстановкою. На родинѣ онъ успѣлъ отбоевать родовитость и гоноръ и оставить за собою стремленіе въ противоположную сторону отъ работъ, которыя награждаютъ мозолями на рукахъ. На родинѣ они бросались на государственную службу, учились грамотѣ, кончали гимназическій курсъ, искали мѣстъ управляющихъ, поступали въ чиновники, иные богатѣли и дѣлались панями; изъ этой шляхты образовалось почти все мѣстное православное и католическое духовенство. Разсчитывать на такихъ семейныхъ хозяевъ у Сибири мало правъ, дожидаться отъ нихъ вѣрнаго и твердаго земледѣльческаго населенія нѣтъ никакихъ основаній. Шляхтичъ, и на родинѣ очень часто не владѣвшій собственными угодьями, вѣкъ кочевалъ, переходя съ земли одного владѣльца къ другому. Ему некогда было привыкнуть къ усидчивому труду, сдѣлаться земледѣльцемъ; онъ стоялъ на перепутьѣ между деревенскимъ и городскимъ жителемъ и возмѣлъ наклонность болѣе къ городскому быту. Онъ только потому не дворянинъ, что не доказалъ своихъ правъ, потерявъ документы или, прогоняемый поднятою платою съ воздѣланнаго имъ угодья земли, предпочелъ записаться въ крѣпостные. Есть много достаточныхъ основаній предполагать, что эта шляхта, жившая на наемныхъ земляхъ, въ городахъ элементъ наиболѣе безопасный при облегченномъ надзорѣ и заработкахъ. И проживъ въ деревнѣ, онъ не утратилъ характера горожанина. Земледѣльцы они были плохіе и на мѣстахъ родины, гдѣ приходилось имъ переимѣнять мѣсто, хозяйство ихъ было скудно, неряшливо. Въмѣсто обыкновенныхъ шляхетскихъ горенокъ они жили въ клѣтушкахъ съ землянымъ поломъ, безъ оконъ, если только можно считать за окна узенькія, продолговатыя щели съ осколками стеколъ; крыша прорвалась, заборъ разсыпался, ворота покосились; нагрождено-наляпано. Въ деревнѣ онъ живетъ (что въ томъ краю величайшая рѣдкость) на деревянныхъ полахъ съ красными окнами, уставленными бальзаминами, геранью и гортезіями. Настоящіе городскія горенки служили обыкновеннымъ жилищемъ шляхты. Шляхтянки наряжаются въ бѣлыя какъ снѣгъ юбки, щеголяютъ въ перчаткахъ, въ праздничное

время распускаютъ зонтики; онѣ не поютъ народныхъ пѣсенъ и употребляютъ всѣ силы, чтобы, какъ масло на водѣ, отдѣляться отъ крестьянокъ всѣмъ и во всемъ. Шляхтичи, въ сношеніяхъ съ сосѣдями-крестьянами, оказывались всегда людьми высшей породы. Шляхтичъ въ корчмѣ требуетъ почета, говоритъ громко, не прочь и подраться (бѣлорусъ ему уступаетъ, старовѣръ спорить), но за то шляхтичъ владѣетъ всѣмъ тѣмъ искусствомъ выиграть передъ высшимъ городскимъ обществомъ искусство, въ которомъ у него мало соперниковъ. Для сибирскихъ городовъ у него всѣ блестящія задатки. Но не то судила ему безразсечная и слѣпая судьба. Для Сибири обстоятельство этихъ не завѣсили и, не смотря на указанія и предостереженія свѣдущихъ и опытныхъ людей, поступили иначе.

Сибирскіе города, находящіеся ни низкомъ промышленномъ уровнѣ, въ виду представлявшейся возможности при помощи этихъ людей подняться въ вопросѣ промышленности обрабатывающей, сибирскіе города не надѣлены этимъ полезнымъ классомъ водворенцевъ, стоящихъ на степеніи высшаго развитія. Въ то время, когда эти люди, въ массѣ которыхъ преобладаютъ ремесленники, могли бы найти средства въ два-три года сдѣлаться полезными гражданами, — ихъ бесполезно и безслѣдно прикрѣпили къ деревнямъ. Между ними оказались получившіе образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже воспитавшіеся въ высшихъ и, стало быть, поставленные въ общину, чуждую и безнадѣжную среду крестьянской обстановки и деревенскаго быта. Шляхтичъ, сидѣвшій на приговоренной землѣ, очутился, такимъ образомъ, въ Сибири на новыхъ участкахъ, требующихъ — какъ извѣстно — долговременнаго опыта, громаднаго терпѣнія и необычайныхъ трудовъ, при расчисткѣ вѣковыхъ залежей, такъ называемыхъ новей. Только такіе мѣста, поросшіе мелкимъ березнякомъ и осинникомъ сибирскія общества приняли за обычай выдѣлять прибыльнымъ и готовыхъ земель для нихъ не отрѣзываютъ. „Новый пришелецъ долженъ занимать и новый участокъ“ — таково старожилое правило, съ которымъ въ Сибири нѣтъ никакой возможности спорить. Два года тяжелыхъ усилій для того, чтобы воспользоваться только первымъ плодомъ своихъ трудовъ представляются обязательными даже для того замѣчательнаго меньшинства, которое владѣетъ привычкою и умѣньемъ воздѣлывать землю. Плодоносная земля лежитъ въ Сибири подъ листованнымъ лѣсомъ; его надо срубить, оставить пеня сохнуть, чтобы на будущій годъ имѣть силы и возможность ихъ выкорчевать, пройти сохою, посеять и лишь на третій годъ получить жатву. Такимъ образомъ, для польскихъ водворенцевъ судный хлѣбъ на три года (и лишь по малой мѣрѣ на два)

стать для казны обязательнымъ. Прибавилась лишняя тягость.

Переселенцевъ, для успѣха водворенія, казна сочла нужнымъ снабдить пособиями. Эти пособия состояли: въ выдачѣ 55 руб. на семейство,—суммы, обыкновенно опредѣляемой переселенцамъ изъ государственныхъ крестьянъ, 35 руб. на обзаведеніе домоу и 20 на приобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій, въ снабженіи одеждою (въ случаѣ надобности) и подводами до самыхъ мѣстъ водворенія. Въ дорогѣ взрослые получали по 16 коп. въ день, малолѣтніе по 8 (всѣ эти расходы отнесены на 10-проц. сборъ въ западныхъ губерніяхъ и на суммы Царства Польскаго). Для водворенія указаны волости со свободными казенными землями и въ нихъ положено водворять либо образованіемъ изъ переселенцевъ отдѣльныхъ деревень, либо припискою къ существующимъ уже. Въ томъ и другомъ случаѣ сдѣлано обязательнымъ избѣгать сосѣдства городовъ и большихъ трактовъ, но принято водворять въ мѣстностяхъ, изобилующихъ свободными и удобными угодьями, годною для пользованія водою, не ощущающими недостатка въ лѣсѣ для строеній. Таковы были распоряженія общія.

Частныя распоряженія по водворенію, каковыя сдѣланы были по Тобольской губерніи (судя по напечатанной инструкціи), заключались, между прочимъ, въ заблаговременномъ обезпеченіи продовольствія, въ заготовленіи подводъ, въ стараніяхъ и хлопотахъ установить мирныя и кроткія отношенія между пришельцами и старожилами, въ домахъ которыхъ размѣщались на первое время прибылые водворенцы. По водвореніи уступлено было гуманное право отлучекъ на рынки и торжки а въ другіе округа губерніи для сбыта ремесленныхъ издѣлій или сельскихъ произведеній. Одиночкамъ дозволено соединяться по двое на первое время *), признанные неспособными къ устройству самостоятельнаго хозяйства (старики и малолѣтки) назначены для призрѣнія въ семейства самихъ переселенцевъ или къ старожиламъ, съ выдачею за взрослого 10 руб., за малолѣтняго до десяти-лѣтняго возраста 5 руб. въ годъ съ правомъ занимать посильными работами. Изъ ближайшихъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ выдавался хлѣбъ и для продовольствія и для обсемяненія полей; въ первомъ случаѣ на каждые три мѣсяца впередъ. Тотъ и другой хлѣбъ выдавался заимообразно. Частныя распоряженія счужили облегчить уплату займа на болѣе продолжительные сроки (въ четыре года послѣ первыхъ шести необходимыхъ для знакомства съ требованіями новой страны). Переселенцы-домохозяева, наравнѣ съ прочими крестьянами,

приобрѣтали право участія въ мірскихъ угодьяхъ и оброчныхъ статьяхъ, и проч.

Но не всѣ волости и угодья, назначенныя для водворенія, оказались удобными и соотвѣствующими требованіямъ Западнаго комитета. Томская коммиссія, водворявшая этихъ переселенцевъ, нашла, что пособіе, вообще недостаточное и для переселенцевъ изъ государственныхъ крестьянъ, для польскихъ выходцевъ еще сильнѣе и безвыходнѣе усиливало затрудненія. Переселенцы внутреннихъ губерній приносили совершенно обезпеченными, приводили скотъ (лошадей) или приносили деньги, вырученныя отъ продажъ его и назначенныя для той же цѣли на новыхъ мѣстахъ; польскіе водворенцы ничего этого не имѣли. Рабочую лошадь—основное подспорье земледѣлія—должны они покупать, истрачивая не менѣе 25 руб. изъ 55, и въ то время, когда приобрѣтеніе топора, заступа, пилы, телѣги, саней и для земледѣлія сохи и бороны (непрѣмѣнно съ желѣзными зубьями по требованіямъ первобытной сибирской земли), а также и сбруи—по сибирскимъ цѣнамъ на 30 руб. приобрѣсти нѣтъ никакой возможности. Увеличеніе денежнаго пособія, по крайней мѣрѣ на цѣну не предусмотрѣнной лошади, должно было сдѣлаться, при практическомъ осуществленіи проекта, неизбѣжнымъ и настоятельнымъ. Затѣмъ осуществленіе въ Сибири правилъ о попенныхъ деньгахъ и, вслѣдствіе того, примѣтное уменьшеніе лѣсной промышленности и высокія цѣны на лѣсъ дѣлають невозможною покупку готоваго сруба за 15 руб., а черезъ это укрѣпляютъ необходимость увеличенія пособій еще на лишнія прибавки денегъ до ста рублей на лѣсистыя мѣстности и свыше ста на южныя безлѣсныя.

Подъ такими-то крупными и неблагоприятными условіями приводилось селить польскихъ водворенцевъ по цѣлой Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Въ Сибири достигнута только одна цѣль: переселенцы водворены въ округахъ, наиболѣе дающихъ благопріятныя данныя для земледѣльческаго труда, если не принимать въ расчетъ того, что на этотъ загородный, но тяжелый трудъ приглашены люди, не владѣющие достаточными способностями, на большую часть безъ призванія, безъ охоты, что называется безъ рукъ. Приведены они въ Сибирь или отдѣльными партіями или въ общихъ арестантскихъ партіяхъ на устройство быта по случайнымъ законамъ, которые обыкновенно на практикѣ говорятъ всегда на-двое. Размѣщались они, до распределенія, или въ особыхъ казармахъ, или на правахъ обыкновенныхъ ссыльныхъ, при тѣснотѣ и по невозможности въ самыхъ тюремныхъ замкахъ въ соединеніи съ прочими преступниками. На мѣста водворенія ихъ переправляли также на правахъ пересыльныхъ арестантовъ: подъ багажъ 12

*) Потомъ по устройству хозяйства они обязаны были раздѣлиться жить отдѣльными хозяйствами.

человѣкъ полагалась одна одноконная подвода, подъ слабыхъ и дрихлыхъ одна на двухъ, одна же для пяти малолѣтковъ и по одной подводѣ для двухъ женщинъ съ грудными дѣтьми. Пришли они, большею частью, безъ семействъ, оставшихся на родинѣ въ разсчетѣ, что высылка ихъ—только временная мѣра наказанія. Не смотря на всѣ внушенія начальствъ, они сначала ни подъ какимъ видомъ не хотѣли выписывать своихъ семей, говоря, что не желаютъ подвергать ихъ тому же неизвѣстному будущему, какому они сами подвергнуты. У всѣхъ твердо укрѣплена была вѣра, что со временемъ возвратятся на родину и трудиться считали здѣсь лишнимъ. Когда ослабѣла подобная вѣра и исчезла надежда, они стали выписывать семьи; болѣе другихъ упорные и заглѣбшіеся высланы въ Восточную Сибирь. Однако, на мѣстахъ они получили категорическое заявленіе о томъ, что приведены сюда для водворенія на казенныхъ земляхъ и для занятій земледѣліемъ, что они зачислены въ сословіе государственныхъ крестьянъ, что имъ не только воспрещена приписка къ городскимъ состояніямъ и житіе въ городахъ, но даже отлучки далѣе черты той волости, въ которой водворены. Все это внушало имъ земское начальство съ предвареніемъ, что нерадивые и пренебрегающіе земледѣліемъ будутъ безъ всякаго послабленія подвергаться наказаніямъ, какъ-то назначеніямъ въ общественныя работы, арестамъ, тѣлесному наказанію и, наконецъ, удаленію изъ обществъ для неисправимыхъ въ отдаленныя мѣста Сибири. Для того, чтобы водворенцы не имѣли возможности распространять здѣсь какія либо вредныя идеи и затѣвывать опасные замыслы, надъ ними установленъ надзоръ. Насколько послѣдній затруднителенъ и мало ведетъ къ цѣли, мы уже имѣли случай объяснить выше по поводу сосланныхъ на поселеніе. На сколько затруднительна система принудительнаго земледѣльческаго труда доказываютъ сами водворенцы стремленіями своими въ ту среду городской жизни, гдѣ не безъ точнаго основанія мелькаютъ для нихъ надежды на вѣрное и практическое примѣненіе ихъ ремесленныхъ и научныхъ знаний. Въ городахъ—наибольшая сумма врачующихъ средствъ противъ той болѣзни, которую на этотъ разъ предположено лечить ссылкой и водвореніемъ, но которую то и другое еще болѣе раздражаетъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ высланныхъ водворенцевъ въ Тобольской губерніи поселены въ семи многоземельныхъ волостяхъ Ишимскаго округа, въ Тарскомъ, какъ не представляющемъ также особенныхъ неудобствъ, въ Омскомъ и Тобольскомъ; въ послѣднемъ на тѣхъ немно-

гихъ удобныхъ земляхъ, которыя остались свободными.

Теперь опытъ указалъ на подобныя неудобства и они мало по малу устраняются.

Къ числу благотворныхъ мѣропріятій, какія привелось испытать новѣйшей системѣ политической ссылки, должно отнести, прежде всего, многочисленные случаи прощенія, имѣвшаго послѣдствіемъ значительную сумму облегченій и не остановившагося передъ дарованіемъ полной свободы тамъ, гдѣ это имѣло возможность.

Прежде, всего освобождены всѣ тѣ молодые люди, не достигшіе 20-лѣтняго возраста, для которыхъ облегченіе участи нашло оправданіе въ уступкахъ неопытной молодости, склонной къ увлеченіямъ, но далекой отъ закоренѣлой и опасной преступности. Во вторыхъ, получили свободу всѣ иностранные подданные, замѣшавшіеся въ мятежъ, всѣ эти искатели приключеній, большею частью люди безъ крова и опредѣленныхъ профессій, ненужные и бесполезные въ ссылкѣ; за исключеніемъ тѣхъ, которые успѣли закрѣпить связи, въ одно время, посредствомъ браковъ и при обезпеченіи себя какимъ либо ремесломъ и занятіемъ. Таковыхъ примѣтное число осталось, по доброй ихъ волѣ, въ Сибири. Болѣе двухъ тысячъ иностранцевъ (считая въ томъ числѣ по тажской преступности попавшихъ въ Сибирь) освободили Россію, возвратясь на попеченіе своихъ правительствъ.

Все число приговоренныхъ къ каторжной работѣ, начиная съ 1866 года, постоянно ослабѣвало черезъ уменьшеніе сроковъ, которыми облегчалась участь ихъ сначала на половину, потомъ на $\frac{1}{3}$ до значительно ускореннаго права выхода на поселеніе. Тѣ же неоднократныя распоряженія, и въ то же время, сокращали сроки для приговоренныхъ на поселеніе къ выходу ихъ на житіе и къ поступленію въ сословіе государственныхъ крестьянъ. Для другихъ категорій, сосланныхъ съ меньшею виновностью, льготныя послабленія простирались до дозволеній приписки къ городамъ изъ селеній, къ выѣзду изъ Сибири въ Россію и, наконецъ, къ праву житія въ царствѣ Польскомъ. Изъ таковыхъ сосланныхъ въ Сибирь или отдаленные города Россіи около двухъ тысячъ получило свободу изъ арестантскихъ ротъ и до пяти тысячъ изъ сосланныхъ административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи. Въ послѣднемъ случаѣ можно разсчитывать еще на большія льготы и ожидать новыхъ прощеній, когда кончить свои работы особая коммиссія для лицъ, находящихся подъ полицейскимъ надзоромъ, «назначенія которой было своевременно сообщено въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“».

ГЛАВА IV.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПНИКИ.

Древніе способы исканія правды.—Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ.—В. Н. Романовъ и его страданія.—Матвѣевъ.—Распопъ Лазарь.—Растрига Ѳеодосъ (Ѳеодосій Яновскій).—Ссылный колоколъ.—Тюрьмы для великозачныхъ преступниковъ.—Остроги.—Монастырскія каюты.—Ссылка во время междоусобствъ, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ.—Ссылка малороссовъ.—Гетманы.—Гвнютка.—Многогрѣшный.—Самойловичъ.—Сѣрко.—Войнаровскій.—Желѣзнякъ.—Дятъевъ.—Самозванцы 17 и 18 столѣтій.—Громадная ссылка стрѣльцевъ.—Враги Петра I.—Сообщники Татищскаго, царевича Алексѣя.—Ссылка при наследникахъ Петра.—Враги Ѳеофана Прокоповича въ ссылкѣ.—Бироновщина.—Слово и дѣло.—Радичевъ.—Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка.—Слово и дѣло въ Сибири и на каторгѣ.—Старецъ Никонъ.—Каурій.—Тверской крестьянинъ Ермолаевъ.—Ссылный Артамоновъ.—Грузинскіе дворяне.—Семеновцы.—Экспедиторъ Степановъ.—Кодебу.—Измѣнники отечеству.

Древняя Русь, для удовлетворенія законовъ справедливости, считала необходимымъ: разбойниковъ и татей бить кнутомъ, а пущихъ заводчиковъ поднимать на висѣльцы по одному человѣку въ городѣ; зажигателей также вѣшала; дѣлателей фальшивой монеты отсѣкала обѣ ноги и лѣвую руку; женъ, за убійство мужей, закапывала живыми въ землю; бунтовщиковъ въ страхъ прочіимъ вѣшала на плотъ и спускала внизъ по рѣкѣ. Отступниковъ отъ вѣры, религіозныхъ мыслителей, заурядъ съ колдунами, ставили въ деревянные срубы и сожигали живьемъ. Государственныхъ преступниковъ колесовали, четвертовали или клали ихъ буйны головы на плахи липовыя (по словамъ пѣсень), „отрубали буйны головы по могутнымъ плечамъ, или брали лопаты желѣзныя, копали двѣ ямы глубокія, становили два столба дубовыхъ, забивали два крюка желѣзныхъ, клали жердочку кленовую, накладывали двѣ петелки шелковыя; выводили добра-молодца, очи ясныя черной тафтой ему завѣшивали, рѣзвы ножечки въ тяжелыя желѣзы заковывали“ и проч. *). Въ большин-

ствѣ же случаевъ къ нимъ примѣняли ссылку въ самыя глухія и скудныя мѣста, въ расчетѣ на медленныя муки нравственной тоски и одиночнаго заключенія и на вѣроятіе мучительной смерти отъ голода. „Здѣсь копали погребы глубокіе,—по словамъ народныхъ пѣсень:—задергивали рѣшетками желѣзными, желтымъ пескомъ призапывали, сѣрымъ хрищемъ-каменемъ призаваливали“. Досиживались же въ земляныхъ тюрьмахъ до того, что проросли тѣльные кресты во бѣлы груди.

Таковыми путями гонялись за правдою и полагали ее удовлетворенною во все время, пока неизвѣстна была Сибирь и мѣстами ссылки и заточеній могли служить сѣверные монастыри и пограничныя остроги, но къ мѣстамъ короткой расправы прибѣгали еще и тотъ московскій царь, который впервые сталъ титуловаться сибирскимъ. Потухающими глазами одряхлѣвшаго старика, измучившій всѣхъ и самого себя до острой и смертельной болѣзни, взглянулъ Иванъ Грозный на соболей, привезенныхъ атаманомъ Кольцомъ отъ Ермака; успѣлъ выговорить казнь завоевателямъ цѣлаго татарскаго царства за разбой и грабежи на Волгѣ, за своеволія на Камѣ, но за приращеніе московской земли новыми громадными косякомъ плодородныхъ земель на Иртышѣ и Тоболѣ усталый и изнеможенный царь послалъ Ермаку съ своихъ надломленныхъ плечъ бархатную шубу и охотливо выговорилъ прощеніе на этотъ разъ,—во всю жизнь не терпя никакихъ своеволій. Затѣмъ, едва успѣвъ оный послать въ Сибирь своихъ воеводъ, годъ одинъ повелѣлся въ московскихъ соборахъ сибирскимъ царемъ, въ началѣ марта 1584 года, тяжело занемогъ и, едва успѣвъ уже полумертвымъ постричься въ монахи, скончался. Сыну его досталась готовою страна во всѣхъ соблаз-

*) Во время пребыванія нашего въ Архангелскѣ, мы имѣли случай найти свидѣтельство о слѣдующемъ образчикѣ стариннаго судопроизводства и наказаній. Елисѣевъ, солдатъ гайдукаго полка, пущенный на ночь сосѣдомъ своимъ и сослуживцемъ Костогоровымъ, ночью ножемъ кололъ хозяина и то же сдѣлалъ съ его женою, прибѣжавшею на помощь. Оправдывалъ себя тѣмъ, что будто бы жена Костогорова изурочила сына его, 13-ти-недѣльнаго младенца; сверхъ того, надѣялся найти деньги, а самого хозяина не засталъ дома. Убоясь кривовъ израненнаго Костогорова: «Царевъ (т. е. караулъ), что ты задумалъ, за что рѣжешь?»—Елисѣевъ засунулъ раненому руку въ ротъ, а когда тотъ выхватилъ у него изъ рукъ ножъ, выскочилъ въ окно и побѣжалъ въ городъ, а Костогоровъ «рѣзанные отъ него остались еще живы». Убійца былъ пойманъ въ одной рубашкѣ, окровавленный, безъ сапогъ. За это произвели пытку (дали 42 удара кнутомъ), да 12 страсокъ и семикратно женъ казенными клещами и обливанъ водою горячею, «ставленъ въ прѣстѣнокъ и, наконецъ, по цар-

скому Петруу указу 28 окт. 1712 г., четвертованъ, т. е. попереминно отрублены руки, ноги и наконецъ, голова. Вины его всенародно читаны и былъ прибитъ къ столбу листъ.

нительныхъ условіяхъ лучшаго ссыльнаго мѣста въ цѣломъ свѣтѣ: въ 1592 г. основанъ одинъ изъ первыхъ сибирскихъ остроговъ Пелымъ и для заселенія его употреблены огуломъ первые ссыльные люди за государскія вины—угличане, сосланные по дѣлу царевича Дмитрія. Черезъ десять лѣтъ въ городкѣ этомъ сидѣлъ уже новый сибирскій ссыльный—В. Н. Романовъ, сосланный за государственное преступленіе „за намѣреніе отравить ядомъ царя Бориса“. Съ тѣхъ поръ возмездіе за государственныя преступленія стало считаться удовлетвореннымъ съ удаленіемъ виновныхъ людей въ самыя глухія мѣста Сибири въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ. Оставляя преступниковъ за приставами въ тяжелыхъ желѣзахъ, возмездіе находило предѣлъ собственному успокоенію въ лишеніи ссыльныхъ общенія съ людьми, облегченнаго урѣзываньемъ языковъ. Виновные стали получать патенты на ссыльное право съ вырѣзанными ноздрями, ушами и при иныхъ способахъ искаженія. Справедливость считалась отысканною и мѣсть удовлетворенною, если сылка умѣла подвергнуть ея измучить до голодной смерти. Ограниченная дача пищи продолжала входить сюда, какъ непремѣнная принадлежность сылки, на томъ же основаніи, какъ обязательно было до сихъ поръ это голодное право для всѣхъ, подвергавшихся монастырскому и острожному заточенію еще до предѣловъ Уральскаго хребта.

Молодой юноша Василій Никитичъ Романовъ, сосланный въ 1607 году по доносу холопа, къ утѣшенію тосковавшихъ „объ московскомъ винѣ и табакѣ“ приставовъ, истаялъ отъ голоду въ одинъ годъ и умеръ въ душевнои землянкѣ въ оковахъ, не смотря на то, что—по преданію—пелымскіе жители выучили дѣтей своихъ, играя возлѣ тюрьмы, носить узнику въ дудочкахъ квасъ, молоко и подобные припасы. Приставъ поступалъ съ нимъ круто: держалъ скованнымъ въ избѣ, мимо которой прохожей дороги не было. Василій былъ боленъ все время, чуть живой на цѣпи, ноги опухли. „Я цѣпь снялъ (пишетъ приставъ). Сидѣлъ у него братъ Иванъ и дѣтина (слуга) Сенька. И я ходилъ и попа пускалъ“. Когда умеръ, похоронилъ, далъ по немъ трѣмъ попомъ да дьячку да пономарю 20 рублей. Иванъ боленъ старою болѣзнью, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ (Ивана Никитича перевели потомъ въ Уфу и поверстали на службу въ Нижній). Старшій братъ его, любимецъ московскаго народа, посаженный въ земляную тюрьму въ селѣ Ныроби (въ 70 верстахъ отъ г. Чердыня Пермской губерніи), не прожилъ въ заточеніи и одного года, не смотря на то, что владѣлъ громадною физическою силою, о которой слава ушла въ преданіе, обладалъ высокимъ ростомъ и весьма плотнымъ тѣлосложеніемъ. Пока копали яму для тюрьмы и ссыльный стоялъ у са-

ней, на которыхъ привезли его (говорить народное преданіе) и когда завалило его снѣгомъ, М. Н. Романовъ схватилъ обѣими руками сани и отбросилъ ихъ шаговъ на десять въ сторону, а сани едва трогали съ мѣста пять человѣкъ. До сихъ поръ въ Ныробской церкви показываютъ однихъ желѣзъ его на два пуда вѣсомъ: такъ называемый стулъ или плечныя желѣза въ 39 фун., ручныя желѣза въ 12 фун., кандалы или ножныя въ 19 и замокъ въ 10 фунтовъ. Когда крестьяне попробовали подсобить ему своими скудными съѣстными припасами, приставъ не замедлилъ шесть человѣкъ отослать въ Москву за крѣпкимъ карауломъ; при царѣ Шуйскомъ изъ нихъ вернулись домой только двое, остальные, послѣ жестокихъ пытокъ, умерли въ московскомъ заточеніи.

„Не постыдился бы я (пишетъ позднѣйшій заключенникъ въблизи устьевъ Печоры въ Пустозерскѣ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ), не постыдился бы я—свидѣтель мнѣ Господь Богъ—именемъ Его ходить и просить милостыню, да никто не подастъ и не можетъ подать ради нужды. Жители голодомъ таютъ и умираютъ. Избенка дана мнѣ, а другая червю моему сынишку, ей-ей!—обѣ безъ печи и во всю зиму рукъ и ногъ не отогрѣли, а иные дни мало что не замерзнемъ, а отъ угару безпрестанно умирали. А въ подкѣтишкѣ запасенко мой и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ. Таемъ голодомъ, а хлѣбъ привезли: мука, что отруби, и той не продаютъ“. Сынъ страдальца, подкрѣпляя слова отца, свидѣтельствуешь, что бывали времена, когда у нихъ оставалось только три сухаря; пристава (Тухачевскій) удѣлялъ изъ своего запаса половину, самъ получалъ всего шесть пудовъ ржаной муки и тѣмъ спасъ ихъ отъ смерти.

„А хлѣба даютъ намъ по полутора фунту на сутки (пишетъ въ посланіи царю Алексѣю другой пустозерскій заточникъ, товарищъ Аввакума, распользъ Лазарь), да квасу нужное даютъ. Ей ей, и посомъ большіе сего пометають, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же, ходимъ срамно и наго“. Впрочемъ, четыре товарища по сылкѣ за государственныя и религіозныя преступленія отъ голодной смерти избѣгли смертью въ срубѣ и огнѣ, уже въ царствованіе Алексѣева сына—Федора.

„Мучаемъ животъ свой (пишетъ В. В. Голицынъ, любимецъ Софіи, изъ сылки съ Пинеги) и скитаемся Христовымъ именемъ, всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. И помереть будетъ намъ томною и голодною смертью“.

Уходя изъ XVII въ начало прошлаго столѣтія, мы видимъ, что на той же окраинѣ (на устьяхъ Двины въ Никольскомъ Корельскомъ монастырѣ) надъ однимъ ссыльнымъ (новгород-

скии архієпископомъ Θεодосіємъ Яновскимъ), разыгрывается продолженіе древней русской драмы, оканчивавшейся въ послѣднемъ актѣ тою же голодною смертію. Этому сопернику и врагу Θεοφана Прокоповича, сосланному за дерзость противъ Екатерины I и за бранныя слова на дворцовый караулъ, удалось прожить въ заточеніи всего 7 мѣсяцевъ и 11 дней. Получалъ онъ только хлѣбъ и воду. Архангельскій губернаторъ (Измайловъ), навѣстившій „растригу Θεодоса“ черезъ нѣсколько времени, отписывалъ въ Петербургъ, что онъ еще живъ. Ему отвѣчали: „Когда придетъ крайняя нужда къ смерти чернецу Θεодосу“, губернатору отпереть и распечатать двери, духовнику причастить тутъ же въ тюремной кельѣ, двери которой послѣ того „по прежнему запереть и запечатать ему, губернатору, своею печатью и приказать хранить на крѣпко“, а придетъ смерть, похоронить въ томъ же монастырѣ. Когда велѣно было перевести его изъ-подъ перкви въ новую тюрьму и послѣдняя была готова, Θεодосъ уже не имѣлъ силы перейти въ нее, его перенесли на рукахъ. Старецъ успѣлъ проговорить на переносѣ: „Ни я чернецъ, ни я мертвецъ, гдѣ судъ и милость?“ Губернаторъ сказалъ ему „съ сердцемъ, дабы онъ лишняго не говорилъ, а просилъ бы у Бога душѣ своей милости“. Измайловъ спросилъ: не желаетъ ли онъ духовника? „И на тотъ вопросъ ничего онъ, Θεодосъ, не сказалъ и глазъ своихъ, какъ они у него закрыты были камилавкою, не открылъ“. Съ тѣмъ губернаторъ и уѣхалъ. 3-го февраля получилъ онъ отъ фендрика рапортъ, что „онъй Θεодосъ, по многому клику для подаванія пищи, отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ“. Велѣно фендрику „еще покричать въ окно, какъ возможно громко, и ежели по многому крику отвѣту онъ не дастъ, то на другой день тюрьму, распечатавъ, отпереть и его, Θεодоса, осмотрѣть“. Фендрикъ покричалъ, отперъ тюрьму, осмотрѣлъ и 5-го февраля съ нарочнымъ солдатомъ прислалъ губернатору объявленіе, что „онъй Θεодосъ умеръ“. Не удалось примѣнить первое столичное предписаніе (предусмотрѣть близость смерти и причастить узника), попробовали исполнить второе: похоронили тѣло при деревянной больничной перкви, гдѣ хоронятъ монаховъ; но петербургская тайная канцелярія этимъ не удовольствовалась! Велѣно „учинить анатомію, изъ Θεодосова тѣла внутренности вынуть“, а если искусныхъ людей не обрѣтается (въ Архангельскѣ), то, „положа тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ лошадахъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя солдатами съ подтвержденіемъ, яко бы ѣдутъ съ нѣкоторыми вещами“. Указъ о томъ послѣдовалъ 20-го февраля; 2-го марта писано: „мертвое тѣло не возить“, но было поздно. Кабинетскій

курьеръ встрѣтилъ тѣло Θεодоса въ 60 верстахъ отъ Каргополя, осмотрѣлъ его въ деревнѣ тайно, „не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ, и того не явилось“. 12-го марта 1726 г. тѣло похоронено въ Кирилловомъ Вѣловерскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ, новый вѣкъ выступалъ только съ тѣмъ новымъ прогрессомъ, что перестали сылать колокола *) и земляныя тюрьмы стали смѣняться надземными. Въ ныробской каменной часовнѣ, подлѣ иконостаса, показываютъ въ каменномъ полу четырехугольное отверстіе, служившее окномъ для свѣта и мѣстомъ, черезъ которое подавали узнику Романову пищу. На лѣво отъ входа въ часовню по спуску, устроенному поздне, и по каменнымъ ступенямъ вводять въ яму вышиною въ 2½ аршина. И теперь въ подземельѣ такъ мало свѣта, что глазъ съ трудомъ успѣваетъ разглядѣть мокрыя и мрачныя стѣны, выведенныя сводомъ въ одинъ кирпичъ, на фундаментѣ изъ дикаго камня, и на лѣво чуть примѣтные остатки печи. Печь эту сложили—поясняетъ преданіе—вскорѣ, какъ привезли узника, когда морозы стали крѣпнуть. Народъ чтитъ желѣзныя оковы за святые и надъ земляною мученика выстроилъ каменную часовню, на мѣсто деревянной и древней, въ 1793 году, по указу Екатерины II. Въ теплой церкви, на мѣстѣ сгорѣвшей вмѣстѣ съ деревянною гробницею, хранится сдѣланная по образцу старой новая гробница. Уже для Аввакума съ товарищами, при благодушномъ царѣ Алексѣѣ, велѣно было рубить лѣсъ на Ижмѣ и сплавлять внизъ по Печорѣ въ Пустозерскъ; тамъ срубили четыре избы, пригодныя для человѣческаго жилья (суда по прописаннымъ въ указѣ разбѣрамъ). Однако, и послѣ Петра, при заточеніи Θεодосіа Яновскаго, еще хлопотали Борисовымъ обычаемъ о томъ, чтобы и надзем-

*) До 3 іюня 1892 г. въ тобольскомъ кремлѣ, подлѣ архіерейскаго дома, въ особенномъ огороженномъ мѣстѣ, висѣлъ смышленый угличскій колоколъ, въ который били въ набатъ послѣ убійства царевича Дмитрія. Смышленый колоколъ висѣлъ въ товариществѣ другихъ четырехъ, подобранныхъ подъ тонъ, но отличался отъ нихъ урѣзанными (отломанными) ушами, хотя съ цѣлымъ языкомъ, за то съ обгрызанными краями. Уши его надломлены и края обиты,—по русскому народному преданію:—въ наказаніе за преступленіе: билъ въ набатъ, звукъ давалъ, народъ собиралъ, народъ возмущался и злодѣйство учинилъ—кровь пролилъ въ самосудѣ. На колоколѣ надпись: «Сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убійствѣ благовѣрнаго царевича Дмитрія въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку во градъ Тобольскъ, въ церковь Всемилостиваго Спаса, что на Торгу (теперь на Яру, на берегу Иртыша), а потомъ на Софійской (соборной) колокольні былъ часобитный». На вопросъ нашъ встрѣчныхъ туземцевъ: за что колоколъ сосланъ?—мы получили въ отвѣтъ: «Пожаръ гдѣ-то былъ, такъ гулку онъ не давалъ, за то и сослали». Теперь колоколъ возвращенъ въ Угличъ и помѣщенъ въ музей.

ная тюрьма походила на подземную. Борисъ выдерживалъ Филарета Никитича Романова въ Антоніевъ-Сійскомъ монастырѣ въ подцерковной кельѣ въ $2\frac{1}{2}$ аршина длины и $1\frac{1}{2}$ аршина ширины. Посланный при Екатеринѣ I ревизоръ изъ Петербурга нашелъ, что у Федосовой кельи окно велико. Ревизоръ этотъ велѣлъ окошко закласть кирпичемъ, такъ что новое имѣло $\frac{1}{4}$ аршина въ вышину и $\frac{1}{2}$ аршина въ ширину. Мостъ (т. е. половицы) изъ той кельи былъ vybrать, узникъ покинуть на сыромъ и холодномъ полу. Платья при немъ оставлено только что на немъ да постель; денегъ ему ничего не дано. Приобщать его заказано разъ въ годъ въ Великій постъ, не въ церкви, а въ темницѣ. Въ темницѣ сидѣлъ онъ „за тремя дверьми и замками и за печатями и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ—одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ“. Показалось, что и тутъ близко люди ходятъ, велѣли поискать такое мѣсто, чтобы не ходили мимо люди и тутъ построить другую тюрьму, гдѣ сдѣлать печи и наслать деревянный полъ, и печь топить съ надворья „и устье печное чтобъ близъ караула было“.

Въ этомъ же вѣкѣ, и именно въ началѣ его (въ 1724 году), въ Березовѣ былъ выстроенъ изъ аданія Воскресенскаго монастыря острогъ, специально предназначенный для государственныхъ преступниковъ: въ 1727 году вошелъ въ него А. Д. Меньшиковъ съ семействомъ, а тотчасъ по выходѣ его и слѣдомъ за нимъ (въ 1730 году) князя Долгорукіе, потомъ въ 1743 г. графъ Остерманъ. Послѣ него острогъ былъ заброшенъ и снесенъ на другое мѣсто подъ присутственный мѣста; мѣсто Березова полюбилась Камчатка. Уже Петръ не придерживался окраинъ Западной Сибири и, радѣя о портахъ приморскихъ, сдѣлавшій изъ Рогервика (Балтійскаго-Порта) и Петербурга каторжныя мѣста посылалъ государственныхъ преступниковъ въ Охотскій портъ.

До Петра тюрьмами для государственныхъ лиходѣевъ служили еще остроги и острожки, одинъ за другимъ, какъ грибы, выросавшіе въ лѣстныхъ мѣстностяхъ дикой и новой Сибири. Въ остроги эти явились государственные преступники въ числѣ первыхъ обновлять тюрьмы и исправлять новоселье. Въ 1666 г. основанъ былъ за Байкаломъ Селенгинскій острогъ и, пока укрѣпляли его дубовымъ частоколомъ, пока внутри огады успѣли построить церковь и деревянные избы съ застѣнками—по московскимъ образцамъ—для пытокъ простыхъ ссыльныхъ, посѣпшили срубить и избы съ „темными каютами“ для великоважныхъ преступниковъ. Въ селенгинской секретной избѣ въ 1673 г. сидѣлъ уже малороссійскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Около 1630 года отстроенъ былъ Кузнецкій острогъ и долго подвергался опасностямъ отъ нападеній татаръ и киргизъ,

но лишь смирились послѣдніе и стало без-опасно, въ Кузнецкій острогъ привезли нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовку, и т. д. Въ началѣ XVII вѣка такихъ остроговъ въ Сибири было уже много: на „великой рѣкѣ Лентѣ“ стоялъ острогъ Якутскій; въ дальнихъ Даурахъ—Нерчинскій и Селенгинскій и даже „на великой рѣкѣ Амурѣ“—Албазинскій, гдѣ пѣлъ первый молебень государственный смышленый—протопопъ Аввакумъ Петровичъ. Сверхъ того, такіа же сырыя и темныя тюрьмы стояли готовыми и въ монастыряхъ туруханскомъ (Троицкомъ), киренскомъ (Троицкомъ), иркутскомъ (Вознесенскомъ), селенгинскомъ (Троицкомъ, близъ Байкала), нерчинскомъ (Успенскомъ) и даже въ якутскомъ (Спасскомъ). Для женщинъ выстроены были особыя тюрьмы съ желѣзными рѣшетками въ монастыряхъ женскихъ Богородицкихъ (тобольскомъ и сибирскомъ Рождественскихъ, далматовскомъ Успенскомъ и иркутскомъ Знаменскомъ).

Семнадцатый вѣкъ, кончившійся вспышками неудовольствій по поводу присоединенія Малороссіи, распрями съ расколыниками, нашедшими опору въ своевольныхъ стрѣльцахъ, передалъ новому вѣку много нерѣшенныхъ споровъ государственной важности. Восемнадцатый вѣкъ, къ тому же, начинался для Россіи громадною ломкою всего стараго отечественнаго и народнаго, распадавшагося подъ ударами тяжелой руки, направляемой и воспопобляемой иноземцами. Сильно хлынувшая волна схватывала отсталыхъ и, изуродовавъ ихъ тѣла, выкидывала на пустынныхъ далекихъ берегахъ Сибири. Въ числѣ отсталыхъ и погибшихъ первыми и на большую часть оказались лица духовнаго званія, но больше монаховъ, чѣмъ людей изъ благаго духовенства. Второй напоръ волнъ потопилъ людей, стоявшихъ во главѣ правленія и руководившихъ судьбами обновляемаго государства, потопилъ ихъ во время споровъ за престолонаслѣдіе и во время борьбы съ нѣмцами. Волна была неразборчива: съ равнымъ хладнокровіемъ хватала она противниковъ новизны, потащала слѣдомъ за ними и заводчиковъ новыхъ порядковъ. За ними, вполѣдствія, понесла волна и мелкихъ людей, горожанъ и сельчанъ, людей свободскихъ и червошнскихъ, купцовъ и крестьянъ, злоупотребившихъ государевымъ „словомъ и дѣломъ“, т. е. объявившихъ ихъ за собою и не доказавшихъ одного изъ слѣдующихъ къ тому пунктовъ. Восемнадцатый вѣкъ можно назвать исключительно такимъ, когда за государственныя преступления ссылались, преимущественно, люди русскаго происхожденія и ссылались въ такомъ множествѣ, подобное которому можно найти только въ Испаніи и во Франціи. Въ отиѣну отъ текущаго прошедшій вѣкъ въ частностяхъ представляетъ еще ту особенность, что наибольшее количество нѣмцевъ сослано въ

Сибирь въ тѣ времена опредѣленной и энергической борьбы съ ними. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ ямцы въ ссылки—поразительная рѣдкость, и нашъ вѣкъ, по роду государственныхъ преступлений, объявилъ перевѣсъ ссылныхъ поляковъ надъ всѣми національностями, входящими въ составъ разноплеменнаго русскаго царства. Семнадцатый вѣкъ былъ безразличенъ.

Слѣдомъ за уличенными и Романовыми—ссылными Бориса Годунова, въ молодую страну изгнания и пущихъ страданій стали прибывать тѣ, которыхъ милости царевы избавляли отъ смертной казни. Борисъ прислалъ Богдана Вѣльскаго, предварительно выщипавъ ему по волоску густую длинную бороду. Съ главными заводчиками все-таки продолжали еще разсчитываться въ Россіи. Волотникова съ атаманомъ Нагибомъ Шуйскій утопилъ въ Каргополѣ; лже-Петра повѣсили; Заруцкаго посадили на жолъ въ Москвѣ; Марина умерла въ тюрьмѣ, но сына Марины повѣсили; Шаховскаго, „всей крови заводчика“, заточили на Кубенскомъ озерѣ въ пустынь. Если Дмитрій Самозванецъ и вызвалъ изъ ссылки всѣхъ Романовыхъ, тѣла умершихъ въ Сибири перевезъ въ Москву и съ почестями похоронилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, то онъ же отправилъ въ Сибирь изъ Галича дядо Отрепьева, гласно объявлявшаго о настоящемъ происхожденіи царя; дворянина Петра Тургенева и калачника Ѳедора, толковавшихъ народу, что царь—обманщикъ и орудіе сатаны, Дмитрій казнилъ въ Москвѣ на той же площади, гдѣ они все это разсказывали. Казнили и дьяка Осипа Тимошеева, дерзнувшаго уличить царя съ очей на очи.

При царѣ Михайлѣ отправили въ Сибирь изъ Казани воеводу Никанора Шульгина, внушавшаго войску, что не надо признавать новаго царя, такъ какъ онъ избранъ безъ совѣта съ Казанскимъ царствомъ. Сослали Салтыковыхъ за то, что государевой радости (женитьбѣ) причинили помѣху измѣною, когда царь хотѣлъ жениться на Марьѣ Хлоповой и она занемогла, и не смотря на то, что дядя невѣсты Гаврила приписывалъ богѣвъ племянники неумѣренному употребленію сладкихъ яствъ на радостяхъ. Въ 1634 году услали въ Сибирь остальныхъ отъ казенныхъ смоленскихъ воеводъ, позволившихъ въ городѣ укрѣпиться полякамъ и говорившихъ о смерти Филарета Никитича много непригожихъ воровскихъ словъ, „чего и написать нельзя“: Семена Прозоровскаго и Михайлу Вѣльскаго безъ женъ и дѣтей. Одного сына Измайлова (Василья) простили, другого били кнутомъ и сослали въ сибирскую тюрьму за то, что, будучи подъ Смоленскомъ, воровалъ съ литовскими людьми, съѣзжался и говорилъ многія непригожія слова и литовскихъ людей дарилъ. За то же самое и туда же пошли Гаврила Вакинъ и Любимъ Анапьевъ (послѣдній жилъ во

дворѣ у Шеина въ шиняхъ и подслушивался и ссорилъ воеводу). Въ концѣ царствованія Михайла появленіе двухъ новыхъ претендентовъ, оспаривавшихъ у царя московскій престолъ, вызвало толпу довѣрчивыхъ людей, изъ которыхъ часть поплатилась за свою простоту ссылкой въ Сибирь, хотя и на этотъ разъ съ главными заводчиками успѣли раздѣлаться домашними средствами—казнею и Сибири имъ не судили. При сынѣ Михайла, Алексѣѣ, злое дѣло противъ государя обрело на смертную казнь уже по прямому смыслу законовъ, собранныхъ въ Уложеніи. Самъ царь принялъ на себя право судебного приговора и въ томъ случаѣ, когда „кто учнетъ извѣщать великое гусударево дѣло, а свидѣтелей никого не поставитъ и ничѣмъ не уличитъ и сыскивати будетъ нечѣмъ“, и въ томъ случаѣ, когда „кто свѣдаетъ или услышитъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой злой умыселъ“. Обо всѣхъ такихъ велѣно извѣщать государя, или его бояръ или ближнихъ людей, а въ городахъ воеводъ и приказныхъ людей. Разбойнику только, да вору, да татю (которые скажутъ за собою гусударево дѣло) не вѣрять и пытать за татбу, а послѣ пытки уже разспрашивать.

При царѣ Алексѣѣ сибирскіе остроги, слѣдомъ за гилевщиками (ходившими къ царю въ Коломенское смутю и толпою съ жалобою на упадокъ мѣдныхъ денегъ), увидѣли новыхъ довѣрчивыхъ людей, повѣрившихъ новымъ самозванцамъ: Стенькѣ Разину на Волгѣ и самозванцу царевичу Симеону Алексѣевичу въ Запорожьѣ. Анкудинова (Тимошку), выдававшего себя за сына Василія Шуйскаго въ Швеціи и не успѣвшаго найти сообщниковъ въ Россіи, четвертовали въ Москвѣ, но товарищей донско-го казака Ѳедки Шелудяка сослали въ Сибирь. Сибирскіе остроги въ это царствованіе начали мало по малу пріобрѣтать значеніе государственныхъ тюремъ и въ концѣ царствованія этого государя обладали большимъ запасомъ политическихъ ссылныхъ. На послѣднее обстоятельство въ значительной степени повліяло присоединеніе Малороссіи и тѣ замѣшательства, какими сопровождались непривычныя и не опредѣлившіяся отношенія добровольно присоединившагося края по смерти Богдана Хмѣльницкаго. Въ 1671 году малороссійскаго гетмана Демьяна Игнатъевича Многогрѣшнаго за то, что писалъ хульные рѣчи на государя и государство и обѣщалъ отдаться турецкому султану и служить ему, привезли въ Москву съ сообщниками: протопопомъ Симеономъ Адамовичемъ, Грибовичемъ и есауломъ Гвинтовкою. Бояре присудили имъ смертную казнь, привезли на Волото за кузницами, положили головы на плаху, но царь прислалъ гонца: пожаловалъ по упрощенію дѣтей своихъ, велѣлъ Демку да

Ваську (брата его), Грибовича и Гвинтовку сослать въ дальніе сибирскіе города на вѣчное житіе. На другой день велѣтъ дать имъ въ милостыню: старшему брату 5 рублей, младшему 10, Грибовичу и Гвинтовкѣ по пяти и отдать гетману всю его рухлядь. Вояре приговорили отпустить съ ними ихъ женъ и дѣтей; съ Демьяномъ отправились жена его Настасья, сыновья Петръ и Иванъ, дочь Елена, племянникъ Михайло Зиновьевъ и двѣ работницы. Съ Гвинтовкою жена и двое сыновей (Ефимъ и Федоръ). Въ Тобольскѣ указано ихъ держать за крѣпкимъ карауломъ скованными, но сибирскія крѣпости не сдержали Василья Грибовича, онъ изъ Сибири бѣжалъ, скоронился отъ ссылки въ Запорожьѣ, но усугубилъ тѣмъ муки неволи для товарищей. Велѣно было разослать ихъ по дальнимъ острогамъ въ пѣшую казачью службу и держать скованными въ тюрьмахъ: Демьяна Многогрѣшнаго съ женою и однимъ сыномъ—въ Якутскѣ (гдѣ онъ потомъ жилъ на свободѣ и оттуда, по просьбѣ, переведенъ въ Селенгинскій острогъ); брата гетмана, черниговскаго полковника—въ Красноярскій острогъ, нѣжинскаго полковника Матвѣя Гвинтовку съ семействомъ—въ Кузнецкій острогъ. Въ томъ же году и по тѣмъ же городамъ разосланы изъ боярскихъ дѣтей пять человѣкъ съ женами и дѣтьми, каковыя всѣ, послѣ бѣгства Павла Грибовича, въ Туринскѣ разсажены были по тюрьмамъ, а когда изъ нихъ успѣли нѣкоторые также бѣжать, пойманныхъ бѣглецовъ велѣно быть кнутомъ въ Тобольскѣ и отослать въ дальніе сибирскіе города. Въ Якутскѣ, на мѣсто Многогрѣшнаго, присланъ былъ въ ссылку другой малороссійскій гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ съ сыномъ Яковомъ, гдѣ оба и умерли (одинъ въ 1692, другой въ 1695 г.). Къ нимъ не допускали людей, не давали ни чернилъ, ни бумаги; не вѣстка гетмана, урожденная Швейковская, заключена была въ енисейскомъ Рождественскомъ монастырѣ, но по смерти мужа возвращена на родину. Возвращенъ изъ Сибири и знаменитый запорожецъ Стрѣко, страшный Крыму, но показавшійся опаснымъ тѣмъ, что казаки хотѣли его выбрать на мѣсто Многогрѣшнаго. Впослѣдствіи въ Якутскій острогъ, послѣ разныхъ казачьихъ смуть, присланы были: полковникъ Конюховскій, андрусовскій полковникъ Децень, кievскій Семень Третьякъ, ирклевскій Маляшъ, много казачьихъ головъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, войсковыхъ писарей и другихъ лицъ. При Петрѣ въ Енисейскій острогъ былъ посаженъ полковникъ Семень Палѣй, какъ измѣнникъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ Карломъ XII и загубленный Мазею *). Въ 1708 году онъ

былъ возвращенъ изъ Сибири, но слѣдомъ за нимъ отправленъ былъ въ Якутскій острогъ племянникъ Мазеры Андрей Войнаровскій, расплатившійся этою ссылкой за бѣжавшаго за границу дядю.

Такимъ образомъ, передовыми выборными людьми отъ народа и его любимцами протолченъ былъ путь въ Сибирь изъ Малороссіи, начатый при царѣ Алексѣѣ, не заброшенный и при его трехъ преемникахъ до времени самаго меньшаго изъ его сыновей—Петра. Этими ссылками Великая Россія заявила свои владѣльческія права; въ нихъ Малая Россія получила первые уроки подданнической вѣрности и крупными жертвами искреннихъ и устойчивыхъ патріотовъ низведена была до того уровня, гдѣ ея права очутились въ зависимости и подчиненіи правамъ и стремленіямъ централизирующей Москвы. Сибирь, посреди этихъ расчетовъ двухъ главныхъ и основныхъ племенъ своей территоріи, нашла для себя несомнѣнную выгоду въ томъ, что сторожевая казачья служба въ молодой странѣ выиграла пріобрѣтеніемъ людей опытныхъ и способныхъ, встала въ наилучшія условія боевой жизни. Черкасскіе люди, пріуроченные къ сибирской странѣ на вѣчно и принужденные слить интересы личной безопасности съ государственными выгодами страны, не помня зла, пособили кореннымъ сибирскимъ казакамъ отбить набѣги враждебныхъ инородческихъ племенъ. Тотъ же Демьянъ Многогрѣшный, на долю котораго выпала такая многострадальная жизнь и первые удары дальняго заточенія, сумѣлъ отстоять забайкальскія страны отъ набѣговъ самаго воинственнаго изъ сибирскихъ народовъ монгольскаго племени—бурятъ. Подъ тѣмъ же Селенгинскомъ, гдѣ онъ нашелъ конецъ своимъ мученіямъ, до сихъ поръ сохраняется въ памяти народа гора Убіенная, названная такъ потому, что здѣсь на свѣту посла Ѡ. А. Головина, ѣхавшаго въ 1689 году въ Нерчинскъ для переговоровъ съ китайцами, напали буряты, били его людей, тѣснили войска; самому послу грозили великою опас-

*) Въ 1708 г. при Петрѣ ушли въ Сибирь избавленные отъ висѣлицы сообщники Булавина (успѣвшаго застрѣлиться). Пострадали ка-

закі; казачеству нанесенъ былъ сильный ударъ. Въ 1709 году разгромлена была Запорожская сѣчь и нѣкоторые изъ запорожцевъ примкнули къ составу служилыхъ людей сибирскихъ остроговъ. Въ Селенгинскѣ, въ старомъ городѣ, хранится подъ навѣсомъ дореволюнный крестъ съ выпуклымъ изображеніемъ Спасителя и съ надписью назадъ тропаря: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко» и проч. Внизу креста замѣчается надпись: «строилъ ятманъ (гетманъ) Діатъевъ (1690)», вѣроятно, одинъ изъ множества запорожскихъ казаковъ, поселенныхъ за Байкаломъ. Крестъ вырытъ въ песчаныхъ буграхъ стараго города, гдѣ былъ старинный острогъ и гдѣ теперь вѣтеръ насыпалъ высокіе бугры и заставилъ перенести городъ на новое мѣсто. Народное преданіе называетъ Діатъева знахаремъ, лечившимъ народъ отъ болѣзней; крестъ почтиается чудотворнымъ.

жостью, но изъ селенгинской крѣпости выпелъ тамошній гарнизонъ подъ начальствомъ Многогрѣшнаго. Умѣлый гетманъ разбилъ бурята на голову; впоследствии отразилъ набѣги монголовъ и табунгутскихъ сойотовъ и, исполняя такіа дворянскія службы, успѣлъ сдѣлать то, что съ тѣхъ поръ бурята—мирные сосѣди русскаго города. За службу отца сына Сергѣя, родившагося уже въ Сибири, пожаловали въ сыны боярскіе. 180 человекъ запорожскихъ черкасъ, высланныхъ при царѣ Михаилѣ на Лену за Киренскъ вмѣстѣ съ чугуевскими, курскими и воронежскими выходцами, положили основаніе Подкаменской волости, состоящей изъ 145 деревень, носящихъ старыя названія, завѣщанныя на память о родитѣ: Чугуевка, Гребенская и проч. Жители поражаютъ всѣхъ наивною простотою, патріархальностью и теперь въ новомъ поколѣніи представляютъ смѣсь русскихъ, тунгусовъ и запорожцевъ. То же явленіе и на сибирской линіи, населенной 138 запорожцами, присланными за участіе въ набѣгахъ Максима Желѣзняка съ Гонтою и Швачкою. Гонту поляки четверовали, Желѣзняка судила Россія: по наказаніи кнутомъ, его сослали въ Сибирь. За ними ушли всѣ тѣ, которые уцѣлѣли отъ ужаснаго польскаго суда въ Кондѣ, рубившаго руки и ноги, вѣшавшаго, четверговавшаго и пускавшаго ползать по міру и внушать тѣмъ народу страхъ и повиновеніе.

На сколько малороссійскому казацкому элементу удавалось оживлять, освѣжать и усиливать старожилое сибирское казачество и, вмѣстѣ съ нимъ, служить всякіа службы, на столько (если даже не больше) тому же старожилему населенію сибирскихъ остроговъ послужили новыя высленцы изъ Россіи—московскіе стрѣльцы въ тѣхъ остаткахъ, которые уцѣлѣли отъ многочисленныхъ казней и многообразныхъ разселеній по отдаленнымъ пунктамъ Россіи. При Алексѣѣ началось и при Екатеринѣ II, разрушившей сѣчь, на 138-ми запорожскихъ казакахъ въ 1775 году кончилось вліяніе малороссовъ, высылаемыхъ за государственныя преступленія; при Петрѣ Сибирь начала заручаться стрѣльцами и увидѣла ихъ въ такомъ множествѣ, подобнаго которому ни до того, ни послѣ Сибирь не видала. Петромъ же, положившимъ конецъ крамольному войску, кончена была и стрѣлечкая высылка, ознаменовавшаяся тѣмъ, что не стало безъ ссыльныхъ стрѣльцовъ ни одной крѣпости, ни одного острога, даже такихъ неудобныхъ и далекихъ, какъ Удскій, Анадырскій, Колымскій, Охотскій, Братскій, Илимскій, Балаганскій, Тункинскій. Стрѣльцами положено было основаніе первымъ изъ нихъ и на стрѣльцахъ въ прошломъ вѣкѣ завершились крупныя высылки ссыльныхъ огромными толпами за государственныя преступленія.

Первые 30 стрѣльцовъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ

Теодора Шакловитаго, послѣ его казни, явились въ различныхъ сибирскихъ острогахъ на вѣчное житіе „за злодѣйское покушеніе на жизнь малолѣтняго царя Петра“, послѣ того, какъ въ Москвѣ клали ихъ головы на плахи, урѣзывали языки и били кнутомъ. Слѣдомъ за этими (въ 1690 г.) 13. мѣнѣ виновныхъ сообщниковъ съ женами и дѣтьми прибыли въ Сибирь на службу и поступили, въ какую пригодились. Нѣкоторымъ удалось бѣжать изъ Москвы и объ нихъ по разнымъ городамъ посланы были памяти о сыскѣ: трехъ человекъ Стремянина полка, двухъ Жукова полка, одного Сухарева, одного Циклерова полка. Всѣ замыслили матцарицу, святѣйшаго отца Іоакима, бояръ и близкихъ людей побить до смерти. Въ 1697 г. объявлена, вмѣсто казни, политическая смерть и послѣ нещаднаго битья на козлѣ кнутомъ и урѣзанья языковъ—ссылка на вѣчное житіе въ сибирскіе города съ женами и дѣтьми сообщникамъ Ивана Циклера, составившаго второй заговоръ на жизнь Петра вмѣстѣ съ окольными Соковиннымъ и стольникомъ Теодоромъ Пушкинымъ. Главные злоумышленники четвертованы, второстепенные приговорены въ ссылку; между прочимъ, ушелъ туда ни въ чемъ не повинный отецъ казненнаго Матвѣй Степановичъ Пушкинъ со всѣмъ семействомъ. Старика лишили въ Москвѣ боярской чести, въ Сибири—заключили въ тюрьму въ Енисейскѣ, жену и дѣтей его въ тамошнемъ Рождественскомъ женскомъ монастырѣ. По праздникамъ дозволялось имъ свиданіе; впоследствии Пушкина поверстали въ городовую службу.

Въ 1698 году начались въ Москвѣ казни, направленные къ наказанію возмущившихся стрѣлечкихъ полковъ во время пребыванія царя за границею; одновременно съ ними производилась высылка стрѣльцовъ въ отдаленные сибирскіе остроги, имѣвшая цѣлью въ корень истребить мятежное старорусское войско. До пріѣзда царя бояре успѣли сослать главныхъ застрѣльщиковъ: одного въ Дауры, а двухъ въ Западную Сибирь. По розыску Шеина 74 человекъ были въ іюлѣ 1698 г. повѣшаны, 140 чел. наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку, 26 малолѣтковъ оставлены безъ наказанія, 1965 ч. разсланы по русскимъ городамъ съ провожатыми въ тюрьмы. Осенью этого года началась расправа и начались новыя казни въ присутствіи самого царя. 19 сентября изъ 341 приговоренныхъ къ смерти приговоръ исполненъ надъ 201 человекомъ; сто малолѣтковъ (отъ 15 до 20 лѣтъ) наказали кнутомъ, заклепили въ правую щеку и погнали въ сибирскіе города. Съ 3 по 18 октября изъ приговоренныхъ къ смертной казни только 93 несовершеннолѣтнимъ дарована пощада. Трупы казненныхъ 5 мѣсяцевъ валялись не прибранными. Въ началѣ 1699 г. начались новыя казни: изъ 508, оставленныхъ для розыска,

137 колесованы, четвертованы и повѣшены, 285 малолѣтковъ, по наказаніи кнутомъ, сосланы на каторгу, 86 опять оставлены для новыхъ розысковъ. 9-го февраля 1700 года изъ этого числа отобраны 40 человекъ для казней, 25 частью отправлены на каторгу, частью въ Сибирь (9 оправданы). Въ 1701 г. произошла расправа съ послѣдними: Маслова, за вѣроятное сокрытіе царевнина письма, казнили; Жукова и Михляева сослали въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми. Въ 1705 году пошли въ Сибирь астраханскіе стрѣльцы вмѣстѣ съ тамошними казаками за бунтъ, поднятый ими за русскую старину противъ государя. Сибирь стрѣльцовъ не смирила, затѣвались попытки соединиться всѣмъ смысочнымъ въ полки и идти на Москву; ихъ уговорили тѣмъ, что, размѣлчивъ стрѣлечьи группы, разослали одиночками ихъ въ самыя неудобныя и дальнія мѣста, носившія названіемъ зимовьевъ: Колымское, Анадырское, Удское. Поселенные здѣсь отъ крайнихъ лишеній голодовки сбивались въ шайки и изыскивали пропитаніе грабежами каравановъ и обозовъ торговыхъ людей и разбоями по рѣкамъ и дорогамъ. Много урочищъ сохранило память объ этихъ подвигахъ. Грабежи и разбой прекратились съ тѣхъ поръ, когда стрѣльцы переселены были южнѣе и когда острожную службу смѣнили на пашенную, какъ сдѣлали это съ стрѣльцами Вратскаго и Балаганскаго остроговъ, водворенными на р. Ангартъ (въ нынѣшней Ядынской волости). При лучшихъ условіяхъ климата и почвы стрѣльцамъ удалось выродиться въ здоровое, рослое и даровитое племя коренныхъ сибиряковъ; при данныхъ, менѣе благоприятныхъ, привелось переродиться въ племя вялое, мелкое, глуповатое и безпечное, по подобію жителей Орленской волости, отличающейся зобами иногда такъ, что одинъ зобъ нарастаетъ на другомъ (особенно въ деревняхъ Дядиной, Голы и Шамаиновой). За то въ началѣ теченія Лены и особенно ниже (Витимской волости) народъ боекъ, смѣливъ, богатъ; до сихъ поръ носить московскую шапку, коротенькій армякъ до коленъ и, называя его свысока шемелью (шинелью), до сихъ поръ отличается мягкимъ говоромъ, особенно рѣзко выдающимся среди крутого новгородскаго говора—коренного для цѣлой Сибири. Въ дальнихъ Даурахъ стрѣлечіе слѣды замело налетомъ ссыльныхъ, а въ Западной Сибири, пробиваются они такъ рѣдко и слабо, что подобную находку можно полагать за большую диковинку.

Царствованіе Петра, ослабившаго ссылку въ Сибирь обычныхъ преступниковъ и восполнившего этотъ недостатокъ высылкою цѣлыхъ сотенъ государственныхъ преступниковъ въ видѣ стрѣльцовъ, осталось памятнымъ для Сибири, между прочимъ, и тѣмъ, что слѣдомъ за стрѣль-

цами и вмѣстѣ съ ними ссылались за государственныя винныя различныя отдѣльныя лица разныхъ служилыхъ сословій. Въ 1701 году, по указу царя и по боярскому приговору, сосланы въ Сибирь единомышленники типографщика Григорія Талицкаго, печатавшаго воровскія письма и называвшаго въ нихъ Петра антихристомъ, 7 человекъ и вмѣстѣ съ ними 5 вдовъ, оставшихся послѣ смертной казни мужей ихъ, въ дальніе города, выбитые кнутомъ и запятанные. Въ 1715 г. оказались виновными въ такихъ же дѣлахъ Левинъ, керженецкіе раскольники и многіе другіе. Въ 1718 г., за подобныя же писанія, колесовали на смерть подъячаго Ларіона Докучкина и сослали тѣхъ, которые прислушивались и вѣрили его разговорамъ и подметнымъ письмамъ, вызывавшимъ противъ царя возмущеніе въ народѣ. Этими десятками ссыльныхъ, сдѣлавшихся извѣстными, благодаря усердной разработкѣ матеріаловъ той эпохи, опредѣляются сотни такихъ лицъ, которыя заплатили въ Сибирью за недовольство нововведеніями и исторія которыхъ обрѣтается еще подъ спудомъ въ архивныхъ грудахъ. Крутая расправа со стрѣльцами въ началѣ Петрова царствованія не предотвратила недовольства народнаго и ссылка, вмѣсто прежнихъ массъ располагавшая единицами, въ концѣ Петрова царствованія стала карать безразлично людей всѣхъ сословій—отъ монаховъ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ монастырей до приверженцевъ заточенной царницы Евдокии и казненнаго царевича Алексѣя *). Въ той же мѣрѣ, въ какой укрѣплялись нововведенія, измѣнявшіе старый порядокъ, возросло число недовольныхъ, распространялись въ народѣ подметныя тетрадки, сочиняемыя и старовѣрами и монахами. Самая подозрительность въ концѣ Петрова царствованія возросла прогрессивно, свидѣтельствуя о великихъ опасностяхъ, минувшихъ и дѣйствительныхъ. „Слово и дѣло“ до Петра проявлялось весьма рѣдко и всегда по убѣжденію, изъ ревности къ царю, государству, вѣрѣ. Съ Петра, при усилившемся требованіи на „слово и дѣло“, съ увеличеніемъ важности значенія словъ и дѣлъ, начались злоупотребленія, стали объявлять ихъ за собою изъ личной мести, вражды, съ пьяна и по другимъ личнымъ видамъ. Главнѣйшимъ же образомъ въ народѣ воспиталась страсть къ доносамъ и отъ этой страсти увеличилось количество ссыльныхъ, какъ новое и неожиданное явленіе въ народной жизни. Въ 1713 г. царскій указъ предписывалъ смертную

*) По дѣлу царевича Алексѣя сослано было въ Сибирь много и, между прочими, въ Соликамскъ фельдмаршалъ Вас. Влад. Долгорукій за слишкомъ вольныя осужденія дѣйствій царя; дальше за Камень: псаломщикъ Семенъ Ивановъ, битый богатоми вмѣсто кнута «по малолѣтству»; подъячій Анфимовъ, зять царевичева духовника Якова Игнатъева съ женою и дѣтьми, и проч.

казнь всѣмъ преступникамъ и повредителямъ государственныхъ интересовъ; въ 1714 году Петръ принужденъ былъ ограничить значеніе „слова и дѣла“, опредѣляя ихъ дѣлами, касающимися государева здоровья и высокомоуаршей чести, бунта и намяны. Сказавшіе или написавшіе государево „слово и дѣло“, помимо этихъ причинъ, застрачивались великимъ наказаніемъ, развороченіемъ и ссылкой на каторгу. Въ 1715 году указъ облегчалъ донощикамъ подходы: они могли идти прямо ко двору государеву, объявлять караульному сержанту, а этотъ уже представлялъ челобитную самому царю; но донощики продолжали во множествѣ докучать царю, „не давая покою вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ“, не смотря на страхъ жестокихъ наказаній. Дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ изъ Суднаго приказа переведены были въ Преображенскій приказъ, поручены были вѣденію крутого и немилосерднаго князя-папы Ромодановскаго, рѣшались имъ безъ апелляціи, но страсть къ доносамъ была уже такъ глубока въ народѣ, что оставалось только отчасти сдерживать ее и регулировать въ возможно доступныхъ предѣлахъ. Страхи Преображенскаго приказа никого не смущали; съ тѣхъ же поръ, какъ донощику въ Пензѣ въ 1722 году дано было 300 руб., позволено торговать безнаказанно и велѣно его охранять отъ всякихъ обидъ, донощики стали появляться въ великомъ множествѣ. Въ томъ же году священниковъ обязали объявлять объ открытыхъ имъ на исповѣдяхъ преднамѣренныхъ злодѣйствахъ, а челобитчиковъ съ государственными великими дѣлами дозволено принимать и во время божественнаго пѣнія и чтенія. Значеніе „слова и дѣла“ стало возрастать съ годами до тѣхъ предѣловъ, въ какихъ оно явилось при Аннѣ Ивановнѣ и Виронѣ, и возрастало соответственно вызову различныхъ обстоятельствъ. При Петрѣ, въ 1722 году, „нѣкоторый человекъ, пришедъ въ г. Пензу, кричалъ всенародно многія злыя слова, касающіяся до превысокой чести царя, на которой крикъ сошлось людей немалое число“. Послѣ Петра, при Екатеринѣ, въ 1726 году „явились противники устава о престолонаслѣдіи, избравшіе наслѣдника и мечтавшіе выслать государыню за границу: Антоній Девіеръ, Толстой съ сыномъ, Вутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ“. Въ сущности же, всѣ пятеро разговаривали о воспріятствованіи браку молодого императора съ дочерью Меншикова. Послѣдній поторопился судомъ и приговоромъ и докладъ о нѣкоторыхъ преступникахъ поднесъ къ подписи въ самый день кончины императрицы Екатерины. Докладъ говорилъ, что эти лица осмѣлились по своему желанію опредѣлить наслѣдника престола и замыслили противиться преднамѣренному по волѣ ея величества супружеству великаго князя. Обвиненныхъ услали въ Сибирь: зятя Меншикова Девіера, со Скорня-

ковымъ — въ Охотскъ (Елизавета ихъ возвратила), Девіера, освобожденнаго отъ смертной казни, Писарева высѣченнаго кнутомъ (Толстой заточенъ въ Соловкахъ съ сыномъ, велѣно ихъ пускать только въ церковь и довольствоваться братскою пищею), Вутурлина послали въ дальнюю деревню, Долгорукаго написали въ полевые полки и проч. Въ 1728 г. (17 іюня) велѣли сибирскому губернатору возвратитъ араба Авраама—крестника Петра. Тогда же и тѣмъ же Меншиковымъ отправленъ былъ въ Сибирь бывший оберъ-церемоніймейстеръ графъ де-Сантъ, „явившійся въ тайномъ дѣлѣ весьма подозрительнымъ“. Въ слѣдующемъ году, за пять мѣсяцевъ до смерти государыни, „объявились въ разныхъ городахъ, уѣздахъ, селахъ и деревняхъ многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ покойнаго царя и владѣющей императрицы“. Въ 1728 г., при Петрѣ Второмъ, за непристойныя слова послали въ Сибирь морского капитанъ-поручика Казанцева, гренадера Алексѣева, солдата Кротскаго, прядильщика Лобанова и матроса Чапныскаго. Въ то же время боярская партія Долгорукихъ низвергла временщика князя Меншикова и вмѣстѣ съ дочерью, невѣстою молодого императора, сослала въ Березовъ. При Аннѣ, въ свою очередь, пострадала партія верховниковъ, особенно князья Долгорукіе, когда Виронъ сталъ временщикомъ и свирѣпо сокрушалъ противниковъ. Въ 1731 году Анна услали въ ссылку Долгорукихъ, Варатинскаго, Столѣтова за то, что „не только полезныя государству учрежденія непристойно толковали, но и персону поносительными словами оскорбляли“. Слѣдомъ за ними и скорѣй (въ томъ же 1731 году) схватили Алексѣя Алексѣевича Шубина, сержанта Семеновскаго полка, первое лицо при дворѣ цесаревны Елизаветы, за то, что онъ, любя царевну, хотѣлъ тайно освободить Долгорукихъ и, съ помощію ихъ, возвести на престолъ Елизавету. Его пытали, заключили въ каменный мѣшокъ, потомъ наказали кнутомъ, вырѣзали языкъ и сослали въ Камчатку, гдѣ принудили жениться на камчадалкѣ. Въ слѣдующемъ году (1732) привезенъ былъ въ Якутскъ бывший любимецъ Петра I, президентъ камеръ-коллегіи ст. сов. Фикъ, названный въ бумагахъ великоважнымъ преступникомъ, замѣшаннымъ по дѣлу о призваніи на престолъ курляндской герцогини Анны Ивановны. Въ 1735 г. привезли смоленскаго губернатора князя Алек. Анд. Черкаскаго за зѣло тяжкіе и наиважнѣйшіе измѣнническіе и возмутительные противъ государыни умыслы въ Джигайское зимовье. Съ нимъ вмѣстѣ высланы были управитель Алек. Пребышевскій, поручикъ Ив. Аршеневскій и шляхтичъ (шуринъ Черческаго) Семенъ Кюрсакъ съ женою (въ Гижигу). Десятилѣтнее царствованіе Анны Ивановны, такимъ образомъ, является (по

отношеніямъ къ исторіи русской ссылки за государственныя вѣны) однимъ изъ обильныхъ количествомъ жертвъ. Оно соперничаетъ со временемъ Петра и не уступаетъ своего значенія ни одному изъ послѣдующихъ царствованій всего XVIII столѣтія. Не только Виронъ, но и Теофанъ Прокоповичъ, содѣйствовавшій низложенію и гибели верховниковъ, присоединилъ свое дѣятельное участіе къ населенію Сибири государственными преступниками. Личныхъ враговъ своихъ онъ, по увлеченію духомъ времени, умѣлъ обвинять въ государственныхъ дѣлахъ и всѣми правдами и неправдами, въ силу своего громаднаго вліянія на церковныя дѣла, успѣвалъ завинять до ссылки въ отдаленные сибирскіе монастыри духовныхъ лицъ, а друзей и приверженцевъ ихъ до ссылки въ самыя далекія каторжныя мѣста. Архіерея Георгія Дашкова, заподозрѣннаго въ косвенномъ участіи въ устраненіи Анны отъ престола (затѣянномъ Родышевскимъ), Теофанъ сослалъ въ Нерчинскій монастырь и не велѣлъ слушать никакихъ отъ него объявленій, хотя бы о государевомъ „словѣ и дѣлѣ“. Слѣдомъ за ними отправилъ Теофанъ распопа Родіона въ Охотскій монастырь на вѣчныя и неисходныя труды, братьевъ Никитиныхъ съ женами и дѣтьми туда же на житье вѣчно за карауломъ; Яковлева съ тѣми же правами въ Охотскій портъ; печерскаго старца Исаію, распопа Васильева, Морозова—туда же, Горбунова на серебряные заводы; всѣхъ за какія-то недоказанныя и неопредѣленные подметныя письма, нѣкоторыхъ за дѣйствительныя пасквили на государыню и Теофана. Между прочими подвернулся заѣзжій грекъ Серафимъ Аріонъ — шпионъ, продававшій себя всякому правительству и явившійся въ Россію для спекуляцій на нмѣ угнетенныхъ турками грековъ; его сослали въ Охотскій острогъ. Вся дѣятельность Теофана, такимъ образомъ, при Аннѣ была поглощена тайною канцелярією. Ему оставалось выбирать одно изъ двухъ: или погибнуть самому или обороняться тѣмъ же оружіемъ, съ которымъ стояли на готовѣ его противники. Онъ выбралъ послѣднее и, на этомъ основаніи, неустанно запугивалъ государыню бунтами и революціями, указывалъ на своихъ враговъ и держалъ въ страхѣ и подъ своею властью всѣхъ министровъ. Болтинъ такъ рисуетъ бироновское время: „Въ городахъ бряпаніе кандаловъ, жалобныя гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многія тысячи крестьянъ, не менѣе 250 тысячъ, бѣжавъ съ женами и дѣтьми, поселились въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи, и даже за Дунаемъ въ Бугаріи“. Тобольскій лѣтописецъ увѣряетъ, что въ теченіи 10 лѣтъ по 9 ноября 1740 г. сослано въ Сибирь дворянъ и чиновниковъ 20 тысячъ. Въ это страшное время для несчаст-

наго народа, пожертвовавшаго сотнями сосланныхъ въ Сибирь — кабинетъ-министръ Артемій Волинскій, дерзнувшій возстать на временщика, поплатился за свою попытку головою, дочь и сынъ его были сосланы въ Сибирь; туда же посланы сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ съ вырѣзаннымъ языкомъ, кабинетъ-секретарь Эйлеръ и Соколовъ, наказанные кнутомъ, и секретарь Волынского, Зуда (въ Камчатку,) битый плетью за переводъ историческихъ книгъ для Волинскаго. Когда фельдмаршалъ Минихъ, по смерти Анны Ивановны, провозгласилъ принцессу брауншвейгскую Анну Леопольдовну правительницею, Эрнстъ Виронъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ братьями, Густавомъ и Карломъ, и генераломъ Висмаркомъ и всѣ сосланы въ Пелымъ съ женами и дѣтьми. За приверженность къ Елизаветѣ, Анна Леопольдовна успѣла еще сослать въ Камчатку Петра Калачева, капитана Азовскаго полка. Когда, въ свою очередь, провозглашена была императрицею дочь Петра Елизавета, Минихъ, Остерманъ, Головкинъ, Менгенъ и Тимирязевъ, устранившіе отъ престола Елизавету, были сосланы въ Сибирь. Въ 1742 году прапорщика Преображенскаго полка, Ивашкина, Елизавета сослала въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ, товарищей его, сержанта Сновидова и камеръ-лакея, бывшаго камердинера правительницы, Ал. Дм. Гурчанинова — перваго въ Нижнекамчатскъ, втораго въ Охотскъ; всѣхъ тронъ за дерзкія рѣчи противъ Елизаветы, выговоренныя въ трактирѣ. Всѣхъ тронъ наказали кнутомъ, всѣмъ вырвали ноздри, а камеръ-лакею, сверхъ того, за произнесенныя имъ великоважныя, непристойныя слова, отрѣзали языкъ. Ивашкинъ повинился въ томъ, что намѣревался ночью умертвить императрицу Елизавету, по восшествіи ея на престолъ, а съ нею вмѣстѣ и великаго князя Петра Теодоровича, а лейбъ-компанію заарестовать. Гурчаниновъ сознался, что, слыша о томъ, не донесъ, а самъ совѣтовался какъ бы принца Іоанна сдѣлать императоромъ, а принцессу Анну правительницею и склонялъ къ тому двухъ гвардіи унтеръ-фицеровъ, говоря, что сдѣлалъ-де Елизавету государынею лейбъ-компанію за винную чарку, да и Екатерины I быть государынею не надлежало, а сдѣлать ее тѣмъ генералъ Ушаковъ, котораго министры усталились. Сновидовъ оказался участникомъ обоихъ. Въ 1743 году, за злые умыслы на особу императрицы, туда же отправлены были: Степанъ Лопухинъ съ женою и сыномъ, графиня Анна Гавриловна Бестужева, Ив. Мошковъ, кн. Ив. Путятинъ, Александръ Зыбинъ, Софія Лиліенфельдъ — желавшіе избрать императоромъ принца Ивана Антоновича. За ними приговоренъ былъ къ лишенію чиновъ и ссылкѣ въ деревню канцлеръ Бестужевъ „за оскорбленіе величества“. Въ 1749 году поручикъ Бутырскаго полка,

Иосафатъ Батуринъ, посланъ былъ въ Камчатку за то, что предложилъ свои услуги великому князю Петру Теодоровичу возвести его на престолъ при жизни тетки.

Екатерина II, въ самый годъ вступленія своего на престолъ, сослала въ Сибирь оскорбителей величества, совершившихъ умыселъ къ общему возмущенію: Петра Хрущева и трехъ Гурьевыхъ; затѣмъ сообщниковъ различныхъ самозванцевъ, начиная съ казака Пугачова (18 человекъ *), казака Ханина, крестьянина Юва Мосягина до солдата Кремнева (2 чел.), казака Богомолова (9 чел.) и солдата Чернышева, изъ которыхъ три послѣднихъ сами, вмѣстѣ съ сообщниками, отправились въ вѣчную работу въ Нерчинскъ (Пугачевъ четвертованъ, Мосягина указано повѣсить, если онъ производилъ убійства, или, наказавъ кнутомъ, содержать въ заточеніи, если онъ убійства не совершилъ). Казака Богомолова, наказанный кнутомъ, умеръ на дорогѣ въ Сибирь. Во время путешествія Екатерины по Россіи, разыгралось въ Шлиссельбургѣ извѣстное дѣло Мировича, желавшаго воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы возвести на престолъ Ивана Антоновича, сидѣвшаго въ крѣпости. Мировичъ кончилъ жизнь на эшафотѣ; ему отѣкли голову и, „оставя тѣло его народу на позорище до вечера, сожгли оное потомъ кучно съ эшафотомъ“. Сообщниковъ его сослали въ Сибирь въ вѣчныя

*) Двоихъ пугачевскихъ друзей четвертовали, одному отѣкли голову, восьмерымъ вырвали ноздри и сослали на каторгу, десятерыхъ, послѣ кнута, на поселеніе. Но и послѣ того ссылка не прекращалась; по свидѣтельству одного указа, „подозрительные люди продолжали обнаруживать тѣ же наклонности“. Въ нерчинскихъ рудникахъ остаются въ памяти преданіе о пугачевскомъ приверженцѣ уральскомъ Марушкѣ. Онъ жилъ еще въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Бунтумѣ имѣлъ собственный домикъ, жилъ холостымъ, давалъ подъ заклады деньги и въ тѣлой окрестности слытъ за богатого человѣка. Марушка, не смотря на почти столѣтній возрастъ, отличался необыкновенною физическою силою. Когда слухъ о богатствахъ привлекъ въ его домъ разбойника и онъ, спускавшійся съ чердака по дѣстициѣ, упалъ, оглушенный ударомъ косы въ голову, то злодѣю не удалось его задушить. Подъ тяжелымъ кулакомъ убійцы Марушка успѣлъ очнуться и, почувавъ свою силу, сбилъ съ себя разбойника, повалилъ на земь, связалъ и представилъ въ полицію. Богатый скряга Марушка сохранялъ и ревность къ старой вѣрѣ и вѣру въ старыя убѣжденія, послужившія причиною несчастій. Онъ любилъ рассказывать о бунтѣ Пугачова, о которомъ такъ толковали: „Не пытали мы, кто былъ Пугачовъ, и знать того не хотѣли. Бунтовали же потому, что хотѣли побѣдить, а тогда заняли бы мѣсто тѣхъ, которые насъ утѣсняли. Мы были бы господами, а вѣра свободною. Проиграли мы, что жъ дѣлать? Ихъ счастье, наше несчастье. Выиграй мы, имѣли бы своего царя, произошли бы всякіе ранги, заняли всякія должности. Господа теперь были бы въ такомъ же угнетеніи, въ какомъ и насъ держали“.

солдаты (около 50-ти человекъ) и на вѣчныя работы (3 солдата и три капрала, прогнанные сквозь строй черезъ тысячу человекъ десять разъ а одинъ болѣе виновный дѣвнадцать). Екатерина же сослала въ Сибирь, въ Илимскій острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе, по лишеніи орденовъ и дворянства, Александра Радищева, за книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (въ 1790 г.). А. Н. Радищевъ, прожившій въ Тобольскѣ 7 мѣсяцевъ въ ожиданіи семейства (свои ченницы съ тремя дѣтьми), принятый во всѣхъ лучшихъ домахъ города и обласканный губернаторомъ Алябьевымъ, въ Илимскомъ острогѣ помѣщенъ былъ въ обширномъ воеводскомъ домѣ, со службами и садомъ. Когда домъ оказался холоднымъ, но былъ исправленъ плотниками, прибывшими изъ Иркутска, то онъ на полномъ просторѣ имѣлъ возможность заняться науками, обученіемъ дѣтей и гончарнымъ ремесломъ и началъ опыты оспопрививанія. Опытъ Радищева, если вѣрить сибирскому преданію, былъ не только первымъ въ Сибири и Россіи, но нѣсколькими годами предупредилъ даже изобрѣтеніе знаменитаго Дженнера, начавшаго прививіе оспы въ 1799 году (Радищевъ возвращенъ изъ Сибири императоромъ Павломъ и въ 1797 г. былъ уже въ Россіи; извѣстно также, что Дженнеръ началъ свои изслѣдованія надъ оспою еще въ 1776 году). Въ Сибири къ Радищеву пріѣзжали сибиряки для леченія изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Въ свободные часы: отъ занятій со своими и чужими дѣтьми, А. Н. Радищевъ успѣлъ написать въ Сибири: „Разсужденія о челоѣкѣ и смертности его и о безсмертіи души“, „Письмо о китайскомъ торгѣ“; началъ „Исторію покоренія Сибири“ и историческую повѣсть „Ермакъ“. Сочиненія эти, написанныя въ Сибири и конченныя по возвращеніи въ Россію, въ деревнѣ, изданы Векетовымъ въ Москвѣ въ 1807 — 1811 г. Въ Сибири онъ женился на свояченицѣ своей. Въ 1794 г. ушелъ въ вѣчную каторжную работу черноморскій капитанъ-лейтенантъ Монтаго за государственную измѣну („за шпіонство“).

Екатерина Вторая, въ указѣ 19-го октября 1762 г., поспѣшила высказаться такъ: „Ненавиственное выраженіе, а именно „слово и дѣло“, не долженствуетъ значить отнынѣ ничего и мы запрещаемъ употреблять оное кому нибудь. А если кто употребитъ отнынѣ въ пьянствѣ или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотъ часъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники“.

Если до сихъ поръ „слово и дѣло“ въ Россіи представлялось желаннымъ для усердствовавшихъ и выгоднымъ для охотниковъ къ доносамъ, то „слово и дѣло“ на мѣстахъ ссылки въ Сибири явилось соблазномъ для каторжныхъ въ томъ отношеніи, что выговоренныя гдѣ бы

то ни было освобождали на время от тяжести каторжных работ. Объявившаго за собою государево слово немедленно отдавали сержанту и приказывали вести пѣшкомъ въ Иркутскъ, изъ другихъ каторжныхъ мѣстъ—въ ближайшіе большіе города, держать крѣпко и только въ случаѣ изнеможения сажать на подводу. Тамъ допрашивали доносчика, потомъ оговоренныхъ имъ; въ случаѣ разногласія, давали очную ставку, затѣмъ пытали доносчика, если объявляемый не сознавался, пытали обвиняемыхъ, если доносчикъ продолжалъ обвиненіе. Обыкновенно каторжные сознавались въ томъ, что клепали напрасно, или со зла или съ пьяна; наичаще признавались въ томъ, что поступали такъ, отбывая наказанія прочихъ штрафовъ, желая получить награду и, во всякомъ случаѣ, воспользоваться предварительнымъ отдыхомъ и возможною утечкою съ дороги. „Слово и дѣло“ государевы ссыльные счѣли превратить въ особаго рода спекуляцію. Спекулировали этимъ съ тѣхъ поръ, когда заводились на Руси первыя и настоящія каторги. Такъ, въ указѣ Петра слышатся жалобы на то, что, при основаніи Петербурга, каторжные этого города то и дѣло сказываютъ за собою „слово и дѣло“ и объявляютъ до тайной канцеляріи нужду. Тѣ же жалобы на то же самое, на неусгіхъ въ работахъ, на воровство и побѣги осужденныхъ слышатся на петербургскую каторгу и гораздо позднѣе, при Елизаветѣ (какъ видно по указу ея 1756 года 12 апрѣля *). По сенатскому указу 20-го сентября 1723 г. видно, что въ Тобольскѣ каторжные непрестанно кричатъ на командировъ государево слово, „конихъ командировъ и выслано въ Москву скованныхъ немало“. По архивнымъ дѣламъ Западной Сибири видно, что въ „слово и дѣло“ входили и такіа заявленія, которыя прямо свидѣтельствовали о не-

*) Указъ этотъ, составляющій характерную черту изъ исторіи Петербурга, какъ каторжнаго мѣста, говоритъ между прочимъ: «Вудучи на работахъ, за слабостію караульныхъ солдатъ, ссыльные у прохожихъ и провзажающихъ просятъ милостыню, чѣмъ немалое безславіе адѣйшему резидирующему городу наносятъ, ибо между тѣмъ нерѣдко случается, что и чужестранныя персоны мимо ихъ провзажають. Имѣя же при семъ на работахъ ломы и желѣзныя пѣшши и другіе вредные инструменты, они даже разбойничаютъ на улицахъ: въ 1751 году у одного каторжнаго Никиты Алексѣева найдено въ мѣшкѣ адро чугунное, которымъ онъ билъ за Синимъ мостомъ въ переулкѣ по головамъ трехъ купцовъ, съ двухъ сорвалъ шапки, у третьяго отнялъ шапку и рукавицы, хотѣлъ также убить майора Тютчева, смотрѣвшаго за работами. Въ 1752 г. тотъ же Алексѣевъ, у Адмиралтейской крѣпости, близъ Невскаго проспекта, вынулъ изъ палисадника балаясину и другую отъ Зимняго дворца, иноземку ударилъ въ лобъ и содралъ съ нея атласную голубую юбку съ серебряною сѣткою». Съ этого года каторжныхъ стали отправлять въ Рогервикъ, а полиція стала производить свои работы вольнонаемными людьми.

винныхъ дѣлахъ отдыха и ничего другого не искали. Ссыльная дѣвка Петрова объявляетъ „слово и дѣло“ на крестьянку Иванову, а на допросѣ въ Усть-Каменогорскѣ оказывается, что Иванова, укоряя Петрову за промыселъ разворотовъ, сказала ей: „У васъ де, у ссыльныхъ, деньги дешевы—вы-де монетами и г.... подтираете“. Послѣ очныхъ ставокъ Петрова объявила, что по злобѣ на Иванову хотѣла обвинить ее въ оскорбленіи монеты и герба. Въ 1731 году Нотебургскаго полка солдатъ Пермаковъ выкричалъ такое слово и дѣло: „Въ бытность мою за акіяномъ-моремъ наметъ и мѣста рожденія крупнаго жемчуга и три мѣста тумпасныя“. Въ Якутскомъ монастырѣ старецъ Никонъ говоритъ за собою такое великитъ государей и святительское дѣло: „Поставлена церковь безъ святительскаго благословенія и въ ней убилиа человекъ; промышленный человекъ привезъ съ моря руду серебряную и тое руду плавилъ и изъ той руды родилось серебро“. На судѣ оказалось, что руда, взятая въ Индигиркѣ рѣкѣ, у бору, на камнѣ, не серебряная. Старца Никона побили шелепами, „чтобы впредь не повадно было инымъ такіа затѣйныя слова говорить и никакихъ великитъ государей дѣлъ не заводитъ“ и проч. Нѣкоторымъ „слово и дѣло“ помогло: помогло проходивцу Козыревскому, котораго забунтовавшіеся въ 1711 году камчатскіе казаки выбрали атаманомъ и подъ его руководствомъ натворили много бѣдъ. Лихой удалецъ этотъ выстроилъ на грабежныя деньги судно, провѣдалъ Курильскіе острова, награбилъ новую добычу, но и ясакъ не спастъ: онъ сѣлъ въ тюрьму, а ясакъ соблазнилъ самого воеводу. Въ 1717 году онъ съ горя сдѣлался монахомъ, а для этого самъ и монастырь основалъ въ Камчаткѣ (Успенскій). Пожилъ не долго, монастырь ограблялъ и съкладами ушелъ въ Якутскъ, гдѣ подрадлиа выстроить желѣзодѣлательный заводъ. Завода не построилъ и въ 1724 году опять сѣлъ въ тюрьму. Изъ тюрьмы ушелъ, попалъ въ зачадичные друзья къ якутскому воеводѣ; опять напалъ и опять сѣлъ въ тюрьму, пойманный съ фальшивымъ паспортомъ на пути въ Тобольскъ. Но Козыревскій сказалъ государево слово на якутскаго архимандрита и дѣло объ островахъ, будто бы открытыхъ имъ противъ устьевъ Лены. Острова въ поискахъ, никакихъ не нашли. Однако, Козыревскій, вмѣсто вѣстлицы, очутился въ Москвѣ и тамъ началъ новый рядъ разнообразныхъ приключеній. Въ нерчинскихъ заводахъ таянулся нескончаемый рядъ секретныхъ дѣлъ о „словѣ и дѣлѣ“ Анны Ивановой и въ нихъ указанія на такіа измышленія каторжныхъ: „непріятель идетъ на Россію: у китайцевъ войска собираются; мунгалы ружья готовятъ“ (оказалось, что монголы дѣлали облаву на лосей).

Вчинались въ Нерчинскѣ дѣла и такого рода: сгорача и съ сердцовъ бранять ссыльные каторжную работу. Напримѣръ, одинъ забылъ въ рудникѣ лопату, товарищъ сталъ помогать ее отыскивать, а приставникъ замѣтилъ: „Ты исправь прежде государеву работу, а потомъ нишъ мужичью лопату“. У оговореннаго сорвалась съ языка брань—и начались допросы, пытки, судъ и осужденіе. На фабрикѣ Дучарскаго завода канатный подмастерье Лоншаковъ рассказываетъ прочимъ ссыльно-каторжнымъ слѣдующее (24-го ноября 1805 г.): „Поднимается на нашего государя иноземецъ, у того иноземца силы до 600 тысячъ, а у нашего императора до 250-ти тысячъ“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Кандальники были посажены за рѣшетки въ тюрьму, но вечеромъ продолжали толковать о выслушанномъ. Одинъ изъ нихъ (ссыльный въ оковахъ), Иванъ Коурый, говорилъ: „Дай Богъ, чтобъ иноземецъ своею силою завоевалъ наше государство для того, что чернымъ людямъ никакой милости не предвидится“. — „Что ты, дуракъ, рачишь (sic), чтобъ бусурманъ завоевалъ нашу землю, и не дай Богъ!“ замѣтилъ на это ссыльный Аванасій Анцыферовъ. Но Коурый отъ ругательныхъ рѣчей не отсталъ. Двое служителей „показали во всемъ сходственно“; показанія, сверхъ того, утвердили одинъ ссыльный и одинъ канатный подмастерье, но Коурый заперся какъ въ личномъ своемъ одиночномъ показаніи, такъ и на очной ставкѣ. На третьемъ спросѣ обозвалъ онъ Анцыферова воромъ за то, что утаивалъ подаваемую въ тюрьму милостиню, „за что-де и нѣмѣлъ Коурый съ нимъ ругательства“. Начальникъ нерчинскихъ заводовъ, Элдерсъ, велѣлъ, во время производствъ слѣдствія, держать Коураго въ особенномъ мѣстѣ въ оковахъ и подъ строгимъ карауломъ, безъ употребленія въ работы. 7-го іюля 1807 года сибирскій губернаторъ Пестель далъ знать, что министръ юстиціи (кн. П. В. Лопухинъ) сообщилъ ему, что на докладъ его, по донесенію правительствующаго сената, его императорское величество повелѣтъ совозволить: Коураго освободить отъ законнаго наказанія, подтвердя ему, чтобы впредь постарался исправиться, въ противномъ же случаѣ не избѣгнетъ онъ строгаго наказанія по законамъ.

Взгляды на дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ въ нынѣшнемъ вѣкѣ измѣнились. Въ 1817 г. крестьянинъ Тверской губерніи Ермолаевъ, за непристойныя рѣчи про государя, приговоренъ былъ палатою къ наказанію кнутомъ 40 ударами, рѣшено было вырвать ему ноздри, поставить повелѣнные знаки и сослать на каторгу. Тверской губернаторъ Всеволожскій, извиняя крестьянина пьянствомъ, присудилъ побить виновнаго на міру батогами и оставить въ деревнѣ подъ крѣпкимъ надзоромъ. Сенатъ сдѣлалъ губерна-

тору выговоръ, но утвердилъ рѣшеніе палаты, исключая только вырѣзанія ноздрей, такъ какъ указомъ 25-го декабря 1817 г. такое наказаніе было отиѣнено. Государь въ 1819 году соизволилъ положить слѣдующую резолюцію: „Быть по сему. А крестьянина Ермолаева, объявивъ ему приговоръ, простить“. 9-го апрѣля 1818 г. ссыльный Семенъ Артамоновъ, бывшій въ работѣ при Уровскомъ казенномъ зимовьѣ у разбивки конопли, придя въ зимовье, бросилъ топоръ, рукавицы и шапку и изругался. Будучи спрошенъ, кого ругаетъ, отвѣчалъ: „Тѣхъ, кто безвинныхъ ссылаетъ“. Государь рѣшилъ: оставить Артамонова въ нынѣшнемъ положеніи, но безъ наказанія. Вообще, должно сказать, что уже при востшествіи на престолъ Александра I замѣтно сильное движеніе въ дѣлахъ нерчинскихъ заводовъ: многие были возвращены, о многихъ наводились справки къ возвращенію, выдавались подорожныя и паспорта.

Въ царствованіе Александра I за государственныя преступленія сосланы были (въ 1819 г.) грузинскіе дворяне, изблеченные въ измѣнѣ, и размѣщены на поселеніи, большею частью, въ окрестностяхъ г. Селенгинска. Въ 1820 г., въ октябрѣ, солдаты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка забыли долгъ присяги и дерзнули самовольно собраться въ позднее вечернее время для принесенія жалобъ на своего командира (полковника Шварца), а когда за это буйство рота отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ повиновенія. Восемь рядовыхъ, какъ зачинщиковъ всѣхъ безпорядковъ, въ приѣмъ другимъ, указано было прогнать шпиритенами сквозь батальонъ по шести разъ, съ отсылкою въ рудники. 8-ю роту назначили въ полки кавказскаго корпуса; 172 человѣка въ оренбургскій корпусъ, 164 человѣка 1-ой фузелерной роты и 52 человѣка 2-ой, виновныхъ въ явномъ возмущеніи противъ начальства и въ продолженіи неповиновенія до отвода ихъ въ крѣпость, — указано распределить безъ наказанія въ полки и батальоны сибирскаго корпуса. Въ спискахъ нерчинскихъ заводовъ за государственное преступленіе въ 1807 году числился всего одинъ: коллежскій ассесоръ Степановъ, бывшій экспедиторъ военно-походной канцеляріи. „Онъ выдалъ еврею Мейровичу нѣкоторые важнаго содержанія документы для списанія съ нихъ копій. Онъ подлежалъ смертной казни, но „какъ въ жалованной дворянству грамотѣ сказано: тѣлесное наказаніе да не подлежитъ до благогоуднаго, то лишеть чиноу и дворянства и сосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу“ *).

* Государственная измѣна при Павлѣ (1799 г.) служившаго при Тосканскомъ дворѣ колл. асс. Дрозда-Воначевскаго, предавагшаго французамъ и служившаго имъ, наказана была тѣмъ, что имя и дѣянія измѣнника прибиты были къ висѣлицѣ. При Павлѣ же заподозрѣнъ былъ въ

Печальное происшествіе 14 декабря 1825 г., омрачившее день обнародованія манифеста о восшествіи на престолъ императора Николая Павловича, вызвало слѣдственную комиссію. Слишкомъ пять мѣсяцевъ комиссія ежедневно занималась вѣренными ей дѣломъ, повѣряла каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе. Оказавшіеся виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, „въ замыслахъ долготѣнныхъ, обдуманыхъ и упорныхъ, постоянно непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ“ — преданы были верховному уголовному суду, составленному изъ государственнаго совѣта, правительствующаго сената и святѣйшаго синода съ присоединеніемъ нѣсколькихъ особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. 13-го іюля 1826 г. объявленъ былъ именной указъ о государственныхъ преступникахъ, осужденныхъ къ различнымъ казнямъ и наказаніямъ „за умыселъ на потрясеніе имперіи, на ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка“. 15-го іюля изданъ манифестъ о совершеніи приговора надъ государственными преступниками. 9-го августа объявленъ сенатскій указъ объ офицерахъ Черняговскаго полка, сужденныхъ въ Кіевѣ за участіе въ мятежѣ; слишкомъ сто человекъ отправлено было въ Сибирь на каторгу и на поселеніе.

Этими ссыльными завершается для насъ рядъ государственныхъ преступниковъ, отдавшихъ свою судьбу сибирской странѣ и, въ свою очередь, поставленныхъ въ обязательство удѣлять ей свою долю вліянія. Въ семнадцатомъ вѣкѣ вліянію этому противодействовалъ самый способъ ссылки, предполагавшій темную каяту, ограниченныя дачи провіанта, строгій надзоръ, хлопотливо стремившійся къ тому, чтобы ссыльные не имѣли никакого сношенія съ посторонними. Для этихъ ссыльныхъ Сибирь предлагала тѣ же тюрьмы, по подобію монастырскихъ и городскихъ русскихъ тюремъ, и оставалась вѣнъ измѣнѣ плодovitый драматургъ Августъ Коцебу. Арестованный на границѣ, на возвратномъ пути изъ Вѣны въ Петербургъ, онъ сосланъ въ Курганъ. Откуда его вскорѣ возвратили въ Петербургъ, гдѣ Коцебу нѣсколько времени управлялъ нѣмецкимъ театромъ. Прощень онъ былъ, какъ извѣстно, за драму «Der Leibkutscher Peters des Grossen», которую Павелъ I получилъ въ русское переводѣ. Пробываніе свое въ ссылкѣ Коцебу описалъ въ 2 томахъ (1801 г.) подъ заглавіемъ: «Das merkwürdigste Jahr meines Lebens».

всякаго вліянія пришлыхъ людей до тѣхъ поръ, пока царская милость не отворила тюремъ, не снимала желѣзъ. Демьянъ Многогрѣшный, при такихъ льготахъ, показалъ наилучшій примѣръ неалобивыхъ отношеній къ странѣ собственныхъ несчастій и является едва ли не единственнымъ лицомъ, которому удалось принести свою долю участія тамъ, гдѣ этого требовали. Да и какую пользу могли приносить странѣ изгнанія тѣ люди, которые побывали на правѣхъ подлѣ кнутомъ, повисѣли на дыбахъ; тѣмъ могли послужить тѣ руки, которыя вывихнуты были на встряскахъ, руки, которыя связывались близъ ладоней длинною веревкою, подтагивались посредствомъ ворота къ самому потолку застѣжекъ и при быстромъ опусканіи внизи ручныя кости выскакивали изъ чашекъ, потому что, падая, тѣла испытуемыхъ висѣли на воздухѣ, не доставая ногами до полу. Нѣкоторымъ доставалось такихъ встрасокъ и различныхъ пытокъ цѣлые десятки. Наибольшая часть непроездивительно исчезла безъ слѣда въ сырыхъ тюрьмахъ, на желѣзныхъ стѣнныхъ цѣпяхъ, служившихъ неизбѣжно принадлежностью не только козлуновъ, находящихся „въ тайномъ богомерзкомъ общеніи съ нечистою силою“, но и для преступниковъ государственныхъ, располагавшихъ иными тайными, невидимыми силами *). Восемнадцатый вѣкъ располагалъ небольшими знаніями и не отличался мягкостью отношеній къ преступникамъ. Въ этомъ смыслѣ цивилизующій государственный переворотъ сопровождался даже наибольшими жестокостями и вся первая половина прошлаго вѣка представляетъ такіе образцы крутого обращенія съ ссыльными, какіе съ трудомъ можно находить въ дѣяніяхъ предшествовавшаго ему столѣтія. Не смотря на то, что въ серединѣ XVIII вѣка уничтожена была указами смертная казнь, не смотря на то, что пытки признаны противными здравому, естественному разсужденію — и смертная казнь и пытки продолжали существовать съ тѣмъ же значеніемъ. Заботы объ уменьшеніи кровопролитія при пыткахъ, начатыя еще въ 1751 году, не привели ни къ чему. Счастливая доля уничтоженія ихъ принадлежитъ уже къ началу года нынѣшняго столѣтія: въ 1800 году императоръ Александръ I уничтожилъ пытки.

*) Извѣстно, наприм., что сосланному въ Якутскъ козду на вѣчное заточеніе не велѣно было давать воды, ибо-де онъ, Максимъ Мельникъ, многаяжды уходилъ въ воду.

ГЛАВА V.

УЧАСТЬ ССЫЛЬНЫХЪ.

Безправіе ссыльныхъ.—Кормовая дача.—Меншиковъ съ семействомъ.—Долгорукіе.—Наталья Борисовна Долгорукая.—Остерманъ.—Минихъ.—Головкинъ.—Ужасная участь ссыльныхъ, де-Санті Менгдена, Фика, Ивашкина. — Стряпчій Копытовъ. — Левшутинъ. — Соймоновъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (солдатъ Чернышевъ). — Секретные арестанты.—Анадырскій изгнанникъ Аванасій Петровичъ.—Дѣти Волинскаго.—Великоважность преступниковъ.—Сердечность отношеній сибиряковъ къ этимъ ссыльнымъ.

Во все продолженіе прошлаго вѣка несчастные продолжали выплывать свои глаза до неизлечимой слѣпоты и вдумываться въ свою несчастную участь до острыхъ припадковъ бѣшеннаго сумасшествія. Определенныхъ правилъ и пріемовъ для ссыльныхъ въ тѣ времена не существовало: не столько степени личной виновности, сколько произвольныя измышленія казней обвинителями полагали предѣлы возмездію ссыльныхъ за государственныя вѣны. Кормовая дача наиболѣе испытывала на себѣ вліяніе подобнаго произвола. Какъ въ XVII вѣкѣ А. С. Матвѣевъ жаловался на то, что ему дали на день по три деньги въ то время, когда Аввакуму, сосланному съ семействомъ въ Мезень, дали по грошу на человѣка, а на малыхъ по три денежки („плачу, что ветхій сѣдиною, древенъ работами—сверстанъ кормомъ съ единоплѣтными“), такъ и въ XVIII вѣкѣ кормовыя дачи не подчинялись никакому правильно выработанному и установившемуся закону. Войнаровскому положено было въ сутки 1½ копейки, Петру Шафирову—33 коп. на день, Меншикову 2 рубля съ женою—сумму уже довольно значительную по тому времени, по рублю каждому изъ дѣтей и по 10 коп. на каждого слугу (а такихъ отпущено съ нимъ 10 человѣкъ). Долгорукіе стали сначала получать по 25 коп. въ день на человѣка, потомъ только по двѣ и по два пуда муки въ мѣсяцъ. Сыну Волинскаго, Петру, давали въ день по 10 коп., за то канцлеру Бестужеву, по смерти Елизаветы, Екатерина II назначила 20 тысячъ рублей въ годъ пенсіону. Минихъ получалъ 3 руб.; Вироновъ и Висмарка вѣтѣно было довольствоваться въ день безъ оскуднѣнія (какъ сказано въ указѣ). Декабристы оставлены были въ кормовомъ довольствіи на общемъ положеніи 6-ти коп. мѣдью въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ. Нѣкоторыхъ отправляли даже и безъ кормовыхъ, такъ напримѣръ, Ивашкина и Гурчанинова, говорившихъ дерзкія рѣчи противъ императрицы Елизаветы.

Въ самый способъ содержанія и надзора была та же непоследовательность, замѣчалось произвольное неравенство. Князь Меншиковъ, сдѣлавшись временщикомъ при Екатеринѣ, сѣ-

уи́лъ сослать графа де-Санті безъ суда и ордера, такъ что ссыльный даже не сразу нашелъ себѣ мѣсто заточенія. Его привезли сначала въ Якутскъ и семью солдатами стерегли отъ утечки подъ крѣпкимъ карауломъ, никого къ нему не пускали, чернилъ и бумаги не давали; но для большаго успокоенія сильнаго вліянія, мстительнаго и жестокаго сердитаго герцога Ижорскаго, сочли за нужное перевести де-Санті въ Верхотенскій острогъ. Отсюда какими-то судьбами сталъ появляться онъ въ Иркутскѣ, пользоваться нѣкоторою свободою по снисхожденію вице-губернатора и даже успѣлъ жениться на дочери таможняго подъячаго; но въ Петербургѣ узнали про это и въ 1734 году де-Санті перевели въ Усть-Вилуйское зимовье. Жена за нимъ не поѣхала, участь его раздѣлялъ, по прежнему, старый слуга, которому, однако, не позволяли разговаривать съ господиномъ, не позволяли ходить за покупками для него на базаръ, каковаго, какъ извѣстно, въ пустынныхъ зимовьяхъ не бывало и въ поминѣ, и при этомъ запрещали также и слугѣ съ кѣмъ либо разговаривать. Ужасное положеніе жертвы стѣпного и безграничнаго мщенія въ подлинныхъ краскахъ описалъ его приставъ такимъ образомъ: „Живемъ мы, онъ, Сантіи, я и караульные солдаты въ самомъ пустынномъ краю, а жилища и строенія никакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та ветхая. А находимся съ нимъ, Сантіемъ, во всеконечной нуждѣ: печки у насъ нѣтъ и въ зимнее холодное время еле-еле остаемся живы. Отъ жестокаго холода хлѣбъовъ негдѣ испечь, а безъ печенаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодъ и кормимъ мы Сантія и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муку на водѣ, отчего всѣ солдаты болѣны и содержатъ караулъ не кѣмъ. А колодникъ Сантіи весьма дряхль и всегда въ болѣзни находится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ“ *).

Судьба же самого Меншикова въ ссылкѣ обставлена была наибольшими льготами. Главные

*) Елизавета Петровна его, однако, освободила вмѣстѣ съ другими ссыльными предъидущихъ царствованій.

и тяжелые удары онъ перенесъ еще въ Россіи: тщеславію его, допустившему золотыя кареты, сто подводъ и множество экипажей при проѣздѣ въ ссылку, нанесенъ былъ первый ударъ тѣмъ, что его пересадили въ простыя повозки и, вмѣсто Раненбурга, велѣли ѣхать въ Сибирь, въ Березовъ. На дорогѣ, около Казани, въ Усло-нѣ, онъ потерялъ жену, но въ Березовъ привезъ необходимыя вещи и всѣ деньги и остался подъ надзоромъ офицера, которому дана была самая снисходительная инструкция *). Живя на свободѣ, онъ могъ на собственные деньги выстроить деревянную церковь Рождества Богородицы, съ придѣломъ Іліи Пророка, подѣ острога, вмѣщавшаго въ себѣ окруженное тыномъ невысокое, но длинное деревянное зданіе съ закругленными окнами, оставшееся отъ упраздненнаго Воскресенскаго монастыря. Меншикова смирили несчастья до того, что онъ ежедневно съ дѣтьми ходилъ молиться въ собственную церковь, при сооруженіи которой самъ бралъ въ руки топоръ и пилу. Онъ настолько пользовался свободою, что, выходя лѣтомъ изъ острога, далеко до начала обѣдни, садился на крутомъ берегу Сосвы и бесѣдовалъ со стариками березовскими о тщетѣ міра и о подвигахъ различныхъ святыхъ мучениковъ. За обѣд-нею въ собственной церкви исправлялъ должность дьячка, первымъ входилъ, послѣднимъ уходилъ. Время проводилъ въ постѣ и молитвѣ. Это обстоятельство дало поводъ народу, не знавшему объ его прежней тяжелой грѣховности, считать его за праведника. Таковымъ же въ понятіи березовцевъ онъ считается до настоящаго времени, когда открыли его гробъ и нашли останки его (въ 1821 г.) нетлѣнными черезъ 92 года. Смирненіе свое онъ довелъ до того, что надѣлъ армякъ, отпустилъ бороду и отдѣлялся отъ прочихъ крестьянъ только бархатною на ватѣ шалочкою. Религіозное смиреніе и покорность судьбѣ успѣлъ онъ завѣщать и дѣтямъ, которые продолжали ежедневно ходить молиться на могилу отца (умершаго въ 1729 г.) и впоследствии устроили изъ своей церкви богадѣльню. Жили они уже въ собственномъ домѣ внѣ острога: старшей дочери удалось выйти замужъ за Федора Долгорукова, явившагося въ Березовъ тайно подѣ чужимъ именемъ съ заграничнымъ паспортомъ, но вскорѣ умереть отъ родовъ. Другая дочь, Александра, и сынъ Александръ въ 1731 году возвращены были въ Россію. Могилу отца ихъ подмыла Сосва, оборвавшая берегъ, и давно сгладила слѣды ея. Въ 1825 г. нашли лишь могилу Маріи Александровны Долгоруковой въ кедровомъ гробѣ, въ шелковомъ атласномъ платьѣ и съ тѣми

атрибутами, которые свидѣтельствовали о весьма безбѣдномъ существованіи изгнанниковъ на мѣстахъ дальней ссылки.

Далеко не такая участь въ томъ же Березовѣ, въ томъ же самомъ острогѣ, ожидала семейство князей Долгоруковыхъ, свергнувшихъ Меншикова и, въ свою очередь, поплатившихся ссылкой при новомъ государственномъ переворотѣ и въ тотъ же самый годъ, когда семейство Меншикова возвращено было въ Россію. Престарѣлый князь Алексѣй Григорьевичъ съ женою (Прасковьею Юрьевною) не вынесли тяжести ссылки и умерли черезъ три года по приѣздѣ. Молодые силы 4 сыновей и 3 дочерей и невѣсты старшаго брата Ивана (всплѣтой потомъ Козловымъ Натальи Борисовны, урожденной Шереметьевой) устояли отъ невзгодъ суроваго климата и съ успѣхомъ боролись противъ суровыхъ невзгодъ, исходившихъ отъ злого временщика Бирона. Преслѣдованія его не знали устали и мѣры. На худомъ, продравленномъ суднѣ, которое едва узниковъ не потопило, привезли ихъ въ Березовъ, кормили ихъ тамъ такимъ хлѣбомъ, что „часто зубы не брали, и давали щи, которыя, покаяшь, мерзли“. Пищу подавали всегда въ одинъ разъ на нѣсколько дней. Когда княжна Елена задумала въ день своего ангела заказать обѣдню, протопопа (Авдѣя Михайлова) сослали за то подѣ Иркутскъ въ Илимскій острогъ. Когда подъячій Тишинъ донесъ, что Долгорукіе говорятъ нескромныя рѣчи про Анну и Бирона, Долгорукихъ разлучили: Ивана посадили въ холодномъ амбарѣ (жена его Наталья Борисовна съ трудомъ выплакала позволеніе видѣться тайно ночью сквозь оконце и носить ему пищу). Князя Алексѣя съ его крѣпостнымъ дядькою заключили въ тѣсномъ холодномъ хлѣбѣ. Здѣсь нельзя было сдѣлать больше двухъ шаговъ и узники въ темнотѣ потеряли счетъ днямъ и ночамъ. Выпросивъ горсть гороху за послѣдній брилліантовый перстень, князь Алексѣй придумалъ съ дядькою особую игру. Разъ, во время этой игры въ горахъ, они оба, словно сговорившись, въ голосъ заплѣли. „Христосъ Воскресе“ а такъ какъ пѣніе было строго запрещено, то на Ѳоминой недѣлѣ въ среду обоимъ дали по 15 розогъ и записали въ штрафной журналъ колдунами: по гороху-де узнали о времени Пасхи. На этомъ мученіи Долгорукихъ не кончились, ихъ увезли въ Тобольскъ, здѣсь судили и приговорили къ новой ссылкѣ. Князя Алексѣя послали въ Камчатку матросомъ; Николая, выбивъ кнутомъ и урѣзавъ языкъ, угнали въ Охотскъ; Александра, послѣ такихъ же истязаній, въ Камчатку; трехъ дѣвицъ-княженъ заточили въ женскихъ монастыряхъ *); князя Ивана увезли въ

* *) У Меншикова, какъ извѣстно, было во владѣніи 91 тысяча душъ крестьянъ и 7 миллионъ тогдашними деньгами, брилліантами и банковыми билетами.

* *) Екатерину въ томскомъ Рождественскомъ. Елену въ тюменскомъ Успенскомъ, Анну въ

Новгородъ и тамъ колесовали и отсѣкли голову въ одно время съ двумя его дядями (Васильемъ Лукичемъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ). Елизавета простила Долгорукихъ: княжѣнъ освободила отъ монашескихъ обѣтовъ и выдала замужъ. Не такъ легко было простить и возвратить братьевъ. По обычаю того времени, начальства постарались забыть объ ихъ именахъ и мѣстахъ нахождения. Сами они, увлеченные и поглощенные потокомъ ссыльной жизни, скрылись безслѣдно между туземцами и считались мертвыми. Алексѣй, только черезъ два года по воцареніи Елизаветы, случайно узналъ въ Камчаткѣ о своемъ прощеніи. Съ купцомъ Спиридоновымъ онъ явился въ Иркутскъ. Одѣтый въ армякъ и обросшій бородою, онъ не былъ признанъ губернаторомъ и самъ уже своевольно отправился пѣшкомъ въ Москву. Точно также одинъ изъ его братьевъ, вывезенный въ Иркутскъ и забытый въ острогѣ, былъ выпущенъ на волю для пропитанія. Когда прислано было предписаніе розыскивать политическихъ секретныхъ арестантовъ, къ губернатору явился старикъ, сторожъ церкви св. Харлампія, выдававшій себя за князя Долгорукова (Николая).

Освободивъ Долгорукихъ, Елизавета, какъ извѣстно, прислала въ Верезовъ государственнаго канцлера графа Андрея Ивановича Остермана и выслала въ Пелымъ фельдмаршала графа Миниха, въ Собачій острогъ кабинет-министра Мих. Гавр. Головкина, въ Нижнеколымскъ (еще съвертѣе) президента коммерц-коллегіи барона Менгдена.

Старикъ Остерманъ, измученный жестокою подагрой, привезенъ въ Верезовъ съ женою и остался тамъ въ памяти жителей своими бархатными сапогами и костылемъ; изъ бархата его сапоговъ мѣстные жители надолго потомъ сохраняли головные шамшеры и дѣтскія подвязки. Остерманъ прожилъ все время отшельникомъ въ своей комнатѣ, не выходя въ другія, наполненные сторожами. Говорятъ, что березовскій климатъ ослабилъ припадки подагры къ концу его жизни. Въ 1747 году, черезъ три года, онъ умеръ здѣсь и легъ въ дубовый гробъ, обитый тафтою внутри, шелковою ма-

верхотурскою Покровскою. Всѣхъ трехъ постигши въ монахини, пищу и одеждою велико содержать безъ всякой отнѣны. «Имѣющихъ при оныхъ князь Алексѣевыхъ дочеряхъ въ услуженіи вдовъ такожъ и дѣвокъ освободить и разослать въ разные сибирскіе города на вѣчное житіе. Имѣющуюся мѣдную и оловянную посуду и платье, остава потребное число, безъ всякаго изнѣшества, прочую всю отобрать. Содержать ихъ подъ крѣпчайшимъ присмотромъ и никуда ни для чего отнюдь не выпускать и ни чѣмъ писать не давать и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не пускать и чтобъ никакихъ шалостей и непотребствъ отъ нихъ не происходило».

терію съ позументами снаружи. Иной памяти по себѣ не оставилъ. Жена, послѣ его смерти, возвратилась въ Москву, гдѣ и умерла въ глубокой старости.

Минихъ поселился въ Пелымѣ вмѣстѣ съ женою и пасторомъ Мартенсомъ въ двухъ-этажномъ домѣ съ балкономъ; изъ дому не выходилъ, казался нелюдимымъ, но на балконѣ нерѣдко видали старика сухого, крѣпкаго и бодрого. Днемъ онъ писалъ, чертилъ планы, ночной огонекъ показывалъ, что старикъ молился или продолжалъ еще заниматься военными и историческими науками (между прочимъ, писалъ гимны). Лѣтомъ заводилъ онъ небольшой огородъ, зимою обучалъ дѣтей грамотѣ, всегда казался веселымъ и затосковалъ лишь тогда, когда потерялъ вѣрнаго друга, пастора Мартенса, пробуждавшего въ его душѣ чувства набожности и охоту къ мирнымъ трудамъ писателя. Воеводы, говорить преданіе, боялись Миниха, боялись его доносозъ ко двору и давали ему нѣкоторую свободу, меньшую, однако, той, которою пользовался до него и въ томъ же Пелымѣ Биронъ *) (сосланный при Аннѣ Леопольдовнѣ регентомъ Минихомъ). Передъ Бирономъ воевода стоялъ безъ шапки; герцогъ имѣлъ верховыхъ лошадей, часто ѣздилъ на охоту, держалъ многочисленную прислугу, ходилъ въ бархатномъ зеленомъ полукафтанѣ, подбитомъ и опушенномъ соборами. Народъ помнить, что онъ былъ высокаго роста и очень красивъ. Минихъ выжилъ въ Пелымѣ 20 лѣтъ и въ 1762 былъ возвращенъ изъ ссылки императоромъ Петромъ III.

Въ Собачьемъ острогѣ—несчастномъ зимовьѣ, послужившемъ впоследствии основаніемъ Среднеколымску, не болѣе счастливому селенію, Головкинъ съ женою понесъ болѣе тяжкую участь, тѣмъ остальные его товарищи, не смотря на меньшую степень виновности и, вѣроятно, вслѣдствіе его наименьшаго ранга. И въ пустынномъ мѣстѣ его выпускали изъ дому не

*) Биронъ, какъ извѣстно, жилъ въ Пелымѣ въ особенномъ домѣ, выстроенномъ по чертежу Миниха. Биронъ жилъ здѣсь не долго (пять недѣль), успѣлъ оставить въ народной памяти преданіе о своемъ гордомъ и неприступномъ поведеніи; въ 1742 г. его перевела Елизавета въ Ярославль вмѣстѣ съ братомъ Густавомъ (последній даже не доѣхалъ до Пелыма и возвращенъ назадъ изъ Тобольска). Въ Сибирь не осталось объ нихъ преданій, осталось такое въ Москвѣ: когда везли регента съ братомъ и своимъ въ трехъ закрытыхъ каретахъ черезъ этотъ городъ, чернь винулась на нихъ и хотѣла растерзать; да въ Казани сохранилось всѣмъ извѣстное преданіе, что на мосту черезъ Булакъ встрѣтились два врага и, молча, раскланялись: Биронъ, возвращавшійся изъ Сибири, и Минихъ, ѣхавшій туда на обогрѣтое мѣсто. Третье преданіе сибирское утѣшаетъ себя тѣмъ урокомъ въ превратностяхъ судьбы, что Минихъ зажилъ въ томъ же домѣ, вланъ котораго онъ сочинилъ для Бирона.

иначе, какъ подъ конвоемъ солдатъ съ ружьями, а ночью небольшой домикъ его всегда оцѣпляли часовыми. По праздничнымъ днямъ этого стараго и большаго человѣка заставляли ходить въ церковь и слушать, какъ священникъ послѣ обѣдни произноситъ надъ нимъ анафему *). Въ своемъ изгнаніи онъ прожилъ почти 25 лѣтъ, слушая чтеніе разныхъ книгъ изъ устъ жены, и въ послѣдствіи, когда усталъ дозоръ, занимался рыбною ловлею въ р. Колымѣ. Въ 1766 году онъ умеръ на мѣстѣ изгнанія и жена, получившая дозволеніе возвратиться, увезла его трупъ съ собою, заливъ его, по народному преданію, воскомъ.

Менгденъ привезенъ былъ въ Нижній-Колымскъ съ женою, дочерью, свояченицею, со служанкою и служителемъ. Сынъ съ теткою и слуги вернулись въ Россію, но баронъ умеръ съ женою на мѣстѣ ссылки, пользовавшись нѣкоторою свободою. Ему удалось послужить краю тремя службами, изъ которыхъ одна состояла въ отраженіи набѣга дикихъ чукчей, другая—въ разведеніи рогатаго скота и лошадей въ подспорье собакамъ и оленямъ, и третья—въ торговлѣ, которою занимался Менгденъ, выписывая товары изъ Якутска для ограниченнаго потребностей бѣднаго и неподвижнаго мѣстнаго населенія.

То же странное распредѣленіе ссыльных жеребьевъ отразилось какъ на судьбѣ этихъ четырехъ товарищей по изгнанію, такъ и на судьбѣ пятаго ихъ товарища, невѣстки канцлера, Анны Бестужевой. Въ то время, когда братъ ея, Мих. Гавр. Головкинъ, испытывалъ многообразныя стѣсненія въ Собачьемъ острогѣ, она, живя въ Якутскѣ на полной свободѣ, ѣздилъ по гостямъ, играла въ карты, обворожала всѣхъ пріятностію въ обхожденіи, жила роскошно, одѣвалась богато *). Хотя ей былъ отрубанъ языкъ, но, по народному преданію, въ такой степени, что разговоръ Бестужевой могли понимать слушатели.

Въ то же время для другихъ та же ссыльная жизнь и судьба обставлялись такими отчаянными подробностями: Фика—любимца Петра—цѣлую жизнь таскали изъ одного мѣста въ другое, намѣренно не давая ему ни отдыха, ни покоя. Сначала содержали его въ тобольской тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ перевезли въ Иркутскъ опять на нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Иркутска въ прежнихъ тяжелыхъ цѣпяхъ въ Якутскъ. Якутскъ показался слишкомъ удобнымъ и веселымъ городомъ, отослали Фика за двѣ тысячи верстъ въ Зашиверскъ,

*) По другому мѣстному преданію, ему однажды въ годъ читали какую-то бумагу, которую онъ обязанъ былъ слушать, скрестивъ на груди руки, къ каковой въ то же время солдаты приставляли ружейные штаны.

*) Въ Петербургѣ она пользовалась славою лучшей танцовщицы.

но и эта крайняя глушь и отчаянная даль оказались въ Петербургѣ слишкомъ видными и людными. Фика перетаскали въ Среднее зимовье на Вилюѣ, въ такое мѣсто, которое злому врагу и супостату могло бы показаться исполнѣ удовлетворительнымъ и безопаснымъ: убѣжать можно было только до первой трясины въ тундрѣ, говорить только съ приставниками; якуты, кромѣ своего языка, другого не понимали, кромѣ своихъ узкихъ звѣроловныхъ интересовъ, другихъ не признавали. И дѣйствительно, Фикъ прожилъ здѣсь десять лѣтъ, но лишентъ былъ свободы, выдерживался въ одиночномъ заточеніи безъ поддержки жены, родныхъ и привычныхъ слугъ, окруженный приставниками, озлобленными его несчастьемъ и живучестью. Въ 1742 году нашла его милость Елизаветы, но добралась до него окольными путями, къ довершенію его несчастій, не вдругъ; тобольская канцелярія не знала о мѣстѣ его жительства, наводила справки; узнавъ, отписывала въ Петербургъ о своей находкѣ, спрашивала, что дѣлать и какъ теперь поступить: несчастный Фикъ принужденъ былъ сидѣть и даже лишентъ былъ удовольствія товарищества съ де-Сантис, когда послѣднему назначено было помѣщеніе въ томъ же зимовьѣ. „Понеже тамъ находится великоважный преступникъ Фикъ, то будетъ крайне опасно держать этихъ двухъ преступниковъ въ одномъ мѣстѣ“—отвѣчали безжалостные люди разжалобившейся судьбы.

Смирнялись государственные люди: Скорняковъ-Писаревъ, слѣдомъ за Меншиковымъ, занимался хозяйствомъ, ловилъ рыбу, охотился за медвѣдями и сохатыми; Головкинъ далъ 50 рублей казаку, отобравшему верши изгнанника, поставленныя въ рукавъ рѣки Колымы, и оговаривалъ, что, если бы казакъ поступилъ такимъ образомъ въ Петербургѣ, онъ затравилъ бы его собаками. Князя Долгорукаго смирала ссылка до пономарской должности, Меншикова до работъ плотничьихъ съ топоромъ и проч. Не смирнялись крутые нравомъ, какъ Девиеръ (напускавшій страхъ на цѣлый Охотскъ), какъ Минихъ (напускавшій страхъ на воеводу); не смирнялись располагавшіе надеждами на остатки силъ своихъ въ Петербургѣ, какъ Биронъ, передъ которымъ воевода стоялъ безъ шапки, какъ Праксовья Федоровна Салтыкова—невѣста царя Ивана Алексѣевича, заставлявшая въ Енисейскомъ монастырѣ своего дядю воеводу стоять у косяка дверей, и проч. Не смирнялся Батуринъ въ Камчаткѣ, увлекшись планами бунта и побѣда, составленными конфедератомъ Беневскимъ, но Ивашкинъ предупреждалъ объ этомъ заговорѣ коменданта Нилова. Не смирала духомъ ссылка людей молодыхъ и, въ особенности, не оказала она предполагаемой пользы исцѣленія надъ тѣми пациентами, которые вышли изъ простаго народа. Доказательствъ много, приводимъ

наиболѣе крупныя и характерныя, на первый разъ два: одно изъ начала прошлаго вѣка, другое изъ конца его; одно по великому государеву „слову и дѣлу“, другое по самозванству—по этимъ двумъ основнымъ главнымъ государственнымъ преступленіямъ, за которыя преимущественно ссылались въ Сибирь въ прошломъ вѣкѣ довѣрчивые простые люди—сообщники людей „продерзаностныхъ“ и „самозванцевъ“.

При царѣ Теодорѣ присланъ былъ въ Сибирь по царственному дѣлу, по приказу бояръ, стряпчій изъ дворцовыхъ волостей Терентій Васильевичъ Копытовъ. Въ 1712 году его отправляли изъ Тобольска по назначенію въ Нерчинскъ на суды. Въ Нарымѣ колодники зазимовали. Здѣсь Копытовъ разсказалъ товарищамъ, что онъ уже побывалъ въ Нерчинскѣ, узналъ тамъ многія царственные дѣла и потаенную казну за нерчинскими жителями Турчаниновыми, выкричалъ тамъ „слово и дѣло“, былъ потребованъ въ Тобольскъ, просилъ отправить его въ Петербургъ передъ царское величество, но губернаторъ, все то утая, продержалъ его въ тюрьмѣ два года и вотъ теперь обратно шлетъ на старое мѣсто. „Хотя-де мы (говорилъ бывшій стряпчій) и въ Москву писали, да тамъ все воля боярская! что они, бояре, хотятъ, то и дѣлаютъ. Нынѣшній царь не печется о народѣ, а печется о нѣмцахъ, потому что онъ и самъ ихней породы, а не царскаго кореня. Истинно я это вѣдаю. Жилъ я въ Москвѣ и насъ было человѣкъ 12, и мы ночи сживали надъ святыми книгами, а съ нами бесѣдовалъ верховой священникъ и сказывалъ мнѣ и товарищамъ моиѣ: „Какъ-де воцарился государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и совокупились съ царицею Натальею Кирилловною и она-де, государыня, рожала царевенъ. И близъ рожденія онъ, государь, изволялъ ей, царицѣ, говорить: „ежели-де будетъ царевна, я-де тебя постригу“. И она, государыня, царица, призвавъ Артамона Сергѣевича (Матѣева), сказала ему ту тайну, что царь на нее гнѣвенъ. И когда родила царевну, Артамонъ Сергѣевичъ учинилъ сокровенно—взять изъ нѣмецкой слободы младенца и подмѣнилъ вмѣсто того младенца, и понинѣ она въ нѣмечкой слободѣ жива; и по тому дѣлу ему, Артамону Сергѣевичу, великое время стало отъ нее, царицы, за такое умышление“. Слѣпой старикъ Копытовъ разсказалъ эту слетню сначала одному (дозорщику Левшутину), потомъ и другимъ колодникамъ, приглашеннымъ Левшутинимъ въ свидѣтели тайно. Левшутинъ объявилъ нарымскому воеводѣ за Копытовымъ „слово и дѣло“, но получивъ въ отвѣтъ: „Пожалуйста помолчи здѣсь немного, мнѣ такихъ дѣлъ вѣдать не дано“,—сталъ искать случая отправиться въ Москву. Съѣхалъ онъ изъ Тобольска съ государевымъ желѣзомъ; послѣ сдачи его въ Си-

бирскомъ приказѣ получилъ пропускъ, но остался въ Москвѣ ожидать государя. Не дождавшись, пошелъ онъ въ низовые города для свиданія съ родными, а по пути зашелъ въ керженецкіе гѣса къ раскольникамъ. Здѣсь онъ натолкнулся на новыхъ недовольныхъ: говорили ученые керженецкіе старцы, что царь—антихристъ, архіереи—еретики, а всѣ господа по милости государевой—антихристовы слуги и грабители. Для подкрѣпленія своихъ словъ показывали и трагедки разныя и книжки. На пыткахъ и допросахъ не отреклись отъ своихъ словъ, когда Левшутинъ снова выкричалъ на нихъ и въ Нижнемъ и въ Москвѣ государево великое слово. Левшутинъ также устоялъ на доносѣ и при мукахъ четырехъ пытокъ, и въ хомутѣ на подъемѣ и на дыбѣ подъ кнутомъ; двое оговоренныхъ на пыткахъ померли; третій устоялъ и былъ сосланъ на каторгу. Левшутинъ отпустили на волю шататься по лицу родной земли и только теперь можетъ быть выучили заграждать уста и не сказывать князю-панѣ Ромодановскому про тѣ тайныя дѣла, которыя слышали уши. Можетъ быть, въ Левшутинѣ и пропала страсть къ слетнямъ на государевыя и угомонилась въ немъ пытливость въ сомнѣніяхъ на счетъ заслугъ Петра передъ народомъ, но не угомонила каторга другихъ убѣжденныхъ. Не въ нихъ была сила, не въ ихъ личномъ характерѣ поддержка, смѣлось и устоячивость, но въ общемъ предубѣжденіи, въ народной довѣрчивости, воспитанной духомъ времени и поддерживаемой стоустою молвою.

Самозванца солдата Кремнева, выдававшего себя за Петра III, поддерживалъ мѣстный священникъ Левъ Евдокимовъ и не только (какъ сказано въ указѣ) самъ тому вѣрилъ, „но и всѣхъ вообще со всими вѣроятія недостойными и развращенными доказательствами подкрѣплялъ и увѣрялъ“. За такую довѣрчивость его наказывали кнутомъ во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ чинилъ увѣренія и подписи; возили его съ привязанною на груди доскою, гласившею: „помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и свидѣтель“; выгнали ему на лбу знаки двухъ буквъ, означавшихъ „ложный свидѣтель“, и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу. Въ Нерчинскѣ Евдокимовъ присталъ къ новому самозванцу и снова довѣрчиво ему покорился, во всемъ помогалъ и всѣмъ о его ложномъ увѣреніи разсказывалъ. Въ свою очередь, и этотъ самозванецъ сдѣлался на каторгѣ таковымъ не впервые и также не былъ враждебенъ дальнею ссылкой и тяжелыми работами.

Этотъ самозванецъ (ускользнувшій отъ вниманія изслѣдователей замѣчательнаго явленія въ русской жизни, представляемаго самозванствомъ) былъ солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка и назывался Петромъ Чернышевымъ. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ домѣ попа Иванецкаго,

при немъ, при попадѣ и дѣячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Федоровичемъ и потомъ увѣрялъ въ томъ же крестьянъ и при этомъ плакалъ. Чернышевъ избавленъ былъ отъ смертной казни, но жестоко наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно. За нимъ отправился туда же и располъ Иванецкій. Въ 1763 году Чернышевъ, съ именемъ секретнаго арестанта, заключенъ былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ. Днемъ его выпускали на работу вмѣстѣ съ прочими колодниками, а на ночь запирали въ секретный казематъ одного. На работахъ съ нимъ видались многіе, но говорили не всѣ. Ссылный попъ Левъ Евдокимовъ пришелъ съ осьминой водки, подпоилъ виномъ сторожа и отъ секретнаго арестанта узналъ, что онъ—бывшій императоръ Петръ III. Двое другихъ ссылныхъ (Карповъ и Фирсовъ) подтверждали то же самое: одинъ рассказывалъ, что въ бытность его въ услуженіи въ Москвѣ у грузинскаго царевича Георгія Петра III видалъ и что секретный арестантъ имѣетъ съ нимъ поразительное сходство; другой ссылный сказывалъ, что Петра III видалъ въ 1763 году въ Петербургѣ въ тайной канцеляріи и что Чернышевъ на лицо таковъ же, какъ и императоръ. Самъ же Чернышевъ рассказывалъ всѣмъ, что, „бывши въ Воронежской губерніи для осмотра состоявшихъ въ оной полковъ, подъ видомъ солдата былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человѣкъ“. Успѣхъ рассказовъ превзошелъ всякія ожиданія: не только повѣрили всѣ на заводѣ, но и изъ дальнихъ мѣстъ стали приходить крестьяне взглянуть на царя и принести ему всякіе подарки: приносили деньги, говядину, масло коровье, туши баранины; наконецъ, лошадей съ наказомъ, чтобы „какъ можно старался бѣжать, а хлѣбомъ не оставлять“. Подаль о себѣ голосъ и располъ Иванецкій, жившій въ Уровской деревнѣ, приславшій Чернышеву письмо такого содержания: „Премилосердый мой государь, Петръ Федоровичъ! желаю вамъ здравствовать на многія лѣта... Черезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда, или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь будетъ мучиться“?.. Евдокимовъ за Чернышева написалъ такой отвѣтъ: „О чемъ вы изволите писать и слышать хотите о благополучіи, пріѣзжалъ генерала комисенской отъютантъ, ходилъ въ тюрьму, осматрѣлъ Петра Федорыча и поѣхалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государыни, и писалъ къ Петру Федорычу, что буду надеженъ и такъ буду стараніе прилагать... Дѣйствительно, адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышева и опознавалъ его императоромъ. Самъ генералъ Ивановъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ и осматривалъ Чернышева. Молва не-

слась все дальше и выше и успѣла поднять сильныхъ войсками тунгусскихъ князей Гантимуровыхъ. Одинъ изъ братьевъ наказывалъ передать Чернышеву о своей готовности собрать тунгусовъ и взять его изъ тюрьмы разбоемъ: „Пріѣдемъ въ заводъ, у меня ни одинъ человѣкъ и въ окно выглянуть не смѣетъ“. Чернышевъ, заручившійся обѣщаніями помощи, гвоздемъ отперъ замокъ дѣпни, на которую былъ посаженъ, увидѣ платкомъ ножныя кандалы, чтобы не брыцали, и по кушаку, съ помощью друзей, вышелъ на волю. Вродилъ онъ по окрестностямъ долго, заблудился, 11 дней шелъ голодомъ, пришелъ въ безсміе и на 12-ый день, выйдя изъ всякаго терпѣнія, добровольно отдался въ руки судей. Въ нерчинскомъ заводѣ началось слѣдствіе, собрали всѣхъ причастныхъ къ дѣлу, дѣлали допросы и очныя ставки, путались въ трущобахъ разнорѣчивыхъ показаній и уловокъ, но не могли приступить къ суду за недостаткомъ твердыхъ убѣжденій. Къ тому же и князь Гантимуровъ сдержалъ свое слово, привелъ въ заводъ свою команду, болѣе ста вооруженныхъ тунгусовъ; въ комиссію онъ не пошелъ, сославъ на то, что не принадлежитъ къ горной командѣ, отговъ никакихъ не давалъ и продолжалъ свободно гостить у генералъ-маіора Иванова. Однако, дѣло кое-какъ довели до конца. Въ 1770 г. изъ Петербурга было написано оставить сообщниковъ безъ вниманія, кромѣ Фирсова, котораго велѣно наказывать плетью, но изъ-подъ караула освободить. Чернышева же указано наказывать кнутомъ публично при заводскихъ жителяхъ, повѣрившихъ его разглашенію, потомъ заклеивать, какъ человѣка дерзкаго и злого, и сослать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣтъ употреблять его въ тяжкихъ работахъ. Въ 1771 г. приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, но Чернышевъ до Мангазеи не доѣхалъ; онъ умеръ по дорогѣ въ Енисейскъ, оставивъ послѣ себя собственные пожитки: войлокъ, небольшую подушку и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрывки, „а п еще имѣлся при ономъ арестантѣ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта подъ него подотылана, и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена“ *).

Это событіе, со включеніемъ участія ссылнаго въ Камчатку Батурина въ смѣломъ побѣгѣ Веневскаго, сдѣлавшагося извѣстнымъ по всей Европѣ, служило дополненіемъ весьма немногихъ другихъ, оживляя однообразную жизнь изгнанниковъ за государственный преступленія и освѣщая мрачную ночь. Остальные изгнанники остались для страны невѣдомыми, бесполезны-

*) Подробный разсказъ объ этомъ событіи см. ниже въ статьѣ: «Исторія каторги. Нерчинскіе рудники и промыслы».

ми и лишними. Съ одинаковымъ удобствомъ ихъ могли бы довести до ускоренной смерти въ монастыряхъ и тюрьмахъ русскихъ и, конечно, старинному возраженію на этихъ людей вовсе не нужно было такихъ героевъ, какъ Ивашкинъ, прожившій въ Камчаткѣ (въ Большерецкѣ) тридцать пять лѣтъ, и когда ему разрѣшена была свобода, не только не принявшій права, но и не имѣвшій никакого интереса въ возвратѣ. Онъ какъ милости просилъ дозволенія остаться въ странѣ, гдѣ выучился ловить себѣ рыбу для пищи и доставать деньги и припасы обученіемъ дѣтей грамотѣ и исправленіемъ должности дьячна. Въ 1780 г., за 15 лѣтъ до того, его еще интересовало возвращеніе и онъ писалъ о томъ просьбу къ губернатору; когда же ему перевалило за 60 лѣтъ—онъ могъ отвѣчать на милость только такими словами: „Куда мнѣ ѣхать при такой дряхлости! Я чувствую, что не переживу моего переселенія и умру на дорогѣ“. Такихъ героевъ жестокосердый до утонченности вѣкъ не желалъ; симпатіи его обращались въ другую сторону, изъ которой доносились рапорты комендантовъ и отписки монастырскихъ настоятелей, что такой-то нумеръ (такой-то безымянный секретный арестантъ) умеръ. Для этого извѣстія утѣснителямъ пріятно было назначать для жительства самыя голодныя мѣста (зимовья), самыя глухіе остроги, которые до настоящаго времени представляютъ крайнее безлѣтье и безлюдье. Старымъ вершителямъ человѣческихъ судебъ пріятно было забыть не только о событіяхъ, но и о лицахъ, по приѣзду того, какъ 35 лѣтъ былъ запертъ Ивашкинъ, сказавшій, по увлеченію молодости и въ пьяномъ видѣ про Елизавету. Также забыть былъ нѣкто Родіонъ Ковалевъ, 25 лѣтъ просидѣвшій на цѣпи въ Селенгинскомъ монастырѣ до того времени, когда, по уничтоженіи тайной канцеляріи, отворили монастырскія тюрьмы и выпустили заточниковъ. Ковалевъ, конечно, оказался сумасшедшимъ, какъ и всѣ другіе, остававшіеся въ живыхъ, но онъ, сверхъ того, разучился уже говорить до нѣмоты. Одна бумага сохранила его прежнее званіе и объявила, что онъ былъ подпоручикомъ Сибирскаго пѣхотнаго полка, но не было другой, которая сказала бы объ его винахъ, а въ жизни настоящей не было, конечно, ни единого штриха, который могъ бы свидѣтельствовать о степени его вреднаго вліянія и великой важности преступленія. Многие погибли безвѣстно: такъ, между сотнями таковыхъ, сосланныхъ при Аннѣ Бирономъ, одному усердному изслѣдователю ссыльной старины Сибири (Л. С. Сельскому) извѣстенъ одинъ изъ такихъ зачинщиковъ, сосланный въ Анадырскій острогъ безъ означенія имени и виновности. „Когда возникла переписка о всѣхъ, находящихся въ Камчаткѣ и

Охотской области (говорить г. Сельскій *), то анадырскій изгнанникъ отхѣченъ умершимъ“. Какая-то секретная арестантка (безъ означенія имени) числилась въ 1753 году въ Селенгинскѣ и осталась неизвѣстною въ описи дѣлъ, видѣнныхъ нами въ архивѣ бывшей ратуши этого города. Генераль-прокуроръ Вяземскій принужденъ былъ прибѣгать къ строжайшимъ настояніямъ, чтобы отыскивали заключенниковъ и оказывали имъ милость, но на большую часть предписаній получалъ въ отвѣтъ, что узнать имена ссыльныхъ и мѣста заточенія нѣтъ никакой возможности. Иные являлись съ перемѣннымъ именемъ изъ Россіи, другихъ переименовывали на мѣстахъ ссылки. „Иногда (свидѣтельствуется Маништейнъ въ своихъ мемуарахъ) приказывали дѣлать такую переимѣну, не увѣдомляя о томъ и тайную канцелярію“. Исчезли всякіе слѣды въ народной памяти о Лопухиной, сосланной Елизаветою, о Толстыхъ, Вутурлинѣ и проч. Объявились неизвѣстные, вроде бывшего флигель-адъютанта / де-ла-Тосоньера и проч., и оставались неизвѣстными ссыльные вроде Аеанасія Петровича, извѣстнаго въ Сибири въ началѣ настоящаго столѣтія. Помнить, что онъ былъ старъ и бодръ и отличался хорошимъ платьемъ. Въ народѣ ходили различныя толки **). Какъ въ прошломъ, такъ и въ предшествовавшемъ ему вѣкѣ отнимали у ссыльныхъ всякую возможность свободного употребленія своихъ силъ и способности въ пользу страны и въ исполненіе основной и существенной идеи всякой колонизаціи. Лишь только тамъ, гдѣ, по случайнымъ привилегіямъ, предоставлялась какая либо свобода и оставался хотя малѣйшій просторъ для малѣйшей самостоятельности ссыльныхъ, полезное вліяніе ихъ не медлило обнаруживаться. Впрочемъ, разведеніе Меншиковымъ огорода въ холодномъ и безплодномъ Березовѣ, учрежденіе богадѣльни его осиротѣлымъ семействомъ тамъ же, заведеніе школы Минихомъ въ пустынномъ Пелымѣ, школа Ивашкина въ Камчаткѣ, опыты разведенія лошадей и рогатаго скота въ тундрахъ Нижнеколымска—единственные памятные слѣды ссыльной жизни государственныхъ преступниковъ прошлаго вѣка ***). Обеспеченіе гра-

*) Въ статьѣ своей «Ссылка въ Восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ».

**) Считали его бояриномъ, сосланнымъ Павломъ. Говорили, что когда везли его въ Петербургъ обратно и на день остановились въ Тобольскѣ, онъ, при видѣ губернатора Канценича, стоявшаго у полуотворенной двери, сказалъ ему: «Ну, Канцевичъ, гатчинскій любимецъ! Ты еще не узналъ меня?»

***) Опытъ Менгдена не былъ удаченъ: лошадей развести ему не удалось въ неудобныхъ колымскихъ тундрахъ. Въ этомъ отношеніи былъ счастливъ другой ссыльный въ архангельскую тундру. В. В. Голицынъ, положившій основаніе крѣпкой породѣ мезенокъ, долгое время поль-

ницъ съ Китаемъ услугами гетмана Демьяна Многогрѣшнаго за Байкаломъ — единственное крупное явленіе въ исторической жизни ссыльных, но и оно принадлежит ко временамъ болѣе глубокимъ, къ событіямъ XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ на „секретныхъ“ преступниковъ смотрѣли какъ на людей, преисполненныхъ презвѣльнаго ада, боялись допускать ихъ до сношенія съ людьми даже въ случаяхъ необходимости, при недостаткѣ кормовыхъ, ходить по міру и просить подаянія, „чтобы колодники не рассказали въ народѣ тѣхъ словъ, за что они были сосланы“.

„Великоважность“ преступниковъ понималась приставами или такъ, что поступали съ ними круто и безсердечно, или опасливостью, великими затрудненіями на крайніе случаи болѣзни и при необходимости подать какую либо помощь и оказать содѣйствіе. Долгорукіе въ Верезовѣ получили 15 розогъ за игру въ горохъ и выдали своего пристава, ходившаго на бесѣду со ссыльными дамами въ солдатской епанчѣ, накинута на рубашку, и въ туфляхъ на босую ногу. „Дай Богъ (говорить Наталья Ворисовна Долгорукая въ своихъ запискахъ), дай Богъ горе терпѣть да съ умнымъ человѣкомъ. Какой этотъ глухой офицеръ былъ! Ему казалось подло съ нами говорить; однако, со всею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Я была всѣхъ моложе и неводержна, не могла терпѣть, чтобы не смѣяться, глядя на его смѣшную позитурку. Онъ, это видя, что я ему смѣюсь, какъ-то разъ ему пришлось примѣтить, говорить: „Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы я съ тобою сговорилъ“. Чего они боялись? Чтобы мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ не караулъ ихъ держалъ, а держала невинность наша“. Когда пересылаемый въ Сибирь Ивашкинъ на дорогѣ заболѣлъ такъ, что сопровождавшій сержантъ донесъ рапортомъ, что онъ не перенесетъ дороги изъ Иркутска и умереть, — врачъ Ваксманъ не рѣшился ему помочь, хотя и нашель, что Ивашкинъ весь распухъ отъ внутренней болѣзни и ищетъ отъ кандаловъ язвы на рукахъ и на ногахъ.

Болѣе счастливы были тѣ узники, которые, съ переменною правленія, считались оправданными и успѣвали дожить до воцаренія своихъ благодѣтелей. Въ такихъ случаяхъ нѣкоторые милости не ограничивали себя тѣсными предѣлами: возвращенные (какъ Долгорукіе) приглашались снова на поприще государственной дѣятельности; ссыльные женщины, обрекавшіяся на монастырское заточеніе и монашеское постриженіе, разстригались. Такъ съ постриженныхъ дочерей Артемія Волынского (Анны въ иркутскомъ Знаменскомъ монастырѣ и Маріи въ зовавшихся большою павѣстностью на всемъ сѣверѣ Россіи.

енисейскомъ Рождественскомъ) сняли монашескій чинъ и отпустили на житье въ Москву *). Фед. Ив. Соймоновъ, любимецъ Петра I, успѣвшій однажды спасти ему жизнь, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, первый, составившій карту Вѣлаго моря и описавшій впервые берега Каспійскаго, изъ вице-президентовъ адмиралтействъ-коллегіи въ 1740 г. попалъ въ Сибирь за участіе въ дѣлѣ Волынскаго, наказанъ кнутомъ и сосланъ былъ Бирономъ въ каторжную работу на Охотскій солеваренный заводъ. Сосланъ онъ былъ съ вырванными ноздрями, которыя, однако—по преданію—искусный лекарь въ Сибири заростилъ кускомъ мяса, вырѣзанномъ изъ лѣвой руки невиннаго страдальца. Елизавета Петровна, тотчасъ по восшествіи на престолъ, признала его невиннымъ, возвратила шпагу и позволила жить, гдѣ пожелаетъ. Соймоновъ, однако же, все-таки еще 16 лѣтъ послѣ того жилъ въ Сибири безъ всякаго званія, но не безплодно воспользовался свободой: въ 1753 году онъ изобрѣлъ фарватеръ Шилки и развѣдывалъ первыи пути по Амуру. Въ 1757 году, именнымъ указомъ, онъ изъ ссыльнаго, жившаго на пропитаніи, сдѣлался сибирскимъ губернаторомъ. Шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ въ этой должности, оставили глубокіе слѣды признательности въ преданіяхъ старожиловъ и крупныя доказательства его знаній и службы странѣ. Въ Миллеровомъ журналѣ „Ежемѣсячныя сочиненія“ сохранились замѣчательные ученые труды бывшаго изгнанника („Сибирь—золотое дно. Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ и письмо російскаго навигатора къ молодому Зейману“). Въ Охотскѣ устроена была имъ морская школа, при Посольскомъ монастырѣ на Байкалѣ—маякъ и гавань; имъ же уничтоженъ Анадырскій острогъ для облегченія несчастныхъ коряковъ и камчадаловъ, обязанныхъ непосильною перевозкою туда провіанта и разныхъ припасовъ. Имъ положено начало устройству главнаго сибирскаго тракта черезъ Варабу, раздѣлявшую обѣ Сибирь и Соймоновымъ оживленную населеніемъ ямщиковъ. Въ 1759 г. при немъ Омская линія была устроена такъ, что съ этого времени набѣги киргизовъ сдѣлались рѣже и южные округа края могли идти впередъ по пути развитія. Въ 1763 г. Соймоновъ, сдѣланный сенаторомъ, уступилъ свое мѣсто знаменитому и памявному сибирскому народу „батьшкѣ Денису“ (Д. Ив. Чичерину). Послѣ безполезнаго для края Салтыкова, сосланнаго въ Сибирь воеводою вмѣстѣ съ племянницею (внучатой женою царя Ивана Алексѣевича **), ссыльный Соймоновъ былъ

*) Анна вышла замужъ за Нарышкина, Марія осталась монахиней въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей.

**) Салтыковой изъ всѣхъ ссыльных женщинъ жалось лучше и свободнѣе: она пріѣхала съ

единственнымъ административнымъ лицомъ въ мѣстѣ изгнанія и послѣ Многогрѣшнаго—вторымъ по времени, оказавшимъ несомнѣнный услуги ссыльному краю.

Для всѣхъ другихъ ссыльныхъ государственныхъ преступниковъ, намъ извѣстныхъ, тяжесть неволи, помимо строгости надзора, облегчалась участіемъ и помощью простыхъ сердецъ, видѣвшихъ мученія жертвъ и спѣшившихъ на помощь, насколько это было возможно. Многихъ изъ далекихъ зимовьевъ губернаторы брали на себя смѣлость переводить на житье въ губерскіе города. Камчатскій губернаторъ Козловъ уважалъ Ивашкина за отца и обязанъ былъ ему многими полезными совѣтами по дѣламъ управленія, въ чемъ лично убѣдился и о чемъ свидѣтельствуетъ знаменитый Лаперузъ. Впрочемъ, и здѣсь мщеніе издалека не медлило налагать свою тяжелую руку: одинъ изъ провожатыхъ казаковъ, доставившій письмо отъ Гурчанинова кому-то въ Якутскѣ, высѣченъ нещадно кнутомъ, „дабы для другихъ было поводомъ“. Одинъ изъ жиганскихъ жителей, передавшій князю Черкасскому (сосланному въ 1734 г.) псалтырь, также наказанъ былъ кнутомъ и переселенъ въ дальнее зимовье. 31 человекъ изъ жителей Березова и Обдорска, призерженныхъ къ Долгорукимъ, темною и дождливою ночью были схвачены, посажены на судно и сплавлены въ Тобольскъ. Не смотря на личное ходатайство сибирскаго митрополита Антонія Стаховскаго, священнику Кузнецову вырвали ноздри, лишили сана и наказали кнутомъ; священниковъ Прохорова и двухъ Васильевыхъ и дьякона Кокоулина выбили плетми и, безъ лишняго сана, сослали на каторгу въ Охотскій портъ. Елизавета ихъ возвратила; Долгорукіе пригласили ихъ съ собою, только березовскіе священники не согласились, рѣшившись дожить вѣкъ

штатомъ дѣвицъ, уѣхала съ великою честью. Могла держать себя гордо: не допускала къ себѣ никого, удостоивала честью посѣщенія только игуменью и не позволяла передъ собою садиться даже дядѣ воеводѣ. Содержалась она въ Енисейскомъ монастырѣ.

въ Березовѣ, но обдорскій священникъ и дьяконъ выѣхали въ Москву, въ домовую церковь Долгорукихъ..

Во всякомъ случаѣ, молва о страданіяхъ, о набожности, о смиренной покорности службѣ ссыльныхъ ушла въ преданіе. Разрыхлилась почва, предназначенная для будущихъ несчастныхъ этого рода въ такой мѣрѣ, что въ туземномъ населеніи приготовились инныя взгляды на этихъ людей, извѣстныхъ въ Сибири подъ именемъ „секретныхъ“. При неуспѣшномъ надзорѣ они исторгли уваженіе даже среди униженій и страданій. Туземное населеніе, вопреки увѣреніямъ противной стороны и при видѣ частыхъ перемѣнъ судьбы этихъ ссыльныхъ къ лучшему и къ полному прощенію, воспиталось въ наибольшей готовности содѣйствія и помощи и укрѣпилось въ этомъ обязательствѣ въ виду несомнѣнныхъ достоинствъ и крупныхъ добродѣтелей многихъ изъ ссыльныхъ. Настоящій вѣкъ, хвастливый своими гуманными доблестями, увидѣлъ это явленіе въ характерѣ сибиряковъ въ самыхъ яркихъ чертахъ и убѣдился въ его существованіи многочисленными ясными и безспорными доказательствами. „Мы видѣли,—говоритъ одинъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года:—сибирскихъ мужиковъ, стоявшихъ на дорогѣ на холодѣ (въ зиму 1826 г.), подъ открытымъ небомъ. Это былъ обычай жителей собираться изъ окрестныхъ деревень на большую дорогу и дожидаться „несчастныхъ“, чтобы продать имъ съѣстные припасы, теплые чулки и т. п. Бѣднягишіе получали эти предметы даромъ. Это бываетъ по два раза въ недѣлю. Я узналъ послѣ, что это христіанское обыкновеніе существуетъ съ древнѣйшихъ временъ“. Между петровскимъ временемъ, когда за плѣнныхъ шведовъ сибиряки гнушались выдавать своихъ дочерей и вызвали насильственные мѣры, и настоящимъ вѣкомъ, обильнымъ ссылкою поляковъ, лежитъ уже цѣлая бездна. Томскіе жители, не принимавшіе къ себѣ на квартиру декабриста Ватенкова, представляютъ единственный примѣръ, обладающій всѣми свойствами исключительнаго и страннаго явленія

ГЛАВА VI. ДЕКАБРИСТЫ.

Ссылка декабристовъ.—Путь ихъ по Россіи и Сибири.—Фельдъегери.—Встрѣчные.—Губернаторы.—Казанскій горюничій.—Судьба первыхъ носыми.—Жизнь до Читы.—Волконскій.—Трубецкой.—Оболенскій.—Братья Борисовы.—Якубовичъ.—Волконская.—Трубецкая.—Ген.-губ. Броневскій.—Благодатскій рудникъ.—Свиданія.—Столкновенія.—Прапорщикъ Рикъ.—Приставъ Лепарскій.—Прибытіе остальныхъ декабристовъ.—Встрѣча.—Пребываніе въ Читѣ.—Помѣщеніе.—Базматы.—Поэтъ Одоевскій.—Новая тюрьма.—Работы.—Чита.—Болезнь неволи.—Исторія Сухинова.—Бунтъ въ Кличкинскомъ рудникѣ.—Судъ и казни.—Новыя правила.—Строгости.—Дубининская исторія.—Инструкція караульнымъ.—Смоляниновъ и его жена.—Штабъ Лепарскаго.—Клубъ.—Переписка съ родными.—Ослабленіе строгостей.—Общій столъ.—Домашнія занятія и самовоспитаніе.—Корниловъ.—Мухановъ.—Никита Муравьевъ.—Пушкинъ.—Д. И. Завалишинъ.—Докторъ Вольфъ.—Арт. Зах. Муравьевъ.—Кюхельбекеръ.—Дунинъ.—Юшневскій.—Музыка.—Воробы.—Не-декабристы.—Религіозность.—Женщины героини.—Трубецкая.—Губернаторъ Цейдлеръ.—Волконская.—Правила для женъ.—Муравьева-Апостолова.—Нарышкина.—Фонвизина.—Давыдова.—Анненкова.—Янтальцова.—Розень.—Дѣти.

Представляемые здѣсь свѣденія собраны на мѣстахъ, въ самомъ источникѣ, какъ и всѣ тѣ, которыя вошли въ составъ этого сочиненія и которыя проверены подлинными документами, какъ это очевидно для внимательнаго читателя. На этотъ разъ возможность повѣрки матеріаловъ, по счастливому стеченію обстоятельствъ, обезпечивалась наибольшимъ успѣхомъ. Автору этой статьи привелось ознакомиться съ записками и сказаніями десяти узниковъ, по большей части говорящихъ въ одно и то же время объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; стало быть, при столь частыхъ противорѣчіяхъ, когда многимъ измѣняла память или индивидуальныя воззрѣнія, можно было доискиваться истины въ сопоставленіи различныхъ мнѣній и придерживаясь мнѣнія большинства. Сверхъ лично добытыхъ свѣденій, черезъ разспросы и справки въ архивахъ, авторъ дополнилъ и проверилъ свѣденія по запискамъ слѣдующихъ декабристовъ: по печатнымъ—А. П. Оболенскаго, М. А. Бестужева, И. Д. Якушкина, автора книги „Межуары декабриста“; по рукописнымъ запискамъ: Н. В. Васаргина, барона Соловьева, Д. И. Завалишина, барона Штейнгеля; по рассказамъ И. И. Горбачевского и по собственноручнымъ письмамъ Н. А. Бестужева. Сверхъ того, въ рукахъ автора этой статьи были рукописныя записки ген.-губ. Восточной Сибири С. Б. Броневского, многія печатныя свѣденія (напр., Е. П. Ковалевскаго „Графъ Блудовъ и его время“, мелкія замѣтки, разбросанныя по журналамъ) и, сверхъ того, многочисленные рассказы туземцевъ-современниковъ, собранные во время двухгодичной поѣздки автора по Сибири въ 1859—1861 гг. Наиболѣе другихъ въ этомъ изслѣдованіи авторъ пользовался матеріалами и данными, готовно и радушно переданными Дм. Ирин. Завалишинымъ.

ссылку, исходящее изъ непосредственныхъ чувствъ богатаго русскаго сердца, то же беззащитное участіе всѣхъ случайныхъ свидѣтелей встрѣтило и провожало до крайнихъ предѣловъ изгнанія и этихъ новыхъ ссылныхъ 1826 года, получившихъ по дорогѣ въ Сибирь и въ самой странѣ изгнанія прозваніе „князей“. На этотъ разъ это состраданіе и участіе, составляющія привиллегію русскаго народа, выразились съ большею полнотою и въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Если обыкновеннымъ „несчастнымъ“ успѣваютъ посягать только встрѣчные и „милютивцы“ являются въ видѣ крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, то на этотъ исключительный разъ тѣ же чувства готовно высказывались и со стороны высшихъ сословій, людей большаго образованія, способныхъ сознать и давать отчетъ въ собственныхъ поступкахъ. На этотъ разъ христіанскія чувства успѣли обнаружиться даже на самыхъ первыхъ шагахъ въ неволѣ. Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора, избранный въ духовные отцы заключеннымъ и въ видахъ содѣйствія слѣдственной комиссіи, сталъ единственнымъ и беззащитнымъ ихъ другомъ. Изъ постоянного собесѣдника и утѣшителя онъ превратился для нихъ въ комиссіонера, умѣвшаго среди опасностей риска, съ осторожностью, находившею силы въ искренности чувствъ христіанской любви, быть посредникомъ между заключенными и ихъ родными. Его содѣйствію, между прочимъ, обязаны были жены ссылныхъ тѣмъ, что за день узнавали о тщательно скрываемыхъ срокахъ отправленія своихъ мужей и имѣли возможность видѣться съ ними на дорогѣ. Ему, въ благодарность за благодѣянія, завѣщала Рыльевъ одну изъ своихъ золотыхъ табакерокъ.

Коменданты объявляли приговоръ о ссылкѣ со слезами на глазахъ, обращались учтиво, такъ что нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось выслушивать самую искреннюю и сердечную благодарность. Плачь—адъютантъ крѣпости,

То же состраданіе къ участи обреченныхъ въ

адъютанты военного министра (Татищева), посланные быть свидѣтелями отправленія приговоренныхъ въ Сибирь и обязанные слѣдить, чтобы ссыльные не имѣли при себѣ денегъ, передаютъ въ руки деньги свои собственные и довѣренныя имъ родными приговоренныхъ и отобранныя при арестѣ. Передавая деньги, эти люди усердно просили дать имъ новую комиссію, предлагали услуги передать какое либо порученіе роднымъ. Прощаясь, они обнимались и плакали. Солдаты и всѣ приставники сильно мирволили; одинъ офицеръ, водившій арестованныхъ гулять на берегъ Невы у крѣпости, рекомендовалъ даже иностранное судно для побѣга за границу и обязывался устроить побѣгъ за 2 тысячи рублей для всѣхъ заключенныхъ.

Фельдъегери, садясь на переднюю тройку для открытія поѣзда (съ четырьмя тройками назади, на которыхъ сидѣли ссыльные по одному въ экипажѣ, съ однимъ жандармомъ на каждомъ), гнали во всю прыть только по Петербургу, за заставою же ѣхали обычною рысью; на станціяхъ намѣренно медлили во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для свиданія встрѣчались съ путешественниками ихъ жены и родные. Иногда останавливались ночевать; цѣпи на ночь позволяли снимать съ ногъ; служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости, когда заѣхали въ глушь Вятской и Пермской губерніи; были покорными слугами. Жандармы также прислуживали съ готовностью и радніемъ, оправдываясь тѣмъ, что приказано-де обходиться вѣжливѣе и беречь здоровье. Смотрители на станціяхъ старались угодить, чѣмъ могли, накормить и напоить всѣмъ, что имѣли.

Одну партію (4-хъ человекъ) на станціи за Шлиссельбургомъ встрѣтила со слезами кучка женщинъ, предлагавшихъ деньги, бѣлье, платье; это была случайно проѣзжавшая помѣщица, ѣхавшая изъ имѣнія съ дочерью въ Петербургъ. Другая партія (также изъ 4 человекъ) на почтовой станціи въ Рыбинскѣ, получившая позволеніе отдохнуть, нашла одну изъ двухъ комнатъ, съ диваномъ и кроватью, занятою проѣзжими и потому разлѣстились на полу первой. Но лишь только они успѣли лечь, отворилась дверь сосѣдней комнаты и проѣзжіи вышли оттуда съ двумя мальчиками, изъ которыхъ одинъ несъ подушку, другой—узелъ. На извиненіе о безпокойствѣ, причиненномъ бряцаніемъ кандаловъ, проѣзжіи учтиво отвѣчали: „Прощу васъ, господа, въ мое помѣщеніе, оно теплѣе и вы тамъ лучше отдохнете. Вашъ путь великъ, а мой только до Петербурга“. Незнакомецъ этотъ былъ адмиралъ съ георгіевскимъ крестомъ, ѣхавшій отдавать своихъ сыновей въ Петербургъ въ кадетскій корпусъ. Пока эта партія собиралась обѣдать въ гостиницѣ, въ городѣ Ярославлѣ, на площади собрался народъ. Въ $\frac{1}{4}$ часа площадь пере-

полнилась народомъ такъ, что яблоку упасть было некуда. Начальство приняло мѣры предосторожности: у воротъ извѣя поставлены были съ обнаженными саблями жандармы; на тройки въ сани усаживались при запертыхъ воротахъ и, едва лишь послѣднія были отперты, съ быстротою птицы тройки полетѣли черезъ площадь. Одинъ изъ ѣхавшихъ едва успѣлъ поднять руку, чтобы снять шапку, какъ уже вся толпа обнажила головы и всѣ кланялись съ чувствомъ самаго искренняго участія. „О народной мести,—замѣчаетъ одинъ изъ свидѣтелей этой сцены:—и рѣчи быть не могло“. Слѣдовавшую за этою партію народъ продолжалъ убѣждать въ противномъ; толпясь около телегъ и повозокъ, онъ бросалъ свои мѣдные гроши. Одну копеечку, полученную отъ нищей старухи, Николай Васильевичъ Васаргинъ хранилъ, какъ драгоценность. Въ Ярославлѣ одной партіи разрѣшено было губернаторомъ пробывать 6 часовъ и все время провести въ свиданіи съ родными; фельдъегерь не противился проводамъ родныхъ этихъ до слѣдующей станціи и не мѣшалъ сдѣлать книжные запасы. Когда случайно съѣзжались двѣ партіи, нѣкоторые фельдъегери не задумывались согласиться ѣхать вмѣстѣ и не мѣшали обмѣну мыслей долго не выдавшихся другъ съ другомъ товарищей въ теченіи не одного дня (въ Иркутскѣ давалось прожить въ тѣсномъ кружкѣ товарищей болѣе недѣли). Въ городахъ чиновники, на станціяхъ этаные офицеры—всѣ относились съ участіемъ; во всѣхъ это участіе было неподдѣльно. Ямщики привязывали къ санямъ кибитки, бережно обкладывали ноги сѣномъ. Въ одномъ городѣ Вятской губерніи одной партіи проѣзжихъ сдѣлали обѣдъ и баню; другая партія сама воспользовалась послѣднимъ уже въ Сибири. Видя освѣщенные окна и соблазнившись до слуха музыкальными звуками, четверо товарищей подговорили фельдъегеря нарядиться „рижеными“, въ видѣ медвѣдя съ козю и проводниками, пришли на вечеринку, потанцовали, поужинали и, оставивъ хозяевъ въ недоумѣніи объ отличныхъ приплаткахъ танцорахъ, опять надѣли кандалы и поѣхали дальше на каторгу.

Дорогою путешественники избѣгали говорить по французски, зная, что фельдъегерямъ дано право, въ случаѣ нарушенія этого приказанія, оставить безъ обѣда. Тобольскій гражданскій губернаторъ, Вантышъ-Каменскій (издатель извѣстнаго въ литературѣ „Словаря“), дарилъ двухдневнымъ отдыхомъ, заботливо разспрашивалъ о нуждахъ, о здоровьи; полиціи-мейстеръ отлично угощалъ, предлагая до 12 сортовъ всякихъ рыбъ, живущихъ въ сибирскихъ рѣкахъ. Отъ Тобольска въ проводники выдавались уже чиновники, и Вантышъ, прощаясь съ проводниками, говорилъ послѣднимъ: „Примите арестантовъ, но помните, что вы имѣете дѣло

съ благовоспитанными людьми“. Въ Тартѣ тѣмъ же гостепрѣимствомъ встрѣчалъ полиціймейстеръ Степановъ, кавказскій воинъ времени Ермолова, который, будучи привлеченъ къ отвѣту, умѣлъ отвѣчать коротко, что руководился заповѣдью христіанской любви. Въ Красноярскѣ жители спорили за право чести принять у себя проѣзжихъ и угостить ихъ; угощали самъ губернаторъ, Алек. Петров. Степановъ (авторъ „Постоялаго двора“ и „Описанія Енисейской губерніи“). Купцы, добившіеся чести накормить „несчастливыхъ“, принимали въ лучшихъ комнатахъ, угощали по русски всѣмъ, что было въ печи, топили бани, снабжали на дорогу винами и закусками. Въ Иркутскѣ самую первую партію приняли съ тою же ласкою, какою пользовались остальные. Исправляющій должность губернатора поговорилъ съ каждымъ съ участіемъ, но особенное вниманіе оказалъ чиновникъ, бывшій свидѣтелемъ разговора. Когда старшіе удалились, онъ остался: со слезами на глазахъ, едва слышимымъ голосомъ отъ душевнаго волненія, молилъ каждого изъ четырехъ не отказаться принять отъ него по 25 руб., не сдаваясь на убѣжденія, что въ деньгахъ путники не нуждаются. Одну изъ позднѣйшихъ партій въ Канискѣ городничій, бывшій фельдъегерь, встрѣтилъ въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, несшихъ огромную корзину съ винами и съѣстными припасами всякаго рода, и также убѣдительно приглашалъ принять деньги, говоря: „Ради Бога, примите! Нажилъ не совсѣмъ чисто—взятками. Возьмите, на совѣсти легче станетъ... Семейства у меня нѣтъ, беречь никому; избавите меня, сдѣлаете доброе дѣло“. Прочіе чиновники и купчество, по возможности, старались успокоить и доставить развлечения во время короткаго пребыванія въ городахъ и „никакимъ словомъ, никакимъ поступкомъ не оскорбили въ насъ того чувства собственного достоинства, которое неизмѣнно нами сохранилось“.

Первую партію обвиненныхъ изъ государственныхъ преступниковъ 1825 года, первыхъ восемь отправили въ Сибирь черезъ 11 дней послѣ исполненія приговора верховнаго суда надъ пятью приговоренными къ лишенію жизни. Сначала повезли четырехъ: Евгенія Петровича Оболенскаго, Александра Ивановича Якубовича, Артамова Захаровича Муравьева, Василия Львовича Давыдова; потомъ остальныхъ четырехъ: Сергія Петровича Трубецкаго, Сергія Григорьевича Волконскаго и двухъ братьевъ Борисовыхъ (Петра Ивановича и Андрея Ивановича). По приѣздѣ двухъ первыхъ (Оболенскаго и Якубовича) отправили въ Иркутское-Усолъе, на солеваренный казенный заводъ (за 68 верстъ отъ города), двухъ вторыхъ (Муравьева и Давыдова) въ Александровскій винокуренный (также вблизи Иркутска). Къ этимъ присоеди-

нили потомъ братьевъ Борисовыхъ, а Трубецкого и Волконскаго отправили въ Николаевскій винокуренный заводъ. Поселили на заводахъ Иркутскаго округа потому, что не было предписанія отправить непременно въ нерчинскіе рудники. Тюремщики, на сколько возможно было, старались облегчать ихъ участь: не запирая въ тюрьму и не смѣшивая съ преступниками, они позволяли имъ жить на вольныхъ квартирахъ, но невидимый полній надзѣлскоръ наблюдалъ за ними. Надзоръ этотъ давалъ себя чувствовать въ видимыхъ знакахъ осторожныхъ шаговъ, приближавшихся къ дому, и двухъ глазъ, которые можно было замѣчать сквозь щели въ ставняхъ. Глаза эти видѣли немногое: либо обѣдъ и ужинъ, довольно, впрочемъ, сытные, хотя и не роскошные, иногда видѣли ишаечную доску и шахматы; уши слышали: либо рассказы о прежней жизни, либо горячіе споры по поводу послѣднихъ событій, послужившихъ причиною несчастій.

Начальники старались быть не только ласковыми, но и внимательными, уступчивыми, снисходительными. Обязанные употреблять ссыльных въ работу, старались заказывать ее только для формы; никакихъ притѣсненій не дѣлали. Съ казенными топорами ссыльные обыкновенно отправлялись на дровосѣки. Вслухъ приказывалось нарубить дровъ по заводскому положенію, а вслѣдъ за тѣмъ на ухо и шопотомъ объявлялось, что должны ходить туда для прогулки и что урокъ, вмѣсто нихъ, исполненъ будетъ другими. Особенно отрадны были эти утѣшенія для тѣхъ, которые попались на солеваренный заводъ и передъ ихъ глазами проходили настоящіе рабочіе, съ ногъ до головы покрытые солеными кристаллами, засохшими на бородѣ, на вискахъ и на платѣ. Солеварщики работали безъ рубашекъ, по причинѣ необычайной жары, наполнявшей варницу съ накаленнымъ до красна чреномъ (сковородою) и подвергались всѣмъ опасностямъ ревматизмовъ, отсутствія аппетита и проч. и всѣмъ тягестямъ труда, требовавшимъ выливать изъ соленого источника большое число ушатовъ разсола въ варницу ежедневно, безъ праздничныхъ дней. Передъ поселенными на винокуренныхъ заводахъ стараго допотопнаго дѣла такіе же живые люди цѣлые дни стояли въ душливомъ жару въ жиганахъ около печей или въ заторщикахъ у квашни, когда намоченныя руки забрызгивались бѣлыми, невыносимымъ ознобомъ, а вся одежда покрывается инеемъ, куржавѣетъ, показывая въ перспективѣ лихорадки, постоянную дрожь во всемъ тѣлѣ и то же отсутствіе аппетита. Эта чаша прошла мимо. Особенно искусно отстранять ее Крюковъ—начальникъ Усоля, сумѣвшій вызвать благодарность слова на память потомству отъ обоихъ лицъ, довѣренныхъ его довору и воспользовавшихся его вполне гуман-

нымъ обращеніемъ. Такимъ льготамъ суждено было продолжаться не долго; срокъ перваго назначенія тянулся лишь одинъ мѣсяцъ съ нѣсколькими днями, вскорѣ всѣхъ восьмерыхъ свезли снова въ Иркутскъ и порадовали только взаимнымъ свиданіемъ. Успѣли ихъ угостить чаемъ, завтракомъ—и на свѣжихъ тройкахъ немедленно отправили въ нерчинскіе рудники, черезъ Байкаль. Однихъ успѣли перевести на двухмачтовомъ низенькомъ суднѣ, другихъ—по такъ называемой „кругоморской дорогѣ“ сухопутнымъ и подъ дозоромъ тѣхъ же добрыхъ людей казаковъ, „готовыхъ оказать всякую помощь и всякую услугу“, привезли всѣхъ въ Благодатскій рудникъ. На дорогѣ смышленые успѣли воспользоваться еще кое-какими знаками участія: въ одномъ мѣстѣ, за Верхнеудинскомъ, на перевозѣ и на ночлегѣ получали хлѣбъ-соль отъ одного старика-старожилы; въ другомъ мѣстѣ (въ селѣ Баякинѣ) тамошній богатъ (знаменитый въ Сибири Кандинскій) угостилъ роскошно съ полнымъ радушіемъ, и только опасеніе не ввести проводниковъ (казачьихъ офицеровъ) въ отвѣтственность помѣшала проѣзжимъ воспользоваться радушіемъ богатыхъ хозяевъ вполне.

Въ Благодатскомъ рудникѣ оказалась для проѣзжихъ новая казарма, нарочно для нихъ приготовленная. Здѣсь ожидало ихъ грубое обращеніе начальника нерчинскихъ заводовъ, сожалѣвшаго о томъ, что ему приказано было заботиться о здоровьѣ государственныхъ преступниковъ; однако, три дня дали отдохнуть и оглядѣться. Казарма оказалась строеніемъ состоящимъ изъ двухъ избъ: передняя—для караульныхъ, задняя—тюрьма съ огромною русскою печью на лѣво и съ тремя чуланами на право, отдѣленными другъ отъ друга досчатыми перегородками. Въ чуланы вели двѣ ступеньки, каждый былъ снабженъ дверью. Двери не запирались; обѣдали, пили чай и ужинали всѣ 8 вмѣстѣ; въ чуланахъ размѣстились такъ, какъ позволяла тѣснота и неудобства. Въ этихъ своихъ конурахъ они съ трудомъ могли двигаться и испытывали тѣ муки, какія доставляютъ тюремныя наѣвомя, буквально покрывавшія ихъ въ новомъ зданіи съ ногъ до головы. По рассказамъ этихъ страдальцевъ, они доставали скипидару, натирали имъ все тѣло и лишь добивались новыхъ мукъ, когда все тѣло горѣло и кожа лоскутками сходила прочь. Внутренній караулъ изъ горнаго унтеръ-офицера съ тремя рядовыми назначенъ былъ для безсмысленнаго наблюденія. На работахъ были раздѣлены: всѣхъ распредѣлили по разнымъ шахтамъ тотчасъ, какъ кончился срокъ трехдневнаго отдыха. Дали каждому по каторжному въ товарищи и руководители, на каждую такую пару по сальной свѣчкѣ въ фонарь, одному—кирку, другому товарищу—молотъ. „Ра-

бота предлагалась не хитрая и была не тягостна,—увѣряетъ одинъ изъ 8-ми:—подъ землею вообще довольно тепло, но когда нужно было согрѣться, я бралъ молотъ и скоро согрѣвался“. Руководители и наставники превратились въ помощниковъ и за глазами дозорщиковъ не разѣ, въ порывѣ усердія, исполняли за нихъ урочную работу; и все это дѣлали безъ надежды возмездія. Знаменитый разбойникъ, красивый богатый Орловъ, всякій разъ при приближеніи „князей“, загибалъ съ товарищами звучнымъ и серебристымъ голосомъ заунывную пѣсню, предугадывая мысли и перенося слушателей въ далекую покинутую родину *). „Въ одиннадцать часовъ звонокъ возвѣщаетъ окончаніе работы и мы возвращались въ казарму (выходя изъ нее въ 5 часовъ утра). Начинались приготовленія къ обѣду, артельщикомъ былъ нами выбранъ Якубовичъ, какъ самый опытный по военно-кухонной части“. Изъ отобранныхъ денегъ выдавали часть на нужды и требовали отчетъ. „Денегъ осталось весьма мало, всякій отдавалъ изъ своихъ, что хотѣлъ, и никто не требовалъ большаго противъ того, что было нами показано“. „Большое утѣшеніе для насъ было то, что мы были вмѣстѣ; тотъ же кругъ, въ которомъ мы привыкли, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, мѣнялся мыслями и чувствами, перенесенъ былъ изъ петербургскихъ палатъ въ нашу убогую казарму. Все болѣе и болѣе мы сближались и общее горе скрѣпило еще болѣе узы дружбы, насъ соединявшей“. Весь вечеръ для заключенныхъ былъ свободенъ.

Сюда же, вслѣдъ за мужьями, прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благодѣтельно подѣйствовало на всѣхъ, съ ними образовалась семья. При ихъ участіи началась и укрѣпилась связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ извѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шили все, что находили необходимымъ для каждого изъ 6-ти чужихъ; онѣ же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизированныя блюда (когда и „недопеченный хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника“); онѣ же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищамъ. „Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіи столькихъ лѣтъ, которые ими посвящены были попеченіямъ о своихъ мужьяхъ, а вмѣстѣ съ ними и объ насъ; словомъ, здѣсь, въ Благодатскомъ рудникѣ, эти первыя („высокія по сердцу и по характеру“) русскія женщины начали первые шаги къ той великой миссіи служенія, которая, въ лицѣ ихъ, обнаружила неисчерпаемое богатство русской женской природы,

*) Князьями называли по тому, что во многихъ партіяхъ были князья: Оболенскій, Барятинскій, Шенинъ-Ростовскій, Трубецкой, Волконскій, Шаховской, Одоевскій, еще Оболенскій.

способной на человеколюбие и помощь до жертвы, на любовь до самоотвержения. Въ лицѣ ихъ русскія женщины имѣютъ наилучшихъ представительницъ, душевныя качества достигли въ нихъ до апогея. Въ дни и часы, дозволенные для свиданій, онѣ своимъ присутствіемъ оживляли тѣсныя и душныя кѣткы; въ другіе свободные часы имъ выносили два стула на улицу: онѣ сажались противъ единственнаго окна и проводили часть и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями. Однажды одна изъ нихъ (Екат. Иван. Трубецкая) пришла на свиданіе съ мужемъ въ изношенныхъ, истертыхъ ботинкахъ и, въ трескучій морозъ, зазнобила ноги; все это оттого, что изъ новыхъ и теплыхъ ботинокъ она сбила одному изъ товарищей мужа шапочку для головы, снабдивъ уже такового мужа, чтобы уберечь волосы отъ руды, которая сыпалась при каждомъ сотрясеніи горы ударами молотомъ.

Оба эти явленія поучительны въ жизни нашихъ сыльных; и высокая миссія женщинъ, подымающая нравственныя силы изгнанниковъ, и организація внутренней общины съ артельнымъ началомъ, вполнѣ обезпечившая матеріальный бытъ,—съ наибольшимъ полнотою и въ совершенной законченности обнаружилась позднѣе на все то время, когда всѣ товарищи соединены были вмѣстѣ, сначала въ Читѣ, потомъ въ Петровскомъ заводѣ. До этого соединенія участь первыхъ восьми, до извѣстной степени облегченная въ началѣ, къ концу времени пребыванія въ Благодатскомъ рудникѣ, вопреки законамъ укрѣпленія и возростанія гарантій, сдѣлалась болѣе тягостною; произволъ одного изъ горныхъ офицеровъ, Рика, назначеннаго для ближайшаго надзора, прекратилъ сношенія товарищей тѣмъ, что заперъ чуланы и запретилъ общій столъ и ужинъ. Отчаяніе одиночества въ душныхъ кѣткахъ (по 3 аршина длины и по 2 ширины) вынудило рѣшительную мѣру: заключенники рѣшились не принимать пищи. Это рѣшеніе принято было за бунтъ; горячій приставникъ велѣлъ уже солдатамъ пустить въ дѣло штыки и приклады. Въ глазахъ горнаго начальника (Бурнашева) представлялась цѣлая опасная бездна отвѣтственности, но находчивость и благоразуміе взяли верхъ. Горный начальникъ поспѣшилъ показаться грознымъ въ виду свидѣтелей, но чуланы отперъ, а вскорѣ поспѣшилъ удалитъ и виновника несприятности, давъ ему другую командировку. Мужьямъ облегчено свиданіе съ женами въ ихъ собственной квартирѣ, весною дано позволеніе всѣмъ на прогулки въ окрестностяхъ завода, даже на 9 верстъ до береговъ Аргуни, но работа измѣнена и сдѣлалась болѣе тягостною и трудною. На мѣсто подземной назначена новая на поверхности горы въ рудораздѣльной свѣтлицѣ; вечеръ пересталъ быть свободнымъ. Сыльные обязаны были носить въ уродливыхъ и тяже-

лыхъ носилкахъ руду съ мѣста раздѣла на складочное. Надо было проходить шаговъ 200, перетаскать до 30 носилокъ и, считая по пяти пудовъ въ каждой, полтораста пудовъ могли казаться возможными только для привычныхъ и сильныхъ. Не всѣ были въ состояніи исполнить урокъ: въ 11 часовъ работа кончалась, но въ часть звонокъ призывалъ на новую до 5 или 6 часовъ вечера. Прогулки на Аргунь прекратились, на ихъ мѣсто сталъ обязательный необходимый отдыхъ. Когда назначенъ былъ для всѣхъ государственныхъ преступниковъ новый комендантъ Лепарскій, ихъ свели въ кузницу и заковали въ ножныя кандалы. Военный караулъ былъ усиленъ: изъ 3 казаковъ стало 12; горный начальникъ и чиновники стали бояться оказывать снисхожденіе; казаки почувствовали ту же самую необходимость. Между военными и горными властями установился, такимъ образомъ, взаимный контроль, отразившійся на узникахъ наибольшими стѣсненіями, хотя Лепарскій, посѣтившій Благодатской рудникъ, былъ учтивъ и ласковъ и далъ надежду на улучшеніе участи. Такъ текли дни за днями, пока строился новый острогъ въ Читѣ и наполнялся товарищами, свозимыми туда изъ разныхъ крѣпостей Россіи. Въ то время, когда этихъ 8 препроводили въ Сибирь, нѣкоторыхъ другихъ изъ переполненной Петропавловской крѣпости перевезли въ крѣпостныя тюрьмы въ Шлиссельбургъ, въ Роченсальмъ, Свеаборгъ, Нейшлотъ, Сварттольмъ, Выборгъ и на Аландскіе острова *). Оставлены были въ крѣпости въ видѣ милости, пиятеры: Батенковъ, Вилгельмъ Кюхельбекеръ — поэтъ, Іосифъ Поджіо, В. Норовъ и Дивовъ (послѣдній въ крѣпости и умеръ); первый пробылъ въ одиночномъ заточеніи 20 лѣтъ, трое другихъ около 10-ти **). Они свидѣлись съ товарищами уже

*) Такъ, между прочими: Ив. Дмит. Якушкина, Матв. Ив. Муравьева - Апостола, Алек. Алек. Бестужева (Марлинскаго), Антона Петр. Арбузова и Тютчева перевезли въ Роченсальмъ. Здѣсь ихъ содержали въ фортѣ «Слава» весьма дурно, въ сырыхъ, темныхъ казематахъ; кормили гнилою ветчиною, хлѣбъ давали не всегда выпеченный, вѣтеръ съ моря солонилъ воду единственнаго колодца. У Бестужева и Муравьева оттого появились солитеры. Когда Бестужевъ угорѣлъ до обморока, рѣшились не запереть казематы. Въ Выборгѣ Мих. Сер. Лунинъ отъ скорбута потерялъ всѣ свои зубы, кромѣ одного. Вмѣстѣ съ Лунинымъ содержались въ Выборгѣ Митьковъ и Мухановъ; въ Кехегольмѣ: Поджіо, Вадковскій, Барятинскій, Горбачевскій, Вил. Кюхельбекеръ; въ Шлиссельбургѣ: Юнневскій, Н. и М. Бестужевы, Дивовъ, Пестовъ и Пушинъ. Изъ форта «Слава», по случаю рожденія великаго князя Константина Николаевича, освободили А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Муравьева и увезли сначала Бестужева (въ Якутскъ на поселеніе вмѣсто каторги), потомъ Матвея Иван. Муравьева - Апостола.

**) Г. С. Батенковъ не отправленъ въ Сибирь, потому что имѣлъ тамъ связи, какъ сибирякъ и какъ служившій тамъ.

въ Сибирѣ. Въ Читѣ имъ жить не привелось.

Послѣ коронаціи учрежденъ былъ особенный комитетъ (Чернышевъ, Дибичъ, Бенкендорфъ и др.) для составленія устава относительно заключенія и содержанія государственныхъ преступниковъ. Мѣстомъ для заключенія былъ избранъ Акатуйскій серебряный рудникъ, въ немъ былъ уже заложенъ фундаментъ острога, но такъ какъ постройка тюрьмы должна была продолжаться года два или три, то поэтому и назначили на время Читы. Мыслью помѣститься всѣмъ вѣстѣмъ обязаны были товарищи, какъ думаютъ они, генераль-губернатору Лавинскому, случайно бывшему въ Петербургѣ. Лавинскій умѣлъ объяснить необходимость сосредоточенія всѣхъ въ одномъ казематѣ для лучшаго надзора. Разъединенные по заводамъ, какъ первые 8, при недостаткѣ и трудности наблюденія, они, по мнѣнію Лавинскаго, могли быть не безопасными для всего края. Та же коммиссія выработала правила для содержанія государственныхъ преступниковъ, каковыя и переданы были вызванному въ Москву Лепарскому, только что произведенному въ генераль-майоры.

Станиславъ Романовичъ Лепарскій былъ назначенъ комендантомъ съ большими уполномочіями. До того времени онъ былъ командиромъ конно-егерскаго Сѣверскаго полка, котораго шефомъ былъ императоръ Николай Павловичъ, будучи великимъ княземъ. Онъ лично зналъ Лепарскаго за человѣка, отличавшагося образованностью и теплымъ сердцемъ; если въ какомъ либо полку случались неприятели, вынуждавшія переводъ офицеровъ, то всегда такъ называемыхъ безпокойныхъ головъ переводили къ нему въ полкъ, онъ со всѣми умѣлъ ладить, никого не оскорбляя, и не имѣлъ враговъ. Лепарскій былъ уже очень старъ: при Кагулѣ онъ былъ въ ординарцахъ у Румянцева, въ конфедератскую войну былъ уже майоромъ. Полякъ по происхожденію, человѣкъ знатной фамиліи по рожденію, онъ воспитывался въ полоцкой іезуитской школѣ и былъ человѣкомъ ловкимъ и образованнымъ: зналъ латынь, свободно выражался по французски и по нѣмцки. Еще въ молодости ему поручено было вести въ Сибирь польскихъ конфедератовъ и онъ такъ ловко исполнилъ это порученіе, что извѣстность его въ этомъ отношеніи была именно такова, что не приводилось дѣлать выбора помимо его. „Въ Сѣверскомъ полку онъ былъ извѣстенъ, какъ кроткій, снисходительный начальникъ и, вообще, былъ любимъ и сослуживцами и подчиненными“. „Не смотря на то, что всю жизнь провелъ въ отдаленныхъ гарнизонахъ, онъ все-таки шелъ впередъ, благодаря своему хорошему образованію“. „Не смотря на преклонность лѣтъ и на странность пріемовъ, онъ былъ человѣкъ очень не глупый и умъ у него былъ еще свѣжъ, а что и того лучше, сердце у него было совер-

шенно на мѣстѣ, нисколько не стариковское“. Истинною, иногда мелочную придирчивость ему прощали; прощали и грубость, которую нерѣдко позволялъ онъ въ отношеніяхъ съ бѣднѣйшими изъ товарищей. Это многимъ дало поводъ находить, что онъ мало заботился о матеріальномъ положеніи массы и былъ лицепріятенъ лишь къ избраннымъ, сильнымъ въ томъ или другомъ отношеніи. Самъ онъ не имѣлъ надобности корыстовать, будучи 80 лѣтъ, не имѣя семьи и получая содержаніе большаго генераль-губернаторскаго, но не умѣлъ преграждать злоупотребленій своихъ приближенныхъ. При постройкѣ Петровскаго каземата въ его глазахъ произведено самое безцеремонное воровство. Въ Россіи его узнали за такого исполнителя, который не отступитъ ни передъ чѣмъ, не задумается привести въ исполненіе никакое предписаніе. Такъ было онъ пробовалъ дѣлать сначала, осуществляя правило: какъ можно меньше дѣлать для массы, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣлать исключенія для нѣкоторыхъ; вполнѣ устоять ему въ этомъ не удалось. Такъ понимали его люди, зависѣвшіе отъ него, и такъ характеризовалъ его бывший иркутскій генераль-губернаторъ С. В. Броневскій: „Онъ прослужилъ въ кавалеріи 50 лѣтъ, извѣстенъ всей арміи отличными заслугами, честностью и добротою. Лучшаго выбора невозможно было сдѣлать. Это была эмблема доброты и кротости при твердомъ и непоколебимомъ исполненіи долга. При сдѣланномъ ему предложеніи ѣхать въ такую даль, нисколько не колебался. При бремени лѣтъ (ему было болѣе 75-ти), при бремени ранъ и болѣзней, онъ гладнокровно говорилъ, что ему кости свои суждено сложить за Байкаломъ, и за нѣсколько лѣтъ до кончины на горѣ, вѣшней надъ казематомъ (въ Петровскомъ заводѣ), приготовилъ себѣ могилу и утвердилъ крестъ. Предчувствіе не обмануло его*). Онъ получалъ порядочное содержаніе и частыми черезъ годъ наградами онъ и его штатъ забыты не были“.

Снабженный строгими предписаніями отъ комитета, Лепарскій былъ отправленъ въ Читы, чтобы распорядиться тамъ помѣщеніемъ декабристовъ. Въ Иркутскѣ, по его требованію, была сформирована команда съ приличнымъ числомъ офицеровъ; назначенъ священникъ собственно для этихъ ссыльныхъ и команды и врачъ. Черезъ три дня, чтобы не задерживать почтовыхъ лошадей и не затруднять содержателей и проѣзжихъ, стали отправлять новыя партіи, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ отправокъ первыхъ двухъ партій. Партіи эти снова состояли изъ пяти троекъ и четырехъ человѣкъ обвиненныхъ.

Съ тѣми же подробностями разъ установившихся пріемовъ отправляли коменданты крѣ-

*) Онъ кончилъ жизнь въ 1837 году.

постей каждую партію, объявляя приказаніе исполнить приговоръ верховнаго суда и отправить въ Сибирь, но безъ заявленія о мѣстѣ назначенія. До Иркутска ссыльные не знали о послѣднемъ и только тамъ объявлялась имъ Чита, и то при содѣйствіи людей, расположившихся въ ихъ пользу и рѣшавшихся тайно объявить имъ объ этомъ секретѣ. Сообщали офицеры, солдаты семеновцы, посланные за извѣстную исторію этого полка (осенью 1821 года), мѣстные чиновники, казаки и сами приставники. Сажали въ сани (была уже зима), надѣвъ предварительно кандалы, которые для удобства позволяли подвязывать бичевками, снятыми съ перьевъ *). Неимущимъ выдавали казенное бѣлье, тулупы и чемоданы съ 2 парами шерстяныхъ носковъ, теплыми сапогами, шапкою, курткой и бруксами изъ толстаго солдатскаго сукна; на другихъ, богатыхъ, собственные франтовскіе сюртуки, фраки отъ перваго портного (Вату), теплыя медвѣжьи шубы, на ногахъ овчинныя одѣяла и проч. Везли съ особенною поспѣшностью и скупились на отдыхъ въ той мѣрѣ, насколько позволяли силы невольниковъ, ставшія въ тѣ же условія съ силами провожатыхъ. На личномъ произволѣ фельдгегерей лежали тѣ или другія льготы, изъ которыхъ главныя состояли въ томъ, что по дорогѣ перестали разсаживать товарищей въ отдѣльные экипажи. Изъ личныхъ расчетовъ фельдгегери сокращали число троекъ до четырехъ, а прогоны за пятую опускали въ собственной карманъ. Не мало загнали лошадей по дорогѣ, не мало избили ямщиковъ, не мало надѣляли несправедливостями содержателямъ и смотрителямъ, хотя губернаторы продолжали спрашивать о томъ, какъ ведутъ себя фельдгегери. Многие отличались жестокостью и сребролюбіемъ; не рѣдко препровождаемые ими платили за то, чтобы фельдгегери не замучивали крестьянскихъ лошадей. За деньги же они служили поварами, завозили къ помѣщикамъ въ гости и проч. Особенно отличался фельдгегеръ Черновъ: прогонъ не платилъ, кормилъ однимъ молокомъ и простоквашею, нигдѣ не давалъ отдохнуть, гоня въ хвостъ и гриву, такъ что, наконецъ, путники потребовали у него инструкцію и ес-

ли въ ней нѣтъ положительнаго приказанія убить, то обѣщались жаловаться въ первомъ же городѣ. При угрозахъ онъ на одинъ день стихалъ, но потомъ снова принимался за свое и проч. Исключеніе составлялъ Воробьевъ, не извлекавшій себѣ выгоды изъ порученія и не продававшій своихъ заботъ за деньги. Народъ продолжалъ оказывать сострадательное участіе. власти—вниманіе, умѣвшее переходить изъ общаго мѣста официальныхъ вопросовъ въ самые факты благотворной помощи.

Первымъ партіямъ, прибывшимъ въ Читѣ въ январѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1827 г. *), досталось старое строеніе, очень низкое, темное и сырое; послѣдующимъ—маленькій тѣсный домикъ на другомъ концѣ селенія. Оба дома были обнесены высокими частоколами. Но мѣрѣ прибытія новыхъ партій изъ финляндскихъ крѣпостей въ августѣ 1827 г., помѣщеніе въ этихъ домикахъ сдѣлалось очень тѣсно; казематъ еще не былъ готовъ. Новый казематъ оказался недостаточно помѣстительнымъ, такъ что и прежніе дома оставались все время занятыми. Лазаретъ былъ устроенъ сначала въ маленькомъ домѣ крестьянина Голубева, на одной половинѣ. Онъ состоялъ изъ одной комнаты и не могъ служить болѣе, какъ для двухъ человѣкъ. Въ него ходили по очереди, чтобы отдохнуть отъ тѣсноты и шума. Такимъ образомъ, подъ конецъ въ Читѣ были три каземата, № 1, 2 и 3, и лазаретъ съ аптекою въ домѣ, особо выстроенномъ уже въ слѣдующемъ году. Здѣсь помѣстился отдѣльно отъ прочихъ товарищей докторъ Вольфъ.

Прибывавшихъ въ Читѣ принимали: капитанъ линейнаго батальона, плацъ-адъютантъ, писарь и нѣсколько караульныхъ. Они отбирали деньги, драгоценности, свидѣтельствовали вещи, мѣшки, книги и все записывали и сдавали въ канцелярію. При разспросахъ старались обходиться грубо:

— Что тамъ у тебя на пальцѣ?—грубо кричалъ линейный капитанъ одному изъ прибывшихъ.

— Обручальное кольцо.

— Долой его!

Пріѣзжій учтиво возразилъ, что ему дозволилось носить кольцо въ Зимнемъ дворцѣ, въ крѣпости и что, вообще, носить его не запрещено.

*) Способъ препровожденія послужилъ предметомъ долговременныхъ несогласій; предпочли почтовые тройки потому, что предполагали ослабить надежду и вѣроятіе побѣговъ, рассчитывали избавить отъ дальняго похода; другіе полагали спасти отъ народной мести; многие одобрили этотъ быстрѣйшій способъ въ расчетѣ предотвратить распространеніе въ народѣ революціонныхъ идей. Тѣмъ не менѣе, офицеры Черниговскаго полка, члены южнаго общества, отправлены были въ Сибирь пѣшкомъ, по этапамъ. Такъ, между прочимъ, шли по этапу Игельстромъ, Вигелинъ и полякъ Рухевичъ; они прибыли въ Читѣ передъ отправленіемъ 7-го разряда на поселеніе.

*) Прибыли въ Читѣ сначала сидѣвшіе въ отдаленныхъ крѣпостяхъ, потомъ содержавшіеся въ Петропавловской. Вотъ отчасти партіонное сотоварищество, въ составѣ котораго везли узниковъ въ Сибирь. Одна партія: Якушкинъ, Арбузовъ, Вестужевъ (Марлинскій), Тютчевъ, М. Муравьевъ. Другая: Пущинъ, Поджіо, Мухановъ. третья: М. А. Вестужевъ, Н. А. Вестужевъ, Барятинскій, Горбачевскій; четвертая: Фоназинъ, Вольфъ, Басаргинъ, Фроловъ; пятая: Нарышкинъ, Лореръ, два брата Вяземскіе и Розенъ; шестая: Рѣпинъ, Глѣбовъ, Кюхельбегеръ; и т. д.

— Долой его, говорю тебѣ!

— Возьмите кольцо вмѣстѣ съ пальцемъ!

Этотъ же человекъ, нагробивъ другой партіи приважижъ, ввелъ въ комнату, приставилъ къ ней караулъ и комнату заперъ, оставивъ всѣхъ безъ огня. Слыша за стѣною знакомые голоса товарищей, ихъ разговоръ, ничѣмъ не могли уклонять свиданія съ ними.

Къ стѣсненіямъ извнѣ вскорѣ не замедлила присоединиться тѣснота внутри жилищъ, изъ которыхъ одно наскоро было превращено въ казематъ изъ наемной крестьянской избы, огороженной высокимъ заборомъ. Между нимъ и избой оставался двухсаженный промежутокъ, съ трудомъ исполнявшій роль мѣста для прогулокъ, затруненныхъ, сверхъ того, неуклюжими кандалами. Въ одной комнатѣ въ 8 аршинъ длины и въ 5 ширины жило 16 человекъ; въ другой такого же размѣра—то же число; въ маленькой третьей—четверо. Всѣ курили табакъ, воздухъ былъ тяжелый и становился невыносимымъ, когда послѣ солнечнаго заката запирались двери и окна. Спали на нарахъ, на войлокахъ, подъ которыми прятали свои чешоданы и сапоги; на нарахъ каждому приводилось не болѣе $\frac{3}{4}$ аршина, такъ что перевертывавшіяся съ боку на бокъ толкались и будили сосѣдей. Цѣны оставались на ногахъ и снимались только на то время, когда водили въ баню и къ причастію. Въ казематахъ шумъ отъ нихъ мѣшалъ разговорамъ. Когда въ концѣ мая оттаяла земля и могли приступить къ работамъ, земляныя работы на свѣжемъ воздухѣ показались истиннымъ блаженствомъ, удвоеннымъ еще, сверхъ того, возможностью свиданія съ товарищами, сидѣвшими въ тѣснотѣ и духотѣ второй тюрьмы. Свиданіе повторялось по два раза въ день: утромъ отъ 8 час. до 12-ти и вечеромъ отъ 2-хъ до 5-ти. На работы изъ всѣхъ казематовъ отправляли подъ конвоемъ по 16-ти человекъ. Заставили рыть фундаментъ для новой тюрьмы и частоколь и ямы для погребовъ. Когда не всѣхъ привезли, работы не было послѣ обѣда въ субботу для бани, когда же число работниковъ увеличилось, то ходили въ баню по очереди, по четыре человекъ и въ пятницу и въ субботу *). Приносили заступы, тачки, носилки, лопаты, молоты и проч., и такъ какъ работа эта напоминала ту, которою были обязаны швейцарцы, нѣкогда принужденные строить для самихъ себя тюрьму, то и печально читинское зданіе получило названіе Цвингъ-Ури. Только воскресенье и пятница были днями свободными отъ этихъ работъ. Когда былъ вырытъ фундаментъ и ямы для ограды, заставили закопать оврагъ на большой дорогѣ пескомъ и землею. Но такъ какъ Чита, вслѣдствіе своего исключительнаго возвышеннаго положенія, вмѣстѣ съ чистымъ воздухомъ

и почти постоянно яснымъ небомъ отличается августовскими грозами съ проливными дождями, то и земляная работа въ рывинахъ могла казаться безконечною: въ нѣсколько часовъ дождь затоплялъ улицы, а вода, несшаяся по скату горы, на которой была неладно прилажена эта Чита, разрывала глубокія лощины и уносила послѣдніе слѣды трудовъ цѣлаго лѣта. Чтобы обезпечить ихъ, принуждены были выстроить бревенчатую плотину. Это мѣсто оврага получило на языкѣ ссыльных прозваніе Чертовой могилы; съ мая до сентября зарывали эту могилу. Съ сентября до мая водили по два раза въ день въ особенное строеніе, гдѣ прилажены были ручные жернова: на нихъ каждый обязанъ былъ смолоть два пуда муки; не желавшіе сами работать нанимали сторожей. Чтобы спорилась работа, чтобы не надрывала сердце шуркотня жернововъ, пѣли пѣсни подъ руководствомъ товарища, отличавшагося капельмейстерскими способностями. Лучше всего удавалось пѣніе церковныхъ композицій Бортнянскаго, но Александръ Ивановичъ Одоевскій, извѣстный въ литературѣ поэтъ, на голосъ русской пѣсни: „Во саду ли, въ огородѣ“, придумалъ особенную, специально прилаженную къ этому невинному, но и нелегкому занятію; пѣли итальянскую пѣсню „Un pescator del onde“ и проч., съ темпомъ тихаго марша, и проч. *).

Въ сентябрѣ 1827 года окончена постройкою новая тюрьма и въ нее переведена была наибольшая часть заключенниковъ: изъ ближняго перенесли вещи на рукахъ, изъ дальняго (впослѣдствіи № 3) привозили вещи на телегахъ. Перешли безъ всякой церемоніи, переходили порознь, каждый при своихъ вещахъ. Вскорѣ присоединены были къ этимъ и тѣ восемь, которыхъ привезли изъ Благодатскаго рудника. Ихъ принималъ плацъ-маіоръ, племянникъ Лепарскаго, часовые дали свободный путь въ ворота и они бросились въ объятія друзей и товарищей. Теперь оказались всѣ налицо и всѣ вмѣстѣ; ихъ распредѣлили по пяти отдѣленіямъ тюрьмы, но не по порядку категорій, а уже по произволу коменданта. Въ одной комнатѣ сгрупированы были всѣ прибывшіе изъ Благодатска, ее назвали Псковомъ—пригородомъ Новгорода: жильцы ея заранѣе отказались отъ голоса и объявили себя согласными во всемъ съ Новгородомъ; другую назвали Москвою или барскою комнатою, потому что большая часть въ ней жильцовъ были богатые, съ

*) Въ одномъ изъ прежнихъ казематовъ оставлено было 15 человекъ, другой старый казематъ или губа, состоящая изъ двухъ большихъ комнатъ, вмѣщала за перегородкою аптеку. Въ средней маленькой поселился докторъ Вольфъ. Въ немъ же дозволялись свиданія женъ съ мужьями, что, впрочемъ, вскорѣ дозволено было на собственныхъ квартирахъ женъ, куда мужья отсылались подъ конвоемъ.

*) Баня была наемная въ крестьянской избѣ.

барскими наклонностями; третью называли Новгородомъ, за то, что въ этомъ казематъ столько же говорили и шумѣли о политическихъ вопросахъ, какъ нѣкогда на вѣчахъ, и сгруппировались люди независимые. Четвертая комната названа была Вологдою: въ ней жили изъ общества „Соединенныхъ славянъ“ — люди наименьшаго образованія сравнительно съ прочими товарищами. Новыя помѣщенія стали опрятнѣе, но не были просторными; мѣсто нарѣ заступили кровати, сдѣланныя на собственный счетъ заключенными. Можно было подметать полъ, но между столомъ и кроватями было такъ тѣсно, что когда шелъ на улицѣ дождь и загонялъ всѣхъ въ комнату, имъ приходилось сидѣть на своихъ мѣстахъ. Большой казематъ былъ невообразимо дурно построенъ: рамы съ желѣзными рѣшетками были непосредственно вставлены въ стѣну и стекла зимомъ покрывались всегда толстымъ слоемъ льду, увеличивавшимъ полумракъ казармы. Она состояла изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ темными сѣнями; каждая половина изъ двухъ большихъ комнатъ, не имѣющихъ сообщенія помимо корридора. Пятая комната была собственно столовая; но для облегченія тѣсноты позволили и въ ней помѣститься. Въ каждой помѣщалось отъ 15 до 20 человѣкъ, у каждойго — особая кровать и столикъ, въ серединѣ — большой столъ и скамейки. Всѣ эти неудобства оправдывали тѣмъ, что читинскіе казематы строены неумѣлыми руками плохихъ сибирскихъ плотниковъ, къ тому же не добровольно принявшихся за топоръ, а по вызову и приказу начальниковъ. Въ сущности, казематъ этотъ не возбуждалъ серьезныхъ заботъ начальства потому, что онъ также былъ временный. Въ это же время строили большой и новый въ другомъ мѣстѣ. По донесеніямъ и настояніямъ Лепарскаго о неудобствахъ заточенія въ Акатуй, мысль объ этомъ была оставлена. Акатуйская яма показалась Лепарскому и страшною и нездоровою. Самому коменданту предоставленъ былъ выборъ мѣста: онъ остановился на Петровскомъ желѣзномъ заводѣ и постройка каземата началась тамъ въ годъ прибытія ссыльныхъ въ Читѣ, а окончилась лѣтомъ 1830 г. Къ несчастью, выборъ мѣста произведенъ былъ Лепарскимъ издали, съ горы: зеленый лугъ оказался мокрымъ болотомъ. Такимъ образомъ, большинству пришлось прожить въ Читѣ три года и 7 мѣсяцевъ. Чита изъ бѣдной деревушки, носившей въ официальныхъ бумагахъ названіе острога, а на языкѣ мѣстныхъ жителей имя плотища *),

*) За то, что сюда, въ эту низменность или долину, образовавшуюся при сліяніи рѣки Читы съ Ингодою, стаскивался вырубленный лѣсъ и изъ бревенъ сбивались плоты для сплавокъ по рѣкамъ Ингодѣ и Шилкѣ для Шилкинскаго завода (дрова, уголь) или въ Бянкину для нерчинскихъ заводовъ (привантъ, желѣзо и проч.).

превратилась въ порядочное селеніе, обязанное своимъ вѣтшиимъ благоустройствомъ личнымъ трудамъ декабристовъ, прорывшихъ канавы, засыпавшихъ овраги, а внутреннимъ заботамъ поднявшимся благосостояніемъ жителей, бѣдныхъ заводскихъ крестьянъ, тѣми денежными пособіями, которыя перебивались къ нимъ за удовлетвореніе насущныхъ нуждъ и различныхъ потребностей заключенниковъ. Селеніе это найдено было послѣднимъ состоящимъ изъ 300 душъ, жившихъ въ маленькихъ избахъ и занимавшихся кое-какъ и про себя земледѣліемъ и рыбною ловлею; за казенную землю они обязаны были жечь уголь и сплавлять его въ Нерчинскій заводъ. Все населеніе тѣсно и бѣдно помѣщалось въ 26-ти лачугахъ, которыми командовали три порядочныхъ дома, занятыхъ горными чиновниками и пригодившихся потомъ коменданту и плацъ-маіору. Мѣстечко на рисункахъ одного изъ декабристовъ (Ник. Александровича Бестужева) является уже довольно красивымъ городкомъ, съумѣвшимъ собрать и употребить на собственную пользу значительныя средства изъ тѣхъ, которыя отпускались временнымъ читинскимъ гостямъ отъ казны и присылались богатыми родственниками. Одна улица города успѣла сохранить за собою даже до настоящаго времени прозваніе Дамской, т. е. такой, на которой поселились въ частныхъ домахъ и до извѣстной степени способствовали приличному виду и внутреннему устройству пріѣхавшія за мужьями жены. Впослѣдствіи это мѣстечко не задумалось избрать главнымъ городомъ для вновь организованной Забайкальской области и передать ему первенство, принадлежавшее до того городу Нерчинску.

Читинская жизнь заключенниковъ тянулась въ безутѣшномъ однообразіи: книгъ сначала было очень мало, писать строго воспрещалось, шахматная игра была единственнымъ развлеченіемъ между работою и сномъ. Въ хорошую погоду играли на дворѣ въ городки и бабки, не смотря на то, что ножныя казенныя украшенія мѣшали во многомъ этому гимнастическому упражненію. Хотя можно было достать еще карты, но игру эту заусловились изгнать и, положивъ строгій запретъ на нее, съумѣли на томъ устоять со всею твердостью героизма. Въ большомъ казематѣ стало веселѣе и разнообразнѣе уже по той причинѣ, что всѣ, соединившись вмѣстѣ, могли направить соединенныя силы на того опаснаго врага, который называется тоскою заточенія, лишеніемъ свободы и выходить изъ оплошностей съ помощью такого сильнаго товарища, который зовется тоскою по родинѣ. Противъ этихъ враговъ читинское товарищество вышло на борьбу, опираясь на тѣ общія силы, которыми красно и крѣпко всякое товарищество, и побѣда была одержана блистательнымъ образомъ. Въ этой борьбѣ и въ

этой побѣдѣ и женскія силы, признаваемые слабыми, оказали геройскія чудеса храбрости и стойкости. Товарищи успѣли вызнать себя и сблизиться въ дружескіе кружки, изъ которыхъ выдѣлились два: одинъ, названный въ шутку конгрегаціею, заключилъ въ себѣ людей, обратившихся къ чтенію религіозныхъ книгъ и группировавшихся около набожнаго, отличавшагося многостороннимъ умомъ П. С. Бобрічева-Пушкина, и другой кружокъ изъ членовъ Славянскаго общества, во главѣ котораго оказался П. И. Борисовъ. „Бывали и другіе кружки, составлявшихся безъ опредѣленныхъ цѣлей, по личнымъ симпатіямъ. Небольшія ссоры прекращались охотливымъ посредничествомъ товарищей и никогда соръ изъ избы не выносили“.

Первые симптомы острой болѣзни неволи и заточенія, выражающіеся для всѣхъ лишенныхъ свободы исканіемъ ея, называемымъ на официальномъ языкѣ побѣгомъ, выразились до нѣкоторой степени и на этихъ несчастныхъ, помѣщенныхъ совершенно отдѣльно, внѣ всякихъ связей и сношеній съ тѣми, у которыхъ не захваченные во время первые припадки превращаются въ хроническую болѣзнь бродяжества. Сначала много толковали о возможности освободиться по Амуру до Сахалина; тамъ предполагали выстроить судно и отправиться въ Америку. Другимъ рисовался путь на югъ, въ Китай. Для исполненія плана казалось необходимымъ: задержать на время коменданта и офицеровъ, а для успѣха его представлялся вѣрный расчетъ на 70 молодыхъ, здоровыхъ силъ, способныхъ обезоружить караулъ и выйти изъ каземата. Тамъ, за стѣнами его, остальные солдаты представляли отрядъ изъ ста человѣкъ, расположенныхъ къ заключеннымъ. „Пока бы дали знать въ Иркутскъ, мы бы успѣли и судно выстроить, и нагрузить и уплыть“. Читинскіе казенные склады обезпечивали дальнѣйшія надежды „пылкой молодежи, надъ которою взяли верхъ осторожные товарищи“, видѣвшіе невозможность подобнаго предпріятія и не обращавшіе на затѣи особеннаго вниманія. „Вскорѣ и молодежь отступила передъ необходимостью прибѣгать къ силѣ оружія, брать на свою совѣсть пролитіе крови“, наконецъ, подвергнуть отвѣтственности оставшихся товарищей и ихъ женъ, успѣвшихъ уже обнаружить огромные запасы силъ, способныхъ ослабить крѣпость узъ и тяжесть неволи. Чтобы достигнуть Амура, понадобится помощь буряты—самая ненадежная и опасная помощь. На границѣ Китая поставлено 50 казаковъ съ исключительною цѣлью преслѣдованія бѣглыхъ днемъ и ночью. Третій путь черезъ 4.000 вер. выводилъ въ Европейскую Россію; четвертый—въ мертвыя тундры сѣвера, гдѣ вязнетъ нога даже легкаго на ходу оленя. „Хотя мы и знали, что нѣкоторымъ ссыльнымъ черкесамъ удалось

счастливо бѣжать въ родныя горы черезъ Аральское море и Каспій, но намъ ничего не оставалось, какъ только подчиниться закону необходимости“. Побѣгъ казался возможнымъ: подгоры шли постоянно отъ самихъ солдатъ и отъ поселенцевъ, которые говорили, что расположеніе къ побѣгу всего населенія таково, что если бы „китаецъ“ принималъ, а не выдавалъ бѣглыхъ, то въ Забайкальѣ не осталось бы никого. Они говорили, что съ такими господами всѣ готовы идти, зажмуря глаза. Разстроилось же предпріятіе потому, что въ основѣ его лежали у разныхъ лицъ совершенно разные побужденія. Одни считали дозволеннымъ побѣгъ для того, чтобы имѣть возможность продолжать служеніе дѣлу, нисколько не заботясь о своей личности, о своихъ страданіяхъ; другіе же рѣшались на него потому, что положеніе было невыносимо, и они говорили, что все равно уже умереть: въ тюрьмѣ ли навѣрное или при освобожденіи. Женатые, въ особенности, употребляли силу своего вліянія, чтобы отклонить отъ побѣга рѣшительныхъ и пылкихъ. Къ тому же денежные средства не были въ рукахъ заключенныхъ: утаить что либо было трудно, потому что все не только осматривали, но и распарывали. Добыть ихъ, однако, можно было переводомъ на артель, выписывая на имя купца за припасы (болѣе всего за сахаръ, кофе, чай и проч.) въ артель. О побѣгѣ перестали думать и толковать въ Читинскомъ острогѣ; по независимости и вдалекѣ отъ него та же дума подняла на дѣло и погубила другихъ. Жертвою увлеченія палъ одинъ изъ членовъ Южнаго общества, бывший офицеръ Черниговскаго полка, Ив. Ив. Сухиновъ.

Послѣ стычки подъ Бѣлою-Церковью, когда главные члены общества (Муравьевъ-Апостоль, Вестужевъ-Рюминъ и другіе) отправлены были въ Петербургъ, надъ остальными наряжена была военно-судная коммиссія въ Кіевѣ. Военный судъ приговорилъ виновныхъ къ четвертованію, но этотъ приговоръ былъ замѣненъ политическою смертію. Приговоръ исполненъ былъ въ Васильковѣ; виновные приведены были закованными и разставлены впереди войска на большомъ другъ отъ друга разстояніи. Когда прочли приговоръ, палачъ бралъ cadaго поочередно за руку, велъ черезъ площадь къ ели сѣлицѣ и, обойдя ее три раза, передавалъ казенныхъ въ команду внутренней стражи. Въ Сибирь эти осужденные (Быстрицкий, Соловьевъ, Модзалевскій и Сухиновъ) отправлены вѣдѣ за петербургскими тройками и товарищами пѣшкомъ, по этапамъ, шли 1 годъ и 7 мѣсяцевъ *).

*) Шель также пѣшкомъ, по этапамъ, баронъ Штейнгель. Слѣдомъ за офицерами Черниговскаго полка сосланы и солдаты, бывшіе подъ Васильковымъ и виновные въ возмущеніи этого полка. Такъ, напримѣръ, въ Екатеринбургѣ.

Въ Читѣ ихъ, вмѣстѣ съ единомышленниками не оставили. Препроводивъ въ Большой нерчинскій заводъ, разослали по ближайшимъ рудникамъ: тронъ послѣднихъ поселили въ 15 верстахъ отъ Большого завода, въ Зерентуйскомъ рудникѣ. Здѣсь они наняли квартиру у одного изъ сосланныхъ солдатъ Семеновскаго полка; потомъ купили себѣ собственный домъ и перешли въ него. Съ участіемъ своимъ они успѣли примириться, исключая Сухинова, который еще дорогою по этапамъ успѣлъ убѣдить товарищей, что несчастіе сбудется зародитъ въ его сердцѣ жажду мщенія. На дорогѣ же онъ успѣлъ сообщить объ этомъ дамамъ, которыя ѣхали къ мужьямъ и догнали ихъ. Упорнымъ молчаніемъ отвѣтить онъ на просьбы другихъ дамъ, встрѣтившихъ ихъ у тюрьмы въ Читѣ и умолавшихъ Сухинова не приводить намѣренія въ исполненіе. Въ Зерентуйскомъ рудникѣ онъ поспѣшилъ познакомиться съ Голиковымъ, казарменнымъ старостою, бывшимъ фельдфебелемъ учебнаго карабинернаго полка, Вочаровымъ, сыномъ астраханскаго купца, Вондаревымъ, бывшимъ фельдфебелемъ гвардейскаго полка, и Птицинымъ цѣловальникомъ, бывшимъ юнкеромъ гусарскаго полка. Съ помощью ихъ доставалъ себѣ вооруженіе, порохъ и свинець. Лили пули, надѣлали до тысячи патроновъ. Совѣты товарищей не помогли. Сухиновъ продолжалъ ласкать смышленыхъ и особенную довѣренность и любовь къ себѣ возбудилъ въ семеновцахъ, которые ежедневно ходили къ нему; съ ними ежедневно же уходилъ онъ на охоту, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, но за глазами товарищей успѣлъ завести дѣло далеко. Пренія съ товарищами доходили до ссоры, бесѣды съ соумышленниками довели до опредѣленнаго плана освобожденія всѣхъ заключенныхъ въ ближайшихъ рудникахъ: Зерентуйскомъ и Кличкинскомъ. Намѣревались напасть на казармы и, завладѣвъ оружіемъ, идти на Благодатскій рудникъ (1½ версты), на Вольшой заводъ и на другіе заводы, какъ для обезоруженія военныхъ командъ, такъ и для присоединенія смышленыхъ. Намѣревались прекратить почтовые сношенія, послать отрядъ для отобранія оружія по всѣмъ казеннымъ карауламъ; потомъ идти на Нерчинскъ, завладѣть артиллеріею, оттуда на Читу, освободить государственныхъ преступниковъ и условиться съ ними о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Намѣренія эти Сухиновъ велѣлъ скрывать отъ сожителей своихъ до послѣдней минуты, приказалъ въ присутствіи ихъ быть осторожными, говоря, что во время бунта онъ самъ ихъ увѣдомитъ, и если согласятся, то присоединить ихъ; если нѣтъ, они первыми будутъ убиты. Товарищамъ-черниговцамъ продолжалъ говорить одно: „Оставьте дѣйствовать заводъ, близъ Тары, содержался унтеръ-офицеръ Шутковъ.

меня по своей волѣ, я васъ не замѣшаю“. Цѣловальникъ Птицинъ, на случай возстанія, обѣщавъ нѣсколько бочекъ водки, а до того времени подпавалъ главныхъ заговорщиковъ, которые въ пьяномъ видѣ успѣли до нѣкоторой степени обнаружить свои намѣренія: въ какой-то праздничный день на могильныхъ памятникахъ написали угрозы начальству. Полякъ Тиръ, сосланный изъ виленскихъ студентовъ, успѣлъ объявить управляющему рудникомъ, что это дѣло государственныхъ преступниковъ и изъяснилъ свои подозрѣнія на разговоръ. Произведенные осмотры и дознанія не оправдали подозрѣнія. На радости команда Сухинова начала пить непотѣрно, безпрестанно шаталась мимо оконъ квартиры товарищей, десятками не выходили изъ кабака и произносили разныя неумѣстныя выраженія. Въ это время нѣкто Казаковъ, проходя въ пьяномъ видѣ мимо квартиры управителя, объявилъ ему, что многіе готовы къ бунту и что въ этомъ участвуютъ секретные (т. е. государственные преступники). О доносѣ Алексѣя Казакова передано было заговорщикамъ и двое изъ нихъ (Голиковъ и Вочаровъ) взяли водки, пригласили Казакова въ дѣсь, наполнили его и убили. Вочаровъ бѣжалъ. По двумъ доносамъ произведено слѣдствіе, назначена коммиссія, дано было знать въ Петербургъ. Въ Благодатскомъ рудникѣ возстаніе, такимъ образомъ, успѣли предупредить, въ Кличкинскомъ же рудникѣ смышлено-работіе успѣли уже произвести буйство и оказать сопротивленіе военной и горной командамъ. 19 іюня 1828 г. въ лагерѣ при Шумѣ Николай I изволилъ написать собственноручно на докладной запискѣ о кличкинскомъ вооруженномъ возстаніи: „Всѣхъ судить военнымъ судомъ, что и впередъ исполнять съ ними, когда будутъ противиться военной силѣ“. Командантъ Лепарскій получилъ высочайшее повелѣніе, данное въ Одессѣ 13-го августа 1828 г., въ которомъ, между прочимъ, было сказано: „Я повелѣваю вамъ приказать отыскать непременно Василія Вочарова и всѣхъ предать немедленно военному суду и впредъ въ подобныхъ случаяхъ разрѣшаю руководствоваться симъ же правиломъ“. Подъ стражу взято было 22 чловѣка; слѣдствіе шло неудачно: Сухиновъ ни въ чемъ не сознавался, другіе, что показывали сегодня, то отвергали завтра. Допросы начали побоями, продолжали жестокостями. Одна коммиссія смѣняла другую, но главная и послѣдняя открыла не больше первоначальной. Случилось, что собака принесла чловѣчью руку и, такимъ образомъ, открыла убійство Казакова. Въ то же время случайно былъ пойманъ бѣжавшій Вочаровъ. Кончался второй мѣсяцъ, а слѣдственное дѣло не подвигалось. Горная экспедиція отозвала членовъ и назначила въ Большомъ заводѣ третью коммиссію. Виновныхъ перевезли

туда. Товарищамъ Сухинова позволили видѣться съ нимъ, и „если бы,—говорить одинъ изъ нихъ:—у насъ были деньги, то могли бы дать совсѣмъ другой оборотъ дѣлу, по корыстолюбію нѣкоторыхъ членовъ коммисіи“. Читинскіе товарищи присылали нарочнаго съ общаніемъ денежной помощи, но письмо не дошло и военный судъ состоялся. Сухинова судъ приговорилъ къ 400 ударамъ кнута, слѣдующимъ девяти—кнутъ, остальнымъ—плетъ; но потомъ это рѣшеніе измѣнилось: Сухинова и пятерыхъ съ нимъ велѣно разстрѣлять. Сухиновъ, во время слѣдствія два раза принимавшій адъ и, не достигнувъ цѣли, разстроившій свое здоровье, казался спокойнымъ и веселымъ. Въ ночь, предшествовавшую экзекуціи, онъ упростилъ одного изъ арестантовъ сказывать сказки. Когда всѣ уснули, Сухиновъ отвязалъ ремень отъ кандаловъ, привязавъ его къ деревянному колу, низко вбитому надъ нарами, спустился съ наръ и почти въ лежащемъ положеніи удавился. Кто-то изъ арестантовъ напалъ на него въ потьмахъ: зажгли огонь и тотчасъ послали за ключами отъ цѣпей къ батальонному командиру и за лекаремъ. Сухиновъ оставался въ петлѣ. Къ жизни его не возвратили. Товарищи его (Соловьевъ и Модзалевскій) были привлечены къ слѣдствію, закованы, посажены въ тюрьму, но оправданы и освобождены, какъ не причастные къ дѣлу. Ихъ, послѣ экзекуціи, сочли за необходимое соединить съ прочими товарищами и перевели въ читинскую тюрьму. Въѣхъ съ ними перевели въ Читѣ всѣхъ, кто былъ въ заводѣ изъ дворянъ, хотя бы и не были политическимъ преступникомъ. Комендантъ не хотѣлъ принимать ихъ отъ испуганнаго горнаго начальства и одного изъ присланныхъ, который былъ осужденъ за намѣреніе поджечь городъ для грабежа, долго держалъ отдѣльно. Этотъ напавъ съумѣлъ не разъ вредить потомъ доброй славы каземата.

Лепарскій, по вызову сухиновскаго дѣла, принужденъ былъ издать новую инструкцію. За всею командою, особенно за карауломъ, велѣлъ имѣть особенное смотрѣніе; за людьми наблюдать, „не есть ли они въ непозволительныхъ сношеніяхъ съ жителями и арестантами“. „Государственные преступники не могутъ имѣть ни съ кѣмъ никакого свиданія и для того, кромѣ караульныхъ, никого къ нимъ не допускать. При нихъ долженъ быть днемъ въ передней комнатѣ изъ рядовыхъ одинъ за сторожа безъ амуниціи для смотрѣнія за ними и котораго при смѣнѣ караула всякій день смѣнять другими, избирая для сего людей надежныхъ. На ночь арестантская, чуть станетъ смеркаться, должна быть заперта замкомъ, а ключъ отъ онаго долженъ имѣть при себѣ караульный старшій унтеръ-офицеръ въ казначѣ, котораго никому не повѣрять. По утру

же, какъ сдѣлается видно, онъ, взявъ съ собою ефрейтора и двухъ караульныхъ, отпираетъ арестантскую и повѣряетъ арестантовъ. Ночью же, ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ отпирать и выпускать арестантовъ, развѣ если случится близъ пожаръ; тогда весь карауль идетъ къ арестантамъ и, построивъ кара, беретъ ихъ въ середину, отводя на безпечное мѣсто. Осматривать лично поутру и ввечеру ежедневно палаты арестантскія; причежь велѣтъ повѣрять подъ нарами и посмотреть: въ цѣлости ли полы въ палатѣ и оковы на арестантахъ, а также повѣрять во всемъ караульныхъ, т. е. имѣть ли пьяныхъ и всѣ ли на лицо“. „Преступниковъ никуда и днемъ даже изъ арестантской не выпускать, кромѣ подъ присмотромъ часового или сторожа для натуральной нужды. Бude кто изъ преступниковъ тяжело заболитъ, то одного отдѣлить отъ арестантовъ въ особую палату для пользованія, и при больномъ быть днемъ и ночью особому часовому и сторожу и ночью имѣть въ оной палатѣ свѣчу. Хотя государственные преступники должны быть посылаемы на работы по распоряженію горнаго начальства, но оныхъ, вмѣстѣ съ прочими ссыльными, не водить, а водить особо подъ приличнымъ конвоемъ“. Тогда же издано наставленіе и унтеръ-офицеру: „Чтобы люди не дожились, не раздѣвались и не валялись на полу и всегда готовы бѣжать по крику часового: вонъ! На ночь быть свободно одѣтымъ“. „Въ случаѣ бунта арестантовъ долженъ имъ угрожать, что, если не уймутся, велитъ колотъ и тотчасъ посылаетъ ефрейтора дать знать начальству. Если же арестанты будутъ усиливаться и вступать въ драку съ караульными, то, не дожидаясь повелѣнія, приказываетъ колотъ зачинщиковъ или болѣе упрямыхъ и дерзкихъ безъ всякой пощады, не опасаясь подвергнуть себя и тѣхъ солдатъ за убитыхъ и раненныхъ какой либо отвѣтственности“ *).

*) Изъ дальнѣйшихъ подробностей болѣе интересны слѣдующія наставленія: «Караульные и всѣ часовые отъ арестантовъ ничего не должны принимать, даже изъ съѣстного отъ нихъ солдатамъ ничего не брать, ибо были примѣры, что арестанты отравляли караульныхъ, другихъ обкармливали дурманомъ, подмѣшивая въ пищу порошокъ, отчего весь карауль безъ чувствъ засыпалъ, а между тѣмъ арестанты всѣ уходили». «Никакихъ напитковъ хмѣльныхъ, какъ-то: вина ренскаго, меду, пива не допускать къ нимъ; если же кто, по доброй волѣ, доставитъ имъ какую пищу или квасъ, то караульному унтеръ-офицеру, осмотрѣвъ строго, отдать въ цѣлости черезъ караульныхъ преступникамъ, объявивъ имъ, кто имъ что прислалъ». «Не дозволяется собираться народу въ караульную; если кто имѣетъ дѣло къ караульнымъ, то долженъ часовой остановить того при входѣ и кричать: «ефрейторъ, вонъ! Онъ не допускаетъ никому говорить, разсуждать, забавляться съ арестантами, ни постороннимъ людямъ, ни своимъ солдатамъ». «По пробитіи зори, карауль-

Новыя строгости съ наибольшю настойчивостью устремлены были на тотъ пунктъ, который казался самымъ щекотливымъ. Свиданія дамъ съ мужьями, по общему положенію, были ограничены двумя разами въ недѣлю и всякій разъ не болѣе, какъ на нѣсколько часовъ. Обычай установилъ свиданія эти ежедневными: всякій день жены подходили къ частоколу, чтобы взглянуть на своихъ супруговъ и простоять съ ними нѣсколько часовъ. Новое предписаніе, дававшее широкія права внимательству часовыхъ, успѣло сдѣлать опасными эти свиданія, установленныя обычаемъ. Нерѣдко случалось, что часовой, исполняя приказъ, отстоялъ прикладомъ; встрѣчая упорство со стороны дамъ, прицѣплялся. Одна изъ дамъ разговаривала съ мужемъ по французски; пьяный офицеръ Дубининъ потребовалъ русскаго разговора и грубо обругалъ. Дама (А. Г. Муравьева) бросилась бѣжать, онъ за нею; на дорогѣ бѣжавшая упала въ истерикѣ. Товарищи, узнавъ объ этомъ, стали укорять Дубинина. Этотъ съ крикомъ: „бунтъ!“ велѣлъ караулу сожмуть штыки. Плацъ-адъютантъ, услышавъ шумъ, остановилъ солдатъ и прекратилъ опасную исторію. Лепарскаго не было въ Читѣ. Возвратившись, онъ велѣлъ не пускать всѣхъ на работы, чтобы прекратить всякія свиданія, но передъ обиженною извинился, просилъ всѣхъ на будущее время быть осторожными; Дубинина перевелъ въ другую команду, племяннику своему (плацъ-маіору) намылили голову, дѣло замаялось—о происшествіи никто не узналъ. Благополучнымъ исходомъ вся исторія обязана была начальнику горнаго округа Семену Ивановичу Смольянинову, человѣку замѣчательной честности, пользовавшемуся ото всѣхъ глубокимъ уваженіемъ (еще за 25 лѣтъ до всеобщей эмансипаціи, онъ, по собственному побужденію, отпустилъ своихъ крестьянъ на волю). Онъ одинъ во все время, отъ начала до конца, былъ ровенъ въ обожденіи съ государственными преступниками, обращаясь съ ними съ полною учтивостью и готовностью къ услугамъ, когда другіе были грубы и не исполняли даже слѣдующаго по закону. Вообще, весь подборъ штаба былъ самый неудачный и не при одной постройкѣ Петровскаго каземата были злоупотребленія. Молодые люди самымъ безчестнымъ и самымъ нахальнымъ образомъ пользовались отъ своихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны вознагражденія.

Вскорѣ, по обычному закону, и всѣ другія предписанія пошли въ разладъ съ дѣломъ. Предписаніе говорило: „преступники ни къ

кому писемъ писать не могутъ, потому не должны имѣть бумаги, чернилъ, карандашей, для чего строго ихъ осматривать, и буде впослѣдствіи времени у нихъ что найдется, равно деньги и вещи, конихъ прежде не было, то строго изсѣдовать, отъ кого что они получили; если будутъ къ нимъ присланы письма, то, не отдавая ихъ, оставить у себя и инныя представить г. начальнику заводовъ“. Обыски дѣлались безпрерывно. Особенно часто подвергался имъ Д. И. Завалишинъ по своимъ учебнымъ занятіямъ. Такъ какъ не давали ни бумаги, ни карандашей, онъ сдѣлалъ карандашъ изъ куска свинца отъ чайнаго цибика, а писалъ на бумажкахъ отъ содовыхъ порошковъ. Все это отбиралось, но при новомъ обыскѣ находили все возобновленнымъ. Наконецъ, удалось убѣдить коменданта, что эти занятія для образованныхъ людей составляютъ такую существенную потребность, что будутъ искать удовлетворенія ея во что бы то ни стало, тогда какъ для него она не составляетъ никакой опасности. Коменданту не разъ приходилось выслушивать упреки, иногда очень жестокіе, но онъ умѣлъ говорить со всмысленными: „Позвольте! мнѣ теперь некогда, приходите лучше ко мнѣ, мы затворимъ двери и тогда браните меня, сколько будетъ угодно“. Опытъ и практика переломали дѣло такъ: сначала Лепарскій принужденъ былъ дозволить грифельныя доски, потомъ появилась бумага и карандаши. Затѣмъ Лепарскій, входя въ казематы и видя чернильницы, бумагу и перья, сталъ со снисходительною улыбочкою говорить всякій разъ: „Я этого не вижу“. Огромное желаніе писать письма къ роднымъ сначала восполнено было участіемъ дамъ (черезъ три мѣсяца стали получать отвѣты и денежныя пособія), потомъ приспособленіемъ различныхъ хитростей при участіи случайныхъ стороннихъ пособниковъ. Одинъ изъ союзниковъ—Дружининъ, отправленный на поселеніе, повезъ изъ Читы табакъ для доставленія въ Иркутскъ въ ящикѣ съ двойнымъ дномъ,—подъ верхнимъ дномъ огромное количество писемъ для отправленія въ Россію. На дорогѣ табакъ пересыпалъ онъ въ бумагу, а ящикъ подарилъ священнику для сбора денегъ въ церковь; узнавъ о своей ошибкѣ, онъ досталъ ящикъ обратно и доставилъ по назначенію *). Наконецъ, передатчиками читинскихъ корреспонденцій въ Россію являются на сторонѣ: жена горнаго начальника (Фелицата Осиповна Смольянинова), приславшая на работы своей стряпни завтраки, принимала участіе и въ пересылкѣ

нымъ помыться, опрятно одѣться, подтянуть штаны на помощ, оправить аммуницію и людей, построивъ въ караульнѣ, все осматрѣть. Остальныя приказанія отличаются общимъ жѣстокомъ и хлопотать о внѣшнихъ доскѣ.

*) Этотъ Дружининъ переселенъ былъ въ декабристамъ впослѣдствіи изъ иркутскихъ заводовъ, куда сосланъ былъ изъ Оренбурга вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, составившими тамъ тайное общество и осужденными по доносу одного изъ товарищей, и именно того самого, который организовалъ это общество.

писемъ. Она замѣчательна была глубокимъ участіемъ и всякаго рода услугами заключеннымъ и ихъ дамамъ. Она бесплатно снабжала казематы всемъ изъ своего хозяйства. Разъ она отправила одно письмо въ Москву, но письмо тамъ было вскрыто, въ письмѣ нашлось указаніе на нее и Лепарскій получилъ приказаніе посадить ее на недѣлю подъ арестъ. Разъ самъ комендантъ сдѣланъ былъ, противъ воли, передатчикомъ радостнаго извѣстія о соединеніи всѣхъ въ одной тюрьмѣ, отправленнаго отъ дамъ, находившихся въ Влагодатскомъ рудникѣ, къ читинскимъ дамамъ. Письмо это комендантомъ было прочитано, найдено невиннымъ, сообщавшимъ описаніе природы красной и дикой Аргунь, виды которой заставляли припоминать стихъ Байрона (стихъ былъ приведенъ въ подлинникѣ на англійскомъ языкѣ). На другой день по прочтеніи письма коменданту доложено было о необыкновенно веселомъ и радостномъ настроеніи духа заключенныхъ, о томъ, что причиною этого общаго оживленія послужило извѣстіе о присоединеніи благодатскихъ товарищей. Тщательные розыски и дознанія обидѣвшагося коменданта не привели ни къ чему. Далеко позже, когда дѣло стало прошлымъ, узналъ онъ, что извѣстіе, тщательно скрываемое имъ, привезъ самъ же онъ, и что стихъ Байрона не принадлежалъ поэту, а заключалъ въ себѣ прозаическое извѣстіе: „in a fortnight we leave this dreadful place“, т. е. черезъ двѣ недѣли мы оставляемъ это ужасное мѣсто. Это обстоятельство, когда выяснилось потомъ, послужило поводомъ Лепарскому требовать особливаго чиновника для чтенія писемъ на тѣхъ языкахъ, которыхъ онъ не зналъ.

Работа на ручныхъ мельницахъ въ нѣсколько жерновомъ, обивавшая перемолоть 4 пуда ржи ежедневно всѣмъ (т. е. по 10 фунтовъ на каждого), производилась сначала посмѣнно, такъ какъ у каждой мельницы могли работать только два человѣка. Впоследствии стали молотъ сами сторожа и конвойные наблюдатели. Обязательные рабочіе въ сосѣдней комнатѣ (шпильной) курили, играли въ шахматы. Здѣсь, мало по малу, образовался маленький клубъ: обмѣнивались мыслями и чувствами, читали газеты, съ жадностью слѣдя за политическими событіями Европы и, въ особенности, за дѣйствіями нашихъ войскъ въ персидскую войну, въ которой принимали участіе многие изъ прежнихъ товарищей и друзей читинскихъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Нѣкоторые достигли такого искусства въ быстротѣ просмотра газетъ (какъ Д. И. Завалишинъ), что, успѣвая пробыть нумера газетъ прежде другихъ, умѣли сообщать собравшемуся клубу самыя крупныя новости немедленно. Комендантъ приученъ былъ смотрѣть на это сквозь пальцы; работать усиленно не заставлялъ и, при засыпкѣ рва Чер-

товой могилы, рабочіе, успѣвая свести нѣсколько тачекъ для моціона, бросали лопаты и тутъ же составляли новый подвижной клубъ съ тѣми же бесѣдами и чтеніемъ иностранныхъ газетъ, выписываемыхъ и доставляемыхъ дамами *. Впоследствии и урядники, входя въ казарму, говорили: „Господа, не угодно ли кому на работу?“—и въ самомъ дѣлѣ, шли только тѣ, которые охотились и искали разнообразія. Лѣтомъ, когда стало тепло, раза два въ недѣлю ходили заключенныхъ купаться въ очень маленькомъ притоцѣ рѣчки Читы и притомъ загороженномъ частоколомъ. Купались безъ кандаловъ; водили человѣкъ по 15-ти за одинъ разъ. Потомъ и это оставили: стали водить на Инголу, версты за двѣ отъ каземата.

Строго ограниченное и сильно стѣсненное значеніе свиданіе съ женами въ самыхъ казематахъ смѣнено было дозволеніемъ ходить съ консьежъ въ собственныя квартиры дамъ, а послѣ дубининской исторіи безъ постороннихъ свидѣтелей. Дозволили получать письма отъ родныхъ и почтовый день сдѣлался днемъ праздничнымъ. не смотря на то, что письма шли черезъ коменданта и доставлялись распечатанными и прочитанными. Тѣмъ же путемъ дозволялась и отправка отвѣтовъ, которые писали дамы, имѣвшія право переписываться съ кѣмъ имъ угодно и обыкновенно въ такой формѣ: „такой-то просилъ меня сообщить вамъ“ и проч. Въ этомъ случаѣ, каждая дама имѣла нѣсколько человѣкъ въ казематѣ, за которыхъ она постоянно писала, переписывая передаваемыя ей черновыя письма и прибавляя въ началѣ приведенную выше общую фразу. Трудъ дамъ въ этомъ случаѣ былъ немаловаженъ: „Одна княгиня Трубецкая еженедѣльно переписывала и отправляла къ коменданту болѣе десяти писемъ; ему самому передъ каждымъ отправленіемъ и послѣ каждого прибытія почты приходилось прочесть писемъ до ста“.

Установившаяся при содѣйствіи дамъ связь съ покинутымъ міромъ, съ любимыми и любящими, это—по выраженію М. А. Вестужева—„политическое существованіе за предѣлами политической смерти“,—существеннымъ образомъ выразилось помощью отъ родныхъ. Къ несчастью, по рассказамъ того же свидѣтеля, поч-

*) Изъ иностранныхъ: Journal des Debats. Constitutionnel, Journal de Francfort, Revue encyclopédique, Revue britannique, R. des deux mondes R. de Paris, Preussische Staatszeitung, Гамбургскій корреспондентъ, Аугсбургская газета и почти всѣ русскіе журналы и газеты. Изъ ученыхъ журналовъ выписывались: J. des savants, Annales de chimie, An. des voyages, Bibliothèque universelle de Genève и проч. Однако, сначала Лепарскій выдавалъ только подъ большимъ секретомъ получаемыя имъ «Телеграфъ» и «Инвалидъ», но разъ пересталъ посылать послѣдній по самому невинному поводу.

та обижала их самым безжалостным образом. Онъ говоритъ, что вмѣсто прекрасныхъ золотыхъ часовъ, завѣщанныхъ ему съ братомъ (Н. А.) и посланныхъ послѣ смерти ихъ брата Александра (Марлинскаго) они получили какое-то подобіе часовъ. Александръ Муравьевъ разъ вмѣсто бобровой получилъ изношенную шапку. Вѣлы часто получали сдѣланное по казеннымъ подрадамъ для лазаретовъ; дамскія шляпки и головныя уборы подѣляли поношенными, нерѣдко въ однихъ верескахъ и доскутъяхъ. Ивашовъ давно ожидаемую имъ посылку съ дамскими и дѣтскими уборами и лентами получилъ въ одномъ ящикѣ съ избитыми и измятыми крымскими яблоками: отполовинили изъ обонихъ ящиковъ и сложили въ одинъ. Въ утѣшеніе обиженныхъ почтовая оговорка гласила одно и то же: „Разбившаяся въ дорогѣ укупорка замѣнена новою, за которую просятъ взыскать и выслать слѣдующія деньги“ *).

Съ одной стороны просили одного: не оскорблять дерзкимъ обращеніемъ, и за этимъ ультиматумомъ обѣщали исполнять все съ покорностью и безропотно; съ другой стороны говорилось нѣкоторымъ наединѣ и по секрету: „Что обо мнѣ напишутъ въ Европѣ? назовутъ меня безсердечнымъ тюремщикомъ, палачемъ, притѣснителемъ, приравняютъ къ Гудсонъ-Лоу. Я берегу мѣсто единственно для васъ, господа, чтобы изъавить васъ отъ притѣсненій и несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Что мнѣ отъ того, что ношу кресты и ленты, которыхъ даже и смотрѣть здѣсь некому! Я желалъ бы освободиться отсюда, но не иначе, какъ вмѣстѣ съ вами“. Съ третьей стороны за комендантомъ былъ строгій контроль со стороны читинскихъ дамъ, умѣвшихъ отстаивать его въ Петербургѣ и говорившихъ ему въ глаза самыя жесткія и колкія слова. „Пожалѣйте меня, — говаривалъ Лепарскій дамамъ: — вы требуете того, чтобы меня разжаловали“. — „Ну, что же? Будьте лучше солдатомъ, генералъ, но

*) Особенно оригинальна была впоследствии переписка товарищей, жившихъ на поселеніи, между собою и съ заключенниками, прибѣгавшимъ къ помощи официальной почты. Письмо, прежде назначенія по адресу, шло въ Петербургъ, тамъ прочитывалось и отправлялось обратно въ Сибирь. Письмо Рѣпина къ Розену пропутешествовало съ Лены въ Петровскій заводъ 12 тысячъ верстъ и причело извѣстіе о здоровьи и надеждахъ на будущее, когда сгорѣвшій Рѣпинъ былъ давно уже похороненъ. Само собою, въ случаяхъ важныхъ прибѣгали къ оказаніямъ, имѣли возможность заручиться постоянными коммиссіонерами, готовно и охотно исполнявшими порученія на огромное большинство случаевъ безвозмездно. Впрочемъ, эти средства не всегда были непрерывными. Мы слышимъ жалобу одного въ такихъ выраженіяхъ: «Напи письма, писанныя въ духѣ самой строгой осторожности, были такъ цензурованы, что, наконецъ, вывели насъ изъ терпѣнія и мы рѣшились не писать болѣе другъ къ другу».

будьте честнымъ человекомъ“. — Послѣ экзекуціи надъ Сухиновымъ и его сообщниками, Лепарскій долгое время избѣгалъ встрѣчи съ дамами и нѣсколько дней не выходилъ изъ дому. Послѣ того, какъ его вывели отъ смертельной болѣзни казематскіе доктора, Лепарскій рѣшился написать въ Петербургъ. „Не я ихъ стерегу, а они меня берегутъ“. Имѣя обыкновеніе отвѣчать на всѣ просьбы „немогу“ (за что и былъ прозванъ въ шутку „господиномъ Немогу“), онъ началъ кончать тѣмъ, что исполнялъ просьбы, хотя и послѣ долгой „комбинаціи“ (какъ онъ самъ выражался), справки съ законами и инструкціою. Онъ любилъ говорить часто: „Я увѣренъ, что имѣю дѣло съ благородными людьми, поберегите меня“. Въ силу такихъ взаимныхъ уступокъ, такихъ строгихъ и неизбывныхъ отношеній значительно ослаблено было вліяніе съ четвертой стороны — и читинское заточеніе стало принимать видъ обыкновенной человѣческой общины и мало по малу приближаться къ тому идеалу ея, гдѣ нѣтъ мѣста для искусственныхъ и непрочныхъ скрѣпленій. Взаимныя уступки и обоюдная помощь сужили сдѣлать то, чего бы ни въ какомъ случаѣ не удалось достигнуть притѣсненіемъ свободной воли человека. Совершилось большое чудо: сотня людей разнообразныхъ характеровъ и наклонностей сплотилась въ тѣсное, согласное и дружное товарищество и при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ быта ни разу не измѣнило себѣ и ни на одну іоту не потребовало измѣненій въ предварительномъ ультиматумѣ. Всѣ сдержали слово съ тѣмъ достоинствомъ, что ни одинъ изъ безчисленныхъ доносовъ не оправдался, ни одинъ петербургскій ревизоръ не нашелъ ничего новаго, на чемъ бы онъ могъ выслужиться и тѣмъ бы въ состояніи былъ повредить приставу и дозираемому имъ товарищу. Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, С. В. Броневскій, въ своихъ запискахъ оставилъ сильныя слѣды восторга, полученнаго имъ при посѣщеніи тюрьмы государственныхъ преступниковъ, и о честныхъ взаимныхъ отношеніяхъ ихъ и коменданта со штабомъ его свидѣтельствовалъ лично передъ императоромъ Николаемъ I *).

*) Самъ С. В. Броневскій такъ говорить объ этомъ: «Каково ведутъ себя политическіе преступники? спросилъ меня государь императоръ въ Зимнемъ дворцѣ. Я отвѣчалъ: «Очень одобрительно, ни одинъ ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ, а что у нихъ на сердцѣ, отъ насъ сокрыто. Осмѣлился доложить, что простого народа изъ осужденныхъ Сибирь можетъ принять еще болѣе терпѣливаго. Они, дѣлая преступленія по различнымъ побужденіямъ, иногда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, благоговѣютъ къ предрѣшавшей власти, но политическихъ преступниковъ нужно бы водворять въ другіе края Россіи. Государь изволилъ со вниманіемъ выслушать мое замѣчаніе и от-

губернаторъ Сулима вынесъ тѣ же отличныя впечатлѣнія. Когда государь повелѣлъ снять оковы съ болѣе достойныхъ и вполне заслуживающихъ такую милость, Лепарскій, явившійся въ полной формѣ, съ крестами и въ лентѣ, объявилъ, по прочтеніи бумаги, что онъ находить всѣхъ того достойными. Оковы были сняты и спрятаны, но нашлась возможность потомъ доставать ихъ, чтобы дѣлать изъ нихъ браслеты и кольца и отсылать эти издѣлія на память роднымъ, оставшимся въ Россіи. Отсылали съ тѣмъ нарочнымъ, который ежегодно увозилъ изъ нерчинскихъ рудниковъ серебро. Разъ такая посылка открыта была въ Петербургѣ и Смольяниновъ, хранившій желѣза, былъ посаженъ на гауптвахту.

Съ этого времени самое заточеніе стало наименѣе строгимъ и тюремная община декабристовъ еще сильнѣе укрѣпилась въ своихъ правахъ и дѣйствіяхъ. Къ казеннымъ работамъ присоединились свои собственныя, вызванныя требованіемъ взаимной помощи и содѣйствія. Загорожено было большое мѣсто подъ огородъ и всѣ, каждый день, съ наступленіемъ весны, ходили туда работать на нѣсколько часовъ. Въ первый годъ урожай былъ плохой, но все-таки осенью и зимою въ артельной поллѣбкѣ оказалось по нѣскольку своего картофеля, рѣпы и моркови. Это особенно имѣло значеніе въ Читѣ, до прибытія декабристовъ не имѣвшей достаточнаго количества числа огородовъ и довольствовавшейся привозными овощами или дико растущими въ лѣсахъ и лугахъ кореньями и цвѣточными луковичками. На слѣдующій годъ урожай на огородѣ былъ до того обиленъ, что на зиму заготовленъ былъ весь нужный запасъ овощей и поселено въ большихъ винныхъ бочкахъ до 60.000 огурцовъ—продукта до того времени весьма мало извѣстнаго за Байкаломъ *). Избытками запасовъ товарищество, сверхъ того, могло подѣлиться съ немнущими читинскими бѣдняками, а картофелемъ съумѣли подспорить скудную трапезу горныхъ крестьянъ, издавна пользовавшихся, за недостаткомъ хлѣба, всевозможными суррогатами его.

Въ читинской тюрьмѣ стала налаживаться та общинная артель, которая съ такимъ совершенствомъ выработалась окончательно въ Петровскомъ заводѣ. Въ Читѣ—столъ былъ общій: къ обѣду приносили огромную латку артельныхъ щей, на другой латкѣ—накрошенную говядину. Хлѣбъ приносили наръзанный вѣчалъ: «Да, это такъ; но они успѣваютъ войти въ связи съ начальствомъ (тогда былъ доносъ на Иркутскъ въ этомъ родѣ); ихъ близко держать невозможно, но мнѣ еще этого никто не говорилъ».

*) Точно также и дыни, взрощенные въ парникахъ декабристами, были первыми на забайкальской почвѣ, какъ и огурцы.

ломтями, такъ какъ, по тюремнымъ положеніямъ, не давали ни ножей, ни вилокъ (и отобрали даже свѣчные щипцы). Всякій имѣлъ свою ложку: костяную, оловянную или деревянную; серебряныя ложки запрещались. Недостатокъ тарелокъ дополнялся чайными деревянными китайскими чашками. Обѣденный столъ приготавливался изъ козелъ, приносимыхъ въ казематъ на то время и накрываемыхъ доскою. Супъ или щи, каша съ масломъ приносились въ деревянныхъ ушатахъ и разбирались прямо отсюда каждымъ отдѣльно въ собственные китайскія чашки. Пища была проста и здорова: одна и та же для тѣхъ, которые привыкли въ походахъ къ сытной и обильной трапезѣ богатой Малороссіи, и для тѣхъ, которыхъ не всегда удовлетворяла въ Петербургѣ французская изысканная кухня съ ежедневнымъ шампанскимъ. „Между нами было много гастрономовъ; всѣ они были согласны въ томъ, что не терпѣли въ Читѣ голода, но и не были совершенно сыты“. На столъ и содержаніе, сверхъ казенныхъ 6 копеекъ мѣди въ сутки и 2 пудовъ муки въ мѣсяцъ, въ содѣйствіе тѣмъ, которые были безъ средствъ или забыты помощью, получали общій столъ и денежныя пособія отъ богатыхъ товарищей и дамъ.

Эти взносы, сдѣлавшіеся впоследствии для всѣхъ обязательными, въ Читѣ послужили основаніемъ артельнаго капитала, который и расходовался на общія потребности. Дамы присылали кофе, шоколадъ и кушанья, какъ лакомства. Для завѣдыванія суммами на каждые три мѣсяца избирался староста, получившій на языкѣ декабристовъ названіе хозяина, и другое лицо, завѣдующее артельнымъ огородомъ—огородникъ. Хозяина выбирали первый разъ въ 1828 г. по причинамъ дурнаго состоянія кухни. Первымъ хозяиномъ былъ Ив. Сем. Повало-Швейковский, но онъ кормилъ довольно плохо, молодежь была имъ не довольна. Онъ просилъ освобожденія, выборы пали на И. Д. Якушкина, но онъ отказался. Согласился быть хозяиномъ Розенъ и дѣла по хозяйству пошли лучше. Въ 1829 году на мѣсто Розена избранъ былъ Пушкинъ, при которомъ объявились даже излишки огородныхъ запасовъ. Хозяинъ (одинъ только) имѣлъ право выходить изъ каземата для посѣщенія разныхъ лавокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя помѣщались въ жилыхъ домахъ (какъ, напр., всѣ еврейскія). Въ Петровскѣ эта заманчивая обязанность перенесена на вновь созданную должность закупщика, не представлявшую особеннаго труда и отвѣтственности.

О читинскомъ хозяйствѣ декабристовъ у насъ имѣются слѣдующіе документы первоначальнаго дѣйствія по устройству общины. Передаемъ съ буквальною точностью протоколъ о результатахъ.

„Мая 23-го 1829 года.

„П. В. Аврамовъ просилъ вчерашняго числа о назначеніи изъ каждой горницы большого каземата, изъ казематовъ № 2 и 3 уполномоченныхъ для принятія отъ него нѣкоторыхъ сообщеній касательно хозяйственной должности.

„Получившіе на сіе довѣріе своихъ товарищей собрались въ числѣ пяти человекъ, изъ коихъ трое за свои комнаты, а двое—каждый за двѣ; и хотя нѣкоторые изъ нихъ были отправлены не отъ полного числа *), но по повѣркѣ всѣ вмѣстѣ оказались соединяющими довѣріе большинства голосовъ.

„Имъ г. Аврамовъ, сообщивъ всѣ бумаги, касающіяся какъ до опредѣленія обязанностей хозяина, такъ и до выбора новаго (хозяина), просилъ:

„1) Относительно опредѣленія условій хозяйства рассмотреть и представить для общаго свѣдѣнія, на которой сторонѣ большинство голосовъ.

„2) Опредѣливъ по поданнымъ голосамъ кандидатовъ **) и представивъ на баллотировку, увѣдомить его, кто будетъ утвержденъ, для сдачи ему хозяйства къ 1-му числу юнія.

„Самъ же г. Аврамовъ совершенно отказался, какъ отъ рассмотрѣнія голосовъ по симъ двумъ пунктамъ, такъ и отъ извлеченія слѣдствій изъ оныхъ.

„Назначенные отъ товарищей, исполнивъ все возложенное на нихъ, представляютъ при семъ къ общему свѣдѣнію

„Протоколъ о составѣ комиссіи.

„Члены комиссіи.

„I. Съ правомъ двухъ голосовъ:

„Дм. Завалишинъ 1—за казематъ № 2 и за горницу большого каземата № 4 или аристократическую.

„Н. Везстужевъ за горницы № 2 и 3.

„II. Съ правомъ одного голоса:

„А. Вюляевъ за горницу № 1.

„Игельштромъ, за горницу № 5.

„Мухановъ, за казематъ № 3.

„По повѣркѣ полномочій выбраны: председателемъ комиссіи Дм. Завалишинъ 1. Секретаремъ Мухановъ.

„Протоколъ о результатахъ подачи голосовъ о новомъ устройствѣ общины.

„По рассмотрѣніи голосовъ и мнѣній, по даннымъ касательно правилъ хозяйства (причемъ были спрашиваемы всѣ тѣ, коихъ мнѣнія могли быть не очень поняты—для отклоненія всякаго недоразумѣнія ***) оказался:

*) По причинѣ того, что многіе вовсе отказались отъ подачи голосовъ.

**) Разумѣется, въ должность хозяина.

***) Все заключающееся въ скобкахъ находится въ такомъ видѣ въ текстѣ протокола, а не то, чтобы здѣсь только представлялось для поясненія.

„1) Желающихъ, чтобы все осталось на прежнемъ основаніи—32.

„2) Желающихъ поясненія или опредѣленія обязанности хозяина и проч.—20.

„(Остальные 20 не подавали голоса или потому, что не участвовали въ артили, или отказались отъ подачи голосовъ).

„При семъ, когда большинство голосовъ оказалось на сторонѣ желавшихъ остаться на прежнемъ положеніи, г. Басаргинъ отказался отъ артили, причеиъ, по его просьбѣ, предлагается (къ дѣлу) объясненіе его собственной руки о причинахъ его, къ сему побудившихъ. Сверхъ того, отказался отъ артили г. Варятинскій по причинамъ, поясненнымъ въ прилагаемой здѣсь копіи его мнѣнія.

„Примѣчаніе. (Варятинскій худо писалъ и потому просилъ копію съ его подлинника, чтобы удобнѣе могли прочесть его мнѣніе).

„Протоколъ о протестахъ противъ нѣкоторыхъ послѣдствій прежняго порядка.

„Поскольку большинство голосовъ осталось за удержаніе прежняго порядка, то приступая къ изложенію дѣла касательно выбора новаго хозяина, на прежнемъ основаніи, комиссія долговъ считаетъ предувѣдомить имѣющаго быть избраннымъ въ сію должность, что имѣются нѣкоторые голоса, желающіе, дабы, если хозяинъ будетъ что либо говорить отъ общества съ начальствомъ, то если бы это было и по большинству голосовъ, но если они не давали на то своего согласія, въ такомъ случаѣ въ сношеніи съ начальствомъ исключать ихъ пониманно“.

На каждую комнату назначалось двое дежурныхъ, обязанныхъ мыть и прибирать посуду, наблюдать за чистотою, накрывать столъ, приносить кушанье, ставить самовары, разливать чай. Разливавшіе чай постоянно избавлялись отъ обязанностей очередныхъ дежурствъ. Дежурнымъ помогали нанятые мальчики (по одному на комнату). Всѣмъ дѣлились между собою по братски: деньгами и лишеніями. Платьемъ и бѣльемъ запасались сами, но богатые покупали необходимые предметы и дарили бѣднѣйшимъ. Для облегченія запаснаго артельного капитала, предназначеннаго, преимущественно, на столовые припасы, въ товариществѣ нашлись готовые мастера. Переплетнымъ мастерствомъ и картонажемъ занимались: Д. И. Завалишинъ, М. А. Вестужевъ и Ан. Ив. Борисовъ. Лучшими портными были: Павелъ Пушкинъ, Павелъ Мовганъ, Антонъ Арбузовъ. Чулки штопалъ лучше всѣхъ Трубецкой; лучший токарь былъ Артам. Зах. Муравьевъ, столяръ—Громницкій, закройщикъ—Евгеній Оболенскій. Лучшія фуражки шили: братья Вестужевы (Николай и Михаилъ), Петръ Фаленбергъ; они же вязали носки и чулки, а Ник. Алек. Вестужевъ, сверхъ того, снабжалъ всю артель отличными,

крѣпкими башмаками, для чего комендантъ дозволилъ устроить ему вродѣ антресолей полати съ маленькимъ окномъ на верху. Здѣсь, подлѣ свѣта, этотъ надѣленный богатыми и разнообразными талантами человекъ завелъ самую многосложную мастерскую: починалъ сапоги, рисовалъ портреты товарищей, училъ шить башмаки, исполнялъ для дамъ обязанность ювелира, чинилъ часы дамамъ и коменданту, снималъ виды окрестностей, точилъ изъ дерева различные подарки дамамъ въ отплату за лакомства, занимался слесарнымъ мастерствомъ; разослалъ, между прочимъ, всѣмъ знакомымъ въ Россіи, по желанію ихъ, желѣзные кольца, кресты и браслеты собственной работы изъ тѣхъ кандаловъ, которые выносили товарищи его на ногахъ въ теченіи двухъ лѣтъ (а нѣкоторые и долѣе). Кольца подкладывались золотомъ и вошли въ Сибиря въ такую моду, что требованіе усилилось и въ удовлетвореніе его объявилась поддѣлка, началась торговля подложными кольцами.

Черезъ своего старосту государственные преступники передава и о своихъ личныхъ нуждахъ коменданту; при этомъ почитали неприличнымъ вмѣшиваться начальство въ свои частныя дѣла. Староста распоряжался денежными суммами, покупалъ запасы, но не имѣлъ ни копейки въ рукахъ; его расходы выплачивались комендантскою канцеляріею. Онъ имѣлъ дозволеніе въ теченіи дня ходить на кухню столько разъ, сколько ему было нужно. Въ 50-ти шагахъ отъ тюрьмы находилась кухня и запасныя кладовыя. По истеченіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ, при избраніи новаго старости, ходилъ по рукамъ листъ, на которомъ каждый обозначалъ свои средства для общаго расхода. На общую же пользу устремлены были всѣ нравственныя силы товарищей: всѣ, за малымъ исключеніемъ, учились и учили другихъ. Всѣ выучились по французски, другіе по англійски; немногіе занимались даже древними языками, не смотря на то, что тѣснота помѣщенія, шумъ отъ кандаловъ, требовавшій привычки, мѣшали отдѣльнымъ занятіямъ. „Хочешь заняться, унесешься мыслями на родину, вдругъ распахнется дверь и молодежь съ топотомъ влетитъ въ комнату, танцую мазурку и бряча кандалами. Кто ищетъ уединенія для занятій, тѣ имѣли лѣтомъ маленькія палаточки во дворѣ у частокола. Въ предотвращеніе помѣхъ установлены были общія чтенія и занятія: въ тюрьмѣ нашлись и на это дѣло приготовленные и готовые дѣятели. Корниловичъ, вѣстѣ съ Куницынымъ, имѣвшій свободный доступъ къ государственному архиву и, въ особенности, успѣшно изучившій исторію Россіи прошлаго вѣка, въ длинные зимне вечера занималъ товарищей чтеніемъ публичныхъ лекцій объ эпохѣ царствованія императрицъ. Петръ Мухановъ, на правахъ его адъютанта,

развивалъ слушателямъ предшествовавшія картины русской исторіи прежнихъ вѣковъ *). Никита Муравьевъ, имѣвшій въ собственной библіотекѣ (послужившей основаніемъ артельной библіотеки) прекрасныя военныя карты и планы, читалъ стратегію и тактику; онъ же хорошо зналъ греческій языкъ. Пушкинъ 2-ой преподавалъ математику, Д. И. Завалишинъ высшую математику, астрономію по сочиненіямъ Лапласа каждый четвергъ отъ 6 до 8 часовъ, астрономію же—Вадковскій, греческій языкъ Луинъ, Оболенскій и П. Борисовъ. Лучшими математиками были А. И. Барятинскій, Ѳ. И. Вадковскій, Вобрищевъ-Пушкинъ и Басаргинъ. Алек. Ив. Одоевскій преподавалъ русскую литературу (онъ же нѣмцевъ училъ русскому языку); Фердинандъ Вольфъ, штабъ-докторъ 2-ой арміи, читалъ изъ химіи и анатоміи и онъ же, помимо назначеннаго чиновнаго врача, былъ врачомъ не только для товарищей, но и для коменданта, для офицеровъ коменд. штаба и для пріѣзжихъ изъ Кяхты, Иркутска и Нерчинска; такъ велика была его слава *). Когда въ девять часовъ, по положенію, запирались двери казематовъ и тушились свѣчи, на мѣсто правильно организованныхъ бесѣдъ выступали импровизированныя, въ содѣйствіи которыхъ наиболѣе выделялся бывалый М. К. Кюхельбекеръ, обвѣшавшій кругомъ свѣта.

Всѣ эти чтенія, весь этотъ постоянный обмѣнъ умственнымъ богатствомъ имѣли огромное вліяніе на тѣхъ изъ товарищей, которые прежде не имѣли ни времени, ни средствъ на развитіе себя въ научномъ отношеніи. Особенно рѣзко

*) Черезъ полгода тотъ же фельдшеръ, который привезъ изъ Шлиссельбурга Вадковского, увезъ изъ Читы Корниловича, снова въ Петропавловскую крѣпость, для допросовъ о тайномъ польскомъ обществѣ. Корниловича въ Читѣ уже не возвратили, а отправили на Кавказъ солдатомъ, гдѣ ему довелось участвовать въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ и черезъ два года умерѣть отъ злокачественной лихорадки.

*) Комендантъ позволялъ ему свободно выходить изъ тюрьмы во всякое время съ конвойнымъ. Вольфу удалось спасти Лепарскаго отъ близкой и неизбежной смерти. Висоудствіи, въ Петровской тюрьмѣ, въ соседнемъ номерѣ съ номеромъ Вольфа помѣщена была артельная аптека съ лекарствами, инструментами и лучшими медицинскими сочиненіями, которыя выписывались и доставлялись дамами. Аптекою заведывалъ Арт. Зах. Муравьевъ по составленію и отпуску лекарствъ. Онъ же и устраивалъ аптеку. Фроловъ помогалъ въ черныхъ работахъ, мылъ посуду и проч.; помощникомъ Вольфа по хирургическимъ операціямъ былъ Артамонъ Захар. Муравьевъ, охотно вызвавшійся на это дѣло. Онъ рвалъ зубы, пускалъ кровь, перевязывалъ раны и слѣдомъ за Вольфомъ и впереди конвойнаго имѣлъ право свободнаго выхода изъ тюрьмы на помощь страдающимъ. Вообще, заключенники, какъ въ Читѣ, такъ и въ Петровскомъ заводѣ, пользовались здоровьемъ, благодаря климату и регулярной жизни при простой умѣренной пищѣ.

выдѣлился изъ прочихъ Д. И. Завалишинъ, изучившій, кромѣ греческаго и латинскаго, еще до восьми европейскихъ языковъ. Въ особенности онъ былъ очень свѣдущъ въ священномъ писаніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ чрезвычайною энергіею стремился приобрѣтать наибольшія познанія. Для облегченія себѣ занятій онъ шелъ къ изученію языковъ съ помощью Вибліи—этого легкаго ключа и всеобщаго словаря; съ фонъ-деръ-Вригеномъ читалъ латинскихъ классиковъ и переводилъ Тацита, съ Лунинимъ—латинскихъ отцевъ церкви; съ Вольфомъ и Ал. Крюковымъ (воспитанникомъ петербургской Peter-Schule) прочелъ всѣхъ нѣмецкихъ авторовъ. 18 часовъ въ сутки онъ употреблялъ на занятія, подчинивъ себя необычайной діетѣ. Отрывался отъ ученія только тогда, когда довѣрие товарищей призывало его къ общественной дѣятельности. Кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, онъ зналъ еврейскій такъ, что перевелъ съ еврейскихъ подлинниковъ все священное писаніе и прочелъ въ подлинникахъ всѣхъ отцевъ церкви и весь кругъ богослужебныхъ книгъ. Нѣкоторые въ казематѣ изучили иностранные языки, какъ Бесчасновъ, не имѣвшій возможности выучиться имъ ни дома, ни въ казенномъ заведеніи. Онъ сдѣлался лучшимъ знатокомъ французскаго языка, такъ что къ нему же обращались и тѣ, которые научились только салонной болтовнѣ, когда дѣло шло о томъ, чтобы правильно написать что нибудь дѣльное по французски. Нѣкоторымъ удалось выучиться играть на музыкальныхъ инструментахъ подъ руководствомъ умѣлыхъ товарищей, изъ которыхъ многіе оказались виртуозами: А. П. Юшневскій, отличный игрокъ на роялѣ, съ Вадковскимъ, отличнымъ скрипачемъ, и двумя виолончелистами, Н. А. Крюковымъ и П. Н. Свистуновымъ, составляли квартетъ. „30-го августа 1828 года, когда мы справляли одновременно 16 именинъ, нашъ оркестръ въ первый разъ игралъ въ тюрьмѣ“. Сыгрывались и учились музыкѣ въ особенномъ домикѣ, съ тремя отдѣльными комнатами, который позволили выстроить на тюремномъ дворѣ черезъ годъ по прибытіи въ Читы. Въ одной комнатѣ стояли рояль и фортепiano для аккомпанимента игрокамъ на флейтѣ, чеканѣ, скрипкѣ и гитарѣ. Въ другой комнатѣ поставлены были токарный и столярный станки и прессъ для переплета книгъ къ услугамъ искусниковъ по этимъ работамъ (братьевъ Вестушевыхъ, Ворисова, Фролова, Пушкина). Переплетали книги богатой библіотеки Никиты Муравьева, дополненной книгами, привезенными слѣдомъ за Трубецкимъ и Волконскимъ изъ ихъ домашнихъ библіотекъ и потомъ освѣжаемой новыми присылками. Новыя книги поступали въ пользованье по просмотрѣ комендантомъ и съ его подписью, которая нерѣдко гласила: „читалъ“, на греческихъ и латинскихъ

лексиконахъ, но потомъ была зачѣнена болѣе вѣрною и близкою къ дѣлу отмѣткою: „выдалъ“.

Въ церковь водили одинъ разъ въ годъ, въ Великомъ посту, для причащенія св. таинъ *) (для чего снимались кадалы). Наканунѣ большихъ праздниковъ приходилъ священникъ въ тюрьму и служилъ всенощную. „Я никогда не забуду (говоритъ одинъ изъ заключенниковъ, лютеранинъ), какъ трогательно и торжественно совершена была служба въ великую субботу 1828 года, когда въ 9 часовъ, передъ зарею, раздался со всѣхъ сторонъ возгласъ: „Христосъ воскресъ“! и когда бросились въ объятія другъ другу товарищи, загремѣвъ цѣпями. Мысленно мы обвиняли въ то время нашихъ далекихъ родныхъ и друзей, которыхъ мы вспомнили въ молитвахъ“. „Нѣкоторые (говоритъ Броневскій, навѣстившій узниковъ въ Петровскомъ казематѣ) стали носить бороды, не по требованіямъ юной Франціи, а такъ... изъ смиренія, и предались религіозности, употребляя свое время главнѣйше на молитву и хожденіе въ церковь Божию“ **). Въ Читѣ каждое воскресенье узники читали религіозныя сочиненія, оригинальныя и переводныя, сдѣланныя лингвистами-товарищами; воскресный и праздничный день кончали чтеніемъ главъ изъ Евангелія и посланій апостольскихъ. Лучше всего удавалось церковное пѣніе по композиціямъ Вортянскаго; пѣніе ирмосовъ и тропарей встало на мѣсто пѣнія свѣтскихъ романсовъ и пѣсенъ. Религіозное настроеніе можно было назвать общимъ у всѣхъ; для нѣкоторыхъ выразилось оно крайностями мистицизма, успѣвавшего увлечь двухъ дамъ, отличившихся наибольшою набожностью. М. С. Лунинъ жилъ отдѣльно, не принималъ участія въ общемъ столѣ и держалъ постъ по обычаямъ католической вѣры, въ которую онъ перешелъ, служивъ въ гусарахъ въ Варшавѣ, и сдѣлался ученикомъ и приверженцемъ извѣстнаго Мейстера. Одну треть комнаты его отдѣляла занавѣска, позади которой, на возвышеніи въ нѣсколько ступенекъ, стояло освѣщенное папою распятіе, присланное ему сестрою изъ Рима. Днемъ изъ его комнаты доносились до слуха товарищей его латинскія молитвы, но, во всякомъ случаѣ, онъ не былъ ханжой и въ общество товарищей входилъ

*) Говѣли поочередно на 3, 4, 5, 6 и 7 нѣдѣляхъ, предварительно составляя списки говѣльщиковъ. Въ Петровскомъ заводѣ артель положила отъ себя священнику, пасторамъ и на церковь 200 руб. Здѣсь уже дозволялось говѣть всякій постъ, а потомъ и просто ходить къ обѣднѣ, только съ тѣмъ, чтобы стоять на хорахъ или въ алтарѣ.

**) Бороды носили вовсе не по смиренію, а потому, что сначала не позволяли самимъ бриться; послѣ многіе оставили бороды: кто для удобства, чтобы не хлопотать съ бритьемъ, кто отъ простуды, какъ Е. П. Торсонъ; кто для красоты, какъ Александръ Викторовичъ Поджіо.

остроумнымъ и шутивымъ *). Едва ли, впрочемъ, и нужны были наружные знаки и новыя вещественныя доказательства христіанскихъ чувствъ тамъ, гдѣ подробности самаго образа жизни сложились такъ, что старый знакомецъ заключенниковъ, протоіерей Мысловскій, называлъ эту жизнь апостольскою и плѣнялъ ея деталями, полученными отъ Корниловича, всѣхъ тѣхъ женъ, которыя не успѣли отправиться за мужьями.

Въ религіозномъ отношеніи должная мѣра была опредѣлена, а въ казематскомъ опытѣ оправданъ извлеченный изъ изученія исторіи законъ, что истинная должная мѣра и въ религіи, какъ и во всемъ, не можетъ быть результатомъ внѣшней сдѣлки, а есть только внѣшнее проявленіе правильности внутренней силы, которая одна можетъ опредѣлять правильность рѣшеній въ приложеніи къ даннымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Вотъ почему, когда мистически-фанатическое настроеніе, такъ называвшей самое себя религіозной партіи, усиливаясь и увлекаясь, дошло до того, что не хотѣло уже удовлетвориться возможностью безпрепятственнаго удовлетворенія личной, душевной религіозной потребности,—задумана была постройка церкви внутри казематской ограды. Это произвело одно изъ самыхъ сильныхъ движеній въ казематскомъ обществѣ. Послѣ ожесточенныхъ споровъ, религіозная партія и ея противники пришли, наконецъ, къ нижеслѣдующему соглашенію.

Справедливость не позволяетъ дѣлать ничего, что можетъ имѣть невыгодное послѣдствіе не только для настоящихъ, но и для будущихъ заключенныхъ въ казематахъ. Постройкою церкви въ казематѣ мы можемъ, съ одной стороны, упрочить самое существованіе государственной тюрьмы, а съ другой—лишить заключенныхъ единственной связи съ живымъ міромъ, которую теперь составляютъ церкви. Но что хуже всего, мы можемъ дать начальству поводъ къ полицейскому надзору въ дѣлѣ религіи и къ понужденію къ лицемѣрному исполненію внѣшней обрядности, что совершенно противорѣчитъ понятію объ истинной вѣрѣ. Наконецъ, такъ какъ многія

лица обвиняются прямо въ томъ, что, основываясь на сдѣланныхъ ими пожертвованіяхъ на постройку церкви, заранее считаютъ себя какъ бы хозяевами и распорядителями въ ней, то это неминуемо сдѣлается источникомъ большихъ неудовольствій и соблазна. А потому и будетъ гораздо благоразумнѣе, отказавшись отъ постройки церкви въ казематѣ, пожертвовать собранныя деньги на постройку новой церкви въ Петровскомъ заводѣ, такъ какъ настоящая церковь очень ветха, а заводъ собственныхъ средствъ для постройки своей церкви не имѣетъ. Это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для завода и для окрестныхъ деревень. Рѣшеніе это было принято большинствомъ 27 голосовъ противъ 11, и собственные деньги были отданы на новую церковь въ заводѣ, которая и была построена безъ замедленія.

Другое благоразумное рѣшеніе общины, въ религіозномъ отношеніи, относилось къ присланнымъ изъ Петербурга книгамъ религіознаго содержанія, для раздачи „наиболѣе религіознымъ“ изъ заключенныхъ. Коменданту объявили, такъ какъ религія есть дѣло совѣсти, то было бы несправедливо съ его стороны взять на себя опредѣлять, кто религіозенъ. На предложеніе же его, чтобы взяли „желающіе“, отвѣчали, что кто желалъ имѣть религіозныя книги, давно ужъ пріобрѣлъ ихъ или черезъ родителей или черезъ товарищей, и ни въ какихъ даровыхъ не нуждается.

Наконецъ, когда одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ пожелало посѣтить казематъ по обязанности „посѣщать темницы для утѣшенія и участія“, то просили коменданта отклонить это посѣщеніе, по самому уваженію къ этому духовному лицу, чтобы онъ не очутился въ неловкомъ положеніи и чтобы не вышло изъ этого непріятности. Комендантъ такъ и отвѣчалъ ему словами казематскаго общества: „Въ утѣшеніи они не нуждаются и оно можетъ показаться имъ смѣшнымъ. Въ религіозномъ отношеніи они сами знаютъ все, что имъ могутъ сказать, а если увѣщанія касаются политики, это можетъ повести къ спорамъ и непріятностямъ, при которыхъ легко можетъ нарушиться уваженіе къ духовному сану“.

Пріѣхавшія за своими мужьями жены совершили тѣ евангельскіе подвиги, подобіе которымъ мало представляютъ европейскія исторіи. Если за семью женихами не поѣхали въ Сибирь уже обрученныя съ ними невѣсты, если къ восьми другимъ не поѣхали жены и даже нѣкоторыя вступили въ бракъ, за то тѣ, которыя выстрадали себѣ право сожителства въ Сибирѣ, вступили на стезю высокихъ христіанскихъ подвиговъ и служеніемъ своимъ пріобрѣли то прозваніе ангеловъ-хранителей, которое сдѣлалось для нихъ общимъ у всѣхъ союзниковъ. Уже въ 1829 году Александръ Ивановичъ

*) Такой же оригинальный образъ жизни велъ онъ и въ дѣтствѣ Угикѣ подъ Иркутскомъ на поселеніи: вокругъ домика выстроилъ высокій заборъ; двери постоянно держалъ на запорѣ, доверялся одному только слугѣ буряту. Здѣсь его арестовали во второй разъ за напечатаніе статей въ англійской газетѣ (журналистъ продалъ тайну) и за разборъ донесенія слѣдственной комиссіи (по оплошности перепечатки) и сослали въ Акатуй, гдѣ онъ и умеръ семидесятилѣтнимъ старикомъ. Ксендзъ Тибурицъ Павловскій, бывшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ его капелланомъ, съ другими ссыльными проводилъ его гробъ до могилы, на которой впоследствии сестра М. С. Лунина поставила каменный памятникъ.

Одоевскій писалъ въ альбомъ кн. М. Н. Волконской (въ день ея рожденія 25-го декабря) стихи, представляющіе въ поэтической картинѣ подвигъ этихъ женщинъ и въ одинаковой степени относящіеся ко всѣмъ дамамъ безразлично:

Быть край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душень былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровь свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явились какъ дочери земли,
И узникамъ съ улюбкой утѣшенія
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозъ нее небесныя уста
Но капль имъ точили медь отрады.
Съ тѣхъ поръ ялились въ темницѣ дни, лѣта:
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,—
Не сбросили покрова своего.

Первыми дамами, отправившимися за мужьями, были: кн. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная гр. Лаваль, и Марья Николаевна Волконская, урожденная Раевская. Трубецкая проторила первую дорогу, по которой съ неменьшею безобязанностью прошли слѣдомъ за нею и другія. На Трубецкую пали всѣ тѣ неудобства, которыя выпадаютъ на долю передовыхъ пионеровъ. Желаніе ея слѣдовать за мужемъ, тотчасъ же по его высылкѣ въ Сибирь, встрѣтило наибольшія испытанія на томъ главномъ обстоятельстве, что начальствомъ приказано было всѣми мѣрами стараться отклонить женъ слѣдовать за мужьями. Е. И. Трубецкую, воспитанную въ роскоши при вѣжной любви отца (эмигранта) и матери (изъ богатой фамиліи уральскихъ мѣдныхъ заводчиковъ Казацкихъ), постигли тяжелыя испытанія уже въ Иркутскѣ. До него добралась она среди различныхъ дорожныхъ неудобствъ: въ Красноярскѣ заболѣла ея проводникъ (секретарь ея отца), она отправилась одна; на дорогѣ сломался дорожный экипажъ, она пересѣла въ перекладную почтовую телегу. Въ Иркутскѣ она уже не нашла мужа, онъ былъ отправленъ въ Николаевскій замокъ. Въ Иркутскѣ ей сказали, что его скоро привезутъ въ этотъ городъ, но никто не рѣшился ей объявить правды объ окончательномъ назначеніи мужа. Когда его привезли въ Иркутскъ, начальство не хотѣло допускать свиданія и наскоро приготовили тройки. Сколько ни медлили товарищи, лошади тронулись: „Въ это время пріѣхала Е. И. на извозчикѣ, успѣла соскочить и закричала мужу. С. П. въ мгновеніе ока соскочилъ съ повозки и былъ въ объятіяхъ

жены; слезы текли изъ глазъ обоихъ. Полицеймейстеръ суетился около нихъ, просилъ ихъ разстаться другъ съ другомъ, но напрасны были его просьбы. Наконецъ, однако же, послѣднее „прости“ было сказано и вновь тройки умчались съ удвоенною быстротою“. Оставшіеся въ неизвѣстности о судьбѣ мужа, Трубецкая обратилась съ требованіемъ дозволенія слѣдовать дальше. Иркутскій гражданскій губернаторъ (В. И. Цейдлеръ) послѣдшилъ сначала представить ей страшную картину жизни среди 5.000 закоренѣлыхъ преступниковъ, въ одной казармѣ, безъ собственной прислуги, на правахъ жены ссыльно-каторжнаго. Говорилъ, что „вмѣстѣ съ тѣмъ, она принимаетъ на себя обязанности переносить все то, что такое состояніе можетъ имѣть тягостнаго, когда даже само начальство не въ состояніи будетъ защищать ихъ отъ ежедневныхъ могущихъ быть оскорбленій отъ людей самаго развратнаго презрительнаго класса, которые найдутъ въ томъ какъ будто нѣкоторое право считать жену преступника, несущаго равную съ ними участь, себѣ подобною. Оскорбленія могутъ быть даже насильственными, закоренѣлымъ злодѣямъ не страшно наказаніе“. Эти страхи не смущали Трубецкую. На слѣдующій день ей объявлено было, что она должна дать письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается отъ всѣхъ правъ дворянства на движимыя и недвижимыя имущества, принадлежащія ей теперь и могущія достаться ей по наслѣдству; съ отъѣздомъ въ Нерчинскъ уничтожится право на крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ нею. Трубецкая согласилась и на это. Нѣсколько дней сряду губернаторъ отказывалъ ей въ приемѣ, ссылаясь на нездоровье. Въ это время пріѣхала въ Иркутскъ М. Н. Волконская. „Обѣ соединились въ одной мысли и дѣйствовали въ одномъ и томъ же рѣшительномъ духѣ, не отступая ни передъ угрозами, ни передъ убѣжденіями. Терпѣливо выждавъ время пріема, Трубецкая снова слышала отъ Цейдлера совѣты покинуть намѣреніе. Онъ говорилъ, что заводское начальство можетъ даже требовать отъ нее и личной услуги, какъ-то: мытья половъ и тому подобнаго,—наконецъ объявилъ, что если такъ твердо ея намѣреніе, то она можетъ отправиться къ мужу, но не иначе, какъ съ ссыльно-каторжными, отправляемыми еженедѣльно, связанная веревкою и по этапамъ. Трубецкая приняла и это условіе. Тогда Цейдлеръ, не сумѣвъ овладѣть собою, заплакать и объявилъ, что она поѣдетъ къ мужу. Самъ Лепарскій, проѣзжавшій въ это время черезъ Иркутскъ, такъ былъ тронутъ рѣшимостью Трубецкой, что постарался предупредить дальнѣйшія затрудненія для нее и для Волконской.

Трубецкую отклоняла мать, Волконскую отецъ — герой 12-го года (Н. Н. Раевскій), страстно

ею любимый. Сверхъ того, у нее былъ грудной сынокъ-первенецъ. Сына оставила она у бабушки, отцу объявила, что ѣдетъ только по-видаться, но въ Иркутскѣ выказала рѣшительное намереніе слѣдовать за мужемъ и не усомнилась утвердить своею подписью, слѣдомъ за Трубецкою, тѣ условія, которыя были ей предложены. Въ числѣ этихъ условій заключились, между прочимъ правилами, два такого рода: „дѣти, прижитыя въ Сибири, поступать въ число казенныхъ заводскихъ крестьянъ“; „ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ съ собою брать не дозволяется; равно воспрещается имъ получать оныя отъ кого либо и впослѣдствіи. Собственныхъ денегъ онѣ могутъ имѣть столько же, сколько дозволено имѣть и мужьямъ ихъ, т. е. до 2.000 руб. на первое обзаведеніе и до 1.000 руб. ежегодно на содержаніе себя, и то не иначе, какъ черезъ посредство коменданта нерчинскихъ рудниковъ и который будетъ выдавать имъ оныя по частямъ по мѣрѣ надобности“. Кромѣ того, съ каждой требовалась особая подписка. Вотъ въ чемъ заключалась эта подписка, которую впослѣдствіи отбиралъ Лепарскій въ Читѣ со всѣхъ дамъ, послѣдовавшихъ за мужьями: „Желая раздѣлить участь моего мужа и жить въ томъ селеніи, гдѣ онъ будетъ содержаться, не должна я: 1) отнюдь искать свиданія съ нимъ никакими происками и никакими посторонними способами, но единственно по сдѣланному на то отъ г. коменданта дозволенію и токмо въ назначенные для того дни и не чаще, какъ черезъ два дня на третій; 2) не должна я доставлять ему никакихъ вещей, денегъ, бумаги, чернилъ, карандашей безъ вѣдома коменданта или офицера. Равнымъ образомъ, не должна принимать отъ него вещей, особливо же писемъ, записокъ и никакихъ бумагъ для отсылки; 3) не должна ни подъ какимъ видомъ никому писать и отправлять моимъ писемъ и другихъ бумагъ иначе, какъ токмо черезъ г. коменданта, равно если будутъ присланы черезъ родныхъ или постороннихъ людей, должна я ихъ ему же, коменданту, при полученіи объявлять; 4) изъ числа вещей, при мнѣ находящихся и коихъ регистръ имѣется у коменданта, я не въ правѣ безъ вѣдома его продавать ихъ, дарить кому или уничтожать. Деньгамъ же моимъ собственнымъ обязуюсь вести приходо-расходную книгу и въ оную записывать всѣ мои издержки, сохраняя, между тѣмъ, сію книгу въ цѣлости. Въ случаѣ востребованія г. комендантомъ, оную ему немедленно представлять. Если окажутся вещи и деньги сверхъ тѣхъ, которыя были мною скрыты, я подвергаюсь за противозаконный проступокъ законному сужденію; 5) также не должна я мужу моему присылать никакихъ хмѣльныхъ напитковъ: водки, вина, пива, меду, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, да и тѣ до-

ставлять ему черезъ старшаго унтеръ-офицера, а не черезъ людей моихъ, коимъ воспрещено личное свиданіе съ мужемъ моимъ *); 6) обязуюсь имѣть свиданіе съ мужемъ моимъ не иначе, какъ въ арестантской палатѣ, гдѣ указано будетъ въ назначенное для того время, а не говорить съ нимъ ничего излишняго и паче чего либо не принадлежащаго. Вообще, имѣть съ нимъ дозволенный разговоръ на одномъ русскомъ языкѣ; 7) не должна я нанимать себѣ никакихъ иныхъ слугъ или работниковъ, а довольствоваться только послугами предоставленныхъ мнѣ одного мужчины и одной женщины, за которыхъ также отвѣтствую, что они не будутъ имѣть никакого сношенія съ моимъ мужемъ и вообще за ихъ поведеніемъ **); 8) наконецъ, давши такое обязательство, не должна я сама никуда отлучаться отъ мѣста, гдѣ пребываніе мое будетъ, равно и посылать куда нибудь слугъ моихъ по произволу моему безъ вѣдома коменданта или, въ случаѣ отбытія его, безъ вѣдома старшаго офицера“ ***).

Женщины съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ поколебались бы, могли бы замедлить дѣло перепискою съ петербургскими властями (сначала не было подробной инструкции для сибирскихъ начальствъ), могли бы, такимъ образомъ, неблагопріятно повліять на рѣшимость другихъ; но Е. И. Трубецкая и М. Н. Волконская поселились съ мужьями въ Зерентуйскомъ рудникѣ, вытерпѣли недостатки во всемъ необходи-

*) Водку носили пить для адоровья фельдшера. Комендантъ самъ посылалъ ее Арт. Муравьеву и Вольфу для аптеки.

**) Этотъ § относился особенно къ тѣмъ дамамъ, которыя не привезли съ собою крѣпостныхъ людей. За богатыми послѣдовали ихъ крѣпостные слуги, на которыхъ онѣ теряли владѣльческое право. Въ правилахъ для женъ государственныхъ преступниковъ сказано, между прочимъ: «§ 3. Изъ числа крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ ними, позволяется имъ оставить при себѣ одного человѣка или одну женщину, и то въ случаѣ собственнаго сихъ послѣднихъ на то согласія, что они обязаны подтвердить подпискою за собственноручнымъ подписаніемъ; въ случаѣ же незнанія грамоты таковой оставляемый слуга долженъ объявить о томъ лично въ присутствіи мѣстнаго начальства. Прочіе люди могутъ возвратиться въ Россію. Отсюда изъемиются, однако, тѣ изъ женъ преступниковъ, кои, рѣшившись раздѣлить участь мужей своихъ, пожелаютъ жить вмѣстѣ съ ними въ острогѣ: таковыя не могутъ уже имѣть при себѣ никого для прислуги. § 5. Тѣ изъ крѣпостныхъ людей, прибывшихъ съ женами преступниковъ, кои не захотятъ долѣе оставаться съ ними, могутъ возвратиться въ Россію, но дѣти ихъ, въ Сибири родившіяся, должны оставаться тамъ».

***) Однако, эти отпуски не были легки для Лепарскаго. Ему довелось получить строгій выговоръ за то, что смѣлъ отсутствовать Волконскаго на минеральныхъ Туркинскихъ горячихъ водахъ съ офицеромъ. Впослѣдствіи Ребиндеръ испросилъ напередъ разрѣшеніе на подобные случаи и отпустилъ на воды четверыхъ.

момъ, нѣсколько мѣсяцевъ переносили холодъ и голодъ, довольствовались однимъ блюдомъ, сами стирали бѣлье. Въ Читѣ положеніе ихъ улучшилось: стала на людяхъ и смерть красна. Въ Читѣ за мужемъ (Никитой Мих. Муравьевымъ) послѣдовала третья героиня, Александра Григорьевна, урожденная гр. Чернышева. Въ Читѣ она была первою и первою приняла на себя всѣ невзгоды непривычнаго положенія, не выясненнаго въ достаточной степени и для осторожнаго начальства. Въ Россіи она оставила сына и двухъ дочерей на попеченіи бабушки, смѣнивъ заботу объ нихъ на заботу о мужѣ; въ Читѣ она была жестока разочарована, когда комендантъ показалъ ей инструкцію, строго воспрещавшую совмѣстную жизнь и допускавшую свиданіе не болѣе часа по два раза въ недѣлю и то въ присутствіи дежурнаго офицера. Свиданіе она восполняла тѣмъ, что ежедневно смотрѣла въ окно, когда мимо ея квартиры водили мужа и брата (Зах. Григ. Чернышева) на работу. Ей было 24 года; для всѣхъ она была поразительна своею внѣшнею красотою, но еще болѣе привлекла къ себѣ общую любовь душевною красотою и своими несчастьями. „При мужѣ она была покойна, даже весела, съ цѣлю не печалить его, но какъ скоро оставалась одна, то тотчасъ же у нея являлась тоска по дѣтямъ“. Черезъ годъ послѣ разлуки съ ними предчувствія ея сбылись: умеръ единственный ея сынъ, а дочери растеряли здоровье въ постоянной тоскѣ и ожиданіи свиданія. Три года строго соблюдали въ Читѣ правила затрудненныхъ свиданій съ мужьями, и хотя въ Петровскомъ заводѣ они были упрощены и облегчены, но Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой-Апостоловой не долго удалось пользоваться этимъ правомъ, составившимъ главную цѣль послѣднихъ лѣтъ ея жизни. Сдѣлавшись беременною, она крѣпко простудилась, оставаясь долго на дворѣ, гдѣ пила чай, затѣмъ не слушалась совѣтовъ Вольфа и ходила легко одѣтою изъ каземата на свою квартиру; послѣ неудачныхъ, преждевременныхъ родовъ, она скончалась, оставивъ четырехлѣтнюю дочь. Потеря ея была для всѣхъ ударомъ; наиболѣе всѣхъ другихъ она отличалась дѣлами благотворенія, ея кошелекъ былъ открытъ для всѣхъ. Когда для больныхъ, по ея мысли и при ея помощи, прочія дамы выстроили больницу, „незабвенная и праведная“ Александра Григорьевна выписала изъ Москвы превосходную аптеку и разные хирургическіе инструменты. Товарищи почтили ея память на могилѣ неугасимою лампадою, Н. А. Бестужевъ собственноручно сдѣлалъ ей деревянный гробъ со всѣми винтами и украшениями и даже вылилъ свинцовой ящикъ, въ которой и былъ поставленъ гробъ.

Въ ту же Читѣ и слѣдомъ за А. Г. Муравьевою прибыла Елизавета Петровна Нарыш-

кина и Александра Васильевна Янтальцева—обѣ бездѣтныя, но за то послѣдовавшая за ними (въ 1828 г.) Наталья Дмитриевна Фонвизина и Александра Ивановна Давыдова также оставили для мужей своихъ дѣтей въ Россіи *). Обязательство это вѣнчено было имъ въ Россіи на томъ основаніи, что „въ законѣ указано на дозволеніе слѣдовать за осужденными родителями дѣтямъ только крестьянъ государственныхъ и помѣщичьихъ и дозволеніе не можетъ быть распространено на дворянскихъ дѣтей, какъ по точному смыслу законовъ, такъ и по тому уваженію, что дѣти его, принадлежа къ высшему сословію въ государствѣ, должны получить приличное роду ихъ образованіе для вступленія со временемъ въ службу. Отцы же, находясь въ ссылкѣ, не только лишены способностей дать имъ воспитаніе, но еще могутъ подать имъ примѣръ худой нравственности“.

Въ Читѣ же пріѣхала невѣста И. А. Анненкова, Прасковья Егоровна, дочь эмигранта-полковника, убитаго въ Испаніи гвѣрільясами. Передъ отпавкою жениха она успѣла снабдить его деньгами, вырученными отъ продажи шалей, чтобы купить ему все необходимое для дороги. Рѣшившись ѣхать сама, въ Вязьмѣ она на маневрахъ подала просьбу императору о дозволеніи слѣдовать за женихомъ. Государь принялъ ее съ участіемъ, далъ разрѣшеніе и 3.000 рублей изъ собственныхъ денегъ на прогоны. Черезъ три дня по пріѣздѣ въ Читѣ она была обвѣнчана съ женихомъ, съ котораго на время брака сняли желѣза, но, по совершеніи его, надѣли опять и увели мужа въ тюрьму, поставивъ въ общее положеніе со всѣми, т. е. дозволяя свиданіе только два раза въ недѣлю.

Такимъ образомъ, въ Читѣ семь женщинъ несли на себѣ тяжелый крестъ, добровольно ими на себя принятый, и являлись на помощь вездѣ тамъ, гдѣ видѣли на другой сторонѣ несостоятельность силъ, гдѣ замѣчали кланіе либо уклоненія въ сторону отъ согласно назначеннаго пути, гдѣ предчувствіями предполагали необходимость участія или содѣйствія. Въ предшествіи ихъ, подѣ ихъ охраною и защитою, отправилась товарищеская семья на новое мѣсто жительства, изъ Читы въ Петровский заводъ, гдѣ та же спасительная и живительная помощь съ ихъ стороны укрѣпилась еще болѣе и уса-

*) Нат. Дм. Фонвизина, урожденная Апухтина, недавно умерла въ Москвѣ. Она въ молодости послужила идеаломъ Пушкину для Татьяны въ «Онегинѣ»; сначала хотѣла идти въ монастырь, потомъ вышла за генерала Фонвизина. По возвращеніи изъ Сибири въ Россію и по смерти мужа вышла за мужъ за Ив. Ив. Пущина, товарища ея по изгнанію. Ив. Ив., какъ извѣстно, былъ также другомъ и товарищемъ А. С. Пушкина по лицѣю.

лилась новыми сотрудниками *). Когда новые отдѣленія говорили: „Зачѣмъ намъ окна, когда казематы въ Петровскомъ заводѣ оказались у насъ четыре солнца“ **). Лѣтомъ 1830 г. очень темными и въ нихъ позволено было жить заключеннымъ съ женами, товарищи одного начали приготовленія къ переселенію въ нее.

Г Л А В А VII.

ДЕКАБРИСТЫ (окончаніе).

Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ.—Н. А. Вестужевъ.—Фонвизинъ.—Шахматы.—Дамская улица.—Жизнь въ Петровскомъ заводѣ.—Новый казематъ.—Община и артели.—Занятія.—Обязанности хозяина, закупщика, казначея и огородника.—Выборы.—Всечасновъ.—Вносы.—Положеніе холостыхъ и семейныхъ.—Вліяніе декабристовъ на страну изгнанія.—Жизнь ихъ на поселеніи.—Декабристы на Кавказѣ.—Марлинскій въ Якутскѣ.—Сгорѣвшіе.—Занятія на поселеніи.—Изобрѣтеніе декабристовъ.—Послѣдующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ.—Основанныя ими школы.—Горбачевскій.—Врагья Вестужевы.—Торсонъ.—Все-прощеніе.†

По предварительному распоряженію коменданта, всѣ декабристы были расписаны на двѣ партіи. Первая должна была идти подъ начальствомъ плацъ-маіора (подполковника Лепарскаго, племянника коменданта) и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ плацъ-адъютанта К.; вторую партію, черезъ три дня послѣ, вывелъ самъ старикъ-комендантъ съ плацъ-адъютантомъ Р.

7-го августа по утру выступила первая партія, подъ предводительствомъ шедшаго впереди одного изъ товарищей въ круглой шляпѣ, съ величайшими полями и въ какомъ-то черномъ костюмѣ собственнаго изобрѣтенія, похожаго на квакерскій. „Въ правой рукѣ, выше его, палка, въ лѣвой—книга, которую онъ читалъ. Другой въ курткѣ à l'enfant; третій въ женской кацавейкѣ; нѣкоторые въ долгополыхъ пономарскихъ сюртукахъ, другіе въ испанскихъ мантияхъ, иные въ блузахъ. Проѣзжіи французъ подумалъ бы, что это изъ дома стюмаседшихъ вывели погулять. Это насъ забавляло“.

Вторая партія выступила 9-го августа по утру, въ 9-мъ часу, тихо и въ стройномъ порядкѣ. „Взводъ солдатъ въ авангардѣ, другой въ арьергардѣ, конвойные по сторонамъ: всѣ

съ примкнутыми штыками и, сверхъ того, нѣсколько конныхъ казаковъ съ пиками (и бурять съ луками и стрѣлами); мы въ серединѣ около своихъ возовъ. Для перевозки поклажи были наняты фургоны, на которыхъ позволялось ѣхать тѣмъ, у кого были раны или кто былъ слабого здоровья“. Отправляясь въ путешествіе, всѣ поспѣшили запастись карандашами, перьями и записными книжками для записыванья впечатлѣній, у большей части книги и бумаги пришли въ Петровскій заводъ безукоризненно

**) Исключеніе было сдѣлано для тѣхъ, которые имѣли дѣтей. Такъ какъ дѣтей не дозволялось приводить съ собою и послѣ вечерней зари номера запирались и гасили огонь (дѣти оставались вѣдъ всякой помощи со стороны), то имѣвшіе дѣтей уходили на ночь на квартиры. Дни проводили съ мужьями. Всѣ эти передвиженія, лишенія и неудобства, а также и заточеніе мужей не прошли даромъ,—многіе роды были несчастливы: изъ 25 родовъ въ Читѣ и заводѣ было 7 выкидышей, за то изъ 18 живорожденныхъ умерли только 4. На послѣднее обстоятельство имѣло вліяніе искусство врача (Вольфа) и климатъ. «Въ Читѣ мы всѣ поздоровѣли», свидѣтельствуютъ сами заключенники. Въ Петровскомъ заводѣ умеръ Александръ Семеновичъ Пестовъ: съ вередомъ на спинѣ онъ сходилъ въ баню, карбункулъ и антоновъ огонь развились такъ быстро, что больной черезъ два дня умеръ. Всѣ товарищи проводили его на заводскій погостъ, неся его тѣло до церкви на рукахъ, перемѣнялись поочередно. Организовавшаяся окончательно на то время артель похоронъ А. С. Пестова приняла за свой счетъ (издержала 21 р. 84 к.) и, сверхъ того, со всѣхъ собрана была сумма (100 р.) на сооруженіе ему памятника. Всѣ вещи покойнаго комендантъ предоставилъ въ полное распоряженіе общества товарищей, но всѣ отказались. Выдѣлили на градѣ двумъ служителямъ, а когда кое-какія вещи (книги, очки, самоваръ, серебряную ложку) нѣкоторые изъявили желаніе купить на память о покойномъ, то вырученные деньги постановили употребить въ пользу мальчиковъ, находившихся въ обученіи у товарищей. Всѣ вещи, годныя къ употребленію, отправлены къ находящимся на поселеніи (Веденяпину и Шамкову).

*) На дорогѣ декабристовъ изъ Читы въ заводъ встрѣтили: жена Розена—Анна Васильевна, и жена Юшневскаго—Марья Казимировна. Жена И. Д. Якушкина (Настасья Васильевна) на нѣсколько просьбъ получала отвѣтъ, что ѣхать нельзя, опустила срокъ,—своевременно не воспользовалась. Вѣра Гр. Чернышева, сестра А. Г. Муравьевой, просила жену Розена взять ее съ собою подъ видомъ горничной, чтобы она могла помочь своей сестрѣ въ Сибири. Къ Вас. Петр. Цвасеву пріѣхала невѣста, Эмилія Петровна Леданто. Въ Сибири же вступили въ бракъ: Ник. Вас. Басаргинъ съ Ольг. Ив. Мендель, Дм. Ирин. Завалишинъ съ Аполлинарією Семснковой Смольяниновой—дочерью горнаго полковника, М. А. Вестужевъ, Е. П. Оболенскій, А. М. Муравьевъ, Сутгофъ, П. Н. Свинтуновъ, оба брата Кюхельбекеры, Модзалевскій, Муравьевъ-Апостолъ, Александръ Викторовичъ Поджіо.

чистыми: у других заполнены самыми свежими впечатлениями. Последние сохранили свою живость и вѣрность у барона Штейнгеля, у Васаргина и у Розена. Последний не подѣлился, насколько было возможно, запастись свѣденіями и о бурятах и семейскихъ—старообрядцахъ.

Провожая ту и другую партію, народъ толпился у воротъ; служившіе прощались и плакали, провожая до перевоза, дальше 3-хъ верстъ отъ селенія. Ту и другую партію провожала ненастная погода, но, не смотря на дождь и грязь, почти всѣ шли пѣшкомъ, предполагая выпить чашу, не проронивъ ни капли. Впереди предстояло 700 верстъ; походъ объявленъ былъ пѣшій: рассчитывали на 48 дней, принимали, послѣ тюремнаго сидѣнья, походъ за прогулку.

На каждую партію полагался одинъ выборный староста-хозяинъ (въ первой Александръ Николаевичъ Суттофъ, во второй Розень). Хозяева, подъ присмотромъ солдатъ, выѣзжали за день впередъ, обязываясь готовить самовары, обѣды и ужины. Переходъ на каждый день полагался въ 20—30 верстъ. Съ мѣста выходили въ 3 часа утра, къ 8-ми и 9-ти часамъ по полудни кончали переходъ, стараясь становиться около рѣчекъ. Отдохнувъ, шли купаться, затѣмъ ложились пить чай и бесѣдовать до обѣда. Одинъ изъ пятерыхъ дежурилъ, т. е. разливалъ чай, убиралъ посуду. Обѣды разносила съ кухни прислуга. Послѣ обѣда часа 2—3 отдыхали, а когда спадать жаръ, шли гулять по ароматнымъ лугамъ роскошной Братской степи. Черезъ три дня назначался суточный отдыхъ; черезъ 12—15 верстъ — на часъ отдыхъ для завтрака, съ рюмкою водки, кускомъ курицы или холодной телятины; все это держали въ запасѣ дамы, все время слѣдовавшія вмѣстѣ съ партіями. На ночлегахъ и дневкахъ находили бурятскія юрты — конусообразныя, войлочные палатки, вмѣщавшія въ себѣ не болѣе 4—5 человекъ; въ каждой юртѣ полагался каморникъ мужчина. Всѣ десять юртъ ставили въ одинъ рядъ и на равномъ другъ отъ друга разстояніи; крайняя занималась командою; 11-ая назначалась для офицера, 12-ая ставилась подолѣ для коменданта. Кругомъ цѣпь часовыхъ, зажженные костры, сторожевая перекличка; все это дѣлало стоянки декабристовъ похожими на военный лагерь. Въ полчаса всѣ были готовы къ походу. Проводниками служили бурята, которыхъ исправникъ успѣлъ предупредить въ томъ, что идутъ злые люди, знающіеся съ шайтаномъ и за то сосланные въ неволю, но не снабдивъ бурятъ необходимыми: не имѣя ни хлѣба, ни другихъ съѣстныхъ припасовъ, они два раза въ день партіями уходили въ лѣсъ и тамъ въ полчаса утоляли свой голодъ брусни-

кою. Во всякое другое время эти бурята исполняли должность слугъ.

Пищу себѣ путешественники варили подъ открытымъ небомъ, въ дождь накрывали котлы крышкою изъ хвороста съ переплетомъ. Вообще, дорожное продовольствіе было гораздо лучше, чѣмъ въ Читѣ. На привалахъ затѣвались шахматы и шашки, на дневкахъ чтеніе газетъ и книгъ. Читинская жизнь перенесена была на кочевку сначала по горамъ и долинамъ, потомъ по гладкой степи до Верхнеудинска, отъ Верхнеудинска по берегамъ разнообразной и красивой Селенги на богатые и сытыя селенія семейскихъ старовѣровъ. Когда дорога отъ дождей испортилась, проложили другую, прорубивъ лѣсъ. Дорогою этою Нарышкина успѣла проѣхать въ каретѣ. На этомъ пространствѣ юрты были покинуты; стали ночевать въ избахъ хлѣбосольныхъ и тароватыхъ хозяевъ. Въ концѣ пути физическое утомленіе взяло перевѣсъ: дамы начали выходить изъ терпѣнія и мало по малу уѣзжали впередъ. Дорога становилась все труднѣе и непривлекательнѣе: красивая видами стала утомлять мелкими подробностями. Впечатлѣній немного, развлеченій еще меньше. Хотя о послѣднихъ временахъ хлопоталъ Лепарскій, по привычкѣ и опыту заботившійся въ этомъ отношеніи о походныхъ людяхъ, дѣлающихъ такой длинный переходъ. На первой половинѣ ихъ интересовали кочевники-бурята, на второй поразили путниковъ домовитые и богатые старовѣры.

Стенныя впечатлѣнія начались съ того, что близъ станціи Домно-Ключевской, въ топкомъ мѣстѣ, ихъ встрѣтили верхами посланные тайшею бурята и перевозили ихъ на лошадей. „Вездѣ мосты, видна заботливость, чтобы не подмочили ногъ, это насъ забавляло“. На одной дневкѣ привезли шамана: „но какъ тутъ былъ тайша самъ, то онъ, по видимому, и не смѣлъ развернуться“. Немножко поскакалъ, пропѣлъ „менду-менду“, постучали его ассистенты въ бубны, какъ въ лукошки, и тѣмъ этотъ глупый фарсъ кончился. Прижѣтно, что тайша смѣялся такъ, чтобы видѣли, что онъ шаманству не вѣритъ“. Когда двое шахматныхъ игроковъ (Трубецкой и Вадевскій) сажались за столъ, ихъ окружала толпа бурятъ: восклицаніями и указаніями убѣждали въ томъ, что эта игра имъ хорошо извѣстна. Въ Домнинскомъ зимовѣй Иванъ Александръ Фонвизинъ, узнавъ, что одинъ зайсанъ изъ свиты тайши хорошо играетъ, пригласилъ его на партію и былъ побѣжденъ: бурята играли бѣгло и рассчитливо и объяснили, что игра перешла къ нимъ отъ китайцевъ. Переправа черезъ рѣку Ону подъ наблюденіемъ самого коменданта дала послѣднему случай припомнить и сказать, что въ дѣтскихъ годахъ онъ также велъ и переправлялъ черезъ рѣку конфедератовъ. „Это насъ

позабавило дорогою“. М. С. Лунинъ, имѣвшій право за ранами ѣхать въ фургоны, обилъ его клеемъ, спалъ ночью и никогда не оставлялъ дѣлать; любопытство бурять не имѣло предѣловъ: таинственный незнакомецъ не показывался и представлялся имъ главнымъ преступникомъ, рисовался въ воображеніи ихъ чудовищемъ. Съ немалымъ любопытствомъ встрѣчали путешественниковъ и въ русскихъ селеніяхъ, умѣя присоединять къ тому вещественныя доказательства состраданія и участія. Многіе принесли посильныя жертвы: снабжали мясомъ, провизіею, предлагали баню, служили тѣмъ могли и смѣли.

Впечатлѣнія горныхъ мѣстностей начались подъ Верхнеудинскомъ тѣмъ, что на привалѣ за 5 верстъ до города появились на дорожкахъ тамошнія дамы зѣвать на прохожихъ; онѣ же смѣли вмѣстѣ съ верхнеудинскими дѣнди съ галлерей, когда партія шла черезъ городъ. Передъ городомъ „прочли намъ словесное приказаніе коменданта, какъ идти завтра чрезъ городъ, т.-е., чтобы всѣ были при своихъ повозкахъ и не далѣе двухъ шаговъ; трубокъ бы не курили и даже въ рукахъ чубуковъ не держали. Солдатамъ же приказано не разговаривать и показывать свирѣпый видъ. Намъ это дало случай посмѣяться“. Передъ городомъ встрѣтила полиція; по возвышеніямъ кучками толпился народъ; комендантъ стоялъ у моста въ позѣ полководца, ведущаго армію. На пути по берегамъ Селенги вся эта парадность была снова оставлена. „Комендантъ, ѣхавшій впереди, насъ оставилъ. Ник. Бестужевъ далъ советъ хозяйну сполуптвой мельницы, какъ устроить плотину. Семейскіе радушно насъ встрѣтили“. Въ ихъ селеніяхъ позволялось ходить изъ избы въ избу, съ квартиры на квартиру, но разъ позволеніе это было отнято по случаю фельдгегера. „Вскорѣ узнали, что онъ привезъ только письмо къ Марѣ Николаевнѣ (Волконской) вслѣдствіе ея просьбы о дозволеніи ѣхать съ мужемъ по случаю ея беременности“. „Узнали, что фельдгегеръ уѣхалъ обратно, но не слышно, чтобы онъ привезъ что либо поважнѣе дозволенія Марѣ Ник. видѣться дорогою съ мужемъ *). Пріѣхала она показать полученное ею письмо, мало добраго обѣщающее“. „При вступленіи изъ Харауза Фонвизинъ сообщилъ подробности изъ газетъ объ абдикаціи Карла X. Это извѣстіе всѣхъ оживило“. „Достали гдѣ-то двѣ-три бутылки шипучаго и выпили по бокалу“. „Это было для нашего новоселья хорошимъ предназначеніемъ“. Къ заводу приближались веселыми. Дамы, уѣхавшія впередъ, выѣхали на встрѣчу мужей. При посредствѣ коменданта и

содѣйствіи мѣстныхъ купцовъ дамы успѣли уже обезпечить себя въ заводѣ постройкою собственныхъ домовъ, образовавшихъ улицу, до сихъ поръ также носящую названіе „Дамской“.

„Дорога вела въ междугоріе и тѣсныны, все какъ бы предвѣщало приближеніе къ мрачной тюрьмѣ, но всѣ шли съ веселымъ духомъ. На половинѣ сдѣлали привалъ“. „Послѣднія версты дорога вилась лѣсомъ, рѣдѣвшимъ по мѣрѣ приближенія къ Петровску; за лѣсомъ слѣдовало опушка—кустарники—и болото; на сѣверѣ и востокѣ потянулись высокія горы. Въ глубокой долигѣ намъ показалась большая деревня: церковь, фабричное строеніе съ многочисленными трубами, ручей и позади его красная крыша тюрьмы: неуклюжее зданіе на каменномъ фундаментѣ, выстроенное въ формѣ высылки съ большимъ количествомъ кирпичныхъ трубъ; стѣны же были безъ оконъ“. „Остановились, чтобы дать солдатамъ надѣть ранцы. Мы съ пригорка смотрѣли на нашу будущую обитель, и—шутили! При вступленіи въ заводъ множество народу высыпало насъ смотреть. Насъ встрѣтилъ заводскій полицімейстеръ и поѣхалъ впередъ. На заводскомъ мосту, подѣ которой надо было проходить, стояло также множество зрителей чиновницъ и чиновниковъ, съ любопытствомъ на насъ зѣвающихъ. У дома Алекс. Григ. (Муравьевой) наши дамы вкупѣ ожидали своихъ мужей *). Весело вошедъ въ стѣны своей бастиліи, бросились въ объятія товарищей, съ конми 48 дней были въ разлукѣ; сдѣлали 31 переходъ и 15 было дневокъ“.

„Вскорѣ насъ разжѣстили. Мы вступили въ тюрьму, какъ въ преддверіе гроба, но сердца были спокойны, душа тверда. Товарищи рассказывали намъ, что имъ, по вступленіи сюда, читали правила о порядкѣ, какой впредь будетъ здѣсь наблюдаться. Правила возбудили между нами всеобщій хохотъ и всѣ твердили: „отъ запертія до отпертія“, а поэтому вѣроятно намъ никакихъ правилъ уже не показывали. Не только мы, но даже солдаты смѣялись тѣмъ наставленіямъ, которыя имъ читали на гауптвахтѣ. Во всякое отдѣленіе дали по сторожу изъ солдатъ. Совершенно темные нумера, желѣзные запоры, четырехъ-саженный тытъ, не допускающій ничего видѣть, кромѣ неба, должны были ужаснуть cadaго, но таковое слѣдствіе привычки, мы были равнодушны ко всему. Я вспомнилъ зайковского ямщика, который въ 1819 году, подѣзжая къ Бронницамъ, на вопросъ мой: „Начинаютъ ли военно-поселенцы привыкать къ новой своей жизни?“—отвѣчалъ: „Да, батюшка баринъ, велятъ, такъ и въ аду привыкнешъ“. Какъ сильно и какъ справедли-

*) Вѣрнѣе: фельдгегеръ привезъ разрѣшеніе отпустить въ Читѣ С. Г. Волконскаго, пока не родитъ его жена, а какъ она родила преждевременно, то и выѣхала вмѣстѣ съ мужемъ.

*) Изъ дамъ впередъ уѣхали тѣ, которыя имѣли дѣтей; другія таялись за партіями въ собственныхъ экипажахъ.

во! Я тогда не воображалъ, что опытомъ узнаю истину сей русской остроты. Могу ли предугадать, что еще впередъ испытать предназначено?... да будетъ воля Твоя“!.. *).

Балегинскій Петровскій желѣзный заводъ оконченъ былъ постройкою въ 1789 и въ первой половинѣ настоящаго столѣтія представлялъ людное селеніе, оживленное ссыльными рабочими всякаго рода, которые тянули проволоки, ковали шинное желѣзо, отливали разныя желѣзныя вещи. Стояла еще при заводѣ пыльная мельница съ водянымъ приводомъ, но стояла нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла, ибо механизмъ испортился и всѣ считали его уже вовсе неисправнымъ. Но прибыли новые жильцы, въ средѣ которыхъ нашлись два замѣчательные механика: Н. А. Бестужевъ и К. П. Торсонъ, съѣздили на мельницу, посмотрѣли и, черезъ нѣсколько часовъ, къ удивленію чиновниковъ, мастеровъ и фабричныхъ, мельница начала пилить снова. Эта мельница и сама желѣзная фабрика остались въ сторонѣ и внѣ другихъ правъ и вліяній новыхъ пришельцевъ: тутъ и тамъ работали каторжные, сосланные не за государственныя преступленія. Для нихъ и тюремное помѣщеніе издавна существовало особо. Для новыхъ заводскихъ обывателей выстроена была новая ручная мельница, на подобіе читинской, и новый казематъ, имѣвшій видъ покоя (II). На такой же точно сырой и болотистой почвѣ, на которой приладилась воява Дамская улица **), на самомъ низменномъ мѣстѣ всей той впадины между горами, въ которой помѣстился заводъ, выстроено было одно-этажное зданіе съ кордегардіями на главномъ фасѣ. Въ стѣнахъ кордегардій были узенькія щели бойницъ, сквозь которыя выстрѣлы предполагались быть перекрестными. Эти кордегардіи, выдвинутыя нѣсколько впередъ главной линіи, имѣли по обѣимъ сторонамъ амбразуры, черезъ которыя предполагалось обстрѣливать разомъ оба фаса зданія на случай побѣга заключенныхъ,

Въ серединѣ главнаго и передняго фаса помѣщалась единственная гауптвахта и былъ единственный входъ въ казематы. Крытая ворота приводили на дворъ прямо къ особому зданію съ кухней, кладовою и обширною столовою. Вся внутренность двора, обстроенная съ трехъ сторонъ зданіемъ казематовъ и забранная съ четвертой тыномъ *), представлялась раз-

гороженной такими же отвѣсными бревнами на 8 отдѣльныхъ дворовъ съ особыми воротами. На эти дворы выходили двери 12-ти отдѣлений каземата прямо изъ корридора, на которой вели двери уже изъ самыхъ 64-хъ номеровъ. Къ каждому отдѣленію принадлежало пять номеровъ. Такихъ отдѣлений было 8 съ 5-ью комнатами, въ 4 отдѣленіяхъ (угольныхъ) было до 6 комнатъ, выходившихъ въ общій корридоръ своего отдѣленія. Слѣдующіе пять номеровъ, образующихъ сосѣднее отдѣленіе, отдѣлялись толстою капитальною (деревянною) стѣною съ тяжелою дверью, которая запиралась уже четырьмя замками. Ключъ отъ дверей отдѣлений хранился у коменданта и эти двери отпирались только передъ нимъ и другими вліятельными лицами (какъ Сулѣма, Броневскій, адъютанты военнаго министра и пр.); тогда все зданіе можно было обойти кругомъ корридоръ прерывался только караульною и воротами. Огмезеванный для каждаго отдѣленія внутри двора небольшой четвероугольный дворикъ, забранный тыномъ, преслѣдовалъ ту же мысль отдѣленія товарищей другъ отъ друга. Здѣсь, однако, узники успѣли завести зайцевъ, козюлъ, журавлей. Какъ по отдѣленіямъ въ корридорахъ могли видѣться только жильцы пяти сосѣднихъ номеровъ, выходившихъ дверями въ корридоръ, такъ точно на внутреннѣхъ дворикахъ встрѣчались жильцы или того же отдѣленія или трехъ сосѣднихъ. Такимъ образомъ, для четырехъ отдѣлений 1, 2, 11 и 12 (считая съ послѣдняго изъ боковыхъ) были особые дворы; для 3, 4, 5—одинъ общій, для 8, 9 и 10—тоже общій, а для двухъ среднихъ (6 и 7), находившихся по бокамъ входныхъ воротъ, одинъ большой дворъ, общій съ кухоннымъ строеніемъ. Каждое отдѣленіе, не сообщаясь съ другимъ въ корридорѣ, имѣло особый входъ со двора, по единственной лѣстницѣ, поднимавшейся съ дворика и приводившей въ корридоръ отдѣленія, имѣвшей сажени 1½ ширины, и сажени 5 длины. Корридоръ былъ теплый, изъ него топились печи (одна на два номера). Каждая келья имѣла 7 шаговъ длины и 6 ширины (номера, очутившіеся на углахъ, были побольше; срединные, шедшіе по фасу—меньше, но одинаковой величины между собою). Кельи были высоки, казались просторными, когда на каждую назначалось по одному человѣку, но имѣли тотъ недостатокъ, который сначала неожиданно и мучительно поразилъ пришельцовъ: кельи бы-

*) Комендантъ Лепарскій получилъ за походъ Владимира 2 степени со звѣздою.

**) Изъ дамъ имѣли свои дома: Трубецкая, Волконская и Анненкова. Муравьева, Нарышкина и Давыдова нанимали дома, которые сами же и выстроили на свой счетъ. Дома были, болѣею частью, двухэтажные со свѣтлками.

*) По первоначальному проекту и эту сторону предполагали застроить казематами, но

убыль ушедшихъ на поселеніе по различнымъ милостивымъ манифестамъ остановила это дѣло. Такимъ образомъ, петровскіе казематы, вмѣстѣ съ огороднымъ мѣстомъ, составляли прямоугольный равнобедренный четырехугольникъ. Пустое огороженное пространство служило мѣстомъ для прогулокъ. Тутъ зимою устроивались горы и катки для конькобежцевъ.

ли почти вовсе темны, получая свѣтъ изъ корридора черезъ рѣшотчатое стеклянное оконцо надъ дверями. Въ свѣтлый день нельзя было не только читать, но и разобрать цифры на часовомъ циферблатѣ. Къ тому же близилось время зимнее и осеннее, обязывавшее или сидѣть въ потьмахъ или жечь свѣчи цѣлый день; нѣкоторымъ приводилось прожить такимъ образомъ еще 12 лѣтъ срочныхъ, назначенныхъ приговоромъ. Комендантъ, вѣдрая жильцовъ, входилъ въ номеръ, запиралъ дверь, вынималъ бумагу, читалъ и говорилъ: „Очень темно“! Когда ему возражали, что можно привыкнуть, онъ устоявалъ на своемъ „очень темно“ и устоялъ фактически въ представленіи своемъ, посланномъ въ Петербургъ. Въ представленіи этомъ онъ выставялъ опасность упоминаятельствъ и простодушно увѣрялъ, что есть уже и замѣчена нѣкоторая наклонность къ тому. До времени разрѣшенія онъ дозволилъ отворять въ корридоръ двери и приставлять къ дверямъ столы для занятій. Нѣкоторые ухитрились, какъ Н. А. Вестужевъ, пристроивать подмостки, чтобы воспользоваться скуднымъ количествомъ свѣта, достигавшаго изъ окна корридора черезъ наддверную скважину, называвшуюся оконкомъ. Такіе подмостки прилажены были всѣми, кто желалъ заниматься. Въ корридорѣ съ обыкновенными окнами, обращенными на улицу, было свѣтло, но зимою стало невыносимо холодно; начали заниматься въ номерахъ при свѣчахъ и въ теченіе зимы многіе успѣли разстроить зрѣніе и прибѣгнуть къ помощи очковъ. Читинскія дамы, вліятельныя въ Петербургѣ своими связями, написали о темныхъ жилищахъ къ роднымъ; комендантъ, съ своей стороны, прибавилъ начальству, что темнота каютъ ослабляетъ здоровье и предрасполагаетъ къ меланхоліи. Въ апрѣлѣ 1831 года вышло разрѣшеніе прорубить окна. Объявлено было всѣмъ собраннымъ заключеннымъ, какъ о милости, черезъ военнаго министра (Чернышева) и, между прочимъ, напоминали о первой милости: о кандалахъ, снятыхъ въ Читѣ. Окна прорубили подъ крышею наружнаго фаса такъ высоко, что человѣкъ большого роста (какъ Якубовичъ) могъ видѣть одно только небо. Въ казематахъ происходили почти въ продолженіи цѣлаго года безпрестанныя поправки: многія печи пришлось сломать и сложить новыя. Наскоро сложенное зданіе, отъ сырости и неумѣлой постройки, сѣло по угламъ, сдѣлавъ угловые номера и сосѣднія съ ними холодными, неудобными для жилья. Отъ дурной постройки (вслѣдствіе воровства) стѣны состояли изъ коротенькихъ обрубковъ. Былъ случай, что одинъ такой обрубокъ руками вынули совсѣмъ изъ стѣны; стѣны корридора выпучило наружу; ничѣмъ не отдѣленные отъ печей, нѣкоторыя стѣны не разъ загорались. Въмѣсто одного стали

жить въ номерахъ по двое (братья Андрей и Петръ Иванов. Борисовы, Вестужевы, Вѣляевы, Крюковы). Основаніе распредѣленія вышло отъ самого казематнаго общества, которое настояло на отмівѣ росписанія коменданта и требовало предоставить самимъ размѣститься по справедливости. Помѣстили по двое тѣхъ, которыхъ сроки были меньше и которымъ, стало быть, недолго приходилось переносить неудобства помѣщенія вдвоемъ. Старшій разрядъ весь жилъ по одиночкѣ. Когда начали шпугатурить корридоръ и казематы, то привелось жить еще болѣе въ стѣсненномъ положеніи. Прежде въ каждомъ номерѣ полагались въ одномъ углу нары,—теперь и другой уголъ былъ стѣсненъ этимъ неуклюжимъ ложемъ; въ третьемъ углу добавляла тѣсноту печь. Желѣзныя рѣшетки новыхъ оконъ ослабляли свѣтъ и не давали его въ желаемомъ и необходимомъ количествѣ. Товарищи считали для себя стѣсненіе обязательнымъ и пріятнымъ лишь на то время, когда дамамъ позволено было жить съ мужьями въ казематахъ. Женатые стали жить въ двухъ номерахъ, за то по вечерамъ устраивались семейныя бесѣды. Это продолжалось около года. Когда начались передѣлки, дамы выбрались и мужья съ ними. Дамы уже не приходили въ тюрьму; мужьямъ дозволено ходить, когда пожелаютъ, и только ночевать должны были въ камерахъ. Подъ конецъ разрѣшено постоянно жить съ женами на квартирахъ и женатые даже ночевать не приходили въ тюрьму, сначала Нарышкинъ, жена котораго занемогла простудною горячкою, потомъ Ник. Муравьевъ, который самъ занемогъ гнилою горячкою. Дамы страдали неволею: одна отъ скуки разсыпанный бисеръ разныхъ цвѣтовъ подбирала цвѣтъ къ цвѣту въ разныхъ коробочки и приводила тѣнями въ порядокъ, отъ мучительной скуки. Лѣтомъ въ надворныхъ садикахъ устроили дорожки, по которымъ можно было гулять во всякую погоду; развели гряды съ огурцами; къ наружнымъ дверямъ корридора, вмѣсто лѣстницы, приладили насыпь съ откосами, покрытыми булыжникомъ. На среднемъ дворѣ отгорожено было мѣсто для сада, но садъ никогда не былъ засаженъ. Въ большой комнатѣ у кухни, назначенной для богослуженія, скоро приладили читинскій клубъ, съ тѣмъ же удобствомъ переносимый на мельницу. Въ Петровскомъ заводѣ страстно любили древнихъ: Плутархъ, Титъ-Ливій, Цицеронъ, Тацитъ и другіе были у каждого почти настольными книгами. Изъ современныхъ писателей пользовался наибольшимъ уваженіемъ Бальзакъ. Библіотека состояла изъ ученыхъ книгъ, специальныхъ журналовъ и сочиненій. На мельницѣ по прежнему зимою продолжали вымалывать нѣсколько фунтовъ такой муки, которая потомъ нигде не годилась, а лѣтомъ занимались проложеніемъ

дорогъ и огородничествомъ. Столярная установилась по старому *). Торсонъ приготовлялъ модели машинъ: пильной, жатвенной и молотильной. Сверхъ того, изготовлялись стулья, столы, кресла, комоды сколько для себя въ номера, столько и для дамъ, на квартиры. Въ номерахъ у братьевъ Борисовыхъ собиралась ботаническая коллекція сибирской флоры, начатая въ Владодатскомъ рудникѣ, дополнявшаяся въ Читѣ и обогащенная экскурсіями по Братской степи, и по дорогѣ изъ Читы въ Петровскъ. У Андр. Ив. приготовлялась энтомологическая коллекція, возбуждавшая собою впоследствии въ Москвѣ серьезный интересъ въ специалистахъ; Петръ Ив. составилъ коллекцію рисунковъ забайкальской флоры и орнитологию. Снятіемъ видовъ занимались М. А. и Н. А. Бестужевы, а П. И. Фаленбергъ производилъ топографическія съемки и самъ сдѣлалъ для этого планшеть. Андреевичъ въ своемъ номерѣ написалъ маслянными красками огромный запрестольный образъ для читинскаго собора. Занятіе литературою можно считать однимъ изъ основныхъ и любимыхъ; къ казематѣ жили признанные поэты (Одоевскій), извѣстные авторы и издатели журналовъ (Корниловичъ—издатель журнала „Русская Старина“, Луининъ, Бестужевъ, Кюхельбекеръ и друг.). Большая часть явилась сюда литературно подготовленною съ любовью къ ней и знаніемъ (И. Д. Якушкинъ, случайно встрѣтившись съ А. А. Бестужевымъ въ Иркутскѣ въ банѣ, нѣсколько минутъ случайнаго свиданія посвящаетъ разговору о вышедшихъ тогда „Цыганахъ“ Пушкина). На досугѣ, подъ вліяніемъ товарищей и впечатлѣній заточенія, обратились къ литературнымъ занятіямъ даже и тѣ, которые считали до тѣхъ поръ это дѣло для себя чуждымъ и постороннимъ и на свободѣ ничего не писали. Авторство успѣло увлечь многихъ и свидѣтельство о томъ мы встрѣчаемъ почти въ каждой изъ завершенныхъ узниками запискѣ,—относящихся разумеется къ тому времени, когда въ Петровскомъ казематѣ окончательно отвоеваны были чернила и бумага. П. С. Вобрищевъ-Пушкинъ, при глубокой вѣрѣ сохранившій до конца жизни свѣтлый и многосторонній умъ, писалъ остроумныя басни и переводилъ псалмы и посланія апостольскія. Ивашевъ написалъ эпосъ

*) Въ читинской столярной Н. А. Загорѣцкій, съ помощью простаго столяра, изготовилъ прекрасные стѣнные часы изъ костроль и картона, съ помощью одного ножичка и пилочки и подѣйствомъ таинственности. Всѣ острыя орудія были запрещены: не давали ни ножей, ни вилочекъ и даже обламывали кончики шпильковъ. Н. А. Бестужевъ всѣми неправдами добылъ себѣ ножъ и маленькій подпилочекъ, устроилъ токарный станокъ и сдѣлалъ часы, которые и подарилъ А. Гр. Муравьевой. Комендантъ, какъ извѣстно, разрѣшилъ ему впоследствии пользоваться инструментами.

„Стенька Разинъ“, Одоевскій писалъ пѣсни, посланія и проговаривался остроумными эпиграммами; Луининъ—критическія статьи, а многіе другіе узники воспоминанія о прошитой жизни и о событіяхъ, увлекшемъ въ заточеніе. М. А. Бестужевъ написалъ цѣлый рядъ морскихъ повѣстей, изъ коихъ самыя лучшія—по его свидѣтельству—были сожжены Мухановымъ при домовомъ обыскѣ полиціи на поселеніи, по доносу одного чиновника. М. А. Бестужевъ написалъ „Записки моряка“ и критическія статьи, между которыми выдается своими достоинствами разборъ книгъ Н. И. Тургенева и сохранившійся въ письмахъ къ С. Г. Волконскому.

Константинъ Петровичъ Торсонъ, на свободѣ до ссылки, составившій прозекъ о преобразованіи флота, также возстановлялъ свои воспоминанія о морскомъ путешествіи и впечатлѣніяхъ въ литературно отдѣланной формѣ. „Жизнь въ Петровскомъ заводѣ была самая цвѣтущая эпоха стихотвореній, повѣстей, разсказовъ и мемуаровъ“—свидѣтельствуешь М. А. Бестужевъ въ своихъ запискахъ.

Въ это же время изготовленъ былъ тотъ существенный и весьма важный трудъ политической исповѣди въ объясненіе пѣлей и нагѣреній, послужившихъ причиною 14-го декабря. Этотъ самый важный литературный трудъ, т. е. описание событій, относящихся къ роковому дню, составленъ былъ по словеснымъ и письменнымъ, свидѣльствамъ всѣхъ казематскихъ узниковъ. Все это въ готовомъ видѣ передано было М. С. Луину, который хотѣлъ переслать сестрѣ и черезъ ея посредство напечатать за границу, а копію долженъ былъ хранить. Эту копію переписывалъ Громницкій и зарылъ ее гдѣ-то въ лѣсу. Но Луинина посадили въ Акатуй, Громницкій скоропостижно скончался, а съ нимъ умеръ и секретъ, гдѣ была зарыта его рукопись. Хотя многіе послѣ и надували заключенниковъ, выпрашивая деньги, чтобы указать мѣсто, но все-таки дѣло уже было навсегда потеряно. Н. А. Бестужевъ вычисленіями додумывался до усовершенствованія хронометра съ ничтожною девиаціею (но привелъ свою мысль въ исполненіе уже въ Селенгинскѣ—на поселеніи). „Комендантъ любилъ нами хвастаться передъ пріѣзжими и обыкновенно возилъ ихъ на гору, съ которой можно видѣть расположеніе казематовъ“. Когда пріѣхалъ изъ Петербурга адъютантъ военнаго министра и разспрашивалъ обо всемъ, что дѣлалось, особенно о содержаніи въ казематахъ, хитрый старикъ „очень ловко предложилъ ему сообщить самыя вѣрныя свѣдѣнія объ насъ и нашихъ женахъ и тѣмъ прекратить тайныя розыски“. Генералъ—губернатора Вроневскаго (какъ младшаго чиновъ) даже и не провожалъ онъ самъ по казематамъ, поручивъ это дѣло плацъ-маіору. „Генералъ-губернаторъ заходилъ

въ иные номера, а въ другіе только заглядывалъ съ тѣмъ любопытствомъ, съ какими обыкновенно заглядывали въ желѣзныя кѣтки посятители, осматривающіе никогда не виданный ими звѣринецъ. Тѣмъ не менѣе Броневскій написалъ въ запискахъ своихъ такія строки: „Замокъ—деревянное квадратное строеніе съ обширнымъ дворомъ, имѣющее съ внутренней стороны галлерей, а съ вѣншей—комнаты престоупниковъ, для каждого по одной. Сообщеніе ихъ между собою, прогулки въ галлерейхъ и на дворѣ—свободны. Столъ изъ общей артели сытный. Плате не скудное, у всякаго по состоянию; у нѣкоторыхъ убранство комнатъ весьма пристойное“. Такъ какъ Лепарскому трудно было прожить въ глуши свое содержаніе, то онъ употреблялъ его на устройство сада, въ видахъ общей пользы. Садъ занималъ большое пространство, украшался быстрою рѣчкою; дороги, мосты, бесѣдки съ затѣйливымъ разнообразіемъ, капризы, гроты и цвѣтники были роскошные. Не пощажено ни денегъ, ни искусства, въ которомъ нѣтъ тамъ недостатка, и все это единственно для одной прогулки всѣмъ и каждому. Хозяйственной разсчетливости отъ садовъ сибирскихъ, гдѣ не родятся никакіе фрукты, быть не можетъ. Еще и та бѣда, что старикъ гулять не могъ по слабости ногъ. „Онъ прохаживалъ иногда верхомъ по дорожкамъ и радовался, видя, что другіе у него гуляютъ“. Командантъ и при ухудшеніи тюремнаго помѣщенія не измѣнилъ и не ухудшилъ своихъ отношеній, посѣщалъ нерѣдко и обращался съжизнью; „никогда не войдетъ въ затворенную комнату, не постучавшись и не спросивши позволенія“. „Всѣ просьбы исполнялъ съ удовольствіемъ и если былъ недоволенъ какимъ либо проступкомъ, то никогда не выговаривалъ виновному, а принималъ какую нибудь общую противъ всѣхъ мѣру, чтобы дать знать виновному, что онъ вредитъ не только себѣ, но и товарищамъ. Платц-майоръ ежедневно обходилъ и принималъ просьбы—обыкновенно выйти куда нибудь изъ замка,—и не только былъ ласковъ, но и почтителенъ“. „Работы были не утомительны и очень часто прекращались на мѣсяцъ и на два подъ самыми пустыми предлогами: или по случаю мороза, сильнаго жара, дурной погоды или эпидеміи“.

При гарантіяхъ извѣтъ, обезпеченное уже многими завоеванными правами, читинское товарищество, успѣвшее хорошо спознать другъ друга, въ Петровскомъ заводѣ устремилось на развитіе внутренней силы своей общины. Въ читинской жизни, сплотившей всѣхъ въ одну семью, было то главное неудобство, что бѣднѣйшіе товарищи становились въ зависимость отъ богатыхъ; не имѣя своего, они все нужное получали отъ другихъ до тѣхъ поръ, пока эти полученія не задерживались, пока не ви-

дѣлось иныхъ средствъ для выхода. Возникли неудовольствія, образовался кружокъ протестовавшихъ, видѣвшихъ, что общинному устройству съ равномѣрными правилами для каждого грозитъ опасность подчиненія небольшому кружку аристократовъ, изъ произволу. По сохранившимся долгое время письменнымъ документамъ, которые намъ удалось видѣть, оказывается, что развитіе общественнаго устройства въ казематскомъ обществѣ, насколько это развитіе выражалось во вѣншнихъ актахъ, происходило слѣдующимъ образомъ. Сначала, подъ влияніемъ горячаго чувства и соответственно тѣмъ вѣншнимъ условіямъ, въ которыхъ находились заключенные, все было общее. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, когда и женатые и богатые жили въ одной комнатѣ со всѣми остальными. Никакое отдѣльное пользованіе не было тогда и возможно. Присылали ли жены мужьямъ кушанье, негдѣ было его ѣсть особенно, некуда было даже поставить, какъ на общій столъ. Присылались ли вещи, ихъ выдавали въ присутствіи другихъ. Приносили ли книги и газеты, ихъ и читать было невозможно иначе, какъ всѣмъ вмѣстѣ. Нельзя было ничѣмъ пользоваться отдѣльно отъ другихъ, потому что и неловко было выказывать свое преимущество, находясь постоянно съ другими, когда ихъ лишены колоды бы глаза привилегированнымъ. Понятно, что, при такомъ общемъ владѣніи, никакое особенное и опредѣленное устройство не казалось нужнымъ, а всякое сомнѣніе въ прочности дружескаго чувства считалось оскорбленіемъ обществу.

Однако, и съ самаго начала были люди предусмотрительные, которые считали нужнымъ установить какія нибудь правила, во первыхъ, для упроченія самого дружескаго чувства удаленіемъ и предупрежденіемъ всѣхъ поводовъ къ искаженію отношеній между товарищами. Съ другой стороны, это было необходимо и съ точки зрѣнія экономической, потому что общее пользованіе было самое безразсѣтное и ставило, отъ недостатка предусмотрительности, въ зависимость отъ случайности не только прочное обезпеченіе выходящихъ на поселеніе, но и удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ потребностей самого казематскаго общества. Не разъ случалось, что и самые богатые были безъ гроша, а огромные запасы терялись отъ расхищенія прислугою. Не смотря на это, мы увидимъ, какъ долго продолжалось сопротивленіе всѣмъ попыткамъ къ переходу отъ патріархальныхъ, такъ сказать, отношеній къ положительному выраженію постановленій, потому что и казематскому обществу, по наблюденію одного изъ его участниковъ, неизбѣжно было пройти всѣ фазисы, которые проходятъ всякое живое, саморазвивающееся общество.

Первый поводъ къ проявленію общественной

дѣтельности въ осязаемой, такъ сказать, формѣ, въ приложеніи ко внутреннему устройству, подало одно необдуманное дѣйствіе одного изъ хозяевъ, бывшихъ въ началѣ. Надо сказать, что при назначеніи перваго хозяина не имѣлось въ виду ничего болѣе, какъ наблюденіе надъ кухней, бывшею до тѣхъ поръ въ завѣдываніи унтеръ-офицера и гдѣ нечистота и расхищеніе припасовъ дошли до крайней степени. Поэтому не было даже никакого правильного выбора, а назначеніе сдѣлано было возгласомъ (rag acclamation), какъ бываетъ въ началѣ развитія всякаго общества. Никакого другого порученія на хозяина и не возлагалось; это не былъ даже староста, какъ у простыхъ ссыльныхъ. Къ сожалѣнію, первый хозяинъ неосторожно принялъ на себя передачу обществу приказанія коменданта, относившагося ко внутреннимъ распоряженіямъ общества. Общество встревожилось, видя приближавшуюся опасность внимательства во внутреннія дѣла. Рѣшено было составить комиссію, которая разсмотрѣла бы и обсудила дѣйствія виновнаго хозяина и предложила бы мѣры къ предупрежденію подобныхъ случаевъ въ будущемъ. Очень понятно, что при этомъ случаѣ возникли всѣ обычные вопросы по отношенію къ праву голоса, къ порядку выбора, къ правамъ комиссіи и пр. и пр. Въ комиссію выбраны были съ правомъ двухъ голосовъ: Д. И. Завалишинъ за комнату „Москву“ большого каземата и казематъ № 2-ой и Н. Вестужевъ, за двѣ малыя комнаты большого каземата, и съ правомъ одного голоса: Мухановъ, за казематъ № 3-ій, А. Бѣляевъ, за комнату № 1-ый и Игельштромъ, за комнату № 5-ый. Комиссія же избрала председателемъ Д. И. Завалишина и секретаремъ Петра Ал. Муханова.

Но едва была назначена комиссія, какъ произошла реакція на возвратъ къ патріархальности. Люди, которые обыкновенно благодушествуютъ по отношенію ко всему, начали говорить: къ чему все это? Другіе осмѣивали „эту игру въ конституцію“; третьи опасались созданія какой-то судебной власти и говорили, что достаточно для огражденія въ будущемъ нравственнаго урока, который получилъ одинъ изъ первыхъ хозяевъ. Поэтому, когда комиссія, по разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла, предложила или уполномочить ее или созвать новую комиссію для составленія нѣкоторыхъ правилъ, то община большинствомъ 32-хъ голосовъ противъ 20-ти рѣшила все оставить по старому. Однако, же председатель комиссіи успѣлъ заявить и комиссія единогласно приняла его заявленіе, что „необходимо установить положительные правила, какъ для пользованія всѣмъ въ казематѣ, начиная отъ денегъ, пищи, одежды и проч. до книгъ и газетъ, такъ и для обезпеченія выходящихъ на поселеніе и со-

стоящихъ на поселеніи, а для распоряженія всѣмъ этимъ назначить должностныхъ лицъ, со строго опредѣленнымъ кругомъ дѣйствія“.

Между тѣмъ, измѣненіе вѣншихъ условій и положенія происходило въ такомъ видѣ, что вело неминуемо къ усиленію до очевидности малозамѣчаемыхъ прежде злоупотребленій общаго пользованія и личныхъ отношеній. Прежде всего опредѣлилось положеніе женатыхъ, которыхъ стали отпускать въ дома ихъ женъ и которые нашли тамъ возможность пользоваться отдѣльно своими богатыми средствами и менѣе замѣчать недостаточность и нужды товарищей, которые не кидались уже имъ въ глаза, потому что не имѣли ихъ постоянно на виду. Потомъ стали давать позволеніе (подъ предлогомъ уменьшенія тѣсноты) богатымъ строить отдѣльные домики внутри казематской ограды, что допустило также пользованіе своими средствами отдѣльно отъ товарищей и, сверхъ того, образовало кружки около привилегированныхъ личностей. Наконецъ, съ переходомъ въ Петровскій казематъ, — когда каждый, получивъ отдѣльную комнату, могъ слѣдовать своимъ привычкамъ, и стали вставать, ложиться, пить чай и обѣдать когда кто хотѣлъ — рушились сами собою, мало по малу, и общій чай и общій столъ. Съ другой стороны, когда можно было уже и не видать товарищей и имѣть предлогъ, что не знаютъ ихъ нуждъ, пособіе богатыхъ бѣднымъ деньгами и одеждою зависѣло уже отъ прямой просьбы бѣдныхъ, причемъ, разумеется, болѣе всего терпѣли наиболѣе деликатные. Самое пользованіе журналами и книгами дошло до того, что у много накопились цѣлыя груды ихъ, которыхъ ему за другими развлеченіями некогда было и читать, а другіе по цѣлымъ недѣлямъ не могли достать ничего, подвергались непріятности ходитъ выпрашивать и слышать непріятный отвѣтъ, что самъ-де еще не читалъ.

Между тѣмъ, тюремное заключеніе лишило недостаточныхъ возможности извлекать средства изъ своего труда и искусства, а было очевидно, что 1 рубля 98 к. асс. деньгами и пайка 2 п. муки въ мѣсяцъ недостаточно для пищи и одежды. Слѣдовательно, оставалось одно изъ двухъ: или найти опредѣленное обезпеченіе всѣмъ внутри себя или требовать содержанія и одежды отъ казны. Но послѣднее обсуждалось, какъ унизительное, а всякое принужденіе богатыхъ къ опредѣленному взносу въ общину представлялось какъ посягательство на собственность. Изъ такого положенія не представлялось, по видимому, никакого выхода и раздраженіе между богатыми и не имѣвшими ничего дошло до крайней степени.

Тогда очевидно стало, что средство соглашенія можетъ выйти только отъ такихъ лицъ, которыя независимы по своему положенію, или

такъ называемой средней партіи, т. е. отъ такихъ, которые получали столько отъ родныхъ, сколько необходимо было для нихъ самихъ. Они не нуждались, слѣдовательно, въ пособіи другихъ, но и сами могли удѣлить другимъ, развѣ только лишая уже самихъ себя необходимого. Они, стало быть, не могли ни выиграть, ни проиграть ни при какомъ устройствѣ, а потому и могли быть безпристрастными судьями и посредниками. И дѣйствительно, отъ такихъ людей и вышло удовлетворительное разрѣшеніе вопроса.

Иванъ Семеновичъ Повало - Швейковскій, Александръ и Николай Александровичи Крюковы, Александръ Ивановичъ Вегелинъ, жившіе въ одномъ отдѣленіи съ Дм. И. Завалишинымъ, а также нѣкоторые другіе пришли къ послѣднему съ просьбою отложить на время свои ученыя занятія и, взявъ общественное дѣло въ свои руки, отыскать справедливое основаніе для общаго соглашенія.

Для человѣка безпристрастнаго найти его было не трудно. Такимъ основаніемъ представлено было имъ слѣдующее: такъ какъ, по общему правилу, правительствомъ допускается получить одиночному только 500 р., а женамъ только 2.000 р., сверхъ же этого позволяется получать болѣе только подъ условіемъ, что это назначается для вспоможенія товарищамъ, не имѣющимъ ничего отъ родныхъ, то это вспоможеніе является уже обязательнымъ и нѣтъ никакого посягательства на собственность въ требованіи обязательнаго взноса *). Если же они не желаютъ употребить получаемое сверхъ положенія на вспоможеніе товарищамъ, то не имѣютъ и права дѣлать предлогъ для полученія излишка изъ такого дѣйствія и условія, которое имъ не исполняется. Потомъ, въ случаѣ отказа ихъ, не имѣющие ничего имѣютъ право объявить коменданту, что не получаютъ вспоможенія отъ товарищей и требовать казенное содержаніе.

Какъ ни ясно было дѣло, получившее такое выраженіе, но и тутъ сначала выказалось, съ одной стороны, сильное сопротивленіе, а съ другой—нерѣшительность; прежде возбудили сильную бурю и поспѣшнымъ удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе шумѣвшихъ неимущихъ успѣли отвлечь отъ настоятельнаго требованія казеннаго содержанія. Но справедливость высказаннаго основанія для рѣшенія дѣла до такой степени была очевидна, необходимость прочнаго соглашенія и обезпеченія, которымъ обуславливались спокойствіе общины и душевное состояніе каждого, были до такой степени на-

*) Объ этомъ обязательномъ ограниченіи сообщалъ самъ комендантъ. Это же послужило основаніемъ и для опредѣленія артельнаго довольствія; это же ограниченіе установлено было потомъ и для вышедшихъ изъ каземата на поселеніе.

стоятельны, что послѣ нѣкотораго кратковременнаго колебанія сдѣлалось слишкомъ ясно, что дѣло никакъ нельзя отлагать надолго. Прониклая постепенно въ убѣжденіе высказаннаго выше основанія, пришли, наконецъ, къ избранію комиссіи для составленія устава артели. Въ комиссію были избраны между прочими: Д. И. Завалишинъ, П. С. Вобрищевъ-Пушкинъ, Пав. А. Мухановъ, А. И. Одоевскій и др. Къ ней присоединили, для объясненій по части хозяйства, очереднаго въ тотъ годъ хозяина. Дѣло-производителемъ комиссіи былъ избранъ Дм. Ив. Завалишинъ. Засѣданія комиссіи были публичны и привлекали огромное число слушателей не только изъ товарищей, но даже изъ дамъ и изъ служащихъ. Самъ Лепарскій два раза слушалъ разсужденія, заходя въ залу, гдѣ собиралась комиссія, и останавливаясь мимоходомъ за ширмами *).

Комендантъ до такой степени испугался доведенія до правительства требованія казеннаго содержанія и, слѣдовательно, допущенной имъ неправильности въ полученіи излишнихъ денегъ на пособіе товарищамъ (которое не производилось и, такимъ образомъ, только обманывалось правительствомъ), что самъ всѣми средствами ускорялъ установленіе внутреннего устройства добровольнымъ рѣшеніемъ. Онъ не только официально дозволилъ употребленіе бумаги, чернилъ и перьевъ для занятія комиссіи, но и разрѣшилъ ночныя засѣданія ея въ общей залѣ.

Комиссія занималась, буквально, безъ отдыха и быстро окончила свое порученіе. Когда уставъ былъ составленъ и подписанъ членами комиссіи, всѣ собраны были вечеромъ въ общую залу, гдѣ онъ и былъ прочитанъ членами комиссіи. Уставъ не подлежалъ голосованію и получилъ окончательную силу отъ комиссіи. Общее примиреніе отразилось было празднествомъ, продолжавшимся всю ночь.

На другой же день произошли выборы должностныхъ лицъ на основаніи новаго устава **).

Когда, такимъ образомъ, каждый членъ общины

*) Комиссіи дано было полномочіе «учредительнаго собранія» (constituante). Рѣшенія ея были окончательныя и впослѣдствіи уставъ могъ измѣняться только по правиламъ, опредѣленнымъ въ самомъ уставѣ. Комиссія, однако, пользовалась своимъ полномочіемъ очень либерально: не только засѣданія были гласныя, но и въ засѣданіи члены комиссіи въ своихъ отдѣленіяхъ обсуждали со всѣми каждый пунктъ. Можно сказать, что обсужденіе было общее и каждый пунктъ устава былъ несомнѣнно выраженіемъ большинства мнѣній.

**) Мы видѣли подлинникъ этого устава съ собственноручными подписями членовъ учредительной комиссіи: Вобрищевымъ-Пушкинымъ, Бесчасновымъ, Завалишинымъ 1-мъ, Миньковымъ, Мухановымъ, Одоевскимъ и Поджіо. Послѣдній подписалъ уставъ на правахъ очереднаго хозяина, участвовавшего въ комиссіи для объясненій по хозяйственной части.

получить обезпеченныя денежныя средства, то можно было приступить къ устройству учрежденія для обезпеченія выходящихъ на поселеніе, вродѣ страхового общества. Поэтому вскорѣ послѣ учрежденія общей артели, для обезпеченія на время пребыванія въ казематѣ, Дим. Ир. Завалишинъ, Ив. Ив. Пущинъ и Петръ Ал. Мухановъ учредили артель для обезпеченія на время поселенія. Эта артель обыкновенно называлась малою, для отличія отъ общей, получившей съ тѣхъ поръ названіе большой. Желающіе участвовать въ малой вносили извѣстный процентъ съ получаемыхъ ими денегъ, за что имъ обезпечивалась выдача извѣстной суммы при отъѣздѣ на поселеніе. Капиталъ малой артели увеличивался, кромѣ того, пожертвованіями и коммерческими оборотами, составляя ссудный банкъ. Записки должностныхъ лицъ обѣихъ артелей имѣли въ заводѣ значеніе кредитныхъ билетовъ.

Наконецъ, для введенія правильности и сираведливости въ распредѣленіи чтенія газетъ и журналовъ, Д. И. Завалишинъ, Мих. Фотіевичъ Митковъ, и Сергій Гр. Волконскій составили журнальную артель. Желающіе участвовать въ чтеніи вносили ежегодно опредѣленную сумму, на которую дѣлалась общая выписка и, сверхъ того, доставляли въ артель журналы, получаемые иными на собственное имя. Выписываемые журналы и газеты артелью доставлялись немедленно по полученіи съ почты къ распорядителю чтенія; получаемые лично—черезъ извѣстный срокъ. Въ чтеніи наблюдалась очередь, а въ распредѣленіи соблюдалось, чтобы очередь чтенія разныхъ газетъ началась съ разныхъ лицъ, чтобы доставить чтеніе разомъ большому числу, и чтобы разные журналы не приписались въ одно время одному и тому же лицу. На чтеніе газеты опредѣлялось два часа, для книжки журнала назначалось два дня; можно было просить выдачи по прочтеніи всѣми. Газеты и книжки пришивались къ папкѣ, къ которой пришивали и списокъ очереди. Въ полученіи росписывались; распорядителемъ чтенія былъ избранъ Д. И. Завалишинъ. Онъ, для скорѣйшаго удовлетворенія любопытныхъ, тотчасъ, по полученіи газетъ, приписывалъ ихъ въ общую залу и, пока составлялся списокъ и производилась пришивка, позволялъ всѣмъ просматривать газеты. Случалось, что если находили въ какой газетѣ что либо особенное, то отправлялись гурьбою къ тому, съ кого въ тотъ день начиналось чтеніе этой газеты.

Большая артель такъ вѣрно обезпечила матеріальную жизнь и такъ хорошо была придумана, что „никто во все время не нуждался ни въ чемъ и не былъ ни отъ кого зависимъ“. „Каждый становился на свое мѣсто; артель нравственно уравнила тѣхъ, которые имѣли средства, съ не имѣвшими таковыхъ и не дозво-

ляла первымъ смотрѣть на товарищей какъ на людей низшихъ“. Все это дѣлалось съ вѣдома коменданта и было имъ одобрено. Артель установила, прежде всего, общій столъ; обѣдать въ назначенную столовую не ходили: обѣдали по отдѣленіямъ въ корридорѣ; сторожъ прислуживалъ и тутъ же кормился и самъ. Женатые, не имѣя права на общій столъ, получали кушанья изъ квартиръ женъ и гораздо лучше и болѣе разнообразны *). Богатыя дамы могли снабжать отъѣзжавшихъ товарищей такими дорогими винами, какъ венгерское и токайское, и притомъ хорошо выстоявшееся въ петербургскихъ погребахъ богатыхъ и роскошныхъ домовъ.

Такъ какъ при первоначальномъ начертаніи постановленій для артели служили теоретическія соображенія, время же и опытъ показывали, до какой степени послѣднія согласовались съ возможностью и удобствомъ исполненія, то товарищеская община нѣсколько разъ привнуждена была измѣнять и дополнять артельные правила. Въ основаніе устава артели положены нижеслѣдующіе поводы и причины:

„Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ необходимости имѣть всегда на-лицо опредѣленную сумму денегъ, которая могла бы служить какъ для обезпеченія общественныхъ потребностей, такъ и для удовлетворенія потребностей каждаго лица. Положительное назначеніе суммы на наступающій годъ, во-1-хъ, доставляетъ хозяину возможность располагать оною съ большею выгодною для артели и слѣдовать годовымъ и срочнымъ закупки; во-2-хъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ отвратить затруднительное положеніе, въ какомъ артель и каждый участникъ иногда находились въ замедленной присылкѣ денегъ. Для этой цѣли составлялась годовая общественная сумма (§ 2) подпискою на взносы (§ 3), жалованьемъ отъ казны, суммою отъ продажи экономической муки; подписка оканчивалась (§ 4) къ 1 февраля.

Сумма изъ 500 руб. (§ 5) принята необходимою на полное годовое содержаніе (и не было ни одного года, въ который бы не доставалась каждому члену артели вся эта сумма сполна). На основаніи этого правила подписка производилась троякимъ образомъ: 1) всѣ участники, получающіе 500 р., подписывали ихъ сполна; 2) получающіе менѣе отдавали всѣ присылаемые имъ деньги; 3) полу-

*) Процедура снабженія пищею женатыхъ производилась такъ: въ обѣденный часъ поваръ или кухарка приносили кушанья въ караульную, оттуда часовые приносили въ корридоры отдѣленій; корридорные сторожа ставили на столъ. Приходили жены и обѣдали вмѣстѣ; дѣтиже не дозволялось; слугъ заключенныхъ не показывали. Въослѣдствіи, когда все перемололось—все и передомалось и измѣнилось на лучшее и болѣе упрощенное.

чающие больше подписывали непременно 500, а выше этой суммы по желанию. На практикѣ последнее исполнялось такъ, что получавшіе больше 500 р. вносили въ 1½—2 раза противъ получаемаго изъ артели: кто 800, а кто и тысячу руб. Женатые ничѣмъ не пользовались изъ артели и, между тѣмъ, подписывали значительные ежегодные взносы: Трубедкой отъ 2 до 3 тыс., Волконскій до 2 тыс., Муравьевы отъ 2 до 3 тыс., Ивашовъ, Нарышкинъ и Фонвизинъ до 1 тыс. При подпискѣ (§ 6) означались вѣроятнѣйшіе сроки взносовъ.

Подписная сумма обращалась въ дѣйствительную слѣдующимъ образомъ: 1) Подписавшіе 500 руб. и менѣе вносили деньги немедленно по полученіи; подписавшіе больше вносили, если возможно, въ срокъ, ими назначенный (§ 7). Сложность общественной суммы раздѣлялась на три части: хозяйственную, частную и экономическую. Хозяйственная сумма, предназначавшаяся на продовольствіе всѣхъ участниковъ артели (§ 8), опредѣлялась (§ 9) наибольшимъ количествомъ денегъ, назначаемыхъ на годовое продовольствіе одного лица, помноженнымъ на число потребляющихъ лицъ, и обращалась (по § 16-му) единственно на хозяйственные закупки. Частная сумма, слѣдовавшая на удовлетвореніе потребностей отдѣльнаго лица, составлялась (по § 10-му) изъ остающейся отъ опредѣленной на полное годовое содержаніе по вычетѣ всей хозяйственной суммы; дѣлилась (по § 17) на равные участки по числу лицъ, состоящихъ въ артели, и поступала навсегда въ неприкосновенную собственность каждого участника. Экономическая (§ 11) составлялась изъ 5% общей суммы, немедленно отдѣляемыхъ по переводѣ денегъ изъ собственности подписчиковъ въ общую сумму. 2) Изъ избытка дѣйствительной суммы, опредѣленной въ полное годовое содержаніе артели, и 3) изъ экономіи хозяйственной суммы. Экономическая дѣлилась на закупную и запасную. Первая (§ 12) опредѣлялась изъ 5% подписной, изъ половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на годовое содержаніе и изъ половины экономіи хозяйственной суммы. Закупная назначалась заимообразно на хозяйственные обороты и должна была состоять въ наличности къ 1 февр. каждого года; она образовалась изъ другой половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на полное годовое содержаніе и изъ другой половины сбереженія хозяйственной суммы. Запасная назначалась для выдачи отбѣзжающимъ изъ острога на поселеніе, а потому всегда была въ наличности *).

*) Вслѣдствіи §§ 11 и 12 замѣнены были такимъ образомъ:

§ 11. Если по дѣйствительномъ сборѣ всей подписной суммы, за вычетомъ хозяйств. и част.

Всякая подписная сумма, поступившая въ наличность, становилась безвозвратно общественною собственностью (§ 13). По поводу раздѣленія всей общественной суммы, артельный уставъ говорилъ: „§ 14. Раздѣленіе наличной суммы, общества бываетъ правильнымъ и неправильнымъ. Правильное должно быть соразмѣрно опредѣленному въ смѣтѣ годовому раздѣленію суммъ, а именно на 32 части (по исключеніи 5% въ экономическую сумму), 237 руб. на каждого участника въ хозяйственную и 248 въ частную (плюсъ 80 коп. въ частную же). Неправильное раздѣленіе есть несообразное годовому раздѣленію суммъ. § 15. Если на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей достаточно будетъ суммы, отчисляемой по правильному раздѣленію, то оно и должно быть правильнымъ; если же недостаточно, то въ такомъ случаѣ оно становится неправильнымъ и производится сообразно съ таблицею, составленною на текущій годъ“.

Годовое управленіе и обороты общественныхъ суммъ зависѣли отъ двухъ комиссій: временной, дававшей суммамъ годовое направленіе, т. е. утверждавшей смѣту, составленную хозяйномъ на наступающій хозяйственный годъ (съ 1 марта по 1-ое марта), и постоянной комиссіи, наз. хозяйственной, которая заведывала распредѣленіемъ и движеніемъ суммъ на основаніи смѣты, утвержденной временною комиссіею.

Временная комиссія состояла изъ 5-ти избранныхъ членовъ, собиралась обыкновенно передъ выборами хозяина и казначея. Она поворачивала общественныя счетныя книги, разсматривала уставъ и предлагала необходимыя въ немъ измѣненія на общее разрѣшеніе, распоряжалась при выборахъ въ общественныя должности и передавала хозяйство новозбраннымъ лицамъ. Исполнивъ эти обязанности, эта комиссія расходилась *).

Хозяйственная комиссія (постоянная) со-

изъ общественной, будетъ какой либо остатокъ, то оный обращается въ остаточную сумму. Сверхъ того, въ составъ оной входитъ все, что, по окончаніи года, остается отъ суммы хозяйственной.

§ 12. Сія сумма считается дѣйствительною остаточною, если новая подписка удовлетворительна для полнаго годового содержанія. Въ противномъ случаѣ вся она или часть оной обращается на пополненіе новой годовой подписки. Если же будетъ нужна только часть, то все остальное обращается въ остаточную сумму. Вновь предложенный §: «для опредѣленія выдачи денегъ изъ запасной суммы отбѣзжающимъ на поселеніе, собирается временная комиссія» — отвергнута былъ большинствомъ голосовъ (въ 1832 г.).

*) На всѣ три года, пока казематъ и артель были въ полномъ составѣ, Д. И. Завалишинъ выбирался постоянно членомъ временной комиссіи (даже когда былъ и самъ хозяиномъ) и былъ всегда двѣлопроизводителемъ.

стояла изъ 3-хъ лицъ: хозяина, закупщика и казначея, не терявшихъ права голоса и во временной комиссiи при составленiи и утвержденiи смѣты. Она распределяла общественную сумму на хозяйственную и частную, обрабатывала часть этой суммы на гуртовья закупки, разрешала ссуды изъ запасной суммы; предварительно рассматривала условiя и контракты, заключаемые хозяиномъ и закупщикомъ; ежемесячно повѣряла счетныя общественныя книги (по окончанiи повѣрки хозяинъ и закупщикъ подписывали счеты). Этой же комиссiи вѣрено было въ обязанность заботиться о размѣнѣ звонкой монеты, если она будетъ прислана на имя кого либо изъ участниковъ. Передъ истеченiемъ хозяйственного года она дѣлала отчетъ на припасамъ, оставшимся отъ годового содержанiя, и причисляла ихъ цѣнность къ экономической суммѣ. Составъ ея изъ трехъ членовъ уравнивался тѣмъ, что хозяинъ былъ блюстителемъ общественныхъ нуждъ; закупщикъ—нуждъ частныхъ, а казначей—посредникомъ между ними.

Хозяинъ избирался на годъ; принималъ по описи отъ предмѣстника все, входящее въ составъ общественнаго хозяйства; составлялъ смѣту на наступающiй годъ и представлялъ на утвержденiе временной комиссiи. Если цѣны возрастали и превосходили смѣтную, онъ имѣлъ право недостатокъ суммъ восполнять соразмѣрнымъ уменьшенiемъ выдачи сахару и чаю, но ни въ какомъ случаѣ не могъ выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ смѣтою. Приступая къ закупкѣ чая и сахара, обязанъ былъ спросить: не желаетъ ли кто выписывать эти припасы на собственные деньги, или: не желаетъ ли кто, вмѣсто чая и сахара натурою, получить на свою долю деньгами. Выдавалъ чай и сахаръ въ общественной комнатѣ (подлѣ кухни) въ день, имъ предварительно объявленный *). На обязанности хозяина лежалъ выборъ выгоднаго времени года для продажи экономической муки изъ казенной дачи. О количествѣ вырученныхъ денегъ онъ письменно извѣщалъ казначея. Хозяинъ велъ валовую домашнюю книгу прихода и расхода и тому же казначею сообщалъ для выписки; велъ очередь наблюдающимъ за чистотою на кухнѣ и уѣдомлялъ за недѣлю того, чье дежурство наступало. Всѣ служители при кухнѣ и банѣ находились въ полномъ его распоряженiи. Онъ обязывался, при наймѣ служителей, объявлять имъ, что они немедленно должны исполнять всякое частное приказанiе, имѣющее цѣлю услугу для внезапно заболѣвшаго въ ночное время кого либо изъ

*) Чай и сахаръ оказались продуктами наиболѣе дорогими и раззорительными для артели. По бюджету 1832 года видно, что пшеничная мука стоила 800 руб., говяжья по 4¼ пуда въ день—2.335 руб. въ годъ, а одинъ сахаръ 2.880 и чай на 1.456 р. въ годъ же.

участниковъ артели. Каждый хозяинъ обязывался представлять временной комиссiи къ первому засѣданiю, при открытiи ея, подробный отчетъ обо всѣхъ бывшихъ закупкахъ: въ какое время, въ какомъ количествѣ, какiе товары, по какимъ цѣнамъ и на какiя деньги, заимомъ ли добыты или инымъ образомъ; были ли закупки выгодны или невыгодны и по какимъ причинамъ. У него хранился подлинный уставъ артели (дѣйствительныя копии выдавались въ частныя руки). Въ случаѣ кратковременной болѣзни хозяина его должность исправлялъ казначей. Въ случаѣ продолжительной болѣзни того или другого приступали къ новымъ выборамъ.

Закупщикъ имѣлъ дозволенiе нѣсколько разъ въ недѣлю выходить изъ каземата для покупки всего нужнаго для частныхъ лицъ и имѣлъ на посылки въ своемъ распоряженiи сторожа. Онъ обязывался предварительно спросить у каждаго объ его надобностяхъ и справиться съ книгами о наличности частной суммы (этотъ § впоследствии уничтожили). Никто не имѣлъ права требовать отъ него покупки товаровъ въ долгъ. Артельный уставъ возлагалъ на него слѣдующiя обязанности: „§ 38. Вести книгу всѣмъ закупкамъ; показывать и раздавать вещи въ общественной залѣ, въ извѣстный день и часть, имъ самимъ назначенный, единожды на цѣлый годъ. § 39. Покупавшiй обязанъ былъ выдавать ему уплатныя записки. Вести очередь всѣмъ выходящимъ на работу. § 40. Если дежурный офицеръ объявитъ ему, что не всѣ вышли—онъ представляетъ ему списокъ очереди находящихся на работѣ. Если потребуется большее число рабочихъ, онъ отсчитываетъ изъ слѣдующей очереди требуемое число лицъ по порядку списка и повѣщаетъ ихъ о томъ. На другой день очередь начинается уже съ перваго, оставшагося въ этой очереди“. Какъ скоро какая нибудь очередь дошла до мѣста работы, она на слѣдующiй день не выходитъ, по какой бы причинѣ ее ни воротили (новый § устава 1831 г., единогласно утвержденный 8 мая 1832 г.). Закупщикъ (по § 41) обязанъ былъ имѣть къ своей конторѣ столъ для отправленiя дѣлъ и храненiя товаровъ и ящикъ подъ замкомъ для записокъ о покупкѣ товаровъ. При кратковременной болѣзни его (§ 42) исправляетъ должность хозяинъ; въ случаѣ продолжительной—новые выборы.

Казначей начиналъ отправленiе должности собиранiемъ подписки на наступающiй годъ и представлялъ ее временной комиссiи на разсмотрѣнiе для утвержденiя по ней смѣты. Онъ переводилъ подписанныя деньги изъ собственности лицъ въ общественную сумму, немедленно по присылкѣ, получивъ предварительное согласiе подписавшихся на сумму свыше 500 р. и мѣнѣе; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, онъ

извѣщалъ о томъ подписчика. По раздѣленіи наличной частной суммы на участки, казначей каждое 25-ое число объявлялъ каждому лицу о суммѣ, причитающейся на его мѣсячную долю, означая ее на черной доскѣ въ общественной залѣ. Никто, кромѣ казначея, не имѣлъ права выписывать изъ общественныхъ суммъ и только по этимъ суммамъ онъ входилъ въ сношеніе съ горнымъ начальствомъ. Онъ дѣлалъ выписки изъ всѣхъ суммъ, входящихъ и не входящихъ въ составъ общественной суммы (т. е. хозяйств., участк., эконом. и личной). Выписку по частнымъ издержкамъ онъ производилъ три раза въ недѣлю: изъ хозяйственной—по запискамъ хозяина, изъ участковой наличной—по запискамъ закупщика и частныхъ лицъ, обязанныхъ доставлять ему эти записки, по крайней мѣрѣ, за два часа до выписки. Такъ какъ никто въ казематъ денегъ не могъ имѣть у себя на рукахъ и всѣ частные расходы производились черезъ казначея, то три раза въ недѣлю приходилъ писарь горнаго вѣдомства съ особою книгою. Въ ней, со словъ казначея, онъ записывалъ, кому и что слѣдовало заплатить, и обозначалъ, изъ чьихъ денегъ, подписанныхъ въ артель, слѣдовало произвести уплату. Если кто желалъ не расходовать своего участка, но оставлялъ его временно въ общественной частной суммѣ, то казначей обязанъ былъ требовать отъ того лица означенія положительнаго срока, когда онъ хочетъ получить свой участокъ въ общественное распоряженіе (а ранѣе казначей не могъ ему выдавать участка). Для отвращенія застоя въ одной суммѣ и задержки выдачи изъ другой, казначей могъ переводить изъ кредита одного счета въ дебетъ другого, съ тѣмъ, одако же, чтобы сумма, поступающая въ дебетъ, была совершенно обезпечена подпискою; но онъ не могъ переводить денегъ изъ одного участка въ другой безъ письменнаго согласія самого участника. Казначей не обязывался входить въ личныя сдѣлки и записывать, кто кому долженъ. Хозяинъ снабжалъ его переплетенными счетными книгами; казначей обязывался вести ихъ по двойной бухгалтеріи, соотвѣтственно установленной формѣ под № 1-мъ—книги общественной подписки, № 2—книги общественного прихода и расхода, № 3—книги хозяйственной, № 4—частной (составленной изъ тетрадей по числу участниковъ под № и при алфавитномъ спискѣ именъ) и № 5—книги кассоваго журнала. Онъ обязывался имѣть 6-ую и 7-ую книги, когда образовалась запасная и закупная сумма. Каждую суботу счетныя книги (за исключеніемъ № 4 алфавитной) выкладывались, на время отъ 3 до 6 часовъ по полудни, въ общественной залѣ для желающихъ сдѣлать справки *). Книгу под № 4 казначей

*) Зала состояла подъ наблюденіемъ хозяина и раздѣлялась на 2 части: въ меньшей была устроена

обязанъ былъ давать для справокъ каждую недѣлю два раза въ тѣ дни и часы, которые онъ самъ назначить однажды на цѣлый годъ. Показывать, впрочемъ, обязанъ былъ только тѣ тетради изъ прихода и расхода, которыя принадлежать лицамъ, желающимъ справляться. Въ конторѣ у него былъ столъ для храненія артельныхъ книгъ и ящикъ подъ замкомъ для платныхъ записокъ.

Огородникъ избирался, по установленному порядку, хозяйственною комиссіею. На обязанности его, по уставу, лежало составленіе смѣты огородныхъ издержекъ. По утвержденіи ея хозяйственною комиссіею, онъ получалъ назначенную ему сумму. При посѣвѣ соглашался съ хозяиномъ, какихъ и сколько овощей требовалось на общественное продовольствіе. Пока овощи были на грядкахъ, огородникъ располагалъ ими независимо отъ хозяина, но увѣдомлялъ за нѣсколько дней до снятія съ грядъ, сколько и какихъ овощей можно было собрать для общественнаго стола. Въ Петровскомъ казематѣ на артельномъ огородѣ никогда не было обильнаго урожая; рѣдкій годъ даже картофель не побивало морозомъ. Впрочемъ, всѣ овощи доставлялись въ обиліи окрестными крестьянами. Впослѣдствіи опыты убѣдили въ томъ, что овощи въ заводѣ покупать было выгоднѣе, чѣмъ по деревнямъ, гдѣ крестьяне прижимали. На бѣду въ заводъ не привозили въ достаточномъ количествѣ и, къ тому же, въ богатый казематъ ничто почти дешевое не доходило, развѣ совершенно случайно. Поэтому артель всегда находилась въ необходимости закупать часть овощей по деревнямъ и дорожѣ заводскаго *).

Относительно всѣхъ другихъ закупокъ Петровскій заводъ оказался несостоятельнымъ. Общихъ правилъ старые хозяева въ руководство новымъ извлекать не могли. Цѣны подвержены были случайностямъ; выгоды были закупы внѣ завода, но и тамъ съ каждымъ годомъ становились труднѣе, какъ по причинѣ переторжки, такъ и образа уплаты. Въ началѣ хозяйства потребность суммъ была очень велика, необходимо было сдѣлать займы. На нихъ должна была производиться большая часть закупокъ, а такъ какъ взносъ былъ довольно медленный, то и впослѣдствіи, въ теченіи опытнаго года, должны были производить контора хозяйственной комиссіи; большая оставалась для общественныхъ нуждъ: богослуженію, баллотировки, для учебныхъ классовъ и проч.

*) Сверхъ должностей хозяина, закупщика, казначея и огородника, на членахъ артели лежали обязанности дневальныхъ на кухнѣ. По читинскому положенію, это дѣлалось за вознагражденіе желающими, въ Петровскомъ заводѣ установлена была валовая очередь по недѣлю. Читинское дежурство вознаграждало извѣщеніемъ отъ казенныхъ работъ, въ Петровскомъ заводѣ это было отиѣсно.

займы. Вслѣдствіе того, въ Петровскомъ заводѣ обществѣнный сборъ очень увеличили; все, что прежде тратилось на частныя вспоможенія, въ Петровскѣ подписывалось въ артель *). Опредѣливъ то, что приходилось каждый мѣсяцъ на каждого человѣка, за общій расходъ на чай, сахаръ и обѣдъ, опредѣлившаяся сумма, предоставленная въ распоряженіе участниковъ, прекратила зависимость однихъ лицъ отъ другихъ. „Чтобы каждый изъ участниковъ имѣлъ болѣе денегъ въ своемъ распоряженіи, обѣдъ очень ограничился: на мѣсяцъ выдавалось на каждого человѣка по $\frac{1}{3}$ ф. чая и по 2 ф. сахару и по двѣ, не болѣе, пшеничныхъ булки на день. Обѣдъ состоялъ изъ тарелки щей и очень небольшого куска жареной говядины. Сколько нибудь того и другого необходимо было удѣлить для сторожа, который питался отъ нашихъ крохъ. Ужинъ былъ еще скуднѣе обѣда и случалось очень часто вставать отъ трапезы полуголоднымъ. Нѣкоторые за столъ, чай и обѣдъ получали деньги изъ артели и сами пеклись о своемъ продовольствіи“. Весь этотъ порядокъ существовалъ все время, недовольныхъ было меньшинство. Большинство же, стараясь дѣлать уступки и измѣняя различныя исправленія и дополненія въ уставѣ, довело артель до конца и воспользовалось всѣми выгодами ея, жертвуя частными общему.

Общіе правила артели состояли въ нижеслѣдующемъ: артель управлялась по правиламъ, составленнымъ временною комиссіею и утвержденнымъ положительнымъ большинствомъ голосовъ, но никакія предложенія, хотя бы и принятыя большинствомъ голосовъ, если были сдѣланы не черезъ посредство временной комиссіи, не имѣли обязательной силы для лицъ несогласныхъ. Всѣ участники имѣли равныя права на общественную сумму. Всѣ общественныя заведенія учреждались и поддерживались обще

*) Сверхъ смѣтнаго расхода, предназначаемаго въ артель, временами собирались съ каждого подписка на одновременные добровольные взносы, наприимѣръ, на памятникъ Пестову, на вспоможеніе ссыльнымъ полякамъ, на помощь исключенному изъ артели и общества товарищу. Въ общество, сверхъ декабристовъ, приняты были присланные изъ Оренбурга за составленіе тамъ тайнаго общества Ипполитъ Завалишинъ, Дружининъ, Колесниковъ и Таптыновъ. Въ Петровскомъ заводѣ Завалишинъ былъ принятъ въ артель. Тамъ же прислали къ нимъ слѣднаго старика Сосиновича, изъ поляковъ, и какого-то разжалованнаго маіора Кученкаго. Ихъ не спросили, кто они, и приняли въ артель на общемъ положеніи. Они пользовались выгодами этого учрежденія, выгодами вѣщественными, но не были дѣйствительными членами, то есть не пользовались никакими правами членовъ артели. Сосиновичу отчасти помогать Лепарскій (Сосиновичъ одинъ изъ всѣхъ эмисаровъ, судившихся въ Гроднѣ по дѣлу Воловича. былъ приговоренъ на каторгу).

ственными суммами; хозяину возбранялось всякаго рода подписка на общественныя издержки. Всякій почитался обязаннымъ нести общественныя должности, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя не пользовались выгодами, доставляемыми артели отпращиваніемъ этихъ должностей. Несшіе однажды общественную должность по выбору, имѣли право отказываться отъ подобной должности въ теченіи трехъ лѣтъ. Немедленно по открытіи временной комиссіи всѣ лица, занимавшія въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ и занимавшія какія либо должности въ истекшемъ хозяйственномъ году, если не желали вновь подвергнуться избирательству, извѣщали о томъ временную комиссію письменными объясненіями; въ противномъ случаѣ ихъ молчаніе принималось за согласіе снова принять какую либо изъ должностей и тогда всякій былъ въ правѣ подавать имъ свой голосъ, а они не могли уже отказываться отъ избранія *). Каждому изъ отъѣзжающихъ артель обязывалась выплатить все, что, за исключеніемъ употребленныхъ на него издержекъ, останется отъ полнаго годового содержанія. Когда запасная сумма сдѣлалась дѣйствительною, выдача отъѣзжающимъ назначалась по единогласному опредѣленію хозяйственной комиссіи; на случай внезапнаго отъѣзда кого либо изъ участниковъ, она уполномочена была выдавать изъ запасной суммы до 300 руб. **). Плата за мытье была, по причинѣ разности въ количествѣ, выдѣлялась изъ хозяйственной суммы и возлагалась на каждого участника.

Всякому предоставлялось право дѣлать замѣчанія на уставъ артели и на исполненіе общественныхъ обязанностей; эти имѣнія хранила хозяйственная комиссія до передачи во временную; если же число замѣчаній по одному и тому же предмету возрастала до $\frac{1}{3}$ всѣхъ участниковъ, то немедленно собиралась временная комиссія. Предложенія свои комиссія всѣ обязаны были писать и выражать такъ, чтобы можно было отвѣчать словами „да“ или „нѣтъ“. Замѣчанія и оговорки членовъ писались на особомъ листѣ. Если предложеніе состояло изъ нѣсколькихъ пунктовъ, то каждый пунктъ писался отдѣльно ***).

Выборы извѣщались записками съ вопросомъ: кто будетъ подавать голосъ на предстоящее

*) Этотъ § былъ приобщенъ къ уставу впоследствии, въ 1835 году.

**) Вслѣдствіи изъ большой артели выдѣлилась малая, предназначенная исключительно для пособія отъѣзжавшимъ на поселенія.

***). Вслѣдствіи временной комиссіи представлено было право предлагать на общее утвержденіе только тѣ предложенія, которыя найдутъ полезными, а безполезныя оставлять безъ представленія къ общему свѣденію. Это представленіе, вызвавшее безусловное и общее согласіе, внесено было въ уставъ новымъ параграфомъ.

избрание временной комиссiи *). Затѣмъ число избирателей дѣлилось на 5 отдѣловъ по порядку номеровъ и остатокъ, если случался, причисляли къ послѣднему отдѣлу. Хозяинъ, закупщикъ и казначей, каждый порознь, ходили по отдѣленіямъ съ особеннымъ пакетомъ для каждого и съ числомъ билетовъ по числу избирателей. Послѣдніе подъ своими именами писали имя лица избираемаго и вкладывали билеты эти въ пакетъ своего отдѣла. Члены хозяйственной комиссiи рассматривали билеты: получившій положительное большинство въ своемъ отдѣлѣ (въ четномъ числѣ избирателей половину этого числа плюсъ одинъ голосъ) объявлялся членомъ временной комиссiи. Послѣ третьяго неопредѣленнаго выбора члены какого либо отдѣла выбирали уже между кандидатами другихъ отдѣловъ. Если ни одинъ изъ нихъ не получилъ положительнаго большинства въ этомъ отдѣлѣ, тогда предлагали имъ на выборъ двухъ кандидатовъ, имѣвшихъ большее число голосовъ. Если же и въ этомъ случаѣ голоса дѣлились поровну, то выборы рѣшались уже жребіемъ. На слѣдующій день члены временной комиссiи повѣряли свои уполномочія въ общественной залѣ и распоряжались при выборѣ и баллотировкѣ хозяина и казначея (хозяйственная распоряжалась выборомъ и баллотировкою закупщика и огородника, если выборы этихъ послѣднихъ не совпадаютъ съ выборами первыхъ). Когда всѣ выбирались въ одно время, тогда наблюдалась очередь: сначала выбирали хозяина, потомъ казначея, далѣе закупщика и, наконецъ, огородника. Комиссiи за два дня извѣщали всѣхъ, въ какую должность предстоятъ выборы; собирали голоса: подача голоса означала согласіе съ большинствомъ. Если никто не имѣлъ положительнаго большинства, то два лица, соединившія большее сравнительно число голосовъ, становились кандидатами и баллотировались. Если по причинѣ равенства голосовъ два кандидата не будутъ опредѣлены, то баллотировка рѣшалась между имѣющими равенство. Наканунѣ ея комиссiя объявляла имена кандидатовъ и порядокъ избранія. Всѣ, подавшіе голоса при избраніи, обязывались находиться и при баллотировкѣ; кто не приходилъ, тотъ располагалъ своими шарами нисыменно черезъ одного изъ членовъ комиссiи. Баллотировались только тѣ, которыхъ избирали. Въ залѣ, въ день баллотировки, одинъ изъ членовъ комиссiи раздавалъ шары, выдавая каждому на каждого избираемаго порознь бѣлый и черный; получившій шары подходилъ къ двумъ ящикамъ, другой членъ комиссiи, стоявшій при нихъ, объявлялъ, который сосудъ для кого назначенъ. Когда всѣ шары были поло-

жены, комиссiя считала число бѣлыхъ и черныхъ каждого кандидата. Получившій положительное число голосовъ въ отношеніи къ числу баллотировавшихся и сравнительное относительно къ другому кандидату объявлялся избраннымъ. Если оба имѣли положительное большинство, но равное между собою, то баллотировались снова. По третьей неопредѣленной баллотировкѣ рѣшалъ жребіемъ. Если оба не получали большинства бѣлыхъ шаровъ, то избиратели приступали къ новымъ выборамъ.

Заботливо хлопоча объ увеличеніи ручныхъ участковъ, артель усиленно стремилась къ возрастанію запаснаго капитала, понуждаемая тѣми страхами, которые рисовались въ самомъ непривлекательномъ видѣ для всѣхъ, выходявшихъ на поселеніе и не имѣвшихъ собственныхъ средствъ. Съ этою цѣлью прибѣгали ко всевозможнымъ сокращеніямъ въ бюджетѣ расходовъ: когда количество хлѣба и квасу превысило личную потребность, опредѣляли ограниченную выдачу 1¹/₄ фун. на день на человѣка; квасъ опредѣляли двумя бутылками на день. Ограниченіе выдачи хлѣба вызвано было не недостатками, а для учета, потому что начали злоупотреблять требованіемъ и расходомъ хлѣба. Такъ, державшіе особливую лично для себя прислугу стали кормить ее изъ общей артели; Модзалевскій, занимавшійся и получавшій за то деньги, кормилъ двухъ портныхъ изъ солдатъ изъ общей артели. „Артель тѣмъ и выгодна, — говорить Н. А. Вестужевъ на особомъ листѣ, долженствовавшемъ выразить его голосъ при собираніи мѣній: — артель тѣмъ и выгодна, что излишество потребленія одного человѣка вознаграждается меньшею потребностью другого; слѣдовательно, если поставитъ вѣсъ (хлѣба) на каждого и каждому отпустить по положенію, то выйдетъ, что всѣ лишатся выгоды, доставляемыхъ артелью, потому что лишнее количество надобно будетъ покупать, тогда какъ у другихъ избытокъ будетъ пропадать безъ пользы. Увѣренъ, что среднимъ числомъ хлѣба, вообще, не выйдетъ по 1¹/₄ ф. на человѣка, но увѣренъ также, что раздача каждому по такому участку большей половины будетъ онаго не достаточно, и думаю, что вниманіе хозяина при надлежащемъ присмотрѣ лучше опредѣлитъ потребность каждого, не стѣсня всей артели этою общемою мѣрою“. Мнѣніе это подано на ниже-слѣдующій запросъ временной комиссiи: „Количество расходимаго хлѣба и кваса превышаетъ личную потребность артели и, съ другой стороны, раздѣленіе расхода на сіи предметы не въ точной мѣрѣ соответствуетъ потребленію каждого лица и какъ сверхъ того не малая часть хлѣба и квасу расходится на прислугу, не равно распределенную на лица, хотя и равно платящія“, то и предлагаетъ временная комиссiя на общее разрѣшеніе: „1) постано-

**) Избирательные листы посылались по номерамъ казematовъ съ надписью наверху просьбы передавать далѣе безотлагательно.

вить ли определенную выдачу хлеба по $1\frac{1}{4}$ ф. на день на человека, на каждого из нас, предоставляя желающим иметь большее сего количество получить оное за деньги (как, напр., получали прежде излишнюю, а ныне одну булку) и перенести вследствие сего содержание прислуги на счет тех, кои находятся в личном услужении люди будут служить, и 2). определить выдачу квасу по 2 бутылки на человека в день или оставить то и другое по прежнему положению? Желавший получать большее количество, обязан был платить деньги. Содержание прислуги перенесли на счет тех, которые ее держат, оставили заботу только о пище солдат, так как их услуга была общая, а не частная. Исключили из хозяйственного бюджета жалование брадобрью, потому расходы на мыло для бани *). Отняты булки и жареное на некоторое время и успокоили себя тою лишь заботою, чтобы умеренность пищи вознаграждалась качеством и опрятностью приготовления, чтобы хлеба пеклись лучше, супы были чище и квас не так дурен. Для поощрения служащих на кухне и для чистоты самой кухни нашли выход в том, что выдавали сверхсметные деньги, по желанию, в распоряжение хозяина. Убавили одним служителям к бане, распределив жалование соответственно труду каждого: иным надбавили, другим уменьшили, но, во всяком случае, достигли той цели, что в отношении расходных денег произошло значительное уменьшение **). Подобные сокращения были неизбежны в виду того, что с отъездом третьей категории число людей и средства значительно сократились; кроме того, и снабжение отъезжающих потребовало излишних расходов.

Когда некоторые отделились от общего стола и вместо кушанья стали получать деньгами, они уже не могли требовать артельного кушанья в течение года и не иначе могли заставлять людей, нанятых для общей кухни, работать, как по добровольному согласию. Хозяева не обязывались снабжать артельными припасами тех, которые не пользовались общим столом, хотя за долг поставляли себя стараться по возможности их удовлетворять. Временная комиссия разрешила таковым выдачу артельной муки на дрожжи для булок. Для улучшения общественного стола и соблю-

дения экономии некоторые предлагали личные услуги (как Тютчев), состоявшие в том, что вызвавшиеся сами занимались приготовлением кушаньев. Впоследствии, для улучшения пищи, прибавили к отпускаемым 2 пуд. 20 ф. мяса еще 8 ф., и постановили, чтобы хозяин непременно избегал экономии удержанием из положенного количества припасов, а старался бы достигать цели посредством дешевых закупок. Когда артельные свиньи оказались невыгодными для хозяйства — их уничтожили. Сахар стали покупать в Иркутске и на верхнеудинской ярмарке, а не в заводе, чай стали брать из первых рук и у богатых купцов; соль запасали гуртовым приобретением и проч. *).

Чтобы окончательно утвердиться на мысли, посредством собранного капитала предупредить и даже обезпечить нужды тех членов общины, которые будут вывезены из тюрьмы, составила новая артель, маленькая. Она, не вредя главной цели, стремилась также к достижению членам выгоды, как только можно извлечь из подобного учреждения. В нее мог поступить всякий, желавший внести 25 р. принятых за минимум и вносимых в 11 месяцев по 2 р. Третья, журнальная артель выпускала журналы и газеты, общим числом до 22-х, и давала их за небольшую плату для чтения (1 р. 50 к. в месяц). В ней участвовали лица, не бывшие ни в большой, ни в малой артелях, как например, Анненков, Давыдов и друг. Маленькая давала займы. Займы наличными деньгами отдавались таковыми же; в противном случае, платился лишний 1%. При займе принадлежащих артели лиц полагался 1% со ста в месяц, а с принадлежащих — 2% **). Капиталом

*) Самыми деятельными хозяевами были Д. И. Завалишин и В. А. Бесчаснов. Некоторые решительно отказывались на новые выборы. Бывали случаи отказов и от артели, но по просьбам товарищей оставались, доказывая доброе расположение к обществу. Должность хозяина сопряжена была с большими затруднениями: каждому желалось угодить товарищам, соблюсти общие интересы и удовлетворить, вместе с тем, и частных. Не мало затрудняло измышление кушаньев для разнообразия, разделение стола в постные дни и, в особенности, выгодный закуп, чего не могли они достигнуть, подняв петровские цены своим крупным запасом. Так, между прочим, коровье масло принуждены были выискивать из Читы: тамнее оказалось лучше и с провозом дешевле петровского.

**) При выдаче занимаемой суммы за первый же месяц вносились проценты наличными или купоном на большую артель; за следующие же месяцы всегда в 1 число каждого месяца; эти проценты платились всегда за целый месяц, не смотря на меньший срок займа. За желание промывать выписным на всякого рода наличные платили 1%. В обезпечение представлялся или купон или свидетельство пору-

*) Бани топилась ежедневно в субботу, но постам — в пятницу. Кто желал заказывать для себя в другой день недѣлю, тот платил в артель; если заказчиков было меньше 5-ти, один рубль, пять и больше — $1\frac{1}{2}$ руб.

**) На жалованье служителям петровская артель тратила ежегодно 774 р.: на содержание бани 15 руб., на содержание кухни 100 р., на соль 100 р., на мясо 630 р., на бумагу для книг и счетов 30 р., на овощи 400 р., на праздники 150 р., на огород 210 р., на крупы 100 р., молочные скоты 75 р. и проч.

и оборотами завѣдывалъ казначей, избравшійся положительнымъ большинствомъ голосовъ на цѣлый годъ. Онъ заботился, чтобы капиталъ артели, за исключеніемъ сохранной суммы, находился въ безпрестанномъ оборотѣ, и превращалъ капиталъ въ наличныя деньги. Такъ какъ артельный годъ для бюджета начинался вмѣстѣ съ большою артелью, т. е. 1-го марта, то казначей обязывался представлять списки о выборахъ 3 членовъ въ комиссію; самъ въ ней не засѣдалъ. Вносившій ежегодно 25 руб. считался дѣйствительнымъ членомъ съ правомъ на равную долю со всѣми. Единовременные

члены. За положительную цѣнность купона принимались $\frac{2}{3}$ годового ручного участка, объявляемаго большою артелью. Мѣсячный купонъ былъ вообще $\frac{1}{12}$ часть объявляемаго годового и, подобно ему, цѣнилась также въ $\frac{2}{3}$. Лица, не состоящіе въ большой артели, имѣли право на заемъ только $\frac{1}{4}$ части ежегодно получаемой ими суммы и предоставляли въ обезпеченіе росписку, дающую право казначею большой артели вычесть по ней сполна изъ первыхъ, получаемыхъ ими по займу денегъ. Если кто изъ членовъ постоянной (хозяйств.) комиссіи большой артели желалъ сдѣлать заемъ для оборотовъ касательно ввѣренной ему должности, то представлялъ въ поручительство подписи всѣхъ трехъ членовъ своей комиссіи. Тѣ, которые занимали сумму, превышающую сумму, обезпеченную купонами, равно и лица, не состоящіе въ большой артели, въ случаѣ просрочки, платили: за 1 мѣсяць одинъ добавочный процентъ, за 2-й два и т. д., до окончательной уплаты занятой ими суммы. Разъ случилось такъ, что потребовалось удовлетворить отъѣзжающихъ, между тѣмъ за нѣкоторыми членами оставались невнесенными подписныя деньги, — поступили такимъ образомъ: такъ какъ деньги (652 р.) не могутъ быть скоро внесены, а съ другой стороны, получены сверхъ подписки, не входившіе также въ расчетъ 299 руб., то за вычетомъ ихъ, остающіеся 253 руб., не достигающіе до полной подписки, должны были разложены на всѣхъ получающихъ купоны. 5 р. 6 к., причитающіеся на одного, должны были вычтены изъ слѣдующихъ каждому изъ отъѣзжающихъ добавочныхъ денегъ. Сверхъ того, отъ нихъ слѣдуетъ вычесть и жалованье за мѣсяць, входившее въ расчетъ при бюджетѣ (въ 1833 году).

Сохранилась слѣдующая таблица, показывающая степень обезпеченія.

Мѣсяцъ. Год. обезп. Мѣс. обезп. Макс. займа.

Апрѣль . . .	177	руб.	14	р.	50	к.	29	р.	—	к.
Май	162	"	14	"	50	"	29	"	—	"
Іюнь	132	"	14	"	50	"	29	"	—	"
Іюль	118	"	14	"	50	"	58	"	—	"
Августъ . . .	107	"	14	"	50	"	58	"	—	"
Сентябрь . .	88	"	14	"	50	"	58	"	—	"
Октябрь . . .	64	"	14	"	50	"	58	"	—	"
Ноябрь	59	"	14	"	50	"	58	"	—	"
Декабрь . . .	44	"	14	"	50	"	43	"	50	"
Январь	30	"	14	"	50	"	29	"	—	"
Февраль . . .	15	"	14	"	50	"	14	"	50	"

Мартъ—смотря по присылкѣ въ большую артель денегъ и по соображеніямъ цѣнности купона, который былъ объявляемъ. Сверхъ означенныхъ обезпеченій, каждый членъ общества могъ представить на этотъ предметъ 25 р., т. е. минимумъ своего вклада.

Вклады вещами и деньгами, считаясь чистыми приношеніями въ пользу артели, не давали своему вкладчику права участія въ раздѣлѣ капитала. Желавшій выйти, получалъ на руки 25 руб., т. е. минимумъ ежегоднаго вклада; остальные же деньги, причитавшіеся по разкладкѣ, пребывали его собственностью, оставаясь, между тѣмъ, въ капиталѣ артели. Остатокъ съ процентнымъ приращеніемъ единственно изъ собственного его оборота не иначе выдавался въ руки вкладчика, какъ по отъѣздѣ его изъ тюрьмы. Отъѣзжавшій могъ отказаться отъ своего участка только въ пользу общественнаго капитала, а не лица. Такая сумма умножила капиталъ слѣдующаго года и отнюдь не служила приращеніемъ уже объявленнаго участка лицъ, входящихъ въ одно и то же время съ жертвователемъ. Пожертвованныя вещи казначей отфѣнчивалъ съ двумя членами по очередному списку; затѣмъ оповѣщалъ о продажѣ и если не находилось покупателей, онъ продавалъ кому бы то ни было, но не дешевле отфѣнки. Всякій, ввѣрившій артели для ея оборотовъ деньги, получалъ за то ежегодно 1° на сто и въ томъ случаѣ, когда ввѣренная сумма дѣйствительно находилась въ оборотѣ (могли удостовѣриться въ томъ изъ казначейскихъ книгъ). Вкладчикъ напередъ долженъ былъ объявлять срокъ; если понадобились ему деньги ранѣе, въ такомъ случаѣ онъ обязывался предупредить казначея за мѣсяць. На первый годъ по учрежденіи артель отвѣчала не болѣе 800 рублей и свыше этой суммы въ оборотъ ничего не принимала.

Маленькая артель получила свое начало въ 1832 г., когда уже нѣкоторые разряды ссыльных уѣхали на поселеніе. Въ Чтѣ, въ апрѣлѣ 1828 г., истекъ срокъ послѣднему, седьмому разряду (осужденнымъ на два года каторги коронація сбавила срокъ на годъ). 11 человекъ оставили тюрьму и отправились на поселеніе единственно при содѣйствіи читинскихъ дамъ, снабдившихъ ихъ бѣльемъ, платьемъ, книгами и деньгами. Лѣтомъ 1831 года въ Петровскомъ заводѣ семья заключенныхъ снова испытала потерю товарищей, вышедшихъ на поселеніе изъ 5-го разряда. Этимъ помогала еще большая артель; маленькая вышла ей на помощь уже въ то время, когда приблизились сроки въ 1833 г. четвертому разряду, въ 1836 г. второму и въ 1839 году первому разряду. Съ перваго марта 1833 г. до 1834 смѣтный расчетъ артели составлялся уже на 38 порцій. Обѣ артели обоюдными силами и средствами въ состояніи были удѣлять на временное пособіе отъѣзжающимъ по 600 до 800 рублей ассигнаціями на каждого. Библиотека немнотро увеличилась: для научнаго и серьезнаго образованія она начала давать большой просторъ, ученый отдѣлъ ея былъ бо-

гать *). Кроме того, впоследствии могли положить пособие и темъ изъ прислуги, которые все время не оставляли своими услугами заключенниковъ **). Въ 1836 году общіе артели кончили свое существованіе, когда петровский казематъ значительно опустѣлъ и въ немъ остались доживать по большей части люди достаточные. Въ 1840 г. петровский казематъ былъ уже совершенно свободенъ отъ тѣхъ жильцовъ, ради которыхъ совершенно было его сооруженіе. После отправленія въ 1839 году первой категоріи декабристовъ оставались нѣкоторое время въ работѣ, хотя уже и не заключенными въ казематѣ, черниговцы Соловьевъ и Маралескій да изъ оренбургскихъ Ипполитъ Завалишинъ. Всѣ остальные были уже на мѣстахъ поселенія. Въ Петровскомъ заводѣ оставался доживать свой вѣкъ сначала въ званіи ссыльнаго поселенца, потомъ потомственного дворянина — только Горбачевскій, скончавшійся тамъ въ 1889 году въ должности мирового посредника.

Одновременно съ первыми восемью посланными въ нерчинскіе рудники и слѣдомъ за ними отправлены были на поселеніе всѣ тѣ 14 человѣкъ восьмой категоріи, которыхъ приговоръ верховнаго уголовного суда присудилъ этотъ родъ наказанія ***). Ихъ увозили по четверо, но поселили по одиночкѣ въ самыхъ сѣверныхъ сибирскихъ мѣстностяхъ, на пространствахъ между Обдорскомъ и Средне-Колымскомъ. Когда они пробыли здѣсь годъ—ихъ пе-

*) Для чтенія газетъ существовалъ порядокъ и очередь; установлена строгость и правильность: для чтенія газетъ предоставлялось два часа, для чтенія журнала 2 и 3 дня. Сторожа безпрестанно разносили изъ № въ № газетные листки, на которыхъ каждый отмѣчалъ время получения и отправки.

**) Такъ, между прочимъ, для банщика скопилось въ артели 480 руб. Когда распустили казематы, онъ получилъ деньги эти на руки; могъ бы жить безбѣдно: баня подарена была ему также въ собственность и казематскій быкъ, возившій воду. Ссылный не выдержалъ, бѣжалъ, на дорогѣ его обокрали товарищи; тогда онъ явился съ повинною.

***) Увезенные впередъ поселенцы имѣли возможность при свиданіи съ послѣдующими объяснить имъ отчасти то, что ихъ впереди ожидаетъ, и помогать имъ различными услугами. Въ Верхнеудинскѣ встрѣчалъ ихъ Ал. Ник. Мурзевъ съ женою и свояченицею; въ Иркутскѣ, въ банѣ, успѣлъ свидѣться съ братьями А. А. Марлинскій-Вестужевъ, увозимый въ Якутскъ на поселеніе и переведенный въ 1829 году на Кавказъ въ солдаты, съ правомъ выслуги, гдѣ онъ и погибъ. Передъ Иркутскомъ встрѣчалъ Владим. Θεодосеев. Раевскій, принадлежавшій къ Южному обществу, но раньше товарищей своихъ сосланный изъ дивизіи Мих. Орлова (2 арміи), гдѣ В. Θ. завѣдывалъ школою взаимнаго обученія, заведенною впервые въ Россіи по инициативѣ М. Орлова. Раевскій слишкомъ рѣшительно дѣйствовалъ и попалъ подъ судъ и на поселеніе въ Олонки.

ревели южнѣе на пространствахъ по линіи между Якутскомъ и Березовымъ. Первое время они были совершенно одни, „ихъ не согрѣвали ни солнечные лучи, ни присутствіе друзей“. Вестужеву-Марлинскому удалось отвести душу при встрѣчѣ въ Якутскѣ съ докторомъ Эрдманомъ, прѣзжавшимъ наблюдать силу земного магнетизма. Впрочемъ, одиночное житіе въ Якутскѣ не прошло для этого талантливаго человѣка безслѣдно. Онъ изучалъ языки, между прочимъ латинскій, для чего Н. И. Греть высылалъ ему классиковъ, изучалъ край, нравы жителей; отъ скуки писалъ стихи. Въ полномъ собраніи его сочиненій 1832 года видны результаты его наблюденій во время житія въ Якутскѣ, въ статьяхъ: „Отрывки изъ разсказовъ о Сибири“ и „Сибирскіе нравы Иссытъ“. Якутскіе стихи А. А. Вестужева также были напечатаны, но уже послѣ его смерти. Отсутствіе товарищеской семьи и дружеской поддержки, которая такъ благотворно подѣйствовала на заключенныхъ вмѣстѣ, для многихъ изъ этихъ одиночекъ выразилось самыми несчастными крайностями: одни предались отчаянію, ускорившему смерть (Шахиревъ, Фохтъ и Фурманъ въ Сургутѣ), другіе сошли съ ума (Шаховской въ Енисейскѣ и Н. С. Вобрищевъ-Пушкинъ въ Туруханскѣ, Варницкій и Янтальцевъ въ Ялуторовскѣ *). М. А. Назимова увезли въ Средне-Колымскъ на собакахъ при 30° морозѣ. Казаки, получивъ предписаніе держать его подъ строгимъ карауломъ и въ то же время беречь его здоровье, не знали, что съ нимъ дѣлать. Они заперли его въ одну изъ юртъ и отправили гонца въ Якутскъ съ донесеніемъ, что „секретный“ заболѣлъ и имъ нечѣмъ его кормить, а вальную рыбу онъ не ѣстъ. Черезъ нѣсколько времени вышло разрѣшеніе перевести Назимова въ небольшую деревушку на Ленѣ, гдѣ стало лучше, но долгой долгое время страдалъ жестокимъ ревматизмомъ обѣихъ конечностей, отъ котораго впоследствии едва могъ избавиться. Чижовъ также былъ переведенъ изъ Гижиги въ другое мѣсто. Освободившіеся въ апрѣлѣ 1828 г. изъ Читы 11 человѣкъ седьмой категоріи также вывезены были въ сѣверные города: Чернышевъ одинъ отправился въ Якутскъ, Кривцовъ и Загорѣдкій вдвоемъ—на Лену, Ив. Абрамовъ и Лисовскій—въ Туруханскъ, Выгодовскій—въ Нарымъ, Тизенгаузенъ—въ Сургутъ, Черкасовъ—въ Березовъ, фонъ-Вригенъ—въ Целымъ и Лихаревъ—въ Киндинскъ (оба послѣдніе потомъ переведены были въ Курганъ). Толстой изъ Читы былъ отправленъ прямо на Кавказъ солдатомъ къ товарищамъ, присужденнымъ къ этому наказанію приговоромъ суда изъ послѣднихъ четырехъ категорій (8, 9, 10 и 11-ой).

*) Въ Петровскомъ заводѣ изъ 50-ти сошли съ ума двое: Андреевичъ и Андрей Борисовъ: на поселеніи изъ 14-ти—пять.

Изъ этихъ категорій нѣкоторые поступили въ крѣпостныя работы и по Сибири. Ихъ отправляли послѣ приговоренныхъ на поселеніе. Изъ поселенцевъ седьмой категоріи нѣкоторымъ разрѣшено было впослѣдствіи вступить въ службу солдатами на Кавказъ; другихъ перевели пожитіе, Тизенгаузена и А. О. Янтальцова въ Ялуторовскъ и т. д.; при отправленіи на поселеніе чѣтинскія дамы успѣли облегчить имъ своими пособиями дорогу и первое время поселенческаго житія *).

Лѣтомъ 1831 года изъ Петровскаго завода выѣхали на поселеніе двое изъ пятаго разряда: Михаилъ Карловичъ Кюхельбекеръ въ Варгузинъ и Н. И. Рѣпинъ въ деревушку Марзурку (на Ленѣ) **). Лѣнивый Кюхельбекеръ, весь преданный товарищамъ во время житія въ казематахъ, на поселеніи принялся трудиться для своего пропитанія. Въ первые годы онъ собственными руками расчистилъ и распахалъ нѣсколько десятинъ и засѣялъ хлѣбомъ. Но такая дѣятельность не спасла его отъ искушеній. Сблизившись съ одною баргузинскою мѣщанкою, онъ сперва крестилъ у нее ребенка, а потомъ на ней женился. Крестникъ его умеръ, но обыскъ включенъ былъ въ метрику, изъ-за чего, по доносу дьячка, синодъ призвалъ бракъ незаконнымъ, Кюхельбекеръ, разлученный съ женою, переведенъ былъ въ Смоленскую волость подъ Иркутскомъ (за 500 верстъ отъ Баргузина). Тутъ онъ написалъ отчаянное письмо къ сестрѣ съ жалобами на жестокость. Это письмо возвратило его въ Баргузинъ, но обязали не жить съ женою, а жить съ дочерью, отъ нее прижитыми, которыхъ было семь. Рѣпинъ недолго жилъ на поселеніи. Когда везли

Андреева на Кавказъ въ солдаты, онъ заѣхалъ къ своему другу и остановился на ночь въ его помѣщеніи, занимаемомъ имъ въ домѣ одной крестьянки (въ Марзуркѣ за 200 верстъ отъ Иркутска). Вѣсѣда была праздникомъ, свиданіе длилось далеко за полночь. Служанка, разбуженная запахомъ дыма, осмотрѣла избу хозяйки и, не найдя ничего, вмѣстѣ съ нею отправилась въ помѣщеніе Рѣпина черезъ сѣни, постоянно наполнявшіяся дымомъ. Стучали въ дверь, колотили въ окна и когда вошли въ комнату, увидѣли уже два обгорѣлые трупы. Несчастныхъ похоронили въ одномъ гробѣ на сельскомъ погостѣ. Самъ граж. губернаторъ Цейдлеръ пріѣзжалъ произвести слѣдствіе, но ничего опредѣлительнаго не нашелъ; виновныхъ розыскивали народные слухи. Слѣдствіе находило причину пожара и въ незагашенной свѣчкѣ и въ невыколотенной трубкѣ съ табакомъ, но народные слухи увѣряли, что поджогъ товарищей сдѣлалъ слугою Рѣпина—поселенцемъ, надѣявшимся пожить деньгами обонихъ. Поселенецъ этотъ къ тому же успѣлъ убѣжать, какъ увѣряетъ преданіе.

Изъ освобожденныхъ отъ тюремнаго заточенія въ 1834 году четвертаго разряда ссыльных Розенъ, Нарышкинъ и Лореръ отправились въ Западную Сибирь, въ Курганъ, остальные 11—по деревнямъ Восточной Сибири (Глѣбовъ въ с. Кабинское и проч.). Тогда уже было позволено селиться по двое. Впослѣдствіи перевели въ Красноярскъ и Павла Вобрищева-Пушкина для соединенія его съ сумасшедшимъ братомъ (помѣшательство религіозоманія и пріапізмъ). Въ этомъ разрядѣ Александру Муравьеву дозволено пребыть на каторжной работѣ весь срокъ, назначенный его брату Никитѣ Михайловичу. Волконскаго изъ 1-го разряда, въ уваженіе просьбы статсъ-дамы кн. Волконской (его сестры и супруги министра), государь приказать соизволялъ послать на поселеніе. Волконскій просилъ, какъ милости, позволенія остаться въ Петровскѣ, гдѣ слабая здоровьемъ жена и дѣти могли имѣть врачевныя пособія (отъ Вольфа), тогда какъ въ Баргузинѣ, куда онъ былъ назначенъ, не было ни аптеки, ни доктора и никакихъ удобствъ для жизни. Дозволеніе было дано. Отъѣзжавшихъ товарищей остающіеся снабжали, помимо артелей, всѣмъ своимъ наличнымъ отъ трудовъ и сбереженій. Женѣ Розена Ал. Гр. Муравьева подарила складной дорожный стулъ, предложила тысячу разныхъ предметовъ и, между прочимъ, корову для ребенка во время переѣзда на суднѣ черезъ Байкаль. Оболенскій шилъ искусно пальто ребенку; Конст. Петр. Торсонъ устроилъ ребенку парусинную койку; Ник. Алек. Бестужевъ винты и ремни съ пряжками, которыми прикрѣпилъ койку, назначенную для жены во время переѣзда, къ верхней части коляски. Насколь-

*) Передъ отправленіемъ 7-го разряда прибыли въ Читѣ Игельстромъ, Вегелинъ и Рукевичъ, отъ Тобольска шедшіе пѣшкомъ въ цѣлкахъ съ этапными партіями. Пѣшкми же шли, какъ сказано, Соловьевъ, Сухиновъ, Модзалевскій, Выстрижій.

**) Одинъ изъ 6-го разряда, А. Н. Муравьевъ, присужденный на 7 лѣтъ каторги, сосланъ на житье въ Иркутскъ, потомъ перемѣщенъ былъ въ Верхнеудинскъ, потомъ снова въ Иркутскъ на службу полиціи-мейстеромъ; затѣмъ въ Тобольскѣ губернаторомъ. Впослѣдствіи, въ недавнее время, былъ военнымъ губернаторомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; скончался въ 1863 году въ Москвѣ уже въ званіи сенатора. Шестой разрядъ составлялъ еще другой ссыльный Люблинскій, присужденный къ каторгѣ тоже на пять лѣтъ, но не прощенный. Двухъ изъ 7-го разряда, вмѣсто двухлѣтней каторги, сослали въ крѣпостныя работы на 2 года (полк. Бестреля и поруч. Булгари, послѣдняго по молодости лѣтъ). Изъ 8 разряда лейтенантъ Бодиско, вмѣсто поселенія, записанъ былъ въ матросы; изъ 5-го братъ его мичманъ Бодиско, вмѣсто 8 лѣтъ каторги, сосланъ въ крѣпостныя работы. Изъ 1-го разряда Тургеневъ скрылся за границу; за границею спаслись Яковъ Толстой и Чаадаевъ; Булатовъ и Поливановъ сошли съ ума еще въ Петровской крѣпости, Пассекъ умеръ еще въ 1825 году.

ко они умѣли внушить къ себѣ уваженіе, можетъ коротко и ясно доказать то обстоятельство, что за однимъ изъ увѣжавшихъ въ Верхнеудинскѣ бѣжалъ, стараясь догнать, Визгуновъ, георгиевскій кавалеръ, бывшій въ Читѣ и Петровскѣ караульнымъ и теперь умолявшій взять съ собою хотя на край свѣта. Остановился онъ лишь на томъ, что и самому увѣжавшему мѣсто назначенія было неизвѣстно. Подобный случай не послѣдній.

При отправленіи 18-ти человекъ въ 1836 году въ іюнѣ мѣста для поселенія не были извѣстны. Отправлявшіеся сбились въ товарищества и выпросили позволеніе жить вмѣстѣ. Братья Никита и Александръ Михайловичи Муравьевы, Вольфъ и Ив. Дм. Якушкинъ согласились было такимъ образомъ, но ихъ раздѣлили. Семейные не могли тотчасъ отправиться. Муравьевы (Алек. и Ник. Мих.) поселились въ Урюкѣ близъ Иркутска, а когда Никита Мих. умеръ и его дочь увезли въ Россію, то Александръ перешелъ въ Тобольскъ; Артамонъ же Захаровичъ Муравьевъ поселенъ былъ въ Разводной, близъ Иркутска, гдѣ умеръ. Торсонъ послѣ срока недолго оставался въ Петровскомъ заводѣ, онъ поселился сначала въ Иркутскѣ, а потомъ въ Тобольскѣ, гдѣ жилъ мало, вскорѣ умеръ. Торсонъ поселился въ Селенгинскѣ, куда къ нему пріѣхали мать и сестра; Торсонъ тамъ и умеръ. Близъ Иркутска поселенъ былъ Ѳ. Ѳ. Вадковскій. Ал. Муравьевъ остался съ братомъ, Вольфъ съ товарищами въ заводѣ для врачебныхъ пособій. Десять человекъ отправлены въ Иркутскъ на перемѣнныхъ подводахъ, при офицерахъ и нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ. Холодные бѣжали всѣ вмѣстѣ, женатые особо. Ив. Дм. Якушкинъ поселился въ Ялutorовскѣ, Ник. Васил. Басаргинъ съ Васильемъ Петровичемъ Ивашовымъ въ Туринскѣ, Тобольской губерніи, Михаилъ Сергѣевичъ Лукинъ подѣ Иркутскомъ въ деревушкѣ и т. д. На уменьшеніе сроковъ наказанія вліяли какія либо событія въ царственной семьѣ; въ день рожденія великаго князя Михаила Николаевича сбавлены были пять лѣтъ; во второй разъ по 2 года, при исполненіи десятилѣтія съ 14-го дек. 1824 года. Въ память путешествія по Сибири государя наслѣдника, поздне императора Александра II, послѣдовали, по его милостивому ходатайству новыя облегченія. Между прочимъ, жившіе на поселеніи переведены на Кавказъ рядовыми въ отдѣльные корпусъ, на положеніи инвалидовъ. Кривцовъ, Цебриковъ, Валер. Голлицынъ, А. А. Бестужевъ дослужились до офицеровъ. Нарышкинъ, Розентъ, Одоевскій, Мих. Назимовъ, Захаръ Чернышевъ, Оржидкій, Ковновичынъ и проч. оставались на Кавказѣ солдатами, потомъ выпросились въ отставку и получили дозволеніе жить на родинѣ подѣ присмотрѣ полиціи. Одоевскій же на Кавказѣ и

умеръ отъ желчной горячки, на рукахъ Н. А. Загорѣцкаго. На житѣ на родинѣ, подѣ присмотрѣ полиціи, кончалась судьба всѣхъ декабристовъ, оставшихся живыми въ Сибири и на Кавказѣ: для однихъ раньше, для другихъ позже.

Кавказская жизнь декабристовъ, въ полнѣйшемъ контрастѣ съ сибирскою, прошла безъ слѣдовъ той осязательной общественной пользы, которая задержана была самымъ способомъ обязательствъ. Солдатская служба задана была имъ со всею строгостью боевыхъ обязанностей, съ тою разницею, что для однихъ ляжка натянута была ту же, для другихъ она ослаблялась уступчивостью, которая, однако, была произвольна и для исполнителей вовсе необязательна. Въ то время, когда Бестужевъ-Марлинскій въ Дербентѣ и въ египетскихъ рукахъ гарнизоннаго подполковника „бурбона“ съ тяжелымъ ранцемъ выстаивалъ на часахъ до изнеможенія силъ подѣ палящимъ кавказскимъ солнцемъ, — нѣкоторымъ другимъ товарищамъ удалось изъ солдатскихъ казармъ и лазаретовъ попасть и въ солдатской шинелѣ въ общество офицеровъ. Генералъ Раевскій, жившій на правахъ отряднаго начальника въ Тифлисѣ, бывшій членъ тайнаго общества и другъ А. С. Пушкина, наполнилъ свой штабъ большею частью изъ декабристовъ и ссыльных офицеровъ. На это сдѣланъ былъ доносъ въ Петербургъ. Раевскому присланъ строгій выговоръ и приказъ разослать всѣхъ по разнымъ крѣпостямъ и подвергнуть обязанностямъ гарнизонной службы. Въ числѣ прочихъ пришлось поплатиться своею судьбою одному изъ братьевъ Бестужевыхъ, Петру Александр. Въ силу этого обстоятельства кавказская ссылка оказалась строже сибирской, всѣмъ ссыльнымъ въ тревожно-воинственной странѣ досталась добрая доля походовъ противъ горцевъ, походовъ, на которые въ то боевое время такъ охотливы были всѣ командиры. Нѣкоторые походы вызывали людскія жертвы для выслуги какого либо матушкина сына, снабженнаго крупною протекціею въ Петербургѣ, для чиновъ и славы котораго ходили въ рядахъ и ссыльные декабристы. Нерѣдко для послѣднихъ другіе командиры избирали малѣйшіе поводы для того, чтобы дать отличиться и заслужить милость. Въ то время, когда всѣ были уже унтеръ-офицерами, Толстой въ 1835 г. произведенъ въ офицеры. Дольше всѣхъ не везло Марлинскому, который произведенъ въ офицеры въ 1836 г. вмѣстѣ съ бывшимъ лейтенантомъ Акуловымъ. Марлинскій въ 1837 году убитъ былъ въ отрядѣ охотниковъ во время десанта въ цѣпи. Въ Дагестанѣ, со многими другими, умеръ отъ враждебнаго лихорадочнаго климата историкъ Корниловичъ. Братъ Бестужевыхъ, Петръ Александровичъ, сосланный на Кавказъ разжалован-

нымъ въ солдаты послѣ шестилѣтней солдатской службы, обязавшей его участвовать во многихъ экспедиціяхъ, особенно же послѣ тяжелой раны, сошелъ съ ума. Ему разрывшено было въ этомъ положеніи возвращеніе на родину на попеченіе матери и сестеръ. На попеченіе родныхъ выбѣжали потомъ и всѣ другіе, за исключеніемъ лишь Суттофа, который, кажется, одинъ изъ всѣхъ остался жить на Кавказѣ, находясь тамъ и по настоящее время. Только для Марлинскаго кавказская жизнь не прошла безслѣдно, обогативъ его темами для повѣстей, литературною славой и деньгами на помощь ссыльнымъ петровскимъ братьямъ и матери. Тревожная боевая жизнь преимущественно увлекала его до сочиненія походныхъ солдатскихъ пѣсенъ, до крайней непосѣдливости на извѣстныхъ боевыхъ пунктахъ восточнаго и западнаго Кавказа. Начиная онъ ссыльную жизнь въ горахъ у Каспійскаго моря, нашелъ свою смерть на берегу Чернаго моря. Съ замѣтнымъ намѣреніемъ „вывести себя въ расходъ“, въ его живой и впечатлительной натурѣ выродилась твердая рѣшимость искать смерти, чтобы избавитися отъ тяжестей жизни и тоски неволи. Однако, и въ немъ не исчезло то стремленіе къ самообразованію, которое было столь присуще всѣмъ его товарищамъ. Бестужевъ-Марлинскій овладѣлъ языкомъ татарскимъ до свободного объясненія на немъ, изучилъ языкъ арабскій и принялся было уже за персидскій. Въ этомъ отношеніи живые люди не потерялись и на Кавказѣ.

Прощаясь съ комендантомъ, уѣзжавшіе старались выразить ему благодарность теперь, не считая умѣстнымъ свидѣтельствовать ее прежде. Лепарскій, прослезившись, отвѣчалъ: „Вы вели себя такъ, что если бы на вашемъ мѣстѣ были ге Вашингтоны, то они не могли бы лучше сдѣлать это. Мнѣ ни разу не случалось прибѣгать къ мѣрамъ, не согласнымъ съ моимъ сердцемъ, и вся моя заслуга состоитъ въ томъ, что я понималъ васъ и, воплотивъ на васъ надежды, слѣдовалъ его внушеніямъ“. „Мы обнялись и въ послѣдній разъ простились. Черезъ годъ онъ скончался“. Назначенъ новый командиръ, полковникъ Ребиндеръ, новый плацъ-майоръ Казимірскій и другіе плацъ-адъютанты. Прежніе офицеры возвратились въ Россію, получивъ большія награды. Ребиндеръ уравнивалъ всѣхъ, соединилъ на общихъ правахъ. При немъ всѣ ходили изъ каземата куда кто хотѣлъ и онъ приглашалъ къ себѣ безъ различія всѣхъ.

Въ 1839 году оставили казематъ и заводъ остальные изъ первой категоріи, въ какую попали двое изъ второй (братья Бестужевы, Н. А. и М. А.), какъ вмѣстѣ съ четвертою былъ освобожденъ одинъ (Розенъ) изъ пятаго разряда *). Бестужевы выбрали для себя го-

родъ Курганъ, но оставлены въ Селенгинскѣ за Байкаломъ, вблизи Петровскаго завода, гдѣ соединились съ К. П. Торсономъ; въ заводѣ остался И. И. Горбачевскій. Д. И. Завалишинъ уѣхалъ въ Читу; въ деревнѣ Оекѣ подъ Иркутскомъ С. П. Трубецкой; въ Разводной, также близъ Иркутска — Александръ Ив. Якубовичъ; близъ Иркутска въ Смоленской волости — Бесчасный; около Иркутска: С. Г. Волконскій, А. П. Юшневскій, Алекс. Виктор. Поджіо; въ Тобольской губерніи — Ив. Алек. Анненковъ, пробывъ нѣкоторое время въ Вельскѣ. Петръ Никол. Свистуновъ **), Ив. Александр. Фонвизинъ, Краснокутскій, Барятинскій, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ (поэтъ, умершій въ Тобольскѣ отъ чахотки), В. К. Вольфъ, Мухановъ въ Вратскомъ острогѣ на Ангартѣ. Въ Туруханскѣ (Енис. губерніи): И. А. Абрамовъ и Лисовскій убиты были въ дорогѣ, ѣдучи по торговымъ дѣламъ по довѣренности отъ купцовъ. Въ Иркутской губерніи умеръ отъ паралича одинъ изъ Борисовыхъ, Петръ Ивановичъ; сумасшедшій братъ (Андрей Ивановичъ) пробовалъ возвратитъ его къ жизни, пуская бритвою кровь. Всѣ бумаги предварительно сжегъ и когда на дымъ сбѣжались люди, нашли Борисова повѣсившимся. Александръ Ивановичъ Якубовичъ (въ Енис. губерніи) умеръ, плывя по рѣкѣ; А. П. Юшневскій отъ удара, идя за громомъ товарища Ваковского; Ник. Алексѣев. Пановъ — отъ сахарной мочи. Въ Ялуторовскѣ умеръ Янтальцевъ съ женою, въ Красноярскѣ: Тютчевъ, Вас. Львов. Давыдовъ, Спиридовъ, Митьковъ. Въ Тобольской губерніи умерли: Краснокутскій, В. К. Кюхельбекеръ, А. М. Мугель и Гаврила Семеновичъ Батенковъ. Первый уѣхалъ на поселеніе въ Тару (Тоб. г.) въ юнѣ 1836 г. вмѣстѣ съ четвертымъ разрядомъ, а Г. С. Батенковъ, просидѣвъ въ Петропавловской крѣпости 12 лѣтъ, вывезенъ былъ въ Томскъ, когда тотъ разрядъ, въ которомъ онъ считался, былъ также отправленъ на поселеніе изъ каземата. Въ этомъ городѣ онъ былъ поселенъ одинъ и первымъ и когда явился съ именемъ секретнаго, всѣ отъ него сторонились, никто не хотѣлъ пускать на квартиру. Велъ онъ сначала цыганскую жизнь. Нашелся сердобольный гостинщикъ съ красными вѣками, показавшій себя въ Россіи за альбиноса, выпросившій 100 руб. въ мѣсяцъ только за квартиру, тогда какъ Батенковъ получилъ въ видахъ исключенія отъ товарищей 1200 р. асс. Наконецъ, нашлось доброе семейство старожиловъ: одинъ братъ служилъ и умеръ при Коряковскихъ соляныхъ промыслахъ, оставившій семейство свое на рукахъ другого брата съ клятвою не покидать. На бѣду этотъ братъ полюбилъ дѣвушку и клятва встала препорою. Батенковъ принялъ на себя клятву и заботился о вдовѣ и сиротахъ, живя на собственномъ хуторѣ за чертою г. Томска. Выселившись въ Россію, Гаврила Семеновичъ взялъ туда съ собою и это семейство.

*) Свистуновъ и Анненковъ поступили въ Тобольскъ въ службу. Бригемъ поступилъ канцеляристомъ въ курганскій окружной судъ и черезъ десять лѣтъ получилъ первый чинъ.

равьевъ, Барятинскій, Вашимаковъ, Вольфъ, Семеновъ. Въ Иркутской губерніи умерли: Никита Мих. Муравьевъ, Фед. Ө. Вадковский, Юшневскій, Бесчасный, Поджіо, М. Н. Глѣбовъ, Артам. Зах. Муравьевъ, Мих. Кар. Кюхельбекеръ, Модзалевскій, оба Борисовыхъ. За Байкаломъ въ Селенгинскѣ: К. П. Торсонъ и Ник. Ал. Бестужевъ. Въ Туринскѣ Ивашовъ съ женою, въ Акатуй—М. С. Луниъ. Затѣмъ по возвращеніи въ Россію: въ Москвѣ Мих. Алек. Фонвизинъ, въ Бронницѣ—Ив. Ив. Пушинъ, въ Костромѣ—Дмитрій Александр. Щепинъ—Ростовскій, въ Москвѣ—Иванъ Дмитр. Якушкинъ. Въ Калугѣ А. С. Батенковъ и А. П. Оболенскій; въ Орлѣ Алекс. Иванов. Черкасовъ; Кривцовъ, въ Орлов. губ.; П. С. Бобринцевъ—Пушкинъ въ Москвѣ, и т. д., до 7-ми или 8-ми, оставшихся въ живыхъ до шестидесятихъ годовъ.

Наибольшая часть читинскихъ и петровскихъ заключенниковъ на мѣстахъ поселенія принуждена была обратиться къ тѣмъ занятіямъ, которыя указывала самая цѣль поселенія. Они принуждены были заняться хозяйствомъ и въ устройствѣ его искать тѣхъ средствъ къ жизни, которыя въ тюрьмѣ доставлялись общиною, а теперь, при болѣе свободномъ состояніи, были затруднены для нихъ крупными причинами, лежащими въ основаніи ихъ первоначальнаго воспитанія. Новое общественное положеніе на поселеніи стало несравненно тяжелѣе и если бы не нравственные запасы въ тюрьмѣ, облегчившіе до нѣкоторой степени приступы къ практическимъ занятіямъ—положеніе ихъ было бы безвыходнымъ. Сенатскій указъ 29 мая 1827 г., по представленіи бывшаго сиб. ген.-губ. Сперанскаго, позволявшій выдавать крестьянамъ изъ поселщиковъ свидѣтельства на торговлю, не распространяя этого дозволенія разъѣздовъ внѣ мѣстъ ссылки на тѣхъ, которые ей подвергнуты по приговору верховнаго уголовного суда. Правила для жизни были стѣснительны и противорѣчивы. Такъ, для отлучки далѣе 6 верстъ требовалось испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга и, въ то же время, дозволялось ѣздить по своей волости, которая въ новыхъ мѣстахъ тянулась въ одну сторону на 200 верстъ. Значительно облегчилось положеніе новыхъ поселенцевъ также и тѣмъ, что они поселены были по трое и даже до шести въ одномъ мѣстѣ. На этомъ взаимномъ, живомъ общеніи мыслей, а также при письменныхъ совѣтѣхъ болѣе даровитыхъ и опытныхъ товарищей, кое-какъ улаживалась поселенческая жизнь декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, она представлялась наибольшимъ затрудненіемъ и лишеніемъ, чѣмъ даже въ самыхъ казематахъ.

Поселенные въ маленькихъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ, всѣ взяли назначенныя имъ по закону 15 десятинъ земли и занялись сельскимъ хозяйствомъ. Нѣкоторымъ удалось

довести свое домашнее хозяйство до высокой степени совершенства (какъ Д. И. Завалишинъ въ Читѣ); очень многіе, въ восполненіе лишений городской жизни, прибѣгли къ тому способу существованія, который обезпечивался для нихъ въ Сибири скудною платою за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ этомъ отношеніи государственные преступники принесли краю несомнѣнную и громадную пользу, поднимая уровень сибирскаго образованія значительно выше того, какой имѣется для Россіи. Особенными способностями на этомъ поприщѣ отличались между прочими: А. П. Юшневскій и А. В. Поджіо въ Иркутскѣ, Д. И. Завалишинъ—въ Читѣ, И. Д. Якушкинъ въ Ялуторовскѣ. Послѣдній устроилъ двѣ школы (одну мужскую въ 1842 году, другую для дѣвчонокъ въ 1846 г.). Обучалъ онъ въ ней дѣтей по Ланкастеровской системѣ въ теченіи 14 лѣтъ, не смотря на привязчивость и доносы штатнаго смотрителя училищъ, но, благодаря снисходительности властей, эта школа успѣла приготовить не только грамотныхъ, но и учителей. Одна изъ дѣвицъ, воспитывавшихся въ школѣ, имѣла возможность поступить въ нее преподавательницею. Въ теченіи 14 лѣтъ (съ 1842 по 1856 гг.) въ школѣ, основанной И. Д. Якушкинымъ, перебывало 1.600 человекъ учениковъ. Восточной Сибири въ этомъ и другихъ отношеніяхъ посчастливилось гораздо болѣе Западной Сибири, по случайности поселенія въ ней болѣе даровитыхъ и способныхъ людей. Въ то время, когда въ Западной наибольшая часть принуждена была прибѣгнуть къ содѣйствію купцовъ и, въ качествѣ ихъ комиссіонеровъ и приказчиковъ, изыскивать кое-какія средства для жизни,—въ Восточной Сибири дѣятельность декабристовъ явилась въ болѣе разнообразной и практической формѣ.

Въ Западной Сибири Тизенгаузенъ поселился въ Ялуторовскѣ, построилъ домъ, но домъ подожгли; онъ выстроилъ второй—его опять подожгли; выстроилъ третій, но и этотъ сожгли. Въ четвертомъ ему удалось укрѣпиться на пожарницѣ большихъ домовъ прежнихъ въ маленькомъ. Здѣсь онъ прилежно занялся садомъ и воспитывалъ такіе плоды и ягоды, которые до него никогда не созрѣвали. Онъ постоянно жаловался на слабое здоровье и бездѣльную жизнь и, въ самомъ дѣлѣ, казался поврежденнымъ въ умственныхъ способностяхъ, что примѣтно было и въ способѣ домовыхъ построекъ и въ самомъ образѣ жизни. Въ Курганѣ Назимовъ, Нарышкинъ, Лихаревъ, фонъ-Вригенъ, Розенъ, Лореръ и Фохтъ получили по 15 десятинъ земли и занимались хозяйствомъ *).

*) Изъ нихъ фонъ-Вригенъ, почему-то получившій право ѣхать имѣть съ товарищами на Кавказъ солдатами, впоследствии покушалъ исподомъ въ курганскій судъ и черезъ 10 лѣтъ получалъ первый гражданскій чинъ.

кинъ въ подспорье занятіямъ имѣлъ возможность выписать изъ Москвы дорогихъ и крѣпкихъ лошадей. Остальные товарищи передали Розену свои участки и онъ занялся хозяйствомъ, удобряя неплодородную землю золою, которую бесплатно получалъ изъ тамошнихъ мыловарень, и въ два года показалъ туземцамъ, какъ можно этимъ способомъ дѣлать землю плодородною. При помощи бесплатнаго труда помочами или утолками, требовавшими за работу только угощенія, Розену удалось справиться со всею массою земли, хотя и не привелось извлечь изъ земледѣлія выгоды. Если онъ не получалъ барышей отъ хлѣба, не имѣющаго цѣны въ томъ плодородномъ краѣ, если ему не удалось вырастить ни картофеля ни гималайскаго ячменя, за то хозяйственные труды его съ достаткомъ вознаградили горохъ, имѣвшій цѣну на заводахъ въ посты и доставлявшій траву для корма скота. Скотоводство поддерживало малоопытнаго курганскаго поселенца и доставило ему наибольшія выгоды. Жена ему во всемъ помогала: пекла и варила кушанье для приходившихъ на „утолки“, заготовляла пиво, закупала кедровые орѣхи для дѣтушекъ, угощала виномъ. Въ Олонкахъ, близъ Александровскаго завода и въ 8-ми верстахъ отъ Иркутска, Влад. Федос. Раевскій на особыехъ градахъ и безъ излишнихъ хитростей воспиталъ арбузы. Съ его примѣра и подъ его руководствомъ заводскія бабы воспитаніе арбузовъ превратили въ промыселъ: теперь на иркутскомъ базарѣ арбузы стоятъ 10—50 коп., тогда какъ прежде оранжерейные продавались отъ 5—10 р. ассиг. за штуку. Предубѣжденіе сибиряковъ исчезло. Остаткомъ отъ прихода поселенцы дѣлились съ немущими. Эта сторона характера наиболее рельефно выдавалась надъ всѣми другими и матеріальная помощь доставила помогавшимъ всеобщее уваженіе, которое перешло и въ потомство. Имя благотворителей этихъ стало народнымъ преданіемъ. Дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи не имѣла предѣловъ: съ равнымъ участіемъ и готовностью выходили они съ помощью и къ свободнымъ несчастнымъ и къ ссыльнымъ; въ Ялutorовскѣ, у почтоваго двора ссыльных поляковъ, привозимыхъ въ нерчинскіе рудники, встрѣчали жившіе въ этомъ городѣ декабристы и спѣшили повидаться, чтобы утѣшить и успокоить напутственными совѣтами. Въ Петровскомъ заводѣ Ив. Ив. Горбачевскій приспособлялъ свои благотворенія къ лучшимъ изъ поселенцевъ тѣмъ, что выстраивалъ домики, всматривалъ добродѣтельнаго и стоящаго изъ ссыльных, выходившихъ на пропитаніе, бралъ его къ себѣ (иногда двухъ и трехъ вмѣстѣ), подъ видомъ личныхъ услугъ, но собственно на испытаніе. Если послѣдніе задавались, выборъ былъ удаченъ, Иванъ Ивановичъ, убѣдив-

шись въ честныхъ правилахъ поселенца, передавалъ ему домики въ собственность, самъ для себя строилъ другой, третій до десятаго; эту десятую хатку, на нашъ прѣздъ въ январѣ 1861 года, онъ приготовилъ также для исправившихся ссыльных. Занимался онъ исполненіемъ различныхъ не крупныхъ подрядныхъ лѣсныхъ работъ для завода. Въ средніе шестидесятыя годовъ онъ скончался мировымъ посредникомъ, среди всеобщаго уваженія. Такъ дѣйствовали недостаточные. Въ Тобольскѣ богатые сумѣли организовать даже цѣлое благотворительное общество, оставившее самые аркіе слѣды въ преданіяхъ и оказавшее несомнѣныя заслуги тамошнему населенію. Наталья Дмитріевна Фонвизина, съ молодыхъ лѣтъ отличавшаяся набожностью, въ зрѣлыхъ лѣтахъ эту религіозность примѣнила въ Тобольскѣ исключительно къ дѣламъ христіанскаго милосердія. Съ помощью Прасковьи Егоровны Анненковой, она успѣла дѣла благотворенія поставить на широкую ногу (участіе послѣдней весьма памятно также и тѣмъ ссыльнымъ „петрашевцамъ“, которыхъ провезли въ Нерчинскъ черезъ Тобольскъ въ 1849 году). О благотворительности Батенкова въ Томскѣ мы имѣли случай рассказать. Среди трудныхъ опытовъ опытовъ личнаго обезпеченія хозяйственными трудами поселенцы не покидали науки и, по мѣрѣ силъ, старались служить ей интересамъ. И. Д. Якушкинъ устроилъ въ Ялutorовскѣ гальваническій аппаратъ и весьма удачно занимался гальванопластикомъ. Онъ же содѣйствовалъ много къ развитію научныхъ свѣдѣній о физикѣ и механикѣ въ самоучкѣ-мѣщанинѣ Росмановѣ, который подъ руководствомъ И. Д. устроилъ электрическую машину, гальваническую бузеновскую батарею, пружинный термометръ, гигрометръ, изящной работы стѣнные часы и вѣтромѣръ, заказанный руководителемъ. Много времени Ив. Дм. истратилъ на переписку своего огромнаго труда „Учебникъ географіи“, составленный по особому плану, и имѣлъ возможность составить гербарій ялutorовской флоры.

Въ Восточной Сибири также значительная часть государственныхъ преступниковъ, при поступленіи на поселеніе, принуждена была для своего пропитанія выпросить себѣ законный надѣлъ 15-ти десятинъ земли. Бесчасновъ въ Смоленщинѣ—селеніи на рѣкѣ Ушаковѣ (впадающей въ Ангара въ Иркутскѣ) приспособилъ впервые опыты посѣвовъ конопль—продукта своей плодородной родины (Малороссіи), и добился тѣхъ результатовъ, что въ настоящее время вся Смоленская волость—одна изъ самыхъ производительныхъ мѣстностей подъ Иркутскомъ, воздѣлывающая пеньку въ большомъ количествѣ. Онъ же, въ компаніи съ однимъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельныхъ сибирскихъ купцовъ (покойнымъ Андреемъ Ва-

сильевичем Вѣлоховымъ) устроилъ маслобойку и Сибирь впервые увидѣла свое мѣстное масло, не привозное черезъ всю Сибирь изъ Ирбита и Россіи. Между сельскими хозяевами Восточной Сибири наиболѣе выдѣлились братья Бестужевы (Н. А. и М. А.), поселившіеся около г. Селенгинска. Въ особенности замѣчательна была дѣятельность старшаго брата (Ник. Алек.). „Хотѣли было завести мельницы, приобрѣтя въ собственность при домѣ толчею, бывшую при кожевенномъ заводѣ, но отложили до времени; задумались было надъ восстановленіемъ самой кожевни, но дознались, что какъ ни велико селенгинское скотоводство—Кяхта поглощаетъ всѣ кожи на обшивку чаевъ и платитъ за нихъ очень дорого, такъ что выдѣлка становится очень дорога для заводчика, обязаннаго покупать кожи кяхтинскою цѣною“. Забайкальскія кожевни Бестужевыхъ (и Колесова) шли до тѣхъ поръ, пока тарскіе, тюменскіе и кунгурскіе заводы не рассчитали, что ихъ кожи и съ провозомъ будутъ отправляться за границу дешевле забайкальскихъ. Какъ скоро опытъ былъ сдѣланъ и оправдалъ расчетъ, кожи Западной Сибири пробіли себѣ вѣрную дорогу на востокъ и въ Китай. „Съ тѣхъ поръ наши заводы упали (пишетъ Н. А. Бестужевъ). Осталось для насъ земледѣліе и скотоводство“. Зуевская падь (долина), доставшаяся Бестужевымъ, отъ неправильнаго народнаго хозяйства пришла въ то состояніе, что новые поселенцы принуждены были прибѣгнуть къ искусству и, съ помощью его, успѣли сохранить на землѣ траву и получить отличныя пастбища для скота. Овцеводство оказалось самымъ выгоднымъ занятіемъ по хозяйству вслѣдствіе требованій китайцами забайкальской мерлушки предпочтительно передъ русскою. Весною, послѣ жестокихъ зимъ, у мѣстныхъ хозяевъ, послѣ недостаточнаго зимняго корма, овцы, переходя на траву, падали цѣлыми станами отъ насморковъ, новосовъ, и катарровъ, у Бестужевыхъ же и Торсона, къ удивленію всѣхъ, стадо уцѣлѣло по простой причинѣ заготовленія сѣна, какъ красугольнаго камня, на которомъ зиждется основаніе хозяйства. Стадо товарищей состояло изъ 300 барановъ; въ хозяйствѣ, сверхъ того, находились 4 лошади и 2 коровы. На пастбищѣ поставлена была маленькая избушка съ овчарни (чтобы не держать овецъ въ городѣ при домѣ, что, по расчетамъ, не приносило никакой выгоды); туда переселился даровитый хозяинъ и жилъ философомъ, пасъ овецъ и заготавливалъ сѣно для ихъ поддержанія, а не для содержанія всего скота (какъ дѣлали рутинные хозяева). Хлѣбъ у нихъ былъ свой и свой домъ, купленный въ долгъ, но рационально веденное хозяйство дало возможность вскорѣ заплатить долгъ. Другимъ многочисленнымъ

затѣямъ, на которыя былъ такъ скоръ и богатъ многосторонній умъ Н. А., обогащенный обширными свѣдѣніями, помогали сестры (Елена и Марья Алек., вскорѣ пріѣхавшія изъ Россіи и по смерти матери переселившіяся къ братьямъ въ Селенгинскъ *). Торсонъ въ это же время знакомилъ туземцевъ съ улучшенными хозяйственными машинами, поставилъ мельницу и конная молотилка съ веревочнымъ приводомъ, требовавшая одной только лошади, потребовали двухъ для приведенія машины въ дѣйствіе; Н. А. Бестужевъ долго задумывался надъ такою разностью и, предположивъ, что приводная веревка очень тонка и много растягивается (черезъ что лошадь терала часть своей силы), приспособленіемъ толстой бичеви устранилъ погрѣшность. М. А. Бестужевъ придумалъ двуколку, удобную для повозокъ по горнымъ дорогамъ, и завѣщалъ ее въ повсемѣстное употребленіе туземцамъ подъ именемъ „сидѣйки“. До сихъ поръ подобныя сидѣйки пользуются такимъ же предпочтеніемъ по всему гористому Забайкалью, какъ знаменитая долгуша по всему востоку Россіи. Въ то же время Н. А., въ свободные часы отъ хозяйственныхъ занятій, занимался приготовленіемъ астрономическихъ часовъ безъ компенсациі, выработкою самаго вѣрнаго хронометра, надъ которымъ и производилъ пробы въ чуланѣ высокою и низкою температурою. Завѣщавъ флоту, еще во время службы на немъ, способъ значительнаго упро-

*) Когда въ 1848 г. сестры Бестужевыхъ пріѣхали въ Селенгинскъ, все населеніе города вышло къ нимъ на встрѣчу. Пріѣзжія съ большими усиліями могли пробиться сквозь густую толпу въ объѣмъ братьевъ, выбѣжавшихъ къ нимъ на встрѣчу. Въ лицѣ одной изъ сестеръ братьевъ Бестужевыхъ (Еленѣ Александровнѣ) является новый благодѣтельный геній, дополняющій циклъ тѣхъ, о которыхъ мы уже имѣли случай разсказать выше. Съ молодыхъ лѣтъ, когда она потеряла пятерыхъ братьевъ, она заступила ихъ мѣсто для младшихъ сестеръ и больной матери. Любовь къ братьямъ Ел. Алек. сначала выразила свиданіями и посѣщеніями ихъ, не смотря на массу препятствій, въ страну изгнанія посылала все необходимое, исполняла всѣ порученія. Для брата Александра (Бестужева-Марлинскаго) она была комиссіонеромъ во всѣхъ его авторскихъ сношеніяхъ со Смирдинымъ и другими издателями; для лишившагося разсудка брата Павла она испросила прощеніе и вмѣстѣ съ ролью страдальницы, приняла на себя заботы о послѣдующей судьбѣ его. Когда Елена Александровна похоронила братьевъ и мать, когда исполнилась ея миссія въ Россіи, она распродала все свое и съ двумя сестрами поѣхала въ Сибирь отдать свою жизнь, любовь и силы двумъ остальнымъ братьямъ, оставшимся въ живыхъ, и какъ бы для того, чтобы закрыть глаза на вѣки еще одному, кровному другу. «Отрадно быть братомъ этой души высокою», справедливо говорить въ одномъ изъ своихъ писемъ А. А. Бестужевъ-Марлинскій объ этой «хлопоталыницѣ за всѣхъ», объ этомъ «образѣ сестеръ».

щенія въ уборкѣ и вооруженія корабля *), онъ намѣревался снабдить еще астрономическими часами и хронометромъ съ самою ничтожною девиаціею. „Одно желаніе быть полезнымъ бѣднымъ мореходцамъ, которые не въ состояніи платить по 2 и 4 тысячи за хронометры, а отъ того самаго на половину, а можетъ быть, и болѣе гибнуть, не имѣя вѣрнаго счисленія—руководило Н. А. Вестужевымъ. Онъ хотѣлъ, чтобы хронометръ, по большей мѣрѣ, стоилъ не болѣе 300 или 400 руб. асс., и для этого придумывалъ самое простое устройство. Онъ былъ уже близокъ къ осуществленію мысли. Онъ разобралъ хронометръ въ послѣдній разъ, но смерть прекратила работу и разобраннаго хронометра ни одинъ механикъ, не обладавъ секретомъ изобрѣтателя, собрать не могъ. Одни часы ходили у него уже четыре года хорошо; другіе выдержали въ чуднѣе двѣ жестокія зимы, идучи не останавливаясь, и хотя суточное измѣненіе, при замерзаніи ртути, не превышало 4", однако, изобрѣтатель оставался ими доволенъ и сталъ добиваться суточной разности въ десятихъ доляхъ секунды. Отличный портной, башмачникъ, столяръ—онъ былъ хорошимъ слесаремъ, рисовальщикомъ; имъ написанъ для селенгинскаго Покровскаго собора для царскихъ дверей масляными красками образъ Благовѣщенія. Онъ написалъ очень много статей и книгу „Записки моряка“, сочиненіе съ крупными литературными достоинствами. Домашніе опыты надъ неудачными печами привели его къ изобрѣтенію такой печи, которая поразила своею практичностью лучшаго знатока этого дѣла, извѣстаго архитектора И. И. Свѣзева. Вестужевская печь при 30° Р. морозу при 15 футахъ дровъ сохранила на другое утро тепла еще 10°; 30 футовъ, при той же температурѣ, въ продолженіи дня почти не давали дотрогиваться и печь сохранила 15°. Когда у всѣхъ рвали трубы и трескались печи, у Вестужевыхъ оказались экономическія, невиданнаго и незнаемаго устройства **). Состоя и на поселеніи и живя на свободѣ, товарищи не переставали сносить другъ съ другомъ и оказывать другъ другу услуги и совѣтомъ и дѣломъ. Намъ удалось читать интересную переписку Дм. Ир. Завалишина съ Н. А. Вестужевымъ. У Н. А. спрашивалъ совѣтовъ относительно

разведенія дынь и арбузовъ читинскій товарищъ его, Д. И. Завалишинъ, самъ отличный хозяинъ и садовникъ, и получалъ цѣлыя тетрадки практическихъ совѣтовъ, основанныхъ на опытныхъ успѣхахъ удачнаго приспособленія. Въ свою очередь, Н. А. Вестужевъ просилъ Д. И. Завалишина прислать теоретическія формулы вышнихъ вычисленій математики для оправданія и научнаго основанія своихъ практическихъ соображеній. Сооружая парники и взращивая на изученіе другимъ арбузы, дыни и китайскіе огурцы, Н. А. Вестужевъ не покидалъ научныхъ опытовъ и, между прочимъ, воспользовавшись вулканическою мѣстностью Селенгинска, производилъ опыты надъ направленіемъ землетрясеній частыхъ, хотя и незначительныхъ. Онъ повѣсилъ на проволоку 20-фунтовое ядро со шпилькою внизу, которая, будучи опущена концомъ въ ящикъ съ мелкимъ пескомъ, при каждомъ землетрясеніи чертила его направленіе, и затѣмъ шелъ къ выводамъ и къ улучшенію самого инструмента. Хозяйство не задавалось долгое время по причинѣ постоянныхъ засухъ, преслѣдовавшихъ начинанія и заставлявшихъ выходить изъ границъ должныхъ экономій. Выпросилъ себѣ позволеніе (въ 1840 г.) на развѣзды по округу (въ Кяхту, Верхнеудинскъ и Петровскій заводъ), даровитый Вестужевъ нашелся въ томъ, что въ Кяхтѣ сталъ заниматься живописью за деньги. Деньги употреблялъ на поддержку упавшаго хозяйства, полагая про себя, что „остановиться въ хозяйствѣ—все равно, что бросить его совсѣмъ“. Съ такимъ человекомъ разнымъ несчастьямъ бороться было мудрено.

На поселеніи, само собою разумѣется, литературныя занятія, столь любимыя въ казематѣ, многими оставлены не были, но наступила пора разочарованій, строгаго отношенія къ себѣ—этихъ честныхъ порывовъ самосознанія, въ которыхъ слѣдуетъ искать причинъ тому, что многіе литературные труды декабристовъ не появились на свѣтъ, „погрузились въ Лету“, какъ выразился одинъ изъ нихъ. Къ этому примѣшивалось еще воспрещеніе публиковать свои сочиненія: поселенцы по закону не имѣли этого права. Во взаимной товарищеской перепискѣ мы не разъ выслушивали эту грустно-настроенную и безъ раздраженія ноту трезваго, спокойнаго отношенія къ себѣ. Многіе высказывались такими откровенными исповѣдями: „Въ 25 лѣтъ тюремной нашей жизни свѣтъ очень далеко подвинулся впередъ и мы остановились на одномъ мѣстѣ. Ни по языку, ни по интересу изложенія, ни по скудости фактовъ записки (одного изъ товарищей) не могутъ увлечь публику; а въ теперешнюю эпоху одно увлеченіе и можетъ играть роль. Тяжело, а должно было ему дать понять и приготовить его къ неудачѣ. Кажется, онъ согласился, если не измѣ-

*) Вестужевскій способъ давалъ просторъ командѣ и сокращалъ издержки. Впервые примѣненъ былъ этотъ способъ при вооруженіи корабля „Эмгейтена“.

**) Огонь пропускался изъ горнила вверхъ, оттуда оборотами книзу и потомъ снова оборачивался колодцемъ кверху; такимъ образомъ, труба приходилась надъ этимъ послѣднимъ колодцемъ, вопреки общимъ приемамъ сибирскихъ печниковъ. Устройство печи стало проще и дешевле. «Самъ я былъ и емъ бѣденъ,—говаривалъ Н. Ал.—а потому знаю, каково бѣднякамъ на свѣтѣ».

нилъ своихъ мыслей послѣ“ и проч. „Сколько событій совершилось въ 30 лѣтъ, что мы сошли со сцены свѣта (пишетъ другой) и сколько еще совершится неожиданнаго до нашей смерти! Теперь мы въ 5 лѣтъ болѣе проживаемъ, нежели прежде во сто“. „У меня теперь сохранились черновыя трехъ повѣстей (сознается третій), но онѣ уже потеряли цѣну современнаго колорита“. Устоялъ на своихъ литературныхъ занятіяхъ больше другихъ А. А. Вестужевъ (Марлинскій) и успѣлъ въ свое время воспользоваться, какъ извѣстно, неслыханнымъ до того времени литературнымъ успѣхомъ при крупномъ и несомнѣнномъ влияніи на читающую русскую публику. Онъ имѣлъ возможность литературнымъ говораромъ помогать братьямъ и отложить 50 тыс. руб. асс. въ банкъ.

Товарищи изъ богатыхъ, поселившіеся близъ Иркутска, благодаря своимъ столичнымъ связямъ, привлекли къ себѣ вниманіе одного изъ губернаторовъ Восточной Сибири. По указаніямъ первыхъ удалось послѣднему отгнѣтить для своей дѣятельности не одинъ слабый пунктъ, требовавшій ремонтъ или капитальныхъ перестроекъ. Вліянію иркутскихъ поселенцевъ не мало обязана Восточная Сибирь въ преобразованіяхъ, затѣянныхъ энергическимъ дѣтелемъ; и эта служба ссыльных памятна мѣстному населенію и передается подробно и охотно всѣмъ желающимъ про то слышать и вѣдать. Эта заслуга тѣмъ болѣе важна была въ Сибири—странѣ, гдѣ злоупотребленія всякаго рода превосходили мѣру вѣроятія. Со всѣхъ сторонъ неслись жалобы на угнетеніе и мольбы о пощадѣ. Не одинъ Селенгинскъ, забывленный отъ притѣсненія кляузнаго и безсердечнаго городничаго, но и многія другія мѣстности почувствовали на себѣ участіе людей высоко образованныхъ, возбудившихъ уваженіе мѣстныхъ властей и хорошо успѣвшихъ познакомиться со страной, пріютившею ихъ, и съ людьми, встрѣтившими ихъ съ любовью и гостепріимно. Тѣмъ же административными заслугами отблгородилъ хлѣбосольному и гостепріимному краю другой товарищъ декабристовъ, отличавшійся наибольшими свѣденіями о краѣ въ томъ же Забайкальѣ, гдѣ онъ началъ ссыльную жизнь, но продолжалъ долгое время и свободную. Когда Чита назначена была областнымъ городомъ, Д. И. Завалишинъ приложилъ не мало труда, заботъ и личныхъ способностей къ ея устройству при новомъ назначеніи; опытные совѣты его, основанные на знаніи тамошняго народа, у всѣхъ на глазахъ (при первомъ забайкальскомъ наказномъ атаманѣ Запольскомъ) превращались въ живое дѣло при устройствѣ области и казачьяго быта. Ему же удалось сдержать безразсчетныя увлеченія при заселеніи Амурскаго края, вновь пріобрѣтеннаго, и прежде всѣхъ опредѣлить настоящее его значеніе далеко не

въ смыслѣ обѣтованнаго рая, въ чемъ слагались увѣрять общество мѣстные поэты, призванные и не призванные. Гораздо позднѣе, когда по случайности, этой сибирской общественной службѣ положенъ былъ предѣлъ, Д. И. Завалишинъ, на мѣстѣ иной своей дѣятельности (въ Москвѣ), не перестаетъ дѣлиться запасомъ образования, опытности и энергіи въ разнообразныхъ дѣлахъ благотворенія, отъ вспоможенія бѣднымъ до обрученія неимущихъ, независимо отъ тѣхъ порученій, которыя возлагаетъ на него довѣріе разныхъ ученыхъ обществъ. Долгое время онъ состоялъ членомъ и секретаремъ московскаго комитета грамотности и проч.

Вотъ съ какою просьбою обращался М. А. Вестужевъ къ С. Г. Волконскому, жившему въ Иркутскѣ: „Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что за низкая креатура нашъ городничій, назначенный къ намъ въ градоначальники изъ жалкаго словія иркутскихъ квартальныхъ... Онъ далъ торжественное обѣщаніе намъ и всѣмъ гражданамъ нашего города жить мирнолюбиво, но снова началъ низкое поприще кляузъ (приводятся примѣры). Мы теперь такъ стѣснены, что не имѣемъ права перестроить бани или поставить новый курятникъ безъ разрѣшенія иркутской строительной комиссіи, мы, которые живемъ внѣ всякаго гражданскаго міра, въ стѣни, въ притыкѣ непреступныхъ горъ... Если вы будете имѣть возможность представить все это на видъ г. губернатору, то я свидѣтельствую о благодарности всѣхъ нашихъ согражданъ, ежели избавите городъ отъ этой язвы, отравляющей нашу атмосферу“. На письмо это послѣдовалъ отвѣтъ: „Сдѣлано распоряженіе къ освобожденію Селенгинска отъ городничаго, что и будетъ сдѣлано въ теченіи не болѣе двухъ недѣль, черезъ что городъ можетъ быть спокоенъ“.

Н. А. Вестужевъ пишетъ къ Д. И. Завалишину (20 мая 1852 года): „Матушка Торсона имѣетъ теперь 88 лѣтъ отъ роду и получаетъ пенсію въ 325 руб. асс. послѣ покойнаго мужа. Пенсія эта переходитъ на дочь послѣ ея смерти. Сверхъ того, онѣ обѣ получаютъ ежегодно вспомошествованія 500 руб. асс. Но этой помощи далеко для ихъ существованія недостаточно, особенно потому, что болѣзненное состояніе покойнаго вовлекло ихъ въ долги и разстроило кое-какъ заведенное хозяйство. Сверхъ того, постоянные неурожаи въ продолженіи 14-ти лѣтъ до прошедшаго года были раззорительны для всѣхъ сельскихъ хозяевъ, а для нихъ еще болѣе по недостатку нужной мужской помощи. Нынѣ же, по увеличивающемуся здѣсь военному народонаселенію, цѣны на все удивительно какъ возвысились. Вотъ вкратцѣ тѣ нужды, которыя представляются на благоусмотрѣніе великодушнаго его п—ва (Запольскаго). Къ этому прибавить должно, что желательнѣе очень, чтобы земля, отведенная покойному, осталась за его

матушкою и сестрою. Я упоминаю объ этомъ потому, что въ указѣ о надѣленіи насъ землею сказано, что это дѣлается по примѣру государственныхъ крестьянъ, а какъ у нихъ земли, по согласію мірскому, у вдовъ не отбираются, если всѣ на то согласны, то, кажется, и въ этомъ случаѣ можно поступить такимъ образомъ*.

Отъ 22 апрѣля 1854 г.: „Я не перестаю тебя беспокоить своими письмами, но что же дѣлать? Бѣдный здѣшній народъ такъ напуганъ прежде бывшими здѣсь алоупотребленіями, что думаетъ и теперь безъ покровительства чьего нибудь нельзя никакого дѣла сдѣлать“ (слѣдуетъ просьба о рекрутѣ при сдатѣ).

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 г. просьба о томъ же, но для новаго лица. Въ письмѣ отъ 11 окт. 1854 г. „Старинный нашъ знакомый Хамба-Лама (толстякъ) непремѣнно хотѣлъ имѣть отъ меня къ тебѣ письмо, чтобы возобновить съ тобою знакомство, ежели вы были знакомы, и познакомиться, ежели не были. Какъ я ни увѣрялъ его, что это вовсе не нужно для такого предмета (на побѣзку Хамба-Ламы—главнаго ламы бурятскаго, въ Читѣ), но азіатцы крѣпко вѣруютъ во всякій лоскутокъ бумаги болѣе, нежели самымъ убѣдительнымъ словамъ, и вотъ по этому случаю снова беспокою тебя этимъ посланіемъ. Я всю эту зиму прохворалъ; пришла и моя очередь состарѣться и припадать къ постелѣ. Меня оживили добрыя извѣстія о славныхъ дѣлахъ нашихъ моряковъ, но горизонтъ омрачается. Не знаю, удастся ли намъ справиться съ англичанами и французами вмѣстѣ, но крѣпко бы хотѣлось, чтобы наши поколотили этихъ вѣроломныхъ островитянъ за ихъ подлую политику во всѣхъ частяхъ свѣта. Надобно поскорѣ занимать Сахалинъ и ближайшіе къ нему берега, а иначе англичане влезутъ къ намъ въ карманъ. Будемъ ждать, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ—сказалъ Богданъ Хмѣльницкій. Жаль только, что новости до насъ достигаютъ только тогда, какъ на мѣстѣ, гдѣ онѣ происходили, все уже перемѣнилось или давно уже сдѣлалось старинною“.

Еще письмо отъ 28 дек. 1840 г., съ отвѣтомъ на запросы Д. И. Завалишина о разведеніи дынь,—совѣты, обличающіе опытнаго хозяина и изложенные въ такой упрощенной формѣ, что такъ рѣдко пишутся для практическихъ хозяйствъ книги.

Въ письмѣ отъ 27 окт. 1853 года онъ же (Н. А. Бестужевъ) пишетъ къ Д. И. Завалишину: „Покойный Рупертъ выхлопоталъ для нашего стараго города (Селенгинска) позволеніе переселиться на другой берегъ Селенги и далъ этому новому городу гербъ: феникса, возникающаго изъ своего пепла. Теперь, когда нашъ фениксъ состарѣлся, не достигши зрѣлаго возраста, и даже умираетъ, думаю, что гербъ этотъ причинѣ бы было перенести на вашу

Читу. Я слышалъ, что точно читинскія развалины устраиваются прекраснымъ городомъ. Не будешь ли и ты строить себѣ новаго дома?.. Прошу не забывать меня старика (я крѣпко состарѣлся)“ проч.

Конечно, нѣтъ ничего, можетъ быть, труднѣе, какъ прослѣдить во всѣхъ сферахъ и представить въ наглядныхъ фактахъ то полезное вліяніе, какое имѣли такъ называемые декабристы на Сибирь; но что оно было и неизбѣжно должно было имѣть мѣсто,—это несомнѣнно. И мы очень рады, что прежде, нежели сообщимъ факты, намъ лично сдѣлавшіеся извѣстными, мы можемъ привести здѣсь извѣстное свидѣтельство Е. П. Ковалевскаго о декабристахъ (изъ его извѣстнаго сочиненія „Графъ Влудовъ и его время“ *).

Мы узнали декабристовъ уже въ то время, когда они, искупивъ свои заблужденія тяжелымъ испытаніемъ, жили на поселеніи, распространяя добро между окрестными жителями; или своими знаніями, особенно въ техническомъ отношеніи, или тѣми ограниченными матеріальными средствами, которыя имѣли изъ нихъ имѣли,—уважаемые и пользовавшіеся довѣріемъ и свободой.

Что же касается до тѣхъ фактовъ, которые стали извѣстны намъ лично, то остановимся, по крайней мѣрѣ, на слѣдующихъ.

Для всѣхъ мѣстныхъ жителей, непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ, не было разумѣется никогда тайною, что въ Петровскомъ заводѣ существовала въ казематѣ большая школа, гдѣ дѣти мѣстныхъ жителей, начиная отъ достаточныхъ чиновниковъ до неимущихъ ссыльных, получали, соответственно потребностямъ cadaго, приличное образованіе, начиная отъ высшаго классическаго до начального и ремесленнаго; такъ что между тѣмъ, какъ, напр., Завалишинъ преподавалъ греческій и латинскій языки дѣтямъ духовнаго званія, приготавливая ихъ въ семинарію, Н. А. Бестужевъ и другіе обучали иныхъ дѣтей столярному, слесарному, портному, сапожному и проч. ремесламъ: тогда какъ одни изъ дѣтей чиновниковъ приготавливались для поступленія въ высшія учебныя заведенія, другія дѣти обучались грамотѣ, но, разумѣется, по усовершенствованнымъ методамъ и проч.

*) Кроме того, есть еще одно обстоятельство, особенно характеризующее декабристовъ и подтвержденное общимъ свидѣтельствомъ: это—совершенное отсутствіе озлобленія противъ судьбы и людей. Въ этомъ отношеніи декабристы не были похожи на революціонеровъ другихъ странъ и не держались никогда правила: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше» и «все худо, что дѣлается на волѣ». Совершенно напротивъ, они брались вездѣ исправлять зло, быть полезными вездѣ, гдѣ бы ни были невольныо закинуты судьбою, содѣйствовать добру, хотя бы оно дѣлалось не черезъ нихъ.

Поводомъ къ учрежденію школы была необходимость составлять хоръ пѣвчихъ для заводской церкви. И вотъ, сначала стали обучать дѣтей пѣнію, потомъ явилась необходимость для лучшаго обученія самому пѣнію поучить дѣтей грамотѣ и т. д.—остальное пришло постепенно само собою. При совершенномъ отсутствіи въ заводахъ другихъ средствъ къ образованію, особенно въ приготовленіи къ высшему для дѣтей чиновниковъ, комендантъ вынужденъ былъ уступить неотступнымъ просьбамъ родителей дозволить поучить дѣтей въ казематѣ, что для бѣдныхъ имѣло еще и то значеніе, что учившихся въ казематѣ дѣтей кормили тамъ и одѣвали. До того времени комендантъ отдѣлывался своимъ завѣтнымъ и неизмѣннымъ „не могу“ и, разрѣшивъ хоръ пѣвчихъ, сначала дозволилъ учить только читать. Пѣнію учили П. Свистуновъ и Н. Крюковъ, а грамотѣ два брата Бестужевыхъ.

Надо замѣтить, что обученіе дѣтей въ казематѣ выдавалось рѣзко двумя особенно благотворными для нихъ послѣдствіями. Первое было то, что прежде въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, куда отвозились нныя дѣти для высшаго образованія, было предубѣжденіе противъ дѣтей Забайкальскаго края, относящее неуспѣхъ ихъ въ наукахъ къ недостатку у нихъ способностей, тогда какъ это было просто слѣдствіемъ только плохой подготовки. Когда же былъ представленъ въ первый разъ въ одно изъ высшихъ заведеній въ Петербургъ воспитанникъ казематской школы, то онъ такъ удивилъ экзаменаторовъ и объемомъ и отчетливостью своего знанія, что экзаменаторы полюбопытствовали узнать, гдѣ и кѣмъ онъ могъ быть такъ приготовленъ. Предсѣдательствовавшій при экзаменѣ начальникъ, который лично бывалъ въ Петровскомъ заводѣ и самъ зналъ секретъ, остановилъ любопытствующихъ, сказавъ имъ: „Господа! наше дѣло опѣнить его знанія, а не допытываться, откуда онъ ихъ получилъ“.

Другая выгодная сторона казематскаго обученія заключалась въ томъ, что даже и тѣ, кому выпадала скромная доля вещественнаго труда, уважали свое занятіе, хотя по развитію умственному, вслѣдствіе полученнаго въ казематѣ образованія, могли бы имѣть прітяжаніе на родъ дѣятельности, считающейся обыкновенно высшею. До какой степени эта цѣль была достигнута, можно судить по слѣдующему примѣру. Много, десятки лѣтъ спустя послѣ того, какъ съ отъѣздомъ послѣднихъ декабристовъ изъ Петровскаго завода прекратилось существованіе школы въ казематѣ, одинъ изъ рабочихъ, получившихъ и ремесленное и грамотное образованіе въ казематѣ, узнавъ изъ газетъ о пребываніи Завалишина въ Москвѣ, писалъ къ нему въ Москву и благодарилъ

его за то уваженіе, которое вселилъ ему къ труду. Онъ говорилъ, что вотъ онъ давно ужъ женатъ, имѣетъ дѣтей, что Богъ благословилъ его достаткомъ такъ, что онъ въ состояніи не только давать образованіе дѣтямъ, но и выписывать книги и даже газеты и журналы, но что при всемъ этомъ онъ не покидаетъ, однако же, своего тяжелаго (кузнечнаго) ремесла. и старается внушить и дѣтямъ такое же уваженіе къ труду, какое умѣли внушать и ему въ казематѣ. И конечно, примѣръ людей высшаго происхожденія и образованія, не пренебрегавшихъ никакимъ ремесломъ, никакимъ тѣлеснымъ трудомъ, лучше всего дѣйствовалъ на людей, чтобы и въ ихъ глазахъ облагородить тотъ трудъ, на который привыкли смотрѣть только, какъ на тяжелую и часто безотраднѣйшую.

То же дѣло образованія во всѣхъ его видахъ и распространеніе уваженія къ труду нагляднымъ доказательствомъ собственного примѣра продолжали декабристы, когда расселись по всему пространству необъятной Сибири. Вездѣ заводились школы, вездѣ бѣдныя получали образованіе бесплатно; вездѣ являлся примѣръ рациональной хозяйственной дѣятельности, до тѣхъ поръ почти неизвѣстной въ Сибири. Вездѣ представлялся контрастъ дѣловой жизни высшаго происхожденія и образованія людей съ невѣжествомъ и пустымъ препровожденіемъ времени большей части достаточныхъ выскочекъ и даже крупныхъ чиновниковъ. Декабристы являются вездѣ лучшими и практически дѣятелими, лучшими наблюдателями и знатоками края, чѣмъ мѣстные старожилы; всегда дѣятельными, не тяготящимися никакимъ занятіемъ и облагораживающимъ всякое. Всѣ видѣли, напр., въ Читѣ, что одно и то же лицо (Завалишинъ) обучало и высшихъ предметовъ учениковъ, готовившихся въ высшіе классы высшихъ учебныхъ заведеній, и не тяготилось обучать грамотѣ самыхъ маленькихъ дѣтей. доставляя этимъ самымъ уваженіе и всякому другому лицу, посвящавшему себя на тяжелый трудъ начального преподаванія.

У него и мальчики и дѣвочки, и дѣти чиновниковъ и крестьянскія дѣти, учились иностраннымъ языкамъ и по латинѣ; и дѣвчонки кончали геометрію, тригонометрію, алгебру и всѣ получали понятія о механикѣ, физикѣ и химіи. Но, въ то же время, крестьянскія дѣти отпускались на полевые работы въ деревни, о которыхъ по возвращеніи должны были давать обстоятельный отвѣтъ, а городскія дѣти должны были работать въ огородѣ и всѣ знать средства разведенія и приготовленія лекарственныхъ растений. Его ученики нерѣдко бывали первыми въ корпусѣ, а ученицы первыми въ институтѣ. Далѣе: всѣ видѣли въ образцовомъ хозяйствѣ Д. Ир. въ Читѣ, хозяйствѣ,

изумлявшемъ своимъ совершенствомъ не только мѣстныхъ жителей, но и прїѣзжихъ изъ Россіи, вполне знакомыхъ съ рациональнымъ хозяйствомъ, всё видѣли наглядное доказательство, что не только не существуетъ никакого антагонизма между теоретическимъ знаніемъ и практическимъ искусствомъ, но что, напротивъ, соединеніе того и другого могучимъ образомъ содѣйствуетъ и тому и другому. Прїѣзжіе видѣли одного и того же человѣка, одинаково плодотворно занимавшагося и высшими предметами человѣческаго вѣдѣнія, и самыми тяжелыми работами хозяйственного труда, отъ сохи и косы въ полѣ, отъ обработки огорода и ухода за скотоводствомъ до постройки образцового дома *), до всѣхъ подѣлокъ и исправленій плотничныхъ, столярныхъ, слесарныхъ и проч. по дому. Потому и должны были по неволѣ всё вѣрить, что разумная теорія всегда бываетъ плодотворна и въ практическомъ приложеніи, а разумная практическая дѣятельность, точность наблюденія, личный практический опытъ, даютъ единственный надежный матеріалъ для правильныхъ выводовъ и теорій.

Если мы перейдемъ теперь къ чисто нравственной дѣятельности, въ видѣ пособія, нравственной поддержки совѣтому и утѣшенію, защитѣ и проч., то тутъ вліяніе декабристовъ въ Сибири является и еще въ болѣе очевидномъ и благопріятномъ свѣтѣ. Независимо отъ врачебнаго и всякаго другого рода пособія, отъ посѣщенія больныхъ и страждущихъ, декабристы являются защитниками народа противъ злоупотребленій администраціи двоякимъ дѣйствіемъ: или представительствомъ высшей администраціи, которая всегда могла смѣло положиться на добросовѣстное ихъ указаніе, или обуздывая низшую администрацію нравственнымъ своимъ вліяніемъ, такъ какъ были примѣры, что люди, самые закоренѣлые въ злоупотребленіяхъ, совѣстились передъ ними, когда боялись, что дѣйствія ихъ будутъ открыты. И вотъ, по такому нравственному значенію ихъ, они, внѣ всякаго officialнаго званія или положенія, были во многихъ мѣстахъ настоящими мировыми посредниками и судьями, какъ бы официально признанными самимъ главнымъ начальствомъ, и были, во всякомъ случаѣ, лучшими совѣтниками и по-

кровителями народа и даже людей стоящихъ выше его.

Постепенное улучшеніе быта декабристовъ, жившихъ на поселеніи, выражалось нѣкоторыми милостіями. Между прочимъ, вдовы умершихъ, лишенные права возвращенія въ Россію (такъ, напримѣръ, отказано было въ этомъ Юшневской и Янтальцевой *), въ послѣдствіи получили дозволеніе вернуться на погребеніе родныхъ (какъ Нарышкина, урожденная Коновницкая, когда мужа ея перевели на Кавказъ). Дѣти, прижитыя до ссылки и оставленныя въ Россіи, поступали на погребенія родственниковъ другихъ людей, пожелавшихъ заняться ихъ воспитаніемъ (такъ, напримѣръ, сынъ Розена жилъ у полковника Волконскаго въ Тифлисѣ и отецъ, проѣзжавшій въ Вѣлье-Колодцы, не могъ видѣть его изъ боязни подвергнуть воспитателя отвѣтственности). Дѣти, прижитыя въ Сибири, должны были вступить въ сословіе заводскихъ крестьянъ, но въ 1842 году, государь, по случаю бракосочетанія государя наслѣдника, соизволилъ обратить высочайшее вниманіе на поступки женъ, послѣдовавшихъ въ заточеніе, и рѣшилъ, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе къ дѣтямъ ихъ, родившимся въ Сибири. Комитетъ, изыскивавшій средства привести въ исполненіе волю государя, положило: „По достиженіи дѣтьми узаконеннаго возраста, принять ихъ на воспитаніе въ одно изъ казенныхъ заведеній, для дворянскаго сословія учреждений, если отцы на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратить имъ права, утраченныя отцами ихъ, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными, но, вѣдѣвъ съ тѣмъ, лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать ихъ по отчеству“. Трубецкой далъ отвѣтъ, что дочерей онъ боится отдать, предполагая, что разлука съ матерью будетъ для нихъ смертельнымъ ударомъ. Въ 1845 году разрѣшено было женѣ Трубецкой проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ до излеченія ея отъ болѣзни, а мужу по временамъ прїѣзжать къ ней на свиданіе „съ дозволенія генералъ-губернатора Восточной Сибири, каковое дозволеніе давать ему съ должною осмотрительностью“. 19-го іюня 1845 года государь разрѣшилъ помѣстить въ учрежденный въ городѣ Иркутскѣ дѣвичій институтъ „двухъ внучекъ дѣйствительной тайной совѣтницы Лавали, рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея, состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи въ Иркутской губерніи въ селѣ Оекъ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ“.

Восшествіе на престолъ государя императора Александра Николаевича ознаменовалось

*) Не смотря на сибирскіе морозы, доходившіе въ Читѣ до 35°, у Дм. Ир. въ домѣ не было зимнихъ рамъ на сѣверной сторонѣ, со всѣмъ тѣмъ тепло держалось до 16°. На всѣхъ окнахъ стояли цвѣты, а на полу кадки съ деревьями представляли изъ комнатъ родъ оранжерей. Подробное описаніе всѣхъ чудесъ его хозяйства къ усовершенствованію породы скота, полеводства, огородничеству, пчѣководству, по устройству лечебныхъ пособій, которыми пользовались не только мѣстные, но и всѣ окрестные жители издавна, заняло бы слишкомъ много мѣста.

*) Последняя прожила въ Ялуторовскѣ девять лѣтъ по смерти мужа въ 1846 г. Жена Юшневскаго не могла раздѣлить тюремной участи мужа.

въ сибирской исторіи государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ за возмущеніе 14-го декабря 1825 года, всеобщимъ прощеніемъ ихъ, забвеніемъ прошедшаго и возвращеніемъ правъ потомственного дворянства и права возвращенія на родину, въ Россію. Низшимъ категоріямъ возвращены и титулы; изъ первой же категоріи только Тургеневу возвращены чины и ордена. Въ Сибири оставались только трое за неимѣніемъ средствъ къ выѣзду (Завалипинъ, М. Вестужевъ и Ив. Ив. Горбачевскій *). Многие выѣхали въ расчетѣ на помощь и содѣйствіе родныхъ. Другіе лишены были того и другого отъ корыстолюбивыхъ родственниковъ, воспользовавшихся ихъ достояніемъ; нѣкоторые принуждены были прибѣгнуть, по прежнему, къ личнымъ трудамъ и заботамъ. Между ними Андрей Быстрицкій не нашеть въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ и, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію, ходатайствовалъ о продолженіи ему того пособия, которымъ пользовался въ Сибири, то есть 15 десятинъ

пахатной и луговой земли, 114 рублей деньгами и, сверхъ того, на одежду и пашь отъ 18 до 30 рублей, сообразно существующимъ цѣнамъ на хлѣбъ (то есть всего деньгами отъ 132—142 рублей).

Исторія пребыванія въ Сибири государственныхъ преступниковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ Петрашевскаго и сосланныхъ въ 1846 г., рассказана нѣкоторыми изъ самихъ ссыльныхъ по этому дѣлу. Ө. М. Достоевскій, о пребываніи своемъ и товарища его Дурова въ Ойской арестантской ротѣ, рассказалъ въ „Мертвои Домѣ“, извѣстномъ всей читающей русской публикѣ. Ф. Г. Толь, о пребываніи своемъ на заводѣ Западной Сибири, написалъ „Записки о К.... заводѣ“ и помѣстилъ статьи въ журналѣ „Вѣкъ“ 1861 года. Ө. Н. Львовъ о житіи своемъ въ нерчинскихъ рудникахъ напечаталъ нѣсколько статей въ „Современникѣ“ (1861 г. № 9 и 1862 г. № 1).

Г Л А В А VIII. ИСТОРИЯ КАТОРГИ.

Находка рудныхъ богатствъ.—Чужія работы.—Серебро.—Работы рудниковыя.—Исторія нерчинскихъ рудниковъ.—Побѣги рабочихъ.—Начальники: грекъ Левандіанъ, Суворовъ.—Самозванецъ Чорнышевъ, дѣло объ немъ и послѣдующая судьба его.—Нарышкинъ.—Его безчисленные чудачества и выходки.—Лекаръ Томпловъ.—Купецъ Колосовъ.—Воинственный походъ Нарышкина.—Взятіе имъ Вернеудинска.—Восвода Тевяшовъ.—Нѣмцовъ.—Аршеневскій, Варботъ де-Марин, Черницынъ.—Народныя преданія о послѣднемъ.—Теодоръ Фришъ и его жена.—Тираны: Рычювъ, Аистовъ, Татаринцовъ.—Золотая ляхорадка.—Добыча золота.—Богатства Нерчинскаго края.—Карійское золото.—Разгильдѣевъ.

I.

НЕРЧИНСКІЕ СЕРЕБРЯНЫЕ РУДНИКИ И ЗОЛОТЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Обскіе звѣроловы открыли старыя заброшенныя копи рудъ на Алтаѣ. Два брата тунгуса, въ 1601 году, нашли около р. Аргуни слѣды подобныхъ же работъ въ Нерчинскихъ горахъ.

По словамъ остяковъ направилъ свою горнозаводскую дѣятельность сынъ знаменитаго Никиты Демидыча, Акинфій Демидовъ; находка братьевъ тунгусовъ объявлена была въ посольствѣ Головина, пріѣхавшемъ за Байкаль для переговоровъ съ китайцами о мирѣ.

У Демидова оказались черезъ десять лѣтъ (въ 1739 году) въ собственности два завода, 17 рудниковъ мѣдныхъ и 30 со свинцомъ и

*) Ив. Ив. Горбачевскій остался потому, что Иркутскій чиновникъ воспользовался тѣми деньгами, которыя высланы были Горбачевскому по завѣщанію его умершаго брата, для устройства на поселеніи, а также и потому, что не хотѣлъ встать въ зависимость отъ другихъ положеніе.

золотистымъ серебромъ (между прочими Воскресенскій, изъ котораго выплавлено первое русское серебро). Въ 1744 году Демидовъ выписанными изъ-за границы саксонскими мастерами добылъ 27 фунт. 18 золоти. серебра и отправилъ его въ Петербургъ.

Нерчинскія руды прямо попали въ казенныя руки, вѣдались нерчинскимъ воеводою (Мусынымъ-Пушкинымъ) и управлялись грекомъ Левандіаномъ. Въ 1700 году греки на рѣкѣ Алтаѣ выстроили Нерчинскій заводъ и въ 1704 году съумѣли выплавить и отправить въ Москву только 1 ф. 24 зол., къ 1711 году нерчинскаго серебра оказалось въ наличности только отъ 8 до 11 пудовъ въ то время, когда Демидовъ на Алтаѣ, черезъ тѣ же 11—12 лѣтъ, въ состояніи былъ представить въ Петербургъ 44 пуда 12 фун. чистаго серебра, изъ котораго отдѣлено было 12 фун. и 32 золот. золота.

Работами у Демидова завѣдывалъ нѣмецъ (бригадиръ) Бесеръ съ Булгаковымъ. Работы въ Нерчинскомъ заводѣ производили тѣ же самые греки съ Левандианомъ, которые счѣтали отозваться убыточностію производства на Алтаѣ и негодностію руды тамъ, гдѣ въ настоящее время добывается ежегодно свыше тысячи пудовъ серебра и больше ста пудовъ золота.

Путеводителями и указателями въ тѣхъ и другихъ мѣстахъ служили курганы и ямы, носившіе у русскихъ туземцовъ общее имя чудскихъ. Въ одномъ курганѣ на Алтаѣ (въ Змѣиногорскомъ рудникѣ) нашли цѣлаго Чудака, задавленнаго горною выработкою вмѣстѣ съ инструментами: кайломъ, похожимъ на нынѣшнее, но круглымъ и оканчивавшимся на подобіе выгнутаго долота. Инструменты были либо мѣдные, либо каменные. При этомъ мѣдъ оказалась отличной чистоты; въ кожаномъ мѣшкѣ деревяннаго доисторическаго рудокопа сохранились богатѣйшія охры. При очисткѣ одной такой же древней копи попались двѣ мѣдныя гири съ руническимъ письмомъ и нѣсколько сотъ пудовъ серебряной руды, закрытой землянымъ пластомъ толщиною въ аршинъ.

Тѣ же верховыя горныя выработки на подобіе ямъ или каменоломенъ (не глубже 5 сажень), извѣстныя у сибиряковъ подъ общимъ именемъ „чудскихъ разностей“, указывали на сокровища Нерчинскихъ горъ и вели по руднымъ признакамъ (землистой мѣдной лазури) къ необходимости устройства фабричныхъ заводовъ на слѣдахъ чудскихъ работъ, называемыхъ кулукскими (по имени горы). Отсюда добывались нерчинскія руды и свозились на двѣ фабрики Нерчинскаго завода, устроенныя въ 1721 году вмѣстѣ пятичетвертовыхъ очковыхъ печей. Въ 1747 году такихъ рудниковъ имѣлось уже 6; между 1747 и 1765 присоединились еще 5, къ 1777 году открыто новыхъ 4, къ 1801 году еще 4; въ 1834 считалось всего 12 рудниковъ. Въ 1792 году при нихъ было уже 8 заводовъ. Въ 1740 году открыты были Агинскіе мѣдные пріиски, потомъ ртутные и сѣрные, затѣмъ оловянные и, наконецъ, съ 1850 г., въ три года, золотосносныя россыпи въ урочищахъ по рѣкамъ Куенгѣ и Курлукѣ, на лѣвомъ берегу р. Шилки въ Гурбалишвиурской долинѣ.

Въ горныхъ покатыхъ и отрогахъ, отдѣляющихся отъ главнаго хребта и достигающихъ одинаковой съ нимъ высоты, гранитъ поднималъ на себѣ и выдвинулъ известковыя скалы. Пространство, находящееся между гранитомъ и известнякомъ, наполнилось въ трещинахъ рудами оловянно-серебряными. Жилы съ такимъ осадкомъ представляютъ тотъ основной пунктъ, отъ котораго тянутся въ различныхъ направленіяхъ другія жилы. По такимъ жиламъ—дорогамъ—доходятъ до рудныхъ залежей, нагроможденныхъ въ одномъ мѣстѣ значительную

массою. Серебро, обыкновенно, находится въ рудѣ оловянной, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ желѣзной руды; но встрѣчается также и въ желѣзной рудѣ, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ олова. Последняя порода жилъ принадлежитъ къ мало-процентнымъ, потому что такую жилу труднѣе добыть изъ скалы и труднѣе, чѣмъ изъ первыхъ, отдѣлять серебро. Слѣды оловянно-серебряныхъ рудъ въ верхнихъ пластахъ земли попадаются очень часто; присутствіе сереброносныхъ рудъ открывается очень часто при пробитіи шахтъ и прорытіи штоленъ въ горахъ. Какъ только попадали на такую жилу, тотчасъ закладывали рудникъ, не справляясь ни съ направленіемъ, ни съ благодарностію жилъ; оттого въ Нерчинскихъ горахъ оказалось ихъ тамъ много (до 40) и между ними напрасная трата времени, капиталовъ и тяжелаго людскаго труда приспособлена была къ такимъ рудникамъ, въ которыхъ работы существовать могли одинъ только годъ.

Самую богатою рудою считается кристаллизованная, прозрачная и безцвѣтная, но на такія руды въ нерчинскихъ рудникахъ попадаютъ рѣдко; чаще нерчинская серебряная руда встрѣчается въ смѣси большого количества олова и плавится легко. Руда, соединенная съ охрою, имѣетъ кровависто-желтый цвѣтъ и заключаетъ въ себѣ немного олова и еще меньше серебра. Кромѣ этихъ, руды оловянно-серебряныя попадаютъ еще въ смѣсахъ съ сѣрою, съ желѣзомъ, кварцомъ и мышьякомъ.

Выкопанныя и добытыя изъ рудника руды сортируются. Крестьяне и женщины, всѣ физически слабыя, толкутъ и разбиваютъ руды молотками. Пустыя породы, какъ кварцъ, бросаютъ прочь, а освобожденные руды сыпаютъ въ кучи. Убогія руды превращаются въ порошокъ въ толчеяхъ, потомъ провѣиваются сквозь сита и перевозятся въ жолоба, гдѣ вода отдѣляетъ и уноситъ обыкновенныя и легчайшія части, не содержація въ себѣ металла, и, кромѣ того, увеличиваетъ въ рудѣ пропорцію серебра. Сѣрно-оловянныя руды не подвергаются промывкѣ, но сушатся на огнѣ въ большихъ кучахъ.

Приготовленные такимъ образомъ, руды свозятся въ заводы, каменныхъ выстроено было въ Нерчинскихъ горахъ 8 *).

*) Кромѣ Большаго нерчинскаго (давно уже не дѣйствующаго), построеннаго въ 1704 г., были слѣдующіе заводы: на рѣкѣ Кулукѣ, въ 40 верстахъ отъ Большаго, въ 1760 Кулукчинскій, названный потомъ Борзинскимъ и, наконецъ, Дукарскимъ; въ 1764—Кутомарскій, въ 1769—Шилкинскій; въ 1776 ниже Кутомарскаго Екатерининскій, первый водо-дѣйствующій; въ 1778—Газимурскій; всѣ 7 казенныя. Въ 1816 году приобрѣтенъ въ казну и Воздвиженскій заводъ на сліяніи рѣки Записанной съ Аргунью, выстроенный въ 1776 г. частнымъ заводчикомъ Сибиряковымъ.

сыпаются слоями, пересыпаемыми мелкимъ просѣяннымъ углемъ въ печи, называемыя шахтовыми, сложенные въ одинаковыхъ размѣрахъ изъ кирпича. Такихъ печей на заводѣ бываетъ по нѣсколько (въ Кутмарскомъ, напр., ихъ было до 16-ти). Каждая печь обладаетъ собственными свойствами, причинъ которыхъ выслѣдить невозможно, но каковыя знаетъ только работникъ, всегда работающій при одной печи: нины печи скорѣе плавятъ руду, если въ нихъ разомъ насыпать много руды и угля въ меньшомъ количествѣ. Шахтовые печи имѣютъ въ вышину двѣ сажени и наверху отверстіе. На одной изъ стѣнъ внутрь идетъ одно, а въ боковой стѣнѣ два отверстія одно надъ другимъ; нижнее во время плавки заплываетъ. Отъ стѣны передней насыпаютъ руду и уголь, отъ задней насыпаютъ самый уголь. Сыпаютъ въ печь руду не одной породы, но взятой изъ разныхъ мѣстъ, и главная заслуга мастера заключается въ томъ, чтобы умѣть смѣшать руды такъ, чтобы онѣ легко плавилась. Мѣхъ, воспламеняющій и увеличивающій печной огонь, двигается либо водянымъ, либо коннымъ приводомъ. Когда уже руда расплавится и придетъ въ жидкое состояніе, олово и серебро, какъ вещества тяжелѣйшія, сквозь всѣ слои угля сплывають на низъ, а шлакъ или окалина, черезъ верхнее отверстіе выплываетъ изъ печи. Два раза на день нижнее отверстіе пробиваютъ и выпускаютъ черезъ него олово въ формы, сдѣланныя изъ земли. Шахтовая печь, разъ затопленная, не остуживается до тѣхъ поръ, пока не испортится, что обыкновенно бываетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сообразно тому, сколько вытекаетъ окалины и олова, всыпаютъ въ печь въ то же время угля и руды.

Отдѣленіе серебра отъ олова производится въ плавильныхъ печахъ, сложенныхъ куполомъ и обмазанныхъ внутри огнеупорною глиною; съ боковъ печи имѣютъ нѣсколько отверстій, въ самой же серединѣ печи находится прямоугольная впадина, глубиною въ $1\frac{1}{2}$ дюйма; средняя величина печи бываетъ 2 сажени. Тутъ же, сбоку плавильной печи, находится обыкновенная печь, въ которой безпрестанно горятъ дрова; мѣхъ же гонятъ изъ нее въ первую печь воздухъ и пламя, которыя въ ней неустанно, какъ въ аду, кружатся и представляютъ эффектное зрѣлище.

Олово, добытое въ значительномъ числѣ въ шахтовыхъ печахъ, кладется въ плавильную и на него обращаютъ пламя. Олово растопляется скоро и жидкая масса его не скоро окисляется (т. е. соединяется съ кислородомъ воздуха), а такъ какъ недоокисъ олова есть проба легчайшая, то уносится вверхъ черезъ небольшой желобокъ, твердѣя въ главныхъ дверцахъ, и всплываетъ при помощи людей. Люди его вытаскиваютъ и переносятъ въ маленькую печку, имѣю-

щую едва кубическій аршинъ, плотно закрытую и наполненную горячими угольями; здѣсь недоокисъ олова окисляется и затѣмъ уже получается чистое олово въ отвердѣломъ видѣ. Операция окисленія совершается въ плавильной печи въ 3 либо 4 дня. Серебро, которое трудно соединяется съ воздухомъ, упадаетъ на низъ и осѣдаетъ во впадинѣ, о которой упомянуто выше. Признакомъ окисленія олова служить очень сильный блескъ серебра; когда уже олово совсѣмъ окислится и серебро получитъ чрезвычайный блескъ, гасятъ огонь и вливаютъ въ печь воды для скорѣйшаго охлажденія, а изъ впадины выдергиваютъ серебряную бляху, которая называется бликомъ. Каждый бликъ имѣетъ наверху различной величины пузырьки, изъ которыхъ, когда они лопнутъ, выливается серебро. При свободномъ охлажденіи печи бликъ встраивается и видно, какъ на его поверхности появляются пузырьки. Въ серебрѣ попадаются частицы золота, которое выдѣляютъ уже въ Петербургѣ.

Къ этимъ-то печамъ, наполненнымъ бѣлокалильнымъ жаромъ, въ эти-то штольни, идущія по направленію серебряныхъ жилъ, на яркій жаръ заводовъ и въ темный сумракъ рудниковъ начали посылать съ 1721 года преступниковъ изъ Россіи, приговоренныхъ въ каторжные работы. 10 февраля 1722 года именнымъ указъ, объявленный черезъ сенатъ, велѣлъ освобожденныхъ отъ каторжныхъ работъ въ Россіи и назначенныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь въ дальніе города, „послать и впредь таковыхъ посылать съ женами и дѣтьми въ Дауры на серебряные заводы“. До 1712 года правильной ссылки въ рудники не было и всѣ работы производились приписными крестьянами, переселенными изъ разныхъ мѣстъ Сибири въ видѣ рекрутъ *). Такъ, между прочимъ, при нерчинскихъ рудникахъ, въ 1708 году, водворены были 104 человекъ крестьянъ съ рѣки Енисея. въ 1722 году 900 семей изъ разныхъ сибирскихъ губерній. Въ 1759 году такихъ заводскихъ рабочихъ считалось уже 2.132 души, число которыхъ снова увеличено 3.398 душами. переселенными изъ Томскаго, Енисейскаго, Иркутскаго и другихъ уѣздовъ и нѣкоторыхъ сибирскихъ городовъ, не положенныхъ въ подушный окладъ и показанныхъ подъ именемъ посадскихъ и дѣховыхъ, а также не занимавшихся торгами и промыслами. Тогда же отъ нерчинской канцеляріи приписаны къ заводамъ Удинская слобода и Аргунскій острогъ со всѣми жителями. Мастеровые изъ Екатеринбургa, въ видѣ рекрутовъ, дополнили число опытныхъ, знающихъ горное дѣло рабочихъ. Въ 1833 году число приписныхъ крестьянъ считалось уже

*) Ссылка на Колывано-Воскресенскіе (т. е. Алтайскіе заводы) прекращена въ 1762 году (сенатскимъ указомъ 22 января).

17.709 душъ мужского пола; сверхъ того, 4.124 каторжныхъ мужчинъ и женщинъ въ работахъ, 220 дѣтей въ счетъ будущаго, 900 рабочихъ находилось на своемъ пропитаніи (изъ нихъ дѣтей 221), во временномъ увольненіи 116 (при нихъ дѣтей 8) и дряхлыхъ 96. Къ 1777 году выплавляли серебро отъ 500 до 600 пудовъ (изъ 800 т. руды отъ 35 до 200 пудовъ *).

Новоприбылые рабочіе крестьяне обязаны были рубить куренные дрова, разламывать кучи и возить изъ куреней на заводы уголь, рубить дрова для обжиганія флюсовъ, возить съ рудниковъ добытую готовую руду на заводы, также пески и всякіе флюсы, потребные къ выплавкѣ рудъ, дѣлать и починять плотины, поврежденныя наводненіемъ или пожаромъ. На рубку дровъ назначено было время съ 15 февраля по 20 апрѣля. Подъ опасеніемъ пени запрещалось употреблять крестьянъ въ другія работы, но запрещеніе это осталось на бумагѣ. Тягота состояла не въ этомъ и не въ томъ, что, для противоудѣйствія пьянству, запрещено было имѣть въ сибирскихъ заводахъ винные и пивные заводы и самую продажу производили только по праздникамъ, — нравственная тяжесть состояла въ томъ, что заводскіе крестьяне обязаны были работами вѣчными, безъ отдыха и награды и, освобожденные отъ подушнаго, они все-таки обязаны были предоставлять и дѣтей своихъ въ распоряженіе заводовъ. Рабочіе побѣждали воевъ, начали дѣлать мелкіе проступки неповиновенія. Пробовали раздѣлить заводскіе селенія на кварталы и учредить перемѣнные денные и ночные караулы; построены были будки и сдѣланы при въѣздахъ въ селенія рогатки. Предполагали со временемъ окружить всѣ селенія рвами и обставить такими же рогатками, но бѣды не отвратили нисколько. Сталъ извѣстенъ начальству всякій новоприбы-

лой, но не только не престѣклись разными злоумышленіями развратниковъ, старавшихся склонить заводскихъ и горныхъ людей къ преступленіямъ и побѣгамъ, но и въ самыхъ селеніяхъ не было ни благоустройства, ни безопасности. У воротъ въ сторожахъ сѣли старики, еще находившіеся въ силахъ и, во всякомъ случаѣ, свой братъ. Прибѣгали ко всевозможнымъ крутымъ мѣрамъ, но заводскіе — противъ собственной вины — устояли на своемъ правѣ, отбились отъ рукъ и архивныя дѣла вскорѣ начинаютъ ясно убѣждать въ томъ, что о людяхъ перестали думать. Начальство преусердно занялось рудами на видъ, на славу и удовольствіе высшихъ начальствъ и на приращеніе собственныхъ дыравыхъ кармановъ.

Въ тоже время подлѣ источниковъ богатствъ, обокъ съ рудниками, выстроились селенія; такимъ образомъ, стало такъ, что тамъ, откуда бѣжали даже кочевники, какъ случилось на Алтаѣ и въ Яблоновомъ хребтѣ, новые люди съ готовностью и изумительною быстротою выстроили новыя, постоянныя и прочныя жилища.

Горныя начальства разрабатывали старыя руды, приискивали новыя, распространяли развѣдки въ дѣйствующихъ рудникахъ, приобретали новыя руды. Нашедшія руду имѣли право на полученіе (но не всегда получали) по полукѣ съ пуда или по серебряному рублю съ каждаго фунта выплавленного серебра. За каждый пудъ полученныхъ изъ рудъ: ртути по 5 руб., олова по 1 руб., мѣди по 1 руб., свинца по 50 коп. и желѣза по 15 коп. асс. По 2 р. 50 к. асс. съ фунта положено было за выплавку чистаго золота до тѣхъ поръ, пока весь рудникъ не будетъ выработанъ. За открытіе прииска или рудника ближе 500 сажень отъ начальныхъ работъ дѣйствующаго рудника установлено было единовременное вознагражденіе, смотря по благонадежности мѣсто-нахожденія. Начальство посылало за поискомъ рудъ и нарочныя команды, принимало и готовило отъ разныхъ рудоконовъ съ товарищами; тратило большія деньги на покупку хлѣба для рабочихъ и оставило въ архивахъ множество дѣлъ, трактующихъ объ недостаткѣ хлѣба у того или другого пристава, въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мѣстные неурожаи, иногда по нѣскольку лѣтъ сряду, увеличивали бѣдствія голодовокъ и наполняли тяжелыми разказами первыя страницы исторіи нерчинскихъ заводовъ: то выустать ссыльныхъ на поруки, то служащихъ лицамъ уменьшать пропорцію промѣнта до полпинны, холостымъ до 1 пуда, женатымъ до 1½ пуда въ мѣсяцъ. Тянулася длинная война съ рабочими по вызову побѣговъ съ стороны послѣднихъ безъ уступокъ и перемирій *).

*) Въ нерчинскомъ заводѣ 446 муж. и 7 жен.; при кожевенной фабрикѣ, въ 17 верстахъ отъ завода, построенной на р. Аргуні въ 1789 г., ссыльныхъ рабочихъ 21; при суконной фабрикѣ въ томъ же селеніи, гдѣ и заводъ, устроенной въ 1832 г. и выдѣлывавшей шерстяную пестрядь или сукманину — 14 муж. и 11 жен.; въ Дучарскомъ заводѣ (въ 40 верстахъ отъ Нерчинскаго, въ 30 отъ Балтумы, основ. въ 1760 г.) 279 м. и 1 ж.; въ Кутомарскомъ (1764 г.), въ 70 вер. отъ Нерчинскаго и въ 3 отъ Екат. зан., 330 м. и 3 ж.; въ Газимурскомъ (1778 г.), 107 м. отъ Нерчин., 38 м. и 1 ж.; въ Александровскомъ (1792 г.) 120 м. и 1 ж.; въ Шилкинскомъ (1769 г., въ 170 в. отъ Нерчинска) 125 м. и 1 ж. По рудникамъ работало ссыльныхъ 1.931 м. и 28 ж.; на Воздвиженской дистанціи 373 м. и 7 ж., на Благодатской 165 м. и 2 ж., на Зерентуйской 255 м. и 4 ж., на Михайловской 51 м. и 1 ж., на Кадаинской 113 м. и 4 ж., на Кичинской материковыхъ и ссыльныхъ 363, на Алгачинской 238 м. и 2 ж., на Газимурской дистанціи 297 м. и 4 ж., Кулгунинской 41 м. и 4 ж., Шилкинской 18 м., на Ононскихъ оловянныхъ приискахъ 2 м.

*) Выслали и 50 человекъ тунгусскихъ казачковъ для поимки бѣглыхъ, усаживали и цѣлый полкъ (Селенинскій), между прочимъ, для той же

тѣвалась изрѣдка борба со своими по поводу тайной хищнической выплавки казенной руды (такъ, напр., писецъ Юренскій тайно плавилъ богатѣя руды при Кутомарскомъ заводѣ). Слышались непрестанныя жалобы на падежъ скота и, преимущественно, лошадей, истомленныхъ заводскими работами, не пользовавшимися еще въ тѣ времена приспособленіемъ водяныхъ машинъ. Начальство хлопотало о постройкѣ церквей при заводахъ, о заставкѣ овса и конопли и о защитѣ заводскихъ работъ пушками отъ набѣговъ воровъ съ китайской стороны**), прилагало стараніе и о пресѣченіи появившейся между крестьянами французской болѣзни, но, въ то же время, о наборѣ рекрутовъ, о взысканіи съ крестьянъ, не бывшихъ у исповѣди, штрафныхъ денегъ; дѣла усложнялись, положеніе заводовъ ухудшалось. Пробовали освобождать колодниковъ на поручительство „по маломѣрною дѣламъ“—отчасти облегчали ихъ участь, какъ будто давали имъ возможность набираться силами, но казенные заводы на казенныхъ рукахъ съ обязательными подневольными работниками не улучшались, съ того самаго времени, какъ управлялъ ими грекъ Левандіанъ. Пробовали пересаживаться по способу крыловскаго квартета, но и этимъ не достигли цѣли во всѣ времена, и когда съ 1700 г. упразднили; высылали изъ Россіи и метеряцкихъ казаковъ. Тунгусскіе казаки явились въ своемъ національномъ платьѣ изъ козлиныхъ кожъ съ луками, стрѣлами и при сабляхъ, но ссыльных не испугали и дороги имъ въ дѣсь не преградили.

**) Въ 1759 году рекомендовалось нерчинскимъ заводомъ предосторожность; въ 1765 году прикомандирована была гарнизонная рота для охраненія заводовъ отъ китайцевъ и неприятельскихъ набѣговъ. Впрочемъ, опасливость была излишняя и напрасная съ той поры, когда Головинъ, нерчинскимъ трактатомъ, прекратилъ несогласія съ Китаемъ, а сильный гетманъ Демянъ Многогрѣшнй разбилъ бурятъ на голову и застрашалъ ихъ до вѣчнаго подданства. Несогласія повидѣніи вызывали мелкіе набѣги и стычки со стороны мѣстныхъ жителей, вытѣсненныхъ съ култунскихъ копей (вблизи Большаго нерчинскаго завода). Судя по оставленнымъ ими плавленными печамъ, монголы знали цѣну нерчинскому серебру и унесли въ степь за Аргунь живыя преданія о серебряныхъ добродѣтеляхъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи побоялись и венгерцовъ, явившихся со своими завитыми и извѣстными на всю Русь яшиками съ контрабандными товарами и лекарствами; велили имѣть осторожность и отъ поляковъ, прїѣзжавшихъ въ той же обстановкѣ пишо-бродячей торговли. Въ томъ и другомъ случаѣ боязнъ имѣла характеръ политической предосторожности на случай государственныхъ движеній и возмущеній.

влялъ нерчинскими (тогда назвавшимися аргунскими) заводами рудный приказъ, съ 1711 г.—иркутское начальство, и когда съ 1115—1719 г. опять рудный приказъ, съ 1719 г. государственная бергъ-коллегія, съ 1736 г. бергъ-директоріумъ, а съ 1742 г. опять бергъ-коллегія; въ дѣлахъ заводскихъ былъ полный неуспѣхъ, они текли медленно, заводы упали.

Въ 1761 году опредѣленъ былъ на заводы командиръ, генералъ-маіоръ Вас. Иван. Суворовъ, снабженный особою инструкціею сената, отъ котораго онъ единственно и зависѣлъ. Инструкція эта давала полную свободу его дѣйствіямъ и затрудненія могли быть имъ скоро разрѣшаемы. 12 лѣтъ управлялъ онъ заводами и успѣлъ ихъ оживить и улучшить. Онъ былъ независимъ отъ губернатора, имѣлъ право производить въ чины до капитана, награждать и наказывать чиновниковъ. Такая обширная власть, по причинѣ большого удаленія отъ столицы, легко могла быть употреблена во зло, но Суворовъ воспользовался ею въ той мѣрѣ, что остановилъ злоупотребленія горныхъ чиновниковъ и достигъ выработки серебра до 240 центнеровъ. При немъ возросло число рудниковъ; построены три самыхъ главныхъ и большихъ завода: Дучарскій, Кутомарскій и Шилкинскій; найдены новые рѣки: Калчинскій, Воздвиженскій, Шилкинскій, Екатерининскій, Тайнинскій. Частный предприниматель купецъ Сибиряковъ, жившій въ Нерчинскѣ, въ значительной степени развилъ производство, приобрѣта себѣ нѣсколько рудныхъ мѣсторожденій. Въ 1774 году открыты были имъ рудные рѣски и построенъ заводъ, названный Воздвиженскимъ. По заключенному съ бергъ-коллегіею договору, онъ имѣлъ на рѣски право собственности; работалъ на Михайловскомъ, Кильгинскомъ, Воздаянскомъ, Покровскомъ, Цаганъ-Зеренскомъ и друг. У Суворова онъ пользовался защитою и покровительствомъ *). Въ Нерчинскомъ краѣ, въ соответствии алтайскому Деминову, Сибиряковъ въ то время былъ единственнымъ и дѣятельнымъ эксплуататоромъ рудныхъ богатствъ.

При командирѣ заводовъ Суворовѣ однообразная дѣловая жизнь горныхъ заводовъ подцвѣчена однимъ событіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, и притомъ вскорѣ по его прїѣздѣ за Байкалъ, а именно въ 1763 году.

*) Въ 1816 году какъ заводы, такъ и рудники съ рѣсками куплены у наследниковъ Сибирякова въ казну. На все имѣніе до этого времени наложенъ былъ секвестръ

II.

САМОЗВАНЕЦЪ ПЕТРЪ III.

Въ 1763 году въ нерчинскіе заводы при-
былъ, въ партіи арестантовъ, солдатъ Петръ
Чернышевъ. Колодникъ этотъ, подъ темнымъ
именемъ секретнаго арестанта, заключенъ
былъ въ тюрьму при Дучарскомъ рудникѣ.
Никто, конечно, не зналъ его прошедшаго, а
въ настоящемъ видѣли въ немъ только такого
колодника, который требовалъ болѣе или менѣе
осторожнаго и бдительнаго надзора. Употребляе-
мый днемъ въ рудниковыя работы, наравнѣ съ
другими, на ночь онъ отводимъ былъ въ осо-
бый, такъ называемый секретный казематъ, гдѣ
его и запирали. Такъ, по крайней мѣрѣ, по-
ступали съ нимъ въ первое время по прибытіи
въ заводы. Однако, не смотря на всю бдитель-
ность надзора, Чернышевъ успѣлъ завести зна-
комства не только съ соузниками (что было,
конечно, весьма легко), но и съ людьми посторо-
нными—крестьянами. Изъ этихъ знакомствъ
болѣе интересное свелъ онъ съ Иваномъ Се-
ребрянниковымъ, крестьяниномъ Уровской сотни,
деревни Лежанкиной. Крестьянинъ этотъ въ ве-
ликомъ посту пріѣзжалъ въ Дучарскій заводъ
крестить сына и, для принятія новорожденнаго
отъ купели, звалъ въ крестные отцы многихъ
заводскихъ служителей, но всѣ они, за неимѣ-
ніемъ денегъ, отъ предложенной чести отказа-
лись. Серебряниковъ, вѣрный завѣтному прадѣ-
довскому обычаю, пошелъ по заводу искать въ
кумовья перваго встрѣчнаго. Такимъ, по его
словамъ, на его глаза показался солдатъ, стояв-
шій въ то время у заводской тюрьмы, съ дву-
мя арестантами, изъ которыхъ Серебряниковъ
не зналъ ни одного. Не зналъ онъ и солдата
(Василія Шорохова), но, тѣмъ не менѣе, по-
спѣшилъ пригласить его въ кумовья; солдатъ,
однако, отказался, хотя указалъ на одного изъ
стоявшихъ съ нимъ арестантовъ, промолвивъ:
„Зови-де вотъ Петра Чернышева“. Чернышевъ
согласился; солдатъ Шороховъ привелъ его въ
домъ къ священнику Парлу Федорову. Тамъ
младенца окрестили; знакомство скрѣплено род-
ствомъ и Серебряниковъ недѣли черезъ три-
четыре, въ первый день Пасхи, послѣ заутре-
ни, приѣхавъ въ заводъ и къ тюремному острогу,
сквозь тынъ передавалъ уже своему куму Чер-
нышеву десятокъ яицъ и, пользуясь отсутстві-
емъ часового, говорилъ ему:

— Если тебѣ намѣреніе будетъ бѣжать, то
ты иди прямо ко мнѣ. Я тебя на дорогу хлѣ-
бомъ не оставляю, только ты меня не оговаривай.

Воспользовавшись приглашеніемъ кума, Чер-

нышевъ изъ тюрьмы бѣжалъ, но вскорѣ былъ
пойманъ. Для поимки его посланы были во
всѣ нерчинскія команды строгіе приказы, съ
предписаніемъ о возможно скорыхъ розыскахъ,
арестантъ-де опасный, секретный. При этомъ быв-
шій въ дучарской канцеляріи первымъ присут-
ствующимъ оберъ-бергмейстеръ Лодыгинъ вы-
сказался вслухъ очень многимъ тутъ быв-
шимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если бы
кто онаго Чернышева сыскалъ и, не убивъ до
смерти, представилъ, то бы я того человѣка
наградилъ деньгами и прямой тотъ человѣкъ
сынъ Божій“. Словами этими особенно заинте-
ресовался ссыльный распопъ Левъ Евдокимовъ,
который былъ опредѣленъ при томъ же заводѣ
къ обученію служительскихъ дѣтей къ грамотѣ.

Вѣшательство Евдокимова имѣло на дѣло
крупное вліяніе, повернуло его на настоящую
дорогу. Евдокимовъ въ подобныхъ дѣлахъ не
новичекъ: онъ уже въ Россіи подчинялъ свою
судьбу судьбѣ другого самозванца, бѣлаго сол-
дата ландъ-милиціоннаго полка Кремнева. Обсто-
ятельство это вынуждаетъ возвратиться нѣсколь-
ко назадъ.

Когда Кремневу удалось подобрать на Дону
свиту, увѣрить по пути многихъ, „что рекрутъ
и подушныхъ денегъ 12 лѣтъ брано не будетъ
и винное куреніе будетъ вольное“, когда съ
такими обнадеженіями явился онъ и въ Усман-
скій уѣздъ въ однодворческое село Приголку,
а потомъ въ село Новосолдатское, здѣсь мѣст-
ный священникъ Левъ Евдокимовъ, въ числѣ
первыхъ, повѣрилъ неграмотному солдату. По-
вѣрилъ онъ, какъ сказано въ указѣ, „безъ
всякаго затрудненія паче первыхъ (т. е. вы-
борнаго и десятскаго) по распутной и пьян-
ственной жизни своей не только самъ, но всѣхъ
еще вообще, хотя весьма ложными и советѣмъ
вѣроятія недостойными и развращенными дока-
зательствами подкрѣпилъ и увѣрилъ“ *).

Дѣло (по словамъ указа) происходило такъ.
Евдокимовъ пришелъ въ избу, гдѣ находился
Кремневъ. Кремневъ говорилъ ему:

— Попъ, поминай государя Петра Теодоро-
вича!

— Дай Богъ ему здравствовать!—отвѣтилъ
попъ и потомъ спросилъ:

*) При этомъ нельзя не замѣтить того важ-
наго обстоятельства, что и разглашенію Черны-
шева о себѣ, какъ объ императорѣ, помогали
также второй священникъ Иваницкій и первы-
ми повѣрили также лица духовнаго званія.

— Гдѣ онъ обрѣтается?

— Онъ поддѣ тебя сидитъ!—не задумавшись отвѣтилъ Кремневъ.

Евдокимовъ, при послѣднихъ словахъ, всталъ съ лавки и поклонился. Кремневъ снялъ со стѣны крестъ и велѣлъ Евдокимову цѣловать его, а равно руку и ногу. Левъ безпрекословно повиновался, а затѣмъ пѣлъ молебень о здравіи государя, поминалъ его на ектеніяхъ и на многолѣтіи и потомъ рассказывалъ всѣмъ своимъ прихожанамъ, что когда онъ былъ еще въ Петербургѣ дворцовымъ пѣвчимъ, то знавалъ императора маленькаго и нашивалъ его на рукавъ.

Увѣреніямъ священника изъ прихожанъ поддались до того, что стали приходить къ Кремневу, цѣловали у него руки и ноги и называли его императоромъ. Первыми поддались увѣреніямъ Евдокимова однодворецъ села Новосолдатскаго Осипъ Ѳедюнинъ, дяконъ того же села Максимъ Игнатьевъ и дякоуъ Василій Ѳедоровъ, случайно пріѣхавшій въ село на то время, когда уже около избы Кремнева стояла толпа довѣрчиваго народа.

Толпа эта была велика. Въ ней, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, находилось весьма много и такихъ, которые пришли изъ окрестныхъ селъ и деревень. Были тутъ и крестьяне, были и отставные солдаты и, наконецъ, даже лица духовнаго званія. Между крестьянами или (какъ сказано въ указѣ) однодворцами рѣзче другихъ выдавались пять выборныхъ, два десятскихъ. Изъ отставныхъ солдатъ отмѣчены указомъ три сержанта, вахмистръ, два капрала, фурьеръ, подпрапорщикъ и даже одинъ поручикъ (также отставной). Изъ лицъ духовнаго званія записаны въ сочувствіи къ дѣлу Кремнева три попа, три дякона, трое поповыхъ дѣтей, два церковника, дячекъ. Сверхъ того, оказались причастными къ дѣлу двое цыганъ и одинъ воронежскій купецъ.

Примѣтная цифра лицъ духовнаго званія дала право заключить положительнымъ образомъ, что всѣ они привлечены были къ самозванцу разглашеніями Льва Евдокимова, который дѣйствовалъ на нихъ не только личнымъ участіемъ, но и черезъ посредство жены своей и жены однодворца Уколова *).

Къ собранной, такимъ образомъ, около квартиры Кремнева толпѣ вышелъ прежде всѣхъ одинъ изъ крестьянъ, прибывшихъ въ село Новосолдатское вмѣстѣ съ самозванцемъ. Выйдя къ народу, крестьянинъ этотъ закричалъ толпѣ: „Становись на колѣни!“ Всѣ повиновались. Затѣмъ вышелъ изъ избы самъ Кремневъ, держа въ рукѣ крестъ. Всѣ, такимъ образомъ, цѣловали этотъ крестъ, цѣловали у Кремнева

руку и потомъ ногу, не исключая поповъ, отставныхъ солдатъ, поручика Саввы Романова и женщинъ. Всѣ они были искренни въ своихъ движеніяхъ, исключая подпрапорщика Алексѣя Внукова, который, „хотя, по увѣренію распопа Льва, у самозванца руку вообще между множества народа и цѣловалъ“, однако, въ то же время попу Евдокимову упомянуть, что государь Петръ III умеръ, а выборному, изъ однодворцевъ совѣтовалъ послать нарочнаго, чтобы оповѣстить обо всемъ случившемся воеводу. Церковникъ Филиппъ Петровъ имѣлъ намѣреніе „испросить у самозванца паспортъ и не болѣе только, какъ посмотри самозванцу въ рожу, ушелъ въ домъ свой“.

Устойчивѣе въ своихъ дѣйствіяхъ и самостоятельнѣе въ личныхъ убѣжденіяхъ передъ всѣми другими былъ все-таки Левъ Евдокимовъ. Когда изъ Воронежа, для поимки самозванца, прислана была воеводоу Елинымъ гусарская команда и пріѣхалъ потомъ самъ воевода Евдокимовъ не только самозванца не отдалъ, но и народу приказывалъ не выдавать. Дѣятельными помощниками его въ этомъ дѣлѣ были поповы сыновья, изъ которыхъ Иванъ Ѳомиинъ (послѣ того, какъ воевода собственно-ручно связалъ Кремнева) говорилъ самозванцу:

— Если бы я тогда былъ, какъ тебя воевода вязалъ, то я бы пятьдесятъ человѣкъ положилъ.

И затѣмъ не отставалъ онъ отъ самозванца до тѣхъ поръ, пока его взяли подъ караулъ. Точно такимъ же образомъ не покидалъ Кремнева и другой поповъ сынъ—Акимъ Поповъ. Онъ успѣлъ тайно уйти съ нимъ на другой дворъ, гдѣ обулъ его въ лапти.

Меньшее участіе къ судьбѣ Кремнева (послѣ того, какъ онъ потерялъ свое дѣло) оказали отставные: четверо изъ нихъ „хотя къ отдачѣ онаго Кремнева и не способствовали, однако, совѣтовали другимъ, чтобы его отвести въ губернскую канцелярію“ *). Отставной же капралъ Василій Пальчиковъ, не оказавъ никакого сопротивленія при арестованіи самозванца, согласился отвезти его въ Воронежъ, когда на другой день выборный сдѣлалъ ему это предложеніе („препозицію“—какъ сказано въ указѣ). Выборный Семень Черный, когда пришла команда, Кремнева не только не выдалъ, но и взятый у офицера приказъ держалъ у себя, а выйдя потомъ къ народу, выговорилъ, что онъ за Кремнева кровь прольетъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣло самозванца было проиграно, онъ скованнымъ былъ отвезенъ въ Воронежъ. За нимъ послѣдовали туда же и подъ караулъ всѣ его сообщники, въ числѣ 69 человѣкъ. Указъ Екатерины рѣшилъ освободить

*) Уколова дала самозванцу шубу и потомъ ѣздила съ пошадкою въ другое село для разглашенія.

*) Одинъ изъ нихъ, Тибекинъ, былъ въ числѣ другихъ, разглашавшихъ о томъ, что въ селѣ между ними находится императоръ.

Кремнева отъ смертной казни, но повелѣлъ: „Въ страхъ другимъ такого отчаяннаго свойства людямъ, во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ о себѣ показанныя ложныя разглашенія чинилъ, при собраніи народа, который ему безразсудно повиновался и легкомысленно вѣрилъ, съѣзжати въ каждое село по нѣскольکو ударовъ. Въ обличеніе же явнаго его злодѣйства, привязать на грудь доску, съ надписью большими словами: Бѣглецъ и самозванецъ! а въ послѣднемъ селѣ, по наказаніи, выжечь на лбу В и С и потомъ послать въ Нерчинскъ въ вѣчную работу.

„Евдокимовъ за всѣ возмутительныя преступленія, яко нарушитель присяги, народнаго блаженства и спокойствія и не раскаявшійся о содѣянномъ злѣ человекъ, по правамъ и законамъ государственнымъ, достоинъ неминучемо жесточайшей смертной казни. Но мы, однако, по приращенному въ насъ человѣколюбію и что онъ, распопъ, сія всѣ злодѣянія чинилъ единственно отъ самаго вкоренившагося въ немъ пьянства и жадности къ оному, такъ и по распутной и развращенной жизни и невѣжеству, а сверхъ всего, что онъ въ ономъ своемъ злодѣяннѣ при распросѣ, безъ истязанія, признался также, что сіе учиненное имъ зло имѣетъ образомъ съ разумомъ и человѣчествомъ соображаемо не было,—отъ смертной казни (оставляя ему единственно послѣдніе дни жизни его о содѣянномъ имъ злѣ на раскаяніе) всемилостивѣе освобождаемъ, а повелѣваемъ: во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ онъ свои клятвopреступническія и измѣнническія чинилъ увѣренія и подписи, учинить наказаніе по нѣскольکو ударовъ кнутомъ, привязавъ на груди доску, съ надписью большими литерами: Помощникъ самозванцу и народнаго спокойствія нарушитель и лжесвидѣтель. А по наказаніи въ послѣднемъ селѣ выжечь на лбу знаки, двухъ словъ первыхъ литеръ, то есть ложный свидѣтель, а потомъ послать въ Нерчинскъ, въ работу вѣчно“ *).

*) Били кнутомъ еще однодворца Федюнина (за то, что разглашалъ, будто бы онъ самозванца въ бытность въ Петербургѣ выдалъ); били кнутомъ выборнаго Чернаго, но оставили обоихъ на прежнемъ мѣстѣ жительства; били плетми попова сына Попова, попова сына Фомина и обоихъ крестьянъ г. К. Олориваго («яко помѣщичьихъ воровъ»—прибавлено въ указѣ). Поповъ по наказаніи освобожденъ, а крестьяне отосланы на старое жилище, куда принадлежать. Изъ числа 25 крестьянъ пять человекъ, по жеребью, также выѣчены были плетми и потомъ всѣ рапущены. Четверо выборныхъ также наказаны были плетми; восемь человекъ солдаты изъ команды бывшаго фурыора Будинова велѣно наказывать каждого передъ своею ротю батогами съ легка, опредѣлить въ службу попрежнему. Всѣхъ лицъ духовнаго званія (поповъ, дьяконовъ и церковниковъ) поддерживать подъ карауломъ, въ тюрьмѣ, нѣсколько недѣль на хлѣ-

бъ и нерчинскихъ рудникахъ имя Кремнева пропало безслѣдно, но Левъ Евдокимовъ не измѣнилъ себѣ и о себѣ напомнилъ, сдѣлавшись участникомъ подобнаго же рода дѣла въ самозванствѣ солдата Петра Чернышева.

Отправляемъ слѣдомъ за нимъ за Байкаль на Дучарской горный заводъ.

Евдокимовъ этотъ, по личному сознанию, началъ въ Дучарскомъ примѣчать „и подлинно онъ, Чернышевъ, но отличный ли какой человекъ“. Разъ, когда Чернышевъ уже пойманъ былъ изъ бѣговъ, Евдокимовъ пришелъ въ мусорную, гдѣ на то время нашъ секретный арестантъ находился на работѣ. Съ нимъ изъ солдатъ никого не было, былъ только одинъ сторожъ изъ ссыльных, Феклисть. Евдокимовъ принесъ съ собою осмину вина, поилъ этимъ виномъ сторожа, поилъ больше Чернышева и спрашивалъ (вѣрнѣе подговаривалъ, прозавъ, что Чернышевъ—человекъ одного закала съ Кремневымъ).

— Какой ты подлинно человекъ?

Чернышевъ, съ великою клятвою и со слезами на глазахъ, объявилъ, что онъ бывший императоръ Петръ Третій, и при этомъ просилъ Евдокимова разглашать о томъ подъ рукою всѣмъ, кого онъ признаетъ болѣе благонадежными и опасливыми, примолвить:

— Ежели ты будешь разглашать, то намъ обоимъ будетъ najиточно.

бѣ и на водѣ, а потомъ «отослать къ епархіальному архіерею, для свидѣтельствванія—способны ли они впередъ остаться въ прежнихъ своихъ яваніяхъ и мѣстахъ? Тотъ же арестъ въ тюрьмахъ, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ, присужденъ былъ и всѣмъ остальнымъ изъ обвиненныхъ: «Такъ какъ они къ послушанію самозванца приследины ложнымъ увѣреніемъ и свидѣтельствомъ распопа Льва, такожь будучи ослѣплены такимъ же презрѣннымъ послушаніемъ приходивъ сихъ причетниками, коихъ они, по своей глупости, не менѣе считаютъ какъ людьми во всемъ передъ собою знающими, такъ какъ необыкновенное оное надъ ними приобрѣтають начальство». Двѣ женщины освобождены, безъ всякаго наказанія, вмѣстѣ съ подпрапорщикомъ Внуковымъ, сержантомъ Колесниковымъ и дьячкомъ Иваномъ Поповымъ. Отставной поручикъ Савва Романовъ былъ лишенъ двухъ чиновъ, содержался на хлѣбѣ и на водѣ двѣ недѣли и потомъ освобожденъ. Воронежскаго батальона фурыеръ Иванъ Бурдиновъ, за то, что повиновался и исполнялъ приказанія самозванца (вздилъ по селамъ и разглашалъ о прїѣздѣ императора, привлекъ на свою сторону 8 человекъ вѣрнной ему команды и, наконецъ, прїѣхалъ въ Воронежъ для занятія Кремнухи квартиры)—былъ прогнанъ съвозъ «трой черезъ тысячу человекъ шесть разъ и записанъ потомъ въ солдаты въ тотъ же батальонъ «для примѣру другихъ», какъ сказано въ указѣ. Пьянство, сжадность къ оному, необузданное, врожденное буйство, сопряженное съ глубокимъ невѣжествомъ, подлое несмысленное состояніе людей непросвѣщенныхъ, слабый смыслъ, недоразуміе и легкомысліе.—вотъ тѣ облегчающія причины, которыя были признаны указомъ къ смягченію приговора и объявлены всѣмъ обвиненнымъ.

Евдокимовъ, разумѣется, не замедлилъ воспользоваться совѣтомъ и для этого постѣшилъ заручиться товарищемъ. Попался бывалый и какъ разъ пригодный для дѣла. Одинъ ссыльный, Иванъ Карповъ, рассказывалъ, что, въ бытность его въ услуженіи у грузинскаго царевича Георгія въ Москвѣ, Петра III видалъ и что секретный арестантъ, Петръ Чернышевъ, имѣлъ съ нимъ поразительное сходство. Другой приписной изъ ссыльных, Кузьма Фирсовъ, увѣрялъ, что онъ дѣйствительно Петра III видалъ въ Петербургѣ, въ 1763 году, въ тайной канцеляріи, и что Чернышевъ „на лицо таковъ же, какъ и императоръ“.

Согласившись и столкнувавшись такимъ образомъ, эти двое изъ ссыльныхъ начали распространять подъ рукою и подъ секретомъ, что Чернышевъ не простой человѣкъ, и рассказывали это сначала исключительно въ одномъ заводѣ между мастеровыми и рабочими. Первымъ повѣрилъ ихъ словамъ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Въ началѣ 1768 года, находясь въ той же мусорной на работѣ, онъ, между прочими разговорами, спросилъ Чернышева.

— Какой ты человѣкъ бывалъ?

На что Чернышевъ отвѣчалъ, что онъ бывший императоръ Петръ Третій.

— Какъ же ты попалъ сюда въ заводы?

— Вывши въ Воронежской губерніи, для осмотра состоявшихъ тамъ полковъ, подъ видомъ солдата былъ пойманъ и посланъ въ здѣшніе нерчинскіе заводы въ ссылку, не повѣря тому, что я такой великій человѣкъ.

То же самое сказывалъ Чернышевъ еще шести человѣкамъ.

Нѣсколько дней спустя, пришелъ въ плавильную фабрику Кузьма Фирсовъ и при тѣхъ же шести человѣкахъ долго и пристально смотрѣлъ на работавшаго Чернышева, а отойдя въ сторону, говорилъ мастеровымъ: „что-де этотъ колодникъ не Чернышевъ, но подлинно Петръ III“.

Всѣ эти рассказы возымѣли желанный успѣхъ. Въ тюрьму къ Чернышеву начали приходиться многіе изъ заводскихъ служителей и дарить ему кто что могъ: одни приносили деньги, другіе—вещи. Всѣ эти подарки „чинены были единственно въ томъ чаяніи, ежели онъ освободится, то-бъ ихъ не оставилъ и отъ заводскихъ работъ уволилъ“. Въ этомъ же увѣрялъ ихъ и сообщникъ Чернышева — Евдокимовъ. Волге всѣхъ довѣрился обѣщаніямъ, какъ Чернышева, такъ и Евдокимова, заводскій служитель Бабинъ. Къ нему Чернышевъ хаживалъ неоднократно „чаю пить, обѣдать и получалъ другія вспомошествованія въ пропитаніи“, всегда увѣряя Бабина въ томъ, что когда освободится, то сдѣлаетъ его генераломъ. То же самое обѣщалъ Чернышевъ и другимъ и, между прочимъ, пробирному ученику Семену Вѣлому, пріѣзжав-

шему въ то время изъ Вольскаго нерчинскаго завода въ Дучарской на побывку къ отцу—„сереброраздѣлительному мастеру“. Отецъ Семена Федоръ Вѣло уже держалъ сторону Чернышева, водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль и помогалъ ему во всемъ, чѣмъ только могъ.

Устроивъ знакомства въ заводѣ, заговорщики стали дѣйствовать смѣлѣе и открытѣе далеко на сторонѣ. Вольшую энергію въ этомъ дѣлѣ показывалъ, конечно, Евдокимовъ. Онъ водилъ въ тюрьму многихъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ случайно въ заводъ, и показывалъ имъ Чернышева. Между прочимъ, привелъ онъ къ нему крестьянина Городищенской слободы Петра Забынна, „называемаго, по народной модѣ, Шебаршею“. Шебарша видѣлъ Чернышева, далъ ему два рубля денегъ, долго съ нимъ разговаривалъ и, уходя, обѣщалъ ему помогать во всемъ. Въ тотъ же день приходитъ къ Чернышеву въ плавильную фабрику сынъ Шебарши съ казакомъ Тараскимъ. Оба они, „посмотря на Чернышева и не сказавши ему ничего, дали денегъ каждый по полуполтиннику“ и ушли.

Знакомство съ Шебаршею важно было для заговорщиковъ по тому обстоятельству, что Шебарша этотъ былъ крестьянинъ зажиточный самъ по себѣ и, сверхъ того, находился въ близкихъ и пріятельскихъ отношеніяхъ съ тунгусскими князьями Гантимуровыми. Князья были сильны и богатствомъ своимъ и тою матеріальною поддержкою, которая заключалась въ войскахъ, находившихся въ командованіи и распоряженіи ихъ. Шебарша и въ заводѣ Дучарскій (богда свелъ знакомство съ Евдокимовымъ и Чернышевымъ) пріѣзжалъ именно по дѣлу одного изъ этихъ князей (Алексѣя) со скотомъ, который поставлялъ Гантимуровъ для заводскихъ людей. Кроме того, Шебарша находился въ родственной связи съ крестьяниномъ Серебрянниковымъ, первымъ повѣреннымъ самозванца Чернышева.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, Евдокимовъ, съ вѣдома и по согласію съ Чернышевымъ, приходилъ къ нему въ 1768 году въ Филипповъ постъ, въ кузницу, гдѣ Чернышевъ находился въ шабашное время на работѣ, когда другихъ рабочихъ тамъ не было, и говорилъ ему о своемъ намѣреніи послать нарочнаго съ письмомъ къ князю Гантимурову и къ крестьянину Шебаршѣ.

— Они,—увѣрялъ Евдокимовъ:—пришлютъ тебѣ, для пропитанія, денегъ и другихъ пожитковъ.

Чернышевъ согласился. Евдокимовъ привелъ къ нему приписного изъ ссыльныхъ въ Уровской сотнѣ Максима Косыхъ, который и писалъ эти письма подъ диктовку Евдокимова. Письма эти взялся доставить этотъ же Косыхъ—и доставилъ. Вернувшись въ тотъ же Филипповъ постъ, привезъ онъ къ этой кузницѣ и отдалъ Чернышеву 18 руб. деньгами, 1½ пуда говяжьяго

мяса, 35 фунтовъ коровьяго масла, двѣ туши бараньяго, бѣлой шерсти лошадь. При этомъ Косыхъ сказывалъ, что князь Гантимуровъ прислалъ 4 р. денегъ, тушу баранины, говяжье мясо и масло коровье безъ вѣсу; Шебарша — лошадь и 3 р. денегъ, остальное (по два руб. денегъ)—нерчинскіе казаки Григорій Тарской и Михай Курбатовъ и другіе люди. А князь-де Гантимуровъ приказывалъ сказать, чтобы Чернышевъ, „какая ему въ пропитаніи и одеждѣ нужда будетъ, прислалъ бы къ нему нарочныхъ, съ конями-де онъ и будетъ присылать къ нему все, потребное для него, и ни въ чемъ не оставитъ; ему же (князю) самому присылать нельзя. Если онъ (т. е. Чернышевъ) хочеть на волю, то бы прислалъ отъ себя письмо, почему онъ, Гантимуровъ, соберетъ команды своей тунгусовъ и возьметъ его изъ тюрьмы разбоетъ, и что онъ будетъ повелѣвать—туда и повезетъ. „Если же и въ заводъ бы пріѣхали,—наказывалъ сказать Гантимуровъ: — тамъ у меня-де ни оди́нъ человекъ и въ окно выглянуть не посмѣетъ“ *).

*) Князья Гантимуровы наводили страхъ на горняки и другія начальства и пользовались почетомъ въ тѣ времена, когда еще не остыло уваженіе къ государственнымъ и политическимъ заслугамъ ихъ предковъ. Вотъ коротенькая исторія этого княжескаго рода. Въ 17 вѣкѣ одинъ изъ князей Гантимуровыхъ владѣлъ въ Китаѣ землями и получалъ, въ качествѣ вассала, три слѣтка золота и 1.200 ланъ серебра. Во время войны китайцевъ съ русскими его послали впереди китайскаго и тунгусскаго войска на завоеваніе Камарскаго острога на Амурѣ. Гантимуръ безъ боя возвратился домой и, боясь наказанія, съ женами, родными, дѣтьми, въ количествѣ 500 душъ тунгусовъ, ушелъ въ Сибирь и принялъ русское подданство. Въ 1685 г. онъ крестился съ именемъ Петра, а сынъ его Катанъ назвался Павломъ. Его обезпечили имѣніемъ и дали власть надъ 12-ью тунгусскими родами и съ титуломъ князя внесли въ книгу княжескихъ родовъ. Впослѣдствіи царь вызвалъ его въ Москву. Гантимуръ съ двумя сыновьями и Сахалтуемъ, однимъ изъ тунгусскихъ старшинъ, получившимъ потомственное дворянство, пустился въ путь. На дорогѣ, въ Нарынѣ, старикъ Гантимуръ умеръ, а сынъ его Катанъ съ братомъ Чикулаемъ и Сахалтуемъ благополучно прибыли въ Москву. Катанъ воротился въ Нерчинскъ и управлялъ тунгусами, а Чикулай вступилъ въ русскую службу и уже не возвращался въ Сибирь. Катанъ отъ крещеной жены имѣлъ сына Иларіона; онъ, какъ царскій стольникъ, получалъ ежегодной пенсін 40 р. асс., 20 ведеръ водки, 40 четвертей хлѣба, 20 четвертей овса, соль и крупу. Богдыханъ, послѣ побѣды Гантимура, посылалъ къ нему пословъ, которые должны были склонить его къ возвращенію и привезли ему въ подарокъ золото, серебро, богатый поясъ и сбрую. Гантимуръ подарковъ не принималъ и не возвращался. Тогда послано было войско схватить его; китайское войско встрѣтилось съ Гантимуромъ на горѣ Умыкей, въ 15 верстахъ отъ Нерчинска. Произошла битва: Гантимуръ былъ раненъ, а китайцы разбиты. При заключеніи Нерчинскаго трактата

Косыхъ за эту комиссію получилъ денегъ 30 коп. да соврасую лошадь. Остальныя вещи Чернышевъ передалъ „для поклажи“ двумъ заводскимъ кузнецамъ. У нихъ же пряталъ онъ и другіе подарки, которые поступали къ нему въ большомъ количествѣ. Великимъ постомъ того же (1772) года навѣстилъ Чернышева его кумъ Серебряниковъ и принесъ ему въ подарокъ крупы. Чернышевъ, воспользовавшись такимъ благопріятнымъ случаемъ, просилъ Серебряникова сходить къ князю Гантимурову, на что тотъ согласился и, вернувшись вскорѣ въ заводъ, принесъ три туши бараньяго мяса, шубу и 12 руб. денегъ; кромѣ того, 5 фунтовъ коровьяго мяса и лисацу. Часть подарковъ шла отъ князя, часть отъ Шебарши и отъ неизвѣстныхъ. Чернышевъ, отпуская кума, велѣлъ ему сказать казаку Тарскому, чтобы онъ разглашенія объ немъ дѣлалъ исключительно между богатыми. Напутственные совѣты эти имѣли успѣхъ: Алексѣй Гантимуровъ прислалъ мерлушчатую шубу, крытую китайкою; два другіе его брата, видѣвъ сложившихся, отправили семь рублей денегъ, братскій лама прислалъ также деньги; нѣкоторые крестьяне подарили волковъ, шкуры которыхъ Серебряниковъ продалъ дорогою, а деньги, равно и всѣ вещи, отдалъ Чернышеву. Чернышевъ, въ свою очередь, часть подарковъ продавалъ, другою подѣлился со своими друзьями, изъ которыхъ все-таки Евдокимовъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе и неуспѣшнѣе. Онъ тѣмъ же временемъ продолжалъ отъ имени Чернышева собирать подаянія, которымъ велъ счетъ и счетъ этотъ записывалъ въ собственныя свои печатныя святцы вмѣстѣ съ именами „милостивцевъ“. Милостивцевъ этихъ привелось ему записать въ эти святцы свыше десяти человекъ, а по счету всѣхъ пожертвованныхъ денегъ оказалось на лицо болѣе 40 руб., кромѣ всякаго рода рухляди и живности.

Ободренные такимъ неожиданнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ, которому они предвидѣли скорый конецъ,—особенно послѣ того, какъ всѣхъ ихъ едва не предалъ пробирный ученикъ Семень Бѣлой,—заговорщики завели дѣятельную переписку со всѣми своими благотворителями. Самъ Чернышевъ, какъ оказалось впоследствии, не умѣлъ ни читать, ни писать, хотя разъ и хвастался передъ кузнецами въ плавильной, что

1689 г. китайскіе посты настойчиво требовали выдачи Гантимура, но его отстояли. Тунгусы Гантимура получили земли на Шилѣ, Газимурѣ, въ Куенгѣ, на степяхъ Аргунскихъ по Онону. Впослѣдствіи изъ тунгусовъ ононскихъ собрали казачій полкъ, который съ тѣхъ поръ и оставался подъ командою Гантимуровыхъ. Современный намъ князь тунгусскій служилъ въ военной службѣ, дослужился до капитанскаго чина и возвратился за Байкалъ въ деревню Урульгу, находящуюся на нерчинскомъ трактѣ за Читою въ 25 верстахъ отъ Кайдалова,—совершенно русскимъ человекомъ.

„умѣть по нѣмецки, по латыни и по русски“. Переписку за Чернышева вели другія лица: сначала самъ Евдокимовъ (который и пряталъ всѣ письма у себя въ школѣ подъ крышею), потомъ пробирный ученикъ Семенъ Бѣлой, и наконецъ, плавильный мастеръ Иванъ Карповъ. Другой же Карповъ (изъ ссыльных) читалъ всѣ присланныя письма Чернышеву и онъ же съумѣлъ склонить на сторону самозванца другого богатого и тароватаго крестьянина деревни Батаканской (Уросовской сотни) Осипа Коренева, носившаго прозвание Дубленого. Явился къ нему Карповъ просить милостыни. Дубленый далъ ему 50 коп. на всѣхъ колодниковъ, содержащихся въ Дучарскомъ заводѣ. Получая деньги, Карповъ выговаривалъ Дубленому:

— Для чего ты мало даешь, да и то на всѣхъ колодниковъ? Я прошу на одного только великаго человѣка, котораго я знаю и который не Чернышевъ, а подлинно императоръ Петръ III. Потому-то надо послать къ нему поболѣ и принытъшнихъ случаяхъ его не оставить, а онъ, когда освободится, тогда ничѣмъ не оставитъ и покажетъ милость: освободитъ отъ заводскихъ работъ и чѣмъ ни есть наградитъ. Я, Карповъ, для него ѣзжу и прошу у многихъ людей на него для пропитанія, почему и есть отъ многихъ довольная подача.

Сказавъ все это, Карповъ засвидѣтельствовалъ клятвою передъ образомъ. Кореневъ всему сказанному повѣрилъ и выдалъ для Чернышева 3 рубля денегъ. Черезъ полгода Карповъ пріѣзжалъ къ Дубленому во второй разъ и, сказавъ тѣ же обѣщанія, получилъ еще три рубля. Еще черезъ полгода пріѣзжалъ къ нему же другой посланный изъ тюрьмы отъ Петра Чернышева, крестьянинъ Серебряниковъ *), который обѣщалъ Дубленому ту же свободу отъ заводскихъ работъ. Дубленый, принимая въ соображеніе, что сынъ его находился въ Дучарскомъ заводѣ на службѣ счетчикомъ и въ чаяніи будущей свободы, выдалъ Серебряникову еще пять рублей, а чтобы удостовѣриться въ истинѣ его словъ, самъ поѣхалъ въ заводъ повидаться съ сыномъ и посмотреть на Чернышева. На улицѣ въ заводѣ встрѣтился ему Карповъ, который тотчасъ же попросилъ у него на Чернышева хлѣба и, такимъ образомъ, выговорилъ у Дубленого пудовъ до 5 ярицы. Съ Чернышевымъ Дубленый видѣлся наединѣ, долго разговаривалъ, обѣщалъ и впредь помогать. Но чтобы все это дѣло оставалось втайнѣ, рекомендовалъ ему посредника въ лицѣ

регистраторскаго человѣка. Регистраторъ самъ—какъ оказалось впоследствии, —принималъ косвенное участіе въ дѣлѣ: хлѣбъ принимали его люди, продавали потомъ (по 35 коп. за пудъ) и деньги приносили регистратору (одинъ Дубленый переслалъ, такимъ образомъ, до 25 пудовъ). Регистраторъ молчалъ, давая тѣмъ возможность сообщникамъ Чернышева расширить предѣлы ихъ заговора.

Въ домѣ кузнецовъ, у которыхъ складывали заговорщики лишнюю подарочную рухлядь, сходились они по временамъ для попойекъ. Вино покупалось въ Бянкинѣ. За нимъ ѣздили поочередно Карповъ (плавильный мастеръ) и Серебряниковъ (крестьянинъ). Серебряниковъ на одной изъ этихъ пирушекъ, обратившись къ Чернышеву, говорилъ:

— Ты, Чернышевъ, какъ можно изъ тюрьмы бѣги и приходи ко мнѣ въ домъ; я хлѣбомъ не оставляю и провожу до князя Гантимурова, а онъ, по обѣщанію своему, тебя не выдастъ и взять у него уже некому. Князь наказывалъ мнѣ, чтобы ты прислалъ къ нему письмо своей руки, а чужимъ—де письмамъ онъ не вѣритъ. Тогда князь соберетъ тунгусовъ и казаковъ сотъ до трехъ, а можетъ и до пяти сотъ, и тебя сильно возьметъ и увезетъ сперва къ себѣ въ домъ, а потомъ представитъ въ Петербургъ“.

Последніе совѣты спутали заговорщиковъ: во 1-хъ, невозможно было послать къ Гантимурову собственноручнаго письма Чернышева, а во 2-хъ, они опасались за крайній результатъ—именно представленіе самозванца прямо въ Петербургъ. Рѣшено было дѣйствовать иначе. Побѣгъ Чернышева признавъ былъ пока единственнымъ средствомъ къ приведенію въ исполненіе нѣкоторыхъ намѣреній, но не всѣхъ.

Ив. Карповъ (ссыльный), только что вернувшійся съ новыми подарками отъ Дубленого (состоявшими изъ свѣжей рыбы, пшеничной муки и куриныхъ яицъ), совѣтовалъ прибѣгнуть къ посредству Дубленого. Дубленого онъ упроталъ скрыть ихъ на время въ безопасномъ мѣстѣ, на случай побѣга изъ завода. Дубленый обѣщался перевести ихъ черезъ Аргунъ въ лодкѣ на китайскую границу, гдѣ найдеть нѣтъ такое мѣсто, что ихъ никто не найдетъ. Пищу также не оставитъ, только бы приходило ихъ съ Чернышевымъ немного. На тотъ конецъ сосѣдъ Дубленого, приписной изъ ссыльных Федоръ Шулятевъ, въ ожиданіи ихъ прихода, обѣщался спать въ приготовленной для того лодкѣ. Денегъ этого Шулятевъ, по словамъ Карпова, прислать не могъ ни копейки, но письмомъ къ нему посланное получить.

— Потомъ, когда минется погоня, — говорилъ Карповъ по наказу Дубленого:—Дубленый отвезетъ насъ къ Гантимурову на своихъ

*) Карповъ оказался впоследствии неискреннимъ комиссіонеромъ: денегъ не отдалъ, вещи распродалъ и полученное за нихъ расходовалъ лично на себя; Чернышеву же и сообщникамъ его обо всемъ этомъ не давалъ знать. Ходилъ Карповъ за подальшею по фальшивому увольнительному виду, написанному Львомъ Евдокимовымъ.

лошадей или куда бы Чернышевъ самъ похотѣлъ.

Эта вѣсть и, особенно, самое послѣднее обѣщаніе всѣмъ заговорщикамъ понравились. Рѣшено было произвести побѣгъ изъ кузницы, тѣмъ болѣе, что всѣ почти кузнецы были ихъ единомышленниками. Случай къ тому вскорѣ представился.

Выбрали для побѣга такъ называемое шабашное время, а именно тотъ день, „когда всѣ кузнецы невѣдомо для чего повѣщены были въ контуръ“. Остались въ кузницѣ только Чернышевъ, кузнецъ Хромовъ и слесарный ученикъ Лебедевъ, „которые о побѣгѣ Чернышева какъ-то догадались и въ тотъ часъ донесли управителю Протодыкову“. Управитель приказалъ Чернышева „къ ночамъ“ приводить въ контору и содержать тамъ на стѣнной цѣпи, но слѣдствія о причинахъ къ побѣгу не производилъ.

Эта неудача Чернышева возмѣтила успѣхъ съ другой стороны. Съ того времени приношенія къ нему сдѣлались чаще и обильнѣе, сообщники и помощники его—ретивѣе: одинъ Серебряниковъ успѣлъ сходить къ 12 человѣкамъ и отъ каждаго изъ нихъ принести по подарку. Участіе къ судьбѣ Чернышева удвоилось съ той поры, какъ онъ вновь былъ заключенъ въ секретную комнату дучарской тюрьмы и когда посѣтилъ его адъютантъ генералъ-маіора Ивашева, Михайло Пановъ.

Пановъ этотъ пришелъ въ тюрьму вмѣстѣ съ шихмейстеромъ Грязновымъ и лекарскимъ ученикомъ Вешиннымъ. Пришелъ онъ посмотрѣть на Чернышева, который въ то время содержался при тюрьмѣ „въ особомъ чуланѣ“. Молча посмотрѣвъ на Чернышева, они всѣ трое вмѣстѣ вышли вонъ, но адъютантъ вернулся назадъ, потребовалъ Чернышева въ сѣни, караульнаго солдата Рудакова отослалъ прочь, говорилъ съ Чернышевымъ много и долго и вышелъ. По дорогѣ онъ спросилъ Грязнова:

— Можно ли Чернышеву подать милостыню?

На что Грязновъ ему отвѣчалъ, „что милостыню подать, кажется, противности никакой быть не можетъ“. Адъютантъ послалъ съ Вешиннымъ три „двоегривенника“.

Это пустое, по видимому, обстоятельство подействовало на заговорщиковъ внушительно, но инымъ, неожиданнымъ образомъ. Кузьма Фирсовъ рассказывалъ всѣмъ, что-де адъютантъ Пановъ навѣщалъ Чернышева и опозналъ его императоромъ, а потомъ и самъ генералъ Ивашевъ ходилъ въ тюрьму ночью въ халатѣ, осматривалъ Чернышева и присылалъ къ нему потомъ (какъ самъ генералъ, такъ и его адъютантъ) письма. Больше другихъ повѣрилъ этому показанію пробирный ученикъ Семенъ Вѣлой, котораго Фирсовъ просилъ, при отъѣздѣ въ Нерчинскій заводъ, навѣдываться о дѣлѣ Чернышева и ихъ извѣщать. Вѣлой, по приѣздѣ туда,

хотѣлъ спросить самого генерала, „но не посмѣлъ, а подбросилъ письмо побоялся“. Разъ остановилъ онъ (Вѣлой) адъютанта на улицѣ и, спросивъ о Чернышевѣ, слышалъ слѣдующее: „Вотъ я нынѣ отправляюсь отъ комиссіи въ Петербургъ и объ этомъ колодникѣ представлено будетъ, а я и самъ видалъ, что онъ не Чернышевъ“.

Все это было передано въ Дучарскій заводъ и распространено между всѣми тѣми, кому о томъ надлежало вѣдать. Особенно горячее участіе показалъ въ этомъ дѣлѣ плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, вернувшійся въ Дучарскій заводъ изъ Большого нерчинскаго, куда былъ вытребованъ генералъ-маіоромъ Ивашевымъ для граненія ему камней. Этотъ Карповъ рассказывалъ всѣмъ:

— Я голову свою къ генералу Петру Семеновичу носилъ и въ приполѣ и объявлялъ ему о Чернышевѣ, что онъ подлинно Петръ Третій, императоръ, чѣмъ его, генерала, увѣрилъ. Онъ общалъ, ежели подлинно Петръ Третій, пожаловать меня поручикомъ и объ Чернышевѣ хотѣть отписываться въ Петербургъ и посылаетъ нарочно съ представленіемъ адъютанта своего, господина Панова.

Чернышеву же говорилъ Карповъ, что Ивашевъ скоро будетъ за нимъ въ заводъ. Хотѣлъ бы говорить еще что-то, но разговоръ помѣшали караульные солдаты, которые Евдокимова и Карпова отъ тюрьмы отогнали, причемъ солдатъ Иванъ Корелинъ ударилъ Карпова кулакомъ по затылку.

Какъ бы то ни было, но этотъ Карповъ съ той поры дѣлается повѣреннымъ всѣхъ тайнъ сообщниковъ Чернышева: онъ вѣдѣтъ по благотворителямъ ихъ и собираетъ милостыни, покупаетъ вино, вмѣстѣ съ ними пьянствуетъ и снова ѣдетъ туда, куда его посылаютъ, безпрекословно, обязательно, хотя и не слишкомъ честно. Такъ, напримѣръ, онъ пропиалъ въ кабацкѣ платокъ, посланный Чернышеву какою-то женщиною; не отдалъ части денегъ и не показывалъ писемъ иныхъ изъ нихъ читалъ и не дочитывалъ Чернышеву. Все это побудило заговорщиковъ не довѣрять болѣе Карпову и положиться во всемъ на Евдокимова.

Евдокимовъ, однако, не пошелъ дальше того, на чемъ уже было разъ рѣшено. Евдокимовъ и въ этотъ разъ остановился на побѣгѣ; а чтобы успѣшнѣе проавести его, подговаривалъ слесарнаго ученика Лебедева, кузнеца Тараканова и ссыльнаго Меншенина. Каждому изъ нихъ общалъ онъ привести по лошади, а лошадей надѣлся достать отъ Шулятева и Дубленого (Коренева). Шулятевъ на то время успѣлъ уже самъ побывать въ заводѣ, повидаться и поговорить съ Чернышевымъ и передалъ ему черезъ караульныхъ солдатъ 50 копеекъ.

Число сообщниковъ увеличилось еще нѣ-

сколькими изъ дальнихъ крестьянъ, частью по письмамъ отъ Евдокимова, частью по стараніямъ и убѣжденіямъ Шебарши и Серебряникова. Серебряниковъ снова явился къ Чернышеву и снова общалъ ему содѣйствіе и совѣтовалъ безотлагательно бѣжать. Евдокимовъ настаивалъ на томъ же, но нѣсколько измѣнилъ планъ. По новымъ соображеніямъ, они должны были отправиться къ Гантимурову съ тѣмъ, „чтобы отъ него идти въ русскіе города, куда кому случай допустить“.

Между тѣмъ, наступило теплое весеннее время, благоприятное для побѣговъ и любимое арестантами, рѣшившимися бѣжать въ лѣсъ. Чернышевъ сталъ учашеніе получать подарки отъ благотворителей своихъ и, въ большей части случаевъ, не вещами, а деньгами. Тѣ, которые посылали вещи, напр., Большаковъ — тулупъ, крытый шанхайскою китайкою, и два конца синей нелощеной китайки—совѣтовали своимъ довѣреннымъ вещи эти продавать и выдавать пособие Чернышеву деньгами. То же велѣлъ сдѣлать Шебарша, пославшій съ Серебряниковымъ, въ милостыню Чернышеву, лошадь, которая и была продана въ городѣ Нерчинскѣ купцу за три рубля.

Но прошла весна и Чернышевъ, за бдительнымъ надзоромъ, не могъ выискать случая къ побѣгу. Случай этотъ представился ему уже въ то время, когда въ одномъ казематѣ съ нимъ заключены были два другихъ арестанта—Родіонъ Отопковъ и Андрей Пановъ. 29 іюня вечеромъ они рѣшились бѣжать вмѣстѣ и начать для этого нужныя приготовленія.

Отопковъ говорилъ: „У меня на Шилкѣ изготовлено хлѣба печеного, сухарей, пуда съ два“.

Пановъ: „У меня на Селенгѣ живетъ братъ, онъ насъ отвезетъ на звѣринный или на рыбный промыселъ, гдѣ-де жить хоть до смерти можно“.

А Чернышевъ: „Да и мнѣ общалъ кумъ Серебряниковъ на дорогу хлѣба испарить“.

— Ладно!—рѣшилъ Отопковъ:—Вотъ мы до Шилки тѣмъ хлѣбомъ и дойдемъ“.

При этомъ разговорѣ никого изъ постороннихъ не было.

На другой день (30 іюня), въ шестомъ часу по полудни, Пановъ пошелъ съ караульнымъ солдатомъ за водою, а Чернышевъ съ Отопковымъ остались одни. Отопковъ, пользуясь случаемъ, отодралъ съ гвоздей доску у „казенки“ (куда Чернышева запирали одного на ночь) и приставилъ ее къ той же казенкѣ „налепомъ“, чтобы караульный не усмотрѣлъ. Вернулся Пановъ, вернулся и караульный. Караульный пошелъ въ солдатскую за смѣною, всѣ три арестанта остались одни и не медлили: общими силами они въ это время выломали доску около печи и заложили то мѣсто приготовленнымъ на тотъ конецъ войлокомъ. Тогда при-

шла новая смѣна: двое караульныхъ. Чернышева они увели въ казенку и, по обыкновенію, посадили на стѣнную цѣпь. Одинъ солдатъ легъ спать и заснулъ, другой сидѣлъ до полуночи и слушалъ сказки, которыя рассказывалъ ему Отопковъ. Подъ говоръ Отопкова и этотъ караульный также заснулъ. Замѣтивъ это, Пановъ тѣмъ временемъ слѣзъ съ печи, началъ ломать казенку и произвелъ шумъ. Отопковъ молча оттолкнулъ его и, вынувъ заранѣе отодраную ими около печи доску, самъ пошелъ въ казенку. Здѣсь гвоздемъ отпираетъ у Чернышева цѣпной замокъ въ то время, когда самъ Чернышевъ увивалъ платкомъ бывшіе на немъ кандалы для того, чтобы они не звенѣли. Снявъ такимъ образомъ цѣпи, они вышли изъ казенки. Отопковъ тѣмъ же гвоздемъ отперъ замокъ и снялъ кандалы съ собственныхъ ногъ. Затѣмъ, черезъ отверстіе подѣлъ печи, они выгѣзли на дворъ, въ острогъ. Черезъ тынъ пересаживалъ ихъ Отопковъ, поддерживая сзади клюкою, по приставленной къ пазамъ драгидѣ, обвязанной для большаго удобства поперекъ тряпками. По вѣншей сторонѣ острога, на землю, спустились они на кушакѣ, который укрѣпилъ Пановъ, влѣзшій навѣрхъ прежде другихъ. Кончивъ эту операцію, „оттолгъ“, во 1-хъ, пошли на гору мимо церкви, и взомеждъ на гору и у нынѣющихся на нихъ, Пановъ и Чернышевъ, желѣзъ расшибли кольца, а потомъ пошли по той горѣ вверхъ и, поверставшись прямо здѣшняго гофшпитала, тѣ желѣза бывшимъ у Отопкова долотомъ разбили и тутъ положили подъ камень. А оттолгъ пошли по хребтамъ и прочимъ лѣснымъ и пустыннымъ мѣстамъ и по убѣгъ на завтра (т. е. 1-го числа іюля) въ вечеру пришли въ падь Уровскія покати; какъ та падь называется — не знали: въ разстояніи отъ рѣки Урова на примѣръ версты съ двѣ, гдѣ у Отопкова (незадолго до этого времени бывшаго въ бѣгѣхъ) сдѣланъ былъ балаганъ, въ которомъ нѣтъ его сухари съ полпуда примѣрно“. Въ этомъ стану бѣглецы ночевали; весь слѣдующій день провели тутъ же. Вечеромъ пошли къ рѣкѣ Урову и, перейдя эту рѣчку въ бродѣ, съ версту шли до сопки, на которой и ночевали. Утромъ слѣдующаго дня пошли внизъ по рѣкѣ Урову пустыми „прикрытыми“ мѣстами и, къ виду деревни, но не дойдя до ней, легли спать на сопкѣ. Между тѣмъ, наступила ночь. Бѣглецы, пользуясь темнотою, отправились прямо въ деревню, для того, что Чернышевъ говорилъ имъ: „Пойдемъ опознавать крестьянина Ивана Серебряникова—моего кума и друга“!

Когда бѣглецы стали подходить къ этой деревнѣ, то „тутошныя жители или невѣдомо какіе другіе люди стали ихъ ловить, почему они всѣ трое и разбились врозь“: Пановъ побѣжалъ къ рѣкѣ Урову, Отопковъ за деревню на

сопку, а Чернышевъ обратно тѣмъ же мѣстамъ, какими пришли къ деревнѣ. Тѣ же люди, которые ихъ ловили, всѣ бросились за Пановымъ (Отопкова же и слѣдъ былъ затерянъ). Чернышевъ, между тѣмъ, пошелъ далѣе хребтами, также пустыни и степными, „и иными мѣстами, не заходя нигдѣ въ жилия мѣста и шелъ 11 дней голодомъ, оттого весьма истощился и пришелъ въ безсиліе“. На двѣнадцатый день вышелъ онъ Газимурской сотни въ деревню Шелопугину и „самъ собою“, по доброй волѣ, явился къ смотрителю, крестьянину Ивану Корсакову, который выслалъ его въ газимурскую приказную судную избу, а оттуда уже онъ провожденъ былъ въ Дучарскій заводъ.

Вотъ что показывалъ Чернышевъ въ дучарской заводской конторѣ, куда онъ былъ потребованъ изъ тюрьмы къ допросу. Въ заключеніе этихъ показаній по формѣ онъ свидѣтельствовалъ слѣдующее: „Будучи какъ прежде, такъ и нынѣ въ побѣгахъ, воровства, разбоевъ, смертныхъ убійствъ и дворовыхъ пожоговъ не чинилъ и за другими ни за кѣмъ того не знаетъ; становщиковъ и приставодержателей никого не знаетъ и ни отъ кого онъ не слышалъ бѣглыхъ, подобныхъ ему нигдѣ и никого не видалъ, ночевовъ и ночлеговъ нигдѣ и ни у кого не имѣлъ“.

Пановъ противъ показанія этого свидѣтельствовалъ, что Чернышевъ посылалъ караульнаго солдата за покупкою вина, солдатъ принесъ осмину. Водкою этой Чернышевъ поилъ его, Панова и Отопкова. О побѣгѣ сговаривались Чернышевъ съ Серебряниковымъ одинъ на одинъ въ тюрьмѣ, куда впускалъ кресгьянина солдатъ Бубенчиковъ. Чернышевъ говорилъ: „Отъ кума-де пойдѣмъ къ крестьянину Урульгинской слободы Максиму Плюшнину, а оттуда къ крестьянину Вольшакову: онъ-де меня знаетъ и мнѣ подарки присылалъ; а оттуда пойдѣмъ къ князю Павлу Гангидурову въ Городищенскую слободу: князь 12 рублей денегъ съ племянникомъ своимъ прислалъ и лошадь подарилъ“. Деньги Чернышевъ отдавалъ кузнецу Ватеневу и мастеру Ксенофонту Данилову, которые на тѣ деньги покупали вино, а Чернышевъ у нихъ гостилъ и тѣмъ виномъ товарищей подчивалъ. Серебряниковъ въ чиненіи разговоровъ не сознался, но отъ подачи милостыни на допросѣ не отказывался“.

Огобранный допросъ писанъ былъ начерно. Бывшій управитель Дучарскаго завода шихейстеръ Казимировъ показанію ссыльных не давалъ особеннаго значенія и дѣло бросилъ безъ изслѣдованія; новый же управитель Протодьяконовъ, разбирая дѣла предмѣстника своего и найдя въ допросахъ ссыльнаго Андрея Панова важное показаніе, рѣшился дать этому дѣлу дальнѣйшій ходъ. Показаніе это заключалось въ слѣдующихъ словахъ: „Еще до побѣга

Чернышевъ увѣрялъ Панова, Отопкова и Ивана Карпова, что указъ о Петрѣ III, императорѣ, яко бы онъ умре, написанъ ложно, а я-де дѣйствительно Петръ III, императоръ, о чемъ онъ многихъ людей, а особливо кузнецовъ Данилова и Ватенева, также и Зыкова склонялъ и приводилъ въ свою волю“.

„Въ производствѣ этого дѣла, — пишетъ Протодьяконовъ въ нерчинскую канцелярію: —здѣшняя дучарская контора приступить смѣлости не имѣетъ“.

Такимъ образомъ, по случайному поводу, началось все это дѣло, подробностямъ котораго мы дали мѣсто.

Въ Нерчинскій заводъ свезены были причастные къ дѣлу (хотя и не всѣ) и разсажены были за крѣпкимъ карауломъ по тюрьмамъ. Началось слѣдствіе, а за нимъ и та путаница, которая до сихъ поръ характеризуетъ всѣ дѣла о ссыльных, опытныхъ въ дѣлахъ крѣпостворства и всѣхъ подъяческихъ увертокъ. По мѣрѣ усиленія слѣдствія, увеличивалось и число подсудимыхъ и арестованныхъ. Дошло, наконецъ, дѣло до того, что горное начальство стало опасаться возможности бунта. Не хватало солдатъ въ командѣ для постоянного и бдительнаго надзора за арестантами; самыя работы заводскія примѣтно ослабли и чуть-чуть не прекратились вовсе. Дѣла слѣдствія шли, въ большей части случаевъ, неуспѣшно. Нѣкоторые изъ оговоренныхъ не явились къ допросу; такъ, напр., Шебаршу долго не могли отыскать и принуждены были ограничиться заочнымъ его показаніемъ, которое онъ адресовалъ, въ видѣ жалобы, въ нерчинскую воеводскую канцелярію и все-таки не въ нерчинскую горную *). Но всѣ вмѣстѣ подсудимые старались — по обыкновенію — притягивать какъ можно больше постороннихъ людей, съ единственною цѣлью затянуть дѣло на безконечные сроки и возможно затруднить слѣдователей. Ко всей этой путаницѣ допросовъ и переспросовъ, показаній на бумагахъ и изустныхъ присоединилось еще болѣе запутывающее обстоятельство: найдена была переписка. Переписка эта завинила многихъ новыхъ и, между прочими, указывала на одного, какъ на главнаго, но о которомъ до сихъ поръ всѣ другіе

*) Вотъ смыслъ прошенія Шебарши: «Ко мнѣ пріѣзжали солдаты и вооруженные люди и хотѣли вести меня сильно. Я былъ на то время въ собственномъ полѣ, при посѣвѣ хлѣба. Солдаты ночевали у меня. На другой день требовали обѣда, и когда имъ дали постное, то разложили огонь на дворѣ, начали варить скоромное и чуть не сожгли весь домъ. Убѣжая, сильно грозилась на меня; а дѣлали все это ради корыстолюбія, ибо-де онъ, Шебарша, съ заводскимъ начальствомъ никакихъ дѣлъ не имѣетъ, а оно знаетъ его достатки и многихъ богатыхъ успѣло раззорить поборами, взятками». Волея вторичнаго нападенія начальства, Забѣлинъ (т. е. Шебарша) тайно выѣхалъ въ Нерчинскъ, подъ защиту воеводы.

молчали. Этотъ новый былъ нѣкто Семень Иванецкій, также ссыльный, нѣкогда другъ и благодѣтель Чернышева, пришедшій въ ссылку вмѣстѣ съ нимъ изъ Россіи. Теперь обстрѣленный, Иванецкій велъ дѣла съ большою осторожностью и не выказывалъ той энергіи, какая выразилась въ неустанномъ и неутомимомъ товарищѣ другого русскаго сомованца, приставшемъ и къ этому. Этотъ Иванецкій жилъ въ Уровской деревнѣ и еще осенью 1768 года писалъ къ Чернышеву письмо слѣдующаго содержания: „Премилосердный мой государь, Петръ Федоровичъ! Желая вамъ здравствовать на многія лѣта, да притомъ же о себѣ увѣдомляю, что въ маломъ здоровіи нахожусь отъ тяжелой печали и великой болѣзни, малое число глазами вижу. Старость меня постигнула, купно же и нищета: ни рубахъ, ни одѣянія не имѣю. Отъ вашего здравія вѣдомости никакой не имѣю. Чрезъ сего письмоподателя прошу ко мнѣ написать все обстоятельно: есть ли какая надежда или нѣтъ? долго ли намъ здѣсь мучиться? Деньгами меня не оставьте по своей милости, ежели у васъ имѣются“ *). Въ тѣхъ же бумагахъ слѣдователи нашли отвѣтъ, писанный рукою Евдокимова, слѣдующаго содержания: „О чемъ вы изволите писать и слышать хотите о благополучіи, пріѣзжалъ генералъ комисенскій откупантъ, ходилъ въ тюрьму осматрѣлъ Петра Федорыча и поѣхалъ съ тѣмъ въ Петербургъ къ государынѣ и писалъ къ Петру Федорычу, что будь надеженъ и такъ буду стараніе предлагать, какъ Богу такъ и тебѣ буди благонадеженъ и молись, проси у Создателя нашего, можетъ вашихъ молитвъ Господь да послушаетъ“ **).

Иванецкій потребовать былъ къ допросу. На немъ отъ посылки двухъ писемъ: одного къ Петру Федорычу, а другого къ Евдокимову (которое, однако же, не найдено, спрятано-де было подъ половицу и закладено гдѣ-то мохомъ) не отказывался; напротивъ, указалъ даже на крестьянина Николая Кайгородова, который возилъ эти письма. Кромѣ того, Иванецкій показывалъ слѣдующее: пріѣзжавшіе въ Усть-уровскую деревню въ 1768 году тунгусы неоднократно сказывали, что князь ихъ Гантимуровъ посылаетъ въ подарокъ къ Петру Федорычу, по письмамъ его, денегъ рублей по сту и по пятидесяти; дарилъ ему лошадей, шубы и другія потребныя для него вещи и увѣряется и имъ сказывается, что то Петръ Третій, и хочетъ собрать ихъ, тунгусовъ, и Петра Федорыча силою изъ тюрьмы взять. Нѣкоторые изъ тунгусовъ сказывали, что князь ихъ (но который, Иванецкій не знаетъ) уѣхалъ въ Петербургъ, а другіе тунгусы приговаривали, что онъ-де ѣдетъ

изъ Петербурга и съ нимъ для взятія Петра Федорыча идетъ одинъ полкъ регулярнаго войска и велѣно-де его взять съ честью. И слышали-де (тунгусы), что и онъ, Иванецкій, присланъ съ тѣмъ колодникомъ вмѣстѣ и по одному дѣлу. На что Иванецкій тѣмъ тунгусамъ совѣтовалъ не вѣрить. „Чая, что у Чернышева много денегъ и другихъ пожитковъ, то о присылкѣ денегъ писалъ письмо въ томъ разсужденіи: вѣдая онъ объ немъ, Иванецкомъ, что въ ссылку онъ посланъ за него, Чернышева. то, можетъ, вспомя, къ нему изъ оныхъ прилететь. А честнымъ отцомъ распона (Евдокимова) называлъ для общаго успѣха въ дѣлѣ“.

Настѣдивъ, такимъ образомъ, главнаго двигателя заговора въ лицѣ князя Гантимурова. канцелярія Нерчинскаго завода и тутъ, при всѣхъ своихъ хлопотахъ и усиліяхъ, ничего не могла сдѣлать. Прибѣгла къ пыткамъ—и онѣ не помогли *). Требовала она отъ князя Степана показаній, но показаній онъ не давалъ, хотя и жилъ въ то же время въ заводѣ, въ гостяхъ у главнаго члена комиссіи. генералъ-маіора Ивашева; просили его прійти въ канцелярію, онъ съ грубостью говорилъ посланному унтеръ-офицеру, что находится у главнаго своего начальника. Въ то же время и самъ Ивашевъ сказалъ посланному, что Гантимуровъ состоитъ въ командѣ его и въ канцелярію и къ здѣшнему командиру ходить ему не велитъ **). Взять силою князя Степана Гантимурова заводское начальство не рѣшилось изъ боязни, ибо Гантимуровъ вызвалъ въ заводъ съ пограничныхъ карауловъ болѣе ста человекъ вооруженныхъ казаковъ, которыхъ и держалъ (съ вѣдома Ивашева) въ заводѣ по 20-ое число апрѣля, какъ бы для защиты и охраны своей личности. „А тѣмъ казаковъ онъ вытребовалъ безъ всякаго увѣдомленія, вдругъ, нечаяннымъ образомъ, когда въ нихъ никакой надобности не состояло и представляло нѣчто чрезвычайное; а надъ оными казаками и кочующими тунгусами имѣть онъ начальство“.

При такой запутанности дѣлъ и при тѣхъ трудностяхъ, какими обставилось слѣдствіе въ самомъ началѣ, слѣдственная горная комиссія успѣвала дѣлать немногое. Все главное едва ли не ускользнуло изъ ея рукъ и вѣденія. Главнаго узла всего этого дѣла она не нашла.

*) Такъ, напр., били плетями плавильнаго мастера Ив. Карпова и добились только того, что заставили его показать согласно съ Чернышевымъ. Относительно писемъ узнали только, что они дѣйствительно были присылаемы и читались Чернышеву у кузнечнаго горна. Но во всѣхъ письмахъ этихъ находили только намеки; всѣ они писаны съ великою осторожностью, въ нихъ заговорщики ни въ чемъ не промолвились.

**) Командиръ нерчинскихъ горныхъ заводовъ генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ Суковъ, отецъ знаменитаго героя.

*) На подлинникѣ письма этого написано было рукою самого Иванецкаго «Sub secreto».

**) Таковое правописание подлинника. На немъ пометка: «Дучарской, октября 3-го 1768 года».

а тѣмъ болѣе не могла его распутать. Евдокимовъ ловко отвертывался и далеко пряталъ концы. Остановившись на собранныхъ показаніяхъ, слѣдственная коммиссія додумалась только до очныхъ ставокъ, но и ставки эти доставили ей новую путаницу. Съ трудомъ она, наконецъ, могла наслѣдить только одно и рѣшить для себя два главныхъ вопроса:

1. Назывался ли солдатъ Петръ Чернышевъ императоромъ Петромъ Третьимъ?

„Назывался неоднократно и сказывался таковымъ всѣмъ, его знавшимъ и приходившимъ къ нему съ разспросами“.

2. Что побудило Чернышева на подобное разглашеніе о себѣ?

„Разглашалъ все это не для чего иного, какъ только изъ желанія получать отъ доверчивыхъ людей деньги! Разглашать о себѣ велѣлъ другимъ—также только для своего прибытка, чтобы „привести здѣшнихъ жителей въ сожалѣніе“ (возбудить ихъ сочувствіе); а возбуждалъ это сочувствіе опять-таки исключительно для того, „чтобы подавали ему деньги и къ пищѣ потребныя припасы присылали“.

На этихъ показаніяхъ слѣдственная коммиссія и успокоилась, признавъ дѣло съ своей стороны завершеннымъ *). А между тѣмъ, вотъ что говорило прошедшее этого несчастнаго человѣка.

Онъ былъ нѣкогда солдатомъ Брянскаго пѣхотнаго полка, изъ котораго отпущенъ былъ въ отпускъ на родину въ Орловскій уѣздъ, въ однодворческое село Васильевское, срокомъ на двѣ недѣли. Къ сроку этому рядовой Петръ Чернышевъ въ полкъ не явился. На родинѣ укралъ лошадь. Изъ полка посланы были за нимъ солдатъ и капралъ, но Чернышевъ, дойдя съ ними до слободы Куней, бѣжалъ съ дороги и очутился въ Изюмскомъ уѣздѣ въ селѣ Купецкахъ. Здѣсь онъ сошелся съ попомъ (потомъ распотъ и ссыльный) Иванецкимъ. Въ дому у этого Иванецкаго Чернышевъ, разъ напившись пьянъ, при попадѣ и при дьячкѣ называлъ себя императоромъ Петромъ Теодоровичемъ. Объ этомъ же самомъ увѣрялъ онъ ихъ всѣхъ въ домѣ какого-то крестьянина и при этомъ притворно плакалъ. Сдружившись съ попомъ Иванецкимъ, онъ заставлялъ его пѣть молебны и всенощную; на эктенияхъ упоминался какъ императоръ и, будучи въ церкви, ходилъ въ царскія врата. Вскорѣ, однако, онъ былъ пойманъ, отданъ подъ караулъ и отосланъ къ бригадиру Зоричу. Здѣсь, на допросахъ, Чернышевъ упорствовалъ въ сознаніи, много глалъ,

*) Во всемъ остальномъ очныя ставки выводили наружу одинъ только мелочи; такъ, подъ писемомъ, отосланнымъ къ Вольшакову, было подписано только «Петръ Теодоровъ», а не добавлено Чернышевъ. Писемъ онъ не писалъ самъ по неумѣнью; подсудимые не говорили прежде многого, изъ боязни наказанія, и т. п.

„а что императоромъ себя называлъ, то это-де въ пьяномъ видѣ, и замышлялъ выманить у Иванецкаго платье“. Называться такимъ образомъ научилъ его одинъ солдатъ, который, за смертоубійство, отправленъ въ Сибирь въ ссылку. На этомъ же допросѣ сказывалъ, что разъ уже былъ наказанъ за воровство шпипрутенами и батожемъ. Уличенный, такимъ образомъ, въ преступленія, Чернышевъ за ложно вымышленное разглашеніе, „яко возмутитель блаженнаго народнаго спокойствія и государственной тишины, а равно и за учиненное воровство (лошади) и побѣгъ и за ложныя въ допросахъ показанія“ избавленъ былъ отъ смертной казни. Высто нее велѣно было въ селѣ Купянкахъ наказать его жестоко кнутомъ и сослать въ Нерчинскъ въ тяжкую работу вѣчно *).

Подробности этого событія сдѣлались извѣстными канцеляріи нерчинскаго горнаго начальства уже гораздо впоследствии, черезъ отношеніе генераль-прокурора князя А. А. Вяземскаго. До той поры слѣдователи смутно догадывались о дѣлѣ Чернышева и не могли дать себѣ яснаго отчета объ его разглашеніи. Эта неясность и запутанность взгляда и мнѣній перешла и въ самый докладъ, который изготавляла коммиссія и представила въ сенатъ. Мы представляемъ теперь только начало и конецъ этого „доношенія“ съ буквальною точностью, въ доказательство нашей мысли и въ образецъ того, какъ казенная форменность слога вообще могла затемнять способъ изложенія и безбожно искажать въ то же время живой, богатый и законченный напѣ родной языкъ.

„Понсже, — пишетъ канцелярія нерчинскаго горнаго начальства: — изъ производимаго въ здѣшней канцеляріи дѣла оказалось, что присыльный сюда Чернышевъ самъ выдумалъ, его сообщники разглашали объ немъ, яко бы онъ бывший императоръ Петръ III, чѣмъ многихъ уже изъ находившихся здѣсь крестьянъ и другого званія людей и увѣрили, которые по своему легкомыслію и давали ему великіе подарки и намѣревались его увезти, въ чемъ многие и сами добровольно признались, а объ ономъ же про Чернышева важномъ разглашеніи знали и находящіеся въ нерчинскомъ вѣдомствѣ тунгусскій князь Алексѣй да князь-Павла сынъ, Степанъ Гантимуровъ, также крестьянинъ Забѣлинъ, онъ же и Шебарша, и прочіе, а паче, что всѣ тѣ, кои у нихъ съ тѣмъ ложнымъ разглашеніемъ были, показываютъ, что изъ нихъ князь Алексѣй Гантимуровъ хотѣлъ означеннаго Чернышева изъ-подъ караула сильно увести и представить въ Санктъ-Петербургъ или отвести, куда онъ велитъ; о чемъ и оный крестьянинъ Шебарша сообщнику Чернышева,

*) Тогда же и за то же, вѣроятно, сосланъ былъ и попъ Иванецкій въ сосѣдство къ Чернышеву по нерчинскимъ заводамъ.

ссылному же Евдокимову, какъ онъ показываетъ, объявлять; также и казакъ Григорій Тарскій крестьянину Серебряникову объ томъ же, обще съ онымъ Гантимуровымъ къ Чернышеву приказывали, а его, Серебряникова, подучали, дабы онъ упоминаемаго Чернышева увелъ потаенно и къ нимъ доставилъ съ немалымъ обнадеживаньемъ; а сверхъ того, оный же князь Алексій и объявленный князь-Павла сынъ Степанъ Гантимуровы посылали къ оному Чернышеву письмо и какъ они, тамъ часто упоминаемый крестьянинъ Шебарша давали ему, Чернышеву, великіе подарки, чего всего имъ какъ для ссылкинаго, когда бъ они заподлинно его, Чернышева, такъ не почитали—чинить никакой надобности не было по разсужденію, что оный Серебряниковъ не подозрительный, то и болѣе показаніе его принять должно; да и самый оный Чернышевъ и всѣ его въ томъ сообщники и которые тѣ подарки отъ нихъ носили, объявляютъ согласно; почему бъ ими Гантимуровыми, Тарскимъ и Шебаршею, яко нагѣревающими произвести весьма противное, и надлежало изслѣдовать, ибо ежели все оное справедливо, какъ на нихъ показано, то они, конечно, безъ тягчайшаго штрафа оставлены быть не должны; но хотя изъ оныхъ Шебарша черезъ нарочнаго и требованъ былъ отъ нерчинской воеводской канцеляріи, въ вѣдомствѣ которой онъ состоитъ, но токмо и онъ самовольно вытѣхавшею изъ здѣшняго завода слѣдственной комиссіею и за показаніемъ объ немъ, что онъ потребенъ для важнаго дѣла удержанъ и еще съ непринадлежащимъ на здѣшнюю канцелярію, яко бы она его требуетъ для своего корыстолюбія, поношеніемъ, то и воеводской канцеляріи, безъ всякихъ въ томъ основательныхъ причинъ, предписала. Чтожь принадлежать до объявленныхъ князей Гантимуровыхъ и казака, то уже здѣшняя канцелярія и требовать ихъ почитаетъ за единое въ рѣшеніи сего дѣла продолженіе, ибо когда означенная комиссія прежде писаннаго крестьянина Шебаршу удерживала, то уже, конечно, объявленныхъ князей Гантимуровыхъ безъ удержанія не оставить же *).

«...Слѣдовало бы,—говоритъ далѣе доношеніе: обратить бдительное вниманіе на адъютанта главнаго штаба и члена комиссіи Панова, но сдѣлать этого канцелярія не можетъ: во 1-хъ потому, что, за множествомъ дѣлъ и за немнѣніемъ достаточнаго числа приказныхъ служителей, канцелярія съ трудомъ управляется и

*) Слѣдуетъ запутанный разсказъ объ упрямствѣ Гантимурова явиться въ канцелярію горнаго начальства и дать отвѣты и изъясненіе опасной канцеляріи дѣйствовать наступательно: «ибо у нихъ (Гантимуровыхъ) кочующихъ тунгусовъ подъ командою состоитъ немалая тысяча человѣкъ и народъ весьма легкомысленный и склонный къ проделозастамъ!»

текущими дѣлами (а дѣло Панова, по важности его, не всякому можно довѣрять); а во 2-хъ, если всѣхъ оговоренныхъ людей забрать, то не хватить мѣстъ для помѣщенія, не достанетъ и людей для караула, и теперь уже съ большимъ затрудненіемъ содержатся арестованные по этому дѣлу и притомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бъ ихъ и содержать не должно. По немнѣнію же военныхъ служителей употребляется въ караулъ „по крайней необходимости“ большая часть заводскихъ служителей. Многіе изъ нихъ отправлены въ Петербургъ съ серебромъ и еще не возвратились и всѣ весьма потребны для заводскихъ работъ, а паче, что именнымъ ея императорскаго величества указомъ, состоявшимся 1762 года о уничтоженіи тайной канцеляріи, повелѣно: буде доноситель имѣетъ и доказательства и свидѣтелей, что доносъ его правъ, и свидѣтели съ нимъ объявляютъ единогласно, то и доносителя и свидѣтелей и тѣхъ или того, на кого доносъ, забрать подъ крѣпкій караулъ, тотчасъ доносить со всѣми обстоятельствами въ правительствующій сенатъ и ожидать указа. Объявленное дѣло касается и до обоихъ, изображенныхъ въ томъ указѣ пунктовъ, почему бы здѣшняя канцелярія, въ силу онаго указа, и должна была изыскать о всѣхъ подробностяхъ того происшествія, но по вышеназваннымъ обстоятельствамъ болѣе производства по сему дѣлу чинить не можетъ... Того ради“ и проч.

Представленіе это послано было 3 іюля 1770 г. съ нарочнымъ въ С.-Петербургъ *).

Всѣ арестованные по дѣлу Чернышева (17 человѣкъ) размѣщены были по разнымъ тюрьмамъ: одни въ Кутомарѣ, другіе въ нерчинскомъ Большомъ заводѣ, третьи въ Дучарскомъ, скованными за крѣпкимъ карауломъ. Нѣкоторыхъ назначено было употреблять въ заводскія работы, но также за крѣпкимъ и безонаснымъ карауломъ, до разговоровъ съ ними допускать никого не велѣно. Чернышевъ содержался въ Большомъ заводѣ отдѣльно отъ всѣхъ. Къ нему

*) Прогоновъ назначено было 41 рубль до Петербурга (1204 версты до Иркутска, 5420 до Новгорода, 186 до С.-Петербурга), а на обратный путь на 6624 версты 75 руб. 98 коп., «ибо глѣбнымъ путемъ отправленія быть не уповательно». Въ инструкціи, выданной посланному солдату, замѣчательно §§ 3-ій и 4-й. Въ нихъ сказано: «будучи въ ономъ нигдѣ пути, никакихъ обидъ, нагоговъ и напрасныхъ прибытковъ не чинить и до взятковъ ни подъ какимъ видомъ и ни на едваную полушку не касаться и поверстныя деньги ямщикамъ платитъ сполна, по указу, безъ малѣйшаго удержанія; въ волокиты также по не принадлежащимъ ни кому изъ живущимъ по пути обывателямъ, состоявшимся указомъ и собою вымышленныхъ лживыхъ и тебѣ того не извѣстнаго не разсказывать. Ежели что въ государственныхъ дѣлахъ подлежатъ будетъ тайности, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже сюда, кромѣ настоящихъ доношеній».

также никого не допускали; кто имѣлъ до него нужду—тѣхъ подробно опрашивали, кто приносилъ подарки—тѣхъ задерживали. Чернышевъ никого не выдавалъ.

4 сентября 1770 года состоялся именной указъ императрицы Екатерины на имя главнаго командира нерчинскихъ серебро-плавильныхъ заводовъ, генераль-маіора В. И. Суворова:

„Нашему генераль-маіору Суворову. Изъ присланнаго отъ васъ къ нашему генераль-прокурору мая отъ 7, числа сего года рапорта, мы усмотрѣли, что сосланный по нашему указу на нерчинскіе заводы природою крестьянинъ Чернышевъ, который чинилъ о себѣ ложное и вымышленное между таковыми же крестьянами разглашеніе, а нынѣ еще оный Чернышевъ и на заводахъ чинилъ таковое же ложное о себѣ разглашеніе. Чего ради повелѣваемъ оного ссыльнаго Чернышева, если дѣйствительно отъ него то разглашеніе чинено было, за сію его дерзость наказати публично, при тамошнихъ заводскихъ жителяхъ, при коихъ онъ то о себѣ разглашеніе и дѣлалъ и кои ему, можетъ быть, по сущей простотѣ своей или, лучше сказать, малодушію тому его ложному разглашенію повѣрили, кнутомъ и, заклепая, какъ челоука злаго и дерзкаго, послать въ Мангазею вѣчно, гдѣ велѣтъ его употреблять въ тяжкихъ работахъ. Какъ же оное его разглашеніе по здравому разуму, достойно сущаго презрѣнія, то и слѣдствія никакого о томъ не производить. Екатерина“.

Въ то же время (5 сентября) и генераль-прокуроръ (князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій) писалъ къ тому же Суворову: „Государь мой, Василій Ивановичъ! Хотя изъ присланнаго къ вашему превосходительству высочайшаго ея императорскаго величества указа, по рапорту вашему о наказаніи ссыльнаго Чернышева, ваше пр-во и можете увидеть, что разглашеніе его достойно презрѣнія, и потому и слѣдствія никакого производить не повелѣно, но какъ изъ того жъ рапорта вашего видно и то, что уже ваше пр-во объ ономъ разглашеніи начали производить слѣдствіе, а потому и уповательно, что можетъ быть по оному дѣлу забраны люди подъ караулъ и содержаться, то ея имп. вел. высочайше повелѣтъ соизволила къ вашему пр-ву отписать, чтобъ, по полученіи сего, всѣхъ тѣхъ людей, кои по сему дѣлу къ слѣдствію были привлечены, изъ-подъ караула освободить и, освободя ихъ, а равно и кто именно забраны были по оному дѣлу подъ караулъ и по какимъ подозрѣніямъ, для донесенія ея имп. вел-ву кои отписать; при семъ же прилагаю изображеніе винъ помянутаго ссыльнаго Чернышева, которое, какъ онъ выведенъ будетъ на публичное мѣсто къ наказанію, изволите приказати, при собраніи народа, вслухъ ему прочи-

тать и по тому повелѣнное наказаніе учинить, ибо чрезъ сіе самое народъ узнаетъ и прежнія его плутовства. Впрочемъ, пребываю и проч.“.

13 октября того же года и тотъ же генераль-прокуроръ дѣлалъ дополнительное предложеніе и писалъ изъ Петербурга Суворову въ Нерчинскъ совѣты *). По уже было поздно: Суворовъ послѣдшилъ привести указъ императрицы въ исполненіе.

2 ноября получили свободу всѣ тѣ изъ арестованныхъ по дѣлу Чернышева, которые содержались подъ карауломъ въ Большомъ нерчинскомъ заводѣ, таковы: плавильный мастеръ Иванъ Карповъ, ссыльные: Левъ Евдокимовъ, Кузьма Фирсовъ, Федоръ Кореневъ (онъ же Дубленый). Затѣмъ распущены были по домамъ и остальные люди, размѣщенные по тюрьмамъ кутомарской и дучарской. Отъ каждаго изъ нихъ взяты были подписки, „дабы они отнюдь впредь такому ложному разглашенію не вѣрили и объ ономъ, почему они содержались, никому не сказывали, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неопустительнаго штрафа“.

4 ноября совершена была въ заводѣ казнь надъ Чернышевымъ „при собраніи здѣшняго завода жителей, и изображеніе винъ прочитано и наказаніе кнутомъ учинено“. На третій день (6 ноября) Суворовъ послѣдшилъ совершить надъ Чернышевымъ и второе наказаніе: дѣйтельно озабочился отправкою его на мѣсто новой ссылки. Для сопровожденія Чернышева назначены были фурьеръ Лазаревъ и солдатъ

*) Вотъ что писалъ, между прочимъ, князь Вяземскій къ Суворову: 1) Какъ уже о учиненіи означенному Чернышеву, за показанную вину, наказанія, а равно и о свободѣ содержащихся по сему дѣлу людей, минушаго сентября 6-го высочайшій ея имп. вел. указъ ген.-маіору Суворову данъ, то нынѣ объ ономъ Чернышевѣ и резолюцію вновь нужды давать не остается; 2) изъ произведеннаго же слѣдствія усмотрѣно, что ссыльный Кузьма Фирсовъ, будучи столь безсовѣстенъ, что не только разглашалъ и утверждалъ это Чернышева разглашеніе за истинное, именно же тѣмъ, яко бы онъ самъ, будучи въ Петербургѣ, его выдавалъ, чего никогда въ самомъ дѣлѣ не было, да и быть не могло; однако же, самъ своимъ ложнымъ и вымышленнымъ увѣреніемъ показанныхъ по дѣлу людей довелъ до тюремнаго заключенія, — чего ради за таковой его умыселъ ложный и что, чрезъ сіе самое, утвердилъ онъ и въ прочихъ болѣе вѣроятіи; такъ же, дабы и впредь онъ таковыхъ ложныхъ плесель разсвѣтъ не отважился, наказати его, Фирсова, публично плетми и изъ-подъ караула освободить; 3) что же по оному слѣдствію открыто было, хотя отъ недостойныхъ вѣрмъ людей, яко бы генераль-маіоръ Ивашовъ, а равно и его адъютантъ о разглашеніи Чернышевымъ о себѣ были извѣстны, чего въ самомъ существѣ быть не можно, да и самые сіи оклеветатели въ томъ ложномъ разглашеніи признались, то и оное предать совершенному забвенію. Предложеніе это приведено было въ Нерчинскомъ заводѣ въ исполненіе 27 января 1771 года.

Рудаковъ. Имъ выдано жалованье и аммуниція впередъ за цѣлый годъ (по 1 руб. 12¹/₂ коп. на мундиръ и 1 руб. 59³/₄ коп. за выплавленное серебро; всего по 2 руб. 72¹/₄ коп.). Чернышевъ получилъ шубу, рукавицы („голицы съ ворогами“) и на чулки сержаннаго сукна три аршина. Для дороги, на казенный же счетъ, заготовлено было двое саней („обшевной“), фуруеру Лазареву—по формѣ—выдана была инструкция, въ которой, между прочимъ, приказано: „Принять Чернышева скованнаго и вести таковымъ подъ крѣпкимъ карауломъ, съ конимъ никого ни до какихъ разговоровъ не допускать и самимъ о неподлежащемъ не разговаривать и отъ утечки хранить неослабно, а для пропитанія давать по двѣ копейки на день; звать въ Мангазеѣ въ воеводскую канцелярію“ и проч.

При отправленіи Чернышева, нерчинское горное начальство встрѣтило весьма важное затрудненіе: оно не знало количества верстъ до мѣста назначенія Чернышева, смутно имѣя представленіе о томъ, что надо его вести по направленію къ Иркутску. Нерчинская канцелярія изъ этого недоразумѣнія и невѣденія выпуталась такимъ образомъ: она выдала прогонныя деньги до Иркутска, гдѣ просила губернатора (генераль-маіора Бриля) выдать прогоны до Мангазеи. Но и въ Иркутскѣ рѣшились выдать ихъ только до Енисейска (на 1.137 верстъ) и уже енисейская провинціальная канцелярія должна была снабдить при ставниковъ Чернышева деньгами до Мангазеи *).

18 февраля 1771 года канцелярія нерчин. нач. рапортовала генераль-прокурору Вяземскому слѣдующее:

„Чернышевъ, по учиненіи повелѣннаго наказанія, отправленъ былъ съ нарочнымъ въ Мангазею, который, по привозѣ въ городъ Енисейскъ отъ тамошней канцеляріи, за прилу-

чившеюся ему болѣзнию и что отъ Енисейска до Мангазеи зимняго тракта нѣтъ,—удержанъ былъ до будущаго весною отправленія въ ономъ Енисейскѣ; а сего февраля 17 дня она, енисейская канцелярія, присланнымъ рапортомъ объявляетъ, что оный Чернышевъ, съ самаго въ Енисейскѣ привозу, будучи содержанъ въ тюремномъ острогѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ, находясь въ болѣзни, на 6 число минувшаго января сего 1771 года умре, который надлежащимъ порядкомъ и погребенъ“.

Излишняя ли скорость поѣздки или изнѣженіе мѣстныхъ начальствъ были причиною такой скорой смерти Чернышева—рѣшить мы не имѣемъ данныхъ. Знаемъ только, что ему было отъ роду всего только 36 лѣтъ, а по рапорту енисейской канцеляріи, что въ Енисейскѣ онъ прибылъ безъ теплой одежды и уже серьезно больнымъ. Остановленъ онъ былъ въ тюрьмѣ сколько потому, что до Мангазеи нѣтъ зимняго пути (большую половину котораго ходятъ на лыжахъ или ѣздить на собакахъ), столько же и потому, что предполагали будущую раннюю весною отправить Чернышева на казенныхъ баркахъ, которыя ежегодно отправляются съ казенною солью.

Чернышевъ погребенъ былъ за вечернею при енисейской Богородицкой церкви. Послѣ него остались собственные его пожитки: войлокъ, небольшая подушка и одно ветхое овчинное одѣяло безъ покрывки; всѣ эти вещи опредѣлено распродать, „а и еще имѣлась при ономъ арестантъ данная казенная шуба, коя, будучи въ болѣзни этого арестанта, подъ него подстилана и что онъ гнилъ и съ мѣста не вставалъ, оттого и сгнила и затѣмъ брошена“ (темно и запутано, но, тѣмъ не менѣе, краснорѣчиво писала 19 января 1771 года енисейская провинціальная канцелярія въ канцелярію нерчинскаго горнаго начальства *).

По отъѣздѣ Суворова власть и административная сила въ рукахъ сумасброднаго, полупомѣшаннаго преемника его Нарышкина (Вас. Вас.) превратилась въ орудіе самаго безтолковаго и безобразнаго произвола. Командованье Нарышкина до такой степени своеобразно, что мы рѣшаемся говорить о немъ подробнѣе.

*) Въ современномъ архивѣ современнаго нерчинскаго горнаго правленія хранится все это дѣло о Чернышевѣ съ надписаніемъ: «Секретное дѣло о каторжномъ Петрѣ Чернышевѣ съ 1770 года (начато по рапорту дучарской заводской конторы), преданное вѣчному забвенію». Въ ряду другихъ Чернышевъ—седьмой самозванецъ на одно и то же имя.

*) На рѣкѣ Тазѣ, около 1.800 верстъ отъ рѣки Енисея, черезъ тундру, гораздо сѣвернѣе Туруханска, вблизи охотна, существовалъ этотъ острогъ Мангазеи. Названіе свое онъ получилъ отъ перваго русскаго хлѣбнаго магазина (магазена), построеннаго въ прошломъ столѣтіи, тотчасъ по занятіи того края русскими и когда еще хлѣбъ въ сѣверную Сибирь доставлялся изъ Архангельска черезъ Обскую губу. Лѣтъ слишкомъ сто тому назадъ эта Мангазея сожжена юраками, враждовавшими съ остяками и за то, что русскіе вступились за остяковъ. Вслѣдствіе этихъ несогласій, земли были разграничены: правые берега р. Оби и Таза отданы были юракамъ, а лѣвые—остякамъ. Теперь на мѣстѣ Мангазеи не видать не только русскихъ избъ, но даже и инородческихъ юртъ.

III.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НАРЫШКИНЪ.

Черезъ четыре года послѣ разсказаннаго нами событія, на мѣсто знакомаго уже намъ генералъ-маіора В. И. Суворова, пріѣхалъ изъ С.-Петербурга въ нерчинскіе заводы новый главный командиръ ихъ—коллежскій совѣтникъ В. В. Нарышкинъ—бывшій прокуроръ комерцъ-коллегии. Суворова нашелъ онъ еще въ заводѣ и, тотчасъ же по пріѣздѣ, озабочился выдачею ему прогонныхъ денегъ на 10 подводъ (на 7009 верстъ—всего 544 руб. 97¹/₂ коп.) до Петербурга, куда просилъ себя Суворовъ увольненія за болѣзнью.

2 мая 1775 года пріѣхалъ Нарышкинъ въ Большой нерчинскій заводъ—центральное мѣсто всего управленія, а 4 мая уже вступилъ въ командованье заводами и занялся его дѣлами съ изумительною ревностью. Ровно одинадцать мѣсяцевъ не выходилъ онъ изъ своей квартиры и никто его, кромѣ должностныхъ лицъ и докладчиковъ, никогда и нигдѣ не видѣлъ. Какъ это все дѣйствовало на арестантовъ и заводскихъ служителей, по дѣлу о Нарышкинѣ не видно, но, по дальнѣйшимъ его распоряженіямъ, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что затворничество главнаго командира не прошло для заводовъ безъ благотѣльныхъ улучшеній и болѣе или менѣе разумныхъ распоряженій на первое время.

„Разсматривая состояніе заводскихъ крестьянъ,—писалъ онъ въ нерчинскую заводскую контору:—нашелъ я нѣкоторыя ихъ селенія утѣшенными и недостаточными въ земляхъ, а напротивъ того зная, что заводскіе офицеры (получая отъ казны съ жалованьемъ и раціоны, равно какъ и самъ я) пользуются землями для своихъ пашень и сѣнныхъ покосовъ, то дабы крестьяне получать могли возможные выгоды и не терпѣли бы въ земляхъ недостатка, коимъ, по всей справедливости, онѣ принадлежатъ больше всякаго состоянія людей, отнынѣ запрещается всякому офицеру или въ службѣ находящемуся человеку, сверхъ своего опредѣленнаго жалованья, владѣть землями, что наблюдать при заводахъ и рудникахъ управителямъ; землю офицеры обязаны нанимать повольно у крестьянъ; изъ сего правила исключаются мѣста, лежація въ отдаленіи и въ совершенной пустотѣ“.

Такимъ рѣшительнымъ распоряженіемъ началъ Нарышкинъ свое управленіе заводами, устремляя вниманіе преимущественно на крестьянъ, быть которыхъ его особенно заботилъ.

Видя трудность ихъ положенія относительно платежа податей и исправленія заводскихъ работъ, онъ поспѣшилъ привести все это для себя въ ясность. По его соображеніямъ и по расчету оказалось, что заводскіе крестьяне платили впятеро больше, чѣмъ сосѣдніе государственные крестьяне. Чтобы облегчить ихъ участь съ этой стороны, онъ отдалъ сроки для сбора подушныхъ денегъ и вмѣсто мая назначилъ іюнь, а съ другой—упразднилъ право располагать крестьянскими работами, направленіе которыхъ до этого времени зависѣло отъ заводскихъ конторъ. Въ то же время освободилъ онъ заводскихъ крестьянъ отъ излишнихъ работъ, назначаемыхъ тѣмъ изъ нихъ, за которыми осталась казенная недоимка. При этомъ Нарышкинъ высказался, во всеобщее извѣстіе, слѣдующимъ образомъ: „Должность начальника не только въ томъ есть, чтобы пользоваться лестною при первомъ видѣ казны выгодой, но примѣчать того: не ведетъ ли она съ собою, на настоящее и будущее время какого неудобства и, вмѣсто пользы, не можетъ ли произвести вредъ“.

На основаніи этихъ убѣжденій, онъ поспѣшилъ сложить съ крестьянъ всѣ заводскія работы, опредѣленныя на 1777 годъ, и съ тѣмъ, однако же, чтобы настояція они „исправили въ положенное время неотмѣнно“, обѣщая не исправныхъ употребить въ каторжную работу. Возить руду со всѣхъ рудниковъ и во всѣ заводы дозволилъ каждому крестьянину, прибавивъ по два рубля на каждую тысячу пудовъ, и деньги за возку приказалъ „выдавать стараться безъ малѣйшаго промедленія, чтобы этимъ самымъ больше возчиковъ пріохотить“. Для устранинія злоупотребленія, назначилъ надежныхъ смотрителей.

„Для сохраненія лучшаго и добраго порядка между крестьянами“ онъ учредилъ въ помощь старостамъ, должности двухъ судей, которыхъ выбираютъ сами крестьяне, а начальство только приводитъ къ присягѣ. 4 іюня того же 1777 года, указомъ своимъ уничтожилъ въ селеніяхъ приказныя избы, переименовавъ ихъ въ земскіе суды. Судахъ этихъ далъ наставленія относительно земледѣлія и сельскаго хозяйства. Въ „наставленіяхъ“ этихъ Нарышкинъ успѣлъ показать въ себѣ практическаго и знающаго человека. Говоря о хозяйствѣ, входитъ въ мельчайшія подробности и обличаетъ въ себѣ большого знатока дѣла и замѣчательнаго практика,

хотя въ правилахъ о домообзаводствѣ разсыпалъ много утопій, но, въ то же время, высказалъ много дѣльныхъ замѣтокъ *). Наставленія и правила эти онъ велѣлъ читать крестьянамъ по церквамъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церквей нѣтъ, предписалъ собирать крестьянъ въ земскіе суды.

Уходя дальше въ своихъ заботахъ о земледѣліи, Нарышкинъ увеличилъ число запасныхъ магазиновъ, но хлѣбъ предполагалъ складывать только на одинъ годъ. Хлѣбъ закупалъ самъ и продавалъ его немущимъ по казеннымъ цѣнамъ; нерѣдко отпускалъ въ долгъ. Заботился о разведеніи въ Аргунскомъ острогѣ конопля и собственноручно писалъ правила и руководства для ея мочки. Исправныхъ старшинъ, явившихся въ канцелярію съ дѣльными, правдивыми и честными отчетами, угощалъ у себя въ квартирѣ и обдаивалъ; съ тѣхъ вѣстѣй, обо всѣхъ таковыхъ публиковалъ во всеобщее извѣстіе.

Въ Аргунскомъ острогѣ Нарышкинъ намѣревался построить для престарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ богадѣльню, а въ Нерчинскомъ заводѣ прилагалъ сильное стараніе къ тому, чтобы существовавшій тамъ школу привести въ лучший порядокъ „колько возможно, и ученики людьми завестися“. Всѣхъ учащихся и учащихся собрано было до 77 человекъ. 21 апрѣля 1778 года училище было открыто и поручено въ дирекцію способнѣйшему человѣку, Николаю Иринарову **).

Таковъ краткій перечень всѣхъ тѣхъ распоряженій, которыя характеризуютъ заботливость новаго нерчинскаго командира о заводскихъ крестьянахъ. Насколько они имѣли успѣха въ практическомъ примѣненіи—по дѣлу о Нарышкинѣ не видно. Извѣстно только то важное и характеристическое обстоятельство, что

*) Въ этихъ наставленіяхъ особенную заботу онъ прилагаетъ къ удобренію полей и посѣвамъ. Такъ, совѣтуетъ мочить сѣмена черезъ ночь въ навозномъ соку и пересыпать лежалю на воздухѣ известью. Выжженные поля и нови совѣтуетъ проходить наѣзною сохою вдоль и поперекъ столько разъ, сколько потребно для разсѣченія корней, которые потомъ легко вывалиются. Мѣста, гдѣ хлѣбъ худо родится, предлагаетъ пахать на быкахъ, ибо-де одна лошада не имѣетъ силы противъ двухъ быковъ, а пара быковъ не дороже хорошей пахотной лошади. Сѣять хлѣбъ предполагаетъ мельче, „мельче сѣянный,—говоритъ онъ:—родится лучше глубоко сѣянаго; самъ дѣлалъ опыты и счастливый результатъ остался на его сторонѣ. Запахивать посѣянный хлѣбъ (какъ это дѣлаютъ крестьяне) не совѣтовалъ, но полагалъ срѣзывать стебли озимыхъ всходовъ даже до 4-хъ разъ. Даетъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ для леченія заболѣваго скота и нѣсколько гигиеническихъ для предотвращенія скота отъ болѣзней, и проч. и проч.

**) Въ учителя назначены: унтеръ-шпихмейстеръ Хоппа и ссыльный, находящійся въ работѣ, Семенъ Лицкий.

Нарышкинъ, черезъ полтора года послѣ своего пріѣзда въ заводъ, получалъ отъ крестьянъ Уровской сотни благодарственное письмо и двѣ „кормленныя коровы“ въ подарокъ. Крестьяне писали ему: „Мы отъ тебя наставленія получили, мы то узнали о Богѣ, государѣ и ближнемъ, чего не только не слышали, но и никто намъ о сихъ вещахъ не сказывалъ. Вы всѣхъ своихъ, позволите сказать, овецъ питаете собственнымъ обѣдомъ, не занимая отъ насъ ни фунта хлѣба, съ разбрасываньемъ не мало намъ же денегъ, поя притомъ виномъ“. На эти весьма замѣчательныя строки Нарышкинъ отвѣчалъ также подаркомъ (двумя имперіалами) и письмомъ. Въ письмѣ своемъ онъ пишетъ, между прочимъ: „Упоминаете вы, что въ бытность мою здѣсь, не требуя я отъ васъ хлѣба и всего, тому подобнаго даромъ, но собственно самъ угощаю васъ наивозможнымъ образомъ,—повѣрьте, друзья мои, что я здѣсь, по власти царствующей надъ нами государыни, не раззорять пришелъ, но доставить каждому изъ изъ васъ, koliko могу, благополучную жизнь и добрую надежду“.

Въ своихъ хвастливыхъ увѣреніяхъ Нарышкинъ, по своему, былъ правъ, правъ именно въ тѣхъ убѣжденіяхъ, къ которымъ онъ пришелъ послѣ внимательнаго знакомства съ состояніемъ заводовъ и послѣ разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, относящихся до общественнаго быта какъ крестьянъ, такъ и каторжныхъ. Вотъ къ какимъ положеніямъ пришелъ Нарышкинъ и вотъ что объявлялъ онъ, въ одномъ изъ своихъ указовъ, во всенародное извѣстіе:

„Прежде, нежели я вступилъ на степень здѣшняго правленія, земледѣльцы не имѣли способнаго для нихъ земскаго правленія, но всегда управляемы были посылаемыми отъ канцеляріи здѣшняго горнаго начальства управителями и приказчиками, изъ коихъ многіе (какъ мнѣ извѣстно по доходившимъ до меня просьбамъ) не какъ вѣрныя рабы своей государыни и истинные сыны отечества, учреждали свои поступки къ пользѣ и спокойствію врученныхъ имъ согражданъ, но, предводительствуемы будучи одними страстями и порочнымъ самолюбіемъ, отягощали бѣдныхъ землевладѣльцевъ гнуснымъ своимъ корыстолюбіемъ и взятками“. Управители не только не старались поощрять крестьянъ къ работѣ и приводить земледѣліе въ цвѣтущее состояніе, но, „продолжая алчность богопротивнаго иконолюбія“, открывали крестьянъ отъ обыкновенныхъ работъ и тѣмъ доводили земледѣльца до унынія и нерадивости. „И какъ надлежало земледѣльцу чудныя натуры руководствомъ продолжать свое полезное отечеству дѣланіе, т. е. пахать землю и сѣять хлѣбъ не пропуская времени, дабы оный успѣлъ къ своему созрѣнію въ удобное время“, эти начальники находили для себя

таковые дни золотою жатвою. Прицѣпившись несправедливымъ образомъ, они нагло „вымучивали“ деньги и скота, и считая, что крестьянинъ, имѣя нужное время въ своемъ земледѣліи, не пощади́тъ отдать послѣдняго имущества, дабы успѣть въ своемъ богоугодномъ предпріятіи“. Отъ этихъ проволокъ, въ самое нужное для посѣву время, крестьяне остались безъ пропитанія, въ отягощеніе обществу, а истощивъ послѣднее имущество на пищу, „не имѣли чѣмъ заплатить государственнымъ положеннымъ подати“. „Отъ такихъ поступковъ столь почти далеко произросло все вышеписанное зло, что не осталось почти сотой части крестьянъ, которые бы не состояли за нѣскольکو лѣтъ обыкновенныхъ податей подъ недоимкою. Отъ сего иногда государственная казна терпитъ недостатки и въ случаѣ нужныхъ для пользы отечества учрежденій терпитъ остановки. Сверхъ того, ежели паче чаянія (чего Боже сохрани!), въ случаѣ недоимки, то не думаю, чтобы во всемъ здѣшнемъ вѣдомствѣ могло ссытаться такихъ сто семей, которыя бы, черезъ годичное время, могли пропитать свое семейство. Изъ чего ясно можно видѣть (въ разсужденіи отдаленности здѣшняго мѣста отъ всѣхъ, обитаемыхъ земледѣльцами мѣстъ), какая можетъ произойти гибель человѣческаго рода, а государству ущербъ“.

Не падя далѣе самыхъ лъстивыхъ и мудреныхъ выраженій, чтобы возбудить къ себѣ народную привязанность и довѣріе, Нарышкинъ не щадитъ заводскихъ чиновниковъ. Не щадитъ онъ ихъ и фактически, на самомъ дѣлѣ. Уставщика Семена Вѣлаго, который „отважился“ препятствовать хорошей плавкѣ рудъ и сдѣлалъ вмѣсто назначенной ему другую смѣсь, чтобы лучше прежняго не было—велѣлъ Нарышкинъ прислать „бездѣльника скованнаго“. Такимъ образомъ, преслѣдуя взятки, похлѣбства и въ дѣлахъ поноровки, одного чиновника разжаловалъ въ рабочіе за то, что нашелъ у него поклонное: деньги, соболей, лошадей и штофъ французской водки. Прaporщика Тыркова, уличеннаго въ дѣланіи кредитныхъ билетовъ и въ распространеніи ихъ въ народѣ, заковалъ въ цѣпи. Сихмейстера Боршина лишилъ чина и записалъ въ рудокопщики третьей статьи.

Открывъ въ Шилкинскомъ заводѣ злоупотребленія по утайкѣ рудъ (когда пріемщики приписывали излишнее количество рудъ и угля, а избытокъ записывали въ расходъ), Нарышкинъ рѣшился серьезно подумать объ искорененіи злоупотребленій. Мѣрою для этого онъ предположилъ прибавку служителямъ и чиновникамъ жалованья, что и привелъ въ исполненіе *), но не имѣлъ успѣха. Вскорѣ онъ

*) Получавшіе прежде 60 рублей, при Нарышкѣ стали брать 96; получавшіе 48—84 р.

убѣдился въ томъ, что это пустило корни гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и потому прибѣгнулъ къ другому средству. Въ секретари себѣ онъ выбралъ двухъ секретныхъ колодниковъ—Алексѣя Исакова и Ивана Жихарева, назначивъ имъ обоемъ по 60 руб. въ годъ жалованья, и придавъ имъ въ помощники еще трехъ человѣкъ и также взявъ числа секретныхъ арестантовъ (Трифона Карпова, Матвѣя Семенова и Замятнина) и также съ приличнымъ жалованьемъ, хотя и на половину противъ прежнихъ двухъ *). Изъ остальныхъ смыльных 331 человѣка съ обыкновенной трехденежной платы въ день свелъ въ окончное жалованье. Многихъ производилъ въ чины и опредѣлялъ въ писарскія и другія должности по своему усмотрѣнію. Вообще, въ растратѣ казенныхъ денегъ не стѣснялся, велъ себя какъ самовластный и неограниченный повелитель, дралъ батожемъ и не сказывалъ за что, „извѣстно-де мнѣ единому“. Указомъ запретилъ смыльныхъ называть варнаками, трапами, арканниками и чалдонами и „тѣмъ безъ нужды, напоминая колкія слова, не отваживались бы, а кто сіе учинитъ, такой, яко не повинующійся, жестоко наказанъ будетъ, ибо смыльные люди имѣютъ такое же чувство, какъ и всѣ прочіе, хотя они передъ Богомъ и государынею прегрѣшили“. По поводу одного бѣглаго изъ Дучарскаго завода онъ писалъ: „Я всякому, во всѣхъ командахъ имѣющимъ, отъ притѣсненій и неудовольствій бѣжать къ покрову императорскому позволяю. Я самый исполнитель воли всеавгустѣйшей Екатерины II и подъ покровъ ея всѣхъ страждущихъ, обижаемыхъ и стѣсняемыхъ пріемлю и дѣлаю справедливыя разбирательства. Всякій бездѣльникъ, ябедникъ и клеветникъ, не хотящій трудиться въ своей должности, такъ какъ недостойный воззрѣнія императорскаго, не будетъ принятъ подъ покровительство, а какъ богоотступникъ, извергъ человѣческаго рода, по мѣрѣ своего преступленія, неупустительно накажется“.

Насколько Нарышкинъ былъ искрененъ въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, можно судить по тому, что тотчасъ по пріѣздѣ быстро выстроилъ, по желанію императрицы, около Кутомарскаго завода вододѣйствующій заводъ, въ самомъ же заводѣ соорудилъ храмъ во имя св. Екатерины, „въ честь великой и славной царствующей государыни“, какъ выразился онъ въ объявленіи, назначенномъ во всенародное извѣстіе.

и проч. Прибавлялъ Нарышкинъ къ прежнимъ окладамъ отъ 36 руб. и до 2-хъ руб. въ годъ (ниже двухъ не опускался).

*) Нарышкинъ привезъ съ собою въ Петербургъ одного штабъ и шесть человѣкъ оберъ-офицеровъ и лекаря, сверхъ положенныхъ въ штатѣ до того времени. Чиновниковъ этихъ онъ взялъ не по выбору, но по вызову.

Заводъ водяной оконченъ былъ къ 29 іюня— дню восшествія Екатерины на престолъ *).

Устанавливая собственные праздники **) и освобождая ссыльных отъ работъ на недѣлю, на 10 дней и болѣе (съ сохраненіемъ жалованья), Нарышкинъ, въ оправданіе себя, говорить, что онъ дѣлаетъ это, „дабы всѣ были въ великой радости и возсылали молитвы о многолѣтнемъ монархини нашей здравіи, пекущейся о тишинѣ и спокойствіи“.

Съ особенною торжественностью праздновалъ Нарышкинъ день рожденія Екатерины, 21 апрѣля 1776 года, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ рѣшился оставить свое уединеніе и показаться народу ***).

Послѣ обѣдни въ заводской церкви сдѣлалъ производство въ классные чины: маркшейдера Головачева—въ коллежскіе ассесоры, четырехъ гиттенфервальтеровъ—въ секундъ-маіоры, четырехъ бергъ-гешвореновъ—въ премьеръ-маіоры, восемь шихтмейстеровъ—въ бергъ-гешворены (изъ которыхъ одного въ бергъ-гешворены и капитаны, а другого—въ бергъ-гешворены и поручики); двухъ гиттенфервальтеровъ—въ бергъ-гешворены, трехъ унтеръ-шихтмейстеровъ—въ шихтмейстеры; нѣкоторыхъ канцеляристовъ—въ регистраторы, нѣкоторыхъ копѣистовъ—въ канцеляристы, регистраторовъ—въ аудиторы и проч. и проч. Всего, такимъ образомъ, произведено имъ 127 человекъ. Всѣ они, послѣ обѣдни, приведены были Нарышкинымъ къ присягѣ. Торжество это привлекло потомъ къ дому главнаго командира огромное количество окрестнаго народа и всѣхъ до единого заводскихъ жителей. Нарышкинъ вышелъ къ народу, говорилъ ему рѣчь „о Богѣ, о государѣ, о должности къ ближнему, о повиновеніи къ начальникамъ“.

*) Убѣждая до того времени въ Иркутскѣ, Нарышкинъ писалъ къ управителю Губанову и бергъ-гешворену Казимирову: «Ежели онаго завода я не получу, то долженъ буду тожить свою совѣсть и мучиться, и безъ шутокъ нашу обоимъ васъ въ рудопопщии».

**) Напр., установилъ праздникъ «Открытіе новой благодати»; приказалъ, чтобы всѣ каялись во грѣхахъ, и для этого остановилъ всѣ заводскія работы.

***) Въ первый разъ, по приѣздѣ въ Сибирь и послѣ 11-ти-мѣсячнаго добровольнаго заключенія дома (причемъ не приказывалъ отворять ставни), Нарышкинъ вышелъ въ первый день Пасхи, какъ увѣряетъ народное преданіе, вообще къ нему недружелюбное. Оно говоритъ, что Нарышкинъ заставилъ попа служить прежде заутрени обѣдню и ватѣмъ ходилъ потомъ въ церковь ежедневно. При этомъ двѣ чиновницы вели его подъ руки; онъ шелъ, приплясывая и пѣлъ любимую свою пѣсню: «Батюшка богатъ—черевички купилъ». Такъ, между прочимъ, народъ еще сохранилъ нѣкъ странностей и выходокъ Нарышкина одну также въ преданіи: сну его мѣшала голосистый ретивый пѣтухъ; Нарышкинъ, чтобы избавиться отъ докучливаго соседа, въ силу присвоенной ему командирской власти, приказалъ пѣтуха заковать въ кандалы.

Послѣ этой рѣчи всѣмъ собравшимся онъ поднесъ по стакану вина, каждому далъ по три аршина тонкаго холста и посадилъ за столы, приготовленные на 600 человекъ. За малымъ столомъ послѣ обѣдалъ самъ Нарышкинъ и съ нимъ вмѣстѣ по два человека ссыльных, заводскихъ служителей и солдатъ „самыхъ дурнѣйшихъ“. „Причемъ услужены были (т. е. услуживали имъ) штабъ и оберъ-офицерами, достойными сей человеколюбивой чести“, какъ сказано въ описаніи, составленномъ по приказанію Нарышкина и приложенномъ къ дѣлу о немъ, изъ котораго мы и беремъ всѣ эти подробности.

Послѣ обѣда Нарышкинъ, въ своихъ покаяхъ, угощалъ на 90 кувертовъ „знатнѣйшихъ сего мѣста особъ“ *). Всѣмъ обѣдавшимъ за прочими столами онъ выдалъ каждому по 10 копеекъ денегъ, какъ служителямъ и солдатамъ, такъ равно и всѣмъ ссыльнымъ. Послѣ этой раздачи палили нещадно изъ пушекъ, стрѣляли изъ ружей. Вечеромъ въ домъ главнаго командира открылся балъ, во время котораго также не мало выброшено было народу денегъ. Балъ кончился на разсвѣтѣ. „Приведенная изъ здѣшняго батальона рота производила черезъ всю ночь палъбу“ и получила за то награженіе въ 350 руб. Послѣ пробитія вечерней зари зажжена была иллюминація.

Всѣ эти поступки Нарышкина, какъ растрата казенныхъ денегъ, такъ и униженіе чиновничьяго достоинства, естественнымъ образомъ вскорѣ же породили ему многихъ враговъ. Первымъ изъ нихъ заявился заводскій лекаръ Томиловъ. Томиловъ, разъ поссорившись за что-то съ сыномъ своимъ, шихтмейстеромъ Александромъ, началъ его бить. Александръ Томиловъ выговаривалъ отцу:

— Батюшка! что же ты меня бьешь и для чего бранишь? Я нынѣ офицеръ, пожалованъ главнымъ командиромъ Василиемъ Васильевичемъ Нарышкинымъ.

— Главный командиръ,—отвѣчалъ на это лекаръ: — пріѣхалъ сюда не дѣла дѣлать, а только казну расточать, да порошекъ разстрѣливать и пьянствовать.

Рѣчи эти доложены были Нарышкину, признаны непристойными и лекаръ посаженъ былъ въ тюрьму. Здѣсь вынудили у него сознаніе, что онъ все это говорилъ въ пьяномъ видѣ.

Затѣмъ Нарышкинъ, желая показать себя великодушнымъ, писалъ во всеобщее извѣстіе:

„Какъ съ одной стороны разсужденія лекаря Томилова, яко весьма неважной особы, никакъ

*) Описаніе прибавляетъ при этомъ: «За столомъ, между прочими, посажены были на верхнемъ мѣстѣ достойный и ревностный Шагинъ-Кой сотни староста Шестаковъ и незаконно пострадавшій и увѣченныи среброраздѣлительный подмастерье Шипуновъ».

не могутъ вредить чести моей, то я всѣми его разсказами презираю, а съ другой стороны, внушая подчиненнымъ своимъ кротость и великодушіе и будучи самъ христіанинъ и человѣкъ, снисходя къ слабостямъ человѣческимъ, прощаю въ примѣръ другимъ лекаря Томилова въ обидѣ, касающейся до моей особы, соболѣзнуя, что сей человѣкъ, не чувствуя всѣхъ дѣлаемыхъ мною увѣщеваній, до такой крайности напивается, что, потерявъ разсудокъ, говорить дѣла, о которыхъ въ трезвомъ умѣ не помышляеть и помышляеть никакихъ причинъ не имѣеть, кромѣ взятія мною изъ казны нѣкоторой суммы денегъ, о которой уже ея императорскому величеству донесено. Почему лекаря Томилова, обще со всѣми, по его дѣлу подѣ арестомъ содержащимися, освободить“ (мая 5 дня 1776 г.).

Высказавшись такимъ образомъ въ бумагѣ этой, какъ избалованный и гордый придворный расточительныхъ временъ Екатерины, Нарышкинъ и при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ своихъ не стѣснялся въ личномъ произволѣ, какъ бы доказывая тѣмъ, что онъ никого не боится и что въ Петербургѣ при дворѣ у него покровительствующая сила. Преданіе говоритъ, что Нарышкинъ былъ крестникомъ императрицы, а дѣла его—что онъ былъ столько же избалованъ широкимъ размахомъ тогдашней придворной жизни, сколько и самъ надѣленъ былъ отъ природы широкою, такъ называемою русскою натурою. Выйдя изъ уединенія на свѣтъ, Нарышкинъ какъ будто съ этой поры измѣнился, сталъ инымъ человѣкомъ, тѣмъ тотъ, какимъ мы видѣли его до сихъ поръ въ административныхъ его распоряженіяхъ. Отъ обаянія ли собственной власти въ отношеніи къ заводамъ или подѣ влияніемъ протектирующей силы при петербургскомъ дворѣ, Нарышкинъ съ этой поры началъ дѣйствовать съ большою рѣшительностью. Рѣшительность эта увлекла его въ безумный произволъ, а произволъ сдѣлался и нелогичнымъ и повелъ за собою неправильные поступки. Неправильные поступки ввели его въ преступленія противъ закона и правъ человѣческихъ и—Нарышкинъ погибъ подѣ тяжестью собственныхъ дѣяній, запутавшись, въ то же время, въ тенетахъ, разставленныхъ многочисленными его врагами, въ которыхъ онъ видѣлъ до конца своихъ искреннихъ и нелицемѣрно преданныхъ друзей. Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Купецъ Копосовъ у вдовы Шепетковой за долгъ (пяти руб.) отнялъ домъ. Вдова жаловалась главному командиру. Нарышкинъ заплатилъ купцу долгъ изъ собственныхъ денегъ, но Копосовъ предъявилъ къ вдовѣ долгу еще 9 р. Тогда Нарышкинъ велѣлъ его бить батожемъ „яко притѣснителя бѣдныхъ, какъ недостойнаго быть въ здѣшнемъ обществѣ“, и выгналъ его

изъ завода. Затѣмъ онъ разослалъ по всему пути (который долженъ былъ совершить Копосовъ) ордеры, чтобы заводскіе управители высылали купца изъ заводскаго вѣдомства. „А между тѣмъ, чтобы сей корыстолюбивый стяжатель не пользовался торгомъ здѣшняго мѣста“, Нарышкинъ приказалъ маркшейдеру Головачеву описать товары и лавку Копосова и съ нимъ вмѣстѣ изъ всего заводскаго вѣдомства эти товары выслать „съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы дорогою никто у сего гнуснаго и самовольнаго обидчика не покупалъ“. Управитель Городищенской слободы обязанъ былъ выпроводить Копосова изъ границъ Читинскаго острога. Передъ отправленіемъ изъ Нерчинскаго завода, Копосову выдана была подорожная, но за двойные прогоны. Обо всемъ этомъ (21 мая 1776 года) опубликовано было во всѣхъ мѣстахъ нерчинскаго вѣдомства.

Гоненіе на купцовъ Нарышкинъ этимъ не кончилъ. Зная, что заводскіе обыватели покупали все у прѣзжихъ купцовъ дорогою цѣною и, платя серебромъ, впадали въ крайность; принимая также въ расчетъ и то, что купцы деньги увозятъ съ собою, а особенно серебро, „отчего вся оная отдаленная часть государства остается безъ денегъ и крестьяне, вмѣсто возможнаго обогащенія, раззоряются“,—Нарышкинъ выдумалъ новыя крутыя мѣры. Мѣры эти, не основанныя ни на какихъ особенно дѣльныхъ и практическихъ основаніяхъ, состояли въ томъ, чтобы купцы записывались при заводахъ на житье. Съ 1777 года онъ рѣшилъ не дозволить больше торговать „этакимъ наѣзднымъ образомъ“. „Правленіе заводовъ,—пишетъ Нарышкинъ:—лучше предоставить себѣ стараться о продовольствіи жителей, нежели согласится оставить ихъ торгъ на нынѣшнемъ основаніи. Люди (но отнюдь не бѣглецы, а такіе, которые бы способствовали возстановить благосостояніе общества своимъ добрымъ заведеніемъ торгу) поступаютъ подѣ защиту и особенное покровительство заводскаго начальства“.

Увлеченный, такимъ образомъ, только вышнюю поверхностною стороною дѣла, безъ изслѣдованія внутреннихъ причинъ, Нарышкинъ бумажно, теоретически, можетъ быть, и былъ правъ. Въ практическомъ же примѣненіи своихъ распоряженій онъ былъ окончательнo несчастливъ. Въ нѣкоторыхъ изъ его сочиненій, написанныхъ въ пользу крестьянъ и ссыльныхъ, съ одной стороны видно сильное желаніе быть фактически полезнымъ, но за то съ другой—всѣ его наставленія и совѣты отзываются почасту блестящею и кудравою фразою и мало ведутъ за собою настоящаго дѣла, основаннаго на твердой и прочной почвѣ. Видно, что Нарышкинъ знакомъ съ ученіемъ энциклопедистовъ—моднымъ въ то время; замѣтно, что онъ дошелъ до нѣкоторыхъ соціальныхъ убѣжденій,

но все это легло въ его головѣ безъ всякаго порядка и незаконно спуталось съ мрачными тенденціями ханжи и лицемеря. Такъ, напримеръ, додумавшись до необходимости внушенія колодникамъ истиннѣ вѣры и составивъ по этому случаю особое толкованіе, онъ предполагалъ возможность черезъ это конечнаго исправленія не только уличенныхъ преступниковъ, но даже и тѣхъ, которые еще намѣривались впасть въ преступленіе. Вдобавокъ ко всему, Нарышкинъ велѣлъ читать это наставленіе виновнымъ только въ присутствіи, передъ допросомъ. Не смотря на всю толковость и непонятливость для простаго народа его краткаго наставленія, оно не имѣло успѣха *). Не имѣли успѣха—и потому именно, что также были непрактичны—и тѣ указы Нарышкина, которые онъ разослалъ во всѣ приказныя избы по поводу пристанодержательства бѣглыхъ. Строго предписывая, чтобы никто изъ крестьянъ не держалъ у себя бѣглыхъ, называвшихъ себя прохожими людьми, никто бы не отваживался давать имъ хлѣба, Нарышкинъ забывалъ при этомъ, что хлѣбосольство—коренное народное убѣжденіе и что крестьяне въ бѣглыхъ видѣли дешевыхъ работниковъ, которыхъ иначе они нигдѣ и никогда въ то время не могли получить ни за какія деньги. Напрасно старался онъ внушить крестьянамъ необходимость требовать письменные виды у всѣхъ тѣхъ, кто добровѣрно приходитъ къ нимъ въ избы; гостепріимство на это не обязываетъ. Напрасно также голословно толковалъ онъ крестьянамъ, что укрывательство ищущихъ у нихъ покровя „поступокъ слабый, который не только не можно за человеколюбивый почестъ, но больше они тѣмъ составляютъ вредъ

*) Наставленію этому Нарышкинъ предпослалъ такое предисловіе: «Какъ должность истиннаго христианина, польза каждаго сына отечества, а паче благосостояніе и непоколебимость священнѣйшаго престола требуетъ того, чтобы всѣ впадающіе удобо-попозволеннымъ естественомъ въ противныя Богу, священнымъ монаршескимъ уставамъ и должности честнаго человека преступленія, безъ всякаго кровопролитія и излишняго истязанія, раскаявшись во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, могли чистосердечно открывать всѣ свои преступническія дѣла, и какъ здѣшнее мѣсто определено къ принятію и содержанію всѣхъ прислаемыхъ за свои преступленія и изъ оныхъ таковыя есть, которые столь окаменѣли въ своихъ сердцахъ, что никакою жестокостью, никакими истязаніями къ раскаянію приведены быть не могутъ, то въ такомъ случаѣ потребно представлять таковымъ лишеннымъ Божіей благодати нижеслѣдующее (слѣдуетъ 5 пунктовъ или §§). Въ толкованіяхъ объ истиннахъ вѣры колодникамъ, Нарышкинъ ведетъ къ понятію о грѣхѣ историческимъ разсказомъ священнаго исторіи Ветхаго Завета и къ понятію объ искупленіи отъ грѣха подробностями явленія Христа на землѣ съ Новымъ Заветомъ. Толкуетъ о покаяніи такъ, какъ бы могло толковать только духовное лицо и, притомъ, образованное въ истинномъ смыслѣ этого слова.

обществу и прогнѣваютъ самого Бога“, хотя, конечно, Нарышкинъ и справедливъ въ своемъ заключеніи, что „такимъ пропускомъ бѣглецовъ крестьяне дадутъ способъ къ исполненію злодѣйскихъ намѣреній, ко своимъ и ближнихъ огорченіямъ“.

Такимъ былъ Нарышкинъ въ своихъ административныхъ стремленіяхъ. Болѣе послѣдовательнымъ является онъ въ частныхъ распоряженіяхъ, хотя и возбуждаетъ уже меньшее къ себѣ сочувствіе. Избалованный роскошною жизнью въ Петербургѣ и поставленный потомъ въ дальнюю и еще дикую среду нерчинской жизни, онъ искалъ развлеченій, былъ расточителенъ; не вѣдая контроля, онъ въ этомъ и другомъ отношеніи доходилъ до излишества и, судя по народнымъ преданіямъ, до какого-то страннаго и сосредоточеннаго чудачества. Растративъ всю заводскую казну на празднества и разбрасыванье денегъ въ народъ, онъ прибѣгалъ къ частнымъ займамъ, но избалованный столичною поведомъ, долговъ своихъ не платилъ. Главнымъ помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ его родной братъ Алексѣй, а главнымъ и пока исключительнымъ мишенью всѣхъ его нападеній ради денегъ былъ богатъ Михайла Сибириковъ, который, съ дозволенія бергъ-коллегии, выстроилъ (въ 1744 г.) сереброплавильный заводъ, употребивъ на него 50 тысячъ. Въ распоряженіи этого Сибирикова находилось до 600 тысячъ пудовъ руды. Нарышкинъ хорошо зналъ все это и потому часто, не ограничиваясь подарками, бралъ у него деньги въ большомъ количествѣ. Послѣ многихъ удачныхъ опытовъ и наѣздовъ на карманъ и сундуки богатаго Сибирикова, Нарышкинъ,—расточительный, самонадѣянный, избалованный, не знавшій мѣры въ собственныхъ желаніяхъ,—потребовалъ отъ Сибирикова еще 5 тысячъ на какую-то коммерческую компанію (можетъ быть для продажи въ Иркутскѣ привозимыхъ на Кяхту китайскихъ шелковыхъ товаровъ). Сибириковъ отказалъ ему, говоря, что самъ накопилъ много казеннаго долгу, да и денегъ-де нѣтъ и взять негдѣ. Нарышкинъ—прибавляетъ народное преданіе—собралъ наличную артиллерію, зарядилъ пушки и окружилъ домъ Сибирикова, обѣдая стрѣлять, если Сибириковъ не дастъ ему денегъ. Дѣло это кончилось тѣмъ, что Сибириковъ вышелъ на крыльцо съ серебрянымъ подпосомъ, на который выложилъ затребованную сумму, и съ низкими поклонами вручилъ ее Нарышкину. Нарышкинъ отпустилъ команду и пушки и, войдя въ домъ Сибирикова, до поздней ночи пировалъ съ нимъ шумно и весело.

Такая нужда въ деньгахъ, поимно разбрасыванья въ народѣ, объясняется въ Нарышкинѣ тѣмъ, что онъ началъ заводить кое-какія собственныя хозяйства: такъ, на рѣчкѣ Чальбути при деревнѣ онъ выстроилъ домъ и при

немъ водяную мельницу. Объ устройствѣ этого хозяйства онъ сильно заботился и черезъ каждыя двѣ недѣли получалъ рапорты объ его благосостояніи и о всѣхъ работахъ. Работами заведывалъ нерчинскаго батальона сержантъ Иванъ Жеребцовъ. Домъ этотъ въ бывшемъ Успенскомъ монастырѣ строился поспѣшно и съ немедленною ежедневною выдачею плотникамъ денегъ. Въ два мѣсяца (іюнь и іюль) домъ этотъ былъ отстроенъ *). При немъ заводилось хозяйство: приведены табунъ лошадей (22) и стадо рогатаго скота (до 20 головъ); сдѣланы запасы корму, какъ для нихъ, такъ и для собакъ. Мельница пущена въ ходъ, причемъ одинъ изъ довѣренныхъ Нарышкина лицъ, именно Кесслеръ, палилъ изъ пушекъ „за здравіе нашего высокородія и благополучное путешествіе непрерывно“, какъ рапортовалъ онъ своему главному командиру **).

Расширивъ такимъ образомъ свою дѣятельность, Нарышкинъ выѣхалъ изъ Нерчинскаго завода въ Иркутскъ, оставивъ на мѣсто себя маркшейдера Дмитрія Головачева. Цѣль этого путешествія Нарышкинъ объяснялъ всенародно 12 іюля 1776 года въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„По опредѣленіи меня на нерчинскіе сереброплавящіе заводы главнымъ командиромъ, до отправления еще въ оныя изъ С.-Петербурга, согласились мы съ опредѣленнымъ въ Иркутскую губернію со влостью губернаторскою господиномъ бригадиромъ Нѣмцовымъ, зная намѣренія ея императорскаго величества, чтобъ обитающихъ здѣсь братскихъ и тунгусовъ привести въ вѣру греческаго закона по собственному ихъ желанію, чего я и не начиналъ производить до пріѣзду господина Нѣмцова, не надѣясь на прежде бывшаго Вриля въ разсужденіи нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ. А какъ извѣстно уже было до сего, почти во всѣхъ мѣстахъ по сю сторону Байкаль-моря недѣли за три или болѣе, что я, слѣдуя съ нерчинскихъ сереброплавящихъ заводовъ въ Иркутскъ, по пути, изъ усердія къ Богу и къ службѣ ея императорскаго величества, имѣлъ счастье по многимъ увѣщаніямъ и приложеннымъ моимъ трудамъ, во 1-хъ, тунгусскихъ зайсановъ и ихъ подчиненныхъ привести въ св. крещеніе, конхъ чрезъ короткое время,

*) Въ отстроенный домъ приведены были двѣ борзыхъ собаки и 4 лисенка. Езъ смотрѣнію за ними приставленъ былъ мальчикъ, съ платою по 10 руб. въ годъ.

**) Сколько самъ Нарышкинъ любилъ палить изъ пушекъ, столько же не щадили казеннаго пороха и его приближенные. Такъ, напр., тотъ же Кесслеръ палилъ 28 іюня „до самаго вечера во здравіе государыни“, затѣмъ уѣхалъ въ Дучарскій заводъ и тамъ палилъ. „Все изъ любви къ вамъ, — писалъ самъ Кесслеръ: — и господа офицеры, взявши на свой счетъ пороха, произвели довольно стрѣльбу“.

въ провѣдѣ моемъ, по собственному ихъ желанію и дѣйствительно человѣкъ до ста воспріяли вѣру греческаго исповѣданія, а потомъ и братскіе начали было нѣсколько имѣть къ тому охоту, изъ нихъ также нѣкоторое число человѣкъ приняло святое крещеніе и за помощью Божию надежность оказывали“.

Такъ писалъ Нарышкинъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Для большаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, онъ поилъ тайшей и тунгусовъ виномъ *), снискивалъ расположеніе тайши Иринцева, для чего выдалъ ему тысячу руб. сер. монетою и, покупая у него лошадей и скотъ, платилъ за то высокою цѣною, въ тѣхъ краяхъ и на то время неслыханною **). Чтобы склонить тунгусовъ къ принятію христіанской вѣры, отъ имени императрицы обѣщали имъ большія льготы: сложеніе недомки, уменьшеніе податей до 3 руб. въ годъ и съ тѣмъ, чтобы уже больше никто изъ частныхъ начальниковъ съ нихъ не требовалъ ***).

Тогда же Нарышкинъ задумалъ, съ согласіемъ тайши Данбы Дугаръ-Иринцева, составить изъ братскихъ и тунгусовъ четыре гусарскіхъ полка и успѣлъ уже сформировать одинъ эскадронъ, при помощи ротмистра Подзорова и подъ наблюденіемъ подполковника Кесслера. Эскадрону этому дано было названіе Даурскаго гусарскаго краснаго.

Коммиссара Тархова за выдачу казенныхъ денегъ произвелъ изъ подпоручиковъ въ берггешворены. Изъ тамошней же гарнизонной артиллеріи взялъ пушки, порохъ и канониры, не встрѣтивъ же, къ тому препятствія со стороны подпоручика Кулигина, произвелъ его также въ берггешворены. Вдучи дальше по направленію къ Иркутску, онъ сзывалъ народъ разными средствами, какъ, напр., въ селахъ звономъ въ колокола при церквахъ, пушечною пальбою и барабаннымъ боемъ тамъ, гдѣ церкви не было. Собранный такимъ способомъ народъ поилъ виномъ, усиленно захваченнымъ въ питейныхъ домахъ, и бросалъ въ толпу казенныя деньги, взятые имъ — какъ извѣстно — въ нерчинскомъ коммиссарствѣ. Шестіе Нарышкина по Вратской степи уподоблялось военному походу: для него непріятельская страна была Иркутская провинція съ ея ханомъ Нѣмцовымъ; по пути лежала вассальная земля — верхнеудинскій округъ съ вице-королемъ, воеводою Тевяшевымъ. За новымъ Батыемъ, выходившимъ изъ самыхъ ближайшихъ мѣстъ къ родинѣ Чингизъ-хана, за Нарышкинымъ везли колоко-

*) Такъ Кесслеръ доносилъ ему, что получилъ отъ повѣреннаго 50 ведеръ простого вина.

**) Такъ, напр., за быковъ платилъ 6 руб. 50 коп., а за лошадей по 250 руб.

*** На льготы эти соблазнились тунгусы родовъ: дулигацкаго, баагирскаго и чипчануцкаго. Они просили крещенія.

ла и пушки. По дорогѣ онѣ останавливали купеческія клады и отбирали товары съ выдачею росписокъ на свое имя. Въ степи на отдыхъ китѣли огромные котлы съ водою, куда сваливали пудами чай и сахаръ; вино стояло цѣлыми бочками, сукно, дабу, китайки, холсты брали всѣ даромъ, безъ всякаго счета. Попалась ему на дорогѣ почта съ книгами и церковными вещами, посланными иркутскимъ архіереемъ Михайломъ, Нарышкинъ на Шылкѣ присвоилъ ихъ себѣ. Не отвѣчая на нѣсколько писемъ архіерея, Нарышкинъ книги удержалъ за собою, и проч. Нуждаясь въ деньгахъ для всѣхъ этихъ предпріятій, онъ выплавленное серебро не посылалъ въ Петербургъ, растратывая его на пенсіи приближеннымъ, на различныя награды и на серебряныя пуговицы сформированнаго изъ тунгусовъ и бурятъ гусарскаго полка. Не имѣя уже никакихъ суммъ въ заводскомъ казначействѣ, Нарышкинъ, подъ видомъ закупа для заводовъ разныхъ необходимыхъ припасовъ, взялъ 60.476 руб. въ нерчинскомъ комиссарствѣ. Въ селеніи Гантимуровомъ (Урульгѣ) крестилъ тунгусовъ, „утопающихъ въ пьянствѣ“, вояя съ собою бочки вина, расточая вездѣ императорскую сумму и „дѣлалъ таковыя великія издержки, не имѣя средства откуда получить болѣе (ибо заводскую сумму расточилъ всю, какъ и было каждому примѣтно, что служители заводовъ не получали близъ двухъ третей жалованья)—опрокинулся къ отнятію у встрѣчающихся ему купцовъ товаровъ и денегъ“. Потомъ на Вратской степи у харинцевъ онъ заставлялъ тайшу и старшинъ преклонять передъ собою знамена, дарованныя этому роду братскихъ за вѣрную ихъ службу. Когда тайша отказывался отъ крещенія, Нарышкинъ покушался его умертвить. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ повсюду старался увѣрить, что исполняетъ все это именемъ императрицы (котораго дозволенія, однако, никогда не имѣлъ).

Такимъ образомъ, двѣ власти встрѣтились въ одномъ и томъ же пунктѣ, какъ бы для состязанія и съ цѣлью помѣриться силами: Нарышкинъ въ чужомъ вѣдомствѣ, опираясь на свою силу въ столицѣ, иркутскій губернаторъ Нѣмцовъ—въ своемъ вѣдомствѣ, рѣшаясь испробовать силу общихъ государственныхъ узаконеній: на столько ли они лицепріятны передъ случайнымъ человѣкомъ, сколько самонадѣянны и рѣшительны поступки ихъ нарушителя. Ничего не подозревая, Нарышкинъ, возвратившись въ Нерчинскій заводъ, имѣлъ огорченіе слышать, что многія изъ его начинаній начали мало по малу разрушаться. Сотникъ Новоселовъ, отправленный имъ съ 36-ю лошадьми и 12-ью гусарами къ губернатору Нѣмцову, доносилъ, что тунгусы-гусары, отправившись къ тайшѣ Иринцеву „для своихъ надобностей, на-

задъ не возвратились и оставили за собою насѣченную серебромъ узду“, принадлежавшую самому Нарышкину. Вскорѣ за тѣмъ писалъ къ нему бергъ-геншоренъ Ник. Гантимуровъ, что, по пріѣздѣ его въ городъ Удинскъ, онъ былъ потребовать въ удинскую провинціальную канцелярію, гдѣ воевода Тевяшевъ со своимъ товарищемъ и прокуроромъ велѣлъ его заковать въ колодку, посадилъ подъ караулъ, а черезъ день отправилъ въ Иркутскъ, за что—неизвѣстно. Тогда же командиръ гусарскаго полка, ротмистръ Злобинъ, доносилъ Нарышкину, что удинская канцелярія ваяла изъ его команды сержанта съ женою и дочерью и отправляла ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они прежде находились. Отобранные были также артиллеристы, такъ что у Злобина осталось всего 52 человѣка изъ цѣлаго эскадрона.

Нарышкинъ началъ уже смутно понимать наступательность дѣйствій Нѣмцова, но все еще довѣрялъ дружбѣ удинскаго воеводы Тевяшева, къ которому относился съ любезными и заискивающими письмами, на которыя онъ такъ хорошо былъ подготовленъ своею прежнею придворною жизнью. Тевяшева онъ хвалилъ за ревностную службу, тотъ въ своемъ письмѣ благодарилъ за комплименты, но просилъ „оставить народъ, не принадлежащій до вашего (т. е. Нарышкина) распоряженія, ибо-де вся уже провинція пришла въ смятеніе“.

Нарышкинъ, однако, на этомъ не успокоился: ему крайне нужны были деньги, а потому онъ потребовалъ ихъ отъ удинской канцеляріи на счетъ заводовъ. Канцелярія въ требуемой суммѣ отказала, предписывая ему оставаться въ узаконенныхъ положеніяхъ; для оправданія же во всѣхъ дѣлахъ предписывала Нарышкину ѣхать въ Иркутскъ къ губернатору Нѣмцову. Тогда только Нарышкинъ увидѣлъ изъ-за спины верхнеудинской канцеляріи то лицо, которое такъ давно и такъ смѣло вызывало его на единоборство.

Разгнѣванный Нарышкинъ отправилъ въ заводы свое оправданіе въ тѣхъ будто бы клеветахъ, которыя возводила на него верхнеудинская канцелярія, но не ѣхать въ Иркутскъ у него не хватило силы, храбрости и самостоятельности *).

*) Съ дороги (съ рѣки Оны) онъ писалъ въ народъ, между прочимъ, слѣдующее: «Встрѣтившись къ немалому сожалѣнію никогда не ожидаемыя противныя и лжесоставленныя вредныя предпріятія удинской провинціальной канцеляріи присутствующихъ и съ ними согласившагося удинскаго коменданта Апеллегерена, всѣ благоугодныя Богу и монархинѣ, мною начатыя предпріятія помѣшаны и почти совсѣмъ остановлены, ибо означенная канцелярія, указавъ: харинскихъ родовъ тайшѣ и подполковнику Динбѣ Иринцеву не велѣла ни въ чемъ меня слушать. Черезъ это помянутые братскіе не знающіе и не просвѣщенные народы начали имѣть

Онъ отправился, не зная того, что посланные имъ въ Верхнеудинскъ (бергъ-гешворены Баннеръ и Тенкинъ) и опредѣленные имъ на мѣста присутствующихъ въ провинціальной канцеляріи, являсь, отдались во власть воеводы Тевяшева. Этотъ же Тевяшевъ сталъ дѣйствовать въ Верхнеудинскѣ и на Нарышкина совѣтами и „почетительнымъ своимъ тщаніемъ и искуснымъ распоряженіемъ“ успѣлъ сдѣлать такъ, что Нарышкинъ выѣхалъ на Иркутскъ. На до-

колеблющихся въ томъ мысли и опасаясь, чтобы не было имъ за то какого штрафа или вѣще того наказанія, начали тѣ добрыя и полезныя намѣренія оставлять. Вчерашняго числа присланнымъ та провинціальной канцеляріи ко мнѣ рапортомъ объявляеть, что оное представлено къ господину бригадиру—управляющему Иркутскою губерніею съ тѣмъ, ако бы открылось предъ симъ скрываемое мною набирание и съ помянутыхъ народовъ бесполезность государству, наипаче въ заведность оному по причинѣ моего изъ заводу выѣзду и по непринадлежности мнѣ такого формированія въ Иркутской губерніи, ако не въ своей командѣ въ противность законовъ, и что та провинція отъ своей главной команды объ ономъ учрежденіи никакого повелѣнія и свѣдѣній не имѣеть, а по дошедшимъ же къ той удинской провинціальной канцеляріи извѣстіямъ, она меня почитаетъ злодѣемъ имперіи Россійской: 1) что я будто бы набираю въ гусарскіе полки самыхъ немощныхъ пропитанія и бродягъ, которые при мнѣ слѣдуютъ въ незнамомъ числѣ и съ забранными изъ неизвѣстныхъ мѣстъ пушками; 2) въ доказательство еще того нѣтъ послушанія моимъ предложеніямъ тою канцеляріею о выдачѣ денегъ на счетъ нерчинскихъ заводовъ, всего съ пятьдесятъ тысячъ, когда посланнымъ отъ меня къ удинскому коменданту Апеллегренну ордеромъ вѣжливо присутствующихъ той канцеляріи сковать, а ему вѣжливо вмѣсто ихъ въ правленіе вступить—имѣють къ тому, ежели градоначальниковъ не будетъ, то удобнѣе можно овладѣть Удинскомъ или всѣми сей провинціи принадлежащими мѣстами, а особливо пользуясь такими легкомысленными людьми и вѣроуными извѣстіями, будто я началъ ослѣплять народъ пьянствомъ и хотя дло, по прибытіи моемъ тайша Иринеевъ и былъ къ сему благоутродному намѣренію согласенъ и я, по его приглашенію, намѣренъ былъ его посѣтить, но онъ, отпросясь вчерашняго дня впередъ въ свой удусъ, сегодня чрезъ посланнаго бергъ-гешворена Новоселова въ своей ставкѣ не найденъ, да и жены его также и никого братскіхъ здѣсь не оказалось. И потому чрезъ сіе публикуется, что ежели тотъ тайша и всѣ братскіе, кои уже собраны были, чрезъ два дня не явятся, то непременно именемъ ея императорскаго величества тайша, лишась чиновъ, жестоко будетъ наказанъ, да и съ прочими поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Я все сіе именемъ ея императорскаго величества опредѣляю и всѣмъ возвратившимся ея высочайшую милость обещаю. Не повинующіеся же угождую ея величеству дѣлу и намѣренію да накажутся правосуднымъ ея божественнымъ гнѣвомъ. И сіе объявленіе за подписаніемъ руки, съ приложеніемъ герба моего печати, не только что публиковаться и въ народъ разбросано, но и по командамъ, куда слѣдуетъ, разослано будетъ».

рогъ *) онъ былъ задержанъ и подъ приглядомъ отправленъ въ Иркутскъ къ Нѣмцову. Нѣмцовъ же, „найдя поступки Нарышкина столь важными“, отослалъ его, 29 авг., за приглядомъ штабъ-офицера Воинова и подъ конвоемъ въ С.-Петербургъ и тогда же отправилъ курьера съ донесеніемъ о незаконныхъ и дерзкихъ дѣлахъ его“. Въ Тобольскѣ встрѣтилъ Нарышкина сенатскій регистраторъ съ командою, который принялъ его отъ Воинова и затѣмъ повезъ въ столицу, подъ важною стражею. Обо всѣмъ этому Нѣмцовъ извѣщенъ

*) Иркутскій лѣтописецъ иначе передаетъ это событіе. Онъ говоритъ, что воевода Тевяшевъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ пригласилъ Нарышкина въ церковь для слушанья молебствія, по случаю его прибытія, а по выходѣ изъ церкви арестовалъ, посадилъ на лодку и отправилъ рѣкою Селенгою въ Иркутскъ. Въ Иркутскѣ Нарышкинъ, до времени отправки, пользовался полною свободою; жилъ онъ тамъ 2 мѣсяца. Народное преданіе говоритъ, что онъ все время ходилъ по кабакамъ и харчевнямъ, поилъ и кормилъ на свой счетъ собиравшихся тамъ людей и тратилъ на это огромныя суммы. Его всѣ считали сумасшедшимъ. Подробности походовъ Нарышкина въ Верхнеудинскъ разсказалъ Калашниковъ въ своемъ романѣ «Дочь купца Желобова» (см. ч. IV, глава IV). Калашниковъ основывалъ свой разсказъ на народныхъ преданіяхъ, тогда еще очень живыхъ и состоятельныхъ въ правотѣ своей. Верхнеудинскій воевода—по этимъ преданіямъ—писалъ Нарышкину, чтобы онъ со своею свитою не вѣзжалъ въ его провинцію, посылалъ къ нему лазутчиковъ, въ городѣ удвоилъ караулы, а въ 10-ти верстахъ поставилъ отрядъ войска съ артиллеріею, тайно вытребованною изъ Селенгинска. Нарышкинъ не испугался, послалъ своего посла съ требованіемъ золота и серебра въ десять тысячъ; когда воевода отказалъ, Нарышкинъ потребовалъ сорокъ тысячъ; когда же и на это требованіе получилъ отказъ, командировалъ двухъ чиновниковъ. Наконецъ, ночью пріѣхалъ самъ къ воеводской канцеляріи, кричалъ, чтобы отперли ворота, называя воеводу и товарища его ворами и бунтовщиками. Военная команда, стоявшая на дворѣ, начала уже колебаться, перешептываться, заявлять, что она не имѣетъ письменнаго приказа, а потому хотѣла пустить Нарышкина. Но одинъ старикъ кричалъ: «Чтобы вы ни были, въ ночные часы пускать никого не велѣно». Послѣ этихъ словъ Нарышкинъ отошелъ къ фронту стоящаго подъ ружьемъ гарнизона. Сюда явился воевода, уговорилъ его и убѣдилъ отправиться на отведенную ему квартиру. На завтра Нарышкинъ началъ требовать денегъ и вина. Приказано отвѣчать, что воевода денегъ не даетъ, а пьянства не любитъ. Нарышкинъ пошелъ въ церковь и «собственно-гласно отиѣлъ молебенъ». Кругомъ церкви уже поставлены были солдаты. Собравшемуся, въ лавчѣ денегъ, народу воевода далъ приказаніе разойтись. Всѣхъ изъ свиты Нарышкина, выходившихъ изъ церкви, велѣлъ хватить и сажать подъ арестъ. Вышелъ и Нарышкинъ. Увидя солдатъ, онъ отдалъ саблю, признавая себя арестованнымъ. Воевода вѣжливо просилъ его съ нимъ отобѣдать на приготовленномъ суднѣ; Нарышкинъ согласился и, послѣ обѣда, отправленъ въ Иркутскъ.

быть именным указомъ (полученнымъ имъ 11-го января 1778 года), въ которомъ, между прочимъ, нерчинскіе сереброплавящіе заводы, для исправленія и приведенія въ лучшее состояніе, переданы были въ зависимость и подчиненіе тому же бригадирѣ Нѣмцову, находившемуся въ Иркутской губерніи съ властью губернаторскою *).

Нѣмцовъ началъ свое управленіе съ того, что сочинилъ и издалъ „къ общему всемію свѣденію публикацію“:

„Къ чувствительному оскорбленію верховной власти,—говоритъ онъ въ началѣ этой публикаціи:—бывшаго заводовъ начальника, статскаго совѣтника Нарышкина, беззаконныя содѣянія столь многочисленны, что я нѣкоторые умолчу, а о другихъ за нужное почитаю, во все заводскаго вѣдомства присутственныя мѣста и частнымъ начальникамъ вѣденія заводовъ, обнародовать“.

Затѣмъ Нѣмцовъ подробно исчисляетъ все поступки Нарышкина съ примѣтнымъ озлобленіемъ и злорадствомъ. Остановившись на проѣздѣ Нарышкина изъ завода въ Верхнеудинскъ, а именно на его угощеніяхъ народа, Нѣмцовъ увѣряетъ, что Нарышкинъ, „обольстя симъ средствомъ (т. е. виномъ) непросвѣщенное то скопище (т. е. крестьянъ)“, отвелъ многихъ отъ домостроительства и хлѣбопашества. „А пропустивъ они время, потеряли часть лучшаго своего состоянія, а нѣкоторые и вовсе раззорились“. Не стѣсняясь въ подборѣ всяческихъ бранныхъ эпитетовъ къ поступкамъ Нарышкина, Нѣмцовъ вступаетъ до нѣкоторой степени въ смягченный тонъ тамъ, гдѣ планъ бранчиваго повѣствованія выводитъ его изъ предѣловъ Иркутской губерніи и вталкиваетъ въ описаніе распорядковъ Нарышкина по заводамъ. Здѣсь Нѣмцовъ, основываясь на рапортѣ секундъ-маіора Варбота-де-Марни **, на-

ходить, что заводы требуютъ наискорѣйшаго восстановленія „по безпутному Нарышкина управленію“ и для того Нѣмцовъ самъ постѣнныи отправился на мѣсто. Разсматривая тамъ дѣла канцеляріи, Нѣмцовъ намелъ (по собственному его увѣренію), что „все они оказались въ несогласныхъ съ законами поступкахъ, какъ-то: въ выдачахъ и издержкахъ казенныхъ денегъ и другихъ обстоятельствахъ“. Между этими „другими обстоятельствами“, кромѣ произвольной раздачи чиновъ и наградъ, занимательно также и слѣдующее: понимая всю силу нравственнаго значенія на заводахъ образованнаго секундъ-маіора Варбота-де-Марни, Нарышкинъ, для привлеченія его на свою сторону, не задумался произвести его сына, пятилѣтняго ребенка, сначала въ вахмистры, потомъ въ корнеты и наконецъ въ бергъ-гешворены. Затѣмъ Нарышкинъ свои произволства исключительно сосредоточивалъ на лицахъ, до тѣхъ поръ не бывшихъ на службѣ, часть этихъ лицъ онъ привезъ съ собою, часть вытребовалъ съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ и большую часть намелъ уже между жившими долгое время въ Нерчинскомъ заводѣ. Изъ послѣднихъ преимущественно его вниманіе обратили на себя посланные въ заводы польскіе конфедераты: двухъ изъ нихъ (Касаковского и Перхуровича) онъ опредѣлилъ въ солдаты. Извѣстныхъ намъ по дѣлу Чернышева князей Гантимуровыхъ (Степана и Николая—нерчинскихъ дворянъ, не бывшихъ на службѣ) онъ произвелъ прямо въ бергъ-гешворены и приблизилъ къ себѣ. Особенно же щедрость къ раздачѣ чиновъ онъ оказывалъ тѣмъ, на дружбу и расположеніе которыхъ вполне полагался: между ними особенно рѣзко выдаются два ясашихъ тунгуса, крещенныхъ Нарышкинымъ: одному изъ нихъ (Петру Нарышкину) онъ далъ два чина (корнета и подпоручика), другому (Григорію Суворову) четыре чина (унтеръ-шхмейстера, шхмейстера, бергъ-гешворена и поручика). Въ заводскомъ вѣдомствѣ (Гантимуровской сотни въ деревнѣ Кангинской) поселены были 32 человека бывшихъ яицкихъ казаковъ, присланныхъ сюда по дѣлу Пугачева; Нарышкинъ выдалъ имъ 160 рублей (по 5 рублей на каждого) для покупки лошадей и затѣмъ предписалъ начальству строго наблюдать, чтобы казаки лошадей непрестанно купили.

Все эти событія совпадаютъ одновременно съ выѣздомъ Нарышкина изъ завода для сформирования гусарскихъ полковъ и все они полагаются на двухъ весеннихъ мѣсяцахъ 1776 года. Вотъ почему отчасти становится для насъ понятнымъ теперь темный намекъ въ публикаціи Нѣмцова: „что Нарышкинъ стре-

*) Иркутская лѣтопись такъ описываетъ Нѣмцова: онъ былъ человекъ неблагонамѣренный, употреблявшій непомѣрную строгость собственно для того только, чтобы болѣе брать взятокъ и нажить болѣе денегъ; съ подчиненными служащими обходился неблагоприятно и опредѣлялъ къ должностямъ не иначе, какъ взявъ значительные подарки. Употреблялъ разныя жестокости для своего корыстолюбія. Мелкихъ подчиненныхъ билъ своими руками. Какого-то Бурцева приказалъ за что-то привязать къ столбу и держалъ на привязи долго, чтобы навести страхъ на другихъ. Имѣя знакомство съ извѣстнымъ тогда разбойникомъ Гондюхинымъ, учредилъ въ городѣ какую-то глухую команду, которая, разбѣгая по городу дозоромъ, выѣсто охраны, дѣлала буйства и грабежи. Нѣмцовъ тайкомъ убѣжалъ изъ Иркутска черезъ два года послѣ Нарышкина (1 февраля 1779 г.). Вслѣдъ Нѣмцову изъ Иркутска посмѣлились многія жалобы.

**) Этотъ Варботъ-де-Марни находился прежде при Суворовѣ въ заводскомъ батальонѣ. Нарышкинымъ произведенъ былъ въ полковника и на-

значенъ потомъ, на мѣсто его, главнымъ командиромъ нерчинскихъ заводовъ.

мился обольстить непроясненные сердца и, по непредвиденіи ихъ, уловить души вѣрно-подданныхъ и произвестъ худыя слѣдствія.

На этомъ предположеніи, что Нарышкинъ хотѣлъ основаться на народномъ расположеніи и на крѣпости и силѣ значительнаго коннаго войска и артиллеріи съ тѣмъ, чтобы со временемъ произвести возмущеніе въ народѣ и со всѣмъ Забайкальемъ отложиться отъ русской короны, и съ этимъ же подозрѣніемъ имя Нарышкина ушло въ потомство и осталось въ народной памяти *).

Нѣмцовъ, прежде всего, по арестованіи Нарышкина постыжился захватить его иго и сдѣлать вѣщаи его описи **). Затѣмъ членовъ заводской канцеляріи, произведенныхъ и назначенныхъ Нарышкинымъ, отъ службы немедленно отрѣшилъ. На мѣсто ихъ управление заводами поручилъ майору артиллеріи и отъ арміи подполковнику Тевяшеву. Въ помощь ему назначилъ секундъ-майора Иркутскаго батальона Ивана Глазунова и бергъ-геишворена Степана Губанова ***).

Вернувшись въ Иркутскъ, Нѣмцовъ (17 января 1877 г.) постыжился отнестись ко всѣмъ съ тою публикаціею, содержаніе которой мы привели выше. Въ концѣ ея онъ говоритъ слѣдующее: „Заводскимъ же управителямъ и опредѣленнымъ при разныхъ должностяхъ (въ разсужденіи, что здѣшнее мѣсто въ упадокъ приведено) стараться должно каждому, въ званіи своемъ, въ пользѣ и приращенію высочайшаго интереса прилагать неусыпное и ревностное попеченіе, оставя всякій родъ коварства и ухищренія. И помнить то, что не оправдѣтъ каждого по беззаконнымъ поступкамъ бывшаго ихъ начальника въ повиновеніи — замѣнить увеличеннымъ своимъ раченіемъ, дабы и по слѣдующимъ отъ вышняго правительства взысканіямъ исхodataйствовать я могъ посред-

ствомъ раченія каждого и донести самой августѣйшей монархіи ревностные поступки“.

Любопытны дальнѣйшіе совѣты и предположенія недалновиднаго Нѣмцова. Нижніе служители и крестьяне, виновные—по его убѣжденію—въ томъ, что Нарышкинъ успѣлъ разбросать въ народъ казенныхъ и частныхъ денегъ сто сорокъ шесть тысячъ семьсотъ одиннадцать рублей, обязаны были удвоить силы и возить руду „какъ можно больше“. Нѣмцовъ наивно думалъ, что „тѣмъ самымъ приумножится выплавка казеннаго серебра, которое отъ нестаранія бывшаго начальника въ знатный упадокъ произошло; такъ что въ выплавкѣ уменьшеніе серебра передъ прошедшимъ годомъ сто сорокъ девять пудовъ“. Тому же усиленному и чрезмѣрному вывозу руды Нѣмцовъ полагалъ обезпечить „упавшее состояніе крестьянъ и видимыя ихъ выгоды“. Нарышкинъ, при вступленіи въ управленіе заводами (8-ю), получилъ 282.882 пуда серебросодержащихъ рудъ (да по 4-мъ частнымъ заводамъ 61.055 пудовъ), казеннаго свинцу 4.664 пуда 12¹/₂ фунтовъ (и частнаго 5.184 пуда 11 фунтовъ). При этомъ также разумѣлось серебро — въ бляхахъ и крокахъ; а свинецъ—рудный, гертовый и глетовый.

На мѣсто Нарышкина главнымъ командиромъ опредѣленъ былъ бригадиръ Иванъ Венедиктовичъ Аршеневскій, темный дѣятель и неизвѣстный дѣлатель, прожившій въ заводахъ съ 1777 г. по 1780, когда на смѣну ему опредѣленъ былъ генералъ-майоръ Бекельманъ—тоже мало примѣтная и неизвѣстная личность. Лучшее воспоминаніе оставилъ по себѣ Варботъ-де-Марни, родомъ французъ, человекъ свѣтлый, кроткій и образованный. Доказательствомъ послѣдняго свойства его осталась послѣ его смерти бібліотека, составленная изъ лучшихъ специальныхъ сочиненій, послужившая крупнымъ и твердымъ фундаментомъ для бібліотеки горнаго управленія. Подъ руками живого человѣка завелись и частныя школы для обученія мальчиковъ, выписаны саксонцы для руднаго дѣла и проч. На глазахъ этого человѣка и постройки сдѣланы столь прочно и добросовѣстно, что еще въ 1835 году онѣ стояли непоколебимо, сохранившись цѣлое полустолѣтіе, по подобію Большаго нерчинскаго завода, выстроеннаго Варботомъ изъ лиственничнаго дерева. При перестройкѣ, черезъ 50 лѣтъ, потребовалось подвести только нижніе вѣнцы новыми. При немъ заводскіе крестьяне стали отличаться отъ прочихъ обитателей Забайкалья особымъ костюмомъ: шинелями съ короткими крагелами. Длинные волосы ниспадали до плечъ со временъ барботовскихъ до времени появленія за Байкаломъ декабристовъ. Заводскихъ крестьянъ наплывъ очень плотный (они жили опрятно, не коптась въ дымѣ) и хотя очень богатыхъ и

*) Опредѣлить съ точностью, на сколько это подозрѣніе справедливо, по дѣламъ нерчинскаго архива нельзя. Два тома дѣлъ о немъ, попавшіеся намъ въ руки изъ архива нерчинскаго горнаго правленія, были далеко не полны. Чья-то хищническая рука (можетъ быть какого нибудь антикварія) сократила эти дѣла до примѣтной неполноты и разрозненности.

**) По этой описи видно, что гардеробъ Нарышкина не былъ особенно богатъ, состоя изъ остатковъ прежней придворной роскоши. Нарышкинъ начиналъ заводить кабинетъ китайскихъ вещей и имѣлъ небольшую бібліотеку (до 300 томовъ), состоявшую изъ книгъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ. Большая часть книгъ—сочиненія энциклопедистовъ и разнаго рода словари, описанія путешествій и проч.

***). Замѣчательно при томъ, что этотъ послѣдній изъ небывшихъ на службѣ самими же Нарышкинымъ произведенъ въ одно лѣто въ маршѣйдерскіе ученики, затѣмъ въ унтершмейстеры, шмейстеры и, наконецъ, въ бергъ-геишворены.

бѣдныхъ не было, но всѣ были трудолюбивы; безъ руководѣнія никогда ихъ не видали даже на завалинахъ ихъ домовъ, и даже ѣдущихъ верхомъ видали съ какимъ нибудь штылемъ, вязаньемъ и другимъ руководѣлемъ. Обычай этотъ былъ введенъ Барботомъ-де-Марни. Онъ окончилъ свою жизнь на заводахъ. На его мѣсто поступилъ начальникъ Черницынъ. Съ Черницына нерчинская исторія, въ лицѣ начальника, развертывается другія картины: выработка серебра стала упадать, обращеніе съ ссыльными становится суровѣе, начальники стали показываться съ отгѣнками и пополюзованіями презрѣннѣе тирановъ. Черницынъ начиналъ этотъ списокъ.

О Черницынѣ народныя преданія сохранили такія крупныя черты: онъ любилъ ѣздить какъ бѣшеный; лошади должны были бѣжать отъ станціи до станціи вытяжнымъ галлономъ, а потому по дорогѣ падало ихъ всегда очень много. Въ этомъ случаѣ кривой Черницынъ былъ для лошадей настоящимъ моровою язвою. Если ямщикъ въ дорогѣ ослабѣвалъ, Черницынъ приказывалъ остановиться и начиналъ бить ямщика нагайкою, которую всегда возилъ съ собою въ сундукѣ, лежавшемъ въ ногахъ. Самыя лучшія лошади не выдержали бы такой ѣзды, если бы не пособлялъ имъ обычай Черницына черезъ каждыя 7 верстъ кричать: „стой!“ выпивать, не торопясь, водки, закусывать, не спѣша, кускомъ мяса и потомъ уже реветъ на ящика: „помедь!“ Рассказываютъ, что разъ лошади набѣжали на гололедицу и, смутивъ ямщика, остановились какъ вкопанныя, будучи не въ силахъ одолѣть преграду. Черницынъ пробудился и, узнавъ въ чемъ дѣло, зычно закричалъ: „кнутовъ!“ Лошади приняли эти слова на свой счетъ, быстро рванулись на зыкъ съ мѣста и перелетѣли гололедъ съ быстротою вихря. Ни одна не спотыкнулась, ни одна не упала, до такой степени энергиченъ былъ бѣгъ ихъ со страху. Другой разъ засѣкъ онъ до смерти крестьянина, осмѣливавшаго обратиться къ нему спиною въ то время, когда съ нимъ вступилъ въ разговоръ помощникъ начальника въ той же самой комнатѣ, гдѣ находился и одноглазый Черницынъ.

Изъ другихъ начальниковъ осталась память о Теодорѣ Фришѣ, у котораго была жена, водившая его за носъ и управлявшая чиновниками и цѣлымъ горнымъ округомъ. Была она женщина злая: крестьянъ и слугъ своихъ наказывала своеручно и находила въ этомъ несказанное удовольствіе, какъ и въ прозвищѣ „дарицы сибирской“, которое далъ ей съ выгодой для себя одинъ изъ ея слугъ, положенный на землю для наказанія. Вспоминаетъ преданіе о Милекинѣ (бывшемъ начальникомъ, кажется, въ Кутомарскомъ заводѣ), при появленіи котораго на улицѣ дѣти бѣжали прочь и старики пря-

тались по угламъ. Когда онъ проходилъ по селенію, живой души на улицахъ не было, потому что всякій зналъ о тѣхъ наслажденіяхъ, которыя получалъ начальникъ при совершеніи наказуемыхъ. Всякій помнилъ, что, любяownika жены, бывшаго адъютанта, онъ заковалъ въ кандалы, посадилъ въ тюрьму, вывелъ на площадь и на эшафотъ далъ ему 50 кнутаго, обсыпая избитыя плечи ѣдкимъ нашатыремъ, далъ столько же во второй разъ со вторичнымъ опытомъ той же присыпки. Тиранилъ бы экзекуцію и въ третій разъ, если бы начальникъ Дучарскаго завода не вырвалъ изъ его рукъ несчастнаго ех-адъютанта, влюбившаго въ себя и жену и дочь Милекина. Выгналъ этого Милекина, говоритъ преданіе, писарь—его пріемышъ и воспитанникъ. Каждымъ писаніемъ его начальникъ былъ недоволенъ, при всякомъ случаѣ билъ его по щекамъ и по зубамъ. Однажды онъ выразилъ свое неудовольскіе въ то время, когда писарь считалъ себя правымъ и былъ уже осмѣянъ товарищами за необычайное терпѣніе. Милекинъ хотѣлъ его бить, но писарь—пріемышъ, выхвативъ изъ-за пазухи ножъ, закричалъ: „Я буду каторжникомъ, но ты уже бить никого не будешь“. Испуганный Милекинъ далъ клятву смириться для всѣхъ и, говорятъ, будто бы сдержалъ ее, а учителя награждалъ большими деньгами.

Деспотическими суровыми выходками отличался и горный начальникъ Рычковъ, сибирскій Ив. Ив. Эллерса *) и умершій въ заводахъ въ 1817 году. Не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ образованнѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ своего времени, преданіе сохранило о немъ память, какъ о человѣкѣ суровомъ и безжалостномъ: онъ, говорятъ, забивалъ людей до смерти. Послѣ Рычкова мелькаетъ въ архивныхъ спискахъ имя главнаго начальника Анстова; за нимъ является въ ближайшія къ намъ времена, въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, начальникомъ Бурнашовъ, пострадавшій за послабленіе декабристамъ, и полковникъ Ст. Петр. Татариновъ, о которомъ генералъ-губернаторъ Броневскій написалъ въ своихъ мемуарахъ такія строки: „При немъ примѣтно стало человѣколюбивое обращеніе съ ссыльными; подчиненные его всѣ уже воспитались въ горномъ корпусѣ“. Съ этимъ улучшеніемъ въ нравственномъ смыслѣ на заводахъ уже глубоко вкоренились задатки худшаго, задатки паденія серебрянаго промысла. Расходы на заводы и рудники стали превышать цѣнность до-

*) Эллерсъ содѣйствовалъ первымъ ученымъ изслѣдованіямъ путей на Амуръ, предпринятымъ китайскимъ посломъ Ю. А. Головиннымъ и производимымъ полковникомъ д'Овре въ 1806 году, составивъ нарочно для нихъ особенную путевую карту. Онъ предупреждалъ нужды и распорядился такъ, что посольство воспользовалось многими успѣхами.

бываемаго серебра, а добыча золота представлялась во всемъ привлекательною соблазнѣмъ подѣ впечатлѣніями надеждъ и обѣщаній, исходившихъ отъ горнаго начальника г. Разгильдѣева. Серебро выплавлялось только на Кутомарскомъ заводѣ, добывалось изъ немногихъ рудниковъ и, между прочимъ, на нашихъ глазахъ въ Зерентуйскомъ рудникѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Большого завода, гдѣ дѣлалась подѣ наблюдениемъ горнаго начальника О. А. Дейзмана новая штольня „Надежда“. Слухи о золотыхъ россыпяхъ въ разныхъ углахъ Забайкалья помрачали блескъ серебра и выработка золота, дозволенная частнымъ лицамъ, въ наши дни сильно оттираетъ на задній планъ разработку серебряныхъ сокровищъ богатыхъ и далеко еще не разработанныхъ Нерчинскихъ горныхъ отроговъ Яблоноваго хребта. Въ бытъ рабочихъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ обязательныхъ казенныхъ работъ, произошли крупныя перемены; наступило новое время и старое просится на помощь ему свонни ошибками, а потому мы останавливаемся здѣсь, чтобы обратиться къ урокамъ прошедшаго и досказать вторую половину исторіи каторги, по вызову золота и подѣ впечатлѣніями сердитой сибирской болѣзни, называемой тамъ общимъ именемъ золотой лихорадки.

Слабы и неясны были признаки золотой лихорадки въ прошломъ вѣкѣ, хотя и нельзя было упрекнуть нерчинскія начальства въ ревности угождать высшимъ и кстати расчитывать на высылку крохъ, имѣющихъ такую прочную и почтенную цѣнность. Еще въ 1777 году архивныя дѣла свидѣтельству ютъ о хлопотахъ по найденному золотому прииску; въ 1782 году заботились о разработкѣ золотыхъ приисковъ по теченію р. Шилки, на лѣвой ея сторонѣ, въ 16½ верстахъ выше Срѣтенскаго острога въ Крестовой горѣ, противъ деревень Епифановой и Заозерной. Тѣмъ не менѣе, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія во всемъ Забайкальѣ разрабатывался единственный казенный приискъ Куенскій, дававшій 68 долей золота изъ ста пудовъ песку; содержаніе столь ничтожное, что частный человѣкъ и рукъ бы не сталъ марать, но казна работала въ расчетѣ и при опорѣ на дешевыя каторжныя силы, работала самымъ грубымъ стариннымъ способомъ. Пески пропускали сквозь желѣзные грохоты въ чаны, наполненные водою; вода съ грязью выпускалась вонъ и осадокъ со дна накладывался въ ящики на двухъ высокихъ колесахъ особаго устройства, которыя одною лошадыю, съ значительною тяжестью, катились довольно легко по наклонному горизонту. Эта жидкая грязь, въ которой золота и подозрѣвать невозможно, выкладывалась въ длинныя лари. Вдоль ларей горизонтально навѣшивался валикъ съ желѣзными граблями; приводъ воды постепенно наполнял лари, а обра-

щаемый людьми валикъ граблями ворочалъ пески; вода уносила муть. Когда въ ларѣ мало оставалось песковъ, ихъ вынимали на тачки, вѣсь которыхъ былъ извѣстенъ, и сдавали на вашгерты для окончательной промывки. Вашгертъ есть ни что иное, какъ деревянный ящикъ, діагонально установленный на землѣ; въ верхней его части имѣлся ящикъ, наполнявшійся изъ особаго привода водою, которою распоряжался промывщикъ, пуская, по надобности, большее или меньшее количество. Пески, въ видѣ жидкостей и грязи, кладутся на дно вашгерта и вода, втекая въ нихъ, мало по малу размывалась руками, уносила все съ поверхности и оставляла, наконецъ, на днѣ небольшое желтое пятнышко. Это было уже чистое золото въ видѣ мелкихъ крупинокъ, иногда въ формѣ довольно сплюснутыхъ пластинокъ. Золото сгребали на деревянную лопаточку и со вниманіемъ и осторожностью уносили въ контору. Тамъ золото просушивали въ печи и потомъ, въ присутствіи чиновниковъ, взвѣшивали на самыхъ чувствительныхъ вѣскахъ. Частички золота съ 12-ти вашгертовъ Куенскаго золотого прииска записывались въ книгу. На частныхъ золотыхъ промыслахъ рабочіе зарабатывали отъ 300 до тысячи рублей, а счастливые на старательскихъ работахъ приобретали еще болѣе (особенно, если попадались самородки), на казенныхъ же приискахъ ссыльные рабочіе находились въ тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ страшно противѣла работа и выяснялась передъ глазами соблазнительная дорога въ лѣсъ на волю.

Къ серединѣ нынѣшняго столѣтія за Байкаломъ стало ясно, что вездѣ гдѣ господствуютъ по восточнымъ отклонамъ Яблоноваго хребта гранито-сієниты, золотоносная система почти сплошная, но золото принадлежитъ нѣкоторымъ исключительнымъ мѣстностямъ: Карійской и Шахтаминской россыпямъ. Золото въ Нерчинскомъ уѣздѣ находится всегда въ долинахъ, въ которыхъ выступили гранито-сієниты и тальковыя сланцы, нѣмчаще же въ долинахъ малыхъ рѣкъ и ручьевъ; на большихъ рѣкахъ золото находятъ рѣдко; точно также рѣдко попадаетъ оно въ горахъ и раздолахъ. Отсюда пришли къ вѣроятному предположенію, что золото первоначально находилось въ жилахъ въ сієнитовомъ гранитѣ и въ кварцѣ, которые, при плутоническомъ переворотѣ, были разбиты и золото стекло въ долины. Въ видѣ порошка находится оно между сдвинутыми слоями сієнита (Кара), либо въ щеляхъ гранитныхъ (Култума); въ слояхъ же извѣсти и гранита золота никогда не находили. Самый большой кусокъ самороднаго золота, найденный за Байкаломъ, вѣсилъ 1½ фунта. Слои, скрывающіе золото, покрыты урожайною землею и называются турфомъ. Турфъ снимаютъ и свозятъ въ кучи. Такимъ же образомъ поступаютъ съ другимъ слоемъ, состоя-

щимъ изъ песку, глины, смѣшанной съ сізиги-
товыми камнями, и круглыми сланцами, на-
зываемыми здѣсь галькою. По снятіи верхнихъ
слоевъ въ каждомъ полуфутѣ грунта ищутъ зо-
лота. Точтася же въ третьемъ грунтѣ, глуби-
ною на 7 либо 10 футовъ, находится золото,
смѣшанное съ чернымъ блестящимъ пескомъ
магнитнаго желѣзняка и съ глыбами желѣзной
руды, очень богатой, имѣющей 60% желѣза.
Содержаніе золота во всей той массѣ, какую
снимаютъ, составляетъ пропорцію 1:400.000;
одинъ только разъ найдено было отношеніе
1:40.000 въ Карѣ и этотъ слой признавъ
былъ очень богатымъ. Въ глинѣ глыбы пред-
полагается наилучшее золото и весь слой но-
ситъ общее названіе песку. Золотой песокъ
свозятъ въ тачкахъ на машины, очищающія
его отъ лишннихъ примѣсей и камней; потомъ
снова очищаютъ его отъ песку, отъ порошка
магнитнаго желѣза, отъ порошка киновари и
мелкихъ гранитныхъ зеренъ, въ сосѣдствѣ съ
которыми такъ любитъ жить золото. Песчанки
золота бываютъ такъ мелки и тонки, что подни-
маются и относятся водою; такимъ образомъ,
при промывкѣ теряется его довольно много.
Самый простой способъ промывки золота на
Карѣ слѣдующій, общій цѣлой Сибири: на ров-
ную покатость, имѣющую съ двухъ сторонъ двѣ
прибитыя досочки, сыплютъ песокъ, а на него
пускаютъ воду. Работникъ лопатой отребаетъ
песокъ, уносимый водою къ верху, и вынимаетъ
обмытые и ополосканные камни. Части легчай-
шія, какъ-то: песокъ и глину уносить вода, а
въ жолобъ остается золото и магнитный же-
лѣзнякъ; послѣдній оттираютъ щетками либо
отбиваютъ отъ золота палками. Если же со-
всѣмъ отдѣлать золото отъ магнетика, тогда
надо золото сушить и разсыпать на бумагѣ, а
желѣзо отдѣлать отъ него магнитомъ. На боль-
шихъ присѣкахъ такой способъ не примѣняютъ,
а потому для промывки золота въ нерчинскихъ
рудникахъ приспособлено средство, придуман-
ное инженернымъ подполковникомъ Разгильдѣ-
вымъ.

Разгильдѣвская машина состоитъ изъ трехъ
этажей. На первомъ этажѣ лошади вращаютъ
простой цилиндръ, отвѣсно помѣщенный въ ма-
шинѣ; на другомъ этажѣ помѣщено большое
желѣзное рѣшето, десяти футовъ въ діаметрѣ,
на которое сыпается съ тачекъ пріисковый
песокъ. Среди рѣшета, отвѣсно къ нему, вра-
щается валъ, а къ нему, въ незначительномъ
другъ отъ друга разстояніи, прикрѣплено восемь
бревешекъ, съ которыхъ въ длинныхъ рамахъ
свѣшиваются опираются на рѣшето желѣзные
грабли, мотыки, желѣзные бабшаки и тому по-
добныя орудія, предназначенныя для движенія
и пересыпки песку со всѣхъ сторонъ, что при
помощи вала устроивается само собою. Немного
повыше восьми бревешекъ находятся корыта и

деревянные каналы, на которые обильно сте-
каетъ вода изъ резервуаровъ и крошитъ дож-
демъ песокъ, наложенный на рѣшета. Камни,
сдѣлавшія въ рѣшетахъ одинъ оборотъ, достаточно
облегчаются, чтобы упасть въ отверстіе, изъ
котораго отвозятъ ихъ въ особыя кучи; часто
же болѣе мелкія и легкія выплываютъ сквозъ
рѣшето на первый этажъ, на которомъ нѣбеса
гладкая покатость. Ровная покатость состоитъ
въ этой машинѣ изъ двухъ частей: первая
сильнѣе наклонена, другая же менѣе поката и
имѣетъ нѣсколько сажень длины. На ровной
покатоости сдѣлано три порога или уступа; вода,
унося песокъ, осаждаетъ его въ углубленіе, на-
ходящееся подъ порогами. Надъ каждымъ по-
рогомъ вращается двусторонній валикъ съ же-
лѣзными шпильками, прибитыми въ равныхъ раз-
стояніяхъ. Песокъ съ мельчайшими камешками
и вода спадаютъ на покатость, выплываютъ въ
углубленіе, изъ котораго, подталкиваемые шпи-
лемъ, легчайшія части уносить съ собою вода,
а золото и желѣзо осѣдаютъ на дно; но по-
томъ еще повороченныя шпильки, выплываютъ
черезъ другой порогъ до другого углубленія,
дальше до третьяго, изъ котораго, какъ и изъ
двухъ прежнихъ, отвозятъ ихъ на большой ван-
гертъ. Золото въ этомъ періодѣ промывки еще
смѣшано съ желѣзомъ и оловянными рудами,
въ которыхъ пропорція золота бываетъ какъ
1:2.000 или 1:3.000. На вангертѣ также
три порога. Здѣсь золото освобождается отъ
обыкновенныхъ частицъ мотыками и водою, а
потомъ отвозится на маленькій вангертъ, въ
которомъ руками и щетками отдѣляются въ водѣ
обыкновенныя частицы. Такимъ образомъ до-
бытое золото все еще соединено съ нѣкоторыми
шлихомъ магнитнаго желѣза, которое отдѣляется
просушкою золота на сковородахъ и остатки
магнитнаго желѣзняка выдѣляются съ помощью
магнита. У промывки въ вангертахъ стоитъ
караульный казакъ и утеръ-шпильмейстеръ изъ
горныхъ, наблюдающіе всѣхъ и самихъ себя,
чтобы никто не укралъ золота. Однако, нѣтъ
такіе способы кражи, отъ которыхъ никто убер-
ечь золота не можетъ. Работы на промыслахъ
начинаются въ маѣ и продолжаются все лѣто
до октября. Нерчинское золото имѣетъ весьма
высокую пробу, карійское—самое чистое: въ
немъ только 5 частей выпадаетъ на серебро и
мѣдъ, находящіяся въ золотѣ. На этотъ-то ме-
таллъ и устремлены были работы горныхъ и
ссылныхъ въ то время, когда 25-ти-копееч-
ная цѣнность золотника серебра поднялась до
50 коп., а алтайское серебряное дѣло пре-
взошло нерчинское своими доходами.

Разгильдѣвъ сначала поднялъ высоко до-
бычу золота: въ 1853 году добыто имъ на
Карійскихъ промыслахъ 6.857 фун., 11 золотн.
и 2 доли (почти 172 пуда)—и это время со-
ставляетъ эпоху въ золотомъ промыслѣ Россіи,

но за то въ 1856 г. добыто было на всѣхъ нерчинскихъ приискахъ 2.400 фун., т. е. 60 пудовъ, въ 1857 г. 2.245 фун. Съ тѣхъ поръ продолжалось ежегодное уменьшеніе золотой добычи; первая и такая богатая была форсирована тѣмъ, что все наличное количество каторжныхъ, сосланныхъ въ эти года изъ Россіи, находившееся до того въ тюрьмахъ забайкальскихъ, привлечено было къ этому дѣлу и собрано на четырехъ промыслахъ карійскихъ: Верхнемъ, Среднемъ, Нижнемъ и Лузанкинскомъ. Въ 1850 году отъ громаднаго скопленія каторжныхъ рабочихъ началась на Карѣ сильная тифозная горячка. Каторжные, запертые въ тѣсныхъ и сырыхъ тюрьмахъ, работавшіе въ болотистыхъ и сырыхъ мѣстахъ, валились, какъ мухи, иногда подлѣ самыхъ тачекъ. Погибло ихъ больше тысячи человѣкъ въ одинъ годъ и длинное зданіе лазарета на берегу Шилки остается нѣмымъ свидѣтелемъ этой неблагополучной добычи знаменитыхъ ста пудовъ золота. Въ наши дни настала надобность въ прекращеніи работъ и уменьшеніе золота ставить горное начальство въ обязательство снова возвратиться къ серебру. Всѣ четыре селенія, пристроившіяся къ золотымъ промысламъ на Карѣ, и между ними Нижнекарійское, выстроенное почти по шущему веленію Разгильдѣвымъ, будутъ заставляться, разрушаться и гнить по примѣру всѣхъ другихъ горныхъ селеній за Байкаломъ, среди огромныхъ даурскихъ богатствъ, сила которыхъ въ достаточной степени не вызвана и еще далеко вся не изслѣдована. Во многихъ мѣстахъ находятся мѣдныя руды; ищутся оловянные, добытыя и сложенные въ складахъ въ видѣ кирпичей либо прутьевъ, разъ успѣли уже вывѣтриться и превратиться въ порошокъ, пока строили оловянный заводъ на Ононѣ. Въ щеляхъ горъ находятся испортившіяся купоросъ; галмей попадаетъ обыкновенно въ оловянныхъ рудникахъ (пробовали нѣсколько разъ вытапливать изъ него цинкъ, но нигдѣ не выработано въ достаточномъ количествѣ); построенъ былъ рудникъ даже руды ртутной, но давно уже запущенъ, хотя и надобится ртуть для амальгамации золота. Желѣзныя руды за Байкаломъ—самыя обыкновенныя: онѣ образуютъ цѣлыя горы, но желѣзный заводъ одинъ, съ трудомъ

удовлетворяющій даже мѣстнымъ потребностямъ. Оѣры рождаются въ нерчинскихъ горахъ очень много; копаютъ ее при Зерентуйскомъ оловянномъ рудникѣ; графита цѣлыя горы, на Байкалѣ нефть, надъ Аргунью и Чикоемъ значительныя залежи каменнаго угля и проч. Выработка серебра въ горныхъ дистанціяхъ Зерентуйской и Алгачинской (Нерч. округа) обеспечивается крупными надеждами и вѣрными расчетами по современнымъ даннымъ; по расчетамъ людей компетентныхъ, она представляется болѣе, чѣмъ вѣроятною и въ другихъ, въ особенности въ Кадаинской дистанціи. До сихъ поръ извлекали руды изъ мѣстъ, прилегающихъ къ поверхности земли, и не ходили на глубину, которая иногда обнаруживаетъ здѣсь мѣсторожденія болѣе, чѣмъ въ 60-ти саженьяхъ отъ поверхности. Разработка нерчинскаго серебрянаго промысла, во всякомъ случаѣ, далеко не оскудѣла, но лишь испорчена неправильною системою, которая искала скорой добычи и не умѣла вполне оцѣнить этихъ отечественныхъ сокровищъ.

Другую картину представляетъ Кара, выработанная и малоблагонадежная. Она уже и теперь обязываетъ излишніе незанятые руки употреблять на другія дѣла, уже и теперь горное начальство каторжныхъ, оставшихся не у дѣла на Карѣ, отправляло въ качествѣ вольнонаемныхъ рабочихъ на другіе золотые промыслы (напр., на Урюмскіе) и позволяло другимъ пропитываться въ Нерчинскомъ округѣ своимъ собственнымъ умѣньемъ и по ихъ личному усмотрѣнію. При этомъ золотопромышленныя работы таковы, что, растягиваясь на большія пространства, онѣ идутъ все въглубь золотосносныхъ мѣстностей и ни въ какомъ случаѣ не могутъ обеспечивать постоянной группировки ссыльно-каторжныхъ на долгое время въ одномъ мѣстѣ. Тюрьма должна кочевать и, по способу бурятской кибитки или тунгусской юрты, должна совершенно измѣнить свой настоящій видъ и вполне противорѣчить своему назначенію, чтобы приладиться къ золотому промыслу, особенно же въ виду тѣхъ современныхъ требованій, которыя стали обязательны для всякой тюрьмы, какъ исправительнаго заведенія, а тѣмъ болѣе каторжной тюрьмы.

IV.

СИБИРСКІЕ ЗАВОДЫ.

Желѣзо.—Петровский заводъ.—Соль.—Селенгинскій заводъ.—Усть-Кутскій заводъ.—Добыча соли.—Каторжныя работы.—Троицкій солеваренный заводъ.—Иркутское-Усолъе.—Способы выварки соли.—Молотобойная фабрика.—Винокуреніе.—Еврен.—Ссылные.—Винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій.—Уничтоженіе этого вида каторги.

1) Желѣзные руды одного изъ остроговъ Яблоноваго хребта, залегшія на мысу, омываемомъ небольшими рѣчками Балягою и Солдаткою, соблазнили купца Бутыгина. Онъ устроилъ заводъ нѣсколько выше впаденія рѣчки Мукурта въ Балягу, въ 22 верстахъ отъ мѣста добычи рудъ, получившаго впоследствии названіе Балягинскаго рудника. Въ 1790 году, 29 ноября въ 4-мъ часу по полудни, началась на заводѣ, прозванномъ впоследствии Петровскимъ, первая плавка желѣзныхъ рудъ въ доменномъ горнѣ, причемъ сдѣланъ выпускъ на штыковый чугуунъ и частью отливка нѣкоторыхъ вещей въ песокъ и опоки; въ 1791 году штыковой чугуунъ поступалъ въ передѣлку подъ крычные молота на желѣзо. Въ этомъ году заводъ поступилъ въ казну. Съ тѣхъ поръ всѣ его чугуныя издѣлія и желѣзо разныхъ сортовъ поступало преимущественно на снабженіе заводовъ и рудниковъ нерчинскихъ, какъ равно на потребности собственнаго этого завода и для вольной продажи по установленнымъ цѣнамъ. Заводъ дѣйствуетъ водою р. Мукурта; прудъ разливается вверхъ по рѣчкѣ на 400 сажень, имѣя въ ширину до 50-ти. Заводъ пользуется землями, отведенными изъ принадлежащихъ 11-ти родамъ харинскихъ бурятъ; лѣсъ заводскій тянется на 7 верстъ. Мѣстоположеніе возвышенное, гористое, мѣстами съ обнаженными утесами и россыпями; въ вершинахъ падей находится довольно болотистыхъ мѣстъ. Горы, окружающія самый рудникъ, состоятъ изъ гранита, а при основаніи изъ порфира. Мѣсторожденіе на 250 сажень отъ юга къ сѣверу, толщиною отъ 5 до 8 сажень; содержатся наиболѣе разные виды бураго желѣзнаго камня, магнитный желѣзнякъ и затвердѣлыя и рыхлыя охры. Первоначальный разность засыпало щебнемъ, главный разность дѣйствуетъ до сихъ поръ, давая заводу работу и занимая руки сосланныхъ на каторгу. Для нихъ, какъ и при всякомъ рудникѣ, при Петровскомъ заводѣ существовала тюрьма, которая переведена потомъ въ тюремный казематъ, покинутый декабристами. Петровское желѣзо настолько не удовлетворяло мѣстнымъ требованіямъ, что желѣзо привозили сюда съ Урала, а издѣлія каторжныхъ рукъ до того плохи и рыхлы, что доставленные на Амуръ топоры разсыпались по слоямъ на первыхъ ударахъ; сошники же

и другія желѣзные издѣлія никуда не годились. Петровский заводъ за послѣднее время обратился въ общее помѣщеніе. И въ этомъ случаѣ изъ казенныхъ рукъ вывалилось дѣло, не смотря на нѣкоторое усердіе и временами хлопотливость: въ 1806 году выбраны были 10 человекъ молодыхъ служителей и посланы въ Петербургъ для изученія разныхъ мастерствъ; однако, ни одно изъ нихъ въ заводѣ не привилось. Заводъ изготовлялъ и желѣзо для Охотскаго порта и сошники для бурятъ и тунгусскихъ казаковъ, когда пытались (неудачно) приучить ихъ къ земледѣльческимъ работамъ. Для работъ присылали ссылныхъ съ 1818 года, всякій разъ по сто, партиями по 25 человекъ, приходившими прямо изъ Иркутска, по вызовамъ и назначеніямъ заводскаго начальства. Въ 1833 году число ссылныхъ простиралось до 550 человекъ, не считая бѣжавшихъ, количество которыхъ было также велико: изъ Петровскаго завода, больше чѣмъ изъ всѣхъ другихъ каторжныхъ мѣстъ, чинились побѣги. Учинившіе побѣгъ приковывались къ тачкамъ. Таковыхъ въ 1831 году было въ заводѣ свыше ста человекъ; въ 1848 г. содержалось 13 человекъ прикованными на стѣнные цѣпи; для поимки бѣглыхъ при заводѣ организована была особая команда изъ вольнонаемныхъ охочихъ людей служительскаго званія. Тяжесть каторги для каторжныхъ и заводскихъ крестьянъ лежала и здѣсь въ одинаковой степени суровости и умѣла перейти съ отцовъ на дѣтей, но здѣсь съ тѣмъ различіемъ, что съ 1823 года тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ опредѣляли на службу въ рудобойщики. За то въ 1828 году въ Петровскомъ заводѣ произошелъ между рабочими такой бунтъ, о которомъ сохранилось преданіе въ околномъ народѣ. Ответчалость острожныхъ зданій, въ особенности же зависящая отъ того сырость внутри ихъ, служила причиною постояннаго скорбута, какъ бы привилегированной болѣзни Петровскаго желѣзнаго завода. Зданіе безъ ремонта дошло до такой степени дряхлости, что заводскій тѣкарь потерялъ голову, между прочимъ, совѣтуя осушить болотистый грунтъ цѣлаго селенія. Въ 1829 году приведено было 100 человекъ ссылныхъ изъ Иркутска, для постройки полуказармы, предназначенной для государственныхъ преступниковъ (декабристовъ); въ

1829 году пригнали для той же цѣли еще двѣсти человѣкъ. Лѣтомъ 1830 года была приготовлена казарма холодная и темная, но притомъ такая, что черезъ годъ потребовалась въ ней перекладка печей, а вскорѣ и самыя капитальныя передѣлки. Казематъ разсылся въ разныя стороны и на углахъ грозилъ полнымъ разрушеніемъ. Подневольныя работы и на этотъ разъ успѣли выразить свой характеръ. Въ Нерчинскомъ краю и горномъ округѣ Петровский заводъ былъ единственнымъ желѣзнымъ, какъ Селенгинскій былъ единственнымъ солевареннымъ: оба съ каторжными работами, оба для ссыльныхъ въ Сибирь имѣли значеніе мѣстъ первой категоріи наравнѣ съ рудниками, промыслами и серебряными заводами. Въ настоящее время Петровский заводъ, при ограниченности своего производства, пересталъ нуждаться въ ссыльно-каторжныхъ, специально предназначенныхъ для работъ на заводѣ.

2) Селенгинскій солеваренный заводъ находился между двумя забайкальскими городами: въ 40 верстахъ отъ Селенгинска и въ 96 отъ Верхнеудинска. О началѣ его, какъ и многихъ сибирскихъ заводовъ, свѣдѣній не имѣется: всѣ они либо растрчены либо погибли при архивныхъ пожарахъ. Извѣстно только, что этотъ заводъ въ 1719 году отданъ изъ казеннаго въ частное содержаніе селенгинскому служилому человѣку Вас. Брянскому, отъ котораго переходилъ къ разнымъ людямъ; въ 1789 г. былъ въ рукахъ верхнеудинскаго купца Пахолкова, работалъ на него 15 лѣтъ, но годъ отъ году слабѣлъ силами и, наконецъ, прекратилъ работы и снова принятъ въ казну въ 1803 году (за 7.762 р. 52½ к.). Пахолковъ принималъ двѣ варницы, сдать въ казну 5, изъ которыхъ одна въ казнѣ сгорѣла (въ 1816 г.). Четыре остальныхъ продолжали варку соли по 1825 годъ. До 1831 г. заводъ находился въ бездѣйствіи; на короткое время его снова пускали въ работу (начальникъ Дейхманъ), но казна не помогла и работы были оставлены до 1835 г. Купецъ Злобинъ началъ на немъ новое дѣло и кое-какъ повелъ его до 1839 г. Съ тѣхъ поръ заводъ окончательно смолкъ. Три раза свидѣтельствовали, замѣчали безпорядки, но ни къ чему положительному не пришла: рассолы ослабѣли отъ истощенія въ работахъ. Вызвать онъ былъ въ этомъ мѣстѣ горько-соленымъ озеромъ, имѣющимъ отъ в. къ з. до 500 и ширины до 300 сажень. Сначала, по преданіямъ, оно было самосадочное и ложкою соли занимались поселившіеся по близости, послѣ войны съ бурятами, казаки. Когда селенія размножились, а садка соли прекратилась, соль вываривали казаки изъ рассола, находившагося на поверхности озера; варили въ чугунныхъ котлахъ, которые ставила на камни, сложенные въ ви-

дѣ очаговъ. Озеро лежитъ за горами въ степи, на которой изрѣдка растутъ кустарники. Низменности этого пространства покрыты пылью вывѣтрившейся горькой соли. Съ сѣверной стороны въ это озеро вливается много прѣсныхъ ключей, которые, растворяя глауберову соль (представляющую на озерѣ кору), до такой степени этимъ горькосоленымъ растворомъ понижаютъ въ процентномъ содержаніи растворъ поваренной соли, что выварки послѣдней въ лѣтнее время становятся невозможными. Съ наступленіемъ холоднаго времени горькая соль извергается, вода застываетъ, а рассолъ поваренной соли обогащается, оставаясь въ видѣ проталинъ въ жидкомъ состояніи, оттого и выварка соли начиналась въ ноябрѣ и продолжалась до апрѣля. На одномъ изъ такихъ мѣстъ въ 1762 году предполагали, что ключи поваренной соли пробиваются изъ почвы озера и дѣлали опыты добычи, но неудачно. Остальная масса не нужная горькосоленая кора бываетъ толщиною до 3 аршинъ и двухъ видовъ: либо въ видѣ замороженнаго кваса и ѣз. гуширомъ, либо въ видѣ стеклеца, т. е. когда этотъ гуширь, при вліяніи теплоты, сольется въ плотную, прозрачную, стеклистую массу; гуширь въ теплѣ сырѣетъ и расплывается, стеклецъ отъ умѣренной теплоты и вліянія свѣта превращается въ порошокъ. Съ поступленія завода въ казну въ работы стали употреблять ссыльно-каторжныхъ. До 1818 г. ихъ бывало отъ 120 до 147 человѣкъ (6 солеваровъ, 10 подварковъ, 20 лядьщиковъ, 8 кузнецовъ, 8 молотобойщиковъ, 3 конюха, 17 плотниковъ и при разныхъ другихъ задолженіяхъ чернорабочихъ 75 человѣкъ). Въ 1822 г. число ссыльно-рабочихъ было увеличено до 317 человѣкъ. Горное, начальство уменьшило комплектъ до 180, такъ что, въ 1829 г. оставалось людей за бѣгами и раскомандировками только 10 человѣкъ для присмотра и охраненія казеннаго имущества. Въ 1835 г., съ увеличеніемъ работъ, число команды возросло до 96. Сыновья ссыльных рабочихъ приписывались до 1834 г. въ число заводской команды, а по достиженіи совершеннолѣтія составляли классъ людей, самыхъ способныхъ при техническихъ работахъ. Въ 1834 г. по 8 ревизіи, всѣхъ ихъ вѣдно было причислить въ крестьяне ближайшихъ волостей. Горное вѣдомство, получивъ въ свое вѣденіе (въ 1822 г.) Селенгинскій заводъ, старалось пріохотить ссыльныхъ къ мѣсту, но дѣла не подвигались и заводское селеніе не распространялось. Какъ только кончился ссыльнымъ срокъ работъ и они получили право выхода на собственное пропитаніе или выписывались за неспособностью, всѣ слѣшили перепродать свои дома другимъ рабочимъ и перейти на житье въ тѣ волости, къ которымъ были при-

писаны. Въ свою очередь, новые собственники поступали точно также. Отъ этого каждый, зная шаткія основы завода, о своей жизни здѣсь не рабѣлъ: не распахивалъ усадьбы, не расчищалъ удобныхъ земель для покосовъ и пашень, которые, сверхъ того, требуютъ еще устройства водопроводныхъ каналовъ для внешней и лѣтней поливки. Того же самого требуютъ и сѣнокосы, если только онѣ не на лугахъ, заливаемыхъ водою. Какъ только казна остановила свои работы, селеніе превратилось въ пустырь и вся окрестность, богатая озерами, осталась снова во владѣніи кочующихъ бурятъ, у которыхъ на этомъ мѣстѣ (на Гусиномъ озерѣ) стоитъ ихъ главный дацанъ (храмъ) и живетъ глава ихъ духовенства—хамба-лама. Не удержали населенія и рыбныя ловли въ озерахъ Гусиномъ и Шучемъ, о которыхъ такъ хлопотало горное начальство, а пребываніе послѣдняго въ этихъ мѣстахъ ознаменовалось лишь тѣмъ, что въ 1839 г. на восточномъ берегу Гусинаго озера найдены были обогащенный пластъ каменнаго угля, столь не цѣнимаго въ богатой лѣсами Сибири.

На Селенгинскомъ заводѣ кончаются каторжныя мѣста за Байкаломъ. Солеваренные заводы и при нихъ каторжныя работы приводятъ насъ на сю сторону Байкала и, въ подчиненіи работъ нашихъ хронологическому порядку, въ крайнюю даль Восточной Сибири.

3) Въ 665-ти верстахъ отъ Иркутска, въ 264 отъ Киренска, въ Якутской области, на правомъ берегу устья рѣки Куты (впадающей въ Лену), внизъ по ея теченію, расположенъ былъ, у небольшого озера, Усть-Кутскій солеваренный заводъ. На серединѣ озера находятся соляные ключи, надъ которыми устроены были колодцы. Источники эти нѣкогда составляли собственность будущаго завоевателя Амура, сольвычегодскаго промышленника Ерофея Хабарова и воеводою Поярковымъ отобранны были въ 1641 году въ казну. Хабаровъ выѣхалъ изъ завода и поселился въ шести верстахъ отъ г. Киренска, гдѣ до сихъ поръ сохраняется деревушка, носящая имя Хабарова. Съ этого пепелища своего онъ снялся на р. Амуръ для новыхъ промышленныхъ предприятий, успѣвъ избить якутскихъ крестьянъ, присланныхъ въ Киренскъ на его займку для поселенія. Завладѣвъ чужою женою, Хабаровъ, вынужденный неудачами на Ленѣ, сдѣлался героемъ на Амурѣ, но могилу нашелъ себѣ въ Илимскѣ (при устьѣ р. Илима, впадающаго въ Лену). До 1751 г. заводъ его находился въ вѣденіи казны, но въ этомъ году отданъ Иркутскому купцу Ворошилову, который и содержалъ до 1780 года, когда заводъ перешелъ къ его наслѣдникамъ. Въ 1800 г. заводъ, по духовному завѣщанію, перешелъ къ дочери Ворошилова, надв. совѣт. Вейтоновой, которая впо-

слѣдствіи оказалась несостоятельною и не исправною (не смотря на то, что казна, по указу 7 декабря 1801 года, къ 20 ссыльнымъ прибавила ей еще десять). Варницы снова были отобраны въ казну и въ 1803 г. отданы киренскому купцу Сычеву. Въ 1823 г. онѣ находились во владѣніи внука Сычева; въ 1829 г. Малѣева, въ 1836 г. жены его. Соляные источники Усть-Кутскаго завода—самые богатые въ Иркутской губ. и варка соли, при изобиліи разсола (по солемѣру 18½ лотъ), можетъ производиться во всякое время года, но варили соль только весной и лѣтомъ, т. е. когда рассолъ становился крѣпче. Варили въ двухъ варницахъ: спасскомъ и знаменскомъ и до 1838 г. получали ежегодно до 25 т. пуд. Для производства работъ было положено имѣть 35 человѣкъ и для каторжныхъ работъ: у рубки дровъ и при заготовленіи лѣса. Соль сплавлялась по Ленѣ черезъ подрядчиковъ отъ казны на баржахъ и гужомъ въ стойки Киренскаго округа. По нахожденіи завода въ малонаселенной странѣ, онъ приносилъ казнѣ ничтожныя выгоды, потому она рѣшилась и съ нимъ покончить дѣло и уничтожить. Селенія и здѣсь не выросли и не укрѣпились. Въ заводѣ, даже и во время работъ, не было церкви, а стояла часовня, выстроенная въ 1822 г.; требы исполняли священники Усть-Кутскаго селенія, отстоящаго отъ завода въ 4 верстахъ.

4) На берегу рѣки Усолки (Енис. губ. Канскаго округа), въ разстояніи 193 верстъ отъ г. Канска, существовалъ четвертый заводъ Восточной Сибири, наз. Троицкимъ. Первые соляные ключи открыты были тунгусами, обывшими (въ началѣ 17 столѣтія) о томъ единственнымъ въ то время и въ тамошнемъ краю торговымъ людямъ—мѣщанамъ г. Енисейска Хромовымъ. Хромовы разработали нынѣшній средней колодезь (въ немъ рассолъ 6), варили соль въ котлахъ, а потомъ устроили и варницу, полагая начало завара съ Покрова и продолжая варку до времени весенняго разлива Усолки. Предприниматели эти, часто имѣя нужду въ деньгахъ, занимали ихъ у жившихъ здѣсь монаховъ енисейскаго Спасскаго и турханскаго Троицкаго монастырей. Впослѣдствіи, будучи не въ состояніи уплатить долговъ, Хромовы передали все заведеніе въ монастырину. У монаховъ солевареніе улучшилось: выходъ соли часто доходилъ до 80-ти пудовъ. Въ 1764 г. заводъ принятъ въ казенное вѣдѣніе. Казна выстроила три новыя варницы (въ 1778, 1780 и 1800 гг. *) и устроила три новыхъ колодца (одинъ содержаніемъ въ 15°, другой до 24°). Выварка соли поднялась до 88

*) Варница этого года устроена по вызову того обстоятельства, что въ этомъ году прекратилась садка соли на Минусинскомъ самосадочномъ озерѣ.

пудовъ, когда въ 1827 г. заводъ взяло въ свои руки горное вѣдомство и выварка соли увеличилась до 126 пудовъ. Хозяйство расширилось: „чтобы избѣжать покупки желѣза дорогими цѣнами и отъ вольныхъ людей“, казна распорядилась построить желѣзный заводъ. Руды добывались въ окрестностяхъ при рѣчкѣ Кононтиловкѣ и плавилось въ печахъ, получалось кричное желѣзо, которое превращали въ сортовое тутъ же *). При этихъ условіяхъ казна успѣла въ 10 лѣтъ выстроить тутъ новое селеніе (въ эти десять лѣтъ прибыло 63 дома). Работы производились арестантами, присланными гражданскими начальствами во временную работу въ ожиданіи собиранія справокъ (отъ 50—100 чело-); присланные и ссыльно-каторжные. Въ 1838 г. ихъ было 313 человекъ, имѣвшихъ 120 домовъ собственныхъ (другіе размѣщены были въ нарочно для нихъ устроенныхъ казармахъ). Ссылные употреблялись для выварки соли на работы уже истинно каторжными, по старинному способу веденія ихъ. Перевозка дровъ, починка и постройка чреновъ и приготовленіе инструментовъ производились людьми вольнонаемными.

5) Одновременно съ Усть-Кутскими открыты были соленые источники на берегу р. Ангара, въ 68 верстахъ отъ Иркутска, на мѣстѣ, гдѣ теперь существуетъ Иркутскій солеваренный заводъ или по просту Иркутское-Усолъе. Все техническое устройство находится на островѣ р. Ангара, наз. Варничнымъ (прежде Вознесенскимъ). До 1765 г. соляной промыселъ состоялъ въ вѣденіи иркутскаго Вознесенскаго монастыря, съ приписными крестьянами отъ деревень нынѣшней Бодайской волости. Въ 1765 г. Усолъе поступило въ казенное управленіе и съ того времени стали присылать сюда для работъ ссыльно-каторжныхъ. Казна въ 1772 г. имѣла уже здѣсь 4 варницы и вываривала на нихъ соли до 55 т. пудовъ. Съ 1782—85 г. заводъ содержался на арендѣ тобольскимъ купцомъ Дьяконовымъ, по смерти котораго опять поступилъ въ казну. Разсолные источники находятся преимущественно на островѣ Варничномъ и частью на лѣвомъ берегу Ангара, близъ селенія. Прежде разсолъ былъ гуще (въ $7\frac{1}{2}$ и $9\frac{1}{2}$ °), но бывшія землетрясенія понизили ихъ содержаніе (въ 1833 г. отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ °, а въ 1839 и еще почти на $1\frac{1}{4}$ °), отчего соль 1838 и 40 гг. вываривалась уже изъ разсоловъ въ $5\frac{1}{4}$ и въ $6\frac{3}{4}$ ° (въ 1841 разсолы обогатились на половину этого пониженія **).

*) У деревни Яковлевой открыты были жѣлезныя руды и, кромѣ того, существуютъ близія завода желѣзистыя минеральныя воды, а въ 6 верстахъ отъ него углекислыя.

**) Состояніе разсоловъ измѣняется: въ сухое лѣто они богаче, но притокъ ихъ недостаточенъ на продовольствіе дѣйствующихъ чреновъ. Осу-

Выходы соляныхъ рудниковъ не глубоко залегаютъ отъ поверхности земли, отчего и самыя колодцы, скользящіе разсолъ, не глубоки. Изъ этихъ колодцевъ разсолъ поднимается бадьями въ зунфы посредствомъ насосовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе конною силою. Изъ зунфовъ пускается разсолъ по жолобамъ въ лари, устроенные въ самыхъ варницахъ, а изъ ларей напускается уже, по мѣрѣ надобности, въ чрены. Въ ларяхъ разсолъ, по наполненіи, часовъ до 12 отсаживаетъ иль (разсолъ протекаетъ мутнымъ) и изъ нихъ пускается по жолобамъ въ чрены, устроенные въ серединѣ варницъ и сшитые изъ листовъ поличнаго желѣза. Чрены повѣшены на крючьяхъ: подчренныя печи складены изъ кирпича, устье ихъ или чело печи имѣетъ вышины около $1\frac{1}{2}$ ар. и ширины 2 ар. и снабжено желѣзною дверью, которая служитъ также для управленія огнемъ. На сторонѣ, противоположной устью, у задней стѣны, выкладывается невысокая труба, называемая сопуха, имѣющая заслонку также для управленія огнемъ или подчреннымъ жаромъ. Кромѣ того, въ варницѣ настилаются палаты съ ящиками для складки и просушки соли, набрасываемой изъ чреновъ. Въ чрены до напуска разсолоа напускается бурдукъ (смѣсь муки съ разсолонъ), который заливается и замазывается тѣ мѣста, гдѣ капель или течъ. Это собственно и называется напускомъ; затѣмъ слѣдуетъ наводка, т. е. сгущеніе разсолоа. Во вторые сутки повышается напускъ разсолоа и въ первые сутки соли почти никогда не получается, во вторые—весьма немного и то мелкой и грязной, смѣшанной съ пригорѣлою мукою, сажею, иломъ и пескомъ. Эта соль поступаетъ въ переваръ. Три или четыре соли по заварѣ бываютъ тя-

тительно же понижаются они въ своей густотѣ во время разлиновъ р. Ангара отъ чрезвычайно-быстраго притока нагорныхъ водъ рѣкъ: Иркуты, Ушаковки, Тойсона и Китомъ, что бываетъ, по большей части, въ іюні и началѣ іюля и во время рѣкостава Ангара въ декабрѣ и январѣ. При этихъ случаяхъ нерѣдко затопляется весь Варничный островъ и прѣсная вода, стекая съ поверхности въ колодцы, разводитъ разсолъ, дѣластъ его негоднымъ къ солеваренію. Изубоженный притоконъ водъ разсолъ не пускается въ дѣло до того времени, пока вода Ангара не пойдетъ на убыль. Воду отливаютъ, даютъ время концентрироваться въ колодцахъ разсолу, и—солевареніе вновь начинаютъ. Особенно было сильно наводненіе въ 1772 году: вода стояла до половины дверей разсолныхъ колодцевъ и варницъ, заливалась даже въ чрены, снесла съ острова бени, мостъ черезъ протокъ Усолку, сломала всѣ жолобыя, затопила соляныя магазины и унесла болѣе тысячи сажень дровъ. При з водѣ—своя лѣсная дача. Для дровъ предпосчитаютъ круглыя, наз. сѣлыши, какъ болѣе удобныя для того, чтобы легче подкатывать ихъ по склону. Въ 1823 году варницъ было 9, въ 1836 уже 1. Шестнадцат. пуд. соли требуютъ цѣна и убическая сажени дровъ.

желы на вѣсъ, не чисты и, лежа въ магазинѣ, даютъ весьма значительную утечку *). Каждая варя продолжается около сутокъ, а изъ 20 и болѣе варей составляется отряска, въ теченіи которой на полотнѣ чрена, въ видѣ твердаго камня, накипаютъ столько поваренной соли, что, въ предупрежденіе притага, этотъ камень (ширей) отбиваютъ. Работа такая (наз. околотка) производится молотками (наз. клевакъ). Затѣмъ производится дня 2—3 починка; чрены дѣйствуютъ отъ 20 до 22 сутокъ; общая поправка производится черезъ 2—2½ мѣсяца; въ октябрѣ солевареніе прекращается, въ концѣ февраля или въ началѣ марта начинается. Работа въ варницахъ въ сильномъ жару, заставляющемъ снимать рубахи до гола съ расчетомъ на простуду и на растраву ранъ и даже мелкихъ порѣзовъ въ соляномъ пару—по истинѣ каторжная. Многія варницы, каковыя всегда строятся осмыугольными, отъ неправильнаго устройства пролетовъ накопляли такой дымъ, что рабочіе, для направленія огня, и ползать не могли по землѣ. Чтобы они не задыхались въ вѣтряное время, сдѣланы плотно законопаченныя будки, куда люди входили со двора и сквозь окошца смотрѣли за огнемъ, будучи избавлены отъ безвременнаго страданія и боли глазъ, но все-таки не избавились отъ близости простуды и вѣроятія отравы соляными парами до потери аппетита. Въ этихъ сѣняхъ, придѣлываемыхъ съ наружнаго входа, складываются дрова; въ лѣтнее время здѣсь рабочіе имѣютъ убѣжище отъ нестерпимаго жара варницъ; сѣни служатъ препоною для сильнаго притока воздуха со двора въ варницы, гдѣ онъ, въ соединеніи съ дымомъ и паромъ, особенно при напускахъ разсола въ холодное время, производитъ почти непроницаемую темноту и отращаетъ сильное горѣніе въ подчренныхъ печахъ. Кѣмъ-то и когда-то при Иркутскомъ заводѣ устроено было въ незначительномъ видѣ желѣзное производство ручными молотами на обыкновенно кузнечныхъ горнахъ. Въ 1795 г. построена была кузница съ пятью горнами, а въ 1801 г. устроена была на р. Тельминкѣ молотная фабрика. На ней изъ разнаго лому выковывались гвозди и подгвоздки (желѣзные круги съ дирою) для чреновъ. Впослѣдствіи искали рудныхъ мѣсторожденій и нашли ихъ, но не благонадежныя—гнѣздовыя, и замыслы оставлены. Въ 1835 году, по близости найденъ новый пластъ и плавка производилась въ сыродувныхъ печахъ, но за не-

*) Чистая, хорошо высушенная поваренная соль влаги не притягиваетъ. Если въ соли содержится хлористый кальцій или магній, имѣющее сильное сродство съ водою, соль растворяется въ притягиваемой изъ воздуха влагѣ и тогда утечка; если въ соли сѣрно или углекислый натръ или сѣрноокислая магнезія, то соль вывѣтривается, т. е. происходитъ усышка.

достаткомъ воды работы прекратились, но увѣнчались тѣмъ результатомъ, что во флейдовой горѣ (наз. Балдуйской) подъ песчанникомъ нашли пластъ каменнаго угля до 1½ саж. толщиною. Заводъ довольствуется теперь жалѣзномъ алтайскимъ и Петровскаго завода *). Съ примѣненіемъ въ Восточной Сибири новой соляной системы, солеварнымъ заводамъ выпадаетъ необходимая участь быть упраздненными или перейти въ частныя руки, если только таковыя увѣренно рассчитаютъ на выгоду разработки и, во всякомъ случаѣ, предпочтутъ вольнонаемный трудъ. Примѣръ частнаго владѣльца Николаевскаго завода, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи до послѣдняго времени небольшое число каторжныхъ, въ этомъ отношеніи единиченъ и исключителенъ.

Солеваренные заводы, такимъ образомъ, можно полагать каторгою первой степени. Гораздо легче ихъ была каторга на винокуренныхъ заводахъ, до измѣненія въ послѣднее время системы акцизныхъ сборовъ на вино, когда всѣ казенныя винокуренныя заводы были уничтожены, т. е. либо проданы на дѣло и на сломъ, либо сданы въ арендное содержаніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ частная предпріимчивость въ существованіи ихъ признала законное и безоспечное право.

Винокурение въ началѣ производилось винокурами, избираемыми изъ ссыльныхъ, которые знакомы были съ этимъ дѣломъ въ Россіи или пріучались уже въ заводѣ (имѣ давали по 250 р. асс. въ годъ и, сверхъ того, въ видѣ ваграды, по 8 коп. съ каждаго ведра излишнее выкуреннаго вина). Производство шло, по старинному, весьма дурно: въ деревянныхъ бражныхъ кубахъ, устроенныхъ по обыкновенію каштакоевъ; при жестокихъ морозахъ терялась спиртуозность, вылетающая въ спай досокъ. При морозахъ (въ дек. и янв.) выходы вина уменьшались: морозы мѣшали быстрой работѣ, мѣшала дѣлу и посуда, не успѣвая одержаться. Винокуры часто мѣнялись за злоупотребленія, которыя происходили частью по ихъ неопытности, частью злонамеренно. Изъ четверти хлѣба не выкуривалось больше 6 ведеръ; жившійся изъ Россіи еврей успѣлъ выучить добывать 7 ведеръ, впослѣдствіи дошли до 7½ и до 7½. Выкурка вина не превышала 100 тыс. ведеръ въ благоприятное время и упала даже до 6 тыс. въ неудачное. Отъ того, что бочки приготавливались изъ ливственничаго лѣса, усышка и утечка возрастали до 7½ ведра на сто. Голодные и голые рабочіе, для поддержки своего утлага существованія, принуждены были измышлять различныя хитрости, чтобы уворовать вино, бѣжать съ нимъ изъ завода и на-

*) Былъ еще солеваренный заводъ въ Охотскѣ, дѣйствовавшій очень долгое время и уничтоженный въ 1839 году.

чать корчемничать гдѣ либо по сосѣдству. Воровали спирт и полугарь, просверливая дыры въ трубахъ, по которымъ идетъ вино. Бывали времена, что, по причинѣ скуднаго урожая хлѣба, придумывали для рабочихъ хлѣбъ изъ барды; бывали времена, что и самый хлѣбъ, при плохомъ хозяйствѣ, для Восточной Сибири принуждены были закупать въ Западной *).

На винокуренные заводы вышла мода. Стали выстраивать ихъ не тамъ, гдѣ обнаруживался мѣстный вызовъ, поддерживаемый обиліемъ хлѣба и мѣстными требованіями, а въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ клялъ надежды кабинетный расчетъ, желающій похвастаться своею почительностью о казенныхъ прибыляхъ и своимъ прилежаніемъ и заботою о народныхъ нуждахъ. Мало заботились (да и не были въ состояніи сдѣлать это), не хотѣли рассчитывать на то, чтобы за новыми заводами упрочить существованіе ихъ на будущее время. Достигли одной цѣли: количество каторжныхъ мѣстъ увеличили на извѣстное время, но промышленныя заведенія, прочно стоящихъ на твердыхъ экономическихъ основахъ, не установили. Мѣстныя условія не замедлили обнаружить свое влияние и огромныя суммы, затраченныя на устройство, оказались безплодно потерянными; заводы, работавшіе въ ущербъ себѣ и увеличившіе цѣну вина, убѣдили въ своей несостоятельности и были уничтожены: Михайловскій за Байкаломъ, Николаевскій (въ 1832 г.), Ильгинскій (1845 г.) въ Иркутской губ., Каменскій въ Енисейской. Александровскій заводъ, соединивъ съ собственнымъ винокурениемъ производившуюся до тѣхъ поръ выкурку вина въ этихъ заводахъ, сталъ безъ затрудненія удовлетворять потребности всѣхъ мѣстъ, подчиненныхъ влиянію упраздненныхъ заводовъ. Онъ избавилъ казну отъ лишннихъ издержекъ и выкуривалъ вино съ меньшими противъ нихъ расходами. Хлѣбъ привозили сюда окрестные крестьяне и инородцы (бурята) прямо на базаръ и стужѣли сдѣлать подручный рынокъ, избавлявшій отъ необходимости сложныхъ операцій по закупкѣ. Иркутскій и нижнеудинскій округъ снабжали заводъ хлѣбомъ въ такомъ достаткѣ, что бывали времена, когда пудъ хлѣба продавался менѣе 10 коп. въ урожайные годы, отъ 24 до 25 въ года средняго урожая и только до 90 коп. доходить въ неурожайные. Заводъ былъ въ состояніи выкуривать свыше 500 тысячъ ведеръ и казна, за исключеніемъ издержекъ на приготовленіе вина, получала выгоды около милліона рублей. Въ 1860 году въ дачахъ завода считалось 12.503

десятины лѣсныхъ угодій; 526 дес. сѣнокосныхъ мѣстъ, 366 дес. пахатныхъ земель и 240 дес. выгону,—количество угодій, роскошно обезпечивающихъ существованіе мѣстнаго заводскаго селенія. До поступленія завода въ казну (1787 г.), въ немъ были рабочіе люди изъ ссыльных; съ поступленіемъ въ казну определено имѣть, кромѣ дроворубовъ и бочкарей, 154 чел. каторжныхъ. Но такъ какъ потребность въ людяхъ гораздо превышала назначенное число, то оно, постепенно увеличиваясь, въ послѣднее время, а именно передъ отдачею завода въ арендное содержаніе Медовикову въ 1853 г., возросло слишкомъ до тысячи человѣкъ. Послѣ же передачи число рабочихъ уменьшено на половину.

Съ передачею заводовъ на коммисіонерскомъ правѣ въ аренду ссыльные стали раздѣляться на два разряда: одни остались за казною, другіе были переданы контрагенту. Положеніе тѣхъ и другихъ измѣнилось: на Александровскомъ заводѣ казенные ссыльные получали 3 руб. асс. и два пуда муки въ мѣсяцъ; контрагентскіе стали получать двойной платать (до 3 р. сер.). Вышло, однако, такъ, что казенные, оставшіеся на задѣльной платѣ, стали жить лучше, въ особенности тѣ, которые знали какое либо мастерство. Не-мастеровые старались приписаться къ кому либо изъ семейныхъ; жители завода охотно принимали ихъ къ себѣ на квартиру и довольствовались ихъ харчевымъ содержаніемъ безъ платы, получая отъ нихъ одинъ только провіантъ. Кромѣ того, ссыльные обязывались половиною свободныхъ во время дѣйствія винокурения сутокъ содѣйствовать въ помощь домашнему хозяйству сторожильовъ. Кромѣ того, ссыльные имѣли еще выгоду зимою обработать въ заводѣ по вольнымъ цѣнамъ (50 коп. въ сутки), а лѣтомъ (когда съ половины мая до половины августа прекращается винокурение) большая часть изъ нихъ находится въ дровосѣкѣ и при вырубкѣ бочечнаго лѣса и получаетъ отъ 4 до 6 руб. въ мѣсяцъ *). Усердные изъ рабочихъ, проживя одинъ или два года въ заводѣ, имѣли возможность купить домикъ и завести собственное хозяйство. При этомъ каторжные, по преимуществу, женились на дочеряхъ каторжныхъ же, раньше поступившихъ въ заводъ и обзаведшихся домами и семействами **).

*) Избавившіеся по благонадежности ссыльные для отправленія особыхъ обязанностей по заводу получали и особое жалованье, согласно штату, напр. нарядчикъ 70 руб., мѣдики 150 р., кузнецы по 60 р., плотники, мельники и солодовщики 50 руб., браговары, натребики и трубные по 40 руб. въ годъ.

**) Въ 1839 г. домовъ, принадлежащихъ ссыльнымъ, было 178, къ нимъ въ этомъ году пристроилось новыхъ 2, въ 1840—3, въ 1841—4, въ 1842 ни одного не выстроено, ни одного не куплено; въ 1839 куплено 5, въ 1840—5, въ 1841—4, въ 1843 построено 7 и куплено 8. Огороды

*) Такъ, напр., для Александровскаго винокуреннаго завода привозили въ 1802 г. изъ Толбоской губ., когда и самое куреніе вина приостановили, такъ что казна потерпѣла громадные убытки.

Между тѣмъ, ссыльные отъ контрагентовъ чаще пускались въ бѣга: довѣрители не давали имъ порядочной одежды, въ самые сильные морозы водили почти босыми. Получая по 6 р. асс. въ мѣсяцъ, ссыльные платили по 4 руб. за харчи и за квартиру; одежда выдавалась изъ конторы подъ самое жалованье. Такимъ образомъ, заводское начальство лучше мѣрою къ прекращенію побѣговъ полагало улучшение пищи и одежды; находящимся при работахъ на винницѣ винокуръ обязанъ давать винную порцію. Заведенъ былъ овощный огородъ; выдавались капуста, говядина, крупа и картофель, по временамъ покупалось молоко. Семейнымъ и обзаведшимся хозяйствомъ на содержаніе свиней выдавалась барда; свиное мясо служило подспорьемъ въ пищу; барда выдавалась также и для лошадей. Хозяева составляли особый разрядъ—коннорабочихъ. Получая пособіе отъ казны въ лѣсъ и матеріалахъ, а также лошадьми, ссыльные были въ состояніи нанимать для пособія при возкѣ дровъ другихъ ссыльных, бѣдѣвшихъ. Этому мѣрою содержали на заводскихъ работахъ и дѣтей ссыльных, заохотѣвшихъ въ 1835 году выбыть изъ завода для приписки по 8-ой ревизіи въ крестьяне. Въ свободное время оставляли за ссыльными право наниматься у крестьянъ, сдающихъ хлѣбъ, носить мѣшки въ магазины за добровольную плату.

Подобное же учрежденіе заводовъ, не соотвѣтственно потребности и силамъ края, вызвало уничтоженіе винокуренныхъ и въ Западной Сибири: Боготольскаго, Ентарскаго и друг., и въ Восточной Сибири—Каменскаго и другихъ. Каренскій (въ 24 верстахъ отъ г. Енисейска) еще въ 30 годахъ работалъ съ постоянною убылью для казны и существовалъ только для того, чтобы занимать работами 600 чел. каторжныхъ *). Въ другихъ мѣстахъ неумѣстное учрежденіе казенныхъ винницъ вызвало сильную дороговизну хлѣба съ непоправимымъ стѣсненіемъ для жителей, особенно, когда устроены были два завода, Екатерининскій и Успенскій, въ малохлѣбородномъ сѣверномъ краю (первый подъ Тарою, второй подъ Тюменью). Екатерининскій,

съ 155 возросли до 237. Прогрессивно увеличивалось и число скота: лошадей, коровъ, барановъ, свиней.

*) Этотъ Каменскій заводъ, такъ же какъ сибирскій бродяга, переходилъ отъ одного хозяина къ другому и добился только одного: совершеннаго уничтоженія. Онъ—по преданію—основанъ былъ подъ низкими, но крутыми возвышеніями при устьи рѣки Каменки, въ 1663 году какимъ-то Скрепковымъ, отъ него перешелъ къ графу Шувалову, потомъ къ Походяшину, потомъ къ Лобанову и, наконецъ, въ казну. Заводскій архивъ говоритъ, что онъ снова отданъ былъ въ аренду тому же Лобанову съ Кремневымъ, опять очутился въ казенныхъ рукахъ томокой казенной палаты, опять былъ отданъ въ аренду Лѣнищеву, въ 1813 г. снова поступилъ въ казну, и проч.

основанный при Екатеринѣ II и названный ея именемъ, представлялъ небольшое селеніе, помѣстившееся среди лѣса, на правомъ берегу Иртыша. Огромная каменная винокурня отстояла отъ селенія саженъ на 300; самое селеніе представляло рядъ домовъ, выстроенныхъ тамъ, гдѣ указало начальство на линіи улицъ. И здѣсь точно также работы производились каторжными, часть которыхъ (200 чел.) находилась въ веденіи казны, другая меньшая (100 чел.) была въ распоряженіи контрагентовъ. Казна выкуривала до 120 тыс. ведеръ, но частные предприниматели увеличили выкурку до 200 тыс. ведеръ полугара, гвѣнника и спирта, расходившихся по Тоб. и Томск. губ., на тысячу верстъ въ округности. И здѣсь, какъ и вездѣ, одни каторжные набирали муку, другіе возили ее, третьи ссыпали въ заторы, приготовляли солодъ на гонку вина, качали машиною воду въ сосуды, спускали брагу изъ одного сосуда въ другой, качали машиною брагу изъ нижней десятины въ верхнюю; заготавливали, лѣсъ находились при носкѣ дровъ, другіе были въ жгачахъ у печей, у пишки погнѣевъ, при бочкахъ въ бондаряхъ; работали по каторжному положенію день и ночь, а въ рабочее время винокурения имѣли отдыхъ только на Рождество и на Пасху. Плата бондарямъ шла отъ шутки и они могли заработать руб. по 15 асс. и больше; другіе рабочіе получали не больше 10 руб. асс. и не меньше 5-ти. Каторжные отдавали домовладѣльцамъ муку, работали около ихъ дома и имѣли за то столъ и право спать въ тѣсной, но теплой избѣ. Жившіе въ казармахъ жили пьяно, распутно, часто затѣвали кровавыя драки. Наказывать рабочихъ ни винокуръ, ни довѣрители не имѣли права, но только смотритель, въ помощь которому и здѣсь былъ данъ гарнизонъ изъ солдатъ. Противъ лѣниваго, непослушнаго или наглеца, смотритель призывалъ солдатъ и розгами разыскивалъ и возстановлялъ правду. Однако, бить по щекамъ, таскать каторжнаго за волосы могъ всякій безнаказанно. Сильно тосковали по родинѣ, а потому бѣжали, сильно пьянствовали, а притомъ и страшно воровали; словомъ и здѣсь тоже, какъ двѣ капли воды, что и на всѣхъ сибирскихъ заводахъ, соляныхъ и винныхъ, желѣзныхъ и серебряныхъ. Говорить о другихъ заводахъ Западной Сибири—повторять старое: таково было, таково же жалось и на Успенскомъ въ Тюменскомъ округѣ въ 326 верстахъ отъ Тобольска. Заводъ успѣлъ также вырасти въ довольно большое селеніе и также пользовался работами ссыльных, обреченныхъ на 20-ти-лѣтнюю заводскую работу и получавшихъ за то ежемесячно неизмѣнные 3 руб. асс. и 2 пуда ржаной муки въ провіантъ.

Государственный совѣтъ, при новой реформѣ акцизнаго сбора за вино, увидѣвъ, что казенные винокуренные заводы приносятъ казнѣ еже-

годно большіе убытки, постановилъ продать заводы въ частныя руки съ тѣмъ расчетомъ, что потребное количество вина будетъ заготовляться съ большимъ успѣхомъ. Для успѣховъ, при развитіи частной предпріимчивости, казна пожертвовала значительными уступками и продала заводы, стоившіе нѣсколько сотъ тысячъ, гораздо ниже настоящей ихъ стоимости. Такъ, напр., Павловскій заводъ проданъ за 10 тыс., а Михайловскій за 14 т. руб., но выгадано въ томъ, что частные покупщики не замедлили дать наибольшее развитіе промышленности и убѣдить въ томъ, что тамъ, гдѣ казна при крѣпостномъ трудѣ получала убытки, частные промышленники, при вольной цѣнѣ за трудъ и

безъ увеличенія цѣнности продукта, получили барыши и развили дѣло на прочныхъ и широкихъ основаніяхъ. Между тѣмъ, въ видахъ правительства ясно было выражено желаніе продать заводы на сломъ и только пригодныя зданія передать для волостныхъ надобностей въ вѣденіе палаты государственныхъ имуществъ. Въ этихъ расчетахъ уничтоженія казенныхъ винокуренныхъ заводовъ исчезла и надобность въ работахъ ссыльных и каторжныхъ. Слѣдомъ за уничтоженіемъ рудниковыхъ работъ, исчезъ еще новый видъ каторжныхъ работъ въ Сибири по примѣненію къ многочисленнымъ сибирскимъ винокурямъ.

V.

СИБИРСКІЯ ФАБРИКИ.

Бупецъ Куткинъ.—Полотняная фабрика.—Контракты.—Купецъ Содатовъ.—Фаянсовая фабрика.—Суконная фабрика Векшина.—Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика.—Тельминская суконная фабрика.—Стекланный заводъ.—Омская суконная фабрика.—Пользованье трудомъ ссыльных.

Способъ приспособленія обязательныхъ работъ ссыльно-каторжныхъ остался въ тѣхъ же условіяхъ и по примѣненію къ тѣмъ фабричнымъ производствамъ, на которыя соблазнялась казна и рассчитывали частные предприниматели. Съ непремѣннымъ обязательствомъ приспособлялся трудъ каторжныхъ тотчасъ, какъ заводила казна фабрику, какъ завела двѣ таковыхъ для выдѣлки суконъ на линейныя и казачьи войска: Тельминскую подъ Иркутскимъ для войскъ Восточной Сибири и Омскую въ самомъ городѣ Омскѣ для войскъ Западной Сибири. Съ готовностью и охотою уступала казна трудъ каторжныхъ и на воспріимчивое предпріятіе частныхъ лицъ, какъ сдѣлано это при заведеніи фаянсовыхъ и стеклянныхъ фабрикъ подъ Иркутскомъ и полотняной фабрики въ Тобольскѣ. Условія, постановленныя при поощреніи послѣдней фабрики, послужили потомъ руководящимъ образцомъ для другихъ послѣдующихъ.

Въ 1791 году ст. совѣт. Куткинъ завелъ въ Тобольскѣ, въ собственномъ домѣ, небольшую полотняную фабрику, которая, распространивъ мало по малу, сдѣлалась, наконецъ, заведеніемъ, обратившимъ на себя вниманіе правительства. Въ 1797 году оставлено при ней для работъ изъ сосланныхъ за вины въ Сибирь 59 человекъ; въ 1803 году подъ фабрику отведено было 300 дес. земли и заведеніе переведено было за 9 верстъ отъ города. Въ 1808 г. Куткину разрѣшено выбрать изъ сосланныхъ русскихъ фабричныхъ знающихъ ткацкія работы нужное число людей, имѣющихъ отъ 20 до 40 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы число рабочихъ, съ имѣющи-

мися на лицо, составило 60 человекъ. На случай наибольшаго распространенія фабрики дозволено увеличить число фабричныхъ до ста человекъ. Постановлено: мастеровыхъ этихъ впредь 3 года въ подушной окладъ не полагать, а въ теченіи 20 лѣтъ не брать съ нихъ рекрутъ, чтобы они не могли въ это время обзавестись хозяйствомъ. По прошествіи первыхъ трехъ льготныхъ лѣтъ Куткинъ обязывался платить подушныя и всѣ повинности наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами, а по прошествіи 20 лѣтъ давать отъ фабрики за рекрута 500 руб. Если „кто изъ дѣтей фабричныхъ окажется распутной жизни, отъ него къ исправленію надежды не будетъ, или безпечность столь будетъ велика, что никакія побужденія и поощренія не подѣйствуютъ, таковыхъ отдавать въ зачетъ рекрута отъ фабрики“. Мастеровые должны быть помѣщены въ жилища и хорошо выстроенныя свѣтлицы, отъ мая до сентября получать платы по 24½ коп. въ день, въ прочее время года по 18 коп., а женщины, безъ раздѣленія времени, по 9½ коп. Всѣмъ женатымъ Куткинъ обязалъ былъ дать въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ по коровѣ и по двѣ овцы, отвести подъ огороды по полудесятинѣ земли и по столько же сѣнокоса. „Лошадей имъ не полагается, потому что въ тамошнемъ краю частымъ онѣ подвержены падежамъ, а вмѣсто того всѣ работы при фабрикѣ отправлять на волахъ, которыхъ и давать мастеровымъ въ началѣ весны отъ фабрики безъ всякаго отлагательства въ нужное къ тому время. Состарившихся мастеровыхъ упо-

треблять для присмотра и карауловъ съ платою въ мѣсяцъ отъ 2 до 3 руб. Когда же застигнетъ дряхлость, производить пенсіи по 12 руб. въ годъ и выдавать провіантъ противъ работника въ половину. Малолѣтнихъ сиротъ до 12 лѣтъ воспитывать и одѣвать на счетъ фабрики, обучая, между тѣмъ, и занимая легкими рукодѣльями. Для предотвращенія догровизны въ пропитаніи, содержатель обязанъ имѣть всегда при фабрикѣ запасъ хлѣба, „поелику сіи необходимыя жизненные припасы (какъ-то мука и крупа) въ городѣ Тобольскѣ и окрестностяхъ оного всегда бывають въ изобиліи и продаются цѣнами умѣренными“. На волю фабричныхъ отдается братъ оный у него (Куткина) или довольствоваться покупкою на сторонѣ. Мелочныя ссоры между мастеровыми, ихъ женами и дѣтьми разбирать въ воскресные дни по утрамъ тремъ человѣкамъ выборнымъ, кого они сами назначать. Имъ же отдавать для исправленія лѣнливыхъ, непослушныхъ и пр. Винная продажа при фабрикѣ и на земляхъ ея воспрещена; не дозволено также ни подъ какимъ видомъ ѣздить съ выставками временными или подвижными. За вычетомъ праздниковъ и одного лѣтняго мѣсяца для уборки сѣна и обработки огородовъ, рабочіе занимаются въ теченіи года 248 дней, полагая въ сутки по 12 рабочихъ часовъ. Призрѣніе больныхъ зависитъ отъ фабрики; для исполненія христіанскаго долга мастеровые въ воскресные и праздничные дни въ церкви могутъ ходить въ городъ, но только съ дозволенія управляющаго, а безъ дозволенія отнюдь не отлучаться, и проч.

Такими же правилами обязанъ былъ и купецъ Солдатовъ, получившій мастеровыхъ и рабочихъ людей изъ ссыльных, съ отводомъ ему земли (въ 1814 году) подъ фаянсовую фабрику въ предмѣстѣи Иркутска. Фабрику эту Солдатовъ купилъ отъ купца Полевого и вызвалъ поощреніе правительства, между прочимъ, и по тому — какъ сказано въ положеніи комитета министровъ — что изъ приготовляемой посуды сдѣлалъ даже статью торговли съ китайцами. Ему назначено было отъ 30 до 40 ссыльныхъ, а въ томъ числѣ, сколько можно, женатыхъ, лѣтами отъ 15 до 40, каковыя и были причислены къ фабрикѣ на общемъ основаніи и съ тѣмъ, что если владѣльцы отъ фабрики откажутся или ослабятъ на ней дѣйствіе, отведенная подъ фабрику земля и приписанные къ ней люди перейдутъ въ казенное вѣдомство *).

*) Кроме Солдатовской, дѣйствовали, при помощи каторжныхъ, подъ Иркутскомъ, въ 28 верстахъ, Векшина но сессіонная суконная фабрика и также посессионная Тальминская фарфоровая, фаянсовая и стеклянная, содержавшаяся купеческою компаніею въ 30 верстахъ отъ Иркутска. Въ самомъ Иркутскѣ, въ началѣ нынѣшняго

Такъ случилось, какъ съ Солдатовскою, такъ и съ Куткинскою фабриками. Дольше и крѣпче держались казенныя фабрики, между которыми наибольшую извѣстностью пользовалась Тельминская.

Тельминская фабрика (на р. Тельмѣ, въ 58 вер. отъ Иркутска) получила свое начало также въ частныхъ рукахъ, она построена въ 1751 г. купцомъ Вобровскимъ; въ 1793 г. куплена въ вѣдомство иркутскаго комиссариатскаго комиссіонерства и производила въ то время отъ 4 до 9 тыс. аршинъ сукна въ годъ. Въ 1797 году набрано въ Сибири до 6 тыс. рабочихъ людей, воздвигнуты наскоро необходимыя зданія и началось производство, но издѣлія оказались несовершенными и фабрика могла вырабатывать только $\frac{1}{4}$ часть предполагаемаго количества суконъ. Между тѣмъ, при смотрѣ за рабочими, раздача жалованья и домашній бытъ мастеровъ находились въ ужасномъ безпорядкѣ до ревизіи фабрики сенаторомъ Селифоновымъ. Генералъ Новицкій былъ уволенъ отъ управленія, фабрика на два года взята въ гражданское вѣдомство и когда стала изготовлять до 37 тыс. аршинъ сукна, 5.000 каразей, 3.855 шляпъ при 500 рабочихъ, снова была передана въ комиссариатъ, а въ 1808 году передана въ вѣденіе Пестеля (генералъ-губернатора). Въ 1811 году приступлено къ разнымъ постройкамъ и, въ теченіи 10 лѣтъ, кромѣ старыхъ, устроены: стеклянный заводъ, гранильная для стеклянной посуды, фабрика фламскаго полотна, шерстомойный дворъ и множество другихъ фабричныхъ заведеній. Въ 1820 году открыты работы на машинахъ чесальныхъ, прядильныхъ и мотовильныхъ, которыя до того времени оставались безъ всякаго употребленія. Тканье сукна производилось на 57 самолетныхъ и на 11 простыхъ двуручныхъ станкахъ. Въ 1827 г. сенатскимъ указомъ предписано было восполнять работамъ ссыльными женщинами, которыхъ велѣно всѣмъ обращать сюда (кромѣ ссыльныхъ за смертоубійства, грабежи и разбои). Фабрика доведена была до возможной степени совершенства во всѣхъ отношеніяхъ при ген.-губер. Ладинскомъ, но съ начала 50 годовъ быстро пошла къ паденію. Въ 1860 г. мы видѣли заводъ, безъ ремонта, пришедшій въ отчаянную ветхость, не позволявшую надѣяться найти на нее какого либо охотника для покупки, машины всѣ пришли въ крайнюю негодность. На стеклянный заводъ еще находились желающіе, потому что и производство проще и машинъ особенныхъ не требуется. Мастеровые — потомки ссыльныхъ, оказались хорошо приученными къ дѣлу и затѣмъ ни къ чему уже другому не способными. Тяжелѣе досталась столѣтію, стояла близъ острога небольшая суконная фабрика, мастеровые на которой были также ссыльно-каторжные.

работа и короче жизнь тѣмъ, которые постоянно нажимали грудь у ткацкаго станка, оттого они были сухи, казались разломанными; рабочіе же стекляннаго завода казались здоровѣе, были веселѣе. Между тѣмъ, и селеніе образовалось въ видѣ порядочнаго городка, но стало непрочно и оно, на сколько не затруднить послѣдующій быть дѣйствительно несчастныхъ потомковъ прежнихъ несчастныхъ работни-

ковъ. Тѣмъ не менѣе, на Тельминской фабрикѣ каторжное племя выродилось и уже третье поколѣніе представляется вполне благонадежнымъ.

Такимъ же образомъ упала и не существуетъ въ настоящее время казачья суконная фабрика въ Омскѣ, приспособленная къ выдѣлкѣ простыхъ суконъ на войсковыя потребности, уступая мѣсто частной предпримчивости и болѣе своевременному и правильному вызову.

VI.

С И Б И Р С К І Я К Р Ъ П О С Т И.

Охотскъ.—Чиниррахъ.—Омская крѣпость.—Крѣпости: Семипалатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троице-Савская.—Цурутухайтъ.—Арестанскія роты и работы.—Безпорядочность ихъ.—Упадокъ каторжныхъ работъ и затрудненіе, отсюда происшедшее.

Какъ въ XVII вѣкѣ противъ сѣверныхъ бродячихъ инородцевъ русскіе люди, овладѣвшіе Сибирью, строили остроги и московское правительствосылными полагало основу ихъ заселенія, такъ точно въ XVIII вѣкѣ, когда Петръ Великій, противъ кочующихъ монгольскихъ племенъ началъ сооружать крѣпости или такіа укрѣпленныя мѣста, которыми можно овладѣвать только посредствомъ правильной осады, въ число первыхъ работниковъ и обитателей назначалисьсылно-каторжные. Петръ ослаблялъ высылку подобнаго сорта людей до нѣкоторой степени тѣмъ, что, торопясь защищать Россію, высылалъ ихъ на работы въ Петербургъ, Шлиссельбургъ, Рогервикъ, Азовъ, Казань и проч. Затѣмъ высылка въ сибирскія крѣпостисылныхъ при преемникахъ Петра одѣлалась болѣе или менѣе постоянною и продолжалась очень долго относительно крѣпости Омской, преимущественно по примѣненію къ преступникамъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Тѣмъ же Петромъ начато въ Сибиріи основаніе портовъ и приведеніе мѣстъ, удобныхъ для произведенія десанта, въ оборонительное положеніе и постройка приморскихъ крѣпостей, вродѣ Охотска, Нижнекамчатска и Петропавловска или Авачи. Точно также, при его преемникахъ, ссылка въ эти послѣднія мѣста преступниковъ получила извѣстнаго рода систему, каковая и пригнѣялась къ нимъ до начала нынѣшняго столѣтія, когда и она, по примѣру ссылки въ крѣпости Иртышской линіи, была прекращена. Охотскъ, стоящій въ ямѣ, окруженный горами, со сѣвернымъ портомъ безъ рейда, и безъ залива, открытому всѣмъ вѣтрамъ, болѣе знаменитъ тѣмъ упрямствомъ, съ которымъ отстаивалъ его существованіе. Суда съ древнихъ временъ отстаивались вводимыми въ рѣку Кухтуй. Вѣчные дожди и туманы дѣлали изъ него мѣсто, никогда не посѣщаемое иностранцами; хлѣбъ въ немъ не ро-

дился и уничтоженіе его было самымъ разумнымъ явленіемъ во всей его исторической жизни. Петропавловскъ, не менѣе неудобный, охотливо смѣненъ былъ на амурскій Николаевскъ. Слабымъ и безсистемнымъ продолженіемъ ссылки можно считать учрежденіе ея въ ближайшія къ намъ года въ Николаевскомъ портѣ на Амурѣ (на такъ наз. Чиниррахѣ) и организованную въ обширныхъ размѣрахъ ссылку на островъ Сахалинъ (въ такъ называемые порты Дуэ и Косунай).

Ко временамъ Петровыхъ преемниковъ въ Сибиріи стояли уже готовыми: Омская крѣпость, построенная въ 1708 году, и приведенная въ порядокъ въ 1759 году инженернымъ генералъ-маіоромъ Людвигомъ по идеямъ и планамъ Вобана. Укрѣпленія были достаточны для отраженія киргизскихъ хищниковъ (современная Омской, Оренбургская крѣпость, выдержала осаду отъ пугачевскихъ шаекъ съ польскими инженерами весьма удачно), но теперь кажется смѣшно и массивная арка вмѣсто воротъ и земляные валы и рвы. Все это тѣсно, неудобно, все это ждетъ истребленія, какъ ненужное и никому не страшное. Омская крѣпость сохраняетъ внутри себя Воскресенскій соборъ, корпусный штабъ, казармы, военное училище и, между прочимъ, крѣпостные казематы, получившіе подъ талантливымъ перомъ Ѳ. М. Достоевскаго прозваніе „Мертваго Дома“.

Въ 1718 году построена Семипалатинская крѣпость, но, по неудовольному мѣстоположенію, перенесена въ 1776 году на новое мѣсто, къ подножію семи древнихъ чудскихъ палатъ. Въ 1720 году генералъ-маіоромъ Лихаревымъ, на р. Иртышѣ, на низменномъ и ровномъ мѣстѣ, окруженномъ горами, построена была Усть-Каменогорская крѣпость, дѣйствительно у устья громады каменныхъ горъ, здѣсь кончающихся. Иртышъ, выходя изъ ущелья, которымъ несетя отъ самой Бухтармы, становится тотчасъ шире

и начинается течь медленнѣе, образуя многіе острова и отмели. Въ 1752 г. заложена Ишимская крѣпость, черезъ 18 лѣтъ переименованная въ городъ. При окончательномъ устройствѣ нынѣшней военной линіи, въ томъ же 1752 году сооружены были крѣпости: Петропавловская, Прѣснонская, Прѣсногорьковская, Змѣиноголовская, Песчаная и проч. Въ 1791 году заложена была въ одномъ изъ лучшихъ трактовъ рѣки Бухтармы, при ея устьѣ въ Иртышѣ, Бухтарминская крѣпость съ валомъ, ровомъ и кирпичными воротами, для охраненія открытаго тогда богатаго серебрянаго рудника Зыряновскаго, самаго знаменитаго на Алтаѣ. На восточной границѣ съ Китаемъ, на югѣ Забайкалья, одновременно съ первыми крѣпостями въ Сибири, основана была въ 1727 году иллирійскимъ графомъ Саввою Владисл. Рагузинскимъ крѣпость Троице-Савская, названная такъ по имени основателя и по имени первой въ ней церкви св. Троицы. Пограничный округъ этой крѣпости заключалъ въ себѣ, кромя нее, еще 7 крѣпостей, между которыми Цурухайтуевская, Чиндантъ и Акша пользовались наибольшею извѣстностью, но мало представляли подобія настоящихъ крѣпостей; укрѣпленія Цурухайтуя, начатыя изъ камня, даже не были и окончены.

Всѣ поименованныя крѣпости не оправдали цѣли своихъ учрежденій, ни одной изъ нихъ не удалось достигъ военной славы и со стороны сосѣднихъ народовъ враждебныя отношенія были слишкомъ слабы, и значеніе крѣпостей было только отчасти предупредительное. Тотчасъ же за ихъ основаніемъ подъ самыми крѣпостными пушками, на площадкахъ подлѣ воротъ, устроились базары—мѣста взаимныхъ обмѣновъ продуктами. Нѣкоторымъ пунктамъ удалось занять въ послѣдствіи самыя видныя мѣста по крупнымъ торговымъ оборотамъ: въ Петропавловскѣ установился знаменитый на всю Сибирь мѣновой дворъ, пристроилась сильная торговля баранами и разными русскими и среднеазіатскими товарами (на ежегодную сумму 500 т. р.). Вблизи Троице-Савска выросла знаменитая русская Яхта съ китайскимъ Маймаченомъ. Въ Бухтарминской крѣпости производится размѣнъ товаровъ Западнаго Китая съ русскими, обмѣняющій въ будущемъ очень многое. Къ Усть-Каменогорской издавна подходятъ для торгова ташкенцы, кашгарцы и бухарцы (изъ Малой Бухары) со своими и китайскими товарами (съ 1754 г. здѣсь существуетъ мѣновой дворъ и таможня). Въ Семипалатинскѣ мѣновой дворъ и таможня существуютъ еще съ 1734 г. и торговля съ ташкенцами, бухарцами и киргизами приняла большіе размѣры (до милліона рублей отпускъ, до 700 т. р. привозъ). Съ такимъ оборотомъ дѣлѣ значеніе крѣпостей для работъ ссыльных утратилось тотчасъ же, когда

укрѣпленія были окончены. Но тамъ, гдѣ укрѣпились каторжныя работы (какъ въ Омской) и ссылка не утратила своего значенія для политическихъ ссыльных (какъ въ мелкихъ крѣпостяхъ по Иртышской линіи), каторжныя работы ложились на людей съ неменьшею тяжестью, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ каторжныхъ. Арестантскія роты, рабочіе дома—всѣ подобныя заведенія, сдѣлавшіяся принадлежностью крѣпостей подъ именемъ крѣпостныхъ ротъ, стали самыми изъ тягчайшихъ мѣстъ, когда либо придуманныхъ для наказанія преступниковъ. По увѣреніямъ старожиловъ-наблюдателей, по словамъ самихъ заключенниковъ, по сравненіи этихъ каторжныхъ мѣстъ съ другими, наконецъ, по примѣненію къ крѣпостнымъ заточеніямъ самой строгой военной дисциплины—крѣпостныя работы встали на первомъ мѣстѣ работъ каторжныхъ. Представляя исключительный пріютъ для преступниковъ изъ военного сословія, но не служа исключеніемъ и для другихъ,—крѣпостныя рабочія роты были тѣми учрежденіями, ослабленію которыхъ всего больше должны радоваться человѣколюбивое чувство современнаго чловѣка, не способнаго видѣть начала новыхъ страданій тамъ, гдѣ кончались многочисленныя тяжелыя предидущія испытанія. Въ Сибири крѣпостныя работы были для ссыльных еще и тѣмъ тяжелы и невыносимы, что за крѣпкими крѣпостными запорами самовольныя стремленія ко временнымъ отдыхамъ, т. е. побѣги, были крайне затруднены и считались примѣтнымъ исключеніемъ. Въ арестантскихъ ротахъ, между прочимъ, практиковалось правило раздѣлять арестантовъ на десятки и, въ случаѣ побѣга одного, заковывать въ кандалы весь десятокъ. Въ то же время работы отличались полною безпорядочностью и, веденныя безъ всякой системы, не приводили ни къ чему: работы назывались болѣею частью тамъ, гдѣ онѣ были вовсе не нужны, а потому и непроизводительны, и принимались и измышлялись собственно для того, чтобы занять время и истратить напрасно силы арестантовъ. Всѣ эти работы уличныя, всѣ безплатныя—за скверную арестантскую пищу, на платье и притомъ для знающихъ ремесло на большую часть, въ пользу ближайшаго начальства въ то время, когда оно, примѣненіемъ строгой военной дисциплины, успѣло возбудить къ себѣ ненависть и поселить отвращеніе. Арестантская работа, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, давно уже усвоила за собою привилегію на на названіе праховой, никуда не годной. Учрежденіе арестантскихъ ротъ съ ремеслами и мастерствами въ губернскихъ городахъ нашихъ, нуждающихся въ мастерахъ и ремесленникахъ, встрѣченное на первыхъ порахъ положительнымъ сочувствіемъ городскихъ обществъ,

схотѣло скорѣе оказать свою несостоятельность именно по тому, что дѣло поручено было рукамъ, охотливѣе карававшимъ, готовѣе злоупотреблявшимъ чужими знаніями и силами, не способнымъ и не приготовленнымъ къ тому, что направлять ихъ хотя бы по способу тѣхъ же пенитенціарныхъ тюремныхъ системъ государствъ европейскіихъ. Арестантскія роты, смирательные и рабочіе дома, поселенческія рабочія роты (вродѣ существовавшей въ г. Омскѣ) оказали свою несостоятельность именно въ томъ же самомъ видѣ, который требуетъ капитальнаго измѣненія.

Такимъ образомъ, мѣста заточенія съ карательною цѣлью, въ силу историческихъ судебъ и экономическихъ причинъ, приняли въ настоящее время такой видъ. Крѣпостныя роты военнаго вѣдомства, по закону 1868 года, обращены въ исправительныя роты того же вѣдомства съ назначеніемъ сюда каторжныхъ 2-го разряда. Рудники покинуты, въ расчетѣ на болѣе соблазнительныя выработки золота на промыслахъ и пріискахъ, и стоятъ залитые водою; разрабатываемыя серебряныя руды добываются при помощи вольнаго труда и для ссыльных, назадъ тому 25—26 лѣтъ, потеряли устрашающую силу значенія. Невыгода обязательнаго труда и казеннаго управленія не замедлили обнаружиться въ приспособленіи каторжныхъ работъ и къ золотымъ промысламъ, а развитіе частной предпріимчивости въ томъ же Забайкальѣ и въ ближнемъ сосѣдствѣ съ ка-

зенными промыслами, указало на вольнонаемный трудъ, какъ на несомнѣнно преимущественный способъ эксплуатаціи горныхъ сокровищъ. Слѣдомъ за рудниками исчезла возможность работъ каторжными и на золотыхъ промыслахъ. Винокуренные заводы казною проданы и частные заводчики уже не заявляютъ желаній и надеждъ на содѣйствіе обязательныхъ работъ ссыльных и ссыльно-каторжныхъ. Солеваренные тѣмъ же способомъ могутъ обходиться безъ нихъ, и въ мѣстномъ населеніи вѣрнѣе находятъ болѣе надежныя, несомнѣнно опытыя и вполне трудолюбивыя силы. На крѣпостныхъ валахъ съ большимъ удобствомъ уже прилаживаются тѣнистые бульвары для мирныхъ прогулокъ вольныхъ обывателей и крѣпости, превратившись въ мѣшковые дворы и сильныя базары, готовы преобразиться въ города по способу древнѣйшихъ мѣстъ заточенія и ссылки—сибирскихъ остроговъ. Въ концѣ концовъ, каторжныя работы въ Сибири исчезли и въ настоящее время предстоить серьезная дума о приспособленіи карательныхъ мѣръ въ Сибири, особенно въ виду того, что современные гласные суды увеличили количество обрекаемыхъ въ Сибирь на ссылку. Двѣсти лѣтъ опыта, пятнадцать различныхъ способовъ карательныхъ мѣръ возмездія за преступленія, вся исторія прошлаго съ его ошибками и недоразумѣніями представляютъ обиліе такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ вѣроятно надежда на лучшія системы и безошибочные способы.

К О Н Е Ц Ъ .

с. 7. 10.
10/1/22

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТР.

СТР

Глава I. Въ дорогѣ. Милосердная.—Картина этапнаго странствованія отъ Москвы до яторги: дорожныя и тюремныя злключенія.—Барабанъ.—Сила и значеніе отечественной благотворительности.—Москва и купеческіе города.—Старовѣры.—Старыя неурядицы.—Окровавленные колодничи.—Сборъ милостыни.—Приворотныя кружки.—Обиліе пожертвованій.—Начальническія вымогательства.—Этапные солдаты и командиры.—Похожденіе ползубковъ.—Арестантскія деньги.—Парадъ шествія.—Этапныя любовницы.—Начальники смиренныя и сердитыя.—Тобольская тюрьма.—Желѣзные прутья и кандалы.—Арестантская артель.—Этапные кабаки.—Этапныя зданія.—Полуэтапы.—Арестантская собственность.—Наручники.—Привалъ.—Майданщики и откупа.—Подводы.—Старосты.—Этапныя крупы: вещественныя и нравственныя.—Съ этаповъ не бѣгутъ.—Солдатскіе и офицерскіе доходы.—Бритье головъ и случай съ поляками.—Золотой порошокъ.—Водка.—Нары.—Этапная ночь.—Пасхальная картина.—Весна на этапахъ.—Арестантскія дѣти.—Казармы.—Солдаты.—Сторожа и торговцы.—Растахи.—Несовершенство этапной системы и дороги.—Приходъ арестантовъ на каторгу . . . . .

Глава II. На каторгѣ. Моя побѣдка на строгомъ перворазрядную каторгу.—Нижній промыселъ на Карѣ.—Первыя впечатлѣнія и встрѣчи.—Иванушка-дурачекъ на каторгѣ.—Нѣмецъ-идіотъ.—Разбойники въ водовозахъ.—Поэтъ на каторгѣ.—Каторжное жильё.—Цыга.—Каторжные.—Каторжные работы.—Смотрители.—Раскомандировки.—Казенныя порядки.—Тюремныя пѣсни.—Взаимныя отношенія тюремныхъ сидѣльцевъ.—Община въ тюрьмѣ.—Арестантскій староста.—Доносчики.—Товарищество.—Смотритель и арестантъ Сенька.—Майданъ.—Тюремныя карты и карточная игра.—Азартныя игры.—Юлка.—Юрдовка.—Едино.—Бѣгунцы.—Тюремный языкъ (argot).—Откупные тюремные законы.—Правила майдана.—Великій скандалъ.—Кабаки въ тюрьмѣ.—Водка тюремная.—Хитрость.—Вязное.—Тюремный капиталъ.—Парашники.—Рогожка.—Тюремные артисты и художники.—Оборотни.—Тюремные герои и историческія лица.—Тумановъ и живая пирамида.—Искусственно-развиваемыя арестантскія болѣзни.—Притворщики.—Тюремная аристократія и чернь.—Утка.—Каторжныя забавы . . . . .

Глава III. Въ вѣгахъ. Нерчинскія горы и богатство ихъ.—Серебро.—Зерентуяскій рудникъ.—Внутренность рудника.—Рудниковая каторга.—Штольня.—Шахта.—Лихтлогъ.—Несчастья на каторгѣ этого вида.—Рудниковый хозяинъ.—Заводскіе служители.—Что такое каторга?—Каторга золотыхъ промысловъ.—Заводская каторга: солеваренная и винокуренная.—Улучшенія на каторгѣ.—Побѣги съ каторги во всемъ разнообразіи способовъ.—Побѣги изъ каторжныхъ тюремъ.—Бѣглый на балу.—Побѣгъ цѣпного.—Голый бѣглець.—Пособники.—Побѣги съ каторги.—Варнакъ и чалдонъ.—Лиса.—Побѣгъ на уру.—Самый крупный побѣгъ.—Хоронушки.—Приготовленія къ побѣгу.—Время побѣговъ.—Первые шаги въ бѣгахъ.—Неудачи.—Помощь караульных.—Часовые въ бѣгахъ.—Обиліе побѣговъ.—Варнацкая дорога.—Вѣтрское мшеніе.—Сыщики.—Бурята.—Похожденія и злодѣйство бродягъ.—Медвѣди.—Пристанодержательство.—Займы.—Старовѣръ Гурій Васильевичъ.—Преслѣдованія.—Кандалы.—Лѣсная пища во всемъ разнообразіи.—Саранча.—Горбачи.—Избѣженіе цѣлой шайки бродягъ.—Губернаторъ Рупертъ.—Сыщикъ Карымъ.—Убійныя горы.—Коурый.—Везопасные бродяги.—Левицкій на Ленѣ и въ нерчинской каторгѣ.—Бяхтинскій мѣщанинъ.—Бродяги на Байкалѣ, на Ангарѣ, подъ Казанью, въ Петербургѣ.—Вывалцы.—Бродяжья судьба въ дорогѣ.—Сибирскіе притоны и обычаи.—Предѣлы бродяжничества.—Вооруженные черкесы въ бѣгахъ.—Черкесы въ степи.—Бродяги въ Астрахани . . . . .

Глава IV. На пропитаніи. Испытующіеся.—Воздержные.—Невоздержные.—Казенные порядки и степени обмечтенія.—Прикованные къ тачкамъ.—Прикованные на стѣннуюцѣпь.—Колоколь.—Сумасшествіе.—Акатуй.—Таможенные цѣпные.—Секретные.—Каторжныя селенія и жители.—Юрловки.—Теребиловки.—Фабрика фальшивыхъ паспортовъ.—Горные служители.—Торговля краденными металлами.—Желтая пшеничка.—Карымъ.—Фабрикантъ червонцевъ.—Соколовъ.—Успенская фабрика.—Бумажныя фальшивыя деньги.—Каторжныя болѣзни.—Пропитанные.—Исправившіеся каторжные.—Шатаніе и воровство.—Увольненіе отъ работы.—Каторжныя дѣти.—Пѣсни . . . . .

Глава V. На поселеніи. Сибирское населеніе изъ поселенцевъ.—Худая слава—

Безвыходное положеніе. — Отношенія къ старожиламъ. — Вроджество и шатаніе. — Пѣсни. — Испорченность поселенцевъ и причины этого явленія. — Прочнаго водворенія ссыльных не существуетъ. — Безплодность жѣтъ. — Первые шаги ссыльнаго. — Вражда туземцевъ. — Богатѣльни. — Посельщики. — Неспособные. — Смотрители поселенцевъ. — Воровство. — Свободныя самовольныя поселенія. — Киржаки. — Каменьщики. — Ссылныя колоніи невѣдомыя и вѣдомыя. — Задичалые поселенцы. — Золотые промыслы. — Поселенцы на прискахъ въ тайгѣ. — Олганджи и міряки. — Евреи въ Сибирѣ. — Инородцы въ ссылкахъ. — Русскіе раскольникы за Байкаломъ. — Цѣтущія хозяйства. — Духоборцы. — Уральскіе казаки. — Невинно сосланные и возвращенные. — Поручикъ Козлинскій. — Монахи. — Странникъ Иванъ Захаровъ Спасовъ. — Перемена именъ. — Неправильность распределенія ссыльных въ Сибирѣ. — Палачи. — Презрѣніе къ нимъ и результаты его. — Кнутъ. — Богачи изъ каторжныхъ. — Чужеземцы въ ссылкахъ. 103

Приваженія. I. Тюремныя пѣсни. Сорочъ восемь тюремныхъ сибирскихъ и русскихъ пѣсней (старинныхъ и новыхъ) съ вариантами и объясненіями. — Творцы пѣсней: Ванька Каинъ. — Разбойникъ Гусевъ. — Малороссійскій разбойникъ Кармелюкъ. — Пѣсни о правдахъ. — Мѣстные сибирскіе пѣнты. — Ученая пѣсня. — Пѣсня Кармелюка. — Пѣсни Видорга. — Ворожба. 139

II. Тюремный словарь и искусственные байковъ, ламанскіе и кантоужныя языки. Древность искусственныхъ языковъ. — Разговоръ знаками (ручной, звуковой, ударный). — Разговоръ стукомъ (нѣмецкій газетный). — Поляки и Шпаунъ. — Телеграфисты. — Разговоръ стукомъ декабристовъ. — Улучшенія, произведенныя въ этой системѣ братьями Вестужевыми. — Обожженная палочка изъ вѣтника. — Тюремный словарь. — Бѣдность его. — Искусственные слова въ тюрьмахъ. — Древность ихъ происхожденія у насъ. — Ясакъ. — Разбойничій языкъ на Волгѣ. — Слѣды и остатки его въ сказаніяхъ вора Ваньки Каина. — Отверникая рѣчь. — Сравненіе пяти дѣланыхъ языковъ. — Офепскій языкъ (словарь разносчиковъ - ходящихъ). — Образцы словъ и рѣчи. — Музыка или байковъ языкъ карманниковъ. — Образцы словъ и рѣчи. — Образцы языка шерстобитовъ и коноваловъ. — Счетъ. — Языкъ кантоужный. — Языкъ по херамъ и тарбарская азбука. — Языкъ кубраковъ и проч. 158

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Злодѣи. Злобная сила судьбы и слѣпая народная вѣра въ нее. — Знаменитый Кореневъ — прототипъ злодѣевъ. — Его похождения и злодѣйства; разбойная сторона; нищая братія; Веряло; артель слѣпцовъ-нищихъ; варнаки; каторга; Кореневъ — сезонный герой; палачи; проблѣски совѣсти въ злодѣѣ. — Забайкальская знаменитость: разбойникъ и пѣсенникъ Горкинъ и его превращеніе. — Нашъ знакомецъ Дубровинъ. — Понятіе варнаковъ о чести. — Ссылные убійцы. — Злодѣи изъ еврейскаго племени: Горбунъ и Ханъ Вульевъ. — Злодѣи Филипповъ. — Минусинскій злодѣй. — Разбойники сибирскіе. — Судьба убійцы въ Сибирѣ. 171

Глава II. Убійцы. Причины смертоубійствъ и проявленіе этого преступленія у насъ. — Мѣста, наиболѣе богатыя убійствами. — Монгольскія племена. — Прочіе инородцы. — Уралъ. — Заводскіе люди. — Дѣтоубійства. — Убійства женъ и мужей. — Братоубійства. — Убійства родственниковъ. — Убійства помѣщиковъ крестьянами и дворовыми. — Крестьянскіе бунты 195

Глава III. Самоубійцы. Причины и проявленіе самоубійствъ въ Россіи и Сибирѣ. — Самоубійства въ городахъ и деревняхъ. — Орудія и способы этого преступленія. — Утопленіе. — Петли. — Яды. — Огнестрѣльные орудія. — Неволья. — Роковыя мѣста. — Сухая бѣда. — Ямки. — Самосожигатели. — Морельщики. — Огромное количество жертвъ. — Причины этого явленія. — Особый видъ сибирскаго раскола. 201

Глава IV. Бродяги и бѣглые. Страна изгнанія. — Броджество въ современномъ видѣ. — Бѣгство крестьянъ отъ помѣщичьей власти. — Гуляющие люди. — Побѣги солдатъ отъ военной службы (дезертиры). — Покинувшіе отечество (эмигранты). — Пристанодержательство. — Притонщики. — Хлѣбосольство. — Сибирскія заимки. — Варнаки и чалдоны. — Опасности отъ бродягъ и бѣглыхъ. — Причины народныхъ бѣдствій. — Псевдонимы каторжныхъ (принятіе чужой фамиліи). — Городскіе бродяги. — Броджество, какъ саомыбное явленіе русской народной жизни. — Историческій очеркъ русскаго броджества. — Колонизація Россіи. — Многочисленные остатки древняго народнаго скитанія: безпаспортные, богомольцы, нищие, запросники, кубраки и лабори, бѣгуны, офени, ходящики и проч. 206

Глава V. Воры и мошенники. Народныя понятія о собственности. — Вѣдомый большой воръ. — Воровскія мѣста въ Россіи. — Причины воровства. — Столичные жулики и мазурики. — Карманники. — Музыка (воровской языкъ). — Мѣшки (барышники-пріемщики). — Честный человекъ на воровствѣ. — Мошенники высшихъ слоевъ общества: картонные шулера. — Сословія и мѣста, наиболѣе видныя по воровскому промыслу. — Воровство — повальная тюремная и поселенческая болѣзнь 227

Глава VI. Грабители и разбойники. Причины и корни грабежей. — Происхожденіе и связь грабежа съ воровствомъ. — Баранта. — Сибирскіе и русскіе грабители и разбойники. — Связь разбоя съ грабежомъ. — Характеръ русскаго разбойника. — Разбойники вообще и въ частности. — Быковъ. — Чайкинъ. — Дуванъ. — Кабаки. — Цѣловальники. — Разбойничьи атаманы и ихъ любовники. — Притоны и проч. 237

Глава VII. Поджигатели. Причины поджоговъ. — Проявленіе ихъ. — Пожары городовъ и деревень. — Гдѣ нѣтъ поджоговъ? — Поджоги — дѣтское и женское преступленіе. — Поджоги въ Россіи. — Красный пѣтухъ. — Мщеніе 247

Глава VIII. Преступники противъ вѣры. Святотатцы. — Преступность духовенства. — Гробокопатели. — Колдуны. — Богохуленіе. — Отступленіе и отвѣщеніе отъ вѣры. — Ересь и расколъ. — Скопцы. — Церковные вѣры въ Сибирѣ и Россіи. — Боградскій гробокопатель. — Распавшійся на крестъ фа-

СТР.

СТР.

натикъ. — Скопцы въ Сибири. — Хлысты. — Хлыстовщина въ монастырѣ. — Суботники. — Духоборцы. — Щельники. — Охохонцы. — Молокане. — Старовѣры. — Масляниковъ. — Отшельникъ. — Алтайскіе старовѣры. — Семейскіе старовѣры за Байкаломъ. — Витвы за попомъ. — Часовенная Сибирь. — Духовенство въ Сибири. — Заводское духовенство. — Филипповъ. — Расколъ въ Сибири. — Причины и его развитие 249

Глава IX. Преступленія противъ казны. Фабриканты металлическихъ и бумажныхъ фальшивыхъ денегъ. — Мѣста и способы приготовленія. — Деньги въ шубахъ. — Венгерцы. — Лабинъ. — Знаменитый Цезикъ. — Его замѣчательное мастерство. — Политическія ишли въ фабрикаціи ассигнацій за Байкаломъ. — Фабрикація фальшивыхъ документовъ; мѣста и лица. — Борчешники; корчемство виномъ и солью. — Контрабандисты. — Кража золота и серебра. — Кяхтинская, сибирская и русская контрабанда 271

Глава X. Старовѣры Папулинъ. Таинственные дома. — Папулинъ по личнымъ воспоминаніямъ автора. — Совратитель. — Борьба съ нимъ. — Успѣхи пропаганды. — Постный товаръ. — Успѣхи безпоповщины. — Женскій вопросъ. — Бѣгствующая церковь. — Параллель между двумя расколами. — Необычайный успѣхъ едосѣвщины. — Гоненія и упорство. — Посадъ Судиславль. — Свѣтопреставленіе. — Папулинская община. — Совершенія. — Торжественныя моленія. — Старая книга и старая икона. — Похищеніе послѣднихъ изъ православныхъ храмовъ и самое знаменитое изъ нихъ. — Иконографическія рѣдкости и драгоценности. — Торговля иконами. — Семенъ Кузьминъ. — Соловецкая тюрьма. — Гдѣ правда? 284

Глава XI. Ущипца изъ пустоосыятвъ. Публичная казнь. — Голоса изъ толпы. — Молодость и воспитаніе преступника. — Быстрый успѣхъ въ большомъ свѣтѣ. — Разнообразныя похищенія. — Таинственная келья. — Монастырскія послушанія. — Злодѣйскіе приемы. — Убийство и способы самооправданія. — Ссылка и новыя приключенія въ странѣ изгнанія. — Тобольскій острогъ и нерчинское пропитаніе. — Встрѣча и бесѣда съ преступникомъ. — Кореневъ и сопоставленіе съ нимъ Зыкова. — Мнѣніе о послѣднемъ союзниковъ 298

Глава XII. Преступники противъ семейныхъ правъ. Развратъ. — Кровосмѣшеніе. — Снохачи. — Сводные браки. — Прелюбодѣяніе. — Раствѣніе и насилваніе. — Мужеложство и скотоложство. — Развратное и порочное поведеніе дворовыхъ и крестьянъ. — Ябедничество и клеветничество чиновниковъ. — Ложные доносы. — Неуживчивость чиновнаго люда въ Сибири. 309

Глава XIII. Ощипца выводы. Валовое число ссыльныхъ. — Распределение ихъ по родамъ ссылки, по сословіямъ, по поламъ, по возрастамъ. — Наиболѣе преступныя сословія. — Слабая преступность владѣльческихъ крестьянъ. — Распределение ссыльныхъ по наиболѣе обобщеннымъ категоріямъ преступленій. — Роды преступленій, сильнѣе господствующіе въ сословіяхъ. — Преступность инородцевъ, населяющихъ Россію: татары, киргизы, калмыки, башкиры и инородцы финскаго племени. — Преступленія евреевъ

и евреевъ. — Безгрѣховность мусульманокъ. — Преступленія нѣмцевъ и вообще лютеранъ. — Католики. — Православные 317

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Глава I. Политическіе ссыльные. Ссылка поляковъ въ Сибирь. — Первые ссыльные поляки: Черниговскій на Амурѣ. — Крыжановскій. — Ловелась воевода Обуховъ. — Польскіе конфедераты. — Злодѣйства надъ ними. — Состояніе администраціи въ Сибири. — Пестель. — Трескинъ. — Исправникъ Ласкутовъ. — Сперанскій. — Нѣмцовъ и разбойникъ Гондохинъ. — Собачья оспа. — Кохъ. — Уширванскій полкъ. — Народные притѣснители. — Чудакъ Нарышкинъ. — Горные начальники: Рычковъ, Варботъ-де-Марни, Милюкинъ. — Фришъ, Чернишъ. — Шведскіе пѣльные. — Татищевъ. — Вeneвскій — извѣстный искатель приключеній. — Его бѣгство изъ Камчатки; разнообразныя похищенія вокругъ свѣта и смерти на островѣ Мадагаскарѣ. — Судьба его товарищей. 325

Глава II. Ссыльные поляки. Обрушеніе ссыльныхъ поляковъ. — Три эпохи ссылки. — Судьба послѣдующихъ ссыльныхъ. — Польскія возстанія и заговоры въ Сибири, Россіи и Польшѣ. — Участіе русскихъ людей въ польскомъ дѣлѣ. — Вліяніе поляковъ на страну изгнанія. — Четыре разряда ссыльныхъ поляковъ. — Встрѣча прибывшихъ и обращеніе съ оставшимися. — Вліяніе декабристовъ. — Польскій огулъ. — Венжикъ. — Набоженства. — Касса поляковъ. — Товарищество. — Кедровое масло. — Пчелы. — Савичевскій. — Братья Далевскіе. — Обученіе дѣтей. — Несчастная судьба полковника Высоцкаго, ксендза Синоинскаго и доктора Шокальскаго. — Громадный заговоръ. — Самоубійства. — Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій и способы этого производства. — Побѣгъ въ гробу. — Альбина Мигурская. — Побѣгъ и похищенія Руфима Піотровскаго отъ Тары и Тобольска до Парижа. 337

Глава III. Времена Александра II. Ссылка поляковъ съ 1863 года. — Степень участія различныхъ сословій въ повстаніи. — Участіе иностранцевъ. — Сосланные на житіе и для водворенія. — Причины замкнутости ссыльныхъ и необеспеченность ихъ водворенія. — Отношенія къ нимъ туземцевъ. — Нравственное состояніе ссыльныхъ поляковъ. — Мастерскія въ Тобольскѣ. — Импровизированные земледѣльцы. — Благопріятныя данныя. — Обрушеніе шведовъ. — Запорожцы. — Шляхта 358

Глава IV. Государственные преступники. Древніе способы исканія правды. — Исторія ссылки государственныхъ преступниковъ. — В. Н. Романовъ и его страданія. — Матвѣевъ. — Распопъ Лазарь. — Растрига Феодосъ (Феодосій Яновскій). — Ссылный колоколь. — Тюрьмы для великодушныхъ преступниковъ. — Остроги. — Монастырскія каюты. — Ссылка во время междоусобицъ, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. — Ссылка малороссовъ. — Гетманы. — Гвинтовка. — Многогрѣшный. — Самойловичъ. — Сѣрко. — Войнаровский. — Желѣзнякъ. — Дятлевъ. — Самозванцы 17 и 18 столѣтій. — Громадная ссылка стрѣльцевъ. — Враги Петра I. — Сообщники Талицаго, царевича Алексѣя. — Ссылка при наслѣдникахъ Петра. — Враги Теофана Прокоповича въ ссылкѣ. — Виро-

новщина. — Слово и дѣло. — Радищевъ. — Уральскій казакъ пугачевецъ Марушка. — Слово и дѣло въ Сибирѣ и на каторгѣ. — Старецъ Никонъ. — Каурный. — Тверской крестьянинъ Ермолаевъ. — Ссылный Артамоновъ. — Грузинскіе дворяне. — Семеновцы. — Экспедиторъ Степановъ. — Колебу. — Измѣнникъ отечеству. 367

Глава V. Участь осмыленныхъ. Безправіе ссыльныхъ. — Кормовая дача. — Меншиковъ съ семействомъ. — Долгорукіе. — Наталья Борисовна Долгорукая. — Остерманъ. — Минихъ. — Головкинъ. — Ужасная участь ссыльныхъ: де-Сантъ, Менгдона, Фика, Ивашкина. — Стряпчій Копытовъ. — Левшутинъ. — Соймоновъ. — Самозванецъ Петръ III за Байкаломъ (создать Чернышевъ). — Секретные арестанты. — Анадырскій изгнанникъ Авангацій Петровичъ. — Дѣти Волинскаго. — Великоважность преступниковъ. — Сердечность отношеній сибиряковъ къ этимъ ссыльнымъ. 381

Глава VI. Декабристы. Ссылка декабристовъ. — Путѣ ихъ по Россіи и Сибирѣ. — Фельдъегери. — Встрѣчные. — Губернаторы. — Казанскій городничій. — Судьба первыхъ восьми. — Жизнь до Читы. — Волковскій. — Трубецкой. — Оболенскій. — Братья Борисовы. — Якубовичъ. — Волконская. — Трубецкая. — Ген.-губ. Броневскій. — Влагодатскій рудникъ. — Свиданія. — Столкновенія. — Прапорщикъ Рикъ. — Приставъ Лепарскій. — Прибытіе остальныхъ декабристовъ. — Встрѣча. — Пребываніе въ Читѣ. — Помѣщеніе. — Казематы. — Поэтъ Одоевскій. — Новая тюрьма. — Работы. — Чита. — Волѣзнь неволи. — Исторія Сухинова. — Бунтъ въ Ключинскомъ рудникѣ. — Судъ и казни. — Новая правила. — Строгости. — Дубининская исторія. — Инструкція караульнымъ. — Смольяниновъ и его жена. — Штабъ Лепарскаго. — Клубъ. — Переписка съ родными. — Ослабленіе строгостей. — Общій столъ. — Домашнія занятія и самовоспитаніе. — Корниловичъ. — Мухановъ. — Никита Муравьевъ. — Пушкинъ. — Д. И. Завалишинъ. — Докторъ Вольфъ. — Арт. Зах. Муравьевъ. — Кюхельбегеръ. — Луинъ. — Юшневскій. — Музыка. — Бороды. — Не-декабристы. — Религіозность. — Женщины героини. — Трубецкая. — Губернаторъ Цейдлеръ. — Волконская. — Правила для женъ. — Муравьева-Апостолова. — Нарышкина. — Фонвизина. — Давыдова. — Анненкова. — Янтальцова. — Розенъ. — Дѣти 390

Глава VII. Декабристы (окончаніе). Переходъ изъ Читы въ Петровскій заводъ. — Н. А. Вестужевъ. — Фонвизинъ. — Шахматы. — Дамская улица. — Жизнь въ Петровскомъ заводѣ. — Новый казематъ. — Община и артели. — Занятія. — Обязанности хо-

зяйина, закупщика, казначея и огородника. — Выборы. — Бесчасновъ. — Взносы. — Положеніе холостыхъ и семейныхъ. — Вліаніе декабристовъ на страну изгнанія. — Жизнь ихъ на поселеніи. — Декабристы на Кавказѣ. — Марлинскій въ Якутскѣ. — Сгорѣвшіе. — Занятія на поселеніи. — Изобрѣтеніе декабристовъ. — Последующая судьба ихъ, какъ умершихъ въ ссылкѣ, такъ и освобожденныхъ. — Основанныя ими школы. — Горбачевскій. — Братья Вестужевы. — Торсонъ. — Всепрощеніе 413

Глава VIII. Исторія каторги. Находка рудныхъ богатствъ. — Чудскія работы. — Серебро. — Работы рудниковыя. — Исторія нерчинскихъ рудниковъ. — Побѣги рабочихъ. — Начальники: грекъ Левандіанъ, Суворовъ. — Самозванецъ Чернышовъ, дѣло о немъ и послѣдующая судьба его. — Нарышкинъ. — Его безчисленные чудачества и выходки. — Лекарь Томинъ. — Купецъ Копосовъ. — Воинственный походъ Нарышкина. — Взятіе имъ Верхнеудинска. — Арестъ его. — Воевода Тевяшовъ. — Нѣпцовъ. — Аршеневскій, Барботъ-де-Марни, Черныцынъ. — Народныя преданія о послѣднемъ. — Теодоръ Фришъ и его жена. — Тираны. — Рычковъ. — Анстовъ. — Татаринъ. — Золотая лихорадка. — Добыча золота. — Богатства Нерчинскаго края. — Карійское золото. — Разгильдѣвъ 442

I. Нерчинскія сѣвѣрныя рудники и золотыя промыслы. 442

II. Самозванецъ Чернышевъ. 447

III. Василій Васильевичъ Нарышкинъ. 461

IV. Сибирскія заводы. Желѣзо. — Петровскій заводъ. — Соли. — Селенгинскій заводъ. — Усть-Кутскій заводъ. — Добыча соли. — Каторжныя работы. — Троицкій солеваренный заводъ. — Иркутское-Усолъе. — Способы выварки соли. — Молотобойная фабрика. — Винокуреніе. — Евреи. — Осмыльме. — Винокуренные заводы: Александровскій, Николаевскій, Ильгинскій, Боготольскій, Ентарскій, Успенскій, Каменскій. — Уничтоженіе этого вида каторги 476

V. Сибирскія фабрики. Купецъ Буткинъ. — Полотняная фабрика. — Контракты. — Купецъ Солдатовъ. — Фаянсовая фабрика. — Суконная фабрика Векшина. — Тальцинская фарфоровая и фаянсовая фабрика. — Тельминская суконная фабрика. — Стекланный заводъ. — Омская суконная фабрика. — Пользованіе трудомъ ссыльныхъ 483

VI. Сибирскія крѣпости. Охотскъ. — Чиниряхъ. — Омская крѣпость. — Крѣпости: Семипалатинская и линейныя по Иртышу, Бухтарминская, Троицко-Савская. — Цурутхайтъ. — Арестантскія роты и работы. — Безпорядочность ихъ. — Упалоу каторжныхъ работъ и затрудненіе, отсюда происшедшее 486

Мертвыя души. 104 рисунка къ повѣи Го- голя. Рисоваль художникъ Агитъ, гравироваль Бернадскій. Спб. 1894 года. 4-ое изданіе (большой альбомъ), напечатан. на толстой бум.) Ц. 1 р. 75 к. Этотъ изящно издан- ный альбомъ художественно исполненныхъ ри- сунковъ ко множеству выдающихся моментовъ бессмертной поэмы Н. В. Гоголя несомнѣнно представляетъ цѣнный вкладъ въ иллюстриро- ванную литературу и можетъ служить укра- шеніемъ любой бібліотеки и гостиной. Альбому предпослано предисловіе Н. Лѣскова. По цѣнѣ это художественное изданіе слѣдуетъ признавать баснословно дешевымъ. (Отзывъ газеты «Свѣтъ»).

Куль хлѣба и его происхожденія, рассказъ. Максимовымъ. Съ карт. въ 4 пересмотрѣн. и дополн. изд. Ц. 1 руб. 50 коп.

Русскіе писатели и артисты. Воспо- минанія А. Я. Головачевой-Панаевой. 1824—1870 года. С.-Петербургъ. 1890 г. 429 стр. Ц. 1 р. 35 к. Писатели: Аксаковъ, Анненковъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Гоголь, Грановскій, Герценъ, Гонча- ровъ, Гербелъ, Глинка, Добролюбовъ, Достоев- скій, Катковъ, Костомаровъ, Кавелинъ, Лажеч-никовъ, Лермонтовъ, Михайловъ, Некрасовъ, Огаревъ, Одоевскій, Островскій, Панаевъ, Пе- трашевскій, Рѣшетниковъ, Салтыковъ, Турге- невъ, гр. Л. Н. Толстой, Чернышевскій и др. Артисты: Брянскій, Мартыновъ, Максимовъ, Ка- ратыгинъ, Самойловъ, Петровъ, Истомина, Се- менова, Шумскій, Шепкинъ и пр. Масса анекдо- товъ дѣлаютъ книгу очень интересною, а мѣт- кія характеристики знакомятъ читателей со всѣми знаменитыми писателями и артистами.

Историческіе и религіозные этюды. Сочиненіе знаменитаго французскаго философа Эрнеста Ренана. Подъ ред. В. В. Чуйко. 3-е изд. Спб. 94 г. Ц. 1 р. Эрнестъ Ренанъ.—Состояніе міра около половины перваго вѣка.—Пожаръ въ Римѣ.—Еврейская война.—Смерть Нерона.—Во- сцареніе Флавіевъ.—Разгромъ Іерусалима.—По- слѣдствія истребленія Іерусалима.—Траянъ и великіе императоры.—Конецъ царствованія Тра- яна и возстаніе евреевъ.—Жанъ Кальвинъ.— Магометъ и происхожденіе исламизма.

Сочиненія Умъ и энергія, и трудъ С. Смайлса. (Life and labour). Большой томъ. Переводъ подъ редакцію П. А. Коробчевскаго. Характеристика изъ жизни великихъ людей. 2-ое изд. Ц. 1 руб. 50 коп.

Долгъ. Нравственныя обязанности человѣка. Сочиненіе С. Майковой. 7-ое изд. 402 стр. Вліаніе семьи.—Товарищество и примѣръ.—Трудъ.—Мужество.—Самообладаніе.—Долгъ и правдивость.—Нравъ.—Манеры и изящество.—Общество книгъ.—Вліаніе брака.—Школа жизни. Спб. Ц. 1 р.

Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое, съ дополнитель- ной статью «Русскіе дѣтели». (Самодѣель- ность).—Переводъ и дополненія В. Вольфсона. Спб. 2-ое изд., 400 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Перев. С. Майковой. 7-ое изд. 402 стр. Вліаніе семьи.—Товарищество и примѣръ.—Трудъ.—Мужество.—Самообладаніе.—Долгъ и правдивость.—Нравъ.—Манеры и изящество.—Общество книгъ.—Вліаніе брака.—Школа жизни. Спб. Ц. 1 р.

Вѣчный труженикъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натура- листа Томаса Эдуарда. 3-е изданіе, съ рисун- ками. Спб. 1899 года. Ц. 1 р. 25 к.

Бережливость. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Е. Сысоевой. Спб. 2-ое изданіе. Ц. 1 р.

Цѣль этой книги побудить людей употреб- лять свои средства на достойныя цѣли, а не растрачивать ихъ на удовлетвореніе пустыхъ прихотей. Въ стремленіи къ этой цѣли встрѣ- тится человѣку много враговъ: праздность, легко- мысліе, тщеславіе, пороки, невоздержность. По- слѣдняя—самый худшій изъ всѣхъ враговъ. Въ предлагаемой книгѣ приведено много примѣровъ покаяющихся, что одинъ изъ лучшихъ спо- собовъ устранить язву пьянства состоитъ въ возбужденіи старыхъ и молодыхъ людей къ соблюденію бережливости.

Путешествіе мальчика вокругъ свѣта Съ рисунками. Переводъ съ англійскаго В. Воль- ского. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к.—1. Черезъ ка- наль.—2. По направленію къ югу.—3. Подъ тро- пиками.—4. Синяя куртка.—5. Въ южной Антлан- тикѣ.—6. Вблизи Австраліи.—7. Мельбуръ.—8. Внутри страны.—9. Маюрка.—10. Мои сосѣди и знакомые.—11. Австраліяская зима.—12. На- водненіе.—13. Весна, лѣто и осень.—14. Лѣсные звѣри.—Птицы.—Змѣи.—15. Сбытъ и добыча зо- лота.—16. Условія жизни среди принсковъ.—17. По окрестнымъ мѣстамъ.—18. Конецъ пребыва- нія въ Маюркѣ.—19. Побѣда въ Сидней.—20. Новая Зеландія.—Ауклендъ.—21. По Тихому океану.—22. Гонолулу и островъ Оаху.—23. Отъ Гонолулу до Санъ-Франциско.—24. Отъ Санъ- Франциско до Сакраменто.—25. Черезъ Сьерра- Неваду.—26. Черезъ Скалистыя горы.—27. Отъ Омахи до Чикаго.—28. Отъ Чикаго до Нью-Йорка.

Правители Русской земли отъ ея нача- ла до нашихъ дней. (Краткія историческія жизнеописанія). Составилъ А. Н. Сазыкинъ. Одобрено Учен. Комитет. Минист. Народн. Просвѣщенія для ученическихъ бібліотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учениче- скихъ и учительскихъ бібліотекъ низшихъ учеб- ныхъ заведеній. Ц. 1 р. 50 к.

Идеалы жизни. Умѣно жить разумно и съ пользою, соч. серъ Дж. Леб- бока. Пер. съ англійскаго М. Ловцовой. Спб. 1895 г., 302 стр. Ц. 75 к. Важнѣйшіе вопросы жизни. Умѣно обходиться съ людьми. Денежныя дѣла. Развлеченія. Здоровье, умѣно быть здо- ровымъ. Народное образованіе. Библіотека для чтенія. Чтеніе. Патріотизмъ. Гражданственность. Самообразованіе. Общественная жизнь. Трудо- любіе. Вѣра. Надежда. Любовь къ ближнему. Характеръ человѣка. Спокойствіе духа и счастье. Религіозныя утѣшенія. Книга эта есть дополне- ніе книги того же автора—«Радости жизни».

Вентиляція и отопленіе общественных зда- ній и жилых по- мѣщеній. Практическое руководство для архи- текторовъ, инженеровъ и хозяевъ. Сост. инже- неръ Флавицкій. Спб. 1870 г. Ц. 1 р.

Плотничное искусство. Изложенное инже- неръ-полковникомъ Доментьевымъ. Второе изданіе. Въ большую 8-ю долю листа, съ 212 рисунками въ текстѣ на луч- ной глазированной бумагѣ. Спб. Ц. 1 р.

Очерки Персїи. Природа и люди, обычаи, нравы, жизнь и дѣятель- ность, и пр. П. Огородникова. 396 стр. Ц. 1 р.

По великой русской рѣкѣ, очерки кар- тины Пово- лжья А. П. Валуевой (Мунтъ), съ многочислен- ными рисунками худож. Т. Никитина. Спб. Въ роскошномъ переплетѣ. Ц. 2 р. Содержаніе: I. Отъѣздъ изъ Твери. Верховья Волги, Молога, Рыбинскъ, Романовъ-Борисоглѣбскъ, Ярославль, Кострома. Толгскій и Ипатьевскій монастыри. Кинешма. Юрьевецъ-Поволжскій, Нижній-Нов- городъ. Кремль. Легенды объ основаніи Ниж- няго-Новгорода. Его исторія. Нижегородская ярмарка. Окрестности Нижняго. Лысково. Ма- карьевъ. Керженецъ—святая рѣка старообряд- цовъ. Пѣсни и преданія верхняго Заволжья. Иванова ночь. Купальскія огни. Озеро Свѣтлояръ. Раскольники. Ихъ скиты. Васильсурскъ, стер- ляжская столица. Сура. Козмодемьянскъ. Чебока- сары—столица чувашей. Черемисы горные и лу- говые. Обряды. Жрецы. Мордва. Одежда. Обычаи: коляды. Свадьбы. Похороны. Татары. Наруж- ность. Занятія. Одежда. Образъ жизни татар- скихъ женщинъ. Жилища. Мечети. Богослуже- ніе. Рамазанъ. Курбанъ-Байрамъ. Свадьбы. Ка- зань съ Волги. Кремль. Происхожденіе назва- ния Казани. Легенды объ ея происхожденіи. Взаимныя отношенія царствъ казанскаго и рус- скаго. Первый походъ на Казань Іоанна IV въ 1550 г. Покореніе Казани. Время Пугачева. Современная Казань. Святини и историческіе памятники. Волга или Кама. Развалины «Вели- каго града Булгара». Соколь-гора и ея пещеры. Тетюши. «Дворянское гнѣздо». Симбирскъ. Жи- гули. Ихъ легенды. Жигулевская волница. Раз- бойничья рѣка Уса. Ставрополь. Достопримѣ- тельности города: женскій монастырь и др. Исто- рическія воспоминанія. Митрополитъ Алексій. Сызрань. Хвалынскъ. Черемшанскіе скиты. Ва- лаково. Столпинскія минеральныя воды. Вольскъ и его основатель Злюбинъ. (Баронскъ). Общій видъ города. Историческій обзоръ. Достопримѣ- тельности. Радищевскій музей. Обмѣлніе Волги. Столбичи. Разиновъ бугоръ. Камышинъ. Посадъ Дубовка. Царицынъ. Легенда о его осно- ваніи. Картузъ и дубинка Петра Великаго. Ахтуба. Владимировка. Гора Богдо. Миражи въ пустынѣ. Рыбные промыслы въ низовьяхъ Волги. Батаги. Бѣшенка и вобла. Астраханскіе казаки, кочевники-татары, киргизы и калмыки. Князь Тюмень и его Тюменевка. Приемъ у княгини. Илѣски. Музыка. Угощеніе. Скачки. Кумирня. Богослуженіе. Соколиная охота. Калмыцкій ба- заръ. Астрахань. Пристань. Восточные ряды го- стиннаго двора. Изъ исторіи Астрахани—митро- политъ Іосифъ и его мученическая смерть. Чу- ма 1692 г. Свадебный бунтъ. Петръ Великій въ Астрахани. Успенскій соборъ. Ривница. Персид- ская мечеть. Дельта Волги. Царство рыбы. Ви- рючья коса. Заключеніе.

Испанія, ея роскошь и нищета. Пампасы южной Америки. Съ 16 рисунками, 272 стр., цѣна 1 р.

Поступило въ продажу **Память** въ ея соч. профессора П. Рибо: нормаль- номъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Переводъ подъ редакцію д-ра В. Аболенскаго. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Парижъ Его органы отправленія и жизнь во второй половинѣ XIX вѣка, Макс. Дю- кана. 2 т. 1168 стр. 160 рис. Ц. 3 р.

Путь къ счастью. Какъ надо жить (Der Weg zum Glück). Соч. доктора философіи, проф. Фридриха Кирхнера, автора «Исторія философіи». Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Алексѣя Маркова, подъ редакцію А. А. Выкова. Спб. 1898 г. 368 стр. Ц. 75 к.—Имя проф. Кирхнера настолько популярно въ Германіи, благодаря длинному ряду его сочи- неній, написанныхъ съ теплымъ чувствомъ лю- бви къ человечеству и съ желаніемъ принести ему посильную пользу, что переводчикъ счелъ полезнымъ ознакомить русскихъ читателей съ симпатичными взглядами Кирхнера на тотъ путь, которымъ человѣкъ можетъ достигъ истиннаго счастья на землѣ. Главное достоинство автора — чувство жизнерадостности, исключающее все грязное, мрачное и лицемерное.

Поступила въ про- дажу новая книга: **Карль смѣлый.** Истор. ром. Вальтера-Скотта. Съ рисунками, 480 стр. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо. Описанная имъ самимъ, соч. Даниѣля Дефо. Но- вый полный переводъ В. Д. Владимірова, съ 200 рисунк. художника Гранвиля. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.—Знаменитый авторъ сумѣлъ най- ти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, самаго разнообра- знаго по содержанію и поучительности. И дѣй- ствительно, замыселъ повѣсти въ высшей степени простъ: человѣка выбросило на необитаемый островъ—и все тутъ. Также проста и фабула, т.-е. весь ходъ, вся обстановка повѣсти; фа- нтастическихъ приключеній и происшествій, за- путанной интриги въ ней нѣтъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все по- истинѣ удивительно, все поражаетъ своею жиз- нонною правдою, рисуетъ исполненный величія образъ человѣка, заброшеннаго среди океана и в дикой природы, въ борьбѣ за жизнь и свобо- ду. «Это книга,—говорится въ предисловіи:—есть не одно только описаніе жизни юркскаго мо- ряка, а описаніе развитія человѣческаго ума, воли и энергіи въ борьбѣ со стѣпными силами природы». Кромѣ того, прибавимъ мы отъ себя, если вспомнить послѣдовательно всю книгу, то въ ней, съ самаго того момента, какъ Робинзонъ очутился на необитаемомъ островѣ, до тѣхъ дней, когда онъ просвѣщаетъ Пятницу, и даже до его второго прѣѣзда на островъ, когда онъ устраиваетъ на немъ жизнь поселенцевъ,—въ этой книгѣ пройдетъ передъ нами въ яркихъ образахъ вся исторія человѣческой культуры, отъ до-исторической жизни людей до современ- ной. Еще Ж. Ж. Руссо признавалъ «Робинзона» единственнымъ дѣтскою книгою, которая теперь не утратила своего громаднаго воспитательнаго значенія. Поэтому было бы крайне желательно имѣть ее во всѣхъ народно-школьныхъ библио- текахъ въ полномъ переводѣ». (Изъ отзвѣа, по- мѣщеннаго въ Систематическ. Обзорѣ Русской Народно-Учебной Литературы о полномъ пе- реводѣ).

Жизнь римских императрицъ. Новая иллюстрированная книга, большой томъ 472 стр. Картины жизни римскаго общества отъ Юлія Цезаря до 1350 г. Соч. Оскара Піо, перев. съ итальянск. Н. Попова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. История древняго Рима представляется самою любопытною и поучительною изъ исторіи народовъ. Жизнь римскихъ императрицъ интересна въ особенности потому, что римскія императрицы, имѣя громадное вліяніе на своихъ супруговъ, отцовъ, сыновей и братьевъ, развивали въ нихъ не мыслительныя способности, а чувственныя, впоследствии погубившія страну. Среди славныхъ, героическихъ женщинъ Рима встрѣчаются сѣмля куртизанки вродѣ Мессалины; прослѣдить жизнь какъ тѣхъ, такъ и другихъ, это значитъ узнать новыя интересныя стороны жизни Рима. Книга Піо даетъ полную картину жизни почти всѣхъ императрицъ Рима, составлена вполне добросовѣстно и представляетъ собою интересный матеріалъ для чтенія. Издана очень прилично и по количеству страницъ (400) и по качеству написаннаго цѣна ея является очень не дорогою (Газета «Русь»).

Римскія императрицы. Кальпурнія, жена Юлія Цезаря.—Ливія, жена Августа.—Ливія-Орестилла, Лелія-Паулина и Чезонія, жены Калигулы.—Мессалина, жена Клавдія.—Агриппина, другая жена Клавдія.—Октавія, Поппея и Статилія-Мессалина, жены Нерона.—Изглядъ на императорскій Римъ. Обычаи.—Вѣрованія и предрасудки. Христіанство.—Галерія-Фундана, жена Вителлія.—Флавія-Домитилла, жена Веспасіана, и Марція-Фурнилла, жена Тита.—Домиція, жена Домиціана.—Плотина, жена Траяна.—Сабина, жена Адриана.—Фаустина, жена Антонина-Пія.—Фаустина Младшая, жена Марка-Аврелія, и Люцилла, жена Люція-Вера.—Криспина, жена Коммода.—Обзоръ Рима.—Картины римской жизни.—Тиціана, жена Пертинакса.—Манлія-Скантилла, жена Дидія-Юліана.—Юлія-Домна, жена Септима-Севера, и Плаутилла, жена Каракалы.—Нонія-Цельза, жена Макрина.—Анна-Фаустина, Юлія-Корнелія-Паола и Юлія-Аквилия-Севера, жены Гелиогабала.—Дочь Марціана и Меммія, жена Александра-Севера.—Паулина, жена Максимина, и Транквилина, жена Гордіана.—Марція-Отацилія-Севера, жена Филиппа, и Иринія-Эврускилла, жена Доція.—Мариніана, жена Валеріана; Салонина, жена Галліена; Ульпія-Северина, жена Авреліана.—Приска, жена Діоклетіана, Евтропія, жена Максиміліана, и Валерія, жена Галерія.—Констанція, жена Лицинія, Елена, жена Констанція, и Фауста, жена Константина.—Евсевія, жена Констанція II, и Елена, жена Юліана.—Юстина, жена Юстиніана I.—Евдоксія-Элія, жена Аркадія.—Пульхерія, дочь Аркадія и Атенaida-Евдоксія, жена Θεодосія II.—Плакида, дочь Констанція III.—Лицинія, жена Валсентиніана III.—Верина, жена Льва, и Ариадна, жена Зенона.—Луицинна-Евфимія, жена Юстина I, и Θεодора, жена Юстиніана.—Софія, жена Юстина II.—Мартина, жена Ираклія.—Ирина, жена Льва VI.

Греческія императрицы: Θεοφάνια, Прокопія.—Θεοδосία.—Ефросинія, Θεοδора, Евдокія, Ингерина.—Θεοφάνια и Зоя.—Зоя II.—Елена.—Θεοφάνια II.—Зоя III и Θεοδора II.—Евдокія II.—Ирина II.—Ирина III, Марія и Агнесса.—Маргарита и Ефросинія.—Анна.

Человѣкъ и животныя. Соч. Артура Ман-жена. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Развлеченія изъ міра науки. Составилъ Герм. Вагнеръ и вновь переработано К. Фрейеромъ, переводъ съ нѣмецк. И. Комаровскаго, съ 330 рисунк. 336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Настоящая книга дастъ мальчику, прежде всего, руководство и указанія, какъ составлять естественныя и всякія иныя коллекціи, какъ набивать чучела животныхъ, сохранять растенія и насѣкомыхъ. Ему укажутся, какъ много занимательнаго онъ можетъ найти въ качествѣ маленькаго садовника на своей грядкѣ въ саду, или въ комнатѣ въ двѣточныхъ горшкахъ, какъ слѣдуетъ держать домашнихъ животныхъ, ухаживать за ними, дрессировать и дѣлать изъ нихъ товарищей въ играхъ, въ особенности же птицъ. Далѣе маленькій натуралистъ найдетъ здѣсь указанія, какъ удить рыбу, какъ слѣдуетъ устроить аквариумъ, виваріи и т. д. Въ отдѣлѣ «Юный физикъ» имѣется уже описаніе легкихъ zabawъ изъ области физики; въ настоящемъ изданіи къ прежнимъ опытамъ присоединены еще и такіе, которые предполагають уже нѣкоторый навыкъ въ экспериментахъ съ воздушнымъ насосомъ и электрическою машиною. Послѣднія главы отдѣла—«Маленькій химикъ», въ которомъ указаны опыты съ химическими веществами, съ помощью спиртовой лампы и т. д.

Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Переводъ подъ редакцію д-ра Аболонскаго. Спб. 1894 г. Ц. 50 к. — Это сочиненіе обладаетъ большими достоинствами, къ числу которыхъ относятся: ясность изложенія, правильная точка зрѣнія на предметъ, строго научный выборъ доказательныхъ фактовъ, основательность выводовъ и заключеній, приведенныхъ почтеннымъ профессоромъ. Въ виду этого мы сѣмло можемъ рекомендовать это сочиненіе Рыбо вниманію интеллигентныхъ читателей, которые серьезно интересуются не только пріобрѣтеніемъ знаній, но и ознакомленіемъ со способами усвоенія этихъ знаній, изощреніемъ способности находить и понимать связь и причинную зависимость среди безконечнаго разнообразія явленій нашей жизни и достиженіемъ такимъ путемъ возможно большей осмысленности и поучительности своего личнаго опыта.

Геронизмъ. Соч. Арманъ Рено. Примѣры героизма и нравственной энергіи изъ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Съ 25 рисунками. Перевелъ съ французскаго и дополнилъ примѣрами русскаго героизма В. Д. Владиміръ въ. Спб. Ц. 1 р.—Геронизмъ, по понятію Рено, вовсе не является исключительнымъ спутникомъ воинской славы, героизмъ можетъ обнаружиться во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни и дѣятельности, какъ въ самыхъ широкихъ, такъ и въ самыхъ тѣсныхъ. «Не всѣ могутъ быть героями,—совершенно справедливо говоритъ г. Владиміровъ:—но желательно, чтобы всѣ, хотя бы отчасти, были проникнуты героизмомъ, потому что этого требуетъ сама жизнь. Чтеніе книги Рено можетъ принести нашему юношеству не малую пользу, такъ какъ великіе примѣры возвышаютъ духъ и внушаютъ человѣку, въ особенности въ юношескомъ возрастѣ, желаніе подражать имъ или хотя бы приблизиться къ нимъ... Мы тѣмъ охотнѣе можемъ рекомендовать русскимъ молодымъ читателямъ книгу Рено въ переводѣ г. Владимірова, что переводъ сдѣланъ вполне добросовѣстно; приложенные же въ концѣ книги примѣры русскаго героизма выбраны весьма толково, («Новое Времѣ»).

Философія Вильяма Гамильтона. Переводъ Хмѣлевой. Спб., 1869 г., ц. 4 р. Большой томъ.

Историческіе анекдоты изъ жизни Русскихъ Государей, государственныхъ дѣателей прошлаго и настоящаго времени. Составлены М. В. Шевляковымъ. Спб. 1898 г., Ц. 1 р.

Въ этомъ сборникѣ собраны анекдоты исключительно про русскихъ людей, отличившихся своими подвигами, полезною общественною дѣятельностью или талантами. Анекдоты, представляя изъ себя легкое и полезное чтеніе, служатъ очень цѣннымъ биографическимъ матеріаломъ для характеристики извѣстныхъ лицъ, кромѣ того, даютъ вѣрное представление о бытѣ и нравахъ общества въ различные времена и эпохи.

Хорошіи тоны. Правила свѣтскихъ приличій и совѣтовъ, какъ нужно вести себя въ разныхъ случаяхъ домашней и общественной жизни: на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ, именинахъ, юбилеяхъ и т. п., а также подробное описание устройства званныхъ обѣдовъ, вечеровъ, баловъ, раутовъ, пижниковъ и т. д. Наставленія, какъ нужно держать себя при отданіи и при приѣмѣ визитовъ, на балахъ, во время танцевъ, на прогулкѣ, въ собраніяхъ, въ театрахъ, маскарадахъ и т. под. Подробное изложенье обязанностей крестныхъ отцовъ и матерей, посаженныхъ отцовъ и матерей, шаферовъ, друзей и проч., съ прибавленіемъ писемовника. По лучшимъ отечественнымъ и иностраннымъ источникамъ составили Юрьевъ и Владимірскій. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. (470 страницъ). Второе изданіе.

Юность знаменитыхъ людей. Соч. Е. Мюллера. Переводъ съ французскаго В. Владимірова. Спб., съ портретами и рисунками. Ц. 1 р. Бесѣды талантливаго дѣтскаго писателя Евг. Мюллера о юности великихъ людей даютъ интересную и полезную книжку; ее будутъ читать съ удовольствіемъ, въ этомъ порушью могутъ быть то, что книжка замѣчательна и по богатству содержания вообще и по трогательности изложенія, чуждой, однако, всякой слащавости и сентиментальности, которая никогда не пользовалась и не пользуется симпатіями юныхъ читателей.

Въ книгѣ помѣщены примѣры изъ жизни замѣчательныхъ людей, полководцевъ, историковъ, философовъ, математиковъ, астрономовъ, музыкантовъ, художниковъ, писателей, каковы:

Полководцы: Наполеонъ I, Александръ Македонскій, Карлъ XII, Тюрренъ, Баярдъ. Историки: Плутархъ, Геродотъ, Гиббонъ. Художники: Рубенсъ, Микель-Анджело. Писатели: Торквато-Тассо, Аріосто, Кальдеронъ, Сервантесъ, Мильтонъ, Мольеръ, Вернакъ, Балзакъ, Лопе-де-Вега. Математики: Галилей. Философы: Даламберъ, Паскаль. Музыканты: Моцартъ, Ветховень, Керубини, Мендельсонъ, Паганини, Мейерберъ и пр., и пр.

Помпея и открытія въ ней древности. Съ 3 рисунками. 4-ое изд. Спб. Цѣна 3 руб.

Хижина дяди Тома. Полный пер. съ англійск. Е. Ландина, съ 113 рисунками. Ц. 1 р. 20 к.

Святоточные рассказы. Полный переводъ съ англійскаго Ф. Гезенера. Роскошное изд. съ 5 грав. и 40 иллюстр. въ изящ. папкѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Нравственная основа жизни человѣка. Соч. Ф. Вейса, перев. съ франц. 2 т. 612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Оглавленіе: О добродѣтели, истинѣ, предразсудкахъ, общественномъ мнѣніи, страстяхъ, гнѣвѣ, лѣности, гордости, скупости, бережливости, утѣренности, здоровья, любви, честности, осторожности, познаніи человѣка, о женщинахъ, благородствѣ, смѣшномъ, приличіи, умѣ, качествахъ человѣка, зависти, любезности, снисходительности, скромности, откровенности, алословіи, дружбѣ, счастьи и несчастіи, цѣломудріи, домашней жизни.—Счастливый бракъ.—О хорошемъ тонѣ, модѣ.—Черты мудраго. О знаніи.—Объ изящныхъ искусствахъ, опытности, самоощущеніи, роскоши.—Правитель. Гражданинъ. Сенаторъ. Клерикаль. Военный.—Объ естественной религіи.—О законахъ вообще, свободѣ, преступленіяхъ и наказаніяхъ, о нравственности, существованіи Бога, свойствахъ Божества, безсмертіи.—О богослуженіи.—Смерть, могилы и проч. Предлагаемая книга есть трактатъ ученія о нравственности и добродѣтели человѣка.

Гипнотизмъ. Изслѣдованія физиологическія и психическія. Соч. профессора Бони. Перев. съ французскаго П. В. Макіевскаго. Спб., 2-ое изданіе. Ц. 1 р.

Практическія указанія, наставленія и рецепты. Томъ 1-ый содержитъ 1000 полезныхъ ховайствъ относительно приготовления всякаго рода винъ, водокъ, наливкокъ, сироповъ, печеній, вареній, соковъ, кофе, мороженаго, шоколада, сыровъ, уксуса, масла и проч., приготовления всякаго рода ваксы, мыла, помады, чернилъ, замазокъ, клея, красокъ для мебели, половъ, стѣнъ, заборовъ, и проч., чистки бѣлья, различныхъ матерій, ковровъ и проч.; вывода различныхъ пятенъ изъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, истребленіе крысъ, мышей, кротовъ и наѣдомыхъ. Ц. 1 р.

1500 практическихъ рецептовъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій. Изъ области производствъ: винокуреннаго, водочнаго, пивовареннаго, уксуснаго, дрожжевого, маслянистаго, мыловареннаго, лаковаго, клеевого, красильнаго, крахмального, воскобояннаго, свѣчнаго, снѣжчанаго, мукомольнаго. Приготовление: ваксы, масла, мази, разныхъ замазокъ, гипса, стекла, фарфора и фаянса. Гальванопластика: золоченіе, серебряніе, бронзированіе и никелированіе. Косметическія средства: помады, краски для волосъ, зубныхъ и курительныхъ порошковъ, приготовленіе ликеровъ, сироповъ, настоекъ и проч. Ц. 1 р. 50 к.

Важнѣйшія открытія и изобрѣтенія по части наукъ и промышленности. Соч. Л. Фигье. Переводъ подъ ред. Степанова. Изд. 2-ое, допол. съ 170 рис. Спб. Ц. 1 р.

Сухая перегонка дерева, каменнаго угля, торфа или новѣйшій способъ практическаго добыванія древеснаго угля, смолы, дегтя, скипидара, уксуса, сажы, поташа, соды, кокса и коксанаго угля, освѣтительнаго всѣхъ родовъ газа и освѣтительныхъ веществъ; новѣйшій простѣйшій способъ добыванія керосина. Сост. по новѣйшимъ и лучшимъ источникамъ В. А. Ашпина, съ репентами и рисунками, 29 н. л. Ц. 2 р.—за 1 р. 1864 г.

